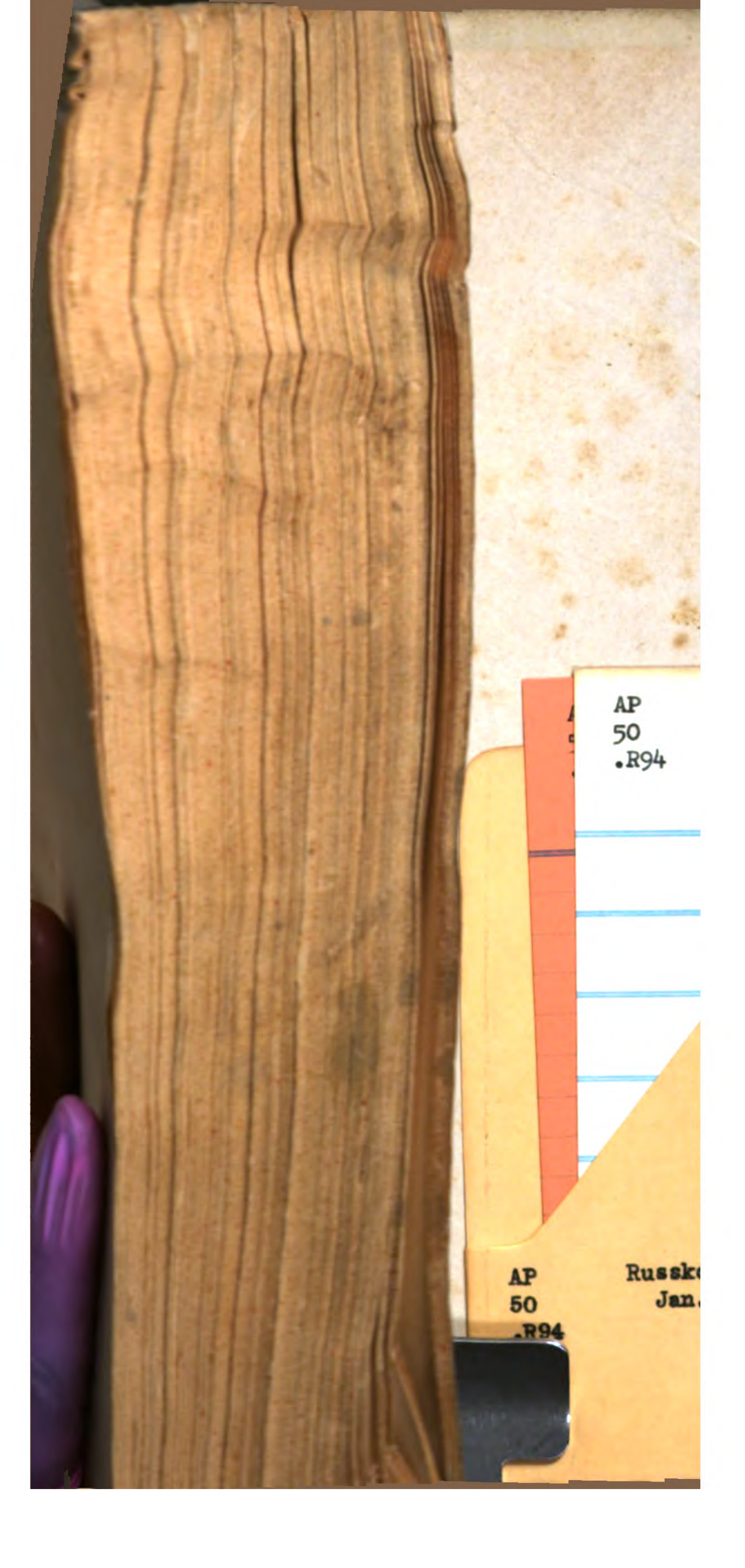

AP
50
.R94
AP
50
.R94
Russk
Jan.

ЯНВАРЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже **15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

пріобщиться. Ему даже кажется, что святость эта изъ воздуха, моря, словъ проникаетъ насквозь его грязное большое тѣло; онъ чувствуетъ, какъ очищаются его помышленія, желанія, какъ грязная, тяжелая, безправная жизнь заволакивается понемногу туманомъ, и обычныя заботы улеглись подъ ласковымъ баюканьемъ тихаго моря.

— А онъ, вонъ, какой Вавилонъ-то,—продолжаетъ первый монахъ.—День и ночь братія на молитвѣ. Мяса ни-ни; въ постные дни вкушаютъ однажды, да и то безъ масла, а въ великій постъ—Боже мой, чѣмъ только живы! Въ скалахъ и пустынныхъ мѣстахъ живутъ отшельники. Какъ они живутъ, какъ Бога молятъ—ты, Господи, вѣси. Да кабы этого Вавилона не было, можетъ, ужъ давно и міръ провалился бы, и всѣ мы горѣли бы въ неугасимомъ огнѣ. Вѣдь теперь дьяволъ,—онъ уже почти весь міръ покорилъ; одинъ Аѳонъ остался. Такъ сколько на Аѳонѣ этого дьявола, знаете ли вы?

Всѣ заинтересовались; даже рыжій мужикъ покачнулъ большое тѣло, проникнутое благодатью.

— Сколько? А ну?—раздались вопросы.

— То-то и есть... Мнѣ одинъ старецъ схимонахъ говорилъ. Здѣсь на Аѳонѣ столько демоновъ, сколько на всемъ свѣтѣ нѣтъ. Если бы обнажилась нашимъ очамъ демонская природа,—свѣтъ солнца затмился бы въ нашихъ глазахъ, сокрылась бы зелень древесная и травная, крыши и стѣны монастырей и келій облѣплены ими; надъ каждымъ монахомъ ихъ цѣлый рой летаетъ, точно мошки... То женой прикинется передъ нимъ, то златомъ, то разныя другія прелести измышляетъ. Ему досадно, что здѣсь неугасимо горитъ огонь добродѣтели и вѣры Христовой, вотъ онъ и старается. Поборетъ Аѳонъ,—легко завладѣть и всѣмъ міромъ. Вотъ, Вавилонъ-отъ какой!

Онъ оглядѣлъ всѣхъ. Его угреватое лицо и вся липкая плоская фигура дышутъ побѣдной пошлостью, въ круглыхъ ястребиныхъ глазахъ видна ненависть ко всему живому, вражда ко всему немонашескому. Онъ чувствуетъ, что вольнодумный академикъ побѣжденъ.

— Господи ты, Боже мой!—заговорилъ вдругъ, до сихъ поръ молчавшій, подслѣповатый старичекъ съ кудрявыми сѣдыми волосами, по имени Назаръ.—Нѣтъ на землѣ правды, нигдѣ нѣтъ. И что у насъ теперь въ Расеѣ дѣлается, у-у-ухъ, что дѣлается!

— А все отъ гордости!—побѣдоносно вмѣшался опять тотъ же монахъ.—Начальству повиноваться не хотимъ; Бога не почитаемъ, священное писаніе забыли; хотимъ свободы; земную жизнь возлюбили паче небесной... Безумцы! Вѣдь это діаволъ вселилъ въ васъ гордость. Вонъ, давеча, что ска-

залъ матросъ: „молитесь, говоритъ, вы, бездѣльники!“ Да его бы за такія рѣчи...

Монахъ не придумалъ сразу, что нужно сдѣлать Чалому за такія рѣчи. Назаръ мечтательно сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Неужто-жъ и на Ахвонѣ правды нѣтъ? Гдѣ-жъ тогда ее искать? Ужли только на небѣ?..

Монахъ презрительно пыхнулъ въ сторону Назара, сомнѣвающагося въ существованіи правды на Аѳонѣ. Съ носу парохода послышалось пѣнье. Всѣ поднялись и пошли на молитву.

II.

Прозвонилъ колоколъ на смѣну. Несмѣло раздались подъ бездоннымъ небомъ удары. Матросы складывали растянутый днемъ надъ палубой пологъ. Чалый распоряжался работой и помогалъ самъ. На палубѣ остались только одни паломницкіе мѣшки да постельная рухлядь: всѣ хозяева ихъ ушли на молитву. Чалый споткнулся объ одинъ изъ мѣшковъ, и этотъ пустой случай навелъ его на горькія размышленія. Запоздавшій на дежурствѣ матросъ ужиналъ одинъ около кухни. Къ нему и обратился Чалый:

— Пятнядцать лѣтъ здѣсь ѣзжу, и надоѣли мнѣ эти богомольцы, сказать тебѣ не могу, какъ надоѣли. Смотрѣть на нихъ больно. Никакой гордости не имѣютъ. Что имъ ни говорятъ—во все вѣрятъ: въ монаха вѣрятъ, въ чудеса вѣрятъ, въ чорта вѣрятъ, въ Серафима Саровскаго вѣрятъ, а въ человѣка не вѣрятъ. Да и какъ въ такого человѣка повѣришь? Это не люди, а соръ какой-то. Не видать Россіи свободы, пока въ народѣ эта дикость не пройдетъ.

Чалый съ сокрушеніемъ махнулъ рукой, прикрутилъ веревкой къ мачтѣ свернутый пологъ и злобно швырнулъ ногой пожитки какого-то паломника.

— Горитъ у меня седни внутри,—продолжалъ Чалый.— Въ два часа мнѣ на вахту идти; пойти бы выспаться, а не могу... Не осталось ли у тебя... Петя, тамъ... въ бутылкѣ царской-то слезы, а? Хорошо бы. Тоска у меня на сердцѣ, такъ и сосетъ. Ишь, какъ завываютъ,--сказалъ онъ со слезами въ голосѣ, услышавъ пѣнье паломниковъ.—И о чемъ молятся, о чемъ, скажи ты мнѣ, Петя? Землю ѣдятъ, а все молятся, все молятся. А за разумъ взяться не могутъ. Вотъ такіе-то и намъ свободу добывать мѣшаютъ. Въ нашу забастовку, помнишь, вѣдь вотъ эти самые молитвенники меня побить хотѣли. Говорятъ: вы лѣнтяи, работать не желаете, насъ не везете! Ахъ, вы!..

Чалый излилъ свою досаду въ крѣпкомъ ругательствѣ.

Съ носа парохода неслось церковное пѣніе. Шла всенощная. Казалось, голоса неслись издалека: съ далекихъ ли горъ, или съ облаковъ. Съ запада тянулъ легкій вѣтерокъ. Временами эти голоса въ немъ таяли, вмѣстѣ съ нимъ улетали куда-то вдаль, на море, но вдругъ снова метались къ пароходу и падали на его грязную палубу, какъ птицы, обезсилѣвшія отъ дальняго полета. Звуки боялись затеряться въ морской пустынѣ.

Изъ-за малоазійскаго берега всходила луна. Она давала вверхъ свой слабый отблескъ, отчего южное небо становилось еще глубже, еще таинственнѣе. Острова, какъ клубы облаковъ, выростаютъ то по ту, то по другую сторону парохода, легкіе и прозрачные. Все вокругъ воздушно, легко и таинственно; только пароходъ въ этомъ волшебномъ царствѣ лазури такой грубый, грязный, похожій на переселенческій баракъ или ночлежку. Всюду на палубѣ валяются канаты, сѣно, какая-то рвань и грязь: кое-гдѣ на веревкахъ сушатся портянки и портки.

Въ большой толпѣ, обращенной лицомъ къ востоку, стоитъ священникъ, большой широкоплечій старикъ въ линючемъ подрясникѣ, и читаетъ молитвы. Толпа кланяется дружно; пѣніе носится надъ ея головами, бьется о мачты и трубы, точно недоумѣваетъ,--подняться ему по назначенію, въ далекое небо, или же скрыться гдѣ-нибудь здѣсь, поблизости.

Тутъ же рядомъ толпа мусульманъ кончаетъ свой намазъ. Какой-то турокъ стоитъ на подстилкѣ, неподвижный и сухой, точно деревянный крюкъ, вбитый по ошибкѣ не въ стѣну, а въ полъ. Они тоже молятся, тоже просятъ, такъ же поютъ и взываютъ къ тому же далекому и таинственному небу. А небо смотритъ внизъ своими безчисленными свѣтлыми глазами, равнодушное и прекрасное. Небо недоумѣваетъ, чего отъ него ждутъ люди, чего просятъ на разныхъ языкахъ.

Темнѣетъ. За то все свѣтлѣе и свѣтлѣе становятся морскія волны. Вдругъ, откуда ни возьмись, изъ темной бездны моря, передъ самымъ носомъ парохода, появились два большихъ, по сажени длиной, дельфина. Вода свѣтилась, отчего дельфины походили на два громадныхъ огненныхъ столба съ темными сердцевинами и съ пушистыми хвостами въ видѣ кометъ. Эти столбы извивались, точно сказочныя чудовища, бѣжали, не отставая и не перегоняя пароходъ, около его носа. Вотъ, правый дельфинъ опустился въ темную глубину; остался одинъ. Онъ упрямо разсѣкалъ воду своимъ толстымъ лбомъ, неуклюже изгибалъ сильное тѣло. Иногда

онъ выпрыгивалъ надъ водою и, очертивъ спиною полукругъ, грузно опускался снова въ теплыя волны. Его товарищъ опять показался въ глубинѣ, сначала въ видѣ туманнаго пятна, потомъ все яснѣе и яснѣе, наконецъ, снова очутился рядомъ съ первымъ, такой же огненный и большой.

Долго пѣлъ на носу хоръ. За всенощной послѣдовалъ акаѳистъ Богородицѣ, и только къ полночи все затихло. Пароходъ уснулъ; погасли огни; лишь въ вышинѣ на мачтѣ слезой сверкаетъ голубой фонарь. Людей не видно. На палубѣ спятъ въ повалку мужчины, женщины и коровы. Около носа парохода по прежнему извиваются огненные столбы. И кажется, что они ведутъ сонный пароходъ въ волшебныя страны, обходятъ подводныя скалы и острова, а пароходъ скользитъ плавно по свѣтлой безднѣ.

Только на носу кучка русскихъ паломниковъ. Они внимательно вглядываются вдаль, стараясь уловить очертанія святой горы, и ведутъ тихую бесѣду. Слышится вдумчивый голосъ сѣдого Назара.

— Много скорби въ сердцѣ человѣческомъ. И нѣтъ сердца безъ скорби. Посмотри на грибокъ: выросъ грибокъ, показался изъ земли, ядреный, свѣжій, а на завтра у него въ сердцевинѣ ужъ червячокъ завелся. Такъ и человѣкъ. Дня одного я не помню безъ скорби. А вѣдь должны же быть люди безъ скорби! Неужто же и на Ахвонѣ нѣтъ?.. Погляжу я на монаховъ, кои съ нами ѣдутъ,—много у нихъ на сердцѣ скорби да злобы! Больше нашего... О, Господи!..

— А я, вотъ, тоже съ измладости скорблю,—слышится другой голосъ. Это говоритъ отставной солдатъ. Онъ побывалъ въ Манчжуріи на войнѣ, теперь ѣдетъ на Аѳонъ въ монахи.—Все думалъ, какъ бы мнѣ съ отшельникомъ святой жизни побесѣдовать, узнать, что мнѣ въ жизни дѣлать. И было мнѣ видѣніе. Видѣлъ я прекрасный садъ, какихъ и не бываетъ на землѣ. Хожу я по саду одинъ, гляжу вдаль по дорожкамъ. Все прекрасныя деревья, да травка зеленая. Иду я по тропочкѣ и вдругъ вижу,—сидитъ старецъ, бѣлый весь, и книжку читаетъ. Одѣтъ въ рубище, такъ что низъ тѣла оголенъ. Смотрю я, а по тѣлу у него черви ползаютъ и на землю сползаютъ. А какъ сползутъ на землю, такъ черными жуками на воздухъ взлетаютъ. Я стою такъ передъ старцемъ, заговорить не смѣю. Вдругъ онъ какъ глянетъ на меня, да и говоритъ: „ну что, видѣлъ спасающихся? Читай, говоритъ, главу пятую отъ Матѳея.“ Тутъ я и проснулся. Развернулъ евангеліе, нашелъ пятую главу отъ Матѳея, а тамъ все о блаженствахъ: блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное... Ну, я и рѣшилъ въ монахи идти...

— А соблазновъ не боишься?—спрашиваетъ Назаръ.

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчаетъ солдатъ.—Я все это въ себѣ поборолъ... Конечно, иногда помыслишь. Такъ вѣдь это дьяволъ, и его можно побороть. Молитва, постъ, а главное—покорность, покорность...

Голосъ его ровный, тоскливый, покорный. Только при словѣ покорность онъ задрожалъ какими-то задушевными нотами. Видимо, покорность робкая, ползучая, приниженная стала его природой, и онъ ѣдетъ въ монашество, чтобы довести ее до совершенства и окончательно побороть въ себѣ діавола мысли, живого чувствующаго человѣка...

Тихо дышетъ теплое море. Передъ пароходомъ вьются огненныя чудовища. Во всѣ стороны повисла туманная морская даль.

III.

Съ самаго ранняго утра всѣ русскіе паломники столпились на носовой площадкѣ парохода и жадными взглядами ловили фіолетовыя очертанія Аѳона. Изъ лазури моря поднималась высокая крутая вершина, за которой въ туманную даль уходила длинная лента полуострова. Зрители стояли въ изумленіи и шепотомъ спрашивали другъ друга: „Неужто это гора? Какъ дымъ, али облако!“ Кто-то затянулъ безграмотные стихи объ Аѳонѣ, написанные какимъ-то архіереемъ и давно ставшіе религіознымъ гимномъ паломниковъ.

„Гора Аѳонъ, гора святая!
Не знаю я твоихъ красотъ
И твоего земного рая,
И подъ тобой шумящихъ водъ“.

Многіе молились. Старый Назаръ внимательно смотрѣлъ на фіолетовый треугольникъ горы, точно старался издали разглядѣть, гдѣ тамъ обитаетъ правда и люди безъ скорби. Рыжій мужикъ, пораженный красотой вида, совсѣмъ окаменѣлъ. Но на лицахъ паломниковъ не было свободнаго и радостнаго восторга передъ величіемъ и красотой; вмѣстѣ съ изумленіемъ на ихъ лицахъ проступала робость. Запуганная съ дѣтства, душа и тутъ сомнѣвалась: да полно, для насъ ли эта дивная красота, достоинъ ли я буду вступить на святую гору, приметъ ли Богъ мою грѣшную молитву?.. Вчерашній монахъ съ важностью ходилъ между мужиками и, припоминая разговоръ о суемудромъ академикѣ, сказалъ громко, насмѣшливо:

— Вотъ онъ, Вавилонъ-то, посмотрите.

И, въ самомъ дѣлѣ, казалось, что въ этихъ воздушныхъ

фіолетовыхъ горахъ и люди такіе же воздушные, сотканные изъ облаковъ, что тѣла ихъ такъ же легки и прозрачны, какъ эти далекія туманныя скалы; эти небожители, конечно, не могутъ грѣшить, какъ всѣ прочіе люди.

„Одно, одно лишь знаю вѣрно
Я о тебѣ, гора чудесъ,
Что ты таинственна, безмѣрна
И недалеко отъ небесъ"...—

пѣла пѣсня. Голый скалистый шпиль тянулся высоко къ голубому небу. Легкое утреннее облачко зацѣпилось за него, окружило его кольцомъ и стояло такъ долго, точно раздумывало, въ какую сторону міра полетѣть бы ему сегодня.

Капитанъ отдалъ приказаніе очистить носовую площадку, и Чалый съ злораднымъ наслажденіемъ согналъ паломниковъ внизъ. Матросы стали готовить якорь, канаты, а паломники облѣпили правый бортъ парохода, столпились вокругъ монаховъ; они называли паломникамъ монастыри, кельи *), разсказывали разныя чудеса, которыми народное невѣжество облекло всѣ скалы, закоулки и постройки Аѳона.

— Вотъ въ этомъ мѣстѣ святой Варсонофій совершилъ чудо,—указалъ монахъ на широкую складку горы, гдѣ въ зелени бѣлѣлись какія-то постройки.—Ѣхалъ онъ со своимъ проводникомъ. У святого лошадь вороная, а у проводника—бѣлой масти. Ночью злые люди отрубили лошадямъ головы. Святой Варсонофій узналъ объ этомъ черезъ Святого Духа, всталъ съ постели, приставилъ во тьмѣ головы на свое мѣсто и опять легъ спать. На утро встаютъ. Служка выводитъ лошадей, и весь народъ удивился: у бѣлой лошади черная голова, а у черной—бѣлая...

— Это, значитъ, онъ въ потьмахъ-то ошибся!—радостно подсказалъ какой-то мужичекъ.

— Ну да! Конечно, ошибся,—снисходитъ монахъ.—Вѣдь темно было.

— Только какъ же... — задумчиво говоритъ Назаръ, — какъ же ему Духъ-то Святой не указалъ, которую голову къ какой лошади нужно приставить? Какъ же онъ—святой, а ошибся?

Это замѣчаніе вноситъ маленькое разстройство въ настроеніе толпы. Но монахъ нашелся:

— Такъ для прославленія Б га это было сдѣлано, чтобы

*) Кельями на Аѳонѣ называются тѣ же монастыри, но не имѣющіе нѣкоторыхъ юридическихъ правъ монастырей. Обыкновенно кельи имѣютъ немногочисленную братію.

люди видѣли чудо. А приставь онъ головы по мастямъ, никто бы и не узналъ.

— Ну, это такъ,—соглашается охотно Назаръ.—Значитъ, святой не ошибся, а съ намѣреніемъ такъ сдѣлалъ.

Все яснѣе и яснѣе выступаетъ изъ дымки дали громада Аѳона. Вотъ уже видны лѣса, одѣвающіе снизу на двѣ трети его каменный остовъ, а голая вершина сіяетъ на солнцѣ. Въ зелени лѣсовъ по складкамъ горы видны монастыри, скиты и кельи.

— А вотъ это монастырь Симоно-Петра,—поучаетъ монахъ.—Видите, на какой скалѣ стоитъ. На этой скалѣ раньше подвизался святой Симонъ. Вотъ, и стала ему по ночамъ надъ этимъ мѣстомъ звѣзда являться. Онъ догадался, что надо построить здѣсь монастырь. Призвалъ мастеровъ. Посмотрѣли мастера мѣсто: скала, а съ трехъ сторонъ пропасть. „Нѣтъ, говорятъ мастера, здѣсь нельзя строить, при первомъ же трясеніи все свалится внизъ“. Сталъ съ ними св. Симонъ бесѣдовать. Послушникъ принесъ гостямъ вина. Когда онъ подавалъ на подносѣ стаканъ вина главному мастеру, то поскользнулся и упалъ въ пропасть. А пропасть въ нѣсколько сотъ саженъ. Всѣ думали, что послушникъ погибъ. Вдругъ онъ выходитъ изъ пропасти невредимый, даже вино въ стаканѣ не пролилось. Тогда мастера поняли, что это самъ Богъ имъ чудо явилъ, и построили на скалѣ монастырь. И вотъ, онъ стоитъ ужъ сколько столѣтій!..

Слышатся вздохи. Визгливыми голосами поютъ богомолки стихи объ Аѳонѣ и съ завистью смотрятъ на запретныя для нихъ мѣста. Пароходъ уже обогнулъ южную часть Аѳона. Видна пристань Дафна. Нѣсколько маленькихъ домиковъ, которыхъ давитъ своей тяжестью крутой скатъ горы. Съ пристани отдѣлилось нѣсколько лодокъ съ русскими монахами. Скоро на палубѣ появились и сами обитатели Аѳона, рослые, здоровые монахи въ чистыхъ черныхъ рясахъ и шапкахъ, спокойные, важные. Въ сѣрой толпѣ копошащихся паломниковъ они стояли наподобіе большихъ столбовъ, только что покрашенныхъ глянцевитой черной краской.

IV.

Солнце уже взошло высоко, но за хребтомъ Аѳона берегъ моря все еще въ тѣни. День тихій; море улеглось спокойно между двумя полуостровами; на его гладкой поверхности изрѣдка покажется черная спина лѣниваго дельфина, или выплыветъ погрѣться на солнцѣ черепаха.

На берегу подъ каштановымъ деревомъ, недалеко отъ

русскаго монастыря, лежатъ двое: докторъ Ледневъ и профессоръ церковной исторіи Боголюбовъ. Докторъ писалъ диссертацію по исторіи медицины, а потому интересовался древними греческими лѣчебниками. Списки такихъ лѣчебниковъ онъ искалъ на Аѳонѣ. Боголюбовъ же ѣздилъ на Аѳонъ почти ежегодно и проводилъ въ монастыряхъ цѣлые мѣсяцы, отыскивая древнія рукописи по исторіи церкви. Они ведутъ разговоръ. Докторъ—еще молодой съ живымъ лицомъ, подвижной, бодрый; профессоръ—уже отяжелѣвшій, старѣющій человѣкъ съ дряблой желтизной на шеѣ и щекахъ. Онъ лежитъ, лѣниво жуетъ жесткій дубовый листокъ, который сорвалъ мимоходомъ, и слушаетъ доктора. Изрѣдка до нихъ доносится монастырское пѣніе. Кончается поздняя обѣдня.

— Это религія страха и мрака, — говоритъ докторъ, упругимъ движеніемъ приподнимаясь съ земли и садясь рядомъ съ профессоромъ. — Богъ въ ихъ понятіи — страшное, грозное существо, котораго нужно бояться. Онъ требуетъ отъ человѣка страданій, борьбы со всѣми человѣческими желаніями. Даже молиться Богу нужно въ угрюмомъ молчаніи, съ трепетомъ. Эта религія задавила радость человѣческой жизни, наложила тяжелую печать запрета на ея красоту. Слышите пѣніе! Это двѣ тысячи человѣкъ ушли отъ міра, отказались отъ всѣхъ человѣческихъ потребностей, заглушили всѣ порывы своей природы, чтобы угодить этому грозному безпощадному Богу. Такая красота въ природѣ, а они тамъ въ духотѣ и темнотѣ стонутъ и плачутъ о своихъ грѣхахъ... Положимъ, они не исполняютъ всѣхъ требованій монашеской жизни, но вѣдь идея монашества такова... Еврейская религія была тяжела: за малѣйшія проступки, которые совершалъ наивный пастушескій народъ, еврейскій Богъ билъ его, топталъ, какъ саранчу, насылалъ на него змѣй, моръ, истреблялъ землетрясеніями, но все же тамъ Бога хвалить можно было во струнахъ и органахъ, въ тимпанахъ и гусляхъ, въ кимвалахъ доброгласныхъ, тамъ можно было передъ Богомъ скакать и плясать въ религіозномъ восторгѣ... А такая вѣра задавила послѣдніе остатки живого порыва. Она застращала человѣка. Нигдѣ страхъ смерти не достигалъ такихъ размѣровъ... Когда я былъ маленькимъ, то три дня плакалъ отъ ужаса передъ муками ада и хотѣлъ шести лѣтъ идти въ монахи, чтобы заслужить царство небесное. Не помню ужъ, какъ я пересталъ плакать...

— Это идея, — сказалъ профессоръ. — Только у васъ, конечно, свѣтскій взглядъ на вещи... Такъ разсуждать не возможно...

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на оборотѣ)

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ* — контора редакціи журнала „Русское Богатство", Баскова ул., 9; *Москва* — отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше одного рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ—уступка 25% при условіи пересылки книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к. Расплата.—Ночныя тѣни.—Любочкино горе.—По уставу.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о войнѣ). 1906 г. Цѣна 75 коп.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к. Смѣна теченій.—Новый фазисъ.—Политическая жизнь и общественные дѣятели.—Литература и печать.—Народъ.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англійская полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „Ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.—Гербертъ Спенсеръ.—Въ русскомъ кварталѣ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Седьмое* изд. 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агрипѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое* изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Общественные классы. — Наука, литература и печать.— Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.— Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.— Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.— 314 стр. Ц. 1 р. Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.— 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.— Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.— Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.— Борьба за индивидуальность. — Вольница и подвижники. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. — Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. —Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. — Изд. 1905 г. — 287 стр. Цѣна 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 коп.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савенкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (**Л. Мельшинъ**). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Избранныя, оригинальныя и переводныя, стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ, съ краткими ихъ характеристиками. Компактный томъ въ два столбца; больше 30.000 стиховъ. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ **«РУССКАГО БОГАТСТВА»** также продаются изданія **„Библіотеки освободительной борьбы"** и др.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

В. Н. Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 390 стр. Ц. 75 к. за томъ.

ВЪ СѢТЯХЪ ДЬЯВОЛА.

„Боязнь смерти нападе на мя. Страхъ и трепетъ пріиде на мя и покры мя тма“. (Пс. 54).

Уже вечерѣло, когда пароходъ „Евгенія“ отошелъ отъ Дарданеллъ. На скалистыхъ берегахъ узкаго сумрачнаго пролива прилегли турецкія укрѣпленія. Пушки встрѣчали и провожали пароходъ темными, холодными взглядами. На пушкахъ сидѣли турецкіе солдаты, курили табакъ и что-то галдѣли. Пароходъ миновалъ каменистую мель у малоазійскаго берега; на эту мель набѣгали и стремительно скатывались съ нея воды въ глубокую, темную щель Дарданельскаго пролива. Быстрое теченіе скоро вынесло пароходъ на просторъ Архипелага. Дарданеллы подернулись синей дымкой. А навстрѣчу, изъ безбрежной дали, на фонѣ блѣдно-синяго неба, одинъ за другимъ выплывали туманныя очертанія большихъ и малыхъ острововъ.

Море было тихое, гладкое, блѣдно-голубое. Воздухъ теплый, мягкій, ласковый. На море, мѣняя свои формы, спускалось большое красное солнце. Вотъ оно сплющилось съ боковъ, удлиннилось наподобіе яйца и приблизилось къ блестящему краю моря; тогда навстрѣчу ему, изъ морской лазури, приподнялось другое какое-то солнце, точно нѣжный супругъ послѣ дневной разлуки встрѣтилъ свою подругу, и оба они, радостно слившись въ объятіяхъ, утонули въ морской безднѣ. Только сосѣдній островъ, провожая ихъ взглядами, еще нѣкоторое время улыбался своей туманной золотой верхушкой. Но съ востока, махая неслышными крылами, надвигался, летѣлъ свѣтлый сумракъ южной ночи. Вотъ, онъ опахнулъ море, поднялся вверхъ и окуталъ не только вершины прозрачныхъ горъ, но и облака, и все небо. По стеклу моря легли лиловыя полосы. Громадныя звѣзды загорѣлись, заискрились въ небѣ; онѣ прыгали и трепетали; онѣ, казалось, рвались съ вышины

въ глубь моря, гдѣ въ яркомъ отраженіи сверкали ихъ разноцвѣтные двойники. Казалось, что пароходъ несется гдѣ-то въ небесахъ, среди яркихъ звѣздъ снизу и сверху, справа и слѣва; внизу—такая же звѣздная бездна, какъ и вверху. Надъ моремъ повисъ тонкій серебристый туманъ. Начиналась волшебная южная ночь...

Пароходъ везетъ много русскихъ паломниковъ къ святымъ мѣстамъ. Они набили своими тѣлами и мѣшками всѣ свободные на палубѣ помѣщенія и проходы, улеглись рядомъ съ коровами и лошадьми, развѣсили на борты парохода грязныя тряпки; ихъ постели напоминаютъ кучи стараго мусора. Какой-то молодой французъ, часто проходя мимо нихъ по палубѣ, каждый разъ брезгливо фыркалъ и дрыгалъ ногами, точно чистоплотный котъ. При взглядѣ на эту грязную толпу взрослыхъ бородатыхъ людей съ широкими угрюмыми лицами, грустными выцвѣтшими глазами, мысль невольно переносится къ началу крестовыхъ походовъ, когда изъ западной Европы къ святымъ мѣстамъ двинулась многотысячная „сволочь“ Петра Амьенскаго. Повидимому, Россія только теперь дожила до своихъ крестовыхъ походовъ и совершаетъ ихъ подъ видомъ мирнаго паломничества.

Паломники поѣли соленой тюри, попили чаю и въ ожиданіи вечерней службы, которую обѣщалъ имъ отслужить старикъ-священникъ, тоже паломникъ, расползлись по пароходу, точно тараканы. Многіе рѣшили не спать въ эту ночь. Говорятъ, Аѳонъ будетъ виденъ раннимъ утромъ.

Около машины собралась кучка мужиковъ, монаховъ и матросовъ. Сидѣли на свернутыхъ канатахъ, рѣшеткахъ и прочихъ пароходныхъ снастяхъ. Стоитъ одинъ низкорослый мужичекъ, видимо, бывалый ходокъ по святымъ мѣстамъ. Это видно по его полумонашеской одеждѣ, гибкимъ движеніямъ, пискливому голосу и бѣлымъ рукамъ не рабочаго человѣка.

— И-и-и, милые!—говоритъ онъ.—И сколько изъ-за бабы грѣха въ мірѣ творится, страсть! Не понимаю я, что въ ей за сласть, въ этой самой бабѣ. А нѣтъ-то, видно, слаще чужой жены... Былъ со мной такой случай. Давно это было, лѣтъ, поди, двадцать тому назадъ. Жена у меня была молодая, хорошая, гладкая, — не ущипнешь. Все, бывало, пѣсни поетъ, да хохочетъ. Голосъ это у ней звонкій. Хохочетъ она, идолица, на всю деревню, ровно бѣсъ въ ей сидитъ. Вижу, народъ она въ грѣхъ вводитъ. Особливо парни молодые къ ней такъ и жмутся. Вижу это я, а уликъ нѣтуть. Уѣхалъ я такъ-то разъ въ городъ. Пріѣзжаю ночью, смотрю—сидитъ у моей бабы хахаль. Вошелъ это я въ

избу. Онъ верть-верть, хотѣлъ бѣжать. Я говорю: „Куда торопишься, голубь? Хозяинъ въ домъ, а ты изъ дому. Не хорошо. Садись, гостемъ будешь. Давай, говорю, Марья (жену-то у меня Марьей звали), давай намъ, Марья, ужинать; принеси калачъ, я изъ города привезъ...“ Нечего тому дѣлать, остался онъ. Сѣли мы за столъ. Накрошилъ я мяса на деревянномъ кружкѣ, накололъ одинъ кусокъ на ножикъ и говорю гостю: „Кушай-ка вотъ, голубь!“ А ножъ-то у меня вострый, да длинный, самъ я изъ старой косы сдѣлалъ.

Матросы засмѣялись. Боцманъ Чалый громче всѣхъ и одобрилъ: „Ладно!“

— Кушай, говорю, голубь,—продолжалъ богомолецъ.— Онъ отшатнулся отъ меня, думаетъ—пырну я его ножемъ; въ уголъ забился, пожелтѣлъ весь. Да ты, говорю ему, не бойся, а ѣшь, коли я тебя угощаю. Видитъ онъ, — некуда дѣваться. Опомнился немного, раздумалъ: „Все равно, дескать, я въ его власти“. Взялъ онъ въ ротъ одинъ кусокъ. Зубами, какъ волкъ, щелкаетъ. Долго жевалъ, проглотить все никакъ не сможетъ. Я другой кусокъ ножомъ укололъ; опять ему подаю. Ѣстъ. Все мясо съѣлъ, щи мы потомъ съ нимъ выхлебали. Стали чай пить. А моя Марья тоже притихла, никакъ понять не можетъ, къ чему дѣло идетъ... Напились мы чаю. Я и говорю гостю: „Ну, что же, голубь, боязно тебѣ было съ ножа мясо ѣсть?“—Боязно, говоритъ.— „Какъ же, говорю ему, ты не боишься къ чужой женѣ ходить? Рази это не страшнѣе, чѣмъ съ ножа ѣсть?“

— Вѣрно!—сказалъ Чалый.—Только одного понять я не могу, какъ это ты толку въ бабахъ не смыслишь? А?

— Слабосильный я,—неохотно объяснилъ паломникъ.

— Да... ну, это иной коленкоръ! Вишь, ты какой щуплый, на глисту похожъ. Гдѣ тебѣ съ бабой совладать!

— И узналъ я свой спокой,—продолжалъ паломникъ,— когда Марья у меня померла. Царство ей небесное, вѣчный спокой. Живу я себѣ теперь, точно птица небесная. Ни горя мнѣ, ни заботъ. Только Господу Богу молюсь. Вотъ и теперь у насъ служба скоро будетъ. Пойти помолиться. Ты, чай, не пойдешь? — обратился онъ къ Чалому съ насмѣшкой.

— Молитесь ужъ вы, а намъ некогда. Мнѣ, вотъ, сейчасъ скажетъ капитанъ: „Чалый!“ — Есть.—„Полѣзай въ море!“ — Есть. — „Полѣзай на мачту!“ — Есть. — „Полѣзай въ огонь!“— Есть...

Чалый всталъ и хотѣлъ уйти, но, видимо, не сдержалъ своего раздраженія и, оглянувъ толпу паломниковъ и монаховъ презрительнымъ взглядомъ, сказалъ:

— Служба, скажу я вамъ, треклятая. И къ чему мы эту муку несемъ—неизвѣстно. Диви бы—дѣло нужное дѣлали. А то возимъ, вотъ, такихъ бездѣльниковъ, лоботрясовъ, какъ вы, да монахамъ во всѣ святыя мѣста провизію доставляемъ. Тьфу!..

Чалый махнулъ рукой и пошелъ прочь. За нимъ поднялись и другіе матросы.

— Ну, и народъ сталъ нынче,—зашепталъ монахъ, вытягивая въ толпу шею.—Ну, народъ!.. Какъ сказано въ писаніи: оскудѣетъ вѣра въ людяхъ. Вотъ она и оскудѣла. А все отъ образованныхъ. Вотъ у насъ на Аѳонѣ одинъ академикъ былъ, такъ потомъ въ газетахъ прописалъ, что, быдто, Аѳонъ, это—новый Вавилонъ. Пьютъ вино и... прочіе развраты... Ну, какой же Вавилонъ, спрошу я васъ, коли на святой горѣ ни отъ человѣка, ни отъ скота женскаго полу нѣтъ? Такой ужъ Богородицей предѣлъ положенъ. Чтобы ни-ни... Какой же Вавилонъ?

— Знамо дѣло... Тоже сказалъ!..—послышались голоса.

— И какъ это наука людей портитъ!—продолжалъ тотъ же монахъ.—Научится человѣкъ и пойдетъ отрицать. Все отрицаетъ, а восхвалять не можетъ. Это про такихъ въ святой псалтири сказано: „гробъ отверстъ гортань ихъ". Ну, и этотъ тоже написалъ... Замяли только дѣло-то,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ,—потому что академикъ. А напиши кто другой, такъ въ Сибирь сослали бы... да.

— А по моему,—сказалъ, глядя въ море другой монахъ,—казнить надо за такія слова. Просто казнить, оторвать дурью голову, вотъ и все.

Его лицо, освѣщенное отблескомъ опаловаго моря, плоское и злое, неподвижно. Видно, что подъ этой черной шапкой все безповоротно ясно и опредѣленно: кто думаетъ несогласно съ нимъ, того убить. Нѣкоторые изъ паломниковъ противъ убійства. Идетъ споръ. Большинство склоняется къ тому, что за такія слова академика нужно сослать на покаяніе.

Пароходъ идетъ плавно. Море дышетъ въ лицо теплымъ влажнымъ дыханіемъ. Винтъ шумитъ неустанно. Вода передъ носомъ парохода сначала поднимается зеркальной горкой, потомъ разбивается о пароходъ въ бѣлую пѣну и, поблескивая синими огоньками, шипитъ, скользитъ вдоль бортовъ.

Сложивъ большія, корявыя, изломанныя непосильной работой руки, немного въ сторонѣ, на якорной цѣпи сидитъ большой рыжій мужикъ. Непривычное бездѣлье, красота южной природы, разговоры о божественномъ, — во всемъ этомъ онъ видитъ часть той святости, къ которой онъ ѣдетъ

— Голубчикъ, Алексѣй Григорьевичъ! Разсуждайте вы не по-свѣтски, но только не подтверждайте свои доводы текстами изъ писанія и не ссылайтесь на дьявола. Это не убѣдительно.

— Зачѣмъ же тексты, — съ оттѣнкомъ раздраженія сказалъ профессоръ. — Они намъ въ этомъ вопросѣ не нужны. Вы, какъ невѣрующій человѣкъ, осуждаете огульно. Но не можете же вы отрицать громаднаго, такъ сказать, историческаго значенія... Что воспитало въ человѣчествѣ лучшія качества? Что научило людей любить другъ друга?..

— Лучшія качества!.. Нѣтъ, качества рабовъ! — горячо заговорилъ докторъ. — Смиряйся, покоряйся, страдай... Нѣстъ бо власть, аще не отъ Бога. Возненавидьте міръ и все что въ немъ... Не любите міра, ни яже въ мірѣ, яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская... Будущая загробная жизнь — вотъ что превыше всего. Все это гасило человѣческую жизнь, гасило въ человѣкѣ гордость. Понимаете ли вы: гордость, высшее человѣческое достоинство, отличіе его отъ животнаго, въ этомъ рабскомъ ученіи признано не только грѣхомъ, но и зломъ всего міра. Отъ гордости родился дьяволъ, и пошло зло на землѣ. Не правда, трусливые рабы! Отъ подлости людской, отъ отсутствія гордости, этого божественнаго свойства, все зло и униженіе на землѣ...

— Да, но я говорилъ о любви! — вставилъ профессоръ.

— Любовь? Развѣ не ясно, что любовь человѣка къ человѣку создается не словами, не книжками, а общностью интересовъ. Можно запугать человѣка адомъ, и онъ построитъ богадѣльню для слѣпыхъ старухъ, но вѣдь это все случайно! Нужно перестроить жизнь такъ, чтобы человѣческіе интересы не сталкивались, а шли бы по одной дорогѣ и въ одномъ направленіи. Тогда и любовь появится... Это было въ древности. А безъ этого... Кто льетъ кровь мирныхъ народовъ по всему земному шару? Пастыри вдохновляютъ народъ на погромы. Гдѣ же любовь? Только въ книжкахъ... Найдите мнѣ ее въ жизни называющихъ себя христіанами..

— Все это слишкомъ обще. Не знаешь, съ чего начать и на что прежде всего возражать, — медленно и по профессорски началъ Боголюбовъ, приподнимаясь на локтѣ. — Вы извините меня, родной, — улыбнулся онъ снисходительно, — но вы въ этомъ вопросѣ диллетантъ. А это ставитъ меня въ большое затрудненіе...

Въ это время невдалекѣ послышались шаги. Оба собесѣдника повернулись. На берегъ моря шли купаться приказчикъ, молодой парень, по фамиліи Пряниковъ, и купецъ Мѣдниковъ въ сопровожденіи послушника, который несъ

купцу бѣлье. Купецъ Мѣдниковъ жилъ на Аѳонѣ уже больше года. Онъ строилъ монастырю на свои деньги дорогой и большой соборъ, и потому монахи всячески за нимъ ухаживали и сулили ему несомнѣнный рай въ загробной жизни. Пряниковъ пріѣхалъ изъ Москвы отъ магазина парчевыхъ матерій съ предложеніемъ своихъ товаровъ.

— Здравствуйте, господа ученые люди! — весело и размашисто поздоровался купецъ.—А ты ступай домой,—обратился онъ къ монашку.

— Да я помогу вамъ...

— Иди, я тебѣ говорю, иди!

Монашекъ ушелъ.

— Монахи боятся, какъ бы вы кому-нибудь не отдали лишняго рубля,—пошутилъ докторъ.

— Это вѣрно,—благодушно усмѣхнулся купецъ, снимая поясъ.—Вы ужъ разрѣшите намъ около васъ покупаться. Очень мѣсто здѣсь хорошо.

— Отчего же вы такъ поздно купаетесь? — спросилъ докторъ.—Теперь жарко, вредно.

— Вчера бдѣніе было, долго стояли: я сегодня и проспалъ...

— Такъ вы бдѣли?

— Что-съ?

— Бдѣли вы, спрашиваю.

— Бдѣлъ-съ, точно, всю ночь. Бла-алѣпіе! Ни слова не пропустятъ, все по уставу. Восемь часовъ стояли.

— А это хорошо?

— Да вѣдь какъ вамъ сказать? Святые отцы такъ дѣлали и намъ такъ велѣли. Надо быть, хорошо. Блаалѣпная служба.

Купецъ раздѣлся и сѣлъ на камень, разостлавъ на него купальный коврикъ. На его круглую жирную спину сквозь листву упали свѣтлозеленыя пятна. Противоположный полуостровъ тонулъ въ синевато-бѣлыхъ испареніяхъ моря. Было торжественно и тихо въ природѣ. На берегъ изрѣдка всплескивала лѣнивая волна, и все снова затихало. Только церковное пѣніе доносилось изрѣдка, какъ будто чье-то рыданіе, и нарушало ликованіе и покой природы.

— Скоро ли вы кончите постройку собора? — спросилъ купца Боголюбовъ.

— Строимъ! Дѣло идетъ. Нельзя быстро-то. Ужъ очень мы крѣпко строимъ. Черезъ рядъ вдоль стѣны кладемъ желѣзныя скрѣпы, а по угламъ сплошные стержни сверху до низу, да еще свинцомъ заливаемъ. Иначе нельзя, потому земныя трясенія здѣсь бываютъ. Безъ скрѣпы не устоитъ. А такая постройка, какъ скала! Вотъ недавно было

какое трясеніе, такъ ни одной трещины, ровно изъ чугуна вылито.

Купецъ вдохновился и всталъ на камнѣ во весь свой ростъ, весь въ зеленыхъ свѣто-тѣняхъ, точно какой-то новый, красивый человѣкообразный звѣрь.

— И сколько же вамъ этотъ соборъ будетъ стоить?—полюбопытствовалъ профессоръ.

— Да вѣдь около милліона, не меньше...

Купецъ засмѣялся такъ, точно у него кто защекоталъ пятки. Свѣто-тѣни запрыгали на его кругломъ животѣ.

— Отчего же вы не сдѣлали на такія громадныя деньги что-нибудь въ Россіи?- воскликнулъ докторъ.—Милліонъ!.. Да вѣдь на эти деньги можно было бы настроить школъ въ цѣломъ краѣ.

— Такъ вѣдь для спасенія души я это дѣлаю, для спасенія души,—сказалъ купецъ, растирая ладонью широкую грудь.

— Неужели же вы не видите, что принесли свои деньги тунеядцамъ?—не унимался докторъ.

— Э, батенька! Какъ они тамъ живутъ, это меня не касается. Они про то знаютъ, они и въ отвѣтѣ передъ Богомъ. А я о своей душѣ забочусь, — сказалъ рѣшительно купецъ и полѣзъ въ воду.

Пряниковъ лежитъ животомъ на мелкой галькѣ. У него толстые черные усы и рачьи глаза. Голова Пряникова, загорѣлая, черноволосая, кажется приставленной къ бѣлому тѣлу отъ другого, точно въ чудѣ св. Варсонофія. Онъ говоритъ, нѣжась на солнцѣ:

— Два часа меня ризничный въ монахи уговаривалъ. Го-го-хо-хо!

Его тѣло отъ смѣху прыгаетъ, а рачьи глаза слезятся заразительнымъ весельемъ.

— Я, конечно, поддакиваю, потому, скажи я наперекоръ, заказу не будетъ. А мнѣ слова—плевать, было бы дѣло. На шесть тысячъ заказали парчи.

Онъ перевалился на спину и промолвилъ, зажмуривъ глаза:

— Ужъ и надоѣли мнѣ эти монахи, страсть! Недѣлю пожилъ, а повѣрите ли, будто годъ живу здѣсь. А они уговариваютъ въ монахи. Го-го-хо-хо!..

Эта мысль кажется ему почему-то очень игривой. Онъ гогочетъ искренно, заразительно. Всѣ невольно улыбаются.

— А ревнивы они, монахи-то, это вы правы, — говоритъ купецъ доктору, сидя по горло въ водѣ.—Сначала я жилъ въ нижнемъ этажѣ; ко мнѣ сиромахи *) заходили; я имъ

*) Аѳонскіе нищіе монахи.

деньги давалъ. Такъ мнѣ теперь наверху комнату устроили и сиромаховъ ко мнѣ не пускаютъ.

Бѣлое тѣло Мѣдникова виднѣлось ясно въ стеклянной водѣ. Оно извивалось по волнамъ, то расплываясь по каменистому дну, точно куча бѣлаго тѣста, то вытягиваясь и перегибаясь въ видѣ большого змѣя. Стая мелкой рыбы рѣзво шныряла около его ногъ. Морской ракъ, обезпокоенный необычнымъ шумомъ, вылѣзъ изъ своей норы, долго смотрѣлъ выпуклыми глазами изъ-подъ клешни, какъ старикъ, на бѣлое купцово тѣло и, успокоившись, снова спрятался подъ камень.

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Благословите! — послышалось изъ кустовъ.

Боголюбовъ за всѣхъ отвѣтилъ: „Аминь!“

— Кушать пожалуйте.

Это пришелъ служка царскаго отдѣленія монастыря, монашекъ Алексѣй, тихій и робкій, болѣзненный парень. Онъ всегда смотритъ въ землю, о чемъ-то думаетъ и улыбается своимъ мыслямъ. Когда онъ приходитъ въ комнату, то согнется колесомъ и спрашиваетъ:

— Вамъ чайку прислать?

Разносить чай гостямъ по комнатамъ—его единственная обязанность.

Пока Мѣдниковъ пыхтѣлъ, вытирался и одѣвался, докторъ разговорился съ Алексѣемъ.

— Откуда вы, Алексѣй?

— Мы изъ Орловской.

— Давно ли въ монахахъ?

— Съ Рождества—третій годъ.

— Отчего же вы въ монахи пошли?

— Богъ е знаетъ. Божье произволеніе. Ходилъ я здѣсь по всѣмъ монастырямъ,—вездѣ день долгій. Какъ сюда пришелъ,—здѣсь и день короткій, быдто въ родной семьѣ. Я и сны вижу. И хорошіе, и дурные... А братія до меня ласковая... Одинъ монахъ мнѣ грозилъ: „куда, говоритъ, ты идешь, зачѣмъ ты идешь?“

— Какой же монахъ?

— Богъ знаетъ, какой онъ. А то женщина одна; ходитъ здѣсь на могилахъ и кадитъ. Я подошелъ и понюхалъ отъ кадила дымку...

— Да вѣдь здѣсь женщинъ нѣтъ; откуда же женщина?— удивился Мѣдниковъ.

— Такъ все это я въ сновидѣніи видѣлъ: монахъ, быдто, грозитъ и женщина съ кадильницей. Къ чему это — Богъ е знаетъ.

———

Онъ поправилъ на животѣ поясъ и запахнулъ плотнѣе подрясникъ.

— Домой не тянетъ?—полюбопытствовалъ Пряниковъ.

— Нѣтъ. Здѣсь хорошо... А вонъ игуменъ въ Андреевскомъ скиту гордый. А нашъ—простой. Пришелъ я къ нему, поклонился въ ноги, онъ и принялъ. Такъ вотъ и живу здѣсь, Бога хвалю... Найдешь, говоритъ, ты здѣсь свой покой... Богъ е знаетъ, къ чему эти слова?

— Это кто же сказалъ, игуменъ?

— Нѣтъ, старецъ какой-то. Въ видѣнiи это я... Простите Христа ради... Можетъ, не такъ что сказалъ.

Онъ поклонился, согнувшись колесомъ. Казалось, его косящiе сѣрые глаза смотрѣли сразу въ два разныхъ мiра: въ мiръ дѣйствительный и въ мiръ сновидѣнiй, и эти два мiра переплетались въ его сознанiи невидимыми нитями. И трудно было сказать, гдѣ для него кончается одинъ мiръ и начинается другой.

Когда всѣ пятеро подходили къ монастырю, навстрѣчу имъ уже шелъ гостинникъ, высокiй красивый монахъ съ большими, бѣлыми руками, которыя отчетливо выдѣлялись на черной рясѣ.

— Кушать пожалуйте,—пригласилъ онъ.

V.

Монастырскiй дворъ былъ пустъ. Видимо, всѣ монахи уже собрались въ трапезной. Только рабочiе греки сваливали съ муловъ иословъ для новаго собора камни, щебень и песокъ. Усталыя животныя лѣниво плелись въ стойла, отмахиваясь хвостами и ушами отъ мухъ.

Почти все громадное монастырское хозяйство ведется наемными руками. Въ конюшняхъ, виноградникахъ, лодкахъ, при нагрузкѣ и выгрузкѣ припасовъ, въ лѣсу, въ каменоломняхъ, на постройкѣ—всюду тяжелыя и грязныя работы исполняютъ рабочiе греки, болгары и сербы. И только кухня, столовая и вся комнатная жизнь обслуживается монашескими руками. На вопросъ доктора, почему монахи не работаютъ сами, гостинникъ отвѣтилъ:

— Главное дѣло монаха—молитва. А если мы другимъ дѣломъ заниматься будемъ, свое главное дѣло позабудемъ. Кто не молится, тѣ за насъ все сдѣлаютъ. Это не трудно.

Онъ взмахнулъ широкими рукавами и бѣлыми руками, обмотанными четками, потупилъ въ землю глаза и сдѣлалъ молящiйся видъ.

Прошли мимо монастырской бани. Это отрадное мѣсто

вдохновило какого-то доморощеннаго поэта, и онъ начерталъ углемъ на стѣнѣ: „Въ домъ сей скройся и умойся". Прошли мимо длинныхъ мужицкихъ палатъ, библіотеки, костехранилища. Изъ сумрака комнаты на яркій солнечный дворъ смотрѣли сотни темныхъ глазныхъ впадинъ... Черезъ три года послѣ погребенія могилу каждаго монаха разрываютъ. Если кости не успѣли обнажиться совершенно, могилу снова зарываютъ и молятся объ усопшемъ, съ которымъ еще не примирилось небо. Если же трупъ сгнилъ, то кости его выбираютъ и черепъ ставятъ на полку въ полной увѣренности, что душа усопшаго пошла въ рай. Холодно и немного грустно смотрятъ на живыхъ людей неподвижныя костяныя маски. „Если бы можно было жить сначала!" казалось, говорятъ онѣ, ухватившись зубами за края полокъ. „Ахъ, если бы вы знали, если бы знали!" — застыло восклицаніе въ темныхъ глазныхъ впадинахъ. Когда солнечный лучъ скользнетъ по острымъ скуламъ и заглянетъ черепу въ глаза, костяное лицо успокоится. „Я умеръ, ничего не знаю и могу",—говоритъ тогда человѣческій черепъ. Когда солнечный лучъ уйдетъ дальше, и сумракъ снова заберется въ глазныя впадины, на черепѣ опять проступитъ выраженіе тоски, какой-то мысли, которую мертвые мучительно хотѣли бы высказать живымъ слѣпцамъ.

— Ахъ если бы вы знали, если бы знали!

Въ трапезной были всѣ въ сборѣ. Громадныя помѣщенія нижняго этажа заняты длинными столами, уходящими въ глубину зданія далекой перспективой. Вдоль столовъ на скамейкахъ молча сидѣли, точно безконечные ряды черныхъ грачей передъ отлетомъ въ теплые края, около двухъ тысячъ монаховъ. Всѣ—народъ крупный, точно это какая-то особая раса, уже вымершая въ обычныхъ условіяхъ полуголоднаго человѣческаго существованія и сохранившаяся только въ такихъ благодатныхъ мѣстахъ, гдѣ люди всю жизнь живутъ на даровомъ хлѣбѣ безъ острыхъ волненій и тяжелыхъ заботъ. Такія тщедушныя фигуры, какъ у Алексѣя, имѣютъ только новички, еще не успѣвшіе раздобрѣть, да немногіе уродцы и больные.

Между рядами столовъ ходилъ и оглядывалъ приборы толстый распорядитель на кухнѣ, отецъ Паисій, да десятка полтора послушниковъ разносили послѣднія чашки со щами. Отцу Паисію отъ избытка силъ хотѣлось пошалить, повозиться, однако онъ сдерживался и дѣлалъ строгимъ свое широкое, бородатое лицо, но никакъ не могъ прогнать съ него жизнерадостной улыбки. Когда онъ сгонялъ ее съ угловъ губъ, она перебѣгала подъ нависшія брови и скользила по здоровымъ румянымъ щекамъ. Проходя мимо стола

пѣвчихъ, онъ не утерпѣлъ и, дѣлая видъ, что достаетъ со стола лишнюю вилку, прилегъ на баса Автонома.

— Полегче, отецъ Паисій,—взмолился Автономъ.

Отецъ Паисій смиренно сдѣлалъ поясное метаніе и прошепталъ:

— Простите, ваше козлоглаголаніе.

На всѣхъ этихъ безчисленныхъ лицахъ что-то животно-тупое, самодовольно-сытое, притворно-смиренное. Лишь изрѣдка встрѣчается одухотворенное старческое лицо, да живыя, не успѣвшія заплыть жиромъ и отупѣть лица послушниковъ, недавно принявшихъ иноческій образъ. Они еще не успѣли усвоить правила, что блуждающее око—укоризна монаху, поворачиваютъ головами въ разныя стороны, пересмѣиваются и незамѣтно толкаютъ другъ друга подъ бока. Всѣ они—бывшіе мужики-землеробы. Тамъ, на холодныхъ поляхъ далекой родины, ихъ сонную мысль будили голодъ, холодъ и нужда; тамъ нужно было думать о завтрашнемъ днѣ, интересоваться дѣлами своего общества, любить, ненавидѣть. Здѣсь ни о чемъ не нужно думать, ни о чемъ не нужно заботиться; здѣсь извѣстно, что нужно любить и что—ненавидѣть. Все готово: мысли и хлѣбъ, пища духовная и тѣлесная, и не только готово, но и положено по уставу, освящено обычаемъ монастырскимъ. Все, что сверхъ этого, карается, какъ преступленіе.

И вотъ, слабое пламя человѣческаго разума гаснетъ; заплываютъ жиромъ лучшія чувства. Только большое здоровое тѣло не утратило своихъ желаній и будитъ животные помыслы. Остался „діаволъ“, съ которымъ нужно вести непрестанную войну.

Вотъ длинный рядъ столовъ, заполненныхъ высшими чинами монастырской общины: схимонахи, іеромонахи, іеродіаконы. Кажется, природа захотѣла пошутить надъ человѣческимъ родомъ, нарушила свои непреложные законы, и всѣ эти столпы монастыря забеременѣли: у всѣхъ отвислые большіе животы, которыхъ нельзя скрыть даже подъ широкими полами рясы, заплывшіе жиромъ глаза и пухлыя, какъ у дѣтей, руки.

Передъ каждымъ монахомъ на столѣ металлическая тарелка, ножъ, вилка и ложка, большой стаканъ краснаго вина, глиняная чашечка съ жареной икрой на второе; на двоихъ—чашка щей, вкусно приправленныхъ картофелемъ, помидорами и другой зеленью; въ разныхъ мѣстахъ стола стоятъ чашки съ селедкой въ маслѣ для закуски, тазы съ ломтями хлѣба, кувшины съ водой и судки.

По звонку пришедшаго игумена всѣ молча приступили къ ѣдѣ. Слышалось только легкое пыхтѣнье и чавканье, да

голосъ чтеца звучалъ властно подъ тяжелыми сводами зданія. Онъ читалъ дневное поученіе изъ св. Димитрія Ростовскаго о свиніяхъ гадаринскихъ и бѣсахъ.

... „Поистинѣ горе бяше странѣ оной отъ множества бѣсовъ, а свиней тамо коль веліе стадо бяше, сказуютъ неложніи повѣствователи, яко двѣ тысячи свиней бѣ, яже бѣсы въ водахъ потопиша. Не мало свиней, а бѣсовъ больше: и аще въ легеонѣ бяше бѣсовъ дванадесять тысячъ, то на всякую свинію по шести бѣсовъ бѣ, аще же и въ другомъ бѣсномъ другій бяше легіонъ бѣсовъ, то въ двухъ легеонахъ двадесять четыре тысячи бѣсовъ бывшихъ, на куюждо свинію по дванадесяти бяше бѣсовъ: единъ бо бѣсъ можаше все то стадо свиней потопити, а толикое множество бѣсовъ чесого бы не сдѣлали, аще бы имъ попущено было отъ Бога“ *)...

Раздается второй звонокъ игумена,—разрѣшеніе на вино. Лѣвыя руки тянутся къ стаканамъ, а правыя кладутъ широкіе кресты. Конечно, діаволъ уже забрался въ стаканъ, чтобы вмѣстѣ съ виномъ проникнуть въ монашескія внутренности. Но крестное знаменіе заставляетъ его поспѣшно убраться вонъ. Это извѣстно каждому монаху, и козни бѣса за трапезой рѣдко удаются. Но кое-что онъ успѣваетъ сдѣлать и здѣсь. Тамъ кто-то поперхнулся, кто-то пролилъ на рясу вино, кто-то уронилъ подъ столъ ложку, выпилъ лишній стаканъ вина,—все это продѣлки недремлющихъ бѣсовъ, которые шныряютъ подъ столами, между ногъ, бѣгаютъ по столу... Въ трапезной ихъ больше, чѣмъ мухъ... Если на каждую свинью, по вычисленію св. Димитрія Ростовскаго, было отпущено по двѣнадцати бѣсовъ, то около каждаго монаха ихъ неизмѣримо больше. Нужно слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, за каждымъ грѣшнымъ помысломъ... Ибо все это пишется въ книгу живота и учтется въ будущей жизни на вѣсахъ божьей справедливости. И это настанетъ скоро, скоро! Каждый часъ можно ждать конца видимаго міра, страшнаго пришествія Христова. Скоро, скоро свершится. Плачьте, рыдайте, да не внидите въ напасть!

Тишина за обѣдомъ двухъ тысячъ человѣкъ кажется странной и жуткой. Неслышными крылами машетъ страхъ смерти надъ этими сильными, здоровыми, упитанными людьми. Цѣлые вѣка человѣческихъ страданій вѣютъ надъ ихъ темными головами.

Поближе къ выходу сидитъ кучка сѣрыхъ мужиковъ-паломниковъ. Она выдѣляется рѣзко въ черномъ морѣ монаховъ. Въ особомъ закоулкѣ сидитъ нѣсколько сотъ сиро-

*) Соч. св. Дим. Ростовскаго ч. II, стр. 131.

маховъ въ пожелтѣвшихъ рясахъ, съ грязными, жесткими, какъ куриныя лапы, руками, съ подслѣповатыми больными глазами. Это отбросы аѳонскихъ монастырей. Тутъ выгнанные за пьянство, буйство и другіе монастырскіе проступки. Есть и просто неудачники, которыхъ не приняли ни въ какой монастырь, и они рѣшили спасаться въ грязномъ уединеніи.

Обѣдъ подходитъ къ концу. Всѣ отвалились отъ столовъ, смотрятъ неподвижными, мутными глазами въ пространство и вздыхаютъ. Раздается третій звонокъ игумена. Всѣ встаютъ и снимаютъ шапки. Длинные волосы запрятаны у всѣхъ за воротники рясы, чтобы напоминаніемъ о женскихъ волосахъ не произвели соблазна. Пропѣли молитвы и безконечной черной лентой пошли къ выходу. У дверей, согнувшись чуть не до земли, стояли сегодняшній чтецъ и распорядитель кухни, отецъ Паисій. Они кланялись низко и просили:

— Простите, святые отцы, можетъ въ чемъ согрѣшили.

Отецъ Автономъ, проходя мимо, отомстилъ отцу Паисію. Онъ уперся ему кулакомъ въ толстую шею и пригнулъ до самой земли, промолвивъ:

— Проси усерднѣе!..

Отцу Паисію стало смѣшно. Онъ уткнулся головой въ каменный полъ и такъ лежалъ, пока всѣ не вышли. Изрѣдка оттуда слышалось: „простите, отцы святые!“ Но его жирныя плечи прыгали отъ смѣха, который онъ сдерживалъ съ самаго утра. Все его большое тѣло становилось отъ смѣху молодымъ и легкимъ, точно съ плечъ сразу свалилось лѣтъ двадцать. Діаволъ сегодня пощекоталъ отца Паисія...

VI.

При выходѣ изъ монастырскихъ воротъ привратникъ, отецъ Акинфій, круглый, какъ арбузъ, рѣзалъ и раздавалъ уходящимъ сиромахамъ хлѣбъ. Пустынники подходили одинъ за другимъ, брали большіе ломти хлѣба и, завертывая ихъ въ грязные платки или въ полы рясы, уходили въ горы. Неподалеку отъ двери стоялъ докторъ съ отцомъ Автономомъ. Отецъ Автономъ съ удовольствіемъ жестикулировалъ бѣлыми пухлыми руками и, наслаждаясь своимъ сочнымъ голосомъ, объяснялъ доктору, кто такіе сиромахи.

— Сиромахи—это, какъ бы вамъ сказать, нищіе Аѳона, пролетаріатъ, какъ теперь выражаются въ Россіи... Живутъ они въ отдѣльныхъ кельяхъ, по нашему—каливахъ, нанимаютъ у грековъ по полтиннику, по рублю въ мѣсяцъ. А

кушать къ намъ приходятъ, хлѣба, того, сего берутъ, такъ и живутъ. Ино и ряску, башмаки попросятъ—даемъ.

Подошелъ пустынникъ, рыжій съ большой бородой, носатый мужикъ. Онъ смиренно сдѣлалъ передъ отцомъ Автономомъ поясное метаніе, взялъ у него благословеніе и поклонился доктору.

— Какъ теперь у насъ въ Россіи, что дѣлается?—спросилъ отшельникъ.

Отецъ Автономъ замигалъ сонными глазами и, закрывъ рукой широкую позѣвоту, рѣшилъ воспользоваться удобной минутой, уйти спать.

— Поговорите, а я пойду... У меня послушаніе...

— Какъ бы тутъ... кто-нибудь... не возскорбѣлъ?..—робко сказалъ отшельникъ, оглядываясь кругомъ.

— Ничего, ничего, поговорите,—успокоилъ Автономъ, удаляясь.

— Кто же можетъ скорбѣть отъ нашей бесѣды?—спросилъ докторъ.

Отшельникъ оглянулся и прошепталъ:

— Отойдемте въ сторону, я вамъ скажу...

Когда они отошли въ сторону и сѣли въ тѣни кипариса, отшельникъ весело взмахнулъ широкими рукавами и началъ торопливымъ шепотомъ:

— Ухъ, какіе эти монахи! Все мужики тупоголовые, дубье, хохлы! Боятся, вишь, какъ бы мы, отшельники, не сказали вамъ про нихъ чего-нибудь лишняго. Такъ намъ запрещаютъ съ образованными поклонниками говорить. Подумайте, какую моду ввели: только два раза въ недѣлю намъ обѣдать даютъ. Выжиги! Сами, небось, пять разъ въ день трескаютъ, а намъ не даютъ. Такъ чай, не свое трудовое жрете, а тоже даровое, какъ и мы грѣшные. Все Расея матушка кормитъ. А надъ нами власть имѣютъ. Даромъ получили, даромъ и давайте, сказано въ Евангеліи. Вотъ что. Самъ-то я изъ Омска, мѣщанинъ. Была у меня тысяча рублей: въ святыя мѣста съѣздилъ, а потомъ здѣсь въ скитъ поступилъ. Когда деньги у меня отобрали, такъ и въ шею. Куда дѣваться—живу въ каливѣ... А сами вы откуда? Изъ Петербурга! Благослови Богъ. Я необразованный, образованіе получилъ только въ святогорской обители, то есть имѣю практическое знаніе. А вотъ недалеко отъ меня живетъ отшельникъ изъ офицеровъ, большого ума человѣкъ; только выпиваетъ лишнее... Вотъ бы вамъ съ нимъ побесѣдовать... Съ діаволами разговариваетъ, съ египетскими отшельниками переписку имѣетъ, вотъ какой...

Монахъ говорилъ безъ остановки; видимо, ему хотѣлось поговорить послѣ долгаго уединенія, и онъ съ наслажде-

ніемъ слушалъ звуки своего голоса, произносилъ слова, не написанныя въ священныхъ книгахъ. Но въ это время къ нимъ приближался черный монастырскій монахъ. Онъ подходилъ къ сиромаху осторожной поступью, не сводя съ него злыхъ глазъ, какъ подходитъ собака на своемъ дворѣ къ другой пришлой. Отшельникъ вдругъ повялъ, съежился, началъ искать что-то вокругъ себя, потомъ вскочилъ и подбѣжалъ къ черному монаху за благословеньемъ.

— Отдыхай иди, если здѣсь остаешься,—сказалъ тотъ злобно.—Иди, иди.

— Простите,—пискнулъ дискантомъ отшельникъ, кланяясь въ поясъ монаху и моргая при этомъ въ сторону доктора бровью. Дескать,—видѣлъ, какіе скоты,—и ушелъ, ковыляя бокомъ, точно подстрѣленный.

— Ну, что, какъ вамъ у насъ обращенье ндравится, климатъ, мѣстность?—спрашивалъ доктора монахъ, притворно улыбаясь.

VII.

Послѣ обѣда весь монастырь предался лѣнивой истомѣ. Солнце взошло высоко; голубое море дышетъ соленымъ паромъ; бѣлыя стѣны монастырскихъ зданій сверкаютъ нестерпимымъ свѣтомъ. Многоэтажные корпусы съ кельями монаховъ опустили на свои безчисленныя очи бѣлыя вѣки-занавѣски. Каштаны и тополи точно принизились, опустили сваренные солнцемъ листья и въ нѣмомъ оцѣпенѣніи ждутъ вечерней прохлады. Изрѣдка, когда море дунетъ на горы посильнѣе, они встрепенутся, взмахнутъ радостно вѣтвями. но потомъ снова обвиснуть и заснутъ. Только священные кипарисы, какъ истинные монахи, всегда безстрастны, всегда неизмѣнно терпѣливы и угрюмы.

Монаховъ почти не видно. Изрѣдка на дворѣ, волоча по землѣ полы рясы, появится какой-нибудь отецъ и скроется въ ближайшую дверь. Многіе спятъ. Многіе ходятъ вверхъ и внизъ по лѣстницамъ съ чайниками; нѣкоторые сидятъ въ тѣни на террасѣ и соннымъ взоромъ уставились въ голубую даль. Во всѣхъ этихъ разваренныхъ движеніяхъ, въ лѣнивомъ созерцаніи моря, въ неподвижныхъ позахъ на молитвѣ, за молчаливымъ обѣдомъ и ужиномъ, во всемъ чувствуется: „мы исполнили свой великій долгъ; мы молились за себя и за весь міръ, и нашими молитвами онъ держится. А остальное сдѣлаютъ за насъ другіе...“

И другіе дѣлали все, что монахамъ было нужно. Кто-то, не умѣющій молиться, сѣялъ хлѣбъ, ловилъ рыбу, ткалъ матеріи и доставлялъ имъ все это изъ далекой Россіи на

скалистый Аѳонъ. Чьи-то сильныя руки превратили скалы Аѳона въ громадныя монастырскія зданія, гдѣ живутъ посредники между страшнымъ, всесильнымъ Богомъ и маленькой, испуганной Землей. Эти посредники берутъ своими большими бѣлыми руками грѣхи распутной Земли, кладутъ ихъ передъ Богомъ и молятъ Его о снисхожденіи и милосердіи къ слабому, развратному міру. И Богъ снисходитъ къ молитвамъ избранныхъ; онъ терпитъ грѣшный міръ ради немногихъ праведниковъ. Правда, сами аѳонскіе монахи, знакомые съ планами небесныхъ силъ, настойчиво говорятъ о скоромъ наступленіи страшнаго дня; нѣкоторые монастыри даже не возводятъ дорогихъ построекъ, потому что послѣ страшнаго суда онѣ будутъ не нужны... Но вѣдь міръ всетаки пока существуетъ по молитвамъ аѳонскихъ монаховъ. Какъ же міръ можетъ не кормить тѣхъ, кому онъ обязанъ своимъ существованіемъ?!

Это была своего рода религіозно-экономическая философія. Она отводила монашеству самое почетное мѣсто въ той цѣпи общественныхъ отношеній, которая протянулась отъ грязнаго, развратнаго мужика до всемогущаго Бога, которая по пути захлестнула солдатъ, купцовъ, чиновниковъ и вельможъ.

Въ палатахъ у мужиковъ тоже всѣ спятъ. Точно кто-то сварилъ въ кипяткѣ и разбросалъ въ безпорядкѣ по нарамъ сотню мужицкихъ труповъ въ разноцвѣтныхъ грязныхъ рубахахъ, съ прилипшими къ головѣ волосами и напустилъ на нихъ облако мухъ. Мужицкія палаты напоминаютъ большую мертвецкую; рѣдкіе, угрюмые прохожіе въ черныхъ одеждахъ—какихъ-то могильщиковъ, а весь монастырь походитъ на большое кладбище, готовое поглотить весь живой міръ.

Часа черезъ два, однако, кладбище начало оживать. Монахи въ распахнутыхъ рясахъ, всѣ потные, замелькали въ окнахъ и на террасахъ; въ общихъ палатахъ зашевелились мужицкіе трупы и начали выползать на мощеный дворъ подъ тѣнь лимоновъ и кипарисовъ. Они долго сидѣли въ тѣни съ разинутыми ртами, долго чесали животы и спины, пока снова ни пріобрѣтали даръ слова. Одинъ молодой кудрявый парень выползъ на дворъ, долго озирался кругомъ мутными глазами, протиралъ ихъ съ недоумѣніемъ, наконецъ, проговорилъ, усмѣхаясь:

— Фу ты, искушеніе! Насилу вспомнилъ, гдѣ я—на Аѳонѣ! А сонъ видѣлъ, будто въ нашемъ селѣ, въ Козухинѣ. И такъ ясно, такъ ясно!..

Отекшій лысый старикъ выставилъ на раскаленные солнцемъ камни свои ноги, потерявшія форму, тычетъ

я въ нихъ пальцемъ, отчего на ногахъ остаются ямки, и говоритъ:

— Сподобилъ Господь! На самой вершинѣ были... Трудно, а взошли.

Другой молодой парень безъ усовъ и бороды, съ узкимъ лицомъ и длинной шеей, бывшій военный фельдшеръ, сидитъ и часто плюетъ въ лѣвую сторону, гдѣ, по общему мнѣнію, сидитъ бѣсъ. Онъ постоянно употребляетъ монашескія слова и жесты, видя въ нихъ что-то святое: часто болѣзненно улыбается своимъ темнымъ мыслямъ и умиляется всему чудесному, святому до слезъ.

— Нѣкоторые, кои грѣшные, не восходятъ,—говоритъ онъ,—круженіе головы дѣлается. О, Господи! Сподобимся ли мы?.. Когда Божія Матерь тутъ была, такъ ее ангелы возносили на вершину, она не трудилась.

Онъ плюнулъ въ лѣвую сторону. Пухлый старикъ грустно слушалъ, тыкалъ пальцемъ въ отекшія ноги и сокрушенно думалъ о томъ, что у праведниковъ ноги не отекаютъ, и что, должно быть, онъ большой грѣшникъ, если тѣло его такое больное и тяжелое. И при восходѣ на гору у него было круженіе головы, только онъ никому объ этомъ не сказалъ, а отлежался на камнѣ.

— Ну что, Макаръ,—спросилъ Назаръ старика, сидѣвшаго на порогѣ съ разстегнутымъ воротомъ и открытымъ ртомъ.—Принимаетъ тебя игуменъ въ монастырь?

Старикъ только рукой махнулъ. Въ толпѣ раздался смѣхъ.

— Куда тутъ!—пояснилъ старикъ.—Говоритъ: «внесешь двѣ тыщи, такъ примемъ. А то куда намъ стариковъ...»

— Конечно, — весело пояснилъ кудрявый парень. — Ты зерно-то въ Расеѣ оставилъ, а солому въ монастырь привезъ. Я, вотъ, молодой, такъ меня и то не принимаютъ.

— Двѣ тыщи, — разсердился старикъ. — Да я на двѣ тыщи и дома хорошо проживу. Помѣщики, а не монахи, залягай васъ лягушки. Наѣли пузки-то и знать ничего не хотятъ...

Названіе монаховъ помѣщиками многимъ понравилось. Начали искать сходства и нашли, что монахи, какъ и помѣщики, не сѣютъ, не потѣютъ, а сытно живутъ.

— Да кабы теперь мужикъ такъ жилъ, какъ они живутъ,—опять началъ Макаръ,—такъ и умирать бы не надо. Постники, залягай васъ лягушки!.. Не здѣсь монахи, а въ Расеѣ. Всѣ мужики—монахи. Имъ и спасенье отъ Бога выйдетъ, надо полагать...

— А отчего же святыхъ отцовъ изъ крестьянъ нѣтъ?—вступился до сихъ поръ молчавшій молодой мѣщанинъ ка-

кого-то уѣзднаго города, имя котораго извѣстно только его обитателямъ. — Отчего же мужики не творятъ чудесъ, власти надъ діаволомъ не имѣютъ? А ну-ка, разскажи, умная голова...

Старикъ замялся. Замолкли и остальные. На слабое пламя разума дунула слѣпая вѣра, и пламя погасло. Никто не нашелся отвѣтомъ. Въ молчаніи послышался снова торжествующій голосъ мѣщанина:

— И всегда такъ бываетъ, если кто берется разсуждать, а дѣла не знаетъ... Да что много доказывать. Самъ я видѣлъ, на моихъ глазахъ чудо совершилось. Съ мѣсяцъ тому назадъ шло изъ Россіи монастырское судно съ провизіей. Везло всего больше ста тысячъ пудовъ. Ужъ около Аѳона было это судно. И начался вѣтеръ; сталъ метать судно по морю. Всѣ мы видимъ, что судно тонетъ. Явно, гнѣвъ божій Что дѣлать? И поднялись тутъ всѣ отцы монастыря, стали молиться, лѣствичку тянуть. Понимаете,—двѣ тысячи старцевъ лѣствичку тянутъ, къ Богу взываютъ. Сила какая! Ну и что же, вѣдь умолили. Пришло судно...

Всѣ помолчали. Мѣщанинъ настойчиво и упрямо продолжалъ:

— А вы—тоже, мужики есть монахи... Да развѣ Богъ послушаетъ мужика? Что онъ, мужикъ?.. Скотина, и скотина безсмысленная!

VII.

Къ мужикамъ подошелъ отецъ Тарахъ. Всѣ монахи были рослые люди, но отецъ Тарахъ напоминалъ какое-то допотопное существо-великана. Все въ немъ было крупно: голова, носъ, глаза, руки... Казалось, отца Тараха слѣпили для того, чтобы онъ изображалъ собой Саваоѳа въ куполѣ храма Христа-Спасителя. Оттуда, съ высоты, онъ казался бы въ обычный человѣческій ростъ. Но по нѣкоторымъ неудачнымъ деталямъ лѣпки коммиссія, избранная на этотъ предметъ, признала отца Тараха негоднымъ для назначенной цѣли; напримѣръ, у него было слишкомъ благодушное лицо, толстый не божественный носъ, немного великоватъ животъ и рѣдкая съ прямыми волосами борода, напоминающая проволочную сѣтку, наброшенную на лицо. Сквозь эту сѣтку ясно были видны очертанія широкаго и толстаго подбородка, гигантскія скулы, ожидающія новаго Самсона; виднѣлся даже грязный воротникъ рясы, облегавшій исполинскую шею. И вотъ, его забраковали и отпустили въ люди. Вѣроятно, отецъ Тарахъ чувствовалъ себя одинокимъ среди обык-

новенныхъ людей, поэтому печать грусти лежала всегда на его большомъ лицѣ, завѣшанномъ проволочной сѣткой.

— Кто пойдетъ въ келью къ отцу Харлампію? Собирайтесь, сейчасъ отправляемся,—пригласилъ онъ паломниковъ.

Отецъ Харлампій, уважаемый паломниками схимникъ, живетъ невдалекѣ отъ русскаго монастыря въ кельѣ Горной и слыветъ прозорливцемъ. Русскіе паломники непремѣнно посѣщаютъ келью Горную, вызывая неудовольствіе монастырей и скитовъ. И теперь паломники попросили себѣ у игумена проводника. Игуменъ послалъ отца Тараха.

Паломники завозились, стали собираться въ дорогу.

Докторъ Ледневъ то съ тоской ходилъ по длиннымъ монастырскимъ корридорамъ, то, измученный жарой, лежалъ на кровати, и тяжелыя мысли тянулись въ его головѣ, какъ похоронная процессія по городскимъ улицамъ. Онъ ужасался тому, что вотъ такъ, какъ онъ живетъ здѣсь уже нѣсколько дней, люди проводятъ добровольно цѣлую жизнь. Сонъ, послѣобѣденное животное состояніе и молитвенное оцѣпенѣніе. Поневолѣ смѣшаешь сонъ съ дѣйствительностью, вчерашвій день съ сегодняшнимъ. Это полумертвые люди. Спросишь монаха: давно здѣсь?—„Недавно."—А сколько лѣтъ? Начнетъ считать и самъ удивится: двадцать пять лѣтъ!

Увидѣвъ сборы паломниковъ, онъ одѣлся и пошелъ съ ними.

Дорога изъ монастыря къ кельѣ Горной вела прямо въ гору. Паломники растянулись по дорогѣ на нѣсколько десятковъ саженъ, шли кучками и вели разговоры. Идти было сносно, такъ какъ дорога часто затѣнялась деревьями. Пласты бѣлаго мрамора съ красноватыми прослойками устилали путь и красовались въ откосахъ скалъ. Монахи ревниво берегутъ мраморное тѣло Аѳона и его нѣдра отъ разработки. Они чувствуютъ, что если кирка рабочаго вонзится въ заповѣдныя скалы, то она же разобьетъ и тѣ цѣпи духовнаго рабства, которыя ковалъ для Россіи Аѳонъ въ теченіе многихъ столѣтій.

Отецъ Тарахъ, точно гусь среди цыплятъ, уныло шелъ среди паломниковъ и, не спѣша, отвѣчалъ на любопытные вопросы.

— И всему этому скоро конецъ будетъ,—вяло и безразлично сказалъ отецъ Тарахъ, махнувъ неопредѣленно рукой въ сторону.—Скоро страшный судъ. Капутъ сему міру.

— Объ этомъ пророчество имѣете?—вкрадчиво спросилъ курносый ярославскій мужикъ.

Отецъ Тарахъ помолчалъ, посмотрѣлъ на мужика съ высоты своего большого тѣла и устало отвѣтилъ:

— Конечно, есть. Вѣдь теперь идетъ отъ сотворенія міра

восьмая тысяча лѣтъ. А ужъ всѣмъ святымъ извѣстно, что міръ не доживетъ до восьми тысячъ... Да и знаки тому Богомъ даны.

— Какіе же знаки?—полюбопытствовалъ докторъ.

— А разные. Господь нашъ Іисусъ Христосъ обрѣзанъ былъ въ восьмой день; ну, вотъ и видимый міръ Богъ обрѣжетъ въ восьмую тысячу лѣтъ. Богъ почилъ отъ дѣлъ въ седьмой день, а въ восьмой день, значитъ въ восьмую тысячу лѣтъ, придетъ судить этотъ міръ... А потомъ въ Евангеліи сказано, что передъ концомъ міра возстанетъ братъ на брата... Вотъ это самое теперь въ Расеѣ и дѣлается...

— Такъ вѣдь по библейскимъ сказаніямъ жизнь человѣческая и началась тѣмъ, что возсталъ братъ на брата: Каинъ Авеля убилъ. Однако, міръ существовалъ и существуетъ,—пошутилъ докторъ.

Отецъ Тарахъ остановился и долго смотрѣлъ на доктора съ изумленіемъ. Мысль его сошла съ наѣзженныхъ рельсъ, и онъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы поставить ее снова на прежній путь, моргалъ мутными глазами усталаго вола, и все его лицо за жесткой сѣткой бороды выражало явное смущеніе. Паломники, слышавшіе разговоръ, толкали другъ друга локтями и тихонько пересмѣивались. Отецъ Тарахъ не нашелся, что сказать, и снова тронулся въ путь. Докторъ отсталъ.

— Вотъ такіе-то всегда вредятъ,—говорилъ отецъ Тарахъ своимъ спутникамъ, когда докторъ остался далеко назади.— Ты ему—писаніе, а онъ въ любопреніе пускается, дьяволу угождаетъ...

Въ задней группѣ идутъ: старый Назаръ, военный фельдшеръ и старикъ съ опухшими ногами. Онъ обернулъ ноги какими-то тряпками, выпросилъ себѣ у монаха старые башмаки и поплелся вмѣстѣ со всѣми. Тамъ идетъ оживленный разговоръ.

Фельдшеръ поклонился Назару и сказалъ:

— Благословите, отче.

— А ты не слыхалъ, что давеча монахъ разсказывалъ, который съ нами на кухнѣ картошку чистилъ?—спрашиваетъ парня Назаръ.

— Нѣтъ, отче. Благословите, что онъ говорилъ?

— Говоритъ, отъ Адесты на Ахвонъ по воздуху перелетѣлъ...

— Это тотъ монашекъ, отче, что за моей спиной сидѣлъ?

— Онъ самый.

Фельдшеръ вытянулъ шею, заглянулъ Назару въ глаза и восхищенно улыбнулся.

— Есть праведники и здѣсь,—говоритъ Назаръ съ со-

мнѣніемъ въ голосѣ, точно возражаетъ кому-то и спрашиваетъ одновременно.—Только они скрываются... Вы видали здѣсь одного монаха? Такой черный, все въ землю смотритъ.

— Это тотъ самый, отче, что въ старой рясѣ ходилъ, длинный!—съ любопытствомъ подсказываетъ фельдшеръ.

— Онъ самый. Такъ вотъ про него много разсказываютъ...

Фельдшеръ восторженно усмѣхнулся, плюнулъ въ лѣвую сторону на дьявола и мечтательно сказалъ:

— Всѣ мы умремъ. И откроются очи наши. Теперь вотъ передъ нами гора али стѣна, а тогда—никакой преграды. Все наскрозь будемъ видѣть... Вотъ, мы идемъ теперь и видимъ, что насъ четверо, а насъ здѣсь двѣнадцать, а можетъ и больше...

Всѣ помолчали. Дорога круто поднималась на гору, и идти было трудно. Пухлый старикъ съ трудомъ тащилъ за собой отекшія ноги. Когда вышли на ровное мѣсто, фельдшеръ продолжалъ:

— Зналъ я одного человѣка, обмиралъ онъ. И видѣлъ адъ. Быдто Черное море; кипитъ вода, и смола, а онъ, быдто, летаетъ надъ адомъ въ темномъ дыму. Ему, вишь, Богъ крылья далъ за добродѣтель... Кипитъ тамъ смола, а въ ней грѣшники мучаются. И грѣшниковъ этихъ безъ числа-краю. Летаетъ онъ надъ ними, а взять ихъ нельзя, потому что надъ грѣшниками стеклянная крышка лежитъ, въ родѣ какъ бы ледъ. Вотъ онъ и взмолился ко Господу: „Господи, нельзя ли мнѣ грѣшника вызволить?“ И сказалъ ему Богъ: „Можно!“ Онъ бросился сверху на стекло, прошибъ его, схватилъ одного грѣшника и вытащилъ. Обгорѣлый весь. Только онъ его вытащилъ,—просвѣтлѣлъ грѣшникъ. А расколотое мѣсто ужъ заросло, какъ и было. О, Господи! И пойдутъ праведники въ жизнь райскую вѣчную, а грѣшники...

Онъ замоталъ головой объ участи грѣшниковъ, плюнулъ въ лѣвую сторону и горько вздохнулъ.

— А я вотъ все думаю,—въ раздумьи сказалъ Назаръ,—какъ же онъ изъ Адесты на Ахвонъ перелетѣлъ? По воздуху—далеко. Стало быть, его Духъ Святой перенесъ... Спрашивалъ я его,—какъ, говорю, ты перелетѣлъ? Можетъ, говорю, это ты въ сонномъ видѣніи? Разсердился: нѣтъ, говоритъ, какое видѣніе! Перелетѣлъ! Хочешь—вѣришь, хочешь—нѣтъ! И повѣришь вѣдь,—сказалъ онъ съ какимъ-то сокрушеніемъ передъ неизбѣжностью вѣры въ полетъ монаха.

Все его трезвое, дѣловое существо говорило противъ возможности перелетѣть отъ „Адесты до Ахвона“. А главное, хорошо бы—перелетѣлъ кто-нибудь великій, святой, кого онъ никогда и въ глаза не видалъ, отъ котораго идетъ

сіяніе и благоуханіе. А то—тотъ самый монашекъ, который чистилъ рядомъ съ нимъ картошку и сопѣлъ больнымъ носомъ.

Фельдшеръ отъ умиленія трясъ головою, говорилъ: «благословите, отче, простите», плевалъ на невидимаго дьявола, восклицалъ: „О, сколь люта смерть грѣшниковъ!“ и болѣзненно улыбался своимъ скорбнымъ думамъ о грѣхахъ и смерти. Смотрѣть на плоскія черты его лица, длинныя руки и всю жидкую фигуру было жалко. Онъ даже возбуждалъ какой-то ужасъ. Казалось,—это не человѣкъ, а само прилипчивое, ползучее народное невѣжество воплотилось въ молодого парня и мечется, страдаетъ въ тѣсномъ кругу своихъ темныхъ тяжелыхъ мыслей. Назаръ шелъ, теребя въ задумчивости свои кудрявыя сѣдины. Было ясно, что онъ все еще примѣрялъ въ своемъ умѣ полетъ сапатаго монашка изъ Адесты на Ахвонъ.

— И повѣришь вѣдь, что подѣлаешь,—сказалъ онъ рѣшительно и вздохнулъ.

На перекресткахъ дорогъ всюду поставлены кресты. Это для напоминанія каждому христіанину, что здѣсь, въ царствѣ дьявола, на перекресткахъ дорогъ сидятъ тысячи бѣсовъ и бросаются изъ кустовъ на проходящихъ и проѣзжихъ. Отецъ Тарахъ, а за нимъ и всѣ паломники, отвѣшивали на всѣхъ перекресткахъ усердные поклоны и пугливо озирались на придорожные кусты.

IX.

Келья Горная стоитъ довольно высоко на горѣ. Оттуда открывается широкій видъ на море, окрестные холмы и долины и на монашескій городъ Карею.

Тоскливо ходить по кривымъ каменнымъ улицамъ этого страннаго города. Монахи, монахи, монахи и рабочіе греки и славяне. Лѣниво и сонно движутся по городу мужчины; съ тоской переходятъ съ мѣста на мѣсто исхудалые монастырскіе кобели; понуривъ головы, стоятъ смирно жеребцы, мулы и ослы. Никто изъ нихъ не заржетъ, не зареветъ восторженнымъ, зовущимъ голосомъ при видѣ самки. Чувствуется, что изъ жизни вынутъ какой-то главный двигательный нервъ, и она повяла, замерла. Городъ походитъ на пустой горшокъ, въ которомъ бродятъ глупые, голодные тараканы и ищутъ выхода и пищи. И нѣтъ такой идеи, которая оживила бы эту жизнь, бросила бы на лица отблескъ мысли, стремленія. Въ этомъ монашескомъ царствѣ даже дикіе турки кажутся культурными, мыслящими людьми. На

ихъ лицахъ есть хоть одно живое выраженіе, — презрѣніе ко всякому монаху и тоска по шумной здоровой жизни.

На дворѣ келіи Горной было большое оживленіе. Одновременно пришли паломники изъ разныхъ монастырей. Въ ожиданіи отца Харлампія, они сидѣли кучками на каменныхъ ступенькахъ церкви, въ тѣни около стѣнъ, мелькали сѣрыми пятнами на ярко освѣщенномъ дворѣ. По двору съ хлопотливымъ видомъ бѣгали молодые послушники и степенно проходили старые монахи. Наплывъ паломниковъ засталъ ихъ врасплохъ, и они готовили общія палаты и отдѣльныя комнаты. Кухня тоже хлопотала: нужно было накормить всѣхъ, а при маломъ келейномъ хозяйствѣ пятьдесятъ-шестьдесятъ лишнихъ человѣкъ — большое затрудненіе.

Паломники сидѣли почти молча, лишь изрѣдка перекидываясь отдѣльными словами. Они волновались и не могли вести свои безконечные разговоры о чудесахъ, грѣхахъ, смерти и мѣняться впечатлѣніями новой жизни. Они пришли къ прозорливцу. А ну, какъ онъ съ перваго же взгляда вывернетъ на показъ все сокровенное, вынетъ на посмѣшище трусливую, запуганную душу, прочтетъ всѣ нелѣпыя и случайныя мысли, которыя не только никому не говорятся, но часто безъ стыда не вспоминаются. Становилось немного жутко: внутри появлялся холодокъ, который пробирался въ ноги и въ пальцы рукъ. Поневолѣ припоминалась вся прожитая жизнь. И становилось грустно и страшно: ни одной добродѣтели! Вѣчная тоска и дума о завтрашнемъ днѣ, ссоры и злоба по пустякамъ и безпросвѣтная грязь отъ колыбели до могилы. Ни одного дѣла, которое свѣтило бы ярко въ сумракѣ безрадостнаго бытія. Ни одной такой мысли которая тянула бы на свѣтъ, на просторъ широкаго міра. Каждый чувствовалъ, что въ загнанной, запуганной душѣ есть какіе-то запросы, есть какія-то стремленія, только некогда было ихъ выяснить. Каждый день приносилъ новыя заботы, наваливалъ на плечи новыя тягости. А о душѣ подумать было некогда. Творить милостыню нечѣмъ; помогать другимъ — до другихъ ли тутъ, когда самому съ семьей приходится голодать. Такъ и шла жизнь изо дня въ день въ тоскѣ и злобѣ, безъ свѣта, безъ радости.

Отецъ Харлампій, бывшій помѣщикъ, учился въ межевомъ корпусѣ. Тридцати лѣтъ, тайкомъ отъ родныхъ и знакомыхъ, онъ ушелъ въ монахи. И съ тѣхъ поръ около сорока лѣтъ живетъ безвыѣздно на Аѳонѣ. Сначала онъ жилъ въ монастырѣ, но потомъ рѣшилъ основать келію Горную. Онъ выхлопоталъ у грековъ землю, возвелъ постройки, расчистилъ скалы и насадилъ виноградники. Теперь въ келіи

Горной насчитывалось до сорока человѣкъ монаховъ. Самъ о. Харлампій почти удалился отъ дѣлъ и жилъ въ маленькомъ домикѣ на отшибѣ, около келійнаго виноградника. Всѣми дѣлами завѣдывалъ ловкій и бойкій іеромонахъ Павелъ. Онъ, по примѣру другихъ келій и монастырей, завелъ у себя цѣлую канцелярію и ежедневно отсылалъ въ Россію сотни писемъ къ благотворителямъ, съ просьбой денегъ на постройку храма, странпопріимнаго дома и т. д. Для письменныхъ дѣлъ онъ нанималъ грамотныхъ паломниковъ, платилъ имъ по пяти копѣекъ съ письма. Этотъ промыселъ настолько развился на Аѳонѣ, что съ каждымъ пароходомъ туда ѣдетъ по нѣскольку сочинителей жалостныхъ писемъ: пропившійся князь, отставной чиновникъ и всѣ тѣ благородные нищіе, которымъ надоѣдаетъ топтать грязныя мостовыя, и которыхъ осѣнитъ счастливая мысль попытать счастья на Аѳонѣ. Здѣсь ихъ кормятъ, поятъ виномъ и даютъ ежедневный заработокъ въ нѣсколько рублей. А Россію наводняютъ милліоны писемъ съ просьбой о деньгахъ, съ общѣаніями взамѣнъ царствія небеснаго.

О. Харлампій вышелъ изъ своего домика неожиданно. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, точно ихъ сдунуло порывомъ вѣтра, бросились къ нему и окружили его плотнымъ кольцомъ. „Батюшка, благословите! Батюшка, благословите!“ — слышались со всѣхъ сторонъ сдержанные, взволнованные возгласы. Къ монаху тянулись заскорузлыя, дрожащія руки, блѣдныя лица. Онъ на ходу привычнымъ движеніемъ клалъ на головы и руки широкіе кресты, не говоря ни слова; его круглые сѣрые глаза смотрѣли холодно; онъ направлялся, по обыкновенію, прямо въ церковь, гдѣ совершалъ краткую молитву и велъ бесѣду съ паломниками, а иногда и общую исповѣдь.

— А меня-то, батюшка, меня благослови! — вдругъ со слезами въ голосѣ закричалъ пухлый старикъ, прыгая въ сторонѣ отъ толпы съ палкой въ рукѣ

О. Харлампій немного умѣрилъ шаги, строго взглянулъ въ сторону старика, ничего не сказалъ, хотѣлъ пройти дальше, но, точно раздумавъ, остановился и благословилъ потную старикову лысину.

— Заболѣлъ, что ли? — спросилъ Харлампій.

— Да, вотъ, видишь...

Пухлыя щеки и губы старика задергались, и изъ глазъ вдругъ хлынули слезы. Онъ не могъ выговорить ни слова и только показывалъ дрожащими руками на ноги, обернутыя тряпками.

— Ничего, пройдетъ, — утѣшилъ Харлампій. — Это тебѣ Богъ испытаніе далъ. Молись больше.

О. Харлампій прошелъ дальше, а лысаго старика на минуту окружило нѣсколько человѣкъ.

— Что онъ тебѣ сказалъ?—слышались вопросы.

Старикъ стоялъ, утиралъ рукой слезы и бормоталъ:

— Прозорливецъ. Говоритъ, за грѣхи испытаніе... Вѣрно... Господи!

Въ церкви о. Харлампій долго молился передъ иконостасомъ и клалъ земные поклоны. Толпа мужиковъ стояла въ отдаленіи, точно куча испуганныхъ овецъ. Вслѣдъ за о. Харлампіемъ и они клали поклоны, смотрѣли на его сгорбленную круглую спину, ожидая, когда онъ кончитъ молиться и обернется къ нимъ. Нервное напряженіе возрастало. Но о. Харлампій точно забылъ о паломникахъ. Изрѣдка онъ переставалъ класть поклоны, останавливался неподвижно передъ иконостасомъ и со вздохомъ произносилъ вслухъ: „Господи помилуй, Господи помилуй!“ Мужики начинали переминаться съ ноги нъ ногу, вытягивали шеи. Но монахъ снова начиналъ класть поклоны.

Обернулся онъ неожиданно, подошелъ къ стоящему около клироса аналою и привалился къ нему бокомъ. Паломники несмѣло, толкаясь и крестясь, подошли къ нему. Харлампій смотрѣлъ на нихъ спокойно, строго и началъ говорить, точно сердясь на что-то:

— Вѣдь вотъ пришли вы во святыя мѣста, на святую гору, а отъ мірскихъ заботъ никакъ отрѣшиться не можете. Все дома ваши мысли летаютъ. Оставьте думать, забудьте о царствѣ мертвыхъ; вы въ царствѣ живыхъ!

— Я самъ жилъ въ міру, — продолжалъ монахъ,—и любилъ міръ. Блудникъ я былъ и великій грѣшникъ. Но сподобилъ Господь, извелъ меня изъ міра, какъ евреевъ изъ земли Египетской. А чего у меня въ міру не было: богатство, красивыя любовницы, друзья... Только понялъ я, что все это тлѣнъ, что вся земная жизнь—тфу!

О. Харлампій плюнулъ и растеръ ногой. Его спокойное лицо выражало, дѣйствительно, страшное равнодушіе къ жизни, которую онъ съ такимъ же спокойствіемъ собирался придавить ногой, какъ и плевокъ.

Тамъ, гдѣ-то далеко, шумитъ, гремитъ людская жизнь, съ ея злобой, страданіями и борьбой. Тамъ женщины-тигрицы, жаждущія нашего грѣхопаденія и погибели; тамъ золото, науки, власть, мірскія удовольствія... И все это о. Харлампій подъ видомъ плевка придавилъ ногой равнодушно и спокойно. Не правъ ли онъ?

— И за все это ничтожество лишиться небеснаго царствія?!. Боже милостивый! Просвѣти лице твое на ны и помилуй ны.

О. Харлампій поднялъ вверхъ глаза и руки. И всѣ паломники подняли вверхъ бородатыя корявыя лица. Подъ куполомъ отъ одной стѣны до другой, пронизали сумракъ церкви солнечные лучи. Изъ-за нихъ въ самомъ куполѣ виднѣлось строгое старческое лицо Бога Саваофа и пухлыя лица ангеловъ.

— Покайтеся! — съ жаромъ воскликнулъ Харлампій, потрясая старческими кулачками. — Скоро все свершится. Я это чувствую! Насытилось чрево адово. Видитъ Богъ, что мало на землѣ осталось благочестія, и истребитъ родъ сей лукавый. Покайтеся, ибо приблизилось царство небесное. Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ; всяко древо, еже не творитъ плода добра, срубятъ и бросятъ въ вѣчный огонь. Покайтеся во своихъ грѣхахъ!..

Въ толпѣ произошло кругообразное движеніе, какъ въ котлѣ, когда тамъ закипаетъ вода. Кто-то всхлипнулъ громко; кто то нервно вздохнулъ. О. Харлампій стоялъ у аналоя и смотрѣлъ сѣрыми возбужденными глазами на загорѣлыя мужицкія лица. Напряженіе чувства возрастало. Нуженъ былъ толчекъ, чтобы оно вылилось шумнымъ потокомъ наружу. И толчекъ этотъ далъ тотъ же лысый опухшій старикъ, который плакалъ на дворѣ. Онъ вдругъ завылъ страннымъ, непріятнымъ голосомъ, какимъ голосятъ только взрослые мужчины, и сквозь слезы заговорилъ:

— Окаянный я, великій грѣшникъ. Правду ты сказалъ, прозорливецъ! Одно время ушелъ было я въ молоканскую ересь. Правды искалъ, церковь христову отвергалъ. Вотъ меня и наказалъ Господь...

Тогда всѣ наперерывъ, какъ безумные, начали выкрикивать свои грѣхи. Сдѣлалось на минуту страшно. Казалось, изъ грязной, безправной, невѣжественной жизни встанутъ, какъ призраки, тяжкія преступленія. Казалось, что раньше сокровенная и теперь всенародно обнаженная, человѣческая душа явитъ людямъ тѣ отвратительные закоулки, гдѣ ютятся самыя грубыя, самыя постыдныя мысли и дѣянія. Докторъ, стоявшій сзади всѣхъ, невольно спрятался за церковную колонну, чтобы не видѣть этой душевной наготы, до которой съ такимъ упорствомъ добирался старецъ.

Но вышло нѣчто неожиданное. Чѣмъ больше разсказывали мужики о своихъ грѣхахъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе становилось, что въ ихъ сокровенной жизни нѣтъ ничего сокровеннаго, что въ тайникѣ ихъ души нѣтъ никакихъ тайнъ Ихъ грѣхи были обычны и безцвѣтны, какъ и вся тяжелая, грязная мужицкая жизнь. Тотъ каялся въ сквернословіи, въ ссорахъ и дракѣ съ женой и дѣтьми; тотъ взялъ съ сосѣдняго поля три снопа пшеницы; иной пускалъ

порчу на поле своего врага; пропилъ мірскія деньги, бранилъ священника за жадность; завидовалъ богатымъ и самъ мечталъ сдѣлаться богатымъ; кто заглядывался на чужихъ бабъ, кто ѣлъ въ постъ скоромное; снесъ попу завѣдомо фальшивый гривенникъ, вмѣсто хорошаго, и не сознался въ этомъ на прошлогодней исповѣди; былъ мужикъ, который каялся только въ одномъ грѣхѣ: по злобѣ на сосѣда онъ отрубилъ его коровѣ хвостъ и никому объ этомъ не сказалъ... Было что-то дѣтски-наивное во всѣхъ этихъ грѣхахъ и преступленіяхъ. Грѣхи оказались совсѣмъ не страшными, но изъ-за грѣховъ вставала по истинѣ страшная, безпросвѣтная мужицкая жизнь. Душа, наготы которой такъ побоялся докторъ, оказалась пустой и темной, какъ нежилая подвальная комната: тамъ, точно летучія мыши, перелетали съ мѣста на мѣсто темные обрывки мыслей, суевѣрные страхи и призраки. Эти люди боялись того, что они жили, мыслили, чувствовали; боялись живыхъ порывовъ, боялись желанія стать разумнѣе, богаче, чище. Все это казалось имъ грѣхомъ, и во всемъ этомъ они приносили слезное покаяніе. Сомнѣвался въ истинѣ церковныхъ писаній; имѣлъ злобу на несправедливое начальство; работалъ въ праздничный день; роптал на Бога; ѣлъ до сыта; въ первый день великаго поста доѣлъ вчерашніе блины; курилъ табакъ, пѣлъ пѣсни, плясалъ... Военный фельдшеръ билъ себя грязною потною ладонью въ плоскую грудь и твердилъ одну и ту же фразу: „Во всемъ я грѣшенъ, подлый, окаянный!"

Старецъ стоялъ, смотрѣлъ на мужиковъ серьезно своими сѣрыми глазами и изрѣдка покачивалъ головой, точно хотѣлъ сказать: „такъ я и зналъ, что вы и въ этомъ согрѣшили".

Наконецъ, мужики начали пріостанавливаться, припоминать свои грѣхи. На лицахъ нѣкоторыхъ проступило какое-то недоумѣніе и даже разочарованіе. Раньше каждому казалось, что у него много самыхъ страшныхъ, самыхъ тяжелыхъ грѣховъ. Но, несмотря на усердные поиски, оказалось, что таковыхъ нѣтъ; что грѣхи у всѣхъ одинаковы и такъ обычны, что, пожалуй, не было надобности ихъ и разсказывать.

— А вотъ какъ теперь намъ, святой отецъ, насчетъ земли поступать? — вдругъ заговорилъ сѣдой Назаръ. — У насъ въ селѣ говорятъ, будто помѣщики несправедливо завладѣли землей, и будто ее нужно у нихъ взять. Какъ теперь быть намъ, неизвѣстно...

Настроеніе круто измѣнилось. Всѣ перестали разсказывать свои грѣхи и остановились, въ ожиданіи отвѣта. Ста-

рецъ почувствовалъ, что подъ своды маленькой церкви прилетѣло совсѣмъ необычное настроеніе, что эти мужики привезли съ собой изъ Россіи нѣчто совершенно новое, чуждое монашескому слуху. Онъ подумалъ минуту, склонивъ голову, строго взглянулъ на Назара и медленно проговорилъ:

— Вотъ вѣдь какъ силенъ діаволъ! И въ церкви онъ тебя не оставилъ. Чай, такъ и шепталъ тебѣ въ ухо: „Спроси про землю, спроси про землю!"

Назаръ конфузливо умолкъ; толпа тоже молчала, но, видимо, отвѣтъ монаха её не удовлетворилъ. Старецъ это почувствовалъ. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Не хотѣлъ я говорить, но скажу. И не тебѣ я отвѣчу,—обратился онъ къ Назару,—а отвѣчу я діаволу, который тебѣ на ухо такія слова шепталъ. Только нужно прежде, чтобы онъ, окаянный, изъ сего святого мѣста удалился. Именемъ божіимъ приказываю тебѣ: сгинь, сатана!..

О. Харлампій подался всѣмъ своимъ старческимъ тѣломъ впередъ, сдѣлалъ гнѣвное лицо и устремилъ глаза въ одну точку на каменный полъ. Всѣ невольно и со страхомъ разступились, чтобы дать невидимому бѣсу дорогу, искали его на полу глазами, ничего не находили, слѣдили за взоромъ старца, чтобы по нему опредѣлить мѣстонахожденіе искусителя стараго Назара...

Проводивъ невидимаго бѣса гнѣвнымъ взглядомъ, о. Харлампій сказалъ Назару:

— Такъ вотъ, скажу я тебѣ и твоему соблазнителю. Все, что есть у помѣщика-ли, у мужика ли или у всякаго человѣка, дано ему Господомъ Богомъ. И только діаволъ одинъ возсталъ противъ воли Господней, да и васъ тому же учитъ. Не слушайтесь его. Идите съ миромъ...

Старецъ, согнувшись, вышелъ изъ церкви. Мужики проводили его глазами и пошли за нимъ къ выходу. Никто не обнаружилъ прежняго восторга. Только военный фельдшеръ схватилъ и поцѣловалъ на ходу его руку.

— И что это онъ такъ на Назара осерчалъ?—шепотомъ спросилъ Макаръ своего сосѣда.

— Говорятъ, самъ-то онъ изъ помѣщиковъ. Такъ вотъ и заступается за нихъ,—отвѣтилъ кто-то.

— Ишь ты!.. Вонъ оно что!.. И бѣса выгналъ...

— Ахъ ты, грѣхъ какой!..—слышались сдержанные возгласы.

X.

Докторъ не остался ночевать въ келіи Горной, а пошелъ обратно въ монастырь. Съ нимъ же возвращался молодой монахъ, отецъ Ананія.

Отецъ Ананія рѣзко отличался отъ прочихъ монаховъ монастыря. У него были тонкія черты лица, живые, черные, но печальные глаза. И на всей его фигурѣ лежала тѣнь какой-то глубокой грусти. Ему было около тридцати лѣтъ, но онъ былъ уже іеромонахомъ. Такъ какъ онъ окончилъ въ мірѣ городское училище, то среди остальныхъ монаховъ казался человѣкомъ образованнымъ. Съ первыхъ же дней пребыванія доктора въ монастырѣ онъ къ нему особенно льнулъ, несмѣло подходилъ на дворѣ, въ трапезной, и даже, вопреки монастырскому уставу, приходилъ по вечерамъ въ комнату и долго разспрашивалъ, что дѣлается въ Россіи. При докторѣ онъ оживалъ, точно больной на солнцѣ; его бѣлое лицо заливалось легкимъ румянцемъ.

Былъ уже вечеръ, когда они вышли изъ келіи. Солнце косыми лучами пробивалось сквозь листву, и въ сумракѣ лѣса загорался золотомъ то одинъ, то другой стволъ дерева. Сквозь просвѣты листьевъ видно было, какъ внизу, погружаясь въ вечерній сумракъ, опаловыми тонами переливалось море. Идти подъ гору было легко. Становилось прохладно.

Самое мечтательное время дня — вечеръ. Вспоминается прожитой день, а вмѣстѣ съ нимъ и прожитая жизнь. Природа одѣвается тьмою, и мысль невольно заглядываетъ въ темноту будущаго. Вечеромъ всегда хочется ласки, участія, искренняго слова, и человѣкъ стремится сбросить съ себя тѣ путы, которыя наложила на него житейская условность.

Путь кончили быстро. До запора монастырскихъ воротъ еще больше часу. Путники прилегли на покрытые мохомъ, теплые камни подъ широкимъ дубомъ. Разговорились.

— Скажите, отецъ Ананія, какъ вы въ монахи ушли?— спросилъ докторъ.

— Такъ ужъ, вѣрно, Богъ...—неопредѣленно отвѣтилъ Ананія и вздохнулъ.

— По правдѣ-то сказать вамъ, я по обѣту родителей въ монахи пошелъ,—началъ Ананія послѣ небольшого молчанія.—Боленъ я былъ очень, и дали мои родители Богу обѣтъ: если выздоровлю, такъ въ монахи пойду. Ну, и выздоровѣлъ...

— Выздоровѣлъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—и не захотѣлось мнѣ идти въ монахи. Учился я въ городскомъ училищѣ. Кончилъ училище, сталъ на аттестатъ зрѣлости готовиться, а потомъ думалъ въ университетъ идти. Года два учился, да все свободнаго времени было мало. Плохо шли занятія. А тутъ я жениться вздумалъ. Встрѣтилъ я тогда одну дѣвушку и полюбилъ. Изъ модистокъ она была; красавица, тихая, работящая да ласковая. Бывало, скажетъ: „Петенька, милый, соколикъ ты мой!"—такъ, кажись, душу бы за нее отдалъ. Меня въ мірѣ Петромъ звали... Только не привелъ Господь пожить съ ней. Умерла... Въ воскресенье бы намъ вѣнчаться, а въ пятницу она скоропостижно умерла. О, Господи, Боже мой! За мои грѣхи наказалъ ее Богъ.

Въ голосѣ Ананіи послышались слезы.

— Ни съ того, ни съ сего молодые люди не умираютъ, отецъ Ананія,—сказалъ докторъ.—Она раньше болѣла чѣмъ-нибудь?

— Говорила мнѣ, что есть у ней болѣзнь сердца...

— Такъ вотъ, отъ этой самой болѣзни сердца и умерла она внезапно!..

— Можетъ быть,—неувѣренно сказалъ Ананія.—Годъ я тосковалъ по ней, а потомъ снова думалъ жениться. Все хотѣлось мнѣ отъ монашества какъ-нибудь отбодаться, хотя бы въ молодости. Только опять не допустилъ Господь. Было мнѣ сонное видѣніе; голосъ я слышалъ: „Если, говоритъ, ты снова захочешь жениться, то и съ другой невѣстой то же будетъ..." Я и не женился, грѣха убоялся. Вижу, не уйти мнѣ отъ Бога никуда. И пошелъ я въ монахи...

— Какъ же, противъ желанія?

— Что дѣлать. Обѣщаніе родительское передъ Богомъ. Никуда не дѣнешься.

— Ну и какъ же, трудно было?

— Трудно, ой какъ трудно! А главное, жизни-то монашеской нѣтъ теперь, одна ложь. Многіе молодые монахи пріѣдутъ сюда, какъ ангелы; горятъ вѣрой, стремленіемъ. Потомъ приглядятся, въ уныніе впадаютъ, плакать начинаютъ, пить... А столповъ нѣтъ, кои могли бы поддержать, наставить. Народъ все дикій, наглый. Старцы отъ молодыхъ особнякомъ. Войдетъ къ нимъ молодой монахъ во время разговора, они умолкнутъ. Говорятъ: молодые могутъ соблазниться.—Такъ о чемъ же они разговоры ведутъ, что изъ нихъ соблазнъ можетъ выйти?!

— Ну, и развратъ здѣсь большой. Пьянство сильное. Вино, водку пьютъ, блудъ... Женскаго полу ни отъ людей, ни отъ скота, ни отъ птицъ нѣту, такъ къ молодымъ мона-

хамъ и паломникамъ прилѣпляются... Вы не можете видѣть нашей домашней жизни, живите у насъ хоть цѣлый годъ. Отъ васъ все будетъ скрыто. Всѣ на видъ благообразны, трезвы, молятся, скромничаютъ. О, противные лжецы!

Отецъ Ананія вскочилъ. Глаза его блестѣли; полы черной рясы распахнулись; лицо горѣло. Онъ размахивалъ руками, даже снялъ свою шапку и бросилъ ее на землю. Можетъ быть, въ первый разъ за всю свою десятилѣтнюю монастырскую жизнь онъ разорвалъ цѣпи многолѣтняго навыка монашескаго смиренія, молчанія и притворства. Передъ докторомъ стоялъ живой, искренній человѣкъ. Только теперь длинная одежда казалась на немъ неумѣстной, будто онъ нарядился въ нее нарочно.

— Если бы вы узнали половину нашей домашней, а не показной монашеской жизни, то съ лица вашего не сошелъ бы румянецъ стыда цѣлый мѣсяцъ... Я ненавижу монаховъ!..

Отецъ Ананія опустился на землю и отвернулся лицомъ къ опаловому морю. Нѣсколько минутъ прошло въ напряженномъ молчаніи.

— А вы остались бы здѣсь навсегда?—неожиданно спросилъ доктора Ананія.

Докторъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и вдругъ весело разсмѣялся.

— Что вы, отецъ Ананія! Ни за что!

— Не такъ, какъ всѣ монахи... а иначе... Ну, напримѣръ, царемъ на Аѳонѣ остались бы?

— Нѣтъ, и царемъ бы не остался.

Лицо отца Ананіи улыбалось дѣтской улыбкой. Было видно, что въ его душѣ сохранилось много юношеской свѣжести и искренности. Очевидно, разговоръ входилъ въ область какой-то наивной мечты; взрослые люди научаются скрывать ихъ отъ другихъ, хотя всѣ мечтаютъ, какъ дѣти, до самой глубокой старости.

— А я хотѣлъ бы царемъ,—серьезно сказалъ Ананія.

— Что бы вы стали дѣлать?

— О, Боже! Что бы я сталъ дѣлать?! Я построилъ бы себѣ дворецъ повыше отъ моря, въ зелени деревьевъ. Во дворцѣ у меня были бы птицы, фонтаны, женщины... Вы видѣли, какія красивыя женщины въ Константинополѣ?.. Онѣ ходили бы у меня во дворцѣ нагими, а я любовался бы ими и обнималъ бы ихъ; не тайкомъ, какъ дѣлаютъ наши монахи, а открыто... Впрочемъ, передъ кѣмъ бы царю и скрываться?—дѣловито вставилъ онъ.—Монаховъ я велѣлъ бы своимъ слугамъ бить каждый день, каждый день. Вы умерщвляете свою плоть, лицемѣры, а сами, вишь, какіе

жирные,—самые изможденные по семи пудовъ! Такъ вотъ я вамъ помогу, святые отцы, умертвить плоть по настоящему, я вамъ помогу!..

Ананія дѣлалъ выразительные взмахи рукою, точно сѣкъ невидимаго монаха. Вдругъ у него блеснула другая мысль.

— Или, нѣтъ. Есть для нихъ наказаніе посильнѣе. Битьемъ ихъ не проймешь. Они, какъ лошади, никакой гордости не имѣютъ: гдѣ ударишь, только тамъ и больно... Нѣтъ, я бы ихъ связывалъ и заставлялъ бы нагихъ женщинъ ходить между ними, чтобы эти монахи издыхали отъ страстныхъ желаній. Вѣдь они сладострастные, какъ павіаны...

— Но зачѣмъ же вы живете здѣсь, отецъ Ананія?

— Куда же я дѣнусь? Обѣщаніе...

— Такъ вѣдь и обѣщаніе исполнять нужно только по желанію. Неужели Богу нужны невольники?

— Видно, Богъ такъ хочетъ. Не допустилъ же Онъ меня остаться въ міру...

Долго и съ горячностью доказывалъ докторъ монаху, что онъ заблуждается. Но чувствовалъ, что его доказательства упираются во что-то твердое, непоколебимое, что̀ срослось вмѣстѣ со всѣмъ существомъ Ананіи и чего отбросить тотъ не въ силахъ. Чѣмъ больше докторъ убѣждалъ его, тѣмъ молчаливѣе и холоднѣе становился онъ. Около монастыря о. Ананія превратился въ прежняго монаха съ плавными неторопливыми движеніями, съ тусклымъ взглядомъ, съ холоднымъ лицомъ.

Они проходили мимо того мѣста, гдѣ купался утромъ купецъ Мѣдниковъ; тамъ, на чистой мелкой галькѣ лежалъ въ мечтательной позѣ монахъ и, глядя въ фіолетовую даль моря, гнусилъ пѣсню:

„На серебряныхъ водахъ, на златы-имъ песочкѣ
Долго дѣвы молодой я стерегъ слѣдочки...“

Заслышавъ шорохъ шаговъ, онъ быстро сѣлъ и затянулъ:

„Сущу глубородительную землю
Солнце нашествова иногда...“

Отецъ Ананія ничего не сказалъ, потупилъ глаза въ землю, и взоръ его сталъ оловяннымъ. Видимо, онъ раскаивался въ своемъ искреннемъ порывѣ.

Когда они вошли на монастырскій дворъ, онъ раскланялся съ Ледневымъ по-монашески и, глядя въ землю, сказалъ:

— Простите, ради Христа. Можетъ что, лишнее сказалъ,— покройте своей любовью.

XI.

Въ монастырѣ всенощное бдѣніе. По широкому мощеному двору, стуча каблуками, ходятъ монахи, пьютъ изъ водокачки воду, подходятъ къ краю площадки и, облокотясь на теплые камни, смотрятъ на море, залитое луннымъ свѣтомъ. Отъ самаго монастыря въ безконечную даль по водамъ пролегла широкая серебристая дорога; эта дорога зоветъ, тянетъ въ туманную даль, гдѣ за моремъ стоятъ шумные города и села, живутъ и борются за жизнь, за счастье живые люди.

Долина, въ которой расположенъ монастырь, напоминаетъ одну большую и уютную обитель: съ трехъ сторонъ лѣсистыя скалы Аѳона, на нихъ лежитъ звѣздное небо, и только съ одной стороны открывается выходъ на просторъ широкаго моря.

Изъ храма несется басистое пѣнье. Храмъ залитъ огнями, но они кажутся желтыми по сравненію съ луннымъ свѣтомъ. Въ окна и двери видны строгіе неподвижные ряды монаховъ. Точно черная цѣпь протянулась посрединѣ церкви, завернулась вдоль стѣнъ, вышла изъ дверей и обернула наружныя стѣны окружающихъ церковь построекъ. Небо ликуетъ надъ горами, а тутъ, въ долинѣ, люди, объятые ужасомъ загробной жизни, страшнаго суда, взываютъ къ невѣдомому Богу о помилованіи. „И вѣчнаго огня исхити"... бормочетъ монахъ въ отвѣтъ на свои скорбныя мысли. Въ ужасѣ сжался человѣческій умъ, запутался, какъ муха, въ тенета суевѣрія, одичалъ и заглохъ. Попробуйте подойти къ такому человѣку съ вопросомъ свободнаго ума—онъ взглянетъ на васъ съ недоумѣніемъ, даже злобой: вы пришли и роете своимъ умомъ яму на дорогѣ его въ царствіе божіе.

Несется басистое пѣніе. Ночной вѣтерокъ подхватываетъ запахъ ладана и мѣшаетъ его съ теплымъ дыханьемъ кипарисовъ и каштановъ. Стоятъ тысячи черныхъ неподвижныхъ монаховъ, живыхъ мертвецовъ.

Въ корридорахъ громадныхъ монастырскихъ помѣщеній пусто и жутко. Гдѣ-то по лѣстницамъ ходитъ и оплакиваетъ свою монашескую долю неудовлетворенный жизнью монастырскій котъ. Горятъ рѣдкіе фонари. Служка Алексѣй задержался на послушаніи, ходитъ съ чашками и чайниками, пугливо творя молитву. Безъ молитвы нельзя. Теперь

въ полумракѣ корридоровъ шныряютъ тысячи діаволовъ. Бѣсы раздражены, что люди стоятъ на молитвѣ, и изыскиваютъ всѣ средства къ тому, чтобы вырвать жертвы изъ рукъ ангеловъ, соблазнить монаховъ на грѣхъ. Черные, противные видомъ, незримые, они пробираются между черными рясами монаховъ, заглядываютъ зелеными глазами въ душу и, пользуясь удобнымъ моментомъ, рисуютъ монахамъ соблазнительныя картины, нашептываютъ въ лѣвое ухо разныя грѣшныя мысли, бросаютъ въ монаховъ сонными цвѣтами, отъ которыхъ нападаетъ на людей сонъ. Видно изрѣдка, какъ встрепенется въ темнотѣ кипариса монахъ, отойдетъ изъ-подъ дерева, гдѣ уловилъ его діаволъ, ближе къ церкви, къ свѣту и забормочетъ молитву. Туда діаволу подойти труднѣе. Онъ ищетъ свою жертву больше въ тѣни, подальше отъ церкви, въ мѣстахъ, куда не доносится запахъ ладана и церковное пѣніе слышится чуть-чуть. Вотъ, похотливымъ желаніемъ передернуло толстаго, чернаго отца Дометія; вотъ, въ сердцѣ служки Никодима поднялась злоба на гостинника Елисѣя за сегодняшнюю обиду; вотъ, толстый кривой Проклъ задумался о томъ, какъ бы ему сдѣлаться настоятелемъ подворья въ Константинополѣ или въ Одессѣ: тамъ жить весело, тамъ свобода и деньги; вотъ, затряслись отъ внутренняго смѣха плечи и борода монаха Августина: онъ вспомнилъ смѣшной и грязный анекдотъ, который разсказалъ ему отецъ Пименъ...

А изъ церкви раздаются призывы: „Душе моя, душе моя! Возстани, что спиши! Конецъ твой приближается, и страшный престолъ готовится... Скоро страшный судъ. Плачьте, рыдайте, ужасайтесь...“

Смотрятъ съ неба безстрастныя звѣзды; дремлютъ горы; молчитъ лѣсъ. Все спитъ послѣ долгаго яркаго, радостнаго дня. Не спятъ лишь въ сосѣднемъ источникѣ лягушки; онѣ квакаютъ, стонутъ въ любовномъ самозабвеніи. Только люди, рабски трусливые съ перваго дня рожденія до могилы, выдумали себѣ стенаніе и ужасъ, не спятъ, поютъ и взываютъ къ небу о помилованіи.

Докторъ Ледневъ возвратился въ свою комнату въ сильномъ возбужденіи. Настроеніе его было подобно настроенію того, кто видитъ утопающаго, но безсиленъ его спасти. Ему хотѣлось всему міру разсказать про монаха Ананію и бросить упрекъ: вотъ что дѣлаете вы съ человѣкомъ! Свободное, разумное существо вы сдѣлали хуже животнаго! Животное покоряется только необходимости, а онъ самъ уродуетъ свою жизнь, онъ самъ дѣлаетъ себя рабомъ...

Но въ монастырѣ одинъ профессоръ Боголюбовъ могъ,

если не согласиться съ нимъ, то хоть понять. Онъ пошелъ къ нему.

Съ террасы третьяго этажа до полночи слышался взволнованный голосъ Леднева и спокойно журчащая профессорская рѣчь Боголюбова.

— Я не согласенъ съ вами,—говорилъ размѣреннымъ голосомъ профессоръ.—Не христіанство борется со свободой, а его носители. Повинно въ этомъ духовенство, не брезгуетъ силой вѣры и правительство. Но вѣдь мы съ вами говоримъ о христіанствѣ, какъ извѣстномъ міросозерцаніи...

Профессоръ говорилъ долго. Онъ дѣлалъ ссылки на исторію, которая такъ податлива на всякое исканіе. Онъ поднялъ изъ гроба цѣлый сонмъ великихъ именъ, приводилъ цитаты, доказывалъ, опровергалъ. Но черезъ часъ снова слышался нервный звенящій голосъ доктора:

— Нѣтъ и нѣтъ! Я съ вами не согласенъ. Всѣ авторитеты міра не могутъ оправдать того, что мы видимъ здѣсь, что мы теперь переживаемъ въ Россіи. Теперь нужна религія, которая сплотила бы людей для жизни, а не для смерти. И новый пророкъ явится,—я это чувствую. Это я чувствую въ дуновеніи вѣтра, въ плескѣ моря, въ громѣ оружія, въ стонахъ безвинно разстрѣливаемыхъ, въ рыданіяхъ обезчещенныхъ женщинъ. Наконецъ, я чувствую часть его въ своей груди. Онъ придетъ, этотъ новый учитель. Мы готовимъ ему все: мысли, сердца, стремленія. Мы кормимъ и поимъ его, будущаго великаго учителя, нашею кровью и слезами, мы копимъ ему въ наслѣдіе необъятный духъ нашъ, нашу ненависть къ рабству, наши надежды, нашъ гнѣвъ и борьбу. И онъ придетъ, придетъ! Онъ возьметъ готовыя идеи, онъ соединитъ въ своемъ сердцѣ всю міровую жажду жизни, свѣта, всю ненависть къ тиранамъ, всю любовь къ свободѣ и поведетъ насъ, теперь разрозненныхъ, вмѣстѣ къ новой жизни.

XII.

На слѣдующій день докторъ Ледневъ собрался уѣзжать въ Россію. Пароходъ долженъ былъ придти ночью. На пристань Дафну докторъ пріѣхалъ вечеромъ. Море волновалось; волны сердито подымались изъ глубины, бросались на скалы, хлестали каменный молъ, и бѣлая пѣна летѣла клочьями далеко отъ берега. Вѣтеръ теплый и влажный налеталъ порывами, и заливъ то шумѣлъ сильнѣе, поднимаясь на верхнія ноты, то опускался внизъ и глухо рокоталъ, пе-

ребирая на отмеляхъ гальку, облизывая крутые берега. Въ агентствѣ высказывали предположеніе, что пароходъ можетъ пройти мимо. Въ вѣтреную погоду приставать къ Аѳону не безопасно. Докторъ Ледневъ приходилъ въ отчаяніе. Ему казалось, что онъ не въ силахъ больше прожить на Аѳонѣ и одного дня. Онъ лежалъ въ монастырской гостиницѣ на диванѣ и напряженно вслушивался въ непрерывный морской шумъ.

Шумитъ, шумитъ море! Чего только нельзя наслушаться въ шумѣ моря! Рыданія и смѣхъ; гнѣвные крики и любовныя ласки; радостные, смѣлые вызовы и тоскливые безсильные стоны; пушечные выстрѣлы и торжествующія пѣсни свободы... Оно, какъ попугай, это море: оно слышитъ звуки мятущейся земли, хватаетъ ихъ на лету и, ударяясь о скалы, бросаетъ снова на землю:

— А-а-ах-ха-ха! Бухъ!

Долго, томительно тянулось время. На пристани было тихо; въ гостиницѣ храпѣли монахи. Только служка Алексѣй, пришедшій проводить доктора, ходилъ тихо по комнатамъ, улыбаясь своимъ мыслямъ и косясь по темнымъ угламъ. Онъ нѣсколько разъ входилъ въ комнату къ доктору и съ молитвой снималъ со свѣчи нагорѣвшій фитиль. Докторъ притворялся спящимъ. Ему непріятно было говорить даже съ тихимъ Алексѣемъ.

Наконецъ, на пристани заходили съ фонарями люди. На молу на высокомъ столбѣ поднялся и привѣтливо замигалъ далекому пароходу зеленый фонарь. Вдали сверкалъ огнями приближающійся пароходъ. Съ радостью бросился докторъ въ монастырскую лодку и торопилъ гребцовъ выѣхать навстрѣчу пароходу, не дожидаясь, когда онъ пристанетъ. На пароходѣ онъ долго не могъ уснуть отъ радости, что находится среди обыкновенныхъ людей съ ихъ разнообразными житейскими интересами и заботами.

Пароходъ скоро отошелъ. На пристани снова все затихло. Только монашекъ Алексѣй долго стоялъ на балконѣ монастырской гостиницы и смотрѣлъ въ темную даль, гдѣ, покачивая огнями, скрылся пароходъ. Пароходъ пошелъ на родину. Дойдетъ до Одессы, а тамъ легко проѣхать и въ Орловскую губернію, въ родное село...

На сердцѣ у Алексѣя было тепло, но печально.

— Господи, Боже мой! На родину поѣхали люди! — прошепталъ онъ.

И въ его воображеніи, какъ живое, встало родное село, озеро, домъ, родные и знакомые, парни и дѣвки... Праздничный день. Дѣвки въ яркихъ платьяхъ гурьбой идутъ вдоль улицы. Съ краю, ближе къ Алексѣю, идетъ красно-

щекая Васёнка, шаброва дочка, полногрудая, веселая, хохотунья. Она блеснула въ его сторону выпуклыми, влажными глазами, и на ея лицѣ задрожалъ смѣхъ.

— У-у-у, монахъ!—читаетъ онъ въ ея задорномъ взглядѣ.

— Да ты что смѣешься, Васёнка, что ты смѣешься?—говоритъ Алексѣй и хватаетъ ее за сильное, гибкое, упругое тѣло.—„Что ты смѣешься, Васенка?"—шепчутъ Алексѣевы губы.. Тѣло его охватила сладкая истома; плоть, которую онъ умерщвлялъ съ такимъ стараніемъ, зашевелилась, заныла сладкимъ томленіемъ. Онъ потянулся, закинувъ за голову руки, оглянулся кругомъ и опомнился.

— Тфу ты, врагъ-то! Ужъ и подкрался нечистый!.. Молитвами святыхъ отецъ, Господи помилуй насъ... Ужъ и подкрался,—съ укоризной повторилъ Алексѣй и дрыгнулъ въ сторону бѣса ногой.

Стихало. На небѣ появились звѣзды. Гулко и ровно шумѣли море и лѣсъ. Монашекъ пошелъ спать и читалъ молитвы, чтобы не поддаться вторично искушенію. Но какъ онъ ни старался, по совѣту Ефрема Сирина, приводить себѣ въ такихъ случаяхъ на мысль неугасимый огонь и безконечнаго червя, женскіе глаза смѣялись и сверкали изъ угловъ, закрытыхъ тьмою. Онъ принималъ ихъ за глаза искусителя дьявола и долго читалъ, повторялъ по нѣскольку разъ извѣстныя ему молитвы, пока не заснулъ отъ утомленія. Но и во снѣ ему снилась краснощекая Васенка; она смѣялась ему въ глаза и говорила:

— У-у-у, монахъ!..

С. Кондурушкинъ.

Первый политическій трактатъ Сперанскаго.

Несмотря на то, что въ нашей исторической литературѣ было посвящено не мало вниманія политическимъ взглядамъ Сперанскаго, ходъ развитія его политическаго міросозерцанія все еще окончательно не установленъ, отчасти потому, что не всѣ его разсужденія на эту тему были вполнѣ извѣстны. Лишь въ 1899 г. въ X-мъ томѣ «Историческаго Обозрѣнія» было впервые вполнѣ напечатано по черновому подлиннику его знаменитое «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ» (1809 г.). Другой его политическій трактатъ былъ извѣстенъ только въ небольшихъ отрывкахъ, и при томъ въ переводѣ на французскій языкъ. Теперь этотъ трактатъ найденъ въ бумагахъ Н. И. Тургенева, переданныхъ его сыномъ П. Н. Тургеневымъ, при посредствѣ А. А. Ѳомина, въ отдѣленіе рукописей Библіотеки Академіи Наукъ. Анализъ этого трактата и опредѣленіе времени его составленія, на основаніи другой, до сихъ поръ совершенно неизвѣстной, записки Сперанскаго, даетъ возможность безспорно установить, какъ развивались его политическіе взгляды.

I.

Сперанскій въ главной Александро-невской семинаріи изучалъ краснорѣчіе, философію, физику, французскій языкъ, но особенно любилъ математику; хорошее знакомство съ этою наукою содѣйствовало выработкѣ точности и опредѣленности, къ которой онъ стремился въ своихъ законодательныхъ проектахъ. Среди учителей семинаріи, одинъ, по свидѣтельству Сперанскаго, «проповѣдывалъ» своимъ ученикамъ «Вольтера и Дидерота». Вліяніе этихъ уроковъ, а также и чтенія сказалось въ проповѣди, произнесенной Сперанскимъ (по окончаніи курса) въ Александро невской лаврѣ 8 октября 1791 г. Здѣсь, говоря «о началѣ обществъ», онъ утверждаетъ, что въ основѣ желанія людей «собраться во-едино» лежали взаимныя вы-

годы, что разумъ можетъ дать самый лучшій планъ для образованія общества, написать наилучшіе законы, ограничить силу властей, но все можетъ испортить «развращенное сердце». Далѣе онъ даетъ характеристику просвѣщеннаго деспота, при составленіи которой весьма недвусмысленно пользуется нѣкоторыми чертами того времени. «Будь премудрый государь», говоритъ Сперанскій, «поставь престолъ свой на столбахъ твердѣйшей политики, призови къ поддержанію его превосходныя дарованія, блистай съ него умомъ твоимъ въ концы вселенныя, заставь славу возглашать немолчною трубою твое знаніе, твои высокіе таланты,—тебѣ будетъ удивляться свѣтъ; но если ты не будешь на тронѣ человѣкъ, если сердце твое не познаетъ обязательствъ человѣчества, если не сдѣлаешь ему любезными милость и миръ, не низойдешь съ престола для отренія слезъ послѣдняго изъ твоихъ подданныхъ, если твои знанія будутъ только пролагать пути къ твоему властолюбію, если ты употребишь ихъ только къ тому, чтобы искуснѣе позлатить цѣпи рабства, чтобъ непримѣтнѣе наложить ихъ на человѣковъ и чтобъ умѣть казать любовь къ народу и, изъ-подъ занавѣсы великодушія, искуснѣе похищать его стяжанія на прихоти твоего сластолюбія и твоихъ любимцевъ, чтобъ поддержать всеобщія заблужденія, чтобъ изгладить совершенно понятія свободы, чтобъ сокровеннѣйшими путями провесть къ себѣ всѣ собственности твоихъ подданныхъ, дать чувствовать имъ тяжесть твоея десницы и страхомъ увѣрить ихъ, что ты болѣе, нежели человѣкъ: тогда, со всѣми твоими дарованіями, со всѣмъ симъ блескомъ, ты будешь только счастливый злодѣй; твои ласкатели внесутъ имя твое золотыми буквами въ списокъ умовъ величайшихъ, но поздняя исторія черною кистью прибавитъ, что ты былъ тиранъ твоего отечества» *). Это мѣсто проповѣди, заключающее въ себѣ явные намеки на Екатерину II, показываетъ, что Сперанскій не былъ чуждъ тѣхъ радикальныхъ идей, которыя распространились въ это время въ Петербургѣ. То, что эта проповѣдь не вызвала со стороны высшей духовной власти никакого замѣчанія Сперанскому, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что императрица, отнявъ населенныя имѣнія у церковныхъ учрежденій — синода, архіерейскихъ каѳедръ, многихъ монастырей и церквей,—вызвала этимъ противъ себя сильное раздраженіе среди духовенства, хотя эта реформа была чрезвычайно полезна для двухъ милліоновъ крестьянъ (об. пола). Въ приведенномъ мѣстѣ проповѣди Сперанскаго, быть можетъ, сказывается его знакомство съ знаменитымъ произведеніемъ Радищева, которое было напечатано въ 1790 г. **).

*) „Русская Старина", 1902 г. № 2, стр. 286—287.

**) Ср. приведенное мѣсто проповѣди Сперанскаго съ извѣстнымъ „Сномъ сидящаго на престолѣ" въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву", Радищева, изд. Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева, 1905 г., стр. 36—49

Оставленный при александро-невской семинаріи преподавателемъ м тематики, нѣсколько позднѣе также физики и краснорѣчія, а черезъ три года сдѣланный и учителемъ философіи и даже префектомъ семинаріи, Сперанскій усердно занимался наукою, при чемъ послѣ математики его наиболѣе интересовала философія. Товарищи заставали его за изученіемъ трудовъ Ньютона; занявъ каѳедру философіи, онъ ревностно трудился надъ ознакомленіемъ съ философскими системами, начиная съ Декарта, Локка, Лейбница и др. до Кондильяка включительно. Сочиненій Канта онъ въ то время не читалъ, такъ какъ не зналъ по-нѣмецки; за то французскимъ языкомъ онъ владѣлъ настолько, что свободно писалъ на немъ; онъ зналъ также латинскій и греческій языки.

Въ концѣ царствованія Екатерины II митрополитъ Гавріилъ дозволилъ Сперанскому взять мѣсто домашняго секретаря у кн. Алексѣя Бор. Куракина и переѣхать къ нему въ домъ съ обязанностью продолжать лекціи въ семинаріи. При сынѣ Куракина гувернеромъ и главнымъ наставникомъ былъ пруссакъ Брюкнеръ, обладавшій глубокими и разносторонними познаніями и проникшійся ученіемъ Вольтера и энциклопедистовъ. Онъ очень подружился со Сперанскимъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ съ нимъ въ свободное время продолжительныя бесѣды. Со вступленіемъ на престолъ имп. Павла, Куракинъ былъ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ, а вслѣдъ затѣмъ Сперанскій попросилъ уволить его изъ семинаріи и въ самомъ началѣ 1797 г. сдѣлался чиновникомъ генералъ-прокурорской канцеляріи. Не будемъ слѣдить за всѣми подробностями его дальнѣйшей служебной карьеры *), упомянемъ только, что, черезъ недѣлю по вступленіи на престолъ имп. Александра I, онъ былъ назначенъ (19 марта 1801 г.) состоять, въ званіи статсъ-секретаря, при Трощинскомъ, занявшемъ мѣсто начальника удѣловъ, главнаго директора почтъ и докладчика и главнаго редактора при государѣ **).

Трощинскій, не имѣвшій солиднаго образованія, не знавшій ни одного иностраннаго языка, поручалъ Сперанскому составленіе манифестовъ, указовъ и пр., которые издавались въ такомъ большомъ количествѣ въ началѣ царствованіи Александра I. Черезъ его руки прошелъ и проектъ: «всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой», составленіе которой поручено было Трощинскому и которая разсматривалась въ неоффиціальномъ комитетѣ въ іюлѣ

---

*) Въ царствованіе Павла Сперанскій подружился съ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ, отличавшимся тогда также либеральнымъ образомъ мыслей,—Вас. Назар. Каразинымъ.

**) *Корфъ*. „Жизнь гр. Сперанскаго". 1861 г. Въ 1798 г. Сперанскій былъ правителемъ канцеляріи „коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами", президентомъ которой былъ назначенъ цесаревичъ; здѣсь Сперанскій впервые сдѣлался извѣстнымъ Александру Павловичу.

1801 г. *). Правда, выработка проекта этого акта поручена была не Сперанскому, а Трощинскому, и въ сохранившейся въ бумагахъ Сперанскаго рукописи его рукою сдѣланы лишь нѣкоторыя поправки въ слогѣ, но весьма возможно, что эта работа была подготовлена Сперанскимъ. Какъ бы ни была, однако, велика доля его участія въ составленіи проекта грамоты, будущему государственному дѣятелю пришлось при редактированіи этого акта встрѣтиться съ нѣкоторыми весьма важными очередными вопросами русской жизни. Такъ, по крестьянскому вопросу здѣсь предполагалось принять слѣдующія мѣры. Если случится, что, по какому-нибудь иску, «или какъ бы то ни было», имѣніе крестьянина будетъ подлежать описи, «конфискованію или отъятію», то всѣ земледѣльческія орудія, телѣга, лошади, волы, житницы съ хлѣбомъ и земледѣльческія строенія не должны быть отняты у него ни подъ какимъ видомъ. «Сія *собственность*, основывая существенно состояніе земледѣльца, не имѣетъ быть, ни подъ какимъ... предлогомъ, нарушаема, ни за казенный... долгъ, взысканія, недоимку или подать, *ниже за какое либо требованіе владѣльца*, и да пребудетъ она свята и ненарушима навсегда». Если бы «грамота россійскому народу» была обнародована, то приведенное постановленіе могло бы имѣть не малое значеніе, особенно для крѣпостныхъ крестьянъ: оно предоставляло имъ право собственности на строенія, скотъ и земледѣльческія орудія, которыя тогда помѣщикъ могъ отбирать по своему усмотрѣнію. Правила, предположенныя въ грамотѣ, препятствовали-бы помѣщику обращать своихъ крестьянъ въ мѣсячниковъ (безземельныхъ батраковъ), что въ XIX вѣкѣ, по мѣрѣ увеличенія тѣсноты въ землѣ, стало практиковаться гораздо чаще, чѣмъ это дѣлалось въ XVIII вѣкѣ.

Существенною частью судопроизводства, какъ проектировалось въ грамотѣ, должно было быть предоставленіе обвиняемымъ въ уголовномъ преступленіи права избрать себѣ защитника. Предполагалось разрѣшить каждому заключенному, если ему не объявлено о причинѣ задержанія, и если онъ въ теченіе трехъ дней не былъ допрошенъ, требовать освобожденія, и онъ долженъ былъ бы немедленно получить свободу, съ правомъ начать искъ противъ задержавшаго его за нарушеніе личной безопасности и причиненные убытки. Взятый подъ стражу и представившій установленное закономъ поручительство въ томъ, что явится на судъ, долженъ быть освобожденъ, кромѣ случаевъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, и то вполнѣ доказанныхъ и совершенныхъ умышленно. Предполагалось постановить, что, согласно XX главѣ Наказа, можно считать

*) Проектъ нѣкоторыхъ пунктовъ грамоты предложилъ гр. А. Р. Воронцовъ, но они встрѣтили въ неоффиціальномъ комитетѣ возраженія, и пункты эти поручено было Воронцову передѣлать, посовѣтовавшись съ Новосильцовымъ и Кочубеемъ.

оскорбленіемъ величества только извѣстныя дѣйствія, а отнюдь не слова и сочиненія,—правило, и до сихъ поръ не осуществленное въ русскомъ законодательствѣ. Не останавливаясь на другихъ пунктахъ проекта грамоты, упомянемъ только, что, какъ видно изъ помѣты, сдѣланной рукою Сперанскаго, ее предполагалось обнародовать въ Москвѣ въ сентябрѣ 1801 г. (во время коронаціи). Намѣреніе государя издать эту грамоту осуществлено не было, но участіе въ составленіи или редактированіи ея проекта ввело Сперанскаго въ кругъ самыхъ важныхъ вопросовъ русской жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ показало ему, какъ ничтожна еще возможность проведенія въ жизнь даже и весьма скромныхъ преобразованій. Впрочемъ, Сперанскій хорошо понималъ всю недостаточность мѣръ, предположенныхъ въ проектѣ грамоты, какъ видно изъ его разсужденія, написаннаго въ слѣдующемъ году.

Сперанскій сознавалъ, что настаетъ новое время, что является запросъ на людей, способныхъ указать, какъ слѣдуетъ измѣнить безобразный государственный строй Россіи, и въ 1802 г. онъ написалъ записку объ основныхъ законахъ вообще, которая должна была составить введеніе къ дальнѣйшимъ проектамъ. Записка эта, до сихъ поръ извѣстная лишь въ отрывкахъ, и то въ переводѣ на французскій языкъ, въ полномъ видѣ не имѣетъ хронологической помѣты, и могло бы оставаться спорнымъ, когда она написана, если бы не сохранилась другая записка Сперанскаго, вслѣдъ затѣмъ составленная, содержаніе которой является уже совершенною новинкою: это «Отрывокъ о коммиссіи уложенія. Введеніе» *), произведеніе, написанное какъ будетъ доказано ниже, въ 1802 г.

Изучая исторію коммиссіи о составленіи законовъ, Сперанскій выражаетъ въ этой запискѣ удивленіе, что «къ дѣлу, столь важному, доселѣ средства употребляемы были столь малозначущія и несвойственныя». Не зная еще въ это время о Палатѣ уложенія 1700 г. онъ полагаетъ, что наше правительство стало заниматься составленіемъ новаго уложенія съ 1714 г., но оно не могло дать этому учрежденію, т. е. коммиссіи о составленіи законовъ, «того постояннаго и твердаго движенія, которое одно можетъ удостовѣрить успѣхъ великихъ и продолжительныхъ предпріятій». Въ доказательство того, «какъ мало понимали наилучшіе умы всю трудность этого дѣла», Сперанскій упоминаетъ, что Петръ I «давалъ себѣ обѣщаніе запереться и не выходить изъ Монплезира», пока его не окончитъ. Не считая нужнымъ останавливаться на всѣхъ попыткахъ, которыя дѣлались съ этою цѣлью со времени Петра, Сперанскій утверждаетъ,

*) Что это дѣйствительно только отрывокъ, видно изъ не разъ встрѣчающихся въ немъ выраженій: „какъ доказано выше", „какъ сіе доказано выше". хотя эти слова не оправдываются предшествовавшимъ содержаніемъ записки; или говорится: „ниже сего будетъ сіе доказано подробнѣе", хотя въ сохранившейся рукописи это обѣщаніе не исполнено. Рукопись архива Н. И. Тургенева въ библ. Акад. Наукъ № 1006.

что «всѣ онѣ были почти одинаковы; во всѣхъ, послѣ пышныхъ... плановъ, дѣйствіе оканчивалось обрядомъ, во всѣхъ начинали дѣло... министры, сенаторы, лучшіе умы того вѣка, а кончили оберъ-секретари, секретари сенатскіе и даже подъячіе» (объ участіи выборныхъ отъ населенія въ до-екатерининскихъ коммиссіяхъ Сперанскій, повидимому, не знаетъ). По его мнѣнію, такова же исторія коммиссіи о составленіи законовъ, дѣйствовавшей въ его время: «она началась *государственнымъ великимъ сеймомъ*, въ 1766 г. отъ всѣхъ концовъ Россіи созваннымъ, а кончилась Ананьевскимъ, Пшеничнымъ и Ильинскимъ» (чиновники коммиссіи, служившіе въ ней въ 1802 г.).

Какъ и въ своемъ знаменитомъ «Введеніи» къ уложенію государственныхъ законовъ, Сперанскій отрицательно относится въ этой запискѣ къ Екатерининской законодательной коммиссіи. Онъ говоритъ: «государыня Екатерина II, плѣнясь понятіями философовъ *), въ то время въ великой славѣ.. бывшихъ, вообразила народъ россійскій довольно совершеннымъ, чтобъ допустить его къ великому дѣлу законодательства, хотѣла заставить черемиссъ и остяковъ размышлять и умствовать, — но что произвели сіи въ цѣпяхъ законодатели? — Прочитайте ихъ журналы». Это мѣсто любопытно, во-первыхъ, потому, что, какъ видно изъ послѣднихъ словъ, Сперанскій былъ знакомъ съ дневными записками екатерининской коммиссіи, а во-вторыхъ, характерно для его тогдашняго настроенія названіе депутатовъ этой коммиссіи «законодателями въ цѣпяхъ». Вѣроятно, кромѣ неподготовленности къ дѣлу депутатовъ, причины неудачи коммиссіи Сперанскій видѣлъ и въ стѣсненіи ихъ дѣятельности со стороны правительства, а, быть можетъ, и вообще не считалъ тогда возможною успѣшную дѣятельность выборной законодательной коммиссіи въ условіяхъ нашего государственнаго строя.

Напротивъ, въ своемъ трудѣ 1809 г. Сперанскій преувеличиваетъ либеральныя намѣренія Екатерины II. «Все то, что въ другихъ государствахъ,—говоритъ онъ,—введено было для образованія генеральныхъ штатовъ, все то, что въ политическихъ писателяхъ того времени предполагалось наилучшаго для успѣховъ свободы; *наконецъ, почти все то, что послѣ, двадцать пять лѣтъ спустя, было сдѣлано во Франціи для открытія послѣдней революціи* **), все почти было ею допущено при образованіи Коммиссіи Законовъ. Созваны депутаты отъ всѣхъ состояній, и созваны въ самыхъ строгихъ формахъ народнаго законодательнаго представленія, данъ Наказъ, въ коемъ содержалось сокращеніе лучшихъ политическихъ истинъ того времени, употреблены были великія пожертвованія и издержки, дабы облечь сословіе сіе

*) Зачеркнуто: „аббата Мабли“.

**) Строки, набранныя курсивомъ, во французскомъ переводѣ „Введенія“, зачеркнуты карандашемъ.

всѣми видами свободы и величія, словомъ, все было устроено, чтобы дать ему, и въ лицѣ его Россіи, бытіе политическое, но все сіе столь было тщетно, столь незрѣло и столь преждевременно, что одно величіе предпріятій и блескъ дѣяній послѣдующихъ, едва могли только сохранить сіе установленіе отъ всеобщаго почти осужденія. Не только толпа сихъ законодателей не понимала ни цѣли, ни мѣры своего предназначенія, но едва ли было между ними одно лицо, одинъ разумъ, который бы могъ стать на высотѣ своего званія и обозрѣть все его пространство. Такимъ образомъ, громада сія, усиліемъ одного духа, безъ содѣйствія времени составленная, отъ собственной своей тяжести пала, оставивъ по себѣ одну долголѣтнюю и горестную укоризну всѣмъ подобнымъ сему предпріятіямъ» *). Новѣйшія изученія дѣятельности екатерининской законодательной коммиссіи показали, насколько мало исторической правды было въ этомъ отзывѣ Сперанскаго: достаточно припомнить пренія по вопросамъ, касающимся улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, чтобы признать, что среди депутатовъ и отъ крестьянъ, и отъ казаковъ, и отъ дворянъ были люди, достойные участвовать въ выработкѣ новыхъ законовъ; съ другой стороны, отнюдь нельзя сказать, чтобы законодательная коммиссія пользовалась полною свободою въ выраженіи своихъ мнѣній: самъ Сперанскій, въ болѣе раннемъ своемъ трудѣ, какъ мы только что видѣли, называлъ ихъ «законодателями въ цѣпяхъ».

Возвращаясь къ запискѣ Сперанскаго (1802 г.) о коммиссіи для составленія законовъ, мы видимъ, что, насколько чрезмѣрно строгъ былъ его отзывъ о членахъ екатерининской законодательной коммиссіи, которые почти всѣ были выборные отъ разныхъ сословій, настолько онъ былъ правъ въ оцѣнкѣ лицъ, входившихъ въ составъ того бюрократическаго учрежденія, которое занималось выработкою проекта новаго уложенія въ началѣ царствованія Александра I. Среди этихъ лицъ Сперанскій, впрочемъ, отмѣтилъ, какъ мы увидимъ, одно блестящее исключеніе.

Видимо не зная работъ тѣхъ частныхъ коммиссій, которыя трудились надъ составленіемъ проектовъ послѣ распущенія большой екатерининской коммиссіи, Сперанскій непосредственно переходитъ отъ нея къ «Коммиссіи для составленія законовъ», учрежденной въ 1797 г., и дѣлаетъ весьма язвительную характеристику ея членовъ.

„Екатерининская коммиссія скоро была разрушена: осталась тѣнь ея, или, лучше сказать, осталось нѣсколько человѣкъ на развалинахъ сего огромнаго зданія славы, ищущихъ личнаго пропитанія. Можно бы было съ основаніемъ вопросить сихъ оставшихся законодателей: „Вы призваны составить уложеніе для обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, населенной разными языками, славящейся своею силою, рабствомъ, разнообразіемъ нравовъ и непостоянствомъ законовъ. Приступая къ сему великому дѣлу,

*) „Историческое Обозрѣніе", т. X, 13—14.

вы, безъ сомнѣнія, имѣете уже полное собраніе всѣхъ матеріаловъ, къ сему принадлежащихъ».

— Труды всѣхъ коммиссій, доселѣ бывшихъ,—отвѣчали бы они,—нынѣ хранятся въ нашемъ архивѣ, тамъ есть проекты законовъ на разныя части...

„Вамъ извѣстно, что одинъ и тотъ же законъ можетъ быть весьма полезенъ въ правленіи республиканскомъ или деспотическомъ и весьма вреденъ въ монархическомъ, и что монархическое правленіе, по разности своихъ коренныхъ законовъ, можетъ имѣть различные виды и степени, словомъ, что всякое государство имѣетъ свою конституцію, и уложеніе должно быть согласно съ сею конституціею: итакъ, я полагаю, что вы имѣете общее начертаніе того государственнаго постановленія, къ коему должна быть приведена Россія, что вы непрестанно соображаетесь съ симъ начертаніемъ и пр., и пр.

— Мы знаемъ, что въ Россіи государь соединяетъ въ себѣ всѣ роды силъ,—онъ есть законодатель, верховный судья и первый исполнитель своихъ собственныхъ законовъ,—вотъ что называемъ мы государственными постановленіями и на семъ одномъ понятіи основываемъ мы всѣ наши сужденія о законахъ. Законъ есть выраженіе воли государя, а понятія о конституціяхъ суть порожденія новой философіи, столько же по мнѣнію нашему безполезныя, какъ и всѣ теоріи, на грезахъ воображенія воздвигнутыя и никогда событія своего не достигающія.

„По крайней мѣрѣ, я долженъ изъ сего заключить, что изучась (sic) древней философіи, привыкнувъ размышлять съ Аристотелемъ, Гораціемъ и Пуффендорфомъ, вы проникли во всѣ изгибы и новыхъ примѣчателей познали всю неосновательность Монтескіевъ, Блакстоновъ и прочихъ сего рода поверхностныхъ умовъ, что теряли свое время, трудясь въ теченіе цѣлой жизни надъ нѣсколькими листами ихъ сочиненій; вы постигли и заблужденія ихъ, и нелѣпость ихъ правилъ, и глубокимъ размышленіемъ проложили себѣ прямой и собственный путь къ истинѣ".

— Мы лучше умѣли употребить наше время. Вступая отъ самаго младенчества въ тайны канцелярскія, не теряя силъ памяти и размышленія, даже и въ первыхъ основаніяхъ словесности, съ чистыми, естественными понятіями и съ перомъ въ рукахъ, мы искали сперва средствъ къ пропитанію, потомъ, мало-по-малу возникая въ трудной и единственной наукѣ понимать (?) законы и знать образы (т. е. формы бумажнаго производства), „мы столько успѣли, что имя наше сдѣлалось въ сенатѣ и губерніяхъ гласнымъ" *).

Казалось бы, что при такомъ отрицательномъ отношеніи къ наличнымъ силамъ учрежденія, которому въ 1796 г. было поручено изъ существующихъ узаконеній извлечь три книги законовъ: 1) уголовныхъ, 2) гражданскихъ и 3) дѣлъ казенныхъ, Сперанскій долженъ былъ потребовать совершенно иной постановки дѣла. Но, вѣроятно, не считая возможнымъ этого добиться и допуская, что нужно вести работу съ наличными силами, привлекши къ ней лишь немногихъ новыхъ лицъ, онъ все же высказываетъ очень важныя и замѣчательныя соображенія о тѣхъ началахъ, которыя должны быть положены въ основу плана выработки уложенія.

«Уложеніе,—говоритъ онъ,—есть часть государственнаго по-

---

*) Большая часть этого мѣста въ сохранившейся рукописи записки написана рукою Сперанскаго.

становленія или конституціи, содержащая въ себѣ общіе законы, коими установляются взаимныя права гражданъ въ отношеніи къ лицу и имуществу.

«Изъ сего слѣдуетъ, что уложеніе не даетъ гражданамъ правъ, но учреждаетъ взаимныя ихъ между собою отношенія и превращаетъ ихъ въ обязанности. А посему всякое уложеніе должно быть основано на существующихъ правахъ народа или, по крайней мѣрѣ, должно предполагать ихъ существующими. Въ Россіи должно ихъ предполагать, ибо въ самомъ дѣлѣ они еще не существуютъ, хотя и много писано о нихъ въ грамотахъ и манифестахъ.

«Въ правленіи самовластномъ не можетъ быть уложенія: ибо гдѣ нѣтъ правъ, тамъ не можетъ быть и постоянныхъ ихъ между собою отношеній. То, что называется уложеніемъ и закономъ въ сихъ правленіяхъ, не что другое есть, какъ произвольное постановленіе власти предержащей, предписывающее взаимныя гражданъ обязанности на извѣстное время, доколѣ воля самовластная не разсудитъ перемѣнить ихъ или инымъ образомъ ограничить.

«Напротивъ, правленія законныя не могутъ быть безъ уложенія, ибо въ правленіяхъ законныхъ права гражданъ непоколебимы, а права непоколебимы быть не могутъ, если не установятся между ними непремѣнныя отношенія. Отсюда слѣдуетъ, что въ сихъ правленіяхъ уложеніе есть законъ фундаментальный и непремѣнный, ибо нельзя перемѣнить отношеній правъ безъ потрясенія ихъ самихъ».

Отсюда является вопросъ: можетъ ли уложеніе предшествовать «общему государственному постановленію», т. е. конституціи, причемъ Сперанскій спѣшитъ пояснить, что «подъ именемъ общаго государственнаго постановленія не то, конечно, должно разумѣть, что нынѣ существуетъ, но то, къ которому идетъ Россія: ибо нынѣ существующее постановленіе, состоя въ одной неограниченной волѣ, само собою прейти долженствуетъ».

На заданный себѣ вопросъ Сперанскій отвѣчаетъ утвердительно: по его мнѣнію уложеніе не только можетъ, но и должно предшествовать «общему государственному постановленію» (конституціи) тамъ, гдѣ такого «постановленія» не существуетъ, «ибо, утверждая отношенія правъ между гражданами, тѣмъ самымъ врѣзываетъ оно во мнѣніи народномъ самыя права, а мнѣнія народныя есть первая стихія, первая дѣятельная сила конституціи... Уложеніе можетъ приготовить путь къ нему и расположить умъ народный. Уложеніе хотя можетъ и должно предшествовать въ дѣйствіи своемъ общему государственному постановленію, но въ намѣреніи своемъ долженствуетъ предполагать его: оно должно быть составлено такъ, какъ будто бы сіе постановленіе уже существовало, ибо, бывъ частью его, оно должно быть сообразно духу цѣлаго. Сей духъ общаго государственнаго постановленія долженъ

быть необходимо присущимъ составу уложенія. Подобно духу творческому, онъ долженъ невидимо парить надъ симъ твореніемъ, одушевлять и располагать всей его частью».

Но какимъ же образомъ уложеніе можетъ приноравливаться къ несуществующей еще конституціи, или «государственному постановленію»? По мысли Сперанскаго, это «предполагаемое въ будущемъ постановленіе, при составленіи уложенія, должно существовать только въ общемъ начертаніи», т. е. должны быть выработаны лишь его основныя начала. При этомъ онъ прибавляетъ еще одно весьма странное условіе: правила этого будущаго государственнаго постановленія «должны быть извѣстны только тѣмъ», кто будетъ составлять и соображать уложеніе, при чемъ онъ полагаетъ, что отъ «зарожденія его» (государственнаго постановленія) «въ правительствѣ до обнародованія», вѣроятно, пройдетъ еще полъ-вѣка. Это сохраненіе въ секретѣ основныхъ началъ будущаго государственнаго преобразованія, необходимыхъ, по мнѣнію Сперанскаго, для выработки уложенія, было бы шагомъ назадъ даже сравнительно съ шестидесятыми годами XVIII вѣка, когда Екатерина II напечатала свой Наказъ. Правда, онъ сначала не былъ книгою для всѣхъ доступною, но, во-первыхъ, онъ былъ многократно прочитанъ въ большой законодательной коммиссіи, гдѣ присутствовало нѣсколько сотъ депутатовъ, затѣмъ былъ разосланъ въ высшія присутственныя мѣста въ столицахъ, гдѣ, впрочемъ, не разрѣшалось давать его для списыванія и прочтенія канцелярскимъ служителямъ и постороннимъ лицамъ *), а въ 1768 г. было предписано разослать въ тѣ же учрежденія и къ губернаторамъ и дополненіе къ Наказу, съ тѣмъ, чтобы въ судебныхъ учрежденіяхъ прочитывать Наказъ не менѣе трехъ разъ въ годъ **). Наконецъ, при Екатеринѣ II вышло въ свѣтъ нѣсколько изданій Наказа. Между тѣмъ, Сперанскій предполагалъ основныя начала будущаго государственнаго преобразованія довѣрить, какъ секретъ, лишь составителямъ уложенія, при чемъ подготовка его первоначальнаго проекта производилась бы уже не въ большой, выбранной некрѣпостнымъ населеніемъ Россіи коммиссіи, а на чисто бюрократическихъ началахъ. Очень характерно также для тогдашняго міросозерцанія Сперанскаго, что онъ считалъ возможнымъ на 50 лѣтъ впередъ опредѣлить общее основаніе государственнаго преобразованія: очевидно, онъ не разсчитывалъ въ то время на быстрое политическое развитіе общества и народа.

Итакъ, первымъ изъ «существенныхъ» правилъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при составленіи уложенія, Сперанскій считаетъ то, что оно должно соотвѣтствовать плану «будущаго общаго государственнаго постановленія». Но рядомъ съ этимъ,

*) П. С. З. т. XVIII, № 12.977, сен. указъ 24 сент. 1767 г.
**) П. С. З. т. XVIII, № 13.107, сен. указъ 28 апр. 1768 г.

онъ устанавливаетъ второе правило, чтобы «составъ» уложенія былъ, насколько возможно, «сложенъ» изъ законовъ, уже существовавшихъ прежде и къ которымъ привыкъ народъ. Введеніе въ уложеніе новыхъ законовъ Сперанскій допускалъ лишь въ томъ случаѣ, если старые будутъ противорѣчить основнымъ началамъ «принятаго государственнаго постановленія».

Но при составленіи уложенія Сперанскій не находитъ возможнымъ довольствоваться исключительно бюрократическою его подготовкою. Выработанный коммиссіею проектъ онъ предлагаетъ передать на разсмотрѣніе представителей различныхъ сословій. Однако, онъ думаетъ, что созывать депутатовъ слѣдуетъ не одновременно, а одно сословіе за другимъ, между тѣмъ какъ екатерининская коммиссія показала, какъ важно столкновеніе мнѣній представителей различныхъ сословій. Необходимымъ правиломъ для составленія уложенія должно быть, по его мнѣнію, участіе въ этомъ дѣлѣ «всего государства». Онъ поясняетъ эту мысль такимъ образомъ: «Уложеніе есть коренной законъ государства. Во всѣхъ правильныхъ монархическихъ системахъ всѣ коренные законы должны быть твореніе народа, ибо ни въ одномъ изъ нихъ безъ противорѣчія предположить невозможно, чтобы народъ довѣрилъ тому самому лицу опредѣлять предѣлы власти, для коего они полагаются... Но какимъ образомъ все государство будетъ участвовать въ составѣ уложенія?» Если избранные различными сословіями будутъ призваны, одно сословіе за другимъ, къ выслушанію проекта уложенія, если имъ будетъ дана возможность дѣлать на него замѣчанія, то или будетъ доказана ихъ неосновательность, или въ проектѣ будутъ сдѣланы нѣкоторыя поправки. «Я не знаю,—продолжаетъ Сперанскій,—почему бы сей народный актъ не должно было назвать всеобщимъ государственнымъ согласіемъ и народнымъ участіемъ въ составѣ уложенія». Сперанскій не поясняетъ, что дѣлать, если представители того или другого сословія не убѣдятся доводами составителей проекта относительно неосновательности сдѣланныхъ ими возраженій, или если замѣчанія представителей одного сословія будутъ прямо противорѣчить мнѣнію представителей другого сословія. Очевидно, рѣшающій голосъ въ дѣлѣ составленія уложенія Сперанскій предоставляетъ правительству.

Работу по составленію уложенія онъ раздѣляетъ на три періода: 1) приготовленіе къ нему, 2) составленіе и 3) обнародованіе. Эти разныя части работы онъ предполагалъ поручить тремъ разнымъ коммиссіямъ одна за другой.

Въ запискѣ Сперанскаго, которая, быть можетъ, и не была окончена, говорится лишь о первой коммиссіи, при чемъ онъ указываетъ, въ чемъ должна состоять подготовительная работа по уложенію, какъ распредѣлить ее между наличными силами существующей коммиссіи и какими лицами можно было бы дополнить ея составъ. Спе-

ранскій предлагалъ такую программу дѣятельности первой коммиссіи: 1) «составить и повѣрить лучшіе и вѣрнѣйшіе своды уложенія, или расположить законы по матеріямъ»; 2) «сочинить исторію россійскихъ законовъ, изобразивъ въ ней перемѣны ихъ, начала, случаи, и, если можно, вліяніе на государственное благо», 3) «привести въ ясность и порядокъ разсѣянныя упражненія прежнихъ коммиссій, извлечь изъ пыли проекты и матеріалы, въ нихъ изготовленные, дополнить то, что временемъ и небреженіемъ въ нихъ потеряно; перевесть или исправить и дополнить переведенныя уже уложенія шведское, датское и особенно прусское».

Не будемъ останавливаться на томъ, какъ Сперанскій предполагалъ распредѣлить работу первой коммиссіи между тѣми чиновниками, къ которымъ въ началѣ записки онъ отнесся такъ иронически (Ананіевскій, Ильинскій и Пшеничный); къ нимъ онъ предлагалъ присоединить двухъ чиновниковъ изъ другихъ учрежденій: Максимовича, собравшаго много матеріаловъ для словаря русскихъ законовъ, *) и Правикова, составителя трехтомнаго «Памятника законовъ» **). Но изъ всего тогдашняго состава коммиссіи Сперанскій выдѣляетъ человѣка, занимавшаго одно изъ первыхъ, а быть можетъ, и первое мѣсто среди тогдашней русской интеллигенціи—А. Н. Радищева, служившаго тогда въ коммиссіи законовъ. «Радищевъ»,—говоритъ Сперанскій,—можетъ съ совершеннымъ успѣхомъ составить исторію законовъ,—твореніе необходимое и въ коемъ, *по дарованіямъ его и свѣдѣніямъ, онъ можетъ много пролить свѣту* на тьму, насъ облежащую».

Это мѣсто записки Сперанскаго имѣетъ огромную важность, такъ какъ указываетъ на то, что онъ лично зналъ Радищева, и усиливаетъ вѣроятность предположенія, высказаннаго выше по поводу проповѣди Сперанскаго 1791 г., что онъ былъ знакомъ съ знаменитымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву». Этотъ фактъ еще болѣе расширяетъ сферу вліянія Радищева и въ извѣстной степени устанавливаетъ преемственность прогрессивныхъ идей въ томъ направленіи, которое ускользало прежде отъ вниманія изслѣдователей. Еще недавно было указано ***), что идеи Радищева по крестьянскому вопросу повліяли на князя Безбородко при составленіи имъ въ 1799 году плана государственныхъ преобразованій. Безбородко составилъ эту записку по просьбѣ своего племянника Кочубея, который и передалъ ее цесаревичу Александру Павловичу, но Александръ по вступленіи на престолъ холодно относился къ предложенному Безбородкомъ плану государственныхъ

*) Л. М. Максимовичъ въ слѣдующемъ году сталъ печатать „Указатель Росс. Законовъ, временныхъ учрежденій, суда и расправы (со времени Владиміра Вел. по 1781 г.)". 10 чч. М. 1803—1808 г.

**) Началъ выходить въ свѣтъ въ 1798 г.

***) *Тумановъ*. „А. Н. Радищевъ". „Вѣстникъ Европы" 1904 г. № 2 стр. 670—675.

преобразованій. Теперь оказывается, что другой, гораздо болѣе талантливый, государственный дѣятель не избѣгъ вліянія идей Радищева. Сперанскій какъ бы въ подтвержденіе того, что онъ дѣйствительно былъ знакомъ со взглядами Радищева на крѣпостное право, вслѣдъ за приведеннымъ о немъ отзывомъ говоритъ: «Въ составленіи сей исторіи» (русскаго законодательства) «не худо будетъ дать ему» (Радищеву) «особенно замѣтить, чтобъ углубился онъ разысканіемъ» (sic), «какимъ образомъ обычай укрѣплять крестьянъ превратился въ право, и въ какомъ положеніи сей родъ людей былъ въ Россіи при различныхъ ея превращеніяхъ». Нѣсколько далѣе въ той же запискѣ, разсматривая вопросъ о составленіи проекта уголовныхъ законовъ, Сперанскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Я не говорю здѣсь о высшихъ предметахъ, какъ-то: объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ,—т. е. объ отношеніи милліоновъ, составляющихъ полезнѣйшую часть имперіи къ горсти людей, захватившихъ, Богъ знаетъ почему и для чего, всѣ права и преимущества. Сіи предметы относятся болѣе къ конституціи, нежели къ уложенію, хотя нельзя будетъ пропустить ихъ и въ уложеніи». Весь тонъ этого мѣста показываетъ, что, во время составленія разсматриваемой записки, Сперанскій уже имѣлъ вполнѣ опредѣленное отрицательное мнѣніе о крѣпостномъ правѣ и желалъ его уничтоженія, что еще очевиднѣе показываетъ другая записка его 1802 г.

Для дѣятельности первой коммиссіи о составленіи законовъ, которая должна была заняться подготовительными работами, Сперанскій назначаетъ трехлѣтній срокъ. Пока она будетъ собирать необходимый матеріалъ и «полагать первое основаніе сему великому зданію», правительство должно «совершить два великіе подвига». Первый изъ нихъ долженъ состоять въ «начертаніи общаго государственнаго постановленія, или конституціи». Сперанскій напоминаетъ о томъ, что, какъ замѣтилъ онъ уже выше, «безъ сего творенія ни одной вѣрной черты не можно провесть въ уложеніи, ибо уложеніе есть часть сего постановленія, а часть всегда должна быть сообразна своему цѣлому», но онъ повторяетъ, что «начертаніе сіе должно быть извѣстно только тѣмъ, коимъ ввѣрено будетъ составленіе уложенія: отъ нихъ до народа путь еще не близокъ и не приготовленъ. Наказъ коммиссіи былъ, кажется, слѣдствіемъ подобнаго размышленія, но онъ, содержа въ себѣ выписки изъ наилучшихъ сочиненій о законахъ, ничего не представляетъ опредѣлительнаго о конституціи Россіи и, если бы представлялъ, то не долженъ бы быть публичнымъ».

Въ дѣйствительности въ Наказѣ были высказаны очень опредѣленные взгляды на государственный строй, а именно Екатерина II рѣшительно высказалась за необходимость самодержавія для Россіи. На это русскій народъ отвѣтилъ пугачевщиной, выраженіемъ сочувствія казацкимъ кругамъ и требованіемъ земли и воли. Къ

только что приведеннымъ словамъ Сперанскій дѣлаетъ примѣчаніе, въ высшей степени важное для опредѣленія времени составленія другого, гораздо болѣе замѣчательнаго, его разсужденія: «Я не смѣю здѣсь представить мыслей моихъ о семъ великомъ дѣлѣ,—хотя *въ другомъ мѣстѣ,* испытавъ о немъ размышленія мои, мнѣ кажется доказалъ я *самому себѣ,* что трудность его состоитъ не въ самомъ существѣ, но въ выборѣ средства привести его въ силу безъ крутостей и переломовъ». Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь указаніе на политическое разсужденіе объ общихъ началахъ конституціи, написанное Сперанскимъ для «самого себя» и при томъ *ранѣе* только что изложенной записки о коммиссіи составленія законовъ. Отсюда ясно, какъ важно точное опредѣленіе времени, когда была написана только что разсмотрѣнная записка объ этой коммиссіи. На ней нѣтъ никакой хронологической помѣты, но я отношу ее къ 1802 г., вслѣдствіе упоминанія въ ней имени Радищева. Однако этотъ вопросъ требуетъ еще нѣкоторыхъ поясненій.

6-го августа 1801 г. членомъ коммиссіи для составленія законовъ былъ назначенъ коллежскій совѣтникъ А. Н. Радищевъ, и онъ «вступилъ въ присутствіе» ея 13-го августа, но черезъ нѣсколько дней, 17-го августа, предсѣдатель коммиссіи, гр. Завадовскій, прислалъ ей предложеніе, чтобы Радищевъ сопровождалъ его на коронацію въ Москву, откуда онъ возвратился лишь 21-го декабря 1801 г., а 12-го сентября 1802 г. Радищевъ умеръ *). Такимъ образомъ, упоминаніе о Радищевѣ въ запискѣ Сперанскаго заставляетъ отнести ея составленіе къ указанному періоду времени, съ августа 1801 г. до 12-го сентября 1802 г., всего же вѣроятнѣе, (въ виду отсутствія Завадовскаго изъ Петербурга въ послѣдніе мѣсяцы 1801 г.),—къ 1802 г. Этотъ послѣдній годъ приходится принять и по сравненію этой записки съ тою, которая была написана ранѣе ея и которая будетъ разсмотрѣна ниже. Тутъ можетъ еще возникнуть нѣкоторое сомнѣніе, вслѣдствіе того, что въ 1802 г. въ коммиссіи о составленіи законовъ служилъ и сынъ А. Н. Радищева, Николай Александровичъ **), но о Радищевѣ въ запискѣ Сперанскаго говорится, какъ о человѣкѣ, выдающемся по своимъ «дарованіямъ и свѣдѣніямъ», ему предполагается поручить составленіе исторіи русскаго законодательства и въ частности разсмотрѣніе вопроса о прикрѣпленіи крестьянъ,—очевидно, дѣло идетъ о знаменитомъ страдальцѣ за свои убѣжденія, А. Н. Радищевѣ. Возможно еще одно сомнѣніе: присутствовать въ совѣтѣ коммиссіи о составленіи законовъ Сперанскій былъ назначенъ 8-го августа

---

*) *Сухомлиновъ.* „Изслѣдованія и статьи". I, 615, 635.

**) Николай Алекс. Радищевъ былъ опредѣленъ на службу въ коммиссію о составленіи законовъ губернскимъ секретаремъ 3-го января 1802 г., а 20-го марта 1803 г. онъ перешелъ въ департаментъ министра просвѣщенія (Арх. Госуд. Совѣта).

1808 г., но сочиненіе изложенной выше записки относится къ тому времени, когда управленіе коммиссіею для составленія законовъ было поручено (5-го іюня 1801 г.) гр. Завадовскому, который долженъ былъ, разсмотрѣвъ прежніе труды по законодательной части, представить планъ ихъ продолженія. Сперанскій въ это время, съ апрѣля 1801 до 8-го сентября 1802 г., состоялъ начальникомъ экспедиціи при Совѣтѣ, учрежденномъ для разсмотрѣнія «важныхъ государственныхъ дѣлъ», и Завадовскій могъ обратиться къ нему съ просьбою составить записку о планѣ будущихъ работъ коммиссіи. По учрежденіи министерствъ коммиссія эта поступила въ вѣдѣніе министерства юстиціи, но работы въ ней велись именно такъ, какъ было намѣчено въ запискѣ Сперанскаго: въ 1803 г. коммиссія разсматривала систематическій планъ по гражданской части, составленный Ананьевскимъ, и подготовительное собраніе бумагъ по части уголовной, составленное Ильинскимъ *); именно этимъ лицамъ Сперанскій и предложилъ поручить работу по гражданскимъ и уголовнымъ законамъ, а такъ какъ въ его запискѣ упоминается Радищевъ въ качествѣ лица, обрабатывающаго отдѣльную, самостоятельную часть труда, какъ и названныя лица, то, слѣдовательно, въ запискѣ говорится объ А. Н. Радищевѣ, и потому она была составлена не позже сентября 1802 г.

Опредѣленіе времени составленія разсмотрѣнной записки Сперанскаго важно не только само по себѣ, но еще болѣе потому, что такимъ образомъ опредѣляется время сочиненія перваго разсужденія Сперанскаго о конституціи.

II.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что этимъ разсужденіемъ оказывается рукопись, сохранившаяся въ двухъ экземплярахъ въ бумагахъ Н. И. Тургенева, съ надписью: «Memoire sur la legislation fondamentale en général (Une espèce d'introduction aux projets suivants)»: при чемъ одинъ изъ нихъ представляетъ нѣкоторые варіанты сравнительно съ другимъ **). Самое поверхностное изученіе этихъ рукописей убѣждаетъ, что онѣ содержатъ въ себѣ то произведеніе Сперанскаго, изъ котораго Н. И. Тургеневъ сдѣлалъ извлеченіе въ приложеніи къ III-му тому своей книги «La Russie et les Russes» (p. 296—309). Хотя самъ Тургеневъ писалъ, что онъ приводитъ извлеченія изъ проектовъ Сперанскаго, составленныхъ «повидимому» въ различное время ***), чѣмъ и объясняются противорѣчія между ними, нѣкоторые ученые

*) *Сухомлиновъ* I, 621.

**) Арх. Н. И. Тургенева въ библ. Ак. Наукъ №№ 1004 и 1005 г.

***) Болѣе мѣста онъ удѣляетъ изложенію проекта Сперанскаго 1809 г.

характеризовали политическіе взгляды Сперанскаго въ общемъ очеркѣ, не пытаясь опредѣлить порядокъ ихъ развитія и не обращая вниманія на эти противорѣчія.

Еще двадцать лѣтъ тому назадъ, въ своей работѣ о «Крестьянскомъ вопросѣ», я указывалъ на необходимость не смѣшивать взглядовъ Сперанскаго различныхъ эпохъ. Но если время составленія наиболѣе зрѣлаго его труда, «Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ» (1809 г.) было внѣ сомнѣнія, то по краткимъ извлеченіямъ, сдѣланнымъ Тургеневымъ, къ тому-же во французскомъ переводѣ, оказывалось невозможнымъ точно опредѣлить время написанія другого политическаго разсужденія Сперанскаго, съ которымъ Тургеневъ весьма недостаточно познакомилъ читателей своей книги. Мною было высказано предположеніе *), что это разсужденіе, въ которомъ Сперанскій предлагаетъ учредить сеймъ изъ двухъ палатъ и установить для входящаго въ составъ верхней палаты высшаго дворянства наслѣдованіе по праву первородства, было написано имъ послѣ ссылки, въ надеждѣ найти въ искусственномъ созданіи у насъ аристократіи опору противъ деспотизма самодержавной власти. Съ открытіемъ рукописей двухъ произведеній Сперанскаго оказывается, что его политическій трактатъ, только теперь дѣлающійся доступнымъ для изученія, повидимому, въ полномъ объемѣ **), былъ первымъ политическимъ разсужденіемъ Сперанскаго, написаннымъ не позже сентября 1802 г.

Въ самомъ началѣ своего разсужденія Сперанскій ставитъ слѣдующій вопросъ: «Какимъ образомъ коренные законы государства сдѣлать столько неподвижными и непремѣняемыми, чтобы никакая власть преступить ихъ не могла, и чтобы сила въ монархіи вседѣйствующая надъ ними единственно никакого дѣйствія не имѣла? Сей вопросъ всегда былъ наиважнѣйшимъ предметомъ размышленія всѣхъ добрыхъ государей, упражненіемъ наилучшихъ умовъ, общею мыслью всѣхъ, кто истинно любитъ отечество и не потерялъ еще надежды видѣть его счастливымъ».

Первый отдѣлъ записки носитъ названіе: «О образѣ правленія». Такъ какъ государство состоитъ изъ людей не «равно мощныхъ» и не «равно справедливыхъ», то необходимо правительство, которому Сперанскій даетъ такое опредѣленіе: «средство къ обезпеченію личности, собственности и чести каждаго, *народомъ избранное*, и частію силъ его одѣянное, есть то, что называемъ мы вообще правительствомъ». При избраніи правительства народъ изъявляетъ

---

*) Въ двухъ статьяхъ: 1) „Изъ исторіи общественныхъ теченій въ XVIII-мъ и въ первой половинѣ XIX-го вѣка" („Историческое Обозрѣніе", т. IX, 1897 г., стр. 268) и 2) „Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и въ первой четверти XIX-го в." въ журналѣ „Былое", 1906 г. № 1, стр. 44—46.

**) Правда, въ обѣихъ рукописяхъ, сохраненныхъ Н. И. Тургеневымъ, есть пропускъ, но онъ находится въ томъ мѣстѣ, которое зачеркнуто.

желаніе ему повиноваться и даетъ ему способы принудить къ этому каждаго, въ случаѣ его непокорности *). Отсюда Сперанскій дѣлаетъ слѣдующіе выводы. Всякое законное правительство «установляется общею волею государства». Всякое правительство «получаетъ силы свои» только съ цѣлью «охраненія гражданъ» въ ихъ личности, въ ихъ имуществѣ, въ ихъ чести». Никакой собственной силы правительство имѣть не можетъ,—«источникъ силъ его есть государство». «Всякое правительство существуетъ на условіи, и доколѣ оно исполняетъ сіи условія, дотолѣ оно законно».

«По различію положеній и образу мыслей народныхъ» государство можетъ ввѣрить правленіе «или одному лицу, или многимъ, или всѣмъ». Сперанскій замѣчаетъ, что въ «великомъ государствѣ» не можетъ имѣть мѣста «послѣдній случай», и потому оставляетъ его безъ разсмотрѣнія. Очевидно, по его мнѣнію, непосредственная демократія, возможная въ какомъ-нибудь маленькомъ швейцарскомъ кантонѣ, невозможна въ огромномъ государствѣ, но Сперанскій видѣлъ уже въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ примѣръ существованія обширнаго государства съ республиканскою формою правленія, которую онъ на ряду съ аристократіею, вѣроятно, и разумѣлъ подъ правленіемъ многихъ.

Во всякомъ образѣ правленія Сперанскій различаетъ двѣ степени **): первое, когда «народъ, ввѣряя избранному имъ лицу, или многимъ верховную власть, оставляетъ на волю правительства установленіе и исполненіе правилъ объ охраненіи личности, собственности и чести,—такой образъ правленія есть деспотическій», который, по предположенію Сперанскаго, былъ «долгое время» единственнымъ на землѣ, какъ самый простой, наиболѣе свойственный народамъ грубымъ и ближе подходящій къ патріархальному или домашнему.

«Но когда государи престали быть отцами ихъ народовъ, когда народы познали, что они отдѣляютъ свои пользы отъ ихъ благосостоянія и силы, имъ ввѣренныя, не только обращаютъ не для него, но часто и противъ его, они нашли нужнымъ къ общимъ условіямъ, на коихъ воля народа установила правительства и коихъ неопредѣлительность подвергла ихъ самовластью, присоединить частныя правила и точнѣе означить, чего именно народъ желаетъ. Сіи правила названы *коренными государства законами*, и собраніе ихъ есть общее государственное положеніе, или конституція.

*) Въ проектѣ 1809 г. Сперанскій также рѣшительно говоритъ: „начало и источникъ силъ законодательной, исполнительной и судной въ народѣ".

**) Въ это время онъ еще употребляетъ слово „степень" въ мужскомъ родѣ, но въ сохранившихся копіяхъ его рукописей, хотя и собственноручно имъ выправленныхъ, встрѣчаются оба выраженія: „двѣ степени" и „первый степень".

Правительство, на семъ основаніи утвержденное, есть или ограниченная монархія, или умѣренная аристократія *).

«По различію коренныхъ государства законовъ, власть самодержавная бываетъ болѣе или менѣе ограничена. Иногда законы сіи оставляютъ ей власть дѣлать всѣ постановленія, до собственности, личности и чести гражданъ относящіяся, только бы не отходили они отъ коренныхъ законовъ, и вмѣстѣ исполнять сіи постановленія: тогда власть законодательная остается соединенною со властію исполнительною. Иногда все, что принадлежитъ до законовъ, народъ пріемлетъ на себя и установляетъ для сего особенную законодательную силу, и тогда правительство имѣетъ только власть исполнять; иногда, наконецъ, народъ, принимая правительство въ соучастіе власти законодательной, беретъ вмѣсто того извѣстное соучастіе во власти исполнительной, подвергая ее своему отчету, или назначая ей средства содержанія. Всѣ сіи различныя властей сопряженія, раздѣленія и ограниченія производятъ столько же различныхъ образовъ правленія. Но какимъ образомъ сіи различные образы правленія можно сдѣлать въ основаніяхъ ихъ непоколебимыми; какими средствами предѣлы власти, ими постановляемые, могутъ быть неподвижны, или, чтобъ тоже сказать яснѣе, какимъ образомъ собраніе коренныхъ государства законовъ, общее положеніе его сдѣлать непремѣняемымъ».

Во всѣхъ «земныхъ царствахъ», какъ современныхъ ему, такъ и прежде существовавшихъ, Сперанскій различаетъ «двѣ конституціи», два образа правленія, весьма между собою различныя и часто даже противныя: одинъ внѣшній, другой внутренній». Внѣшнимъ образомъ правленія онъ называетъ «всѣ тѣ гласныя и открытыя постановленія, грамоты, учрежденія, уставы», которыми «силы государственныя содержатся между собою въ видимомъ равновѣсіи», а внутреннимъ образомъ правленія онъ называетъ «то расположеніе государственныхъ силъ», по которому «ни одна изъ нихъ не можетъ взять перевѣса въ общей системѣ, не разрушивъ всѣхъ его отношеній. Затѣмъ онъ разсматриваетъ, какое вліяніе могутъ имѣть эти два рода правленія «на постоянство и непремѣняемость закона».

О внѣшнемъ образѣ правленія Сперанскій разсуждаетъ такъ:

«Когда народъ, постановивъ общею волею коренные законы, заставляетъ правительство торжественною присягою утверждать ихъ непоколебимость, когда вслѣдствіе сего утвержденія установляются законодательныя сословія, охранительныя власти, парламенты, сенаты, государственные совѣты, симъ еще никакъ не постановляются истинные предѣлы власти правительства, когда силы

*) Здѣсь въ примѣчаніи Сперанскій добавляетъ: „Изъ сего слѣдуетъ: 1) что коренные государства законы должны быть твореніемъ народа; 2) коренные государства законы полагаютъ предѣлы самодержавной волѣ“.

его при семъ остаются въ томъ же положеніи, въ какомъ они до ограниченія сего были: народъ можетъ назвать сей образъ правленія аристократическимъ, монархическимъ и даже республиканскимъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ будетъ деспотическимъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, какіе-бы законы народъ не издавалъ, если власть исполнительная не разсудитъ приводить ихъ въ дѣйствіе. они будутъ пустыя теоріи; если законодатели не будутъ имѣть средствъ заставить исполнительную власть приводить волю ихъ въ дѣйствіе, мало-по-малу они станутъ всѣ подъ ея вліяніемъ, и государство, сохранивъ всю наружность принятаго имъ образа правленія, въ самомъ дѣлѣ будетъ водима единою волею правительства.

«Если бы Англія не имѣла другихъ предѣловъ своего правительства, кромѣ видимаго властей ея раздѣленія, она была бы государство деспотическое со всѣми своими парламентами и ихъ славными спорами».

Послѣднюю мысль относительно Англіи Сперанскій подкрѣпляетъ слѣдующими соображеніями:

«Тѣ весьма ошибаются, кои думаютъ, что въ Англіи законъ потому только твердъ, что въ охраненіи его всѣ государственныя состоянія участвуютъ, что парламентъ отъ государя столько же зависитъ, какъ и онъ отъ парламента, и что, наконецъ, всѣ силы потому другъ друга равновѣсятъ, что всѣ онѣ слиты воедино образомъ правленія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ воспрепятствовать англійскому королю обратить всю массу ввѣренныхъ ему силъ на ниспроверженіе англійской свободы? Кому даетъ онъ отчетъ въ части исполнительной? Не признанъ ли онъ конституціею ни ошибкѣ, ни отвѣту, ни суду не подлежащимъ? Особа его не есть ли священна и неприкосновенна даже и тогда, когда бы онъ себѣ позволилъ дѣянія тиранскія (Blakston, tom I, cap. 7, page 353). Правда, что министры отвѣчаютъ за исполненіе, но что такое сіе отвѣтствіе на самомъ дѣлѣ? Если король, во время суда министровъ, самыя явныя ихъ погрѣшности сниметъ на себя—я бы желалъ тогда знать, какимъ судомъ будутъ судить *непреложнаго* (infallible). Но я полагаю, что министры, убоясь отвѣта и остановивъ исполненіе королевскихъ приказаній, предстанутъ въ парламентъ съ доносомъ на злоупотребленія, что тогда сдѣлаетъ парламентъ? Найдетъ ли онъ въ своихъ законахъ управу на сіе злоупотребленіе? Прикоснется ли къ неприкосновенному? Онъ откажетъ ему въ суммахъ на содержаніе двора его и войскъ? Но можетъ ли отнять у него по конституціи самый дворъ его и войска и привлечетъ ли сихъ послѣднихъ на свою сторону тѣмъ, что уморитъ ихъ голодомъ?

«Чего не позволилъ себѣ Генрихъ VIII, подъ защитою и покровительствомъ самого парламента? Какихъ насилій народной свободѣ, правамъ собственности, правамъ и самой религіи онъ

не сдѣлалъ? Не рукою ли самого парламента воспалилъ онъ сіи костры, на коихъ лучшіе изъ подданныхъ его погибли? Не имъ ли воздвигнуты были сіи висѣлицы, гдѣ матери наслѣдниковъ престола были казнены? Не парламентъ ли постановилъ, что едина воля сего государя должна быть закономъ и пр., и пр. (Филанжіери *).

«Тѣ, кои разсуждали о семъ государствѣ по видимой только, или, такъ сказать, по писанной его конституціи, были всѣ согласны въ сей истинѣ, и Блакстонъ, исчисливъ всѣ преимущества народа и сдѣлавъ себѣ вопросъ, что бы могъ народъ противоположить, если бы король вздумалъ ихъ отвергнуть или преступить его предѣлы,—бунтъ, отвѣчаетъ **). «По мнѣ кажется», говоритъ Сперанскій, «средство сіе и безъ конституціи имѣть можно».

Сперанскій, очевидно, хотѣлъ указать на то, что только реальная сила народа служитъ опорою конституціи, а не тѣ хартіи, въ которыхъ она формулирована ***). Такое отрицательное отношеніе къ конституціоннымъ актамъ могло быть отчасти вызвано въ немъ смѣною конституцій въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. во Франціи, но, главнымъ образомъ, то, что онъ говоритъ объ англійской конституціи, навѣяно, какъ онъ и самъ указываетъ, взглядами Филанджіери. Однако, Сперанскій недостаточно оцѣнилъ тѣ средства, которыя давала англійская конституція для борьбы съ самовластіемъ, не принялъ во вниманіе развитія этой конституціи въ XVII вѣкѣ, когда, по словамъ извѣстнаго знатока англійской исторіи, проф. Виноградова, «государственными актами было вновь подтверждено, что нѣтъ въ Англіи законовъ, кромѣ изданныхъ парламентомъ, и что никто не долженъ платить налоговъ, если они не разрѣшены парламентомъ. Декларація правъ еще разъ обезпечивала свободу членовъ парламента отъ всякаго ареста или взысканія со стороны постороннихъ властей. Статьи петиціи о правѣ и деклараціи правъ, осуждавшія изданіе короною спеціальныхъ постановленій для войска и всякую попытку содержать безъ разрѣшенія парламента постоянную армію, устанавливали, съ одной стороны, важное начало общей подсудности и от-

*) Сочиненіе Филанджіери „Наука законодательства" было, вѣроятно, извѣстно Сперанскому во французскомъ переводѣ, изданномъ въ Парижѣ въ 7 томахъ въ 1786—1791 гг. (см. т. I, гл. XI). Ср. о Филанджіери *Чичеринъ* „Исторія политич. ученій" т. II, 387—396.

**) Въ брюссельскомъ изданіи 1774 г. французскаго перевода сочиненія Блэкстона мысль о томъ, что законъ дозволяетъ англійскимъ гражданамъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права противъ посягательствъ правительства, см. въ т. I, 214, 351.

***) Въ одномъ примѣчаніи къ запискѣ 1803 г. „Объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій" Сперанскій говоритъ: „Припомнить должно, что Юмъ твердость англійской конституціи полагаетъ въ привычкѣ, въ духѣ, въ образѣ жизни народа". „Историческое Обозрѣніе", XI. 32

вѣтственности офицеровъ и солдатъ передъ общими судами и ставили, съ другой стороны, военную силу въ прямую зависимость отъ парламента. Этимъ былъ положенъ предѣлъ попыткамъ королей противопоставлять армію народу, и достигнуто завершеніе верховенства парламента въ системѣ національныхъ учрежденій *). Указаніе на то, что вооруженное возстаніе возможно и безъ конституціи, принижающее ея значеніе въ дѣлѣ борьбы съ насильственными дѣйствіями государя, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что далѣе въ этой самой запискѣ Сперанскій все же составляетъ свой проектъ двухпалатнаго сейма подъ вліяніемъ англійской конституціи. Замѣтивъ это противорѣчіе, Сперанскій ниже поясняетъ, что въ «благоустроенныхъ» монархіяхъ внутреннія смуты оканчиваются еще большимъ торжествомъ свободы.

Другую иллюстрацію своей мысли о томъ, что политическая свобода можетъ быть иногда призрачною, Сперанскій заимствуетъ изъ исторіи Рима, гдѣ подъ властью императоровъ, при самомъ деспотическомъ правленіи, наружный видъ его былъ республиканскій.

Что касается Россіи, то ея «грамоты состояніямъ» (т. е. дворянству и городамъ), учрежденіе сената, «сильный корпусъ наслѣдственнаго дворянства» возбуждаютъ мысль о томъ, что въ ней существуетъ монархическое правленіе (тогда какъ въ дѣйствительности, намекаетъ Сперанскій, существуетъ правленіе деспотическое). Такимъ образомъ, онъ приходитъ къ выводу, что «внѣшній образъ правленія, какъ бы ни былъ онъ составленъ, если не утвержденъ онъ на внутреннемъ, не можетъ дать неподвижнаго основанія законамъ».

5-го іюня 1801 г. императоръ Александръ далъ сенату именной указъ о томъ, чтобы онъ составилъ докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, при чемъ государь выразилъ намѣреніе установить права и преимущества сената *«на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ»*, и обѣщалъ «подкрѣплять, сохранять и содѣлать его *на вѣки непоколебимымъ* **). Сперанскому были извѣстны проекты преобразованія сената, на которые онъ даже дѣлалъ замѣчанія ***) и, составляя свою записку въ 1802 г., онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду этотъ указъ сенату, когда въ концѣ своего разсужденія о внѣшнемъ образѣ правленія сдѣлалъ слѣдующее поясненіе: «Изъ сего видно, какъ много тѣ ошибаются, кои думаютъ, что права, разнымъ состояніямъ дарованныя, или преимущества разнымъ сословіямъ судебнымъ или законодательнымъ данныя, могутъ содѣлать законы твердыми, или

*) „Политическій строй современныхъ государствъ". Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. 1905 г., стр. 216.

**) Пол. Соб. Зак., т. XXVI, № 19.908.

***) „Сборникъ Археологическаго Института", кн. I. 1878 г.

установить образъ правленія,—это зданіе, воздвигнутое на пескѣ. Изъ сего также видно, сколь тщетно писать или обнародовать общія государственныя положенія, или конституціи, не основавъ ихъ на дѣйствительной государственной силѣ. Они могутъ быть превосходны, но никогда не будутъ самостоятельны.. Вся польза, какую могутъ извлечь законы изъ сихъ внѣшнихъ установленій, состоитъ только въ томъ, что они знакомятъ народъ съ понятіями правъ, и если въ продолженіе многихъ сряду лѣтъ права сіи останутся не нарушены и личными свойствами государей поддержаны, они могутъ столько утвердиться во мнѣніи народномъ, что впослѣдствіи труднѣе, а можетъ быть, и опаснѣе будетъ ихъ испровергнуть; но само по себѣ очевидно, сколь предположеніе сей пользы случайно и, можно сказать, лично».

Жизнь очень скоро подтвердила проницательность Сперанскаго: права сената были нарушены императоромъ Александромъ очень скоро послѣ ихъ утвержденія, а именно въ 1803 г.

Переходя къ вопросу о внутреннемъ образѣ правленія, Сперанскій прежде всего напоминаетъ, что «всякое законное... правительство должно быть основано на общей волѣ народа» и, кромѣ того, «должно получить отъ народа извѣстное количество силъ, чтобы быть въ состояніи дѣйствовать». Но «народъ не могъ отдать всей своей силы правительству, иначе онъ палъ бы въ ничтожество *), слѣдовательно, часть силъ народа по необходимости должна у него остаться».

Хотя силы правительства и силы народа одинаковы по своему источнику, онѣ различны по своимъ свойствамъ. «Силы, ввѣренныя народомъ правительству, въ рукахъ его соединились въ одну массу. Изъ силъ физическихъ составились войска, изъ богатствъ народныхъ—деньги», изъ «уваженія къ правительству—почести», которыми оно можетъ надѣлять; «напротивъ, силы, оставшіяся у народа»—«разсѣяны». Вслѣдствіе этого, силы правительства одерживаютъ верхъ надъ разсѣянными силами народа. Но при всемъ «видимомъ превосходствѣ» силъ правительства, «нельзя, однако же, не почувствовать, что силы народа въ количествѣ своемъ несравненно ихъ превышаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы вообразить себѣ такое государство, въ коемъ было бы болѣе войска, нежели людей, болѣе денегъ, нежели произведеній народнаго труда и болѣе почестей, нежели сколько мнѣніе народное оправдать и утвердить ихъ можетъ»... «Если правительство вздумаетъ умножить число войскъ болѣе того, что личныя силы государства удѣ

*) Если бы правительство „когда-нибудь воспользовалось минутами заблужденія народа“ (т. е. завладѣло бы всѣми силами народа), говоритъ Сперанскій, то „насиліе или обманъ тѣмъ не превратились въ право. Отсюда слѣдуетъ, что всякое правленіе самовластное есть насильственно и никогда не можетъ быть законнымъ“.

лить ему могутъ, оно произведетъ минутный призракъ вооруженія, но въ самомъ дѣлѣ обезсилитъ и разслабитъ государство. Если вздумаетъ оно больше пустить денегъ, нежели что трудъ народный отдѣлить ему можетъ *), оно введетъ мнимую монету и разстроитъ связь промысловъ съ доходами; наконецъ, если оно вздумаетъ расточать почести, нежели сколько мнѣніе народное основать на дѣлахъ и утвердить ихъ можетъ, оно произведетъ ложные и никѣмъ не уважаемые чины и отличія. Такимъ образомъ, могутъ быть въ государствѣ войска безъ силъ, деньги безъ богатства и почести безъ уваженія».

Силы народа имѣютъ не только то преимущество, что количественно превосходятъ силы правительства, а также и то, что «не правительство рождаетъ силы народныя, но народъ составляетъ силы его». Правительство можетъ быть всемогущимъ лишь до тѣхъ поръ, пока это допускаетъ народъ. Слѣдовательно, «народъ всегда имѣетъ въ самомъ себѣ достаточную силу уравновѣсить или ограничить силу правительства».

Однако, по мнѣнію Сперанскаго, есть два обстоятельства, которыя, «такъ сказать, умерщвляютъ» силы народа. Во-первыхъ, чтобы ограничить силу правительства, не стѣсняя, однако же, ее въ дѣйствіи», нужно, чтобы «сила народа дѣйствовала только въ предѣлахъ власти и никакъ бы ихъ не преступала; слѣдовательно, надобно, чтобы каждый членъ народа зналъ сіи предѣлы и готовъ бы былъ защищать ихъ при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи», но нельзя предположить въ народѣ ни такого знанія, ни такой готовности: «какимъ образомъ цѣлый народъ можетъ быть на стражѣ?» Другая причина, ослабляющая силы народа, состоитъ въ томъ, что различіе интересовъ разныхъ сословій вызываетъ борьбу между ними и не даетъ народу возможности противопоставить что-либо правительству». Вотъ два обстоятельства, которыя, по мнѣнію Сперанскаго, будто бы «во всѣхъ правленіяхъ» дѣлаютъ «ничтожными» народныя силы и «утверждаютъ самовластіе». Какимъ же образомъ уничтожить это препятствіе? «Нѣтъ ничего нелѣпѣе и убійственнѣе для свободы, какъ раздробленіе состояній по промысламъ ихъ и исключительныя права каждаго. Правило сіе можно назвать кореннымъ *уложеніемъ самовластія*. Въ самомъ дѣлѣ, какую бы силу народъ ни имѣлъ въ своемъ характерѣ, если онъ будетъ раздробленъ на мелкіе классы, если каждый классъ будетъ имѣть свои особенныя выгоды и преимущества, можно утвердительно сказать, что никто ничего имѣть не будетъ; все будетъ управляемо неограниченною властью, коей знаменемъ во всѣхъ вѣкахъ было: раздѣли и царствуй, divide et impera. Итакъ, первый шагъ, какой государство можетъ сдѣлать

*) Выше Сперанскій замѣтилъ, что „силы промышленности или народнаго труда“ вымѣниваются на деньги.

къ ограниченію самовластія, безъ сомнѣнія долженъ состоять въ томъ, чтобы силы его не истощались взаимною борьбою состояній, но соединялись бы всѣ къ тому, дабы уравновѣсить силу правительства»

Сперанскій не останавливается надъ вопросомъ, насколько возможно объединеніе различныхъ сословій, не выясняетъ себѣ, что между сословіями, интересы которыхъ противоположны, если и возможенъ союзъ, то лишь временно, до ниспроверженія самодержавія. Онъ заимствуетъ свое средство изъ Англіи, гдѣ въ то время преобладающее вліяніе имѣла поземельная аристократія. Такъ какъ, по его мнѣнію, «нельзя себѣ представить, чтобы весь народъ употребилъ себя къ охраненію предѣловъ между имъ и правительствомъ, то по необходимости долженъ быть особенный классъ людей, который бы, ставъ между престоломъ и народомъ, былъ довольно просвѣщенъ, чтобы знать точные предѣлы власти, довольно независимъ, чтобы ея не бояться и столько въ пользахъ своихъ соединенъ съ пользами народа, чтобы никогда не найти выгодъ своихъ измѣнить ему. Это будетъ живая стража, которую народъ вмѣсто себя поставитъ на предѣлахъ государственныхъ силъ».

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы организовать народное представительство на демократическихъ началахъ, которое и было бы защитникомъ интересовъ народа, Сперанскій, считая это, вѣроятно, неосуществимымъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась тогда Россія, приходитъ къ выводу о желательности искусственнаго созданія съ этою цѣлью особаго «высшаго класса». Какъ же составить его такимъ образомъ, чтобы онъ «соотвѣтствовалъ своему великому предназначенію?»

Первоначально Сперанскій готовъ былъ признать, что «призывать въ сей классъ достойнѣйшихъ по избранію народа было бы, можетъ быть, всего справедливѣе». Но тутъ его одолѣваютъ сомнѣнія относительно того, какъ устроить это избраніе, чѣмъ его обусловить.—Свойствами ли разума и нравственности?—«Они подвержены по большей части пререканіямъ и неизвѣстности».—Богатствомъ ли?—«Оно часто бываетъ безъ ума и сердца». — Повидимому, смущаетъ его и измѣняющійся въ такомъ случаѣ составъ этого «класса», который «долженъ быть въ непрерывномъ дѣйствіи... на стражѣ закона». Не удовлетворенный этими соображеніями, быть можетъ, и потому, что одно изъ нихъ – относительно того, что при богатствѣ часто не бываетъ ума и сердца—подрывало то, что онъ самъ предлагалъ далѣе, Сперанскій исключаетъ это мѣсто изъ своего разсужденія и выставляетъ другой аргументъ, что призывать въ этотъ классъ «достойнѣйшихъ по избранію народа... значило бы поставлять источникъ чести внѣ правительства»; при этомъ «народъ, давъ власть правительству наказывать пороки, не далъ бы ему средства награждать добродѣтели, а на семъ основаніи никакое

правительство не можетъ ни дѣйствовать силою, ни отвѣчать за свои дѣйствія: ни страхомъ, ни деньгами добродѣтелей покупать не можно». Хотя и непонятно, почему правительство не могло бы въ такомъ случаѣ отвѣчать за свои дѣйствія, и хотя сомнительно, чтобы истинная добродѣтель покупалась предоставленіемъ ей почестей, но изъ приведенныхъ соображеній Сперанскій первоначально дѣлалъ выводъ, что устройство высшаго класса, посредствомъ избранія его народомъ, «противно самому свойству силы ограничивающей, которая... не должна дѣйствовать за предѣлами своими, но единственно по линіи прикосновенія». Высказавъ далѣе предположеніе, что «сходнѣе бы съ порядкомъ государственнымъ было дозволить правительству облекать въ избирательный *) высшій классъ по его усмотрѣнію» (это было бы, конечно, не избраніе, а назначеніе), Сперанскій справедливо находилъ, что въ такомъ случаѣ «потерялась бы независимость сего класса», а вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе его не соотвѣтствовало той цѣли, для которой оно предполагалось нужнымъ. Если бы даже члены этого класса занимали свои мѣста пожизненно, но не могли передавать ихъ по наслѣдству, то не заставитъ ли ихъ любовь къ дѣтямъ искать у правительства тѣхъ же для нихъ преимуществъ, какія оно имъ даровало? Сперанскій представлялъ себѣ дѣло такимъ образомъ, будто бы народы, убѣдившись на опытѣ, что неудобно ни избраніе высшаго класса, ни назначеніе его членовъ правительствомъ, признавъ, что онъ долженъ быть независимъ и отъ государя, и отъ народа, не могли принять рѣшенія ни въ свою пользу, ни въ пользу правительства. «Такимъ образомъ дворянство сдѣлалось преимуществомъ рода. Такимъ образомъ *нелѣпое учрежденіе*... стало политическою нуждою и освѣтилось обычаемъ». Этимъ путемъ Сперанскій пришелъ къ выводу, что для того, чтобы высшій классъ народа могъ служить ограниченіемъ верховной власти, *первое* его свойство должно быть *наслѣдственность или независимость бытія*».

Весь ходъ этого доказательства настолько неудовлетворителенъ, настолько не соотвѣтствуетъ исторіи, что Сперанскій нашелъ нужнымъ отъ него отказаться и исключилъ изъ своего разсужденія написанное имъ, начиная съ того мѣста, гдѣ онъ задалъ вопросъ, какъ составить высшій классъ такимъ образомъ, чтобы онъ «соотвѣтствовалъ своему великому предназначенію». Однако, авторъ сохранилъ выводъ, полученный такимъ неудовлетворительнымъ путемъ.

Въ окончательной редакціи разсужденія онъ выразилъ свою мысль слѣдующимъ образомъ. Высшій классъ долженъ «составлять собою не мѣсто какое-либо, по избранію наполняемое, но цѣлое состояніе народа. Если бы составъ его былъ избирательный, тогда

*) Это слово здѣсь, вѣроятно, употреблено въ значеніи: отборный.

болѣе или менѣе всегда отъ власти правительства зависѣло бы его бытіе, ибо правительство всегда нашло бы способъ или уничтожить самое его избраніе, или такъ расположить его вліяніемъ своего богатства и почестей, чтобы въ выборъ сей помѣщены были одни люди, ему преданные». Быть можетъ, Сперанскій имѣлъ при этомъ въ виду неудовлетворительность избирательной системы въ Англіи и правительственное давленіе на выборы, но очевидно, что ему было очень трудно доказать то, во что онъ самъ, только что вышедшій въ чины поповичъ, плохо вѣрилъ: недаромъ въ первой редакціи этого мѣста разсужденія, онъ проговорился, что считаетъ дворянство «нелѣпымъ учрежденіемъ». Тѣмъ не менѣе, конечно, подъ вліяніемъ до извѣстной степени англійскаго государственнаго устройства и изученія Блэкстона и Монтескье, онъ утверждаетъ: «Стражи народа должны родиться таковы, они должны имѣть независимость бытія, - первое свойство высшаго класса народа.—Отсюда происходитъ необходимость, признанная во всѣхъ монархическихъ правленіяхъ, чтобъ въ массѣ народа были извѣстные роды, коихъ преимуществомъ неотъемлемымъ должно быть охраненіе закона, или посредство между народомъ и престоломъ».

Очень важнымъ условіемъ существованія высшаго класса, по мнѣнію Сперанскаго, должно быть то, чтобы «*пользы*» (т. е. интересы) «*его соединены были съ пользами народа*» *), такъ какъ въ противномъ случаѣ этотъ классъ, «при своей независимости», будетъ возбуждать большій ужасъ, «нежели самое неограниченное самовластіе», а народъ будетъ «въ жесточайшемъ рабствѣ и униничиженіи».

Въ доказательство своей мысли, Сперанскій ссылается на то, что въ 1660 г. датчане, раздраженные «аристократическимъ самовластіемъ дворянства, лучше захотѣли подвергнуться скипетру одного деспота, нежели имѣть ихъ тысячи, и на сеймѣ этого года предоставили Фридриху III всю власть, какую когда-либо могъ имѣть государь самый неограниченный» **). Чтобы узнать, до какой степени власть дворянства сдѣлалась ненавистною и страшною народу, Сперанскій совѣтуетъ прочитать въ сочиненіи Маллета по исторіи Даніи 26-ую статью датской конституціи. «Въ ней не только присвояется королю вся возможная неограниченная власть, но постановляется, что если-бы гдѣ-нибудь и когда-нибудь нашлось или выдумано было что-либо усиливающее сію власть, то все народъ датскій напередъ королю своему присвояетъ и опредѣляетъ» ***). По мнѣнію Сперанскаго, «это былъ поступокъ, вынужденный отчаяніемъ, но обратившійся во спасеніе государству».

*) Курсивъ подлинника.
**) Ср. *Allen*. Histoire de Danemark, Copenhague, 1879, 85—105.
***) См. *Mallet*. Histoire de Danemark. Genève. 1788. 3-me edit., t. IX. 99 -100.

Въ видѣ другого примѣра вреднаго вліянія аристократіи, Сперанскій указываетъ на борьбу венгерскаго дворянства «съ мудрыми установленіями Іосифа II въ пользу народа» и считаетъ несчастіемъ, что этотъ государь былъ вынужденъ предъ своею смертью отказаться почти отъ всѣхъ своихъ «благодѣтельныхъ, но, можетъ быть, слишкомъ скороспѣшныхъ предположеній» *).

Связать народъ съ высшимъ классомъ, по мнѣнію Сперанскаго, весьма просто,—стоитъ только постановить: 1) чтобы дѣти членовъ этого класса, «исключая первородныхъ, были въ числѣ народа» (очевидно, онъ руководился при этомъ примѣромъ Англіи): «тогда притѣснять народъ было бы притѣснять собственныхъ своихъ дѣтей»; 2) чтобы все, касающееся до имѣнія высшаго класса, вѣдалось въ судахъ, составляемыхъ по избранію народа **). Чтобы эта тѣсная связь высшаго класса съ народомъ не избавила его вовсе отъ вліянія правительства, Сперанскій, опять по примѣру Англіи, предлагаетъ не только оставить «знаки почестей» въ распоряженіи правительства, но и предоставить ему власть возводить въ этотъ классъ извѣстное число людей, заслуживающихъ отличія. Высшій классъ, такимъ образомъ составленный, долженъ, по мнѣнію Сперанскаго, навѣянному примѣромъ Англіи, соединять въ своихъ рукахъ значительную часть государственнаго богатства, такъ какъ ему кажется, что «бѣдность въ настоящихъ политическихъ системахъ не можетъ почти быть совмѣстна съ уваженіемъ, а тѣмъ менѣе съ духомъ независимости». Наконецъ, этотъ высшій классъ долженъ быть малочисленъ.

Положеніе низшаго класса Сперанскій опредѣляетъ слѣдующими чертами: 1) «Народъ есть все то, что не принадлежитъ къ высшему... классу государства». Даже «дѣти перваго государственнаго чиновника, исключая первороднаго, должны принадлежать къ народу». 2) Никакое сословіе народа не можетъ имѣть исключительнаго права на владѣніе какою-либо собственностью въ государствѣ, но всѣ могутъ обладать тѣмъ, что ими пріобрѣтено въ собственность. 3) Народъ долженъ участвовать въ составленіи законовъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, коренныхъ. 4) Охраненіе законовъ, такъ какъ оно «требуетъ дѣйствія постояннаго и непрерывнаго, народъ ввѣряетъ высшему классу». 5) Всѣ имѣнія народа наслѣдственны, но *должности его»* (а слѣдовательно, и должность члена нижней палаты) «всѣ избирательны» (очевидно, въ противоположность высшему классу, въ которомъ мѣсто члена верхней палаты переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну). 6) «Судъ народа проистекаетъ отъ равныхъ ему».

*) Іосифъ II сохранилъ мѣры, принятыя имъ въ пользу крестьянъ и для установленія вѣротерпимости. *Leger.* Histoire de l'Autriche-Hongrie, P. 1879 г. p. 383—385.

**) Сперанскій предполагалъ „впослѣдствіи" объяснить это подробнѣе, но въ сохранившейся рукописи обѣщаніе это не исполнено.

Таковы должны быть, по тогдашнему мнѣнію Сперанскаго, «общія черты, раздѣляющія государственныя силы», одинаковыя «во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ ограниченныхъ монархіяхъ». Но уже черезъ семь лѣтъ онъ выработалъ планъ, болѣе демократическаго государственнаго и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ общественнаго устройства.

«Спросятъ, можетъ быть», продолжаетъ онъ въ запискѣ 1802 г., «какую силу государство», симъ образомъ во внутреннемъ своемъ правленіи устроенное, можетъ противопоставить, когда государь предпріимчивый и властолюбивый вздумаетъ, опрокинувъ его коренные законы, ниспровергнуть права его и попрать его свободу?—Слѣдующую: во-первыхъ, никакое и самомалѣйшее нарушеніе закона не можетъ произойти отъ правительства, чтобъ оно въ то же время не было примѣчено высшимъ классомъ народа, поставленнымъ для охраненія закона, и, слѣдовательно, всѣмъ народомъ по естественной связи, между имъ и симъ классомъ существующей. Отсюда голосъ ропота не будетъ частнымъ отголоскомъ неудовольствія, но голосомъ цѣлаго народа, а народъ всегда и для всѣхъ ужасенъ, когда вопль его совокупится воедино. Во-вторыхъ, чтобъ предупредить сіе соединеніе, правительство естественно захочетъ усыпить стражу законовъ и, обративъ притѣсненіе на народъ, разсыплетъ на высшій классъ его свои благодѣянія. Но какія благодѣянія могутъ заставить забыть отцовъ, что дѣти ихъ страдаютъ? и какія благодѣянія могутъ обольстить людей, призванныхъ отъ рожденія ихъ къ чести, покрытыхъ народнымъ уваженіемъ и пріобыкшихъ къ независимому богатству? Въ-третьихъ, если вмѣсто того правительство обратитъ виды свои на притѣсненія одного высшаго класса, онъ найдетъ всегда себѣ подпору въ народѣ въ естественныхъ связяхъ ихъ, въ общемъ уваженіи. Наконецъ, въ-четвертыхъ, если, презрѣвъ вопль народа и чувство страха, правительство дерзнетъ на всѣ крайности, какія самовластіе въ лютости своей позволить себѣ можетъ, какое тогда средство противъ ужасовъ таковыхъ можетъ представить сей образъ правленія? Отвѣтъ на сіе удобенъ.—Какое средство силы человѣческія могутъ представить противъ Тамерлановъ и тому подобныхъ чудовищъ и какіе законы могли устоять, когда царства разрушались».

Сперанскій вспоминаетъ, что выше, указывая на событія англійской исторіи, онъ утверждалъ со словъ Блэкстона, что въ крайнемъ случаѣ и тамъ только «бунтъ», т. е. вооруженное возстаніе, можетъ обуздать короля, что по его мнѣнію возможно и безъ конституціи, и потому продолжаетъ: «но что здѣсь должно примѣтить, и что совершенно отличаетъ благоустроенное, монархическое правленіе отъ всѣхъ другихъ,—есть то, что самыя кровопролитныя внутреннія смятенія, повергающія республики въ рабство, а деспотическія правленія приводящія въ безначаліе, въ монархическихъ правленіяхъ подобны бываютъ сильнымъ вѣтрамъ, кои, нанося

частный вредъ, очищаютъ всю массу атмосферы.—Всѣ преобращенія въ Англіи оканчивались вящшимъ утвержденіемъ ея свободы». Если бы Сперанскій дожилъ до войны Сѣвера съ Югомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ, конечно, не сказалъ бы, что «кровопролитныя внутреннія смятенія повергаютъ республики въ рабство».

Въ заключеніе общаго отдѣла своего разсужденія онъ приводитъ слова Монтескье, которыя называетъ «великою истиною великаго человѣка,—«point de noblesse, point de Monarchie» (гдѣ нѣтъ дворянства, тамъ нѣтъ и монархіи), и затѣмъ переходитъ къ Россіи.

III.

Во второй половинѣ разсужденія Сперанскаго мы находимъ краснорѣчивую, блестящую характеристику существовавшаго тогда государственнаго строя.

«Если монархическое правленіе должно быть нѣчто болѣе, нежели призракъ свободы, то, конечно, мы не въ монархическомъ еще правленіи. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о тщетности политическаго бытія разныхъ государственныхъ мѣстъ, что такое есть самое дворянство, когда лицо его, имѣніе, честь, все зависитъ не отъ закона, но отъ единой воли самодержавной; не отъ сей ли воли зависитъ и самый законъ, который она созидаетъ одна сама собою? Не можетъ ли она возводить и низводить дворянскіе роды единымъ своимъ хотѣніемъ? Не она ли созидаетъ суды, опредѣляетъ высшихъ судій, даетъ имъ правила и правила сіи отмѣняетъ или утверждаетъ по своему изволенію? Не въ ней ли весь источникъ чести и уваженія; не ей ли принадлежатъ, по самымъ словамъ закона, всѣ государственныя богатства, всѣ земли, всѣ имущества, и право частныхъ собственностей не есть ли право, ею только дозволенное; владѣльцы сіи не суть ли ея наемники (usufruitiers).

«Я бы желалъ, чтобъ кто-нибудь показалъ различіе между зависимостью крестьянъ отъ помѣщиковъ и дворянъ отъ государя; чтобъ кто-нибудь открылъ, не все ли то право имѣетъ государь на помѣщиковъ, какое имѣютъ помѣщики на крестьянъ своихъ.

«Итакъ, вмѣсто всѣхъ пышныхъ раздѣленій свободнаго народа русскаго на свободнѣйшіе классы дворянства, купечества и пр., я нахожу въ Россіи два состоянія: рабы государевы и рабы помѣщичьи. Первые называются свободными только въ отношеніи ко вторымъ, дѣйствительно же свободныхъ людей въ Россіи нѣтъ, кромѣ нищихъ и философовъ.

«При таковомъ раздѣленіи народа въ отношеніи къ престолу, какимъ образомъ можно думать о какомъ-нибудь образѣ правленія, о какихъ-либо коренныхъ законахъ. Какіе предѣлы можно положить между двумя сторонами, изъ коихъ одна имѣетъ всѣ роды силъ, а другая не имѣетъ ничего. Какіе предѣлы положить между бытіемъ

и ничтожествомъ, между божествомъ и его созданіемъ. Не всегда ли сіе послѣднее будетъ то, чѣмъ быть ему повелитъ первое? И послѣ сего мы думаемъ о грамотахъ россійскому народу!» *)

Изъ послѣднихъ словъ видно вполнѣ отрицательное отношеніе Сперанскаго къ предположенію Александра I издать грамоту россійскому народу. Поэтому, каково бы ни было участіе Сперанскаго въ ея составленіи, онъ считалъ, что подобныя хартіи, при существующемъ политическомъ строѣ, не обезпечиваютъ правъ народа, какъ не защитила грамота Екатерины II наше дворянство отъ нарушенія его правъ въ царствованіе Павла.

«То, что довершаетъ въ Россіи», продолжаетъ Сперанскій, «умерщвлять всякую силу въ народѣ, есть то отношеніе, въ коемъ сіи два рода рабовъ поставлены между собою. Пользы дворянства состоятъ въ томъ, чтобъ крестьяне были въ неограниченной ихъ власти, пользы крестьянъ состоятъ въ томъ, чтобъ дворянство было въ такой же зависимости отъ престола; первые, не имѣя никакого политическаго бытія, всю жизненную свободу должны основывать на доходахъ, на землѣ, на обработаніи ея и, слѣдовательно, по введенному у насъ обычаю, на укрѣпленіи крестьянъ; вторые, въ рабствѣ, ихъ стѣсняющемъ, взираютъ на престолъ, какъ на единое противодѣйствіе, власть помѣщиковъ умѣрить могущее».

При такихъ условіяхъ невозможно достиженіе общаго блага, какъ бы ни распространялся «духъ человѣколюбія, просвѣщенія и добрыхъ установленій».—«Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ Сперанскій, «что такое есть просвѣщеніе для народа въ рабствѣ, какъ не способъ живѣе чувствовать горесть своего положенія и какъ не поводъ къ волненіямъ, кои должны кончиться или вящшимъ его порабощеніемъ, или ужасами безначалія. — Изъ человѣколюбія, равно какъ и изъ доброй политики должно рабовъ оставить въ невѣжествѣ или дать имъ свободу».

Такимъ образомъ, Россія истощаетъ свои силы борьбою разныхъ «состояній» (сословій) «и оставляетъ на сторонѣ правительства всю неограниченность дѣйствія. Государство, устроенное такимъ образомъ, какую бы оно ни имѣло внѣшнюю конституцію, что бы ни утверждали грамоты дворянства и городовыя положенія и хотя бы не только два сената» (вѣроятно, законодательный и судебный, учрежденіе которыхъ Сперанскій предлагаетъ въ запискѣ 1803 г.), «но и столько же законодательныхъ парламентовъ оно имѣло,— государство сіе есть деспотическое, и доколѣ элементы его будутъ состоять въ тѣхъ-же между собою отношеніяхъ, дотолѣ не будетъ

*) Свѣривъ хотя бы это мѣсто записки Сперанскаго съ французскимъ переводомъ его у Н. И. Тургенева (La Russie et les Russes III, 301), можно видѣть, какъ не полонъ и не точенъ переводъ Тургенева даже въ тѣхъ мѣстахъ, которые онъ приводитъ какъ будто цѣликомъ, а между тѣмъ этотъ трудъ Сперанскаго былъ извѣстенъ до сихъ поръ лишь по этимъ отрывкамъ въ обратномъ переводѣ ихъ съ французскаго.

но монархическимъ». При существующемъ раздѣленіи «состояній» въ Россіи, всѣ перемѣны въ образѣ ея управленія будутъ касаться только внѣшности, и нельзя основать «прочнаго добра» на данномъ соотношеніи народныхъ силъ.

Если эта система по какимъ-либо соображеніямъ должна остаться неизмѣнною, то нужно отказаться: 1) «Отъ всякой мысли о твердости и постоянствѣ законовъ, ибо въ семъ правленіи законовъ быть не можетъ. 2) Отъ всѣхъ предпріятій народнаго просвѣщенія.—Правило сіе должно принять столько же изъ человѣколюбія,—ибо ничто не можетъ быть несчастнѣе раба просвѣщеннаго, какъ и изъ доброй политики, ибо всякое просвѣщеніе (я разумѣю общее народное) вредно сему образу правленія и можетъ только произвесть возмущеніе и непокорливость. 3) Отъ всѣхъ предпріятій утонченной народной промышленности,—я разумѣю всѣ фабрики и заведенія, на свободныхъ художествахъ основанныя, или близко съ ними связь имѣющія. 4) Отъ всякаго возвышенія въ народномъ характерѣ, ибо рабъ имѣть его не можетъ. Онъ можетъ быть здоровъ и крѣпокъ въ силахъ тѣлесныхъ, но никогда не способенъ къ великимъ предпріятіямъ. Есть, конечно, исключенія, но они не испровергаютъ правила. 5) Отъ всякаго чувствительнаго возвышенія народнаго богатства, ибо первая основа богатства есть право неотъемлемой собственности, а безъ законовъ она быть не можетъ. 6) Еще болѣе должно отказаться отъ улучшенія домашняго состоянія низшаго класса народа: избытки его всегда будутъ пожираемы роскошью класса высшаго. 7) Словомъ, должно отказаться отъ всѣхъ прочныхъ устроеній, не на лицѣ государя владѣющаго, но на порядкѣ вещей основанныхъ».

Сперанскій горячо и убѣдительно доказываетъ необходимость политическихъ преобразованій: «Если бы совершенная невозможность устроить прочнымъ образомъ счастіе Россіи безъ перемѣны въ состояніяхъ и не доказывала очевиднымъ образомъ необходимость сея перемѣны, если бы и не была уже тому полъ вѣка доказана та истина, что никакое европейское государство, въ связи съ прочими стоящее, не можетъ долгое время быть деспотическимъ, то надобно только взглянуть на общій степень просвѣщенія, на приливъ и отливъ мыслей и примѣровъ сосѣднихъ, на чувства внутренняя, надобно только прислушаться къ народному глухому отголоску, чтобы открыть и нужду сей перемѣны, и узнать степень общихъ надеждъ и желаній».

Затѣмъ Сперанскій прилагаетъ къ Россіи тѣ общія начала, которыя онъ установилъ въ первой половинѣ своей записки, не выдерживая ихъ, однако, вполнѣ и дѣлая существенныя отступленія отъ нихъ, очевидно, не надѣясь на полное измѣненіе тогдашняго русскаго общественнаго строя.

Онъ предлагаетъ установить высшій классъ на правѣ первородства, предназначивъ его для занятія первыхъ государственныхъ

мѣстъ и для охраненія законовъ. Государь долженъ имѣть право вводить въ него нѣкоторое количество лицъ изъ низшаго класса. Всѣ остальные составляютъ низшій классъ, или народъ.

Для устройства высшаго класса Сперанскій предлагаетъ «отдѣлить два, три или четыре первые класса отъ прочаго дворянства *), что по его мнѣнію будетъ соотвѣтствовать до-петровскому дѣленію на бояръ и дворянъ, а введеніе права первородства будетъ возстановленіемъ закона о томъ Петра В., при чемъ Сперанскій упускалъ изъ вида, что Петръ ввелъ право единонаслѣдія не для одного только высшаго дворянства, а для служащаго сословія вообще и для купцовъ, при чемъ отецъ, распоряжаясь своимъ недвижимымъ имуществомъ по завѣщанію, могъ назначить единымъ наслѣдникомъ не непремѣнно старшаго, а любого изъ сыновей **).

Внимательное сравненіе двухъ сохранившихся рукописей разсматриваемой записки Сперанскаго показываетъ, что къ введенію въ свой проектъ аристократическаго права первородства онъ пришелъ не безъ внутренней борьбы, какъ это естественно для человѣка, вышедшаго не изъ рядовъ дворянства ***). Чтобы доказать, что предлагаемое выдѣленіе части дворянства въ особый высшій классъ не можетъ быть вредно этому послѣднему, Сперанскій говоритъ: «онъ пріобрѣтаетъ симъ выгоды, коихъ прежде не имѣлъ,— сколько разъ повторяемы были жалобы старыхъ дворянъ, что роды ихъ, раздробляясь нечувствительно, угасаютъ; и въ самомъ дѣлѣ не можно смотрѣть равнодушно ****), что дѣти великихъ людей,

*) Державинъ въ проектѣ реформы сената предлагалъ выбирать кандидатовъ въ сенаторы изъ четырехъ служащихъ классовъ собраніемъ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновъ и пятиклассными всѣхъ присутственныхъ мѣстъ чиновниками въ обѣихъ столицахъ, послѣ чего государь, изъ каждыхъ трехъ кандидатовъ назначалъ бы одного сенатора. „Сборникъ Археологическаго Института“ 1878 г. т. I, 134 — 151, гдѣ проектъ Державина неправильно приписанъ Сперанскому. (См. статью Коркунова о проектѣ Державина въ „Журн. Мин. Юстиц.“ 1906 г. № 10, декабрь, и въ Сборникѣ статей Н. М. Коркунова). Проектъ Державина, какъ видно, подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, такъ какъ при обсужденіи въ неоффиціальномъ комитетѣ (въ самомъ концѣ 1801 и въ началѣ 1802 г.) проектовъ реформы сената обсуждалось предположеніе Державина предоставить выборъ кандидатовъ въ сенатъ, изъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ, въ каждомъ уѣздѣ дворянамъ первыхъ восьми классовъ, при чемъ предположеніе это не было одобрено неоффиціальнымъ комитетомъ. Слѣдовательно, между планомъ Сперанскаго и проектами Державина весьма существенная разница, такъ какъ Сперанскій проектируетъ верхнюю палату изъ членовъ, передающихъ свое званіе по наслѣдству, а Державинъ предлагаетъ назначеніе членовъ сената изъ кандидатовъ, выбираемыхъ дворянами высшихъ классовъ.

**) П. С. З. т. V, № 2789.

***) Тутъ же въ примѣчаніи онъ указываетъ, что въ древней Россіи «дворяне и даже думные дьяки, *родомъ изъ церковниковъ*, переходили въ званіе бояръ по должностямъ».

****) Въ одномъ изъ двухъ сохранившихся экземпляровъ разсужденія

управлявшихъ государственными дѣлами, державшихъ, такъ сказать, въ нѣкоторомъ къ себѣ уваженіи и самыхъ неограниченныхъ государей, сходятъ мало по малу съ своего степени и становятся на одной чредѣ съ коллежскими регистраторами, вчерась изъ праха возставшими». Это выраженіе сожалѣнія объ упадкѣ нѣкоторыхъ знатныхъ родовъ такъ мало шло къ демократическому прошлом. Сперанскаго, что въ обоихъ экземплярахъ рукописи онъ нашелъ нужнымъ прибавить карандашемъ слѣдующую оговорку: «здѣсь не мѣсто разсуждать, *до какой степени жалобы сіи»* (на захуданіе членовъ старыхъ дворянскихъ родовъ) *«въ истинномъ порядкѣ вещей могутъ быть справедливы*, но нельзя не замѣтить, что онѣ существуютъ и что бытіе ихъ доказываетъ уже, сколь удобно сіе раздѣленіе народа на два класса введено быть можетъ» *).

Имѣя, однако, въ виду, что и среди дворянскихъ фамилій, выдѣленныхъ въ высшій классъ, можетъ возникнуть недовольство установленіемъ права первородства, Сперанскій предлагаетъ «младшихъ дѣтей первокласснаго дворянства успокоить тѣмъ, чтобъ, за исключеніемъ коренныхъ фамильныхъ» (т. е. родовыхъ) «имѣній, все, пріобрѣтаемое отцомъ, переходило къ нимъ наравнѣ съ перворазрядными». Слѣдовательно, Сперанскій соглашался на то, чтобы благопріобрѣтенныя имѣнія подвергались равному раздѣлу между всѣми дѣтьми дворянъ высшаго класса.

Онъ считаетъ еще нужнымъ опровергнуть предположеніе, что низшее дворянство будетъ оскорблено раздѣленіемъ дворянскаго сословія на два класса и смѣшеніемъ низшаго дворянства съ народомъ. Онъ находитъ, что ропотъ его на это не имѣлъ бы основаній. Забывая, что въ первой части своего разсужденія онъ устанавливалъ полное равноправіе среди народа, въ составъ котораго включалъ и низшее дворянство, Сперанскій говоритъ: «Конечно, если бы правительство вдругъ вздумало обнародовать, что дворянство причисляется къ народу, провозглашеніе таковое могло бы быть оскорбительно». Но, при предлагаемомъ имъ раздѣленіи, у дворянства не отнимается никакихъ правъ: и прежде дворяне засѣдали съ членами другихъ «состояній», и прежде государь могъ сдѣлать

Сперанскаго это выраженіе сочувствія притязаніямъ извѣстныхъ родовъ зачеркнуто карандашемъ.

*) Сперанскій указываетъ на одно неудобство при выдѣленіи высшаго класса, а именно то, что онъ „много нынѣ имѣетъ примѣси бѣдныхъ дворянъ и безъ достоинствъ", и безъ уваженія. Но, по его мнѣнію, «это пройдетъ, и не минетъ еще столѣтія, какъ роды сіи очистятся и будутъ имѣть все свое и внѣшнее, и внутреннее достоинство. Отъ власти государя, впрочемъ, зависѣть будетъ перевесть въ сей классъ нѣсколько богатыхъ людей, ниже его стоящихъ. Несмотря на всѣ умствованія метафизическаго равенства, въ великомъ государствѣ нужны не только Юліи Кесари, но и Крассы. Доколѣ сіи послѣдніе живы, дотолѣ первые не смѣютъ похищать верховнаго правленія».

дворянами хоть половину населенія Россіи; уже дарованы всѣмъ права владѣть (ненаселенными) землями *).

Дальнѣйшія слова разсматриваемой записки доказываютъ близость по времени ея составленія къ написанію Сперанскимъ записки о коммиссіи составленія законовъ: «тотъ же самый *государственный сеймъ, который долженъ быть созванъ для постановленія уложенія»*, положитъ «первое основаніе» этому раздѣленію дворянства. Терминъ «государственный сеймъ» еще встрѣчается въ запискѣ Сперанскаго о коммиссіи составленія законовъ, написанной очень скоро послѣ разбираемой записки, но не употребляется уже имъ въ позднѣйшихъ его политическихъ проектахъ, не считая, конечно, посвященныхъ Финляндіи.

Государственный сеймъ, по проекту Сперанскаго 1802 г., долженъ состоять изъ двухъ камеръ: дворянство первыхъ четырехъ классовъ составитъ особую камеру, «а дворянство прочихъ классовъ» будетъ помѣщено въ «одномъ засѣданіи съ народомъ». Дворянству высшихъ классовъ, когда оно будетъ разсматривать главу уложенія о наслѣдованіи, будетъ предложено возстановить для этихъ классовъ законъ Петра I о «правѣ первородства» (т. е. единонаслѣдіе). «Можно утвердительно сказать», увѣряетъ Сперанскій, «что онъ принятъ будетъ съ восхищеніемъ,—споры, какіе могутъ на него (sic) произойти въ соединенной камерѣ народа, не могутъ быть приняты, ибо законъ сей до него никакъ не принадлежитъ». Но Сперанскій вовсе не доказалъ ни того, чтобы все высшее дворянство было въ восторгѣ отъ введенія права первородства, ни того, чтобы низшее такъ легко примирилось съ его установленіемъ: въ XVIII-мъ вѣкѣ нововведеніемъ Петра Великаго дворянство было не довольно и, согласно его желанію, законъ этотъ былъ отмѣненъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Авторъ разсужденія не останавливается также надъ вопросомъ, каковы будутъ послѣдствія того, если большинство камеры, составленной изъ высшаго класса, высказалось бы противъ установленія права первородства.

Странно, что въ своемъ разсужденіи Сперанскій ни слова не говоритъ о системѣ выборовъ, на которой будетъ основана низшая палата сейма. Если члены первыхъ четырехъ класовъ дворянства могли войти въ составъ «отдѣльной камеры» по праву первородства, то «соединенная камера народа», конечно, могла составиться лишь путемъ выборовъ: относительно низшаго класса въ первой части записки прямо сказано, что всѣ его должности избирательны. Принявъ во вниманіе отмѣченное нами выше обѣщаніе Сперанскаго поговорить впослѣдствіи о судахъ, «составляемыхъ по избранію народа», можно думать, что онъ собирался посвятить особое

*) Такъ какъ указъ о дозволеніи свободному населенію Россіи покупать ненаселенныя земли былъ изданъ 12 декабря 1801 г. (П. С. З. т. XXVI. № 20,075), то, слѣдовательно, разсматриваемая записка была написана въ 1802 г. (не позже сентября мѣсяца).

разсужденіе вопросу о выборной системѣ для учрежденій какъ законодательнаго, такъ и судебныхъ, что онъ и сдѣлалъ въ своемъ знаменитомъ проектѣ 1809 г.

Когда предложенныя имъ нововведенія утвердятся «временемъ», они, по мнѣнію Сперанскаго, «сотрутъ *всѣ нелѣпыя различія*, какія нынѣ существуютъ, и соединятъ всѣ состоянія въ единую массу. Дворянинъ будетъ носить имя и, если угодно ему, будетъ имъ и гордиться, но правами ему равными будетъ пользоваться вся Россія».

Однако, Сперанскій не забылъ о томъ, что и низшее дворянство не сравнялось бы во всѣхъ отношеніяхъ предложенными имъ мѣрами съ народомъ, такъ какъ монополіею высшаго сословія оставалось право владѣнія имѣніями, населенными крѣпостными *).

Уничтоженіе крѣпостного права Сперанскій предлагаетъ раздѣлить на двѣ эпохи; въ первой «ограничить себя должно тѣмъ, чтобъ постановить извѣстную мѣру повинностей, коихъ помѣщики законно можетъ требовать отъ земледѣльца, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ успокоеніе самихъ помѣщиковъ учредить нѣкоторую расправу между ими и крестьянами. Законъ сей имѣетъ уже основаніе въ Наказѣ покойной государыни-императрицы **). Его можно предложить собранію въ самомъ составѣ уложенія. Посредствомъ сего закона, крестьяне сами по себѣ и безъ всякаго другого гласнаго постановленія изъ личной крѣпости помѣщика перейдутъ въ крѣпость землѣ и будутъ только приписными. Симъ положится первый степень ихъ искупленія».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ подушную подать переложить на землю и въ купчихъ крѣпостяхъ на имѣнія обозначать не число душъ, а количество земли.

«Во второй эпохѣ, которая, конечно, не можетъ быть близка

*) „Правда", говоритъ онъ, „что останется еще въ первыхъ временахъ у дворянства великое отличіе отъ прочей части народа: право владѣть крестьянами въ крѣпость. Но какъ бы уничтоженіе сего права ни казалось затруднительнымъ, оно столько противно разуму общему, что должно разсуждать о немъ, яко временномъ и непремѣнно прейти долженствующемъ.—Часть сія требуетъ, конечно, особенныхъ сноровокъ, и сіе не потому только, что предувѣреніе сіе" (т. е. предубѣжденіе, предразсудокъ) „слишкомъ глубоко врѣзано, но и потому, что неосторожнымъ къ нему прикосновеніемъ можно нанести чувствительный ударъ самому земледѣлію, ибо извѣстно, что раздробительное обработываніе полей въ нашемъ краю, по бѣдности нашихъ крестьянъ, никогда не можетъ имѣть того успѣха, какое имѣетъ соединенное и въ большомъ видѣ". Послѣднее опасеніе Сперанскаго было совершенно не основательно, такъ какъ крѣпостной трудъ, какъ извѣстно, былъ гораздо менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободный

**) О томъ, какъ имп. Екатерина II отнеслась къ крестьянскому вопросу въ своемъ Наказѣ, см. въ моей книгѣ: „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка". Спб. 1888 г. т. I, 38—43.

и должна быть приготовлена нѣкоторыми (варіантъ: «многими») частными распоряженіями, возвратится крестьянамъ древнее ихъ право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому и тѣмъ самымъ совершится уже и конечное ихъ искупленіе. Но я еще повторяю: сей послѣдній степень возрожденія Россіи требуетъ времени и многихъ приготовленій, и повторяю сіе не потому, чтобы бояться народныхъ возмущеній, но потому, что, по пространству нашихъ земель, по малочисленности народа, вольность таковая можетъ заставить крестьянъ обратиться къ нѣкоторому роду кочевой жизни, столько же имъ, какъ и общей государственной экономіи пагубной».

Слѣдовательно, въ первую эпоху Сперанскій предлагаетъ опредѣлить повинности крѣпостныхъ и дать имъ судебную защиту отъ произвола помѣщика. Онъ полагалъ, что такимъ образомъ изъ крѣпостныхъ они обратятся въ приписанныхъ къ землѣ, хотя для достиженія этой цѣли указанныхъ имъ мѣръ было недостаточно: для этого нужно было бы лишить помѣщиковъ права обращать крестьянъ въ дворовыхъ, чего Радищевъ требовалъ, какъ первой мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ. Во вторую эпоху предполагалось возвратить крестьянамъ древнее право перехода, причемъ Сперанскій не предлагаетъ надѣленія крестьянъ землею въ собственность, какъ это считалъ необходимымъ Радищевъ. Вообще Радищевъ подробнѣе разработалъ планъ постепеннаго уничтоженія крѣпостного права и радикальнѣе рѣшилъ этотъ вопросъ. Даже Безбородко, въ своей запискѣ 1799 года, подъ вліяніемъ книги Радищева, указалъ нѣсколько необходимыхъ мѣръ для улучшенія быта крѣпостныхъ, которыя были упущены изъ виду Сперанскимъ. Поэтому если Сперанскій, еще въ началѣ 1790-хъ гг., быть можетъ, и познакомился съ произведеніемъ Радищева, оно оставило въ немъ лишь общее впечатлѣніе и вызвало горячую ненависть къ крѣпостному праву, безобразныя проявленія котораго, впрочемъ, могли быть извѣстны ему, какъ сыну священника, и изъ личныхъ наблюденій въ дѣтствѣ во Владимірской губ. Нужно замѣтить, однако, что, каковы бы ни были недостатки плана Сперанскаго относительно мѣръ по крестьянскому вопросу въ разсматриваемой запискѣ, но все же онъ не дѣлаетъ такихъ вредныхъ для крестьянъ предложеній, какъ Мордвиновъ, который совѣтовалъ надѣлить каждаго изъ 50-ти членовъ его «Государственной Думы», основанной также на правѣ первородства, десяткомъ тысячъ душъ крестьянъ *).

Въ заключеніи къ своей запискѣ Сперанскій, между прочимъ, говоритъ: «Предметомъ всѣхъ сихъ разсужденій было не установленіе коренныхъ законовъ и не начертаніе внѣшняго образа правленія, но единственно изысканіе того основанія, на коемъ сіи

*) „Архивъ гр. Мордвиновыхъ" т. IV, Спб. 1902 г., стр. 8—9.

законы и сей образъ правленія поставленъ быть долженъ, если когда-либо силы небесныя, покровительствующія нынѣ столь особенно Россіи, будутъ на сіе преклонны».

Такимъ образомъ, его трудъ не имѣетъ того характера практическаго проекта, готоваго немедленно перейти въ законъ или составить введеніе къ нему, какой онъ имѣлъ возможность придать своей знаменитой запискѣ 1809 г. Это было теоретическое разсужденіе развитія общихъ принциповъ, о которомъ въ составленной вслѣдъ затѣмъ запискѣ о коммиссіи составленія законовъ онъ сказалъ, что оно было написано «для себя самого». Этотъ планъ 1802 г. былъ составленъ не государственнымъ дѣятелемъ, призваннымъ для исполненія очереднаго законодательнаго труда, а мыслителемъ, теоретически обсуждающимъ вопросъ о необходимыхъ, по его мнѣнію, государственныхъ преобразованіяхъ.

IV.

Итакъ, разсмотрѣніе двухъ записокъ Сперанскаго привело насъ къ убѣжденію, что обѣ онѣ были написаны въ 1802 г.

Нельзя не признать, что вторая изъ нихъ, при всей ошибочности ея основной мысли относительно устройства государственнаго сейма по англійскому образцу, отличается для того времени большими литературными достоинствами и серьезностью содержанія, (хотя ея составитель и не разработалъ цѣлаго ряда вопросовъ, вызываемыхъ ея основными положеніями). Это тѣмъ болѣе удивительно, что научный багажъ Сперанскаго, по вопросамъ государственнаго права, не могъ быть тогда значительнымъ. Наибольшее вліяніе на него оказали знаменитое произведеніе Монтескьё «Духъ Законовъ» (особенно его XI кн.), сочиненіе Блэкстона объ англійскихъ законахъ и книга Филанджіери «Наука законодательства». Труды Бентама еще не цитируются имъ въ трактатѣ 1802 г., но въ слѣдующемъ году Сперанскій уже пользуется ими въ запискѣ объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій, составленіе которой было поручено ему импер. Александромъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея *). Это понятно, такъ какъ Сперанскій пользовался сочиненіями Бентама въ обработкѣ Дюмона на французскомъ языкѣ, которое вышло въ свѣтъ лишь въ 1802 г. **). Но англійскимъ вліяніямъ Сперанскій подвергся и ранѣе, и не только литературнымъ путемъ. Онъ былъ близкимъ другомъ брата знаменитаго юриста, Іереміи Бентама, Самуила,

*) Напечатана Н. А. Бычковымъ въ XI т. „Историческаго Обозрѣнія".

**) Дюмонъ пріѣхалъ въ Россію въ 1802 г. и въ іюнѣ слѣдующаго года писалъ за границу, что въ Петербургѣ его изданія сочиненій Бентама было продано столько же экземпляровъ, сколько въ Лондонѣ.

который съ 1774 г. жилъ въ Россіи. Въ кругъ англійскихъ отношеній вводило Сперанскаго и то, что онъ былъ женатъ на англичанкѣ.

Въ высшихъ русскихъ сферахъ тогда было не мало людей, проникнутыхъ удивленіемъ къ англійскому государственному устройству и англійской цивилизаціи. Однимъ изъ членовъ знаменитаго неоффиціальнаго комитета, обсуждавшаго съ Алексадромъ I въ 1801—1803 гг. предположенія о государственныхъ преобразованіяхъ, былъ Новосильцевъ, который почти все царствованіе имп. Павла провелъ въ Лондонѣ. Онъ сблизился тамъ съ русскимъ посломъ при Сентъджемскомъ дворѣ гр. С. Р. Воронцовымъ, горячимъ поклонникомъ Англіи, и изучалъ юриспруденцію и политическую экономію. Естественно, что въ составленномъ имъ въ началѣ царствованія имп. Александра I (неизданномъ) проектѣ общихъ политическихъ правъ видно вліяніе англійскаго законодательства. Кочубей завершалъ свое образованіе не только въ Женевѣ, но также и въ Лондонѣ. Большимъ поклонникомъ Англіи былъ морской министръ Чичаговъ, который учился тамъ морскому дѣлу и былъ женатъ на англичанкѣ *). Извѣстно, что большимъ англоманомъ былъ и членъ Совѣта Н. С. Мордвиновъ, который, при обсужденіи въ этомъ учрежденіи проекта правъ сената 1 мая 1802 г., прочелъ мнѣніе, въ которомъ говоритъ «Желательно, чтобы сенатъ содѣлался тѣломъ политическимъ... Права политическія должны быть основаны на знатномъ сословіи, весьма уважаемомъ» **). Но въ это время Мордвиновъ представлялъ себѣ такое учрежденіе состоящимъ не изъ наслѣдственныхъ членовъ, а частью изъ назначаемыхъ государемъ, частью изъ выбираемыхъ дворянами по губерніямъ; это мнѣніе Мордвинова, соединяющее въ себѣ нѣкоторыя черты плана Сперанскаго 1802 г. и проекта преобразованія сената Державина, должно было быть извѣстно Сперанскому, такъ какъ онъ, сохраняя званіе статсъ-секретаря, служилъ въ канцеляріи Совѣта. Возможно, что это мнѣніе Мордвинова о реформѣ сената и побудило Сперанскаго испробовать свои силы въ составленіи политическаго трактата, но онъ отнесся къ этому труду совершенно самостоятельно: не пріурочивая своихъ плановъ къ преобразованію сената, какъ это дѣлало въ то время множество сановниковъ, онъ набросалъ эскизъ государственнаго сейма, состоящаго, по образцу Англіи, изъ двухъ палатъ.

Мы видѣли, что, по проекту Сперанскаго 1802 г., верхняя камера государственнаго сейма должна была состоять изъ первыхъ четырехъ классовъ дворянства, надѣленныхъ правомъ первородства. Любопытно, что, когда 27 мая 1802 г. гр. П. А. Строгановъ имѣлъ

*) „Архивъ адмирала П. В. Чичагова". Вып. I, Спб., 1885 г., стр. 9—10, 12—13, 16—18, 122.

**) „Архивъ гр Мордвиновыхъ", т. III, 221—225.

совѣщаніе по вопросу объ учрежденіи министерствъ съ гр. С. Р. Воронцовымъ, въ этой бесѣдѣ было сдѣлано сравненіе сената съ верхнею палатою и поднятъ былъ вопросъ о наслѣдственности званія (sur l'heredité). Строгановъ высказалъ мысль, что это учрежденіе очень хорошее, но гр. Воронцовъ, горячій поклонникъ Англіи, замѣтилъ: «это справедливо относительно Англіи, но у насъ дѣло иное, и пока будутъ существовать тѣ принципы, которые мы почерпаемъ въ нашемъ воспитаніи, подобное учрежденіе у насъ будетъ опасно» *).

Нѣтъ никакихъ указаній на то, что разсмотрѣнная записка Сперанскаго сдѣлалась извѣстною государю, такъ какъ въ концѣ записки о коммиссіи для составленія законовъ Сперанскій, упоминая о своемъ политическомъ трактатѣ, выражается такимъ образомъ, что онъ «не смѣетъ представить» своихъ мыслей объ этомъ «великомъ дѣлѣ». Въ запискѣ 1803 г. «Объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи», составленной по порученію государя, переданному чрезъ Кочубея, Сперанскій зачеркиваетъ самое сильное мѣсто, гдѣ были перечислены главнѣйшія черты «государственнаго закона» въ «правильномъ монархическомъ государствѣ», а также поясненіе мысли, что лучшая система, по которой можно учредить законодательный сенатъ, должна состоять въ системѣ или 1) «первородства», по которой онъ хотѣлъ устроить одну изъ палатъ государственнаго сейма въ запискѣ 1802 г., или 2) «представленія», т. е. представительства, что показываетъ уже сомнѣніе въ пользу избирательнаго состава верхней палаты **). Дѣлился ли Сперанскій, или нѣтъ, своими предположеніями о желательныхъ, по его мнѣнію, государственныхъ преобразованіяхъ съ вліятельными тогда людьми, во всякомъ случаѣ въ 1804 г., въ бесѣдѣ съ Дюмономъ, онъ заявилъ, что «не вѣритъ въ возможность установленія политической свободы въ Россіи» ***). Теперь несомнѣнно, что Сперанскій перешелъ отъ изложеннаго нами проекта двухпалатнаго сейма съ аристократическою верхнею палатою, основанною на выдѣленіи высшаго дворянства съ предоставленіемъ ему права первородства, къ проекту 1809 г. законодательной государственной думы, состоящей изъ одной палаты при рѣзкомъ порицаніи права первородства, какъ «учрежденія совершенно феодальнаго», которое «могло бы уклонить Россію на нѣсколько вѣковъ отъ настоящаго ея пути» ****). Несомнѣнно, что отъ аристократическаго

*) *Вел. кн. Николай Михаиловичъ* „Гр. П. А. Строгановъ", II, 273-276. Не вызваны ли были слова Строгонова знакомствомъ съ запискою Сперанскаго?

**) „Историч. обозр." XI, 28,46.

***) *Пыпинъ*. „Русскія отношенія Бентама". „Вѣст. Евр." 1869 г. № 2. стр. 808.

****) Текстъ проекта Сперанскаго 1809 г. см. въ „Историческомъ обозрѣніи" т. X, а сжатое изложеніе его въ моей статьѣ въ „Быломъ" 1906 г.

проекта Сперанскій перешелъ къ гораздо болѣе демократическому, а не наоборотъ.

В. Семевскій.

СКАЗКА.

Призываетъ король Аладинъ
    Грознымъ звономъ стального меча
Въ свой дворецъ золотой палача.
Но ни съ горныхъ вершинъ, ни съ цвѣтущихъ долинъ
    Къ королю не пришелъ ни одинъ.

Съ той поры для свободныхъ людей,—
    И покоя, и счастья полна,—
Точно садъ, расцвѣла та страна.
Нѣтъ тамъ тяжкихъ цѣпей, ни темницъ, ни бичей,
    Потому что тамъ нѣтъ палачей!

С. Ивановъ-Райковъ.

№ 1, стр. 36—44. Указаніе на возможные источники проекта Сперанскаго 1809 г. см. въ книгѣ *S. Swatikow'a* «Die Entwürfe der Aenderung der russichen Staatsverfassung. Zur Entwicklung der konstitutionellen Ideen in Russland (1730—1819). Heidelb. 1904, S. 75—141.

АСА и МАРКЪ.

Въ полутемной хатѣ Огана, освѣщенной единственнымъ квадратнымъ отверстіемъ въ плоской земляной крышѣ, сидѣли у камина четырехлѣтній Аса и трехлѣтній его братикъ Маркъ и старательно колотили своими пухлыми ручонками по сухой золѣ, которая весело фыркала между ихъ пальчиками, взлетала вверхъ и густыми, сѣрыми, какъ паръ, облаками расходилась по всей хатѣ.

Это забавляло дѣтей. Они звонко хохотали и чихали, и ихъ черные лучистые глаза сверкали, какъ спѣлыя вишни на солнцѣ.

Тяжелая дубовая дверь хаты заскрипѣла, и Маріамна, мать дѣтей, свѣжая, бодрая баба съ сильной шеей и здоровыми круглыми плечами, шумно вошла въ хату.

— Ахъ, чтобъ васъ! Опять съ золой?—крикнула она на дѣтей, и непосредственно за этими словами Аса и Маркъ отлетѣли отъ камина въ разныя стороны, а Маріамна, схвативъ корыто, такъ же быстро и съ шумомъ исчезла за дверью, какъ и вошла.

Дѣти приподнялись и сѣли. Лицо у Асы нахохлилось, какъ воробей въ стужу. Губы надулись, ротъ сталъ медленно расходиться, какъ каучукъ. Маркъ не спускалъ глазъ съ него. Онъ внимательно слѣдилъ за братомъ, совершая на своемъ лицѣ ту же подготовительную работу къ реву, къ которому давно привыкли закопченныя дымомъ и временемъ балки хаты. Но тутъ произошло одно совершенно неожиданное обстоятельство, давшее желаньямъ ревуновъ иное направленье. На край окошечка въ крышѣ вдругъ сѣла желтобрюхая синичка и косо, съ любопытствомъ, заглянула въ зіяющую темь хаты. Аса, втянувъ въ себя воздухъ, многозначительно поднялъ пальчикъ вверхъ. Пальчикъ Марка послѣдовалъ за нимъ. Синичка почесалась подъ крылышкомъ острымъ, какъ иголка, клювомъ, громко чихнула, вѣроятно отъ золы, и вспорхнула.

— Пойдемъ ловить!—предложилъ Аса, и оба побѣжали.

Маркъ, не добѣжавъ до дверей, почему-то остановился. Ему вдругъ разхотѣлось поймать синичку. Онъ молча вернулся на прежнее мѣсто, къ камину, и легъ на пестрый коверъ.

Наступила тишина. За водяными кувшинами застучалъ сверчокъ. Потомъ изъ ларя вылѣзъ сѣрый котъ, гдѣ онъ вѣчно душилъ мышей, и, подойдя къ лежавшему на спинѣ Марку, принялся кончикомъ своего пушистаго хвоста смахивать золу съ грязнаго носика его. Маркъ было потянулся, чтобы ущипнуть за хвостикъ, но рука его вяло и лѣниво упала на коверъ. Его черные, лоснящіеся глаза подернулись туманомъ. Онъ тяжело повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Эту ночь Маркъ спалъ неспокойно. На другой день онъ не всталъ, а къ вечеру рядомъ съ нимъ легъ и Аса.

Въ селѣ вспыхнула эпидемія оспы. Гладкія, розовыя тѣльца обоихъ дѣтей словно были посыпаны густымъ слоемъ бѣлаго мака. Эти бѣлыя зерна стали увеличиваться и расплываться, и на третьей недѣлѣ вѣки ихъ сомкнулись.

Три тяжелыхъ томительныхъ дня и три ночи съ леденящимъ страхомъ въ груди ждала Маріамна у изголовья малютокъ, когда раскроются глаза. Но когда на четвертый день вѣки Асы и Марка зашевелились и раскрылись, страшный нечеловѣческій вопль потрясъ дубовыя балки хаты.

Прибѣжавшіе на этотъ крикъ мужики и бабы нашли Маріамну безъ чувства на земляномъ полу хаты съ запущенными пальцами въ густые, растрепанные волосы и съ изодранной рубахой на обнаженной окровавленной груди. А у больныхъ дѣтей, тамъ, гдѣ раньше горѣли полные жизни и блеска глаза, зіяли теперь мертвыя, неподвижныя и бѣлыя, какъ свѣжій алебастръ, впадины.

Маріамну вынесли на дворъ и привели въ чувство. Она дико посмотрѣла на окружающихъ, подняла свои до локтей засученныя, загорѣлыя руки къ небу и крикнула острымъ, какъ стекло, голосомъ: „Дай, дай глаза моихъ малютокъ! Дай, слышишь?!“ Но небо, ясное, голубое, молчало, какъ мертвая пустыня.

— А-а!—завопила Маріамна и, поднявъ круглый, большой булыжникъ, бросила его изо всей силы вверхъ.

Камень, едва долетѣвъ до нижнихъ вѣтвей тутовника, стоящаго передъ крыльцомъ, возвратился обратно и тяжело шлепнулся въ лоханку, откуда куры пили воду.

— Такъ не даешь, не даешь? Ну, я сама приду за ними!— И обезумѣвшая мать ринулась къ тридцатисаженному обрыву за пчельникомъ, но тутъ ее во время схватилъ Оганъ и увелъ въ хату.

Маріамна, при видѣ дѣтей, сорвала съ головы платокъ, разодрала архалухъ, царапала ногтями лицо и грудь и такъ дико и страшно скрипѣла своими бѣлыми крѣпкими зубами, что холодная дрожь проникала присутствующихъ, а Оганъ сталъ опасаться, какъ бы жена не лишилась разсудка. Онъ попросилъ позвать батюшку, дабы тотъ утѣшилъ и успокоилъ ее.

Батюшка вскорѣ явился и началъ утѣшать. Онъ сказалъ, что и не такъ еще Господь милосердный наказываетъ своихъ избранныхъ. И онъ разсказалъ про вѣрнаго раба Іова изъ земли Уцъ; про то, какъ вѣрный рабъ Іовъ, избранникъ Саваоѳа, не переставалъ благословлять Всевышняго не только послѣ того, какъ лишился всѣхъ своихъ верблюдовъ, ослицъ и воловъ, но даже послѣ того, какъ буря поднялась и, разрушивъ его домъ, погребла всѣхъ его сыновей и дочерей: Іовъ всталъ, разодралъ свою верхнюю одежду, палъ ницъ и сказалъ...

Что сказалъ вѣрный рабъ Іовъ, присутствующіе не узнали, такъ какъ тутъ Маріамна выхватила изъ камина пылающую головню и хотѣла поджечь хату.

Оганъ поблагодарилъ батюшку за утѣшеніе; а родные рѣшили, что необходимо Маріамну удалить на нѣкоторое время отъ дѣтей. Ее увели къ ея матери, а за дѣтьми стала ухаживать младшая, незамужная сестра Маріамны.

Маріамна недолго, однако, выдержала разлуку со своими малютками. Уже на пятый день перешагнула она порогъ хаты, состарѣвшаяся, осунувшаяся, съ тупой покорностью въ потухшемъ взорѣ. Она кликнула дѣтей, но слѣпые едва зашевелились въ постели. Они не узнали милаго, дорогого голоса и прислушивались къ нему, какъ къ чужому. Она ласкала ихъ—они оставались безстрастными, равнодушными къ ея ласкамъ: они не видѣли мать. Жуткая, непроницаемая тьма совершенно сбила ихъ съ толку. Если Маріамна дотрагивалась ложкой или кусочкомъ хлѣба до ихъ губъ, то они выпивали похлебку и глотали хлѣбъ безсознательно, безучастно, какъ слѣпорожденныя цыплята.

Эпидемія прошла, оставивъ послѣ себя длинный рядъ свѣжихъ холмиковъ на погостѣ да кучу дѣтишекъ съ вытравленными лицами, мѣсившими теперь беззаботно своими пятками грязь на улицахъ.

Только два брата, Аса и Маркъ, сидѣли безпомощно въ темномъ углу хаты и вопросительно озирались кругомъ своими вымершими алебастровыми впадинами, точно спрашивали: „Когда же, наконецъ, кончится черная ночь и насту-

пить бѣлое утро?“ Но проходили дни, проходили недѣли, мѣсяцы. Они спали, вставали; въ корытѣ вышелъ старый хлѣбъ, мама спекла свѣжій, а вокругъ царила одна и та же жуткая, нескончаемая ночь.

Какое-то безпокойство напало на бѣдныхъ дѣтей. Они съежились и прижались другъ къ другу, какъ загнанные собаками звѣри, и стали пятиться все дальше, все глубже въ темный уголъ хаты. Они думали, что люди, шаги и голоса которыхъ слышались имъ такъ близко, но которыхъ они почему-то не могли видѣть, что эти злые люди бросили ихъ въ черную, глубокую яму и прикрыли непроницаемой крышей безъ окна. Они боялись всякаго, кто только подходилъ къ нимъ, и готовились заплакать, если заговаривали съ ними. Даже ласки матери и отца не могли снять съ ихъ душъ этотъ страхъ. И когда однажды Маріамна взяла въ обѣ руки курчавую голову Марка и медленно положила ее къ себѣ на колѣно, на то теплое, мягкое колѣно, на которомъ Маркъ, бывало, такъ любилъ спать, то лицо его исказилось отъ испуга. Онъ началъ въ безпокойствѣ что-то искать и ловить въ воздухѣ и, схвативъ, наконецъ, полу архалука Асы и снявъ голову съ колѣна матери, придвинулся и прижался къ брату; и оба опять попятились въ свой темный уголъ. Но когда Оганъ уходилъ въ поле, и Маріамна, заперевъ хату, съ кувшинами спускалась въ оврагъ за водой, въ безмолвной хатѣ пробуждалась своеобразная жизнь. Аса и Маркъ, послѣ долгаго и внимательнаго прислушиванія, убѣдившись, что они одни, осторожно и тихо, какъ привидѣнія, выползали изъ темнаго своего убѣжища и бродили въ предполагаемой мрачной ямѣ. Первое время они, казалось, разучились ходить. Приподнятая нога безпомощно болталась въ бездонной тьмѣ, не зная—куда ей стать. Движенія впередъ, назадъ и въ стороны—все у нихъ путалось. Они теряли равновѣсіе, падали и, держась за руки, ползли на четверенькахъ. Всѣ предметы и ихъ формы вызывали въ нихъ удивленіе новизны и незнанія. Однажды наткнулись они на что-то толстое, круглое и стоящее, обхватили его руками и стали на ноги. Это была массивная, не отесанная дубовая колонна среди хаты, на которой покоилась крыша со всѣми стропилами и балками. Аса и Маркъ о чемъ-то задумались.

Тутъ было прежде любимое мѣсто ихъ веселыхъ игръ и шалостей. Вокругъ этого бревна любили они бѣгать и ловить другъ друга. Они любили обхватывать его обѣими руками и, откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, глядѣть снизу вверхъ на закопченныя балки. И теперь, стоя тутъ вопро-

сительно-неподвижно, оба что-то вспоминали. Оба думали объ одномъ и томъ же, и каждый зналъ мысли другого.

Мелькнулъ первый лучъ сознанія. Въ мозгу зародилась глубокая, упорная не по лѣтамъ работа мысли, и предметы, до того чуждые и загадочные, сразу освѣтились и стали понятны. Въ сторонѣ отъ этой колонны стоялъ высокій, гладкій мучной амбаръ... Оба медленно направились туда.. Да, это былъ мучной амбаръ. Тамъ, дальше—водяные кувшины, въ сыромъ углу; потомъ, поодаль, узкій ларь, гдѣ охотился котъ, потомъ мѣшки съ зерномъ... Аса и Маркъ поняли, что они находятся въ знакомой своей хатѣ, и что никто ихъ не бросилъ въ яму, и понемногу стали сознавать страшную причину окутавшаго ихъ мрака. И чѣмъ больше они это сознавали, чѣмъ больше выясняли свое роковое и безнадежное положеніе, тѣмъ мрачнѣе становились ихъ лица, обезображенныя и вытравленныя оспой.

Жутко было глядѣть на глубокія складки между ихъ общипанными, изгрызанными бровями, на суровый холодъ зіяющихъ алебастровыхъ впадинъ. И никто не зналъ, относиться ли къ этимъ дѣтямъ, какъ къ взрослымъ, или малюткамъ, испытавшимъ и пережившимъ тяжесть и горечь земной жизни...

Часто, когда сырой осенній вѣтеръ жалобно завывалъ въ каминѣ и отъ коптящей таганки бѣгали причудливыя тѣни по стѣнамъ хаты, Оганъ и Маріамна съ сердечнымъ трепетомъ поворачивали головы туда, гдѣ сидѣли ихъ дѣти, судорожно прижавшись другъ къ другу,—и не знали, ихъ ли это дѣти, Аса и Маркъ, или какія-то чужія и враждебныя имъ существа?

Да, это не были болѣе Аса и Маркъ съ ихъ черными, полными огня и жизни глазами, Аса и Маркъ, бѣгавшіе вокругъ колонны и наполнявшіе всю хату веселымъ, несмолкаемымъ щебетаніемъ весеннихъ ласточекъ: это были какія-то загадочныя существа изъ невѣдомаго и недоступнаго зрячимъ, вѣчнаго и безбрежнаго, какъ черный океанъ, мрака. Не того мрака, что мы воспроизводимъ на секунду, заслонивъ глаза отъ солнца, а того, который знаютъ лишь тѣ, въ чьей груди высохла и вымерла надежда когда-либо возвратиться въ міръ радуги и голубой улыбки лазурнаго неба, въ міръ ослѣпительной молніи. И тогда изъ дрожащихъ пальцевъ Маріамны незамѣтно выпадала спица, а изогнутая спина Огана еще больше пригибалась къ землѣ, точно крыша хаты давила его всей своей тяжестью.

Всякій разъ, оставаясь одни въ хатѣ, Аса и Маркъ съ вытянутыми впередъ руками повторяли свои странствованія. Ихъ пальцы, къ кончикамъ которыхъ, казалось, перешла вся ихъ воспріимчивость и чуткость, сосредоточенно и испытующе скользили по предметамъ, и отдаленнѣйшіе углы и мельчайшія щели не оставались безъ изслѣдованія. Они прислушивались къ острому писку мышей подъ амбаромъ, къ однообразному трещанію сверчка, и когда послѣдній умолкалъ, палецъ Асы или Марка, какъ тѣнь, опускался на гладкую спину насѣкомаго.

Разъ Маркъ, попавъ въ освѣщенное пространство подъ окошечкомъ въ крышѣ, быстро прикрылъ голову рукой и сталъ въ волосахъ искать что-то: то были бѣлые лучи солнца, косо врѣзавшіеся въ темную хату. Послѣ этого Аса и Маркъ часто становились на это мѣсто, сосредоточенно ощупывали и мяли въ пальцахъ что-то теплое и пріятное и старались вызвать въ памяти что-то изъ далекаго расплывшагося прошлаго.

Былъ августъ мѣсяцъ. Подъ благодатными жаркими лучами кавказскаго солнца темнѣлъ и наливался сочный виноградъ, привлекая къ себѣ пестрыя кучи сорокъ. Въ виноградникахъ открылась ружейная пальба. Садовники били непрошенныхъ гостей и вѣшали ихъ на заборахъ и тычкахъ въ назиданіе остальнымъ.

Оганъ, прочистивъ ружье куринымъ саломъ, долго искалъ на полкѣ пороховницу, но не могъ найти; не нашла ее и Маріамна. Въ это время въ темномъ углу зашевелился Аса, мѣрнымъ шагомъ направился къ мѣшкамъ съ зерномъ, приставленнымъ къ стѣнѣ, взлѣзъ на мѣшки и, вытянувшись на ципочкахъ, досталъ изъ-за вороха мотковъ шерсти и клубковъ желтую тыкву съ порохомъ и протянулъ ее отцу. Оганъ и Маріамна стояли съ широко раскрытыми глазами, безъ движенія, безъ словъ. Оганъ молча потянулъ жену за рукавъ и, когда они вышли на крыльцо, сказалъ ей шепотомъ: „Отпусти ихъ, не запирай, божій ангелъ съ ними".

Аса и Маркъ послѣ долгаго заключенія вышли, наконецъ, на дворъ.

Тутъ началась та же сосредоточенная, упорная работа впитыванія окружающаго, невидимаго въ ихъ таинственный мрачный міръ. Отъ людей, отъ животныхъ, отъ всѣхъ предметовъ на ихъ пути, казалось, исходило какое-то дыханіе и, проникая въ ихъ душу, открывало имъ ихъ близость. Они знали, стѣна ли передъ ними шагахъ въ двадцати, или безконечная даль муганской степи, синѣющая внизу за террасами холмовъ. Они знали, голубое ли небо надъ ихъ головами, или облака несутся тамъ, вверху. Часто

отходили они другъ отъ друга, становились то на краю обрыва за пчельникомъ, то подъ стогомъ сѣна, стоявшимъ, какъ огромная папаха, на четырехъ сваяхъ, то подъ развѣсистыми вѣтвями бѣлаго тутовника и звали другъ друга и прислушивались внимательно къ тончайшимъ оттѣнкамъ своего голоса.

Спустя нѣкоторое время послѣ этихъ трудовъ они безъ ошибки и быстро, по одному голосу матери, знали, гдѣ она стоитъ: у обрыва ли, на крышѣ ли хаты, или у смоковницы.

Часто спускались они съ матерью въ оврагъ за водой. Тутъ, пока Маріамна съ кувшинами ждала очереди, Аса и Маркъ сидѣли на выступѣ скалы, надъ родникомъ, и молча, сосредоточенно прислушивались къ неугомонному говору толпы, который долеталъ къ нимъ снизу, къ тяжелому пыхтѣнью и фырканью буйволовъ, ворочающихся въ тинѣ и прохлаждающихъ въ ней свою раскаленную отъ знойнаго солнца шкуру, къ рокоту пѣнистаго потока, низвергающагося по скользкимъ камнямъ въ черную, какъ ночь, тѣснину. И глубокое усиліе и напряженіе были на ихъ сумрачныхъ лицахъ. Они мысленно возвращались къ свѣтлому, цвѣтистому прошлому, что-то оттуда вызывали въ памяти, тянули какую-то громоздкую тяжесть, но тонкая нить воспоминаній обрывалась, и тяжесть погружалась обратно во тьму.

Лѣтомъ обыкновенно собиралась у родника большая толпа женщинъ съ кувшинами, и отъ долгаго ожиданія очереди онѣ теряли терпѣнье, дѣлались злыми, начинали громко кричать, ругаться и, наконецъ, разбивали другъ у друга кувшины. Однажды, когда крики ихъ особенно усилились, и нѣкоторыя подняли булыжники, чтобы бить кувшины противницъ, вдругъ голоса замолкли и взоры всѣхъ обратились туда, гдѣ сидѣли оба слѣпые. Аса и Маркъ, съ откинутыми на затылокъ головами, что-то искали въ воздухѣ. Женщины тоже посмотрѣли на небо. Высоко надъ головами слѣпыхъ, въ темносинемъ небѣ, залитомъ яркими лучами, рѣяли два орла, описывая правильные, тѣсные круги. И всякій разъ, какъ тѣни птицъ, съ широко раскинутыми крыльями, скользили по вытравленнымъ лицамъ и безжизненно-застывшимъ алебастровымъ впадинамъ, мальчики нервно вздрагивали, какъ будто по тѣламъ ихъ пробѣгало что-то живое и холодное. У родника наступила торжественная тишина. Камни выпали изъ рукъ женщинъ; нѣкоторыя начали креститься, иныя шептали: „Отче нашъ"... У многихъ блеснули на рѣсницахъ слезы. Маріамна, позабывъ свой кувшинъ подъ струей, быстро поднялась на скалу, схватила дѣтей и пошла съ ними домой.

Въ эту ночь, когда все село давно отдыхало послѣ тяжелаго лѣтняго дня, въ хатѣ Огана долго горѣлъ огонь.

— Жена,—твердилъ Оганъ, подымая глаза къ чернымъ балкамъ хаты,—ангелъ Божій съ ними. Если Онъ имъ птицъ небесныхъ показываетъ, то Онъ скажетъ имъ, какъ помочь мнѣ въ моей тяжелой работѣ; а послѣ нашей смерти Онъ ихъ не оставитъ.

Маріамна молча слушала мужа, только глаза ея не подымались вверхъ.

Оганъ сталъ брать Асу и Марка всюду съ собой, и его надежды и упованья на Бога, какъ будто, начинали сбываться.

Года проходили. И оба брата какъ-то незамѣтно втягивались въ работу отца. И чѣмъ больше росли и крѣпли они, тѣмъ больше чувствовалъ Оганъ, что онъ не одинъ, что у него есть подмога. Аса и Маркъ помогали отцу чистить хлѣвъ и скотникъ, гоняли съ нимъ буйволовъ на водопой и, когда наступала ихъ очередь, смѣло и безошибочно хватали изъ многочисленнаго стада за рога своего буйвола и тянули его къ водѣ. Они помогали отцу въ полѣ; и если Оганъ одинъ могъ нагружать возъ снопами въ часъ времени, то съ помощью Асы и Марка онъ это дѣлалъ въ нѣсколько минутъ. Поэтому сѣно его своевременно складывалось въ стога, а хлѣбъ не лежалъ и не прѣлъ подъ дождемъ.

Аса и Маркъ отдались труду съ горячимъ рвеніемъ. Была ли это потребность здороваго организма, или они находили забвеніе въ работѣ—этого никто не зналъ и не могъ знать, такъ какъ Аса и Маркъ неохотно говорили съ зрячими, а еще менѣе дѣлились съ ними своими думами. Ихъ жуткая молчаливость и мрачный холодъ производили удручающее впечатлѣніе на окружающихъ. При ихъ появленіи на улицѣ веселые крики дѣтей тотчасъ же умолкали, какъ щебетанье стаи воробьевъ въ тутовникахъ при видѣ ястреба. Дѣти бросали пугливые взгляды на два странныхъ лица съ бѣлыми неподвижными глазами, пятились прочь отъ нихъ и, лишь завернувъ за уголъ, начинали свои игры на другой улицѣ. Тогда Аса и Маркъ, держась за руки, опускались на завалинку у воротъ и, уставившись передъ собой, погружались въ неподвижность и молчаливыя думы. Если иногда подходилъ къ нимъ добрый сосѣдъ и заговаривалъ съ ними, то они брали его обѣ руки въ свои и, вонзивъ въ его лицо алебастровыя впадины, внимательно слушали его слова, отвѣчая на всѣ вопросы двумя словами: „намъ темно“. И сосѣду отъ этого такъ становилось тяжело въ груди, что онъ путался, терялся и, выпроставъ руки, въ смущеніи, какъ виноватый, уходилъ отъ нихъ неслышными шагами. Такъ сто-

ронились отъ нихъ люди, и даже Огану часто становилось жутко съ сыновьями въ полѣ; за то Аса и Маркъ никогда не покидали другъ друга. Правая кисть Асы неразлучно лежала въ широкой, сильной ладони Марка; и эту руку онъ не выпускалъ никогда, ни днемъ, ни ночью, ни на яву, ни во снѣ. Одно сердце, одна душа, казалось, жили въ этихъ двухъ существахъ. Ихъ страшное безпредѣльное горе слило ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое, какъ жаръ кузнечнаго горна сливаетъ въ одно два куска желѣза, и нельзя указать, гдѣ начало одного и гдѣ конецъ другого.

Аса былъ высокаго роста, съ гибкимъ станомъ и плавными движеніями. Темно-каштановые волосы прямыми, мягкими прядями покрывали его вытравленные виски. Шагалъ онъ осторожно, нерѣшительно, какъ будто подъ ногами было что-то дорогое и хрупкое, которое онъ боялся раздавить. Глядя на него сзади, всякій ожидалъ увидѣть красивое лицо при поворотѣ головы. Пушистая бровь надъ правой глазной впадиной была единственнымъ мѣстомъ на лицѣ, котораго не коснулась оспа.

Маркъ былъ ростомъ ниже средняго. Костистый, широкоплечій, съ большими, сильными мускулами; движенья угловаты, какъ у медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ; на головѣ черное, густое войлоко курчавыхъ волосъ. Обѣ брови были вытравлены у него оспой, и лишь два, три забытыхъ, одинокихъ волоска торчали тамъ щетиной.

Благодаря преобладающей физической силѣ, а можетъ быть, и по инымъ неизвѣстнымъ причинамъ, Маркъ игралъ по отношенію къ своему старшему брату роль покровителя. Онъ былъ готовъ для него вступить въ бой съ самымъ страшнымъ звѣремъ или всунуть руку въ костеръ, если бы это нужно было для Асы. Когда имъ навстрѣчу шло стадо, и кругомъ глухо стучали копыта, Маркъ выступалъ впередъ, заслоняя брата своею выпуклой, широкой грудью. Если впереди скрипѣла телѣга, то Маркъ оттискивалъ брата въ сторону. Идя по тропинкѣ вдоль обрыва, Маркъ всегда шелъ со стороны обрыва, а брата заставлялъ идти по другую руку.

Однажды возвращались они домой съ гумна. Вдругъ на Асу бросилась какая-то собака и изодрала полу его архалука. Аса невольно вскрикнулъ... Маркъ зарычалъ, какъ разъяренный медвѣдь, бросился на собаку и схватилъ ее за горло своими стальными пальцами. Оба, спутавшись въ одинъ живой узелъ, покатились по уличной пыли. На крики Асы прибѣжали мужики, но въ это время Маркъ успѣлъ уже подняться на ноги. Въ пыли на землѣ лежалъ трупъ собаки; изо рта и ноздрей сочилась теплая, алая кровь. Маркъ бы-

втро схватилъ за руку своего брата, принимая угрожающую позу. Страшно было смотрѣть на него. Лицо исказилось отъ бѣшенаго гнѣва, зубы стучали, какъ у волка, и въ зіяющихъ алебастровыхъ впадинахъ вспыхивалъ какой-то фосфорическій огонь. Его искусанные пальцы обливались кровью, но онъ ничего не чувствовалъ, кромѣ близости своего брата и готовности защищать его.

Насколько близки они были другъ къ другу, настолько чуждъ и далекъ имъ былъ весь остальной зрячій міръ. Непроходимая, бездонная пропасть лежала между ними и этимъ міромъ; и даже всѣ старанья Маріамны вызвать въ сыновьяхъ хоть слабую сердечность встрѣчали холодный отпоръ. Они не хотѣли ничьей близости и избѣгали всякихъ ласкъ. Они не могли переносить смѣхъ и веселые голоса, и въ глубинѣ своей души обвиняли всѣхъ въ страшной судьбѣ, постигшей ихъ.

Даже къ окружающей природѣ они относились съ враждой. Когда умолкалъ жаворонокъ и въ тихомъ бору не заливался болѣе соловей; когда сухія листья шуршали подъ ногами, какъ кости мертвецовъ; когда сѣрые, сырые туманы спускались надъ горами и печальныя свинцовыя облака заволакивали веселое небо; когда природа, натянувъ на себя свое снѣжное, холодное покрывало, погружалась въ неподвижность и сонъ, тогда Аса и Маркъ чувствовали покой и тишину въ своемъ черномъ сердцѣ. Тогда они были довольны окружающимъ покоемъ и мертвенной тишиною: все находилось въ гармоніи съ ихъ внутренней неподвижностью. Но вотъ, въ воздухѣ запахло тепломъ и весной... Земля начинаетъ просыпаться и шевелиться. Холмы высовываютъ свои головы въ зеленыхъ папахахъ изъ-подъ снѣга. По крутымъ улицамъ села покатились мутные потоки, увлекая накопившуюся за зиму грязь и навозъ и бросая ихъ далеко въ глубокіе овраги. Серебристыя трели жаворонка радостно привѣтствуютъ зарю. Людскіе голоса пріобрѣтаютъ какую-то мягкость и сердечность, и даже бабы у родника не такъ сильно ругаются. Какъ бурное море, шумитъ и волнуется кругомъ жизнь, но волны и брызги этого моря пугаютъ и отталкиваютъ отъ себя слѣпыхъ. Ихъ пугаютъ эти странные, чуждые имъ голоса, этотъ безпокойный хаосъ, этотъ ненавистный имъ смѣхъ, эта радость жизни. И въ такое время они рѣже выходятъ на улицу, рѣже показываются у родника, чаще сидятъ въ тѣсномъ углу хаты, или тайкомъ отъ матери удаляются и скрываются въ темныхъ разсѣлинахъ скалъ, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ, гдѣ не поетъ ни одна птица, гдѣ не цвѣтетъ цвѣтокъ. Какъ лунатики, держась за руки, двигаются они по

узкой тропинкѣ, извивающейся, какъ перепутанная веревка, между острыми выступами голыхъ скалъ, надъ зіяющей пропастью; и поздно, иной разъ въ темнотѣ, возвращаются домой. А бѣдная Маріамна, въ страхѣ и безпокойствѣ за своихъ несчастныхъ дѣтей, стоитъ на крышѣ хаты со сложенными на груди руками, смотритъ внизъ на долину и ждетъ, когда на сѣрѣющей тропинкѣ покажутся два темныхъ пятна. Ни просьбы ея, ни мольбы не могли удержать ихъ отъ этихъ опасныхъ отлучекъ. Какой-то злой духъ, казалось, гонялъ ихъ отъ шума и веселья.

— Милые, ненаглядные, зачѣмъ же такъ поздно? Вѣдь темно... Приходили бы пораньше,—встрѣчала ихъ Маріамна со слезами.

— Намъ и въ полдень не свѣтлѣе,—холодно и сухо отвѣчали они матери и уходили въ свой темный уголъ.—Дай намъ лучъ, и мы придемъ засвѣтло.

Въ хатѣ Огана давно не слышалось смѣха или громкаго говора. Смѣхъ умиралъ на губахъ всякаго переступавшаго порогъ его хаты. Оганъ и Маріамна были готовы отдать жизнь за одну улыбку на губахъ своихъ дѣтей или найти для нихъ какую-либо забаву. Только къ концу лѣта, когда солнце не такъ милосердно пекло землю, и карабагскіе ашыги (балалаечники) со своими поводырями показывались въ тѣхъ мѣстахъ, Аса и Маркъ нѣсколько оживлялись. Тогда Маріамна часто выходила изъ села на большую дорогу, приводила ашыга къ себѣ, сажала подъ тутовникомъ, готовила для него пилавъ и просила его пѣть веселыя пѣсни. И старый слѣпой пѣвецъ съ такими же бѣлыми алебастровыми впадинами хохоталъ нараспѣвъ и пѣлъ о томъ, какъ раскрылась пышная, душистая роза и какъ ее поцѣловалъ соловей.

Но въ ржавомъ и дребезжащемъ голосѣ пѣвца столько было скрытаго горя и печали, столько потухшихъ надеждъ, понятныхъ и доступныхъ для Асы и Марка, что напускное его веселье не пугало и не отталкивало ихъ; оба они присаживались къ ашыгу и внимательно слушали. Руки Марка осторожно скользили по балалайкѣ, по быстро перебирающимъ пальцамъ, въ то время какъ Аса, положивъ ладонь на горло пѣвца, изучалъ движенье его горла и мускуловъ шеи. На вопросы Маріамны и Огана, хотѣли-ль бы и они имѣть балалайку, Аса и Маркъ ничего не отвѣчали.

Страдная пора прошла. Человѣкъ пятнадцать мужиковъ, въ томъ числѣ и Оганъ, спустились на своихъ телѣгахъ внизъ въ степи къ татарамъ за фруктами. Черезъ три дня длинная вереница обозовъ, до верху нагруженныхъ огромными желтыми дынями и круглыми какъ шаръ арбузами,

медленно, съ тяжелымъ скрипомъ, потянулась по пыльной извилистой дорогѣ на свои родныя горы. Жара стояла невыносимая, хотя и была средина августа. У изнуренныхъ буйволовъ высунулись языки и изъ большихъ, темныхъ глазъ катились слезы, какъ будто они плакали о томъ, что ихъ погнали въ жаркія степи, гдѣ вмѣсто зеленой травы торчала жесткая колючка и текла мутная вялая рѣка, вмѣсто живого, холоднаго родника.

Многіе изъ села вышли навстрѣчу обозу. Маріамна давно уже ждала мужа за озеромъ подъ ракитой. И когда телѣги подъѣхали близко, она быстро побѣжала къ мужу.

— Купилъ?—спросила она его.

Оганъ утвердительно кивнулъ головой и направилъ буйволовъ къ своей хатѣ. Послѣ того, какъ дыни и арбузы были перетасканы въ хату, Оганъ многозначительно взглянулъ на жену, досталъ изъ мѣшка балалайку и протянулъ ее сыновьямъ, сидѣвшимъ на своихъ обычныхъ мѣстахъ у камина.

— Аса, Маркъ, вотъ это вамъ,—сказалъ Оганъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ,—вамъ на радость.

Маркъ взялъ балалайку. Оганъ и Маріамна стояли и ждали, что будетъ дальше. Пальцы Марка прошли по колышкамъ, по длинной шеѣ, перехваченной мѣстами ниточками, и по толстому, какъ большая, груша брюху балалайки. Вдругъ пальцы его коснулись туго натянутыхъ стальныхъ струнъ, и несмѣлый стонъ, печальный, какъ горе, жалобный, какъ мольба, дрогнулъ въ воздухѣ и замеръ гдѣ-то въ мрачныхъ балкахъ хаты. За первымъ стономъ послѣдовалъ другой, такой же жалобный, такой же молящій, безнадежный, безутѣшный.

Это не были звуки безшабашно-веселой, пронзительной зурны, звуки, которые такъ веселили и радовали зрячихъ, и не были похожи на полувеселые звуки ашыговъ, нѣтъ, то были звуки, которыхъ, казалось, давно ждали и давно искали Аса и Маркъ. Что-то родное слышалось имъ въ нихъ, будто выходили они изъ ихъ груди.

У Огана широко раскрылись глаза и уши. Онъ не узналъ балалайки. Какъ, неужели это та самая балалайка? Вѣдь она тамъ у татарина, у котораго онъ ее купилъ, такъ весело смѣялась и такъ радовала всѣхъ мужиковъ, что даже сосѣдъ Григорій,—на что человѣкъ серьезный,—и тотъ не удержался и пустился въ плясъ. Откуда эти жалобы, эти стоны?

Пальцы Марка не переставали перебирать струны, и вздохи ихъ трепетали въ воздухѣ, искали и звали кого-то. И къ нимъ навстрѣчу вышли другіе вздохи изъ груди Асы. Безотчетно, безсознательно, съ поднятой вверхъ голо-

вой, какъ это дѣлали ашыги, запѣлъ Аса первый разъ въ своей жизни; безъ словъ, безъ мотива, жалобно-однообразно, плача о чемъ-то потерянномъ, дорогомъ, свѣтломъ.

Маріамна покачнулась, схватилась обѣими руками за волосы. Ей показалось, будто толстая дубовая подпора, стоявшая среди хаты, рухнула, и всѣ массивныя балки одна за другой падаютъ и бьютъ ей по черепу. Она дико вскрикнула острой жгучей болью въ сердцѣ и выбѣжала вонъ изъ хаты.

Послѣ этого Аса и Маркъ болѣе не разставались со своей балалайкой, которая сдѣлалась ихъ третьимъ другомъ. И они еще чаще уходили въ укромныя, тѣнистыя долины, далеко отъ шума и говора, далеко отъ людей; и тамъ Маркъ водилъ пальцами по стальнымъ струнамъ, Аса уже пѣлъ—плакалъ тихимъ, груднымъ теноромъ. Онъ пѣлъ „непонятно, странно" — говорили зрячіе, но онъ пѣлъ такъ, какъ играли пальцы Марка, пѣлъ такъ, какъ играли стальныя струны. Въ игрѣ Марка и въ пѣніи Асы было удивительное согласіе. Одинъ отъ другого не отставалъ и не забѣгалъ впередъ. Стоны балалайки и жалобы Асы, будто, выходили изъ одного источника, сливались, какъ два потока, вмѣстѣ и утекали куда-то. Но если мимо нихъ проходилъ молодой пастухъ съ блескомъ счастья въ глазахъ и съ увѣренно приподнятой головой, то при этихъ звукахъ ему становилось тяжело въ груди, взоръ его потухалъ и голова, какъ подкошенная, падала на грудь. И если дѣвушка молодая, собирая цвѣты, неожиданно подходила къ нимъ близко, то при этихъ звукахъ розы выпадали изъ ея рукъ, и по молодымъ щекамъ катились слезы.

Пятнадцатая весна, послѣ того какъ Аса и Маркъ потеряли глаза, была въ пышномъ расцвѣтѣ. Холодная пелена зимы исчезала отъ теплыхъ лучей весенняго солнца, и снѣга подымались и отступали все дальше, все выше къ вѣчнымъ сѣдымъ вершинамъ. Гулъ и ревъ мутныхъ потоковъ день и ночь не умолкали въ горахъ. Въ зеленомъ борѣ раздавались горластые крики золотистаго фазана, и въ волнующейся травѣ распускалась душистая роза, сто-лепестковая царица цвѣтовъ, очаровательный даръ кавказской весны. Мужики, возвращаясь съ полей, убирали огромные рога своихъ буйволовъ зеленью; пѣсни и хохотъ слышались всюду. Заволновалась и забушевала опять жизнь кругомъ и заставила забыть людей голодные дни зимы и суровый ея холодъ у нетопленнаго камина; и веселыя волны подхватили и увлекли всѣхъ куда-то. Только Аса и Маркъ

остались опять безучастными и враждебными къ ея непонятному призыву. У большого родника, какъ въ муравейникѣ, закопошилась оживленная толпа, но она сегодня не кричала, не ругалась; голоса женщинъ не были рѣзки и злы, а звучали мягко и ласково, словно не за водой пришли, а кто-то пригласилъ ихъ на веселую пирушку. Куча босоногихъ ребятишекъ съ веселымъ гикомъ быстро и проворно, какъ обезьяны, спустились по крутымъ скаламъ внизъ. къ роднику, неся въ полахъ рубашекъ только что сорванныя, свѣжія розы. Дѣвушки въ алыхъ головныхъ платкахъ, а за ними и вся толпа бабъ и мужиковъ, бросились къ мальчатамъ, и въ рукѣ каждаго заболталась вѣтка розы. Только Аса и Маркъ не тронулись съ мѣста и не прервали дѣла. Первый держалъ мѣдный тазъ подъ струей, а Маркъ тянулъ буйвола за гладкій рогъ къ тазу.

— Ты безъ розы?—услыхалъ вдругъ Аса чей-то нѣжный, серебристый голосокъ у самаго лица.—Хочешь розу?—спросилъ тотъ-же голосокъ, и свѣжіе лепестки ароматнаго цвѣтка прошли по его лицу, какъ нѣжное крыло быстрой птицы.

— Дай, я тебѣ воткну въ грудь!—и Аса опять почувствовалъ чье-то прикосновенье: чьи-то тонкіе пальцы проворно вдѣли ножку розы въ грудь его архалука, между рядомъ крючковъ. Онъ вспыхнулъ и затрясся всѣмъ своимъ существомъ отъ этого прикосновенья. Мѣдный тазъ выпалъ изъ его рукъ, и онъ безотчетно схватилъ тонкіе, гибкіе пальцы дѣвушки. Что-то властно ударило въ грудь, и тысячи искръ, какъ падающія звѣзды, затрепетали въ черномъ и холодномъ его сердцѣ. Всколыхнулся и ожилъ его застывшій міръ отъ какой-то магической, невѣдомой силы. Тамъ, далеко, далеко, за безбрежнымъ горизонтомъ вѣчной тьмы и печали, сверкнула зарница и освѣтила его мрачный небосклонъ. Его единственная пушистая бровь нервно билась, какъ у человѣка, старающагося сбросить повязку съ глазъ.

— Аса! Аса!—кричалъ надъ его ухомъ Маркъ, но Аса былъ глухъ къ этому голосу. Первый разъ въ жизни не услыхалъ онъ голоса, тихій шепотъ котораго для него былъ до тѣхъ поръ сильнѣе раскатовъ грома. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ мягкіе, нѣжные пальцы, и огонь новаго неиспытаннаго блаженства разливался по его жиламъ отъ этихъ пальцевъ. А въ ушахъ звенѣлъ серебристый голосъ, а по лицу струилось какое-то душистое дыханіе.

— Аса!!—закричалъ Маркъ такъ, что буйволы въ испугѣ шарахнулись отъ воды, и вслѣдъ за этимъ его огромная лапа тяжело упала на руки брата. Маркъ почувствовалъ, какъ чьи-то тонкіе пальцы быстро, какъ змѣи, выскользнули

изъ-подъ его пальцевъ. Аса вздрогнулъ и очнулся. Зарница потухла, и онъ опять погрузился въ свой мракъ. Его пальцы держали теперь пальцы брата, которые сразу почему-то сдѣлались ему незнакомыми и чуждыми.

— Ну, смотри же, не теряй розу!—послышался вблизи тотъ же голосокъ. Аса невольно подался туда, какъ игла къ магниту, но Маркъ удержалъ брата и сурово повернулъ лицо туда, откуда шелъ голосъ. И Маркъ возненавидѣлъ этотъ голосъ.

— Аса, что съ тобой? Что съ тобой? — спросилъ Маркъ, но Аса ничего не отвѣтилъ и спряталъ розу на груди.

Въ эту ночь Маркъ нѣсколько разъ просыпался и, къ удивленію, не находилъ руки брата въ своей рукѣ, какъ обыкновенно: она лежала на его собственной груди. Онъ снималъ ее оттуда, клалъ въ свою ладонь и опять ложился. Но едва Маркъ засыпалъ, какъ рука Асы тихо покидала его ладонь и ложилась снова на грудь. И это случилось нѣсколько разъ.

— Что у тебя на груди?—спросилъ утромъ Маркъ, но Аса и на этотъ разъ ничего не отвѣтилъ.

У него была теперь тайна, тайна отъ того, съ кѣмъ онъ дышалъ одной грудью и чувствовалъ однимъ сердцемъ. У Асы была тайна, и Маркъ со всею чуткостью своей ревнивой натуры понялъ, что съ его братомъ происходитъ что-то такое, что ему, Марку, неизвѣстно. Онъ чувствовалъ, что Аса что-то отъ него скрываетъ. И это начинало мучить и терзать Марка. Между тѣмъ, Аса, дѣйствительно, измѣнился. Лицо его прояснилось. Глубокая мрачная складка на лбу сглаживалась. Рой таинственныхъ голосовъ, чарующихъ звуковъ, недоступныхъ и непонятныхъ, шепталъ что-то сладкое его горькой душѣ, согрѣвая и нарушая царившій тамъ холодный покой. И Аса не пугался этого тепла и сладкаго шепота. Его сердце вдругъ, неожиданно для себя, стучало и прыгало въ груди. Ему чего-то хотѣлось. Чего? Онъ не зналъ и не могъ влить въ слова, чтобы передать Марку.

Онъ чувствовалъ, что это „что-то" не могъ дать ему его милый, дорогой Маркъ, въ чьей рукѣ лежала его рука. Въ ушахъ его дрожалъ серебристый голосокъ, по лицу струилось душистое дыханье, и онъ носился въ какихъ-то невѣдомыхъ сферахъ, гдѣ не было Марка, гдѣ Маркъ переставалъ быть его милымъ братомъ.

И въ такіе моменты густой свинцовый холодъ пронизывалъ Марка. Ему чуялось, будто онъ одинъ, будто братъ его Аса куда-то исчезъ, и онъ держитъ не его руку въ своей рукѣ, а чьи-то холодные, тонкіе, какъ змѣи, пальцы, и отъ-

шится ему какой-то странный шепотъ. Тогда Марку становилось страшно въ своемъ одиночествѣ, подъ гнетомъ загадочныхъ предчувствій, и онъ звалъ: „Аса! Аса, гдѣ ты? Я одинъ!“

Поздно по ночамъ, когда въ темной хатѣ Огана давно всѣ спали тихимъ сномъ, и лишь сверчокъ стучалъ за водяными кувшинами, Маркъ, какъ привидѣніе, подымался въ постели, наклонялся надъ спящимъ братомъ, долго и подозрительно прислушивался къ ровному его дыханію. Пальцы его, какъ паутина, скользили по лицу дорогого брата, и это милое лицо казалось ему чужимъ: на лбу, между бровями, не было хорошо знакомой ему глубокой морщины. Правая пушистая бровь наружнымъ, острымъ концомъ была приподнята вверхъ и почему-то вздрагивала. Губы не были плотно сжаты, какъ всегда, — тѣнь пугливой, загадочной улыбки пробѣгала по нимъ, и Марку чуялось присутствіе кого-то, ему слышался чей-то шепотъ; и руки его искали и ловили кого-то около брата. Не находя никого, онъ успокаивался, снималъ руку Асы съ его груди, крѣпко жалъ въ своей широкой ладони и, придвинувшись плотно къ брату, опускалъ голову на подушку рядомъ. Но вотъ рука Асы медленно покидаетъ его пальцы и щитомъ ложится на грудь. Тогда Маркъ опять чувствовалъ себя одинокимъ. Ему дѣлалось холодно и страшно. Зубы его стучали; въ застывшихъ алебастровыхъ впадинахъ вспыхивалъ черный лучъ злобы. Онъ дико бросался на этого чужого человѣка рядомъ съ нимъ, билъ по его чужому ненавистному лицу, по груди, гдѣ лежала его рука, и громко звалъ и кричалъ въ страхѣ: „Аса! Аса! Гдѣ ты, я одинъ?“ И на его крики всѣ въ хатѣ Огана просыпались. Маріамна зажигала дрожащими руками нефтяную плошку, и Аса, нѣжно обнявъ брата, говорилъ ласковымъ, сердечнымъ голосомъ: „Маркъ, мой дорогой Маркъ, я тутъ, ты не одинъ, не бойся, это тебѣ снилось“. И Маркъ вѣрилъ брату, что все это ему только приснилось; онъ тотчасъ же успокаивался и безмятежно засыпалъ въ объятіяхъ брата, положивъ голову ему на грудь и держа обѣ его руки въ своихъ обѣихъ рукахъ. Маркъ сдѣлался нервнымъ и подозрительнымъ. Лицо его осунулось и сдѣлалось еще мрачнѣе. Грубая складка на лбу ушла еще глубже въ кожу, словно хотѣла пробить черепъ и врѣзаться въ мозгъ. Окутавшая его тьма сгущалась все больше и больше, и черный холодъ одиночества сковывалъ его грудь. Одна радость, одно утѣшеніе было у него въ мірѣ—его братъ, и онъ боялся его потерять; онъ ждалъ каждую минуту, что кто-то придетъ и унесетъ брата, и онъ останется одинокимъ. И Маркъ держалъ теперь

Асу за руку выше локтя и, какъ ревнивый мужъ, никого къ нему не подпускалъ и не позволялъ никому брать его руку. Больше всего боялся онъ родника, гдѣ обыкновенно собирались молодыя дѣвушки, и всячески избѣгалъ его, часто уводя брата въ темное, заброшенное ущелье, гдѣ съ помощью балалайки опять возвращалъ себѣ потеряннаго своего друга. И когда жалобные стоны стальныхъ струнъ обнимались и сливались съ голосомъ Асы, Маркъ чувствовалъ, какъ обнимается и сливается душа его съ душой того единственнаго существа, безъ котораго онъ задыхался въ своемъ мрачномъ, жуткомъ одиночествѣ. Въ такія минуты Марку не хотѣлось ничего болѣе на свѣтѣ. Онъ былъ счастливъ. Онъ забывалъ свою вѣчную тоску о невѣдомомъ, чудномъ мірѣ бѣлаго луча. Онъ водилъ руками по лицу брата и, находя на немъ ту же глубокую морщину, тѣ же сурово сжатыя губы, обнималъ его и дрожащимъ голосомъ говорилъ: „Аса!“ Но Аса начиналъ тяготиться Маркомъ и печальными звуками его балалайки. Былое согласіе и стройность въ игрѣ Марка и пѣніи Асы нарушилось. Порой Аса безъ всякой причины умолкалъ, и тогда одинокіе, осиротѣлые звуки стальныхъ струнъ еще жалобнѣе, еще печальнѣе стонали въ темной тѣснинѣ скалъ, искали кого-то, звали кого-то и, ударяясь объ голые камни, возвращались къ Марку и били и рѣзали его сердце. Тогда Маркъ бросалъ прочь балалайку, кричалъ и звалъ брата, прижимая его къ своей широкой груди, повторяя: „Не дамъ! Никому не дамъ!“

Однажды, во время игры, когда Аса опять замолкъ, Маркъ быстро придавилъ ладонью струны и сталъ къ чему-то чутко прислушиваться. Аса съ кѣмъ-то тихо шептался, тихо, едва слышно, какъ будто кто-то наклонился надъ его головой и приставилъ къ его губамъ свое ухо.

Маркъ прыгнулъ, какъ раненый звѣрь, впередъ и со скрюченными, какъ грабли, пальцами сталъ ловить кого-то въ воздухѣ. Но его руки безпомощно барахтались во всѣ стороны, какъ у ребенка, тщетно желающаго поймать бабочку.

— Аса! — жалобно, съ мольбой взывалъ Маркъ, какъ будто голосъ его шелъ не изъ живой груди, а изъ деревянной балалайки: — Аса, кто съ тобой? Съ кѣмъ ты говоришь?

— Со мной? Я говорилъ?—спросилъ Аса удивленно.—Я ничего не говорилъ, я пѣлъ.

— Врешь! Неправда!—рѣзко крикнулъ Маркъ. — Здѣсь кто-то есть! Тутъ былъ сейчасъ кто-то! Я ясно слышалъ его шепотъ, его дыханіе. Я слышу шорохъ его шаговъ. О-о!

Лучъ! Лучъ! Одинъ только лучъ! — въ отчаяніи завопилъ Маркъ, царапая острые камни.

— Уйдемъ! Уйдемъ отсюда! — и Маркъ, перебросивъ черезъ плечо балалайку, грубо схватилъ брата за локоть и потянулъ за собой.

Они медленно подымались по хорошо имъ извѣстной тропинкѣ... Внизу, подъ ногами, зіяла черная, узкая, какъ щель, каменная пасть тѣснины, откуда шелъ какой-то протяжный, таинственный, глухой гулъ. Нѣсколько выше мелькали между зелеными кустами ежевики яркіе платочки дѣвушекъ, собиравшихъ ягоды. На выступѣ скалы показалась гибкая, стройная, какъ джейранъ, дѣвушка, и нѣжный серебристый голосъ, какъ трель жаворонка передъ зарей, наполнилъ спертую каменными громадами тѣснину. То былъ голосъ счастья и молодой надежды; голосъ души, не отвѣдавшей ни горя, ни печали земной... Этотъ невинный голосъ весело и беззаботно журчалъ и рокоталъ, какъ свѣтлый родникъ, струящійся изъ чистаго мрамора.

Оба брата вдругъ стали, какъ вкопанные, будто пропасть развернулась передъ ними, и начали прислушиваться къ этому гдѣ-то слышанному голосу. Аса радостно затрепеталъ. Что-то ласковое, душистое, какъ роза, заструилось въ воздухѣ и обняло его. Онъ вырвалъ свой локоть изъ руки Марка и прижалъ ладонь къ груди, гдѣ все еще была спрятана та засохшая роза. Онъ узналъ этотъ желанный голосъ, который день и ночь, на яву и во снѣ шепталъ что-то душѣ его; теперь онъ явился къ нему; теперь онъ зоветъ его въ какіе-то невѣдомые края... Аса жадно втягивалъ въ себя воздухъ, какъ человѣкъ, котораго душили и которому удалось вырваться изъ рукъ своихъ душителей. Грудь его подымалась, расширялась отъ какой-то проснувшейся въ ней силы... Что-то неудержимое билось и боролось въ немъ, клокотало и подымалось къ горлу, и вдругъ хохотъ, мощный, стихійный, какъ дикій потокъ, вырвался изъ груди и раскатисто огласилъ голыя отвѣсныя скалы. Это не былъ хохотъ привычной груди, хохотавшій каждый день, каждый часъ, нѣтъ, это смѣялась грудь, не знавшая смѣха много-много лѣтъ, давнымъ-давно отвыкшая отъ людскихъ радостей. Лицо Асы озарилось небеснымъ сіяніемъ, блаженствомъ безпредѣльнаго счастія... Мрачная завѣса раскололась снизу до верху. Молнія прожгла черную тьму и растопила холодъ, и вдали, какъ воспоминаніе, подымался край иного, голубого, очаровательнаго міра. И Аса хохоталъ, хохоталъ, и вмѣстѣ съ нимъ хохотали голыя скалы, вся тѣснина до глубокаго своего дна. Аса не слышалъ страшныхъ криковъ брата; онъ не чувство-

валъ, какъ трясетъ и треплетъ его Маркъ за плечи и кричитъ ему въ лицо: „Аса! Аса! Молчи! Не смѣй!“ Онъ не чувствовалъ, какъ тяжелая рука Марка высоко размахнулась и начала бить по лицу его широкой, сильной медвѣжьей лапой. Аса хохоталъ, и этотъ хохотъ, какъ острый кинжалъ, вонзился въ грудь Марка и разбивалъ послѣднія его надежды и радость. Холодный потъ выступилъ на лбу его. Черный ледъ сомкнулся надъ его головой, и жизнь умерла въ его жилахъ. Онъ почувствовалъ присутствіе какого-то врага, передъ которымъ онъ былъ совершенно безсиленъ. Лицо Марка исказилось отъ бѣшенства. Зубы страшно стучали; и въ расширенныхъ алебастровыхъ впадинахъ блеснулъ тотъ же злой фосфорическій лучъ, когда онъ разорвалъ горло собаки, бросившейся на его Асу.

— Не дамъ! Не дамъ!—захрипѣлъ онъ дикимъ, жаднымъ голосомъ, обхватилъ брата обѣими руками и поднялъ его, какъ перышко, надъ головой и, какъ голодная пантера съ добычей, сорвался съ крутизны внизъ. Аса взмахнулъ руками, какъ взвивающійся въ облака орелъ взмахиваетъ крыльями. Радостный хохотъ и бѣшеные крики заглушили другъ друга.

Описавъ страшную дугу въ воздухѣ, оба брата быстро исчезли въ черной пасти бездонной тѣснины.

Наступила тишина. Потомъ, на одну секунду, надъ неподвижной тьмой болѣзненно застонали изодранныя стальныя струны, и все замерло навѣки.

Иванъ Акуновъ.

—

ОНЪ ИДЕТЪ!

М. Коцюбинскаго.

Переводъ съ украинскаго Л. Ш.

Признаки были плохіе. Становой, кажется, былъ не доволенъ тѣмъ, что получилъ, и, хотя увѣрялъ, что не допуститъ погрома, тѣмъ не менѣе ему вѣрили мало. Хуже всего было то, что никто навѣрно не зналъ, отмѣнятъ ли крестный ходъ съ образомъ Спасителя, назначенный на завтра послѣ церковной службы. Объ этомъ съ тревогой говорили въ мѣстечкѣ, и торговцы, забывъ о покупателяхъ, бросали свои лавки на произволъ судьбы, а сами собирались кучками на площади среди мѣстечка.

Здѣсь тихими, таинственными голосами, тревожно озираясь, разсказывали они другъ другу о какихъ-то неизвѣстныхъ, чужихъ людяхъ, появившихся недавно въ мѣстечкѣ, о черносотенныхъ обывателяхъ, не безъ радости ждущихъ погромовъ, и о томъ, что ихъ „пурицы", болѣе богатые изъ купцовъ, уже начали заблаговременно убѣгать изъ мѣстечка со своими женами и дѣтьми.

Иногда бесѣда становилась горячей, бурной, слова звенѣли, точно телѣги съ желѣзомъ, и бѣлыя купеческія руки только блестѣли передъ рыжими бородами.

Но когда раздавался вдругъ громкій стукъ колесъ по мостовой и громадная бричка „балагулы" подкатывалась къ какому нибудь изъ болѣе богатыхъ домовъ, всѣми окнами смотрѣвшему на площадь, разговоры стихали, и всѣ хмуро и со злобой смотрѣли, какъ выносили поспѣшно изъ дверей всякіе пожитки, сундуки и подушки, и повозки до верха нагружались женщинами и курчавыми дѣтьми. Когда же повозка скрывалась, наконецъ, въ облакѣ сѣрой пыли, разговоры снова оживали и переходили въ крикъ.

Извозчикъ Іосель, крѣпкій, высокій человѣкъ, суетился по базару съ кнутомъ въ грубыхъ, рабочихъ рукахъ и хва-

лился, что уже отправилъ всѣ три свои фургона. Онъ увѣрялъ, что къ вечеру не будетъ въ мѣстечкѣ ни одной подводы.

Еще солнце не зашло, а лавки уже начали закрываться. Повсюду скрипѣли желѣзные засовы, звенѣли замки и ключи, стучали двери, заслоняя черныя отверстія, и въ одинъ моментъ сѣрыя древнія стѣны крытаго рынка выбросили изъ себя людей. Площадь на минуту ожила, наполнилась людьми. Старыя торговки собрали со столиковъ баранки и булки, покрытыя пылью, весь свой жалкій товаръ, охали, стонали и, согнувшись подъ тяжелыми корзинами, спѣшили домой. Черныя кучки подавленныхъ, взволнованныхъ людей разбѣжались съ базара по тѣснымъ уличкамъ, и на площади стало такъ пусто и тихо, словно весь жизненный гамъ превратился вдругъ въ сѣрые камни.

Близился вечеръ. Солнце росло, краснѣло и тихо опускалось. Багровый туманъ поднимался на западѣ и, подобно кровавымъ призракамъ, надвигался оттуда на мѣстечко. Сначала робко, по одиночкѣ, а потомъ цѣлымъ заревомъ. Беззвучной вереницей прошли огненные лучи между опустѣлыми стѣнами, оставляя на камнѣ горячіе, красные слѣды и отражая въ стеклахъ оконъ кровавые отблески. Старинныя стѣны дрожали отъ страха всѣми своими морщинами, и только красный макъ, который росъ вверху по карнизамъ, привѣтствовалъ гостей смѣхомъ. А когда солнце сѣло и сошла ночь, словно черная дума земли, красные гости исчезли и мѣстечко замерло...

Въ домѣ стараго „шохата" Абрума, при свѣтѣ сальныхъ свѣчей, шло совѣщаніе. Тутъ собрались самые старые, уважаемые люди, съ морщинами опыта на блѣдныхъ лицахъ, съ бѣлыми бородами, какъ у ихъ далекихъ предковъ. Всѣ говорили сразу, потому что всѣхъ волновало одно и то же. Одни хотѣли собрать еще денегъ для станового, другимъ приходила въ голову мысль просить защиты у русскихъ священниковъ. Иные совѣтовали снова собраться въ синагогѣ и въ молитвахъ провести ночь. Великій Богъ, который вывелъ Израиля изъ пустыни, который еще до сихъ поръ не давалъ ему утонуть въ волнахъ ненависти другихъ народовъ, и на этотъ разъ отвратитъ отъ него вражескую руку.

Все это было хорошо, но не могло ни объединить, ни успокоить. Когда же возница Іосель, имѣвшій сильную грудь, всетаки перекричалъ всѣхъ и заявилъ, что молодежь рѣшила защищаться, что она будетъ стрѣлять—и вытянулъ передъ собой кнутъ, на подобіе револьвера—страхъ зажалъ всѣмъ уста, и бѣлыя бороды, точно увядшія, упали на груди. Потомъ поднялся шумъ. Старый „шохатъ" Абрумъ, въ те-

ченіе всей своей долгой жизни спокойно перерѣзывавшій горла тысячамъ куръ и гусей, весь побѣлѣлъ и закричалъ:

— Какъ! Они хотятъ стрѣлять! Эти неразумные, сумасшедшіе! Эти „политики“! Они хотятъ пролить кровь, которая падетъ на наши же головы. Они вызовутъ мщеніе—и месть, какъ волкъ пожретъ нашихъ дѣтей, весь спокойный народъ!.. Ай-ай!..

И всѣ кричали вмѣстѣ съ Абрумомъ, кричали беззубые рты, кричали морщины мудрости и опыта, метались бороды и блѣдныя, худыя руки. Отъ возмущенія и крика всѣмъ стало душно, но и легче, словно крикомъ они выгнали изъ дома тревогу. Это острое недовольство, однако, скоро прошло, и крики постепенно затихли. Снова всталъ вопросъ—точно такой же, какъ и вначалѣ—что же придется дѣлать? Время шло, каждая минута, канувъ въ вѣчность, рождала другую, а эта послѣдняя приближала страшную неизвѣстность. Никто уже ничего не совѣтовалъ. Всѣ чувствовали утомленіе. И когда вдругъ ясно казалось, что нѣтъ выхода, что нельзя даже убѣжать, такъ какъ нѣтъ лошадей, люди начали вѣрить въ чудо. Случится что-нибудь такое, что отвратитъ бѣду, процессія пройдетъ тихо, и никого не задѣнетъ. Еще, можетъ быть, ничего! Быть можетъ, ничего не будетъ!

Кому-то пришла мысль: „Что скажетъ слѣпая Эстерка! Ведите сюда Эстерку!.. Она угадаетъ...»

И всѣ захотѣли услышать, что скажетъ Эстерка.

Возница Іосель и зять Абрума изъявили готовность привести слѣпую.

Она еще не спала. На порогѣ черной, какъ и хозяйка, избы, она сидѣла темной кучей и, казалось, пѣла. Тихіе, жалобные звуки, словно плачъ ребенка, шли снизу, изъ темной кучи, и было такъ странно и даже жутко слышать это пѣніе, что Іосель остановилъ своего товарища и не рѣшался обратиться къ старухѣ. Онъ не могъ разобрать, поетъ она или плачетъ. Наконецъ, онъ рѣшился и тихо позвалъ:

— Бобе!.. бобе Эстерка!..

Внизу дрожали тѣ-же звуки.

— Бобе!.. Слушайте, бобе.

Пѣніе стихло и послышалось долгое, жалобное сморканье.

Когда ей разсказали, зачѣмъ пришли, она молча встала и простерла въ темноту дрожащія руки, ища опоры. Ее взяли подъ руки и повели. Двери темной избы остались открытыми настежь.

Повсюду, гдѣ они проходили мимо освѣщенныхъ оконъ и открытыхъ дверей, къ нимъ присоединялись женщины и

мужчины; дѣти бѣжали за ними подобно пыли. Одни шептали другимъ, что слѣпую Эстерку, которая угадала смерть своихъ дѣтей, а потомъ выплакала надъ ними глаза, ведутъ къ шохату.

Въ свѣтелкѣ Абрума набилось столько народа, что стало трудно дышать. Когда же раскрыли окно, чтобы впустить воздухъ, свѣтъ упалъ на цѣлое море напряженныхъ, взволнованныхъ лицъ, и сквозь окно въ комнату влетѣла стоокая тревога.

И всѣ увидѣли Эстерку, ея окаменѣлое отъ горя лицо, ея красные глаза, изъ которыхъ безпрестанно стекали слезы. Словно вѣтеръ обвѣялъ всѣ лица.

Абрумъ хотѣлъ ее посадить, но она не сѣла. Только оперлась на ручки кресла. Ее о чемъ-то спрашивали, что-то говорили, однако она не слышала. Что ей было до всего этого? Она, носившая въ сердцѣ великое горе, которое не могло тамъ вмѣститься и стекало сквозь слѣпые глаза, видѣла только своихъ сыновей, о нихъ говорила. Она описывала всѣ подробности, какихъ никогда не видѣла, такъ какъ была далеко отъ этого, рисовала картину, словно она была выжжена у нея на красныхъ вѣкахъ, покрывавшихъ глаза. И голосъ ея звучалъ, какъ у древнихъ пророковъ.

— Я вижу звѣрей... всюду звѣрей... Въ глазахъ у нихъ огонь, а на зубахъ кровь... человѣческая, красная... А въ сердцѣ волчья жадность... Они несутъ своего Бога, а на дубинкахъ, что въ ихъ рукахъ, кровь,—кровь сыновей моихъ бѣдныхъ... Ай-ай!

— Ай-ай!—тихо вздохнули десятки грудей въ комнатѣ и подъ окномъ...

— А ихъ священники поютъ и черными устами хвалятъ Господа Бога, и на ризахъ у нихъ кровь... человѣческая кровь... И рычатъ вмѣстѣ со священниками окровавленные звѣри и разбиваютъ о камни головы дѣтей маленькихъ... Ай-ай!

— Ай-ай!—дрожитъ вздохъ вокругъ, и меркнетъ отъ него въ комнатѣ свѣтъ.

— Вотъ подъ ногами у меня кровь... черная, запекшаяся... большія, черныя лужи... Лежатъ женщины бѣлыя, какъ мѣлъ, и смотрятъ ихъ мертвые глаза на мужей... на трупы дѣтей... И скачутъ по дѣтямъ опьяненные звѣри и ревутъ: смерть! смерть!

— Ай-ай!—стонутъ въ домѣ и плачутъ на дворѣ.

— Огонь и смерть!.. Я вижу руки, я вижу глаза, молящіе о спасеніи... Я слышу крикъ... Валятся стѣны... стрѣляютъ... Ой, мнѣ душно... О, мое сердце... А теперь слышите? Ша! бѣгутъ по ступенькамъ... ломаютъ двери... А

тамъ мои дѣти... мои сыновья милые... Ай-ай!. Спасите! Не бейте... Лежитъ мой Хаимъ... лежитъ мой Лейба, кормильцы старенькой мамы... и больше не встанутъ... и больше не встанутъ... Ай-ай!

— Ай-ай!.. ай-ай!..—всѣ подхватываютъ плачущій крикъ и становится жутко и страшно, какъ въ судный день.

А „бобе“ Эстерка все говорила, и слезы все текли изъ ея слѣпыхъ глазъ. Разбитый, старческій голосъ минутами звенѣлъ, какъ голосъ пророка, и тогда вдругъ становилось тихо, люди, затаивъ дыханіе, складывали на дно сердца каждое слово старухи словно тяжелую скорбь. Быть можетъ, это говоритъ не Эстерка, а ихъ судьба, и тотъ красный туманъ, который теперь нависъ надъ ними, завтра претворится въ дѣйствительность. Можетъ быть, тѣ дѣти, которыя теперь прижимаются теплыми лицами къ колѣнямъ матерей, завтра будутъ валяться на улицахъ мертвыя, и ихъ будутъ топтать тяжелые сапожищи пьяной толпы... Ай-ай!..

Народъ нависъ надъ окномъ со двора и все прибывалъ. Какая-то разстегнутая, въ одной рубашкѣ, женщина проталкивалась сквозь толпу ближе къ дому и прижимала къ груди изогнутый семисвѣчникъ изъ стараго серебра, единственную, можетъ быть, цѣнную наслѣдственную вещь. Большія жилы на ея рукахъ ярко синѣли при свѣтѣ. Испуганныя дѣти начинали ревѣть, женщины ихъ успокаивали и вытирали руками слезы. Стоящіе позади вздыхали; и всю эту скорбь, всѣ эти слезы собирала голубая ночь и громоздила въ тучу, уже поднимавшую чело на ночномъ горизонтѣ.

Когда же Эстерка умолкла, и ее, обезсилѣвшую и опустѣлую, вывели подъ руки изъ свѣтелки, народъ разступился, заговорилъ и двинулся за ней до самаго ея дома.

Гости шохата также удалились, разнося съ собой на ночь тревогу.

Неспокойную ночь пережило мѣстечко передъ христіанскимъ праздникомъ. До ранняго утра свѣтился въ домахъ огонь, и копошились люди, готовясь къ завтрашнему дню, словно въ ожиданіи пожара. Связывали узлы и прятали все, что только можно было спрятать. И всюду былъ плачъ и стонъ. А когда взошло солнце, ему улыбнулись только красные маки съ карнизовъ рынка, да еще дороги, также поросшія по бокамъ макомъ и растекавшіяся отъ стѣнъ мѣстечка, подобно кровавымъ рѣкамъ, между зелеными хлѣбами. Строенія были хмуры, всѣ въ тѣняхъ, и тѣни легли у людей подъ глазами. Древняя мечеть, наполненная теперь такъ полно зерномъ, какъ когда-то, во времена господства турокъ, правовѣрными, была черна отъ мрачныхъ воспоминаній о крова-

выхъ дѣяніяхъ, минувшихъ, казалось, безъ возврата, а сѣрый рынокъ стоялъ суровый, весь въ морщинахъ, словно старикъ, все извѣдавшій и растерявшій надежды.

Мѣстечко было безлюдно. По опустѣлымъ улицамъ блуждали лишь козы. Когда солнце стало высоко, ударилъ съ колокольни колоколъ; колыхнулъ воздухъ, и точно ножъ прошелъ въ сердце. Появлялись люди. Сначала рѣдко, какъ и отдѣльные звуки. Но когда колокола, всколыхнувшись сразу, начали свою пляску, большіе, средніе и маленькіе заскакали въ воздухѣ, какъ хороводъ, отовсюду посыпались люди, словно колокола тянули ихъ къ себѣ. И сотни испуганныхъ глазъ смотрѣли вслѣдъ имъ сквозь стекла оконъ.

Блѣдный, не выспавшійся шохатъ Абрумъ также слушалъ колокола, хотя они уже давно замолкли. Онъ весь дрожалъ и самъ удивлялся, что у него такъ скачутъ челюсти, и такъ трясутся руки и ноги. Вѣдь еще неизвѣстно, пойдетъ ли крестный ходъ, или нѣтъ, будетъ что-нибудь, или не будетъ. Но онъ вѣдь почтенное духовное лицо и не можетъ быть только свидѣтелемъ народнаго бѣдствія. Наконецъ, онъ рѣшился и перешагнулъ порогъ своего жилища. Мелкими, неувѣренными шагами, озираясь и осматривая встрѣчнаго „гоя" такъ, будто видѣлъ его впервые, онъ направился сперва боковой улицей, теперь безлюдной, а потомъ свернулъ по направленію къ базару. Изъ оконъ и дверей смотрѣли на него его единовѣрцы, и онъ привѣтливо кивалъ имъ головой и кривилъ въ улыбку свои блѣдныя уста. Онъ даже пробовалъ что-то говорить хриплымъ и сдавленнымъ голосомъ, но каждый разъ смолкалъ: такимъ неестественнымъ и страннымъ казался ему его собственный голосъ. Да и вообще ему казалось, что это идетъ не онъ, а кто-то чужой, не знакомый такъ непривычно ступаетъ дрожащими ногами по какой-то странной, словно легкой землѣ. И онъ даже видѣлъ, какъ этотъ „чужой" идетъ. По дорогѣ ему встрѣчалась молодежь, бѣжавшая съ базара, отъ церкви. Ему казалось, что онъ спрашиваетъ, но онъ только стоялъ и молча смотрѣлъ встрѣчнымъ въ глаза. И ему отвѣчали. На ходу, спѣша, кратко, отрывисто. „Много народа... изъ селъ... изъ окрестностей... Идутъ въ церковь и собираютъ камни... кладутъ за пазуху... Кто-то видѣлъ топоръ... подъ полой..." И бѣжали дальше.

На одной улицѣ, гдѣ народъ въ тревогѣ высыпалъ изъ домовъ, онъ видѣлъ, какъ какая-то круглолицая, курчавая дѣвушка—чья она?—бросалась къ людямъ съ шубой и всѣхъ умоляла, чтобы спрятали. Ее встрѣчали болѣзненными улыбками и отказывали. Однако своимъ просящимъ, почти помѣшаннымъ взоромъ она сѣяла страхъ.

Абрумъ пошелъ дальше. Мимо него промчался становой, слегка подпрыгивая на мягкихъ рессорахъ. Абрумъ поднялъ руки и что-то закричалъ, чтобы его остановить. Но тотъ даже не оглянулся. Блеснулъ на солнцѣ бѣлымъ кителемъ и золотомъ погоновъ и скрылся. И вдругъ шохатъ почувствовалъ въ сердцѣ жгучую злобу. Его даже встряхнуло. Теперь онъ опомнился и могъ говорить. Онъ перехватывалъ встрѣчныхъ и всѣмъ кричалъ, что такъ невозможно... Нужно защищаться. Нужно стрѣлять изъ револьверовъ и всѣхъ перебить.. Забросать полѣньями, бить палками, колоть ножами... Поднялъ страшный шумъ. Перепуганные люди выбѣгали изъ домовъ и упрашивали, чтобы онъ замолчалъ.

— Тише, ребъ Абрумъ, будьте тише... ша!

Но онъ не могъ угомониться.

Блѣдный, съ пѣной у рта, со страшными глазами, онъ кричалъ на всю улицу, словно хотѣлъ заглушить крикомъ свой собственный страхъ.

— Зачѣмъ молчать? И доколѣ молчать? Мы все молчали...

— Ребъ Абрумъ... Ну, будьте же тише... ша, ребъ Абрумъ...

Тѣ, которые не знали причины крика, думали, что уже началось. Они выбѣгали изъ домовъ наготовѣ, съ женами, съ дѣтьми, съ узлами въ рукахъ, и задворками, черезъ огороды, убѣгали въ поле, въ высокую пшеницу. Около Абрума собирался народъ. Къ нему протягивались руки, его окружали блѣдныя, желтыя лица, красные отъ безсонницы глаза. И всѣ умоляли: ша! тихо... не накликай бѣды... -Абрумъ замолкъ. И среди тишины ему сдѣлалось страшно. Здѣсь, въ этомъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ родился и выросъ, гдѣ столько лѣтъ, до самой старости, провелъ въ трудѣ для себя и другихъ, онъ очутился, точно среди моря на кораблѣ, который вотъ-вотъ потонетъ, а вокругъ бьютъ волны и реветъ вѣтеръ въ черной пустотѣ И ниоткуда не видно спасенія. Абрумъ обвелъ всѣхъ глазами. Неспокойные, блестящіе глаза, съ которыми онъ встрѣчался, точно такъ же говорили: нѣтъ спасенія...

Все его тѣло напряглось въ высшей степени, и сердце наполнилъ тотъ крикъ отчаянія, который такъ глубоко таился въ сердцѣ народа, словно боялся вырваться оттуда.

Ему стало страшно... страшнѣе здѣсь, среди людей, чѣмъ въ своемъ домѣ...

Вдругъ Абрумъ почувствовалъ, какъ что-то свалилось на него и разбѣжалось по тѣлу мелкими уколами. То среди тишины упали на голову звуки колокола и побѣжали по мѣстечку въ припрыжку и съ хохотомъ. Отъ базара что-то топотало и слышался крикъ: „Уже идетъ!.. уже идетъ!..“

Можетъ быть, тамъ драка, можетъ быть, тамъ кровь!.. Онъ ничего не зналъ. Можетъ быть, тамъ рѣжутъ, грабятъ... Онъ

только сознавалъ, что все вокругъ него зашевелилось и какая-то сила быстро схватила его, что его со всѣхъ сторонъ толкаютъ, что надъ нимъ тяжело дышатъ, что онъ бѣжитъ и слышитъ вокругъ себя глухой топотъ ногъ, и чувствуетъ, какъ въ груди скачетъ сердце. Что-то громадное, стоногое горячее бѣжало съ нимъ вмѣстѣ, а онъ видѣлъ передъ собой лишь длинныя полы чьего-то халата, смѣшно разлетавшіяся отъ вѣтра. За нимъ что-то гналось. Онъ мчался по тѣснымъ улицамъ, мѣсилъ ногами глубокую пыль, пропускалъ дома, сворачивалъ въ сторону, и потъ заливалъ ему глаза.

Вотъ домъ Мойше Цвейлибе, а вотъ изба убогой Ханы. Снова какая-то улица... еще одинъ домъ — чей это домъ? Чей же это домъ? а тамъ уже поле... Только бы добѣжать, лишь бы добѣжать... Вотъ ужъ и дорога. И на ней кровь? Двѣ длинныя рѣчки съ обѣихъ сторонъ? Ахъ, нѣтъ, вѣдь это макъ, такой страшный, красный... какъ человѣческая кровь... Если бы добѣжать, если бы спрятаться, чтобы не слышать болѣе краснаго звона колоколовъ, которые мчатся въ догонку, ударяютъ въ самое сердце, скачутъ и хохочутъ, какъ безумные...

Мѣстечко опустѣло. Всѣ, кто только могъ, убѣжали въ поле или въ лѣсъ. Осталась только слѣпая Эстерка, которую забыли взять съ собой, да голодныя, покинутыя козы, блуждавшія вокругъ нея съ жалобнымъ плачемъ.

А въ удивительной, мертвой тишинѣ мѣстечка вели свой танецъ колокола. Большіе, средніе и маленькіе. Солнце смѣялось и, словно коврами, выстилало дорогу колоколамъ.

Эстерка сидѣла на порогѣ своей избы, закрывши лицо руками. Она одна встрѣтитъ то, отъ чего всѣ убѣжали, что, тамъ, въ Одессѣ, отняло у нея сыновей. Но она не ощущала страха. Чего бояться, когда болѣе страшное уже прошло огнемъ черезъ ея сердце и сожгло тамъ все. Не страхъ, а ненависть занялась въ ея груди, когда она услышала колокола. Эстеркѣ казалось, что то не звуки, а сотни кровавыхъ рукъ протянулись отъ колокольни и хищно трепещутъ длинными пальцами надъ домами. И ей хотѣлось вступить въ бой съ этими руками и собственнымъ тѣломъ отвести отъ людей бѣду. Она поднялась съ порога, простерла впередъ руки, подняла лицо, по которому стекали изъ слѣпыхъ глазъ слезы, и пошла навстрѣчу звукамъ. Сгорбленная фигура старухи, съ вытянутыми впередъ руками, сухая и рѣшительная, казалась страшной среди безлюдья. Она шла и жадно впитывала въ себя звуки, претворявшіеся въ ненависть. Вдругъ Эстерка среди звона колоколовъ услышала что-то иное. Сначала подобное тихому плачу, а далѣе какъ бы завываніе вѣтра. Эти звуки посто-

пенно грубѣли, хрипли, превращались въ ревъ. Словно скотъ ревѣлъ въ стойлѣ, или градовая туча неслась по небу.

Приближался крестный ходъ.

Тысячи ногъ топтали землю, тысячи тѣлъ колыхали воздухъ, хлопали на свободѣ хоругви, и грубыми голосами пѣли толстые священники, а длинные волосы ихъ, разметавшіеся отъ вѣтра, трепались о жесткія золотыя ризы. Высоко надъ ними хмурился почернѣлый ликъ Спасителя, едва замѣтный изъ-за кованыхъ, богатыхъ ризъ, тяжелыхъ и неудобныхъ. И играли Богу славу колокола, и пѣли ее отъ полнаго чрева упитанные священники.

Эстерка сперва не понимала, откуда эти звуки. Быть можетъ, это туча, страшная и темная, поднимается надъ головой и пойдетъ дождь? Но немного спустя, когда процессія была уже близко, она услышала знакомое пѣніе и поняла. И вдругъ вспыхнула злоба: недобрая радость налилась въ ея сердцѣ.

— Ага! онъ идетъ!.. онъ идетъ!..—кривились въ улыбку ея уста, и даже слезы перестали стекать изъ глазъ.

Она спѣшила навстрѣчу.

Процессія все приближалась.

Когда, наконецъ, на нее повѣяло близостью людской массы, и охватили ее страшные для нея голоса, слѣпая Эстерка остановилась, подняла руки, какъ бы желая остановить потокъ лавы, и закричала. Слова сливались у нея въ горлѣ въ невыразимый хрипъ. Она трясла руками и стояла такъ съ открытымъ ртомъ. Сильное возбужденіе и гнѣвъ отняли у нея языкъ. Она кричала что-то непонятное, а ей казалось, что она говоритъ и выбрасываетъ изъ себя всю боль, все горе и всю ненависть.

— ... Слушай ты, сынъ іудейскій!—кричала она словами, остававшимися у нея въ горлѣ. — Ты снова идешь? Ты, отнявшій моихъ дѣтей! Моего Лейбу, моего Хаима... Ты снова благословишь проливать кровь твоего народа! Слушай! отдай мнѣ моихъ сыновей... Я это тебѣ говорю, я... слѣпая Эстерка, выплакавшая глаза... Я, мать сыновей моихъ бѣдныхъ... Слушай, куда ты идешь, остановись... Довольно крови...

И она потрясала кулаками и кричала словами, остававшимися глубоко въ ея груди. Слезы, что стекали изъ незрячихъ глазъ, наполняли старый, черный ротъ съ двумя пеньками желтыхъ зубовъ.

А мимо нея топали тысячи ногъ, дышали тысячи грудей, ревѣли басы и плясали, словно, безумные колокола. Большіе, средніе и маленькіе...

Иванъ Акуновъ.

Современный анархизмъ и классовая точка зрѣнія.

Начало XX вѣка ознаменовалось великими и грозными историческими событіями. Бурный и стремительный потокъ революціи, хлынувшій съ такой стихійною силою въ долины русской обывательской жизни, проникшій во всѣ ея углы и закоулки и захватившій своею силою и стремительностью всѣ общественные слои и классы, разрушилъ въ корнѣ основы стараго самодержавнаго строя, разрушилъ столѣтіями укрѣпленныя и освященныя обычаемъ и правомъ традиціи и опрокинулъ весь привычный укладъ обывательской жизни; онъ создалъ предпосылки новыхъ общественныхъ формъ, заложилъ основанія новаго государственнаго порядка.

Пестрота и яркость красокъ переживаемаго историческаго момента, разнообразіе и многочисленность выступающихъ общественныхъ силъ заслоняютъ пока отъ насъ истинный смыслъ и значеніе совершающагося историческаго процесса, который, по справедливости, названъ великой русской революціей, не позволяютъ еще произвести точный учетъ ея побѣдамъ и пораженіямъ. Русская революція далеко еще не закончена. Между тяжелымъ молотомъ стихійнаго народнаго движенія и массивной наковальней самодержавія—дѣтища русской государственности—еще лишь формируется и крѣпнетъ новое произведеніе неутомимаго кузнеца — исторіи — свободная Россія.

Кого не захватило теперь это великое освободительное движеніе? Существуютъ ли еще общественные слои и группы, которые не были бы втянуты въ общій водоворотъ событій, которые не оказали на его теченіе того или иного вліянія, которые, наконецъ, не чувствовали бы тяжелыхъ конвульсій революціи во всей ихъ могучей непосредственности. Существуютъ ли міросозерцанія, на которыхъ не отразились еще тяжелые удары историческаго молота, которыя не воспользовались великимъ урокомъ исторіи для укрѣпленія или перестройки своихъ теоретическихъ позицій.

Долголѣтнее политическое спокойствіе русскаго обывателя и его

безмятежный умственный сонъ исчезли, какъ дымъ. Ребромъ поставленные жизнью вопросы, вопросы самаго разнообразнаго свойства, начиная со шкурно-желудочныхъ и кончая религіозно-философскими, потребовали теперь немедленнаго, кореннаго и, главное, «правильнаго» разрѣшенія. Передъ обывателемъ предстала огромная, поистинѣ титаническая задача не только разобраться въ той великой тяжбѣ, которая вотъ уже на протяженіи болѣе чѣмъ столѣтія тянется между россійскимъ самодержавіемъ и русскимъ освободительнымъ движеніемъ, но и своимъ вмѣшательствомъ положить ей конецъ, подвести послѣдніе ея итоги и найти это «правильное разрѣшеніе» проклятаго вопроса русской жизни.

Бурный потокъ идей далеко уносится впередъ въ этомъ вихрѣ, въ водоворотѣ событій. Общественная мысль работаетъ нервно, порывисто и страстно. Преобладаютъ крайнія міровоззрѣнія, преобладаютъ радикальные методы разрѣшенія даже самыхъ сложныхъ вопросовъ общественной жизни. Въ то время, какъ въ практической дѣятельности возстаютъ неодолимыя преграды для осуществленія широкихъ политическихъ замысловъ, создаются неустранимыя препятствія для проведенія въ жизнь опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ,—въ области идейной не существуетъ никакихъ препонъ для логическаго доведенія до конца извѣстныхъ опредѣленныхъ положеній, и лишь логическая ихъ неправильность можетъ разрушить зданіе теоріи.

Въ настоящее время замѣчается интенсивное и болѣе или менѣе широкое распространеніе анархизма. Не говоря уже о его практикѣ, столь успѣшно привившейся къ массамъ обнищавшаго и обездоленнаго русскаго населенія, привившейся въ такой степени, что даже передъ самими анархистами выступаетъ задача борьбы съ этимъ зломъ *), — необходимо отмѣтить и идейное распространеніе анархизма. Анархистскіе взгляды и тенденціи начинаютъ проникать въ ряды пролетаріевъ, начинаютъ просачиваться въ поры соціалистическаго міровоззрѣнія и грозятъ явиться тамъ губительнымъ ферментомъ, который переведетъ значительную часть приверженцевъ соціализма въ ряды анархизма и близкихъ ему теченій. Явленіе это, пока мало замѣтное и трудно уловимое при политическихъ условіяхъ современной русской дѣйствительности, ярко проступаетъ теперь въ Западной Европѣ, благодаря гарантіямъ правового строя, дающаго возможность болѣе или менѣе полнаго самоопредѣленія и подсчета силъ каждой организаціи. «Анархо-соціализмъ», «революціонный синдикализмъ», а, въ значительной степени, и нашъ русскій, такъ нашумѣвшій за послѣднее время, «максимализмъ», все это несомнѣнные плоды анархистской пропаганды,

---

*) См. „Буревѣстникъ“, № 1.

законныя дѣтища современнаго анархистскаго міровоззрѣнія. Старая распря анархизма и соціализма изъ-за вліянія на рабочій классъ, видимо, вновь разгорается, и тѣни Бакунина и Маркса безпокойно бродятъ въ рядахъ революціонныхъ пролетаріевъ.

Борьба съ анархистскими тенденціями и критика анархическихъ теорій выступаетъ, такимъ образомъ, для соціалистовъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе настоятельно. Соціалистамъ приходится теперь не только яснѣе и опредѣленнѣе размежеваться съ анархистскимъ міровоззрѣніемъ, но и отграничить себя отъ нежелательныхъ и неблагонадежныхъ въ этомъ смыслѣ элементовъ даже въ предѣлахъ своихъ партій. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить весьма опредѣленныхъ тенденцій, проявившихся на Мангеймскомъ съѣздѣ, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не отмѣтить и той нерѣшимости, какую выказала здѣсь германская соціалъ-демократія въ ея цѣломъ: какъ извѣстно, Мангеймскій съѣздъ, несмотря на господство умѣренныхъ (въ вопросахъ тактики) теченій, не разрѣшилъ вопроса о законности существованія въ соціалистическихъ рядахъ элементовъ, близкихъ къ анархизму, ни въ ту, ни въ другую сторону и предпочелъ оставить его открытымъ. Такого рода позиція является, несомнѣнно, лишь отсрочкой въ разрѣшеніи вопроса, и соціализму предстоитъ еще въ этомъ отношеніи сдѣлать важные и рѣшительные шаги. Во всякомъ случаѣ, разграниченіе *въ идейной области* должно быть проведено уже и теперь особенно отчетливо и ясно. Соціализмъ долженъ не только рѣзче подчеркнуть свою собственную точку зрѣнія и точнѣе и опредѣленнѣе формулировать свои принципы,—онъ по необходимости долженъ заняться и критикой анархистскаго міровоззрѣнія, долженъ отражать удары, наносимые ему изъ анархистскаго лагеря.

Задача критики анархизма чрезвычайно сложна и запутана, если рѣшать ее въ полномъ ея объемѣ. Анархизмъ, какъ міровоззрѣніе, представляетъ изъ себя чрезвычайно широкое понятіе, обнимающее собой крайнія противоположности какъ въ теоретическихъ предпосылкахъ своихъ ученій, такъ и въ самыхъ способахъ осуществленія анархическихъ идеаловъ. Идеалистическія построенія Толстого или Прудона, выводящія изъ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ принциповъ свои заключенія экономическаго и юридическаго характера, переплетаются съ матеріалистическими основами системъ Бакунина и Кропоткина; крайній индивидуализмъ Макса Штирнера сталкивается съ коммунистическими тенденціями современнаго анархизма; на ряду съ непримиримыми, революціонно-насильственными теченіями воинствующаго анархизма, на ряду съ апостолами кровавой и безпощадной борьбы и разрушенія, мы находимъ и мирную проповѣдь любви и братства, встрѣчаемъ чисто реформаторскіе планы, исключающіе революціонные методы тактики.

Всѣ анархистскія ученія объединены лишь однимъ общимъ имъ признакомъ, признакомъ чисто негативнаго характера. Всѣ они

рѣшительно и безусловно отрицаютъ государство и государственный принципъ, какъ форму организаціи будущаго общества. Всѣ другіе признаки, устанавливаемые современными анархистскими теоретиками, а также и нѣкоторыми соціалистами, какъ, напримѣръ, уничтоженіе частной собственности и принципъ полной и безусловной свободы личности, не могутъ быть отнесены ко всѣмъ развѣтвленіямъ анархистскаго міровоззрѣнія. На ряду съ теоретиками, отрицающими собственность во всѣхъ ея формахъ, мы встрѣчаемъ въ средѣ анархистовъ защитниковъ даже частной собственности, напримѣръ, Туккера и Прудона *); что же касается полной и безусловной свободы личности, то принципъ этотъ проведенъ послѣдовательно лишь въ системахъ Штирнера, Годвина и Толстого, отвергшихъ всякія правовыя нормы для будущаго; другіе теоретики анархизма, поскольку они принуждены были признать необходимость такого или иного *права* для будущаго общества, ограничили абсолютную свободу человѣческой личности и отвергли самый принципъ полной и безусловной ея независимости.

Современный соціализмъ интересуютъ тѣ, главнымъ образомъ, развѣтвленія анархическаго міровоззрѣнія, которыя соприкасаются такъ или иначе съ соціалистической теоріей, съ которыми ему приходится такъ или иначе сталкиваться въ своей организаторской дѣятельности, приходится даже конкуррировать въ смыслѣ вліянія на широкіе слои рабочихъ классовъ общества. Въ зависимости отъ этого обстоятельства задача критики для современнаго соціализма упрощается и облегчается если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Ему приходится заняться лишь однимъ изъ теченій анархистскаго міровоззрѣнія—современнымъ коммунистическимъ анархизмомъ, потому что всѣ другія, большею частью индивидуалистическія, направленія въ анархизмѣ—анархистскія въ прямомъ и точномъ смыслѣ этого слова—лежатъ въ совершенно иной идейной плоскости и, въ виду отсутствія съ ихъ стороны какихъ-либо поползновеній на захватъ идейнаго руковод-

*) Относительно Прудона его изслѣдователи не приходятъ къ одинаковымъ выводамъ. Въ то время, какъ Диль и Эльцбахеръ относятъ ученіе Прудона къ отрицающимъ собственность совершенно и безусловно, Ценкеръ, напримѣръ, стоитъ на иной точкѣ зрѣнія и, принимая во вниманіе противорѣчивый характеръ экономической части ученія Прудона приходитъ къ заключенію, что его, „индивидуальное владѣніе", нѣкоторое количество благъ, предоставляемыхъ на основаніи договора, и есть собственность въ прямомъ смыслѣ этого слова: „Прудонъ не проклялъ собственности, какъ таковой, а лишь постарался ее облагородить и согласовать съ требованіями справедливости и равенства путемъ устраненія изъ института собственности, представляющаго собою въ настоящее время jus utendi et abutendi re, права на матерію, вѣчнаго наслѣдственнаго права. Только къ такой „насильственной собственности относится это зловѣщая формула": La propriété est le vol. Ценкеръ „Анархизмъ" стр. 41.

ства борьбой рабочаго класса, не получаютъ широкаго распространенія среди рабочихъ массъ и не угрожаютъ тамъ позиціямъ соціалистической теоріи.

Однако, соціалистическая критика принуждена касаться вопросовъ, связанныхъ съ анархизмомъ, съ большою осмотрительностью. Надо принять во вниманіе, что современный коммунистическій анархизмъ имѣетъ значительное число точекъ соприкосновенія съ современнымъ же соціализмомъ, въ особенности съ лѣвымъ его крыломъ, и въ этомъ отношеніи соціализму приходится соблюдать крайнюю осторожность въ выборѣ оружія критики и въ разсчетѣ ея ударовъ, чтобы не обратить ихъ и противъ самого соціализма, чтобы не причинить ущерба и самому соціалистическому міровоззрѣнію. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается, быть можетъ, объясненіе того болѣе или менѣе общепризнаннаго факта, что соціалистическая критика коммунистическаго анархизма до сихъ поръ не представила еще достаточно вѣскихъ доводовъ его логической несостоятельности, въ особенности, въ отношеніи его тактики, не сумѣла провести той рѣзкой принципіальной грани между соціализмомъ и анархизмомъ, которая разъ навсегда размежевала бы эти теченія, и необходимость которой такъ остро чувствуется въ настоящее время.

Коммунистическій анархизмъ имѣетъ съ современнымъ соціализмомъ гораздо болѣе общаго, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Возникнувъ въ бурные 40-ые годы, въ моментъ необычайнаго революціоннаго подъема и самыхъ смѣлыхъ надеждъ на будущее, въ эпоху, когда успокоившіяся было волны взбаломученнаго историческаго моря начали вновь подниматься подъ давленіемъ совершенно новаго факта—выступленія широкихъ рабочихъ массъ, какъ самостоятельной общественной силы,—оба міровозрѣнія явились типическимъ продуктомъ своего времени, и во главу угла своихъ теоретическихъ воззрѣній поставили, если не совершенно тождественныя, то въ значительной степени сходныя положенія.

Современный соціализмъ или, правильнѣе, господствующее въ немъ въ настоящее время направленіе, ведетъ свое лѣтоисчисленіе отъ временъ Коммунистическаго Манифеста и устанавливаетъ рѣзкую грань между собою и своими «утопическими» предшественниками. Базисъ, на которомъ современный «научный» соціализмъ строитъ зданіе своего міровоззрѣнія, это—необходимость краха современнаго общественнаго строя и превращенія его въ полную свою противоположность, въ соціализмъ, въ силу однѣхъ уже причинъ экономическаго характера, въ силу тѣхъ противорѣчій, которыя современный капиталистическій строй самъ изъ себя развиваетъ. Классъ пролетаріевъ—неизбѣжное слѣдствіе капиталистическаго способа производства—явится той реальной силой, которая произведетъ этотъ переворотъ, явится могильщикомъ буржуазнаго строя. Поэтому задачею пролетаріевъ и передового руко-

водящаго отряда ихъ—соціалистовъ (коммунистовъ, согласно терминологіи эпохи Интернаціонала) является соціальная (правильнѣе соціалистическая) революція, и ихъ главной и единственной цѣлью—экспропріація частной собственности и реорганизація общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ. Экономическое объясненіе исторіи, классовая точка зрѣнія и теорія соціальной катастрофы—такова въ самыхъ общихъ чертахъ конструкція современной маркистской теоріи, поскольку она опирается на положенія Коммунистическаго Манифеста.

Современный коммунистическій анархизмъ долженъ начинать свою исторію съ того же приблизительно періода. Подобно тому, какъ «научный» соціализмъ рѣзко отдѣлилъ себя отъ своихъ предшественниковъ и въ смыслѣ *идейной* преемственности связалъ себя скорѣе съ теоретиками совершенно иного лагеря—Гизо и Огюстеномъ Тьери, точно также и коммунистическій анархизмъ, хотя и не въ столь рѣзкой и рѣшительной формѣ, но все же болѣе или менѣе опредѣленно порвалъ со старой идеалистической школой и измѣнилъ исходныя точки своихъ построеній въ смыслѣ приближенія къ марксистскому методу. Уже Бакунинъ, несмотря на свое глубокое уваженіе къ литературной и общественной дѣятельности Прудона, несмотря на свою солидарность съ нимъ въ выводахъ, поскольку они касались уничтоженія государства и отрицанія коммунистическаго строя, отмѣчаетъ, однако, недостаточную научность исходной точки зрѣнія «отца анархизма» и предлагаетъ новыя основанія анархистической теоріи, основанія матеріалистическаго метода.

«Прудонъ при всемъ своемъ стремленіи опереться на реальную почву остался метафизикомъ и идеалистомъ. Его исходнымъ пунктомъ была отвлеченная идея права; отправляясь отъ права, онъ переходилъ къ экономическимъ фактамъ, тогда какъ Марксъ, наоборотъ, установилъ и доказалъ ту истину, что экономическіе факты предшествовали и предшествуютъ гражданско-правовымъ и политическимъ,—истина, подтверждаемая всей предшествующей и современной исторіей человѣческихъ обществъ, народовъ и государствъ. Открытіе и доказательство этой истины одна изъ величайшихъ заслугъ Маркса» *).

Бакунинъ рѣшительно отвергъ идеалистическую точку зрѣнія; вмѣсто отвлеченныхъ принциповъ, онъ положилъ въ основаніе своихъ построеній естественно-научную матеріалистическую теорію и въ методологическомъ отношеніи призналъ преимущество марксистской точки зрѣнія. Но въ то же время онъ не воспользовался, однако, полностью методомъ марксистскаго пониманія общественнаго развитія и не провелъ строго классовой точки зрѣнія. Баку-

*) „Государственность и анархія". Цитирую по Плеханову. „Анархизмъ соціализмъ", стр. 73.

нинъ въ этомъ смыслѣ былъ лишь, такъ сказать, «софистицированъ марксизмомъ» какъ выражается на этотъ счетъ Плехановъ («Анархизмъ и соціализмъ» стр. 74, 83).

Гораздо сильнѣе и опредѣленнѣе сказалось вліяніе марксистской школы на Кропоткинѣ и, въ особенности, на его ученикахъ и послѣдователяхъ. Марксистская теорія, получившая такое широкое распространеніе, оказавшая глубокое вліяніе на самые различные лагери общественной мысли, наложившая свою неизгладимую печать даже на самые пріемы современнаго мышленія, не могла, конечно, не коснуться и анархистскаго міровоззрѣнія. Въ процессѣ ликвидаціи стараго прудоновскаго наслѣдства и передъ задачей созиданія *положительной* научной дисциплины теоретики анархизма невольно обращали свои взоры на величественное зданіе марксистскаго міровоззрѣнія и заимствовали многое изъ его архитектурнаго плана.

Не малое значеніе имѣло здѣсь еще одно обстоятельство: ряды анархизма пополнялись за послѣднее время, главнымъ образомъ, выходцами изъ нѣдръ соціалистичеекихъ партій, перебѣжчиками изъ соціалъ-демократическаго лагеря, разошедшимися съ бывшими своими единомышленниками, вслѣдствіе крупныхъ тактическихъ разногласій, но отнюдь не порвавшими съ самой теоріей. Естественно, что притокъ такого рода элементовъ, воспитавшихся въ духѣ марксистскихъ принциповъ не могъ не усилить опредѣленныхъ тенденцій въ смыслѣ тяготѣнія къ марксистскому міропониманію, тенденцій, которыя и безъ того проявлялись въ коммунистическомъ анархизмѣ съ самаго его возникновенія. Въ послѣдніе годы, въ особенности, анархизмъ питался отъ трапезы марксистской теоріи. Создались даже особыя, непосредственно къ анархизму не примыкающія, но, однако, связанныя съ ними весьма прочными узами, теченія, какъ напримѣръ, французскій революціонный синдикализмъ, стоящія въ вопросахъ теоріи всецѣло на марксистской точкѣ зрѣнія и лишь по вопросамъ тактики близко соприкасающіяся съ анархизмомъ. Мы не будемъ, однако, здѣсь касаться этихъ промежуточныхъ между анархизмомъ и соціализмомъ теченій, мы разсмотримъ лишь, поскольку коммунистическій анархизмъ въ его болѣе или менѣе чистомъ видѣ воспріялъ вліяніе марксистскаго міровоззрѣнія.

Въ этомъ отношеніи для насъ особенное значеніе получаютъ наиболѣе позднія произведенія анархистской печати, отражающія взгляды современныхъ анархистскихъ дѣятелей и группъ, какъ наиболѣе свѣжій продуктъ анархистской мысли, какъ послѣднее слово анархистскаго міровоззрѣнія.

Сравнительно не такъ давно выпущенная русскими коммунистами-анархистами книга, съ характернымъ для этого теченія анархизма заглавіемъ: «Хлѣбъ и Воля», представляющая собою сборникъ статей: П. Кропоткина, В. Черкезова, Э. Реклю, Л

Бертона и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, представляетъ собою для разрабатываемой темы особый интересъ. Не говоря уже объ именахъ Кропоткина и Реклю, въ значительной степени гарантирующихъ намъ солидный удѣльный вѣсъ тѣхъ взглядовъ и положеній, которые установлены въ указанномъ сборникѣ, въ высшей степени важно отмѣтить, что большинство его статей посвящено событіямъ послѣднихъ двухъ лѣтъ русской общественной жизни и заключаетъ въ себѣ какъ теоретическія обоснованія анархистской позиціи, такъ и оцѣнку и характеристику всего русскаго освободительнаго движенія, въ частности, его отдѣльныхъ моментовъ, при свѣтѣ анархистскаго міровоззрѣнія.

Марксистское вліяніе замѣтно чуть ли не на каждой страницѣ упомянутаго сборника. Не только точка зрѣнія на историческое развитіе и пониманіе соотношенія движущихъ силъ въ исторіи, но и самые методы разсмотрѣнія вопросовъ должны быть квалифицированы, какъ несомнѣнно «марксистскіе».

«При теперешнемъ состояніи соціальныхъ наукъ, читаемъ на первыхъ же страницахъ указаннаго сборника, намъ *пора уже понять, что не экономическій переворотъ является послѣдствіемъ политическаго, а наоборотъ* (курс. сборника). Поэтому необходимо, чтобы дѣятельность, о которой мы говорили («ослабленіе и дробленіе всякой власти»), велась на экономической почвѣ, такъ какъ, и этого не надо забывать, та или иная форма политической организаціи обусловливается той или иной формой экономической организаціи» *).

Если анархисты приходятъ здѣсь къ инымъ, чѣмъ марксисты, выводамъ тактическаго свойства, то это еще не исключаетъ ихъ солидарности въ вопросѣ о значеніи экономическаго фактора, какъ объ основѣ всего историческаго процесса, по отношенію къ которому другіе историческіе факторы являются не болѣе, какъ «послѣдствіями». Изъ этого положенія естественно вытекаетъ и разсмотрѣніе всей исторіи человѣчества, какъ борьбы классовъ, въ смыслѣ экономическихъ категорій, и выводы эти примѣняются къ современному обществу въ особенномъ, упрощенномъ и вульгаризированномъ видѣ.

«Во всѣхъ статьяхъ и замѣткахъ, посвященныхъ разработкѣ тактическихъ вопросовъ, мы проводили ту мысль, что въ практической дѣятельности *соціалисты* (курс. сборника, коммунисты-анархисты очень часто и охотно называютъ себя соціалистами) должны руководиться двумя положеніями, которыя безспорно можно считать неопровержимыми выводами исторической науки. Одно изъ этихъ положеній извѣстно подъ названіемъ борьбы классовъ» **).

Положивъ, такимъ образомъ, въ основу своихъ воззрѣній этотъ

*) „Хлѣбъ и Воля“ стр. 8.
**) Тамъ же, стр. 25.

краеугольный камень марксистскаго міросозерцанія, авторы сборника современное общество разсматриваютъ, какъ совокупность двухъ классовъ: буржуазіи и пролетаріевъ, игнорируя громадные промежуточные слои и пережитки стараго патріархально-феодальнаго строя.

«Интересы экономически опредѣленныхъ классовъ (буржуазіи и пролетаріата) непримиримо противорѣчивы, и, слѣдовательно, всякій разговоръ о гармоніи интересовъ—пустая болтовня, пока цѣлъ капиталистическій строй, источникъ противорѣчія интересовъ, арена борьбы экономически неравныхъ» *).

Весьма естественно, что анархисты и являются истинными выразителями интересовъ пролетаріата, тѣмъ болѣе, что соціалисты, какъ мы увидимъ далѣе, ведутъ рабочій классъ по ложному пути, что «у этихъ эмансипаторовъ угнетенныхъ двѣ цѣли, двѣ души: одна пролетарская—въ разговорахъ, другая буржуазная—въ дѣйствіяхъ» **).

Можно было бы привести еще не одинъ десятокъ подобнаго рода выдержекъ, но и безъ того уже ясно, что мы очутились въ специфической атмосферѣ марксистской словесности. Читатель видитъ уже и изъ этихъ краткихъ выдержекъ, что анархисты-коммунисты въ значительной степени исходятъ изъ тѣхъ же положеній и примѣняютъ тѣ же методы разсмотрѣнія вопросовъ, какъ и соціалъ-демократы, что они столь же легко и непринужденно оперируютъ экономическими понятіями въ своихъ характеристикахъ убѣжденій и программъ политическихъ партій, и въ этомъ отношеніи врядъ ли заслуживаютъ порицанія и упрековъ со стороны марксисткой ортодоксіи.

Мы отнюдь не думаемъ брать на себя неблагодарную задачу отожествленія теоретическихъ положеній коммунистическаго анархизма и соціалъ-демократической теоріи. Еще менѣе того думаемъ мы приписывать анархизму логическую послѣдовательность и законченность его построеній: надо считать болѣе или менѣе точно установленнымъ, что современный анархизмъ есть нѣчто въ значительной степени неясное, неустойчивое и недостаточно опредѣленное въ идейномъ отношеніи, какъ то признается даже теоретиками этого направленія ***). На ряду съ приведенными выше выдержками мы можемъ указать и другія, діаметрально имъ противоположныя, въ значительной степени ихъ уничтожающія и придающія современному анархизму тотъ расплывчато-публицистическій и даже беллетристическій характеръ, которымъ отличается большинство его произведеній. Однако, всѣ эти нелогичности, неясности и противорѣчія, всѣ эти пережитки старыхъ идеалистическихъ по-

---

*) „Хлѣбъ и Воля" стр. 26.
**) Тамъ же стр. 47.
***) Напр., Жанъ Гравъ. „Умирающее общество и анархія".

строеній, эта шуйца современнаго анархизма въ его борьбѣ съ соціалъ-демократизмомъ, не исключаетъ, однако, и его десницы—извѣстнаго опредѣленнаго тяготѣнія къ марксистскому методу, тяготѣнія, начавшагося еще со времени Бакунина и особенно замѣтнаго въ настоящее время. Теперь анархическій коммунизмъ твердо и рѣшительно устанавливаетъ непримиримо-классовую точку зрѣнія и въ методологическомъ отношеніи въ большей и большей степени стремиться приблизиться къ современному соціализму; въ своей борьбѣ съ капиталистическимъ строемъ анархисты стремятся опереться на пролетаріатъ и настаиваютъ на самостоятельно-классовой и непримиримо-революціонной его тактикѣ.

Современному соціализму предстоитъ, такимъ образомъ, серьезная задача принять во вниманіе въ своихъ попыткахъ размежеваться съ анархистскимъ міровоззрѣніемъ одинаковость методовъ обоихъ теченій и опровергнуть доводы анархизма, не покидая общей ему и соціализму почвы—классовой точки зрѣнія.

Марксистская критика анархизма до послѣдняго времени не желала считаться со всѣми этими обстоятельствами. Раскрывая, съ одной стороны, неправильность и противорѣчивость исходныхъ точекъ зрѣнія анархизма и характеризуя точку зрѣнія анархизма, какъ утопическую, она всѣ свои удары направляла противъ тактики современнаго анархизма, отмѣчая его вредное вліяніе на борьбу рабочаго класса. Типическимъ образцомъ марксистской критики можетъ служить брошюра Плеханова «Анархизмъ и соціализмъ», написанная имъ еще въ 1894 году на французскомъ языкѣ, переведенная потомъ на всѣ европейскіе языки, а теперь и на русскій. Въ предисловіи ко 2-му изданію, помѣченномъ 14 сентября 1904 года, указавъ на симпатіи, которыя завоевала книга въ западно-европейскомъ соціалистическомъ мірѣ, и на недовольство, какое она возбудила въ анархистской средѣ, авторъ говоритъ, между прочимъ, что и для настоящаго времени у него «нѣтъ основаній измѣнять свое пониманіе анархизма». «Какъ и прежде, я убѣжденъ, что въ теоретическомъ отношеніи анархизмъ покоится на почвѣ утопіи, а въ практическомъ отношеніи вліяетъ отрицательно на борьбу за освобожденіе пролетаріата» *).

Охарактеризовавъ въ началѣ брошюры точки зрѣнія соціализма «утопическаго» и «научнаго», авторъ съ этой послѣдней точки зрѣнія подвергаетъ критикѣ системы Прудона и Макса Штирнера, какъ «утопическія» — исходящія изъ нѣкоторыхъ абстрактныхъ принциповъ. Не касаясь вопроса о томъ, поскольку доводы, противопоставляемые Плехановымъ «утопической» точкѣ зрѣнія, убѣдительны и вѣски, мы лишь отмѣтимъ здѣсь, что занятая авторомъ позиція вполнѣ правильна и законна. Сталкиваясь съ міросозерцаніемъ, исходящимъ изъ совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ,

*) Г. Плехановъ. „Анархизмъ и соціализмъ“, стр. 4.

которыя исповѣдуетъ авторъ принциповъ, принциповъ, примѣняющихъ совершенно иные методы въ разсмотрѣніи вопросовъ,—онъ естественно, подвергаетъ критикѣ самые эти методы, самыя исходныя точки зрѣнія. Но переходя далѣе къ Бакунину и, въ особенности, къ современному коммунистическому анархизму («Эпигоны») авторъ прекращаетъ критику по существу и ограничивается лишь мелочами. Въ главѣ о Бакунинѣ, напримѣръ, онъ устанавливаетъ, что послѣдній отклонился отъ «утопической» точки зрѣнія и подпалъ подъ вліяніе «ненавистнаго ему марксизма». Далѣе онъ стремится доказать, что и на этой почвѣ Бакунинъ не былъ послѣдователенъ и прибѣгъ къ помощи «отвлеченныхъ принциповъ», и что поэтому онъ былъ лишь «софистицированъ» марксизмомъ.

Въ высшей степени интересно было бы, разумѣется, прослѣдить борьбу двухъ противоположныхъ міровоззрѣній: стараго индивидуалистическаго анархизма и проникающей въ анархизмъ марксистской теоріи—на томъ поворотномъ пунктѣ анархистскаго міровоззрѣнія, какой представляютъ собою взгляды и воззрѣнія Бакунина. Но главною задачей соціалистической критики должно быть разсмотрѣніе правильности обоснованія анархическаго идеала съ той точки зрѣнія, на которую становится или стремится стать коммунистическій или коллективистическій анархизмъ,—съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Къ сожалѣнію, брошюра Плеханова по отношенію къ коммунистическому анархизму занимается главнымъ образомъ установленіемъ несогласованности и непослѣдовательности взглядовъ отдѣльныхъ авторовъ, не касаясь объединяющей ихъ тенденціи, не касаясь вопроса по существу.

А между тѣмъ, вопросъ этотъ весьма интересенъ и имѣетъ огромное значеніе. Указывать неправильности и отклоненія отъ точки зрѣнія историческаго матеріализма, заниматься выискиваніемъ элементовъ «идеализма въ марксизмѣ», задача, особенно въ настоящее время, не такая ужъ трудная даже въ предѣлахъ соціалистическаго міровоззрѣнія,—гораздо важнѣе рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ законны попытки обоснованія анархистскаго идеала историко-матеріалистической точкой зрѣнія.

Что же такое анархическій идеалъ, каковы его характерныя особенности и въ чемъ его различіе по сравненію съ идеаломъ соціалистическимъ? Почему анархическое общество имѣетъ меньше теоретическихъ raison d'être чѣмъ соціалистическое?—таковы вопросы, естественно возникающіе при добросовѣстномъ изслѣдованіи предмета. Посмотримъ сначала, какъ рѣшаютъ этотъ вопросъ сами анархисты.

Раньше уже было отмѣчено, что современные анархистскіе теоретики зачастую называютъ себя соціалистами и говорятъ о задачахъ соціализма, какъ о близкомъ имъ и родномъ имъ дѣлѣ. Они, правда, спѣшатъ обыкновенно прибавить при этомъ, что со-

ціалисты они анти-авторитарные, анти-государственные, что они не имѣютъ ничего общаго съ современнымъ соціализмомъ, что касается его парламентской тактики и легальныхъ пріемовъ борьбы, въ особенности въ политической области,—но самое уже это словоупотребленіе указываетъ на то обстоятельство, что современные анархисты-коммунисты не проводятъ рѣзкой грани между своимъ и соціалистическимъ міровоззрѣніями, а скорѣе, наоборотъ, стремятся установить извѣстные пункты сходства.

« ...Наши стремленія двоякаго рода — читаемъ мы въ неоднократно уже цитированномъ сборникѣ: «Хлѣбъ и Воля»:—мы стремимся къ уничтоженію частной собственности и передачѣ всего необходимаго для производства (земли, орудій труда и богатствъ, накопленныхъ человѣчествомъ) въ руки самого народа; въ этомъ мы сходимся съ другими соціалистами. Но въ то же время мы стремимся къ уничтоженію государства, и въ этомъ мы съ ними расходимся» [*]).

Согласно циркулирующимъ въ широкой публикѣ воззрѣніямъ въ этомъ, дѣйствительно, и состоитъ различіе анархизма и соціализма. Анархистской проповѣди свободнаго соглашенія, свободной федераціи группъ, противопоставляются государственническія и централизаторскія стремленія соціализма. Такого рода воззрѣнія безусловно имѣютъ подъ собою твердую почву, пока дѣло идетъ о тактикѣ современныхъ соціалистическихъ партій, въ предѣлахъ современнаго капиталистическаго строя; но поскольку вопросъ касается основаній, на которыхъ должно покоиться будущее соціалистическое общество, то въ этомъ отношеніи вышеприведенная характеристика соціализма врядъ ли можетъ имѣть мѣсто.

Мы подошли здѣсь къ вопросу, который надо считать еще въ значительной степени не выясненнымъ. Современный соціализмъ разработалъ, главнымъ образомъ, экономическую часть соціальной проблемы, но не установилъ еще опредѣленныхъ политическихъ формъ будущей общественной жизни. Теоретики соціализма если не прямо отрицаютъ государственный характеръ организаціи будущаго общества, то, во всякомъ случаѣ, избѣгаютъ этого словоупотребленія и предпочитаютъ болѣе общія и менѣе рѣшительныя въ этомъ смыслѣ выраженія. «Соціалистическое общество», «общество будущаго»—таковы обычныя формулы, характерныя для писателей соціалистическаго лагеря. «Вопросъ, должны ли въ соціалистическомъ общественномъ строѣ рядомъ съ хозяйственными органами существовать еще и органы порядка, говоритъ Менгеръ [**]), есть вопросъ преимущественно правового характера и вслѣдствіе этого трактуется соціалистическими теоретиками по большей части не ясно и довольно противорѣчиво». И хотя самъ Мен-

---

*) „Хлѣбъ и Воля“, стр. 6.
**) Менгеръ. „Новое ученіе о государствѣ“.

геръ является безусловнымъ сторонникомъ органовъ порядка, сторонникомъ исполнительной власти въ собственномъ смыслѣ, однако его воззрѣнія никоимъ образомъ не могутъ быть признаны типическими или, по крайней мѣрѣ, претендующими на широкое распространеніе въ средѣ соціалистовъ. Несмотря на огромное значеніе научныхъ заслугъ маститаго ученаго, его никакъ нельзя отнести къ вождямъ и руководителямъ современнаго соціализма и записать въ синодикъ ортодоксіи; для большинства соціалистовъ Менгеръ въ концѣ концовъ — «пришлецъ», «перебѣжчикъ изъ буржуазнаго лагеря», а потому не достаточно надежный защитникъ ортодоксіи и недостаточно яркій выразитель «пролетарскаго міровоззрѣнія».

Для соціализма, во всякомъ случаѣ, наиболѣе характерно совершенно иное, чѣмъ которое даетъ Менгеръ, разрѣшеніе вопроса о государствѣ. Такіе, напримѣръ, признанные вожди ортодоксальнаго марксизма, какъ Энгельсъ и Бебель, вполнѣ опредѣленно говорятъ объ исчезновеніи государственной организаціи и несовмѣстимости ея съ будущимъ общественнымъ строемъ.

«Государство было оффиціальнымъ представителемъ цѣлаго общества,—говоритъ Энгельсъ—воплощеніемъ его въ видимой тѣлесной формѣ. Но государство было таково лишь постольку, поскольку оно было тѣмъ классомъ, который въ это время представлялъ все общество: государство политически равноправныхъ гражданъ-рабовладѣльцевъ въ древности, государство феодальнаго дворянства въ средніе вѣка, буржуазіи въ наше время. Наконецъ, сдѣлавшись фактическимъ представителемъ цѣлаго общества, классъ буржуазіи самъ себя дѣлаетъ излишнимъ. Какъ только будетъ положенъ конецъ угнетенію одного общественнаго класса другимъ, какъ только вмѣстѣ съ классовымъ господствомъ и борьбою за существованіе будутъ устранены и всѣ возникающія, благодаря имъ, коллизіи и аномаліи, не будутъ имѣть мѣста и всѣ явленія, вызываемыя нынѣ необходимостью репрессій, и потому существованіе особой сдерживающей власти государства потеряетъ всякій смыслъ. Первый шагъ выступленія государства въ качествѣ дѣйствительнаго представителя всего общества, захватъ средствъ производства во имя общества, будетъ въ то же время и послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ государства. Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія мало по малу станетъ излишнимъ и прекратится само собою. Господство надъ людьми уступитъ свое мѣсто господству надъ вещами и руководству въ процессѣ общественнаго производства. Государство не уничтожается, оно умираетъ» *).

*) *Энгельсъ.* „Отъ утопіи къ научной теоріи“. Цитирую по Плеханову, „Анархизмъ и соціализмъ“ стр. 67. Тѣ же мысли проведены и въ другомъ произведеніи Энгельса: „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства“.

Приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ объ этомъ и Бебель *).

Вожди современнаго соціализма исключаютъ, такимъ образомъ, въ своихъ построеніяхъ возможныхъ формъ будущаго соціалистическаго общества понятіе государства, какъ организаціи принудительной власти, въ какой бы то ни было формѣ. Они исходятъ въ этихъ своихъ выводахъ изъ пониманія государства, *исключительно какъ орудія классоваго господства*, и предполагаютъ, что послѣ уничтоженія классовой основы современнаго общества, потеряетъ всякій смыслъ и значеніе его принудительная власть, такъ какъ причина противорѣчія интересовъ личности и общества, а, слѣдовательно, и всѣхъ золъ современнаго строя будетъ устранена. Не касаясь здѣсь вопроса о сущности государства и государственной власти и правильности опредѣленія этого понятія марксистской соціалистической школой, — отмѣтимъ лишь, что въ этомъ вопросѣ нельзя установить существенной разницы между построеніями современнаго соціализма и идеалами анархистовъ-коммунистовъ. И то, и другое теченіе, занимая непримиримо враждебную позицію по отношенію къ современному обществу и проектируя въ будущемъ соціалистическій строй, исключаютъ государственный характеръ организаціи для будущаго общества, въ корнѣ отрицаютъ необходимость нѣкоторой сдерживающей и принудительной по характеру общественной силы, долженствующей играть роль «органовъ порядка».

Понятно поэтому, что соціалистическая критика въ этомъ вопросѣ обращаетъ всѣ свои удары не столько на самый идеалъ анархическаго «безгосударственнаго соціализма» (ибо, повторяю, оружіе въ этомъ вопросѣ можетъ обратиться и противъ самой соціалистической теоріи), сколько на пресловутый принципъ «полной и безусловной свободы личности, а также на тѣ *практическіе* выводы, какіе анархизмъ дѣлаетъ, исходя изъ этихъ основныхъ своихъ положеній».

Однако, какъ было уже упомянуто ранѣе, принципъ безусловной свободы отвергнутъ *фактически* современнымъ анархизмомъ. Его коммунистическія тенденціи стоятъ въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ положеніями индивидуалистическаго катехизиса и неизбѣжно заставляютъ признать необходимость нѣкоторыхъ правовыхъ нормъ въ общественной жизни. Послѣдовательное проведеніе принципа абсолютной свободы личности, исключающее возможность всякой общественности, исключаетъ также возможность чисто хозяйственной организаціи даже мелкихъ, относительно, группъ.

---

*) *Бебель*. „Женщина и соціализмъ“ стр. 283, 331, 332 и примѣчаніе на стр. 335. Не желая загромождать статью цитатами, ограничиваюсь лишь указаніемъ соотвѣтственныхъ страницъ.

Если нѣтъ иного закона, кромѣ моего личнаго желанія; если общественный интересъ становится ни во что въ сравненіи съ моимъ личнымъ; если не существуетъ, такимъ образомъ, никакого права, кромѣ права силы въ самомъ грубомъ и животномъ смыслѣ этого слова,—то немыслимы вообще какія-либо формы общежитія, не мыслимо самое существованіе человѣка, какъ животнаго общественнаго. Со всѣми этими логическими послѣдствіями, вытекающими изъ принципа полной и безусловной свободы личности, пришлось считаться и коммунистическому анархизму, пришлось, быть можетъ, незамѣтно для себя урѣзать указанный принципъ, поставить нѣкоторыя преграды устанавливаемой имъ полной и безусловной свободы. «Договоръ» между «свободными» членами «свободной» анархистской группы или общины, или между общинами представляетъ изъ себя въ концѣ концовъ нѣкоторую сдѣлку юридическаго характера и создаетъ, такимъ образомъ, наличность нѣкотораго права, нѣкоторыхъ нормъ, обязательныхъ для общины и для ея членовъ. Общественные интересы требуютъ разсмотрѣнія вопросовъ съ общественной точки зрѣнія, и въ случаѣ конфликта между личностью и обществомъ современный анархизмъ не останавливается даже передъ перспективами удаленія и устраненія неудобныхъ и нежелательныхъ элементовъ изъ хозяйственной группы и тѣмъ возлагаетъ на нее нѣкоторыя обязанности полицейскаго, такъ сказать, характера.

«Я предполагаю группу изъ нѣсколькихъ добровольцевъ,—говоритъ Кропоткинъ,—соединяющихся въ какомъ-нибудь предпріятіи; всѣ соперничаютъ въ усердіи, кромѣ одного изъ участниковъ, который часто не является на свое мѣсто; слѣдуетъ ли по этому поводу распустить группу, назначить предсѣдателя, который будетъ штрафовать, или же раздавать, какъ въ академіи, жетоны, удостовѣряющіе присутствіе. Очевидно, что не сдѣлаютъ ни того, ни другого, но скажутъ товарищу, угрожающему подвергнуть опасности предпріятіе: «мой другъ, намъ бы очень хотѣлось работать съ тобою, но такъ какъ ты часто не бываешь на мѣстѣ, или ты небрежно дѣлаешь свое дѣло, то мы должны разстаться. Иди искать другихъ товарищей, которые приспособятся къ твоему нерадѣнію» *).

Приведенная цитата слишкомъ опредѣленна и характерна, чтобы сомнѣваться въ истинномъ значеніи принципа «полной и безусловной независимости личности», какъ онъ понимается современнымъ коммунистическимъ анархизмомъ. Исключеніе изъ группы это—несомнѣнный актъ насилія общества надъ личностью, осуществленіе имъ нѣкоторой принудительной власти, проявленіе, наконецъ, того самаго авторитарнаго начала, по адресу котораго анархисты мечутъ громы и молніи.

*) Кропоткинъ. „Завоеваніе хлѣба", стр. 141.

Соціалистическая критика въ данномъ вопросѣ бьетъ, такъ сказать, мимо цѣли. Будучи направлена противъ анархистовъ строго-индивидуалистическаго направленія, она упускаетъ изъ виду, что современный коммунистическій анархизмъ рѣшительно порвалъ съ этими индивидуалистическими тенденціями и, если и оперируетъ старыми понятіями абсолютной свободы и т. п., то это должно быть отнесено лишь насчетъ его неустойчивости и непослѣдовательности, но никоимъ образомъ не къ существу его воззрѣній.

Столь же мало основаній выставлять, какъ отличительную черту современнаго анархизма, *коммунистическій* характеръ его идеаловъ, противополагая ихъ соціалистическимъ построеніямъ. Коммунистическій анархизмъ, предполагая обобществить не только средства производства, но и средства потребленія, отмѣчаетъ въ этомъ пунктѣ существенное различіе между анархическимъ и соціалистическимъ идеалами. Желая подчеркнуть умѣренность современнаго соціализма и его консервативныя тенденціи по отношенію къ нѣкоторымъ основамъ существующаго капиталистическаго строя, теоретики анархизма *) приписываютъ соціализму, на ряду съ стремленіемъ соціализаціи средствъ производства, стремленіе сохранить и упрочить институтъ наемнаго труда, или, правильнѣе, систему вознагражденія труда, практикуемую въ современномъ обществѣ. Для рабочаго въ значительной степени безразлично, говорятъ они, кто явится его хозяиномъ, отдѣльный капиталистъ ли, акціонерная компанія или, наконецъ, государство,—важно лишь, что во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ продаетъ свою рабочую силу, важно что его трудъ оплачивается если и не деньгами въ формѣ опредѣленныхъ денежныхъ знаковъ, чеканящихся теперь государствомъ, то хотя бы въ формѣ проектируемыхъ соціалистами трудовыхъ чековъ, ни чѣмъ по существу не отличающихся отъ денегъ.

Однако, указанныя схемы отнесены къ соціализму совершенно произвольно. Если *отдѣльными* соціалистами и дѣлаются тѣ или иныя догадки относительно подробностей хозяйственной жизни будущаго общества, то онѣ никоимъ образомъ не могутъ быть распространяемы на все соціалистическое міровоззрѣніе, не могутъ быть признаны для него характерными. Наоборотъ, современный «научный» соціализмъ, устанавливая для будущаго общества извѣстный принципъ самаго общаго характера (соціализація средствъ производства), считаетъ невозможнымъ, «не вдаваясь въ утопію», намѣчать извѣстныя конкретныя формы будущей общественной жизни, считаетъ безполезнымъ прожектерствомъ устанавливать заранѣе нѣкоторыя опредѣленныя нормы, регулирующія отношенія личности къ обществу, въ частности въ вопросѣ о распредѣленіи продуктовъ и средствъ къ жизни. И поскольку вопросъ этотъ еще

*) Кропоткинъ. „Завоеваніе хлѣба“; стр. 149.

не разрѣшенъ соціализмомъ и до сихъ поръ остается открытымъ, постольку анархистская критика «системы чековъ» или какихъ-либо иныхъ способовъ распредѣленія, предложенныхъ *отдѣльными* соціалистами, не касается соціалистическаго міросозерцанія *въ цѣломъ*, и не проводитъ поэтому и въ указанномъ пунктѣ рѣзкой грани между соціалистическимъ и анархистскимъ міровоззрѣніями.

Всѣ нижеприведенныя сопоставленія коммунистическаго анархизма и современнаго соціализма, поскольку онъ придерживается марксистскихъ положеній, не могутъ, разумѣется, установить совершеннаго тождества между этими двумя теченіями. Какъ было уже упомянуто ранѣе, современный анархизмъ слишкомъ непослѣдователенъ и неустойчивъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ, чтобы его можно было цѣликомъ и безусловно отнести къ марксистскому міросозерцанію; онъ зачастую самъ опровергаетъ себя, побиваетъ себя своими собственными аргументами. Однако же, поскольку онъ стремится стать на классовую точку зрѣнія и поскольку заимствуетъ у марксизма экономическое объясненіе исторіи, постольку онъ приближается къ современному «научному» соціализму *).

И то, и другое міросозерцаніе исходитъ изъ убѣжденія въ неизбѣжности крушенія современнаго капиталистическаго строя уже въ силу тѣхъ противорѣчій, какія строй этотъ развиваетъ все въ большей и большей степени, и согласно положеніямъ марксистской теоріи классовой борьбы оба устанавливаютъ для пролетаріевъ неприми-

*) Въ недавно появившейся на нашемъ книжномъ рынкѣ брошюрѣ А. Амона „Соціализмъ и анархизмъ" дѣлаются въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе рѣшительные выводы. Отмѣчая фактъ существованія въ соціализмѣ положеній чисто анархическаго характера, а съ другой стороны, указывая на коммунистическія тенденціи современнаго анархизма, авторъ приходитъ къ выводу, что современный анархизмъ есть лишь одинъ изъ видовъ соціализма, что „коллективистскій и коммунистическій анархизмъ принадлежитъ къ соціализму" (стр. 104). Однако, несмотря на огромный матеріалъ, которымъ оперируетъ авторъ, несмотря на массу цитатъ, справокъ и указаній опредѣленныхъ сочиненій соціалистическихъ и анархистскихъ писателей, этотъ выводъ не согласуется съ установленными самимъ же авторомъ положеніями. Авторъ даетъ слѣдующія опредѣленія коллективизма, коммунизма и соціализма: „Коллективизмъ есть... соціальная доктрина, согласно которой коллективное владѣніе устанавливается лишь на средства производства, (стр. 42) „коммунизмъ есть... доктрина, согласно которой средства производства и предметы потребленія, т. е. все, чѣмъ можетъ владѣть человѣкъ, составляетъ общественную собственность (стр. 40), и, наконецъ, „соціализмъ есть.. соціальная доктрина, согласно которой средства производства соціализируются" (стр. 37). Такимъ образомъ, мы видимъ, что опредѣленіе общаго понятія соціализма въ значительной степени совпадаетъ съ частнымъ изъ него выводомъ—коллективизмомъ, и потому отнесеніе коммунизма, имѣющаго такіе важные пункты различія съ коллективизмомъ, къ соціализму представляется натяжкой. Не мѣшаетъ отмѣтить также, что брошюра разсматриваетъ соціализмъ въ цѣломъ, не устанавливая грани между „утопическимъ" и „научнымъ" его развѣтвленіями.

римореволюціонную позицію въ современномъ обществѣ; и то, и другое міросозерцаніе предполагаютъ отсутствіе правонарушеній въ будущемъ обществѣ и потому отрицаютъ государственный характеръ его организаціи, проектируя существованіе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ коллективовъ, объединенныхъ тѣмъ или инымъ образомъ въ своей хозяйственной дѣятельности; и то, и другое теченіе не задается въ то же время положительными задачами соціальнаго творчества *въ настоящемъ*, не желая, съ одной стороны (марксисты), «вдаваться въ утопію» и заниматься безпочвеннымъ прожектерствомъ, съ другой (анархисты), будучи увѣрено, что «духъ разрушенія есть созидающій духъ»; и, наконецъ, и для того, и для другого теченія главнѣйшей и единственной задачей является соціальная революція, долженствующая разрушить въ корнѣ основы современнаго строя и на смѣну ему выдвинуть совершенно иные принципы общественнаго устройства.

Таковы главнѣйшіе пункты соприкосновенія между обоими указанными міросозерцаніями, сближающіе ихъ настолько тѣсно, что не представляется возможнымъ установить какое либо рѣзкое и характерное различіе, проложить острую опредѣленную грань.

Однако, въ послѣднемъ отмѣченномъ нами пунктѣ сходства, въ вопросѣ объ основныхъ задачъ соціализма и анархизма, заключаются уже элементы расхожденія. Соціальная революція, или, правильнѣе, тѣ формы, въ которыя она должна отлиться, понимаются разсматриваемыми теченіями различно. Въ то время, какъ соціализмъ, или господствующее въ немъ теперь соціалъ-демократическое теченіе, устанавливаетъ необходимость и неизбѣжность сильной и централизованной власти — диктатуры пролетаріата, на извѣстный переходный періодъ послѣ соціальной революціи и стремится уже и теперь, хотя бы въ рамкахъ легальности, пріобрѣсти возможно больше силы и вліянія въ политической жизни государствъ,—анархизмъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ всякія централизаторскія тенденціи, хотя бы даже въ формѣ пролетарской диктатуры, и предполагаетъ непосредственно вслѣдъ за разрушеніемъ капиталистическаго строя свободную игру силъ и интересовъ, свободную группировку людей въ хозяйственныя общины, которыя и осуществятъ анархическіе и коммунистическіе идеалы. Поэтому анархизмъ отрицательно и даже враждебно относится ко всѣмъ формамъ легальной политической борьбы и, выставляя соціальную революцію, какъ единственный возможный исходъ борьбы пролетаріата, какъ единственную задачу и соціализма, и анархизма, провозглашаетъ разрушеніе самыхъ основъ капиталистическаго строя неотложной задачей современности. Впрочемъ, указанное расхожденіе анархизма и соціализма въ вопросѣ о пролетарской диктатурѣ въ значительной степени связано съ вопросами тактическаго характера и потому должно быть разсмотрѣно на ряду съ общими тактическими задачами обоихъ теченій общественной мысли.

Въ вопросахъ тактики современный анархизмъ расходится съ соціализмомъ самымъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ образомъ. Оба міровоззрѣнія въ этомъ смыслѣ занимаютъ по отношенію другъ къ другу опредѣленно-враждебныя позиціи. Съ обѣихъ сторонъ раздаются самыя рѣзкія, самыя недвусмысленныя осужденія тактики противоположнаго міровоззрѣнія, возводятся самыя тяжкія обвиненія. Въ то время, какъ соціалисты обвиняютъ своихъ противниковъ изъ анархистскаго лагеря въ невольномъ пособничествѣ дѣлу реакціи, въ созданіи препятствій рабочему движенію, анархисты горячо порицаютъ мирную парламентскую дѣятельность соціализма, обвиняютъ его въ угашеніи революціоннаго духа въ средѣ рабочихъ массъ, обвиняютъ въ измѣнѣ дѣлу пролетаріата.

Соціалистическая критика анархистской тактики еще менѣе удовлетворительна, чѣмъ тѣ доводы, съ которыми соціализмъ подходитъ къ теоретической части анархистскаго ученія. Критика эта направляется, главнымъ образомъ, противъ такъ называемой «пропаганды дѣйствіемъ», противъ тѣхъ покушеній террористическаго характера, которыя считаются въ широкой публикѣ особенно характерными для анархизма и даже составляющими главное его содержаніе. «Покушенія и соціалъ-демократія» такъ, напримѣръ, озаглавлена одна изъ брошюръ Бебеля, направленная противъ анархистской «пропаганды дѣйствіемъ». Брошюра эта ставитъ себѣ задачей разслѣдовать, въ какой мѣрѣ анархистскія покушенія представляютъ изъ себя результатъ полицейской провокаціи, въ какой мѣрѣ полицейская интрига проникаетъ всю дѣятельность анархизма и въ какой мѣрѣ, наконецъ, самое существованіе анархизма вызывается потребностями «внутренней политики».

«Террористы—спасители отечества—въ полицейской формѣ, пишетъ «Vorwärts», нуждаются въ сіяніи, чтобы имѣть передъ толпой такой видъ, какъ будто бы они «истинные сыны священнаго порядка» и «благодатной дочери неба», и это сіяніе доставляютъ или школьническія покушенія террористовъ на чернь. Только круглый дуракъ, наслаждаясь своими пустыми фантазіями, не замѣчаетъ вовсе того, что онъ пляшетъ, какъ кукла, на ниточкахъ искуснаго террориста, прикрывающагося ширмой политическаго дѣятеля; анархистъ не видитъ, что страхъ и ужасъ, которыми пользуется онъ, служатъ лишь къ тому, чтобы можно было затуманить сознаніе толпы филистеровъ настолько, чтобы она восхищалась всякой рѣзней, расчищающей дорогу реакціи» *). «*Анархистъ—такой человѣкъ,* говоритъ Плехановъ, *который* (*если это только не сыщикъ*) *всюду и всегда достигаетъ противоположнаго тому, къ чему онъ стремится*» (кур. Плеханова **), и въ этой

*) „Vorwärts“ 23 января 1894 г. Цитировано по Плеханову „Анархизмъ и соціализмъ“ стр. 123.

**) Плехановъ. „Анархизмъ и соціализмъ“ стр. 126.

фразѣ, пожалуй, заключается все содержаніе марксистской критики анархизма. Въ большинствѣ брошюръ и статей, посвященныхъ этому предмету, если и не дѣлаются прямыя сближенія между анархистами и полицейскими сыщиками, то вопросы анархистской тактики неизбѣжно разсматриваются съ особенно упрощенной, узко-практической, узко-утилитарной точки зрѣнія. Современный соціализмъ вопросъ о законности и правильности анархистской тактики сводитъ къ вопросу о полезномъ или вредномъ вліяніи ея на рабочее движеніе, въ частности на работу соціалистовъ въ средѣ рабочихъ массъ, а такъ какъ анархистскія покушенія влекутъ за собою обычно репрессіи въ той или иной формѣ, репрессіи, касающіяся и соціалистовъ, то однимъ уже этимъ устанавливается весь вредъ анархистской тактики и вся ея неправильность.

Однако, указанная точка зрѣнія—точка зрѣнія, безусловно не научная, а скорѣе практически-житейская, обывательская, по преимуществу. Вопросъ о законности и правильности тѣхъ или иныхъ тактическихъ пріемовъ рѣшается, прежде всего, установленіемъ логической связи между этими пріемами и основными положеніями разсматриваемаго міросозерцанія.

Если извѣстные методы тактики, даже завѣдомо вредные и не достигающіе цѣли, логически вытекаютъ изъ основъ даннаго общественнаго міровоззрѣнія, они законны и правильны въ предѣлахъ этого міровоззрѣнія, а потому всѣ усилія критической мысли должны быть направлены не на безплодные въ значительной степени препирательства о пользѣ или вредѣ данныхъ способовъ дѣйствія, а на разрушеніе и переработку самыхъ основъ той теоріи, которая порождаетъ эти завѣдомо негодные и завѣдомо вредные методы осуществленія своихъ общественныхъ идеаловъ.

Анархистская пропаганда дѣйствіемъ, между прочимъ, вовсе не представляетъ изъ себя характернаго и обязательнаго для всего коммунистическаго анархизма способа борьбы. Это лишь одинъ изъ частныхъ выводовъ, дѣлаемыхъ, правда, большинствомъ современныхъ коммунистовъ-анархистовъ изъ нѣкоторыхъ другихъ положеній болѣе общаго характера.

Какъ было уже отмѣчено ранѣе, современный анархизмъ становится болѣе или менѣе опредѣленно на классовую точку зрѣнія и отожествляетъ свое дѣло съ задачами пролетаріата. Исходя изъ этихъ положеній, онъ строитъ и свою тактику.

«Мы—пролетаріи, т. е. люди, принужденные продавать свой трудъ; мы—революціонеры. Нашъ врагъ буржуазія, и его слуга—государство. Съ врагами мы признаемъ только борьбу; борьбу сегодня, борьбу завтра и такъ до полной нашей побѣды. Всякія соглашенія, тѣмъ болѣе же союзы съ буржуазіей, мы поэтому рѣшительно отвергаемъ» *).

*) „Хлѣбъ и Воля" стр. 13.

«Классовая борьба есть единственная почва, на которой возможно построеніе здоровой, цѣлесообразной революціонной тактики» *).

Такимъ образомъ, позиція пролетаріата (анархизма тожъ) въ его борьбѣ съ современнымъ обществомъ—непримирима. Его цѣль, диктуемая ему его непосредственными интересами—уничтоженіе частной собственности и (безгосударственный) соціализмъ—можетъ быть достигнута лишь путемъ революціи—соціальной революціи, которая смететъ всѣ буржуазные институты и породитъ новый порядокъ вещей.

«Между нами нѣтъ другого общаго поля дѣйствія, кромѣ поля битвы, гдѣ каждый изъ насъ старается зарыть другого въ могилу» **).

Какъ извѣстно, на этой же почвѣ стоитъ и современный соціализмъ, постоянно подчеркивающій свою строго классовую точку зрѣнія и свою непримиримую позицію по отношенію къ «буржуазному обществу». Но изъ этихъ признаваемыхъ обоими теченіями положеній, дѣлаются, однако, совершенно различные практическіе выводы. Въ то время, какъ соціализмъ, руководясь интересами пролетаріевъ, считаетъ возможнымъ и необходимымъ принимать участіе въ политической борьбѣ въ предѣлахъ тѣхъ легальныхъ рамокъ, которыя предоставляются ему современнымъ западно-европейскимъ государствомъ и обусловливаетъ лишь это участіе строго-классовой позиціей во всѣхъ вопросахъ, разрѣшаемыхъ въ парламентахъ,—анархизмъ, съ той же точки зрѣнія, признаетъ парламентскую дѣятельность, въ какой бы то ни было формѣ, безусловно неправильной и вредной, разсматриваетъ ее, какъ уступку, какъ компромиссъ съ буржуазнымъ обществомъ, и клеймитъ ее, какъ измѣну, какъ предательство дѣла рабочаго класса. Наиболѣе существеннымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ объ этой «измѣнѣ», документомъ, который разоблачаетъ «буржуазныя» тенденціи современнаго соціализма, анархизмъ считаетъ соціалистическую минимальную программу.

Соціалистическая программа - минимумъ, представляющая изъ себя рядъ требованій, разсчитанныхъ на «буржуазный періодъ исторіи», «не противорѣчащихъ капиталистическому строю» и «не подрывающихъ его основъ», разсматривается анархистами, какъ одна изъ попытокъ примиренія соціализма съ современнымъ обществомъ, какъ замаскированный разсчетъ на сотрудничество съ его буржуазными классами при условіяхъ полной легальности и умѣренности въ духѣ соціальнаго реформаторства и проведенія мирнымъ и законнымъ путемъ нѣкоторыхъ преобразованій, необходимыхъ въ интересахъ хозяйственнаго развитія. Программа

*) Тамъ же, стр. 25, 26.
**) Тамъ же, стр. 27.

реформъ, въ предѣлахъ современнаго строя, буржуазная по существу своему программа, говорятъ анархисты, заслоняетъ собою максимальную программу соціализма, единственно возможную программу пролетарской партіи, а потому затемняетъ классовое сознаніе рабочихъ и угашаетъ ихъ революціонный духъ. Задачей пролетаріевъ, въ ихъ борьбѣ съ буржуазнымъ обществомъ, можетъ быть только соціализмъ, полнѣйшее раскрѣпощеніе рабочаго класса, его полнѣйшее освобожденіе отъ гнета капитала и государства. Руководители и вожди пролетаріата не должны уклоняться отъ этой прямой своей задачи, не должны отвлекать вниманіе рабочихъ своими мелочными и фиктивными по существу парламентскими побѣдами; ихъ долгъ и ихъ прямая обязанность проповѣдывать постоянную, непрерывную войну съ современнымъ общественнымъ и государственнымъ строемъ, проповѣдывать постоянную, непрерывающуюся революцію, обусловливаемую непримиримостью пролетарской позиціи и неизбѣжную въ силу полной негодности современнаго строя. Передовымъ отрядамъ пролетарской арміи, анархистамъ и соціалистамъ (отрицающимъ парламентскую борьбу), необходимо постоянно поддерживать революціонный духъ въ рядахъ рабочаго класса, готовить его теперь же къ послѣднему и рѣшительному бою, подавать примѣръ рѣшительной и смѣлой атаки существующаго строя, начинать работу его разрушенія. И подобно тому, какъ въ области химическихъ явленій ничтожное количество какого-либо сильно дѣйствующаго реактива, а иногда лишь легкое сравнительно сотрясеніе сосуда переводитъ заключающуюся въ немъ жидкость въ парообразное состояніе, или состояніе твердаго тѣла, точно также и въ области соціальныхъ явленій, согласно анархистскимъ представленіямъ, общество, выведенное изъ состоянія равновѣсія и покоя какимъ-либо въ соціальномъ отношеніи сильно дѣйствующимъ средствомъ, проявляетъ грандіозныя разрушающія, а слѣдовательно, и созидающія (съ анархистской точки зрѣнія) силы и измѣняетъ не только свою форму, но и содержаніе. Революціонизированіе общества или, правильнѣе, его пролетарскихъ классовъ должно въ извѣстный, опредѣленный историческій моментъ захватить весь пролетаріатъ, распространиться съ силою пожара на массы угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ современнымъ строемъ и уничтожить до основанія порядокъ вещей, основанный на порабощеніи человѣка человѣкомъ. Терроръ, мѣстные бунты и возстанія и, наконецъ, всеобщая стачка, какъ прелюдія великой гражданской войны будущаго, — таковы средства, выставляемыя анархизмомъ, въ качествѣ возбудителей и предвозвѣстниковъ соціальной революціи.

Въ высшей степени важно и интересно здѣсь отмѣтить, что къ подобнымъ же выводамъ, по крайней мѣрѣ, въ вопросѣ о за-

конности и цѣлесообразности парламентской тактики и въ опредѣленіи своихъ непосредственныхъ задачъ, приходятъ и упомянутые уже ранѣе соціалистическія теченія—крайняя лѣвая современнаго соціализма. Оставаясь на почвѣ теоріи всецѣло на марксистской точкѣ зрѣнія и потому избѣгая непослѣдовательностей и противорѣчій анархистскаго міровоззрѣнія, теченія эти въ тактическихъ вопросахъ почти совершенно солидарны съ послѣднимъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ парламентской дѣятельности соціалистовъ и въ пропагандѣ *прямого воздѣйствія* (action directe), не останавливающагося ни передъ какими нелегальными средствами. Теченія эти ставятъ вопросъ о тактикѣ въ полную зависимость отъ марксистской точки зрѣнія и именно съ этой точки зрѣнія и доказываютъ всю неправильность господствующихъ тактическихъ пріемовъ современнаго соціализма и приходятъ къ выводамъ анархическаго характера. Передъ современнымъ соціализмомъ вопросъ, такимъ образомъ, ставится въ особенности ребромъ; при критикѣ указанныхъ теченій и рекомендуемой ими тактики, марксизмъ не можетъ уже ссылаться на ихъ «утопическій» характеръ, не можетъ употребить всѣ тѣ пріемы и способы уклоненія отъ задачи, поводы къ которымъ въ такомъ изобиліи даетъ непослѣдовательность и невыдержанность анархистской точки зрѣнія,—передъ критикой теченій, лежащихъ въ одной идейной плоскости, опирающихся на положенія того же самаго «научнаго» соціализма, приходится серьезно поставить и рѣшить вопросъ: вытекаютъ ли логически изъ современнаго марксистскаго міровоззрѣнія практикуемые теперь огромнымъ большинствомъ соціалистовъ методы тактики—участіе въ парламентской борьбѣ, или же, наоборотъ, именно анархистскіе способы дѣйствій имѣютъ за собою большія основанія въ смыслѣ логической ихъ послѣдовательности.

Въ началѣ статьи мы попытались нѣсколькими рѣзкими штрихами очертить главнѣйшіе контуры марксистской соціологической схемы. Мы вынуждены были тамъ добавить, между прочимъ, что приведенная бѣглая характеристика марксизма правильна лишь постольку, поскольку онъ опирается на положенія Коммунистическаго Манифеста. Это добавленіе имѣетъ весьма существенное значеніе, ибо отступленія отъ завѣтовъ стараго революціоннаго марксизма мы видимъ теперь не только въ рядахъ «крайней правой» современнаго соціализма—въ бернштейніанствѣ и другихъ «ревизіонистскихъ» теченіяхъ,—но и въ самомъ многочисленномъ его «центрѣ» въ средѣ, такъ называемой, «революціонной соціалъ-демократіи».

Въ конструкціи марксизма, или, употребляя болѣе широкое понятіе, въ конструкціи «научнаго» соціализма, надо отмѣтить двѣ до извѣстной степени другъ другу противорѣчащія и даже другъ друга исключающія идеи.

——— ——

Первая изъ нихъ это—матеріалистическое пониманіе исторіи—теорія, обусловившая собою самый «научный» характеръ современнаго соціализма въ противоположность «утопическимъ» построеніямъ предшествующаго періода. «Утопической» точкѣ зрѣнія идеала марксизмъ противопоставилъ развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ, какъ основу всего историческаго процесса и этому развитію, въ частности экономическому развитію, онъ подчинилъ полностью политическую и идейную жизнь обществъ и государствъ. Марксизмъ установилъ, что формы общественнаго строя претерпѣваютъ нѣкоторое измѣненіе въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, опредѣляемомъ стихійнымъ развитіемъ матеріальныхъ производительныхъ силъ, независимо отъ воли и желанія людей. Въ задачи политическаго дѣятеля, такимъ образомъ, не могло уже входить теперь созиданіе и установленіе нѣкотораго общественнаго идеала, стремленіе къ которому и должно было явиться выраженіемъ его общественной дѣятельности,—идеалъ этотъ, поскольку вообще данное понятіе законно и терпимо въ предѣлахъ марксистскаго міровоззрѣнія, устанавливался, такъ сказать, заранѣе, опредѣлялся самымъ ходомъ развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ, исключая, такимъ образомъ, всякую необходимость его *субъективной* оцѣнки. Для политическаго дѣятеля необходимо лишь было составить себѣ ясное представленіе и точно опредѣлить направленіе экономическаго развитія, чтобы сообразовать свою дѣятельность съ *объективными* данными историческаго процесса, а не фигурировать въ смѣшной, донъ-кихотской роли борца съ вѣтряными мельницами, въ роли безумца, мечтающаго остановить или повернуть назадъ колесо исторіи.

Сама по себѣ эта историко-философская концепція, поставившая во главу угла развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ, если не касаться самыхъ формъ этого развитія, не обусловливала еще собою опредѣленнаго отношенія къ дѣйствительности, не предполагала еще революціонной или реформаторской позиціи политическаго дѣятеля. Она лишь ставила его идеалы и ихъ осуществленіе въ полную зависимость отъ стихійнаго процесса развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ даннаго общества.

Но... «развитіе совершается черезъ противорѣчіе», гласитъ одно изъ положеній ортодоксальнаго катехизиса. Современный способъ производства таитъ въ себѣ силы, направленныя къ его разрушенію, порождаетъ все новыя и новыя предпосылки грандіознаго соціальнаго переворота. Развиваясь до крайнихъ своихъ предѣловъ, капитализмъ порождаетъ внутри себя злѣйшаго и непримиримѣйшаго своего врага—пролетаріевъ, которые и явятся могильщиками буржуазнаго общества. Послѣдовательные и убѣжденные приверженцы ортодоксальной точки зрѣнія совершенно

справедливо (въ предѣлахъ ихъ міровоззрѣнія) отрицаютъ какой-либо иной исходъ изъ гнетущей атмосферы современнаго общества, кромѣ соціальной революціи; и поэтому постепенное водвореніе соціализма путемъ соціальныхъ реформъ, залагающихъ еще въ условіяхъ капиталистическаго режима основанія новаго порядка вещей, признается послѣдовательными марксистами совершенно недопустимымъ. Изъ этого пониманія историческаго развитія, естественно, вытекаетъ доктрина классовой борьбы, въ ея специфически марксистской окраскѣ, предполагающая полную противоположность и непримиримость интересовъ буржуазіи и пролетаріата, доктрина, несомнѣнно, революціоннаго характера. Классовая точка зрѣнія, или точка зрѣнія пролетаріата это—другая характерная для марксистскаго міровоззрѣнія идея, характерная для него едва ли не болѣе, чѣмъ теорія развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ.

Обѣ эти идеи были тѣсно связаны между собою въ старомъ марксизмѣ временъ Коммунистическаго Манифеста. Непримиримо-классовая точка зрѣнія логически неизбѣжно вытекала изъ теоріи развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ, потому что формы и характеръ этого развитія въ построеніяхъ Маркса и Энгельса носили вполнѣ опредѣленный *революціонный* характеръ. Устанавливалось, какъ научное положеніе, что капиталистическое развитіе совершается путемъ кризисовъ, путемъ рѣзкихъ потрясеній всего общественнаго организма, обусловливаемыхъ экономическими причинами; предполагалось, что развитіе буржуазныхъ отношеній все болѣе и болѣе рѣзко разслояетъ общество на два непримиримо противоположные по своимъ интересамъ другъ другу класса: пролетаріатъ и буржуазію, растворяя и поглощая всѣ промежуточные слои; предполагалось, что матеріальное положеніе рабочаго класса все болѣе и болѣе ухудшается, и его жизненный уровень падаетъ все ниже и ниже. Естественно, что при такихъ перспективахъ экономическаго и историческаго развитія дѣйствительно устанавливалась полная противоположность и безусловная враждебность интересовъ буржуазіи и пролетаріата, естественно, что рабочій классъ, неуклонно подталкиваемый своимъ прогрессивно ухудшающимся матеріальнымъ положеніемъ и, лишаясь надежды улучшить его мирнымъ реформаторскимъ путемъ, все болѣе и болѣе проникался революціонными идеями соціализма, возлагалъ всѣ свои упованія на соціальную революцію и отдавалъ ей всѣ свои силы.

Однако, исторія въ значительной степени не оправдала надеждъ, возлагавшихся на нее авторами Коммунистическаго Манифеста. Развитіе производительныхъ силъ, хотя и пошло въ томъ самомъ направленіи, которое въ общемъ намѣтили Марксъ и Энгельсъ, но пошло далеко не съ той стремительностью, съ какой они разсчитывали, а главное, совсѣмъ не въ тѣхъ формахъ, какі

они устанавливали. Въ согласіи съ опредѣленными фактами экономической жизни, можно теперь уже болѣе или менѣе рѣшительно утверждать, что точка зрѣнія развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ все болѣе и болѣе теряетъ свой старый *революціонный* характеръ, все болѣе и болѣе становится *эволюціонной*, и съ этимъ обстоятельствомъ очень приходится считаться теперь современнымъ марксистамъ, приходится или замалчивать наиболѣе сомнительныя мѣста старой теоріи, или же прямо отмѣчать ея неправильности. Такъ, напримѣръ, можно считать совершенно отвергнутыми современнымъ даже ортодоксальнымъ марксизмомъ теоріи обнищанія и періодическихъ кризисовъ, какъ понимались они Марксомъ и Энгельсомъ, надо считать въ значительной степени поколебленной самую теорію соціальнаго крушенія, такъ какъ ея толкованія теоретиками современнаго «научнаго» соціализма грозятъ совершенно лишить ее того революціоннаго характера, какой придавали ей творцы Коммунистическаго Манифеста.

Правое крыло современнаго марксизма въ этомъ отношеніи наиболѣе послѣдовательно. Принимая во вниманіе, главнымъ образомъ, первое изъ разсматриваемыхъ положеній «научнаго» соціализма и усматривая, такимъ образомъ, весь смыслъ исторіи въ развитіи производительныхъ силъ, «ревизіонизмъ» не закрываетъ глазъ на несоотвѣтствіе формъ этого развитія, какія наблюдаются въ дѣйствительности, съ тѣми, которыя проектировались Марксомъ и Энгельсомъ. Признавая несомнѣнно эволюціонный характеръ этого развитія, «ревизіонисты» признаютъ негодными не только самые способы борьбы, диктуемые старой революціонной теоріей, но оставляютъ и самую революціонную фразеологію и въ своей практической дѣятельности ставятъ себѣ задачей мирную парламентскую работу, главный смыслъ которой они видятъ въ осуществленіи извѣстныхъ соціальныхъ реформъ, диктуемыхъ интересами хозяйственнаго развитія. Ревизіонисты не признаютъ безусловной противоположности и непримиримости интересовъ буржуазіи и пролетаріевъ; наоборотъ, устанавливая извѣстныя, имѣющія мѣсто въ дѣйствительности точки соприкосновенія въ извѣстные промежутки времени, отмѣчая нѣкоторую «гармонію интересовъ», хотя бы и преходящаго, мимолетнаго свойства, они выводятъ отсюда принципъ «сотрудничества классовъ» и тѣмъ оправдываютъ и объясняютъ свою законодательную дѣятельность въ парламентѣ. Наконецъ, самое понятіе: «пролетаріатъ» они понимаютъ обычно гораздо конкретнѣе и реалистичнѣе, чѣмъ марксисты правовѣрнаго толка, и разумѣютъ подъ нимъ рабочій классъ, какъ онъ есть, и что онъ изъ себя представляетъ въ каждомъ данномъ государствѣ и въ данный историческій періодъ. Позиція ревизіонизма поэтому безусловно не революціонна. Относясь скептически къ вопросу о соціальной революціи, равно какъ и къ самой ре-

волюціонной словесности, трактующей этотъ вопросъ съ извѣстной точки зрѣнія, они ставятъ своею задачею реформаторскую дѣятельность, направленную въ интересахъ широкихъ слоевъ рабочаго населенія.

Не то видимъ мы въ рядахъ большинства современныхъ соціалистовъ, стремящихся примирить теорію развитія производительныхъ силъ—теорію, все болѣе и болѣе рѣшительно признающую эволюціонный характеръ историческаго процесса,—съ революціонно-непримиримой классовой точкой зрѣнія. Не расходясь въ своей мирной и постепеновской парламентской тактикѣ съ бернштейніанцами и ревизіонистами, «революціонная соціалъ-демократія» считаетъ, однако, своимъ непремѣннымъ долгомъ дополнять эти мирные и вполнѣ легальные способы борьбы революціонными добавленіями чисто словеснаго характера, сводящимися обычно къ указаніямъ на конечную цѣль пролетаріевъ, несовмѣстимую съ буржуазнымъ обществомъ, и на самостоятельность и непримиримость классовой позиціи пролетаріата.

А между тѣмъ парламентская тактика является теперь однимъ изъ главныхъ методовъ борьбы соціализма.

Еще въ 1893 г. на Цюрихскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ послѣ удаленія анархистовъ и вообще неблагонадежныхъ съ этой стороны элементовъ было поставлено слѣдующее:

«Къ участію на конгрессахъ допускаются только соціалистическія партіи, которыя признаютъ необходимость организаціи рабочихъ и политической дѣятельности. Послѣдняя имѣетъ мѣсто тогда, когда рабочія партіи по мѣрѣ силъ пользуются своими политическими правами и существующими законодательными машинами, стремятся завоевать таковыя въ интересахъ пролетаріата, вообще стремятся къ завоеванію политической власти».

Съ тѣхъ поръ парламентскій соціализмъ въ короткій сравнительно промежутокъ времени сдѣлалъ огромные успѣхи, такъ что уже въ 1899 году соціалистическія партіи принуждены были считаться съ фактомъ участія соціалиста въ министерствѣ во Франціи.

Какъ извѣстно, этотъ фактъ не прошелъ безслѣдно не только для французскаго, но и для всего международнаго соціализма. Соціалистическая пресса усиленно забила отбой по всей линіи. Началась рѣзкая критика тактики «министеріализма», начались рѣзкія нападки и на Милльрана, и на оказывавшаго ему всякую поддержку и сочувствіе Жорэса, и на другихъ болѣе или менѣе видныхъ его приверженцевъ; дѣятельность Милльрана подверглась самому рѣшительному осужденію и порицанію, а впослѣдствіи вынесены были опредѣленныя резолюціи относительно недопустимости участія соціалистовъ въ «буржуазномъ» министерствѣ.

Ортодоксальный марксизмъ занялъ потомъ въ этомъ вопросѣ въ особенности непримиримую позицію; онъ рѣзко подчеркнулъ

свое отрицательное отношеніе къ «реформаторскимъ» и «министеріалистскимъ» принципамъ тактики, онъ всячески постарался отгородить себя отъ этихъ теченій, постарался снять съ себя всякое подозрѣніе если не въ пособничествѣ въ исторіи съ милльрановскимъ портфелемъ, то въ попустительствѣ.

Однако, перемѣщеніе позиціи влѣво зашло въ извѣстной части соціализма гораздо дальше, чѣмъ бы того хотѣла господствующая ортодоксальная школа. Анархистскіе и анархо-соціалистическіе ряды пополнились значительнымъ числомъ выходцевъ изъ нѣдръ парламентскаго соціализма, не ограничившихся одною лишь критикой милльрановской тактики, а подвергшихъ сомнѣнію правильность и законность современной тактики соціализма вообще и, прежде всего, участія соціалистовъ въ парламентской дѣятельности.

Поводовъ для такихъ сомнѣній уже и ранѣе было достаточно. Погоня за успѣхомъ въ смыслѣ количественнаго роста партіи, насчетъ качества составляющихъ ее членовъ, погоня за мѣстами въ парламентахъ привела западно-европейскій соціализмъ къ ряду неправильныхъ и двусмысленныхъ шаговъ, которые явились измѣною не только соціалистическимъ, но и демократическимъ принципамъ, которые дискредитировали соціализмъ и его парламентскую дѣятельность, и, явившись козыремъ въ рукахъ анархистовъ, если не обезпечили немедленный переходъ въ ихъ ряды значительной части сторонниковъ революціоннаго соціализма, то, во всякомъ случаѣ, создали для того благопріятное настроеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, еще въ 1885 году, когда кн. Бисмаркъ въ интересахъ колоніальной политики внесъ въ рейхстагъ предложеніе о субсидіи нѣкоторымъ пароходнымъ компаніямъ, часть членовъ парламентской фракціи германской соціалъ-демократіи, руководствуясь ближайшими и непосредственными интересами рабочаго класса, или, по крайней мѣрѣ, той его части, которая была живо заинтересована въ этомъ вопросѣ и въ значительной степени теряла заработокъ въ случаѣ отклоненія указаннаго законопроекта, не пожелала вотировать противъ него и отступила, такимъ образомъ, отъ принциповъ соціалистической программы.

Впрочемъ, и въ болѣе позднее время вопросы колоніальной политики разсматривались германскими соціалъ-демократами, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ. Вопросы обычно ставились такимъ образомъ, что отрицательное отношеніе и активное противодѣйствіе колоніальной политикѣ правительства, а слѣдовательно, распространенію и развитію капитализма разсматривалось, какъ реакціонная попытка задержать ходъ историческаго развитія, остановить колесо исторіи. Не позволяя себѣ поддерживать и одобрять мѣропріятія правительства въ его стремленіи захватить въ сферу своего политическаго и торговаго вліянія все новыя и новыя страны, не одобряя, разумѣется, завоевательной имперіалистской политики правительства, соціалъ-демо-

кратія, тѣмъ не менѣе, занимала въ этихъ вопросахъ нейтральную позицію, воздерживаясь отъ голосованія въ такихъ даже возмутительныхъ предпріятіяхъ, какъ посылка войскъ для «усмиренія» негровъ гереро. Кровавые ужасы и звѣрства, которые совершаются теперь тамъ германскими солдатами, совершаются, такимъ образомъ, съ молчаливаго согласія германскихъ соціалистовъ *).

Во французскомъ соціализмѣ особенно тягостное впечатлѣніе произвело, какъ уже упоминалось, пребываніе у власти Мильрана въ качествѣ министра торговли. Въ свое время руководители и вожди соціализма были застигнуты врасплохъ этимъ фактомъ, и на ряду съ горячими протестами противъ участія соціалистовъ въ «буржуазномъ» правительствѣ раздавались далеко не одинокіе голоса одобренія и поддержки. Даже парижскій международный соціалистическій конгрессъ выразился на этотъ счетъ въ достаточной степени, если не сочувственно, то уклончиво. Согласно резолюціи Каутскаго было признано, что *вопросъ объ участіи соціалиста въ министерствѣ не есть вопросъ принципа*, а представляетъ собою лишь извѣстный тактическій шагъ, который въ различныхъ странахъ и при различныхъ обстоятельствахъ можетъ быть признанъ, такимъ образомъ, допустимымъ. Безусловно правильное съ точки зрѣнія здраваго смысла, не противорѣчащее соціализму въ его общей формулировкѣ постановленіе это совершенно не согласовалось съ классовой точкой зрѣнія, и въ корнѣ противорѣчило тому непримиримо отрицательному отношенію къ современному «буржуазному» обществу, которое такъ рѣзко выражено въ теоретической части программы ортодоксальнаго марксизма. Оппортунистическій и компромиссный характеръ резолюціи выступалъ тѣмъ ярче, что въ одномъ кабинетѣ съ Мильраномъ участвовалъ и знаменитый Галифе, палачъ Парижской Коммуны.

Однако, указанныя здѣсь, особенно замѣтные, особенно бьющіе въ глаза случаи увлеченія парламентаризмомъ это лишь не болѣе, какъ яркіе и характерные примѣры общей парламентской тактики современнаго соціализма **).

---

*) Статья была уже написана, когда пришли извѣстія о распущеніи рейхстага, который имѣлъ смѣлость провалить проектъ Бюлова, относящійся къ колоніальной политикѣ. Соціалъ-демократы голосовали теперь вполнѣ опредѣленно противъ проекта. Имперіалистская завоевательная политика оказалась слишкомъ убыточной и не достигающей цѣли; не безъ вліянія остались, конечно, и „подвиги" войскъ, а потому большинство рейхстага, въ томъ числѣ и соціалъ-демократія, отвергло поддержку законопроекта. Голосованіе противъ въ настоящее время не извиняетъ, разумѣется, ранѣе уже допущеннаго соціалъ-демократами попустительства въ этомъ вопросѣ.

**) Любопытный матеріалъ даетъ на этотъ счетъ книга Домелы Ньювенгуиса «Соціализмъ въ опасности (Библіотека анархизма). Появившійся пока у насъ первый выпускъ—«Различныя теченія нѣмецкой соціалъ-демократіи» касается патріотическихъ, главнымъ образомъ, «увлеченій»

Опредѣленно-положительное отношеніе къ парламентской дѣятельности установилось въ средѣ большинства западно-европейскаго соціализма сравнительно недавно, 10 или 15 лѣтъ тому назадъ. Прежде, чѣмъ придти къ этому опредѣленному рѣшенію, соціализмъ долгое время колебался и не рѣшался открыто и опредѣленно стать на почву парламентской борьбы и занять въ этомъ вопросѣ ту рѣшительную и опредѣленную позицію, какую занимаетъ онъ теперь.

Въ свое время германскіе соціалъ-демократы горячо дебатировали вопросъ о допустимости и законности съ строго марксистской точки зрѣнія участія въ законодательной парламентской дѣятельности, и въ особенности, о законности и допустимости временныхъ соглашеній съ другими не соціалистическими парламентскими партіями въ цѣляхъ поддержки или отклоненія такого или иного законопроекта. Въ еще болѣе ранній періодъ самое даже участіе соціалистовъ въ рейхстагѣ было вопросомъ для германской соціалъ-демократіи, и анархисты еще до сихъ поръ ссылаются на Либкнехта, который тогда занималъ въ этомъ вопросѣ опредѣленно отрицательную позицію *). И хотя вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ тогда въ положительномъ смыслѣ, однако рѣшено было воспользоваться парламентомъ (въ данномъ случаѣ рейхстагомъ) исключительно, какъ трибуной для пропаганды соціалистическихъ идей, которая, кстати сказать, затруднена была тогда введеннымъ Бисмаркомъ малымъ осаднымъ положеніемъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что современная парламентская тактика соціализма установилась не сразу; послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній соціализмъ рѣшился, наконецъ, признать парламентскую борьбу своею главной и насущной задачей. Эти колебанія и сомнѣнія чрезвычайно важны и чрезвычайно характерны для исторіи современнаго соціализма; они отмѣчаютъ собою, какое препятствіе представляла изъ себя и какія преграды ставила соціализму

нѣмецкаго соціализма. «Книга Домелы Ньювенгуиса», говоритъ, между прочимъ, переводчикъ, «даетъ громадный матеріалъ». Важно отмѣтить, что, начатая критикующимъ (не въ кавычкахъ) соціалъ-демократомъ, она кончена анархистомъ. Въ ней еще нѣтъ отвѣта, что такое анархисты, но уже ясно указано, откуда они берутся (стр. 14).

*) Либкнехтъ предлагалъ, чтобы партійные депутаты вошли въ рейхстагъ лишь съ тѣмъ, чтобы заявить тамъ свой протестъ и затѣмъ удалиться оттуда.

„Какую же практическую цѣль имѣютъ наши рѣчи въ рейхстагѣ? писалъ въ свое время Либкнехтъ. Никакой. Но безцѣльныя рѣчи доставляютъ удовольствіе только сумасшедшимъ.

Пользы отъ этого никакой! Но за то много вреда: мы жертвуемъ принципомъ, мы обращаемъ въ игрушечный поединокъ серьезную политическую борьбу, мы создаемъ въ народѣ иллюзіи, будто Бисмарковскій рейхстагъ призванъ разрѣшить соціальный вопросъ.—И мы должны „изъ практическихъ соображеній“ участвовать въ парламентской дѣятельности. Но лишь предатель или слѣпецъ можетъ требовать этого отъ насъ (Мильо. „Германская соціалъ-демократія“, стр. 228).

его непримиримая *узко-классовая* позиція въ его стремленіи воспользоваться завоеваніями демократіи для осуществленія хотя бы ближайшихъ своихъ задачъ. А между тѣмъ препятствія эти, поскольку соціализмъ придерживается классовой пролетарской точки зрѣнія, существуютъ еще и теперь: они не уничтожены и не устранены современнымъ соціализмомъ, они лишь *обойдены* имъ по причудливой и извилистой кривой линіи.

Въ самомъ дѣлѣ, Коммунистическій Манифестъ, устанавливая необходимость организаціи классовой партіи пролетаріата и завоеванія имъ политической власти, не указывалъ, однако, опредѣленныхъ формъ этой организаціи и способовъ этого завоеванія. Не говоря ни да, ни нѣтъ относительно участія въ мирной парламентской работѣ Коммунистическій Манифестъ, тѣмъ не менѣе, рѣзко устанавливалъ противоположность и непримиримость интересовъ пролетаріата и буржуазіи и опредѣленно характеризировалъ современное государство, какъ орудіе угнетенія, какъ орудіе классоваго господства въ рукахъ буржуазіи. На примѣрѣ Мильрана, принявшаго участіе въ употребленіи этого орудія противъ рабочаго класса, было слишкомъ очевидно противорѣчіе между министеріалистской тактикой и классовой точкой зрѣнія. Однако, противорѣчіе это кроется во всякой парламентской дѣятельности соціалистовъ, и «министеріализмъ» слѣдуетъ разсматривать, лишь какъ крайній выводъ изъ общей парламентской тактики соціализма. Участіе соціалистовъ въ *законодательной работѣ*, ихъ тѣ или иные вотумы — въ согласіи ли съ другими не соціалистическими партіями, или же вполнѣ самостоятельно — безразлично, это — явленіе одной и той же категоріи, что и участіе Мильрана въ «буржуазномъ» министерствѣ. Это — вообще участіе соціалистовъ въ «буржуазномъ» *правительствѣ*.

Министерскій кабинетъ — исполнительная власть въ государствѣ — есть лишь часть общей государственной власти, и въ строго парламентскихъ странахъ она поставлена въ опредѣленно-подчиненное отношеніе къ власти законодательной, осуществляемой собраніемъ народныхъ представителей. Только въ абсолютныхъ монархіяхъ исполнительная власть является уже сама по себѣ правительствомъ и осуществляетъ функціи даже законодательной власти. Поэтому правительствомъ въ западно-европейскихъ государствахъ слѣдуетъ считать не одинъ лишь министерскій кабинетъ, а прежде всего и главнымъ образомъ парламенты, какъ органы выраженія народной воли, осуществляющіе законодательную власть и обусловливающіе въ большей или меньшей степени существованіе того или иного министерства и то или иное направленіе внутренней политики. Такимъ образомъ, если разсматривать государство, исключительно какъ орудіе классоваго господства, то надо признать, что орудіе это въ значительной мѣрѣ находится въ рукахъ представителей народа, въ рукахъ современныхъ парламентовъ. Участвуя въ пар-

ламентахъ и въ парламентской работѣ, соціалисты, слѣдовательно, принимаютъ участіе и въ осуществленіи государственной власти, въ частномъ случаѣ въ примѣненіи орудія классоваго угнетенія по отношенію къ пролетаріямъ. Подобно тому, какъ Миллранъ, находясь въ средѣ «буржуазнаго» министерства, морально содѣйствовалъ его престижу, точно такъ же соціалистическіе депутаты, засѣдающіе въ «буржуазныхъ» парламентахъ и принимающіе участіе въ ихъ законодательной дѣятельности, оправдываютъ своимъ участіемъ ихъ анти-пролетарскую классовую политику, покрываютъ ихъ преступленія противъ рабочаго класса, а главное—затушевываютъ ту непримиримую классовую позицію пролетаріата, которая устанавливается марксистской теоріей.

Современный западно-европейскій соціализмъ въ своемъ большинствѣ все болѣе и болѣе приближается въ *своей тактикѣ* къ правому своему крылу, къ практикѣ «реформизма» и «сотрудничества классовъ», хотя въ вопросахъ теоріи онъ продолжаетъ отстаивать революціонную классовую точку зрѣнія. Признавая эволюціонный характеръ историческаго процесса и разувѣрившись въ значительной степени въ успѣшности и дѣйствительности старыхъ («буржуазныхъ») методовъ революціи, онъ продолжаетъ повторять старыя схемы о непримиримости позиціи пролетаріевъ въ современномъ обществѣ, продолжаетъ словесно отстаивать революціонный характеръ своей дѣятельности. Чтобы сохранить свою идейную цѣлостность и логическую послѣдовательность, современный марксизмъ долженъ взвѣсить научную цѣнность обоихъ противорѣчивыхъ своихъ положеній—эволюціонной теоріи развитія производительныхъ силъ и революціонной непримиримо классовой точки зрѣнія—и обосновать свои тактическіе методы въ зависимости отъ исключенія того или другого принципа изъ теоретичеескихъ своихъ построеній. По всѣмъ признакамъ предпочтеніе будетъ отдано эволюціонному принципу развитія производительныхъ силъ, и анархисты окажутся правы въ своихъ обвиненіяхъ относительно измѣны классовой точкѣ зрѣнія.

Отмѣчая, такимъ образомъ, всю неправильность марксистской позиціи, отмѣчая колебанія и непослѣдовательность современнаго соціализма въ тактическихъ вопросахъ, мы не можемъ не указать на послѣдовательность проведенія анархистскими теченіями революціоннаго принципа непримиримости позиціи пролетаріевъ въ «буржуазномъ» обществѣ. Послѣдовательность эта, правда, весьма печальнаго свойства, ибо приводитъ къ извѣстнымъ практическимъ выводамъ, болѣе чѣмъ нежелательнымъ съ общественной точки зрѣнія,—тѣмъ не менѣе это все же—послѣдовательность, и съ этимъ обстоятельствомъ приходится считаться.

Какъ уже было указано выше, современный коммунистическій анархизмъ, особенно за послѣдніе годы, питался отъ марксистской трапезы. Однако, онъ воспринялъ изъ нея, главнымъ образомъ, ученіе о классовой борьбѣ во всемъ его упрощенно-марксистскомъ

видѣ, и сдѣлалъ изъ него свои крайніе выводы. Игнорируя совершенно характеръ и направленіе экономическаго развитія, игнорируя самые факты дѣйствительной жизни (тѣмъ болѣе, что ортодоксальный марксизмъ все еще продолжаетъ настаивать на совпаденіи экономическаго развитія со схемами марксистской теоріи), анархисты единственной своей задачей въ настоящее время ставятъ соціальную революцію и въ этомъ направленіи признаютъ лишь возможнымъ работать и дѣйствовать. Предполагая, что интересы пролетаріевъ и ихъ экономическое положеніе въ современномъ обществѣ неизбѣжно толкаютъ ихъ на путь революціи, предполагая, что развитіе капитализма въ достаточной степени уже разложило общество и въ достаточно рѣзкой формѣ противопоставило пролетаріатъ буржуазіи, анархизмъ естественно выводитъ отсюда необходимость немедленныхъ активно-насильственныхъ боевыхъ дѣйствій, какъ единичнаго, такъ и массового характера: «передовые отряды пролетаріата» должны теперь же начать атаку и открыть враждебныя дѣйствія въ качествѣ застрѣльщиковъ революціи. Горючій матеріалъ народнаго, въ частности пролетарскаго, недовольства долженъ воспламениться отъ искръ анархистскихъ покушеній, призывовъ къ бунтамъ и проповѣди всеобщей стачки.

Съ точки зрѣнія классовой борьбы, устанавливающей непримиримо революціонную позицію пролетаріата, врядъ ли можно оспаривать законность и правильность такого рода тактики и устанавливать по отношенію къ ней *принципіально* отрицательное отношеніе; марксисты могутъ лишь подвергнуть сомнѣнію вопросъ о допустимости этой тактики въ какой-либо *данный историческій моментъ*, о примѣненіи *въ извѣстныхъ политическихъ условіяхъ*. Насиліе есть повивальная бабка будущаго общества, говорилъ Марксъ, и вопросъ о самыхъ формахъ насилія слѣдуетъ считать второстепеннымъ, зависящимъ отъ условій мѣста и времени. Мы только что были свидѣтелями примѣненія всѣхъ этихъ методовъ борьбы ортодоксальными русскими соціалъ-демократами, примѣнительно, правда, къ «буржуазной» русской революціи, и международный соціализмъ не только не отлучилъ ихъ отъ церкви единоспасающей ортодоксіи, а, наоборотъ, всячески морально поддерживалъ и одобрялъ ихъ дѣйствія.

Итакъ, каковы же выводы? Слѣдуетъ ли признать, что анархистскіе методы борьбы являются болѣе правильными и законными, чѣмъ мирная реформаторская работа современнаго парламентскаго соціализма?

Мы попытались доказать въ настоящей статьѣ, что отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть только положительный. Не нужно забывать, однако, что въ своемъ изложеніи мы имѣли въ виду лишь соціалистическія и анархистскія теченія, стоящія на узко классовой

пролетарской точкѣ зрѣнія и цѣликомъ принимающія марксистское положеніе *непримиримо революціонной позиціи пролетаріевъ по отношенію ко всѣмъ другимъ классамъ общества.*

Всѣ эти выводы не касаются поэтому ни умѣреннаго «буржуазнаго» *) марксизма, скептически относящагося къ «непримиримо революціонной позиціи пролетаріата» и устанавливающаго свою тактику въ зависимости отъ направленія развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ, такъ и къ соціалистамъ не марксистскаго направленія, основывающимъ свое міровоззрѣніе не на интересахъ класса, а выводящихъ его изъ идеала совершенной и развитой человѣческой личности. Точка зрѣнія идеала предполагаетъ болѣе широкій базисъ, чѣмъ специфически пролетарскіе интересы и не устанавливаетъ враждебно непримиримой позиціи пролетаріата по отношенію *ко всѣмъ другимъ классамъ общества*; наоборотъ, связывая соціализмъ съ широкими трудовыми массами, съ громаднымъ большинствомъ трудящагося населенія—съ народомъ, она не только не отрицаетъ правильности парламентской дѣятельности, но и вмѣняетъ себѣ въ обязанность пользоваться органами и выразителями народной воли въ цѣляхъ осуществленія своихъ идеаловъ и проведенія плановъ переустройства общества.

Парламентаризмъ и парламентская дѣятельность представляютъ изъ себя въ настоящее время фактъ огромной исторической важности. Мы видимъ, что уже и теперь въ странахъ гдѣ парламентскій принципъ проведенъ наиболѣе правильно и послѣдовательно, демократія и соціализмъ пріобрѣтаютъ твердую почву для своей созидательной дѣятельности и получаютъ возможность проводить законопроекты, расчищающіе и подготовляющіе широкую дорогу соціалистическимъ принципамъ, и если теперь въ соціализмѣ усиливаются антипарламентскія и вообще анархистскія теченія, то это обстоятельство надо отнести, главнымъ образомъ, насчетъ схоластическихъ построеній ортодоксальнаго марксизма, упорно не желающаго отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ положеній, завѣдомо противорѣчащихъ дѣйствительности.

*) Если не ошибаюсь, въ соціалъ-демократической печати уже употреблялось такое на первый взглядъ неудобоваримое выраженіе. Съ классовой точки зрѣнія оно, однако, вполнѣ законно. Поскольку марксизмъ становится лишь на точку зрѣнія развитія производительныхъ силъ, онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность и дѣйствовать въ направленіи этого развитія, и, напр., въ странахъ съ недостаточно развитыми капиталистическими отношеніями онъ долженъ сочувствовать и по мѣрѣ силъ и возможности способствовать тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя направлены къ водворенію въ нихъ «буржуазныхъ» отношеній. Этого первороднаго грѣха умѣреннаго («буржуазнаго») марксизма не чужда въ значительной степени и «революціонная соціалъ-демократія». Въ качествѣ примѣра достаточно указать на «отрѣзочную» аграрную программу, выработанную на 2-омъ съѣздѣ русскими соціалъ-демократами, направленную «къ введенію деревни въ условія буржуазнаго общества».

Анархизмъ и анархистскія теченія будутъ имѣть смыслъ и право на существованіе лишь до тѣхъ поръ, пока марксистская теорія будетъ занимать господствующее положеніе, и по мѣрѣ ея ликвидаціи потеряютъ свое значеніе и анархистскіе изъ нея выводы.

Ликвидація же эта идетъ усиленнымъ темпомъ, ибо ортодоксія сама себя разрушаетъ...

Александръ Щепетевъ.

СНЫ.

Какъ осенью глухой
        Сырой туманъ съ рѣки,
Со дна души встаетъ
        Холодный мракъ тоски.
Я вижу въ грёзахъ сна
        И средь дневныхъ заботъ—
Весь въ ранахъ и въ крови—
        Родимый мой народъ.

Дѣтей голодныхъ смерть
        Подъ кровлей нищихъ хатъ...
И ужасъ мрачныхъ битвъ,
        И казней страшныхъ рядъ!
Мнѣ снится, въ темный склепъ
        Навѣкъ попали мы:
Стучимъ, зовемъ... Увы!
        Недвиженъ сводъ тюрьмы...

* *
*

А вамъ, на чьихъ рукахъ
        Святая кровь борцовъ, —
Вамъ посылаетъ Богъ
        Отраду мирныхъ сновъ?
Иль цѣлый міръ для васъ
        Кровавой мглой одѣтъ,

И сномъ, отраднымъ сномъ
Забыться силы нѣтъ?..

Насупился палачъ,
Какъ сытый, злой удавъ,—
Веревку надѣвать
На шеи жертвъ уставъ...
. . . .

* * *

Нѣтъ! Если ясный взоръ
Ты хочешь видѣть, братъ,
Войди, какъ тѣнь, какъ духъ,
Въ тюремный казематъ.
Вотъ дѣвушка... Взгляни:
Одна, въ тиши нѣмой,
Она проводитъ здѣсь
Ночлегъ послѣднiй свой.

Спокойный сонъ ея
Не потревожитъ страхъ:
Въ ланитахъ—жизни кровь,
Улыбка на устахъ.
И, чуть въ окнѣ тюрьмы
Заря блеснетъ,—взойдетъ
Съ улыбкою она
На грозный эшафотъ!..

* * *

Холодная змѣя
Мнѣ сердце обвила:
Жизнь—сумрачна, какъ смерть...
Лишь смерть, какъ жизнь, свѣтла!

П. Я.

Господинъ и госпожа Молохъ.

Романъ *Марселя Прево.*

Переводъ съ французскаго С. Б.

Если выѣхать изъ Карлсбада съ курьерскимъ поѣздомъ, то въ Штейнахѣ приходится ждать около часа, чтобы въ дилижансѣ добраться до Ротберга, главнаго города маленькаго княжества того же имени, на границѣ Тюрингіи и Франконіи. Зависитъ это отъ того, что карета, идущая въ Ротбергъ, забираетъ также пассажировъ изъ Эрфурта, а эрфуртскій поѣздъ приходитъ на три четверти часа позже штейнахскаго.

Сорока пяти минутъ болѣе чѣмъ достаточно для осмотра Штейнаха. Эта древняя столица княжества Ротбергъ-Штейнахъ находится подъ властью Гогенцоллерновъ съ 1866 г. Вблизи станціи выстроился уже новый городъ, съ каменными домами суровой прусской архитектуры, съ берлинскими модными магазинами, съ электрическимъ трамваемъ. Ниже, по берегу Роты, дремлетъ старый тюрингенскій городокъ съ аспидными крышами деревянныхъ домиковъ, съ ратушей XV вѣка и съ конной статуей маркграфа Людвига-Ульриха. Пріѣзжіе съ красными путеводителями въ рукахъ, какъ на богомолье, потянулись къ площади ратуши, чтобы взглянуть на жизнерадостное лицо маркграфа. Пруссаки, пренебрегая старымъ городомъ, гуляютъ по Кайзерштрассе, любуясь нео-національной архитектурой, электрическимъ трамваемъ и магазинами; а мѣстные жители не рискуютъ удаляться отъ станціи, гдѣ по столамъ, покрытымъ красными и синими салфетками, разносятъ недурное пиво.

Десять мѣсяцевъ пребыванія въ Ротбергѣ въ качествѣ воспитателя юнаго наслѣднаго принца вполнѣ ознакомили меня со вкусомъ настоящаго тюрингенскаго пива, и въ этотъ ясный, солнечный августовскій день первою моей заботой по выходѣ изъ вагона было усѣсться за столикъ въ залѣ...

Фрейлейнъ Кресценція Бингеръ, изъ-за конторки, привѣтствовала меня улыбкой: это была маленькая, очень худенькая особа, закутанная въ черное, вплоть до узенькаго бѣленькаго воротничка изъ поддѣльныхъ кружевъ. Она напоминала ночную птицу, со своими рѣдкими волосами, съ маленькимъ ротикомъ и съ глазами цвѣта жидкаго кофе. Она собственноручно поставила передо мной каменную кружку, въ оловянной оправѣ, облитую свѣтлой пѣной, сопровождая свое подношеніе долгимъ взглядомъ, говорившимъ, казалось: „Вмѣстѣ съ этой кружкой предлагаю вамъ и свою жизнь!“ И, въ самомъ дѣлѣ, я недавно думалъ,—поистинѣ французская самонадѣянность!—что фрейлейнъ Кресценція Бингеръ влюблена въ меня. Но эта иллюзія вскорѣ разсѣялась, когда однажды, войдя неожиданно въ залу, я засталъ эту молодую сентиментальную особу горячо обнимающею Herr Грауса, перваго гражданина въ Ротбергѣ, собственника виллъ Луфткурорта, т. е. мѣста климатическаго лѣченія, расположеннаго вблизи княжескаго дворца.

Пока я пилъ пиво, маленькая станція оживлялась шумомъ прибывавшей толпы. Фрейлейнъ Бингеръ, съ одинаковой улыбкой готовности отдать и себя въ придачу, разносила пиво другимъ гостямъ. Носильщики перевозили багажъ, съ разныхъ концовъ платформы перекликались голоса. Но вотъ поѣздъ ушелъ, пассажиры разсѣялись; любители пива, освѣжившись этимъ напиткомъ, покинули станцію. Я остался одинъ въ залѣ со своей начатой кружкой.

— Г. докторъ дожидается кареты изъ Ротберга?—прозвучалъ надо мной очаровательный (въ самомъ дѣлѣ, очаровательный) голосокъ фрейлейнъ Бингеръ.

Я отвѣтилъ, что жду не только кареты изъ Ротберга, но и поѣзда изъ Эрфурта, чтобы встрѣтить кой-кого изъ знакомыхъ.

— А г. докторъ ѣздилъ въ Карлсбадъ, чтобы приготовить помѣщеніе къ скорому переѣзду туда ея высочества?

На этотъ разъ я отвѣтилъ неопредѣленнымъ кивкомъ головы. Про себя же подумалъ: „Еще одна нескромность Грауса! Очевидно, онъ сообщаетъ своей подругѣ всѣ ничтожнѣйшія мелочи придворной жизни“.

Конторщица не настаивала на отвѣтѣ. Она, повидимому, погрузилась въ глубокое раздумье, и глаза ея, цвѣта жидкаго кофе, устремились въ пространство. Что она видѣла въ немъ? Прусскаго ли офицера, Грауса, или меня? Я не пытался разрѣшить эту загадку и, въ свою очередь, предался своимъ собственнымъ думамъ.

Было нѣсколько позже трехъ часовъ. Косые, тепловатые лучи солнца освѣщали желтую, подъ дубъ, стойку, отража-

лись въ оловянной оправѣ кружекъ, въ жидкихъ волосахъ кассирши и въ висѣвшемъ противъ меня зеркалѣ. Я взглянулъ въ это зеркало. Въ немъ я увидѣлъ молодого человѣка за кружкой пива. Одѣтый въ довольно изящный темносѣрый костюмъ, онъ казался не старше двадцати лѣтъ; но я зналъ, что ему уже двадцать шесть, ибо этотъ молодой человѣкъ былъ я самъ. Я оглядывалъ его съ любопытствомъ, какъ посторонняго. Молодой человѣкъ въ зеркалѣ сдѣлалъ строгую мину; но его юное съ правильными чертами лицо, обрамленное густыми волосами, голубые открытые глаза, ротъ, съ трудомъ сдерживавшій улыбку, выдавали его и насмѣхались надъ усиліемъ придать себѣ эту строгость.

„Луи Дюберъ,—говорилъ я мысленно этому ироническому изображенію, — почему это сегодня ваши мечты похожи на солнечный свѣтъ?.. Мой другъ, ваше положеніе совсѣмъ не такъ блестяще. Вы бѣдны, и бѣдны, какъ разъ послѣ того, какъ воображали себя богатымъ, что гораздо хуже. До прошлаго года вы были молодымъ парижскимъ буржуа, яко бы причисленнымъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ, и занимались для собственнаго удовольствія метафизикой и сочиненіемъ плохихъ стиховъ. Отецъ вашъ былъ солиднымъ финансистомъ, главою свекловичнаго рынка. Правда, онъ не особенно заботился о васъ и о вашей младшей сестрѣ Гритѣ. Это былъ свѣтскій финансистъ. Овдовѣвъ очень рано, онъ съ черезчуръ большимъ рвеніемъ принялся покровительствовать актрисамъ, но все же не отказывалъ вамъ ни въ чемъ, даже въ излишествахъ. Ваше пріятное безполезное существованіе и нѣжная привязанность къ Гритѣ дѣлали васъ счастливымъ.

„Но свекловица обманула финансиста, и онъ сразу потерялъ вмѣстѣ съ деньгами и жизнь. Гриту пришлось помѣстить въ пансіонъ при монастырѣ въ Вернонѣ, а сами вы остались очень довольны, когда, съ помощью министра, вамъ удалось получить мѣсто наставника принца въ глуши Германіи, съ окладомъ въ 5,000 марокъ въ годъ. Со времени этой катастрофы прошло едва десять мѣсяцевъ... Луи Дюберъ, смѣяться еще слишкомъ рано“.

И, какъ строгій учитель стучитъ линейкой по пюпитру, чтобы его ученики были внимательны и не смѣялись, я сталъ выколачивать изъ своей памяти всѣ грустныя воспоминанія, сваливая ихъ въ общую кучу. Однимъ изъ грустныхъ эпизодовъ въ моей жизни былъ мой пріѣздъ въ Ротбергъ предыдущей зимой. Это было на Рождествѣ... Сосны, буки и лиственницы въ долинѣ Роты цѣпенѣли подъ снѣжнымъ покровомъ; въ первый разъ поднимался я въ каретѣ Грауса на тѣ девять километровъ по берегу

рѣки, что отдѣляли Штейнахъ отъ Ротберга. Ѣхалъ я ночью, подъ страшнымъ вѣтромъ, какъ рыцарь лѣсного царя. Грустная ночь, противный вѣтеръ. Ужъ не тюрьма ли это страшное подземелье, куда въѣхала карета, освѣтивъ своими фонарями дворцоваго привратника, похожаго на тюремщика? И, попивая пиво фрейлейнъ Кресценціи Бингеръ, я испытывалъ удовольствіе, вспоминая привратника Кребса. Чтобы пропустить карету, онъ прижался къ стѣнѣ, и желтый свѣтъ фонарей обрисовалъ его толстую физіономію, съ сѣдой бородой, и ливрейное платье. И я увѣрилъ себя, что впалъ въ меланхолію.

Но самая непростительная жизнерадостность тотчасъ же запротестовала въ моей душѣ. Образъ дворцоваго привратника, едва возникнувъ, исчезъ, какъ дыханіе на зеркальномъ стеклѣ, и вмѣсто него представились мнѣ два граціозныхъ, хотя неодинаково прекрасныхъ женскихъ лица.

Мнѣ вновь стало ясно, что мнѣ двадцать шесть лѣтъ: что сегодня въ солнечный день, пріѣхавъ изъ Карлсбада, я сижу на вокзалѣ въ Штейнахѣ передъ кружкой пѣнистаго пива и жду поѣзда изъ Эрфурта. Невольно рука моя опустилась во внутренній карманъ моего пиджака, точно за доказательствомъ, что я имѣю право быть довольнымъ своей судьбой. Доказательствомъ служили два письма, и я тотчасъ же принялся ихъ перечитывать.

Въ первомъ, со штемпелемъ изъ Франціи, нацарапаннымъ мальчишескимъ почеркомъ, говорилось: „Счастье! радость! Ура! мой дорогой Волкъ, завтра я выѣзжаю въ Германію, въ страну твоего принца, и главное *къ тебѣ*, къ моему дорогому Волку. Я едва вѣрю, что это правда, что это будетъ завтра: я уложу настоящій чемоданъ, положу туда одно... нѣтъ, два чудныхъ платья! Пусть увидятъ эти ротбергцы, и принцъ, и ты, какія это платья!.. О чемъ я говорила?.. Да!.. Подумай, твоя Грита, живая и на яву, сядетъ завтра въ семь часовъ вечера въ поѣздъ и во вторникъ въ четыре часа очутится въ объятіяхъ своего дорогого Волка, взъерошитъ его великолѣпный проборъ, чѣмъ приведетъ въ ярость, будетъ дергать его за усы, бороться съ нимъ и разсказывать свою жизнь за десять мѣсяцевъ разлуки, потому что ты, я думаю, понимаешь, что о кучѣ вещей я не могла писать въ письмахъ. Просто ужасно, что я буду разсказывать тебѣ во вторникъ! Развѣсь свои волчьи уши. Ты тоже будешь говорить—разскажешь мнѣ обо всемъ, что видѣлъ, о новыхъ, необыкновенныхъ вещахъ... И напрасно ты пишешь мнѣ, что все очень скучно: во всякомъ случаѣ, веселѣе, чѣмъ дома, какъ говорила знаменитая основательница нашего института, мамаша Мэнтенонъ. Ура! ура! я увижу

Волка! А ты доволенъ? Не могу сказать, чтобы твое послѣднее письмо было очень длинно и интересно. Ты мнѣ пишешь о перемѣнѣ росписанія поѣздовъ. Мнѣ наплевать на все это, Волкъ, слышишь? Я хочу, чтобы ты, какъ я, съ ума сходилъ отъ радости, при мысли, что мы будемъ вмѣстѣ... Знаешь, очень мило со стороны твоего принца, что онъ разрѣшилъ тебѣ не жить во дворцѣ, пока я буду въ Ротбергѣ. На свободѣ мы съ тобой заведемъ чудное маленькое хозяйство. А если бы мнѣ пришлось жить во дворцѣ, хотя бы и съ тобой, то я всегда чувствовала бы себя немного пансіонеркой: вѣдь я не привыкла, какъ ты, быть при дворѣ... Боже, какъ я буду виснуть на тебѣ цѣлыя пять недѣль; ты и представить себѣ не можешь! Цѣлые мѣсяцы вдали отъ тебя были страшно тяжелы, гораздо тяжелѣе, чѣмъ то выражали мои письма. Я припоминала, какъ велико было мое счастье, когда мы видались каждый день! Какая я была дура! Я довольствовалась своимъ счастьемъ, нисколько не думая о томъ, какъ я счастлива!.. Право, я не знаю, что говорю тебѣ, я теряю нить. Это не то, что ты: какъ наставникъ принца, ты спокойно сообщаешь мнѣ росписаніе поѣздовъ и указываешь красивые пейзажи, видные изъ окна вагона! Я смѣюсь надъ пейзажами, Бедекеръ, съ волчьими ушами. Знай, между прочимъ (если тебѣ уже не писала объ этомъ директриса), что я ѣду до Эрфурта съ очень почтенными людьми изъ посольства, на ихъ попеченіи лежитъ уберечь твою Гриту отъ похищенія. А отъ Эрфурта я буду предоставлена самой себѣ: спутники мои ѣдутъ въ Дрезденъ, и отъ меня будетъ зависѣть, вмѣсто того, чтобы доѣхать до тебя, отдаться въ плѣнъ какому-нибудь прусскому генералу... Ты не встревоженъ немного? не ревнуешь? Раньше, до нашей разлуки, ты былъ ревнивъ!

Ну вотъ! Я люблю тебя, мой большой Волкъ, и цѣлую твой проборъ и твои глаза отъ всего сердца. Я прячусь въ твоихъ объятіяхъ, на твоихъ колѣняхъ, какъ когда-то, когда была совсѣмъ маленькой дѣвочкой. *Грита*".

P. S. Надѣюсь, что у твоего принца есть теннисъ?"

Имѣть сестру моложе себя на двѣнадцать лѣтъ, забавляться ею сначала, какъ живой куклой, потомъ быть товарищемъ ея игръ, защищать и руководить ею; а въ пору собственной цвѣтущей юности видѣть превращеніе ея въ молодую дѣвушку, разбираться въ чувствахъ, волнующихъ француза въ двадцать лѣтъ при мысли о женщинѣ, и оставаться спокойнымъ; испытывать цѣломудренныя объятія, ощущать ароматъ волосъ, видѣть нѣжный взглядъ глазъ и принимать это просто, со спокойною радостью,—вотъ рѣдкое наслажденіе, выпадающее на долю взрослыхъ братьевъ,

сумѣвшихъ сохранить нѣжную дружбу своихъ молоденькихъ сестеръ. Грита родилась въ 1890 году и совсѣмъ не знала нашей матери, скончавшейся въ 1896. Нельзя сказать также, чтобы она хорошо знала отца, проводившаго время преимущественно внѣ семьи. Такимъ образомъ, я одинъ оставался руководителемъ Гриты, вплоть до катастрофы, унесшей наше состояніе и нашего отца. Но за пользу, принесенную мною Гритѣ, я былъ вознагражденъ сторицею. Присутствіе этого чистаго существа помѣшало мнѣ, по отношенію къ женщинамъ вообще, проповѣдывать грубую и презрительную теорію моихъ современниковъ. Молодой, праздный, богатый и свободный, я, конечно, велъ въ Парижѣ далеко не монашескій образъ жизни. Тѣмъ не менѣе, я не держался того взгляда, что „всѣ бабы дуры", и что любовь—только простое тѣлодвиженіе. И въ сердцѣ моемъ, когда я уѣхалъ въ Германію, цвѣлъ маленькій голубой цвѣточекъ Франціи.

Пока я предавался этимъ воспоминаніямъ, пряча въ бумажникъ письмо Гриты, въ залу вошелъ желѣзно-дорожный служащій, совершенный солдатъ по виду и по платью; онъ провозгласилъ, что эрфуртскій поѣздъ идетъ съ опозданіемъ на семь минутъ. При этомъ онъ такъ угрожающе взглянулъ на нѣжную мумію, въ лицѣ фрейленъ Бингеръ, и на меня, точно предостерегалъ насъ отъ всякихъ претензій: прусскій поѣздъ имѣетъ полное право опаздывать, и на прусской линіи путешественники подвластны поѣзду, этой собственности императора. Фрейленъ Бингеръ приняла его заявленіе и взглядъ съ такимъ безразличіемъ, точно душа ея освободилась отъ всѣхъ земныхъ узъ. Что касается меня, то набѣгъ этого чина далъ мнѣ время успокоить душевную тревогу, поднявшуюся во мнѣ, когда я взялъ въ руки, послѣ письма Гриты, второе посланіе, тоже отъ женщины, но далеко не такой цѣломудренной.

Это второе письмо, болѣе длинное, было также написано по-французски, но болѣе размашистымъ и выписаннымъ почеркомъ нѣмецкаго характера, благодаря особой формѣ *r, m* и *a*: письмо состояло изъ четырехъ страницъ голубоватой бумаги, пропитанной легкимъ запахомъ духовъ и съ простой золотой короной, въ углу... Игра въ сентиментальную психологію всегда развлекала меня. Признаюсь, и не оправдываюсь,—удовольствіе отъ чтенія этихъ двухъ писемъ смѣшивалось у меня и также играло роль въ моемъ радостномъ настроеніи.

Это письмо было отъ третьяго дня изъ ротберговскаго дворца. Я получилъ его наканунѣ, въ Карлсбадѣ.

„Прошу васъ, мой другъ,—говорилось въ письмѣ,—вызвать передъ своими очами (очами цвѣта небесъ Франціи) укром-

ный уголокъ, гдѣ я люблю слушать вашъ голосъ, читающій мнѣ милаго Верлэна, Бодлэра, Октава Фелье и Жоржъ-Зандъ... Вы представляете себѣ этотъ уголокъ, неправда ли? Часъ ночи. Весь дворецъ спитъ. Тишина глубокая, даже немного страшно. Сейчасъ, приподнявъ занавѣску, я взглянула въ долину Роты; луна исчезла, но звѣздъ такъ много, особенно сверкаетъ наша Вега (Поглядите на Вегу, какъ только она взойдетъ, и представьте, что въ ней отражается мой взоръ). Въ тишинѣ глубокой долины слышно только журчаніе Роты, перескакивающей съ камня на камень. Противъ меня, въ окнахъ этого отвратительнаго курорта, свѣтятся еще кое-гдѣ огоньки...

«Въ эту минуту я отдала вамъ свою мысль. Спрячьте ее поскорѣе въ своемъ сердцѣ, какъ драгоцѣнный лепестокъ цвѣтка.

«Однако, думаете ли вы еще о нашемъ грустномъ и славномъ Ротбергѣ и о томящейся въ немъ плѣнницѣ, невольницѣ и своего ранга, и нѣмецкой вѣрности? Не смѣю этому вѣрить. Вы—молодой французъ, т. е. остроумное, очаровательное и... легкомысленное существо. Поѣздка въ Карлсбадъ для васъ — отпускъ школьника. Я увѣрена, что въ Карлсбадѣ вы много развлекались: вѣдь онъ наполненъ хорошенькими и легкомысленными существами. А французъ никогда не остается равнодушнымъ въ ихъ обществѣ.

«Я васъ дразню. Я несправедлива. Я васъ слишкомъ уважаю, чтобы допустить, будто опредѣленный образъ можетъ быть вытѣсненъ изъ вашего сердца первой попавшейся женщиной. Оно слишкомъ благородно, и въ васъ есть чувство серьезности вещей. Своимъ отсутствіемъ вы оказываете мнѣ услугу. Я рада, что именно вы выберете и устроите мнѣ мое будущее жилище: въ сентябрѣ, когда вы будете далеко отъ меня, вы легко себѣ представите, гдѣ я живу. (Впрочемъ, я устроюсь съ принцемъ, чтобы имѣть надобность въ васъ, хотя бы еще нѣсколько дней).

«Я увѣрена, что вы нашли мнѣ красивое гнѣздо. Не забудьте, чтобы при ванной комнатѣ былъ приборъ для согрѣванія бѣлья; мнѣ такъ этого недоставало въ прошломъ году въ Маріенбадѣ, гдѣ Берта принуждена была согрѣвать мое бѣлье надъ противной керосиновой печкой.

«Я слышу часового подъ моимъ окномъ, совершающаго свой обходъ. Его твердые и мѣрные шаги говорятъ мнѣ о безопасности и германской мощѣ, охраняющей мое одиночество. Но увы! Такая сила, такая безопасность уже не годится больше для моего спокойствія. Эту ночь, какъ и предыдущую, я буду спать плохо. У меня не будетъ сознанія, что недалеко отъ меня, въ этомъ огромномъ дворцѣ, живетъ мой

дорогой, завѣщанный моимъ происхожденіемъ, наслѣдственный врагъ. Онъ не защищаетъ меня отъ физическихъ опасностей, какъ сильный нѣмецкій часовой; но онъ умѣетъ далеко отгонять ужасную меланхолію, надвигающуюся на меня изъ глубины этой прекрасной долины, и разсѣивать размышленія объ условіяхъ моей жизни... О, дорогой мой поэтъ и учитель! Ваша ученица хочетъ сознаться вамъ, что она чувствуетъ себя одинокой вдали отъ васъ. И ей грустно думать, что въ теченіе долгихъ пяти недѣль, даже послѣ вашего возвращенія, вы не будете жить подъ ея кровлей.

«Я хожу на наши любимыя прогулки совершенно одна... въ Гриппштейнъ, въ лѣсъ Тиргартена, въ фазаній павильонъ. Пейзажи, такіе веселые и прекрасные, когда мы видѣли ихъ вмѣстѣ съ вами, утратили свою веселость и, мнѣ кажется, даже отчасти и красоту. Но что я говорю? Поистинѣ я забыла, кто я и кѣмъ должна быть! Должно быть, вы внушили мнѣ къ себѣ особенное довѣріе, если удостоились такихъ признаній! Гордитесь ли вы, по крайней мѣрѣ? Увѣрьте меня въ этомъ, чтобы мнѣ не было такъ стыдно передъ самой собой, и чтобы я не такъ на себя сердилась.

«Я жду отъ васъ письма завтра съ первой почтой. Ради Бога, пусть оно представитъ мнѣ *васъ* такимъ, какимъ вы бываете со мной, а не почтительнымъ чиновникомъ (какъ въ послѣднемъ полученномъ мною посланіи). Мой другъ, я пресыщена почтительностью. Я жила среди почтительности всю свою юность при дворѣ въ Эрленбургѣ; и опять встрѣтила эту почтительность въ Ротбергѣ, какъ владѣтельная принцесса, гдѣ всѣ меня почитаютъ, даже мой мужъ!.. Васъ, моего новаго подданнаго, я освобождаю отъ обязанности оказывать почтительность своей повелительницѣ и другу. Рѣшено? Итакъ, я получу, наконецъ, желанное письмо не отъ подданнаго, а отъ друга, такое письмо, которое другъ не рѣшится дать прочесть повелительницѣ?

«Тороплюсь запечатать это письмо. Быть можетъ, я изорву его, если перечитаю.

Эльза, принцесса фонъ-Ротбергъ».

«P. S. M-elle Больбергъ проситъ меня напомнить вамъ ея просьбу прикупить четыре маленькихъ стаканчика, не достающихъ въ моемъ ликерномъ сервизѣ. Она вновь сообщаетъ адресъ: Штинде, поставщикъ двора, Бергштрассе, 28.

«P. P. S. Можете себѣ представить: сегодня во дворцѣ я должна ужинать съ министромъ полиціи Дронтгеймомъ, съ его чудовищной женой и сестрой Фрикой. Съ Фрикой *перешли* всякія границы. Съ ней *прогуливались* вдвоемъ въ англійскомъ паркѣ. Представьте себѣ, сколько разъ въ эти

минуты мое сердце свободно билось исключительно для васъ!“

Потому ли, что какъ разъ передъ этимъ я прочелъ наивное письмо Гриты, второе посланіе я перечиталъ съ хладнокровіемъ и спокойствіемъ нотаріуса. Между тѣмъ, третьяго дня, когда я получилъ его въ Карлсбадѣ, оно нѣсколько опьянило меня. Я пустился въ плясъ на коврѣ своей комнаты въ отелѣ; затѣмъ сталъ внимательно разглядывать себя въ зеркало. Я почти съ нѣжностью оправилъ свои волосы и галстухъ и, наконецъ, рѣшилъ, что теперь все понятно, и у моей повелительницы недурной вкусъ... Француза въ двадцать пять лѣтъ приблизительно къ любви толкаетъ больше тщеславіе, чѣмъ разсудокъ или сердце. Въ то время, когда я уѣзжалъ изъ Франціи, я представлялъ себѣ, что въ моей жизни должно произойти что-нибудь замѣчательное, и вотъ, случай съ владѣтельной принцессой дѣйствительно замѣчательный!

Я легко увѣрилъ себя, что предчувствовалъ это приключеніе и нарочно берегъ себя для него. Въ тотъ день, когда въ Карлсбадѣ я получилъ это письмо, я, какъ школьникъ, цѣловалъ линіи буквъ слова „Эльза“ и фотографію на на моемъ столѣ, изображавшую „мою повелительницу“ въ коронѣ, съ голыми плечами, полуприкрытыми королевской мантіей. И мнѣ хотѣлось забыть, что эта фотографія сдѣлана лѣтъ десять тому назадъ.

Такъ я велъ себя въ своей комнатѣ въ отелѣ въ Карлсбадѣ послѣ цѣлаго дня, посвященнаго пополненію ликернаго сервиза и отысканію ванной комнаты. Сегодня, на вокзалѣ въ Штейнахѣ, за пять минутъ до пріѣзда моей сестры Гриты, подъ вліяніемъ какого-то чудеснаго ясновидѣнія, я разобралъ, проанализировалъ всѣ фразы второго письма. По нимъ я опредѣлилъ характеръ принцессы. Добра! О, олицетворенная доброта, неспособная сознательно причинить зло; кротость, уравновѣшенная черезмѣрной гордостью своего ранга (въ чемъ она не хочетъ сознаться) и страстнымъ нѣмецкимъ шовинизмомъ (отъ чего она также отрекается и что высмѣиваетъ въ принцѣ, своемъ супругѣ). Она одержима романтичностью и всевозможнымъ германскимъ сентиментализмомъ. Въ первый разъ я увидѣлъ, что она ничего не понимаетъ въ природѣ и смотритъ на нее глазами поэтовъ. Мнѣ и раньше казалось, что у нея нѣтъ такта, а теперь еще больше: порученіе прикупить стаканы, позаботиться о грѣлкѣ для бѣлья, тотчасъ же послѣ изліяній и признаній, ставило меня въ положеніе старшаго слуги.

И постъ-скриптумъ объ измѣнахъ принца и интригѣ съ m-elle Фредерикой Дронтгеймъ, приписанный въ концѣ, какъ

извинительное объясненіе всего тона письма, причинилъ мнѣ какое-то непріятное ощущеніе.

Но прочь анализъ: подходитъ поѣздъ изъ Эрфурта.

Уѣзжающіе и публика сдвинулись тѣснѣе. Я оставилъ деньги на скатерти возлѣ полуопорожненной кружки и, пославъ по адресу фрейлейнъ Кресценціи улыбку, возвращенную мнѣ, если можно такъ выразиться, сторицею, я также поспѣшилъ на платформу.

Начальникъ станціи Штейнахъ, въ красномъ мундирѣ съ галунами, похожій одинаково на портье изъ отеля и на боливійскаго генерала, серьезно, какъ полководецъ, дающій рѣшительное сраженіе, наблюдалъ за установкой трехъ чемодановъ и корзинки съ цыплятами.

„Грита,- думалъ я, вглядываясь въ лѣсистый горизонтъ, откуда сейчасъ долженъ былъ появиться поѣздъ,—Грита, сестра моя, мой маленькій ангелъ хранитель, конечно, только тебя одну я люблю“!

Неизвѣданная пучина сердца!—какъ говорили романтики. Въ то время, какъ я обращалъ къ Гритѣ эту усердную молитву, какой-то тайный голосъ протестовалъ у меня въ душѣ. И какъ иногда отшельники въ пустынѣ не могутъ дать себѣ отчетъ, добрый или злой геній нашептываетъ имъ въ уши, такъ и я не могъ разобрать, былъ ли то голосъ моей совѣсти, моего ли тщеславія или просто голосъ моего чувства.

„Неблагодарный!—говорилъ этотъ голосъ. Зачѣмъ отрицаешь ты другого ангела въ образѣ женщины, встрѣтившейся тебѣ здѣсь. Вспомни свои тревоги, когда ты въѣзжалъ въ ворота дворца! Вспомни свою возмущенную гордость въ присутствіи маіора, графа Марбаха и даже самого принца! Кто сдѣлалъ тебѣ жизнь сносной и даже пріятной, смѣло обнаруживая свое расположеніе къ тебѣ, тотчасъ же усвоенное раболѣпнымъ маленькимъ дворомъ, управляющимъ дворца, министромъ Дронтгеймомъ, должностными лицами, священникомъ? Безъ этого женскаго покровительства могъ ли бы ты вынести свое десятимѣсячное пребываніе въ Ротбергѣ? И къ тому же вѣдь этотъ ангелъ прекрасенъ. Быть можетъ, это свѣтило уже наканунѣ своего заката, но все же оно очаровательно, его такъ любитъ вся страна... Она нѣсколько не естественна въ своей сентиментальности, въ своемъ поклоненіи природѣ! Но развѣ ея присутствіе не украшало въ твоихъ глазахъ пейзажи, привлекавшіе ваше общее вниманіе? Ей недостаетъ такта? За то у нея искреннее сердце, и что оно дѣйствительно искренно, ты вѣдь это знаешь!.. Она нѣмка? Но развѣ ты можешь упрекать ее за любовь къ своей родинѣ, за уваженіе къ ея могуществу и успѣху, разъ это такъ на

самомъ дѣлѣ? Наконецъ, она любитъ тебя, и это главное. Такъ позволь же любить себя и не разсуждай такъ много надъ своимъ счастьемъ"...

Мнѣ показалось въ эту минуту, что августовское солнце ярче освѣтило зеленые холмы, окружавшіе маленькую станцію. Я окончательно предался радости жизни и рѣшилъ, чистъ-ли источникъ или нѣтъ, до конца испить бьющее изъ него ключемъ счастье. Вдругъ огромный локомотивъ вынырнулъ изъ ближайшаго тунеля. Онъ приближался къ станціи, и скоро весь поѣздъ остановился, гремя и скрипя цѣпями и колесами вагоновъ. Дверца одного изъ отдѣленій отворилась какъ разъ противъ меня, и Грита упала въ мои объятья.

То была минута опьяненія. Я поднялъ Гриту на воздухъ; она спрятала голову на мое плечо, и я чувствовалъ свѣжесть ея щеки на моемъ лицѣ, чувствовалъ и вдыхалъ всю ея юность, весь ароматъ этого дорогого существа. Когда я ее опустилъ на землю, она прошептала:

-- О, какъ хорошо!..

И, опять бросившись ко мнѣ на шею, стала цѣловать меня и чуть не сбросила шляпы съ моей головы. Затѣмъ, взявъ мою свободную руку (въ другой я несъ ея маленькую сумочку), она, оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, сказала:

— Ты по прежнему прекрасенъ, мой Волкъ! Изъ всѣхъ братьевъ моихъ подругъ, появляющихся въ дни свиданій въ нашей пріемной, никто не сравнится по красотѣ съ тобою... Да, сударыня,—продолжала она, обращаясь къ какой-то скромной бюргершѣ въ шляпкѣ цвѣта бежъ, шедшей рядомъ со своимъ супругомъ и вытаращившей глаза на двухъ иностранцевъ, такъ откровенно цѣловавшихся на народѣ.

— Да, мой братъ очень красивъ, гораздо красивѣе вашего противнаго супруга въ очкахъ!

— А ты,—сказалъ я, цѣлуя ея руку безъ перчатки,—ты самая очаровательная француженка, какая появлялась когда-нибудь въ Тюрингіи... Невыразимо пріятно видѣть такую, какъ ты, послѣ десятимѣсячной разлуки... Ну, какъ ты чувствовала себя въ дорогѣ?

— Великолѣпно... Знаешь, господинъ и дама, сопровождавшіе меня до Эрфурта, это—де-ла Куртельри, изъ посольства въ Петербургѣ, куда опредѣлилъ его твой бывшій министръ. Они немного снобы, скучные болтуны, но со мной были очень милы... Слушай еще...

Все это происходило на платформѣ среди суеты и шума людской толпы. Красный съ золотомъ начальникъ строгимъ взоромъ окидывалъ путешественниковъ, какъ плѣнниковъ послѣ только что оконченной битвы. У входа въ залу ужас-

ный вѣстникъ объ опозданіи поѣзда вырывалъ изъ рукъ пассажировъ билеты, точно провѣрялъ арестантовъ. Вдоль поѣзда раздавались короткія, военныя приказанія. Раздался сухой свистъ, поѣздъ дрогнулъ, заскрипѣлъ и отошелъ... Мы вошли въ вокзалъ, гдѣ стали ждать багажа.

— Зачѣмъ эти люди въ галунахъ въ Германіи производятъ столько шума,—спросила Грита,—вѣдь въ концѣ концовъ поѣзда у нихъ такъ же запаздываютъ, какъ и во Франціи. У насъ, по крайней мѣрѣ, это дѣлается откровенно.

— Все же, многое здѣсь гораздо лучше, чѣмъ во Франціи,—отвѣтилъ я догматическимъ тономъ.

Грита мелькомъ взглянула на меня. Ея прекрасные сѣрые глаза, сжатый ротъ и рѣшительное хорошенькое круглое личико изобразили гримасу. Мы ждали багажа среди дисциплинированной толпы. „Десять мѣсяцевъ назадъ, покидая Францію, думалъ я, я былъ поклонникомъ Германіи. Сегодня же, хотя я и не раздѣляю вывода Гриты, все же нахожу, что она отчасти права. Очевидно, мое восхищеніе Германіей не такъ ужъ слѣпо и полно. Многое въ ней оскорбляетъ мое латинское чувство мѣры. Царство силы прочно господствуетъ въ этой древней странѣ мысли“.

Стоя въ очереди, Грита была оттерта отъ меня пузатой дамой, съ огромной прической и въ соломенной шляпѣ съ лентами цвѣта бежъ. У моей хорошенькой сестрички не было такой шляпы на ея роскошныхъ каштановыхъ волосахъ. На ней былъ простой черный бархатный беретъ, укрѣпленный шпилькой съ головкой изъ лаписъ-лазури, подаренной ей мною еще въ дни нашего благоденствія. Ея худенькая талія, не стянутая корсетомъ, была опоясана простымъ лакированнымъ ремнемъ, бюстъ и бедра оставались свободными. На ней былъ простой дорожный костюмъ изъ синей саржи; шведскія перчатки, немного загрязнившіяся въ дорогѣ, за то изъ-подъ берета глядѣло очаровательное полудѣтское личико, покрытое, какъ персикъ, разоватымъ пушкомъ, съ прямымъ, маленькимъ носикомъ и съ яснымъ правдивымъ и открытымъ взглядомъ голубовато-сѣрыхъ глазъ. Мою сестру Гриту нельзя было не замѣтить. Она производила сенсацію.

„Это не болѣе, какъ французская пансіонерка, едва вышедшая изъ неблагодарнаго возраста,—думалъ я. А ея царственная граціозность уже произвела впечатлѣніе на этихъ тюрингинскихъ буржуа, хотя здѣсь также есть голубые глаза и масса золотистыхъ волосъ, окаймляющихъ милыя розовыя лица. Не есть-ли этотъ тонкій ароматъ женственности, что исходитъ отъ Гриты, свойство только латинской расы?“

Я выведенъ былъ изъ своихъ размышленій любопытсвомъ, вызванномъ во мнѣ дѣйствіями самой Гриты. Такъ какъ, по ея мнѣнію, все шло не такъ быстро, какъ ей хотѣлось, то она вышла изъ очереди и зашла за барьеръ, отдѣлявшій публику отъ багажа. Она сама отыскала свой чемоданъ, схватила за руку одного изъ носильщиковъ и, не стѣсняясь, на языкѣ Вольтера, приказала ему его взять.

Поразительно могущество юной женской граціи! Этотъ грубый носильщикъ, бородатый и грязный, послушно поднялъ чемоданъ и послѣдовалъ за торжествующей Гритой. И въ послушной толпѣ, ожидавшей своей очереди, никто не запротестовалъ. Только страшный глашатай опозданія поѣзда, замѣтивъ издали, что произошло что-то незаконное, направился къ нимъ; но загипнотизированный мужикъ, съ чемоданомъ на плечахъ, спустился уже съ лѣстницы и водрузилъ его въ экипажъ г. Грауса. Я поспѣшилъ предотвратить конфликтъ: догналъ суроваго служителя, указалъ ему на равнодушно глядѣвшую на него Гриту и произнесъ только одно слово:

— *Hofdienst.*

Человѣкъ съ красными обшлагами круто остановился, взглянулъ на меня, узналъ, посмотрѣлъ на Гриту и, смущенный ея открытымъ и властнымъ взглядомъ, сдѣлалъ подобіе поклона и, ворча, вернулся на свое мѣсто.

Hofdienst—магическое слово въ предѣлахъРотберговскихъ владѣній! Я убѣдился, что производимый имъ эффектъ простирается даже и за границы княжества, на прусскую территорію. „Hofdienst—служба при дворѣ“ объясняетъ лексиконъ. Но это объясненіе, вызывающее французское представленіе о прислугѣ, плохо выражаетъ нѣмецкій декоративный смыслъ этого слова. Никогда, однако, я не видалъ тираническій инстинктъ служащаго до такой степени парализованнымъ этимъ словомъ. Быть можетъ, въ приложеніи къ Гритѣ темному мозгу этого примитивнаго тирана представилось, что эта сверкающая юность сама принцесса.

— Какъ такъ случилось, г. докторъ,—произнесъ позади меня голосъ,—что за вами не выслали придворнаго экипажа?

Понадобилось прикосновеніе г. Грауса къ моему локтю, чтобы я понялъ, что его вопросъ дѣйствительно относится ко мнѣ. Десять мѣсяцевъ пребыванія въ Германіи не пріучили меня еще къ этому важному титулу, не соотвѣтствующему исполняемымъ мною обязанностямъ. Я обернулся и узналъ широкоплечую внушительную фигуру, съ багровымъ лицомъ и блестящей черной бородой.

Онъ поклонился съ нѣсколько иронической снисходи-

тельностью. Я протянулъ руку этому важному гражданину княжества, считавшемуся самымъ богатымъ послѣ принца. Я отвѣтилъ ему по-нѣмецки, что моя сестра и я разсчитываемъ доѣхать до Ротберга въ обыкновенной общественной каретѣ съ нимъ самимъ, если онъ только сдѣлаетъ намъ честь сѣсть рядомъ съ нами въ „свой рыдванъ". Я говорилъ недурно по-нѣмецки, такъ какъ выросъ на попеченіи одной преданной нашей семьѣ ганноверки. Но Граусъ не допускалъ возможности, чтобы французъ понималъ и правильно говорилъ на языкѣ Гете.

Онъ отвѣтилъ мнѣ по-французски. Говорилъ онъ, какъ берлинецъ, коимъ и былъ, т. е. необыкновенно медленно, довольно правильно и черезчуръ высокопарными фразами. Этимъ выспреннимъ французскимъ языкомъ онъ отвѣтилъ:

— Надѣюсь, барышня полюбитъ нашу прекрасную страну, съ ея романтическими горами и великолѣпнымъ княжескимъ замкомъ. Увѣренъ, что ей понравится Германія, и, вернувшись въ Парижъ, на его бульвары, она засвидѣтельствуетъ своимъ юнымъ подругамъ, что мы — не варвары.

Я считалъ лишнимъ поставить на видъ г. Граусу, что сестра моя не проводитъ время на парижскихъ бульварахъ и, сверхъ того, не разсчитывала встрѣтить въ Тюрингіи германцевъ временъ Арминія. Я спросилъ только (на этотъ разъ по-французски: я не упрямъ):

— Готовы ли наши комнаты, г. Граусъ?

— Да, господинъ докторъ. Я велѣлъ вамъ приготовить въ виллѣ Эльза помѣщеніе на правой сторонѣ перваго этажа. У васъ будутъ двѣ смежныя комнаты; одна окнами на площадь для вашей сестры, эта комната повеселѣе; другая — съ большой крытой террасой, съ видомъ на долину Роты, Тиргартенъ и дворецъ. Обставлены онѣ, конечно, не съ привычной для васъ придворной роскошью. Но видъ изъ нихъ еще болѣе живописный, чѣмъ изъ вашей комнаты во дворцѣ.

Нагрузка багажа на крышу кареты окончилась. Мы усѣлись. Кромѣ насъ двоихъ и Грауса, тамъ сидѣли еще дама въ шляпкѣ съ лентами цвѣта бежъ и ея мужъ, бѣлобрысый господинъ въ очкахъ. Граусъ шепнулъ мнѣ на ухо, что это чулочники изъ Саксоніи, пріѣхали искать отдохновенія въ курортѣ, потому что „супруга нѣсколько анематична". Я могъ бы поправить Грауса, сказавъ, что надо говорить анемична. Но поправлять всѣ ученыя слова г. Грауса (о чемъ онъ неустанно просилъ меня) казалось мнѣ неблагодарнымъ и непосильнымъ трудомъ; къ тому же это

отняло бы у его французской рѣчи ея наиболѣе живописный колоритъ.

Пара красивыхъ, сытыхъ франконскихъ лошадей рысью везла насъ по залитымъ солнцемъ бульварамъ и улицамъ Штейнаха. На козлахъ сидѣлъ юный кучеръ, почти мальчикъ, съ волосами цвѣта нечесанной пакли, одѣтый въ широкую, не по росту, ливрею. Увидѣвъ меня, онъ сдѣлалъ мнѣ привѣтливый знакъ. Это былъ Гансъ, молочный братъ моего ученика, наслѣднаго принца Негоціантъ въ золотыхъ очкахъ со своей супругой сидѣли въ глубинѣ кареты, противъ козелъ. Граусъ разговаривалъ съ ними, не уставая величать ихъ: „господинъ коммерціи совѣтникъ", и „милостивая супруга г. коммерціи совѣтника". Манія титуловъ,—чисто нѣмецкая манія,—сказалъ Генрихъ Гейне. Граусъ ни съ кѣмъ не могъ говорить, не пришпиливъ къ нему какого-нибудь титула. Самого себя онъ называлъ „господиномъ директоромъ", давая этимъ понять, что онъ управляетъ виллами, кургаузомъ, отелями курорта Ротбергъ, а слѣдовательно, и деревней, отчасти даже всѣмъ княжествомъ.

Грита помѣстилась у дверцы. Меня она усадила рядомъ и просунула свою маленькую ручку подъ мой локоть. Мы счастливы были сознаніемъ обоюдной близости. Наши глаза видѣли одни и тѣ же предметы. Сначала то были дома новаго прусскаго Штейнаха: новый бульваръ, улица Мольтке, Королевская улица. Массивныя, дорогія постройки въ большинствѣ были сложены изъ искусственнаго мрамора; болѣе недавнія—изъ гладкихъ каменныхъ плитъ, въ неуклюжемъ стилѣ, странной смѣси готическаго и рококо. Многочисленные и пестрые магазины занимали всѣ первые этажи. Хотя народу на улицахъ и было мало, какъ всегда лѣтомъ, тѣмъ не менѣе маленькіе вагоны электрическаго трамвая бѣгали взадъ и впередъ между вокзаломъ и предмѣстіями. По тротуару шли три офицера, затянутые въ свои голубые мундиры, гремя шпорами. Рѣдкіе прохожіе, мужчины и женщины, спѣшили посторониться при встрѣчѣ съ ними. Огромныя ломовыя дроги, нагруженныя бочками съ пивомъ, перерѣзали дорогу нашей каретѣ. Красиво запряженная викторія провезла богато одѣтую даму въ шляпкѣ Генсборо и въ платьѣ изъ шелковой тафты шанжанъ, блестѣвшей на солнцѣ. Двѣ молоденькія горничныя, на тротуарѣ съ корзинками въ рукахъ, прервали свой разговоръ, чтобы полюбоваться нашимъ экипажемъ. Вотъ и все, что представилъ намъ живописнаго новый нѣмецкій Штейнахъ въ этотъ яркій августовскій день.

Но вотъ мы миновали бульваръ и, проѣхавъ по болѣе узкой дорогѣ, очутились, наконецъ, на полукруглой пло-

щади, довольно плохо вымощенной и окруженной старыми домами древней тюрингенской архитектуры. Они были построены частью изъ дерева и промазаны красной глиной, какъ песокъ Роты, частью сверху до низу обложенныя шиферными плитами, съ крошечными окошечками въ этихъ плитахъ. Гансъ остановился у ратуши, гдѣ у Грауса было дѣло. Старинное коммунальное зданіе возвышалось своими тремя шпилями и разукрашеннымъ фасадомъ въ верхнемъ концѣ полукруглой площади. Низкая дверь и старинныя нѣмецкія пивныя, помѣщавшіяся въ первомъ этажѣ, уходили нѣсколько въ землю, благодаря постепенному пониженію почвы. Изъ одной пивной, куда входили по каменной лѣстницѣ, почти сравнявшейся въ троттуаромъ, неслись пѣсни студентовъ, проводившихъ здѣсь свое каникулярное время. Одинъ изъ нихъ появился на порогѣ, въ фуражкѣ и съ шрамомъ на веселомъ и открытомъ лицѣ... Площадь въ центрѣ была украшена конной статуей бородатаго человѣка, похожаго на почтеннаго деревенскаго жителя, несмотря на военный костюмъ. Это было изображеніе маркграфа Людвига-Ульриха, правившаго маленькимъ княжествомъ Штейнахъ въ концѣ XVII-го вѣка. Миролюбивый властелинъ скромнаго государства жилъ въ согласіи со своими сосѣдями, въ особенности съ ротбергскимъ княземъ, женившемся на его дочери. Такимъ образомъ, обѣ территоріи породнились, и Штейнахъ сталъ столицей Ротберга-Штейнаха. При Людвигѣ-Ульрихѣ въ Штейнахѣ не было ни улицы Мольтке, ни вокзала, ни воинственнаго памятника, ни электрическаго трамвая. За то это была свободная столица маленькаго свободнаго государства, а не отдаленный кусокъ Пруссіи... И когда совершались событія въ Марокко, посѣтители погребковъ подъ ратушей продолжали покуривать свои фарфоровыя трубки и поглощать свѣтлое или темное пиво, смотря по времени года и вкусу потребителя. Они были вполнѣ увѣрены, что марокккскій султанъ не помѣшаетъ имъ ни докурить трубку, ни допить пиво...

— Красивый уголокъ, — замѣтила Грита, указывая на площадь и ратушу.

Въ эту минуту Граусъ вернулся въ карету.

— Эта часть города должна казаться парижанкѣ очень некрасивой?—сказалъ онъ.—Но вы видѣли новый городъ у вокзала? Настанетъ день, когда весь Штейнахъ украсится каменными домами.

— Я нахожу эту площадь очень красивой, — повторила Грита.

— О!—отвѣтилъ Граусъ,—вы говорите это изъ французской вѣжливости, но думаете иначе.

Грита не удостоила отвѣтомъ. Карета двинулась быстро по узкимъ улицамъ стараго Штейнаха. Вскорѣ дома раздвились: показались виллы, дремавшія на солнцѣ, среди зеленыхъ садовъ. Открылась долина Роты и вокругъ нея живописные холмы, покрытые густою растительностью. Экипажъ остановился у какой-то хижины. Изъ окна женщина подала кучеру оловянную чашку, и каждый изъ насъ положилъ въ нее по нѣсколько пфениговъ: дорожная пошлина княжества. Этотъ обычай древности насмѣшилъ Гриту. Грасъ казался оскорбленнымъ, и отвернулся. Мы въѣхали въ владѣтельное княжество Ротбергъ. Дорога пошла вдоль Роты, имѣвшей здѣсь тихое и спокойное теченіе по руслу изъ краснаго песку. Лошади пошли шагомъ. Начался подъемъ въ девять километровъ.

II.

Въ Штейнахѣ Рота кажется благоразумной, обыкновенной рѣкой, довольной своимъ заключеніемъ въ каменистыхъ берегахъ, какъ жена бургомистра въ своемъ отелѣ. Даже уличнымъ мальчишкамъ, любителямъ наблюдать ее съ высокаго каменнаго моста, приходится продѣлывать различные опыты съ пробками, орѣховой скорлупой и кусками бумаги, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли Рота течетъ, а не есть стоячій прудъ, или даже рѣка, нарисованная розовыми красками по прихоти какого-нибудь штейнахскаго маркграфа той эпохи, когда маркграфы давали волю своей фантазіи. Рота, дѣйствительно, имѣетъ розовый оттѣнокъ, благодаря красной гранитной пыли, разносимой ея теченіемъ. Она вымываетъ эту тонкую пыль изъ голыхъ скалъ большихъ высотъ, гдѣ она выбивается еще бѣшенымъ потокомъ у древнихъ предѣловъ Тюрингіи за границами Ротберга на Ренштигѣ... По выходѣ изъ Штейнаха она сохраняетъ еще нѣкоторое время свой видъ благоразумной бюргерши на загородной прогулкѣ. Она не такъ неподвижна, какъ въ предѣлахъ города, и ускоряется съ достоинствомъ, между зелеными берегами, напоминающими сады. Метрахъ въ пятнадцати отъ города, вверхъ по рѣкѣ, стоитъ деревянный швейцарскій домикъ, окруженный небольшой рощицей. Весною оттуда несется запахъ сирени, варенаго картофеля и жареной телятины. Швейцарскій домикъ—мѣсто воскресныхъ увеселительныхъ прогулокъ штейнахской молодежи. Штейнахскія дамы также пріѣзжаютъ сюда цѣлыми десятками, чтобы на свободѣ попить маленькими глотками кофе и поболтать съ знакомыми, при чемъ говорятъ всѣ сразу, во-

кругъ столиковъ, покрытыхъ разноцвѣтными скатертями... Не было, однако, примѣра, чтобы настоящая штейнахская дама прошлась пѣшкомъ дальше швейцарскаго домика. Одни только студенты со своими подругами углубляются дальше въ своихъ сентиментальныхъ прогулкахъ вдоль теченія вновь съуживающейся за домикомъ Роты. И отсюда Рота, вѣроятно зная, что дамы изъ Штейнаха не пойдутъ дальше швейцарскаго домика, вдругъ начинаетъ прыгать черезъ камни и кучи деревьевъ, разбросанныхъ по ея ложу, взмывая кружевную пѣну и обнажая розовое подножіе скалъ. Мало по малу она затихаетъ, поднимается все выше и выше въ чащу буковъ, березъ, сосенъ и лиственницъ, и суровая зелень этой растительности, нависшая надъ скачущей съ шумнымъ говоромъ маленькой Ротой, представляетъ самый романтическій контрастъ въ мірѣ. Дорога подымается и становится все круче и круче. Мало по малу сама Рота среди этого суроваго пейзажа кажется суровой. Тѣнь отъ гигантскихъ стѣнъ скрадываетъ ея розовый цвѣтъ, и она дѣлается мрачнымъ потокомъ. Тамъ и сямъ на откосахъ; лѣсъ разрѣженъ вырубленными деревьями, и случайно разбросанные въ просѣкахъ голые стволы, лишенные вѣтвей, напоминаютъ гигантскую игру въ городки... Ни одного жилья. Гдѣ же люди? Дорога идетъ какъ разъ вдоль Роты. Прохожихъ мало; нѣсколько дровосѣковъ и крестьянокъ иногда брикъ изъ курорта, наполненный катающимися; порою проѣдетъ придворная карета, въ четыре лошади, спускаясь отъ дворца къ городу. Дикое и красивое мѣсто, способное взволновать душу до грусти, если бы не предчувствіе, что немного выше, когда поднимешься на вершину этихъ горъ, солнечный свѣтъ снова зальетъ долину, а маленькая Рота опять станетъ розовой, веселой и шумной. Пейзажъ безусловно овладѣваетъ нашей душой, какъ сказалъ какой-то швейцарскій психологъ. Слыхали ли когда-нибудь буки и лиственницы долины въ Роты томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка съуживается и течетъ въ тѣни, громкій смѣхъ и веселыя пѣсни? Своимъ глухимъ журчаніемъ Рота властно даетъ тонъ разговорамъ. Лѣсъ отвѣчаетъ тысячью таинственныхъ голосовъ. И этотъ разговоръ долины съ горами такъ внушителенъ, что людскіе голоса не смѣютъ мѣшать ему своими неумѣстными возгласами. Даже чулочникъ изъ Саксоніи со своей супругой на третьемъ километрѣ прервали свой любимый политическій разговоръ съ Граусомъ о томъ, удастся ли императору съ помощью католическаго центра обуздать всеобщую подачу голосовъ. Всѣ трое умолкли, какъ бы сконфуженные, и съ нетерпѣніемъ ждали болѣе подходящаго мѣста и обстановки для оспариванія случайно столкнув-

шихся интересовъ. Они такъ же подчинились вліянію пейзажа, хотя не понимали ни этихъ суровыхъ жалобъ, ни поэтической грусти окружающаго. Но Грита и я, тѣсно прижавшіеся другъ къ другу, умолкнувъ уже давно, хорошо понимали, о чемъ въ унисонъ съ Ротой роплалъ старый тюрингинскій лѣсъ.

„Что намъ до рейхстага, ландтага, католическаго центра, соціализма и соціалъ-демократіи?—говорили деревья.—Мы—старая Германія, мы видѣли Арминія, Барбаруссу, Лютера и Гете, проходившихъ по этой лощинѣ. И ото всего, что сдѣлали эти великіе люди, осталось одно только мимолетное воспоминаніе...“

— Ну-ну, Мошель!.. Ну, Говеръ!—понукаетъ кучеръ своихъ лошадей.

Мы шагомъ подвигаемся впередъ; Гансъ подбодряетъ лошадей то тихимъ посвистываніемъ, то ласковымъ прикосновеніемъ кончика хлыста къ ихъ крупамъ. Вдругъ, на одномъ поворотѣ солнце, какъ бы подстерегавшее насъ, показало свой плоскій германскій ликъ сквозь черныя вѣтви деревьевъ. Ура! Свѣтъ упалъ каскадомъ по непрерывной лѣстницѣ хвойныхъ вѣтвей. Вотъ животворящій свѣтъ добрался и до насъ. Онъ задѣлъ золотую кокарду на лакированной шляпѣ Ганса, зажегъ звѣзды въ очкахъ саксонскаго чулочника, смягчилъ голубые глаза его супруги и развязалъ языкъ Граусу.

— Wunderschön!—сказалъ онъ, обращаясь къ четѣ, любезно согласившейся съ его мнѣніемъ. Затѣмъ, обратившись къ намъ, проговорилъ по-французски:

— Барышня, вѣроятно, не привыкла къ такому дикому мѣстоположенію? Оно наводитъ грусть и угнетаетъ сердца молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Но въ Ротбергѣ вы увидите пейзажъ, болѣе красивый и совершенно спокойный, веселый для глазъ и для души.

— Моя грусть меня не огорчаетъ,—отвѣтила просто Грита.

Граусъ покраснѣлъ, точно Грита сдѣлала какую-то неловкость. Онъ перемѣнилъ разговоръ и сталъ обращаться только ко мнѣ.

— На виллахъ вы застанете много пріѣзжихъ, г. докторъ. Въ ваше отсутствіе понаѣхала публика со всѣхъ концовъ имперіи, даже изъ-за границы. Тамъ теперь, какъ разъ рядомъ съ вами на виллѣ „Эльза“, очень знаменитый, всемірно извѣстный человѣкъ, съ женою... Да, человѣкъ, всемірно извѣстный,—повторилъ директоръ курорта, довольный новымъ словомъ, увеличившимъ коллекцію его французскихъ выраженій.

Онъ тотчасъ же перевелъ его по-нѣмецки обоимъ буржуа, слушавшимъ его съ разинутыми ртами.

— Всемірная извѣстность, настоящая всемірная извѣстность, г. профессоръ Циммерманъ изъ Іены!

— Этотъ великій ученый, — продолжалъ по-французски содержатель отелей, —читаетъ біологическую химію и химію взрывчатыхъ веществъ въ іенскомъ университетѣ. Барышня, вѣроятно, не знаетъ, что Іена только въ ста километрахъ на сѣверъ отъ Ротберга? Это всемірный ученый, въ родѣ вашего Пастера, но еще болѣе онъ философъ. Его философія... впрочемъ... вы понимаете... философія ученаго... человѣка, живущаго среди цифръ и химеръ... далекаго отъ практичесной жизни... Но въ Германіи химерическія мечтанія философовъ не имѣютъ значенія; ибо у насъ есть правительство и солдаты, составляющіе противовѣсъ людямъ философскихъ фантазій. Этотъ профессоръ родомъ изъ деревни Ротбергъ, раскинувшейся у подножія замка. Онъ родился въ 1846 году въ домѣ сапожника: его отецъ занимался этой профессіей. И только теперь онъ вернулся на свою родину... Онъ провелъ очень безпорядочную молодость, и даже (Граусъ наклонился ко мнѣ, точно хотѣлъ повѣдать государственную тайну) имѣлъ ссору съ покойнымъ принцемъ Конрадомъ, отцомъ нынѣ царствующаго принца Отто.

Онъ опять заговорилъ по-нѣмецки, обратившись на этотъ разъ къ саксонской четѣ. Грита не слушала... Она оглядывалась по сторонамъ. Сдѣлавшись снова капризной, рѣка скакала на двѣсти футовъ подъ нами, обдавая пѣной розовыя скалы. Какъ театральныя кулисы раздвигаются и открываютъ глубину сцены, такъ мало по малу раздвигались уступы горъ, и за ними уже чувствовался широкій пейзажъ, готовый открыться передъ нашими глазами.

— Красиво,—сказала мнѣ Грита,—я довольна.

Ея маленькая ручка сжала мою, точно я былъ художникомъ-декораторомъ прекрасной природы, и меня слѣдовало благодарить за нее; я радовался довольству Гриты, и пейзажъ получилъ для меня прелесть новизны, отразившись въ ея очахъ: я было пересталъ замѣчать его. Между тѣмъ, мой разсѣянный слухъ, помимо желанія, улавливалъ подробности о профессорѣ Циммерманѣ и о ссорѣ его съ покойнымъ принцемъ Конрадомъ, о чемъ Граусъ все еще разсказывалъ саксонцамъ... Такимъ образомъ, я узналъ, что профессоръ когда-то учился въ Іенѣ, что во время войны 1870 г. онъ получилъ докторскую степень. Онъ храбро дрался въ войскахъ кронпринца; но, по заключеніи мира, подобно своему начальнику, вернулся къ своему очагу съ отвращеніемъ къ войнѣ и ея ужасамъ. Дѣятельный и краснорѣчивый, онъ въ этомъ

уголкѣ Тюрингіи былъ представителемъ немногочисленной партіи, протестовавшей противъ захвата Эльзаса и Лотарингіи, вѣчной причины политическихъ недоразумѣній между двумя народами.

Съ наивной безтактностью, такъ часто поражающей насъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ нѣмцахъ, Граусъ, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, продолжалъ:

— Не изумительно ли, г. коммерціи совѣтникъ, что этотъ человѣкъ, причастный къ славѣ и объединенію имперіи, поносилъ правительство императора, народныя рѣшенія, и всюду, гдѣ принцъ Конрадъ заявлялъ о своемъ согласіи съ имперскими идеями, пытался съ нимъ спорить? Между тѣмъ, принцъ Конрадъ былъ правитель, преданный своему маленькому народу: онъ сумѣлъ сохранить независимость Ротберга. И благодаря тому, что Ротбергъ связанъ узами дружбы съ великимъ императоромъ, на его землѣ никогда не было ни одного иностраннаго гарнизона. Всѣ солдаты, всѣ офицеры нашего войска родились во владѣніяхъ принца. У насъ сохранилась еще любопытная привилегія, какъ въ Баваріи: свои почтовыя марки!.. Принцу, наконецъ, надоѣлъ этотъ противникъ, единственный на памяти обитателей ротберговскихъ владѣній... Циммермана объявили врагомъ имперіи, врагомъ принца и всего общества. Ему запретили преподаваніе въ Штейнахѣ; жизнь его вышла изъ круга законной защиты... И вотъ, тогда-то онъ переселился въ Гамбургъ, гдѣ и прославился серьезными работами по химіи и біологіи... Онъ печаталъ научные и философскіе труды; но, повѣрьте мнѣ: его наука гораздо выше его философіи!.. Какъ ни какъ, онъ сталъ знаменитъ. Его лекціи самыя многолюдныя въ Іенѣ. Съ другой стороны, говорятъ, что онъ выдумалъ какое-то взрывчатое вещество такой силы, что достаточно небольшого количества въ орѣшекъ, чтобы взорвать всѣ французскіе форты отъ Туля до Вердена. Но онъ не хочетъ передать свое открытіе военному министру... все изъ-за своей утопической фантазіи о мирѣ и братствѣ народовъ... Не знаю, зачѣмъ онъ въ этомъ году пріѣхалъ въ Ротбергъ? Когда онъ мнѣ написалъ, чтобы я приготовилъ ему одну изъ моихъ виллъ, я, естественно, прежде всего сообщилъ объ этомъ принцу Отто. Принцъ тотчасъ же далъ согласіе на его пріѣздъ, въ надеждѣ, что годы смирили прежняго Циммермана, и пожелалъ выразить ему свое благоволеніе. Тотчасъ же во всѣ большія газеты Германіи и Европы была послана телеграмма объ этомъ благоволеніи принца Отто. Вотъ какимъ образомъ,—закончилъ Граусъ, обращаясь къ Гритѣ снова по французски,—барышня на виллѣ Эльза будетъ имѣть сосѣда, ежедневно изготовляющаго химическіе препараты и динамитъ.

Въ эту минуту лошади добрались до прямой дороги. Гансъ остановилъ ихъ, чтобы дать имъ время отдохнуть, а намъ и себѣ самому—полюбоваться видомъ, открывшимся послѣ труднаго полуторачасового подъема.

Передъ нами была долина Роты, протекавшей въ этомъ мѣстѣ въ глубокой лѣсистой лощинѣ футовъ на сто ниже насъ. Вдоль ея бурливаго теченія деревня Ротбергъ раскинула въ лощинѣ свои аспидныя крыши. Лощинѣ чудно соотвѣтствовали вершины окружающихъ горъ. По краю дороги, гдѣ отдыхали наши лошади, блестѣли бѣлыя виллы курорта, а дальше, на высотѣ виднѣлся громадный, массивный дворецъ желтоватаго цвѣта, прорѣзанный сотней оконъ и съ небольшой колокольней на крышѣ. Все это замыкалось необъятнымъ полукругомъ горъ, поросшихъ дѣвственной чащей. Заходящее солнце волшебно расположило свѣтъ и тѣни сквозь вѣтви огромныхъ деревьевъ.

— О, Волкъ!—прошептала, прижимаясь ко мнѣ, Грита,— какъ очаровательна эта страна!.. И какъ хорошо будетъ любоваться всѣмъ этимъ съ тобой наединѣ.

Гансъ щелкнулъ языкомъ. Мошель и Говеръ тронулись спокойной рысью, и карета тихо покатилась по высокой дорогѣ, по направленію къ вилламъ. Намъ встрѣчались гуляющіе изъ курорта: нарядно одѣтыя толстыя дамы, молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ пикейныхъ платьяхъ, студенты, съ палками, въ фетровыхъ шляпахъ, съ котомками за плечами, веселые, загорѣлые, потные. Шли бѣлокурые, нѣсколько полысѣвшіе мужчины, съ толстыми физіономіями и съ зачесанными кверху свѣтлыми усами, держа соломенныя шляпы въ рукахъ. Проѣхала почтовая карета, большой желтый экипажъ, украшенный чернымъ орломъ, съ кучеромъ военнаго вида. Граусъ привѣтствовалъ орла съ большой аффектаціей. Кое-гдѣ по краю дороги были разставлены скамейки, чтобы любоваться пейзажемъ. Вдругъ г. Граусъ съ таинственнымъ видомъ тронулъ Ганса за рукавъ и, когда лошади пошли шагомъ, онъ приложилъ палецъ къ губамъ, подмигнулъ и указалъ намъ на чету стариковъ, расположившихся на одной изъ скамеекъ.

Старуха, видимо, выше ростомъ своего спутника, была одѣта въ широкую темно-зеленую юбку съ такой массой складокъ, что казалась въ кринолинѣ; на ней былъ черный фартукъ изъ тафты, отороченный рюшемъ. Корсажъ—тоже изъ черной тафты, а на шеѣ—маленькій кружевной воротничекъ, спускавшійся спереди въ видѣ дѣтскаго нагрудника. Черный тюлевый чепчикъ, скромно украшенный вишнями, покрывалъ ея волосы, переходнаго желтаго цвѣта сѣдѣющихъ волосъ блондинки. Какое очаровательное личико, должно

быть, обрамляли эти волосы въ ту пору, когда они были бѣлокурыми, потому что даже сама старость не уничтожила его привлекательности: изящный овалъ, бѣлизна безъ оттѣнка блѣдности; едва замѣтныя морщинки, глаза цвѣта незабудокъ, изящный носъ и еще красныя губы. Тонкая круглая талія еще держалась прямо. Въ правой рукѣ у нея былъ цвѣтокъ, поглотившій вниманіе ея спутника; другая рука была въ его правой рукѣ... Онъ, наоборотъ, былъ поразительно похожъ на макака, переодѣтаго человѣкомъ. Изъ-подъ высокой шляпы съ плоскими полями, по обѣ стороны лица выбивались густыя пряди бѣлоснѣжныхъ волосъ. Худое, нѣсколько нескладное, обезображенное, быть можетъ, только годами, тѣло облечено было въ широкій черный редингот. Лицо цвѣта стараго пергамента было невѣроятно сморщено и подвижно; маленькіе живые черные глазки такъ быстро двигались, что зрачки, казалось, безостановочно вращались въ глазныхъ орбитахъ. Этотъ удивительный старикъ говорилъ что-то съ одушевленіемъ, точно сердился. Свободной рукой онъ, будто, указывалъ какія-то особенности растенія; другою нѣжно сжималъ руку своей спокойной и внимательной подруги.

— Mademoiselle, — сказалъ Граусъ, тихо наклоняясь къ Гритѣ, — вы видите передъ собой одного изъ величайшихъ динамологовъ Германіи.

„Динамологъ“? подумалъ я. „Что хочетъ сказать этотъ педантъ? Ахъ, да... *Dunamis, dunaméos... logos, logou...* Химія взрывчатыхъ веществъ“...

Я давалъ Гритѣ это грамматическое объясненіе, когда на вершинѣ уклона дороги появилось облако пыли. Гансъ быстро направилъ свой экипажъ въ сторону. Два всадника, со свитой изъ пяти или шести человѣкъ, спускались къ намъ крупной рысью. На одной изъ переднихъ лошадей я узналъ коренастую фигуру принца Отто, съ краснымъ лицомъ и кверху закрученными усами. Рядомъ съ нимъ выдѣлялся высокій худой силуэтъ гофмейстера, графа Марбаха. Кавалькада, поднявъ тучу пыли, проскакала мимо нашего экипажа. Мы поклонились. Граусъ сдѣлалъ попытку закричать „ура!“, но возгласъ его затерялся въ топотѣ копытъ. Старикъ и старуха не тронулись съ мѣста. Склонившись надъ растеніемъ, они продолжали наблюдать его.

— Замѣтили?—воскликнулъ Граусъ по нѣмецки, обращаясь къ саксонцамъ, когда наша карета опять двинулась впередъ...—Докторъ съ женой даже не поклонились принцу!

— Schaendlich! (позоръ)—воскликнули вмѣстѣ чулочникъ и его супруга.

— Этотъ докторъ,—продолжалъ Граусъ,—злопамятный и

мстительный человѣкъ. Меня увѣряли, что онъ страшно недоволенъ телеграммой о благоволеніи принца, напечатанной въ европейскихъ газетахъ!.. Но принцъ обуздаетъ его, повѣрьте мнѣ, обуздаетъ!

И, сжавъ кулакъ, Граусъ сдѣлалъ движеніе, точно вколачивалъ неподдающійся гвоздь.

Ротбергъ, даже въ Курортѣ, владѣніяхъ Грауса, избавленъ пока отъ роскошной архитектуры новѣйшей Германіи. Граусъ мечтаетъ, правда, построить гигантскій отель „въ стилѣ древнихъ тюрингенскихъ жилищъ". Своимъ гостямъ онъ показывалъ проектъ одного берлинскаго архитектора, согласившагося выразить на бумагѣ его желаніе: тюрингинская хижина, увеличенная до размѣровъ столичнаго вокзала. Когда онъ показалъ проектъ мнѣ, я замѣтилъ, что то, что годится для хижины, можетъ совершенно не годиться для дворца. Онъ предположилъ, что я говорю изъ зависти. Но, слава Богу! Граусъ не выполнилъ еще плана берлинскаго архитектора. Виллы Курорта представляютъ маленькіе нѣмецкіе оштукатуренные домики, съ хорошенькими деревянными балконами, съ названіемъ каждой виллы на главной двери готическими буквами. Только у въѣзда въ Курортъ возвышается массивный фасадъ зданія имперской почты изъ тесаннаго камня, съ тяжелыми окнами и монументальной дверью, въ артистическомъ вкусѣ императора, разсчитывающаго на подражаніе ему во всѣхъ концахъ имперіи.

Наше помѣщеніе на виллѣ Эльза состояло изъ двухъ комнатъ. Комната Гриты выходила на дорогу, расширенную въ этомъ мѣстѣ, на манеръ площади. Моя—выходила на крытый балконъ, откуда видна была вся долина и дворецъ. Я хотѣлъ помочь Гритѣ распаковать чемоданъ, но она заявила, что я ничего въ этомъ не смыслю, и приказала сѣсть на стулъ и не мѣшать ей. Я наблюдалъ съ нѣжнымъ любопытствомъ, какъ она вытаскивала изъ ящика одну за одной части своего немногочисленнаго пансіонскаго гардероба, простого, дешеваго и безъ всякихъ украшеній. Чтобы „меня не сконфузить," какъ она заявила, она прибавила къ нему какіе-то остатки нашего прежняго величія. Два платья, упомянутыя въ ея письмѣ и теперь разложенныя передо мной, и были этими остатками нашего „прежняго благополучія". Внѣ пансіона она ихъ передѣлала по модѣ, съ помощью богатой подруги, дѣвицы Гранже, дочери директора промышленнаго банка. Обновленныя, эти платья еще имѣли элегантный видъ.

— Ты не узнаешь бѣлаго платья?.. Ну, какъ же, Волкъ?

Это то, что я надѣвала на бѣлый балъ въ австрійскомъ посольствѣ, полтора года тому назадъ! M-me Гранже возила меня вмѣстѣ со своею дочерью. А ты, помнишь, пріѣхалъ за нами, потому что я хотѣла, чтобы ты видѣлъ меня во всемъ блескѣ?.. Вотъ это свѣтло-сѣрое мнѣ сдѣлала Эмери къ рождественскому обѣду, не къ прошлому Рождеству, а раньше. Послѣднее Рождество было очень грустно для твоей Гриты, мой Волкъ; она была такъ одинока.

И, болтая, она развѣшивала свои платья въ шкафахъ своей комнаты, покрывая ихъ кисейнымъ чехломъ.

— Знаешь, если бы мы были вмѣстѣ, — я не горевала бы, что мы обѣднѣли,—продолжала она.—Но подумать, что бѣдность для меня значитъ—десять мѣсяцевъ въ году сидѣть взаперти, а для тебя — ссылка въ глушь Германіи,— это ужъ слишкомъ! Я не хочу, чтобъ такъ продолжалось; я я ужъ постараюсь объ этомъ.

Это „я постараюсь объ этомъ“ было, конечно, смѣшно въ устахъ четырнадцатилѣтней дѣвочки. Но почему-то мнѣ не хотѣлось смѣяться. Въ этомъ дѣтскомъ голосѣ, пожалуй, слышалось предопредѣленіе судьбы?

„Неужели, думалъ я, дѣйствительно настанетъ день, когда я покину Ротбергъ... чтобъ больше въ него не возвращаться?“

Что-то сжалось при этой мысли въ моемъ сердцѣ, что-то такое, что будто заглохло со времени пріѣзда Гриты.

Окончивъ уборку, Грита сдѣлала нѣсколько прыжковъ по комнатѣ, какъ имѣла обыкновеніе дѣлать послѣ каждой серьезной работы, и потомъ обратилась къ своему изображенію въ зеркалѣ:

— Моя маленькая Грита, вы не очень безобразны, но черезчуръ запачканы. Ваше платье лицо и волосы покрыты франконской пылью и вестфальскимъ углемъ. Поторопитесь привести себя въ порядокъ!

Съ этими словами она прыгнула ко мнѣ на колѣни.

— А вы, господинъ Волкъ, освободите мою комнату. Черезъ полчаса вы поцѣлуете Гриту чистенькую, какъ новая марка!

Она легко спрыгнула на полъ, довела меня за руку до двери моей комнаты и затворила ее за мной.

Я воспользовался одиночествомъ, чтобы также нѣсколько привести себя въ порядокъ. Едва я началъ, какъ ко мнѣ постучали. Вошелъ дворцовый слуга, въ зеленой ливреѣ, въ сапогахъ и поясѣ изъ желтой кожи, въ зеленой фетровой шляпѣ съ фазаньимъ перомъ и со стальной звѣздой на рукавѣ.

Съ большой почтительностью онъ мнѣ подалъ два пись-

ма, съ придворными штемпелями. Я узналъ почеркъ своей повелительницы и своего ученика.

— Отвѣта не надо, - сказалъ посланный и удалился.

Въ конвертѣ принцессы была карточка съ короной и припиской: „Добро пожаловать“ по нѣмецки, и по французски: „Разсчитываю на свой урокъ завтра въ девять часовъ утра“.

Юный принцъ, менѣе сдержанный, писалъ мнѣ:

„Дорогой господинъ Дюберъ! Я очень радъ привѣтствовать васъ по возвращеніи. Надѣюсь, вы хорошо проѣхались. Въ ваше отсутствіе я читалъ *Eviradnus*. Мнѣ это очень нравится. Но я соскучился по васъ. Какъ я счастливъ, что увижу васъ завтра. Мнѣ не позволили сегодня быть у васъ, иначе вы уже видѣли бы меня у себя, и я познакомился бы съ вашей сестрой. Кланяйтесь ей отъ меня.

Весь вашъ Максъ“.

„Никто не станетъ отрицать, что это прилежные ученики“, подумалъ я... „Да и самъ толстякъ съ закрученными кверху усами не такъ ужъ страшенъ, какимъ хочетъ казаться“.

Окончивъ туалетъ, я вышелъ на террасу. Глазамъ открылся обширный и далекій амфитеатръ лѣсовъ, въ тысячу разъ больше Колизея. Арену этого цирка представлялъ огромный лугъ, покрытый нѣжной, еще весенней зеленью, несмотря на позднее лѣто. По лугу текла Рота, то огибая высоты, то струясь по травѣ. У моихъ ногъ спускъ падалъ отвѣсно къ этому изумрудному ковру и былъ усаженъ лиственницами. Ближайшія деревья задѣвали своими верхушками полъ моей террасы. И этотъ лѣсистый склонъ, гдѣ по краю пропасти прилѣпились виллы, тянулся до дворца, поддерживая сначала дорогу, а потомъ дворецъ, построенный на самой высокой его точкѣ. Дворецъ представлялъ не болѣе, какъ большую казарму XVIII вѣка, украшенную небольшой монастырской колокольней. Онъ сохранилъ внушительный видъ, благодаря мѣстоположенію и величинѣ своихъ размѣровъ. Другіе, менѣе крутые спуски шли отъ далекихъ вершинъ въ изумрудную долину амфитеатра. Какъ разъ противъ меня возвышался огромный холмъ, густо поросшій деревьями и съ Ротой у своего подножія. Это былъ Тиргартенъ, убѣжище дикихъ козъ, гдѣ находился и дворцовый птичникъ. Направо, по теченію излучистой и сверкающей Роты, пріютился маленькій городокъ Литцендорфъ, невидимый съ моего мѣста, но онъ угадывался по обработаннымъ участкамъ земли, прорѣзывавшихъ темную лѣсную чащу.

„Граусъ правъ: нигдѣ нѣтъ такого чуднаго вида, какъ

здѣсь. Уединенное положеніе дворца кажется величественнымъ!..“

Между тѣмъ, эта сторона фасада наиболѣе мрачная, наиболѣе напоминаетъ казарму. Ее прорѣзываютъ двадцать одно окно, расположенныя въ два правильные ряда. Шестое окно второго этажа закрыто ставней: это окно моей комнаты, гдѣ меня не будетъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Три послѣднихъ окна перваго этажа приковали мой взоръ, и я пересталъ замѣчать остальныя: это окна интимнаго будуара и уборной принцессы Эльзы. Я различалъ оранжевыя шторы и старинныя занавѣси, связанныя изъ толстыхъ нитокъ, полуприподнятыя въ эту минуту, а черезъ окно уборной видѣлъ овальное зеркало на туалетномъ столѣ. Вся эта интимная женская жизнь, куда я въ теченіе десяти мѣсяцевъ мало по малу проникъ, охватила мои воспоминанія, и мнѣ казалось, что легкій вѣтерокъ, поднявшійся, какъ всегда, при закатѣ солнца съ рѣки, донесъ до меня знакомый ароматъ смѣшанныхъ духовъ. Каждый день, при пробивающемся сквозь занавѣси желтоватомъ свѣтѣ, я вдыхаю ихъ въ часы чтеній и бесѣдъ, или при звукахъ никогда не надоѣдающей мнѣ увертюры къ „Парсифалю“, когда принцесса садится къ роялю и играетъ исключительно для меня. Сердце мое сжалось сладостнымъ чувствомъ, точно я слышалъ дружескій призывъ. Я упрекалъ себя, что, съ пріѣзда Гриты, я какъ бы стыжусь признать другомъ женщину, живущую въ этой надменной царской тюрьмѣ.

„Развѣ моя нѣжная благодарность къ этому другу отнимаетъ что-нибудь у моей привязанности къ Гритѣ? Почему не отдаться двойной радости присутствія этихъ двухъ женщинъ? Будемъ наслаждаться прелестью настоящаго, будемъ наслаждаться прекраснымъ пейзажемъ, чуднымъ свѣтомъ, временемъ года, молодостью, нѣжной слабостью женщинъ...“

Кто не испытывалъ въ двадцать пять лѣтъ этого стремленія къ жизни, къ жизни, полной всѣми радостями, дозволенными и недозволенными вмѣстѣ? Южный жаръ крови опьяняетъ молодой мозгъ, и мы представляемъ себѣ міръ очаровательной и легкой добычей для нашего развлеченія... Донъ Жуанъ, Ловеласъ, де-Каморъ... Ихъ жизнь, побѣдившая всѣ предразсудки, казалась мнѣ въ эту минуту идеаломъ. И я не былъ бы молодымъ парижскимъ буржуа, тронутымъ иноземной культурой, если бы въ ту минуту не преклонился передъ Заратустрой...

— Ку-ку,—пропѣлъ за мною голосъ.

Руки Гриты закрыли передо мной на мгновеніе долину, замокъ и призракъ сверхъ-человѣка.

— Какъ ни какъ,—сказала она, освобождая мои глаза,— а у твоего принца красивыя владѣнія.

Она также заглядѣлась на огромную, глубокую котловину, на покрытый лѣсомъ амфитеатръ, на замокъ, умѣстившій на выступѣ косматаго холма, на воздѣланныя поля Литцендорфа и на розовое, готовое померкнуть небо... Наступилъ дивный часъ въ этихъ лѣсистыхъ и горныхъ мѣстахъ Германіи, часъ, когда свѣтъ и тѣни, чередуясь въ спускающейся линіи деревъ, постепенно окутываютъ ихъ прозрачной дымкой. Изъ Тиргартена выскочила козуля, потомъ еще одна, потомъ цѣлое стадо... Поднявъ свои граціозныя головки въ сторону вѣтра и шума, онѣ осторожно стали подвигаться по зеленому ковру: длинныя, косыя тѣни ихъ казались на длинныхъ ниточкахъ, вмѣсто ногъ. Стадо спустилось на водопой къ рѣкѣ и потомъ разсѣялось по долинѣ, пощипывая траву. Я взглянулъ на Гриту. Она надѣла свое свѣтло-сѣрое платье. На террасахъ Грауса никогда не появлялось болѣе очаровательной фигурки, съ такимъ румянцемъ и съ такими ясными глазами!.. Далеко, далеко, въ двухъ предпослѣднихъ окнахъ дворца спустили занавѣси и зажгли лампу.

Рука Гриты скользнула подъ мой локоть, и все ея гибкое тѣло прильнуло ко мнѣ.

— Волкъ, — прошептала она, — скажи мнѣ, что это — не сонъ, что я дѣйствительно здѣсь, возлѣ тебя, въ Тюрингіи!.. Тюрингія! Если бы ты зналъ, какъ это имя ласкаетъ и волнуетъ меня. Оно мнѣ кажется волшебнымъ, должно быть, оттого, что, когда я была маленькой, то читала чудныя сказки о Тюрингіи. Была одна сказка объ угольщикѣ. Онъ промѣнялъ у дьявола свое сердце на каменное, и сталъ злымъ, злымъ... А потомъ объ одной маленькой дѣвочкѣ. Она пошла собирать траву, а на встрѣчу ей попалась старуха и увела ее въ свою хижину. Тамъ она держала ее взаперти такъ долго, такъ долго, что, когда дѣвочка вышла на волю, ея сестры и братья были уже старыми стариками. Тюрингія... Я представляла ее себѣ всю въ горахъ и лѣсахъ, гдѣ живутъ феи и духи, а въ замкахъ—вооруженные рыцари, закованные въ латы... И вотъ, я въ дѣйствительности увидѣла здѣсь горы, лѣса, замокъ... настоящая Тюрингія моихъ грезъ... Только, мнѣ кажется, нѣтъ больше ни духовъ, ни фей, ни вооруженныхъ рыцарей, закованныхъ въ латы... Скажи, Волкъ, какая теперь Тюрингія? Она вся подъ властью твоего принца?

— Слушай, дѣвочка, — отвѣчалъ я, — а главное, не задавай мнѣ сразу столько вопросовъ... Представленіе, составленное тобою о Тюрингіи, почти точно: ты находишься

въ сердцѣ древней Германіи, и Тюрингинскій лѣсъ въ своихъ глубокихъ чащахъ таитъ столько же легендъ, сколько и Рейнъ на своихъ отягченныхъ виноградниками берегахъ. Желѣзный законъ объединенной имперіи, конечно, многое измѣнилъ здѣсь со временъ угольщика Петера съ каменнымъ сердцемъ. Вооруженные люди и теперь существуютъ въ Тюрингіи, но они промѣняли свои стальныя каски на кожаныя, хотя эта перемѣна не оказала никакого вліянія на ихъ мозги. Они, какъ и въ средніе вѣка, думаютъ, что нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ всадить въ животъ мечъ... Наоборотъ, духи и феи ненавидятъ міровую политику, имперіализмъ, Flotten verein и статьи „Сѣверо-Германской Газеты". Они покинули всю сѣверную часть Тюрингіи, сосѣднюю съ Пруссіей, и потому слишкомъ прусскую, и охотно поселились въ Южной части, близь Франконіи и Баваріи. Говорятъ, что любимымъ мѣстомъ ихъ сборищъ служитъ нынѣ старая римская дорога по гребню Тюрингинскихъ горъ, Ренштигъ. Я покажу тебѣ эту древнюю дорогу, она проходитъ близко отъ Ротберга, по этимъ горамъ, противъ насъ. Она точно указываетъ линію, раздѣляющую страну на Германію грубой силы на сѣверѣ и на Германію поэзіи и мысли на югѣ. Знаменитый поэтъ воспѣлъ ее и для твоего, и своего собственнаго удовольствія; въ этотъ разъ, когда ты увидѣла тюрингенскій лѣсъ при закатѣ солнца, будетъ кстати прочесть тебѣ стансы Виктора фонъ-Шеффеля о Ренштигѣ.

Юная воспріимчивость Гриты не была глуха къ поэзіи, и она терпѣливо выслушала стансы. Когда я кончилъ, она снова спросила меня:

— Въ такомъ случаѣ, Волкъ, мы находимся на хорошей сторонѣ Ренштига, гдѣ собираются духи и феи, а не на прусской сторонѣ?

— Да, дитя: Ротбергъ, дѣйствительно, уголокъ легендарной Германіи. Эти косматыя горы, эта зеленая долина, этотъ красноватый потокъ долгое время были убѣжищемъ таинственныхъ духовъ, хранителей старой Германіи. Въ старой крѣпости, замѣненной этимъ замкомъ, жилъ нѣмецкій король, отравленный черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего избранія. Какъ и полагается средневѣковому королю, онъ былъ съ длинной бородой и закованъ въ латы. Позднѣе въ замкѣ жилъ менѣе варварскій принцъ, Эрнстъ, обратившій его въ пріютъ философіи и поэзіи. Въ Ротбергѣ были и принцессы поразительной красоты и граціи напримѣръ, Марія-Елена. Изъ-за любви къ ней одинъ видный офицеръ сталъ дезертиромъ и погибъ. Но Эрнстъ и Марія-Елена, хотя и перемѣнили

свое желѣзное одѣяніе на шелковое, все же были еще изъ старой Германіи...

— А теперь?—спросила Грита.

— Теперь, мое сокровище, княжество управляется весьма современнымъ правителемъ, хотя и рожденнымъ по сю сторону Реннштига, но получающимъ лозунги изъ Берлина. Этотъ принцъ правитъ Ротбергомъ съ 1800 жителей, Литцендорфомъ, промышленнымъ центромъ съ 3000, и еще 2000 жителей, разсѣянныхъ по лѣснымъ хижинамъ. Дружба Вильгельма I съ отцомъ нынѣ царствующаго принца дала возможность Ротбергу сохранить тѣнь самостоятельности: свои солдаты изъ мѣстныхъ жителей; свои почтовыя марки съ изображеніемъ императора Гунтера въ каскѣ... Но царствующій принцъ Отто только и думаетъ, какъ бы устроить свои владѣнія по образу Пруссіи. Онъ усвоилъ у своего господина манеру зачесывать кверху усы, такъ же любитъ сенсаціонныя телеграммы, питаетъ страсть къ мундирамъ... Ты его увидишь, узнаешь маленькій дворъ, дисциплинированный наподобіе прусскаго: маіоръ Марбахъ, пруссакъ по происхожденію, графъ Липавскій, управляющій дворцомъ, баронъ Дронтгеймъ, министръ полиціи и начальникъ всей администраціи; архитекторъ, священникъ, органистъ,—не считая предсѣдателя суда, засѣдающаго въ Литцендорфѣ, и различныхъ менѣе значительныхъ чиновниковъ. Весь этотъ маленькій оффиціальный мірокъ поддѣланъ подъ прусскій, по шаблону господина, или, лучше сказать, его дворянчиковъ. Духи же и феи, какъ извѣстно, презираютъ дворянчиковъ. Вотъ почему на территоріи Ротберга ты ихъ не встрѣтишь болѣе, развѣ только пойдешь гулять при лунѣ на Реннштигъ.

— А твой ученикъ, маленькій принцъ, хорошій мальчикъ?—спросила, помолчавъ, Грита.

— Это ребенокъ съ очень хорошей натурой, но съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ гнѣву и жестокости, полученному отъ предковъ. Онъ склоненъ къ скрытности,—естественное послѣдствіе воспитанія маіора Марбаха въ духѣ грубой прусской военной дисциплины. Ко мнѣ, долженъ сказать, онъ относится очень мило.

— А принцесса?

Я отвѣтилъ не сразу, очень довольный, что темнѣющія сумерки скрыли выступившую на моихъ щекахъ краску.

— Принцесса,—сказалъ я,—происходитъ изъ стариннаго рода Эрленбурговъ... Она образована и хорошо говоритъ по французски...

Въ эту минуту на сосѣдней съ нами террасѣ послышались шаги. Грита перестала меня слушать.

— Посмотри,—шепнула она,—господинъ Молохъ!

Я взглянулъ: маленькій старичекъ, видѣнный нами на скамейкѣ, въ своемъ черномъ рединготѣ и въ цилиндрѣ теперь устремлялъ свои бѣгающіе глазки въ долину.

„Почему это Грита назвала его Молохомъ?—подумалъ я...—Ахъ, да. Динамологъ—по опредѣленію Грауса. Грита упростила названіе".

— Его зовутъ не Молохъ,—сказалъ я, смѣясь,—а профессоръ Циммерманъ.

Она не отвѣтила. Въ эту минуту на балконѣ, въ свою очередь, появилась старая дама, одѣтая на этотъ разъ въ красивое темно-коричневое шелковое платье. Свою длинную, цвѣта старой слоновой кости, руку она опустила на балюстраду, рядомъ съ морщинистой и дрожащей рукой своего мужа.

— А вотъ и госпожа Молохъ,—прибавила Грита.

III.

Принцесса читала вслухъ:

„Это умиротвореніе души, это наслажденіе покоемъ,—ихъ любовь не должна допускать. Ея усилія, наоборотъ, должны быть направлены къ тому, чтобы возвышать любимаго человѣка, по крайней мѣрѣ, держать его на одномъ уровнѣ съ собой, поддерживать союзъ тѣмъ, что дѣлаетъ его тѣснѣе, единственнымъ, что дѣлаетъ его дѣйствительнымъ: равенствомъ. Если двѣ души не подходятъ другъ къ другу—между ними не возможенъ никакой обмѣнъ, никакое сліяніе. Онѣ никогда и ни за что не достигнутъ гармоніи."

При утреннемъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь желтыя занавѣски, я слушалъ этотъ отрывокъ изъ Мишлэ. Принцесса оттѣняла выраженія, съ прилежаніемъ хорошей ученицы, и подчеркивала нѣкоторыя слова, какъ старательная лектриса, желающая показать, что она понимаетъ, цѣнитъ и объясняетъ прочитанное.

Мы сидѣли въ будуарѣ-библіотекѣ, она передъ маленькимъ столикомъ, я очень удобно въ мягкомъ креслѣ. Въ глубинѣ комнаты, у двери, сидѣла фрейлина Больбергъ, „молодая" особа, лѣтъ пятидесяти, худая и массивная въ одно и то же время, съ весьма замѣтными усами. Она вышивала дорожку на столъ и никогда не поднимала глазъ отъ своей неутомимой иголки. Желтоватый свѣтъ оживлялъ очаровательную комнату въ стилѣ Людовика XV, въ сѣрыхъ и бѣлыхъ тонахъ, съ рѣшетчатыми шкафами, украшенными книгами въ старинныхъ переплетахъ... Въ простѣнкѣ меж-

ду оконъ висѣлъ портретъ принца Эрнста, украсившаго этотъ будуаръ и составившаго эту библіотеку. Со стѣны смотрѣло тонкое, хитрое лицо, съ умными черными глазами, съ немного толстымъ носомъ и съ иронической улыбкой. Сколько разъ во время урока, пока моя августѣйшая ученица читала, я мысленно разговаривалъ съ изображеніемъ принца Эрнста, другомъ Вольтера и такимъ живымъ, точно говорящимъ въ этомъ парикѣ съ тонкой косичкой, перевязанной огненно-красной лентой!

Сегодня утромъ, казалось, онъ мнѣ говорилъ:

— Мой юный другъ, вы заставляете мою внучку читать галиматью съ примѣсью нѣсколькихъ пошлостей мосье де Ла-Палиса.

— Принцъ, — отвѣчалъ я, съ своей стороны,—это, дѣйствительно, ужасно. Но вспомните, что до моего пріѣзда сюда ваша внучка питалась яко бы французскими романами, высылаемыми ей издателемъ изъ Лейпцига: *Страстныя тѣла*, *Ложный полъ*, *Адъ страстей*, и, не знаю, еще что. Кроткая Эльза считала это французской литературой. Она пристрастилась, съ другой стороны, къ ребусамъ школы декадентовъ, процвѣтавшей въ Парижѣ около 1890 года, и воображала, что все ясно видитъ въ этой тьмѣ. Теперь же она любитъ Гюго, Верлэна, Бальзака. Сегодня, съ вашего позволенія, она разбираетъ Мишлэ.

Принцесса продолжала читать:

„Настроеніе женщинъ Сѣвера очень непостоянно. Часто достаточно небольшой дозы ловкости и любви, чтобы сразу измѣнить это чистое существо и довести его до очаровательной кротости, до слезъ, до самыхъ страстныхъ порывовъ. Мужчина долженъ хорошенько призадуматься надъ этимъ...“

Чудный совѣтъ знаменитаго писателя! Я тотчасъ же принялся размышлять о страстныхъ порывахъ женщинъ Сѣвера. И, чтобы облегчить свои размышленія, сталъ внимательно разсматривать свою повелительницу. Домашнее платье изъ шелковаго муслина цвѣта кремъ, черезчуръ ужъ элегантное, выдавшее свое берлинское происхожденіе, дѣлало нѣсколько тяжелой ея фигуру. Принцесса охотнѣе одѣвалась въ Вѣнѣ или въ Парижѣ. Но время отъ времени принцъ дѣлалъ для нея заказы въ Берлинѣ, заставляя ее поддерживать національную промышленность. Высокая и крѣпко сложенная, какъ большинство эрленбургскихъ женщинъ, Эльза, говорятъ, еще года четыре назадъ, была худа и костлява. Потомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторой полнотой, лицо и члены пріобрѣли грацію, и она помолодѣла... Въ это утро, когда она такимъ проникновеннымъ голосомъ читала Мишлэ, мнѣ не нужно было снисходительныхъ усилій, подобно

нѣкоторымъ молодымъ людямъ, чтобы признать обворожительнымъ предметъ своего обожанія. Взоръ мой остановился на бѣломъ, матовомъ затылкѣ, на тяжелой массѣ свѣтлыхъ волосъ, возвышавшихся на подобіе короны. Обиліе волосъ пепельнаго цвѣта—особенность женщинъ нѣмецкаго происхожденія. Няньки, какъ и принцессы, обладаютъ такой шевелюрой, что парижанка пришла бы въ бѣшенство отъ зависти. Но даже и для нѣмки волосы принцессы были необыкновенные. Они благородно обрамляли и увѣнчивали лицо съ нѣсколько туповатымъ, но довольно оригинальнымъ выраженіемъ,и не заинтересованный наблюдатель могъ бы упрекнуть его только въ недостаточной выразительности. Не особенно большіе темно-синіе глаза глядѣли такъ моложаво, привѣтливо и даже нѣжно, что оживляли все лицо. Въ первый разъ, когда глаза эти взглянули на меня, они мнѣ показались проницательными и смутили меня. Теперь я знаю, что они лишены всякаго проникновенія, но богаты добротою и очаровательнымъ любопытствомъ сентиментальности. Людей и вещи глаза эти не видятъ съ достаточной прозорливостью, но они хотятъ ихъ видѣть такими, какъ того желаетъ сердце. Отъ волосъ, затылка, всего тѣла и лица Эльзы шли флюиды того, что нѣмцы называютъ Gemüthlichkeit, и что совершенно не переводимо на французскій языкъ. „Дорогая Эльза,—думалъ я,—какъ я радъ, что ко времени моего появленія вы стали красивой! Ибо ваши портреты ранней юности мнѣ гораздо меньше нравятся, чѣмъ образъ настоящей вашей зрѣлости!"

— Фрейлейнъ фонъ-Больбергъ,—сказала въ эту минуту принцесса, отложивъ въ сторону Мишлэ,—солнце такъ ярко свѣтитъ. Несомнѣнно, теперь часъ, предписанный вамъ докторомъ для прогулокъ.

Больбергъ быстро свернула свою работу и жеманно вышла изъ будуара, не проронивъ ни слова. Какъ только она затворила дверь, принцесса взглянула на меня и разразилась хохотомъ.

— Она злится на васъ до смерти!.. Бѣдная Больбергъ! Она ревнуетъ и меня, и васъ. Идите сюда, довольно читать; не могу больше выносить чтенія. Идите сюда... ближе ко мнѣ, еще ближе...

Эти слова были произнесены тономъ милаго нетерпѣнія, но все же въ нихъ сквозило приказаніе, какъ у людей, привыкшихъ всю жизнь видѣть передъ собой согнутыя спины. Какъ всегда, это испортило мое дружеское настроеніе. Я приблизился съ видомъ ожиданія приказаній.

— Ну, что-же?—изумленно спросила Эльза,—это все?

И на ея лицѣ отразилось такое наивное разочарованіе,

что я не могъ сдержать улыбку. Я взялъ ея протянутую руку и, прильнувъ къ ней губами, запечатлѣлъ на ней поцѣлуй, болѣе продолжительный, чѣмъ то полагалось по этикету.

— Что же это!—продолжала она,—вы не видѣли меня цѣлыхъ четыре дня и такъ ведете себя! Сядьте здѣсь.

Я повиновался, сѣлъ на табуретку у стола. Ея голубые глаза были нѣсколько влажны. Быть можетъ, потому, что незадолго до того я смотрѣлъ на четырнадцатилѣтнее личико Гриты, я читалъ въ нѣжной синевѣ этихъ влажныхъ глазъ цифры прожитыхъ лѣтъ. И я былъ тронутъ: увяданіе женской красоты волнуетъ душу. Я сожалѣлъ о своемъ отсутствіи раньше. Можетъ быть, я уже не сумѣю теперь влюбиться? „Что я буду дѣлать?—думалъ я эгоистично.—Какъ вынесу жизнь въ Ротбергъ-шлоссѣ безъ увлеченія? Какъ пережить васъ, безконечные зимніе мѣсяцы, безъ какой-нибудь страстишки?“

— Другъ мой,—сказала она слегка взволнованнымъ голосомъ,—я чувствовала себя страшно одинокой, когда вы уѣхали. Принцъ охотился, устраивалъ военные маневры. Я гуляла съ Больбергъ и дѣлала ей всякія непріятности, такъ какъ она не скрывала своей радости, что васъ нѣтъ. И тогда-то я поняла, какъ вы мнѣ необходимы.

„Да, думалъ я, она менѣе всего теперь повелительница. Она только нѣжна и... какъ бы сказать, мила. Маленькая швейка въ Іенѣ не иначе встрѣчаетъ студента-друга, уѣхавшаго изъ города дня на три“.

Гадкое чувство казаться сильнымъ, странная склонность мучить любимое существо, а быть можетъ, злое желаніе довести до крайности напряженную чувствительность заставили меня отвѣтить съ преувеличенной почтительностью:

— Ваше высочество можете быть увѣрены, что для меня также время тянулось слишкомъ долго вдали отъ вашего высочества.

Она живо откинулась назадъ.

— Высочество!.. Вы называете меня высочествомъ теперь!.. Что измѣнило васъ за эти три дня пребыванія въ Карлсбадѣ?.. Или вы не болѣе, какъ легкомысленный и тщеславный французъ, и я сдѣлала большую глупость, привязавшись къ представителю этой націи... Я вамъ позволила не обращаться со мной соотвѣтственно моему рангу. Отказъ отъ этого позволенія—новая непочтительность съ вашей стороны.

Она встала и, чтобы скрыть слезы, снова выступившія на ея глазахъ, отошла къ окну. „Волосы у нея чудные, талія очаровательная, говорилъ я себѣ. Конечно, она права: я

легкомысленный французъ. Но почему, даже въ минуты страсти, она такъ безтактна? Вѣчное упоминаніе о моемъ подчиненномъ положеніи!.. Вѣчно выраженія: позволеніе, повиновеніе, почтеніе!..“

Она обернулась. Глаза были сухи, и она только произнесла:

— Стыдно!

Это слово нашло путь къ моему сердцу. Сразу пропало желаніе дѣлать надъ собой и надъ ней опыты сложной психологіи. И я сдѣлался іенскимъ студентомъ, вынесшимъ, по возвращеніи, не заслуженную сцену отъ своей маленькой подруги съ пальцами, истыканными иголкой. Я взялъ пальцы безъ уколовъ длинной, благородной руки, висѣвшей вдоль складокъ берлинскаго платья. Рука немного сопротивлялась, но я заполонилъ ее.

— Мой большой другъ!—прошепталъ я.

Она улыбнулась. Ей нравилось это названіе, найденное мною однажды для разговора съ нею. Она въ немъ видѣла какую-то французскую находчивость.

— О! Какъ мило съ вашей стороны опять называть меня такъ,—сказала она.

Мы сѣли рядомъ на диванъ у окна.

— Я поняла, какъ дорого мнѣ ваше присутствіе, когда въ теченіе этихъ трехъ дней вновь вернулась къ прежней жизни, какою жила до вашего пріѣзда во дворецъ,—сказала она.—Съ тѣхъ поръ, какъ вы подлѣ меня, я, точно опьяненная, не отдаю себѣ больше отчета въ дѣйствительности. Мнѣ стало нравиться мое заключеніе, потому что для удовлетворенія вашего любопытства я сама постаралась ближе узнать эту княжескую тюрьму. Раньше меня ничто здѣсь не интересовало. Вѣдь все это я видѣла съ дѣтства! Великолѣпный дворецъ, огромныя залы, пріемы, нѣмецкая спѣсь!.. Вамъ, какъ молодому французу, никогда не жившему при дворѣ, все казалось новымъ. Мнѣ интересно было давать вамъ объясненія, показывать залъ рыцарей, портретный залъ, чудотворную стальную мадонну въ часовнѣ, охотничій залъ... пріобщить васъ къ моей жизни принцессы, а также проникнуть и въ вашу, совершенно неизвѣстную мнѣ, жизнь... Я никогда не вела бесѣды съ французомъ.

— А вашъ учитель танцевъ?—замѣтилъ я съ улыбкой.

— Онъ былъ безобразенъ... Судя по фамиліи Бирензель, вѣроятно, онъ былъ бельгіецъ... Да, все: дворецъ, обстановка, дворъ, показались мнѣ, наконецъ, живыми, пробудившимися отъ пятнадцатилѣтняго сна. И въ самомъ принцѣ,— прибавила она съ оттѣнкомъ смущенія, но серьезно, безъ малѣйшей ироніи,—въ принцѣ, охотно удостоивающимъ васъ

бесѣды и защищающимъ величіе и красоту Германіи передъ вашей граціей и остроуміемъ, я нахожу опредѣленныя и ясныя мысли и характеръ, неизвѣстные мнѣ раньше. Я очень довольна, что онъ такъ споритъ съ вами и воодушевляетъ вашъ умъ и вашу находчивость... И гофмейстеръ сталъ мнѣ интересенъ, потому что онъ васъ ненавидитъ, а изъ-за меня ничего не смѣетъ вамъ сдѣлать. И такъ вплоть до моей бѣдной Больбергъ, романической фигуры, желтѣющей отъ ревности, тогда какъ раньше я воображала, что она лишь ходячій этикетъ.

Она остановилась и взглянула на меня. То, что она говорила, мнѣ было пріятно слышать, и я находилъ, что она и говоритъ недурно. Я поблагодарилъ ее и въ то же время поощрилъ къ дальнѣйшему разговору, прижавшись губами къ рукѣ надъ браслетомъ, надѣтымъ на правую руку у кисти.

— Какъ жаль,—прошепталъ я на этотъ разъ искреннимъ тономъ,—что я не могу записать всего, что вы мнѣ только что сказали!

— Вы смѣетесь!—воскликнула она.

Она часто употребляла ходячія выраженія, но если откинуть нѣкоторые нѣмецкіе обороты, то въ общемъ она говорила прекраснымъ французскимъ языкомъ. Она положила лѣвую руку на мое плечо и продолжала:

— А Максъ, мой маленькій Максъ, такъ привязанъ къ вамъ и такъ мило говоритъ: „г. Луи Дюберъ—мой компатріотъ". Онъ инстинктивно любитъ вашъ языкъ и вашу страну! Это вылитый портретъ своего прадѣда Эрнста, но въ немъ есть немножко моего сердца. Максъ сдѣлалъ такіе успѣхи со времени вашего прибытія! Спящій младенецъ, какимъ онъ былъ еще недавно, проснулся, сталъ развитымъ... И вотъ, когда вы уѣхали, Максъ опять уснулъ, а вмѣстѣ съ нимъ весь дворъ, замокъ, пейзажъ Роты... Больбергъ опять начала свои старыя бредни, не смѣвшія появляться уже около года, о своей семьѣ, якобы ведущей начало отъ Оттомара Великаго. И напрасно я говорила ей: „Больбергъ, какое мнѣ дѣло, что вы ведете свой родъ отъ Оттомара Великаго?" Она все же не простила мнѣ ни одного Куно, ни Фридебранда, ни Теодульфа. За столомъ принцъ и графъ возобновили свои споры объ артиллерійскихъ снарядахъ. При васъ они стѣсняются: боятся, какъ бы вы не передали этихъ свѣдѣній своему правительству. Но къ пушкамъ вы относитесь безразлично, неправда-ли, мой другъ?

„Значитъ, предполагается, я легкомысленный, фривольный французъ,—думалъ я... Пушка для меня ничто... вѣдь были когда-то Вальми... да и Сенъ-Прива..."

— Да,—продолжала она,—все казалось мнѣ соннымъ и противнымъ. И мнѣ захотѣлось одиночества только съ воспоминаніями о послѣднихъ десяти мѣсяцахъ. Я отказалась отъ катанія съ принцемъ, отослала Больбергъ и оставила своего маленькаго Макса на попеченіи маршала. Одинокая, я стала повторять наши прогулки по парку... и въ особенности къ Маріи-Еленѣ...

Она стыдливо опустила глаза.

„Есть изъ-за чего краснѣть?—подумалъ я. Въ сущности, какая невинность! Всего одинъ моментъ голова повелительницы покоилась на плечѣ учителя въ гротѣ Маріи-Елены!"

— Все это,—начала она опять,—заставило меня только сильнѣе почувствовать, какъ тщетны одни воспоминанія... Въ отчаяніи, я заперлась здѣсь и перечитала, что вы мнѣ читали... по-французски, и мнѣ казалось, что я слышу звуки вашего голоса. Это очаровывало и мучило меня. Характеръ у меня сталъ отвратительный. Вчера я ударила Больбергъ за то, что она, застегивая корсажъ, уколола меня булавкой въ спину!

Я искренно поцѣловалъ прекрасную, длинную нервную руку.

— Въ дни разлуки я также отдавалъ вамъ свои лучшія мысли,—сказалъ я.—Когда поѣздъ унесъ меня изъ Ротберга, я почувствовалъ себя ужасно одинокимъ. Вашъ портретъ постоянно былъ на разстояніи протянутой руки передъ моими глазами. И еще вчера, на вокзалѣ Штейнаха, въ ожиданіи пріѣзда моей сестренки, я перечитывалъ ваше письмо.

— Правда?—радостно воскликнула принцесса и сдѣлала было движеніе, чтобы поднести мою плебейскую руку къ своимъ губамъ. Но царская наслѣдственность и воспитаніе обуздали инстинктъ, и она съ очаровательной неловкостью опустила руку на свои колѣни.

Я же думалъ: „правда наполовину: до письма Эльзы я прочелъ письмо Гриты, и письмо Эльзы показалось мнѣ ничтожнымъ по сравненію съ письмомъ Гриты. Но въ сердечныхъ дѣлахъ что значитъ такой пустякъ?"

Все время ея разговоровъ и собственныхъ размышленій я сумѣлъ соблюдать почти абсолютное хладнокровіе. Я считалъ, что дѣйствую по старой психологической традиціи. Но принцесса, внезапно оборвавъ нѣжное движеніе, почувствовала какъ бы угрызеніе совѣсти или новый сердечный порывъ.

— Придвиньтесь ближе,—прошептала она.—Вы вспоминали о своей повелительницѣ, и я позволяю вамъ придвинуться поближе, какъ въ гротѣ Маріи-Елены.

Буду откровененъ: всякое желаніе самоанализа и раз-

мышленія во мнѣ исчезло. Я тотчасъ же принялъ памятную позу, какъ въ гротѣ Маріи-Елены, не повторявшуюся до сихъ поръ, т. е. уступилъ нѣжному призыву объятій Эльзы и опустилъ голову на ея плечо въ томъ мѣстѣ, гдѣ берлинское платье, благодаря патріотическому вкусу принца Отто, вырѣзано у начала шеи. Мое лицо очутилось, такимъ образомъ, между рюшемъ поддѣльныхъ англійскихъ кружевъ, сплетенныхъ прилежными руками прусскихъ работницъ, и завитками пепельныхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ прически.

— Другъ мой! Другъ мой...—шептала Эльза, приближая свое лицо къ моему и касаясь его своей щекой... — Ваше отсутствіе до ужаса обнаружило горе моего сердца. Скажите мнѣ, что вы... что вы любите меня!

Послѣднія слова походили на легкій вздохъ; надо было прислушаться, чтобы уловить ихъ. Я отвѣтилъ тономъ такой увѣренности, что самъ былъ пораженъ.

— Да... вы вѣдь это знаете... я васъ люблю.

Она отшатнулась, точно мой отвѣтъ, такъ желательный для нея, оскорбилъ ее. На лицѣ ея выразилась сильная тревога: она не замѣтила даже, какъ выскочила изъ ея волосъ черепаховая гребенка. Она быстро обвела глазами молчаливыя стѣны библіотеки и черезъ окно живописную долину Роты.

— Я здѣсь ужасно страдала,—прошептала она, какъ бы оправдываясь.—Это не жизнь... Нѣтъ, не жизнь! И лучшіе годы моей молодости протекаютъ въ этой тюрьмѣ! Увѣряю васъ, Луи,—продолжала она, повернувшись ко мнѣ,—я ничего бы не желала, дай замужество полное удовлетвореніе моему сердцу. Не думайте, что я похожа на вашихъ компатріотокъ, относящихся легкомысленно къ браку. Когда я выходила замужъ за принца Отто, мнѣ было семнадцать лѣтъ... я была тѣмъ, что одинъ изъ вашихъ романистовъ назвалъ гусыней. Не титулъ владѣтельной принцессы привлекалъ меня, мнѣ хотѣлось только быть женой своего мужа, подобно мелкой мѣщанкѣ. И я сначала прониклась вкусами принца Отто. Я интересовалась государственными дѣлами, военнымъ кредитомъ, охотой, артиллерійскими орудіями, вопросомъ о почтовыхъ маркахъ Ротберга, его гарнизономъ... да, все это интересовало меня, потому что, какъ вамъ хорошо извѣстно, мое сердце принадлежитъ Германіи, и къ тому же я любила принца, и хотѣла любить все, что онъ любитъ... Только вотъ въ чемъ вся суть: я желала, чтобы принцъ интересовался всѣмъ этимъ... какъ бы сказать?.. для меня, изъ-за меня! Я хотѣла быть его главнѣйшей привязанностью, первѣйшей заботой... Недолго мнѣ надо было,

чтобы понять, что въ его глазахъ я—принцесса и ничего болѣе. Такъ какъ я тотчасъ же дала ему сына, то онъ уже больше ничего не ждалъ отъ меня... Я была молода, хороша собой, хотя всѣ находятъ, что теперь я гораздо красивѣе. Но принцъ предпочиталъ мнѣ всѣхъ моихъ фрейлинъ, всѣхъ чиновничьихъ женъ, всѣхъ женщинъ вплоть до горничныхъ. Теперь онъ въ связи съ этой маленькой Фрикой Дронтгеймъ, сестрой министра полиціи, страшно невоспитанной и сухой дѣвченкой. Мнѣ кажется, что онъ пощадилъ одну только Больбергъ.

Дрожа въ нервномъ возбужденіи, она встала, распахнула окно, глубоко вдохнула воздухъ и вернулась ко мнѣ.

— Я задыхаюсь,—начала она опять,—я здѣсь задыхаюсь... Для моего сердца всего этого слишкомъ мало, чтобы удержать его. Этотъ дворъ, застывшій въ своемъ допотопномъ этикетѣ... этотъ безвольный народъ, съ его какимъ-то пошлымъ уваженіемъ и любовью... эти похожіе другъ на друга дни. Нѣтъ... все это можно выносить только при существованіи любви. А у меня ея нѣтъ. Бывали дни, когда я просыпалась, какъ безумная, съ рѣшимостью бѣжать отсюда, если не подвернется какого-нибудь приключенія или фантазіи. Отъ любого изъ моихъ подданныхъ съ привлекательнымъ для меня лицомъ зависѣло заинтересовать меня и удовлетворить капризу своей повелительницы... Я блуждала по парку и думала: „Я молода, красива... Неужели среди обитателей этой долины нѣтъ ни одного, кто мечталъ бы обо мнѣ, кто попытался бы поближе взглянуть на меня, пробраться въ чащу парка и подойти ко мнѣ, какъ тотъ офицеръ, что полтораста лѣтъ тому назадъ влюбился въ принцессу Марію-Елену? Какъ я была бы снисходительна!..“ Входы парка открыты. Часто достаточно только повернуть желѣзное кольцо въ калиткѣ... Только старая доска на одномъ изъ деревьевъ у дороги, ведущей въ паркъ, гласитъ: „входъ запрещенъ.“ И рабскій народъ вѣдь никогда не нарушитъ этого запрещенія! Не только я никогда не встрѣтила, подобно Маріи-Еленѣ, влюбленнаго подданнаго, но никогда ни одинъ женихъ не пробирался по дорожкамъ парка сорвать цвѣтокъ для своей невѣсты, ни одна невѣста не просила объ этомъ своего жениха!

Она умолкла, взволнованная звуками своей собственной рѣчи.

— И вотъ,—начала она опять,—когда я стала уже цѣпенѣть въ своемъ одиночествѣ, какое-то Провидѣніе послало мнѣ васъ...

Она вновь остановилась и вдругъ расхохоталась своимъ смѣхомъ школьницы, при воспоминаніи о чемъ-то.

— Представьте, — сказала она, — когда принцъ сказалъ мнѣ въ прошломъ году, что онъ обратился въ нѣмецкое посольство въ Парижѣ съ просьбой прислать для Макса учителя французскаго языка, то я представила его себѣ въ образѣ моего стараго учителя танцевъ, бельгійца Бирензеля. Это былъ маленькій прямой старичекъ на тоненькихъ ножкахъ... Но на другой день вашего пріѣзда я разспрашивала о васъ Больбергъ и по ея недовольному виду догадалась, что вы— красивый юноша. Она васъ видѣла мелькомъ. „Онъ мнѣ не нравится", сказала она жеманно. Ей нравятся уродливыя вещи. Она любитъ этикетъ, туалеты изъ Берлина и гофмаршала.

Звонкій смѣхъ Эльзы снова огласилъ комнату. Смѣхъ Эльзы былъ лѣтъ на пятнадцать моложе ея. Закрывъ глаза, я могъ бы вообразить, что возлѣ меня смѣется молоденькая дѣвочка.

— Вы передѣлали мою жизнь,—продолжала она серьезно и садясь совсѣмъ близко возлѣ меня на маленькомъ диванчикѣ.—Я проснулась. Я поняла природу, книги, жизнь. Я не хотѣла себѣ признаться, что вы были причиной моего перерожденія. Это унижало меня, оскорбляло мое достоинство, какъ женщины, и мою гордость, какъ принцессы. Но три дня разлуки лишили меня гордости...

Она опустила глаза и не докончила фразы, безъ сомнѣнія, для того, чтобы дать понять, что достоинство женщины все же не исчезло въ ней съ гордостью принцессы... Думаю, что всѣ эти женскія рѣчи, гдѣ такъ плохо было скрыто желаніе выставить себя жертвой, не затронули моихъ чувствъ; но онѣ окончательно опьянили мое тщеславіе. Я готовъ былъ оспаривать доводы морали, что служитъ признакомъ торжества инстинкта.

„Мужъ—врагъ... врагъ моей страны и моего народа. Изъ-подъ его корректной внѣшности сквозитъ иногда невыносимое нахальство. Къ тому же онъ плохой мужъ. Онъ мнѣ платитъ? Такъ развѣ онъ ничего не получаетъ отъ меня взамѣнъ своихъ марокъ?"

Пока я размышлялъ такимъ образомъ, полуобнаженная рука Эльзы скользнула по моему лицу, и я почувствовалъ, что приведенъ въ „положеніе въ гротѣ Маріи-Елены." Я поднялъ глаза на свою повелительницу. „Я также одинокъ, думалъ я. Мы два изгнанника".

Несмотря на твердо принятое рѣшеніе не дѣлать никакихъ наступленій, я инстинктивно долженъ былъ сдѣлать нѣкоторое движеніе, чтобы приблизиться. Очаровательное, нѣсколько блѣдное лицо Эльзы было совсѣмъ близко; ея взглядъ, если можно такъ выразиться, проникалъ въ мои

глаза. И пусть моралисты, прежде чѣмъ осудить меня, вспомнятъ, что мнѣ было двадцать шесть лѣтъ, и что, живя въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ тѣсной дружбѣ съ женщиной, меня не коснулась ни одна женская ласка! Все это соединилось противъ моего стоическаго рѣшенія и добродѣтели.

„Да и сопротивленіе совершенно безсмысленно", думалъ я въ ту минуту, когда губы принцессы коснулись моихъ плебейскихъ устъ.

Поцѣлуй! Нѣжное, странное, часто нѣсколько комичное движеніе, но иногда потрясающее до трагизма! Прикосновеніе губъ, лишенныхъ силы произносить слова, но выражающихъ все, что хотѣло бы сказать слово! Поцѣлуй инстинктивный, преемственный, но всѣми признанный, кто выдумалъ, кто усовершенствовалъ тебя и сдѣлалъ въ нашей цивилизаціи, загроможденной историческими предразсудками и традиціями, эмблемой страстнаго единенія, послѣдняго поединка любви, конечнаго обѣта, какъ обручальное кольцо—печатью обладанія? Если нѣкоторые любовники обмѣниваются тобою въ порывѣ пылкаго опьяненія, не умѣя овладѣть собой, то какъ часто представляешь ты удобный выходъ изъ положенія, вотъ-вотъ готоваго стать невыносимымъ или смѣшнымъ? Что сказать послѣ того, какъ все извѣстное уже сказано? У бѣдныхъ, некраснорѣчивыхъ любовниковъ ты во время отнимаешь возможность говорить. Ты съ наслажденіемъ зажимаешь имъ ротъ въ ту минуту, когда они, безъ сомнѣнія, ничего не сказали бы, кромѣ пошлостей. Поцѣлуй, въ началѣ ты или въ концѣ, ты остроуменъ, ибо какое громадное количество глупостей, благодаря тебѣ, не произносится человѣческими устами. Но ты также и предатель. Часто данный безъ увлеченія, изъ чисто-свѣтскаго приличія, ты запутываешь людей, ты пробуждаешь въ нихъ инстинктъ страсти, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они думаютъ, что укротили его правилами вѣжливости, усыпили морфіемъ обычая. Губы, слившіяся просто для выполненія сентиментальной, свѣтской формальности, ощущаютъ вдругъ непредвидѣнное наслажденіе. Противоположное электричество соприкасается полюсами такъ, что два существа, разойдясь, становятся совершенно иными, чѣмъ были до поцѣлуя. Такимъ образомъ, несмотря на свое ритуальное значеніе, несмотря на свой полу-идеальный характеръ, ты, въ концѣ концовъ, являешься для насъ массонскимъ знакомъ генія жизни, необъяснимымъ движеніемъ, обманчивымъ и хитрымъ.

— Больбергъ!—прошептала вдругъ принцесса, отстраняя меня.

Она довольно ловко схватила развернутаго Мишлэ, лежавшаго на табуреткѣ... Я отодвинулся, насколько позволялъ узкій диванчикъ.

„Кроткія, чистыя и вѣрныя жены,—читала Эльза,—жены, не имѣющія нужды скрывать что-либо, чаще другихъ нуждаются въ исповѣди любви, въ постоянныхъ изліяніяхъ передъ любящимъ сердцемъ... Какъ же случается, что мужчина обыкновенно мало пользуется такими элементами счастья“?..

При этомъ поистинѣ отчаянномъ вопросѣ, Больбергъ вошла въ комнату. Эльза прочла еще двѣ-три строчки, потомъ закрыла книгу и встала. Она овладѣла собой. Но глаза ея сверкали счастьемъ.

— Хорошо вы погуляли, Больбергъ? Какъ ваша ломота?

— Очень благодарна вашему высочеству. Я почти не могу ходить, вашему высочеству это извѣстно. Только изъ повиновенія я сдѣлала три шага по парку, еле дотащилась до березовой скамейки и посидѣла тамъ съ полчаса.

— И отлично! Это очень полезно для васъ!

— Можно мнѣ задать вопросъ господину доктору?

— Конечно.

— Господинъ докторъ, почему, вмѣсто тонкаго хрусталя, вы привезли изъ Карлсбада поддѣльный хрусталь для пополненія богемскаго сервиза?

— Повѣрьте, сударыня, я сдѣлалъ, что могъ,—отвѣчалъ я. —Очень сожалѣю, что оказался не исполнительнымъ, но я совершенный профанъ въ хрустальныхъ издѣліяхъ.

— Оставьте въ покоѣ г. Дюбера!—воскликнула принцесса раздраженно.—Вы невыносимы!

— Ваше высочество будетъ переодѣваться? — спросила невозмутимо старая дѣва.

— Да, да. Идите и ждите меня въ уборной. Идите!.. До свиданія, г. Дюберъ. Благодарю васъ за хорошій урокъ. Этотъ Мишлэ обворожителенъ!..

Больбергъ угрюмо прошла черезъ спальню. Когда я направлялся къ двери салона, Эльза сдѣлала со мной два-три шага.

И въ отверстіи полуоткрытой двери произошелъ тотъ краткій обмѣнъ чувствъ, какимъ въ теченіе столькихъ столѣтій, еще съ Адама,—устами людей глаголъ любить претворяется въ плоть.

IV.

Какъ на крыльяхъ, во снѣ, миновалъ я залы покоевъ принцессы, Людовика XVI и Имперіи, потомъ вестибюль съ многочисленными, чернѣвшими вдоль стѣнъ портретами послѣдняго вѣка, весьма посредственной работы. Лѣстница изъ темнаго мрамора снесла меня,—буквально снесла,—въ нижній этажъ, гдѣ, миновавъ колоннаду изъ сѣраго песчанника, я вышелъ на парадный подъѣздъ и во дворъ... Во дворѣ мнѣ встрѣтился управляющій дворцомъ, графъ Линавскій. Онъ подошелъ ко мнѣ. Это человѣкъ около пятидесяти лѣтъ, маленькій, толстенькій и живой, очень ученый, и въ своей изощренной любезности доходящій до ѣдкой ироніи.

— Господинъ докторъ,—проговорилъ онъ,—свидѣтельствую вамъ свое почтеніе. Вы только что съ урока нашей очаровательный повелительницы? Ну, какъ она занимается? Вы довольны?

— Принцесса,—отвѣтилъ я намѣренно торжественнымъ тономъ,—необыкновенно умна и прилежна.

— Такъ! Такъ! Весь дворъ замѣчаетъ, что со времени вашего пріѣзда она стала живо интересоваться французомъ... т. е. я хотѣлъ сказать французскимъ языкомъ, вы меня поняли, конечно?.. До свиданія, счастливый докторъ!

И съ этими словами онъ удалился, не давъ мнѣ времени отвѣтить. На башенныхъ часахъ дворца пробило безъ четверти одиннадцать. „Отлично, подумалъ я, до урока съ принцемъ у меня еще минутъ двадцать свободныхъ!“ Я былъ радъ этому промежутку, чтобы въ уединеніи подумать надъ зубоскальствомъ управляющаго, облившаго холодной водой мою радость, да мнѣ было и непріятно тотчасъ же встрѣтиться съ Максомъ. Я прошелъ въ паркъ вторымъ дворомъ и оранжереями.

Была ясная, жизнерадостная погода, какую представляютъ себѣ только въ раю и какую Пювисъ де-Шаваннъ изобразилъ въ своей картинѣ „Doux pays“. Свѣжесть въ воздухѣ, поднявшаяся за ночь, удерживала еще журчащія воды Роты отъ испаренія и, несмотря на безоблачное небо, на яркое августовское солнце, воздухъ освѣжалъ и возбуждалъ тѣло. Легкая невидимая дымка висѣла между небомъ и землей, просѣивая свѣтъ и задерживая именно то, что въ немъ было лишняго. Свѣтъ, воздухъ, освѣщеніе земли, еле ощутимый вѣтерокъ, разсѣянно колебавшій вѣтви деревьевъ,—все вокругъ меня было однимъ наслажденіемъ и радостью.

Я прошелъ оранжереи и садъ принцессы, гдѣ моя пове-

лительница своими дѣятельными нѣмецкими руками сама ухаживала за клумбами, сажала и смотрѣла за цвѣтами. Изъ бегоній, капуциновъ, разноцвѣтныхъ гераній выведены арабески. Расположенный на самомъ выступѣ холма, садъ растянулся въ длину. Онъ подходитъ къ самому парку, рѣзко раздѣленному на двѣ части. Одна—на узкомъ плато во французскомъ стилѣ еще со временъ принца Эрнста: въ ту эпоху всякій нѣмецкій властитель стремился имѣть свой Версаль. И, какъ въ Версалѣ, только соразмѣрно съ ничтожнымъ пространствомъ, здѣсь есть и озеро, и аллея съ бронзовыми статуями дельфиновъ и сатировъ и садовыя бесѣдки въ рощицахъ съ безчисленными таинственными дорожками... Дальше холмъ покато спускается всѣми сторонами къ изгибу Роты. Здѣсь разбитъ англійскій паркъ, просто отрѣзанный отъ смежнаго лѣса. Это любимое мѣсто нашихъ прогулокъ съ принцессой. Мнѣ казалось умѣстнымъ зайти на минуту помечтать въ знаменитый гротъ Маріи-Елены. Я направился кратчайшимъ путемъ черезъ рощицу французскаго парка.

Когда я проходилъ мимо одной бесѣдки въ томъ мѣстѣ, гдѣ порѣдѣвшія деревья позволяютъ видѣть, что дѣлается по сторонамъ, меня остановилъ чей-то говоръ. Я не желалъ ни встрѣтить кого-нибудь, ни помѣшать свиданію: принцъ Отто иногда назначалъ ихъ здѣсь своимъ избранницамъ. Но я тотчасъ же узналъ говорившіе громко и безъ всякихъ стѣсненій голоса. Оба были юны, одинъ принадлежалъ мальчику, готовящемуся стать юношей, другой дѣвочкѣ. Фамильярный разговоръ, прерываемый смѣхомъ, происходилъ между моей сестрой Гритой и наслѣднымъ принцемъ. „Какимъ образомъ свели они знакомство, чортъ возьми? И какъ эта плутовка Грима пробралась во дворецъ"?

Я тихо приблизился и увидѣлъ, что дѣти сидятъ рядомъ на круглой деревянной скамейкѣ. Надъ ними склонялся, со своей насмѣшливой улыбкой, полуразбитый каменный фавнъ весь обросшій мохомъ. Вь рукахъ Гриты былъ букетъ розъ, и я вздрогнулъ при мысли, что она, должно быть, нарвала ихъ съ кустовъ принцессы. Она слушала Макса, сидѣвшаго лицомъ ко мнѣ. Его изящная, нѣсколько тонкая фигура облечена была въ голубой мундиръ съ серебрянымъ галуномъ. Гриту я видѣлъ въ спину.

— И вотъ,—сказалъ Максъ,—когда я кончаю урокъ съ господиномъ докторомъ...

— Съ какимъ докторомъ?

— Съ вашимъ братомъ, докторомъ Дюберомъ...

— Да онъ вовсе не докторъ! По-французски докторъ зна-

читъ врачъ. Нельзя говорить нѣмецкими выраженіями по французски!

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ послушно Максъ.—Когда вашъ братъ, г. Дюберъ, кончаетъ свой урокъ, я возвращаюсь во дворецъ къ графу Марбаху, и онъ обучаетъ меня военному искусству.

— Кто этотъ графъ?

— Онъ—гофмаршалъ; родился въ Брингенѣ, въ Пруссіи и былъ въ Африкѣ на войнѣ противъ герреро. Оттуда онъ вернулся съ болѣзнью печени. Тамъ чуть не погибъ отъ разорвавшейся мины, и съ тѣхъ поръ малѣйшій взрывъ вызываетъ у него припадокъ. Онъ съ трудомъ переноситъ даже охоту. Онъ не могъ оставаться на службѣ, и отецъ мой взялъ его къ себѣ.

— Чему-же онъ васъ учитъ?

— Прежде всего военному артикулу. Потомъ математикѣ, тактикѣ, верховой ѣздѣ. Онъ очень хорошо ѣздитъ верхомъ. Только,—продолжалъ принцъ, понизивъ голосъ, точно боясь, что его услышитъ страшный менторъ,—это не такой учитель, какъ вашъ братъ. У него прусскіе пріемы... Знаете?..

— Какіе прусскіе пріемы?

Принцъ робко оглянулся кругомъ... Онъ хотѣлъ что-то сказать, но ограничился неопредѣленнымъ жестомъ.

— Я больше люблю вашего брата,—проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я думаю!—воскликнула съ гордостью Грита.—Такихъ учителей, какъ мой братъ, найдется немного. Прежде всего, онъ свѣтскій человѣкъ...

— А!—наивно воскликнулъ Максъ,—онъ дворянинъ?..

— Дворянинъ?.. Во Франціи со времени республики дворянинъ, не дворянинъ—все равно. Есть люди воспитанные и невоспитанные, люди изъ хорошей семьи и изъ плохой... Мой братъ и я изъ хорошей семьи. До смерти нашего отца и потери состоянія мы имѣли сношенія со всѣмъ, что есть лучшаго въ Парижѣ. Если-бы отецъ не умеръ въ прошломъ году и мы не были раззорены, то ни брата моего, ни меня здѣсь бы и не было теперь.

— Я доволенъ, что г. Дюберъ здѣсь,—отвѣтилъ Максъ, поднявъ на Гриту свои красивые, выразительные сѣрые глаза.—Я очень доволенъ, что и вы пріѣхали сюда.

Грита не отвѣтила. Она погрузила свой розовый носикъ въ букетъ красныхъ розъ движеніемъ, какъ мнѣ показалось, не лишеннымъ кокетства.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросила она.

— Тринадцать. А вамъ?

— Четырнадцать. Мѣсяцъ тому назадъ мнѣ минуло четырнадцать.

— Вы живете въ Парижѣ?

— Нѣтъ. Со смерти папы я живу въ пансіонѣ возлѣ Парижа.

— Вы никогда не видѣли двора?

— Двора?

— Я спрашиваю, были ли вы когда-нибудь въ странѣ, какъ здѣсь, гдѣ есть принцъ, принцесса, гофмаршалъ, управляющій дворцомъ, статсъ-дамы, этикетъ?.. Словомъ, все то, что характеризуетъ дворъ?...

— Нѣтъ,—отвѣтила Грита съ гримасой... — Во Франціи двора нѣтъ. Я видѣла празднества въ Елисейскомъ дворцѣ... Не особенно интересно. Это почти то же, что балъ въ какомъ-нибудь министерствѣ. Мнѣ больше нравятся балы въ посольствахъ...

— Красиво все это: Елисейскій дворецъ, министерства, посольства?

— Великолѣпно!

— Красивѣе, чѣмъ здѣсь?

— О, конечно!

— Лучше тѣхъ залъ, что я вамъ только что показывалъ черезъ раскрытыя окна?

Грита подумала съ минуту и отвѣтила:

— Нельзя сравнивать. Для дворца здѣсь не очень красиво... не очень роскошно... убрано не съ особеннымъ вкусомъ, по моему. Но все же оригинально. Да, хорошо, внушительно, такъ, какъ должно быть.

Я замѣтилъ, что эта похвала, хотя и умѣренная, залила краской чудное лицо Макса и зажгла удовольствіемъ его взоръ.

— Нашъ родъ очень древній,—сказалъ онъ слегка вибрирующимъ голосомъ.—Владѣнія не очень обширны: послѣ Лихтенштейна, это самое маленькое государство въ Германіи. Но мы знатнаго происхожденія: одинъ изъ моихъ предковъ былъ императоромъ Германіи въ то время, когда Гогенцолерны шатались еще по большимъ дорогамъ.

— А!.. Какъ его звали?

— Гунтеръ.

— Онъ долго царствовалъ?

— Нѣтъ. Три мѣсяца спустя послѣ своего избранія онъ внезапно умеръ. Полагаютъ, что его отравили.

Нѣкоторое время дѣти молчали, точно ихъ юный умъ загипнотизировала великая тайна историческаго прошлаго. Раздумье Гриты привело къ слѣдующему замѣчанію:

— Если бы между Франціей и Германіей возникла война, вы должны были бы сражаться противъ моего брата.

— Не нужно войны,—отвѣтилъ Максъ строго. — Здѣсь, при дворѣ, говорятъ, что французы желаютъ войны. Развѣ правда?

— Во Франціи говорятъ, что войны хотятъ нѣмцы.

— Да, нѣкоторые здѣсь хотятъ ее... Гофмейстеръ говоритъ, что этимъ должно кончится. Но я не желаю войны.

— Почему?

— Говорятъ, что я похожъ на своего прадѣда, принца Эрнста. Онъ храбро дрался во время семилѣтней войны. Тѣмъ не менѣе, онъ ненавидѣлъ войну и любилъ искусства и философію. Онъ мечталъ сдѣлать изъ Штейнаха, соединеннаго тогда съ Ротбергомъ, второй Веймаръ... Теперь Штейнахъ принадлежитъ Пруссіи и навсегда отдѣленъ отъ Ротберга; Ротбергъ же — простая крестьянская деревушка, съ нѣсколькими дачами и съ замкомъ. Съ большимъ трудомъ и по особой милости намъ удалось сохранить собственныя почтовыя марки и избавиться отъ прусскаго гарнизона. Мы такъ же независимы, какъ саксонскій король и принцъ-регентъ Баваріи. Но я хорошо знаю, что намъ оставляютъ эту независимость, какъ забаву. Да и что значитъ независимость, когоа ее нельзя защищать?

— Какой вы серьезный,—прошептала Грита.

Максъ улыбнулся.

— Я люблю и веселиться, увѣряю васъ... Но у меня нѣтъ здѣсь сверстниковъ. Когда я былъ маленькій, у меня, по крайней мѣрѣ, былъ мой молочный братъ Гансъ, онъ игралъ со мной... Теперь онъ кучеромъ у Грауса, и я вижу его только случайно... Приходите во дворецъ; я скажу мамѣ, чтобъ она васъ пригласила. Вы увидите, какая мама красивая и добрая. Она очень любитъ вашего брата.

Послѣдняя фраза, произнесенная невинными устами, произвела на меня тяжелое впечатлѣніе, и я хотѣлъ было показаться и сразу оборвать разговоръ, какъ вдругъ Максъ вскочилъ и застылъ въ солдатской позѣ. Въ ту же минуту я услышалъ шаги по песку, и на порогѣ появился прямой, затянутый и въ высокихъ сапогахъ силуэтъ графа Марбаха. Онъ быстро подошелъ къ принцу, багровый отъ волненія.

— Ваше высочество,—произнесъ онъ сухо,—одиннадцать часовъ: вы должны быть уже во дворцѣ... А вы что здѣсь дѣлаете, дѣвочка?—спросилъ онъ, обернувшись къ Гритѣ.

Маршалъ говорилъ по нѣмецки. Грита не поняла словъ, но тонъ ихъ оскорбилъ ее. Она смотрѣла на него въ одно и то же время и гордо, и дерзко, какъ всегда это дѣлала съ невѣжливыми людьми, и, обернувшись къ принцу, прошептала:

— Что ему нужно?

Принца нельзя было узнать. Съежившись, съ опущенными глазами, онъ похожъ былъ на ребенка, ожидающаго побоевъ.

— А! француженка?—вскричалъ графъ по-французски:— Вы маленькая француженка... Публикѣ входъ сюда запрещенъ... Вонъ! вонъ! Здѣсь дворцовый садъ. Вонъ!

Грита встала:

— Милостивый государь,—твердо отвѣтила она маршалу,—вы очень дурно воспитаны. И вы уродъ и похожи на конюха изъ цирка въ вашихъ желтыхъ сапогахъ. Я, конечно, ухожу, потому что съ такимъ невоспитаннымъ человѣкомъ, какъ вы, молодая дѣвушка не въ безопасности.

Она хотѣла взять свой букетъ, какъ вдругъ графъ, замѣтивъ цвѣты, крикнулъ:

— Цвѣты!.. Розы изъ сада принцессы! Вы сорвали цвѣты безъ позволенія!.. Извольте оставить ихъ, воровка!

— Это я позволилъ, графъ,—замѣтилъ робко принцъ.

— Вы не смѣли позволять! Вы останетесь подъ арестомъ сегодня и завтра. Маршъ во дворецъ!

Принцъ колебался. Графъ, находя, очевидно, что онъ медлитъ послушаніемъ, взялъ его за плечо и повернулъ на мѣстѣ. Максъ поблѣднѣлъ, одну минуту казалось, что онъ бросится на своего наставника. Но энергичный порывъ протеста быстро улетучился. Грита пожала плечами и спокойно взяла со скамейки свой букетъ.

— Оставьте цвѣты! Оставьте цвѣты!—окончательно вышелъ изъ себя Марбахъ.—Я запрещаю, запрещаю уносить!— рычалъ онъ по-французски.

— Ахъ, да вы мнѣ надоѣли, конюхъ вы этакій!—вскричала Грита, ловко отскакивая по другую сторону скамейки.—Попробуйте-ка ихъ отнять у меня, попробуйте...

И она быстро выскочила изъ двери съ букетомъ въ рукахъ. Полусогнувшись, готовая моментально бѣжать, въ позѣ дѣвочки, играющей въ перегонки, развеселившаяся, точно она въ самомъ дѣлѣ играетъ, Грита дразнила графа.

Я рѣшилъ, что пора появиться и мирно разрѣшить маленькую драму. Я вышелъ изъ-за деревьевъ. Грита бросилась ко мнѣ, но я миновалъ ее и подошелъ къ графу Марбаху.

— Графъ,—сказалъ я, — молодая дѣвушка — моя сестра. Она пошла въ паркъ, не зная, что это запрещено. Она приняла предложенные принцемъ цвѣты... Могу увѣрить васъ, что принцесса не разсердится за это... и прошу васъ освободить принца изъ-подъ ареста.

— Господинъ учитель, — отвѣчалъ графъ,—наслѣдный принцъ находится подъ моимъ руководствомъ. Вы можете

быть хорошо освѣдомлены о желаніяхъ принцессы, но я знаю желанія царствующаго принца: сынъ его долженъ подчиняться нѣмецкой дисциплинѣ. Онъ арестованъ на двадцать четыре часа... Отправляйтесь во дворецъ, ваше высочество!

— Ваше высочество, прошу остаться здѣсь, — возразилъ я.—Позволяю себѣ замѣтить вамъ,—обратился я къ графу,— что теперь уже больше одиннадцати часовъ: время практическаго урока французскаго языка. Мнѣ удобнѣе сегодня заниматься въ паркѣ, и, какъ только принцъ кончитъ урокъ, онъ пойдетъ подъ арестъ.

Графъ, очевидно, обдумывалъ, можетъ ли онъ фактически обрушиться на меня? Но успокоился. Пожавъ плечами и глухо ворча, онъ удалился, и я разслышалъ только слово „французъ" въ связи съ весьма нелестнымъ эпитетомъ.

Грита была сконфужена.

— Не дѣлай сердитаго лица, Волкъ,—сказала она мнѣ.— Конечно, лучше бы мнѣ сюда не заходить. Но я увидѣла (она движеніемъ подбородка показала на принца), что ему очень скучно! И я съ нимъ поздоровалась.

— И это я просилъ ее зайти,—замѣтилъ принцъ, вновь обрѣвшій увѣренность, какъ только Марбахъ скрылся изъ вида.

Я принялъ строгій видъ, какъ бы для выговора. Грита съ слегка заплаканными глазами ушла домой. Я остался со своимъ ученикомъ.

Практическій урокъ начался на каменной скамейкѣ, противъ насмѣшливой рожи фавна. Принцесса, дѣйствительно, сказала правду: въ мое отсутствіе умъ ея сына снова уснулъ. Трехъ дней въ рукахъ маршала было достаточно, чтобы погрузить его въ то боязливое оцѣпенѣніе, въ какомъ я нашелъ его десять мѣсяцевъ тому назадъ, по пріѣздѣ въ Ротбергъ. Должно быть, Марбахъ билъ его, и ребенокъ частью изъ стыда, частью изъ страха, не смѣлъ жаловаться. Но къ этому режиму онъ питалъ лицемѣрную животную покорность и скрытое возмущеніе. Сколько разъ, когда онъ смотрѣлъ на графа, я читалъ въ его дѣтскихъ глазахъ глубокую, искреннюю ненависть къ своему наставнику.

Со мной, сначала недовѣрчивый, онъ очень быстро освоился. И мало по малу мы стали искренними друзьями. Его любознательный умъ проснулся. Я понялъ, что этотъ хрупкій, нервный, впечатлительный мальчикъ, оскорбляемый въ своей дѣтской, нѣсколько женственной, чувствительности сначала принцемъ, потомъ Марбахомъ, испытывалъ

глубокое отвращеніе къ жестокой, неумолимой дисциплинѣ.

Нѣжный и деликатный, слабое отраженіе принца Эрнста, онъ какъ бы не кстати затерялся въ поколѣніи, родившемся въ грубый вѣкъ нѣмецкаго имперіализма.

Моя роль заключалась въ томъ, чтобы успокоить его нервы и сдѣлать его искреннимъ. Мало по малу, онъ привыкъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза во время разговора. Онъ отучился притворяться и лгать. Наконецъ, умъ его сталъ такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности: живымъ, проницательнымъ, находчивымъ. Его нѣжная чувствительность перестала пугаться прямоты и шутокъ. Онъ искренно полюбилъ меня, и лаской я добился отъ него гораздо больше, чѣмъ графъ своими побоями.

Черезъ полчаса послѣ начала урока, онъ мало по малу сталъ оживляться, точно разсѣивались пары тяжелаго наркоза. Онъ говорилъ мнѣ о Гритѣ, высказывалъ удовольствіе, что встрѣтился съ ней. Она сказала ему, что онъ хорошо говоритъ по-французски, и онъ очень гордится этимъ.

— Почему она не живетъ во дворцѣ?—спросилъ онъ.

— Потому что она не служитъ при дворѣ.

— Ну, а если бы ей дали какое-нибудь мѣсто? Тогда она не вернулась бы во Францію и была бы всегда вмѣстѣ съ вами.

— Грита очень свободолюбива,—отвѣтилъ я.—Она была бы плохой фрейлиной.

Максъ подумалъ.

— Будь я владѣтельнымъ принцемъ, какъ мои предки,—сказалъ онъ, смѣясь, — я заставилъ бы васъ остаться въ моемъ государствѣ. Васъ и вашу сестру!

Къ нему вернулись веселость и непринужденное изящество. Онъ не хотѣлъ со мной разставаться. Когда урокъ былъ конченъ, я долженъ былъ проводить его до дворца. Въ послѣднюю минуту онъ опять сталъ мрачнымъ.

— Я иду въ тюрьму,—сказалъ онъ.—Ахъ, какой вы счастливецъ, г. Дюберъ! Вы никогда не будете плѣнникомъ!

— Ну, двадцать четыре часа подъ арестомъ такъ быстро пройдутъ!

— Я такой-же плѣнникъ и тогда, когда не сижу подъ арестомъ,—сказалъ онъ, покачавъ головой. И послѣ минутнаго размышленія, со сверкнувшей, знакомой мнѣ ненавистью во взорѣ, смущенно прибавилъ:

— Можете вы сказать Гансу, чтобы онъ пришелъ завтра около двухъ часовъ къ маленькой калиткѣ въ паркѣ поговорить со мной?

— Признаюсь, ваше высочество, я не хотѣлъ бы исполнять порученій къ Гансу отъ вашего имени.

— Въ такомъ случаѣ, простите. Я самъ дамъ ему знать.

Онъ убѣжалъ со слезами на глазахъ.

„Странный мальчикъ!—думалъ я, возвращаясь.—Зачѣмъ ему понадобилось поговорить съ Гансомъ?“

Пробило двѣнадцать часовъ, когда я пришелъ на виллу Эльва. Грита ждала меня у дверей.

— Ты все еще сердишься?—спросила она съ тревогой.

— Нисколько. Твой грѣхъ не такой ужъ тяжкій.

— Тѣмъ лучше,—отвѣчала она.—Потому что...

— Что?

— Потому что, боюсь, я сдѣлала еще одну глупость.

— Прекрасно. Какую же?

— Ты знаешь двухъ стариковъ, нашихъ сосѣдей: г-на и г-жу Молохъ?

— Ну?

— Мы будемъ съ ними завтракать за однимъ столомъ. Понимаешь, старая дама подошла ко мнѣ на балконѣ и очень мило заговорила со мной... Она спросила, кто ты... А я—ты знаешь, люблю поговорить о тебѣ—разболталась... Ну, она и пригласила насъ за свой столъ...

Я на минуту задумался.

„Молохъ не особенно нравится при дворѣ. Принцъ будетъ не доволенъ... Впрочемъ, я свободенъ поступать, какъ хочу: внѣ своихъ учительскихъ обязанностей я завишу только отъ себя!“

И мнѣ понравилось публично проявить свою независимость.

Я поцѣловалъ Гриту.

— Ты хорошо сдѣлала, что согласилась, малютка!—сказалъ я.

Второй ударъ колокола сзывалъ къ завтраку живущихъ въ отелѣ, и мы прошли въ столовую.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА.

Переѣздъ.—Уѣздный городъ Ровно.

Ѣздили въ тѣ времена, особенно „по частной надобности", неторопливо... Заморенныя почтовыя клячи, долгія перепряжки... Готическія зданія почтовыхъ станцій по всему юго-западному краю были построены какимъ-то почтовымъ реформаторомъ по одному образцу, съ совершенно одинаковымъ расположеніемъ комнатъ, съ одинаковыми сѣнцами, кадками для воды, портретами на стѣнахъ, столами и клеенчатыми диванами. Въ складкахъ этихъ дивановъ кишѣли даже одинаковаго станціоннаго образца рыжіе клопы, бѣшено накидывавшіеся на постороннихъ пассажировъ. Вообще, все въ этихъ зданіяхъ съ стрѣльчатыми окнами и палевыми стѣнами было до такой степени однообразно, что моя память переживаетъ теперь своеобразную иллюзію: мнѣ кажется, что по всему этому ряду станцій, послѣ скучнаго ожиданія, открываются обитыя клеенкой съ мѣдными гвоздочками двери, и въ каждой изъ нихъ появляется все одна и та же голова сторожа съ курчавыми волосами, съ глазами, припухшими отъ безсонницы, и хриплымъ голосомъ заявляетъ:

— Лошади готовы.

Потомъ опять лѣнивое позваниваніе колокольчика, бѣлая лента шоссе, съ шуршащимъ подъ колесами свѣжимъ щебнемъ или мягкими пыльными объѣздами стороной... Лѣса, кивающіе верхушками по сторонамъ дороги... Гудящіе подъ колесами деревянные мосты, звенящая проволока телеграфа... На меня этотъ звонъ производилъ тогда (и производитъ теперь) совершенно особенное впечатлѣніе, — точно смутная старая быль. Мнѣ вспоминался вечеръ съ краснымъ закатомъ, толки о чемъ-то невѣдомомъ, идущемъ въ жизнь, крикъ проволоки и—кучки людей (въ томъ числѣ мы съ братомъ), прислушивающихся у телеграфныхъ столбовъ къ чьимъ-

то таинственнымъ разговорамъ. Какъ давно это было, и какъ многое перемѣнилось! Въ дѣтской жизни бываютъ минуты, когда сознаніе, какъ будто, оглядывается назадъ, ловитъ и отмѣчаетъ свой собственный ростъ. Одну изъ такихъ минутъ я пережилъ теперь въ дорогѣ, вспоминая себя въ первый вечеръ послѣ того, какъ въ нашемъ городѣ повѣсили телеграфныя проволоки... Какъ давно это было, и какъ много съ тѣхъ поръ перемѣнилось: пансіонъ, два года гимназіи... И какой я тогда еще былъ маленькій и глупый. А вотъ теперь я выросъ и сталъ гораздо умнѣе того мальчишки, который припадалъ ухомъ къ телеграфнымъ столбамъ или гордо вступалъ новичкомъ въ пансіонъ. Теперь я уже „старый гимназистъ“, и ѣду куда-то въ новый городъ, въ невѣдомую жизнь... И опять меня сопровождаетъ этотъ смутный, загадочный, но какъ будто осмысленный гулъ полевого вѣтра въ проволокахъ... Точно смѣшанные голоса переговариваются о чемъ-то... и въ томъ числѣ — обо мнѣ... Однажды,—не помню точно, въ Новоградъ-Волынскѣ или Корцѣ,—на самой зарѣ мы проѣзжали мимо развалинъ стараго, кажется, базиліанскаго монастыря, славившагося когда-то своей школой. Туманъ застилалъ низы длиннаго зданія, а вверху ясно виднѣлись ряды пустыхъ оконъ... Мое воображеніе населяло ихъ десятками дѣтскихъ головъ, и среди нихъ — Ѳома изъ Сандомира, герой первой прочитанной мною польской повѣсти...

На третій день, утромъ наша семейная колымага (у насъ ее звали „кочъ-каретой“) подъѣзжала, наконецъ, къ городу Ровно.

— Скоро уже? — спрашивалъ я въ десятый разъ у ямщика.

— Вонъ тамъ, за сосновымъ лѣсомъ... А теперь вонъ видно уже и грабникъ (грабовый лѣсъ).

Впереди виднѣлась, однако, только роща, а изъ-за нея выглядывала красная крыша казеннаго зданія. Городъ залегъ въ широкой котловинѣ межъ двухъ пологихъ возвышенностей, и только туманное или дымное облачко подымалось снизу... Зданіе съ красною крышей оказалось тюрьмой. Когда мы поровнялись съ ней, изъ оконъ второго этажа на насъ глядѣли зеленовато-блѣдныя, угрюмыя лица арестантовъ, державшихся руками за желѣзныя рѣшетки... Мнѣ часто вспоминалась эта картинка изъ моего дѣтства впослѣдствіи, когда и самъ я, уже взрослымъ, смотрѣлъ изъ-за такихъ же рѣшетокъ на вольную дорогу, по которой проѣзжали повозки, а одинъ разъ, на козлахъ такой-же семейной колымаги, сидѣлъ такой же мальчикъ и смотрѣлъ на

меня съ такимъ же жуткимъ чувствомъ жалости, сострадания, невольнаго осужденія и страха...

Тюрьма стояла на самомъ перевалѣ возвышенности, и отъ нея уже былъ виденъ самый городъ, крыши домовъ, улицы, сады и широкія сверкающія пятна прудовъ... Скатъ дороги тутъ былъ круче, наша грузная коляска покатилась быстрѣе и остановилась у полосатой заставы-шлагбаума. Инвалидный солдатъ подошелъ къ дверцамъ, взялъ у матери подорожную и унесъ ее въ маленькій домикъ, стоявшій на лѣвой сторонѣ у самой дороги. Оттуда вышелъ тотчасъ же худой высокій человѣкъ въ путейскомъ мундирѣ, съ большими „офицерскими“ усами, и, вѣжливо поклонившись матери, сказалъ:

— Господинъ судья ожидаетъ.

Онъ вернулъ подорожную, не взявъ денегъ, и, повернувшись къ инвалиду, скомандовалъ:

— Подвысь!

Инвалидъ снялъ съ крючка кольцо желѣзной цѣпи, полосатое бревно шлагбаума заскрипѣло въ гнѣздѣ, и тонкій конецъ его ушелъ высоко кверху. Ямщикъ тронулъ лошадей, и мы въѣхали въ черту уѣзднаго города Ровно.

Эти „заставы“, теперь, кажется, исчезнувшія повсемѣстно, составляли въ то время характерную особенность шоссейныхъ дорогъ, а характерную особенность самыхъ заставъ составляли шоссейные инвалиды николаевской службы, доживавшіе здѣсь свои болѣе или менѣе злополучные дни... Характерными чертами инвалидовъ являлись: вѣчно дремотное состояніе и лѣнивая неповоротливость движеній, отмѣченная еще Пушкинымъ въ извѣстномъ стихотвореніи, въ которомъ поэтъ гадаетъ о томъ, какой конецъ пошлетъ ему судьба:

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль шлагбаумъ въ лобъ мнѣ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ..

Шлагбаумы составляли своего рода бытовое явленіе тогдашнихъ путешествій, и такимъ же установившимся бытовымъ явленіемъ, освященнымъ обычаемъ, были долгіе споры, происходившіе у этихъ шлагбаумовъ. Дорожные смотрители стремились, во что бы то ни стало, взять съ проѣзжающихъ за весь перегонъ отъ одного шлагбаума до другого. Пассажиры соглашались платить за двѣ или за три послѣднихъ станціи. Вопросъ легче всего разрѣшался подорожной, но пассажиры принимались увѣрять, что ѣдутъ „безъ подорожной“... Иной разъ послѣ перваго обмѣна мнѣ-

ній, смотритель философски пожималъ плечами, зѣвалъ и уходилъ въ свой домикъ, инвалидъ садился на толстомъ обрубкѣ, прислонялся спиной къ столбу и начиналъ клевать носомъ. Лошади опускали головы, изрѣдка потренькивая колокольчикомъ, и такъ экипажъ простаивалъ передъ полосатымъ бревномъ иной разъ по получасу, пока одна изъ сторонъ не склонялась къ уступкамъ. Если происходило соглашеніе,—пассажиры платили условленное и уѣзжали; если смотритель оказывался слишкомъ требовательнымъ, то пассажиры, заплативъ, спрашивали росписку. Это требованіе причиняло смотрителю видимое неудовольствіе и даже обиду... Нѣкоторые предпріимчивые проѣзжающіе ухитрялись объѣзжать шлагбаумы и въѣзжали въ городъ окольными дорогами. Если попадался рьяный смотритель, то на такихъ нарушителей путейскаго права устраивалъ со своей командой облавы, и сконфуженные бѣглецы торжественно приводились опять къ тому же шлагбауму, гдѣ платили штрафъ.

Но это бывало рѣдко. Команда путейскихъ инвалидовъ была болѣе расположена къ философскому покою и мирнымъ соглашеніямъ, чѣмъ къ отважнымъ предпріятіямъ, и теперь, когда въ моей памяти оживаетъ городъ Ровно, то неизмѣнно, какъ бы въ преддверіи всѣхъ другихъ впечатлѣній, вспоминается мнѣ пестрое бревно шлагбаума и фигура инвалида въ запыленномъ и выцвѣтшемъ сюртукѣ николаевскихъ временъ, какіе еще теперь порой можно увидѣть на богадѣленныхъ старикахъ. Инвалидъ непремѣнно сидитъ на лавочкѣ у забора, или на обрубкѣ у самаго шлагбаума, со спиной, точно прилипшей къ полосатому столбу. На головѣ у него тоже порыжѣлый и выцвѣтшій картузъ, съ толстымъ козыремъ, ротъ раскрытъ, и въ него лѣзутъ назойливыя дорожныя мухи... Впослѣдствіи намъ доставляло иной разъ удовольствіе изъ-за столба щекотать спящему соломенками шею, а болѣе смѣлые шалуны совали соломенки даже въ ноздри бѣднаго севастопольскаго героя. Инвалидъ отмахивался, чихалъ, иной разъ вскакивалъ и испуганно озирался къ тюрьмѣ, въ ту сторону, откуда могъ появиться, стоя въ кибиткѣ и размахивая казеннымъ листомъ, какой-нибудь стремительный „курьеръ", передъ которымъ надо подымать шлагбаумъ безъ задержки... Но, видя только пыльную ленту шоссе,—стражъ шлагбаума опять садился и мирно засыпалъ... И было въ этой дремотной фигурѣ что-то символическое, — точно прообразъ мирнаго и благоденственнаго житія провинціальнаго городишка, у въѣзда въ который торчали эти изваянія инвалидной дремоты...

На разстояніи отъ Житоміра до Ровно мы уже миновали два такихъ шлагбаума, и на каждомъ не обходилось безъ легкихъ препирательствъ... Теперь галантная предупредительность шоссейнаго офицера показала мнѣ, что въ этомъ маленькомъ городкѣ мой отецъ, „уѣздный судья“, составляетъ замѣтную и всѣмъ извѣстную фигуру. Помню, что это мнѣ очень польстило, и я гордо оглядывалъ улицы новаго города съ высоты своего положенія на козлахъ...

Городокъ оказался очень маленькимъ (въ то время въ Ровно не насчитывалось и пяти тысячъ жителей). Проѣхавъ мимо двухъ-трехъ лачугъ,—изъ которыхъ одна чуть не по самую крышу вросла въ землю,—мимо пустыря, забора, одного или двухъ узенькихъ переулковъ и улицъ, мы миновали затѣмъ двухъэтажное каменное зданіе, казначейство, около котораго стояла полосатая будка и ходилъ часовой. Это былъ второй двухъэтажный домъ отъ шлагбаума до центра города; первымъ была тюрьма, а всѣхъ двухъэтажныхъ домовъ (считая и гимназію)—было во всемъ городѣ пять. Передъ казначействомъ была немощеная площадь, посрединѣ которой стоялъ каменный столбъ, съ раскрашенною статуей Богородицы наверху. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на площади зіяли гостепріимно раскрытыя ворота заѣзжихъ домовъ, изъ которыхъ бѣжали къ намъ юркіе еврейскіе „мишуресы“, зазывая къ себѣ и нещадно ругая другъ друга. Но нашъ семейный ковчегъ прослѣдовалъ черезъ площадь. Впереди была рѣчка и мостъ. Рѣчка и мостъ въ самомъ центрѣ города привели меня въ восхищеніе. Передъ самымъ мостомъ ямщикъ круто повернулъ лошадей, наша коляска качнулась, остановилась, будто въ раздумьи, у воротъ съ покосившимся досчатымъ заборомъ, потомъ стукнула, затрещала, закачалась и покатилась внизъ, въ глубину немощенаго двора, заросшаго сплошь зеленой муравкой. Во дворѣ какъ-то безпорядочно было кинуто нѣсколько довольно старыхъ одноэтажныхъ зданій, построенныхъ безъ планировки, на неровной почвѣ, кое-гдѣ потрескавшихся и съ облупленной штукатуркой. На самомъ большомъ изъ этихъ зданій, направо отъ воротъ,—висѣла надъ дверью длинная бѣлая доска. На ней былъ нарисованъ двуглавый орелъ, а надъ нимъ надпись, кажется, слѣдующаго содержанія: „*Ровенскій низшій уѣздный судъ*“ *).

Рядомъ, какъ-то нелѣпо выступивъ впередъ и заграждая проѣздъ, стояло маленькое зданіе, крытое черепицей, съ рѣшетками въ окнахъ. Надпись надъ дверью гласила:

*) „Низшимъ земскимъ судомъ“ называлось уѣздное полицейское управленіе.

„Архивъ ровенскаго уѣзднаго суда“.

Въ глубинѣ двора, параллельно улицѣ, стоялъ длинный и низкій домъ, съ нехитрыми колонками у крыльца.

Это и была наша квартира на новомъ мѣстѣ, которое показалось мнѣ, послѣ Житоміра, какимъ-то особымъ, еще невиданнымъ міромъ.

Усадьба пани Ограцзиньской, старушки-вдовы, пріютившейся въ маленькой пристроечкѣ у нашего дома, была расположена на мысу, омываемомъ съ одной стороны водой стоячаго широкаго пруда, съ другой—тихой рѣчушкой, сочившейся изъ одного пруда въ другой. На рѣчку выходила калитка прямо къ досчатымъ кладочкамъ, у которыхъ стояла наша „собственная“ лодка-досчаникъ. Мы знали уже о ней ранѣе отъ сестры и знали также, что отецъ ѣздитъ въ ней по воскресеньямъ въ церковь. На той же рѣчкѣ, немного вправо, высоко надъ уровнемъ нашей усадьбы, виденъ былъ мостъ, на который намъ приходилось смотрѣть снизу вверхъ. У перилъ моста въ этотъ первый день до самаго вечера стояли кучки людей, преимущественно евреевъ, которые съ большимъ любопытствомъ смотрѣли сверху на нашу усадьбу, заинтересованные пріѣздомъ „семейства пана судьи“. Очевидно, это было событіе для всего города...

Нѣсколько большихъ прудовъ, соединенныхъ тихими рѣчушками, залегали въ широкой ложбинѣ, и городокъ расположенъ былъ по ихъ берегамъ. Наша усадьба была на сторонѣ городской. Напротивъ, на островѣ, по преданію, насыпанномъ искусственно плѣнными турками, стоялъ полуразвалившійся дворецъ князей Любомірскихъ, въ старо-польскомъ полу-готическомъ стилѣ. Онъ былъ окруженъ высокими пирамидальными тополями и имѣлъ чудесный видъ живописной и почтенной древности. На лѣвой сторонѣ пруда—бѣленькое, веселое, съ портикомъ и колонками—стояло двухъэтажное просторное зданіе гимназіи. И угрюмый „замокъ“, и свѣтлая колоннада гимназіи, точно въ зеркалѣ, отражались въ стеклянной поверхности воды. Вдали, подъ другимъ берегомъ, отчетливо рисуясь на синевѣ и зелени, плавали лебеди, которыхъ я тогда увидѣлъ въ первый разъ. Они оставляли за собой длинныя свѣтлыя полоски, долго потомъ стоявшія на сонной неподвижной глади...

Каждая новая мѣстность имѣетъ какъ бы собственую физіономію и откладываетъ въ душѣ какое-то общее, смутное, но свое собственное впечатлѣніе, на которое ложатся всѣ подробности. Все, что я видѣлъ теперь, показалось мнѣ чѣмъ-то волшебнымъ... Мнѣ казалось, что это какая-то новая, невѣдомая страница жизни... И вмѣстѣ... вѣроятно, отъ стараго замка странное ощущеніе истомы, дремоты, грезы о

прошломъ, минувшемъ, исчезнувшемъ навѣки,—кидало свою тѣнь на это молодое ожиданіе чудесъ... Прудъ лежалъ, какъ мертвый, и въ немъ отражался мертвый „замокъ“ съ пустыми впадинами оконъ, окруженный, точно заснувшей стражей, высокими рядами пирамидальныхъ тополей. Пруды зацвѣтали, покрывались у береговъ зеленою ряской, заростали татарникомъ и камышами. Неподвижная поверхность сверкала зноемъ и дышала на городокъ плѣсенью и лихорадками... И все вмѣстѣ удивительно гармонировало съ пустырями, прерывавшими линіи небольшихъ улицъ, съ дремотною фигурой инвалида у шлагбаума, съ пустыми окнами стараго замка...

Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ, когда мы сидѣли въ столовой за чаемъ, со стороны пруда послышался странный гулъ, обратившій общее вниманіе... Что это такое?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Это шумятъ тополи около стараго замка,—отвѣтили намъ.

Протяжный, глубокій, немного зловѣщій шумъ несся надъ тихимъ городишкомъ, точно важный голосъ, разсказывавшій о бурномъ прошломъ тихому и ничтожному настоящему, погруженному въ сѣрые будни...

Теперь я люблю воспоминаніе объ этомъ городишкѣ, какъ любятъ порой память стараго врага. Но, Боже мой, какъ я ненавидѣлъ, къ концу своего пребыванія въ немъ, — эту затягивающую, какъ прудовой илъ, лишенную живыхъ впечатлѣній будничную жизнь, высасывавшую энергію, гасившую порывы юнаго ума своей безотвѣтственностью на всѣ живые запросы, погружавшую воображеніе въ безплодно романтическія, лѣнивыя созерцанія мертваго прошлаго!

Дореформенный уѣздный судъ.

Въ Житомірѣ отецъ ежедневно уѣзжалъ „въ судъ“, и это учрежденіе рисовалось въ нашемъ воображеніи чѣмъ-то таинственнымъ, важнымъ, доступнымъ только людямъ въ мундирахъ съ шитыми воротниками, и гдѣ господствуетъ роковой неумолимый, но справедливый „законъ“. Здѣсь, въ городѣ Ровно, уѣздный судъ помѣщался рядомъ, на нашемъ дворѣ, въ самой интимной близости, и вскорѣ мы ознакомились съ его заповѣдными тайнами и съ служителями могущественнаго закона. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, обаяніе этого правительственнаго учрежденія мало выиграло при ближайшемъ знакомствѣ.

Начать съ того, что во всемъ зданіи стоялъ какой-то свой собственный, очень ощутительный запахъ, щекотавшій въ ноздряхъ и даже порой царапавшій въ горлѣ. Сначала мнѣ казалось, что источникомъ этого запаха являлась каморка судейскаго сторожа. Это былъ бравый еще николаевскій унтеръ, съ бритымъ подбородкомъ и съ подъусниками отъ рта до ушей. По утрамъ, пока сходились чиновники, онъ стоялъ въ оффиціальной позѣ въ передней, кланяясь тѣмъ изъ приходящихъ, кто былъ поважнѣе, а затѣмъ удалялся въ свою каморку, гдѣ на лавкѣ стояло желѣзное ведро съ ржавымъ ковшомъ и куда писцы прибѣгали пить воду, курить и балагурить, пока ихъ не прогоняли столоначальники. Кажется, что у сторожа была и водочка для страдающихъ похмѣльемъ... Послѣ присутствія онъ обходилъ всѣ комнаты съ метлой и поднималъ такую пыль, что самъ въ ея клубахъ казался чѣмъ-то въ родѣ усатаго привидѣнія; остальное время онъ посвящалъ сапожному ремеслу, прикидывая подметки и ставя заплатки на обуви чиновниковъ, нуждавшейся въ ремонтѣ. Изъ „сторожки“ такъ и садило особеннымъ „духомъ“, который, однако, имѣлъ въ судѣ и самостоятельное существованіе.

Духъ былъ „жилой“. Дѣло въ томъ, что не у всѣхъ чиновниковъ были собственныя квартиры, и нѣкоторые писцы неизмѣнно проживали въ судѣ. Вдоль стѣнъ стояли черные шкафы съ дѣлами, но, кромѣ бумагъ, въ нихъ хранились принадлежности костюмовъ, грязныя манишки, немудреная „холостая“ провизія и тому подобные не вполнѣ оффиціальные предметы. Оклады жалованья въ то время, даже принимая во вниманіе дешевизну, были всетаки изумительные. Такъ, штатный чиновникъ, архиваріусъ, панъ Крыжановскій, получалъ 8 рублей въ мѣсяцъ и считался счастливцемъ. Штатные писцы получали по 3 рубля, а вольнонаемные по „пяти злотыхъ“ (на польскій счетъ: злотый считался въ 15 копѣекъ). Здѣсь, очевидно, коренилось то философское отношеніе, съ какимъ отецъ глядѣлъ на мелкое взяточничество подчиненныхъ: безъ „благодарности“ обывателей они должны бы буквально умирать съ голоду. Но и съ „благодарностью“ жить было трудно. Поэтому нѣкоторые изъ судейской молодежи, кому не помогали родственники, ютились въ подвалахъ стараго замка или же устраивались „вѣчными дежурными“ въ судѣ. Такимъ вѣчнымъ дежурнымъ былъ, напримѣръ, нѣкій панъ Ляцковскій. Онъ былъ сынъ самодура-помѣщика, который совсѣмъ отъ него отказался. Получалъ онъ всего на всего три рубля, нѣсколько зашибалъ и имѣлъ наклонность къ щегольству: носилъ хотя и грязныя, но за то крахмальныя манишки, а курчавые пепельные волосы

густо смазывалъ помадой. За всѣми этими потребностями денегъ на квартиру у него не оставалось. Такихъ бѣдняковъ было еще пять-шесть, и они по очереди, за весьма скромную плату, дежурили за другихъ товарищей: дежурный, собственно, полагался одинъ, но жили они въ судѣ всѣ почти безсмѣнно, и потому по вечерамъ въ опустѣвшихъ канцеляріяхъ уѣзднаго суда горѣлъ какой-нибудь сальный огарокъ, стояла посудинка водки, лежало на сахарной бумагѣ нѣсколько огурцовъ, и дежурные рѣзались до глубокой ночи въ карты... Раннимъ утромъ, когда сторожъ отворялъ двери и окна, мы иной разъ проникали въ святилище правосудія, которое имѣло въ эти часы видъ далеко не оффиціальный. На нѣсколькихъ столахъ, безъ постелей, въ растяжку храпѣли „дежурные“, въ брюкахъ, грязныхъ сорочкахъ и желтыхъ носкахъ. Сапоги, засаленныя жилетки, грязныя манишки валялись на стульяхъ. Когда панъ Ляцковскій, кислый, не выспавшійся и похмѣльный, протиралъ глаза и поднимался со своего служебнаго ложа, то на оберткѣ „дѣла“, которое служило ему на эту ночь изголовьемъ, оставалось всегда явственное жирное пятно отъ помады. Иной разъ, особенно послѣ „двадцатаго числа“, въ судѣ вечеромъ становилось нѣсколько шумно и за картами порой возникали даже драки. Если авторитетъ сторожа оказывался недѣйствительнымъ и драка грозила увѣчьями, то на мѣсто являлся отецъ, въ халатѣ, туфляхъ и съ палкой въ рукѣ. Это всегда дѣйствовало быстро: чиновники разбѣгались, лѣтомъ прыгая въ окна: отецъ пользовался большимъ уваженіемъ; къ тому же было извѣстно, что, вспыливъ, онъ легко пускалъ въ ходъ и палку...

Высшій слой судейскаго чиновничества составляли столоначальники, секретари, засѣдатели (по мѣстному „подсудки“) и, наконецъ, судья. Среди засѣдателей были, между прочимъ, и выборные отъ сословій, а въ числѣ ихъ одинъ—отъ евреевъ. Фамилія его, если не ошибаюсь, была Рабиновичъ. Это былъ человѣкъ съ очень типичнымъ лицомъ, съ очень черной бородой и съ очень толстымъ животомъ. На службу онъ являлся, затянувъ животъ въ тѣсноватый судейскій мундиръ, съ тоненькой шпажонкой на боку, какъ и остальные. Въ то время существовала, конечно, черта осѣдлости. „Вопроса“ о еврейскомъ равноправіи не было. Положеніе, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, было устоявшееся, предустановленное, по крайней мѣрѣ, такимъ оно казалось въ нашемъ городишкѣ. Но за то не было и того злого антисемитизма, который развился впослѣдствіи. Законъ считалъ справедливымъ, чтобы въ судѣ, гдѣ разбираются, между прочимъ, и дѣла еврейскаго населенія, присутствовалъ, на равныхъ правахъ

съ остальными, также и „подсудокъ"-еврей. Званію засѣдателя присвоены были мундиръ и шпага, поэтому и выборный еврейскій подсудокъ являлся въ засѣданіе въ мундирѣ и при шпагѣ. Въ другое время, въ партикулярномъ долгополомъ кафтанѣ, онъ скромно сидѣлъ въ своей лавочкѣ или за мѣняльнымъ столикомъ *).

Взяточничество, конечно, процвѣтало: о разныхъ лицахъ изъ судебнаго персонала мы знали, какъ именно они „принимаютъ хабары". Одинъ закладывалъ руку горсточкой назадъ и просители клали деньги въ горсточку. Другому надо было „незамѣтно" положить на столъ, и онъ нечаянно прикрывалъ даянія бумагами и т. д., и т. д. У каждаго изъ сколько-нибудь вліятельныхъ чиновниковъ были свои „привычки", и просители обязывались знать ихъ... Я не знаю, сколько жалованья получали подсудки. Отецъ, кажется, получалъ около 80 р., и тогда на эти деньги можно было прожить даже съ такой семьей, какъ наша. Но отецъ былъ страстный любитель преферанса и игралъ хотя по маленькой, но всегда несчастливо. Часть жалованья онъ тратилъ еще на „гамбургскія лотереи", поэтому мать всегда билась, стараясь свести концы съ концами. Подсудки по большей части жили лучше нашей семьи, а секретарь дворянской опеки, подчиненный отца **), получавшій 18 рублей въ мѣсяцъ, держалъ лошадей и коляску и выписывалъ для жены шляпки и костюмы изъ Варшавы.

Порой надъ мирнымъ житіемъ уѣзднаго храма правосудія нависала гроза: приходили тревожные слухи о ревизіи, сначала неопредѣленные, смутные... Потомъ они подтверждались,—„ревизія выѣзжала изъ губерніи", придвигалась къ городу. Поднималась чистка улицъ, бѣгали квартальные, убирался навозъ, въ судѣ до глубокой ночи перебирались и приводились въ порядокъ дѣла. Отецъ тоже всегда волновался. Хотя всѣмъ было извѣстно, что въ судѣ дѣла въ большемъ порядкѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но отецъ все-таки считалъ, что у него двѣ слабыя стороны: первое,—что онъ разбитъ параличомъ, второе—что жена его полька, и семья считается „ополяченной". Первое обстоятельство особенно озабочивало отца въ пріѣздъ генералъ-губернатора Черткова. Онъ объѣзжалъ губернію, и ему предшествовали гроза и трепетъ. Въ Дубно онъ уволилъ больного судью,

*) Въ то время при промѣнѣ бумажныхъ денегъ на серебро или мѣдь брали лажъ отъ 1½ до двухъ копѣекъ съ рубля. На улицахъ стояли столики мѣнялъ.

**) Послѣ возстанія въ юго-западномъ краѣ выборные предводители дворянства («маршалки») были упразднены, и судья исполнялъ также обязанности уѣзднаго предводителя.

сказавъ только: „Я мастеръ здоровый, и мнѣ нужны здоровые подмастерья“. Сколько я могу припомнить тогдашніе откровенные разговоры въ чиновничьей средѣ,—по большей части удаленія, переводы, смѣщенія постигали неожиданно и безтолково далеко не самыхъ худшихъ. Впечатлѣніе было такое, что на городъ и на его чиновныхъ обитателей несется ураганъ, который вертитъ, кружитъ, подхватываетъ, вырываетъ съ корнемъ деревья, независимо отъ ихъ породы и не считаясь съ ихъ достоинствомъ. Когда ураганъ проносился,—вырванными изъ служебной почвы оказывались часто люди, за которыхъ менѣе всего опасались, а самые отчаянные взяточники и крючкотворы весело потирали руки и служили благодарственные молебны. „Сила власти“ каждый разъ иллюстрировалась очень ярко, но сила стихійная, отъ которой никто, какъ бы уже по самой ея природѣ не ожидалъ ни осмысленности, ни цѣлесообразности... Безотвѣтная и безправная среда только пригибалась: роптать въ тиши—это было, пожалуй, возможно, но, разумѣется, безполезно...

Я помню, съ какимъ страхомъ мать провожала отца въ судъ въ дни такихъ ревизій. Вотъ, наконецъ, приходитъ извѣстіе, что ревизоры ѣдутъ. Отъ тюрьмы по шоссе скатываются къ шлагбауму темныя пыльныя пятна. Впереди скачетъ исправникъ или помощникъ, шлагбаумъ заблаговременно „подвышенъ“, улицы точно вымело: обыватели только выглядываютъ изъ-за заборовъ и изъ оконъ. Ревизоры обыкновенно останавливались въ домѣ исправника Гоца, и оттуда начинался обходъ. Запыхавшіеся и съ утра уже перепуганные, вѣстники изъ канцелярской молодежи прибѣгали съ докладами: „ревизоры въ полиціи“, „ревизоры въ казначействѣ“, „казначея не пригласилъ садиться“, „такому-то сразу приказалъ подать въ отставку“... Въ уѣздный судъ почти каждый разъ „ревизія“ попадала къ вечеру. Предварительно являлись хлыщеватые чиновники особыхъ порученій и принимались рыться въ шкафахъ, провѣряя реестры и шнуровки. Затѣмъ во дворъ вкатывалась коляска съ „самимъ“. Мы съ братьями пробирались огородными грядами и бурьяномъ къ окну присутствія и съ затаеннымъ дыханіемъ, съ бьющимися сердцами заглядывали въ освѣщенныя комнаты. Все въ нихъ было торжественно и необычно, даже черные шкафы глядѣли празднично и щеголевато. Дверь присутствія отворяется, отецъ и подсудки подымаются со своихъ мѣстъ, на порогѣ, точно осіянная, является бравая генеральская фигура, за нею мундиры и холеныя лица петербургскихъ или хоть кіевскихъ чиновниковъ, дальше виднѣются комнаты канцелярій, наполненныхъ свѣтомъ и

трепетомъ. Кто-нибудь изъ насъ тихонько отступаетъ отъ окна и затѣмъ опрометью кидается къ матери:

— Вошли... Папѣ подалъ руку и просилъ садиться...

— Ну, слава Богу,—говоритъ мать и крестится.

— Слава Богу,—повторяетъ тетка и знакомыя дамы, набившіяся въ квартиру, чтобы первымъ узнать новости.

— Охъ, что-то еще будетъ съ моимъ,—вздыхаетъ кто нибудь...

И опять чувствуется, что надъ городишкомъ нависла тяжелая стихійная угроза. Я не помню, чтобы въ это первое время въ моемъ умѣ сколько-нибудь ясно шевелились какіе-нибудь критическіе вопросы: почему эта гроза бьетъ, не разбирая?.. Почему молодые хлыщеватые щеголи изъ ревизорской свиты держатся такъ развязно и свободно, а мой отецъ, превосходный чиновникъ и завѣдомо честный человѣкъ,— стоитъ передъ ними, точно ученикъ на экзаменѣ? Почему этотъ важный генералъ можетъ безпричинно разрушить существованіе цѣлой семьи, и никто не спроситъ у него отчета, правильно ли это сдѣлано? Все это, по крайней мѣрѣ, въ первые годы для меня, какъ и для окружающихъ, была все та же стихія. Царь можетъ все, генералъ имѣетъ силу у царя, хлыщи имѣютъ силу у генерала. Значитъ, и они „могутъ все“. Слава Богу, что не все разрушили, не всѣхъ разогнали... и кое-кого оставили въ покоѣ. Когда гроза проносилась, и помощникъ исправника возвращался въ городъ съ болѣе или менѣе отдаленныхъ проводовъ,—всѣ вздыхали съ облегченіемъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, кто оказывался раздавленнымъ ураганомъ... Въ такихъ семьяхъ лились слезы, шли догадки, откуда произошло „несчастіе“, кто могъ написать доносъ, кто насплетничалъ, что именно насплетничалъ и кому. Если можно было узнать это, то и виновными оказывались эти сплетники, наушники и доносчики, которые навлекли на несчастныхъ грозу власти.

Самая же гроза не подлежала обвиненіямъ. Она бушевала на недосягаемыхъ высотахъ...

Архиваріусъ Крыжановскій.

Изъ всего состава высшаго ровенскаго уѣзднаго суда эта фигура и своеобразныя отношенія къ ней моего отца съ наибольшей яркостью сохранились въ моей памяти.

Въ день нашего пріѣзда, когда наша коляска катилась отъ воротъ въ глубину двора, провожаемая любопытными взглядами судейскихъ чиновниковъ,—изъ маленькаго зданія

съ надписью „Архивъ ровенскаго уѣзднаго суда“,—вышелъ, согнувшись въ дверяхъ, рослый человѣкъ, въ потертомъ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ, и быстро пошелъ за коляской къ нашему крыльцу. Прежде всего онъ схватилъ меня подъмышки и, какъ перышко, снялъ съ козелъ. При этомъ меня слегка опахнуло душкомъ перегара. Затѣмъ онъ открылъ дверцу и галантно помогъ матери выйти, поцѣловавъ у нея руку. Мать тоже, вѣроятно, замѣтила запахъ и укоризненно покачала головой... Незнакомецъ не смотрѣлъ ей въ глаза и засуетился, помогая при выгрузкѣ коляски.

Это былъ панъ Крыжановскій, архиваріусъ. Какъ уже сказано, это былъ человѣкъ очень высокаго роста, но грудь у него была впалая, плечи сутулыя, носъ сильно изогнутый на бекрень. Глаза были уныло мутные; черные жесткіе волосы торчали, какъ плохо выкошенный бурьянъ, пиджакъ былъ засаленный и потертый, тонкія ноги были обуты въ сапоги съ широкими голенищами.

По разсказамъ онъ былъ когда-то богатымъ помѣщикомъ Находились очевидцы, описывавшіе его коляску и четверку лошадей, на которыхъ онъ якобы пріѣзжалъ когда-то въ Ровно. Говорили затѣмъ, будто у него жена убѣжала съ офицеромъ (тогда что-то многія жены убѣгали съ офицерами), послѣ чего онъ сильно закутилъ и пропилъ все имѣніе; или, наоборотъ: сначала онъ прокутилъ все имѣніе, а потомъ жена убѣжала съ офицеромъ. Какъ бы то ни было, теперь онъ служилъ архиваріусомъ, получалъ 8 рублей въ мѣсяцъ, ходилъ въ изрядно засаленномъ костюмѣ, видъ имѣлъ не то слегка высокомѣрный, не то унылый и въ общемъ—сильно потертый. За то онъ никогда не унижался до дешевой помады и томпаковыхъ цѣпочекъ, которыя другіе „чиновники“ носили на виду, безъ всякой надобности, такъ какъ часовъ по большей части въ карманахъ не было. Нравъ у него, особенно въ хмѣльномъ состояніи, былъ строптивый и заносчивый. Работалъ онъ, а порой и проживалъ недѣлями въ очень тѣсномъ помѣщеніи архива, гдѣ связки дѣлъ на полкахъ пріятно разнообразились принадлежностями его костюма, „вещественными доказательствами“ разныхъ разбиравшихся въ судѣ преступленій и бутылями изъ-подъ водки. Работалъ онъ очень неровно: то слонялся гдѣ-то по цѣлымъ днямъ со своей тоской, то усердно принимался за приведеніе дѣлъ въ порядокъ. Въ такихъ случаяхъ онъ запасался бутылью, въ архивѣ долго ночью горѣлъ огонь, и мы, поднимаясь на цыпочкахъ, могли видѣть въ рѣшетчатое оконце, какъ Крыжановскій писалъ, подшивалъ, шнуровалъ и припечатывалъ сюргучомъ бумаги, наливая въ промежуткахъ стаканъ за стаканомъ. Въ одно прекрасное утро бутыль

оказывалась пустой, дѣла подшитыми, а архиваріусъ, въ одномъ бѣльѣ — лежащимъ на полу архива, при чемъ его длинная фигура занимала все помѣщеніе отъ двери до окна.

Къ намъ онъ относился по своему добродушно, въ разговоры пускался рѣдко, но приглашалъ съ собой на рыбную ловлю, а иной разъ, въ видѣ особой милости, допускалъ даже въ свое архивное святилище. Мы съ любопытствомъ разсматривали этотъ маленькій музей „вещественныхъ доказательствъ“: тутъ были выломанные замки, краденый самоваръ, топоръ съ ржавыми пятнами крови на лезвіѣ, узлы съ носильнымъ платьемъ, большіе болотные сапоги и двѣ охотничьи двустволки. Хотя на всѣхъ этихъ предметахъ болтались ярлыки съ номерами и сургучными печатями, но панъ Крыжановскій обращался съ ними довольно свободно: самоваръ сторожъ ставилъ для архиваріуса, когда у него являлось желаніе напиться чаю (это, впрочемъ, случалось не ежедневно), а съ двустволками панъ Крыжановскій нерѣдко отправлялся на охоту, надѣвая при этомъ болотные сапоги и соединяя, такимъ образомъ, для одного употребленія вещественныя доказательства изъ различныхъ дѣлъ. Порой, когда Крыжановскій бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, и самоваромъ, и сапогами, и двустволками пользовались нѣкоторые чиновники, отчего, разумѣется, и первоначальная цѣнность, и внѣшній видъ „вещественныхъ доказательствъ“ къ концу многолѣтняго дѣла значительно мѣнялись. Однажды, кто-то изъ служебныхъ враговъ Крыжановскаго поднялъ было по этому поводу гнусную кляузу, но Крыжановскій заблаговременно предупредилъ ея послѣдствія: самоваръ онъ за собственный счетъ вылудилъ, къ одной двустволкѣ придѣлалъ новый курокъ и вычистилъ ее, а на сапоги судейскій сторожъ накинулъ иждивеніемъ архиваріуса подметки. Такимъ образомъ, „хоть это и стоило денегъ“, какъ съ торжествомъ говорилъ самъ Крыжановскій, —ядовитый доносъ потерялъ силу.

Однажды, вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, панъ Крыжановскій запилъ, и при томъ особенно бурно. На службу онъ не являлся, но объ его дѣяніяхъ къ отцу приходили ежедневные доклады: то въ трактирѣ, гдѣ компанія чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ играла на ветхомъ билліардѣ, Крыжановскій, послѣ минутнаго наблюденія, смѣшалъ шары, послѣ чего вышелъ „большой шумъ“, и Крыжановскій отступилъ съ честью, хотя и не безъ урона; то на улицѣ онъ произвелъ дебошъ и оскорблялъ встрѣчныхъ женщинъ, объявляя себя врагомъ всего женскаго пола, то подрался съ будочниками, призывавшими его къ порядку. Отецъ принималъ все это довольно спокойно, хотя и сказалъ нѣсколько разъ ма-

тери, которая изъ сожалѣнія часто ходатайствовала за Крыжановскаго: „слышишь, что дѣлаетъ?" Наконецъ, случилось самое худшее. Крыжановскій явился въ трактиръ, гдѣ молодой столоначальникъ Венцель праздновалъ полученіе чина, завелъ ссору, а затѣмъ, безъ всякой основательной причины ударилъ виновника торжества по лицу.

Отецъ страшно разсердился, весь покраснѣлъ и, сжимая въ рукахъ палку, требовалъ, чтобы Крыжановскаго немедленно доставили къ нему на расправу. Для этого были разосланы по городу писцы, но въ теченіе двухъ-трехъ дней объ архиваріусѣ не было ни слуху, ни духу; пришлось даже взломать замокъ у архива, чтобы взять какое-то нужное дѣло. Отецъ волновался, строго „разъ навсегда" запрещалъ матери заступаться „за этого висѣльника" и объявилъ рѣшительно, что на этотъ разъ прогонитъ его со службы.

На третій или на четвертый день мы съ братомъ и сестрой были въ саду, когда Крыжановскій неожиданно перемахнулъ своими длинными ногами черезъ заборъ со стороны пруда и, присѣвъ въ высокой травѣ и бурьянахъ, поманилъ насъ къ себѣ. Видъ у него былъ унылый и несчастный, лицо помятое, глаза особенно мутные, носъ совсѣмъ покривился и даже какъ будто обвисъ.

— Тс-съ...—сказалъ онъ, косясь на терраску нашей квартиры, выходившую въ садъ.—Что,—какъ панъ судья? Очень сердитъ?..

— Сердитъ,—отвѣтили мы.

— А пани сендзина (госпожа судейша)...

Мы не знали, что сказать. Вообще, мать очень жалѣла Крыжановскаго, но не смѣла теперь ничего сказать въ его защиту.

— Святая женщина! — сказалъ Крыжановскій, смахивая слезу. — Подите, мои милые друзья, спросите у матери, — можно ли мнѣ явиться сегодня, или еще обождать?

Мы принесли отвѣтъ, что лучше обождать, и архиваріусъ опять тѣмъ же путемъ перемахнулъ черезъ заборъ, — какъ разъ во время, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ отецъ появился на террасѣ.

Въ этотъ день мать осторожно заговорила о Крыжановскомъ и о томъ, что неизвѣстно даже, гдѣ находится этотъ несчастный. Отецъ сказалъ только свое обычное: „толкуй больной съ подлѣкаремъ" и, когда мы на слѣдующій день передали объ этомъ Крыжановскому, онъ рѣшилъ, что „теперь пора", перекрестилъ подъ пиджакомъ грудь и животъ— и, пославъ насъ впередъ, самъ осторожно обошелъ домъ и вошелъ на цыпочкахъ со двора въ переднюю.

Это было въ воскресенье. Отецъ недавно вернулся изъ

церкви въ мирномъ настроеніи и, надѣвъ халатъ, ходилъ взадъ и впередъ по нашей небольшой гостиной. Мы тоже вошли въ гостиную, разсѣлись съ невиннымъ видомъ по стульямъ и съ замираніемъ сердца стали слѣдить за драмой, которая должна была произойти между отцомъ и архиваріусомъ, притаившимся въ сѣняхъ, за притолкой двери.

Отецъ что-то ласково сказалъ сестрѣ и пошелъ отъ двери въ противоположный уголъ. Крыжановскій, длинный, вытянутый, робкій, тихонько вынырнулъ изъ-за стѣны и, перешагнувъ черезъ порогъ, застылъ у косяка. Но едва отецъ дошелъ до конца комнаты, гдѣ долженъ былъ повернуться,— Крыжановскій мгновенно исчезъ опять за стѣной. Это повторялось раза два или три, и долговязый архиваріусъ дѣлалъ это такъ тихо, что отецъ даже не догадывался, на кого мы смотримъ за его спиной съ такимъ захватывающимъ интересомъ. Наконецъ, ободренный нашими сигналами, Крыжановскій принялъ окончательное рѣшеніе: онъ опять выступилъ изъ-за стѣны, прислонился спиной къ косяку и застылъ въ этой позѣ.

Отецъ повернулся и увидѣлъ преступника.

Въ первое мгновеніе мы испугались уже не за Крыжановскаго, а за отца. У него въ Дубно былъ легкій ударъ, и мать очень боялась повтореній. Теперь, при неожиданномъ появленіи провинившагося архиваріуса, лицо, лобъ, даже затылокъ у отца залило краской, палка у него въ рукѣ задрожала и упала на полъ. Онъ сталъ говорить что-то, сильно заикаясь... Крыжановскій подошелъ къ нему и наклонился, чтобы поднять упавшую палку. Отецъ схватилъ нагнувшагося великана за волосы, и затѣмъ произошла странная сцена: отецъ своей слабой рукой таскалъ Крыжановскаго за жесткій вихоръ, то наклоняя его голову, то подымая кверху. Крыжановскій съ нѣсколько испуганнымъ и тупымъ лицомъ старался только облегчить отцу эту работу, покорно водя голову кругомъ за рукой отца. Когда голова наклонялась, Крыжановскій старался поцѣловать отца въ животъ, когда подымалась, онъ цѣловалъ въ плечо и все время приговаривалъ голосомъ, въ который старался вложить какъ можно больше убѣдительности:

— А! панъ судья... А! ей-Богу!.. А, зачѣмъ это?.. Это вредитъ вашему здоровью... Ну, будетъ уже, ну, довольно...

Сестренка, испугавшись, заплакала, изъ кухни прибѣжала мать и, успокаивая отца, постаралась освободить волосы Крыжановскаго изъ его руки. Когда это удалось, архиваріусъ, уже свободный, еще разъ поцѣловалъ отца въ плечо и сказалъ:

— Ну, вотъ... и слава Богу... пусть судья успокоится.

Стоитъ ли, ей-Богу, принимать такъ близко къ сердцу -- всякіе тамъ пустяки...

— Пошелъ вонъ!—сказалъ отецъ. Онъ былъ очень вспыльчивъ, но легко остывалъ, и теперь въ его голосѣ уже не было прежняго гнѣва. Крыжановскій поцѣловалъ у матери руку, сказалъ: — „святая женщина", — и быстро скрылся. Послѣ этого всѣ мы поняли какъ-то сразу, что все кончено, и Крыжановскій останется на службѣ. Дѣйствительно, на слѣдующій день онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, работалъ въ архивѣ. Огонекъ изъ рѣшетчатаго оконца свѣтилъ на дворъ до поздней ночи.

Таковы были „простые нравы" того времени въ судебной средѣ. Помню, что судейскіе чиновники съ величайшимъ любопытствомъ разспрашивали насъ о подробностяхъ этой сцены и хохотали. Не могу вспомнить, чтобы кто-нибудь считалъ при этомъ себя или Крыжановскаго профессіонально оскорбленнымъ. Всѣ смотрѣли на эпизодъ со стороны юмористической. Мы тоже смѣялись, и вообще похожденія Крыжановскаго возбуждали въ насъ, главнымъ образомъ, веселость. Юность недостаточно чутка къ такимъ скрытымъ драмамъ; однажды мы даже сочинили общими усиліями юмористическое стихотвореніе и подали его Крыжановскому въ видѣ дѣловой бумаги. Начиналось оно словами:

Архиваріусъ я чиновникъ,
Видомъ, ростомъ молодецъ. .

и заключало насмѣшливое изложеніе его служебныхъ неудачъ и горестей. Крыжановскій началъ читать, но затѣмъ нервно скомкалъ бумагу, сунулъ ее себѣ въ карманъ и, посмотрѣвъ на насъ своими тускло-унылыми глазами, сказалъ только:

— Учитесь... балбесы...

На слѣдующій годъ Крыжановскій исчезъ. Одни говорили, что видѣли его оборваннаго и пьянаго гдѣ-то на ярмаркѣ въ Тульчинѣ. Другіе склонны были вѣрить легендѣ о какомъ-то, яко бы полученномъ имъ, наслѣдствѣ, призвавшемъ его къ новой жизни. Какъ бы то ни было, исчезъ онъ таинственно; но впослѣдствіи я часто вспоминалъ эту нѣсколько комичную и вмѣстѣ угрюмую фигуру и горькое выраженіе, съ которымъ онъ сказалъ намъ:

— Учитесь... балбесы...

Ровенская гимназія. — „Первое впечатлѣніе“. — Я узнаю кое-что о „реформѣ“, о царѣ и о Катковѣ.

Въ Ровно мы пріѣхали на каникулахъ. Ученики разъѣхались. Немногіе изъ нихъ, оставшіеся въ городѣ, ходили въ „штатскомъ“ платьѣ и пользовались каникулярной свободой. Первый изъ будущихъ моихъ товарищей, съ которымъ я свелъ знакомство, былъ Кроль, сынъ подсудка, сослуживца моего отца и два Краневича, здоровенные дебелые молодцы съ грубыми лицами и грубыми голосами.

Однажды они зашли за мной и предложили сходить вмѣстѣ въ польскій костелъ, на „Волю“. Это было въ предмѣстьи, на самой окраинѣ города. Маленькій уютный костелъ стоялъ въ сосѣдствѣ соломенныхъ хатъ, посреди могилъ и крестовъ. Было что-то особенно привѣтливое въ этомъ бѣленькомъ костелѣ съ его небольшими звонкими колоколами и звуками органа, вырывавшимися изъ-за цвѣтныхъ стеколъ и носившимися надъ могилами. Когда органъ стихалъ, слышался тихій баюкающій шелестъ березокъ и шепотъ молящихся, которые не умѣщались въ „каплицѣ“ и стояли на колѣняхъ у входа.

Мы бродили среди могилъ, пробираясь вглубь кладбища, когда Кроль вдругъ остановилъ всѣхъ и указалъ на одинъ изъ могильныхъ холмовъ. Надъ нимъ виднѣлся пятномъ синій мундиръ министерства народнаго просвѣщенія. Обладатель мундира склонился къ могильной плитѣ и что-то дѣлалъ надъ ней такъ усердно, что не замѣтилъ нашего приближенія. Когда онъ поднялся, мои товарищи быстро скрылись за стѣнкой склепа, а я остался, и незнакомецъ быстро подошелъ ко мнѣ.

Это былъ небольшой довольно смѣшной человѣчекъ съ горбатымъ заостреннымъ носомъ, быстро бѣгающими глазами и постоянно склоненной къ одному плечу головой. Ступни ногъ у него были непомѣрно большія, и сквозь кожу сапогъ проступали уродливыя мозоли. На ходу онъ какъ то особенно сѣменилъ ногами, одѣтыми въ узкія сиреневыя брюки и вскидывалъ огромныя ступни одну изъ-за другой. Эту походку ученики называли шкандыбаніемъ.

Подойдя ко мнѣ, маленькій человѣкъ уставился въ меня пытливо и подозрительно.

— Кто такой? А? Новый... Смо-отри ты у меня!

И онъ погрозилъ пальцемъ. Въ чемъ, собственно, было дѣло, я, разумѣется, понять не могъ, но, странно, — это обращеніе сразу показалось мнѣ совершенно естественнымъ.

Я сообразилъ, что это, навѣрное, гимназическій надзиратель, а я—„новый ученикъ“, т. е. существо ему подвластное и виновное уже въ силу своего существованія...

Оглянувшись еще разъ, такъ же подозрительно и чутко,—онъ пошкандыбалъ дальше и вскорѣ скрылся изъ виду между памятниками. Мои новые товарищи выбѣжали изъ-за склепа и побѣжали къ могилѣ, съ которой только что ушелъ „Дидонусъ“ (такова оказалась кличка надзирателя).

Надъ могилой росла молодая березка и лежалъ простой камень, на которомъ подъ крестомъ и обычными тремя буквами D. O. M. стояло уменьшительное имя и фамилія, кажется, Янкевичъ (или Янковскій,—теперь не помню). Ниже фамиліи виднѣлась еще строчка, тщательно соскобленная и затертая. Несмотря на это, все же можно было прочитать два слова по польски: „Ofiara srogosci“ (жертва строгости).

Мои товарищи добыли перочинные ножики, одинъ вытащилъ ржавый гвоздь изъ ближайшей ограды, и всѣ мы по очереди принялись за работу. Черезъ полчаса въ глубинѣ затертой бороздки надпись была опять возстановлена съ прежней отчетливостью...

Я узналъ при этомъ слѣдующую исторію.

Это было нѣсколько лѣтъ назадъ. Ученика младшихъ классовъ Янкевича „преслѣдовало“ за что-то гимназическое начальство, и однажды его оставили въ карцерѣ. Мальчикъ жаловался на сильное нездоровье, отпрашивался домой, но ему не повѣрили.

Карцеръ и въ мое время помѣщался во второмъ этажѣ, въ самомъ отдаленномъ углу зданія. Къ нему велъ отдѣльный небольшой корридорчикъ, дверь котораго запиралась еще особо.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось-таки свести близкое знакомство съ этимъ помѣщеніемъ, и каждый разъ, какъ сторожъ, побрякавъ ключами, удалялся, и его шаги замирали въ гулкомъ длинномъ корридорѣ,—я вспоминалъ Янкевича и представлялъ себѣ, какъ ему, вѣроятно, было страшно, больному, въ этомъ одиночествѣ. Вотъ стукнула далеко внизу выходная дверь на блокѣ, по корридорамъ пробѣжали, толкаясь въ углахъ, тревожные и чуткіе отголоски. Все замерло. За маленькимъ высокимъ оконцемъ шумятъ каштаны густаго сада, въ углахъ таится и накопляется мгла раннихъ сумерекъ...

Когда сторожъ пришелъ, поздно вечеромъ, чтобы освободить заключеннаго, — онъ нашелъ его въ безпамятствѣ, свернувшагося комочкомъ у самой двери. Сторожъ поднялъ тревогу, привелъ гимназическое начальство, мальчика свезли на квартиру, вызвали мать... Но Янкевичъ никого не узна-

валъ, метался въ бреду, пугался, кричалъ, прятался отъ кого-то и такъ и умеръ, не приходя въ сознаніе...

Теперь въ гимназіи едва ли уже были непосредственные виновники этой смерти, и товарищи Янкевича тоже давно разбрелись по свѣту. Но гимназическая легенда передавала отъ поколѣнія къ поколѣнію о „жертвѣ строгости", и ученики, не знавшіе ни Янкевича, ни его палачей, считали своею обязанностью подновлять надпись на могильномъ камнѣ, и я впослѣдствіи тоже натиралъ мозоли, углубляя и освѣжая вновь затертыя Дидонусомъ буквы... Пожалуй, это была уже своего рода „оппозиція", завѣщанная мрачнымъ прошлымъ „дореформенной" гимназіи и успѣшно поддерживаемая гимназіей пореформенной до нашихъ дней,— общая оппозиція учащагося юношества, какъ воюющей стороны, своимъ школьнымъ властителямъ.

Когда именно случился другой эпизодъ, о которомъ я хочу теперь разсказать,—я точно не помню. Мнѣ кажется, что въ тѣ же каникулы передъ началомъ ученія въ ровенской гимназіи, но, можетъ быть, и позже. Воспоминаніе стоитъ островкомъ, совершенно отдѣленнымъ отъ послѣдовательности внѣшнихъ событій тогдашней моей жизни...

Нужно сказать, что гимназія куда я и мои братья собирались поступить, была „реальная гимназія", типъ средняго заведенія, просуществовавшій недолго и служившій переходной ступенью къ реакціонной реформѣ Д. А. Толстаго. Житомірская гимназія была при мнѣ еще гимназіей общаго типа, съ умѣреннымъ классицизмомъ: учили одной латыни, и то лишь съ третьяго класса. Но раздѣленіе уже началось, и первые классы ровенской гимназіи уже шли по „реальной" программѣ. Мой старшій братъ еще доучивалъ латынь, а черезъ два-три года послѣ меня уже оканчивали настоящіе „реалисты", для которыхъ „система" Толстаго изсушающую грамматику мертвыхъ языковъ замѣнила не менѣе изсушающимъ механическимъ черченіемъ. Эта реформа, несомнѣнно, останется рѣдкимъ памятникомъ систематическаго опыта отупленія цѣлыхъ поколѣній.

Значеніе ея мнѣ, разумѣется, тогда было совершенно непонятно, и я радостно стремился изъ Житоміра, гдѣ училъ (довольно легко) латынь въ Ровно, гдѣ мнѣ предстояло усиленное изученіе естественной исторіи и математики. Но уже на провѣрочномъ экзаменѣ (изъ третьяго въ третій же классъ) я изумилъ учителя ариѳметики и алгебры своимъ поразительнымъ невѣжествомъ въ математикѣ, при очень бойкихъ отвѣтахъ по остальнымъ предметамъ. Учителя рѣшили, что у меня „нѣтъ способностей къ математикѣ", и инспекторъ сказалъ отцу, что мнѣ лучше было бы „по

склонностямъ моего ума“ оставаться въ Житомірѣ и готовиться къ университету.

Это, конечно, было совершенно вѣрно, но не имѣло никакого практическаго значенія. Мой отецъ, какъ и огромное большинство чиновниковъ и людей средняго класса, не имѣлъ средствъ содержать меня отдѣльно въ Житомірѣ и долженъ былъ учить тамъ, гдѣ самъ служилъ. Выходило, что выборъ дальнѣйшаго образованія опредѣлялся впередъ не нашими „умственными склонностями“, а случайностями служебныхъ переводовъ нашихъ отцовъ.

Уже вслѣдствіе этой наглядной несообразности, реформа Д. А. Толстаго была чрезвычайно непопулярна въ среднихъ кругахъ тогдашняго общества и безъ всякаго сомнѣнія сыграла значительную роль въ оппозиціонномъ настроеніи застигнутыхъ ею молодыхъ поколѣній.

Эпизодъ, о которомъ я теперь вспоминаю, возникъ именно на этой почвѣ.

Однажды у отца собрались на карточный вечеръ сослуживцы и знакомые. Это было чуть не единственное удовольствіе, которое отецъ позволялъ себѣ, и очень скоро въ Ровно, какъ и въ Житомірѣ, у него подобралась для этого компанія обычныхъ партнеровъ. Тутъ былъ подсудокъ Кроль, серьезный нѣмецъ съ рыжеватыми баками, по странной случайности женатый на русской поповнѣ; былъ толстый городничій Дембскій, послѣдній представитель этого званія такъ какъ вскорѣ должность „городничихъ“ была упразднена; докторъ Погоновскій, добродушный человѣкъ съ пробритымъ подбородкомъ и длинными баками (тогда это было распространенное украшеніе докторскихъ лицъ), панъ Богацкій, „секретарь опеки“, получавшій 18 рублей въ мѣсяцъ и державшій отличный выѣздъ... Было еще нѣсколько скромныхъ обывательскихъ фигуръ, серьезно предававшихся „преферансу“ и нимало, разумѣется, не склонныхъ ни къ политикѣ, ни къ оппозиціи. Жены ихъ сидѣли съ матерью въ столовой и вели свои спеціально дамскія бесѣды. Было сильно накурено и довольно скучно. За зелеными столами слышались обычныя лаконическія заявленія:

— Пасъ...

— Покупаю...

— Семь трефъ..

— Надо было ходить съ короля...

Во время перерыва за чайнымъ столомъ, уставленнымъ закусками и водкой, зашелъ общій разговоръ, коснувшійся, между прочимъ, школьной реформы. Всѣ очень единодушно осуждали ее съ чисто практической точки зрѣнія: чѣмъ виноваты дѣти, отцы которыхъ волею начальства служатъ въ

Ровно. Путь въ университетъ имъ закрытъ, а университетъ тогда представлялся единственнымъ настоящимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ.

Кто-то задался вопросомъ: какъ могло „правительство" допустить такую явную несообразность?

Отецъ всегда выписывалъ газету (преимущественно „Сынъ Отечества," который въ моей памяти тѣсно ассоціировался съ табакомъ фабрики Жукова) и теперь сообщилъ въ краткихъ чертахъ исторію реформы: большинствомъ голосовъ въ государственномъ совѣтѣ проектъ Толстого былъ отвергнутъ, но „царь согласился съ меньшинствомъ".

Послѣдовало короткое молчаніе. Разговоръ какъ бы уткнулся въ высокую преграду.

— И все это Катковъ,—сказалъ кто-то съ легкимъ вздохомъ.

— Конечно, онъ,—прибавилъ другой...—Много этотъ человѣкъ сдѣлалъ зла Россіи.

Отецъ молчалъ. Онъ не поддакивалъ осуждавшимъ реформу, но и не говорилъ своего обычнаго „толкуй больной съ подлѣкаремъ". Но его сдержанное молчаніе произвело на меня большее впечатлѣніе, чѣмъ разговоры другихъ.

Черезъ нѣкоторое время чаепитіе кончилось, и партнеры опять перешли въ гостиную, откуда опять вскорѣ послышались дѣловыя восклицанія:

— Пасъ!

— Покупаю.

— Семь трефъ!

— Надо было ходить въ ренонсъ...

Помню, что послѣ этого я вышелъ изъ накуренныхъ комнатъ на балконъ, и помню, что ночь была ясная и свѣтлая. Я постоялъ на балконѣ, смотрѣлъ на прудъ, залитый луннымъ свѣтомъ, и на старый дворецъ на островѣ. Потомъ сѣлъ въ лодку и тихо отплылъ отъ берега на середину пруда. Мнѣ былъ видѣнъ нашъ домъ, балконъ, освѣщенныя окна, за которыми играли въ карты... Опредѣленныхъ мыслей не помню.

Да ихъ, вѣроятно, и не было; никакая рѣзкая черта не прошла въ сознаніи, отдѣливъ что-то совершенно новое, отъ чего-то сразу устарѣвшаго. Теорія бурныхъ катаклизмовъ оставлена въ геологіи, но психологи-беллетристы отводятъ ей слишкомъ большое мѣсто въ душевной жизни. Конечно, бываютъ рѣзкіе перевороты въ душѣ, какъ бываютъ изверженія, колеблющія земную поверхность. Но это исключенія; по общему же правилу, самые глубокіе душевные перевороты совершаются медленными и почти незамѣтными отложеніями наростающихъ новыхъ идей и вывѣтриваніемъ старыхъ.

Изъ того, что я такъ запомнилъ именно этотъ вечеръ изъ многихъ другихъ, когда у насъ играли въ карты, я заключаю, что я вышелъ тогда изъ накуренной комнаты съ чѣмъ-то новымъ въ душѣ, смутнымъ, но способнымъ къ дальнѣйшему росту... На вопросъ, когда-то поставленный, по словамъ отца, „философами“: „можно ли думать безъ словъ,“ я теперь отвѣтилъ бы совершенно опредѣленно: да, можно. Мысль, облеченная въ точное понятіе и слово, есть только надземная часть растенія,—стебель, листья, цвѣты... Но начало всего этого—подъ почвой, въ невидимомъ зернѣ и его росткахъ, въ которыхъ дремлютъ возможности стебля, цвѣтка и листьевъ. Ихъ не видно, надъ ними еще колышутся другіе листья и стебли, а между тѣмъ—подъ почвой уже все готово для новаго растенія.

Такіе сѣмена и ростки я, должно быть, вынесъ въ ту минуту изъ накуренной комнаты, въ которой „старшіе“ беззаботно и безцѣльно, въ святой простотѣ и совершенно благонамѣренно, толковали о непопулярной „реформѣ“. Передъ моими глазами были лунный вечеръ, сонный прудъ, старый замокъ и высокіе тополи. Въ головѣ, можетъ быть, копошились какія-нибудь пустыя мыслишки насчетъ завтрашняго дня, но онѣ не оставили никакого слѣда. А подъ ними, въ глубинѣ, пускали ростки новыя понятія о царѣ и верховной власти.

Есть на свѣтѣ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, грозовыя тучи, царь, законъ... Все это есть, и все это дѣйствуетъ такъ или иначе *не почему-нибудь*, а просто потому, что есть и что дѣйствуетъ... Роптать на небесный громъ — глупо и безцѣльно. Такъ же глупо роптать на царя именно оттого, что тутъ нѣтъ вопроса „почему такъ, а не иначе“... Глупая козявка и уносящій ее водяной потокъ, „старая фигура“ у дома Коляновскихъ и разбившая ее громовая стрѣла, наконецъ, немощный и неразумный больной и — всезнающій могущественный подлѣкарь... Всѣ эти взаимныя отношенія есть не почему нибудь, а просто *есть*, *были* и *будутъ* отъ вѣка и до вѣка...

Таково было устойчивое, цѣльное, простое міровоззрѣніе, которое жило въ душѣ моего отца и которое незамѣтно безсистемно, изъ отдѣльныхъ словъ, замѣчаній, сентенцій поселилось также въ моей душѣ. По моему мнѣнію, такое и только такое міровоззрѣніе есть истинная основа абсолютизма „волею божіею“, и до тѣхъ поръ, пока живо и цѣльно, вѣрнѣе—совсѣмъ еще неприкосновенно это воззрѣніе,—сильна абсолютная власть. До этого вечера я и былъ во власти именно этого воззрѣнія. Стихійность, незыблемость, недоступность для какой бы то ни было критики въ моемъ пред

ставленіи распространялась сверху, отъ царя, очень широко, вплоть до генералъ-губернатора, даже, пожалуй, до губернатора... Все это сіяло, какъ фигура Черткова на порогѣ объятаго трепетомъ уѣзднаго присутствія, все это гремѣло, благодѣтельствовало или ввергало въ отчаяніе не почему нибудь и не на какомъ-нибудь основаніи, а просто такъ... безъ причины, высшею, безотчетною волей, съ которой *нельзя* спорить, о которой не приходится даже и разсуждать.

Теперь изъ невиннаго разговора старшихъ я получилъ, если еще не новыя мысли, то всетаки новыя представленія: моя личная судьба опредѣлена заранѣе, – университетъ для меня и тысячи другихъ юношей въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ—закрытъ. Это я чувствую, какъ зло, и всѣ признаютъ это зломъ. Этого *могло не быть.* Какое-то большинство въ какомъ-то государственномъ совѣтѣ этотъ проектъ осудило. Царь *могъ* согласиться съ большинствомъ... тогда все было бы хорошо. Но онъ почему-то согласился съ меньшинствомъ... Вышла всѣми признанная несообразность, которой *могло не быть...* И случилось это не просто потому, что громъ есть громъ, а царь есть царь... Нѣтъ, — „все это надѣлалъ“ какой-то невѣдомый Катковъ, который и вообще сдѣлалъ много зла... Но тогда... предо мной вскрывалась, какъ когда-то изъ-за срубленнаго крыльца нашего дома — изнанка болѣе крупнаго жизненнаго явленія. Домъ мнѣ казался цѣльнымъ и вѣчнымъ. Пришли какіе-то люди, сняли одно крыльцо, приставили другое и при этомъ обнажили старые столбы, заплесневѣлые и подгнившіе. Теперь изъ-за цѣльнаго стихійнаго представленія о власти „земного Бога“ выглянулъ простой Катковъ...

Должно быть, это новое смутное ощущеніе „изнанки“ явленій сдѣлало для меня и этотъ разговоръ, и этотъ осенній вечеръ съ луной надъ гладью пруда такими памятными и значительными, хотя „мыслей словами“ я вспомнить не могу.

И даже болѣе: еще довольно долго послѣ этого перваго ощущенія „изнанки“ царской власти—самая идея власти, стихійной и не подлежащей критикѣ, продолжала стоять въ моемъ умѣ, чуть тронутая гдѣ-то въ глубинѣ сознанія, какъ личинка трогаетъ подъ землей корень еще живого растенія... Вѣроятно, поэтому, я не помню также хронологическаго мѣста описываемаго эпизода въ послѣдовательности другихъ событій: было ли это въ первый же годъ по пріѣздѣ въ Ровно, или на слѣдующій, или еще позже. Внѣшняя обстановка повторялась часто, а внутреннее содержаніе не сразу вступило въ опредѣленныя отношенія съ другими мотивами моего умственнаго роста.

———

Какъ бы то ни было,—еще до конца гимназическаго курса личности Каткова и Толстого были вполнѣ опредѣленными объектами первой моей „политической" ненависти за предѣлами школьнаго міра *).

Гимназія.—Учительскій автоматизмъ.

Какъ это ни странно, но и теперь еще, по прошествіи десятилѣтій, я по временамъ вижу себя во снѣ гимназистомъ ровенской гимназіи... Особеннымъ звукомъ звенитъ въ моихъ ушахъ частый колоколъ, и я знаю: это старикъ сторожъ изъ кантонистовъ подошелъ къ углу гимназическаго зданія, гдѣ на двухъ высокихъ столбахъ укрѣпленъ качающійся колоколъ, и дергаетъ за длинную веревку. Звонъ настойчивый, торопливый, какъ будто захлебывающійся, несется отъ гимназіи,перелетаетъ черезъ гладь прудовъ, забирается въ ученическія квартиры. Потомъ я слышу частый топотъ ногъ по деревяннымъ мосткамъ, визгъ и стукъ калитки на блокѣ съ нѣсколькими камнями... Топотъ становится все рѣже; проходитъ огромный инспекторъ, Яковъ Степановичъ Рущевскій, на дворѣ все стихаетъ, только я все еще бѣгу по двору или вхожу въ опустѣвшіе корридоры съ непріятнымъ сознаніемъ, что я уже опоздалъ, и что Яковъ Степановичъ смотритъ на меня тяжелымъ взглядомъ съ высоты своего огромнаго роста.

Порой снится мнѣ также, что я сижу на скамьѣ и жду экзамена или вызова къ доскѣ для отвѣта. При этомъ меня томитъ привычное сознаніе какой-то неготовности...

Уже эта живучесть воспоминаній указываетъ на устойчивость и прочность тогдашнихъ впечатлѣній, а отчасти, нужно признаться, и на ихъ основной тонъ... А вѣдь изъ устойчивыхъ впечатлѣній и складывается, въ концѣ концовъ, та душевная преемственность, которая и составляетъ основу личности... Къ сожалѣнію, въ этой суммѣ не малая доля принадлежитъ ощущенію какой-то неизбывной

---

*) Нѣсколько лѣтъ назадъ С. Ю. Витте, тогда министръ финансовъ, счелъ нужнымъ къ всеподданнѣйшему докладу о росписи прибавить принципіальное восхваленіе самодержавія. Когда я прочелъ этотъ документъ,—мнѣ сразу вспомнился описанный вечеръ и разговоръ благонамѣренныхъ чиновниковъ... Самодержавіе считаютъ нужнымъ хвалить министры,—дѣло самодержавія плохо,—подумалъ я.—Сила его была въ недоступности для порицаній и похвалъ, въ недоступности для самой мысли. Оно вынесло смутное время нашествіе двунадесяти языковъ, но публичнаго обсужденія вынести не въ состояніи...

вины передъ кѣмъ-то, какого-то инстинктивнаго противодѣйствія кому-то и почти невольной самообороны...

Ровно—городокъ маленькій, и окружающая жизнь не заглушала и не парализовала гимназическихъ впечатлѣній. Если не считать мертваго замка на островѣ, то бѣлое зданіе гимназіи, съ фронтономъ и колоннадой, являлось самымъ значительнымъ зданіемъ во всемъ городѣ. Въ такой же степени гимназическая жизнь господствовала надъ жизнью городка. Если бы убрать изъ него это свѣтлое, красивое и просторное зданіе, весело отражавшееся живымъ бѣлымъ пятномъ въ заростающемъ прудѣ, то городъ, вѣроятно, умеръ бы тихою смертью окончательнаго застоя: его пруды затянулись бы ряской, домишки, гдѣ ютились ученическія квартиры, постепенно-бы развалились, и жизнь, не оглашаемая ежедневно гимназическимъ колоколомъ и топотомъ ученическихъ ногъ, погрузилась бы въ летаргическій сонъ подъ угрюмою тѣнью стараго дворца и подъ гудѣніе его тополей. Отъ этой участи не спасли бы города ни казначейство, ни уѣздный судъ, ни полицейское управленіе... Двѣ, три сотни юныхъ головъ, искавшихъ знанія, и два, три десятка педагоговъ являлись чуть не единственнымъ живымъ элементомъ, и шевелившимся, и жужжавшимъ среди соннаго затишья...

Но и собственная летаргическая физіономія города не могла, разумѣется, не отражаться на жизни гимназіи, навѣвая на нее свою дремотность и отупѣніе. Когда-то, повидимому, у ровенской гимназіи, были лучшіе дни: въ ней преподавалъ Костомаровъ, петрашевецъ Яновскій, впослѣдствіи попечитель учебнаго округа, и нѣсколько еще талантливыхъ и живыхъ людей. Это было въ началѣ пробужденія всей русской жизни. Старожилы вспоминали объ этомъ періодѣ въ исторіи гимназіи, какъ о временахъ, давно прошедшихъ и странныхъ. Разсказывали о какомъ-то учителѣ физики, страстномъ преверженцѣ „натуръ-философіи,“ который велъ постоянную полемику съ какимъ-то фанатикомъ-законоучителемъ. Передавали эпизоды рѣзкихъ столкновеній въ совѣтѣ между прогрессистами и консерваторами, вообще, позади рисовался въ туманѣ какой-то короткій легендарный періодъ, когда въ опредѣленную и мрачную дореформенную среду пыталось пробиться что-то страстное, своеобразное, новое.

Къ тому времени, когда я поступилъ въ ровенскую гимназію,—все это уже давно исчезло. Изъ всѣхъ реформъ того періода, быть можетъ, всѣхъ меньше сказалась въ жизни реформа средней школы. Реформаторская дѣятельность правительства была, такъ сказать, на излетѣ, когда по инерціи оно

дало еще обществу новые суды, и судебная реформа рѣзко отразилась на жизни самыхъ дальнихъ угловъ Россіи. Но въ то время, которое я теперь описываю, новые суды еще не были введены; между тѣмъ, въ гимназической средѣ уже царила толстовская реакція... Значеніе совѣтовъ умалялось, значеніе директорской власти возрастало, въ жизнь просачивалось понятіе о „неблагонадежности", самостоятельность учительскаго персонала подавлялась... На ряду съ представителями дореформеннаго персонала, еще сохранившаго старыя привычки,—стояли представители „новаго режима", который какъ-то увялъ и потускнѣлъ раньше, чѣмъ успѣлъ проявиться...

Городокъ, расположенный вдали отъ большихъ городовъ и дорогъ походилъ на тихій затонъ. Служба здѣсь была какая-то незамѣтная. Учитель попадалъ сюда, и о немъ забывали. Шли годы. Въ первое время человѣкъ порывался куда-то отъ этихъ гніющихъ прудовъ, отъ темнаго замка съ впадинами вмѣсто оконъ, отъ однообразной, ничѣмъ неосмысленной жизни... Потомъ обживался, женился по неосторожности или отъ скуки, обзаводился дѣтьми, ходилъ ежедневно въ гимназію, спрашивалъ одни и тѣ же уроки, говорилъ изъ году въ годъ одни и тѣ же слова и привыкалъ трепетать передъ каждой ревизіей. Понемногу все это превращало его въ настоящаго автомата, машину для задаванія и выслушиванія уроковъ.

Этотъ педагогическій автоматизмъ представляетъ, по моему мнѣнію, широко распространенное явленіе, на которое не обращаютъ достаточно вниманія. Педагоги изучаютъ „болѣзни учащихся", но не оглядываются на собственную страшную болѣзнь, хуже близорукости или расширенія сонной артеріи. Эта болѣзнь—педагогическій автоматизмъ. Я хочу остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, и для этого мнѣ нужно вернуться назадъ.

Еще въ Житомірѣ среди учителей гимназіи былъ одинъ мой родственникъ, уроженецъ Галиціи, панъ Эмилій Игнатьевичъ Лотоцкій.

Я еще не учился даже читать, когда онъ появился на нашемъ горизонтѣ. У него былъ заграничный дипломъ, дававшій ему право на преподаваніе нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и онъ искалъ мѣста въ житомірской гимназіи. Говорили, что онъ хочетъ также жениться, и считали его блестящимъ женихомъ.

Однажды въ обществѣ кто-то изъ молодежи посмѣялся надъ заграничными дипломами. Лотоцкій поднялся, куда-то вышелъ, черезъ нѣкоторое время вернулся съ дипломомъ и

изорвалъ его въ клочки. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Кіевъ и выдержалъ тамъ новый экзаменъ при университетѣ.

Вскорѣ послѣ этого онъ сталъ учителемъ въ житомірской гимназіи и женился на одной изъ моихъ тетокъ (по матери). Ее считали счастливицей. Но черезъ нѣкоторое время даже мы, дѣти, стали замѣчать, что наша веселая, живая тетка часто приходитъ къ намъ съ заплаканными глазами, запирается съ моей матерью въ комнатѣ, что-то ей разсказываетъ и плачетъ. Тогда, если не ошибаюсь, я запомнилъ впервые слово „тиранъ". Тираномъ среди знакомыхъ называли,—разумѣется, за глаза,—пана Лотоцкаго.

Когда онъ являлся порой на семейные вечера, никто никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго намека на его „тиранію". Наоборотъ всѣ были съ нимъ какъ то неискренно любезны, а тетка явно прикидывалась счастливой и веселой. Фальшь была замѣтна, но намъ говорили, что, если оскорбить Лотоцкаго,—„тетѣ будетъ хуже". У меня, однако, оставалось впечатлѣніе, что старшіе его просто боятся.

Мы его боялись тоже. Если иной разъ, придя въ гости къ теткѣ, намъ случалось разыграться,—дверь его кабинета слегка пріотворялась, и въ щелкѣ появлялось чисто выбритое лицо съ выпуклыми блестящими глазами. Этого было достаточно: мы тотчасъ смолкали и разсаживались по угламъ, а тетка блѣднѣла и терялась.

Когда я поступилъ въ гимназію, этотъ мой строгій родственникъ оказался моимъ учителемъ.

Здѣсь онъ былъ тотъ же, что и въ семьѣ. Одѣтый всегда точно съ иголочки, тщательно выбритый, чистый, безъ пылинки на блестящемъ синемъ мундирѣ,—онъ всегда являлся въ классъ минута въ минуту и размѣреннымъ шагомъ всходилъ на каѳедру. Здѣсь онъ останавливался на нѣсколько мгновеній и окидывалъ классъ блестящими, выпуклыми, живыми глазами. Подъ этимъ взглядомъ все замирало. Казалось,—большей власти учителя надъ классомъ трудно представить.

Его не любили, но боялись и уроки готовили.

Однако, черезъ нѣкоторое время я сталъ замѣчать, что, въ сущности, ученики надъ моимъ строгимъ дядей смѣются, и очень часто—въ глаза. Было два-три человѣка, превосходно передразнивавшихъ его говоръ и походку; послѣднее было тѣмъ легче, что за время учительства она у него стала какая-то особенная: онъ шагалъ по журавлиному, а туловище держалъ необыкновенно прямо. Отъ двери класса до каѳедры онъ всегда дѣлалъ совершенно опредѣленное число шаговъ. Взойдя на каѳедру, онъ останавливался всегда въ одной позѣ и всегда одинаковымъ образомъ поворачи-

валъ голову. Если въ это время кто-нибудь дѣлалъ рѣзкое движеніе или заговаривалъ съ сосѣдомъ,—Лотоцкій протягивалъ руку и, странно сводя два пальца, указательный и мизинецъ, указывалъ ими въ уголъ, произнося фамилію виновнаго быстро, съ выкрикомъ на послѣднемъ слогѣ, и пропуская почти всѣ гласныя буквы:

— Кр-ч-н-кô.. Врш-в...скій!.. Абрм-вичъ...

Это значило, что Абрамовичъ, Кириченко, Варшавскій должны отправиться въ уголъ. — Съ годами эти однообразные пріемы все усиливались и отливались въ застывающей формѣ. А на это глядѣли и все это подмѣчали десятки живыхъ дѣтскихъ глазъ. Все время, пока шелъ урокъ, - подъ напряженнымъ вниманіемъ и страхомъ двойки или наказанія — чувствовалась скрытая, чуткая насмѣшка. Если Лотоцкому случалось по ошибкѣ вызвать отсутствующаго ученика,—кто-нибудь изъ передразнивавшихъ его вставалъ и совершенно въ его тонѣ и его интонаціей отвѣчалъ:

— К р-ч-н-ко... не явился...

— Врш-вскій... боленъ...

Передразниваніе было явное и дерзкое, и казалось страннымъ, что Лотоцкій, строгій, чистый, исполнительный, аккуратный и зоркій, не замѣчаетъ насмѣшки. Но онъ, повидимому, не замѣчалъ, а странность его возрастала.

Бывали случаи, когда тонкая черта, за которой держалось почтительное издѣвательство класса, прорывалась самымъ грубымъ и дикимъ образомъ. Это въ особенности бывало при склоненіи нѣкоторыхъ словъ и спряженій нѣкоторыхъ глаголовъ. Самый ритмъ склоненій, повидимому, оказывалъ на Лотоцкаго странное, почти гипнотизирующее дѣйствіе: онъ откидывался на каѳедрѣ, какъ-то сладострастно закрывалъ глаза и, поднявъ высоко въ воздухъ свою тонкую бѣлую руку съ сверкающей манжеткой, производилъ дирижерскія движенія карандашомъ, который держалъ двумя пальцами. Нѣкоторыя слова приводили его, какъ будто, даже въ легкое забытіе, а склоненіе такихъ словъ, какъ der Papagaj, вызывало настоящій трансъ.

— Der Pa-pa-gaj, —начиналъ онъ размѣренно и протяжно, начиная откидывать назадъ корпусъ и закидывая голову...

— Des Pa-pa-gaj-en,

— Dem Pa-pa-gaj-en...

Онъ плавно отбивалъ въ воздухѣ тактъ карандашомъ, глаза его все больше закатывались, голосъ становился выше, тоньше, пріобрѣталъ ласкающіе, почти сладострастные оттѣнки. Съ третьяго падежа онъ уже терялъ изъ виду весь классъ — и отдавался во власть размѣренныхъ поющихъ звуковъ.

Ученики сначала почтительно, ласково, осторожно, тихо подтягивали учителю; потомъ подтягиваніе становилось шумнѣе, громче и подъ конецъ въ классѣ водворялся настоящій шабашъ. Ученики размахивали руками, нѣкоторые жестикулировали стоя, самые отчаянные вскакивали на парты, стоящіе въ углу производили нелѣпыя движенія руками, качали головой... Послѣдніе падежи пѣлись какимъ-то сумасшедшимъ хоромъ на разные дикіе голоса...

Я всегда задавался вопросомъ: неужели самъ Лотоцкій не замѣчаетъ того сумасшедшаго шабаша, который водворяется въ классѣ въ минуты этой попугайской скандовки. Теперь мнѣ кажется, что онъ догадывался объ этомъ. Порой въ началѣ этой скандовки онъ кидалъ еще быстрые, подозрительные взгляды; подъ конецъ, когда раздавались послѣдніе звуки послѣдняго падежа,—

Den Pa-pa-gaj en...—

— онъ вдругъ выпрямлялся и его большіе, сверкающіе глаза пробѣгали по всему классу зорко, торопливо, быстро... Недавней истомы какъ не бывало, онъ весь опять былъ аккуратность, отчетливость, чуткость, гроза...

И классъ это зналъ: когда Лотоцкій раскрывалъ глаза и выпрямлялся,—всѣ уже сидѣли по мѣстамъ, съ невинными, застывшими лицами. Въ первый разъ, когда мнѣ пришлось присутствовать при этомъ зрѣлищѣ,—я былъ такъ изумленъ, что смотрѣлъ то на дядю-учителя, то на учениковъ, и окончаніе склоненія застало меня врасплохъ, съ разинутымъ ртомъ и удивленнымъ видомъ.

Лотоцкій по своему рѣзко выкрикнулъ мою фамилію и обычнымъ страннымъ движеніемъ руки проводилъ меня въ уголъ.

Классъ выработалъ цѣлую систему дѣйствій, которая загоняла учителя къ этимъ излюбленнымъ пѣвучимъ словамъ. Самый лучшій ученикъ считалъ для себя обязательнымъ для склоненія выбрать именно der Papagaj и, при томъ, сдѣлать ошибку. Лотоцкій останавливалъ его рѣзко, нетерпѣливо и вызывалъ другого. Тотъ принимался сначала и, правильно просклонявъ два-три падежа, дѣлалъ ошибку на третьемъ-четвертомъ; то же дѣлалъ слѣдующій, пока, истерзанный этими диссонансами, учитель не схватывалъ карандашъ и не откидывался назадъ... Тогда начинался шабашъ.

Черезъ нѣкоторое время Лотоцкій оставилъ житомірскую гимназію и перешелъ на службу въ Черниговъ. Мы въ то время уже переѣхали въ Ровно, откуда, года черезъ два, мой старшій братъ, потерпѣвшій неудачу въ гимназіи, тоже перешелъ въ Черниговъ, такъ какъ въ Ровно его настигала уже „реальная“ программа. Оказалось, что въ Черниговѣ съ

нашимъ дядюшкой повторялись, только гораздо сильнѣе, тѣ же исторіи: тѣ же черты автоматизма посредствомъ какого-то, присущаго дѣтству инстинкта, подмѣтили и черниговскіе гимназисты и такъ же ловко научились заводить учителя на склоненія ритмическихъ словъ... Изъ Чернигова онъ перешелъ еще куда-то, но музыкальный попугай слѣдовалъ всюду за нимъ съ возраставшею стаей другихъ не менѣе музыкальныхъ склоненій. Въ концѣ концовъ, онъ бросилъ службу, не дотянувъ нѣсколькихъ лѣтъ до пенсіи. Всѣ удивлялись странному окончанію карьеры этого энергичнаго человѣка, такъ самоувѣренно ее начинавшаго. Но мнѣ кажется, что я его понимаю. Уже въ Житомірѣ, въ часы его уроковъ, по временамъ, за стеклянной классной дверью мелькали удивленныя лица надзирателя или инспектора, привлеченныхъ необычайными звуками. Ученики, разумѣется, переставали плясать на партахъ, но скандавка подъ дирижерствомъ учителя продолжалась. Гимназическое начальство замѣчало, что у Лотоцкаго въ классѣ заводятся нѣкоторыя странности, но мой строгій дядя былъ не изъ тѣхъ людей, которымъ легко дѣлать замѣчанія. Когда онъ приходилъ изъ класса въ учительскую, сдержанный, аккуратный и строгій, — никто не позволилъ бы себѣ съ легкимъ сердцемъ сказать ему, что классъ по временамъ превращается по его винѣ въ домъ сумасшедшихъ.

Но съ годами автоматизмъ становился сильнѣе. Поколѣніе за поколѣніемъ учениковъ проходили передъ нимъ. Онъ внушалъ всѣмъ имъ отвращеніе къ нѣмецкой грамматикѣ и сухую, механическую субординацію. Въ этой послѣдней онъ былъ достаточно силенъ. Ученики мстили по своему: роковая власть безжалостной массы умныхъ звѣрьковъ надъ учителемъ передавалась отъ одного поколѣнія къ другому, все возрастая. Они подмѣчали, ловили, съ инстинктомъ ловкихъ гипнотизеровъ раздували все новыя черты автоматизма. Наконецъ, это становилось не только замѣтно, но и скандально. Моему строгому дядюшкѣ, неограниченному владыкѣ и тирану въ своей семьѣ, съ его болѣзненнымъ самолюбіемъ, приходилось выслушивать непріятныя замѣчанія. Можетъ быть, онъ старался выбиться изъ-подъ власти этого мертвящаго автоматизма, но — было поздно... Походка его становилась все болѣе размѣренной, движенія, жесты, слова все болѣе заученными. Объясненія на урокахъ отливались въ застывшія формы. Ученики, не дождавшись конца какой-нибудь его фразы, уже кидали ея обычное окончаніе; власть пѣвучихъ словъ становилась неодолимой.

Это уже глубокая трагедія... Онъ бѣгалъ отъ нея изъ гимназіи въ гимназію. Начальство только пожимало плечами:

„Отличный учитель... Аккуратный, исполнительный, не пропустить ни одного урока. А вотъ подите... На урокахъ — какая-то оперетка съ пѣніемъ и танцами"... Жена давно уѣхала отъ него съ дѣтьми... Спустя много лѣтъ, онъ явился къ семьѣ безъ средствъ, не дослуживъ до срока пенсіи, съ растраченными силами и даже... съ плохо выбритымъ подбородкомъ.

Конечно, у этого моего дядюшки были нѣкоторыя прирожденныя странности, которыя шли навстрѣчу внушеніямъ среды и, въ связи съ необыкновенно чуткимъ самолюбіемъ, помѣшали ему дотянуть до конца учительскую лямку.

Другіе,—огромное большинство,—дотягиваютъ. Но все же, когда теперь въ моей памяти проходитъ портретная галлерея моихъ тогдашнихъ наставниковъ, то не безъ удивленія я вижу, какой огромный процентъ среди нихъ составляли люди со странностями, почти маніаки.

Вотъ старикъ Лёмпъ (Lumpi), швейцарецъ родомъ, преподаватель французскаго языка. Учительствуетъ онъ съ незапамятныхъ временъ, учитъ чуть ли даже не внуковъ бывшихъ своихъ учениковъ. Это человѣкъ очень плотный, почти круглый, съ плохо сгибающимися ногами и точно одеревенѣвшими, но очень добродушными чертами лица. По-русски говоритъ смѣшно, съ сюсюкающимъ швейцарскимъ акцентомъ; въ его лексиконѣ словъ очень мало, и объясненія его состоятъ изъ нѣсколькихъ формулъ, которыя передаются учениками изъ поколѣнія въ поколѣніе. Семьи у него нѣтъ. Весь его міръ — классъ, инспекторская комната и спальня. Много уже лѣтъ въ опредѣленномъ часу онъ проходитъ автоматической походкой нѣсколько десятковъ саженей отъ своей квартиры до гимназіи и возвращается обратно. Увидѣть мосье Лемпа гуляющимъ хотя бы въ ближайшихъ къ гимназіи улицахъ — величайшая рѣдкость, о которой передаютъ съ удивленіемъ. Онъ сохранилъ еще достаточно внимательности, даже строгости и преподаетъ не хуже другихъ. Грамматику онъ совершенно отдѣлилъ отъ переводовъ, какъ двѣ вполнѣ независимыя области, и урокъ грамматики для класса истинное мученіе. Къ счастію, у старика есть одна слабость: фантастическіе разсказы. Въ каждомъ классѣ есть особый мастеръ, заводящій Лемпа, какъ часовщикъ заводитъ часы. Стоитъ умѣлымъ вопросомъ тронуть какую-то пружинку... Старикъ откладываетъ въ сторону журналъ, глаза его дѣлаются масляными, темно-бронзовое заплывшее лицо принимаетъ какое-то благодушное выраженіе, и онъ начинаетъ безконечныя повѣствованія.

Онъ родился въ Швейцаріи... учился въ пансіонѣ великаго Песталоцци. Песталоцци былъ геніальный педагогъ...

Его пансіонъ былъ самый лучшій въ свѣтѣ. Лемпъ былъ лучшій ученикъ въ этомъ лучшемъ пансіонѣ и за отличные успѣхи былъ сдѣланъ пушкаремъ... Онъ зналъ Наполеона... Въ какую-то трудную минуту жизни будущаго императора Лемпъ оказалъ ему услугу, кажется, въ качествѣ проводника черезъ Альпы. Они взбирались на отвѣсныя скалы, смазавъ ладони и подошвы очень липкой смолой... Великій Наполеонъ послѣ этого перехода потрепалъ его по плечу и сказалъ: mon brave petit Lump', что значило: „ты, Лемпушка, есть молодецъ"... Потомъ изъ Швейцаріи разсказчикъ перебирался въ Африку и особенно любилъ путешествовать по песчаной Сахарѣ. Тамъ онъ видѣлъ, между прочимъ, какъ „огромный боа констрикторъ" глоталъ пойманнаго быка. Рога злополучнаго быка торчали сквозь кожу „этого монстра", обтянутые, какъ пальцы въ перчаткахъ. И такъ они передвигались на глазахъ наблюдателя отъ змѣиной шеи къ желудку...

Старикъ разсказывалъ все это, прижмуривъ глаза, по временамъ поднимая кверху ладони съ несгибающимися пальцами и пытаясь изобразить на лицѣ ужасъ или восхищеніе... Очевидно, самъ онъ давно уже забылъ, гдѣ тутъ правда и гдѣ выдумка... Ученики, знавшіе всѣ эти изумительныя происшествія, порой по разсказамъ своихъ отцовъ,—предавались стороннимъ занятіямъ, зубрили слѣдующіе уроки, играли въ пуговицы и перья, читали и тревожно поглядывали на часы. Если вниманіе ученика, на обязанности котораго лежало „заводить" учителя, тоже истощалось, и онъ забывалъ подавать заведенному учителю реплики, то порой старикъ спохватывался, разсказы его стихали, и онъ глубоко вздыхалъ, какъ человѣкъ, пробуждающійся отъ чуднаго сна къ трезвой дѣйствительности.

Ученики настораживались и толкали заводчика. Тотъ торопливо предлагалъ какой-нибудь вопросъ о новой странѣ свѣта, но было уже поздно. Очнувшійся Лемпъ еще разъ вздыхалъ, точно изъ кузнечнаго мѣха, слегка покачивалъ головой и раскрывалъ журналъ.

— Охъ... пэ-пэ-пэ... Каспадинъ Са-кли-ковскій...

И вызванный, по большей части именно „заводчикъ", привлекался къ отвѣтственности по самымъ труднымъ вопросамъ отвлеченной грамматики. Въ эти минуты старикъ бывалъ особенно строгъ, и, если не спасалъ благодѣтельный звонокъ, то дѣло кончалось чаще всего двойкой или даже единицей...

Учитель Егоровъ былъ еще толще Лемпа. Но въ то время, какъ Лемпъ напоминалъ плотный цилиндръ, Егоровъ былъ похожъ на шаръ. Голова у него была не по росту мала, маленькіе глазки утопали въ жирныхъ щекахъ, а носъ со-

всѣмъ терялся, точно ничтожная пуговка. Тонкія ноги, казалось, съ трудомъ носили огромный животъ; голосъ Егорова былъ тоже пискливъ и тонокъ...

Онъ преподавалъ русскій языкъ и славянскую грамматику. Отвѣчать ему нужно было очень быстро, монотонно и безъ запинокъ. Разъ начавъ такимъ тономъ, можно было врать, сколько угодно; точно убаюканный, Егоровъ сидѣлъ на стулѣ, напоминая какого-то дремлющаго китайскаго божка. Толстая розовая рука лежала на раскрытомъ журналѣ, такъ что конецъ пера приходился какъ разъ противъ фамиліи отвѣчавшаго. Стоило ученику запнуться, измѣнить тонъ, начать припоминать, какъ голова Егорова закидывалось кверху и онъ произносилъ пронзительной, почти истерической фистулой:

— Балъ дамъ... балъ дамъ... балъ дамъ.

За третьимъ предупрежденіемъ слѣдовало быстрое движеніе руки, и въ графу отвѣчающаго ученика влетала однимъ росчеркомъ пера характерная „егоровская" двойка въ видѣ вопросительнаго знака.

— Балъ уже далъ... Садись!—говорилъ тогда Егоровъ и не принималъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій.

При объясненіяхъ задаваемыхъ уроковъ или во время диктовки онъ неизмѣнно прислонялся животомъ къ первой партѣ. Ученики смазывали край парты мѣломъ, и потому низъ живота у Егорова вѣчно былъ украшенъ по мундиру рѣзкой бѣлой чертой. Надзиратель Дитяткевичъ услужливо стиралъ ее, но она тотчасъ же возобновлялась въ слѣдующемъ классѣ...

Учитель географіи Самаревичъ былъ уже, кажется, форменный сумасшедшій. Тонкій, высокій, высохшій и желтый, онъ говорилъ всегда какимъ-то особеннымъ, звенящимъ, не то жалобнымъ, не то угрожающимъ голосомъ. По коридорамъ онъ, какъ и Лотоцкій, ходилъ журавлинымъ шагомъ, какъ будто переступая черезъ лужи. За металлическія ручки дверей брался не иначе, какъ сдвинувъ рукавъ и покрывъ сукномъ ладонь. Взойдя на каѳедру, останавливался, опять какъ и Лотоцкій, всегда въ одной и той же позѣ, въ которой оставался съ полъ-минуты, держась рукой за клокъ волосъ, по странной игрѣ природы торчавшій у самаго горла и замѣнявшій обычную растительность (борода и усы у него не росли). Классъ стихалъ. Становилось какъ-то жутко. Тонкая, длинная шея Самаревича, съ большимъ кадыкомъ, производила въ широкомъ воротникѣ змѣеобразныя движенія, а сухіе, желчные и страдающіе глаза обѣгали учениковъ съ права налѣво. Въ выраженіи глазъ и лица чувствовалась безпредметная страдающая злоба, и въ эту жуткую минуту

всѣхъ охватывало какое-то оцѣпенѣніе... Каждый поочередно чувствовалъ на себѣ сухой и колющій взглядъ Самаревича.

Однажды, преодолѣвъ это оцѣпенѣніе, я, просто изъ любопытства, тронулъ локтемъ своего сосѣда, Кроля. Тотъ мнѣ отвѣтилъ. Движеніе было самое невинное, почти незамѣтное, но тотчасъ же вслѣдъ за нимъ раздался зловѣще-пѣвучій носовой голосъ Самаревича:

— Заботинъ (это былъ первый ученикъ въ нашемъ классѣ), отведи обоихъ въ те-емный ка-арцеръ.

Темнаго карцера въ гимназіи не было, и мы отлично провели время въ пустомъ классѣ... Съ тѣхъ поръ ученики стали пользоваться этимъ пріемомъ, если не знали урока. Малѣйшаго движенія въ эти первыя минуты, когда взглядъ Самаревича останавливался на чьей-нибудь фигурѣ, было достаточно, чтобы быть высланнымъ изъ класса. Того же результата можно было добиться и инымъ способомъ. Для этого стоило раскрыть ножикъ и начать чистить ногти: у Самаревича была боязнь рѣжущихъ орудій. Увидѣвъ раскрытый ножикъ, онъ принимался отчаянно махать руками и требовалъ, чтобы обладатель ножика былъ удаленъ.

Однажды онъ явился въ гимназію въ новой шубѣ и, торжественно передавъ ее сторожу, сказалъ, чтобы онъ берегъ ее, потому что это шуба не простая, а дорогая. „Это—бирка“ (особая порода овецъ). Съ этихъ поръ Самаревича звали биркой и кричали это слово, когда онъ проходилъ по корридорамъ... Онъ останавливался, удивленный и гнѣвный, шея его начинала поворачиваться изъ стороны въ сторону, а глаза искали кричавшаго въ шумной толпѣ...

Преподавалъ онъ сухо, строго, придирчиво и автоматично. Для меня надолго географическія карты ассоціировались съ страннымъ представленіемъ о змѣеобразной шеѣ и колющихъ глазахъ... Кончилъ этотъ удивительный человѣкъ тоже странно и ужасно. Изъ нашей гимназіи онъ былъ переведенъ въ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ. Семья у него была большая, и жена стала держать, какъ подспорье къ жалованью мужа, ученическую квартиру. Странности Самаревича при этомъ все больше усиливались. Разсказывали, что каждый вечеръ, во главѣ всей семьи и учениковъ, онъ обходилъ со свѣчей комнаты, заглядывая во всѣ углы, въ шкафы и подъ кровати. Ему казалось, что кто-то непремѣнно спрятался съ вечера, чтобы его зарѣзать „острымъ ножомъ“.

Никто его острымъ ножомъ не зарѣзалъ, но вышло еще хуже. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда среди молодежи возникало броженіе, которому уже не суждено было улечься до нашихъ дней, въ квартирѣ Самаревича полиціей былъ сдѣланъ обыскъ, и одинъ изъ жившихъ у него учени-

ковъ арестованъ. Это такъ напугало бѣднаго маніака, что нѣсколько дней онъ ходилъ съ остолбенѣвшимъ взглядомъ, а затѣмъ, въ одно утро, его нашли мертвымъ. Несмотря на страхъ передъ рѣжущими орудіями,—онъ собственноручно „острымъ ножомъ" перерѣзалъ себѣ горло, изъ страха. Полиція и жандармы показались ему страшнѣе смерти...

Учитель нѣмецкаго языка, Фанцъ... Это былъ подвижной человѣкъ, небольшого роста, съ голымъ лицомъ, тоже лишеннымъ растительности. Весь онъ былъ сухой, точно сказочный лемуръ, состоящій изъ однихъ костей и сухожилій. Не довольствуясь, какъ Лемпъ, простымъ отдѣленіемъ грамматики отъ остальныхъ своихъ уроковъ, онъ придумалъ еще своеобразную систему ея изученія Казалось, этотъ человѣкъ сознательно стремился къ тому, чтобы сдѣлать предметъ совершенно безсмысленнымъ, а затѣмъ всетаки добиться, чтобы ученики его одолѣвали. Всю грамматику онъ ухитрился превратить въ изученіе однихъ окончаній.

— Леонтовичъ,—вызываетъ онъ, нарочно коверкая фамилію и переставляя удареніе.—Склоняй: der Mensch.

Леонтовичъ встаетъ и склоняетъ, произнося не слова, а только окончанія: именительный: с, ц, *ашъ*, родительный: э, эсъ, дательный: э, м, винительный э, н. Множественное число э, н... и т. д.

При этомъ Фанцъ былъ одержимъ маніей неудержимаго шутовства. Если ученикъ ошибался, Фанцъ тотчасъ же принимался передразнивать его, долго кривляясь и коверкая слова на всѣ лады. Предлоги онъ спрашивалъ жестами: ткнетъ пальцемъ внизъ и вытянетъ губы хоботомъ,—надо отвѣчать: *unten*; подыметъ палецъ кверху и сдѣлаетъ гримасу, какъ будто его глаза съ желтыми бѣлками слѣдятъ за полетомъ птицы,—*oben*. Быстро подбѣжитъ къ стѣнѣ и шлепнетъ по ней ладонью,—*an*...

— Такой-то... Пусть тамъ себѣ *атъ* или *ятъ?* Пусть бы тамъ себѣ *али* или *ѣли?*

Ученикъ, по возможности быстро долженъ отвѣтить на эту шутовскую тарабарщину такой же тарабарщиной изъ нѣмецкихъ формъ и окончаній. Языкъ Шиллера и Гете онъ превращалъ для насъ въ безсмысленную смѣсь ничего не означающихъ звуковъ и кривляній... Все это шутовство, вдобавокъ, было лишено всякихъ признаковъ веселья,—оно было желчное, сухое и злобное. Въ классѣ стояло мучительное напряженіе. Ощущеніе было такое, какъ будто передъ нѣсколькими десятками дѣтей кривляется подвижная, злая и опасная обезьяна. Можетъ быть, для сторонняго зрителя ея движенія и прыжки могли бы показаться забавными. Но каждый изъ учениковъ чувствовалъ, что у этого прыгаю-

щаго, взвизгивающаго, жестикулирующаго существа очень острые когти, и что у него есть власть... до звонка. Звонокъ являлся настоящимъ крикомъ пѣтуха, прогонявшимъ это кошмарное видѣніе...

Въ каждомъ классѣ у Фанца были избранники, которыхъ онъ мучилъ особенно охотно... Въ первомъ классѣ такимъ мученикомъ былъ, помню, Голубецкій, необыкновенно маленькій карапузъ, съ большой головой и толстыми щеками... Входя въ классъ, Фанцъ обыкновенно корчилъ гримасу и начиналъ брезгливо водить носомъ. Всѣ знали, что это значитъ, а Голубецкій краснѣлъ и блѣднѣлъ. Въ теченіе урока эти гримасы становились все чаще и, наконецъ, Фанцъ обращался къ классу:

— Чѣмъ это тутъ пахнетъ, а? Кто знаетъ, какъ сказать по-нѣмецки „пахнетъ". Голубецкій! Ты знаешь, какъ по-нѣмецки „пахнетъ"? А какъ по-нѣмецки: „портить воздухъ"? А какъ сказать: „лѣнивый ученикъ?". А какъ сказать: „лѣнивый ученикъ испортилъ воздухъ въ классѣ?" А какъ понѣмецки пробка? А какъ сказать: „мы заткнемъ лѣниваго ученика пробкой"... Голубецкій, ты понялъ? Голубецкій, иди сюда, komm her.

Онъ вынималъ, съ шутовскими жестами, пробку изъ кармана и звалъ Голубецкаго. Бѣдный карапузъ блѣднѣлъ, не зная, идти ли на вызовъ учителя, или бѣжать отъ злого шута. Въ первый разъ, когда Фанцъ продѣлалъ это представленіе, малыши невольно хохотали. Но когда это стало повторяться,—въ классѣ водворялось угрюмое и враждебное молчаніе. Первоклассники разсказывали объ этомъ старшимъ, и эти разсказы вызывали глухое негодованіе. Мы учили Голубецкаго пожаловаться директору, но малышъ боялся. Наконецъ, однажды онъ выскочилъ изъ класса почти въ истерикѣ и побѣжалъ въ учительскую комнату... Но здѣсь вмѣсто связнаго разсказа выкрикивалъ одни только ругательства: „Фанцъ подлецъ, дуракъ, сволочь, мерзавецъ"... Инспекторъ и учителя были очень удивлены этой вспышкой маленькаго клопа. Когда дѣло разъяснилось изъ разсказовъ старшихъ учениковъ учителямъ,—совѣтъ поставилъ Фанцу на видъ неумѣстность его шутовскихъ водевилей.

Первое время послѣ этого Фанцъ приходилъ въ первый классъ, желтый отъ злости, и старался не смотрѣть на Голубецкаго, не заговаривать съ нимъ и не спрашивать уроковъ. Однако, онъ выдержалъ не долго: шутовская манія брала свое, и, не смѣя возобновить представленіе въ полномъ видѣ, Фанцъ всетаки водилъ носомъ по воздуху, гримасничалъ и, вызвавъ Голубецкаго,—исподтишка изъ-за каѳедры показывалъ ему пробку, вынимая ее изъ кармана...

Радомирецкій, преподававшій въ высшихъ классахъ упраздняемую латынь, былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка и грамматики въ самыхъ низшихъ классахъ. Это былъ по натурѣ добродушный старикъ, но долгая учительская практика выработала въ немъ какую-то хроническую „сердитость“, и его плохо выбритое лицо съ щетинистой сѣдоватой зарослью и горбатымъ носомъ носило всегдашнее выраженіе негодованія и боевой готовности. Средними нотами своего голоса онъ никогда въ классахъ не пользовался, но, несмотря на это, его совсѣмъ не боялись. Повременамъ, совершенно внезапно, классъ сговаривался Радомирецкому не отвѣчать.

— Погоновскій!—вызываетъ учитель.

Погоновскій встаетъ и совершенно дѣловымъ образомъ говоритъ:

— Я, господинъ учитель, сегодня урока не готовилъ.

— Стой столбомъ до конца класса!—грозно изрекаетъ Радомирецкій. Въ журналъ начертана единица, и ученикъ становится у стѣны, вытянувъ руки и по возможности уподобляясь столбу.

— Павловскій.

— Я, господинъ учитель, сегодня не готовилъ.

— Стой столбомъ до конца класса.

Павловскій идетъ къ той же стѣнкѣ, плечомъ подвигаетъ Погоновскаго дальше и вытягивается на его мѣсто. Третій отодвигаетъ обоихъ, и, такимъ, образомъ, рядъ „столбовъ“ выстраивается вдоль всей стѣны до самыхъ дверей. На опустѣвшихъ скамьяхъ остается десятокъ не спрошенныхъ учениковъ, съ которыми старикъ продолжаетъ занятія, совершенно забывъ объ остальныхъ. Между тѣмъ, первый „столбъ“, очутившійся у дверей, тихонько открываетъ ихъ и выскальзываетъ въ корридоръ. За нимъ другой, третій и черезъ нѣсколько минутъ всѣ они уже на волѣ. Стоитъ прокрасться незамѣтно подъ стѣнами гимназіи въ густой каштановый садъ, и вмѣсто скучнаго урока „столбы“ съ увлеченіемъ играютъ въ мячъ... Дитяткевичъ хорошо зналъ этотъ пріемъ и порой застигалъ бѣглецовъ, бралъ ихъ въ плѣнъ и торжественно отводилъ обратно къ Радомирецкому, съ изумленіемъ глядѣвшему, какъ въ открытую дверь одинъ за другимъ проходили бѣглые „столбы“ и стыдливо разставливались опять подъ стѣнкой...

Къ этой коллекціи мнѣ приходится прибавить еще одну фигуру, тоже и даже еще болѣе добродушную,—Митрофана Александровича Андріевскаго, словесника, все свободное время посвящавшаго безконечной диссертаціи о „Словѣ о полку Игоревѣ“. Съ мыслями о загадочныхъ выраженіяхъ „Слова“

онъ ходилъ по улицамъ, сосредоточенный, задумчивый, не замѣчающій ничего кругомъ... Порой съ ногъ его одна за другой спадали калоши, и онъ шагалъ по грязи, не замѣчая этого... Однажды на моихъ глазахъ вѣтеръ, раздувая концы его башлыка, занесъ одинъ изъ нихъ въ щель забора. Бѣдный словесникъ, задержанный неожиданно въ своемъ задумчивомъ шествіи, остановился, постоялъ, попробовалъ двинуться дальше, но видя, что препятствіе не уступаетъ,—спокойно размоталъ башлыкъ съ шеи и, оставивъ его на заборѣ, съ облегченіемъ продолжалъ путь.

Ученики его любили съ какой-то снисходительной нѣжностью, но, сказать правду,—предмета его совсѣмъ не учили. Объяснялъ онъ небрежно и спутанно, оживляясь лишь въ случаяхъ, когда можно было почерпнуть примѣръ изъ „Слова". Диссертація его все росла, но печатать ее онъ не рѣшался, пока для него оставались темными нѣкоторыя мѣста, напр. „Дивъ кличеть вьрху древа", „рыща въ тропу трояню", или „трубы трубятъ до додутки"... Онъ ни мало не сомнѣвался, что читать надо „до додонтки" (съ юсомъ). Но и „додонтки" мало поддавались объясненію... Порой онъ обнаруживалъ большой юморъ, и мы очень любили бесѣдовать съ нимъ, застигнувъ его гдѣ-нибудь на улицѣ. Плотно обступивъ Андріевскаго тѣснымъ кольцомъ, мы задавали ему вопросы и высказывали свои, порой самыя изумительныя предположенія о „дивѣ", о „тропѣ трояней" и „додонткахъ". Если это ему надоѣдало, а мы его не выпускали изъ плѣна,—то онъ, наконецъ, вынималъ изъ кармана классную записную книжечку съ карандашомъ, вглядывался въ лица стоящихъ передъ нимъ и, усмѣхаясь своей задумчиво-юмористической улыбкой, говорилъ:

— А, это Сучковъ... Вотъ я поставлю Сучкову на понедѣльникъ единицу.

И совершенно серьезно ставилъ единицу. Къ отмѣткамъ онъ относился съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ и часто, по просьбѣ класса, переправлялъ классныя двойки на тройки или даже четверки... Но единицы, поставленныя на улицѣ. отстаивалъ упорнѣе.

— Митрофанъ Александровичъ, — кричалъ классъ. — Да вѣдь эти единицы вы поставили на улицѣ...

— А-а, — усмѣхался Андріевскій... — На улицѣ?.. Такъ что-жъ, что на улицѣ? На всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ можно обнаружить глубочайшее невѣжество... въ русской словесности. Что онъ тогда говорилъ о „дивѣ"... А?.. То-то и есть...

Изъ за его разсѣянной улыбки свѣтилась всетаки добрая душа и, можетъ быть, незаурядный умъ, отъ одиночества и

окружающей пустоты ушедшій въ непроходимыя дебри „Слова“. Онъ прошелъ передъ нами со своимъ невиннымъ маніакствомъ, не оставивъ глубокаго слѣда въ умахъ, но ни разу также не возбудивъ ни въ комъ ни одного дурного или враждебнаго движенія души... Въ его задумчивой и тихой улыбкѣ сквозилъ порой юморъ, на урокахъ иногда слетало случайно мѣткое сужденіе или острое слово, но въ общемъ о „теоріи словесности“ даже въ лучшихъ ученикахъ онъ не успѣлъ поселить даже отдаленнаго представленія...

Когда теперь я оглядываюсь на первую половину моего гимназическаго ученія, то изъ толпы „наставниковъ, хранившихъ юность нашу“, въ моей памяти съ рѣзкой отчетливостью выступаютъ прежде всего именно очерченныя выше фигуры людей со „странностями“, почти маніаковъ. Это очень характерно, такъ какъ показываетъ, что они производили наиболѣе сильное и глубокое впечатлѣніе. Это былъ какъ бы хоръ, въ которомъ наиболѣе слышные голоса брали рѣзко-фальшивыя ноты. Были, разумѣется, въ этомъ педагогическомъ хорѣ и люди „средняго регистра“, тянувшіе свои партитуры болѣе или менѣе добросовѣстно, но общее впечатлѣніе всетаки опредѣлялось не ими, и мнѣ теперь стоитъ нѣкотораго напряженія памяти, чтобы изъ-за характерныхъ фигуръ Лотоцкихъ, Фанцовъ, Самаревичей, Дитяткевичей разглядѣть и выдѣлить облики остальныхъ педагоговъ.

Впереди всѣхъ въ этой послѣдней категоріи стоитъ, напримѣръ, довольно характерная фигура Ивана Степановича Тысса. Это былъ человѣкъ съ очень некрасивымъ, но умнымъ лицомъ, которое портили большіе зубы, а украшали глубокіе черные глаза. Жена у него была красавица „хохлушка“, въ которую влюблялись ученики старшихъ классовъ. Одѣвался онъ всегда безукоризненно, даже щегольски, держался съ достоинствомъ, преподавая ровно, безъ увлеченія, но толково, спрашивалъ строго, отмѣтки ставилъ справедливо. Его всегда уважали, учились у него порядочно, и именно ему я обязанъ тѣмъ, что, наконецъ, рѣшеніе задачъ мнѣ перестало казаться непостижимымъ волшебствомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы всегда чувствовали, что онъ далекъ и отъ насъ, и отъ увлеченія своимъ предметомъ. Говорили, что онъ страшно ревнивъ, и что главная доля его души поглощена любовью къ красавицѣ-женѣ, сознаніемъ своей непривлекательности и ревностью. Для насъ онъ былъ строгимъ преподавателемъ—и только. Мы знали, что онъ не покривитъ душой въ совѣтѣ, чувствовали, пожалуй, нѣкоторое влеченіе къ этому серьезному человѣку. Но то, что насъ инстинктивно привлекало къ нему, оставалось, точно за семью замками, за

его холодною сдержанностью. Ему не интересно было разглядѣть въ своихъ ученикахъ что-нибудь болѣе такой-то степени ариѳметическихъ или геометрическихъ познаній... Постепенно онъ начиналъ опускаться и пить, но въ классы являлся всегда серьезнымъ, нѣсколько угрюмымъ и сдержаннымъ. За нимъ съ гораздо меньшей ясностью выступаютъ другія фигуры, или только промелькнувшіе передъ нами и быстро исчезавшія съ нашего горизонта, или оставившія впечатлѣніе расплывавшихся пятенъ.

Впрочемъ, надъ всѣмъ этимъ „педагогическимъ персоналомъ" тоже довольно ярко господствуетъ фигура Якова Степановича Рущевскаго, сначала инспектора, а потомъ директора гимназіи. Это была топорная фигура въ синемъ мундирѣ, въ сущности,—какъ мнѣ пришлось убѣдиться впослѣдствіи,—не злой и не добрый, а просто средній чиновникъ по народному просвѣщенію. Однако было время, когда этотъ чиновничій массивъ покрывалъ для меня все остальное и вызывалъ чувство страстной ненависти и протеста. Онъ былъ огромнаго роста, ступалъ тяжело и твердо; лицо, точно вырубленное изъ дуба и не отдѣланное рѣзцомъ, обрамлялось характерно-чиновничьими бакенбардами. Голосъ его, тоже какой-то массивный, тяжело и грузно падавшій съ высоты его роста, и на этихъ чисто внѣшнихъ преимуществахъ основывалось все его педагогическое обаяніе. Провинившагося ученика онъ обыкновенно призывалъ въ „инспекторскую" и ставилъ передъ собой. Минуту или двѣ онъ гипнотизировалъ жертву своимъ тяжелымъ взглядомъ, и я до сихъ поръ помню странное ощущеніе этихъ минутъ...

— Смотри на меня,—говоритъ Рущевскій.

Жертва съ тяжелымъ усиліемъ подымаетъ глаза. Надъ нею—огромное лицо, почти безъ выраженія, неестественно большіе зрачки и два сѣдоватыхъ бакнебарда. Громадная рука ложится на плечо... Ощущеніе чего-то физически подавляющаго, неосмысленнаго, но властнаго. Продержавъ жертву въ этомъ томительномъ напряженіи, Рущевскій предлагалъ вопросъ и, не удовлетворившись отвѣтомъ, внезапно подымался во весь ростъ, и надъ головой провинившагося бурно проносился цѣлый ураганъ нелѣпаго крика. По большей части онъ выкрикивалъ двѣ-три малозначущихъ фразы, весь эффектъ которыхъ былъ въ этомъ подавляющемъ ростѣ и громовыхъ раскатахъ голоса... Ощущеніе было такое, какъ будто стоишь, маленькій и безсильный, подъ какой-то разваливающейся скалой... Чаще всего такіе окрики раздавались надъ „дежурными по классу", не соглашавшимися выдать нашалившихъ товарищей...

Впослѣдствіи, въ старшихъ классахъ, когда физическая противоположность между ученикомъ и инспекторомъ сгл

живалась,—терялось и устрашающее обаяніе Рущевскаго... Въ сущности, онъ былъ человѣкъ не злой, пожалуй, лучше средняго директора послѣдующаго времени уже потому, что тогда „внутренняя политика“ съ ея тайными аттестаціями и подлымъ политическимъ сыскомъ не въ такой степени заполоняла школу.

„Война“ между учениками и наставниками, конечно, шла и тогда по всей линіи, составляя, пожалуй, основной, наиболѣе живой мотивъ школьной жизни, и теперь маленькій сонный городокъ вспоминается мнѣ, какъ своеобразное поле какого-то продолжительнаго сраженія.

Уже съ ранняго зимняго утра, когда въ сыроватыхъ сумеркахъ чуть загорались огни,—изъ длиннаго двухъэтажнаго зданія, стоявшаго рядомъ съ гимназіей, выходили обыкновенно на охоту двѣ или три фигуры: два надзирателя и инспекторъ. Къ семи часамъ ученики, жившіе на общихъ квартирахъ, должны были сидѣть за столами и готовить уроки... Исполнялось это рѣдко, и главная прелесть незаконнаго утренняго сна состояла именно въ сознаніи, что гдѣ-то, въ туманномъ сумракѣ, пробираясь по деревяннымъ кладочкамъ и проваливаясь съ калошами въ грязь, крадется ищейка Дидонусъ и, быть можетъ, въ эту самую минуту уже заглядываетъ съ улицы въ окно... Дитяткевичъ, со своими кривыми ножками, былъ страстный и неутомимый охотникъ: грязь, слякоть, дождь, зимняя мятель и вьюга,—ничто не останавливало неутомимаго сыщика. Наоборотъ, онъ зналъ, что именно въ ненастье преступный сонъ налегаетъ на учениковъ съ особенной силой, и въ это время ихъ легче застигнуть... Если, заглянувъ въ комнату снаружи, онъ видѣлъ квартиру въ полномъ порядкѣ, то уходилъ разочарованный, какъ охотникъ, давшій промахъ. Въ противномъ случаѣ,— онъ внезапно появлялся въ дверяхъ, веселый, съ сіяющими глазами, и ласковымъ, довольнымъ тономъ требовалъ „квартирный журналъ“. Если гдѣ-нибудь неподалеку онъ замѣчалъ въ темнотѣ огромную фигуру Рущевскаго, то охотно дѣлалъ для него стойку, наводя на неисправныя квартиры... Яковъ Степановичъ входилъ тогда съ торжественной мрачностью, подъ которой чувствовалось всетаки довольство удачной охотой, и, подобно темному обелиску, становился надъ постелью сонливца... До сихъ поръ еще живо помню минуты непріятнаго пробужденія подъ его упорно-тяжелымъ, туповатымъ взглядомъ...

Когда ученики уходили въ гимназію,—охота продолжалась и становилась даже разнообразнѣе. Дитяткевичъ приходилъ въ пустыя квартиры, рылся въ сундукахъ, конфисковалъ портъ-сигары, забиралъ „недозволенныя“ книги для чтенія и обо всемъ найденномъ записывалъ въ журналъ. Потомъ онъ появлялся въ корридорахъ гимназіи, загляды-

валъ въ стекла классныхъ дверей, а иной разъ ученики, выходившіе на время изъ класса, замѣчали въ перспективѣ молчаливыхъ корридоровъ небольщую фигурку, припавшую глазомъ къ замочной скважинѣ...

Охота продолжалась и послѣ уроковъ. Куреніе, „неразрѣшенныя" книги (Писаревъ, Добролюбовъ, Некрасовъ), купанье въ неразрѣшенномъ мѣстѣ, катанье на лодкахъ, гулянье послѣ 7 часовъ вечера,—все это входило въ кодексъ гимназическихъ проступковъ. Въ ихъ классификаціи было мало смысла и чувствовался отчасти тотъ же маніаческій автоматизмъ: вопросъ сводился не къ безнравственности даннаго поступка, а къ трудности педагогической охоты. Въ городѣ и кругомъ города было много прудовъ и рѣчекъ, но катанье на лодкѣ было воспрещено, а для купанья была отведена лужа, гдѣ мочили ленъ. Разумѣется, ученики катались въ лодкахъ и купались въ рѣчкахъ или подъ мельничными шлюзами, съ ихъ свѣжими брызгами и шумомъ... И это составляло для Дитяткевича наиболѣе интересное поле охоты. Нерѣдко въ самый разгаръ купанья, когда мы безпечно ныряли въ рѣчушкѣ, около „исправницкой купальни", надъ обрѣзомъ горы, покрытой высокой рожью, показывалась вдругъ синяя фуражка, и ковыляющая фигурка Дидонуса быстро спускалась по тропинкѣ. Это значило, что надзиратель давно уже выслѣдилъ насъ, скрываясь во ржи далъ время раздѣться и теперь стремится застигнуть врасплохъ. По большей части это не удавалось: мы схватывали одежду и кидались въ камыши, какъ бѣглецы во время татарскихъ нашествій. Колченогій надзиратель бѣгалъ, какъ насѣдка, по берегу, называлъ наугадъ имена, увѣрялъ, что онъ всѣхъ знаетъ и требовалъ сдачи въ плѣнъ. Мы стояли въ камышахъ, посинѣвшіе отъ холода, но сдавались рѣдко... За то, если надзирателю удавалось захватить платье купальщиковъ, то приходилось одѣваться и слѣдовать за нимъ къ инспектору, откуда, послѣ громоваго крика, купальщики отправлялись въ карцеръ... И всегда наказаніе соотвѣтствовало не тяжести вины, въ сущности, явно небольшой, а количеству усилій, затраченныхъ па поимку...

Съ семи часовъ вечера выходить изъ квартиръ тоже воспрещалось, и съ закатомъ солнца маленькій городишко съ его улицами и переулками превращался для учениковъ въ рядъ засадъ, западней, внезапныхъ нападеній и болѣе или менѣе искусныхъ отступленій. Особенную опасность въ темные вечера представлялъ узенькій переулочекъ, только для пѣшеходовъ соединявшій двѣ параллельныхъ улицы: Гимназическую и Тополевую. Въ лунныя ночи, конечно, своевременное отступленіе было легче. Но темными осенними вечерами очень легко было внезапно наткнуться на Дидонуса, а порой, что еще хуже,—„самъ инспекторъ", заслышавъ кра-

дущіеся шаги, прижимался спиной къ забору, подпускалъ къ себѣ фигурку въ сѣрой шинели и... внезапно наводилъ на нее на близкомъ разстояніи свой потайный фонарь... Это были моменты совершенно потрясающіе, о которыхъ на утро разсказывали въ классахъ...

Я теперь съ нѣкоторой даже благодарностью вспоминаю объ этихъ своеобразныхъ состязаніяхъ. Гимназія не умѣла сдѣлать интереснымъ преподаванія, она ничѣмъ не освѣщала, не облагораживала, не наполняла содержаніемъ тотъ избытокъ первой силы и молодого темперамента, который не поглощался зубристикой и механическимъ посѣщеніемъ неинтересныхъ классовъ... Можно было совершенно застыть отъ скуки или обратиться въ автоматическій зубрильный аппаратъ (что со многими и случалось), если бы въ однообразный, скучный, автоматическій ходъ преподаванія не врывались волнующіе эпизоды этого своеобразнаго военнаго спорта, разнообразя сонное существованіе въ сонномъ гниломъ городишкѣ этими опасностями, погонями, военными хитростями всякаго рода...

Но съ особенной признательностью я вспоминаю наши широкіе пруды съ ихъ зарастающей водяной гладью и тихо сочащимися отъ пруда къ пруду, порой довольно глубокими, рѣчушками. Лѣтомъ мы, точно пираты, совершали по нимъ плаванье въ лодкахъ, стараясь быстро пересѣчь открытыя мѣста, нырнуть въ камыши, притаиться подъ мостами, по которымъ грузной походкой проходилъ инспекторъ или ковылялъ Дитяткевичъ, не подозрѣвая о близости преступниковъ... Съ осени, когда пруды начинали покрываться пленкой,—всѣ гимназисты съ нетерпѣніемъ слѣдили за ихъ замерзаніемъ... До сихъ поръ еще въ моихъ ушахъ стоитъ переливчатый стеклянный звонъ отъ камней, бросаемыхъ съ берега по тонкому льду... Ледъ становится крѣпче, на немъ уже стоятъ лебеди, которыхъ скоро уберутъ на зиму, потомъ мы съ братомъ привязываемъ коньки и, съ опасностью провалиться, пробуемъ кататься. Черезъ недѣлю съ берега на прудъ торжественно спускается Яковъ Степановичъ, сторожъ Савелій пробуетъ ледъ пѣшней и—наконецъ, всѣмъ оффиціально разрѣшается катанье. Каждый день послѣ обѣда на пруду скользятъ и вьются сотни юркихъ мальчишекъ; среди нихъ точно осетры межъ стаей мелкой рыбешки, неуклюже качаются на конькахъ учителя, являются горожане и горожанки.. Наиболѣе смѣлые изъ конькобѣжцевъ ищутъ новыхъ мѣстъ, пробираются по плохо замерзающимъ текучимъ рѣчкамъ, пробѣгая между плещущими полыньями.

Темнѣетъ... Два сторожа, надзиратель и инспекторъ обходятъ прудъ кругомъ, сгоняя запоздавшихъ съ катка. Прудъ пустѣетъ... Изъ-за широкихъ камышей подымается луна, трогая холоднымъ свѣтомъ края стараго дворца; бѣлый

ледъ сверкаетъ, порой трескается и стонетъ... Это минуты наибольшаго наслажденія: на опустѣвшемъ пруду продолжаютъ виться пять-шесть темныхъ фигуръ.. На берегу, на лѣстницѣ инспекторскаго дома, рядомъ съ гимназіей, появляется высокая черная тѣнь. Мы знаемъ: это Яковъ Степановичъ слѣдитъ за преступными катальщиками. Порой, рисуясь на бѣломъ снѣгу, отъ гимназіи спускаются нѣсколько силуэтовъ: будетъ облава. Дитяткевичъ уже, быть можетъ, заходитъ съ другой стороны, отъ острова... Но лунный свѣтъ обманчивъ,—узнать, кто катается, нельзя... Мы даемъ преслѣдователямъ время подойти ближе, почти окружить себя. Но затѣмъ быстро бѣжимъ къ опаснымъ мѣстамъ... Ледъ звенитъ все тоньше, подъ ногами слышатся опять переливчатые стеклянные звуки подгибающейся ледяной пленки, близко плещутся рѣчныя полыньи... Ж-ж-жи... И, одинъ за другимъ на нѣкоторомъ разстояніи, бѣглецы пробѣгаютъ по опасной рѣчкѣ на другой прудъ... Преслѣдователи останавливаются, совѣщаются, предпринимаютъ новыя хитрости, но чаще всего отступаютъ... Ихъ фигуры расплываются въ морозной мглѣ... И опять на гладкомъ пруду слышенъ легкій звонъ желѣза по льду, и продолжается молчаливое круженіе на лунномъ свѣтѣ, въ морозномъ воздухѣ...

А уроки?... О, Господи! Я давно уже пересталъ готовить ихъ дома, довольствуясь тѣмъ, что попадетъ въ уши въ классѣ или хватая кое-что изъ книги, наскоро, во время перемѣнъ... Моя ученическая совѣсть теперь очень рѣдко бываетъ спокойна, и на многихъ урокахъ я жду звонка съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Изъ первыхъ учениковъ я давно спустился къ серединѣ и нахожу это наиболѣе для себя подходящимъ: честолюбіе меня не мучитъ, тройки не огорчаютъ... А за то на пруду, въ эти лунныя ночи, грудь дышетъ такъ полно и, подъ свободныя движенія, такъ хорошо работаетъ воображеніе... Луна подымается, заглядываетъ въ пустыя окна мертваго замка, выхватываетъ золотой карнизъ, приводитъ въ таинственное осторожное движеніе... Какія-то неясныя тѣни... Что-то шевелится, что-то дышетъ, что-то оживаетъ...

И потомъ спится такъ крѣпко, несмотря на то, что уроки совсѣмъ не готовы...

Теперь, когда я вспоминаю первые два-три года своего ученія въ ровенской гимназіи и спрашиваю себя, что тамъ было въ это время наиболѣе свѣтлаго и здороваго,—то отвѣтъ у меня одинъ: толпа товарищей, интересная война съ начальствомъ и—пруды, пруды...

Подъ конецъ моего курса, въ скрипучій педагогическій хоръ начали врываться новые голоса, а съ ними и новое настроеніе... Но объ этомъ уже въ слѣдующемъ очеркѣ.

Вл. Короленко.

Крестьяне и интеллигенція.

(Къ характеристикѣ освободительнаго движенія въ Малороссіи).

Къ годовщинѣ 17 октября кіевской судебной палатой былъ вынесенъ обвинительный приговоръ по дѣлу организаторовъ крестьянскаго союза въ Кролевецкомъ уѣздѣ, согласно которому студентъ Кононенко, волостной писарь Лѣсненко и дѣлопроизводитель земскаго начальника Клименко присуждены къ заключенію въ крѣпость на сроки отъ 1 г. 6 м. до 2 лѣтъ, а инструкторъ министерства земледѣлія Яценко къ ссылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ правъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ оффиціальныхъ ликвидаціонныхъ актовъ дѣятельности интеллигенціи въ деревнѣ въ дни свободы, облеченный въ форму судебнаго приговора; за нимъ слѣдовали и другіе. Но на скамью подсудимыхъ попадали единицы; сотни, а можетъ и тысячи, безъ всякаго суда пошли въ тундры сѣвера Россіи и Сибири. Какъ и всегда, оффиціальная ликвидація запоздала: въ жизни политическій романтизмъ интеллигенціи давно уже ликвидированъ, призывы къ мирной борьбѣ позабыты и проявленія политическаго движенія въ деревнѣ облеклись въ новыя формы. Дѣйствительно, событія нагромождаются съ поразительной быстротой, и то, что было годъ тому назадъ, оказывается отъ насъ на такой огромной дистанціи, что многія интересныя стороны этого свѣтлаго мига «свободы» начинаютъ стушевываться въ нашемъ представленіи. Это обстоятельство побудило меня сдѣлать попытку регистраціи наиболѣе характерныхъ чертъ возникновенія и развитія освободительнаго движенія въ малорусской деревнѣ и въ связи съ этимъ освѣтить общественно-политическую роль деревенской интеллигенціи *) и настроенія землевладѣльческихъ круговъ **).

*) Подъ деревенской интеллигенціей я подразумѣваю не только интеллигенцію, живущую въ сельскихъ мѣстностяхъ, но и въ уѣздныхъ центрахъ, и при томъ какъ представителей третьяго элемента, такъ и демократически настроенныхъ представителей землевладѣльческихъ круговъ.

**) Матеріалы и наблюденія для настоящей статьи относятся, главнымъ образомъ, къ Кіевской и Полтавской губ.

I.

По адресу деревенской интеллигенціи нерѣдко раздаются изъ разныхъ лагерей противорѣчивыя обвиненія. Какъ помнитъ, быть можетъ, читатель, на ноябрскомъ съѣздѣ крестьянскаго союза въ Москвѣ соціалъ-демократы открыто заявили о вредномъ вліяніи демократической интеллигенціи на крестьянство, въ смыслѣ ослабленія степени революціонности послѣдняго. Такое же отношеніе наблюдалось иногда и на мѣстахъ. Такъ, на одномъ съѣздѣ делегатовъ крестьянскихъ союзовъ, въ Полтавской губ. *), на которомъ господствующее положеніе принадлежало демократической интеллигенціи, представитель соціалъ-демократической партіи, выходя изъ залы засѣданія, сказалъ характерную фразу: «тутъ душатъ революцію». Поводомъ къ такому заявленію служило то обстоятельство, что съѣздъ вмѣсто такихъ рискованныхъ шаговъ, какъ объявленіе временнаго правительства, занимался исключительно дѣловой организаціонной работой. Съ другой стороны, правительство, въ компаніи съ реакціонными землевладѣльцами, видитъ въ лицѣ деревенскихъ интеллигентовъ главные кадры тѣхъ «злонамѣренныхъ агитаторовъ», которые искусственно толкаютъ крестьянство на путь активной политической борьбы. Грозный призракъ политической силы крестьянства заставилъ бюрократію, изъ чувства самосохраненія, приложить всѣ силы, чтобы парализовать вліяніе этого фактора на исходъ освободительной борьбы. И вотъ, чтобы вырвать съ корнемъ зло, темныя силы реакціи обрушились на деревенскую интеллигенцію. Хватали безъ разбору первыхъ попавшихся, часто лицъ, ничего общаго не имѣющихъ съ революціоннымъ движеніемъ. Кто хоть бѣгло слѣдилъ за газетными извѣстіями объ арестахъ и ссылкахъ, того не могло не поразить необыкновенное разнообразіе общественнаго положенія, происхожденія и т. д. этихъ жертвъ произвола. Если мы стали бы искать чего-либо общаго и характернаго для всѣхъ этихъ лицъ, несомнѣнно, разныхъ направленій и партій, то тутъ на первый планъ выдвигается довѣріе къ нимъ населенія, т. е. то, что они располагали тѣмъ талисманомъ общественной и политической дѣятельности, котораго такъ настойчиво, и такъ безуспѣшно добивался г. Витте, и о которомъ совершенно напрасно мечтаетъ нынѣ г. Столыпинъ. Какъ бы то ни было, однако, несомнѣнно, что деревенская интеллигенція не душила революціи и не рождала ее, и въ частности участіе интеллигенціи въ крестьянскомъ союзѣ носило въ большинствѣ случаевъ служебный характеръ, т. е. она выполняла миссію, возложенную на нее временемъ и обстоятельствами.

---

*) Я долженъ тутъ сдѣлать общую оговорку и просить довѣрія читателя. По условіямъ переживаемаго момента не всегда удобно и безвредно давать точныя указанія о мѣстѣ и о лицахъ.

Чтобы нагляднѣе очертить роль деревенской интеллигенціи въ политическомъ пробужденіи крестьянства, нужно остановиться, съ одной стороны, на общественно-политическихъ процессахъ, происходящихъ внутри самого крестьянства, и, съ другой стороны, на политическомъ обликѣ интеллигенціи. Вліяніе тяжелаго экономическаго положенія, какъ главнаго фактора, побудившаго крестьянъ вступить въ ряды борцовъ освободительнаго движенія, въ Малороссіи сказалось весьма отчетливо. Если взять Полтавскую губернію, одинъ изъ очаговъ крестьянскаго движенія, то увидимъ, что около 75% крестьянскихъ хозяйствъ находятся здѣсь въ состояніи полуголоднаго существованія; хозяйства эти не обезпечены собственнымъ хлѣбомъ и находятся въ прямой зависимости отъ посторонних заработковъ, которые, при отсутствіи на мѣстѣ постоянныхъ промысловъ, носятъ случайный характеръ. Прямымъ слѣдствіемъ такого экономическаго положенія крестьянской массы явилась атмосфера озлобленности и недовольства, неуклонно толкавшая крестьянъ на путь протеста и борьбы. Тишина, которая господствовала въ селахъ и хуторахъ Полтавщины до массовыхъ крестьянскихъ движеній, была тишиной передъ бурей, и первыя стихійныя вспышки въ Константиноградскомъ и Полтавскомъ уѣздахъ сразу вызвали общее возбужденіе по всей губерніи: въ Лубенскомъ уѣздѣ, напримѣръ, крестьяне насторожились и ожидали, что вотъ пріѣдутъ «студенты»,—которыхъ они представляли себѣ чѣмъ-то въ родѣ гарибальдійцевъ,—и начнутъ дѣлить панскую землю, а въ сосѣднемъ Лохвицкомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ селахъ были избраны спеціальные ходоки для отправки на мѣста безпорядковъ, чтобы, узнавши, какъ тамъ пошло дѣло, самимъ начать дѣлежъ панской земли. Понятно, что недовольство крестьянъ облекалось въ формы, соотвѣтствующія культурному уровню крестьянства, и, вслѣдствіе ограниченности политическаго горизонта, направлялось противъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, земскихъ начальниковъ и проч. При этомъ массовымъ дѣйствіямъ предшествовали дѣйствія единичныя и групповыя. Поэтому для установленія полной картины рѣзкихъ проявленій недовольства въ деревнѣ, нужно обратиться къ хроникѣ безчисленныхъ поджоговъ, порубокъ, потравъ и проч. Мнѣ даже кажется, что эти мелкіе, единичные акты проявленія озлобленности и мстительности въ общей сложности даютъ болѣе внушительный эффектъ, чѣмъ массовые безпорядки. Зачастую въ Полтавской губерніи деревня и помѣщичья усадьба представляютъ два вражескихъ стана; война между ними ведется по самымъ разнообразнымъ поводамъ десятилѣтіями съ прогрессирующей ожесточенностью. И объясненія этому нужно искать, конечно, не въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыми непосредственно вызываются столкновенія, а, главнымъ образомъ, въ экономическомъ контрастѣ между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Послѣднее обстоятельство рельефно сказалось въ томъ, что вліяніе личности землевладѣльцевъ и ихъ

положительная дѣятельность при такихъ затяжныхъ конфликтахъ рѣшающаго значенія не имѣли. Въ этомъ отношеніи наблюдалось слѣдующее характерное явленіе. Въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, при измѣнявшемся составѣ, нѣкоторымъ постоянствомъ отличались двѣ группы: консерваторы изъ Константинограда, во главѣ съ братьями Гриневичами и Шейдеманомъ, и либералы изъ Лохвицы, во главѣ съ братьями Русиновыми. Справедливость требуетъ указать, что лохвичане выгодно выдѣлялись изъ общей массы реакціонныхъ полтавскихъ земцевъ своимъ широкимъ пониманіемъ задачъ земства и стремленіемъ къ развитію просвѣтительной земской дѣятельности. Благодаря ихъ усиліямъ, дѣятельность лохвицкаго уѣзднаго земства приняла прогрессивное направленіе, — не безъ существенныхъ, впрочемъ, дефектовъ, — а въ самой Лохвицѣ и въ уѣздѣ сконцентрировались значительныя культурныя силы, что сопровождалось и замѣтнымъ развитіемъ общественной работы въ уѣздѣ. Затѣмъ не лишены были, въ свое время, извѣстнаго общественнаго эффекта дѣятельность и труды уѣзднаго комитета; этимъ усилился въ тяжелыя времена Плеве либеральный ореолъ лохвичанъ. Нельзя сказать, чтобы константиноградскіе земцы спали и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ земской дѣятельности превзошли лохвичанъ, но во всемъ этомъ былъ сухой разсчетъ, безъ проблесковъ общественности, а когда приходилось принціально высказываться, какъ, напримѣръ, въ с.-х. уѣздномъ комитетѣ, то чисто реакціонныя тенденціи не замедлили обнаружиться. Эта разница въ отношеніи къ задачамъ общественной работы въ извѣстной степени переносилась въ личную дѣятельность этихъ двухъ группъ общественныхъ дѣятелей среди окружающихъ ихъ помѣстій крестьянъ. Такъ, гг. Русиновыми были устроены въ с. Позникахъ народная школа (впрочемъ, церковно-приходская), народный театръ, благотворительное общество и въ сосѣднемъ селѣ с.-х. общество; констатиноградцы спохватились и сознали необходимость подобнаго рода дѣятельности лишь послѣ безпорядковъ 1902 г.

Но если мы взглянемъ на отношеніе массы мѣстныхъ крестьянъ къ представителямъ этихъ разныхъ типовъ земцевъ, то, по меньшей мѣрѣ, глубокой разницы уловить тутъ невозможно. Хотя, дѣйствительно, первыя активныя вспышки крестьянскаго недовольства въ 1902 г. были именно направлены противъ константиноградцевъ, но въ то же самое время далеко не спокойно жилось и лохвицкимъ либераламъ; и среди нихъ раздавались голоса о необходимости присылки войскъ. Эта тревога имѣла свое основаніе, такъ какъ по количеству аграрнаго террора и по степени раздраженія окружающихъ крестьянъ, гг. либеральные земцы подчасъ даже выдѣлялись изъ общей массы помѣщиковъ. Дальнѣйшій ходъ событій принесъ фактическія подтвержденія. Такъ, крестьянами села Позникъ, гдѣ находится имѣніе лидеровъ

мѣстныхъ либераловъ гг. Русиновыхъ, лѣтомъ 1905 г. была подана по собственной инициативѣ крестьянъ петиція въ совѣтъ министровъ, содержаніе которой свидѣтельствовало о наличности глубокаго недовольства. Затѣмъ Н. Н. Ходолей, проявившій въ своей земской дѣятельности даже нѣкоторые оттѣнки демократизма, оказался вынужденнымъ держать для охраны личной безопасности въ своемъ имѣніи отрядъ драгунъ. Подобныхъ фактовъ можно найти очень много, какъ въ другихъ уѣздахъ Полтавской губерніи, такъ и въ губерніяхъ Черниговской (напримѣръ, при безпорядкахъ въ Городнянскомъ уѣздѣ осенью 1905 года) и Кіевской, гдѣ въ Уманскомъ уѣздѣ возникли безпорядки, именно въ томъ имѣніи, въ которомъ владѣльцы съ наибольшимъ вниманіемъ относились къ нуждамъ крестьянъ (имѣніе г. Піотровскаго). Я останавливаюсь на этихъ фактахъ, чтобы отмѣтить, какое ничтожное значеніе имѣла личная дѣятельность помѣщиковъ на ослабленіе вліянія общаго экономическаго контраста...

На ряду съ экономическимъ факторомъ, этимъ главнымъ нервомъ крестьянскаго движенія, въ Малороссіи немаловажное значеніе имѣло и правовое положеніе крестьянъ и казаковъ. Въ этомъ отношеніи большее недовольство и раздраженіе наблюдалось въ болѣе состоятельныхъ слояхъ сельскаго населенія. Я далекъ отъ того, чтобы отрицать недовольство крестьянской бѣдноты господствующимъ произволомъ, но она весьма естественно выдвигала экономическія требованія на первый планъ, въ то время когда зажиточное казачество чувствовало, главнымъ образомъ, тяготу своего безправія и съ нескрываемою старой непріязнью относилось къ исключительному господству въ мѣстной жизни дворянства. Поэтому правовыя требованія, выдвинутыя въ первый періодъ освободительнаго движенія, были близки этимъ кругамъ, и они быстрѣе сумѣли разобраться въ политическихъ вопросахъ. Вотъ почему въ предъявленіи первыхъ конституціонныхъ требованій мѣстнымъ крестьянствомъ нерѣдко видная роль принадлежала состоятельнымъ его слоямъ, и этимъ сельская буржуазія оказала серьезную услугу въ дѣлѣ просвѣтленія политической мысли и популяризаціи правовой борьбы среди массы крестьянъ.

Наличность серьезныхъ причинъ въ экономическомъ и правовомъ бытѣ крестьянъ, побудившихъ ихъ примкнуть къ освободительной борьбѣ, теперь отрицается развѣ лишь «истинно-русскими» людьми. Бюрократія выставляетъ противъ интеллигенціи другой обвинительный тезисъ, заключающійся въ томъ, что интеллигенція воспользовалась недовольствомъ крестьянской массы и существующими условіями для пропаганды своихъ «злонамѣренныхъ теоретическихъ измышленій». Поэтому я считаю не безъинтереснымъ освѣтить, съ какимъ запасомъ политико-соціальныхъ воззрѣній выступила на арену политической борьбы, какъ масса крестьянъ, такъ и деревенская интеллигенція.

Все несчастье русской бюрократіи заключалось въ томъ, что, изощряясь въ измышленіи самыхъ разнообразныхъ способовъ изоляціи массы крестьянства отъ культуры и ея представителей, т. е. отъ интеллигенціи, она все же не сумѣла изобрѣсти преградъ абсолютно непроницаемыхъ для духа времени, а главное, совершенно безсильна была заставить народъ не мыслить. Вслѣдствіе этого, параллельно съ усиленіемъ недовольства и вызванными этимъ разрушительными вспышками, шла глухая творческая работа народной мысли, поиски правды и справедливости. Культурныя вѣянія, доходившія тѣмъ или инымъ путемъ до деревни, усиливали общее броженіе народной мысли. Совокупностью всѣхъ условій крестьянской жизни помыслы народа особенно интенсивно были сосредоточены на отысканіи справедливаго разрѣшенія аграрнаго вопроса. Всѣ перспективы будущаго крестьянинъ строилъ на фонѣ разрѣшенія земельнаго вопроса. Можно безъ преувеличенія сказать, что крестьянство жило вѣрой въ неизбѣжность того момента, когда его чаянія воплотятся въ дѣйствительность. Народная мысль выковала формулы-лозунги: «земля Божья», «земля ничья» и т. п., которые непосредственно вытекаютъ изъ основъ исторически сложившагося народнаго міросозерцанія, а потому объединяютъ всю массу бѣдствующаго и прозябающаго крестьянства. Въ этомъ нѣтъ различія между крестьянами, затронутыми и не затронутыми агитаціей. Вотъ одинъ примѣръ. Аграрная коммиссія лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ 1905 г. задалась цѣлью произвести опросъ крестьянъ о ихъ нуждахъ и требованіяхъ, и потому пригласила лично ей извѣстныхъ или рекомендованныхъ крестьянъ со всѣхъ угловъ уѣзда на свои засѣданія. Обстановка работъ и исключительно интеллигентный, не землевладѣльческій составъ коммиссіи, по словамъ участниковъ коммиссіи, быстро расположили крестьянъ къ откровеннымъ заявленіямъ, среди которыхъ господствовали вполнѣ сознательныя требованія національзаціи земли. Среди присутствующихъ были состоятельные казаки, которые, однако, ничего не возражали противъ націонализаціи и лишь настаивали на возмездномъ отчужденіи, въ то время, какъ бѣднота считала справедливымъ безплатное отчужденіе. Фактъ этотъ интересенъ потому, что Лохвицкій уѣздъ въ то время вообще былъ мало тронутъ революціонной пропагандой; даже «на основаніи указа 18-го февраля» не велось почти что никакой агитаціи: такимъ образомъ, тутъ сказались чисто народныя стремленія. Это обнаружилось и въ своеобразіи мотивировокъ. Такъ, отстаивая экспропріацію частновладѣльческой земли, крестьяне усиленно ссылались на освобожденіе крестьянъ: «Какъ намъ дали волю безвозмездно, такъ должны дать волю землѣ». Нѣкоторые члены коммиссіи, интеллигенты, возражали и доказывали неосуществимость даровой экспропріаціи, но на крестьянъ это особаго впечатлѣнія не произвело.

Между прочимъ, обнаружилось на засѣданіяхъ этой же коммиссіи, что никакой особой приверженности къ частной земельной собственности у малорусской крестьянской бѣдноты нѣтъ: крестьяне опредѣленно и сознательно высказывались противъ предоставленія на правахъ частной собственности земельныхъ надѣловъ. Впослѣдствіи, въ «дни свободы», все это десятки и сотни разъ повторялось на митингахъ и всякихъ собраніяхъ.

Въ этомъ отношеніи весьма интересный матеріалъ дали совѣщанія, организованныя, по предложенію полтавскаго губернскаго экономическаго совѣта, при кобелякской, полтавской и кременчугской уѣздныхъ земскихъ управахъ. На послѣднемъ совѣщаніи произошелъ слѣдующій инцидентъ. При обсужденіи вопроса, какъ нужно давать землю крестьянамъ, въ собственность или въ пользованіе, передъ собраніемъ выступилъ крестьянинъ, который предложилъ собравшимся вопросъ: какъ далъ Богъ землю Адаму: въ собственность или въ пользованіе? Собраніе изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ дружно отвѣтило: въ пользованіе!

Ораторъ тогда заявилъ, что онъ тоже того мнѣнія, и потому считаетъ подобное рѣшеніе вопроса наиболѣе правильнымъ. Въ этомъ смыслѣ и была принята резолюція совѣщанія. Вообще, патетическія заявленія объ инстинктахъ собственности малоросса въ дѣйствительности не имѣютъ подъ собою никакой реальной почвы. При нѣкоторомъ анализѣ экономическихъ условій въ Малороссіи не трудно обнаружить, что масса крестьянъ много терпѣла, но ничего положительнаго не получила отъ института частной земельной собственности, и потому смотритъ на него, какъ на извѣстное зло. Малороссъ не коллективистъ еще, въ широкомъ значеніи этого слова, но все же стоитъ за обобществленіе земли.

Все приведенное, въ совокупности, приводитъ къ тому общему выводу, что малорусскіе крестьяне выступали на арену политической борьбы съ собственными основами экономической платформы и вытекающими изъ нихъ практическими требованіями. То упорство и та страстность, которыя сквозили какъ въ рѣчахъ крестьянъ на публичныхъ собраніяхъ, такъ и въ ихъ личныхъ бесѣдахъ при отстаиваніи народныхъ земельныхъ требованій, заставляютъ думать, что, какъ безсильна была бюрократія остановить искусственными препонами народное творчество, такъ и теперь ни разстрѣлами и нагайками не выбить изъ мужицкой башки принциповъ справедливаго разрѣшенія земельнаго вопроса. Эта сѣрая мужицкая рать дастъ десятки, сотни Галилеевъ, которые, подставляя грудь къ разстрѣлу, будутъ утверждать: «а все же земля Божья»!

Но какъ ни тяжелъ былъ тотъ экономическій гнетъ, подъ которымъ находился малорусскій крестьянинъ, какъ ни давила его земельная тѣснота, все же никакъ нельзя сказать, чтобы требованія крестьянъ исчерпывались однимъ аграрнымъ вопросомъ. Только жгучесть постановки этого вопроса и острота классовыхъ противо-

рѣчій въ немъ, нѣсколько отодвинули на второй планъ или, правильнѣе, замаскировали требованія правового характера. Въ Малороссіи не малое значеніе для развитія правовыхъ требованій имѣли и обстоятельства историческаго ея прошлаго. Нужно имѣть въ виду, что огромная масса сельскаго населенія, казачество, никогда не было подъ игомъ крѣпостного права, а на крестьянъ оно было распространено гораздо позже (при Екатеринѣ II-ой), чѣмъ въ Великороссіи. Довольно трудно установить такіе лозунги чисто народнаго происхожденія правовыхъ требованій, какіе имѣлись по земельному вопросу, но это не показываетъ того, что вообще крестьянство не имѣло положительныхъ правовыхъ требованій. «Нужны новые порядки, нужны новые законы»— этими оборотами пестрѣли всѣ рѣчи и заявленія крестьянъ, а затѣмъ слѣдовало: намъ нужны права, образованіе и т. д. «Довольно мы служили дворянамъ, теперь нужны такіе законы, чтобы они служили намъ», при общемъ одобреніи заявилъ одинъ малорусскій казакъ на публичномъ собраніи, и, несомнѣнно, въ этомъ заявленіи заключается основа одного изъ наиболѣе рѣзкихъ правовыхъ теченій въ малорусскомъ крестьянствѣ. Возникло въ значительной степени это теченіе на почвѣ правового контраста между привилегированными сословіями и крестьянами. Вообще, если глубже вникнуть въ соціально-политическое творчество народа, то нетрудно убѣдиться, что мысль народа пыталась найти рѣшеніе самымъ разнообразнымъ вопросамъ и экономической, и правовой жизни. Въ этомъ отношеніи цѣнный матеріалъ представляютъ тѣ приговоры и прочія петиціи крестьянъ, которыя составлялись въ періодъ отъ 18 февраля по 6 августа 1905 г. безъ всякаго посторонняго содѣйствія. Я далекъ отъ идеализаціи этихъ продуктовъ народнаго творчества (они часто свидѣтельствуютъ о низкой культурѣ и слабой освѣдомленности въ политическихъ условіяхъ), но суть въ томъ, что въ основѣ этихъ проявленій народнаго правосознанія лежатъ принципы чистаго демократизма, и отрицательныя стороны ихъ только подтверждаютъ мысль о непосредственной независимости отъ внѣшняго культурнаго воздѣйствія народнаго политико-соціальнаго міросозерцанія. И въ правовой, и въ экономической области крестьянство выступило на арену активной политической борьбы и съ собственной критикой существующаго режима, и съ самостоятельно созданной платформой политико-соціальныхъ требованій. Потому-то оно и выдвинуло изъ своей среды собственныхъ «злонамѣренныхъ агитаторовъ», энтузіастовъ-борцовъ за народныя вольности и торжество справедливости. Если мы обратимся теперь къ тѣмъ элементамъ, которые могли оказать то или иное вліяніе на политическое міросозерцаніе народныхъ массъ, и къ фактической постановкѣ ихъ дѣятельности, то высказанное положеніе найдетъ новое подтвержденіе.

II.

Воздѣйствіе на народное міросозерцаніе, это—одна изъ самыхъ тяжелыхъ задачъ культурной работы; для удовлетворительнаго разрѣшенія ея, несомнѣнно, требуется близкое, продолжительное и постоянное соприкосновеніе съ представителями этого міросозерцанія, необходимы и благопріятныя условія для воспріятія новыхъ понятій, и удобная обстановка для воздѣйствія. Спрашивается: были ли эти условія налицо при взаимоотношеніяхъ между культурнымъ русскимъ обществомъ и массой крестьянства? Я думаю, что у всякаго читателя на этотъ вопросъ готовъ отрицательный отвѣтъ. Не лишне будетъ, однако, остановиться на немъ подробнѣе. Постараюсь освѣтить мой выводъ личными наблюденіями.

Общимъ ходомъ развитія русской жизни въ качествѣ промежуточнаго слоя между народной массой и культурными верхами общества выдвинута была деревенская интеллигенція; огромное культурное значеніе ея работы признавалось всѣми, и на этой почвѣ возникла идеализація какъ личнаго состава интеллигенціи, такъ значенія ея дѣятельности. Эта идеализація имѣла ту положительную сторону, что, благодаря ей, поддерживался притокъ самоотверженныхъ культурныхъ работниковъ въ деревню. Нивеллирующее вліяніе условій деревенской жизни и наплывъ въ ряды деревенской интеллигенціи, какъ профессіоналистовъ, лицъ безъ сколько-нибудь широкихъ общественныхъ взглядовъ привели, однако, въ дѣйствительности къ тому, что, напримѣръ, въ Полтавской губерніи, даже въ мѣстностяхъ съ «подборомъ» земскихъ работниковъ, подавляющее большинство деревенской интеллигенціи во времена Плеве не только не имѣло какой-либо опредѣленной соціально-политической программы, т. е. своихъ опредѣленныхъ взглядовъ, которые могли проводить въ жизнь, но вообще воздерживалось отъ какихъ-либо оппозиціонныхъ проявленій. Преобладали люди скромные, чуждые героизма и склонные руководствоваться въ своей дѣятельности обывательскою моралью: «какъ бы чего-нибудь не вышло». Понятно, что такихъ людей атмосфера полицейскаго произвола заставила съеживаться и воздерживаться отъ обнаруженія тѣхъ благихъ порывовъ, которые таились въ ихъ груди. Для большей наглядности остановлюсь на народныхъ учителяхъ. Мнѣ приходилось, въ той же Полтавской губерніи, имѣть довольно широкія личныя знакомства въ средѣ учащихъ, посѣщать собранія обществъ взаимопомощи учителямъ, и проч., и каждый разъ, когда я вспоминалъ о тѣхъ большихъ надеждахъ и тяжелыхъ задачахъ, которыя возлагаетъ на нихъ русское общество, то мнѣ становилось неловко. На дѣлѣ сколько-нибудь удовлетворительно понимающіе задачи народнаго учителя составляли

меньшинство, а сознающіе и стремящіеся къ широкой задачѣ всесторонняго просвѣщенія народной массы насчитывались единицами. Иной разъ наблюдались поразительные факты забитости. Такъ, напримѣръ, при открытіи Лохвицкаго общества взаимопомощи учителей, когда началъ говорить рѣчь предсѣдатель мѣстной земской управы, то всѣ учителя встали, какъ школьники *). Вообще, въ участіи учащихъ въ подобныхъ обществахъ наблюдались двѣ характерныя черты: съ одной стороны, сильное стремленіе къ общенію, а съ другой—полная неодготовленность къ осуществленію такого общенія. Впрочемъ, все это вполнѣ понятно: не велики были запасы общественности, съ которыми направились народные учителя изъ культурныхъ центровъ въ провинціальныя захолустья, а тутъ, въ культурномъ одиночествѣ, и то, что было, быстро вывѣтрилось. Подробно останавливаться на пополненіи состава народныхъ учителей я не стану, но отмѣчу, что въ послѣднее время все болѣе и болѣе стали обращать на себя вниманіе «учителя изъ народа». Это—болѣе даровитые питомцы народныхъ школъ, сыновья крестьянъ, которые тѣмъ или инымъ способомъ раздобыли дипломъ начальнаго учителя. Эти, такъ сказать, самые подлинные деревенскіе интеллигенты производили хорошее впечатлѣніе своей чуткостью и жаждой знанія, но изъ общей массы выдѣляло ихъ, главнымъ образомъ, пониманіе нуждъ народа и его чаяній, политическая же активность и въ этой средѣ во времена до-революціонныя носила случайный характеръ. Если произвести классификацію учащихъ въ народныхъ школахъ по отношенію ихъ къ общественно-политической дѣятельности въ деревнѣ, то большинство было абсолютно-нейтральныхъ. незначительное количество, хотя тѣмъ или инымъ образомъ и реагировало на мѣстную жизнь, но по своему политическому развитію находилось на такой ступени, когда для прямого воздѣйствія на политическое міросозерцаніе окружающихъ само не располагало необходимымъ запасомъ собственныхъ взглядовъ и убѣжденій. Такіе учителя, которые принадлежали къ опредѣленнымъ партійнымъ организаціямъ и старались вести соотвѣтственную пропаганду, составляли большую рѣдкость. Только волна освободительнаго движенія вынесла на поверхность народнаго учителя, но и здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ началѣ организаціоннаго движенія, дѣло не обошлось безъ посторонней помощи. Вотъ почему я считаю воздѣйствіе народныхъ учителей на политическое міросозерцаніе народа крайне ничтожнымъ, этимъ путемъ народъ очень мало обогатился новыми политическими понятіями.

Все это въ значительной степени можетъ быть отнесено, съ тѣми и иными поправками, и къ другимъ слоямъ интеллигенціи провинціальныхъ захолустій. Наиболѣе активная часть деревенской

---

*) Въ періодъ освободительнаго движенія тому же самому предсѣдателю учителями было «выражено порицаніе».

интеллигенціи представляла собой смѣшеніе самыхъ разнородныхъ соціальныхъ элементовъ, между которыми устанавливалась мѣстами довольно прочная солидарность. Въ этой компаніи можно было встрѣтить и земцевъ—крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, подъ вліяніемъ раскатовъ революціи, кинулись въ объятія реакціи, и соціалистически настроенныхъ представителей «третьяго элемента», которые впослѣдствіи превратились въ активныхъ противниковъ своихъ прежнихъ союзниковъ. Однако подобный союзъ, по условіямъ временъ Плеве и по общимъ общественно-политическимъ тенденціямъ массы деревенской интеллигенціи, нельзя было признать ненормальнымъ. Всѣ данные элементы находились подъ тяжелымъ бюрократическимъ игомъ, и потому всѣхъ ихъ объединяла мысль объ освобожденіи отъ этого ига; условія практической общественной дѣятельности мало разнились, а между тѣмъ окружающая дѣйствительность заставляла отдаваться «малымъ дѣламъ». Какъ презрительно ни относились къ такого рода дѣятельности революціонные круги, но не было такой моральной силы, которая могла бы парализовать неудержимое стремленіе лучшей части деревенской интеллигенціи, возникшее подъ непосредственнымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ деревенской жизни, на почвѣ человѣколюбія, оказать немедленную реальную помощь народу. Это чисто народническое теченіе заключало въ себѣ очень слабые элементы политической пропаганды, являвшейся, въ лучшемъ случаѣ, чѣмъ-то косвеннымъ и случайнымъ. Я даже склоненъ къ мысли, что эта форма дѣятельности, въ связи съ сотрудничествомъ съ либеральными земцами, нерѣдко парализовала непримиримость и рѣзкость революціонно настроенныхъ интеллигентовъ, попавшихъ въ провинцію. Въ свою очередь, земцы, подъ вліяніемъ сотрудничества съ демократической интеллигенціей, нерѣдко вынуждены были подаваться влѣво. На практикѣ, напримѣръ, при вербовкѣ земскихъ работниковъ, установилась та характерная черта, что главными критеріями пригодности даннаго лица явились его работоспособность и идейность, но очень рѣдко вызывало къ себѣ какой-либо интересъ самое содержаніе этой идейности.

Въ общей сложности, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ до-революціонное время дѣятельность интеллигенціи чѣмъ-либо проявилась, преобладали теченія, непосредственно направленныя къ подъему духовной и матеріальной культуры крестьянства; элементы же политической дѣятельности, въ смыслѣ прямой подготовки крестьянства къ активной политической борьбѣ, если не совершенно отсутствовали, то имѣли ничтожные размѣры.

Но раньше, чѣмъ оцѣнивать дѣйствительное значеніе дѣятельности интеллигенціи, нужно оттѣнить неизбѣжность, въ силу внѣшнихъ условій, той именно формы, которую она приняла. Если мы обратимся къ условіямъ общенія между интеллигенціей и крестьянствомъ, то передъ нами предстанетъ тотъ неоспоримый фактъ,

что о сколько-нибудь широкомъ воздѣйствіи на политическое воспитаніе послѣдняго рѣчи быть не могло. Вѣдь интеллигентный землевладѣлецъ, учитель и проч. не только не могли устроить собранія или простой бесѣды для обсужденія чего-либо, имѣющаго самое отдаленное отношеніе къ политическимъ вопросамъ, но нерѣдко свои личныя отношенія должны были вогнать въ узко-профессіональныя рамки, и даже въ своихъ личныхъ бесѣдахъ съ единичными крестьянами должны были съ большой осторожностью касаться такихъ жгучихъ вопросовъ, какъ земельный. Хроника деревенской жизни изобилуетъ случаями, когда изъ невинныхъ разговоровъ создавались политическія дѣла. При этомъ нельзя не замѣтить, что крестьянство до-революціоннаго времени представляло не особенно благопріятную среду даже для умѣренной сравнительно политической пропаганды, напримѣръ, конституціонализма. Прежде всего интеллигентъ въ глазахъ крестьянина былъ «панъ», т. е. человѣкъ въ привилигированномъ положеніи, и потому въ отношеніи къ нему была извѣстная доля традиціоннаго недовѣрія, а то обстоятельство, что интеллигенція очень дружно сотрудничала съ земцами, дѣятельность которыхъ низко оцѣнивало крестьянство, иной разъ еще усилило эту отчужденность. Затѣмъ, наличность среди крестьянъ извѣстныхъ политическихъ предразсудковъ о сущности государственной власти тоже создавала не малыя затрудненія.

Чтобы заговорить откровенно на политическія темы съ крестьяниномъ и попытаться сообщить ему новыя соціально-политическія понятія, для интеллигента необходимо было основательное пониманіе психологіи крестьянина и хорошее личное знакомство. Съ развитіемъ темпа политической жизни измѣнилась степень воспріимчивости крестьянъ, но не далѣе, какъ въ дни свободы, произошелъ, напримѣръ, слѣдующій фактъ. На одномъ смѣшанномъ собраніи интеллигенціи и крестьянъ ораторъ соціалъ-демократъ свою довольно сильную рѣчь о положеніи крестьянства и о необходимости освобожденія отъ бюрократическаго ржима закончилъ возгласомъ: «долой самодержавіе»! На присутствующихъ крестьянъ этотъ возгласъ произвелъ рѣзко отрицательное впечатлѣніе, хотя они сами являлись со спеціальной просьбою о присылкѣ интеллигентныхъ ораторовъ въ ихъ села для организаціи мѣстныхъ крестьянскихъ союзовъ. Чтобы успокоить крестьянъ, понадобились разъясненія мѣстнаго вождя крестьянскаго движенія съ ссылками на образъ дѣйствій епископа Антонія Нарвскаго. Вообще же въ силу общаго недовѣрія ко всему тому, что малоизвѣстно или малопонятно, представлялось чрезвычайно трудной задачей убѣдить крестьянина въ положеніяхъ, не соотвѣтствующихъ народному міросозерцанію и въ подтвержденіе которыхъ у него нѣтъ личнаго опыта или вполнѣ реальнаго представленія. На вѣру ничего не принималось, и внимательное отношеніе, отсутствіе возраженій не являлись надежными признаками солидарности; иной разъ подъ молчаливымъ согласіемъ малоросса

скрывалась иронія. Прежде, чѣмъ воспріять ту или другую идею и стать ея поборникомъ, крестьянинъ-малороссъ старался тщательно анализировать ее и при этомъ, конечно, руководствовался основами народнаго міросозерцанія. Вотъ потому-то задачи политической дѣятельности и были не по силамъ для массы рядовой деревенской интеллигенціи.

Однако, отсутствіе политической пропаганды въ дѣятельности интеллигенціи не умаляетъ общаго ея значенія для развитія освободительнаго движенія среди крестьянъ. Въ политическомъ отношеніи нейтральная просвѣтительная дѣятельность интеллигенціи, быть можетъ, имѣла гораздо большее значеніе для развитія политическихъ движеній въ деревнѣ, чѣмъ это обыкновенно принято думать. Въ результатахъ этой дѣятельности нужно отмѣтить двѣ стороны. Во-первыхъ, личныя знакомства и бесѣды съ крестьянами, организація распространенія печатнаго слова (библіотеки, читальни и проч.) и всякія формы общенія «съ дозволенія и подъ надзоромъ начальства» оказались тѣми лазейками, черезъ которыя культурныя вѣянія проникали въ народную среду. Дѣйствительно, какъ тщательно ни воздвигались и ни ремонтировались бюрократіей искусственныя перегородки, отдѣляющія интеллигенцію отъ народной массы, но онѣ не могли противостоять напору духа времени, подъ давленіемъ котораго сквозь щели и поры просачивался въ крестьянскую среду свѣтъ знанія, являющійся движущейся силой народнаго творчества; каждый шагъ впередъ въ расширеніи умственнаго кругозора крестьянина усиливалъ его чуткость къ тяготѣ экономическаго и правового гнета, а это, въ свою очередь, побуждало энергичнѣй искать исхода изъ настоящаго положенія. Эта культурная работа и ея результаты съ внѣшней стороны были настолько скромные, что не только не поддавались полицейскому учету, но даже сами труженики-просвѣтители далеко не всегда понимали значеніе своей работы. Только съ развитіемъ освободительнаго движенія особенно наглядно обнаружились результаты этихъ культурныхъ вліяній. Кому приходилось устраивать во время «заминки» реакціи митинги и собесѣдованія о политическихъ вопросахъ, тому не трудно было уловить разницу въ степени политическаго пониманія и воспріятія крестьянъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ давно функціонировала хорошо поставленная земская школа, гдѣ устраивались вечерніе или повторительные классы, народныя чтенія и, въ особенности, гдѣ организованы были кооперативные и прочіе союзы, и тѣхъ селъ, гдѣ подобныхъ учрежденій не было.

Затѣмъ этой дѣятельностью была подготовлена до нѣкоторой степени почва для совмѣстной борьбы радикальной части интеллигенціи и крестьянства.

Идейная преданность интеллигента своимъ прямымъ обязанностямъ, его чуткое отношеніе къ крестьянскимъ нуждамъ и го-

товность, по мѣрѣ силъ, придти на помощь при сколько-нибудь продолжительномъ пребываніи въ данномъ пунктѣ очень цѣнились мѣстными крестьянами. На этой почвѣ создавались иногда весьма трогательныя, полныя взаимнаго довѣрія отношенія, которыя опредѣленно сказывались, между прочимъ, въ многочисленныхъ приговорахъ сельскихъ сходовъ, составленныхъ въ случаяхъ увольненія «по начальническому усмотрѣнію» или перемѣщенія для «пользы службы» интеллигента. Этому, на мой взглядъ, не мало способствовало то, что тяжелая обстановка жизни интеллигента въ деревнѣ, лишеніе многихъ культурныхъ удобствъ смягчали контрастъ между нимъ, какъ привилегированнымъ человѣкомъ, и крестьяниномъ. Поскольку крестьяне въ отношеніяхъ къ нимъ интеллигентовъ понимали состраданіе или готовность къ самопожертвованію,—это психологическія тонкости, и объ этомъ трудно что-нибудь опредѣленное сказать, но думается мнѣ, что въ сознаніи крестьянъ иной разъ мелькали смутныя мысли о преданности интеллигента ихъ интересамъ. Но тутъ я долженъ оговориться, что симпатіи крестьянъ относились обыкновенно къ опредѣленному лицу, въ ихъ глазахъ имѣла значеніе дѣятельность даннаго интеллигента безъ связи съ той общественной группой, къ которой онъ принадлежалъ, или съ тѣмъ учрежденіемъ, на службѣ котораго онъ состоялъ. Поэтому въ представленіи крестьянства не возникало границы между массой панства и интеллигенціей, также какъ дѣятельность земствъ, даже наиболѣе прогрессивныхъ, къ себѣ симпатій не завоевала: несомнѣнно, что земскія управы смѣшивались нерѣдко съ полицейскими управленіями.

Въ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, чутье народное не было обмануто, такъ какъ большинство земскихъ управъ въ Малороссіи въ дѣлѣ противодѣйствія сознательному крестьянскому движенію вошло въ трогательный союзъ съ полицейскими управленіями. Что же касается отношенія къ интеллигенціи, то тутъ съ развитіемъ политической жизни деревни произошли серьезныя измѣненія. Прежде всего въ самой интеллигенціи произошла дифференціація. «Вчерашніе либералы», подъ впечатлѣніемъ грознаго народнаго движенія, кинулись въ реакцію; за ними потянулись тѣ изъ «третьяго элемента», которые остались въ роляхъ ихъ жалкихъ наемниковъ. Остальная масса интеллигенціи, воспользовавшись первымъ удобнымъ моментомъ, ближе подвинулась къ крестьянству. Послѣднему легко стало разобрать, что въ первомъ лагерѣ— его враги, а во второмъ—его друзья.

Заканчивая характеристику дѣятельности деревенской интеллигенціи, считаю не безынтереснымъ остановиться на ея участіи въ мелкихъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, кооперативныхъ организаціяхъ и проч., возникшихъ въ самое послѣднее время въ довольно значительномъ количествѣ въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ. Становясь на утилитарную точку зрѣнія, многіе

прогрессивные органы и общественные дѣятели, особенно въ крупныхъ культурныхъ центрахъ, не признавали за этой затѣей серьезнаго значенія, но совершенно иное отношеніе существовало къ ней на мѣстахъ, среди рядовыхъ культурныхъ работниковъ деревни.

Нельзя сказать, чтобы тутъ игнорировались утилитатарныя задачи этихъ организацій; напротивъ, дѣлалось всевозможное, чтобы наиболѣе интенсивно проявить дѣятельность именно въ этомъ направленіи, такъ какъ только этимъ путемъ можно было завоевать симпатіи населенія. Однако, наиболѣе важная общественная сторона заключалась въ расширеніи рамокъ общенія крестьянства и интеллигенціи и въ проведеніи въ крестьянскую среду здоровыхъ демократическихъ понятій объ общественности и общественной дисциплинѣ. Дѣятельность этихъ организацій заключалась въ сферѣ экономическихъ интересовъ крестьянъ, и это представляло извѣстныя удобства для того, чтобы интеллигентъ могъ наглядно обнаружить въ глазахъ крестьянина свою солидарность съ нимъ. Въ то же время внутренній строй и функціонированіе ихъ, съ точки зрѣнія демократическихъ требованій, являлись болѣе совершенными, чѣмъ земское и сельское самоуправленія. Потому-то интеллигенція ухватилась за нихъ и старалась образовать изъ нихъ очаги общественности въ деревнѣ; но и тутъ до возникновенія освободительнаго движенія напрасно стали бы мы искать политической пропаганды.

Такимъ образомъ, дѣятельность деревенской интеллигенціи исчерпывалась, главнымъ образомъ, культурнымъ воздѣйствіемъ на народную массу и не имѣла непосредственнаго вліянія на ея политическое и соціальное міросозерцаніе. Само собой понятно, что всѣ обвиненія деревенской интеллигенціи въ поощреніи и содѣйствіи разрушительнымъ и стихійнымъ вспышкамъ ни на чемъ не основаны и являются продуктомъ больной фантазіи помѣщиковъ или невѣжественныхъ представителей власти, не сумѣвшихъ разобраться въ дѣйствительныхъ причинахъ аграрныхъ движеній. Противорѣчіе между характеромъ и стремленіями интеллигенціи, съ одной стороны, и сущностью и формами проявленія аграрныхъ движеній, съ другой, столь громадно, что я считаю лишнимъ останавливаться на этомъ долѣе.

До сихъ поръ я касался исключительно дѣятельности деревенской интеллигенціи въ массѣ и совершенно обходилъ молчаніемъ вліяніе работы чисто революціонныхъ элементовъ, стремящихся произвести переворотъ въ умахъ мужиковъ. Останавливаясь на качественной сторонѣ этой формы дѣятельности представителей русскаго общества среди крестьянъ, я натыкаюсь на такой вопросъ: что преобладало въ дѣйствительности, стремленіе ли приспособляться къ соціально-политическому міросозерцанію народа или попытки произвести коренную ломку его? Наврядъ ли воз-

можно дать сколько-нибудь точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ въ дѣйствительности оба теченія не имѣли рѣзкой границы между собою. Однако, несомнѣнно, что въ революціонной пропагандѣ въ деревнѣ красной нитью проходитъ стремленіе координировать боевые лозунги партійныхъ организацій съ основами народнаго міросозерцанія, стремленіе избѣгать рѣзкихъ противорѣчій между ними, чтобы этимъ не отталкивать крестьянскихъ массъ отъ себя. Между прочимъ, эти положенія наиболѣе наглядно иллюстрируются въ дѣятельности соціалъ-демократовъ въ деревнѣ и именно въ формахъ отношенія ихъ къ аграрному вопросу. Положенія платформы с.-д. и родственныхъ ей направленій по аграрному вопросу были абсолютно непріемлемы для деревни, такъ какъ во многомъ шли въ разрѣзъ съ завѣтными чаяніями малоросса-крестьянина, для котораго перспективы колективистическаго хозяйства ничего привлекательнаго не представляли, а неизбѣжность капитализаціи аграрной промышленности не могла не вызвать отрицательнаго къ себѣ отношенія. Изъ этого затруднительнаго положенія деревенскіе дѣятели соціалъ-демократіи нашли выходъ въ томъ, что отодвинули на второй планъ положительную и созидательную часть своей программы и своимъ боевымъ лозунгомъ взяли экспропріацію и дѣлежъ частновладѣльческой земли, т. е. то, къ чему крестьянство и безъ соціалъ-демократовъ стремилось. Такія тенденціи наблюдались и раньше, но полную опредѣленность пріобрѣли въ революціонное время, когда началась массовая агитація среди крестьянъ. Не говоритъ ли намъ это обстоятельство о безсиліи революціонеровъ при помощи своей аргументаціи идти противъ теченій народной мысли? Горькій опытъ убѣдилъ с.-д.-ковъ въ томъ, что, пока они будутъ считаться съ догматикою гг. Каутскихъ, Лениныхъ и проч. и идти въ разрѣзъ со стремленіями Грицька и Степана, не имѣть имъ успѣха въ деревнѣ. Въ этомъ отношеніи не менѣе интересныя стороны обнаружатся, если мы обратимся къ пропагандѣ республиканскихъ идей среди крестьянъ. Никакъ нельзя отрицать, что въ Малороссіи монархизмъ, несмотря на болѣе позднее появленіе на исторической сценѣ, пустилъ довольно глубокіе корни. И въ ближайшемъ прошломъ мы можемъ найти условія, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи. Такъ, прежде всего, освобожденіе отъ крѣпостной зависимости понималось крестьянской массой исключительно, какъ актъ монаршей воли, и очень слабо связывалось съ дѣйствительными экономическими и политическими основами его. По этой причинѣ въ представленіи народномъ съ этимъ актомъ связывался эффектъ извѣстной политической силы. Фактическая сторона дѣйствія государственнаго механизма и дѣйствительное вліяніе тѣхъ или иныхъ составныхъ его частей на народно-хозяйственную политику лежали за предѣлами пониманія и кругозора крестьянъ; собственной силы, какъ рѣшающаго политическаго фактора, кре-

стьянство не сознавало. Все это въ совокупности вело къ тому, что крестьяне выхода изъ своего тяжелаго экономическаго положенія не склонны были искать въ неизвѣстномъ для нихъ методѣ организаціи своихъ силъ для политической борьбы за власть, а начали поиски внѣшней силы, которая взяла бы ихъ подъ свое покровительство. Вотъ тутъ-то и возымѣлъ дѣйствіе отмѣченный эффектъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ на народныя массы, и онѣ всѣ свои ожиданія стали связывать съ новымъ подобнымъ же актомъ проявленія политической силы.

Такимъ путемъ въ міросозерцаніи крестьянина возникла на первый взглядъ не совсѣмъ понятная связь между соціальнымъ радикализмомъ и нѣкоторыми элементами политическаго консерватизма; въ этомъ лежала и причина той чуткости и подозрительности, съ которой крестьянинъ относился ко всякимъ посягательствамъ на краеугольный камень этого консерватизма. Отъ формы отношенія къ этой сторонѣ политическаго облика крестьянства зависѣла успѣшность политической дѣятельности въ деревнѣ. Въ то время, когда конституціоналистъ ограничивался освобожденіемъ отъ вывѣтрившагося цемента и приданіемъ краеугольному камню новой облицовки и новыхъ скрѣпъ со всѣмъ зданіемъ, республиканцу приходилось совершенно удалить старый камень и на мѣсто его ставить новый камень неизвѣстной для владѣльца зданія формы и достоинства.

Это исключительно невыгодная сторона пропаганды республиканскихъ идей не могла не отразиться на характерѣ дѣятельности революціонеровъ въ деревнѣ, и можно сказать, что соотвѣтственныя положенія партійныхъ платформъ не только не выдвигались, но при массовой пропагандѣ нерѣдко совсѣмъ обходились молчаніемъ. Можно, однако, указать и обратные случаи. Вспоминается мнѣ такая сцена. У сельской казенной винной лавки собралась группа крестьянъ, и въ ихъ средѣ идетъ оживленный споръ. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ споръ принимаетъ страстный характеръ, и я слышу отдѣльныя отрывистыя фразы: треба царя! не треба царя! По наведенію нѣкоторыхъ справокъ оказывается, въ томъ селѣ былъ представитель революціонной организаціи, который на митингѣ излагалъ республиканскія идеи, а затѣмъ въ селѣ возникла дифференціація и образовались два лагеря: царисты и республиканцы, между которыми шла ожесточенная полемика. Но интереснѣе всего то, что когда въ это село явился популярный организаторъ крестьянскаго союза, то ему былъ оказанъ совершенно необычный холодный пріемъ, и даже на созванный митингъ явился рослый дѣтина съ опредѣленной задачей: если что противъ царя, то убить агитатора. Такъ какъ въ дѣйствительности ничего противъ царя не было сказано, то все обошлось благополучно.

Когда, наконецъ, въ «дни свободы» довольно свободно трактовался вопросъ о республикѣ въ печати, и деревенскіе агитаторы стали больше о немъ говорить, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ,

въ Звенигородскомъ уѣздѣ, крестьянами былъ изобрѣтенъ такой компромиссъ: «теперь царь изъ поповъ, а будетъ царь изъ мужиковъ».

При описанныхъ условіяхъ весьма естественно, что революціонные элементы не рѣдко отказывались, какъ отъ прямой задачи, добиваться переворота въ умахъ крестьянъ, чтобы цѣной такой уступки выиграть въ развитіи движенія. Я не думаю сравнивать будничную дѣятельность деревенской интеллигенціи съ дѣятельностью революціонеровъ; совершенная разнородность ихъ исключаетъ возможность сравненія. Но все же бросается въ глаза одна общая черта. Какъ видно изъ приведенныхъ мною примѣровъ, революціонные элементы при свободномъ обращеніи съ сильно дѣйствующими средствами и вооруженные всѣмъ тѣмъ, чего не хватало для политической пропаганды у интеллигенціи, не рисковали всею тяжестью налечь на ломку народнаго міросозерцанія, имъ пришлось сосредоточить свои силы на оживленіи работы политической мысли народа, т. е. въ конечномъ итогѣ дѣло сводилось къ тому же, къ чему свелась и дѣятельность интеллигенціи. Само собой разумѣется, что интенсивность эффекта была тутъ совершенно иная. Но при оцѣнкѣ реальнаго значенія дѣятельности революціонеровъ не столь важна качественная сторона, сколько количество такой работы и степень соотвѣтствія между нею и размѣрами развитія крестьянскаго движенія.

О количествѣ работы легче всего судить по количеству работниковъ, но тутъ я рискую въ вопросѣ о комплектованіи кадровъ революціонеровъ вторгнуться въ весьма спорную область; ограничусь поэтому лишь указаніемъ, что среди интеллигенціи, живущей въ деревняхъ и уѣздныхъ центрахъ, т. е. среди тѣхъ культурныхъ элементовъ русскаго общества, которые имѣли постоянное и продолжительное соприкосновеніе съ крестьянствомъ, лицъ, занимающихся революціонной пропагандой, было очень мало. Замѣчу тутъ, что я все время имѣю въ виду времена до освободительнаго движенія, такъ какъ впослѣдствіи граница между активной частью деревенской интеллигенціи и революціонными дѣятелями стерлась. Что же касается соотношенія между развитіемъ крестьянскаго движенія и размѣрами предварительной пропаганды революціонеровъ, то въ этомъ отношеніи и революціонеры особаго, преимущественнаго положенія передъ другими слоями интеллигенціи не занимали при первыхъ шагахъ развитія сознательнаго политическаго движенія крестьянъ. Бывали примѣры, когда въ уѣздахъ, при наличности надлежащаго контингента интеллигенціи, безъ предварительной революціонной пропаганды, крестьянское движеніе облекалось въ болѣе мощныя формы, чѣмъ въ уѣздахъ, гдѣ господствующее положеніе занимали революціонные элементы.

Остается еще оттѣнить значеніе печати, какъ проводника новыхъ идей въ народную массу. Въ этомъ отношеніи Малороссія

находилась въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ въ Россіи запрещено было изданіе періодической печати и общихъ литературныхъ произведеній на малорусскомъ языкѣ. Для всякаго очевидно, какое возмутительное насиліе учинялось въ теченіе десятковъ лѣтъ надъ многомилліоннымъ малорусскимъ или, какъ называетъ мѣстная интеллигенція, украинскимъ народомъ, насиліе, которое въ конечномъ результатѣ не только не парализовало національнаго движенія, но, напротивъ, сдѣлало дѣломъ чести для культурнаго украинца отстаиваніе своего національнаго языка и заботы о его распространеніи. Въ общемъ же это безсмысленое и безполезное гоненіе способствовало развитію среди украинской интеллигенціи рѣзкаго опозиціоннаго духа, и ей по формѣ и степени участія въ освободительной борьбѣ среди другихъ націоналистическихъ группъ интеллигенціи принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что до самаго послѣдняго времени идеи національнаго возрожденія и возстановленія естественныхъ правъ украинскаго языка были достояніемъ, главнымъ образомъ, интеллигенціи; сочувствіе этой борьбѣ въ народной средѣ было весьма слабо; проявлялось даже отрицательное отношеніе. Въ этомъ нельзя, конечно, усматривать какихъ-либо космополитическихъ теченій; просто, при низкомъ культурномъ уровнѣ и тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, въ малорусскомъ крестьянствѣ верхъ взяли тенденціи односторонняго утилитаризма, парализовавшія и маскировавшія слабо выраженную чуткость къ національному гнету. Литературныя произведенія на украинскомъ языкѣ, при нѣкоторомъ приспособленіи къ живой рѣчи, на Украйнѣ имѣли въ общемъ большій успѣхъ среди мѣстныхъ крестьянъ, чѣмъ даже популярныя произведенія на русскомъ литературномъ языкѣ, но это явленіе я склоненъ объяснить не проявленіями націонализма, а большею понятностью для массы книгъ на родномъ языкѣ. Въ общемъ, благодаря указанному искусственному тормазу, вліяніе печатнаго слова въ Украинѣ было ослаблено. Нужно упомянуть, наконецъ, о томъ, ничтожномъ и количественно и качественно, комплектѣ книгъ, которыя проникали въ деревню черезъ книгоношъ, народныя читальни и проч.—зернышки свѣта и знанія терялись здѣсь въ ворохѣ плевелъ. Однако эти зернышки съ поразительнымъ усердіемъ разыскивались и утилизировались крестьянствомъ.

Рычагомъ политической пропаганды совершенно правильно считаютъ газету, а потому естественно возникаетъ вопросъ: много ли читалъ и какія газеты читалъ малорусскій крестьянинъ? На этотъ вопросъ не трудно отвѣтить. До начала японской войны газета въ деревнѣ была большою рѣдкостью; при этомъ «Сельскому Вѣстнику», «Русскому Чтенію», «Свѣту» и проч. реакціоннымъ органамъ принадлежало господствующее положеніе; проникновеніе «Биржевыхъ Вѣдомостей» считалось уже явленіемъ безусловно прогрессивнымъ. Мнѣ даже приходилось встрѣчат

передовыхъ крестьянъ, которые изъ года въ годъ, благодаря дешевизнѣ, выписывали «Русское Чтеніе». Японская война возбудила огромный интересъ къ газетѣ и сильно способствовала ея распространенію. Нельзя сказать, чтобы положеніе реакціонныхъ органовъ было поколеблено, но на ряду съ ними стали проникать и прогрессивныя газеты. Этому сильно способствовало развитіе въ уѣздныхъ центрахъ розничной продажи прогрессивныхъ газетъ, которыя крестьяне охотно покупали. На небольшихъ хуторахъ устанавливались такіе обычаи, что каждый бывшій въ городѣ обязанъ былъ привезти свѣжую газету. А такъ какъ крестьянинъ—усердный чтецъ и читаетъ газету отъ строчки до строчки, то въ крестьянство проникали не только фактическія извѣстія о ходѣ военныхъ событій, но и критика правительственнаго механизма, взгляды прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества и проч. Подъ вліяніемъ усиленія чтенія газетъ, стремленіе къ грамотности среди крестьянъ замѣтно увеличилось: притокъ сельскихъ приговоровъ съ ходатайствами объ открытіи школъ въ земскія управы возросъ, на сельскихъ сходахъ при установленіи соглашеній съ земствомъ о порядкѣ содержанія народныхъ школъ обычныхъ возраженій, что «отцы и дѣды жили безъ школы и мы такъ проживемъ», не слышно было уже, а на одномъ такомъ сходѣ у казака-малороса вырвалась слѣдующая характерная фраза: «Какъ не открыть школы! Грицко читаетъ газету, а мой сынъ только смотритъ.» Но несмотря на все это, роль газеты до начала освободительнаго движенія въ деревнѣ въ дѣлѣ пропаганды политическихъ идей была очень скромная.

Что касается распространенія въ деревнѣ нелегальной литературы, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы этимъ путемъ были достигнуты серьезные результаты. Между прочимъ, меня не мало удивляло то обстоятельство, что нѣкоторыя партійныя организаціи упорно распространяли литературу на русскомъ языкѣ, хотя практическая выгода несомнѣнно стояла на сторонѣ малорусскаго языка. Затѣмъ, по содержанію и формѣ изложенія произведенія нелегальной литературы соотвѣтствовали въ большинствѣ случаевъ уровню лицъ, уже тронутыхъ революціонной пропагандой, а не массы крестьянства. Они свидѣтельствовали объ отсутствіи достаточнаго пониманія психологіи крестьянина и силы устоевъ его міросозерцанія. Послѣднее обстоятельство значительно умалило вліяніе революціонной литературы въ дѣлѣ массовой пропаганды. Наконецъ, самое распространеніе носило случайный характеръ, и проникновеніе такой литературы въ отдаленные отъ городовъ населенные пункты было сравнительно рѣдко. Подгородныя села находились подъ большимъ вліяніемъ, ихъ чаще, какъ выражались, «засыпали» прокламаціями, да и прочей литературы циркулировало тутъ больше.

Въ общемъ для меня является наиболѣе правильнымъ тотъ

выводъ, что въ подготовительномъ періодѣ крестьянскаго движенія культурная работа деревенской интеллигенціи, дѣятельность революціонеровъ и вліяніе печати имѣли значеніе, какъ факторы, способствующіе народу самому произвести критическую оцѣнку своего положенія и искать выхода изъ него. Поэтому, та соціально-политическая платформа, съ которой выступило мало-русское крестьянство, является, въ сущности, продуктомъ народнаго творчества, всѣ положенія ея продуманы и сознаны народомъ. Онъ долго вѣрилъ и ожидалъ, но суровая дѣйствительность разсѣяла иллюзіи и убѣдила, что ожидать нечего и не откуда, а нужно быть самому кузнецомъ своего счастья.

Р. Оленинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Навстрѣчу новой жизни.

Романъ Р. Уайтинга.

Пер. съ англійскаго Б. Н. Никитенко и М. А. Шишмаревой.

„Я видѣлъ вокругъ себя суетный міръ. Часть его работаетъ, чтобы не умереть съ голоду; остальные прожигаютъ жизнь или въ безумныхъ излишествахъ, или въ пустыхъ удовольствіяхъ, одинаково презрѣнныхъ, ибо цѣль, къ которой они направлены, все равно уходитъ отъ нихъ. Прожигатели жизни пресыщаются порокомъ, накопляя грѣхи, чтобы потомъ жалѣть о нихъ и каяться. Человѣкъ труда тратитъ свои жизненныя силы въ повседневной борьбѣ за существованіе только затѣмъ, чтобы, возстановивъ эти силы, работать опять. Такъ живутъ изо дня въ день, живутъ, чтобы работать, работаютъ, чтобы жить, какъ будто хлѣбъ насущный— единственная цѣль тяжелой жизни, а тяжелая жизнь—единственное средство для добыванія хлѣба насущнаго".

Робинзонъ Крузо.

I.

Пруденсъ Меріонъ, двадцати лѣтъ отъ роду, очутилась на краю бездны—бездны нищеты, отъ которой ее отдѣляла сумма, по числу фунтовъ стерлинговъ лишь немного превышавшая ея года.

Извѣстіе объ этомъ пришло совершенно неожиданно; ей подали письмо, когда вся семья сидѣла за завтракомъ.

Письмо оказалось отъ дяди, стряпчаго, который какъ разъ въ это время завѣдывалъ ликвидаціей дѣлъ ея умершей матери. Дядя сообщалъ, что послѣ всѣхъ разслѣдованій, занявшихъ, какъ водится, очень много времени, ему удалось, наконецъ, подвести итоги и опредѣлить оставшуюся сумму. Въ скоромъ времени онъ покончитъ со всѣми фор-

мальностями и перешлетъ ей ровно 30 фунтовъ, 17 шиллинговъ и 4 пенса—все, что удалось спасти изъ состоянія ея матери. Истративъ эти деньги, она останется ни съ чѣмъ.

Отецъ Пруденсъ происходилъ изъ богатой семьи, но, какъ неудачникъ, былъ преспокойно брошенъ своими родственниками на произволъ судьбы. Онъ умеръ, когда Пруденсъ была еще ребенкомъ. Ея мать, недавно только послѣдовавшая за мужемъ въ могилу, давала дѣвочкѣ полную волю. Она была женщина энергичная и, несмотря на всѣ препятствія, доставила ей возможность окончить среднюю школу. Она собиралась уже посовѣтоваться съ родными мужа насчетъ курсовъ Гертона и просить ихъ о помощи, но смерть унесла ее какъ разъ въ это время. Нѣкоторое дополненіе къ наслѣдству, съ которымъ дѣвушка вступала въ жизнь, составляли: небольшая библіотека очень пестраго содержанія и кое-что изъ домашней утвари—все, что удалось спасти отъ аукціона.

Въ описываемое время Пруденсъ жила у одной родственницы. Она прочла вслухъ письмо дяди, но оно не произвело особенной сенсаціи за столомъ. У родственницы ея—дальней кузины—было столько своихъ собственныхъ дочерей, что запаса ея жалостливости не хватало уже на всю обширную родню.

Пруденсъ, въ свою очередь, была слишкомъ неопытна, чтобы правильно оцѣнить свое положеніе. Отецъ ея, при всѣхъ своихъ цыганскихъ замашкахъ, пользовался репутаціей человѣка со средствами, а мать старалась скрывать его продѣлки отъ дочери, боясь раньше времени нарушить ея покой.

Поселившись у родственниковъ съ самаго дня внезапной смерти матери, Пруденсъ пользовалась комфортомъ и вниманіемъ, какъ человѣкъ, который оплатитъ расходы на свое содержаніе. Привыкнувъ съ малолѣтства къ удобствамъ жизни, она принимала ихъ, какъ должное. Это была безпечность котенка, который еще не чувствовалъ тяжести человѣческой руки, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его ласкали.

Семья, о которой идетъ рѣчь, имѣла свою исторію. Мужчины въ ней были, по большей части, неудачники, и женщины, какъ существа зависимыя и болѣе слабыя, несли все бремя на своихъ плечахъ.

Женщины—типичныя представительницы нашего безпокойнаго вѣка. Любая изъ нихъ, капризомъ судьбы поставленная въ тяжелыя условія,—какая нибудь мелкая труженица, которая бьется изъ за куска хлѣба,—олицетворяетъ собой всю современную борьбу за существованіе. Но за то

женщина всегда первая найдетъ выходъ, пустивъ въ дѣло всѣ особенности, присущія ея полу. Можетъ быть, она будетъ поступать нелогично, но все же будетъ уже у цѣли въ то время, когда мужчина только начнетъ думать о ней. Безъ поддержки женщины нашъ слишкомъ тяжелый на подъемъ народъ никогда не завоюетъ лучшаго будущаго, никогда не пойдетъ по пути возрожденія.

Пруденсъ приняла непріятное извѣстіе очень спокойно. Она отличалась самоувѣренностью дѣвушки, окончившей школу, нѣкоторой рѣзкостью и склонностью рѣшать всѣ вопросы немножко съ плеча. Она не боялась никого, даже своего профессора: въ ея черновой тетрадкѣ красовалось много каррикатуръ на него, какъ на человѣка, вліяніе котораго на ея образъ мыслей уже миновало.

Она знала даже немного простонародный жаргонъ, не потому, чтобы онъ ей нравился—едва-ли даже она его понимала вполнѣ—а просто потому, что средняя школа для дѣвушекъ считала себя ничуть не хуже мужской гимназіи и не могла ни въ чемъ отстать отъ нея. Этотъ грубый языкъ, быть можетъ, рѣзалъ бы вамъ уши, если бы вы слышали его изъ другой комнаты. Но когда вы видѣли при этомъ свѣжее, цвѣтущее личико и вдумчивый взглядъ, какъ будто полный еще не забытыхъ воспоминаній о другомъ мірѣ, вы невольно поддавались очарованію: то была милая болтовня ребенка, играющаго въ большихъ.

— Какъ же я теперь поступлю къ Гертону? Вѣдь мнѣ не хватитъ денегъ,—сказала Пруденсъ.

— Да, мудрено,—отвѣчала родственница.

— Какъ бы тебѣ не пришлось приняться за черную работу, шиллинговъ за 15 въ недѣлю,—сказала одна изъ дочерей.

— Но что же дѣлать?—спросила Пруденсъ и заплакала. Это болѣе соотвѣтствовало ея положенію и возвратило лицу ея природную красоту, согнавъ съ него недѣтскія мысли.

— Отчего бы тебѣ не сходить къ тетушкѣ Идомъ?—сказала хозяйка, тоже смахивая слезинку съ рѣсницъ.

— До этого я еще не дошла,—возразила Пруденсъ запальчиво. И, какъ слѣдовало ожидать, она отправилась туда на слѣдующій же день.

Тетушка Идомъ была главой семьи и принадлежала къ зажиточной буржуазіи, за которой тянулась остальная семья. Жила она въ предмѣстьѣ, въ большомъ домѣ съ садомъ, но каждый день каталась въ Гайдъ-Паркѣ. На всѣхъ воротахъ и калиткахъ ея дома красовались предупрежденія: „берегись собакъ“ и „старьевщикамъ не входить“. Въ переносномъ смыслѣ эти предупрежденія означали, что слуги такъ

же любили покой и мирное житіе, какъ и ихъ госпожа. Она была человѣкомъ стараго закала; въ ея время жили проще: надо было походить на настоящую леди—и хорошая партія въ будущемъ была обезпечена. Затѣмъ могло послѣдовать почетное вдовство, а съ нимъ, какъ это и было въ данномъ случаѣ, корректный трауръ, корректный культъ памяти покойнаго спутника жизни и корректное самоуваженіе, соединявшееся съ полной покорностью велѣніямъ промысла Божія. Въ списокъ добродѣтелей тетушки Идомъ входила широкая помощь менѣе счастливымъ родственникамъ, и единственнымъ условіемъ для того, чтобы пользоваться ею, было безусловно подчиняться, когда старуха предписывала свой законъ. Ея идеаломъ было блаженство Нирванны, а въ тѣсномъ смыслѣ больше всего отвѣчало ея принципамъ безпечальнаго житія консервативное государство, склонное къ проведенію реформъ. Ничто не помѣшало бы ей быть матерью Гракховъ, живи она во времена древняго Рима. Теперь же ей и въ голову не приходило, что за эти тихія радости жизни ей, пожалуй, придется отвѣтить въ день Судный.

— Ну, что же ты намѣрена теперь дѣлать, дитя,—обратилась она къ Пруденсъ, когда та вошла въ ея большую гостиную.

— Я думаю поступить къ Гертону, тетушка Идомъ.

— Къ Гер-тону...—протянула старуха.—А не находишь ли ты, что тамъ слишкомъ ужъ американскіе нравы?

— Я не слыхала объ этомъ,—поспѣшно отвѣчала дѣвушка.—Но что же дѣлать. Я готова хоть къ чорту на рога, лишь бы выбиться на дорогу!

Эта фраза была очень неудачна. Самое худшее то, что такъ легко было вовсе ее не говорить, стоило только раньше подумать.

Наступила томительная пауза. Казалось, ей конца не будетъ. Старуха прервала ее, повторивъ, слогъ за слогомъ: „къ чор-ту на рога!“

Опять воцарилась тишина, прерываемся только стукомъ маятника. Обѣ собесѣдницы чувствовали себя неловко.

— Вотъ почему я никогда не любила высшей школы, хотя, конечно, твоя бѣдная мать могла имѣть на этотъ счетъ свое мнѣніе. Если хочешь знать, потому же я не люблю и курсовъ Гертона.

— Мнѣ такъ жаль, тетушка Идомъ...

— Ахъ, обо мнѣ не безпокойся, я думаю о тебѣ же. Скажи, приходилось ли тебѣ когда-нибудь видѣть книгу, подъ названіемъ „Этимологическій словарь“?

— Да, тетушка Идомъ.

— Мнѣ очень хочется подарить тебѣ экземпляръ, чтобы ты поняла, куда ты идешь. Ты, навѣрное, хотѣла сказать, что пребываніе у Гертона дастъ тебѣ возможность основательно изучить многія науки. Почему ты не сказала этого просто? Зачѣмъ такой оборотъ скажи, пожалуйста? Эта фраза рѣжетъ ухо, какъ плохая скрипка, хотя, можетъ быть, сравненіе и не вполнѣ удачно. Въ лучшемъ случаѣ эта фраза вульгарна, и груба при данныхъ обстоятельствахъ, сказала бы я. „Къ чорту на рога!“ Пруденсъ, голубушка, ты выражаешься, какъ Уайтчапельскій бродяга. И старуха сердито потрясла сѣдыми буклями, которыя, кажется, никогда не приходили въ движеніе, со времени королевы Аделаиды.

— Простите, тетушка Идомъ. Я употребила выраженіе, которое слышала на теннисѣ отъ одного студента.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, всѣ эти вульгарныя словечки уличнымъ оборванцамъ. Вотъ послушай-ка, что мнѣ сказалъ надняхъ помощникъ моего садовника, мальчишка лѣтъ десяти. Я спросила, отчего у него на лицѣ повязка, а онъ отвѣчаетъ, что нѣкто—вѣроятно, какой-нибудь пріятель—„заѣхалъ ему въ рожу“. Слышала ты когда-нибудь такое выраженіе?

— Кажется, слышала, тетушка Идомъ.

— Очень жаль. Фу, какой стыдъ! Какъ ты дошла до этого. А мальчишка, говоря вообще, препріятный. Право, Пруденсъ, не мечтай быть членомъ академіи, а лучше позволь мнѣ попытаться сдѣлать изъ тебя просто молодую лэди.

Такъ кончился первый конфликтъ между двумя представительницами старыхъ и новыхъ взглядовъ, и, нужно признать, что старуха осталась побѣдительницей. Въ результатѣ всего этого Гертонъ отступилъ на заднiй планъ, хоть и не по своей винѣ, и Пруденсъ переѣхала жить къ тетушкѣ Идомъ, въ качествѣ чтицы и компаньонки. Такъ началась ея самостоятельная жизнь.

II.

Въ наше время компаньонка—типъ, безусловно вымирающій. Но въ дни молодости тетушки Идомъ для женщины, которая хотѣла жить самостоятельно, не нуждаясь, всѣ профессіи, кромѣ этой, да еще, пожалуй, бонны, рисовальщицы акварелью и дамы полусвѣта, были закрыты.

И всѣ эти три профессіи приводили къ одному: къ полной зависимости, къ полной невозможности пробиться къ лучшей долѣ.

Пруденсъ должна была настолько основательно изучить характеръ своей патронессы, чтобы всегда, при всѣхъ внезапныхъ перемѣнахъ ея настроенія, умѣть угодить ей. Для этого требовалось нечеловѣческое самообладаніе. Кромѣ того, въ кругъ ея обязанностей входило производство массы совершенно безполезныхъ рукодѣлій и, самое главное, постоянныя бесѣды со старухой, въ которыхъ нужно было знать, когда соглашаться, а когда осторожно возражать.

Особенно любила тетушка Идомъ вышиваніе на пяльцахъ. Это напоминало ей молодость, когда такими издѣліями украшали стѣны комнатъ.

Старуха была всегда ровна, невозмутимо спокойна и цѣлый день занята выполненіемъ ритуала хорошаго тона. Это была сама умѣренность, само приличіе, способныя довести до отчаянія. Любила она очень немногое и въ кругъ потребностей, безъ которыхъ она не могла обойтись, входили: послѣобѣденный чай съ печеньемъ, мягкіе ковры, комнатная собачка и англійскіе писатели, не новѣе Соути, красовавшіеся у нея на полочкѣ, всѣ въ рядъ.

Пруденсъ приходилось отъ времени до времени читать ей вслухъ или этихъ веселенькихъ авторовъ, или что-нибудь божественное. Божественное предназначалось для воскресенія; читались обыкновенно: Робертсонъ, проповѣдникъ въ Брайтонѣ, или Блэръ.

Старуха особенно рекомендовала дѣвушкѣ Блэра, какъ образецъ стиля. Боже, какую скуку, какую гнетущую тоску нагоняли его тирады, когда приходилось браться за него!

„Солнце, совершающее свой путь надъ нами, пища, которую мы принимаемъ, отдыхъ, которымъ мы наслаждаемся ежедневно, все это убѣждаетъ насъ въ бытіи высшаго, всеблагого Существа“.

Или такая, напримѣръ, тирада, которая самаго кроткаго изъ обращенныхъ индусовъ могла бы превратить въ дикаго малайца:

„Возвышенный геній, снисходящій до мелочей житейскихъ, подобенъ солнцу, спускающемуся за горизонтъ. Онъ сохраняетъ свою величину, но не такъ блеститъ, онъ хоть ослѣпляетъ менѣе, но болѣе пріятенъ“.

Всѣ эти изреченія тетушка Идомъ знала наизусть. Въ молодости она вышивала ихъ шерстью по канвѣ. Съ тѣхъ поръ она читала ихъ сотни разъ и не могла начитаться. Благодаря постояннымъ повтореніямъ, всѣ эти тирады запечатлѣлись въ ея мозгу безъ всякаго усилія съ ея стороны. Слишкомъ хорошо запомнила ихъ и Пруденсъ.

Жила старуха постоянно въ Лондонѣ, лишь изрѣдка предпринимая путешествія въ Батъ, Борнемаузъ или Гар-

рогэтъ. Въ этихъ городахъ у нея были такія же квартиры, какъ и лондонская. Были и знакомые: небогатыя помѣщицы, все тѣ же доктора, никогда не ставившіе ей въ вину невоздержанность въ ѣдѣ и выслушивавшіе ее очень внимательно, тѣ же аптекаря, та же комнатная грѣлка, которою заканчивался день.

Прогулки она всегда совершала по одной и той же дорогѣ, въ той же коляскѣ, на тѣхъ же лошадяхъ и съ однимъ и тѣмъ же кучеромъ, ѣздившимъ съ ней всюду. Съ какой завистью въ душѣ дѣвушка смотрѣла на автомобили, какъ эхо повторяя за старухой проклятія по ихъ адресу.

Старичекъ кучеръ дремалъ на козлахъ, бросивъ возжи. Лошади сами знали, у какого магазина нужно остановиться. Такая же усыпляющая скука царила и на высокихъ сидѣніяхъ экипажа. Это было какое-то застывшее существованіе, которое не хотѣло знать ничего, что бы могло нарушить его покой.

Въ этой крѣпости, положимъ, была брешь: старуха чувствовала слабость къ одному господину, насколько вообще женщина ея породы могла имѣть слабость. У нея мало кто бывалъ, но этотъ сумѣлъ проникнуть въ ея домъ, когда она была въ Гаррогэтѣ.

Это былъ чудаковатый господинъ, имѣвшій всѣ данныя, чтобы нравиться старымъ вдовамъ. Онъ видѣлъ, что у тетушки Идомъ есть, чѣмъ поживиться, и пользовался этимъ, хоть женитьба на ней и не входила въ его планы. Сначала онъ думалъ, что Пруденсъ—дочь старухи. Убѣдившись, что она только компаньонка, онъ ослабилъ свои авансы, но, узнавъ о родствѣ между ними, снова принялся за прежнее. Дѣвушка ненавидѣла его отъ всей души.

Впрочемъ, въ этомъ она была не права. За нимъ не водилось ничего особенно дурного; онъ былъ только авантюристъ по натурѣ, а иные экземпляры этой породы бываютъ очень забавны. Онъ слылъ наслѣдникомъ какого-то титула стариннаго рода. На этомъ основаніи онъ пускалъ пыль въ глаза своимъ благороднымъ происхожденіемъ, женился на деньгахъ, овдовѣлъ и мечталъ жениться опять.

А въ будничной жизни у него были простые природные вкусы—вкусы его плебейской семьи, и благопріобрѣтенные—привитые воспитаніемъ. Его старушка мать, державшая меблированныя комнаты въ улицѣ Файръ, умерла еще до того, какъ онъ изобрѣлъ свою сказку о титулѣ, и при жизни отдавала ему все, что зарабатывала. Съ тѣми средствами, которыя остались послѣ нея, онъ началъ свою карьеру, какъ джентльмэнъ, и принялся рыскать по свѣту, за при-

данымъ. Онъ былъ строенъ и отъ природы и благодаря искусству своего портного, чисто и бѣгло говорилъ на трехъ европейскихъ языкахъ, не упуская случая учиться даже у лакеевъ. Первый разъ онъ взялъ за женой порядочное приданое. Его девизъ—не тотъ оффиціальный девизъ, который украшалъ его гербъ—былъ: „жизнью пользуйся живущій". Съ первой женой онъ обращался хорошо, и она любила его, вѣрила ему до конца и, умирая, благодарила его за то, что онъ ни разу не попрекнулъ ее недостаткомъ благородной крови.

Пруденсъ такъ безцеремонно дала ему отпоръ, что онъ скоро прекратилъ свои посѣщенія. Она была бы, можетъ быть, не такъ сурова, не будь онъ вдвое старше ея.

Онъ принялъ этотъ отпоръ, какъ Наполеонъ пораженіе при Трафальгарѣ, направивъ свои силы въ другую сторону, гдѣ можно было разсчитывать на болѣе легкую побѣду.

Старая лэди огорчилась, лишившись пріятнаго знакомства. И съ этого началось охлажденіе между теткой и племянницей. Каждая сознавала, что достаточно первой стычки, чтобы произошелъ полный разрывъ.

Такая стычка случилась тотчасъ же по возвращеніи въ городъ, гдѣ жизнь ихъ потекла по старому, не измѣнившись ни на іоту. Однажды, во время катанья, старухѣ вздумалось зайти за чѣмъ то въ магазинъ. Дѣвушка осталась въ коляскѣ и чему-то смѣялась, когда та вернулась. Ей немедленно задали головомойку за ея поведеніе, недостойное молодой лэди. Она возразила, правда, довольно спокойно, и получила рѣзкое приказаніе не противорѣчить.

Больше она не могла выдержать. Послѣ долгихъ слезъ и безсонной ночи она объявила старухѣ, что хочетъ жить самостоятельно, на свой страхъ.

Ея текущій счетъ въ банкѣ былъ не великъ, но это не смущало ее, потому что она не знала еще счета деньгамъ. Она уже устала отъ вѣчной зависимости и радовалась, что можетъ по своему построить свою жизнь.

Старуха, надѣясь услышать оправдательную рѣчь, сказала ей, что подождетъ до слѣдующаго вечера. Но ея надеждѣ не суждено было сбыться, несмотря даже на любезное посредничество кузины, уже извѣстной читателю.

— Это безполезно,—отвѣчала Пруденсъ на всѣ увѣщанія чадолюбивой матроны.—Женщина уже не раба, ни одна дорога ей не заказана. Я хочу быть сама себѣ госпожей и добьюсь этого.

— Пруденсъ, что ты! Вѣдь ты проповѣдуешь феминизмъ—владычество женщинъ. Женская армія, напримѣръ—фи, ка-

кой ужасъ!—вскричала одна изъ дочерей, тоже побывавшая въ средней школѣ.

— Что-жъ, къ этому и придетъ,—подтвердила мамаша, не удостоившаяся въ прошломъ этой чести.—Почему бы тебѣ и впрямь не поступить въ солдаты?

Дочь засмѣялась и ласково обняла Пруденсъ, желая смягчить шутку матери.

— Голубушка, ты, должно быть, опоздала родиться. А то могла бы замѣнить Джона Нокса, отъ котораго такъ доставалось Маріи Стюартъ.

— Ну, да, впрочемъ, какъ хочешь,—сказала мамаша, немного успокоившись, но оставшись при своемъ мнѣніи.—Эмансипація женщинъ! Жизнь своимъ трудомъ! Вѣдь таковы, кажется, теперь твои идеалы. Ахъ, глупенькая дѣвочка, какъ ты наивна.

И такъ, меньше, чѣмъ черезъ недѣлю, Пруденсъ—повидимому, имя было ей дано не совсѣмъ удачно *)—покинула домъ тетушки съ твердымъ намѣреніемъ никогда больше не безпокоить ни ее, ни остальную родню.

III.

Она поселилась въ маленькой квартиркѣ, со своей мебелью, и обставила свою жизнь, какъ ей казалось, стоически просто. Одиночество немного смущало ее, но она рисовала себѣ будущее въ самомъ розовомъ свѣтѣ и крѣпко вѣрила въ свои силы.

Она начала съ того, что записалась въ центральномъ бюро по пріисканію занятій.

Первое, что она встрѣтила, войдя въ контору, былъ испытующій взглядъ сотни женщинъ, такихъ же чающихъ движенія воды,—взглядъ, горѣвшій злобой и какъ будто говорившій: „еще одна!“ И ни въ чьихъ глазахъ не было жалости.

Были тутъ и представительницы благородной бѣдности, съ перьями на шляпахъ, наводившими на подозрѣніе, что онѣ взяты на прокатъ, были и другія, стоявшія почти на высотѣ послѣдней моды, пріѣхавшія въ каретахъ, которыя ожидали ихъ у подъѣзда.

Въ такой конторѣ вы чувствуете себя, какъ въ чужой странѣ, и должны прежде, чѣмъ назвать свою спеціальность, подвергнуться цѣлому допросу насчетъ вашего прошлаго и настоящаго. „Ваше имя? Сколько лѣтъ? Вашъ адресъ? Національность? Замужемъ, или нѣтъ? Имена родителей?“ и

*) Prudence—благоразуміе, осторожность. Прим. пер.

дальше въ томъ же родѣ. Когда же вы, наконецъ, изложите цѣль своего посѣщенія, то зачастую услышите пріятное извѣстіе, что попали не въ то отдѣленіе.

Съ Пруденсъ, положимъ, этого не случилось, но всетаки всѣ эти формальности показались ей весьма скучными. Наконецъ, она очутилась передъ конторкой секретарши, свирѣпаго вида женщины, острый взглядъ которой немного смягчался любезной улыбочкой.

— Что вы умѣете дѣлать?

Роковой вопросъ для каждаго, кому приходится задуматься надъ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшить, что мы можемъ сдѣлать такъ хорошо, чтобы никто другой насъ не превзошелъ?

Инквизиторъ въ юбкѣ, повидимому, понялъ это.

— Ну, отвѣтьте иначе. Чѣмъ бы вамъ хотѣлось заняться?

— Я бы хотѣла письменную работу,—прошептала дѣвушка.

— Ахъ, этотъ отвѣтъ мнѣ ничего не говоритъ. Какую работу ни возьмите, половина ея будетъ письменная. Скажите точнѣе.

— Можетъ быть, секретаремъ у какого-нибудь писателя.

— А вы знаете стенографію?

— Нѣтъ.

— Можете писать на машинкѣ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Пожалуй, вы слишкомъ молоды, чтобы заниматься въ библіотекѣ Британскаго музея?

— Я бы могла научиться.

— Можетъ быть, что-нибудь въ другомъ родѣ?

— Я очень люблю вышиваніе.

— То есть умѣете вышивать, или только любите покупать вышивки?

— Вотъ моя работа,—отвѣчала Пруденсъ, покраснѣвъ, и показала аккуратно сложенный носовой платокъ.

— Да, да,—успокоительно сказала та, бѣгло осмотрѣвъ изящную мѣтку.

Пруденсъ очень хотѣлось спросить, годится ли ея работа, но она не рѣшилась.

— Теперь, знаете, лучше всего оплачиваются изящныя рукодѣлья: вышивки на платья, на занавѣсы, шитье на военные мундиры и, особенно, на переплеты молитвенниковъ, по образцу того молитвенника, съ которымъ взошелъ на эшафотъ король Карлъ. Умѣете вы дѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ?

Бѣдная любительница вышивокъ покачала головой. Жестъ этотъ сослужилъ ей двоякую службу, кстати смахнувъ непрошенную слезинку. Пріемъ, который она встрѣтила, ка-

зался ей незаслуженно жестокимъ. Она огорчилась, какъ ребенокъ, который идетъ съ открытой душой къ другимъ дѣтямъ, а тѣ не хотятъ съ нимъ играть.

Повидимому, секретарша слѣдовала теоріи, по которой женскій полъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, требуетъ энергичнаго воздѣйствія. Женщина къ женщинѣ всегда безпощадна. Въ данный моментъ секретарша олицетворяла собой какого-то жителя Марса: казалось, она состояла изъ одной головы съ очками на носу и была лишена всякихъ признаковъ тѣла, а главное, сердца.

— Мнѣ жаль васъ огорчать, но должна сказать вамъ, что прежде, чѣмъ искать занятій, вамъ необходимо чему-нибудь поучиться. Да почему бы и не поучиться, если у васъ есть время и, что еще важнѣе, деньги, чтобы платить за уроки.

Бѣдная Пруденсъ хотѣла было предложить еще музыку, но слова замерли у нея на губахъ.

— Придумайте что-нибудь, чему бы вамъ хотѣлось научиться, и я вамъ посовѣтую, какъ это сдѣлать,—сказала секретарша, неожиданно ласково пожимая ей руку.—Когда научитесь—приходите опять, и я постараюсь найти вамъ работу. Теперь же не сердитесь на меня, если можете.

Бѣдная дѣвушка дала волю слезамъ, какъ только вышла изъ конторы. Въ тотъ же день она записалась на высшіе курсы стенографіи и взяла тамъ первый урокъ.

IV.

Въ восемь часовъ утра на слѣдующій день къ ней въ дверь постучались. Это была ея служанка. Строго говоря, Пруденсъ должна была бы отказаться отъ такой роскоши, но это ей не приходило въ голову: такъ прочно укоренились въ ней привычки ея класса.

Положимъ, Сара Рескиль не была постоянной, а только приходящей прислугой. Она дѣлила свое время между нѣсколькими домами, въ которыхъ господа предпочитали, въ видахъ экономіи, дѣлать все сами, а прислугу нанимали только для черной работы.

Когда раздался стукъ, Пруденсъ еще дремала и не сразу поднялась съ постели. Послѣ вторичнаго, болѣе энергичнаго стука, она встала, накинула халатъ, отодвинула задвижку и впустила Сару.

Это была высокая, еще не старая женщина. Черты лица ея были суровы, какъ у бюста Нельсона, украшающаго форъ-штевень корабля „Викторія". Имя Сара совершенно

не шло къ ней; она скорѣй напоминала Веллингтона въ юбкѣ. Та же римская энергія, та же римская гордость, въ плотно сжатыхъ губахъ, но что-то доброе и мягкое во взглядѣ.

Онѣ прошли въ гостиную. Пока Пруденсъ одѣвалась, Сара обыкновенно убирала эту комнату, а затѣмъ переходила въ спальню. Она была молчалива, но не отъ дурного характера. Нелегко было таскаться изъ конца въ конецъ по Лондону и получать за это какихъ-нибудь 15 шиллинговъ въ недѣлю. Вся ея энергія уходила въ работу, и ей было не до разговоровъ. Вообще, ея манера говорить напоминала стенографическую запись; она комкала фразы, произнося только главныя слова. Поэтому иногда ее бывало также трудно понять, какъ египетскіе іероглифы или сафическій стихъ.

Она проворно двигалась по комнатѣ, вытирая пыль со всѣхъ бездѣлушекъ и разставляя ихъ опять на столѣ. Потомъ, наклонившись надъ каминомъ и поправляя огонь, пробормотала:

— Вотъ, у васъ... конецъ... Теперь Грайсъ-Иннъ-Родъ...

Эта фраза давала слабое понятіе о томъ, что она хотѣла сказать, и читатель въ правѣ требовать объясненія.

Сіе означало, что Сара, отбывъ два часа у Пруденсъ, пойдетъ на площадь Грайсъ-Иннъ-Рода. Характерно, что она не придавала никакого значенія тому, что уже отмѣрила пѣшкомъ все разстояніе отъ своей квартиры въ Кентишъ-Таунѣ до квартиры Пруденсъ, считая трамвай излишней роскошью.

— Два съ половиной шиллинга... пять разъ въ недѣлю...

Это изреченіе не представляло особенныхъ трудностей, ибо оно явно относилось къ условіямъ работы въ какомъ-то другомъ мѣстѣ.

— Маловато!—сказала Пруденсъ.

— И то... хлѣбъ,—возразила Сара.

Пруденсъ молчала, въ ожиданіи дальнѣйшихъ изліяній.

Ей пришлось подождать. Сара поднялась, взяла въ руки щетку и тогда только открыла ротъ. Но Пруденсъ услышала не много.

— Общество воздержанія... свободное время... площадь Фицрой... овощи...

Смыслъ этой тирады можно было бы передать такъ: часа по два работы, не въ опредѣленные дни, въ поименованныхъ мѣстахъ или въ обществѣ вегетеріанцевъ.

Пруденсъ улыбнулась. Ей представился влюбленный, который изъяснялся бы такимъ языкомъ, но Сара никогда не была влюблена и на человѣка, который вздумалъ бы

склонять ее къ этому, взглянула бы съ такимъ же предубѣжденіемъ, какъ на какого-нибудь отпѣтаго пьяницу.

— Въ восемь... и то хорошо... А то и въ двѣнадцать... особенно по субботамъ...

Оставалось только догадываться, что Сара хотѣла сказать: „я возвращаюсь домой не раньше восьми, а по субботамъ—такъ и въ полночь".

— Когда же вы успѣваете пообѣдать?—спросила Пруденсъ.

— На ходу,—отвѣчала Сара.

Нельзя не сказать, что усиленный моціонъ, который приходилось продѣлывать Сарѣ, былъ ей на пользу. Пруденсъ смотрѣла на нее и говорила себѣ, что она никогда не видѣла болѣе совершеннаго существа, въ смыслѣ здоровья. Ея движенія были эластичны, какъ у молодого животнаго. Она была какъ разъ въ мѣру широка въ плечахъ по росту и пряма, какъ стрѣла.

Еще ни разу она не говорила такъ много, а между тѣмъ у нея было чему поучиться. Она любила независимость съ болѣзненной страстью. Она бы не вынесла роли обыкновенной домашней прислуги. Она хотѣла работать въ опредѣленные часы, поэтому и придумала хитроумный способъ ходить по домамъ. Это давало ей радостное сознаніе, что она принадлежитъ себѣ въ тѣ минуты, когда, вернувшись съ работы хотя бы поздней ночью, она присаживалась къ своему одинокому камельку. Она чувствовала себя гораздо счастливѣе, чѣмъ какая-нибудь фабричная работница. У нея былъ свой кругъ кліентовъ, какъ у владѣльца лавки, и какъ у владѣльца лавки надъ ней не было господина, одно слово котораго могло каждую минуту отнять у нея кусокъ хлѣба и выбросить ее на улицу.

Все ея время было разсчитано по минутамъ. Попрощавшись, она ушла, накрывъ столъ къ завтраку и оставивъ комнаты въ образцовомъ порядкѣ.

V

Три мѣсяца спустя. Ясная осенняя ночь. Дѣвушка бѣжитъ по улицѣ Гельборнъ. Она сильно не въ духѣ, судя по тому, какимъ сердитымъ тономъ она зоветъ свою собаку.

— Спэгъ! Спэгъ! Спэгъ! Придешь ты, или нѣтъ?

Послѣ третьяго окрика, собака рѣшила, что пора возвращаться. Она подбѣжала къ хозяйкѣ, покорно приняла заслуженную встрепку и пошла за ней, хотя и неохотно.

Пруденсъ гуляетъ. Она только что вышла изъ своей квартиры въ Фетерстонъ-Бильдингсъ, въ Гольборнѣ.

У нея все еще нѣтъ работы, нѣтъ ни друзей, ни близкихъ. Она теперь бѣднѣе прежняго. Больше всего угнетаетъ ее одиночество. Ни откуда ни одного слова участія. Повсюду она слышитъ „нѣтъ". Отъ всѣхъ дерзкихъ клерковъ въ конторахъ, куда она приходитъ въ поискахъ работы, всегда одно и то же „нѣтъ", ничего, кромѣ „нѣтъ", покачиванія головой и опять насмѣшливаго „нѣтъ". На рынкѣ труда два пола воюютъ между собой не на животъ, а на смерть. Представители каждаго изъ нихъ умѣютъ дать почувствовать это своимъ конкуррентамъ, когда сознаютъ себя господами положенія. Тутъ нельзя говорить съ ними, что называется, по душѣ; ихъ рѣзкое „нѣтъ" дѣйствуетъ на васъ, какъ ушатъ холодной воды, хоть, можетъ быть, это и полезно для здоровья.

Хорошо, что у Пруденсъ былъ вѣрный другъ—собака. Утѣшительныя стороны можно найти въ каждомъ положеніи, лишь бы знать, какъ къ нимъ подойти. Но хоть Пруденсъ этого и не знала, она всетаки могла разговаривать съ собакой, могла увѣрить себя, что та понимаетъ ее и сочувствуетъ ей. Она такъ часто забавлялась разговорами со Спэгомъ, что тотъ начиналъ безпокоиться, если четверть часа не слышалъ ея голоса.

Пруденсъ купила его еще щенкомъ у одного барышника, по фамиліи Спэглей, и назвала его именемъ его прежняго владѣльца. Послѣдній продалъ его охотно, зная, что собака не породистая и не годится даже для ловли крысъ.

— Хорошая собака,—замѣтила дѣвушка,—взглянувъ на щенка.

— Да, и красивое животное,—подтвердилъ барышникъ.— Я могу уступить его за 18 шиллинговъ.

— Не кусается ли она?

— Помилуйте, ребенка не обидитъ!

Собака не отличалась никакими особенными достоинствами, но Пруденсъ привязалась къ ней. Въ своихъ бесѣдахъ со Спэгомъ она подавала за него реплики: спрашивала, отвѣчала, возражала. Безъ этихъ бесѣдъ ихъ обоихъ можно было принять за гражданъ какой-нибудь страны нѣмыхъ. Собака даже отвѣчала ворчаньемъ на вопросы.

— Чего же ты боишься, Спэгъ,—сказала Пруденсъ.—Ну, что же, скажи мнѣ что-нибудь, дружокъ.

На этотъ разъ собака пропустила мимо ушей слова госпожи, ибо вниманіе ея было занято костью, валявшейся на мостовой.

Но Пруденсъ рѣшила заставить ее говорить.

— Твоя хозяйка не знаетъ, какъ добыть тебѣ обѣдъ. Приходится тебѣ, бѣдному, самому заботиться объ этомъ.

— Ничего не подѣлаешь,—отвѣчала собака.

Гуляя, они обыкновенно доходили до Эбенкментской церкви, черезъ Линкольнсъ-Иннъ-Фильдсъ. Осыпавшіяся уже деревья Иннсъ-Кортскаго сада тянулись длинной каймой черезъ весь Грайсъ-Иннъ, до рѣки. Здѣсь очень красивый видъ, особенно въ осенніе вечера. На одной сторонѣ, той, гдѣ дворцы, гуляющіе сидѣли на скамейкахъ, наслаждаясь передъ сномъ свѣжимъ воздухомъ. На противоположной сторонѣ верфи цѣлый лѣсъ фабричныхъ трубъ и мачтъ рѣчныхъ пароходиковъ тонули въ мягкой предвечерней мглѣ.

Когда Пруденсъ переходила черезъ Блекфраерскій мостъ, она могла свободно любоваться красотой вечерняго неба, которое отсюда было видно вплоть до горизонта.

На мосту кипѣла жизнь. То и дѣло сновали экипажи, спѣшившіе, по большей части, въ сторону Соррея. Пароходики подходили вплотную къ плашкоутамъ моста и брали пассажировъ, желавшихъ попасть въ предмѣстья Лондона, которыя для многихъ изъ нихъ были краемъ свѣта.

Вся эта сутолока не привлекала Пруденсъ. Зная хорошо Лондонъ, она повернула обратно и пошла мимо церкви Спасителя. Видъ этой старой, старой церкви всегда радуетъ душу. Она какъ будто зоветъ къ себѣ, какъ будто говоритъ: „потерпи—и найдешь здѣсь пріютъ и покой".

Потомъ она опять перешла рѣку, уже по Лондонскому мосту, и видѣла внизу огни большихъ океанскихъ пароходовъ. Подальше виднѣлись мрачный Тоуеръ и Тоуерскій мостъ.

Она возвращалась по набережной и, очутившись въ самомъ центрѣ уличнаго движенія, пугливо жалась поближе къ фонарямъ, чтобы избѣжать непріятныхъ встрѣчъ.

Это былъ великій Лондонъ. Здѣсь билось его могучее сердце.

Почти вся толпа шла изъ Сити. Тамъ эти люди работали изъ за куска хлѣба и теперь возвращались домой, въ самыя дальнія предмѣстья.

Шли и женщины всевозможныхъ разновидностей: нарядныя конторщицы и продавщицы, одѣтыя по модѣ, съ перетянутой, какъ у осы, таліей и плоской грудью. Такого же приблизительно типа, но одѣтыя побѣднѣе—швейки изъ какихъ-нибудь мастерскихъ. Нѣкоторыя, одѣтыя уже совсѣмъ бѣдно, очевидно исполняли мужскую работу въ большихъ складахъ товаровъ. Ихъ обтрепанныя жакетки, казалось, готовы были лопнуть подъ напоромъ сильныхъ мускуловъ.

Женщины въ безукоризненныхъ туалетахъ, съ портфелями подъ мышкой и пенснэ на шнуркѣ, шли, вѣроятно, со службы изъ казенныхъ учрежденій. Поистинѣ браминское презрѣніе къ низшимъ чувствовалось въ каждомъ ихъ движеніи, даже въ манерѣ подбирать платье.

Въ общемъ среднiй уровень красоты былъ высокъ: не даромъ это были англичанки.

Всѣхъ ихъ, и мужчинъ, и женщинъ, занимала одна мысль: „домой, скорѣе домой!“ Даже слабые на ноги, охотно сознававшіеся въ этомъ недугѣ въ нерабочіе часы, и тѣ, возвращаясь домой съ работы, старались прибавлять шагу.

Лучи фонарей прорѣзывали темноту широкими полосами, и люди вбѣгали въ эти полосы съ одной стороны и выскакивали съ другой, точно разбитое войско, преслѣдуемое кавалеріей.

Сначала это забавляло Пруденсъ. Она остановилась въ тѣни и смотрѣла. Потомъ она почувствовала какую-то смутную тревогу, сама не зная, отчего.

Мало по малу глаза ея, обыкновенно блестѣвшіе, какъ звѣзды, погасли и полузакрылись.

Этотъ внутренній свѣтъ, сіявшій въ ея глазахъ, придавалъ ея лицу неизъяснимую прелесть, но стоило ему исчезнуть, какъ оно теряло все. Одинокая среди толпы, молодая, неопытная, измученная общимъ равнодушіемъ, она напоминала теперь затравленнаго зайца. А это не очень пріятное зрѣлище. Ея брови сдвинулись, и очертаніе губъ потеряло обычную мягкость.

Она затруднялась дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ ней происходитъ, затруднялась опредѣлить свое состояніе. Эта улица, эта толпа напоминали ей кинематографъ. Точно такъ же, какъ и тамъ, она видитъ свѣтлое поле, на немъ появляются фигуры людей, движутся по всѣмъ направленіямъ и вновь скрываются, обращаясь въ ничто. Было даже страшно: вотъ люди улыбаются, разговариваютъ и даже не предчувствуютъ катастрофы, которая унесетъ ихъ навсегда. Только кинематографъ, который всегда торопится выполнить программу, можетъ дать такое яркое представленіе объ эфемерности человѣческой жизни.

Эта картина навела на нее ужасъ. Быстрая и непрошенная, закралась въ ея душу мысль. Ей почудилось, что и она вмѣшалась въ эту толпу и мчится невѣдомо куда вмѣстѣ съ нею. Въ ушахъ у нея звенѣло: „оставь надежду навсегда!“ Ей казалось, что она идетъ не по Лондонскому мосту, что передъ ней весь жизненный путь, отъ рожденія до смерти, а она, какъ мотылекъ, на мигъ влетаетъ на свѣтъ.

чтобы пропасть въ той же самой пустотѣ неизвѣстности, откуда она и явилась.

— Твоя хозяйка сейчасъ заплачетъ, Спэгъ, —сказала она собакѣ.

Собака хотѣла взвизгнуть въ знакъ сочувствія, но взвизгнула оттого, что кто-то сзади больно толкнулъ ее ногой.

Это былъ какой-то молодой человѣкъ. Онъ слышалъ слова Пруденсъ, обращенныя къ собакѣ, и видѣлъ ея растерянный взглядъ.

Онъ прошелъ немного дальше и тогда обернулся и внимательно посмотрѣлъ на нее. Потомъ повернулъ и пошелъ слѣдомъ за ней на нѣкоторомъ разстояніи, осторожно, не какъ уличный волокита, а какъ человѣкъ, который не желаетъ обращать на себя вниманіе, а просто хочетъ дознаться, въ чемъ дѣло.

Пруденсъ не замѣтила его. Ей представилась новая картина, усилившая гнетущее впечатлѣніе прежней. Ей казалось, что она видѣла кусокъ сыру подъ микроскопомъ, видѣла копошащихся въ немъ инфузорій съ желудками Гаргантюа, копошащихся безъ смысла и цѣли.

И опять ею овладѣла безысходная тоска. Двадцать лѣтъ отъ роду,—и такъ одинока. Всѣ эти люди—ихъ тысячи,—которые идутъ съ работы домой, всѣ они ея конкурренты, они стоятъ между нею и обезпеченнымъ кускомъ хлѣба. Она горько улыбнулась. Эта мысль была до того безнадежно мрачна, что оставалось только поскорѣй отогнать ее. Дѣвушка пришла въ себя, взяла Спэга на руки и направилась въ сторону Сити, гдѣ была ея квартира.

— Ну, Спэгъ, какъ видно Лондону мало дѣла до насъ съ тобой, мой другъ.

Спэгъ мрачно смотрѣлъ въ сторону.

— Спэгъ, ты трусишка!

— „Да и ты, хозяйка, хороша. Кто заставляетъ меня искать кости на улицѣ?"

— А развѣ у нея только и заботы, что ты? По настоящему она даже не имѣетъ права держать собаку, которую ей нечѣмъ кормить.

— „Оставь свои нотаціи, а то я спрыгну на землю и не двинусь съ мѣста до утра».

Пруденсъ опять шла по довольно люднымъ улицамъ, гдѣ попадались вышедшія на работу уличныя дѣвы, да какой-нибудь подвыпившій гуляка, влекомый полисмэномъ въ участокъ и распѣвающій грязныя пѣсни, пока „Боби" не призывалъ его къ порядку.

Въ каминѣ еще тлѣлъ огонь, когда она вошла въ свою комнату. Вскорѣ на столѣ горѣла лампа и ужинъ былъ по-

данъ. Старый домъ, со всѣми своими наглухо закрытыми магазинами и конторами, спалъ мертвымъ сномъ. Пруденсъ взялась за книгу.

Великое изобрѣтеніе! Десятка два буквъ въ различныхъ сочетаніяхъ—и съ вами бесѣдуетъ Сократъ, и Монтень ждетъ васъ, готовый къ вашимъ услугамъ.

— „Ну что, хозяйка, бываетъ и хуже",—сказала собака, лежавшая клубочкомъ у ея ногъ.

Пруденсъ нагнулась и поцѣловала ее въ бѣлое пятнышко на лбу.

VI.

Опять дѣвушка усиленно искала работы, пробуя все. Она усердно занималась на курсахъ стенографіи и съ каждымъ урокомъ убѣждалась, что ей удастся постигнуть эту науку. Она уже помѣстила объявленіе и ждала отвѣта, а пока, на всякій случай, каждое утро, еще лежа въ постели, просматривала газеты, которыя приносила Сара.

Всегда тяжело очутиться въ числѣ безработныхъ, но пока у васъ еще водятся деньги, вамъ не о чемъ особенно тужить.

Среди пятимилліоннаго населенія Лондона, гдѣ каждому нужна такая малость: получить хоть что-нибудь на рынкѣ труда, очень многіе остаются за флагомъ. Чему же удивляться, что въ Гемстедтъ-Гитѣ въ такомъ ходу синильная кислота!

Пруденсъ шла на курсы, весело болтая со Спэгомъ. То, что она пережила во время вчерашней прогулки, уже поблѣднѣло. Но это объяснялось отчасти перемѣной погоды и времени дня. Солнце еще не сдѣлало и половины своего дневного пути, въ карманѣ у нея цѣлыхъ двадцать шиллинговъ—чего же унывать? Въ эти утренніе часы она была сама собою—ученицей школы, жизнерадостной, увѣренной въ своихъ силахъ. Въ эти часы она рѣшительно ничего не боялась, міръ казался такимъ прекраснымъ, забывались всѣ неудачи, вся горечь предыдущаго дня.

Но далеко не въ такомъ радужномъ настроеніи былъ Спэгъ. Онъ бѣжалъ какъ-то бокомъ, понуро опустивъ голову и совершенно не замѣчая прелестнаго утра. Впрочемъ, чего и требовать отъ него? Вѣдь онъ былъ только собакой. Въ другое время настроеніе Спэга подѣйствовало бы на Пруденсъ, какъ дурное предзнаменованіе, теперь же она была такъ же равнодушна къ нему, какъ какой-нибудь философъ древности къ цыплятамъ, которыхъ онъ ѣлъ.

Подойдя къ дверямъ школы, Пруденсъ приказала Спэгу ждать ее на улицѣ, и онъ послушно усѣлся на порогѣ.

Его покорность ей не понравилась.

— Ну, нечего строить изъ себя гордеца,—сказала она.— Ты могъ бы и разсердиться, никому не весело ждать подъ открытымъ небомъ.

Спэгъ упорно молчалъ.

— Я знаю, ты думаешь: „гдѣ же въ другомъ мѣстѣ мнѣ добыть кусокъ хлѣба“. Нѣтъ, не правда. Ты сытъ потому, что мнѣ вздумалось пріютить тебя. Помни это.

И съ этимъ она ушла.

Она вошла въ большую комнату. Открывшаяся передъ ней картина, какъ двѣ капли воды, была похожа на то, что она видѣла вчера. Тѣ же алчущіе хлѣба, обоего пола и всѣхъ возрастовъ, до 40 лѣтъ включительно, толпой входили въ дверь и разсаживались, мужчины направо, женщины на лѣво.

Здѣсь были представительницы всѣхъ классовъ. Была даже одна младшая дочь младшей дочери пэра, пользовавшаяся подобающимъ почетомъ. Были дочери лакеевъ и служанокъ, окончившія среднюю школу и зараженныя честолюбивой мечтой порвать со своей средой и пробиться къ лучшей долѣ.

Тутъ были всѣ оттѣнки простонароднаго говора и всѣ разновидности вульгарныхъ туалетовъ, которые, долженствуя обмануть другихъ, обманывали только своихъ владѣльцевъ. Пруденсъ поздоровалась съ немногими избранными, удостоившимися ея вниманія за хорошее обращеніе съ буквой „h“, и прошла въ лекціонный залъ.

Каѳедры лекторовъ были заняты меланхолическаго вида людьми, которые, казалось, прозѣвали случай устроиться пріятнѣе и умѣли только, болѣе или менѣе быстро, записывать чужія слова. Тотъ, котораго слушала Пруденсъ, произносилъ слова особенно монотонно, напоминая муллу на минаретѣ. Учащіеся съ лихорадочными напряженіемъ быстро записывали за нимъ, стараясь ничего не пропустить. Научится записывать за самымъ быстрымъ чтецомъ и затѣмъ расшифровывать стенограммы, означало шансъ на полученіе мѣста на корреспондентской галлереѣ палаты общинъ. Такое мѣсто было высшимъ идеаломъ для всѣхъ, и дѣвушки мечтали о немъ, какъ о маннѣ небесной. Ближайшей же ихъ цѣлью было получить похвальный листъ при окончаніи курса.

Когда Пруденсъ выходила изъ школы, ей подали письмо. Это былъ отвѣтъ на ея объявленіе.

Онъ былъ написанъ аккуратнымъ, чистенькимъ почеркомъ, какъ пишутъ школьники, и извѣщалъ Пруденсъ, что авторъ его, литераторъ, будетъ очень радъ видѣть ее у себя по вечерамъ ежедневно, для письменной работы, при чемъ вѣжливо упоминалось о томъ, что эти занятія будутъ для нея не безвыгодны.

Она приказала Спэгу идти домой и ждать ее у дверей и поспѣшила по указанному адресу.

Литераторъ былъ господинъ ученаго вида, сгорбленный и сѣдой. Вся его внѣшность свидѣтельствовала о томъ, что на жизненномъ пути людей его профессіи встрѣчаются не однѣ розы. Нервы его истрепались на умственной работѣ, въ погонѣ за фразой. Онъ думалъ, что, взбираясь на Парнасъ, можно иногда нагнуться завязать башмакъ и затѣмъ продолжать путь съ прежнимъ вдохновеніемъ.

Голова у него уже плохо работала, а въ правой рукѣ былъ „писчій спазмъ". Потому онъ рѣшилъ обойтись безъ помощи первой, а вторую замѣнить услугами секретаря-стенографа.

Пруденсъ взяла въ руку перо, открыла тетрадку и сѣла, спокойно ожидая начала диктовки. Въ немъ поднялась невольная досада: онъ чувствовалъ себя въ роли мыши, а она была кошка, подстерегающая эту мышь. И, судя по его глубокому, протяжному вздоху, онъ, очевидно, зналъ, что ему не сдобровать.

Онъ писалъ передовицы въ еженедѣльной газетѣ.

Взглянувъ искоса на своего секретаря и коротко спросивъ: „вы готовы?"—что было чистѣйшей трусостью съ его стороны, хотя онъ и надѣялся, что оно сойдетъ за что-нибудь другое,—онъ началъ:

— „Положеніе партіи въ концѣ сессіи само по себѣ способно вдохновить всякаго благомыслящаго"... но тутъ онъ къ глубочайшему своему сожалѣнію, долженъ былъ сдѣлать длинную паузу.

— Написали?—спросилъ онъ, почти со стономъ.

— Да.

— Зачеркните, пожалуйста.

Онъ началъ снова, уже съ другого конца:

— „Когда Грей въ концѣ сессіи балансируетъ надъ пропастью, со своимъ историческимъ мѣриломъ, онъ"... Пожалуйста, повторите эту фразу.

Дѣвушка повторила.

— Зачеркните и это,—сказалъ онъ, уже почти свирѣпо.— Пишите: „При вторичномъ выступленіи лорда Дерби на общественное поприще"... Написали?

— Да.

— Благодарю. Какъ, бишь, я сказалъ? Простите, что я васъ безпокою.

— „При вторичномъ выступленіи лорда Дерби на общественное поприще".

— Очень обязанъ. Пожалуйста, обождите немного.

Онъ повернулся на креслѣ, выпрямился и протянулъ руку къ верхней полкѣ библіотеки. Доставъ оттуда книгу, онъ сосредоточилъ на ней все свое вниманіе, по крайней мѣрѣ, на пять минутъ, въ теченіе которыхъ былъ слышенъ только шелестъ бумаги, да сухое старческое покашливаніе. Дѣвушка успѣла осмотрѣть комнату, всю ея обстановку, своего страннаго патрона и, углубившись въ свои мысли, задумчиво покусывала ручку пера.

— Вы увѣрены, что я сказалъ именно „при вторичномъ выступленіи".

— О, да.

— Пожалуй, лучше будетъ сказать „при первомъ".

Онъ хотѣлъ было продолжать диктовку, но не пошелъ дальше коротенькаго „кхе".

Дѣло было не въ больныхъ легкихъ и не въ простуженномъ горлѣ. Онъ просто трусилъ въ сознаніи своего безсилія.

Въ отчаянной попыткѣ поймать вдохновеніе, онъ ринулся въ пучину, какъ трехъ-фунтовый лосось, который силится сорваться съ удочки.

Тетрадка Пруденсъ скоро покрылась какими-то странными точками и черточками, не имѣвшими ничего общаго ни съ какими извѣстными письменами и взывавшими, казалось, о помощи.

Замедливъ темпъ диктовки—не отъ работы мысли, а просто отъ усталости—онъ отеръ выступившія у него на лбу капли пота и вновь отдался мукамъ творчества.

Онъ потерпѣлъ пораженіе и чувствовалъ это. Однимъ уголкомъ глаза онъ злобно наблюдалъ за дѣвушкой, желая убѣдиться, замѣтила ли она. Находясь приблизительно въ такомъ же положеніи, она съ торжествомъ выдержала испытаніе, такъ какъ всѣ ея мысли были прикованы къ той минутѣ разсчета, когда ей придется переписать эти каракули въ расшифрованной копіи.

Онъ залпомъ выпалилъ послѣднюю фразу, точно щелкнулъ хлопушкой, что должно было означать заключеніе, но больше походило на наборъ словъ.

— Ну, благодарю васъ, довольно. Будьте добры переписать это.

Она начала расшифровывать первыя фразы, что было не трудно сдѣлать по той простой причинѣ, что она успѣла

записать ихъ буквами, пока старикъ собирался съ мыслями. Вскорѣ она съ ужасомъ убѣдилась, что передъ ней полное крушеніе системы Питмана, какой-то водоворотъ непонятныхъ значковъ, какъ будто несущихся въ бѣшеной пляскѣ.

Но тутъ неожиданно пришло избавленіе. Отъ усиленной работы старикъ сдѣлался раздражительнымъ, какъ ребенокъ въ жаркую ночь: не успѣла она написать и дюжины словъ, какъ онъ остановилъ ее:

— Не скрипите такъ, пожалуйста.

— То есть, какъ?

— Перомъ. Вы царапаете по бумагѣ. Лучше перепишите дома и пришлите мнѣ завтра по почтѣ.

Она поспѣшила домой и просидѣла за работой до глубокой ночи, предчувствуя, что утромъ ей со стыдомъ придется сознаться въ своемъ пораженіи. Но съ первой же почтой она получила конвертъ съ чекомъ на одну гинею и запиской такого содержанія:

„Милостивая государыня. Я долженъ просить у васъ прощенья въ томъ, что позволилъ себѣ нѣсколько вспышекъ нетерпѣнія. Надѣюсь, вы любезно извините меня и припишете ихъ не недостатку умѣнья съ вашей стороны, о которомъ я сочту долгомъ при случаѣ засвидѣтельствовать, а просто моей раздражительности. Я не могу диктовать и прошу васъ больше не трудиться приходить“.

Спасена! Спасена отъ худшаго, но не отъ сознанія, что предстоитъ всетаки искать другого способа зарабатывать хлѣбъ, и что ея стенографія значитъ не больше дѣтской игрушки.

Но противъ этого можно и возразить. Она всетаки начала зарабатывать. Первая гинея за первую работу—это поворотный пунктъ въ жизни. И она тутъ же порѣшила превратить этотъ капиталъ въ новую шляпу—на счастье.

VII.

Сара, какъ всегда, принесла ей газету и положила на столъ, а другую съ таинственнымъ видомъ вытащила изъ кармана.

— За это... съ васъ... ничего,—сказала она.

— Что это? Реклама?

— Нѣтъ... газета... безплатно... Я разскажу вамъ.

— Что?

— Получила... отъ одного изъ моихъ господъ.

Пруденсъ не обратила вниманія на газету. Но когда Сара ушла, этотъ листокъ попался ей на глаза.

„ЖЕЛѢЗНОЕ КЛЕЙМО“.

Газета не-аристократическихъ улицъ.

Издатель: Джорджъ Леонардъ.

Цѣна: любовь или полъ-пенни. Выходитъ: разъ въ недѣлю.

— Какая чепуха!—сказала Пруденсъ и снова взялась за газету.

Это была презабавнаго вида газетка, какой-то типографо-эмбріонъ. Два гектографированные листка бумаги малаго формата, вложенные одинъ въ другой—вотъ ея размѣры и число страницъ.

Заголовки были выведены крупными буквами. Первый гласилъ: „Обращеніе къ читателямъ“.

„Наша цѣль: „Желѣзное клеймо“—журналъ новый для общества... не-аристократическихъ улицъ. Мы не разсчитываемъ, конечно, превзойти нашихъ конкурентовъ, собирающихъ свой матеріалъ по чернымъ лѣстницамъ фешенебельныхъ домовъ. Они пространно передаютъ вамъ сплетни этого общества, обязательно сообщаютъ біографіи его знаменитостей, даютъ подробный перечень его развлеченій, и вообще отражаютъ его облики такъ ярко, что всякое соревнованіе тутъ становится невозможнымъ. Намъ остается только избрать другую область для наблюденій.

„Но мы хотимъ дать нашей публикѣ—обитателямъ не-аристократическихъ улицъ—то же самое, что наши соперники даютъ аборигенамъ другихъ частей земного шара.

„Мы выпускаемъ сначала нашу газету безплатно, какъ приманку для подписки въ полъ-пенни, которую мы, рано или поздно, твердо рѣшили собирать.

„Мы будемъ разсылать ее всѣмъ, безъ различія сословій, по мѣрѣ нашихъ средствъ. Она попадетъ не только въ руки меньшой братіи, но и въ обѣ палаты парламента, особенно на скамью епископовъ, и даже къ самому королю.

„Вотъ наша задача: взять маленькій уголокъ, такой маленькій, чтобы его можно было шляпой накрыть, въ этомъ или какомъ-нибудь другомъ большомъ городѣ, и описывать, что въ немъ происходитъ, день за днемъ. Стоитъ только нашимъ подписчикамъ распространить на всѣ уголки нашего отечества то, что у насъ говорится объ этомъ одномъ излюбленномъ уголкѣ—и они узнаютъ, какъ живутъ, какъ любятъ, ѣдятъ, пьютъ, дерутся всѣ наши братья подъ небомъ Англіи.

„Нашъ вѣкъ—вѣкъ дешевой журнальной прессы и личнаго почина. Теперь почти всякій имѣетъ газету, почему же не имѣть ея и обитателямъ не аристократическихъ улицъ“.

Наша техника.

„Мы работаемъ пока при помощи копировальной машины, цѣною въ 50 шиллинговъ. И она перестанетъ работать только тогда, когда ее смѣнитъ типографскій станокъ, который и будетъ уже разсылать наше изданіе во всѣ концы свѣта. И тогда наши первые листки будутъ стоить дороже банковыхъ билетовъ такого же вѣса“.

Наша платформа.

„Мы обѣщаемъ говорить только правду,—но не всю правду, обѣщаемъ вести себя скромно, честно, по возможности забавлять, быть безпристрастными, смотрѣть трезво на вещи. Но довольно... начнемъ“.

Пруденсъ нахмурилась и надула губки. Она бросила газету и попробовала заняться другимъ. Но невозможно было устоять передъ искушеніемъ заглянуть въ столбецъ, озаглавленный: „Не фешенебельныя сообщенія“ и подписанный буквами Д. Л.

„Супруги Фудль отправились за городъ на поденную работу. Дѣти остались на попеченіи самаго старшаго, мальчика одинадцати лѣтъ. Одинъ изъ нихъ упалъ въ каминъ, обжегся и теперь находится въ больницѣ“.

„Обычный еженедѣльный пріемъ у мистрисъ Мелоней въ субботу вечеромъ ознаменовался битвой, въ которой два полисмэна и трое изъ членовъ семейства получили увѣчья. Чтобы разнять сражавшихся, ихъ облили водой съ верхняго этажа“.

„На послѣднемъ раутѣ въ домѣ Фоксовъ не было музыки. Игравшихъ обыкновенно тамъ на гармоніи и концертино двухъ въ высшей степени благонравныхъ и приличныхъ юношей посадили въ участокъ за карманное воровство“.

„Мистеръ Джильксъ, имя котораго стало притчей во языцѣхъ въ томъ кварталѣ, гдѣ помѣщается наша редакція, уже вернулся изъ Голловея. Онъ еще не успѣлъ привести въ исполненіе свои угрозы по адресу жены, но уже сдѣлалъ двѣ попытки высадить двери. Она въ безопасности: заперлась на ключъ и покупаетъ все, что ей нужно при помощи веревки, опускаемой изъ окна. Полисмэны не желаютъ вмѣшиваться въ отношенія мужа и жены“.

„Въ черной кухнѣ Парадизъ Роу восемь дней оставалось безъ погребенія мертвое тѣло. Задержка произошла потому, что бросали жребій, кому оплатить расходы по погребенію“.

Пруденсъ содрогнулась отъ отвращенія. Она бросила газету на полъ и отшвырнула ее ногой.

Передъ ней открылся новый міръ. Она не могла еще вполнѣ осмыслить все то, что узнала, но слишкомъ хорошо поняла, что передъ ней прошли какіе то пережитки первобытнаго варварства, что она какъ будто осязаетъ прошлое расы, отъ самыхъ первоначальныхъ стадій ея развитія. Ей казалось, что все вернулось назадъ, къ темному началу временъ. Она вновь ощутила давно забытый дѣтскій страхъ—страхъ прикосновенія къ насѣкомому. Стало быть, всѣ эти мерзости также присущи человѣческой природѣ, какъ даръ слова, пріятная внѣшность, чувство собственнаго достоинства—все то, что она привыкла видѣть въ людяхъ. И скоро, въ томъ положеніи, до котораго она неминуемо дойдетъ, ей придется близко соприкасаться со всей этой грязью, видѣть ее и осязать.

Она подняла газету и снова углубилась въ нее.

Прогулка.

„Члены клуба „любителей собакъ“ въ воскресенье утромъ совершали въ повозкѣ обычную прогулку въ Эппингскій лѣсъ. Они обошлись не слишкомъ вѣжливо съ хозяиномъ хорошо извѣстной придорожной гостиницы, который не пожелалъ пустить ихъ къ себѣ, но, къ счастью, они приняли предосторожности, запасшись всѣмъ необходимымъ изъ своего клуба. Возвращались они домой настолько „освѣженные“ прогулкой, что шестеро изъ компаніи лежало на днѣ экипажа. Пиршество продолжалось до утра понедѣльника. Полиція, хотя и не одобряетъ въ принципѣ вышеупомянутое учрежденіе, но въ виду его совершенно частнаго характера, оказывается безсильной.

Наша беллетристика.

„Рекомендуемъ особенному вниманію публики первую главу нашего сенсаціоннаго романа: „Утка-приманка“. Надѣемся, читатель повѣритъ намъ на слово, что главныя его дѣйствующія лица взяты изъ жизни, и что случай съ отравленнымъ матросомъ, которымъ мы заканчиваемъ, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности. Погребокъ, гдѣ происходила эта драма, извѣстенъ всякому, кто знаетъ нашъ уголокъ“.

Финансы.

„Владѣлецъ лавки, гдѣ отпускаютъ товары въ кредитъ, въ Москропѣ, во второмъ этажѣ, ходъ со двора, набиваетъ

мошну и выручаетъ сто на сто, скупая за гроши разное тряпье, пропадающее въ закладѣ. Онъ принимаетъ вещи съ выборомъ, и не беретъ ни соломенныхъ матрацовъ, ни стульевъ, ни столовъ. Въ то же время онъ совершенно не любопытенъ и, благодаря строго конфиденціальному характеру его занятій, кліенты его могутъ не бояться столкновеній съ полиціей. Въ виду угрожавшей ему конкурренціи онъ былъ вынужденъ понизить цѣны на всѣ статьи подержаннаго платья, изъ чего, разумѣется, извлекли не малую выгоду его покупатели.“

Пруденсъ бросила было газету, оставивъ не прочитанной главу: „Въ парламентѣ“, подписанную: „Мышь подъ трибуной ораторовъ“, какъ вдругъ ей бросился въ глаза параграфъ, озаглавленный: „Рынокъ труда“—предметъ, на которомъ сосредоточивались теперь всѣ ея помыслы.

„Совѣтую вамъ, если вы любитель сильныхъ ощущеній, когда-нибудь, въ часъ досуга побывать въ вечернюю пору на Лондонскомъ мосту. Я видѣлъ тамъ однажды велосипедиста, который не могъ остановиться и несся внизъ, по склону, прямо въ каменную стѣну, бывшую впереди. Смерть была написана на его лицѣ—и онъ нашелъ ее. Клянусь, смерть написана на многихъ лицахъ. О, Боже!

Джорджъ Леонардъ.

„Слишкомъ много „алчущихъ и жаждущихъ“, сравнительно съ возрастаніемъ спроса на трудъ. Въ другой разъ, тоже вечеромъ, я нечаянно подслушалъ тамъ же, на мосту одну изъ такихъ алчущихъ, настолько изящно одѣтую, что плохо вѣрилось ея словамъ. Она жаловалась своей собакѣ на судьбу: „скоро, говорила она, придетъ время, когда я буду не въ правѣ держать тебя у себя“. Замѣтьте, что въ этой голодной толпѣ женщины всегда стыдятся своего положенія, избѣгають выставлять его на видъ, а между тѣмъ ихъ удѣлъ—самый печальный. Прибавивъ: „твоя хозяйка сейчасъ заплачетъ“, бѣдная дѣвочка пошла своей дорогой, прижимая собачку къ груди“. Д. Л.

Пруденсъ густо покраснѣла отъ стыда и гнѣва. За ней наблюдали во время прогулки! И ея портретъ помѣстили въ эту галлерею. Какая дерзость! Джорджъ Леонардъ... грубое животное! А всетаки мѣтко!

Она хотѣла было бросить газету въ каминъ, но что-то удержало ея руку. А можетъ быть, авторъ и не такой ужъ нахалъ? Можетъ быть, это бѣдный странствующій актеръ, снявшій на минуту свою маску, чтобы обтереть утомленное лицо? Она вспомнила цирульника на сценѣ, который спѣшитъ разсмѣяться, боясь заплакать.

Она сложила и спрятала „Желѣзное клеймо“ и рѣшила

на другой же день дать Сарѣ шесть пенсовъ для подписки на мѣсяцъ.

Для этой операціи ей пришлось заглянуть въ свою счетную книжку. Она была поражена: на текущемъ счету у нея оставалось меньше девяти фунтовъ!

VIII.

Это былъ жестокій ударъ. За три мѣсяца истрачено цѣлыхъ двадцать фунтовъ. Какъ быстро уходятъ деньги. Она уже не могла ни за что приняться въ этотъ день и провела его въ безплодномъ унынiи, строя планы одинъ несбыточнѣе другого. Она тщательно провѣрила запись своихъ расходовъ, стараясь доказать себѣ, что половина ихъ сдѣлана совершенно безцѣльно и ничѣмъ не оправдывается, но въ глубинѣ души всетаки не винила себя.

Это занятіе немного ее успокоило, но тутъ взглядъ ея упалъ на новую шляпу, которую она купила на свой первый заработокъ. Ею овладѣло глубокое раскаяніе. Какъ ей оправдаться передъ собой? Только какимъ-нибудь рѣшительнымъ поступкомъ, какой-нибудь жертвой. Она взяла злополучную шляпу, положила ее въ картонку, въ которой принесла изъ магазина, и быстрымъ шагомъ вышла на улицу.

Старуха-подметальщица улицъ, которой Пруденсъ иногда давала пенсы, была на своемъ обычномъ мѣстѣ. Пруденсъ сунула ей въ руки свою новую шляпу, посовѣтовавъ продать ее и купить себѣ пару сапогъ, и бѣгомъ вернулась домой. Она опять была счастлива. Она чувствовала, что совершила героическій поступокъ и свалила съ плечъ часть давившаго ее бремени.

Послѣобѣденные часы она провела въ отличномъ расположеніи духа, стараясь укрѣпить себя въ благихъ начинаніяхъ, а послѣ чаю собралась идти гулять.

Она машинально протянула руку за шляпой. Ахъ! Вѣдь шляпы больше нѣтъ! Это было выше ея силъ: захвативъ съ собой пять шиллинговъ, она выбѣжала на улицу, рѣшившись выкупить свое сокровище. Поздно! Ея шляпа уже красовалась на головѣ у старухи, носившей ее не безъ кокетства.

Пруденсъ легла спать.

Наступившее утро не слишкомъ подвинуло впередъ ея дѣла. По прежнему стоялъ вопросъ, какъ найти работу.

Стукъ Сары подалъ ей счастливую мысль. Она побѣжала

отворять. Отчего не спросить ее? Она знаетъ столько народу. Но какъ ее заставить разговориться?

Писемъ не было. Сара принесла только открытку съ картинкой, которую съ минуту разсматривала прежде, чѣмъ подать.

По счастливой случайности Сара сдѣлала первый шагъ, спросивъ:

— Какъ вамъ понравилась газета?—И она показала на „Желѣзное клеймо“, лежавшее на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ она оставила его наканунѣ.

— Дрянь!—сказала Пруденсъ рѣзко. Отвѣтъ былъ не слишкомъ удачный. Сара промолчала.

— Вы, кажется, говорили, что знаете издателя. Должно быть, онъ... странный человѣкъ?

Она хотѣла даже сказать: „просто шарлатанъ“, но во время спохватилась.

— Одинъ изъ моихъ кліентовъ...

Пруденсъ поняла свою ошибку. Не слѣдовало бранить при Сарѣ ея давальцевъ.

Сара, видимо, полагала, что сказала еще не все.

— Эта газета... у него для забавы. Когда захочетъ, онъ умѣетъ говорить не хуже насъ съ вами. Онъ молодецъ на всѣ руки. И не толкуйте: мнѣ лучше его знать.

Пруденсъ снова заговорила:

— Сколько чудаковъ на свѣтѣ. Съ какими только типами вамъ не приходилось сталкиваться.

Сара, повидимому, почуяла опасность Ужъ не зашла ли она слишкомъ далеко? Она крѣпко сжала губы и принялась съ сосредоточеннымъ ожесточеніемъ обтирать стулъ.

У Пруденсъ хватило догадливости оставить ее въ покоѣ.

— ...Съ типами?—повторила Сара и опять замолчала.

— Не всѣ они, однако, такъ ужъ плохи,—сказала она, послѣ паузы.—Есть и хорошіе, образованные люди, ничуть не хуже васъ.

Дѣвушка смѣялась.

— Не хуже васъ умѣютъ разговоръ вести, хочу я сказать.

Пруденсъ, казалось, совершенно погрузилась въ процессъ вдѣванія нитки въ иглу.

— Берегутъ деньгу... Себя уважаютъ... Которыя дѣвушки—не бѣгаютъ за мужчинами.

— Конечно, есть и такія.

— Вотъ хоть бы эта—дочка доктора. Отецъ ея рѣзалъ покойника, поранилъ себѣ палецъ и умеръ отъ этого.

— Ужасно!

— Такъ она, дочка-то, поступила въ почтовую контору и теперь дослужилась до большой должности.

— До какой?

Это былъ нескромный вопросъ. Очевидно, Сара была того же мнѣнія, ибо она рѣзко перемѣнила разговоръ.

— Скоро вамъ придется купить новыя шторы. Эти порядкомъ поистрепались,—сказала она, возвращаясь къ своей работѣ.

Она подняла шторы и продолжала дѣлать свое дѣло, искоса поглядывая на хозяйку и какъ будто стараясь удостовѣриться, наблюдаютъ ли за ней.

— Да ужъ что тутъ. Добилась своего.—Вы понимаете, о чемъ я говорю,—сказала она, наконецъ, поставивъ на столъ печенье.

— 25 лѣтъ—и ни разу не пропустила ни одного дня. Встаетъ въ шесть, въ семь завтракаетъ, въ восемь выходитъ изъ дому, а къ девяти уже на службѣ. Ни одного дня отпуска по болѣзни. Скоро выслужитъ пенсію.

Это былъ всегдашній лейтъ-мотивъ Сары: женщина независимая, сама себѣ госпожа.

Затѣмъ она проговорила однимъ духомъ:

— Такой не нужно мужа, который бы ее кормилъ... А то вотъ еще другая, какъ я, изъ простыхъ. Зарабатываетъ три фунта въ недѣлю, а то и четыре.

— Какое богатство!

— А я что же говорю? Миссъ Бельтонъ—ее зовутъ Лаура Бельтонъ—она шлифуетъ камни...

— То есть драгоцѣнные камни?

— А то какіе же?

Пруденсъ сдержала свое любопытство. Она по прежнему не поднимала головы отъ шитья.

— Да мало ли ихъ у меня. Можетъ быть, вы и увидите кое-кого когда-нибудь,—сказала Сара таинственно.

Пруденсъ пока недалеко подвинулась впередъ и начинала уже приходить въ уныніе. Она отложила въ сторону иголку, взяла открытку, разсѣянно проглядѣла ее и положила обратно на столъ.

Но тутъ счастье ей улыбнулось. Сара разсматривала открытку съ жаднымъ любопытствомъ.

— Не отдадите ли вы мнѣ эту картинку, миссъ, если она вамъ больше не нужна.

— Съ удовольствіемъ. Зачѣмъ мнѣ она?

Сара очутилась въ большомъ затрудненіи. Надо было объяснить, объяснить можно только словами, а слова были для нея всегда камнемъ преткновенія. Она чувствовала себя какъ въ капканѣ.

Наконецъ, она начала:

— Десять фунтовъ преміи отъ фирмы... кто больше всѣхъ

соберетъ такихъ открытокъ... Мнѣ ихъ даютъ мои кліенты... Не могли ли бы вы...

Дѣвушка въ недоумѣніи смотрѣла на нее.

— Это для рекламы...

Пруденсъ, уже сообразившая, какъ надо обращаться съ Сарой, если хочешь что-нибудь вытянуть изъ нея, молчала.

— Они хотѣли, чтобы больше покупали...

— И я то же думаю.

Все то, что Сара сказала до сихъ поръ, было настолько туманно, что надо было продолжать допросъ.

— Въ этой картинкѣ... деньги... Мнѣ пришла мысль... Охъ, если бы я была такой артисткой, какъ вы...

— Какъ я?

Сара взглянула на акварельный рисунокъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— Это вы рисовали?—спросила она.

— Да.

— Ну, такъ вы могли бы на этомъ разбогатѣть.

Дѣвушка насторожилась.

— Только бы вы меня и видѣли, если бы я умѣла рисовать,—сказала Сара и, взгромоздивъ стулья на столъ, вооружилась щеткой и пыльной тряпкой—вѣрный знакъ того, что она желаетъ остаться одна.

— Но какимъ же способомъ? Научите!

Крѣпость сдалась. Сарѣ не оставалось ничего больше, какъ договорить до конца. Она пробудила надежду, и было бы жестоко не объяснить, что она хотѣла сказать.

— Рисованьемъ. Вотъ какимъ. Живописью, какъ это у васъ называется. Одна изъ моихъ кліентокъ выгоняла на этомъ 30 шиллинговъ въ недѣлю, когда работала и по воскресеньямъ А услышала она про это совершенно случайно,—закончила Сара, давая, наконецъ, исходъ давно накопившемуся запасу болтливости. „Точно плотину прорвало",—подумала Пруденсъ.—Ужъ кому кому, а ей нужна была работа, могу вамъ сказать. Она мнѣ задолжала за двѣ недѣли и сидѣла на половинномъ пайкѣ.

— На половинномъ пайкѣ? Что это значитъ?—Пруденсъ слушала теперь съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Надѣюсь, вамъ никогда не доведется узнать, что это значитъ. Она питалась на четыре пенса въ день, и такъ сплошь цѣлую недѣлю. Я не стану зря говорить. Мнѣ и самой въ былое время частенько приходилось голодать. Два фунта галетъ—пять пенсовъ, кофе, безъ молока и безъ сахару—шесть пенсовъ. Четыре селедки—три пенса. Во всемъ приходится сокращаться. А прибавить сюда еще двѣ пары яицъ—вотъ вамъ еще четыре пенса въ недѣлю. Хлѣба на

семь пенсовъ, да овощей на три—вотъ вамъ и выходитъ четыре пенса въ день, считая и воскресенья, и будни. Къ концу недѣли она была, какъ тѣнь, вѣрно вамъ говорю.

— Довольно!—сказала дѣвушка съ отчаяньемъ.—Я лучше двадцать разъ сама переживу это, чѣмъ слушать...

Она чувствовала такой болѣзненный страхъ передъ страданіемъ, что первымъ ея побужденіемъ было отбросить всякое напоминаніе о немъ. Оно оскорбляло всѣ ея свѣтлыя мечты.

— Вѣдь я вамъ только разсказываю...

— ... И лучше умру, чѣмъ дойду до этого...

— Она, какъ видите...

— Терпѣть не могу, когда объ этомъ говорятъ.

— Ну такъ вотъ. Она достала работу. Тогда я ссудила ей пять шиллинговъ, чтобы внести залогъ.

— Какой залогъ?

— А поглядѣли бы вы на нее теперь.

— Но какой же залогъ, я васъ спрашиваю?

— Вотъ тутъ-то и загвоздка, въ этомъ самомъ залогѣ. Этой работы безъ него не получить. Надо платить за все, что испортишь. Оно, конечно, справедливо.

Начало давалось ей не легко, но Пруденсъ твердо рѣшила выдержать искусъ. Платили невѣроятно мало, немного больше того, что стоитъ открытка въ розничной продажѣ. Заказывались охотничьи сценки и другія въ этомъ же родѣ. Художникамъ предписывалось раскрашивать красной краской костюмы охотниковъ, коричневой—собаки и зеленой—пейзажи. Само собой разумѣется, что краски и кисти Пруденсъ покупала на свой счетъ и, само собой разумѣется, что вначалѣ весь полъ былъ усѣянъ испорченными рисунками. Открытки присылались ей въ запечатанномъ пакетѣ, и она должна была, возвращая ихъ обратно, давать отчетъ обо всѣхъ, въ томъ числѣ и испорченныхъ.

Увы! Тощая корова неудачи съѣла жирную корову успѣха, оставивъ въ кошелькѣ дѣвушки чувствительный дефицитъ. Къ концу недѣли она потеряла на этой аферѣ ровно два шиллинга.

Со слѣдующей недѣли она начала „зарабатывать“ и отправилась получать свои деньги. Къ тому дню, въ которой выдавалась плата, ея балансъ представлялъ уже нѣкоторую величину. За всѣми вычетами она получила по фартингу за часъ или одинъ шиллингъ и три полупенса за 54 часа работы.

Спэгъ бросился къ ней навстрѣчу, когда она вернулась,

но она оттолкнула его. „Твоя хозяйка боится“,—сказала она.

Она посадила собаку на стулъ, съ котораго та обыкновенно наблюдала уличные нравы, а сама опустилась на другой и закрыла лицо руками. Легко говорить, что этотъ опытъ—только опытъ. Правда, въ банкѣ у нея лежитъ еще кое-что, но что же будетъ, когда ея счетъ тамъ закончится?

Ну, что же? Всетаки у нея есть работа. Работать, не покладая рукъ—вотъ отнынѣ ея удѣлъ. Горечь этого сознанія была такъ сильна, что на нее нашло отчаяніе. Она швырнула кисти и краски въ каминъ и бросилась на полъ, рыдая безъ слезъ.

До сихъ поръ она не знала, что значитъ работать изъ-за куска хлѣба. Деньги ей давались безъ всякаго усилія съ ея стороны, какъ нѣчто такое, на что она имѣла прирожденное право. Онѣ бывали у нея всегда, если и не въ изобиліи, то все же въ количествѣ, вполнѣ достаточномъ на ея нужды. Она смотрѣла на нихъ, какъ на элементарное условіе существованія, какъ на воздухъ и свѣтъ. Мысль, что за каждый глотокъ воздуха, за каждый лучъ свѣта надо платить тяжелымъ трудомъ, вплоть до могилы, точно во искупленіе грѣховъ, была для нея откровеніемъ, которое заставило ее глубоко страдать. Она испытывала почти физическую боль.

Больше всего ее отталкивала черная работа, безъ которой не обходится ни одна отрасль ручного труда. Эти перепачканные пальцы, эти нестерпимыя головныя боли отъ непосильной работы. Ужасно!

Да, вотъ она работа—та самая работа, которая въ школьные дни была только наслажденіемъ для жаждущаго знаній ума. Но вѣдь тогда ставкой былъ всего только дипломъ.

Итакъ, еще одно открытіе: страданіе въ мірѣ никогда не кончается, міръ—это мѣсто пытокъ съ безконечной перспективой человѣческихъ мукъ.

Спэгъ, чувствуя, что надо же что-нибудь предпринять, спрыгнулъ со стула и подошелъ къ своей хозяйкѣ. Ей было такъ тяжело, что она не могла говорить съ нимъ. Она только прижала его къ сердцу и дала волю слезамъ.

IX.

Плохо проведенная ночь. Состояніе духа самое удрученное. Чудное солнечное сентябрьское утро. И это утро, а можетъ быть, и чай съ печеньемъ, подкрѣпляющіе даже преступника передъ эшафотомъ, вернули ей мужество и

укрѣпили ея рѣшеніе во что бы то ни стало найти работу сегодня же.

Куда идти? Туда, конечно, въ тѣ старыя знакомыя мѣста, которыя видѣли такъ много радости и горя—въ Сити. Въ этотъ часъ всѣ идутъ на работу. Пойти за ними, потолкаться среди нихъ, послушать: можетъ быть, что и навернется.

Она направилась прямо къ собору св. Павла, какъ къ центральному пункту. Тамъ, прислонившись своей хрупкой фигуркой къ статуѣ Пиля, она стала смотрѣть на снующую мимо толпу.

Хотя Сити еще только пробуждалось, но жизнь въ немъ уже кипѣла. Въ этотъ часъ все стекалось изъ окраинъ къ центру. Несчетное число тружениковъ спѣшило заработать свой хлѣбъ. Здѣсь были и мужчины, и женщины, но Пруденсъ, естественно, обращала вниманіе только на женщинъ. Онѣ были всѣхъ возрастовъ, отъ подростковъ до старухъ включительно. То тамъ, то сямъ неумолимый дневной свѣтъ разоблачалъ безплодныя попытки сгладить опустошенія времени при помощи краски для волосъ.

Но Пруденсъ жалѣла только себя.

Ни одна изъ этихъ женщинъ, казалось, не замѣчала своихъ сотоварищей-мужчинъ, именно потому, можетъ быть, что шли они всѣ въ одну сторону. Вѣдь повернуть голову, чтобы взглянуть на своего попутчика—и то потеря времени, а время—деньги.

Нѣкоторыя, впрочемъ, останавливались у собора. Каждая изъ нихъ, пробравшись въ старый кладбищенскій садикъ, какъ будто среди могилъ у нея были какія-то важныя дѣла, садилась тамъ на скамейку, вынимала изъ кармана газету и углублялась въ чтеніе. Но какъ только начинали бить соборные часы, она вскакивала, стремительно выбѣгала изъ сада и продолжала свой путь.

Зачѣмъ? Все это было такъ ново для той, которая наблюдала за ними. Для разрѣшенія недоумѣнія такого рода у насъ имѣется только одинъ рессурсъ—полисмэнъ. Пруденсъ стала выбирать, къ которому обратиться. Поблизости ихъ было двое, но одинъ не понравился ей тѣмъ, что былъ слишкомъ толстъ. Въ ней было сильно развито чувство изящнаго, да и въ какой женщинѣ его нѣтъ.

Другой полисмэнъ былъ молодъ, хорошо сложенъ и красивъ. Пруденсъ адресовалась къ нему.

— Самыя бѣдныя пріѣзжаютъ сюда съ утренними поѣздами, чтобы дешевле платить за проѣздъ („Куда лѣзешь!“ закричалъ онъ сердито повозкѣ, ѣхавшей не по той сторонѣ). Здѣсь онѣ ждутъ, пока откроются мастерскія. Вотъ и все.

— Благодарю васъ.

Онъ на минуту повернулся, чтобы взглянуть на дѣвушку. Но привычное профессіональное чутье подсказало ему, что возница самымъ подлымъ образомъ пропустилъ его окрикъ мимо ушей. Онъ уже больше не смотрѣлъ на Пруденсъ, но продолжалъ объяснять:

— Нѣкоторыя ждутъ въ церкви Всѣхъ Святыхъ, что у старой стѣны. Можетъ, пожелаете взглянуть? Оно любопытно.

То, что Пруденсъ пережила на Лондонскомъ мосту, нахлынуло на нее съ прежней силой. Опять ужасный, безотчетный страхъ передъ лицомъ жизни, страхъ сознанія, что такая борьба ей не по плечу. Всѣ эти женщины—ея конкуррентки; въ ихъ сомкнутыхъ рядахъ слишкомъ много найдется такихъ, которыя смогутъ одержать надъ ней верхъ въ достиженіи общеї всѣмъ имъ цѣли.

Пруденсъ купила газету, надѣясь найти что-нибудь подходящее для себя въ объявленіяхъ. Разобраться въ нихъ было очень трудно: „Нуженъ немедленно опытный машинистъ для подъемной дороги“... „Страусовыя перья, хорошее боа, гардеробъ. Тамъ же комнатныя растенія“... „Опытная закройщица“...

Леденящее душу чувство своего ничтожества охватило ее. Начинать поиски работы было еще рано. Тѣ, кто могъ ее дать, еще ѣдутъ въ вагонахъ 1-го класса или въ каретахъ, покуривая дорогія сигары.

Пруденсъ зашла въ церковь, рѣшившись подождать тамъ, вмѣстѣ съ остальными.

Старая церковь стояла, почти вплотную прижавшись къ остаткамъ древней городской стѣны, возведенной еще во времена римлянъ, датчанъ и другихъ отважныхъ народовъ, отошедшихъ нынѣ вглубь вѣковъ. Теперь она была биткомъ набита женщинами-работницами. Многія принесли съ собой шитье и работали, слушая органъ. Эта странная бродячая конгрегація то пѣла молитвы, то вставала, то снова садилась—по своему усмотрѣнію, а когда служба кончалась, читала свѣтскія книги, лежавшія тутъ же, на скамьяхъ. Зала, примыкавшая къ церкви, служила для того же мужчинамъ.

Пруденсъ машинально наблюдала за одной дѣвушкой, приблизительно ея возраста. Можетъ быть, эта научитъ ее, какъ найти работу. Во всякомъ случаѣ тутъ былъ интересъ—интересъ неизвѣстности. Вдругъ незнакомка бросилась къ выходу съ торопливостью насѣкомаго, которое бѣжитъ отъ опасности, но въ дверяхъ остановилась, столкнувшись съ молодымъ человѣкомъ, очевидно ея знакомымъ. Это былъ бойкій юноша, по виду какой нибудь клеркъ. Надъ верх-

ней губой у него едва пробивался пушокъ, бывшій очевидно предметомъ его гордости и самаго заботливаго ухода.

Оба сдѣлали движеніе радости, увидѣвъ другъ друга, и вышли вмѣстѣ, смѣясь и болтая. Пруденсъ пошла за ними слѣдомъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ проигравшійся въ рулетку игрокъ слѣдитъ за счастливымъ сосѣдомъ. Поспѣвать за ними было трудновато. Казалось, подъ ногами у нихъ не твердый троттуаръ, а зеленая, усѣянная цвѣтами лужайка: такъ легко ступали ихъ ноги и такъ они мчались впередъ.

Дойдя до Форъ-Стрита, они съ грустью распрощались. Она повернула налѣво, онъ направо.

Иногда рѣка течетъ такъ стремительно, что уноситъ въ своемъ бурномъ теченіи все, что попадется ей на пути. И какой вздорной оказывается надежда, что два камушка, случайно лежавшіе рядомъ на днѣ, могутъ столкнуться раньше слѣдующаго отлива. Судьба ихъ всецѣло во власти прилива. Казалось, что и эта пара, какъ тѣ камушки въ рѣкѣ, разсталась теперь, чтобы никогда больше не встрѣтиться въ этой жизни.

Дѣвушка окончательно скрылась изъ виду, войдя въ пакгаузъ Джуинъ Крессента. Пруденсъ показалось, что она очутилась въ какой то эфіопской странѣ: такъ непривычно для нея было-то, что она увидѣла. Дѣло кипѣло, сверкало изъ зеркальныхъ оконъ пакгауза, било изъ всѣхъ его поръ, изъ всѣхъ подваловъ, биткомъ набитыхъ товарами. Джуинъ Крессентъ былъ положительно готовъ идти войной на весь свѣтъ. Онъ жадно требовалъ „рукъ“. Вывѣшенные на окнахъ плакаты взывали объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя можно встрѣтить развѣ только въ африканскомъ языкѣ. Пруденсъ чувствовала, какъ холодъ безнадежной тоски пронизываетъ ее насквозь.

Сити хоть кого расшевелитъ. Повсюду, куда вы ни пойдете, вы найдете пищу для ума—сады, монументы, равныхъ которымъ нѣтъ во всемъ мірѣ. И слава Богу, что это такъ, иначе вся эта дѣловая сутолока могла бы убить человѣка.

Попавъ въ самую толчею экипажей и пѣшеходовъ, Пруденсъ очутилась у Криппельгэта. Черезъ ограду маленькой церкви она вышла къ памятнику Геминга и Конделя, первыхъ издателей Шекспира, безъ которыхъ потомство не знало бы его. Памятникъ стоялъ подъ развѣсистымъ деревомъ и казался еще темнѣе отъ падавшей на него тѣни вѣтвей. Она отъ всего сердца поблагодарила Бога и за дерево, и за памятникъ, давшіе ей возможность укрыться отъ всей этой уличной сумятицы.

Кромѣ нея, тутъ были и другія дѣвушки. Бѣднѣйшія изъ нихъ развернули принесенную съ собой ѣду и принялись за завтракъ. Многія бѣгали въ сосѣднюю закусочную, гдѣ имъ не давало покою меню, вывѣшенное на окнахъ этой лавочки, сулившее „три блюда за три пенса“ и безбожно лгавшее, въ скобкахъ сказать.

По большей части это были молодыя, здоровыя, рослыя дѣвушки: чему же удивляться, если черная кость побиваетъ насъ въ жизненной борьбѣ. Не переставая жевать, онѣ безъ умолку тараторили и хихикали ни съ того ни съ сего. Неисправимыя идеалистки, онѣ предпочитали полезному все, что хоть отдаленно напоминало романъ. Часъ обѣда служилъ имъ не столько для отдыха и ѣды, сколько для обмѣна мыслей и для пустой болтовни по адресу прохожихъ.

И надо признаться, что иныя, особенно работницы фарфороваго завода, были не лишены остроумія. Пруденсъ принялась слѣдить за одной изъ нихъ въ надеждѣ, не найдется ли тутъ чего-нибудь по части работы, и увидѣла, какъ та юркнула въ какой то подвалъ. Не здѣсь ли будущій заработокъ? Но, увы! это былъ только клубъ. Пруденсъ отвернулась съ чувствомъ разочарованія, какъ вдругъ у дверей клуба остановился кабріолетъ и изъ него вышла старая ея знакомая, Гертруда Голль.

Пруденсъ помнила ее еще по высшей школѣ. Гертруда была дѣвушка съ головой, обѣщала современемъ стать хорошенькой и теперь выполнила это обѣщаніе, какъ и другое—получить академическій знакъ за университетскій экзаменъ. Дочь богатаго человѣка, она была необыкновенно застѣнчива. Всегда ровная и спокойная, она побивала своихъ подругъ тамъ, гдѣ дѣло шло объ упорномъ трудѣ, но совершенно не умѣла болтать съ ними.

Въ этомъ отношеніи она смѣло могла бы подать руку Сарѣ Рескиль, но разница между ними всетаки была. Сара была молчалива потому, что не знала ничего, кромѣ своей работы и своей главной цѣли—независимости. Гертруда молчала потому, что знала слишкомъ много и боялась показаться слишкомъ тяжеловѣсной въ обществѣ подругъ. Въ противоположность Сарѣ—но это была ея тайна—она жаждала быть просто молоденькой дѣвушкой, такой же, какъ и онѣ.

Она узнала Пруденсъ и замѣтила, что та хотѣла избѣжать встрѣчи. Невѣрно объяснивъ себѣ причину этого, она окончательно ушла въ свою скорлупу.

А между тѣмъ, въ душѣ Пруденсъ было только подобающее преклоненіе передъ той, которая въ умственномъ отношеніи стояла неизмѣримо выше ея.

Но Гертруду не такъ легко было оттолкнуть. Она подошла къ Пруденсъ съ протянутой рукой:

— Вы здѣсь?—спросила она, но тотчасъ же боязливо опустила руку, не поздоровавшись. Что, если „маленькая Меріонъ“ не захочетъ пожать ей руку?

— Гдѣ вы были и что подѣлывали все это время? Не хотите ли позавтракать съ нами?

— Я не могу. Вѣдь я не состою членомъ.

— Это ничего. За то я состою,—засмѣялась Гертруда. Дѣйствительно, ея имя стояло въ спискѣ членовъ „Распорядительнаго комитета“ клуба.

— Что это за клубъ?—просила Пруденсъ съ безпокойствомъ, когда онѣ спустились внизъ.

— Здѣсь дѣвушки-работницы могутъ получать скромную пищу, среди приличной обстановки и за доступную плату.

Послѣ уличнаго гама здѣсь казалось очень тихо. Обширное подвальное помѣщеніе, прилично меблированное, было биткомъ набито конторщицами, бухгалтершами, переписчицами и прочими труженицами, получавшими здѣсь порядочный обѣдъ за чрезвычайно низкую цѣну.

— Кто бы могъ подумать, что вы понимаете что-нибудь въ такихъ вещахъ,—сказала Пруденсъ.

— Почему же нѣтъ?...

Это была ея прежняя Гертруда. Тотъ же робкій взглядъ, тотъ же румянецъ застѣнчивости, вспыхивающій на щекахъ, вставалъ какъ живой въ памяти Пруденсъ, пока она смотрѣла на нее и слушала ея голосъ. Она и теперь, какъ тогда, стыдилась своей застѣнчивости и теперь страстно желала простой дружбы, вмѣсто холоднаго преклоненія передъ ея замѣчательными способностями. Всѣ онѣ благоговѣли передъ ней, и Пруденсъ вмѣстѣ со всѣми.

— ...Ну да, конечно. Я увѣрена, что вы всякое дѣло дѣлаете хорошо.

— Это лучшее, что мы можемъ дѣлать пока,—сказала Гертруда небрежно.—Во всякомъ случаѣ, это лучше, чѣмъ ничего. Есть у меня другіе планы... не стоитъ, впрочемъ, говорить о нихъ теперь. Подумать только, какая странная встрѣча, послѣ столькихъ лѣтъ. Давайте поболтаемъ.

Это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Гертруда все еще не научилась разговаривать съ людьми: ей мѣшали точныя науки, въ которыхъ она была сильна. И сейчасъ вѣдь было очевидно, что имъ нечего сказать другъ другу. Пруденсъ вспомнила со стыдомъ, какъ небольшая кучка школьницъ, съ „маленькой Меріонъ“ во главѣ, вѣчно дразнила Гертруду и даже прозвала ее глухонѣмой за то, что она оставалась глубоко равнодушной ко всѣмъ ихъ продѣлкамъ.

— О чемъ это вы задумались, Меріонъ?

— Я... я просто смотрю.

— Вижу. Можетъ быть, собираетесь описать насъ въ романѣ? Вѣдь это всегда было въ вашемъ вкусѣ.

Это была идея. Почему бы не воспользоваться мыслью Гертруды и не попытаться заняться чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Но въ эту минуту ее поглощало другое: не дать замѣтить подругѣ, что она чувствуетъ себя несчастной. Вѣдь это пунктикъ всѣхъ неудачниковъ. Гордость—единственное ихъ достояніе, и они выѣзжаютъ на ней.

Наступила пауза, во время которой Пруденсъ успѣла сдѣлать наблюденіе, что на безымянномъ пальцѣ Гертруды нѣтъ кольца. Значитъ она не замужемъ. Очевидно, мужская половина рода человѣческаго и теперь не прельщаетъ ее. Она была воспитана въ понятіяхъ, признававшихъ, какъ догматъ, превосходство мужчины, и искренно желала увѣровать въ него. Но иногда она находила, что трудненько признать превосходство существа, которое съ такимъ легкимъ сердцемъ даетъ себя осилить женщинѣ, въ борьбѣ изъ за куска хлѣба.

— Такъ вотъ, если я могу быть вамъ полезна...—прибавила Гертруда робко и замолчала.

— Кажется, теперь вообще довольно работы для женщины, которая хочетъ жить своимъ трудамъ,—замѣтила Пруденсъ.

— Однако, мнѣ пора уходить,—сказала Гертруда, не обративъ вниманія на эти слова.

Къ этому времени столовая опустѣла, и онѣ остались почти однѣ. Членамъ клуба было некогда засиживаться въ этотъ часъ дня.

— Хотите осмотрѣть помѣщеніе,—сказала Гертруда съ улыбкой, которая, казалось, говорила: „полюбите меня немножко“.

„Музыкальные вечера“ прочла Пруденсъ на программѣ, вывѣшенной на стѣнѣ, „Чтеніе Шекспира“, „Кегли“. Это заставило ее порадоваться, что она не выдала себя. Тутъ было все предусмотрѣно, а она была всетаки цыганка по натурѣ, съ зачатками сильныхъ страстей, съ любовью къ свободѣ.

Тѣмъ не менѣе программа казалась такой заманчивой, что она не сумѣла бы выбрать. Чего только тутъ не было: всевозможныя праздничныя развлеченія, практическіе классы языковъ. Вотъ гдѣ она могла бы научиться правильно говорить по-французски.

— Какія же женщины бываютъ у васъ?

— Конторщицы, переписчицы, служащія на почтѣ...

Обѣдъ кончился, и надо было расходиться.

— Теперь я въ Вестъ Эндъ, въ другой женскій клубъ: „Клубъ независимыхъ". Тамъ я какъ разъ застану за чаемъ нѣсколькихъ женщинъ-журналистовъ. Можетъ быть, и вы завернете, Меріонъ,—тутъ Гертруда запнулась и покраснѣла.

„Меріонъ" согласилась.

Она вышла въ приподнятомъ настроеніи. Пожалуй, и наклюнется что-нибудь!

XI.

Только надежда найти работу и придала Пруденсъ достаточно мужества, чтобы пойти къ „Независимымъ". Писателей она немножко боялась (можетъ быть, потому, что никогда ни одного не видѣла въ натурѣ) и была немножко склонна относиться къ нимъ вызывающе. Эти два настроенія всегда идутъ рука объ руку. Извѣстно, что трусъ свищетъ на кладбищѣ громче всѣхъ. Въ представленіи Пруденсъ всѣ клубы помѣщались въ фешенебельныхъ кварталахъ, и этотъ, во всякомъ случаѣ, не составлялъ исключенія. Она забыла, что теперь всѣ газетчики, всѣ подметальщики улицъ, всѣ женщины-работницы имѣютъ свой клубъ.

Всякая дѣвушка, попадая въ незнакомую толпу, наполняющую залу такого клуба, испытываетъ какую-то неловкость. Первый ея опытъ участія въ раціональныхъ развлеченіяхъ обыкновенно оканчивается тѣмъ, что она получаетъ выговоръ отъ распорядителя или выливаетъ чай изъ окна на головы прохожихъ. Это просто стараніе казаться самостоятельной—и ничего больше.

Конечно, на дѣлѣ все вышло совсѣмъ не такъ, какъ думала Пруденсъ. „Независимыя" оказались учрежденіемъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ, состоявшимъ почти исключительно изъ сливокъ общества. Тутъ изъ всѣхъ клубовъ брали лучшее, что въ нихъ было. Членами состояли и мужчины, и женщины. Какъ учрежденіе высоко нравственное, клубъ разукрасилъ стѣны своихъ комнатъ подходящими изреченіями. Зрѣлая мудрость—хорошая вещь, но она мало способствуетъ изліяніямъ за вечернимъ чаемъ.

Никакихъ условностей здѣсь не допускалось: имѣлась курительная комната, гдѣ нѣкоторыя дамы курили просто для удовольствія, другія же занимались этимъ не безъ задней мысли. Жадныя до всего, что касалось улучшенія положенія ихъ пола, онѣ старались не упустить ни одного случая доказать свое равноправіе.

Швейцаръ въ ливреѣ былъ настолько предупредителенъ, что Пруденсъ стало положительно не по себѣ. „Чортъ бы его побралъ!“ думала она, глядя на его спокойную, самодовольную, философски-равнодушную физіономію, послѣ того, какъ онъ записалъ ея фамилію и попросилъ обождать. У него были важныя манеры всѣхъ слугъ Вестъ Энда, перенимающихъ ихъ отъ господъ, которые только тѣмъ и держатся сами, что съ невозмутимымъ хладнокровіемъ заставляютъ пресмыкаться передъ собой весь дурно воспитанный людъ. Въ лакеяхъ эта невозмутимость достигаетъ своего апогея, ибо для лакея всякое проявленіе личнаго чувства можетъ повлечь за собою потерю мѣста.

Но скоро дѣвушкѣ стало жаль этого человѣка. Безмолвно, безстрастно, какъ машина, онъ метался отъ одного дѣла къ другому, ни на минуту не забывая о телефонѣ, который соединялъ его со всѣми частями зданія. Въ промежуткахъ между звонками телефона онъ принималъ, раскладывалъ по алфавиту и взвѣшивалъ письма, отвѣчалъ на вопросы членовъ, расписывался въ книгахъ артельщиковъ, принималъ отъ нихъ свертки и съ инстинктивной сноровкой мастера своего дѣла ухитрялся разложить ихъ такъ, что самыя легкія и хрупкія вещи всегда оказывались наверху.

Пруденсъ смотрѣла на членовъ клуба, сновавшихъ мимо нея, и ей казалось, что они преисполнены сознанія своей важности. Но это было не то; впечатлѣніе вызывалось немолкаемымъ стукомъ входной двери, которую каждый захлопывалъ за собой. Она нѣсколько разъ начинала: „Будьте любезны, господа...“, но господинъ, къ которому она обращалась, не слушая ея, заговаривалъ со швейцаромъ. Это было не любезно, почти не великодушно, можно сказать.

Наконецъ, пришла Гертруда. Она горячо—горячо для Гертруды—привѣтствовала подругу и увела ее въ комнаты.

Въ залѣ были и мужчины, и женщины. Пруденсъ показалось, что мужской полъ здѣсь въ загонѣ, хотя его представители во всякомъ другомъ мѣстѣ могли бы, пожалуй, сойти и за львовъ. Она старалась держаться поближе къ Гертрудѣ. Та познакомила ее съ двумя-тремя дамами изъ компаніи, уже сидѣвшей за столомъ. До нея смутно донеслось: „Миссъ А., мистрисъ В., миссъ С., какъ доносятся звуки земли до пловца, который, выбиваясь изъ силъ, борется съ волнами.

Была тутъ издательница большой феминистской газеты, серьезная, невозмутимая. Чортики прыгали въ ея сѣрыхъ, стальныхъ глазахъ, сверкавшихъ черезъ пенснэ. Тутъ же былъ ея парижскій корреспондентъ — женщина средняго возраста, кокетничавшая своими сѣдыми волосами, что по ея

———

мнѣнію должно было напоминать костюмъ Помпадуръ въ маскарадѣ. Темныя брови и блестящіе глаза вполнѣ гармонировали съ этими серебряными волосами. Только расплывшаяся фигура свидѣтельствовала о разрушительномъ дѣйствіи времени и слишкомъ тонкихъ обѣдовъ. Если объ умѣ издательницы можно было только догадываться, то эта была уже безпорно умна. Она представляла изъ себя ходячую энциклопедію похожденій всей европейской аристократіи. Отъ времени до времени ея разсказы оживлялись смѣхомъ, отъ котораго сотрясалась вся ея тучная фигура, сутуловатыя плечи и сидѣвшая на нихъ безъ всякихъ признаковъ шеи массивная голова. Эти аристократическія сплетни кормили ее. За одинъ присѣстъ она была способна накатать нѣсколько столбцовъ самыхъ потрясающихъ сообщеній о разныхъ знаменитостяхъ дня. Ей не были чужды и болѣе серьезные интересы, но они ее не кормили. Большая семья, которую нужно было поставить на ноги, и другъ сердца, жившій у нея на хлѣбахъ, могли служить ей оправданіемъ.

Онъ былъ здѣсь—пожилой, безцвѣтный, безличный господинъ. Она звала его „Битти“.

— Битти, другъ мой, сходите взглянуть, не оставила ли я въ кэбѣ бисквитъ для собаки.

Битти вышелъ.

— Новый типъ: другъ ученой женщины,—объяснила Гертруда своей подругѣ.

— Онъ у нея за горничную, какъ видно?

— Да, на посылкахъ: приготовляетъ перья, закупаетъ ея любимыя чернила и бумагу, собственноручно приноситъ ей въ полдень устрицы и вино.

— Онъ ея мужъ?

— Нѣтъ... не совсѣмъ... Ну, да вѣдь вы понимаете, въ чемъ дѣло. Зарабатываетъ-то всетаки она одна. Вотъ узнаете это, когда сами начнете писать.

Зарабатывать! Какъ привычно звучало это слово, и какія знакомыя чувства возбуждало оно въ душѣ Пруденсъ. Всѣ должны зарабатывать или для другихъ, или хоть для себя. Вѣдь есть женщины труженицы, даже здѣсь.

— А кто вотъ эта маленькая женщина? Вонъ та, что такъ плохо одѣта?

— Это тоже одна издательница... журнала модъ.

И эта, подъ давленіемъ неумолимаго закона, который гонитъ женщинъ на рынокъ труда, принуждена была избрать себѣ родъ занятій. Наполнивъ свой ежедневный столбецъ описаніемъ послѣднихъ модныхъ новинокъ, она поднималась на чердакъ своего большого дома въ Южномъ Кенсингтонѣ въ мастерскую, гдѣ десятки мастерицъ сидѣли

надъ выкройками, которыя онѣ вырѣзывали по послѣднимъ парижскимъ образцамъ и которыя затѣмъ расходились по всему свѣту.

— А вонъ та, что сидитъ въ углу съ газетой?

— Ахъ эта? Она спекулируетъ на биржѣ.

— Что это значитъ? Я не пойму.

— Сказать по правдѣ, я и сама хорошенько не знаю. Тамъ, кажется, можно разбогатѣть...

Ахъ, если бы только Пруденсъ знала, какъ!

— ... Тамъ покупаютъ бумаги, которыя повышаются въ цѣнѣ, потомъ продаютъ ихъ съ барышемъ и покупаютъ другія. Да, эта женщина—прелюбопытный типъ,—закончила Гертруда.

Въ числѣ знакомыхъ Гертруды былъ и какой-то модный лекторъ, французъ по происхожденію, читавшій съ большимъ успѣхомъ лекціи о германской культурѣ въ университетѣ. Пруденсъ знала его по газетамъ.

„Ничего подобнаго (говорилось тамъ) не видѣли съ тѣхъ достопамятныхъ дней, когда тысячная толпа стекалась къ Сорбоннѣ послушать знаменитаго Каро. Его поклонники и поклонницы заносили его золотыя слова въ золотообрѣзныя записныя книжки, карандашами въ золотой оправѣ. Это было какое-то временное умопомѣшательство, но оно оставило по себѣ долгую память“.

— Теперь, кажется, всѣ собрались, кромѣ Мери Ленъ,— сказала Гертруда.—Она, по свойственной ей аккуратности, опоздаетъ на четверть часа. Я хочу васъ познакомить.

— Надѣюсь, что она мнѣ понравится,—сказала Пруденсъ. Но было бы гораздо искреннѣе, если бы она сказала: „лучше не надо“.

Она была просто ошеломлена всей этой выставкой талантовъ.

— Я думаю, что вы полюбите ее. Только по моему она слишкомъ чиста и хороша для этого міра. Она живетъ въ странѣ грезъ. Она переложила на музыку пѣсни Ятса и поетъ ихъ такъ, что хочется плакать. Она играетъ и поетъ въ аристократическихъ салонахъ, за 12 шиллинговъ въ недѣлю. Нѣсколько добавочныхъ шиллинговъ ей перепадаетъ за то, что она выступаетъ еще въ одномъ салонѣ — подъ открытымъ небомъ. И она живетъ припѣваючи, вполнѣ довольная своей судьбой. Теперь она собирается совершить маленькое tournée по окрестностямъ, гдѣ сельскій людъ, слушая ея дивныя пѣсни, на минуту забудетъ свою горькую долю.

— Я уже полюбила ее,—сказала Пруденсъ съ жаромъ.— Да вотъ, кажется, и она.

— Браво, Меріонъ,—сказала Гертруда и пошла встрѣтить входившую дѣвушку, немного постарше Пруденсъ, по виду типичную француженку.

У нея было красивое лицо, красивое не столько своими линіями, сколько выраженіемъ какой то кроткой безпечности, которое подкупало именно потому, что въ ней сказывалось полнѣйшее равнодушіе къ возможнымъ практическимъ послѣдствіямъ исканія идеала.

— У нея такой видъ, какъ будто она никогда ничего не боится,—сказала Пруденсъ.

— Я думаю, вы угадали.

Когда вся компанія поднялась, чтобы перейти въ другую комнату, хватились Битти, который еще не возвращался. Онъ положительно необыкновенно долго ходилъ за бисквитами.

Послали на розыски лакея, который и нашелъ его въ вестибюлѣ созерцающимъ швейцара въ безмолвномъ восхищеніи. Послѣдній какъ разъ разрѣшалъ въ это время одну изъ труднѣйшихъ задачъ своей профессіи. Онъ стоялъ у телефона и слушалъ, что ему говорили изъ Гердфордшира. А ему приказывали:

1. Узнать номеръ дома на Бондъ-Стритѣ, гдѣ помѣщается ювелирный магазинъ, и потребовать оттуда отчетъ, почему брошка, оставленная тамъ для починки, не была доставлена, какъ обѣщали, сегодня утромъ.

2. Взять два мѣста на сегодняшній концертъ, по возможности въ среднихъ рядахъ, у прохода.

3. Разыскать такую-то лэди, которая должна была придти въ клубъ передъ вечеромъ, и передать ей, что ея хозяйка пропустила поѣздъ и не можетъ пріютить ее на эту ночь, а затѣмъ постараться устроить эту лэди у общей ихъ знакомой, которая, можетъ быть, теперь въ клубѣ, а можетъ быть, и нѣтъ.

Швейцаръ былъ въ затрудненіи и съ сосредоточеннымъ глубокомысліемъ пытался разрѣшить эту задачу, какъ вдругъ рѣзкій окрикъ нетерпѣнія, раздавшійся изъ другой телефонной трубки, заставилъ его вспомнить объ этомъ инструментѣ.

Это былъ сущій пустякъ: скромное требованіе разыскать слугу, которому было приказано затопить каминъ въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, и узнать, почему это не сдѣлано до сихъ поръ.

Швейцара все это не только не сбивало съ толку, но даже не смущало. Будь онъ изъ тѣхъ людей, которые не умѣютъ служить сразу двумъ господамъ, онъ не служилъ бы въ этомъ клубѣ. Но, на его несчастье, пока онъ разрѣ-

шалъ свою задачу, держа по трубкѣ въ каждой рукѣ, изъ телефона раздался протестъ въ самыхъ негодующихъ выраженіяхъ: „Вы здѣсь?"

Швейцаръ поблѣднѣлъ. Его губы задвигались, какъ будто онъ хотѣлъ что-то сказать, но ни одного звука не вышло наружу. Онъ вспомнилъ о своей скромной хатенкѣ на окраинѣ, о своихъ маленькихъ дикаряхъ, болтающихся возлѣ въ канавѣ, вспомнилъ—и проглотилъ бранное слово, которое собирался было отправить по надлежащему адресу въ телефонъ.

Но не всегда удается человѣку скрыть обуревающія его чувства: это не въ человѣческой природѣ. На лбу у него выступилъ холодный потъ, обличавшій душевную муку. Должно быть, онъ мысленно молилъ Бога дать ему хоть третью руку, чтобы вынуть изъ кармана платокъ и обтереть измученное лицо.

Такое состояніе духа уравниваетъ всѣ сословія. У Битти уже готово было сорваться съ языка: „Да, тяжелая работа!", какъ вдругъ передъ нимъ предсталъ лакей, со словами: „Пожалуйте, сударь, васъ ждутъ къ завтраку."

Швейцаръ былъ предоставленъ самому себѣ.

Столъ для нихъ накрыли въ оконной нишѣ, такъ что они были почти одни. Собственница Битти—ибо какъ же ее иначе называть - была душою общества. Весь ближайшій къ ней конецъ стола смѣялся ея забавнымъ разсказамъ, въ которыхъ политика превращалась въ романъ, а разсказчица—въ романиста. Французъ-профессоръ перекидывался съ нею парадоксами и отъ души хохоталъ вмѣстѣ съ другими.

Когда они перешли въ другую комнату пить кофе, Гертруда хотѣла было представить Пруденсъ издательницѣ, но дѣвушка отказалась наотрѣзъ.

Это было слишкомъ страшно, хотя именно для этого она и пришла сюда. Умственные рессурсы этой дамы подавляли ее. Такъ вотъ каковы онѣ, писательницы! Гдѣ ей войти въ ряды такихъ богатырей, какъ эта госпожа, хотя бы даже въ задніе ряды. Какими ничтожными казались ей ея знанія, почерпнутыя на лекціяхъ высшей школы, эти обрывки свѣдѣній о какихъ-то грекахъ и римлянахъ, сравнительно съ развязностью этихъ людей, живущихъ интересами дня.

А вѣдь эта развязность была однимъ изъ условій, необходимыхъ для успѣшной борьбы. На нее опять нашло болѣзненное чувство своей безпомощности, которое она недавно пережила въ Сити. „Когда-нибудь, въ другой разъ"—вотъ все, что она могла отвѣтить подругѣ.

Гертруда слишкомъ хорошо поняла причину ея отказа; вѣдь она сама страдала тѣмъ же.

— Какъ хотите, но помните, что я вамъ этого не подарю,—сказала она.—Вы подождите всетаки уходить. Великій человѣкъ прочтетъ лекцію. Вы, вѣрно, не прочь послушать? Сама я не могу быть на лекціи: мнѣ надо кое-кого повидать наверху, тамъ у насъ засѣданіе комитета. Подождите, пока я вернусь Мери Ленъ тоже придетъ на лекцію и составитъ вамъ компанію. Допивайте скорѣе кофе, скоро начнется.

XII.

Аудиторія ждала съ напряженнымъ вниманіемъ. Тетрадки приготовлены, карандаши очинены. Лекція назначена на половину третьяго. Остается только пять минутъ... четыре... „Не придетъ,"—подумала Пруденсъ. Она ошиблась: какъ разъ въ этотъ моментъ лекторъ вошелъ въ залу.

Господинъ не въ дамскомъ вкусѣ. Средняго возроста, крѣпко сложенный, съ густыми бровями, четыреугольной головой, гладко выбритый, но съ густыми черными усами. Настоящій тевтонскій буршъ, бравшій призы на турнирахъ, участвовавшій въ дуэляхъ, въ промежуткахъ среди зубрежки до глубокой ночи.

Ни минуты онъ не потратилъ даромъ, если не считать нѣсколькихъ секундъ, понадобившихся, чтобы вынуть часы и положить ихъ передъ собой. Это было сдѣлано съ умысломъ. Да будетъ всѣмъ извѣстно, что другая аудиторія ждетъ его въ другой части города.

Вся зала превратилась въ слухъ. Всѣ глаза были прикованы къ лектору, и блестящіе его аргументы встрѣчались одобрительными улыбками. Такъ прошелъ ровно часъ—онъ зналъ свое время—въ ссылкахъ на Платона и въ иллюстраціяхъ текста примѣрами изъ жизни, чѣмъ-нибудь случившимся сегодня, вчера, а то и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Трактуя о республикѣ, какъ о государствѣ мудрецовъ, онъ цитировалъ романъ Дизраэли, чтобы показать, что хоть мы, англичане, и кичимся нашими демократическими учрежденіями, а сами пляшемъ по дудкѣ нѣсколькихъ знатныхъ фамилій.

Американцы не лучше. Весь смыслъ ихъ жизни въ погонѣ за наживой. Переоцѣненный народъ; онъ ждетъ только катастрофы, которая смететъ его съ лица земли.

Въ числѣ слушательницъ было нѣсколько американокъ. Онѣ выслушивали горькія истины по адресу своей націи весьма добродушно. Пруденсъ слышала, какъ одна изъ нихъ шепнула своей сосѣдкѣ, что лекторъ, въ свое время

должно быть, не пользовался успѣхомъ у ихъ матерей, которыя были бы, вѣроятно, осторожнѣе, если бы могли предвидѣть, что жертва ихъ равнодушія лѣтъ черезъ двадцать отомститъ имъ съ профессорской каѳедры.

Никому, впрочемъ, не было дѣла до содержанія лекціи. Это было просто спортъ высшихъ классовъ. Этотъ господинъ вѣдь только читалъ лекціи, а не имѣлъ въ виду давать знанія.

Онъ зналъ своихъ слушательницъ и примѣнялъ методъ Байрона: „сначала огорчи, а успокой потомъ“. Если онѣ ожидали сухой эрудиціи или сладкихъ комплиментовъ, то попали не туда.

Впрочемъ, по окончаніи лекціи желающія могли заявлять, если были чѣмъ-нибудь не довольны. Лекторъ охотно разрѣшалъ тогда всѣ недоумѣнія и отвѣчалъ на вопросы. Многія дамы не могли удержаться отъ попытки побить его по методу Сократа. Но, надо признаться, что при всей ихъ изворотливости не всегда побѣда оставалась за ними.

Лекторъ не имѣлъ времени насладиться своимъ тріумфомъ: наемный кэбъ—не моторъ, къ сожалѣнію—ждалъ его у подъѣзда, чтобы отвезти на другую лекцію, для новыхъ разъясненій, для другой главы другой книги. Онъ былъ модный профессоръ: рѣчистый, подвижной, сыпавшій парадоксами, словомъ все, что угодно, только не скучный—настоящій лекторъ для дамъ. Мужчины только воображаютъ, что они воспитываютъ женщинъ; на дѣлѣ бываетъ какъ разъ наоборотъ.

Лекція усыпила Пруденсъ, потому что не представляла никакого интереса для нея. Какое мѣсто могла занять она—дѣвушка безъ всякихъ талантовъ—среди такихъ мастеровъ пера и слова.

Она чувствовала странную смѣсь ужаса передъ лицомъ жизни и полной готовности подчиниться ударамъ ея. Какъ знать, ударъ судьбы, можетъ быть, спасетъ ее въ критическій моментъ. До сихъ поръ она не сдѣлала ничего путнаго, пока она умѣла только трусить—и въ этомъ было ея наказаніе. Но всетаки оставалась надежда, что счастье ей улыбнется.

Даже разговоръ ея съ Мери Ленъ за завтракомъ ни къ чему не привелъ. Мери выбрала себѣ дорогу, обезпечивавшую ей кусокъ хлѣба, и увлеклась духовной стороной своего дѣла, совершенно уже не думая о сторонѣ матеріальной. Она пировала, какъ герои Иліады, равнодушно вкушая отъ плодовъ земныхъ и мечтая о предстоящихъ битвахъ.

Лектора она слушала очень внимательно, лишь изрѣдка съ досадой пожимая плечами. Только, когда лекція кончи-

лась, и онѣ вдвоемъ вышли въ гостиную, гдѣ должны были дождаться Гертруды, она опять стала сама собою.

И такою, какъ она была, она совершенно очаровала Пруденсъ, какъ могла бы это сдѣлать какая-нибудь женщина Св. Писанія, какихъ уже не встрѣтить теперь. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ экземпляровъ, фанатически преданныхъ идеѣ, которая для нихъ единственное, что есть реальнаго въ мірѣ, одно изъ тѣхъ восхитительно непрактичныхъ созданій, которыя такъ нравятся въ обществѣ именно потому, что такъ далеки отъ него.

При всемъ томъ—въ этомъ-то и заключались главныя ея чары—Мери Ленъ считала себя одной изъ самыхъ дѣловыхъ женщинъ въ мірѣ. Къ этому убѣжденію она пришла потому, что одно время ей случилось держать лавочку гдѣ-то въ глухомъ предмѣстьи. Она воображала, что можетъ безбѣдно прожить этой торговлей, хотя вся прибыль отъ нея заключалась въ хорошихъ мысляхъ и чувствахъ. Потомъ она была учительницей въ дѣтскомъ саду и учила съ удовольствіемъ и умѣло. Ея разсказы въ классѣ ребятишки слушали, какъ очарованные, какъ и ея музыку въ тѣхъ случаяхъ, когда она считала, что музыка говоритъ лучше словъ. За свою работу она съ чистой совѣстью брала плату съ родителей—поль-пенни въ недѣлю—и не брала ничего съ тѣхъ, кому было трудно платить.

— Я хочу, чтобы вы поняли, что я работаю изъ-за денегъ, а не ради благотворительности,—говорила она.—Я по горло сыта этой благотворительностью: помню, какъ, бывало, я распаковывала цѣлые тюки поношеннаго платья, которые мой отецъ, священникъ, получалъ изъ комитета, для раздачи бѣднымъ. Я помогала ему, потому что, что же другое могла я дѣлать тогда? Всякій долженъ дѣлать что-нибудь для души. Нельзя превращать жизнь въ какую-то мелочную лавку.

— Скажите, а какъ платили вамъ въ школѣ? Исправно?

— Вполнѣ. Потомъ я схватила лихорадку, и пришлось бросить, но съ этой же зимы я опять вернулась туда. Теперь же меня занимаетъ другое: мой деревенскій театръ.

— Разскажите.

— Извольте. Вотъ, видите ли, я разъѣзжаю по деревнямъ и всю обстановку вожу съ собой просто въ повозкѣ, для сокращенія расходовъ. И, кромѣ того, это гораздо пріятнѣе, чѣмъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, а ночлегъ всегда можно найти въ любомъ коттеджѣ. Я люблю деревенскій людъ—чего вообще нельзя сказать о дочеряхъ сельскихъ священниковъ. У меня три помощницы: Эмма Маршъ, или „Жемчужина"—ея театральный псевдонимъ, Мей Гольрайдъ—

на роли благородныхъ отцовъ, и Мери Фрэнсисъ, „Ангелъ“ тожъ. Ваша покорная слуга—режиссеръ, она же изображаетъ оркестръ и дѣлаетъ вообще всю черную работу. Вотъ и вся наша труппа. Мей теперь уѣхала домой ухаживать за больной матерью, вотъ, я и пришла сюда, въ надеждѣ найти кого-нибудь на ея мѣсто.

Пруденсъ смѣялась.—Но кто же авторъ пьесъ?—спросила она.

— Авторъ—это я,—призналась Мери со скромною гордостью.—Впрочемъ, нѣтъ; я не авторъ, а только компиляторъ Въ одномъ старомъ изданіи, вышедшемъ около пятисотъ лѣтъ тому назадъ, я нашла то, что мнѣ нужно—фантастическую поэму великаго поэта, который не оставилъ потомству своего имени. Поэма эта такъ хороша, что я передѣлала ее для сцены.

Въ ея спокойной самоувѣренности было что-то поистинѣ гипнотизирующее.

— Васъ ждетъ огромный успѣхъ!—вскричала Пруденсъ въ восторгѣ.—Я знаю, я чувствую это.

— О да, успѣхъ бываетъ громадный. Иногда я вырабатываю до 30 шиллинговъ въ недѣлю и могу даже посылать домой кое-что, а на житье хватаетъ за глаза.

— А сколько вы платите за помѣщеніе?

— Часто мы обходимся вовсе безъ помѣщенія. Въ ясныя лѣтнія ночи мы играемъ подъ открытымъ небомъ. Я хочу, чтобы наше представленіе видѣла вся деревня, а это невозможно, если каждому придется ждать своей очереди. Довольно послать впередъ одного человѣка, который и приготовитъ все.

— Игра подъ открытымъ небомъ!—прошептала Пруденсъ,—какъ въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь“. О, какъ хорошо! Что можетъ быть лучше этого! Пожалуйста, не говорите ничего больше.

— Даже о платѣ за помѣщеніе?

— Ахъ, не смѣйтесь.

— Хорошо. Только, пожалуйста, не воображайте, что я забываю о существенномъ. Я не такъ не практична, могу васъ увѣрить. Мы всегда обходимъ публику вотъ съ этимъ—и она показала на сумочку, висѣвшую у нея на поясѣ.—Каждый даетъ, сколько можетъ. Я стараюсь, по возможности, сокращать расходы, такъ что имъ и не приходится много давать. Зачастую намъ платятъ натурою, чаще всего мѣшкомъ яблокъ или корзиною яицъ. Все, что остается сверхъ расходовъ, мы дѣлимъ поровну, я и мои три помощницы. Есть у насъ и общая касса. Отбудемъ спектакль—и маршъ дальше.

Ричардъ Бертонъ.

I.

Мнѣ пришлось уже какъ-то отмѣтить, что любимое «серьезное» чтеніе англичанъ — біографіи и мемуары. На книжномъ рынкѣ произведенія этого рода занимаютъ второе мѣсто послѣ повѣстей и романовъ, и ни въ одной странѣ не появляется столько біографій, какъ въ Англіи. Монументальныя изданія въ 2—3 тома, стоимостью въ 24—36 шиллинговъ, расхватываются въ нѣсколько недѣль. По всей вѣроятности, это зависитъ въ значительной степени отъ культа сильной личности въ Англіи. Нигдѣ средній человѣкъ не устроился такъ прочно, основательно, тепло и уютно, какъ въ Англіи. Нигдѣ спокойствіе его не огорожено такой устойчивой cheval de frise законовъ и обычаевъ всякаго рода. И, въ то же время, нигдѣ культъ сильной личности не развитъ такъ, какъ въ Англіи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Англія, собственно говоря, не благопріятствуетъ теперь тому, чтобы «герои» типа Фрэнсиса Дрэка, адмирала Ралей, или «китайскаго» Гордона развернулись вполнѣ. Имъ приходится дѣйствовать на далекихъ окраинахъ громадной имперіи. «Герой», надѣленный сильной индивидуальностью, если только его не захватитъ здѣсь практическая политика, обыкновенно приходитъ въ сильное столкновеніе съ той самой огороженной cheval de frise предразсудковъ средней публикой, которая послѣ смерти его нарасхватъ будетъ покупать біографіи замѣчательнаго человѣка. Нагляднымъ примѣромъ является успѣхъ двухтомнаго труда Томаса Райта: «The Life of Sir Richard Burton». Русскому читателю имя Ричарда Бертона, вѣроятно, ничего не говоритъ. Для англичанъ это теперь «рыцарь Аравійской земли» и «the last of the demi-gods» (послѣдній изъ полубоговъ) по восторженному отзыву одного біографа. Величайшій изъ современныхъ англійскихъ поэтовъ, революціонеръ Свинбернъ, посвятилъ смерти Бертона замѣчательную поэму, изъ которой приведу только четыре стиха:

„But him we hailed from afar or near
As boldest born of his kinsfolk here

And loved as brightest of souls that eyed
Life, time, and death with unchangeful cheer" *).

Нужно представить себѣ безпокойную личность, которой тѣсно было въ Англіи, и которую, какъ викинга, привлекали къ себѣ неизвѣстныя и опасныя страны. Бертонъ изслѣдовалъ Индію, побывалъ въ Меккѣ, гдѣ былъ шестымъ по счету европейцемъ, проникшимъ туда, достигъ береговъ Танганайки, когда объ озерѣ существовали лишь смутныя легенды, бродяжилъ въ Сѣверной Америкѣ, Бразиліи и въ Австраліи. По выраженію Дюбуа-Раймона, матерія не походитъ на повозку, имѣющую вмѣсто лошади силу, которую можно то запрягать, то выпрягать. Природа не знаетъ матеріи безъ силы и силы безъ матеріи. Тоже самое можно сказать о сильныхъ натурахъ. «Сила» всегда не раздѣльна съ ними. Безъ нея ихъ себѣ невозможно представить. Онѣ всегда «везутъ», хотя иногда не по той дорогѣ, по которой это выгоднѣе всего для нихъ и окружающаго человѣчества. Дѣйствительно, крупныя натуры иногда не находятъ надлежащей точки приложенія силы; но онѣ всегда сдѣлаютъ что-нибудь замѣчательное и крупное. Этимъ онѣ отличаются отъ озорниковъ и Китъ Китычей, съ которыми у насъ до послѣдняго времени сильныхъ натуръ смѣшивали.

Ричардъ Бертонъ, несомнѣнно, не нашелъ надлежащей точки приложенія для своихъ силъ. Какъ всѣ сильныя, страстныя натуры, онъ пришелъ въ столкновеніе съ обществомъ, которое разсказывало про него «1001 ужасъ». Газеты печатали анекдоты въ родѣ слѣдующаго. «Правда ли, сэръ Робертъ, — спросилъ Бертона молодой священникъ,—что вы въ Меккѣ убили человѣка?

— Я горжусь тѣмъ,—будто бы отвѣтилъ Бертонъ,—что согрѣшилъ противъ всѣхъ десяти заповѣдей.

Не задолго до смерти, когда Бертона точила уже неизлѣчимая болѣзнь, онъ встрѣтился въ домѣ знакомыхъ съ одной дамой.

— Такъ вотъ этотъ безбожный и безстыдный капитанъ Бертонъ!—громко сказала она.—Я страшно рада, что онъ смертельно боленъ и что ему нѣтъ спасенія.

Ужасать «mrs Grundy» **) доставляло Бертону величайшее наслажденіе. Значительная часть писаній его, какъ мы увидимъ, была спеціально разсчитана на то, чтобы довести эту чопорную даму до бѣлаго каленія. Ричардъ Бертонъ «возилъ не по своей дорогѣ», но все же возилъ, а не только озорничалъ. Избытокъ энергіи уходилъ на изученіе восточныхъ и европейскихъ языковъ (Бертонъ владѣлъ тридцатью шестью языками), на изслѣдованіе неизвѣстныхъ странъ, на монументальныя литературныя работы, какъ пол-

*) Мы привѣтствовали его и вдали, и вблизи, какъ самаго смѣлаго среди его соотечественниковъ; мы любили эту прекрасную душу, съ одинаковою веселостью смотрѣвшую и на жизнь, и на время, и на смерть.

**) Нарицательное имя коллективной, самодовольной посредственности.

ный переводъ «Тысячи и одной ночи» и пр. Предъ нами яркая, сложная и оригинальная натура. Мы видимъ «агностика», съ особымъ наслажденіемъ цитирующаго слова знаменитаго астронома: «J'ai examiné le ciel dans tous les sens et nulle part je n'ai trouvé la trace de Dieu» и въ то же время приходящаго въ восторгъ отъ магометанской вѣры, которую изучилъ въ совершенствѣ для своего опаснаго путешествія въ Мекку. По характеристикѣ Пэйна, Бертонъ былъ «полумагометанинъ, полуатеистъ». Бертонъ доказывалъ, что въ исторіи человѣчества были четыре великихъ протестанта: св. Павелъ, возставшій противъ ученія св. Петра, проникнутаго іудаизмомъ, Магометъ, возставшій противъ христіанства, Лютеръ, протестовавшій противъ папы, и сэръ Ричардъ Бертонъ, возставшій противъ всѣхъ религій. И этотъ «безбожникъ» и смѣлый протестантъ всю жизнь вѣрилъ въ заговоры, въ амулеты, симпатическія средства и примѣты. Переодѣвшись арабомъ, Бертонъ отправился въ Мекку, посѣтилъ гробъ Магомета и Каабу, рискуя каждый моментъ быть узнаннымъ и убитымъ. Игра опасностью доставляла ему величайшее наслажденіе; онъ примчался изъ Африки въ Крымъ, какъ только тамъ началась война, и горько сожалѣлъ, что попалъ къ самому концу. Во время путешествій онъ много разъ выдерживалъ настоящія сраженія; во время одного изъ нихъ копьемъ Бертону пробили обѣ щеки, при чемъ выбили нѣсколько зубовъ. И смѣлый до безумія путешественникъ блѣднѣлъ, заслышавъ вой собаки, предвѣщающей, по его мнѣнію, смерть. «Агностикъ» не разлучался съ талисманомъ, вывезеннымъ изъ Аравіи, и таскалъ съ собою въ мѣшечкѣ разные африканскіе амулеты, предохраняющіе отъ болѣзней.

Мы видимъ передъ собою гордаго орла, бросающаго вызовъ всему обществу и прикованнаго въ то же время къ глупой, заурядной, невѣжественной и суевѣрной католичкѣ. Бертонъ всю жизнь былъ необыкновенно высокаго мнѣнія о литературныхъ талантахъ своей жены, оставившей нѣсколько идеально глупыхъ и на рѣдкость бездарныхъ книгъ. Жена, какъ только сэръ Робертъ скончался, позвала католическаго священника и велѣла ему свершить обрядъ перехода въ католицизмъ надъ неостывшимъ трупомъ. Затѣмъ «полу-магометанинъ, полу-атеистъ» былъ похороненъ, какъ благочестивый сынъ римской апостольской церкви. Похоронивъ мужа, лэди Бертонъ занялась пересмотромъ всѣхъ бумагъ, оставшихся послѣ него. Она тщательно сберегла всѣ абсолютно ничтожные документы и письма; за то сожгла всѣ дневники и рукописи. Въ числѣ послѣднихъ — громадный, совершенно законченный переводъ арабской книги съ многочисленными примѣчаніями Бертона. Надъ этимъ переводомъ сэръ Робертъ усиленно работалъ и закончилъ его за день до смерти. Повидимому, Бертонъ былъ увѣренъ, что потомство сохранитъ его имя, какъ переводчика арабской книги. Когда въ Англіи поднялись вопли негодованія по поводу уничтоженія

дневниковъ и переводовъ (лишь послѣ смерти Бертона общество вспомнило заслуги его),—лэди Бертонъ написала біографію мужа. Это произведеніе является трудомъ или слабоумной, или сознательной обманщицы. Авторъ говоритъ, что рукописи уничтожены не по собственному почину. Къ ней явилась тѣнь мужа и сказала: «сожги бумаги!». По разсказу лэди Бертонъ, это произошло въ рабочемъ кабинетѣ. Она сперва не послушалась; но привидѣніе явилось еще дважды и каждый разъ говорило: «сожги рукописи».

«Тогда я поняла, что мой несчастный мужъ мучается на томъ свѣтѣ, и что душа его не можетъ успокоиться. И я рѣшила бросить въ огонь переводъ, хотя за него могла получить около шести тысячъ ф. ст.».

Англія, несмотря на мощь въ ней «коллективной посредственности», о которой писалъ Милль, богаче всѣхъ остальныхъ странъ оригинальными, сильными и самобытными личностями, нашедшими и не нашедшими соотвѣтственную точку приложенія своихъ силъ. Къ числу этихъ самобытныхъ, яркихъ личностей, несомнѣнно, принадлежитъ и сэръ Ричардъ Бертонъ. Богатый матеріалъ для характеристики его разбросанъ въ шестидесяти томахъ, оставленныхъ Бертономъ. Теперь новый матеріалъ собранъ авторомъ біографіи, упомянутой выше. На основаніи этой книги и нѣкоторыхъ произведеній Бертона я постараюсь познакомить читателей съ этой своеобразной личностью.

II.

Оригинальной фигурой былъ отецъ Ричарда Бертона, полковникъ Бертонъ, вѣчно углубленный въ химическіе опыты. На нихъ онъ истратилъ свое собственное состояніе и очень былъ недоволенъ, что не можетъ тратить такимъ же образомъ средствъ жены. Бертоны были кочевники по натурѣ. На одномъ мѣстѣ имъ долго не сидѣлось, тѣмъ болѣе, что значительныя средства давали Бертонамъ возможность жить, гдѣ угодно. Со своими колбами и ретортами полковникъ Бертонъ переселялся изъ Англіи во Францію, потомъ въ Италію. То было еще время почтовыхъ каретъ. У Бертоновъ былъ свой «желтый рыдванъ», который въ значительной степени исколесилъ Европу. Во Флоренціи они засидѣлись особенно долго: полковникъ Бертонъ какъ разъ къ тому времени раздобылъ старинный англійскій учебникъ «Катехизисъ химіи, со многими обстоятельными примѣчаніями, а также съ приложеніемъ словаря и главы о забавныхъ опытахъ». До тѣхъ поръ Бертонъ занимался химіей безъ всякаго руководства, т. е. лилъ въ колбы всякія жидкости, кипятилъ и глядѣлъ, что изъ всего этого выйдетъ. Послѣдствіемъ бывали или взрывы, или страшная вонь, выгонявшая всѣхъ изъ комнатъ. «Катехизисъ химіи», въ которомъ опыты чередо-

вались со стихами, внушилъ Бертону мысль заняться «изготовленіемъ мыла». Послѣ значительныхъ затратъ, ему удалось сфабриковать скверно пахнувшую, слизистую массу, которую полковникъ называлъ мыломъ и строилъ, по этому поводу, блестящія финансовыя комбинаціи. Отецъ и мать Бертона были очень мнительны. Цѣлыми часами они выслушивали другъ друга, показывали одинъ другому языки и пичкали самодѣльными лѣкарствами. Потомъ Бертоны убѣдили себя, что они опасно больны, и, такимъ образомъ, началось странствованіе по различнымъ водамъ. Въ такой кочевой обстановкѣ росли отчаянными головорѣзами два мальчика, братья Робертъ и Ричардъ. Полковникъ Бертонъ возилъ съ собою воспитателя дѣтей. И, нужно сознаться, что отецъ былъ не особенно удачливъ въ выборѣ учителей. Первый учитель, въ награду за хорошо выученные уроки латинскаго и греческаго языка, водилъ своихъ воспитанниковъ смотрѣть на то, какъ гильотинируютъ (дѣло было въ Турѣ). Въ 1829 г., когда Ричарду было восемь лѣтъ, Бертоны возвратились въ Англію и поселились въ Ричмондѣ, гдѣ братьевъ отдали въ школу, которую содержалъ одинъ изъ педагоговъ диккенсовскаго типа. Священникъ Чарльзъ Дильфосъ, къ которому попали братья, по свирѣпости и невѣжеству, напоминалъ мистера Крикла (*Дэвидъ Копперфильдъ*) или Вэкфорда Скуирса (*Николасъ Никлби*). «Въ школѣ мальчики, главнымъ образомъ, не учились, а дрались». Ричардъ Бертонъ съ дѣтства ненавидѣлъ Англію и, поэтому, со скрежетомъ зубовнымъ училъ патріотическіе стихи Гольдсмита, въ родѣ слѣдующихъ:

„Such is the patriot's boast, where'er we roam,
His first, best country ever is as home“ *).

Отъ злости мальчикъ залилъ страницу съ этимъ стихотвореніемъ чернилами. Къ великой радости братьевъ, въ 1833 г. школу распустили, такъ какъ въ ней открылась корь. Полковникъ Бертонъ снова всей семьей, со своими ретортами и колбами и новымъ учителемъ, отправились на континентъ. Мальчики прокричали «ура», когда корабль оставилъ «скверную, маленькую Англію», какъ они ее называли. И на этотъ разъ полковнику Бертону не особенно посчастливилось въ выборѣ воспитателя, «бульдогообразнаго молодого священника, съ головой въ видѣ груши хвостомъ кверху».

Бертоны поѣхали въ Италію и основались надолго въ Сорренто. Учитель усиленно угощалъ своихъ воспитанниковъ латинскимъ и греческимъ языками и принималъ дѣятельное участіе въ любимомъ занятіи мальчиковъ: въ боѣ пѣтуховъ. Братья Бертоны были теперь краснощекіе, здоровые, буйные, не по лѣтамъ развитые подростки. Они знали Анакреона и Овидія и продѣлывали все то, что воспѣ-

---

*) „Патріотъ гордится тѣмъ, что въ какихъ бы странахъ ни путешествовалъ онъ, въ его представленіи лучшее мѣсто—родина“.

вали древніе поэты. Познанія въ этой области въ особенности обогатились въ 1836 г., когда Бертоны переселились въ Лукку. Тамъ братья то кутили, то дрались со студентами. Въ 1840 г. Бертоны возвратились въ Англію, такъ какъ отецъ рѣшилъ, что пора дать сыновьямъ университетское образованіе. Въ выборѣ соотвѣтственнаго факультета полковникъ былъ такъ же удачливъ, какъ въ прiисканіи воспитателя: онъ рѣшилъ, что самая подходящая дорога для его буйныхъ молодыхъ людей, проявлявшихъ большіе таланты въ кутежахъ, дуэляхъ и кулачныхъ бояхъ,—церковь. Не смотря на то, что братья стремились въ армію, отецъ послалъ Ричарда Бертона изучать богословіе въ Оксфордскій университетъ, а брата его Эдуарда—въ Кембриджскій. Эдуардъ потомъ перемѣнилъ факультетъ, сталъ изучать медицину и вышелъ въ армію военнымъ врачемъ. Его судьба была трагическая. Въ Индіи, во время охоты на слоновъ, туземцы набросились на Эдуарда Бертона и страшно избили его. Послѣдствіемъ явилось нервное потрясеніе. До самой смерти, сорокъ лѣтъ подъ рядъ, Эдуардъ Бертонъ походилъ «на нѣмую и неподвижную греческую статую».

Ричардъ Бертонъ при поступленіи въ университетъ отлично зналъ греческій, латинскій, итальянскій и французскій языки, но молодой человѣкъ, котораго готовили въ священники, не имѣлъ даже представленія, что такое символъ вѣры. Оксфордскій университетъ въ то время поражалъ своею удушливою, схоластическою, средневѣковою атмосферою. Преподававшіяся тогда науки не могли совершенно увлечь юношу съ богатой, сильной натурой. Подборъ студентовъ тоже былъ неудаченъ. Состоялъ онъ, по преимуществу, изъ грубыхъ «дворянскихъ сынковъ», находившихъ великое удовольствіе въ «шуткахъ» надъ новичками. Эти шутки, или «practical jokes», состояли въ томъ, что новичка окатывали холодной водой, подбрасывали на одѣялѣ и пр. Бертонъ пригрозилъ въ первый же день, что проткнетъ животъ раскаленной кочергой каждому, кто посмѣетъ «пошутить» надъ нимъ, и новичка оставили въ покоѣ. Вскорѣ Бертонъ пріобрѣлъ необыкновенно почетную славу среди товарищей умѣньемъ фехтоваться, отлично гребсти и знаніемъ лошадей. Къ священническому сану Бертонъ готовился кутежами, драками и ухаживаньемъ за цыганками. Онъ ненавидѣлъ университетскую науку, хотя тогда уже его привлекалъ Востокъ. И вотъ, молодой человѣкъ самостоятельно принялся за изученіе арабскаго языка. Бертонъ впослѣдствіи усвоилъ этотъ языкъ въ совершенствѣ. Онъ изучилъ также около двухъ десятковъ другихъ восточныхъ языковъ и діалектовъ. Главнымъ образомъ, у него были замѣчательныя способности быстро усваивать разговорный языкъ. Съ теченіемъ времени, Бертонъ выработалъ себѣ опредѣленную систему. «Приступая къ изученію новаго языка,—читаемъ мы въ автобіографіи знаменитаго путешественника,—я пріобрѣталъ элементарную грамматику и словарь, отмѣчалъ формы и слова, ко-

торыя абсолютно необходимы, и выучивалъ ихъ на память. Я никогда не работалъ больше, чѣмъ четверть часа въ одинъ присѣстъ, потому что послѣ этого память теряетъ свою свѣжесть. Выучивъ словъ триста, что можно легко сдѣлать въ одну недѣлю, я принимался за какую-нибудь легкую книгу, при чемъ подчеркивалъ каждое слово, которое желалъ запомнить. Кончивъ книгу, я приступалъ къ тщательному изученію грамматики и затѣмъ принимался за другую книгу, предметъ которой интересовалъ меня. Такимъ образомъ, первоначальныя трудности каждаго языка были преодолѣны. Далѣе дѣло уже быстро подвигалось впередъ. Если меня останавливалъ новый звукъ, напр. въ родѣ арабскаго *ghayn*, я повторялъ его десятки тысячъ разъ, покуда, наконецъ, языкъ мой не привыкалъ къ нему. Я всегда читалъ вслухъ, чтобы ухо мое, такимъ образомъ, помогало памяти. Особое наслажденіе доставляли мнѣ наиболѣе трудныя начертанія, какъ, напр., китайскіе іероглифы или клинообразныя письмена, потому что они сильнѣе врѣзываются въ памяти, чѣмъ вѣчныя латинскія буквы».

— Какимъ образомъ выучиваете вы такъ быстро и такъ основательно новый языкъ?—спросилъ много лѣтъ спустя у Бертона Колингвудъ.

— Я сокращаю всю грамматику до размѣровъ одной страницы, которую всегда имѣю при себѣ. При всякой возможности я вступаю, въ разговоръ съ туземцами и, предпочтительно, со старухами, которыя всегда во всѣхъ странахъ болѣе болтливы. Я внимательно слушаю и повторяю за ними каждое слово. Такимъ образомъ, я улавливаю акцентъ и запоминаю обороты. Прекращаю разговоръ только тогда, когда «урокъ» твердо заученъ. Тогда очередь за другой старухой.

Бертонъ, дѣйствительно, поразительно быстро усваивалъ языки: арабскій, напримѣръ, со всѣми діалектами его онъ усвоилъ такъ, что могъ выдать себя за магометанина и, такимъ образомъ, посѣтилъ Мекку. Лингвистическія знанія Бертона, главнымъ образомъ, касались разговорнаго языка. Книжныя формы того же арабскаго языка, на которомъ Бертонъ говорилъ такъ хорошо, затрудняли его, что, какъ указываютъ знатоки, сильно сказывается въ переводахъ. Смѣлый путешественникъ учился языку «у старухъ» и, повидимому, иногда зналъ его, какъ «старухи». На ряду съ замѣчательной способностью быстро усваивать самые трудные восточные языки слѣдуетъ отмѣтить поразительную идіосинкразію Бертона къ сравнительно легкимъ и распространеннымъ языкамъ. До самой смерти, напр., онъ былъ очень слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ, хотя долго жилъ и въ Германіи, и въ Австріи. Въ Тріестѣ онъ пробылъ болѣе пятнадцати лѣтъ консуломъ. То же самое можно сказать и о русскомъ языкѣ. Бертонъ съ раздраженіемъ говорилъ, что русскіе не понимаютъ собственнаго языка, когда съ ними говорятъ на немъ.

Чѣмъ больше молодой Бертонъ занимался въ Оксфордѣ по собственной программѣ, тѣмъ сильнѣе ненавидѣлъ онъ университетскую науку и профессоровъ. Просьбы молодого человѣка, чтобы его взяли изъ университета, не дѣйствовали: отецъ твердо рѣшилъ, что сынъ его будетъ священникомъ. Тогда Ричардъ Бертонъ такъ «закружилъ», что университетское начальство исключило его. Непосредственной причиной изгнанія явилась какая-то гомерическая попойка, закончившаяся на скачкахъ колоссальнымъ скандаломъ. Черезъ нѣсколько дней Ричардъ Бертонъ былъ дома, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1842 г.—въ Индіи прапорщикомъ. Новая обстановка поразила его и захватила всецѣло. Чтобы понять народъ, Бертонъ усердно принялся за изученіе «индустани», наиболѣе распространеннаго въ Индіи туземнаго языка.

III.

По исторіи литературы всѣхъ странъ мы знаемъ, какое громадное и рѣшающее вліяніе имѣетъ на талантъ молодого писателя внезапное перенесеніе въ новую обстановку, гдѣ авторъ становится лицомъ къ лицу съ незнакомой до тѣхъ поръ природой, суровой или обаятельной. Нужно назвать только Бернарденъ Сенъ Пьера и Шатобріана, Лермонтова и Толстаго. Средніе люди въ новой и дикой обстановкѣ томятся, тоскуютъ и совершенно теряютъ, въ концѣ концовъ, человѣческій обликъ. На людей сильныхъ и талантливыхъ та же обстановка дѣйствуетъ, какъ мощное тоническое средство. На томъ же Кавказѣ, гдѣ Толстой возродился нравственно, погибъ Гуськовъ («Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ»). Бертонъ принадлежалъ къ сильнымъ людямъ, т. е. къ тѣмъ, которыхъ природа и дикая обстановка наполняютъ новой жизнью. Молодой офицеръ жилъ въ глухой деревнѣ, заброшенный въ тропическомъ лѣсу, который къ вечеру оживалъ. То пернатое, четвероногое и четверорукое населеніе его прощалось съ солнцемъ или привѣтствовало ночь, время охоты. На далекихъ окраинахъ военные всѣхъ странъ и временъ погружаются и погружались въ развратъ, принимающій большею частью грубый или садическій характеръ. Одинаковое явленіе происходитъ у насъ въ Центральной Азіи и на Дальнемъ Востокѣ, во французскихъ владѣніяхъ въ Африкѣ, въ Индіи. Англійскіе офицеры въ далекой колоніи, гдѣ воздухъ напоенъ сладострастіемъ, забываютъ все для чувственныхъ удовольствій. «Бубу», т. е. туземныя любовницы и танцовщицы (Nautch girls) составляютъ главный элементъ въ жизни англійскаго офицера въ глухихъ индійскихъ городахъ и деревняхъ. Бертона такая жизнь не удовлетворяла. Онъ изучалъ народъ, старался овладѣть его языкомъ; но молодому офицеру нужна была кипучая дѣятельность. Въ немъ текла кровь тѣхъ смѣлыхъ буканировъ, кото-

рые когда-то бороздили неизвѣстный тогда Тихій океанъ на своихъ скорлупкахъ въ 80 тоннъ и наводили ужасъ на все побережье «Испанскаго континента», какъ называли англичане Южную Америку. И Бертонъ оставлялъ лингвистическія и этнографическія работы для охоты на тигровъ и на вепрей. Нервамъ нужно было острое возбужденіе. И вотъ Бертонъ придумалъ своеобразный спортъ. За деревней начиналось громадное болото, кишѣвшее крокодилами, которые заползали оттуда въ мелкій, узкій ручей. Здѣсь они спали, грѣясь на солнцѣ. Вода была не глубже десяти дюймовъ. Бертонъ, чтобы переправиться черезъ узкій ручей, пользовался спинами спавшихъ крокодиловъ, какъ камнями. Малѣйшій невѣрный шагъ или секунда промедленія могли бы дорого стоить молодому офицеру.

Ричардъ Бертонъ оставилъ шестьдесятъ томовъ. Онъ всю жизнь много занимался; но меньше всего его можно было назвать ученымъ. Такъ, какъ Бертонъ, работалъ бы и любознательный буканиръ, у котораго очутился бы неожиданно большой досугъ. Въ занятіяхъ Бертона мы совершенно не видимъ широкой, обобщающей мысли. Предъ нами только накопленіе курьезныхъ, эксцентричныхъ и подчасъ патологическихъ свѣдѣній. Бертонъ, напр., въ 1843 г. пишетъ, что «всецѣло погрузился въ изученіе кабалистическихъ и астрологическихъ книгъ». Впослѣдствіи онъ любилъ дѣлать предсказанія на основаніи своихъ знаній. Слѣдуетъ прибавить, что гороскопы Бертона имѣли много общаго съ «научнымъ прогнозомъ» нѣкоторыхъ нашихъ экономистовъ: они сбывались *наоборотъ*. Въ 1845 г. Бертонъ изучилъ санскритскій языкъ и воспользовался имъ, прежде всего, чтобы познакомиться съ «іогой», т. е. одной изъ шести системъ браминской философіи, которая учитъ, что при помощи аскетизма человѣкъ пріобрѣтаетъ власть надъ элементами. Въ семидесятомъ году, когда о Гельмгольцѣ и Тиндалѣ знали даже люди, ничего не читающіе, кромѣ газетъ, Бертонъ вмѣстѣ съ профессоромъ кембриджскаго университета Пальмеромъ искалъ философскій камень. Пальмеръ по спеціальности былъ филологъ. Его изысканія въ области химіи ничѣмъ не отличались отъ метода алхимиковъ XIV вѣка: онъ смѣшивалъ различные элементы съ цѣлью убѣдиться, не выйдетъ ли случайно, какъ-нибудь, изъ всего этого философскій камень.

Въ семидесятыхъ годахъ, на основаніи кабалистическихъ книгъ, Бертонъ рѣшилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ была древняя Мидія, должно быть золото въ невѣроятномъ количествѣ. Онъ убѣдилъ египетскаго хедива дать средства на снаряженіе экспедиціи. Хедиву въ то время, какъ разъ, иностранные банкиры отказались уже давать деньги, и онъ, поэтому, охотно снарядилъ экспедицію, которая сразу должна была поправить финансы Египта. Во главѣ предпріятія сталъ Бертонъ, который отправился въ Мидію съ «divining-rod» въ рукахъ, т. е. съ волшебной палочкой изъ орѣ-

шины, которая, по мнѣнію знахарей, сама указываетъ на присутствіе воды или металловъ подъ землей. Несмотря на волшебную палочку, экспедиція не нашла никакого слѣда золота. Хедивъ, какъ вознагражденіе за затраченныя имъ деньги, получилъ нѣсколько камней и кирпичей, добытыхъ въ развалинахъ древнихъ мидійскихъ городовъ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Бертонъ прочиталъ докладъ о спиритуализмѣ на съѣздѣ ассоціаціи спиритуалистовъ. Сущность доклада сводится къ слѣдующему: 1) представленіе возможно безъ впечатлѣнія; 2) много разъ ему, Бертону, приходилось убѣждаться въ присутствіи силы или власти, которую не могъ понять. Бертонъ оговаривается, что не вѣритъ ни въ возможность подчинить духовъ нашей волѣ или капризамъ, ни въ сношеніе съ умершими. «Я—спиритуалистъ безъ вѣры въ духовъ»,—заканчиваетъ Бертонъ свой докладъ. Въ то же время авторъ его постоянно называлъ себя матеріалистомъ. Онъ совершенно отрицательно относился не только къ религіи и догматикѣ, но и къ какому бы то ни было представленію о «закулисномъ режиссерѣ», направляющемъ вселенную. Съ особымъ наслажденіемъ Бертонъ повторялъ стихи Лукреція въ родѣ:

„Tantùm religio potui suadere malorum" *).

Или:

„Nil igitur mors est, ad nos neque pertinent hilum **).

Но у Лукреція въ той же удивительной поэмѣ есть стихи, въ которыхъ великій скептикъ древняго міра говоритъ, что критическое отношеніе къ окружающему кончается, когда смѣлый полетъ мысли подрубленъ старостью.

„Hinc Acherusia fit stultorum denique vita ***).

У Бертона суевѣрія, при томъ въ самой примитивной и грубой формѣ, какъ-то уживались съ скептицизмомъ. Нѣчто подобное проявляли, вѣроятно, грубые бароны XI и XII вѣковъ, отправлявшіеся грабить монастыри и церкви, никогда не забывая запастись амулетомъ въ родѣ зуба какого-нибудь святого. Въ исторіи казацкихъ возстаній мы можемъ указать на такія черты. При взятіи, напримѣръ, предмѣстій Львова Хмельницкимъ, толпы предмѣщанъ (православныхъ) искали спасенія въ «каѳедрѣ», т. е. въ соборѣ (опять-таки православномъ). Казаки, перебивши много народа, разбили церковныя двери и ворвались въ храмъ. Старикъ-игуменъ, стоя у алтаря, пытался напомнить имъ, что они такіе же православные, какъ и народъ, собрав-

*) Всѣ бѣдствія порождены религіей.

**) Перестать существовать—бездѣлица. Вся жизнь кончается, когда тѣло умираетъ.

***) Старые глупцы находятся во власти суевѣрій.

шійся въ церкви.—«Гей про Бога христіане! Вира, вира!» вопіялъ онъ. Но казаки неистово требовали сокровищъ, кричали: «Батеньку, не хочемъ твоей виры, липше дидчихъ грошей!» Они плескали ему на плечи горилку и зажигали, понуждая отдавать имъ спрятанныя сокровища. Казаки тогда рубили стѣны собора, не пощадили гробовъ и выкидывали изъ нихъ полусгнившіе трупы, ища сокровищъ, наконецъ, сорвали со стѣны и ободрали храмовую икону св. Юрія и потомъ ушли, говоря: «Прощай, св. Юру» *). Выдержка эта показываетъ, что нашествіе казаковъ не носило характера мести за попранное православіе, какъ говорятъ наши казенные историки. Но это между прочимъ.

Бертонъ былъ суевѣренъ, какъ казаки, не останавливавшіеся предъ ограбленіемъ православныхъ церквей и монастырей. Въ казацкихъ думахъ запорожца пугаютъ примѣты. «Если лошадь, бывало, споткнется,—говоритъ біографъ Бертона,—или если падала картина со стѣны, Бертонъ старался опредѣлить, что это можетъ означать. Онъ считалъ зловѣщимъ пискъ летучей мыши или завываніе совы. Первый предметъ, попавшійся утромъ въ глаза, по мнѣнію Бертона, опредѣлялъ, что должно случиться въ этотъ день. Человѣкъ, не вѣрившій въ загробную жизнь, смущался снами. Они приводили его то въ хорошее, то въ подавленное настроеніе. Бертонъ носилъ при себѣ амулеты и талисманы и глубоко вѣрилъ въ профилактическія свойства серебра. Съ этой цѣлью во время путешествій онъ носилъ всегда на тѣлѣ серебряную монету. По страстности своего темперамента онъ работалъ запоемъ. Когда глаза у него уставали послѣ двѣнадцатичасового писанія, Бертонъ прикладывалъ къ нимъ на нѣсколько минутъ серебряныя монеты и увѣрялъ, что это возвращаетъ зрѣнію прежнюю остроту. Въ то же время Бертонъ смѣялся постоянно надъ своей женой, крайне суевѣрной и ограниченной католичкой, тоже не разстававшейся съ амулетами; но только послѣдніе были вывезены не изъ Мекки или Дагомеи, а изъ Рима и Лурда.

IV.

Мы увидимъ дальше, какой штормъ вызвалъ въ Англіи полный переводъ «Тысячи и одной ночи», сдѣланный Бертономъ. Причиной былъ не столько текстъ, хотя ничего подобнаго по откровенности своей не появлялось въ Англіи въ XIX в., а тѣ многочисленныя примѣчанія, которыми Бертонъ снабдилъ двѣнадцать томовъ перевода. Иныя примѣчанія представляютъ настоящія диссертаціи на темы крайне эксцентричныя, эротическія

*) *Н. И. Костомаровъ.* „Богданъ Хмельницкій“, стр. 234 (изданіе 1904 г.).

и патологическія. Бертонъ распространяется объ отвратительномъ извращеніи чувства, о которомъ библія говоритъ съ негодованіемъ, авторы арабскихъ сказокъ со смѣхомъ, а Петроній, какъ о нормальномъ явленіи. Если оно повторяется въ современномъ обществѣ, мы имѣемъ дѣло или съ патологической натурой, или съ человѣкомъ глубоко развращеннымъ. Бертонъ не былъ ни развратникомъ, ни психопатомъ. Его заинтересовало явленіе, какъ «антропологическій курьезъ», по выраженію наблюдателя. Точно также, какъ Исаакъ Дизраэли накоплялъ свои «литературные курьезы», а Шолто Перси—любопытные факты изъ области промышленности, торговли, сцены и проч., вошедшіе въ знаменитый въ Англіи сборникъ «The Percy Anecdotes»,—Ричардъ Бертонъ собиралъ на Востокѣ и въ Центральной Африкѣ свѣдѣнія объ явленіяхъ, о которыхъ даже Крафтъ Эбингъ говоритъ не иначе какъ перемѣшивая текстъ латинскими фразами. Зачѣмъ Бертонъ помѣстилъ наблюденія, представляющія извѣстную цѣнность для этнографовъ и врачей-спеціалистовъ, въ книгѣ, предназначенной для публики! Съ одной стороны, Бертонъ, вѣроятно, руководствовался соображеніями въ родѣ тѣхъ, которыя приводитъ Гюисмансъ въ одной изъ своихъ наиболѣе мрачныхъ и отвратительныхъ диссертацій, которыя онъ называетъ романами. До сихъ поръ, говоритъ Гюисмансъ, романисты и поэты, самое большее, преслѣдовали только «легко доступные подвалы человѣческой души». Никто не дерзнулъ еще спуститься въ «страшныя подземелья, въ заброшенныя шахты, гдѣ въ глубокой темнотѣ таится невѣдомо для человѣка плѣсень низменныхъ страстей». Отчасти Бертономъ руководитъ гордость изслѣдователя, сдѣлавшаго любопытное открытіе: путешественникъ намѣчаетъ на земномъ шарѣ «географическій поясъ», гдѣ явленія, описываемыя въ примѣчаніяхъ къ арабскимъ сказкамъ, распространены. Поясъ этотъ идетъ по обоимъ берегамъ Средиземнаго моря, проходитъ черезъ Азію и т. д. Но, главнымъ образомъ, мнѣ кажется, появленіе своеобразныхъ диссертацій обусловливалось другой причиной. Въ силу ея же Байронъ включилъ въ свою поэму «Донъ Жуанъ» такія сцены, какія описаны въ первой пѣснѣ (CXLIII и дальше) или въ шестой (строфы XLIV и дальше). То былъ сознательный вызовъ, брошенный въ лицо лицемѣрному обществу, которое Бертонъ ненавидѣлъ еще съ дѣтства. Въ странахъ, гдѣ гонятъ мысли, тамъ вызовомъ является въ подобныхъ случаяхъ смѣлая до парадоксальности идея. Антитезой подавленности личности является прославленіе *я* и заявленіе, что оно должно руководиться только собственными законами и понятіями о нравственности. Въ Англіи, гдѣ мысль свободна и гдѣ культъ личности былъ всегда силенъ,—самая парадоксальная идея не можетъ произвести эффектъ перчатки, брошенной всему обществу. Во самомъ дѣлѣ, въ области философіи Юмъ, Локкъ, затѣмъ скептики начала XVIII вѣка

пріучили англичанъ къ рѣзкой критикѣ вопросовъ, къ которымъ на континентѣ подошли гораздо позднѣе. Въ области политики еще въ XVII вѣкѣ появилась такая брошюра, какъ «Killing no Murder». Такимъ образомъ, эксцентричная защита революціонныхъ эксцессовъ, которыми пользуются въ Парижѣ «pour épater les bourgeois», въ Англіи не произвела бы никакого впечатлѣнія. Самые благонамѣренные классы спокойно говорятъ о радикальныхъ реформахъ соціальнаго строя, потому что «самое страшное» сказано уже очень давно, еще въ XVII вѣкѣ.

Есть только одна область, которой въ Англіи литература не касается или, точнѣе, подходитъ къ ней съ готовымъ шаблономъ. Объ этомъ мнѣ приходилось писать уже много разъ. Вопросъ, который свободно обсуждался въ Россіи послѣ шестидесятыхъ годовъ въ самыя мрачныя времена цензуры, составляетъ для англійскихъ авторовъ заповѣдный кругъ. Точно такимъ же образомъ англичане свободно обсуждаютъ политическіе, соціальные и религіозные вопросы, къ которымъ мы, русскіе, даже теперь, при «свободѣ печати», можемъ подходить только, имѣя постоянно въ виду «тюремныя мѣста». Шаблонъ въ вопросахъ извѣстной категоріи установленъ въ Англіи не требованіями цензуры, которой не существуетъ, а «гипереміей нравственности», точнѣе, лицемѣріемъ значительной части населенія, носящей коллективное названіе Mrs Grundy. И вотъ въ Англіи мы видимъ произведенія, разсчитанныя спеціально «pour épater madame Grundy». Авторы «нарочно» касаются вопросовъ, приводящихъ эту даму въ ярость. Къ такимъ писателямъ относится, между прочимъ, остроумный Бернардъ Шоу. «Смѣлость» драмъ его можетъ быть оцѣнена только человѣкомъ, знающимъ англійскіе нравы.

Бертонъ желалъ бросить вызовъ Mrs Grundy. Уже одно появленіе полнаго, откровеннаго перевода арабскихъ сказокъ могло привести въ бѣшенство эту даму; но Бертонъ прибавилъ еще свои «примѣчанія», матеріалъ для которыхъ сталъ собирать еще въ своей глуши въ Индіи.

Бертонъ изучалъ туземные языки. Страсть къ новымъ діалектамъ увлекала его далеко. Онъ изслѣдовалъ маленькій народъ, стоящій на послѣдней ступени развитія и являющійся обломкомъ какого-то племени до-историческихъ временъ Языкъ этого народа совершенно примитивенъ, и вотъ Бертонъ вздумалъ узнать, насколько близокъ онъ къ звукамъ, издаваемымъ четверорукими. Съ этой цѣлью Бертонъ пріобрѣлъ около сорока индійскихъ обезьянъ и около трехъ мѣсяцевъ изучалъ ихъ крикъ. Онъ до такой степени усвоилъ хорошо ихъ «акцентъ», что могъ записать цѣлый рядъ звуковъ, всего около сорока. Такимъ образомъ, Бертонъ составилъ единственный въ своемъ родѣ «словарь».

Внимательное изученіе арабскаго языка подало Бертону мысль посѣтить Мекку, гдѣ до него были только итальянецъ Бартема въ

XVI вѣкѣ, Бадіалебіа въ 1807 г., Зестценъ въ 1809 г., Бургардтъ въ 1811 г. и Рошъ въ 1842 г. Никому изъ нихъ не удалось осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ священный городъ магометанъ. Для путешествія необходимо было, конечно, превратиться въ араба. Переодѣваніе въ туземное платье всегда представляло для Бертона величайшее наслажденіе. Впослѣдствіи онъ путешествовалъ то какъ арабскій купецъ, то какъ шейкъ, то какъ докторъ-персіянинъ. Чтобы выполнить планъ задуманнаго путешествія въ Мекку, Бертонъ принялся за изученіе Корана и достигъ въ этомъ отношеніи совершенства. Въ 1853 г. всѣ приготовленія были сдѣланы. Бертонъ находилъ, что онъ слишкомъ «засидѣлся» на одномъ мѣстѣ, въ Индіи. Ему необходимо было двигаться; опасности путешествія только усиливали въ глазахъ Бертона прелесть предпріятія. Ричардъ Бертонъ изсчезъ. Вмѣсто него явился благочестивый купецъ магометанинъ мирза Абдула изъ Бушира, отправляющійся въ Аравію, чтобы помолиться гробу пророка и чтобы попутно сбыть свои товары. Въ Каирѣ мирза Абдула внушалъ другимъ магометанамъ уваженіе своимъ знаніемъ Корана и строгимъ исполненіемъ всѣхъ религіозныхъ предписаній. Ричардъ Бертонъ вошелъ въ роль. Свободный мыслитель свершалъ все предписываемое Магометомъ, не за страхъ, и за совѣсть. Онъ строго постился днемъ во все время Рамазана, и, когда караванъ паломниковъ тронулся изъ Каира, Бертонъ извѣстенъ былъ среди своихъ товарищей, какъ «хакимъ» (ученый докторъ) и какъ «хаджи» т. е. святой. Въ Суэцѣ Бертонъ познакомился съ другими паломниками, между прочимъ съ негромъ Сахадомъ, по прозванію Шайтанъ, съ которымъ вступилъ въ большую дружбу. Описаніе путешествія, сдѣланное Бертономъ, напоминаетъ эпизодъ изъ арабской сказки: до такой степени вся обстановка необыкновенна *). Во время пути «мирза Абдула» снабжалъ своихъ попутчиковъ деньгами; не для того, конечно, чтобы получать проценты, а чтобы прощать именемъ пророка эти проценты въ срокъ платежа. Такимъ образомъ, репутація Бертона или «Отца усовъ», какъ прозвали его арабы за густую растительность на лицѣ, еще больше поднялась

Въ іюлѣ 1853 г. караванъ достигъ Суэца, гдѣ паломники, отправляющіеся въ Медину, садятся на корабль. *Самбукъ*, или фелюга, на которой переѣзжали богомольцы, была разсчитана только на шестьдесятъ человѣкъ, но набилось сто. Во время плаванья на кораблѣ произошелъ мятежъ. Паломники изъ Маграба, т. е. изъ Марокко, напали на товарищей Бертона, и ему представилась, такимъ образомъ, возможность подраться, что въ его глазахъ имѣло всегда необыкновенную прелесть. Товарищи Бертона укрѣпились на рубкѣ и отбивали нападеніе длинными дубинами. Нападающіе

---

*) *Richard F. Burton*, „Personal Narrative of a Pilgrimage to El Medina and Mecca“ (Memorial Edition).

шли на приступъ, вооруженные кинжалами. Воюющіе обмѣнивались боевыми восклицаніями и бранью.

— Собаки и дѣти собакъ!—Ступайте сюда. Мы покажемъ вамъ ближайшую дорогу въ адъ,—кричали стоящіе на рубкѣ.

— Я—Омаръ изъ Дагестана!

— Я—Абдула сынъ Юсуфа!

— Я—Сахадъ, по прозвищу Шайтанъ!

— Аллого Акбаръ!—вопили марокканцы.

Они почти уже захватили лѣстницу, ведущую на рубку; но тутъ «мирза Абдула» покатилъ на нихъ громадную каменную корчагу съ водой, стоявшую у мачты. Потокъ холодной воды и тяжелыя раны остановили нападающихъ. Они отступили на носъ фелюги и оттуда прислали на рубку парламентеровъ, съ предложеніемъ мира. Послѣ двѣнадцати-дневнаго плаванья на фелюгѣ, паломники прибыли въ Ямбу, откуда они отправились черезъ пустыню въ Медину. Во время пути, утомительнаго, какъ вслѣдствіе жары, такъ и безпрерывнаго нападенія бедуиновъ, «Отецъ усовъ» развлекалъ своихъ попутчиковъ или разсказами изъ «Тысячи и одной ночи», или арабскими пѣснями. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Мединѣ, караванъ тронулся въ Мекку. Въ своей книгѣ Бертонъ передаетъ съ большой силой первое впечатлѣніе паломниковъ, завидѣвшихъ вдали священный городъ. Восклицанія восторга перемѣшивались съ рыданіями. «Мирза Абдула» вошелъ въ роль благочестиваго мусульманина и описываетъ святыни Мекки съ обстоятельностью настоящаго паломника. «Наконецъ, я видѣлъ предъ собою мѣсто, о которомъ мечталъ всю жизнь, священную Каабу, гдѣ Алла внемлетъ всѣмъ молитвамъ! Онъ возсѣдаетъ на небѣ какъ разъ надъ Каабой и самъ ведетъ записи въ книгѣ живота!»

Какъ простодушный паломникъ въ Іерусалимѣ обходитъ всѣ тѣ мѣста, которыя легенда связываетъ съ тѣмъ или другимъ эпизодомъ священнаго писанія и умиляется по указанію монаха предъ камнемъ, старымъ пнемъ или ямой, такъ свободный мыслитель и благочестивый мусульманинъ не позабылъ посѣтить священный ключъ Земъ-Земъ, указанный Богомъ Агари, Макамъ Ибрагимъ, т. е мѣсто, гдѣ молился Авраамъ, и, конечно, «черный камень». Тысячи паломниковъ тѣснятся, чтобы поцѣловать его, и между представителями различныхъ сектъ происходятъ тутъ такія же ссоры, перебранка и драка, какъ между послѣдователями различныхъ церквей въ Іерусалимѣ у гроба Господня. Бертону и спутникамъ его пришлось кулаками прокладывать дорогу къ черному камню. Нетерпѣливые паломники, горящіе желаніемъ приложиться скорѣе къ нему, торопятъ счастливцевъ, добравшихся до святыни, и ругаютъ ихъ «свиньями и дѣтьми свиней», если они нѣсколько дольше простоятъ у камня.

Осмотрѣвъ «пятьдесятъ пять чудесъ Мекки», смѣлый путешественникъ отправился со своимъ караваномъ въ Джидду, гдѣ на-

шелъ англійскій корабль. На бортѣ его мирза Абдула, онъ же «Отецъ усовъ», исчезъ. Вмѣсто него появился опять англійскій джэнтельмэнъ Ричардъ Фрэнсисъ Бертонъ. До безумія смѣлое путешествіе было кончено. Отчетъ о немъ сдѣлалъ Бертона героемъ дня. Результатомъ путешествія явился также трудъ «El Islam», представляющій исторію магометанства. Работа задумана широко, но не кончена. Въ такомъ фрагментарномъ видѣ она появилась уже послѣ смерти Бертона. Книга начинается исторіей развитія христіанства. Въ этомъ отношеніи Бертонъ слѣдуетъ за Ренаномъ. Дальше авторъ останавливается на св. Павлѣ, который, по выраженію Бертона, «смѣлой рукой порвалъ связь между іудаизмомъ и христіанствомъ, далъ великой семьѣ народовъ церковь съ Божествомъ во главѣ и религію, состоящую по преимуществу изъ правилъ жизни». Св. Павелъ не тронулъ удивительнаго кодекса морали, оставленнаго Христомъ. Послѣ смерти св. Павла христіанство, по мнѣнію Бертона, мало по малу переходитъ въ идолопоклонство. Предѣлъ (the acme of stupidity, по выраженію автора) былъ достигнутъ столпниками, учившими, что у людей не можетъ быть болѣе благородныхъ стремленій, какъ забраться на всю жизнь на вершу каменной колонны. И вотъ когда отъ ученія остался только бездушный обрядъ, когда оно совершенно оторвалось отъ жизни, явился Магометъ.

V.

И теперь еще, когда на земномъ шарѣ почти нѣтъ уже неизвѣстныхъ мѣстъ, когда въ тѣ области, куда тридцать лѣтъ тому назадъ Стэнли достигалъ съ невѣроятными трудностями и опасностями для жизни, можно добраться въ удобномъ спальномъ вагонѣ,—и теперь еще часть Африканскаго материка, омываемая Аденскимъ заливомъ и Индѣйскимъ океаномъ, мало изслѣдована. И это несмотря на то, что описываемая часть материка принадлежитъ теперь Англіи и Италіи. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ территорія эта была совершенно неизвѣстна. Ходили только легенды про жестокость мѣстныхъ правителей. И вотъ, въ концѣ 1854 г., непосредственно послѣ возвращенія изъ Мекки, Бертонъ выработалъ планъ экспедиціи въ Харраръ черезъ Зеилу. На этотъ разъ у Бертона были товарищи: Спикъ, Хернъ и Стройэнъ, имена которыхъ связаны съ изслѣдованіемъ чернаго континента. Спикъ впослѣдствіи первый достигъ до источниковъ Нила и разрѣшилъ, такимъ образомъ, задачу, занимавшую еще древнихъ египтянъ. Опытные и знающіе люди называли планъ Бертона безуміемъ и всячески отговаривали его. Въ октябрѣ 1854 г. Бертонъ переправился изъ Зеилы въ Аденъ. Путешествіе это подробно описано имъ въ книгѣ «First Footsteps in East Africa». Въ ней на первыхъ же страницахъ мы находимъ одну изъ тѣхъ вы-

ходокъ, которыя Бертонъ любилъ дѣлать, чтобы привести въ ярость mrs Grundy. Это—защита полигаміи. Путешественникъ описываетъ Зеилу, «страну поэтовъ, воспѣвающихъ женщинъ, формы которыхъ пухнуть, какъ разваривающійся рисъ». Онъ доказываетъ, что многоженство должно было появиться въ такой странѣ, какъ Сомали, «гдѣ дѣти представляютъ единственное богатство». «Между высоко культурными націями, гдѣ положеніе половъ почти равно, многоженство представляется *менье необходимымъ*,—продолжаетъ Бертонъ и тутъ же выражаетъ пожеланіе, чтобы обычай полигаміи принялся и въ Англіи. Человѣкъ, по мнѣнію Бертона, по природѣ своей полигамическое животное. Авторъ выкапываетъ какой то трактатъ XVIII вѣка Thelyphthora, написанный священникомъ Мартыномъ Мэдэномъ, въ которомъ доказывается, что полигамія избавила бы человѣчество отъ многихъ бѣдствій. Доводы Бертона не умны, остроуміе его, когда онъ говоритъ о старыхъ дѣвушкахъ и полигаміи, очень сомнительно. И въ данномъ случаѣ негодованіе mrs Grundy было вполнѣ законно.

Населеніе Зеилы убѣждало Бертона отказаться отъ намѣренія посѣтить Харраръ. Оно говорило, что если путешественникъ даже избѣгнетъ разбойниковъ въ пустынѣ,—онъ попадетъ въ руки коварнаго эмира харрарскаго. Но Бертона опасное и неизвѣстное привлекало. Кромѣ того, онъ слѣпо вѣрилъ въ таинственную силу сафироваго талисмана, вывезеннаго имъ изъ Мекки. Послѣ утомительнаго путешествія по пескамъ, Бертонъ достигъ, наконецъ, Харрара и былъ принятъ съ большимъ почетомъ эмиромъ. Изъ Харрара путешественникъ возвратился къ морю черезъ горный хребетъ, гдѣ прежде европейцы не были еще. Нападеніе туземцевъ Бертону пришлось выдержать у берега моря. Лагерь былъ атакованъ отрядомъ 300 арабовъ. Сорокъ цвѣтнокожихъ спутниковъ Бертона убѣжали, оставивъ четырехъ европейцевъ на произволъ судьбы. Стройэнъ былъ убитъ въ началѣ стычки. Остальные — отстрѣливались, укрѣпившись въ лагерѣ. Наконецъ, держаться въ немъ было уже не возможно, и три европейца, унося съ собой тѣло товарища, стали отступать къ берегу, къ лодкѣ. Въ это время одинъ изъ нападавшихъ бросилъ въ Бертона дротикъ, прокололъ обѣ щеки и выбилъ четыре зуба. Спикъ получилъ одиннадцать ранъ. Путешественникамъ, однако, удалось сѣсть въ лодку; потомъ ихъ подобрало военное англійское судно. Во время плаванья изъ Адена въ Бомбей пасссажиры наивно справлялись у путешественника, «онъ ли тотъ самый капитанъ Бертонъ, съ котораго, по слухамъ, эмиръ харрарскій содралъ кожу».

Какъ только Бертонъ возвратился въ свой полкъ, онъ узналъ про войну съ Россіей и немедленно подалъ прошеніе объ отправкѣ въ Крымъ. Въ то время Суэцкаго канала еще не было; пароходы, главнымъ образомъ, обслуживали берега. Корабли тогда шли изъ Индіи въ Европу кругомъ мыса Доброй Надежды. Вмѣсто 15—17

дней, какъ теперь, путь изъ Бомбея въ Лондонъ продолжался 4—5 мѣсяцевъ. Вотъ почему Бертонъ прибылъ въ Крымъ къ самому концу войны. Севастополь доживалъ послѣдніе дни. Мужественные защитники его расплачивались за безумную, жестокую систему, задушившую все свѣжее и молодое въ Россіи. Бертонъ былъ прикомандированъ къ штабу генерала Битсона, но это его мало привлекало. У молодого офицера были широкіе планы разбить русскихъ на Кавказѣ и снять осаду съ Карса.

Планы эти не были приняты; послѣ взятія Карса начались переговоры, и союзники заключили миръ съ Россіей. Мечты Бертона прославиться, какъ новый Веллингтонъ или Мальборо—не осуществились. Бертона опять потянули неизвѣстные края. Со временъ Птоломея путешественники разныхъ странъ мечтали о томъ, чтобы «сорвать покровы Изиды» т. е. о томъ, чтобы найти источники Нила. Въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ дѣлался цѣлый рядъ попытокъ, кончавшихся ничѣмъ. И вотъ Бертонъ выработалъ планъ путешествія къ берегамъ неизвѣстнаго тогда озера Танганайка, такъ какъ полагалъ, что изъ него изливается Нилъ.

VI.

Въ концѣ іюня 1857 г. Бертонъ тронулся изъ Занзибара въ глубь Африки. Кромѣ рекомендательныхъ писемъ отъ занзибарскаго султана, путешественникъ имѣлъ при себѣ дипломъ, который Шейкъ-Эль-Исламъ въ Меккѣ выдалъ «мирзѣ Абдулѣ», а затѣмъ рядъ талисмановъ: сафировую звѣзду и мѣшечекъ съ конскими каштанами Послѣдніе Бертонъ считалъ очень хорошимъ средствомъ отъ дурного глаза и болѣзней. Кромѣ Бертона, въ экспедиціи былъ еще другой англичанинъ — Спикъ. Въ своемъ описаніи путешествія Бертонъ говоритъ: «Цѣлью моею было—опредѣлить границы Танганайки, изучить племена на берегахъ его и выяснить, какіе продукты можно вывозить изъ страны.» Ему казалось, что ручьи, вытекающіе изъ озера, составляютъ источники Нила, и, такимъ образомъ, онъ былъ увѣренъ, что ему будетъ принадлежать честь «снятія покрова съ Изиды». Отрядъ путешественниковъ состоялъ изъ четырнадцати негровъ носильщиковъ. Какъ многіе путешественники, Бертонъ впалъ въ одну ошибку. Онъ считалъ, что лучшее средство въ пути это — безпощадная дисциплина, не останавливающаяся ни предъ какою жестокостью. Какъ и предшественники его буканиры, — Бертонъ дешево цѣнилъ человѣческую жизнь, въ особенности же негра. Въ результатѣ получалось слѣдующее. Въ то время, какъ путешественники XVIII вѣка, какъ Мунго Паркъ, проникавшіе въ самую глубь чернаго континента безъ вооруженнаго отряда, вступали въ дружескія сношенія съ туземцами,—путешественники

XIX вѣка, являвшіеся полководцами сильныхъ отрядовъ, постоянно воевали. Бертонъ, Стэнли, Камеронъ и др. намѣтили путь для тѣхъ, которые расхитили черный континентъ. Вмѣстѣ съ этимъ, ими началась въ Африкѣ эра безпощаднаго грабежа и истребленія туземцевъ, которая можетъ повести только къ одному: къ поголовному возстанію черныхъ противъ бѣлыхъ. Путешественники - іезуиты, проникавшіе въ Африку, въ Китай и Японію въ XVI вѣкѣ, одни, безъ всякаго конвоя, въ сущности, дали намъ самыя драгоцѣнныя и наиболѣе точныя свѣдѣнія.

У Бертона, какъ у Стэнли, вышли большія недоразумѣнія съ носильщиками, какъ только отрядъ углубился въ тропическій лѣсъ. Потомъ негры задумали убить Бертона. Два проводника, шедшіе рядомъ съ нимъ, сговаривались, кому нанести первый ударъ. Бертонъ понималъ ихъ языкъ и, не колеблясь, застрѣлилъ проводниковъ. Остальные негры рѣшили выполнить планъ. Они обсуждали проектъ у костра; когда они ушли въ лѣсъ, чтобы набрать дровъ, Бертонъ сунулъ подъ неразгорѣвшіяся еще дрова жестянку съ порохомъ. Потомъ негры явились, навалили новыхъ дровъ и развели большой огонь. Послѣдовалъ страшный взрывъ, и всѣ заговорщики были убиты. У Бертона и Спика осталось только четыре носильщика. Съ ними путешественники подвигались на Западъ, несмотря на тропическія болота и на другія трудности. Сперва заболѣлъ болотной лихорадкой Бертонъ, а потомъ Спикъ, который почти ослѣпъ отъ болѣзни. Съ каждымъ днемъ Бертону становилось хуже и хуже; онъ бредилъ и видѣлъ въ бреду улицы Флоренціи и Тура. Въ промежуткѣ между двумя пароксизмами Бертонъ писалъ:

„I hear the sounds I used to hear,
The laugh of joy, the groan of pain,
The sounds of childhood sound again.
Death must be near“ *).

Въ такомъ подавленномъ настроеніи находился Бертонъ, когда въ февралѣ 1857 г., черезъ семь мѣсяцевъ пути, арабъ проводникъ крикнулъ, что видно озеро. Цѣль утомительнаго путешествія была достигнута. Подобно солдатамъ, о которыхъ разсказываетъ Тацитъ. что послѣ побѣды они забывали всѣ трудности похода,— Бертонъ при видѣ Танганайки забылъ про болѣзнь. Къ тому же болота кончились, и въ горной мѣстности лихорадка исчезла. Въ настоящій моментъ до Танганайки можно добраться отъ Момбаза (берегъ Индѣйскаго океана) по желѣзной дорогѣ въ 2 — 3 дня, а черезъ годъ туда дойдетъ и вторая желѣзная дорога, которую проводятъ съ юга, отъ Капштадта.

Спикъ отъ Танганайки отправился къ берегамъ другого громад-

*) Т. е. „Слышу снова звуки, которымъ внималъ когда-то: радостный смѣхъ, болѣзненный стонъ; все, слышанное въ дѣтствѣ, возникаетъ снова. Смерть должно быть близка“.

наго внутренняго озера, извѣстнаго теперь на картахъ, какъ Викторія Ніанца. По различнымъ соображеніямъ, Бертонъ не послѣдовалъ за своимъ товарищемъ такъ какъ считалъ цѣль путешествія достигнутой. Онъ былъ убѣжденъ теперь, что открылъ источники Нила. Спикъ одинъ достигъ до озера Викторія Ніанца. Здѣсь разспросы убѣдили его, что великая рѣка, во всякомъ случаѣ, частью вытекаетъ изъ этого озера. Съ этой вѣстью Спикъ возвратился къ Бертону. Экспедиція тронулась въ обратный путь; но между прежними друзьями теперь началась глухая вражда, перешедшая затѣмъ въ открытую ссору. Бертонъ не могъ простить товарищу, что тотъ открылъ источники Нила, и изъ упрямства доказывалъ, что Спикъ ошибается. Великая рѣка вытекаетъ не изъ Викторіи Ніанца, а изъ Танганайки.

Спикъ возвратился въ Англію раньше Бертона и, такимъ образомъ, получилъ большую долю лавровъ. Какъ человѣкъ крайне честолюбивый, Бертонъ и этого не могъ простить не только своему товарищу, но и всей Англіи. Когда онъ возвратился въ Англію, то первымъ дѣломъ написалъ сердитую и злобную брошюру противъ Спика, въ которой онъ утверждалъ, что тотъ безъ всякаго основанія считаетъ изслѣдованное имъ озеро источникомъ Нила. Въ лондонскомъ географическомъ обществѣ назначенъ былъ публичный диспутъ между Бертономъ и Спикомъ для выясненія, какое озеро нужно считать верховьемъ Нила. Бертонъ явился на диспутъ, вооруженный картами и замѣтками; но Спика не было. Тутъ предсѣдателю подали телеграмму съ извѣстіемъ, что Спикъ скончался въ каретѣ по пути въ географическое общество отъ удара. Бертонъ потомъ утверждалъ, что причиной смерти Спика былъ страхъ предъ диспутомъ, который доказалъ бы нелѣпость предположенія, что Нилъ вытекаетъ изъ озера Викторія Ніанца.

Путешественникъ со своей обычной стремительностью отправился лѣчить свое оскорбленное самолюбіе на берега Большого Соленаго озера, къ мормонамъ, которые тогда только что основались въ своей обѣтованной странѣ. Тогда желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ теперь два океана, еще не было. Чтобы добраться до береговъ Соленаго озера, необходимо было пересѣчь прерію или съ караваномъ, или въ почтовомъ дилижансѣ. Къ удивленію своему Бертонъ нашелъ, что въ самое короткое время мормоны успѣли уже хорошо устроиться на мѣстѣ, гдѣ недавно еще была пустыня. На берегахъ озера выстроенъ былъ красивый городъ, утопавшій въ садахъ. По откосамъ всюду виднѣлись нивы. Населеніе казалось счастливымъ. Бертона, впрочемъ, культурная жизнь и мирныя завоеванія природы мало интересовали. Онъ не сочувствовалъ мысли, заключенной Шиллеромъ въ «Элевзинскомъ праздникѣ»:

„Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,

Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ на вѣкъ."

Красоту онъ находилъ именно въ томъ, отъ чего Церера пришла въ такой ужасъ *). Какъ этнографа, Бертона интересовало только эксцентричное, въ особенности исключительныя, необычныя отношенія. Онъ предпринялъ далекое путешествіе черезъ океанъ и прерію совсѣмъ не для того, чтобы видѣть побѣду людей надъ суровой природой. Бертона занимала только полигамія мормоновъ, а не ихъ нивы и городъ. Отстоявъ службу въ «скиніи» мормоновъ, Бертонъ представился Брайаму Янгу, который тогда былъ въ цвѣтѣ силъ. По виду, однако, нельзя было угадать въ немъ вождя съ сильной волей и смѣлой иниціативой. Человѣкъ, который доставилъ «святыхъ послѣднихъ дней» черезъ великую прерію и основалъ цвѣтущую колонію въ пустынѣ, напоминалъ по наружности «скромнаго фермера». Брайамъ Янгъ сильно интересовался путешествіемъ къ берегамъ Танганайки; чтобы занять гостя, онъ подробно объяснялъ ему, какъ основалась колонія и какія трудности пришлось преодолѣть. Но Бертонъ à brûle-pourpoint попросилъ быть принятымъ въ общество мормоновъ.

— Вы, капитанъ, вѣроятно, не разъ уже дѣлали подобныя предложенія раньше при другихъ обстоятельствахъ! — лукаво отвѣтилъ вождь мормоновъ съ лукавымъ подмигиваніемъ. Брайамъ Янгъ слыхалъ, вѣроятно, про то, какъ Бертонъ разъ пять уже изъ любознательности мѣнялъ различныя вѣры. Капитану такъ и не удалось жениться на берегу Соленаго Озера по всѣмъ обрядамъ мормонской вѣры. Въ своей книгѣ «The City of the Saints» (Городъ Святыхъ), по своему обыкновенію, выдвигаетъ на первый планъ только эксцентричное. Онъ обходитъ почти молчаніемъ чудо человѣческаго духа, т. е. то, какимъ образомъ люди, вдохновленные идеей, хотя и нелѣпой, создали высоко-культурный центръ въ пустынѣ. За то Бертонъ подробно распространяется о многоженствѣ и даетъ о немъ цѣлую диссертацію, въ которой доказываетъ, что полигамія совпадаетъ вполнѣ съ требованіями религіозными, физіологическими и соціальными. О самой странѣ Бертонъ имѣетъ только сказать, что она поразительно напоминаетъ Палестину: горы Уасачъ соотвѣтствуетъ Ливану; съ нихъ стекаетъ рѣка, которая, какъ Іорданъ, впадаетъ въ Соленое озеро, и т. д.

Изъ города Святыхъ Бертонъ отправился въ С.-Франциско (тогда эту часть пути дѣлали тоже на лошадяхъ), а оттуда на кораблѣ кругомъ мыса Горна возвратился въ Англію. Здѣсь съ такою же стремительностью, съ которою дѣлалъ все, онъ женился.

*) „Кончивъ бой, они, какъ тигры, изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ, и ее на звѣрски игры и на страшный пиръ зовутъ..."

VII.

Жена Бертона составляла любопытный контрастъ съ нимъ самимъ. Эти два характера составляли такое же курьезное сочетаніе, какъ Донъ-Кихотъ съ Санчо Пансо. Лэди Бертонъ была ревностная, пламенная католичка, носившая во всѣхъ странствованіяхъ, которыя дѣлала вмѣстѣ съ мужемъ, всегда при себѣ бутылку со святой водой, чтобы окрестить какого-нибудь язычника. Наиболѣе характерной чертой лэди Бертонъ послѣ стремленія крестить была, по словамъ біографа, страсть говорить и писать о предметахъ, о которыхъ она не имѣла никакого представленія. Себя она любила называть «старомодной англійской католичкой», любила молиться съ церемоніями и терпѣть не могла, когда кто-нибудь дѣлалъ какія-нибудь отступленія отъ формы. Однажды въ Тріестѣ, гдѣ мужъ ея много лѣтъ состоялъ консуломъ, она позвала новаго священника, чтобы отслужить молебенъ въ ея домовой часовнѣ. Лэди Бертонъ послушала часть службы, затѣмъ крикнула священнику:

— Остановитесь. Извините, я — старомодная англійская католичка и потому очень требовательна. Вы не такъ кладете поклоны. Постойте, я вамъ покажу, какъ нужно дѣлать.

Она властно отодвинула молоденькаго, худенькаго попика (лэди Бертонъ была дама громаднаго роста и очень толстая), стала предъ алтаремъ и начала показывать, какъ нужно класть настоящіе «старомодные» поклоны, какъ становиться на колѣни, благочестиво поднимать руки и пр.

Эта страсть къ обрядовой религіи проявилась въ особенности послѣ смерти Ричарда Бертона. Жена его не только заказала 1.100 муссъ, но четыре раза хоронила его со всѣми церемоніями: дважды въ Австріи и дважды потомъ въ Англіи. Чтобы имѣть возможность хоронить мужа по пышному обряду католической вѣры, лэди Бертонъ присоединила уже мертваго путешественника къ лону апостольской церкви. Я говорилъ уже про ту цензуру, чрезъ которую лэди Бертонъ потомъ пропустила всѣ рукописи своего мужа. Она сожгла не только готовые переводы съ арабскаго, но также всѣ дневники одного изъ наиболѣе оригинальныхъ людей XIX вѣка. Она оставила совершенно ничтожные документы, которые торжественно цитируетъ in extenso въ біографіи мужа, которую написала. Лэди Бертонъ лѣчила все молитвой. Какъ-то въ присутствіи этой дамы, извѣстный знатокъ востока Пэйнъ, жаловался на то, что заработался и не можетъ спать больше.

— Я знаю хорошее лѣкарство!—сказала Бертонъ.

— Пожалуйста, скажите.

— Прочтите на ночь сто разъ «Отче нашъ».

Такова была лэди Бертонъ, съ которой капризъ судьбы соединилъ эксцентричнаго путешественника на всю жизнь. Въ «Мизантропѣ» Эліанта говоритъ, что люди, когда любятъ, превращаютъ недостатки другого въ достоинства:

„On voit les amants vanter toujours leur choix...
Ils comptes les défauts pour des perfections,
Et savent y donner de favorables noms...
La fourbe a de l'esprit; la sotte est toute bonne;
La trop grande parleuse est d'agréable humeur" *).

То же самое можно сказать о Бертонѣ. Онъ находилъ даже что его жена, помимо всѣхъ достоинствъ, надѣлена еще недюжиннымъ литературнымъ талантомъ. Въ результатѣ мы имѣемъ болѣе дюжины идеально бездарныхъ книгъ, большею частью. описаній путешествій. Въ исторіи литературы трудно найти что-нибудь болѣе претенціозное и въ то же время столь невѣроятно глупое. На книги лэди Бертонъ падалъ всетаки лучъ славы ея мужа, и ихъ покупали, покуда путешественникъ былъ живъ.

И послѣ женитьбы Бертонъ такъ же неожиданно снимался съ мѣста и уѣзжалъ куда-нибудь въ далекіе края. Онъ не могъ жить безъ странствованій, безъ эксцентричной обстановки, требующей безпрерывнаго напряженія нервовъ. Такимъ образомъ, Бертонъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ очутился въ глубинѣ Дагомеи. Теперь—это большая дорога, гдѣ сталкиваются четыре государства, въ погонѣ за колоніями. Въ то время Дагомея была совершенно неизвѣстна и окружена кровавыми легендами. Когда Бертонъ прибылъ туда, король принялъ его съ большой торжественностью и въ честь его велѣлъ казнить десятки плѣнниковъ, взятыхъ во время войны. Насъ поражаетъ то спокойствіе, съ которымъ Бертонъ описываетъ страшное кровопролитіе *). Можно подумать, что онъ присутствуетъ при какой-нибудь любопытной и совершенно безобидной процессіи. Люди удивительно быстро привыкаютъ смотрѣть на убійства, какъ на нѣчто нормальное и обычное. Періодъ культурной жизни человѣка, во время котораго выдвинутъ девизъ: homo homini Deus est, ничтоженъ въ сравненіи съ тысячелѣтіями, когда люди знали только одно правило: homo homini lupus est. Къ великому несчастью, принципы, воспринятые человѣкомъ въ періодъ культурной жизни, удивительно

---

*) Влюбленные хвалятъ всегда своихъ избранныхъ. Они считаютъ недостатки за достоинства и умѣютъ давать имъ благозвучныя имена. О плутоватой возлюбленный говоритъ, что она умна; если дама глупа, говорятъ о ея добротѣ; если болтушка, то восхищаются ея жизнерадостностью".

(Le Misantrope, Acte II, Scène V).

**) „Wanderings in West Africa", vol. 2, p. 91 и дальше.

быстро испаряются при первомъ подходящемъ случаѣ. Доказательство у насъ, у русскихъ, у всѣхъ предъ глазами.

Бертонъ такъ описываетъ «церемоніалъ» пріема, устроеннаго дагомейскимъ королемъ Джелеле. «По дорогѣ во дворецъ, по обѣимъ сторонамъ, въ высокихъ креслахъ сидѣли только что казненные трупы въ красныхъ рубашкахъ. Прямо предъ дворцомъ возвышался двухъ-этажный эшафотъ съ висѣлицами въ сорокъ футовъ въ вышину. Дальше виднѣлась еще висѣлица, пониже футовъ на десять. На ней качались шесть человѣкъ, повѣшенные за ноги, головами внизъ. Люди эти были совершенно голы и надъ ними кружились коршуны». Несмотря на весь этотъ «церемоніалъ», Бертонъ описываетъ короля, какъ своего рода африканскаго феникса по уму и государственнымъ способностямъ. Въ географическомъ обществѣ, гдѣ Бертонъ прочиталъ докладъ, когда возвратился изъ Дагомеи, историкъ Фроудъ спросилъ его, почему король, если онъ дѣйствительно такъ талантливъ и великодушенъ, какъ описываетъ путешественникъ, не уничтожитъ «церемоніаловъ?»

— Измѣнить церемоніалы!—воскликнулъ Бертонъ.—А вы хотѣли бы, чтобы архіепископъ кэнтерберійскій перемѣнилъ литургію?—Бертонъ принялся потомъ доказывать, что, въ сущности говоря, нравы въ Дагомеѣ нисколько не грубѣе, чѣмъ въ Англіи. Правда, во время «церемоніала» убиты семьдесятъ человѣкъ, но за то въ томъ же году въ Англіи «отъ кренолина умерли 72» женщины. Впрочемъ, Бертонъ любилъ эксцентричныя выходки, которыя пугали m-rs Grundy. На большомъ drowing-room meeting миссіонеръ, только что возвратившійся изъ центральной Африки, привелъ разъ въ ужасъ всѣхъ гостей разсказомъ про пиръ людоѣдовъ, на которомъ присутствовалъ. Миссіонеръ живо описалъ, какъ дикари привели своего плѣнника, связали его, убили, разрубили и стали дѣлить между собою дымившееся еще мясо.

— А вамъ предложили кусокъ?—спросилъ присутствовавшій Бертонъ.

— Да; но я, конечно, съ ужасомъ отказался.

— Глупо! Вы потеряли случай, который никогда не повторится, узнать, каково на вкусъ человѣческое мясо!

Послѣ поѣздки въ Дагомею, Бертонъ очутился въ глубинѣ Бразиліи, затѣмъ—консуломъ въ Фернандо-По (въ Африкѣ), потомъ—консуломъ же въ Дамаскѣ. Послѣдній постъ Бертонъ считалъ только слабымъ вознагражденіемъ за свои географическія изслѣдованія. Дамаскъ, впрочемъ, пришелся глубоко по душѣ какъ лэди Бертонъ, такъ и мужу ея. Первая имѣла широкую возможность крестить. Второй чувствовалъ себя великолѣпно въ Дамаскѣ, потому что любилъ Востокъ. Кромѣ того, независимый постъ соотвѣтствовалъ властной натурѣ Бертона. Онъ имѣлъ полную возможность приступить къ переводамъ арабскихъ рукопи-

сой, устроить свой домъ на восточный ладъ и для моціона ссориться съ турецкимъ генералъ-губернаторомъ. Въ Дамаскѣ въ то время жила другая родственная Бертону натура—Джейкъ Дигби эль-Мезрабъ. То была знаменитая нѣкогда красавица, жена лорда Элленборо, съ которымъ развелась потомъ. Она вышла замужъ потомъ за нѣмецкаго князя и опять развелась. Затѣмъ была еще шесть разъ замужемъ. Наконецъ, въ шестьдесятъ лѣтъ оставила Европу и переселилась въ Сирію, гдѣ вышла замужъ за шейка племени бедуиновъ. Дигби эль-Мезрабъ и въ шестьдесятъ лѣтъ была необыкновенно красива, съ внѣшностью королевы. «C'est une grande dame jusqu'au bout des doigts», писалъ о ней французскій путешественникъ, видѣвшій, какъ она доитъ верблюдицъ. Бродила она по пустынѣ, жила въ палаткѣ и возилась съ верблюдами только изъ жажды новыхъ впечатлѣній, такъ какъ была очень богата. Изъ желанія новыхъ ощущеній, великосвѣтская дама, которая въ любой моментъ могла возвратиться въ «свѣтъ», держала себя при мужѣ, «маленькомъ, невѣроятно грязномъ бедуинѣ», какъ рабыня, хотя, если бы захотѣла, могла бы приказать генералъ-губернатору отрубить голову своему шейку. Бертонъ и Дигби-эль-Мезрабъ были большіе друзья.

Въ Дамаскѣ консулъ не долго ужился по винѣ лэди Бертонъ. Она захотѣла обратить въ католичество цѣлое племя арабовъ. Генералъ-губернаторъ воспротивился, а Бертонъ вмѣшался, какъ оффиціальный представитель Англіи. Произошло дипломатическое осложненіе, кончившееся тѣмъ, что Бертона отозвали. Черезъ два года онъ, впрочемъ, былъ назначенъ консуломъ въ Тріестъ. То была, своего рода, номинальная должность, не связанная почти ни съ какими обязанностями. Бертонъ могъ уѣзжать въ экспедиціи, когда хотѣлъ и насколько хотѣлъ. Онъ имѣлъ также широкій досугъ заняться литературными работами.

VIII.

Литератуное наслѣдство, оставленное Бертономъ—громадно. Немного можно насчитать писателей, оставившихъ столько книгъ, и это при крайне подвижной жизни, при безпрестанномъ передвиженіи изъ одного полушарія въ другое. Въ литературномъ наслѣдствѣ Бертона мы видимъ поэмы, этнографическія и географическія монографіи, критическіе этюды. Бертонъ, кромѣ того, переводилъ со всѣхъ языковъ: съ португальскаго, латинскаго, итальянскаго, арабскаго, персидскаго. Все это громадное наслѣдство далеко не равноцѣнно. При грубомъ, энергичномъ и своеобразномъ стилѣ Бертонъ обладалъ въ высшей степени слабостью многословія. Нѣтъ ни одной книги его, которую, съ крайней выгодой для послѣдней, нельзя было бы сократить на три четверти. Это многословіе, пере-

ходящее зачастую въ болтливость, въ особенности удивительно въ такомъ подвижномъ, суровомъ и сильномъ человѣкѣ, какъ Бертонъ. Затѣмъ онъ имѣлъ несчастную слабость писать стихи и переводить великихъ поэтовъ, не только не имѣя никакого поэтическаго таланта, но очень плохо владѣя даже стихами. Съ 1847 г., напримѣръ, Бертонъ работалъ надъ «Лузіадой». Онъ очень любилъ Камоэнса и находилъ даже много общаго въ его и своей судьбѣ. Оба были замѣчательные путешественники. Камоэнсъ не былъ оцѣненъ современниками. Бертонъ тоже полагалъ, что Англія не воздаетъ ему по заслугамъ. И онъ совершенно не правъ, въ особенности, когда дѣло касается перевода «Лузіады». Послѣдній былъ напечатанъ, когда имя Бертона не сходило со столбцовъ газетъ. Ни одинъ издатель не принялъ бы такого перевода отъ другого лица и былъ бы совершенно правъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка у насъ вышелъ переводъ «Энеиды», сдѣланный Петровымъ. Тамъ были «стихи» въ родѣ слѣдующихъ: «Въ немъ сопреди исторженный отъ пламъ ушлецъ несетъ заблудительные стоны и отрыгиваетъ словеса, мочь, не смотря на предзнаки, въ безпечьи рѣется впередъ, чтобы умереть, а разумъ врозь растекся». Бертоновскій переводъ «Лузіады» не многимъ лучше петровскаго перевода «Энеиды».

Въ параллель къ выдержкѣ изъ «Виргилія», я могъ бы привести цитату изъ Камоэнса въ интерпретаціи Бертона:

„Not musing, dreaming, reading what they write; 'tis seeing, doing, fighting; teach to fight" *).

Россійская академія наукъ по поводу петровскаго перевода писала: «Виргилій нашелъ въ господинѣ совѣтникѣ Петровѣ страшнаго соперника, и красоты сего избраннѣйшаго римскаго стихотворца сдѣлались нашимъ стяжаніемъ посредствомъ прекраснаго преложенія; желательно, чтобы и образецъ Виргиліевъ (т. е. Гомеръ) былъ подаренъ россійскимъ письменамъ симъ выразительнымъ прелагателемъ». Бертоновскій переводъ нашелъ суровыхъ критиковъ; но было не мало авторитетныхъ цѣнителей, объявившихъ, что Англія пріобрѣла классическій переводъ «Лузіады».

То же самое можно сказать о большой оригинальной поэмѣ Бертона «Кассида Хаджи Абду эль-Іезди» (The Kasîdah of Haji Abdu El Yezdi), появившейся въ 1880 г. Она имѣетъ свою любопытную исторію. Въ англійской литературѣ есть удивительное поэтическое произведеніе, пользующееся вполнѣ заслуженной славой во всѣхъ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски. Поразительно то, что эта геніальная поэма, отличающаяся какъ необыкновенной красотой отдѣлки, такъ глубиной мысли и паѳосомъ, властно захватывающимъ читателя,—совершенно неизвѣстна у насъ въ Россіи. Я говорю о «Rubaiyat of Omar Khayyam» Эдварда Фитцъ-Джеральда.

*) Canto X, stanza 153.

Авторъ, скончавшійся въ 1883 г., до такой степени мало извѣстенъ у насъ, что такое превосходное изданіе, какъ «Энциклопедическій словарь» Брокгауза, посвящаетъ замѣчательному писателю всего лишь девять строчекъ. Эдуардъ Фитцъ-Джеральдъ представляетъ крайне любопытную и своеобразную фигуру въ англійской литературѣ. Сперва «онъ носился, какъ соколъ ловца», по всѣмъ морямъ шара, затѣмъ основался въ глубинѣ Англіи и отдалъ послѣдніе годы жизни литературной работѣ. Зная великолѣпно европейскіе и азіатскіе языки, онъ, главнымъ образомъ, переводилъ. Но выбиралъ Фитцъ-Джеральдъ только такихъ поэтовъ, которые подходили подъ его настроеніе. Онъ не только пропускалъ оригиналы сквозь призму собственнаго настроенія, но вкладывалъ свое собственное содержаніе. Такимъ образомъ, мы имѣемъ, собственно говоря, дѣло не съ переводомъ, а съ оригинальнымъ произведеніемъ. Слѣдуетъ прибавить, что Фитцъ-Джеральдъ удивительный стилистъ и умѣлъ ковать поразительные по звучности и силѣ стихи. Въ особенности все это относится къ переводамъ съ персидскаго. Въ 1856 году Фитцъ-Джеральдъ натолкнулся на персидскій манускриптъ, хранящійся въ бодлеянской библіотекѣ и содержащій четверостишія поэта-астронома и вольнодумца Омара Хайяма, жившаго въ XI вѣкѣ при дворѣ Меликшаха. Въ этихъ четверостишіяхъ поэтъ изложилъ свой взглядъ на жизнь, на смерть, на людей. Въ нихъ заключается горькая оцѣнка страстей. Рукопись поразила Фитцъ-Джеральда, и онъ занялся переводомъ персидскаго поэта. Такимъ образомъ, появился «Rubaiyat of Omar Khayyam». Произведеніе немедленно признано было классическимъ. Собственно говоря, то былъ не переводъ, а вольная передѣлка персидскаго Лукреція. Я приведу нѣсколько четверостишій, чтобы показать удивительную красоту и своеобразность персидскаго поэта.

Возьми отъ жизни все, что ты можешь, — восклицаетъ пѣвецъ жизни,—прежде, чѣмъ ты отойдешь, самъ земля, въ землю и будешь лежать подъ землей безъ вина, безъ пѣсенъ, безъ пѣвца,—и безъ конца.

„Ah, make the most of what we yet may spend,
Before we too into the Dust descend;
Dust into Dust, and under Dust to lie,
Sans Wine, sans Song, sans Singer, andsans End“.

Онъ разсказываетъ, что искалъ истину вмѣстѣ съ учеными и святыми.

Вмѣстѣ съ ними—говоритъ онъ — я сѣялъ сѣмена мудрости; моими собственными руками я работалъ, чтобы сѣмена эти возрасли. И вотъ вся жатва, которую я пожалъ: я прихожу, какъ вода, и ухожу подобно ей неизвѣстно куда.

„With them the seed of Wisdom did I sow,
And with mine own hand wrought to make it grew;

And this was all the Harvest that I reap'd—
I caml like Water, and like Watr I go".

Прихожу въ этотъ міръ какъ вода, не зная зачѣмъ, не зная откуда, и ухожу, какъ вѣтеръ въ пустынѣ, не зная куда.

„Into this Universe, and Why not Knowing
Nor Whence, like Water willy-nilly flowing:
And out of it, as Wind along the Waste,
I Know not Whither, willy-nilly blowing».

Умъ поэта протестуетъ противъ этой стѣны, отдѣляющей познаемое отъ непознаваемаго. Онъ приходитъ къ заключенію, что человѣкъ долженъ извлечь изъ жизни все, что она можетъ дать.

Явиться въ этотъ міръ, не спрашивая откуда, и исчезнуть изъ него, не спрашивая куда?

О, нужно много кубковъ запретнаго вина, чтобы утопить это въ памяти!

„What, without asking, hither hurried Whence?
And, without asking Whither hurried hence!
Oh, many a Cup of this forbidden Wine
Must drown the memory of that insolence»!

Поразительный успѣхъ перевода персидскаго нигилиста заставилъ Бертона попробовать и свои силы въ томъ же родѣ. Въ противоположность къ «Рубайяту» Омара Хайяма, Бертонъ написалъ «Касида» Хаджи Абду. Знатоки персидской литературы говорятъ, что такой поэтъ дѣйствительно существовалъ, но онъ ничего не имѣетъ общаго съ «Касида», подброшеннымъ ему Бертономъ. Поэма—оригинальное произведеніе; но «Рубайятъ», хотя, какъ говорятъ спеціалисты, далеко отступаетъ отъ оригинала, проникнуть единствомъ настроенія. «Касида» же является сборникомъ мыслей, заимствованныхъ у Конфуція, Лонгфелло, Платона, Фитцъ-Джеральда, Аристотеля, Попа и у другихъ. Иногда эти мысли втиснуты въ неуклюжіе, тяжеловѣсные, уродливые стихи. Иногда онѣ носятъ то же самое платье, что въ подлинникѣ. Ричардъ Бертонъ, во многихъ отношеніяхъ, по манерѣ пользоваться матеріаломъ, напоминалъ старшаго Александра Дюма *). Еще точнѣе, Бертонъ смотритъ на понравившую ему мысль, какъ буканиръ XVI вѣка на сокровища, находящіяся на чужомъ кораблѣ. Въ «Касида» есть оригинальныя мысли, отражающія самого Бертона. И эти стихи, несмотря на неуклюжую форму, останавливаютъ своею силою.

«Do what thy man hood bids thee do, from none but self expect applause. He noblest lives end noblest dies who makes and keeps

*) Біографъ Бертона говоритъ: „He doesn't steal the material for his brooms, he steals the brooms ready-made", т. е. „онъ не похищаетъ матеріалъ для своихъ метелъ; но беретъ метлы совсѣмъ готовыя". (The Life of sir Richard Burton, v. II. p. 21).

his self-made laws» (т. е. «Дѣлай то, что повелѣваетъ тебѣ человѣческая природа; ни отъ кого не жди одобреній. Только тотъ живетъ и умираетъ благородно, кто самъ дѣлаетъ для себя законы и держитъ ихъ»).

Какъ писатель, Бертонъ дойдетъ до потомства въ качествѣ переводчика «Тысячи и одной ночи». На эту работу его тоже натолкнуло соревнованіе, какъ мы видѣли это въ исторіи поэмы «Касида хаджи Абду». Въ ноябрѣ 1881 г. Бертонъ, который тогда жилъ въ Тріестѣ, прочиталъ въ «Атенеумѣ» замѣтку о полномъ переводѣ арабскихъ сказокъ, подготовляемомъ Джономъ Пэйномъ, извѣстнымъ поэтомъ и переводчикомъ стихотвореній Франсуа Вильона. Джонъ Пэйнъ много лѣтъ изучалъ арабскую литературу и тщательно подготовлялся къ задуманной работѣ. Бертонъ немедленно написалъ письмо въ «Атенеумъ», въ которомъ сообщалъ, что самъ еще съ пятидесятыхъ годовъ работаетъ надъ тѣмъ же переводомъ, что и Пэйнъ. «Книга, изуродованная въ Европѣ до такой степени, что превратилась въ сборникъ волшебныхъ сказокъ, представляетъ единственный въ своемъ родѣ источникъ для изученія антропологіи Востока,—писалъ Бертонъ.—Предъ нами удивительная картина восточной жизни, со всей калейдоскопной пестротой ея. Паѳосъ и напыщенность жизни, благородная поэзія, равная по силѣ жалобамъ Іова, высокая мораль, чередующаяся съ оргіями, какія описывали Апулей или Петроній,—все это развертывается предъ читателями, какъ многоцвѣтный персидскій коверъ. Я рѣшилъ такъ же буквально перевести *Тысячу и одну ночь*, какъ сдѣлалъ это Urquahart для другого произведенія *). Чтобы избавить моего издателя отъ суда, я рѣшилъ напечатать переводъ въ Брюсселѣ. Но *non omnia possumus*. Хотя мои друзья вызвались поддержать изданіе подпиской, моя работа не можетъ быть закончена раньше, какъ черезъ годъ. Вотъ почему меня крайне радуетъ, что Джонъ Пэйнъ подготовилъ свой переводъ «безъ всякихъ сокращеній». Могу только пожелать книгѣ успѣха и выразить надежду, что Пэйнъ рѣшилъ verbum reddere verbo, не стѣсняясь съ предразсудками. Я надѣюсь, что онъ останется вѣренъ оригиналу. Въ противномъ случаѣ, мнѣ придется издать въ свѣтъ мой переводъ».

Бертонъ писалъ о своемъ «недоконченномъ» переводѣ, хотя, въ дѣйствительности, даже не приступалъ къ нему. Впослѣдствіи, когда Бертонъ подружился съ Пэйномъ, то отъ него только узналъ впервые, что существуютъ нѣсколько изданій подлинника, отличающихся другъ отъ друга (калькутское, булакское, бреславское, бейрутское и бейрутское-іезуитское). Пэйнъ сличалъ всѣ изданія, дополняя, такимъ образомъ, свой переводъ. Съ такою же основа-

*) Англійскій переводчикъ Раблэ, не остановившійся предъ самыми рискованными и грубыми выраженіями.

тельною подготовкою приступилъ къ работѣ французскій переводчикъ dr. J. C. Mardrus, закончившій два года тому назадъ весь переводъ («Le Livre des Mille Nuits et une Nuit. Traduction littérale et complète du texte arabe par le dr. J. C. Mardrus. Éditions de la Revue Blanche. Paris. 1901—1905). Французскій переводчикъ, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи, слѣдовалъ булакскому, т. е. каирскому тексту, дополняя его бреславскимъ и другими.

Бертонъ приступилъ къ переводу «Тысячи и одной ночи» въ 1885 г., когда переводъ Пэйна былъ совершенно законченъ и сталъ выходить въ свѣтъ. Работоспособность Бертона была поразительна: весь переводъ съ примѣчаніями, т. е. одиннадцать томовъ, законченъ въ одинъ годъ.

IX.

Предъ знавшимъ «1001 ночь» только по передѣлкамъ, циркулирующимъ въ Европѣ съ XVIII вѣка, съ первыхъ же страницъ полнаго перевода развертывается неожиданно пестрая картина, залитая ослѣпительнымъ блескомъ восточнаго солнца. Трудно назвать въ исторіи литературы еще другое произведеніе, которое такъ всецѣло раскрываетъ предъ читателемъ жизнь цѣлаго народа, со всѣми малѣйшими изгибами ея, какъ «1001 ночь». Предъ нами безконечной вереницей проходятъ поэты, цитирующіе великолѣпные стихи, гуляки, ученые въ зеленыхъ тюрбанахъ, купцы, воины, шейки, евнухи, шуты, носильщики, матросы. Затѣмъ, рой прекрасныхъ, влюбчивыхъ и перемѣнчивыхъ, какъ ртуть, женщинъ, черные, какъ бездна, глаза которыхъ подведены сюрьмою. Движеніе вполнѣ реальныхъ, жизненныхъ фигуръ происходитъ на фонѣ пестро-фантастичномъ. На этомъ фонѣ выступаютъ то отвратительные и ужасные «джени», то мстительныя чудовища, то райскія птицы, поющія «на тысячу голосовъ». Какъ облака, гонимыя осеннимъ вѣтромъ, предъ читателемъ проносятся легковѣрные и легкомысленные святые, остроумные мошенники, ученые, ведущіе за собою верблюдовъ, нагруженныхъ словарями и класссиками, разбойники съ верблюдами, сгибающимися подъ тяжестью награбленной добычи, некроманы, мужественныя женщины и женственные мужчины, негры. Центральной фигурой является олицетвореніе идеала Востока—великолѣпный, порой жестокій, порой великодушный Гарунъ Аль-Рашидъ съ своими неизмѣнными спутниками. Къ именамъ этихъ спутниковъ, знакомымъ намъ еще по дѣтскимъ передѣлкамъ, полный переводъ прибавляетъ еще остроумнаго, безстыднаго поэта Абу Новаса, гуляку и вольнодумца. Удивительный реализмъ, дающій намъ возможность изучить не только душу востока, но и мельчайшія детали повседневной жизни его, сплетается съ порази-

тельнымъ полетомъ фантазіи, равнаго которому нѣтъ нигдѣ. Что ужасы русско-японской войны въ сравненіи съ битвой, описанной, въ сказкѣ о «Мѣдномъ городѣ»! Предъ ней блѣднѣетъ даже Армагедонъ, колоссальная битва народовъ, которую предвидитъ Апокалипсисъ. Изъ неистощимыхъ источниковъ фантазіи, которымъ имя «Альфъ лайла уа лайла» (1001 ночь) обѣими руками черпали народы всего Запада. Сотни сюжетовъ изъ этого сборника расшиты впослѣдствіи Поджіо и Боккачіо въ Италіи, Маргаритой Наварской (Heptameron), Раблэ и Вольтеромъ во Франціи. Но наиболѣе цѣнное, что есть въ этомъ сборникѣ — вся жизнь Востока, — стало достояніемъ Зап. Европы только въ самое послѣднее время, послѣ полныхъ переводовъ Пэйна, Бертона и Мардрюса.

Необходимо сказать нѣсколько словъ «объ откровенности» полнаго текста. Съ европейской точки зрѣнія многія мѣста болѣе, чѣмъ фривольны. Безпутный поэтъ Абу Новасъ разсказываетъ о вещахъ, которымъ у насъ отводятъ мѣсто только въ курсахъ паталогіи. Общая окраска арабскаго сборника интенсивно эротическая, если стать на точку зрѣнія европейца. На востокѣ откровенный характеръ сказокъ никого не шокируетъ, какъ не шокировали женщинъ древней Помпеи фрески и барельефы, собранные теперь въ спеціальной залѣ національнаго неаполитанскаго музея (Oggetti osceni). Даже европеецъ, съ современными понятіями о «рискованныхъ» сюжетахъ, не можетъ не остановиться въ восхищеніи предъ удивительной художественной красотой нѣкоторыхъ вещей, выставленныхъ въ этой запретной залѣ (Напр., бронзовый треножникъ, изображающій трехъ сатировъ). Арабы просто называютъ вещи своими именами, не думая о порнографіи. Въ Тунисѣ мнѣ пришлось видѣть во время байрама въ народномъ театрѣ «карагузъ», т. е. китайскія тѣни. Поступки «карагуза» совершенно не подаются описанію; между тѣмъ на представленіи серьзные арабы сидѣли, важно закутавшись въ бурнусы. Въ театрѣ были женщины и дѣти. И повидимому, никто не былъ шокированъ неудобо-называемыми подвигами «карагуза». Переводчикъ «1001 ночи» имѣетъ предъ собою страшно трудное дѣло: передать текстъ подлинника, но такъ, чтобы это не была порнографія, разсчитанная на лакейскіе вкусы. Переводчикъ долженъ быть удивительный стилистъ и въ совершенствѣ «чувствовать слово». Что переводъ возможенъ, доказываютъ работы dr. Мардрюса и Джона Пэйна.

Полные англійскіе переводы «1001 ночи» Бертона и Пэйла вышли почти одновременно. Пэйнъ не только отлично зналъ арабскій языкъ, но идеально владѣетъ своимъ роднымъ. Онъ тонкій знатокъ оттѣнковъ различныхъ словъ и умѣетъ чувствовать ихъ. Вотъ почему, въ литературномъ отношеніи, переводъ Пэйна стоитъ выше. Онъ умѣлъ передать самыя рискованныя мѣста подлинника, не переходя въ порнографію. Бертонъ въ подобныхъ случаяхъ рубилъ съ плеча, не останавливаясь предъ самыми вульгарными выра-

женіями современнаго языка. Бертонъ выработалъ себѣ своеобразный стиль, богатый обветшалыми словами и оборотами, что придаетъ переводу особенную неуклюжесть и грубость. Но переводъ Бертона имѣетъ одно преимущество предъ пэйновскимъ. Бертонъ много путешествовалъ и отлично изучилъ страны, гдѣ развертывается дѣйствіе «1001 ночи». Онъ много лѣтъ жилъ въ Индіи, Египтѣ, Сиріи и въ варварійскихъ государствахъ. Зная хорошо нравы Востока, Бертонъ снабдилъ свой переводъ многочисленными примѣчаніями, иногда въ высшей степени цѣнными. Мы тутъ видимъ объясненія географическія, астрологическія, библіографическія, этнологическія и антропоморфическія. И это многочисленныя примѣчанія, придающія бертоновскому переводу особенную цѣнность; въ особенности вооружили противъ него всѣхъ. Дѣло въ томъ, что, въ значительной степени, примѣчанія эти являются, своего рода, порнографической энциклопедіей. Во время путешествія по востоку, Бертонъ собралъ богатый матеріалъ относительно патологическихъ отклоненій чувствъ и счелъ умѣстнымъ помѣстить все это не въ монографіи для спеціалистовъ, а въ книгѣ для общей публики. Если бы мы имѣли дѣло съ больнымъ человѣкомъ, съ извращенными чувствами, тогда обиліе порнографическаго и паталогическаго матеріаловъ было бы понятно. Тогда произведеніе автора дополняло бы только жизнь его, какъ, напр., «Justine ou les malheurs da le vertu». Ничего подобнаго мы не видимъ у Бертона. Свой матеріалъ онъ накоплялъ изъ любознательности, какъ другой коллектируетъ марки, а напечаталъ онъ его, какъ вызовъ респектабельной mrs Grundy. Я указалъ уже, что въ Англіи нельзя удивить публику никакой религіозной, политической или соціологической теоріей, какъ бы эксцентрична и «сюбверсивна» она ни была. Грэнтъ Алленъ бросилъ вызовъ mrs Grundy не своей книгой «Эволюція идеи о Богѣ», а романомъ «Woman who did» (Женщина, которая дерзнула). Я писалъ уже когда то, какъ принятъ былъ вызовъ. То же самое можно сказать теперь о Бернардѣ Шоу. Его комедіи, кажущіяся англичанамъ поразительно «смѣлыми», вызовутъ въ Россіи только недоумѣніе. Такимъ же образомъ англичанинъ недоумѣваетъ, когда ему передаютъ идеи, за которыя у насъ сажаютъ въ тюрьму и отправляютъ въ Сибирь.

Съ одной стороны, переводъ Бертона имѣлъ колоссальный успѣхъ. Изданіе, стоившее по 100 руб. за экземпляръ, было расхватано въ нѣсколько дней. Свинбернъ привѣтствовалъ переводъ восторженнымъ стихотвореніемъ, изъ котораго достаточно привести нѣсколько стиховъ:

„All the glorious Orient glows
Defiant of the dusk. Our twilight land
Trembles; but all the heaven is all one rose,
Whence laughing love dissolves her frosts and snows“

(«Сверкающій Востокъ сіяетъ наперекоръ мраку. Наша страна, погруженная въ сумерки, трепещетъ. Все небо залито розовымъ свѣтомъ, и смѣющаяся любовь разогрѣваетъ холодъ и снѣгъ»).

Если Бертонъ хотѣлъ бросить вызовъ, то онъ добился своего. Со всѣхъ сторонъ поднялся вопль: «какая грязь! какая мерзость!» Противъ переводчика выступилъ солидный и респектабельный журналъ «Edinborough Review». «Пэйнъ далъ намъ замѣчательный переводъ, вполнѣ литературный и очень близкій къ подлиннику, — говорилъ журналъ.—Пэйкъ переводитъ все даже тогда, когда встрѣчаетъ въ подлинникѣ рискованныя мѣста, вполнѣ, впрочемъ, соотвѣтствующія духу арабскаго языка». Затѣмъ критикъ переходитъ къ переводу Бертона и не находитъ достаточно сильныхъ выраженій для порицанія его. «Капитанъ Бертонъ не только передаетъ неудобныя мѣста подлинника, но оттѣняетъ и подчеркиваетъ еще ихъ. Въ своихъ «примѣчаніяхъ» онъ даетъ ворохъ такихъ мерзостей, которыми литература никогда еще до сихъ поръ не была осквернена. У насъ въ Англіи существуетъ нѣсколько переводовъ «1001 ночи»: дѣтская передѣлка Галлана, очищенное изданіе Лэна и полные переводы Пэйна и Бертона. Каждый имѣетъ свое назначеніе. Галланъ пригоденъ для дѣтской, Лэнъ — для библіотекъ, Пэйнъ—для изучающихъ Востокъ, а переводъ Бертона—для сточныхъ канавъ.» Бертонъ отвѣтилъ критикамъ въ послѣсловіи къ послѣднему тому «Supplemental Nights». «Я собралъ свѣдѣнія извѣстнаго рода, —писалъ онъ.— Развѣ они должны были умереть вмѣстѣ со мною? Факты остаются фактами, независимо отъ того, нравятся ли они людямъ или возмущаютъ ихъ... Антропологическое общество у насъ не можетъ отдѣлаться отъ цѣпей *mauvaise honte* и ложной стыдливости, вслѣдствіе этого путешественники въ своихъ отчетахъ вынуждены замалчивать цѣлую категорію явленій. Пусть фарисеи и филистеры притворяются, будто они возмущены и приведены въ ужасъ моими примѣчаніями. Здравый смыслъ публики, медленно, но постепенно эмансипирующійся отъ жеманнаго замалчиванія и отъ нескромной и безнравственной «скромности», пойметъ и оцѣнитъ меня» *).

Шумъ, вызванный примѣчаніями, былъ, однако, такъ силенъ, что Бертонъ ожидалъ процесса по обвиненію въ распространеніи безнравственной литературы, какой былъ поднятъ противъ переводчика романа Зола «La terre» Визители. Въ ожиданіи суда Бертонъ составилъ *черную книгу*, какъ онъ называлъ, собранную изъ «turpiloquium» (выраженіе Бертона) Библіи и произведеній Шекспира. До процесса дѣло не дошло, буря улеглась сама собою. Впослѣдствіи Бертонъ во второмъ изданіи «1001 ночи» выбросилъ около сорока страницъ. Переводъ давно разошелся уже, и теперь въ Англіи продается не меньше, какъ по 30 гиней, т. е. по 300 р.

*) „Supplemental Nights“, Chapter XII, § 46.

X.

Отношенія «филистеровъ и фарисеевъ» къ переводу раздражили Бертона, и онъ рѣшилъ бросить имъ въ лицо нѣчто еще болѣе сильное, чѣмъ «примѣчанія» къ «1001 ночи»: «Душистый садъ». Выборъ нельзя назвать удачнымъ, и человѣчество ничего не потеряло отъ того, что вполнѣ готовая къ печати рукопись уничтожена впослѣдствіи. «Душистый садъ для услажденія души» — произведеніе ученаго арабскаго врача Нафзави изъ Навзава въ Тунисѣ, написанное въ XV вѣкѣ. Книга представляетъ сборникъ эротическихъ разсказовъ. «Исходя изъ положенія, что нѣтъ унизительныхъ естественныхъ страстей, ученый авторъ «Душистаго сада» перемѣшиваетъ эротическіе подвиги своихъ героевъ благочестивыми замѣчаніями и разсужденіями,—говоритъ Томасъ Райтъ.—Мусульмане не стыдятся своей чувственности, наоборотъ, гордятся ею.» Для спеціалистовъ, по всей вѣроятности, «Душистый садъ» представляетъ извѣстную цѣнность, какъ проявленіе человѣческаго духа, хотя и уродливое на нашъ взглядъ; но для общей публики такія произведенія совершенно немыслимы. Между тѣмъ Бертонъ переводилъ для большой публики. Надъ «Душистымъ садомъ» Бертонъ работалъ съ лихорадочной быстротой, несмотря на старость и на слабость здоровья. Онъ вставалъ рано утромъ и до ночи не отрывался отъ рабочаго стола. Своей работѣ Бертонъ придавалъ громадное значеніе и глубоко былъ увѣренъ, что потомство сохранитъ его имя только изъ благодарности за переводъ «Душистаго сада». Переводчикъ жилъ мыслью, что подготовляемая имъ рукопись является своего рода миной, которой суждено взорвать на воздухъ крѣпость «фарисейства». Обыкновенные издатели не рѣшились бы принять такого рода произведеніе. И вотъ въ Англіи возникло спеціальное общество «Кама Шастра», или братство бога «Кама» (индійское названіе Адониса). Оно рѣшило издавать книги по вопросамъ, замалчиваемымъ совершенно въ Англіи со времени пуританской революціи. Мы видѣли уже, какого рода эти вопросы. Читатели должны стать не на русскую, а на англійскую точку зрѣнія, чтобы понять «революціонный» характеръ братства «Кама Шастра». У насъ, гдѣ до послѣдняго времени былъ подъ строжайшимъ запретомъ цѣлый рядъ темъ, приходилось употреблять невѣроятныя усилія, чтобы заговорить въ печати о соціализмѣ или критически отнестись къ догматамъ.

Издатель, рѣшавшійся принять рукопись труда на «опасную тему», сильно рисковалъ прежде матеріальной потерей, а теперь, кромѣ того, для него «тюремныя мѣста обозначаются», по выраженію купца Тараканова у Глѣба Успенскаго. За то въ самыя мрачныя времена цензуры писателямъ предоставлена была пол-

ная возможность всесторонне обсуждать личныя отношенія между людьми. И критическая мысль, не находя себѣ другого выхода, анализировала всесторонне самые сложные психологическіе вопросы. Въ Англіи было какъ разъ обратное. Вотъ почему общество «Кама Шастра» есть здѣсь революціонное явленіе, тогда какъ въ Россіи это былъ бы только кружокъ невропатовъ и эротомановъ. У насъ немыслимо даже себѣ представить, чтобы честные писатели, серьезно относящіеся къ печати, были бы членами *Кама Шастра* и подготовляли какой-нибудь *Душистый садъ*. Русскій писатель имѣетъ передъ собою другія задачи, которыя или давно разрѣшены въ Англіи, или поддаются спокойному обсужденію на митингахъ и въ парламентѣ. Членами «Братства бога Кама» въ Англіи являются не невропаты и эротоманы, не чрезмѣрно шумливые и въ такой же степени бездарные кривляки, собравшіеся у насъ въ эфемерныхъ журналахъ съ эксцентричными названіями, а очень умные, талантливые, смѣлые и совершенно нормальные люди. Тутъ мы видимъ также людей, предвидящихъ «великую борьбу XX вѣка», «послѣднюю схватку между религіей и наукой», которая должна кончиться смертью культа и догмата.

Бертонъ кончилъ свой переводъ 19 октября 1890 г., и на другой день «кладезя премудрости», «бороздителя неизвѣстныхъ морей», «изслѣдователя невѣдомыхъ странъ», человѣка, «раскрывшаго своими книгами ночь и день», «послѣдняго полубога» *) не стало.

Ричардъ Бертонъ теперь—одинъ изъ самыхъ любимыхъ англійскихъ героевъ, глядящій со стѣнъ національной портретной галлереи въ Лондонѣ въ десяткахъ видовъ: въ костюмѣ шейка, въ въ офицерскомъ мундирѣ, въ охотничьей блузѣ, въ черномъ сюртукѣ. Мнѣ остается прибавить еще нѣсколько словъ къ этому очерку. Въ группѣ стихотвореній, озаглавленныхъ «Révolte», мы находимъ у Бодлэра параллели «Авель и Каинъ». Поэтъ дѣлитъ все человѣчество на расу Авеля, покорную, рабскую, сытую и довольную, и на расу Каина, мятежную, свободную и голодную.

Race d'Abel, dors, bois et mange;
Dieu te sourit complaisamment **).

Богатства ея растутъ; она спокойно грѣется у отчаго огня, не мудрствуя лукаво, боясь мысли.

«Race de Caïn, tes entrailles
Hurlent la faim comme un vieux chien» ***).

Но будущее принадлежитъ не «расѣ Авеля».

*) Всѣ эти титулы заимствованы изъ некрологовъ.

**) Племя Авеля, спи, пей и ѣшь; Богъ милостиво тебѣ улыбается.

***) Голодъ, какъ старая собака, воетъ въ твоихъ внутренностяхъ Каиново племя.

«Race de Caïn, au ciel monte
Et sur la terre jette Dieu!» *)

Такъ заканчивается «параллель» Бодлэра. Сэръ Ричардъ Бертонъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ «расѣ Каина», къ категоріи сильныхъ людей, къ которой непримѣнимы слова поэта «tu crois et broutes comme les punaises des bois»! «Раса Каина» не всегда дѣлаетъ все то, что въ состояніи выполнить при благопріятныхъ условіяхъ; но она *всегда* дѣлаетъ что-нибудь выдающееся, даже тогда, когда попадаетъ не въ соотвѣтственную обстановку. Этимъ раса Каина отличается отъ самозванцевъ изъ «авелевой породы», притворяющихся сильными людьми и способныхъ только по бездарности и ничтожности своей повторять «первое житейское правило мудрости», которое Фальстафъ преподаетъ Бардольфу: «бойся водянистаго пойла и утоляй жажду только горячительными напитками».

Ричардъ Бертонъ всю жизнь, собственно говоря, не нашелъ надлежащей точки для приложенія своихъ силъ. Но творческія силы, которыми богаты дѣйствительно цѣльныя натуры, нашли всетаки проявленія. И Бертонъ сошелъ со сцены, оставивъ послѣ себя богатое духовное наслѣдство.

Діонео.

По роднымъ мѣстамъ **).

(Изъ наблюденій бывшаго депутата).

V.

Три года тому назадъ мнѣ пришлось прибыть въ Петровокъ съ неменьшей таинственностью, чѣмъ теперь, послѣ разгона Думы. Тогда я былъ привезенъ. Исторія привоза была очень несложна. Ко мнѣ, мирному сельскому учителю, нежданно, негаданно пожаловали двѣ важныя персоны: жандармскій ротмистръ Козловъ и товарищъ прокурора Соколовъ. Особы эти, какъ водится, пріѣхали во главѣ нѣсколькихъ вооруженныхъ нижнихъ чиновъ жандармскаго

*) Племя Каина поднимается къ небу и сбрасываетъ оттуда Бога на землю.

**) По обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ воли автора и редакціи, мы не могли напечатать въ 1906 г. конецъ этого разсказа, начало котораго появилось въ ноябрьской книжкѣ «Р. Богатства» за прошлый годъ. Такъ какъ окончаніе разсказа имѣетъ вполнѣ самостоятельный интересъ, то мы рѣшаемся предложить его читателямъ въ настоящемъ году.

корпуса и одного городового. На мѣстѣ къ отряду присоединились урядникъ со стражникомъ и, кромѣ того, въ качествѣ нейтральныхъ атташе, староста и нѣсколько десятскихъ. Послѣ рѣшительнаго опустошенія моей квартиры и странныхъ не относившихся до моей учительской дѣятельности распросовъ, я былъ втиснутъ въ маленькія санки. Пара плохонькихъ «киргизокъ» съ большой натугой дотащила насъ къ разсвѣту до города. Былъ иней и морозъ. Всю дорогу я испытывалъ одно изъ самыхъ неудобныхъ положеній, какія только могутъ выпадать на долю россійскаго обывателя, положеніе человѣка, у котораго «по бокамъ два жандарма сидятъ». Начальство, видимо, изъ конспиративныхъ соображеній, а, можетъ быть, и по другимъ причинамъ, распорядилось продержать меня до вечера подъ арестомъ на квартирѣ жандармскаго солдата. Это былъ одинъ изъ самыхъ скверныхъ дней моей жизни. За цѣлую ночь скитаній и тревогъ я привыкъ было къ мысли о тѣсной тюремной камерѣ, можетъ быть, сырой, холодной и мрачной... Но—тюремной. Мысль моя мечтательно настроилась къ тѣмъ разговорамъ, которые я поведу урывками съ арестантской средой. Я даже предвкушалъ запахъ кислыхъ тюремныхъ щей и чернаго тягучаго арестантскаго хлѣба...

И вдругъ: опрятно убранная въ мѣщанскомъ вкусѣ квартира, помѣстительная, свѣтлая, съ мягкимъ диваномъ, фикусами, гeранями и поющей канарейкой. Жандармъ и его жена, молодая хохлушка, только что оторванная отъ серпа, еще простодушная, какъ сама деревня, не привыкшая къ «паньскимъ звычаямъ»,—ухаживали за мной, какъ за роднымъ, дорогимъ гостемъ. Приходили другіе жандармы, такіе же ласковые, добрые, внимательные... Они изо всѣхъ силъ старались занять меня разговорами на общежитейскія темы. Только, когда я заикался о своемъ арестѣ, они какъ-то деревенѣли, замыкались въ себя и съ смущеннымъ блескомъ бѣгающаго взгляда отводили разговоръ на другія, болѣе удобныя для нихъ темы. И я предпочиталъ тогда молча смотрѣть въ тусклое, разрисованное матовымъ узоромъ окно. Я наблюдалъ тихо шуршащія голыя ветлы, занесенную свѣжимъ снѣгомъ впадину рѣки, катающихся съ горы мальчишекъ и безцѣльно слоняющихся по улицѣ уѣздныхъ барынь. Мнѣ было до боли грустно: «совершается величайшая несправедливость,—думалъ я,—надъ человѣкомъ творятъ грубое насиліе... Человѣка лишаютъ одного изъ священнѣйшихъ правъ личности — свободы... А жизнь идетъ мимо, равнодушная, эгоистичная»...

Однако жандармы въ тѣ времена были еще стыдливы и свои насилія старались прикрывать причинами, лежащими внѣ ихъ охранительской фантазіи. Въ качествѣ причины, «вынудившей» ихъ запереть меня въ тюрьму, было, напримѣръ, такое обстоятельство: въ селѣ, гдѣ я учительствовалъ, были разбросаны по улицамъ прокламаціи, у прокламацій кончики оказались подмоченными. На учи-

лищномъ чердакѣ была найдена въ земляной настилкѣ ямка, надъ ямкой въ крышѣ свѣтилась щель. Отсюда выводъ: прокламаціи лежали въ этой ямкѣ, въ щель лилъ дождь и промочилъ уголки; кромѣ учителя, некому было прятать здѣсь прокламаціи, значитъ, учитель долженъ быть арестованъ. Правда, было при этомъ маленькое обстоятельство, не включенное въ сѣть жандармскихъ умозаключеній: прокламаціи были разбросаны въ ночь на 25 марта, когда по улицѣ, что называется, шагнуть было некуда отъ мокрети, но это обстоятельство было использовано ими впослѣдствіи. Благодаря ему, они продержали меня въ тюрьмѣ только полгода и затѣмъ выпустили ни съ чѣмъ, показавъ этимъ свое безпристрастіе.

Благодаря жандармской же стыдливости, я просидѣлъ первый день ареста въ солдатской квартирѣ и только ночью, крадучись, задворками и глухими переулками, былъ отведенъ въ тюрьму.

Все это мнѣ живо припомнилось теперь, по пріѣздѣ въ Петровскъ, когда снова пришлось стать жертвой конспиративнаго этикета, хотя не жандармскаго, а обывательскаго.

Приходилось ждать нѣсколько дней, пока «организація» извѣститъ волости и тѣ пришлютъ уполномоченныхъ, чтобы выслушать мои сообщенія о Государственной Думѣ. И по странной случайности меня поселили почти въ той же квартирѣ, какъ и тогда, при той же обстановкѣ.

Хозяева окружили меня вниманіемъ, заботливостью и милліонами предосторожностей, но такъ же, какъ въ свое время жандармы, старались держать мое пребываніе въ строгомъ секретѣ.

Такъ же, какъ и тогда, цѣлый день я безцѣльно слонялся изъ угла въ уголъ, щипалъ засохшіе концы фикусовыхъ листьевъ и тоскующе припадалъ къ окну. Та же улица, тѣ же ветлы, только не голыя, а густыя, окутанныя блестящей, темной листвой... сонная рѣка, мальчишки...

«Неужели за эти три года только всего и случилось, что обычная перемѣна года? Гдѣ же слѣды пережитыхъ волненій? Гдѣ послѣдствія той бури, которая всѣхъ «купцовъ, чиновниковъ, мѣщанъ», и даже «поэтовъ»—превратила сразу въ «гражданъ»?

На улицѣ сонно, въ домѣ такъ скучно, точно въ немъ лежитъ не то покойникъ, не то тяжело-больной. Въ душу невольно закрадывается хандра и смутное безпокойство.

Но хандра была напрасна. Жизнь очень скоро прорвала сѣть конспиративныхъ хитросплетеній и захватила меня въ свой круговоротъ.

Даже жандармовъ въ свое время не спасла конспирація. И тогда въ первый же день моего ареста пошли по городу легендарные слухи. Мирное мѣщанство, не знавшее еще треволненій политики, придумывало самыя невѣроятныя объясненія поразившему его факту. Во первыхъ, молва заперла тогда меня въ каменный мѣшокъ

и подвергла жестокимъ пыткимъ, во-вторыхъ, мое скромное имя сопоставила съ благополучіемъ и величіемъ самого царя.

Теперь, разумѣется, было нѣчто иное, но самый тотъ фактъ, что знакомые моихъ друзей и знакомые знакомыхъ дѣлали изъ моей личности «тайну», заставлялъ обывательскую мысль витать въ области фантазій и невѣроятныхъ предположеній.

— Слыхали?—Сказываютъ, пріѣхалъ!..—долетѣлъ до моего слуха торопливый, почти задыхавшійся женскій шепотъ изъ сосѣдней комнаты, послѣ того, какъ размашисто хлопнула входная дверь.

— Ни-уу?

— Лопни мои глазыньки!—Матреша Титова сказывала. Сперва-то обрядился—гритъ—попомъ. Поѣхалъ въ зарѣчную сторону. Какъ народъ повалилъ туда—и нагрянули казаки. Три порядка на повалъ обыскали, а ужъ онъ на дегтярной бочкѣ сидитъ, весь въ дегтю измазанъ, деготь продаетъ.

— Будетъ зря молоть-то!

— Ей-Богу! разрази меня на мѣстѣ! И по нашей улицѣ эти проклятущіе казаки рыщутъ... Тутъ онъ, слышь, въ нашемъ кварталѣ...

Женщина пошептала минутъ пять и торопливо вышла изъ комнаты. Дѣйствительно, вскорѣ мимо оконъ потянулись длинные ряды сѣрыхъ всадниковъ. И безъ того унылая улица какъ будто бы еще больше съежилась и замкнулась: пропали мальчишки, исчезли прохожіе... Низкорослыя азіатскія лошадки, хлопотливо семенили короткими лохматыми ножками. Всадники съ мѣдными монгольскаго типа лицами, перегруженные оружіемъ, сонно качались въ высокихъ сѣдлахъ и, видимо, мало обращали вниманія на окружающую обстановку. Они казались воплощеніемъ полнѣйшаго равнодушія. Можетъ быть, люди эти и свои знаменитыя «карательныя экспедиціи» совершаютъ съ такимъ же соннымъ спокойствіемъ, или «въ дѣлѣ» монгольская кровь распаляется, и тогда они живутъ нервнымъ возбужденіемъ? Черезъ минуту ввалился ко мнѣ хозяинъ:

— Что вы дѣлаете?—отойдите отъ окна!—крикнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ. —Впрочемъ, успокойтесь. Они ѣдутъ на станцію, ихъ куда-то отправляютъ!

Въ сущности, онъ успокаивалъ себя. Въ эту минуту можно было понять, какую душевную драму переживалъ этотъ мирный уѣздный обыватель, выполняющій свой несложный гражданскій долгъ. Ему, видѣвшему воочію ужасы казачьихъ набѣговъ, чудилась, можетъ быть, картина полнаго разрушенія его скромнаго хозяйства. Можетъ быть, онъ мысленно переживалъ боль истязаній, боль нравственныхъ униженій... И всего на всего за то лишь, что оказалъ гостепріимство мнѣ...

— Этого давно не слыхать!—утѣшалъ хозяинъ себя,—положимъ, озоруютъ въ пьяномъ видѣ, но рѣдко... Казаки тоже не тѣ

стали, что были въ прошломъ году... Вотъ по осени, дѣйствительно!.. А-ахъ! Сколько народу изуродовали... ужасъ! Помните Александра плотника? вотъ что тогда на экономическомъ совѣтѣ былъ?

Я хорошо помнилъ Александра. Это былъ одинъ изъ піонеровъ освободительнаго движенія. На «экономическомъ совѣтѣ», описанномъ у Тана въ «Новомъ крестьянствѣ», плотникъ игралъ видную роль.

— Вотъ его,—продолжалъ хозяинъ,—двадцать шесть разъ принимались нагайками пороть! Не то что, скажемъ, шкуру спустили, нутро все вывернули!.. на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлали... многихъ изуродовали, заморозили...

— Да, Сѣдову-то урлейскому, Фролу... голову съ плечъ сняли... въ одинъ махъ,—вмѣшалась въ разговоръ вернувшаяся съ улицы хозяйка.

— Мало ли! Что толковать.

Мои хозяева стали припоминать случаи административныхъ жестокостей. Ихъ было такъ много, они были такъ ужасны, такъ ярко оттѣняли мрачный фонъ русской жизни, что становилось страшно за участь народа. Поражавшее когда-то насъ въ дѣтствѣ изувѣрство турецкихъ башибузуковъ блѣднѣло передъ пережитой дѣйствительностью. Многое изъ нея было сообщено въ печати и перечувствовано, такъ или иначе, читающимъ обществомъ. Въ свою очередь и въ простыхъ умахъ остался глубокій и своеобразный слѣдъ отъ народнаго страданія. Здѣсь не только наблюдали и, такъ сказать, вчужѣ болѣли отъ видѣннаго, нѣтъ, здѣсь сами испытали всѣ ужасы истязаній жестокихъ, несправедливыхъ, ненужныхъ и непонятныхъ... Нагайки казаковъ, кулаки и вымогательства полицейскихъ, грубая брань «облеченныхъ полнотой власти» сатраповъ являлись предметными уроками. Обывателю было больно, стыдно и обидно не потому только, что репрессіи валились на его неповинную голову, какъ шишки на бѣднаго Макара. Онъ чувствовалъ вмѣстѣ съ нравственной и физической болью, что все это валится оттуда, куда онъ такъ горячо, такъ усердно молился. Валится вопреки «писанію», закону и сложившимся искони понятіямъ. Обывателя не просто били, а съ приговоромъ: «бьютъ тебя, с. с., по приказу высшей власти». И у него, привыкшаго поминать эту «власть» на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, стало складываться о ней другое представленіе, болѣе реальное, связанное съ болевыми ощущеніями...

Ничто, конечно, не изгладитъ изъ народной памяти этой кровавой страницы новѣйшей русской исторіи. Народное сознаніе приступило уже къ выводамъ изъ полученныхъ уроковъ. Оно доведетъ свою работу до логическаго конца.

Въ бытность свою членомъ Думы я получалъ много писемъ изъ деревни, и всѣ они, какъ одно, разсказывали о жестокостяхъ казаковъ и полиціи. Я позволю себѣ привести мѣсто изъ одного такого письма, которое, по моему мнѣнію, заслуживаетъ особаго вниманія.

———

Авторъ—зажиточный торговецъ, читающій реакціонныя газеты. Онъ никоимъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ «крамольникамъ». По своимъ убѣжденіямъ и имущественному положенію онъ скорѣе стоитъ въ рядахъ той «благомыслящей» части населенія, ради спокойствія которой были пущены въ ходъ нагайки и убійства.

Человѣкъ этотъ писалъ мнѣ: «Милостивый государь С. В—чъ. Въ газетѣ «Свѣтъ» я прочиталъ, что Государственная Дума требуетъ не оставлять безнаказанными тѣ ужасы, которые произошли въ странѣ во время аграрныхъ движеній. Это все совершенно вѣрно. Я самъ былъ очевидцемъ этого (въ Петровскомъ уѣздѣ). Нагрянула къ намъ полусотня казаковъ, во главѣ съ становымъ приставомъ. Били нагайками всѣхъ подрядъ, не разбирая, правъ онъ или виноватъ; и били прямо-таки не на животъ, а на смерть. Вмѣстѣ съ симъ начался поголовный обыскъ. Цѣль обыска—прямо нажива. Входили въ дома, ломали замки, открывали сундуки и брали все, что только имъ хотѣлось: серебряныя вещи, шелковыя вещи, деньги... Словомъ, все, что только имъ нравилось. По ночамъ врывались въ дома, избивали цѣлыя семьи мирныхъ жителей. Отнимали насильно изъ кармана деньги, а если кто сопротивлялся или просто возражалъ что-либо противъ этого своеволія, то урядники, стражники и казаки обнажали шашки, подставляли къ груди револьверы, угрожая смертью, и въ заключеніе всего стегали нагайками. Жаловаться было некому. Впрочемъ, были случаи: жаловались нѣкоторые приставу, земскому, казачьему офицеру, но вмѣсто удовлетворенія получали тѣ же нагайки. Сколько было пролито крови, слезъ—вообразить трудно. Продолжалось это болѣе недѣли. Казаки, урядники, стражники пьянствовали, забирали мясо, чай, сахаръ, крендели, лазили по нашестамъ—ловили куръ (коихъ поѣли штукъ 150). Казацкія лошади не только ѣли сѣно и овесъ, но даже спали на нихъ, и за все это общество заплатило 150 руб. Боже мой!—когда кончатся эти безобразія».

Уличная демонстрація казаковъ, кстати сказать, ничего общаго не имѣвшая съ моимъ пріѣздомъ въ Петровскъ, сбросила съ меня покровъ таинственности. На мою квартиру стали приходить десятками доброжелатели и мнѣ съ разныхъ сторонъ стали предлагать различные планы конспираціи.

При такихъ условіяхъ возможенъ былъ одинъ только планъ дѣйствій: не скрываться отъ людей. «Чѣмъ больше народа будетъ знать о моемъ положеніи, тѣмъ больше найдется средствъ для защиты отъ полиціи»—рѣшилъ я и, согласно такому плану, къ вечеру перваго же дня покинулъ свое одиночество. Я началъ бывать по очереди у знакомыхъ обывателей, удовлетворяя ихъ жадному любопытству и наблюдая происшедшую въ нихъ перемѣну. А перемѣна была громадна. Выше я говорилъ о томъ, какое вліяніе имѣли репрессіи на выработку политическаго міросозерцанія петровскаго обывателя. Конечно, міросозерцаніе это сложилось, благодаря не

однимъ только отрицательнымъ факторамъ. Было въ окружающей дѣйствительности много и положительнаго, свѣтлаго. Безъ положительныхъ факторовъ репрессіи, разумѣется, имѣли бы своимъ послѣдствіемъ какъ разъ то, чего отъ нихъ ждали власти, т. е. онѣ окончательно загнали бы творческую мысль въ тупикъ невѣжества и паническаго страха. Если правительственныя строгости оказались палкой о двухъ концахъ, то благодаря только тому, что на ряду съ полицейскими жупелами до народа дошло правдивое слово. Носители этого новаго слова запечатлѣвали его своими страданіями, геройски кидали въ самую гущу жизни свои идеалы, горѣли пламенемъ новой соціальной вѣры и зажигали имъ массы. Петровскій обыватель-мѣщанинъ, какъ и все вообще наше мѣщанство, позже всѣхъ другихъ слоевъ русскаго общества пріобщался къ освободительному движенію. Въ то время, когда съ легкой руки Святополкъ-Мирскаго началась на Руси политическая весна и интеллигенція, всегда чуткая къ теплу, открыла періодъ «банкетовъ», мѣщанство жило той, казалось, неизмѣнной жизнью «предка», о которой разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ Гл. Успенскій: «Бухалъ у Никитья къ ранней и поздней, къ первому, ко второму и третьему звону... Ѣздилъ въ Оптину пустынь и къ Троицѣ-Сергію, толкался на базарѣ, горѣлъ, строился, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ угоралъ отъ собственнаго самовара» и т. д.

Потомъ, какъ громомъ ударило 9-е января, всколыхнулись и прозрѣли рабочія массы, а мѣщанинъ все «бухалъ у Никитья» и ничуть не тревожился. Наконецъ, подъ бокомъ зашевелился мужикъ. Въ обиходную рѣчь вошли новыя слова: «студентъ», «забастовка», «земля и воля», «прокламація» и т. п. На первыхъ порахъ слова эти казались страшными, тревожными. За ними крылось не то озорство, не то что-то неизвѣданное, можетъ быть даже хорошее. Лѣтомъ 1905 года «либеральное» земство созвало крестьянъ на экономическій совѣтъ. Крестьяне заговорили смѣлымъ языкомъ. Въ простыхъ выраженіяхъ разсказали они свою наболѣвшую нужду и составили бумагу Бумага эта дышала чѣмъ-то новымъ, небывалымъ на Руси. Это было не прошеніе, не отношеніе, не жалоба... Началась она словами: «мы требуемъ»... Языкъ ея былъ простъ, духъ смѣлъ и содержаніе правдиво.

Когда мужикъ громко прочиталъ бумагу на собраніи, въ присутствіи любопытствующаго и скучающаго уѣзднаго обывателя,— обыватель сказалъ: «это бунтъ!» и испугался. Испугъ его еще больше усилился, когда либеральное земство за попустительство мужицкому своеволію было разгромлено и начальство объявило мужицкую резолюцію «преступной прокламаціей».

Но обыватель-мѣщанинъ всетаки присутствовалъ при зарожденіи «прокламаціи», видѣлъ людей, ее исповѣдующихъ, заразился ея обаяніемъ. Испугъ былъ непродолжителенъ, да къ тому же и интересы мѣщанъ находились въ тѣсной связи съ благополучіемъ

окрестнаго мужика. Не были мѣщанину чужды и требованія земли. Такъ было заложено первое «крамольное» зерно въ мѣщанскую душу. Потомъ былъ манифестъ 17-го октября, аграрные безпорядки и приступъ жестокихъ репрессій. Все это такъ быстро слѣдовало одно за другимъ, что обывателю не было времени разобраться въ круговоротѣ событій, и онъ, запуганный, загнанный, замеръ на всю зиму.

Весной наступили выборы въ Думу. Въ городѣ начались шумныя предвыборныя собранія. Мѣщанинъ узналъ на дѣлѣ всю заманчивость свободы слова, свободы собраній... Онъ, какъ въ чаду, слушалъ чарующую рѣчь пріѣзжихъ ораторовъ, ходилъ по ихъ стопамъ, и младенчески радовался своему политическому пробужденію. Много хорошихъ понятій усвоилъ мѣщанинъ, но въ нихъ все еще крылось что-то запретное, незаконное...—Оно все такъ,—разсуждалъ мѣщанинъ—только какъ бы чего не вышло?... всетаки вѣдь надобно по закону»...

Но вотъ открылась Дума. Пришла она изъ дворца съ божьимъ и царскимъ благословеніемъ и стала говорить законныя слова. Слова были тѣ же, что въ прокламаціяхъ, что на митингахъ... «Слава Богу!—заговорилъ мѣщанинъ,—теперь ужъ все по закону... Господь умудрилъ... дожили и мы до хорошихъ порядковъ»... Думу разогнали, на голову обывателя снова посыпались полицейскія кары. Ослѣпленный «полнотой власти», Столыпинъ захотѣлъ вытравить изъ обывательскихъ мозговъ все, что сложилось и созрѣло въ нихъ за это время. Но... поздно! Глубокая бездна легла между мѣщаниномъ прошлаго и настоящаго.

— Ты думаешь, мы неучи, да такъ ужъ безъ всякихъ понятіевъ?—жаловались старики, примостившись къ чайному столу,— мы все видимъ!... Мы види-имъ!... Правители-и!... тоже. Народъ спаиваютъ. Къ примѣру до того довели, что за гривенникомъ, за семиткой гоняются, въ розницу виномъ торгуютъ, людей одурманиваютъ... Пьяный, знамо дѣло: выпьетъ за гривенникъ—весь рубль отнесетъ... Имъ доходъ... ррега-алія!... тьфу!...

— Что толковать, народъ сталъ понимающъ... и на счетъ земли, и свободы, и налоговъ казенныхъ... Эту «механику хитрую» дѣти малыя и то нонче спознали. Погляди вонъ, идутъ изъ училища, сумками машутъ, поютъ: «вставай, подымайся, рабочій народъ»...

— И встанетъ народъ... вста-анетъ... Намъ Господь не приведетъ, такъ эти вотъ малыши подрастутъ.—Старикъ гладитъ по бѣлокурой головкѣ мальчугана.—Они пріучаются съ этихъ поръ... все понимаютъ!... Н-да! Небось, эти на ногу наступить не даду-утъ... хоть будь ты «близкое лицо»...

VI.

Наконецъ-то, все готово. Собираемся въ Барабановской рощѣ, у Долгихъ кустовъ.

Около четырехъ часовъ дня съ видомъ безпечно прогуливающихся обывателей мы отправились къ мѣсту собранія. Теплый праздничный день двинулъ уѣздную публику за городъ. Обширная пригородная зеленѣющая луговина, обновленная обиліемъ безвременныхъ осеннихъ дождей, дышала оживленіемъ. Купеческіе сынки, объѣзжая своихъ рысаковъ, быстро мчались мимо насъ, сосредоточенно причмокивая губами и вздрагивая тучнымъ корпусомъ на сплющенныхъ рессорахъ. Тамъ и сямъ скользили велосипедисты, пестрѣли группы женщинъ и молодежи.

— Видите, вонъ вдоль дороги люди стоятъ по одному, по два?— обратился ко мнѣ провожавшій меня словоохотливый парень,— это все наши патрули. Велосипедисты тоже изъ нашихъ есть.

— Зачѣмъ же такъ много?

— Э-э! мы все тонко обдумали! Народъ пріѣзжій, мѣстности не знаетъ, вотъ и пойдетъ спрашивать по патрулямъ. Пароль мы такой дали: «спрашивать дорогу въ Березовку».

— Ну, и что-жъ?

— Ну, онъ подойдетъ и спроситъ: «Гдѣ дорога въ Березовку?» А патрульные ему въ отвѣтъ: «иди по такому-то направленію, тамъ встрѣтишь людей, опять спросишь». Онъ ко второму патрулю, къ третьему... и такъ дойдетъ до собранія,—въ Долгихъ кустахъ. Тамъ ужъ скажетъ настоящій пароль, партійный.

Я подивился этимъ хитросплетеніямъ. Жизнь научила обывателя такимъ уловкамъ, которыхъ, можетъ быть, равнина не видала со временъ Пугачева и Кудеяра. Даже возвышавшійся въ сторонѣ сторожевой курганъ былъ использованъ. На вершинѣ его, какъ бывало въ дни набѣговъ дикой орды, стоялъ сторожевой, только не конный, а ловкій велосипедистъ съ биноклемъ въ рукахъ. При появленіи казачьяго разъѣзда онъ долженъ былъ, какъ стрѣла, мчаться въ указанное мѣсто и громкимъ свистомъ извѣстить насъ объ опасности.

Барабановская роща это—обширное болотистое займище рѣки Медвѣдицы, заросшее ольшаникомъ и различными породами ивы. Здѣсь такъ много трясинъ и ржавыхъ, покрытыхъ мохомъ озеръ, что только привычный, знающій человѣкъ могъ держаться еле замѣтной тропы, прыгающей съ кочки на кочку, съ пенька на пенекъ. Роща была обычнымъ мѣстомъ для «свободныхъ» собраній, дарованныхъ петровцамъ манифестомъ 17 октября.

На небольшой возвышенной лужайкѣ, Богъ вѣсть почему оставшейся сухою среди окружающей мокроты и окаймленной высо-

кими плакучими ивами, собрались «сознательные». По большей части молодежь въ короткихъ пиджакахъ, высокихъ сапогахъ... Сухія лица, то безбородыя, то чуть-чуть опушенныя, то бритыя, горящіе любопытствомъ глаза, мозолистыя грубыя руки, при пожатіяхъ твердыя, какъ кремень. Среди молодыхъ загорѣлыхъ лицъ тамъ и сямъ мелькаютъ сѣдая борода старика-крестьянина, сѣрый полушалокъ мѣщанки или восторженное личико интеллигентной дѣвицы.

«Распорядитель митинга» взобрался на пенекъ и принялся выяснять прибывшихъ и отсутствующихъ. Оказалось, что многихъ изъ пріѣзжихъ крестьянъ, которые были утромъ на явкѣ, въ наличности нѣтъ. Ясное дѣло — произошло недоразумѣніе: несмотря на патрули, они сбились съ дороги. За то опытный глазъ замѣтилъ излишество въ другую сторону. Пришли незванные гости.

— Позвольте спросить васъ, господа, вы какъ сюда попали?

Немного поодаль стояли двѣ крупныхъ купеческихъ фигуры. Одинъ, съ пышной рыжей бородой и румянымъ сытымъ лицомъ, въ костюмѣ хлѣбнаго ссыпщика, держался неувѣренно и стыдливо. Другой такой же полный, но совсѣмъ молодой, безбородый и франтоватый вступилъ въ споръ

— То есть какъ же?—не безъ задора напиралъ онъ на распорядителя.—Что жъ, мы не люди, что-ль?... И намъ интересъ есть послушать... депутатъ общій крестьянскій... отъ нашего сословія другихъ не было...

Толпа зарычала, заволновалась, словно посягнули на ея собственность. Среди безпорядочнаго гула и успокоительныхъ окриковъ послышались ругательства и крики: «черная сотня».

Купцамъ, видимо, грозила непріятность. Я рѣшился подойти къ нимъ и заговорить.

— Вы какъ сюда попали?

— Видите, дѣло какое,—принялся пояснять бородачъ.—У насъ давно слухъ прошелъ, что вы пріѣхали. Мы вѣдь тоже знаемъ, читали и портретъ имѣемъ,—самъ полтинникъ отдалъ, какъ единую денежку...

— А сюда какъ попали?

— А сюда такъ и попали: молодцы отпрашиваться стали. Хотя и праздникъ, а подторжье у насъ... «Куда, говорю, васъ нелегкая претъ»? Ну—такъ и такъ... разсказали... Приказчиковъ, конечно, мы не задержали, пустили, и самимъ охота послушать..

Послѣ этого я выступилъ адвокатомъ за купцовъ.

— Ну смотрите только, господа,—заявилъ имъ распорядитель,—чтобы ни-ни!...

— Будьте благонадежны...—завѣрили тѣ и довольные присоединились къ толпѣ...

Собраніе значительно поуспокоилось, и я приступилъ къ до

кладу о дѣятельности Думы. Говорить о ходѣ думскихъ работъ мнѣ почти не пришлось. У слушателей была такая широкая и подробная освѣдомленность обо всемъ, что исходило изъ Думы, что приходилось удивляться. Они знали имена и даже біографіи думскихъ ораторовъ, помнили содержаніе рѣчей, сущность законопроектовъ. Можно себѣ представить, съ какой жадностью проглатывались здѣсь газетныя свѣдѣнія думскаго періода. За то мнѣ пришлось разсказать всѣ подробности внѣшней стороны дѣла: торжественный пріемъ въ Зимнемъ дворцѣ, закулисная борьба партій, выходы министровъ—все это интересовало слушателей до крайности.

— А какъ онъ выступилъ? Какъ прочиталъ, какимъ голосомъ? Не мѣнялся ли съ лица?... Изъ себя онъ какой: замореный, аль сытый?... беззаботный?.. почему называется «рѣчь», когда прочитана?—такіе вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ послѣ разсказа о 27 апрѣля.

— А Гурко какъ говорилъ? Ну-ка, представь, въ лицахъ.

И я долженъ былъ при дружномъ негодованіи показывать въ лицахъ, какъ говорилъ Гурко.

— Ну Столыпина-то мы не разъ слыхали—ругатель... А какъ Горемыкинъ? Витте каковъ? Дурново?

Я описывалъ внѣшность вельможъ.

— Неужто точь въ точь, какъ въ юмористическихъ журналахъ?... Ха! Ловко ихъ тамъ разрисовали!...

Насытивъ свое любопытство въ этой области, собраніе перекинуло свое воображеніе за границу. Я долженъ былъ отдать обстоятельный отчетъ о цѣли своей поѣздки въ Лондонъ на международную конференцію трудовыхъ депутатовъ и разсказать свои впечатлѣнія. Затѣмъ какъ-то незамѣтно для самихъ себя перешли къ оцѣнкѣ переживаемаго момента и принялись развивать свою фантазію въ области предстоящаго «дѣла».

— Намъ больше понимать нечего!—горячился больше всѣхъ высокій парень съ рябымъ рѣшительнымъ лицомъ и манерами мастерового, видимо, сапожникъ.—Мы давно все поняли! Осталось только къ дѣлу дружнѣй приступить... Перво-наперво отъ казачишковъ надо очиститься!...

— Казаки что-о!...—перебиваетъ добродушнымъ голосомъ рыжій, бородатый деревенскій мужикъ.—У насъ казаки, почитай что, свои... соціалисты прямо... а этихъ вотъ гнидъ-то: стражниковъ!... урядниковъ! приставишекъ проклятыхъ!.. вотъ кто нашу кровь крестьянскую пьетъ... Ихъ надоть перво наперво шкуру наемную!—Къ концу рѣчи голосъ у мужика крѣпнетъ, самъ онъ злится. При перечисленіи враговъ онъ жестикулируетъ, топаетъ ногами, и широкая борода, какъ библейскій огненный языкъ, развѣвается вокругъ его возбужденнаго умнаго лица.

———

Я попросилъ разъяснить, почему мужикъ называетъ казаковъ почти соціалистами.

— Видишь ты, дѣло какое,—выступилъ сѣдой мужикъ, тономъ привычнаго оратора,—я тебѣ все это объясню. Дѣйствительно, что касаемо прошлаго года,—то казаки были хуже не знай чего... одно слово: варвары!.. И счесть нельзя, сколь они намъ бѣды принесли!.. Ну, а опосля того, какъ Дума открылась, и ихъ совѣсть зазрила... Бога начали понимать. Перво-на-перво въ нашей волости началось. Сняли мы луга у Красулина купца. Онъ съ насъ — денежки! Другой деревнѣ сдалъ эти же луга, — опять денежки!.. Мы зашумѣли. Пріѣхалъ онъ съ исправникомъ, казаковъ полсотня. Стали такъ казаки поодаль, — исправникъ на сходъ: «Запорю, сучьи дѣти, разстрѣляю!!.» Ну, знамо дѣло, народъ разгорячимшись. За шиворотъ его схватили... саблю вырываютъ... Стражникъ при немъ, и того тоже. Онъ нацѣливается этакъ изъ ружья: выстрѣлить хочетъ, а его — хлопъ по ружью-то снизу... Однимъ словомъ, разошелся народъ, словно замстило всѣхъ...

— Чай онъ, дядя Нестеръ, стрѣлять велѣлъ, казакамъ-то!— перебили сзади разсказчика,—ты забылъ...

— Не забылъ я этого!..—выкрикнулъ мужикъ, одушевляясь еще больше.—Какъ это: забылъ? Развѣ можно когда эдакое дѣло позабыть? Велѣлъ онъ стрѣлять, это точно. Вырвался изъ кучки-то, исправникъ—то исть, да къ нимъ: «Стрѣлять, гритъ, надо... боевыми»... Они глядятъ изподлобья: «Стрѣлять мы не станемъ... вонъ кого надо застрѣлить»... Показали на приказчика красулинскаго. «Не мути народъ, мужики не виноваты... зачѣмъ два раза луга продавалъ?..» Видитъ исправникъ: дѣло плохо. Взмолился къ нимъ: «Нельзя такъ, братцы, мужику потрафлять... Они этакъ всякое уваженіе къ начальству потеряютъ. Попугайте хоть нагайками». «Нагайками, слышь, можно». Сѣли на лошадей, подняли нагайки, трусятъ на насъ. Мы духомъ прыснули. Только и всего...

— Ну, положимъ, до соціализма еще отсюда далеко,—замѣтилъ кто-то.

— Конечно, что толковать... За лѣто народъ много отъ нихъ попользовался,—поддержали старика другіе мужики.—Гдѣ оренбурски казаки стояли—народъ тамъ съ хлѣбомъ...

— Къ примѣру, въ нашей волости... Устимовъ пригналъ ихъ полсотни. Безъ казаковъ пропалъ бы народъ. Баринъ характерный! Управителю приказъ отдалъ такой: «Пускай все въ убытокъ идетъ!.. Пускай горитъ лучше все, а мужикамъ уважки не дѣлай». Близко, бывало, не подойдешь къ барскому двору. Самъ все засѣялъ, рабочихъ за тыщу верстъ гдѣ-то набиралъ. На тотъ конецъ поспѣлъ хлѣбъ, прибыли на караулъ казаки, торговлю ночную открыли. Такція такая: любой возъ сноповъ наклады-

вай—полтинникъ. Разстелишь пологъ, наколотишь возъ зерна—рубль. Баранъ барскій—рубль. Плугъ—пять рублей. Они за лѣто-то, ночнымъ бытомъ, всего Устимова расторговали, и Апличева тоже... Сами нажились и мужикамъ передышку дали. Кто противъ нихъ сможетъ? Они въ полной формѣ разъѣзжаютъ по полямъ-то. При немъ и ружье, и леворверъ, и сабля...

— Н-да, было дѣло! Теперь казаковъ смѣстили, черкесовъ пригнали... эти—чер-ти!..

— Обрыкаются и эти!.. не бойсь, братъ!..

— Не скоро-о!

— Насуй-ко ему въ ладонь цѣлковыхъ побольше, смягчится и онъ, даромъ черкесъ!..

Надъ низиной спустилась ночь. Незамѣтно, крадучись, заволокла она чащи кустовъ, блеснула два-три раза вверху отблескомъ далекой зари и окончательно окутала насъ сырымъ, промозглымъ туманомъ, то сѣрымъ и скучнымъ, какъ осень, то чернымъ, какъ бездна, и ползучимъ, какъ осминогъ. Становилось зябко. Мы продолжали разговаривать, не видя даже другъ друга. Порой лишь вспыхивалъ красный огонекъ папироски и, показавъ сосредоточенную, угрюмую физіономію, потухалъ, какъ случайно заброшенный уголекъ. Гдѣ-то близко, близко полоскалась перелетная птица и таинственно шелестѣлъ отжившей листвой невидимый лѣсъ.

Возбужденіе ораторовъ начинало падать. Пора было кончать разговоръ.

Вдругъ долгій свистъ, тихій и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожный, прорѣзалъ тишину. Всѣ встрепенулись и замерли, кто-то шарахнулся въ сторону, кусты зашуршали, хлюпнуло болото.

— Ни съ мѣста!

Распорядитель сталъ отдавать приказанія:

— Иванъ, Семенъ Петровичъ и Петька! Вы пойдете сейчасъ же проводить нашего гостя! Спуститесь къ рѣкѣ! Остальные разбивайтесь на кучки... по два, по три... Горожане! Берите въ каждую кучку по одному пріѣзжему.

Свистъ повторился, но болѣе мягкій и почти ласкающій.

— Расходись, какъ уговаривались!

Мы пошли, спотыкаясь на кочки и кусты. Подъ ногами что-то хлюпало и трещало. Мокрыя вѣтки били по лицу, царапались. Въ темной безднѣ неба слышался иногда свистящій шумъ полета большой птицы... Роща на всемъ протяженіи шуршала, напряженно дышала и изрѣдка кидала въ темное пространство сдержанное ругательство и клекотъ невидимаго хищника.

Гдѣ-то близко, близко отъ насъ прозвучалъ глухой трескучій выстрѣлъ и тревожнымъ шорохомъ врѣзался въ безпокойную темную листву.

Ему отвѣтилъ торопливый топотъ бѣгущихъ ногъ, не то конскихъ, не то людскихъ.

Шорохъ лѣса усилился. Мы благополучно вышли на песчаный берегъ рѣки и по мокрому, твердому песку пошли впередъ. Здѣсь было свѣтлѣе и просторнѣй. Наши длинные, скученные силуэты ложились на темную воду, колыхались по извивамъ и плыли за нами, тревожные и дрожащіе.

Одно время надъ кручей рѣки обрисовалась было неясная фигура всадника, но скоро исчезла.

Мы благополучно добрались до города, мокрые, усталые, украшенные надоѣдливыми гирляндами цѣпкаго репейника.

— Слава Богу, вернулись!—встрѣтили насъ.—Самоваръ давно на столѣ.

Однако, мнѣ такъ и не суждено было спокойно расположиться за чайнымъ столомъ.

VII.

Небольшая комната, гдѣ мы намѣревались попить чайку, наполнилась народомъ. Кромѣ горожанъ, пришли и пріѣзжіе мужики, не попавшіе на собраніе. Благодаря неудачному паролю, они вмѣсто Барабановской рощи попали въ деревню Березовку, верстъ за пять отъ города. Усталые, раздосадованные, они вернулись оттуда ни съ чѣмъ и теперь настойчиво требовали, чтобы я поѣхалъ вглубь уѣзда по деревнямъ. Такое путешествіе совершенно не соотвѣтствовало моимъ планамъ, но мужики и слышать ничего не хотѣли.

— Какъ же таперича я домой пріѣду? — урезонивалъ меня плотный рыжебородый мордвинъ, больше всѣхъ досадовавшій на свой неудачный пріѣздъ.—Меня не токмо что сурьезно встрѣтятъ, а обругаютъ нѣтъ того хуже... Прямо не кажи глаза!.. Сдѣлай милость—поѣдемъ!..

— Поѣдемъ!..—поддерживали его остальные.

Я рѣшился ѣхать.

Черезъ какихъ-нибудь полчаса была запряжена лошадь. Мы сидѣли въ короткой, плотно сбитой телѣгѣ и мучительно тряслись по уродливой мостовой засыпающаго города.

Мой подводчикъ былъ изъ дальняго мордовскаго села. Давнишній «студентъ», сидѣвшій за свои убѣжденія въ тюрьмѣ, хорошо грамотный, неутомимый агитаторъ, онъ могъ быть интереснымъ собесѣдникомъ. Но намъ не говорилось. Дѣйствовали ли тусклые огни города, еще свѣтившіе въ необъятной темнотѣ сентябрьской ночи, или просто было не до разговоровъ, — только мы молчали. Мелкая выносливая лошаденка, осторожно и внимательно нащу-

пывая влажную дорогу, ободряюще фыркала, увозя насъ въ безлюдную, молчаливую степь.

Гдѣ-то близко гудѣла надоѣдливая однотонная пѣсня телеграфной проволоки. Изрѣдка проползали мимо мрачные силуэты перелѣсковъ. Вскорѣ насъ поглотила жуткая черная тишина, слегка прохладная и дремотная.

— Надо быть, почта... присядь пофорсистѣй... — врѣзался въ мое сознаніе тревожный голосъ подводчика.

Я сбросилъ дремоту. Видимо, близился разсвѣтъ. Въ воздухѣ чувствовалось больше сырости и холода. Ночныя тѣни стали рельефнѣе; замѣтно маячили телеграфные столбы и придорожный бурьянъ, само небо сдѣлалось сѣрымъ, какъ солдатская шинель, и низкимъ, невзрачнымъ. Подводчикъ шелъ пѣшкомъ рядомъ съ телѣгой. Впереди, приближаясь къ намъ, бренчалъ усталый дорожный колокольчикъ.

— Почта! — повторилъ подводчикъ, подтыкая подъ меня свѣсившійся пологъ.

Передъ нами вырисовалась подвода, запряженная парою еле трусившихъ почтовыхъ лошадей. Вокругъ ѣхали лѣнивой рысцой нѣсколько верховыхъ. Большіе, въ лохматыхъ папахахъ, вооруженные, они казались среди сѣрыхъ потемковъ чудовищами временъ «идолища поганаго». Мы предупредительно свернули въ сторону.

— Что за люди?—крикнулъ въ нашу сторону сиплый голосъ, принадлежащій, видимо, слабогрудому и усталому человѣку.

Крикъ этотъ такъ не гармонировалъ съ внѣшностью встрѣченныхъ нами страшныхъ людей, что сразу поднялъ въ насъ духъ.

— Городскіе! — бодро откликнулся мужикъ, — скотиной промышляемъ!..

— До Савкина далеко?—крикнулъ и я, чтобы вполнѣ упрочить благопріятное впечатлѣніе.

Почта не отвѣтила и, миновавъ насъ, слилась съ сѣрымъ туманнымъ сумракомъ. Вскорѣ замеръ и колокольчикъ.

— Ну!.. пронесъ Господь грозу...

— Почему грозу?—недоумѣвалъ я.

— Какъ же, позапрошлой ночью на этомъ самомъ тракту ограбили ее, почту-то... Четыре тыщи вынули, почтальона связали и ямщика... Теперь такія строгости пошли, — бѣда!.. Деревню одну всю на тло арестовали, всѣхъ мужиковъ побрали... Въ Лопатинѣ попадью посадили, въ Аряшовѣ учителя взяли... Вчерашній день всѣхъ проѣзжихъ допрашивали... Забрали кой кого...

По мѣрѣ того, какъ подводчикъ разсказывалъ о событіи, я все больше и больше цѣнилъ усталую апатію встрѣчной стражи. Дѣйствительно, попадись я теперь въ руки мѣстнымъ властямъ, они съ большимъ наслажденіемъ притянули бы меня къ чему-нибудь въ родѣ ограбленія почты. Ужъ если полиція воспользовалась этимъ

случаемъ, чтобы свести свои счеты съ попадьей, то скандалъ, связанный съ моимъ именемъ, былъ бы для нея еще бóльшимъ наслажденіемъ, да, пожалуй, доставилъ бы и повышеніе по службѣ.

Подводчикъ продолжалъ разсказывать:

— Много народу побрали за эти два дня и нѣтъ того лучшихъ мужиковъ. Верстъ на двадцать кругомъ обыски были. Пріѣдутъ въ село къ попу, аль тамъ къ стражнику, къ кулаку какому: «кто у васъ газету получаетъ, кто книжки читаетъ»? Ну, разспросятъ про такихъ, сознательныхъ... Тѣ сейчасъ: «такіе-то и такіе-то и такіе-то!.. Живутъ тамъ-то»!.. Сейчасъ—обыскъ. Разспросъ: «гдѣ былъ прошлую ночь? докажи»!.. Многихъ арестовали... Ну, конечно, бабы плачутъ. Говорятъ, что казаки почту ограбили, больше некому, да что толку?.. Ихъ развѣ удостовѣришь?..

Мнѣ становилось жутко отъ этого простого, спокойнаго повѣствованія о вопіющемъ произволѣ и беззаконіи. Казалось, въ этомъ безконечномъ сумракѣ умирающей ночи блуждаютъ тысячи, десятки тысячъ скользкихъ вампировъ, вылавливаютъ молодыхъ, полныхъ жизни и мощи людей, кидаютъ ихъ въ могильные склепы и тамъ жадно, захлебываясь, сосутъ, жгучую буйную кровь... Бр!.. страшно!..— Онъ продолжалъ:

— А тотъ, кто почту взялъ, поди. теперь въ Саратовѣ по трактирамъ погуливаетъ, при часахъ золотыхъ, въ парѣ суконной...

— Кто же это?

— Извѣстно кто!.. Сидоръ. Знаешь Сидора?

Я зналъ Сидора. Это типичное порожденіе революціонной эпохи. О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Сидоръ выросъ въ полуголодной крестьянской семьѣ. Къ нему плотно привилась грамотность, и, будучи еще подросткомъ, онъ жадно глоталъ всякую книгу, какая попадалась въ руки. Прочитанный матеріалъ не далъ парню систематическихъ научныхъ знаній, но за то расширилъ горизонтъ его мысли и поселилъ въ немъ смутную неудовлетворенность окружающей дѣйствительностью. Въ свое время до него дошла и нелегальная книжка.

— Словно солнышко засіяло у меня въ головѣ! — вспоминалъ потомъ Сидоръ о первой прочитанной «нелегалкѣ». — Сразу все понялъ, безъ толкованій... и слеза прошибаетъ, и кулаки сжимаются, а самому хочется что-то сдѣлать... большое такое, важное!.. э-эхъ!..

Какъ извѣстно, нелегальная книжка дѣйствуетъ на свѣжаго человѣка въ двухъ направленіяхъ: она быстро, почти ошеломляюще опредѣляетъ міровоззрѣніе и толкаетъ на то, чтобы человѣкъ возможно большему количеству людей открылъ глаза на дѣйствительность, т. е. ставитъ на путь пропаганды и агитаціи.

Сидоръ сдѣлался ярымъ пропагандистомъ. Всю окрестность на 50—60 верстъ онъ исходилъ пѣшкомъ, разнося нелегальную литературу, организуя революціонныя братства. Часто можно было

встрѣтить этого высокаго, плотно сбитаго парня, съ энергичнымъ запыленнымъ лицомъ, шагающимъ изъ села въ село, изъ перелѣска въ испещренное скирдами поле. Онъ всегда обувался въ лапти съ толсто навернутыми онучами, при чемъ онучи перекладывались гирляндами прокламацій и плотно укручивались писанной оборкой.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было надежныхъ людей, Сидоръ разбрасывалъ прокламаціи и книжки по улицамъ, по гумнамъ, разсовывалъ по амбарамъ, по скирдамъ. Иногда, раскидавъ десятокъ—другой листковъ по скошеннымъ, но еще не убраннымъ, рядамъ хлѣба, Сидоръ садился въ ближайшее укромное мѣсто и наблюдалъ. Если найденные листки производили хорошее впечатлѣніе, то онъ подходилъ, какъ бы мимоходомъ, къ образовавшейся кучкѣ народа и вмѣшивался въ разговоръ. Такъ заводились новыя связи и знакомства. Лѣтомъ 1905 года пропагандистская работа Сидора дошла до высшей точки напряженія. Къ осени революціонная волна, поднявшаяся въ городѣ еще въ знаменитый день 9 января, дошла до деревни: начались аграрные безпорядки.

Односельцы Сидора поднялись почти первыми. Цѣлымъ таборомъ двинулись они на сосѣднее княжеское имѣніе. Въ то время, когда крестьянская масса навалилась на амбары, громя ихъ и увозя хлѣбъ, Сидоръ съ двумя—тремя близкими товарищами овладѣлъ княжескимъ выѣздомъ. Парни заложили въ легкій экипажъ тройку породистыхъ рысаковъ, выкинули красный флагъ и помчались въ сосѣднія села. Съ шумомъ, гикомъ и трескомъ влетала разгоряченная тройка въ село и останавливалась передъ взъѣзжей. Пріѣзжіе давали залпъ изъ охотничьихъ ружей, и, опьяненный событіями, Сидоръ держалъ сбѣжавшемуся народу рѣчь:

— Пришла революція!—кричалъ онъ охрипшимъ восторженнымъ голосомъ.—Во всѣхъ городахъ забастовка!.. Мужики поднялись на господъ!.. Берутъ хлѣбъ, берутъ землю и кто чего хочетъ! Поднимайтесь!

Мужики, отуманенные, торопливые, радостные бѣжали домой, поспѣшно запрягали лошадей, запасались ломами, топорами, вилами и, какъ сумасшедшіе, скакали въ пустыя усадьбы сосѣднихъ помѣщиковъ. Бабы, дѣвки, подростки, схвативъ мѣшки и корзинки, сломя голову, бѣжали туда-же. А Сидоръ съ товарищами срывался съ мѣста и мчался въ другое, третье село, все дальше и дальше. Лошади уставали, они завертывали въ ближайшую усадьбу и запрягали свѣжую тройку, самую лучшую: усадьбы были пусты.

Въ два дня Сидоръ съ товарищами проѣхалъ почти весь уѣздъ. Два дня хозяйничали мужики безъ всякаго сопротивленія. Кромѣ помѣщичьихъ усадебъ, въ щепки летѣли казенные кабаки, рѣкой лилось казенное вино... На третій день наступила жестокая расплата.

Словно орды Батыя, пронеслись по селамъ казачьи сотни, во главѣ опомнившихся земскихъ и становыхъ.

Все, что могло спастись, ринулось вонъ изъ деревни. Спасся и Сидоръ.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій я встрѣчалъ его разгуливающимъ по улицамъ Саратова въ великолѣпномъ костюмѣ съ барскаго плеча.

Карательная экспедиція генерала Сахарова заставила бѣжать изъ деревни почти всю сознательную молодежь. Брошенная безъ всякаго призора на нелегальное положеніе, она стала влачить жалкое, полуголодное существованіе. Заработковъ не было, общественная помощь не могла даже найти этихъ никому неизвѣстныхъ молодыхъ скитальцевъ, такъ какъ революціонныя организаціи, къ которымъ они могли бы еще такъ или иначе найти ходъ, были разгромлены въ чистую. Вскорѣ случилось то, что можно было предвидѣть: въ губерніи появилась шайка грабителей, съ поразительной дерзостью отбиравшая выручку винныхъ лавокъ.

Въ теченіе зимы было ограблено болѣе десятка казенныхъ кабаковъ, отобрана не одна тысяча выручки. Въ освѣдомленныхъ кругахъ говорили, что во главѣ шайки стоитъ Сидоръ. Дѣйствительно, Сидоръ былъ однажды арестованъ при наличности какихъ-то вѣскихъ уликъ, но сумѣлъ бѣжать изъ камеры слѣдователя, выпрыгнувъ изъ второго этажа прямо на улицу.

Вотъ этого-то Сидора и обвиняла молва въ ограбленіи почты. Трудно только было дознаться: дѣйствовалъ ли онъ по порученію революціонной партіи, или на свой личный страхъ?

На зарѣ мы пріѣхали въ село, гдѣ я долженъ былъ остановиться. Разыскали мѣстную «организацію сознательныхъ». Несмотря на переполохъ, произведенный въ селѣ свѣжими обысками и арестами, меня встрѣтили съ большимъ радушіемъ. Изба все время была полна народомъ. Мужики, старухи, бабы приходили поговорить и поглядѣть.

Мнѣ, усталому, полусонному, приходилось вести цѣлый день оживленную бесѣду. Темы разговоровъ были очень разнообразны. Говорили мы о внутреннемъ убранствѣ царскаго дворца, о Государственной Думѣ и о тѣснотѣ мужицкой. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ Гл. Успенскій разсказываетъ о своемъ пріятелѣ хозяйственномъ мужикѣ, который, наслаждаясь поэзіей хозяйства, сладко зѣвалъ отъ нѣсколькихъ газетныхъ строчекъ. Это было весьма характерно для мужика до самаго послѣдняго времени. Но если бы талантливый изслѣдователь народной жизни пришелъ въ деревню теперь, ему пришлось бы констатировать поразительный переворотъ въ привычкахъ мужика.

Вся та плохая грамотность и полуграмотность, которую мужикъ походя пріобрѣталъ въ земской и церковной школѣ, вдругъ сразу пригодилась. Прежде, въ спокойное время, онъ положительно не зналъ, для чего нужна эта самая грамота; развѣ только на случай, «въ солдаты пойти, аль въ приговорѣ расписаться». Те-

перь цѣна грамотному человѣку выросла. Каждый клочекъ печатной бумаги тщательно приберегается, прочитывается и обсуждается.

Газета стала необходимой принадлежностью крестьянскаго обихода. И она не только не навѣваетъ сладкихъ зѣвковъ, но очень быстро и рѣшительно вводитъ въ кругъ политическихъ и общественныхъ интересовъ. Все это бросается въ глаза при близкомъ соприкосновенiи съ крестьянской средой, гдѣ грамотный и болѣе или менѣе сознательный крестьянинъ успѣлъ уже стать вождемъ общественнаго мнѣнiя.

VIII.

Мы сидѣли на пчельникѣ. Надъ нами висѣла густая мгла теплой осенней ночи. Вокругъ таинственно шелестѣла сочная, не поддающаяся дыханiю осени, листва молодой поросли. Большой, веселый костеръ широко разбрасывалъ красные отблески, отгонялъ прочь пугливыя трепетныя тѣни и время отъ времени застилалъ насъ клубами ѣдкаго, непрiятнаго дыма.

Кружокъ нашъ вокругъ костра все увеличивался. Люди подходили неслышно пѣшкомъ, подъѣзжали съ тихимъ стукомъ на телѣгахъ и появлялись, какъ волшебныя тѣни, верхомъ на удивленныхъ толстопузыхъ лохматыхъ лошадяхъ.

Сюда собирались «политики» со всей волости, и это своеобразное ночное засѣданiе «мужицкаго парламента» не было исключительнымъ. Стояла пора, когда мужики гоняли на ночную пастьбу лошадей, и такiя засѣданiя происходили почти ежедневно.

— Старыхъ выберемъ... старыхъ! Что ты тамъ ни толкуй... какъ ни разгоняй ее, Думу-то!..—увѣрялъ юркiй, небольшой старикъ, сидѣвшiй напротивъ меня.

— Какъ старыхъ?—переспросилъ я,—кажется, изъ вашей восости выборщики были неважные?

— Не о нихъ рѣчь! Что тамъ выборщики? Въ Думу старыхъ пошлемъ... вотъ-что!..

— Эхъ! Николай Степаныча нѣтъ!.. вотъ бы радъ-то былъ!..

— Гдѣ онъ?

— То-то взяли его, изъ-за почты этой: почту у насъ ограбили. Мы и слыхомъ не слыхали и духомъ не чуяли, анъ глядь... семь человѣкъ изъ села-то хапнули. Самыхъ что ни на есть...

— Николай Степанычу въ выборщикахъ бы быть-то...—перебилъ старика молодой мужикъ.

— Видишь, оно дѣло-то какъ случилось: бойкотъ они сдѣлали... Николай Степанычъ, да Василiй Корневъ...

Я поинтересовался бойкотомъ, о которомъ раньше не слышалъ

— Вотъ онъ здѣсь, Василій... Вась!.. ну-ка, подь суда... разскажи, какъ вы бойкотъ Думѣ сдѣлали...

— Что тамъ? Глупость одна!—отозвался густымъ басомъ Василій изъ темноты.

Однако, шагая черезъ плотно сидящихъ вокругъ костра мужиковъ, онъ пробрался впередъ.

— Видите, дѣло какъ было. Порѣшили на сходѣ насъ двоихъ выбрать. Заранѣе еще дѣло налажено было, потому какъ мы издавна «партійные», всѣ дѣла эти толковали. Только пріѣзжаетъ этто изъ «комитету» человѣкъ,—молодой такой, рыжеватый, Михайлой звать... Може, ты его знаешь? — Оказалось, я «Михайлы изъ комитету» не зналъ.

— Ну, все равно. Пріѣзжаетъ изъ комитету человѣкъ и по обыкновенію ко мнѣ. Пароль сказалъ, все какъ слѣдуетъ... Позвалъ я Николай Степаныча, толкуемъ. «У васъ,—говоритъ,—какъ насчетъ бойкоту?» А мы не поняли какъ слѣдуетъ. Все, молъ, хорошо... насъ, вотъ, двоихъ облюбовали, и выберутъ безпремѣнно...

— Это,—говоритъ,—вы не то! Отъ главнаго комитету приказъ пришелъ, чтобы не смѣли въ Думу выбирать! Ежели кто пойдетъ на выборы, того изъ партіи вонъ!.. Потому, слышь, Дума будетъ вся черносотенница... Кто попадетъ сознательный—того въ тюрьму заберутъ... Велитъ намъ, чтобы мы и мужикамъ всѣмъ такъ толковали и остановили бы отъ выбора. Ну, а куда тутъ остановить? Мужики, какъ солнышка райскаго, ждутъ этой самой Думы... Признаться, и мы съ Николай Степанычемъ до этого не мало народъ поджигали на эту стать. Все толковали: вотъ, молъ, въ чужихъ краяхъ народные представители... хорошо тамъ... и все прочее такое... Уѣхалъ этотъ Михайла, мы и думаемъ себѣ: «какъ быть?» Ну, и порѣшили... до Думы намъ, пожалуй, не дойти, а шаръ за хорошаго человѣка и другой сумѣетъ положить... Такъ и отказались...

— Вотъ, видишь, оно дѣло-то какое!—подхватилъ старикъ.—Теперича безпремѣнно ихъ двоихъ выберемъ!.. Ну ихъ къ Богу и съ бойкотами-то!...

— Выберешь вотъ ужо!—донесся сзади скептическій голосъ,—одинъ ужъ сидитъ... Гляди, другого скоро посадятъ!..

— Изъ острога выберемъ!..

— Выбирай оттуда любого...

— Попъ у насъ больно долгоязычный!—вступилъ въ разговоръ бородатый мужикъ смирнаго вида,—чуть что—ужъ оно тамъ!.. донесетъ...

— Да, попъ дѣйствительно!..—согласились голоса.

— Сократить его надо, вотъ что!..

— Какъ сократишь?

— Какъ? Какъ Козловскіе своего писаря сократили?

Всѣ дружно захохотали. Казалось, пламя костра нарочно под-

прыгнуло и обагрило кровавымъ румянцемъ эту сотню довольныхъ лицъ, смѣющихся, какъ мнѣ показалось, дурнымъ смѣхомъ...

Дѣйствительно, многимъ послѣ смѣха стало неловко, но нѣкоторые съ видимымъ наслажденіемъ упивались пріятнымъ воспоминаніемъ.

— Ты не слыхалъ про писаря-то?—спросилъ меня говорливый старикъ.—Какъ-же? Ему хорошую штуку подстроили!.. Онъ тоже, какъ и нашъ попъ, любилъ доносить. Ходу, бывало, не дастъ: то къ земскому, то къ приставу, то жандара привезетъ... Неймется ему... Прямо хоть бросай все дѣло!.. до полсотни народу засадилъ. Они и приговоръ писали, и добромъ просили, и грозили... нѣ-ѣтъ!.. онъ все свое... Тады... мужикъ у нихъ одинъ есть, скажемъ, Тимошкой звать...

— Сидитъ онъ теперь! – замѣтили сзади.

— Кой сидитъ? На волѣ...

— Сидитъ!..

— Ну ладно... взялъ этотъ Тимошка ружье, зарядилъ мочкой посконной, подкараулилъ... ды-ы какъ бахнетъ ему въ щеку!..

Нѣкоторые парни опять засмѣялись. Старикъ серьезно продолжалъ:

– Щеку наскрозь пробилъ, языкъ прочь оторвалъ...

Мнѣ стало больно и жутко слушать эту скорбную повѣсть вынужденной жестокости. Я всталъ и выбрался изъ круга въ лѣсъ. Толпа гудѣла безпорядочнымъ разбитымъ разговоромъ.

«Горе человѣку, который соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ»,—вспомнились мнѣ слова Евангелія.—Кто соблазнилъ, въ самомъ дѣлѣ, этого легендарнаго Тимошку на жестокій поступокъ? Тамъ наверху, въ Петербургѣ, сидятъ люди, именуемые правительствомъ. Рядомъ мѣръ они заставили писаря быть шпіономъ, а Тимошку чуть не убійцей. Всѣхъ этихъ старыхъ и молодыхъ мужиковъ они вынудили рукоплескать поступку Тимошки... Такъ правительство воспитываетъ народъ.

Народъ все еще продолжалъ прибывать, и я не начиналъ своего доклада о Думѣ. Около костра разговоръ опять шелъ о попѣ. Появился новый старикъ, кряжистый, съ густой щетинистой бородой и громкимъ пастушескимъ, крикливымъ голосомъ. Оказалось, онъ былъ сосѣдъ попа и разсказывалъ что-то новое. Его слушали съ веселымъ интересомъ.

— Ставни подѣлалъ... изнутри... Запирается таперича... Я восейка встрѣтилъ у воротъ и спрашиваю, быдто съ проста: «Что, батюшка, аль иконы новыя подѣлали, окошки всѣ изъ горницы заложили?» «Это,—баитъ,—ставни нутряныя». «За-ачѣмъ?» «Отъ озорниковъ» — слышь. «А ежели, молъ, камешекъ возьметъ какой шутникъ да пуститъ... Чай прошибетъ ставню-то?» Ничего не сказалъ, засопѣлъ, ушелъ...

Слова старика опять покрылъ хохотъ.

— Придется!..—замкнулъ весь этотъ разговоръ какой-то одинокій голосъ и замолкъ.

Было около полуночи, когда я закончилъ разсказъ о Думѣ. Слушатели распрямились и принялись комментировать слышанное.

— Н-да! ихъ тоже, видно, голыми-то руками не спихнешь... Обросли они тамъ въ теплѣ-то!..

— Что толковать: поди, кашу и ту на морозъ не сразу выкинешь, упираться будетъ, карябаться...

— На ихъ здоро-оро-овую дубину надо!...

— А Столыпина это мы знаемъ... пріѣзжалъ лѣтось осенью...

— Послѣ того какъ господъ почистили!..

— Да. Пріѣхалъ: «У-у-у!.. Запор-рю!.. разстрѣля-яю!.. Кто поджигалъ? кто грабилъ?» А мы упали на колѣни: «ваше превосходительство! мы только хлѣбъ увезли, все равно погорѣлъ бы». А онъ: «кто поджигалъ?» Мы вопимъ: «въ шляпахъ какіе-то пріѣзжали, они подожгли, мы только хлѣбушкѣ не дали пропасть»... «Переловить всѣхъ!...» Мы: «всѣхъ переловимъ, ваше превосходительство!..»

— Правда это, что пріѣзжали въ шляпахъ? — полюбопытствовалъ я.

— Ну, правда!.. Никого не было, сами все оборудовали. А это къ тому, чтобы не запоролъ... Кричитъ: «Я ближній слуга государя императора, могу васъ на нѣтъ уничтожить... изъ пушекъ разстрѣлять...» Этимъ его только и взяли, что про шляпы выдумали. Велѣлъ хлѣбъ назадъ везти. Кто привезъ пять возовъ, повезъ два... Многіе попользовались...

— Не жалѣете, что ходили громить?

— Чего жалѣть? Нѣтъ. Съ хлѣбомъ остались, перезимовали.

— Да вѣдь многихъ нагайками изуродовали, въ тюрьму посадили!..—удивлялся я неожиданной для меня аргументаціи мужиковъ.

— Э э!.. это что... нагайки, тюрьма...—отвѣчали хоромъ мужики.—А бывало, сколько народу помирало съ голодухи!.. Къ веснѣ на могилки придешь—все изрыто!.. мѣста цѣлаго нѣтъ!.. Она называется по разному: тифъ тамъ, горячка... все отъ того, что не доѣстъ, не допьетъ человѣкъ... вотъ те и тифъ... Съ хлѣбомъ какъ можно?.. съ хлѣбомъ народъ живъ остается...

— А въ тюрьму-то насъ и безъ этого косяками гоняютъ!—крикнулъ кто-то.

— Тюрьма что? Это она прежде страшна была! А ноня...

— Да и по скулѣ, бывало, попадало не меньше нагайки. Все равно бьютъ!..

— Бьютъ!..

— Ну, братъ, нынче тоже не больно ударишь!

— Д-да!.. не всякаго...

Митингъ кончился. Меня усадили на роспуски и повезли

дальше, а толпа, громко перекликаясь, расползлась и растаяла во мглѣ еще болѣе сгустившейся ночи.

— Странное время, странные люди!..—сорвался у меня съ языка обрывокъ мысли.

— Да,—торопливымъ голосомъ подтвердилъ подводчикъ, — народъ нонче перемѣнился... Не узнать совсѣмъ...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней я побывалъ во многихъ селахъ родной мѣстности. Время распредѣлялось какъ-то по одному плану: днемъ разговоры и угощенье, ночью митингъ, въ лѣсу, на гумнѣ или въ просторной избѣ. Даже темы разговоровъ почти однѣ и тѣ же: собака-урядникъ, казаки, шпіоны, разбитыя надежды на Думу, планы новой борьбы...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ меня подробнѣе знакомили съ проектами будущихъ выступленій, къ которымъ готовились подъ вліяніемъ разгона Думы. Показывали даже запасы оружія заржавленнаго, негоднаго, попорченнаго отъ долгаго храненія въ землѣ. И надо было видѣть, съ какой любовной бережливостью и съ какой беззавѣтной вѣрой въ мощь этихъ негодныхъ комочковъ желѣза молодежь относится къ «оружію». И это вообще характерная черта нашей деревни. Въ ней наблюдается жажда оружія, своего рода бредъ оружіемъ. Сколачиваютъ послѣднія крохи, чтобы тайкомъ изъ подъ полы купить негодный, разбитый револьверъ. Ради добычи оружія оправдываются всякіе поступки, даже такіе, отъ которыхъ еще недавно отворачивались съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Любопытно, что многіе, особенно запасные солдаты, отлично понимаютъ непригодность своего вооруженія. Но и они берегутъ «оружіе». Берегутъ, какъ символъ, какъ мечту далекой или близкой побѣды...

Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ смотрятъ эти мечтатели на блестящія винтовки стражниковъ и казаковъ. Конечно, здѣсь не рѣдки случаи кражи казеннаго оружія. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ мнѣ пришлось слышать такой разсказъ отъ самого автора.

— На молотилкѣ мы работали, на барскомъ гумнѣ. Много нашихъ было. Я солому металъ съ парнями, а Наська, сестра моя—солдатка, мякину отгребала... И привяжись къ ней казакъ... ихъ штукъ пять, казаковъ, молотьбу оберегаютъ... Привязался онъ къ ней, ржетъ, играетъ быдто, а самъ все дальше да дальше ее отъ народа отпихиваетъ, къ омету поближе. Доглядываю это я за ними, а у самого на сердцѣ такъ и кипитъ: «у-у!..—думаю,— треклятый, не добро задумалъ... Какъ-ни-какъ надо вызволить Наську... Стиснулъ вилки въ кулакъ, пробираюсь къ нимъ... Вдругъ, братецъ ты мой, гляжу: винтовка эта самая блеснула!.. Къ омету онъ ее приставилъ. Что ты будешь дѣлать?.. Забылъ я про Наську... про безчестье забылъ... Ослѣпила она меня!.. Поползъ я къ винтовкѣ. Ну, покуда они тамъ ворошились, я ее

сгребъ, да къ себѣ, да въ солому... Такъ и схоронилъ, у меня она теперь...

Такое жадное уваженіе къ оружію отчасти переносится и на вооруженныхъ людей. Это проглядываетъ въ сложившихся за послѣднее время отношеніяхъ крестьянъ къ казакамъ.

Послѣ всѣхъ ужасовъ и жестокостей, которые видѣло населеніе отъ казачества въ прошломъ году, казалось бы, должна остаться одна сплошная ненависть къ нимъ, но этого нѣтъ. О мобилизованныхъ казакахъ крестьяне отзываются хорошо. Казакъ часто является почетнымъ гостемъ въ крестьянской избѣ, его сажаютъ въ передній уголъ. Казака часто угощаютъ водочкой и при томъ съ нѣкоторой долей подобострастія. Дурное и злобное отношеніе существуетъ къ казакамъ наемнымъ, охраняющимъ помѣщичьи лѣса и усадьбы, но здѣсь причина чисто экономическая: наемные казаки мѣшаютъ пользоваться господскимъ добромъ.

Мобилизованные казаки живутъ по селамъ довольно большими отрядами, по сотнѣ, по полторы. Въ настоящее время трудно учесть всю сумму ихъ вліянія на крестьянскіе нравы. Но, несомнѣнно, вліяніе это идетъ въ дурную сторону. Казаки насаждаютъ въ деревнѣ развратъ и пьянство, иногда подъ ихъ покровительствомъ совершается и воровство. Тѣ случаи насилія надъ женщинами, о которыхъ такъ много говорили въ прошломъ году, отошли въ область преданій. Теперь солдатки и дѣвки сами льнутъ къ казакамъ, которые всегда при деньгахъ, при оружіи. Въ хороводахъ казаки хозяева. Зачастую они отгоняютъ парней однимъ гикомъ или всплескомъ ладоней, а сами хохочутъ и величаются. Разсказываютъ про нѣкоторыхъ солдатокъ, что онѣ за годъ дружбы съ казаками нажили по сто—полтораста рублей И много на этой почвѣ произошло скрытыхъ, мало кому извѣстныхъ, но сокрушительныхъ драмъ.

IX.

Послѣ нѣкоторыхъ скитаній я былъ доставленъ въ родное село. Здѣсь все съ пеленокъ было знакомо, люди въ полномъ смыслѣ слова свои. Кромѣ близости гражданской, классовой, я долженъ былъ встрѣтить еще близость родственную, кровную. Здѣсь я надѣялся вплотную подойти къ народной жизни и, можетъ быть, окунуться въ нее съ головой. Надѣялся узнать о мужикѣ всю правду, до дна. Однако моей мечтѣ не пришлось осуществиться. Помѣшали все тѣ-же полицейскія условія. Власти не переставали ожидать моего пріѣзда и сосредоточили свое исключительное вниманіе на родномъ селѣ. У насъ жили урядникъ, два стражника и полторы сотни казаковъ, часто навѣдывался и приставъ.

Правда, вся поѣздка въ достаточной мѣрѣ убѣдила меня въ томъ,

что все это обиліе властей безсильно сдѣлать что-либо въ смыслѣ предупрежденія событій. Слишкомъ они далеки отъ народа. Они могутъ лишь карать, и то, что называется, въ темную, безъ всякаго разбора, кого ни попадя. Однако, легко можно было нарваться на случайность, и тогда могла повториться исторія съ набатами, разстрѣлами и карами.

Въ силу такихъ соображеній мнѣ и въ родномъ селѣ довелось побыть только день, провести бесѣду вечеромъ и уѣхать. Остановиться пришлось у одного дальняго родственника, на краю села. Изъ оконъ избы была видна вся сѣрая масса убогихъ, закутанныхъ въ гнилую солому, невзрачныхъ построекъ. Я помню ту же улицу и всю эту мѣстность въ пору дѣтства. Какая разница! Вмѣсто этихъ тощихъ лачугъ, видимо, холодныхъ и сырыхъ, срубленыхъ изъ тонкихъ жердей, стояли солидныя избы широкія, вмѣстительныя, хозяйственныя. Пустыя теперь гумна тогда были густо усажены потемнѣвшими отъ многолѣтняго стоянія круглыми, широко осѣвшими одоньями. Теперь при взглядѣ на село, на людей, даже на скотину чувствуется что-то новое. Куда то исчезла спокойная сытость, пропало скрытое довольство. Мнѣ припомнилось полученное мною недавно письмо. Оно оканчивалось такими словами: «А еще извѣщаемъ васъ, что намъ Господь зарядилъ плохо и народъ нашъ неизвѣстно что будетъ кушать»...

Кушать они собираются, но только не знаютъ что!. Настроеніе у меня создалось невеселое, но оно ничуть не заражало собесѣдниковъ. Одинъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, одѣтый въ пиджакъ страннаго вида и посконные штаны, сотню разъ чиненые, полинялые, веселымъ голосомъ сопоставлялъ прошлое съ настоящимъ.

— Бывало?.. бывало, мы были кто? верблюды, накладутъ тебѣ на холку, и везешь... Нонче не то!.. Почитать стали нашего брата, а камаевскихъ въ особенную стать. Намедни я иду по базару въ городѣ... руки такъ заложилъ, картузъ на затылокъ... самъ чортъ мнѣ не братъ. Купцы вышли изъ лавокъ: «чей такой?. чей?».. «камаевскій!».. «А-а!.. пожалте ручку!..» Потому изъ умнаго села..

— А ты будетъ хвалиться-то!..

— Что хвалиться? Знамо, такъ... Господишекъ кто прижалъ?.. Мы... Кто забастовку наладилъ?.. Наши!.. Чей депутатъ въ Думѣ?.. Нашъ сельскій!.. Н-нѣтъ, братъ, ты не толкуй... Мы всей округѣ голова...

Меня нѣсколько удивлялъ такой хвастливый патріотизмъ, но онъ замѣчался почти во всѣхъ односельцахъ.

Другой, болѣе развитой и солидный мужикъ, пояснялъ:

— Это что!.. Ты бы поглядѣлъ на нашихъ мужиковъ, когда Дума засѣдала... такъ гоголемъ и ходятъ: не тронь насъ!.. Это онъ правду говоритъ про купцовъ. Всѣ прочія села уваженьемъ

къ намъ пропитались, за совѣтомъ пріѣзжать стали. Вотъ тутъ село есть, верстъ двадцать. Оттуда прислали человѣка спросить: покупать землю въ банкѣ, аль повременить?..

— На счетъ забастовки тоже пріѣзжали,—дополнили его.

— Да. Земскій и то побаивается нашихъ, а мы ни-ни... не грозили, не озоровали... Смирно было въ тѣ поры, потому—народъ ждалъ, что все по Божьи рѣшится... Молебновъ сколько отслужили... Попъ поворчитъ, поворчитъ, а служитъ...

— И полиція какъ бы притихла тогда!.. тише воды... не слыхать ее!..

— Какъ можно, голова... Законъ они чуяли... рука была у насъ тамъ...

— А какъ вы забастовку наладили?—спросилъ я.

— А это ужъ послѣ!.. какъ разогнали васъ... Снарядились ребята и пошли по господамъ. Пріѣхали къ Шоптову — тотъ имъ десять рублей вынесъ. Они взяли деньги, а всетаки рабочихъ прогнали: «не моги работать». Потомъ объѣхали всѣхъ тамъ, разныхъ... Вездѣ рабочіе сами уходятъ... бросаютъ все. Да нарвались на своего брата, мужика... Богатый мужикъ, Шляпинъ — выборщикомъ еще былъ онъ, ты его знаешь. Держалъ этотъ Шляпинъ садъ. Прискакали наши парни къ нему: «бросай работу»! Онъ ихъ обласкалъ, въ избу повелъ... на столъ четверть водки, яблочковъ румяныхъ... Хорошо. Обрадовались наши забастовщики, давай угощаться!.. Засидѣлись. А онъ, этотъ Шляпинъ, не будь дуракъ, да въ Лопатино послалъ за казаками. Самъ угощаетъ, улещиваетъ, сулитъ яблоковъ возъ... Энти развѣсили губы, а потомъ встали изъ-за стола, — ихъ, милыхъ дружковъ... пожалуйте на покой...

— Восемь человѣкъ въ городъ увезли. Сидятъ теперь.

— А всетаки здоровая была забастовка!..

— Да! Было дѣло. Съ той поры они на всѣ работы казаковъ приставили.

Разговоры наши съ темъ общественныхъ часто соскакивали на воспоминанія дѣтства... Толковали о личныхъ дѣлахъ, вспоминали умершихъ стариковъ. Уже вечерѣло. Вдругъ подъ окнами послышался топотъ. Всѣ какъ-то сразу затихли и инстинктивно отшатнулись отъ оконъ, усѣвшись по лавкамъ вдоль глухой стѣны, около печки, близь двери. Такъ не скоро можно было замѣтить съ улицы, что въ избѣ народъ.

Я мелькомъ взглянулъ въ окно. Въ недалекомъ разстояніи отъ избы на дорогѣ гарцовали съ десятокъ астраханскихъ казаковъ, съ молодымъ эсауломъ во главѣ.

— Выдь къ нимъ, узнай!..—спокойно обратился хозяинъ избы къ женѣ.

Та неспѣшно схватила ведра и, по пути накидывая на плечо коромысло, пошла размѣреннымъ шагомъ по направленію къ казакамъ.

Офицеръ что-то ей крикнулъ. Она отвѣтила, и, повернувъ,

всадники галопомъ поскакали въ село. Изба снова оживилась. Всѣ прилипли къ окнамъ.

— Уѣхали!

Вошла баба и разсказала, что казаки ищутъ лошадей, но спросили ее: «Нѣтъ ли у васъ странних людей»?

— Откуда?.. Мы на краю живемъ. Окромя казаковъ никто сюда не заглядываетъ.

Меня поразила такая спокойная, умѣлая конспирація. Все висѣло на волоскѣ. Начнись паника, или подойди къ окну пять-шесть человѣкъ—казаки не преминули бы заглянуть въ избу. Хороша также и баба, съ своимъ спокойствіемъ и находчивостью.

— Мы къ этимъ дѣламъ привычны,—пояснилъ на мое удивленіе хозяинъ.—Годъ цѣлый они насъ маютъ, пора пріобыкнуть.

Поздно вечеромъ, послѣ обычнаго собранія, на которое съѣхались мужики изъ сосѣднихъ селъ, я распрощался съ односельцами и поѣхалъ дальше.

X.

Большое мордовское село, куда мы пріѣхали уже утромъ, стояло на самой границѣ уѣзда. Благодаря ли географическому положенію села или другимъ какимъ причинамъ, но мнѣ пришлось пробыть здѣсь при обстановкѣ совершенно особенной. Въ селѣ не было ни казаковъ, ни полиціи. Единственный стражникъ въ этотъ день выѣхалъ куда-то по дѣламъ службы. Всѣ остальные жители были вполнѣ благонадежны въ смыслѣ храненія конспиративныхъ тайнъ. Давъ мнѣ немного передохнуть съ дороги, гостепріимная мордва вполнѣ завладѣла моей особой. Я долженъ былъ въ сопровожденіи почетныхъ лицъ «гулять». Гулянье это состояло въ томъ, что мы ходили изъ избы въ избу и принимали угощеніе. По мѣрѣ того, какъ народъ узнавалъ о моемъ пріѣздѣ, число желающихъ принять гостей возрастало. Мы соблюдали строгую очередь, сидѣли въ каждой избѣ по малу и всетаки, употребивъ на это цѣлый день, не обошли всѣхъ намѣченныхъ домовъ.

Здѣсь разговоры наши носили совсѣмъ иной колоритъ. Рюмка водки, груздочки, Дума, министры, стаканъ чаю и мѣстная злоба дня—все это смѣшивалось въ одну общую безпорядочную кучу.

Вмѣстѣ съ наивной обездоленностью и полнымъ незнаніемъ того, что дѣлать за предѣлами своего поля, подвыпившіе мордвины хвастались, что они, какъ одинъ человѣкъ, встанутъ на защиту «земли и воли». Они дружны!.. Они готовы... но... и это «но» лежало гдѣ-то внѣ ихъ сознанія.

Вмѣстѣ съ духомъ протеста у нихъ все еще велика вѣра въ начальство.

Одинъ старикъ, у котораго мы сидѣли въ гостяхъ, разсказалъ о своемъ горѣ.

Лѣтомъ въ селѣ сгорѣлъ кабакъ. Во время пожара мужики какъ-то ухитрились спасти одну четверть. Вечеромъ принялись ее распивать. Сынъ старика тоже выпилъ рюмку. На утро пріѣхалъ становой, по обыкновенію заподозрилъ поджогъ съ цѣлью ограбленія. На допросѣ никто не сознался въ кражѣ четверти, только сынъ старика въ силу своей честности заявилъ, что онъ рюмку выпилъ, готовъ за нее заплатить, и простодушно протянулъ приставу двугривенный.

Честный парень былъ арестованъ, и съ этой поры начались несчастныя скитанія старика: сынъ его пропалъ.

Поѣхалъ старикъ въ станъ—сказали: сынъ въ городѣ. въ тюрьмѣ. Поѣхалъ въ городъ, не оказалось и тамъ парня, только старуху мордовку чуть не потерялъ: пришлось ей за одно мордовское слово, произнесенное въ присутствіи полицейскаго чина, просидѣть сутки. Полицейскій усмотрѣлъ въ этомъ словѣ оскорбленіе своему сану.

Надоумили, наконецъ, старика подать прошеніе губернатору. По установившемуся этикету прошеніе можно было заказать только кому-либо изъ чиновъ уѣзднаго полицейскаго управленія. Поѣхалъ старикъ къ губернатору. Тотъ взялъ прошеніе, видитъ, на машинкѣ оно отпечатано, спрашиваетъ:

— Гдѣ тебѣ, старикъ, прошенье писали?

— Въ полиціи, ваше превосходительство, восемь рублей отдалъ.

— Отдашь и больше,—говоритъ губернаторъ.

— Денегъ не жалко, ваше превосходительство, только сынка мнѣ найдите!

— Сынка твоего у меня нѣтъ!

— Гдѣ же онъ?

— Не знаю, гдѣ,—говоритъ губернаторъ,—прощай.

— Такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ,—заключилъ старикъ свой разсказъ. — Пятьдесятъ цѣлковыхъ ужъ мнѣ рюмка-то встала... не знаю, что дальше Богъ дастъ...

Мы большой гурьбой вышли изъ избы старика на улицу.

По дорогѣ еле тащилась телѣга, запряженная костлявой вороной клячей. Въ телѣгѣ сидѣлъ мрачнаго вида мужикъ и усиленно дергалъ возжами.

— Ты чей такой будешь?—остановила его мордва.

— Съ барскаго двора... картошку рыть наряжаю...

— Почемъ?

Мужикъ сказалъ цѣну.

— Хо-рошая цѣна!—протянулъ хитровато заговорившій первымъ мордвинъ,—только изъ нашего села никто не пойдетъ...

— Можа пойдутъ?.. мы-бы прибавили!..—воспрялъ вдругъ проѣзжій.

— Не пойдутъ. Боится народъ... вишь времена какія!..

Проѣзжій обрадовался.

— У насъ насчетъ этого спокойно: два черкеса!.. четыре казака!..

— Но-о!..—вдругъ крикнулъ молодой парень, ударивъ изо всей силы клячу подъ брюхо ногой.

Та рванулась въ сторону и чуть было не свалила телѣгу. Проѣзжій испуганно натянулъ возжи.

— Поѣзжай, дядя, да больше къ намъ не показывайся!..

Вечеромъ въ просторной избѣ состоялось собраніе. По обыкновенію пріѣхали люди изъ сосѣднихъ селъ. Впрочемъ, изъ громаднаго татарскаго села, находящагося только въ пяти-шести верстахъ, никого не было.

— Это потому, что у насъ всѣ татары черносотенники.

— Сами мы виноваты.

— Ну, сами!.. слушать они ничего не хотятъ.

— Конечно, сами виноваты! Видите, какъ дѣло это испортили. Лѣтошній годъ еще поѣхали туда верхами и раскидали по улицѣ прокламаціи. Конечно, народъ они темный, испугались. Подобрали листочки, да къ муллѣ: «Что это означаетъ?» Мулла у нихъ по-русски малограмотный: микъ-микъ... не пойметъ какъ слѣдуетъ. «Не иначе—говоритъ—поджечь насъ хотятъ, аль село ограбить». Татарва испугалась: «Поѣзжай къ приставу». Поѣхалъ мулла съ татариномъ однимъ къ приставу, прокламаціи повезли. Спрашиваютъ: «не противъ насъ ли?» Приставъ видитъ—ничего они не понимаютъ: «Вѣрно, — говоритъ — противъ васъ, спалить хотятъ ваше село!..»—Они въ городъ! Накупили левольверовъ, ружьевъ. Мы какъ-то лошадей разъ караулили у татарской грани. Слышимъ ночью—палятъ у татаръ: бахъ! бахъ! «Что такое?» Послѣ узнали, они село свое караулятъ. Теперь никакъ съ ними не наладишь, да и только.

Такъ закончилъ свой разсказъ о татарахъ молодой не участвовавшій «въ гуляньи» мужикъ. Онъ свободно и правильно говорилъ по-русски, что среди мордвы встрѣчается не часто.

Послѣ моего сообщенія была заложена пара лошадей, и разсказчикъ повезъ меня въ сосѣдній уѣздъ.

Однако мои скитанія по деревнямъ должны были кончиться самымъ неожиданнымъ образомъ.

Мы пріѣхали въ село, куда дана была явка. Несмотря на ранній часъ, тамъ не спали. Въ квартирѣ былъ полный переполохъ и наше появленіе его усилило.

— Ахъ, это вы пріѣхали, какъ не кстати.

— Въ чемъ дѣло?

— Да видите что: еженедѣльно по субботамъ у насъ бываютъ обыски, а сегодня суббота. Приставъ ужъ, говорятъ, пріѣхалъ и спитъ на взъѣзжей квартирѣ... Мы пока готовимся.

Я посмотрѣлъ на измученныя физіономіи этихъ затравленныхъ людей. Вѣроятно, тотъ единственный не съѣденный змѣемъ чело-

вѣкъ, о которомъ разсказывается въ извѣстной дѣтской сказкѣ «Змѣй и цыганъ»,—былъ краше ихъ лицомъ. Сказочный цыганъ избавилъ того несчастнаго отъ смерти. Мнѣ, къ сожалѣнію, не по плечу была эта благородная роль.

Я попрощался съ хозяевами и поторопился сѣсть въ телѣгу. Всѣ нити паролей и явокъ были утрачены здѣсь.

Молодой мордвинъ отвезъ меня на желѣзную дорогу, и я, послѣ десятка безсонныхъ ночей, первый разъ уснулъ въ вагонѣ крѣпкимъ здоровымъ сномъ.

С. Ан—нъ.

О запечныхъ людяхъ.

Есть люди, которыхъ тянетъ дѣятельно участвовать въ общественной жизни, которые чувствуютъ своего рода потребность такъ или иначе вліять на окружающую ихъ дѣйствительность Къ такимъ людямъ порою примѣняется терминъ: «активные элементы общества». Слово: «активные» въ послѣднее время способно, пожалуй, дать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Но съ оговоркою, что рѣчь идетъ просто о людяхъ съ такъ называемой «общественной жилкой», на эпитетѣ «активный» можно согласиться. А согласившись, надо признать, что къ созыву второй Государственной Думы активные элементы русскаго общества до нѣкоторой степени опредѣлились.

Опредѣлились тѣ, кѣмъ заняты передовые посты революціи,— аванпосты дѣйствующей арміи; разумѣется, у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы точно учесть количество силъ, выдвинутыхъ исторіей на аванпостъ революціи; точно такъ же невозможно учесть ихъ боевую готовность; но у насъ есть фактическія основанія, чтобы судить, чего онѣ хотятъ, противъ чего и противъ кого борются. Въ этомъ смыслѣ, повторяю, можно сказать, что аванпосты революціи опредѣлились.

Нѣсколько смутнѣе рисуются резервы и тылъ: тутъ люди замѣтно перестраиваются, переходятъ съ одной позиціи на другую, порою даже растерянно стоятъ между двумя позиціями, не зная, куда пристроить себя. Но и относительно резервовъ и тыла всетаки можно въ общихъ и грубыхъ чертахъ сказать,—люди хотятъ того-то и не согласятся на то-то. Еще смутнѣе положеніе случайныхъ людей въ русской революціи. Въ минуты революціонныхъ атакъ они наиболѣе восторженно кричатъ: «осанна». Въ минуты вражескаго натиска, они первыми «дѣлаютъ панику» и первыми готовы увѣрять, что «все погибло». Эти случайные

люди вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ оставлены революціей не у дѣлъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ ихъ потребность въ активной дѣятельности остается неудовлетворенной. И съ тоски—кое-кто, зѣвая, пересказываетъ старыя «проблемы о сладострастномъ въ природѣ», кое-кто тоскливо излагаетъ свои заранѣе обдуманныя намѣренія проложить новый путь въ искуствѣ, кое-кто, не мудрствуя лукаво, просто жалуется:

— Скучно!... Тоска!...

За нѣкоторыхъ случайныхъ людей никакъ нельзя поручиться—Богъ вѣсть, гдѣ они завтра будутъ. Но въ цѣломъ и случайные люди хотятъ «знаемо що» и ненавидятъ тоже «знаемо що».

Есть активные элементы другого типа: Булацель, Дубровинъ, Крушеванъ, Гучковы, Грингмутъ, дворянинъ Павловъ, гражданинъ Нилусъ и прочіе, вошедшіе въ союзъ съ г. П. А. Столыпинымъ и съ его довѣрителями. Союзы такого рода вообще чреваты всякаго рода неожиданностями. И союзники такого сорта порою расправляются другъ съ другомъ съ рѣшительностью, на какую не способны даже враги. Но если «союзники» и захотятъ расправляться, то всетаки имѣется возможность понять, ради какихъ цѣлей.

Конечно, я напомнилъ лишь немногіе типы, изъ которыхъ складывается «активный элементъ» русскаго общества, и при томъ напомнилъ въ слишкомъ общихъ и условныхъ чертахъ. Въ дѣйствительности дѣло сложнѣе, типы многообразнѣе. И тѣмъ не менѣе, есть до нѣкоторой степени возможность подмѣтить ихъ физіономію и указать ихъ цѣли.

Гораздо сложнѣе дѣло обстоитъ съ элементами другого рода, которые краткости ради можно бы назвать пассивными. Опять оговорюсь: можно назвать пассивными въ томъ смыслѣ, что нѣтъ у нихъ «общественной жилки», нѣтъ внутренней потребности дѣятельно вмѣшиваться въ общественныя дѣла. Къ этимъ людямъ, быть можетъ, наиболѣе примѣнимо сардоническое выраженіе Щедрина: «утучняютъ землю». Не разъ дѣлалась попытка внушить имъ, что для нихъ же самихъ лучше, если «общими усиліями окружающая дѣйствительность будетъ измѣнена». Но чаще всего они просто не слышали этихъ внушеній. А когда слышали, то отвѣчали: «моя хата съ краю». Были попытки привлечь ихъ къ общественной дѣятельности, но въ отвѣтъ получалось: «какая намъ печаль чужихъ дѣтей качать». Были призывы «помочь общему дѣлу», но они разбивались о непоколебимые «завѣты старины»: «при погостѣ жить—всѣхъ не приплачешь», «нечего намъ чужую крышу крыть—дай Богъ на свою гвоздей купить»...

Разумѣется, я не рѣшусь утверждать, что такихъ людей большинство, что они составляютъ «основной грунтъ» государства Россійскаго. Не рѣшусь я также, хотя бы приблизительно, подсчитывать, сколько ихъ было передъ 9 января 1905 г., сколько

стало тотчасъ послѣ 9 января, и сколько теперь, въ лѣто отъ Рождества Христова 1907-ое, Великой же Россійской Революціи— третье. Такого рода подсчетъ былъ бы чрезвычайно интересенъ и поучителенъ, но пока я для него не вижу сколько-нибудь надежныхъ данныхъ. Для меня несомнѣнно лишь, что люди пассивнаго темперамента, несомнѣнно, были и, несомнѣнно, есть. И хоть живутъ они по волѣ судебъ «въ хатѣ съ краю», но всетаки люди. Ergo, что-то чувствуютъ по случаю «неслыханной смуты», какъ-то реагируютъ на вихрь событій. И думается, что не лишне было бы хоть сколько-нибудь понять, что же именно они чувствуютъ и какъ реагируютъ? чего, наконецъ, отъ нихъ можно и и нужно ждать, если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ?

II.

Помню въ такъ называемые «дни свободы» пріѣзжій корреспондентъ предъявилъ мнѣ, какъ сотруднику «Сына Отечества», законы и обязательныя постановленія, изданныя «временнымъ революціоннымъ правительствомъ» одного города Лифляндской губерніи.

— Ну, а какъ жители?.. Подчинялись этимъ законамъ?—спросилъ я.

— Разумѣется... Даже царскіе чиновники подчинялись...

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что прежняя, «царская, администрація» оставалась все время «на посту», и лишь была подчинена «временному революціонному правительству» и временно бездѣйствовала.

— А средній обыватель къ кому тяготѣлъ?—спросилъ я.

— Слушался революціонеровъ... Хотя были и такіе, которые старались быть въ ладахъ и съ безсильной царской администраціей...

— Значитъ, вродѣ того, какъ, по разсказамъ, во время польскаго возстанія въ Варшавѣ было? Нѣкоторые дворники по утрамъ ходили съ докладомъ и къ эмиссару жонда, и въ русскій участокъ...

— Во-во... Оно самое...

Къ сожалѣнію, я не сумѣлъ уяснить себѣ, какія формы принимало это характерное явленіе въ Прибалтійскомъ краѣ. Но оно отмѣчалось въ нѣсколькихъ корреспонденціяхъ, полученныхъ редакціей «Сына Отечества» изъ разныхъ мѣстъ послѣ 17 октября 1905 г. И отмѣчалось съ укоризной,—что вотъ, молъ, даже во время всенароднаго дѣла оказались такіе люди, которые за печку прятались; «имъ говорятъ свобода, а они за печку! какъ не стыдно»!.. Одну изъ такихъ корреспонденцій, относящуюся къ Брянску, Орловской губ., я имѣлъ возможность провѣрить. Я обратился къ мелочному торговцу, который живетъ на окраинѣ города

и, какъ мнѣ кажется, высшее счастье полагаетъ въ томъ, чтобы «лежать себѣ на печи, ѣсть калачи, да кабы никто тебѣ не мѣшалъ, и не было бы тебѣ нужды ни во что вмѣшиваться».

— Ну, какъ вы,—спрашиваю,—Григорій Андреичъ, во время манифеста жили?

— Какого манифеста? На счетъ свободы?

— Да...

— Да что, братецъ ты мой,—тянули таки мы горя. Спервоначалу оно ничего... Митинги тамъ какіе то. Забастовка. Ну, мы, извѣстно, этому не причинны. Наше дѣло—сторона. А вотъ когда вышли люцинеры на улицу съ краснымъ флагомъ—тутъ ужъ, вижу, дѣло не переливка. Лавку свою на замокъ и ворота заперъ... Одначе, люцинеры прошлись себѣ по улицамъ, да и домой. По мирному у нихъ, честь-честью. Вышелъ я опять въ лавку. Только слышу,—говорятъ: бунтъ, жидовъ бьютъ. Тутъ ужъ я крѣпко-накрѣпко заперся. Да со страху двое сутокъ на печкѣ лежалъ. Полежу полежу, потомъ встану, выйду задворками на улицу Увидишь знакомаго человѣка, вотъ и спросишь: какъ насчетъ бунту? Все, говоритъ, бунтуютъ... Услышишь это, да и опять на печку... Такъ двое сутокъ и прожилъ на запорѣ...

— Значитъ, и на вашей улицѣ бунтъ былъ?..

— Что ты!.. Богъ съ тобой!.. На нашей улицѣ и люцинеры не показывались... Все это было тамъ, на базарѣ...

«На базарѣ»—это значитъ версты за полторы отъ лавки, гдѣ торгуетъ Григорій Андреичъ. Не думайте, однако, будто онъ зря и по глупости прятался отъ «бунта», который происходилъ за полторы версты и ему, какъ несомнѣнному «православному», едва ли угрожалъ опасностью. Григорій Андреичъ не такъ ужъ глупъ и у него есть свои разсчеты. Когда я передалъ ему вкратцѣ, какъ мѣстами «люцинеры» одерживали верхъ, и какъ устанавливали свои «законы и порядки», онъ живо и сочувственно отозвался:

— О чемъ же и разговоръ!.. Богъ его, братецъ ты мой, вѣдаетъ, къ чему оно повернетъ... Торговать станешь—скажутъ: зачѣмъ торгуешь? Не будешь торговать да на улицѣ тебя увидятъ—скажутъ: забастовщикъ. А на печкѣ-то оно спокойнѣй, братецъ ты мой... Въ случаѣ чего,—боленъ, молъ, и никакихъ... Ко мнѣ вѣдь тожъ приходили передъ бунтомъ-то... Левольвертъ, говорятъ, дадимъ. Пойдемъ, говорятъ, съ люцинерами воевать, а для интереса жидовъ разрѣшено грабить... Такъ что всю ихнюю механику я знаю. Да только не зачѣмъ намъ вмѣшиваться. Наше, братецъ ты мой, дѣло маленькое: есть щи да каша — ну, и слава Тебѣ, Господи!..

— А если ни щей, ни каши не будетъ?—спросилъ я.

Григорій Андреичъ сокрушенно вздохнулъ и промолвилъ:

— Оно къ тому идетъ, братецъ ты мой!.. Одначе, будемъ уповать на милость Божію... У Бога милости много...

Говорятъ, какой-то солдатъ дворцовой стражи ночью 12 марта 1801 г., увидѣвъ обезображенный трупъ Павла I, произнесъ вслухъ послѣ краткаго размышленія:

— «А впрочемъ, все одно: кто ни попъ, тотъ батька»...

Въ отличіе отъ этого солдата, Григорій Андреичъ даже не размышляетъ; онъ просто старается, чтобы ни одна изъ сторонъ, ведущихъ борьбу, не имѣла фактическихъ данныхъ для обвиненія его въ нелойяльности. «Люцинеры» побѣдятъ—ладно, подчинимся «люцинерамъ». Полиція побѣдитъ—и то ладно, подчинимся полиціи. Если побѣда не склонится ни на ту, ни на другую сторону—значитъ, «пока что», надо идти бочкомъ, проскользнуть незамѣтно межъ двухъ огней. Объявятъ завтра Россію республикой—ну, что-жъ, будемъ жить въ республикѣ. Послѣзавтра «воцарится надъ нами» турецкій султанъ—не бѣда, будемъ жить «подъ султаномъ». Чтобы ни случилось, для насъ «все одно».

Насколько мнѣ удалось узнать, въ Брянскѣ такихъ людей, которые, подобно Григорію Андреичу, опасное время лежали на печи и ждали въ страхѣ, «чего-то Богъ дастъ», было въ октябрѣ 1905 г. не мало. Безъ сомнѣнія, были они и въ другихъ мѣстахъ. И врядъ ли кто либо рѣшится утверждать, что ихъ теперь нѣтъ.

Казалось бы, съ такими «запечными людьми» революціи собственно нечего дѣлать. Ихъ безполезно пропагандировать, ибо, сколько ни пропагандируй Григорія Андреича, онъ всетаки предпочтетъ ждать событій на печкѣ, а не дѣлать ихъ. Ихъ невозможно организовывать, ибо организовать можно на какомъ-либо общественномъ дѣлѣ, а запечный человѣкъ во всякомъ разѣ предпочитаетъ ставить свою «хату съ краю», ибо «таковъ ужъ у него характеръ». Казалось бы, далѣе, что если кому интересны «запечные люди», то исключительно власти предержащей.

Запечный человѣкъ исправно платитъ налоги. Это—курица, которая, по приказанію какого угодно начальства, будетъ безпрекословно нести золотыя яйца. Запечный человѣкъ ежегодно, а буде прикажутъ, то и трижды-четырежды въ годъ, поставляетъ «живую силу» арміи. А попавши въ армію, онъ не разсуждаетъ, не фордыбачитъ, не прекословитъ: прикажутъ бить—бьетъ, прикажутъ цѣловать—поцѣлуетъ. Съ людьми активнаго темперамента такъ и л иначе нужно ладить, съ ихъ желаніями надо сообразоваться. Запечнаго человѣка просто запрягай, если хочешь на немъ ѣхать. Или—что еще проще—давай ему обростать и потомъ стриги, какъ барана. Для всякаго правительства, вступившаго въ войну съ собственнымъ народомъ, запечные люди — естественная опора и неизсякаемый источникъ матеріальной силы. Однако, въ послѣднее время съ этой естественной, а, быть можетъ, и единственной опорою русскаго правительства дѣется что-то не совсѣмъ ладное,—словно она не только поколебалась, но и готова лѣзть въ драку.

III.

Собственно, первые признаки колебанія обозначились нѣсколько лѣтъ назадъ. И недаромъ Григорій Андреичъ сокрушенно вздыхалъ, возлагая упованіе на милость Божію. Я далекъ отъ мысли вскрыть всѣ признаки и всѣ причины колебанія опоры. И не разсчитываю нарисовать картину колебанія въ ея общероссійской полнотѣ. Столь сложную задачу, разумѣется, нельзя выполнить въ бѣглой журнальной замѣткѣ. Но кое-что надо бы отмѣтить и напомнить. И нѣкоторый матеріалъ для такой скромной работы даетъ даже та, сравнительно тихая и благопріятная для запечнаго человѣчества мѣстность, въ которой живетъ Григорій Андреичъ.

Мѣстность эта—верховья Десны. Тутъ мягкій климатъ, много лѣсовъ, цѣлая сѣть удобныхъ для сплава и не бѣдныхъ рыбою рѣкъ и рѣчекъ, руда, фарфоровая глина, мѣлъ... Словомъ, уголокъ благодатный. И человѣчество, живущее здѣсь, долго пребывало въ увѣренности, что можно, ни во что не вмѣшиваясь и ни противъ чего не прекословя, ежедневно кушать щи и кашу. А пребывало въ увѣренности на томъ основаніи, что есть гдѣ-то «на низу» «хохолъ» *), который безъ конца покупалъ доски, «доръ», «шалевку», бревна, кряжи, «крейду» и пр., и пр. И удивительный человѣкъ былъ этотъ хохолъ: «сколько бывало ему, братецъ ты мой, ни привези, онъ все купитъ». Промышленная машина изъ года въ годъ работала съ методическою правильностью. «Лѣтомъ, бывало, тысячи народа шли на низъ»—по Деснѣ въ Днѣпръ, кто съ плотами, кто на баркахъ; «бывало, цѣлыя улицы остаются лѣтомъ съ однѣми бабами да дѣтишками»: все мужское рабочее населеніе уходило на промыселъ. Чуть начались морозы, и рѣка стала—кто лѣсъ валитъ, кто пилитъ, кто доръ деретъ... Послѣ Рождества являлись «тысячи калуцкихъ и смоленскихъ мужиковъ», и начиналась спѣшная постройка барокъ (по мѣстному «байдаковъ»): «бывало, братецъ ты мой, около одного Брянска по 70 по 80 барокъ за зиму строили»: работа шла до появленія жаворонковъ, а иногда и позже. А едва жаворонки прилетѣли—время барки снастить, грузить, плоты плотать... А разъ оснастка барокъ, — значитъ, нужна бичева, нуженъ канатъ...

*) Напомню, что у великорусскаго верховья Десны „на низу" означаетъ—въ Черниговской, Кіевской, Полтавской и въ другихъ приднѣпровскихъ губерніяхъ Украйны. Вліяніе оживленныхъ когда-то торговыхъ сношеній съ „хохлами" въ верховьяхъ Десны чувствуется до сихъ поръ. Оно сказывается даже въ языкѣ. Между прочимъ, до сихъ поръ брянскій великороссъ, употребляя мѣлъ для домашнихъ надобностей, такъ и говоритъ „мѣлъ". Но тотъ же мѣлъ, если онъ транспортируется, какъ товаръ, именуется „крейдой".

— Вѣдь, въ одномъ Брянскѣ, бывало, братецъ ты мой, семь канатныхъ фабрикъ работало... Бывало десятилѣтній мальчишка — только онъ и умѣетъ, что клочки собирать, а глядишь—гривенникъ въ день зарабатываетъ.

Въ памяти Григорія Андреича событія нѣсколько спутались. Но всетаки онъ помнитъ, что такъ, примѣрно, до турецкой войны былъ хохолъ:

— И какой, братецъ ты мой, хохолъ! Бывало, зайдешь къ нему переночевать, такъ сало у него, — въ родѣ какъ солома. Ѣшь, сколько влѣзетъ. Онъ это и за угощенье не считаетъ. А вотъ послѣ турецкой войны нѣту хохла. И куда онъ дѣвался, — Богъ его вѣдаетъ.

Когда я разсказалъ, въ какомъ видѣ мнѣ пришлось видѣть нынѣшняго хохла, и какъ этотъ хохолъ мѣстами теперь только на «Великдень» позволяетъ себѣ разговляться саломъ, Григорій Андреичъ грустно покачалъ головой:

— На «Великдень» саломъ разговляется! Господи, а бывало-то!.. Нѣтъ, изничтожилась наша Рассея...

«Одначе, у Бога милости много: пропалъ хохолъ, а на мѣсто него появился жидъ». Сталъ «жидъ» лѣсные товары покупать. Въ переводѣ на общеупотребительный языкъ это значитъ, что въ Екатеринославѣ началась рудная горячка, пошло лихорадочное оборудованіе новыхъ шахтъ, спѣшная прокладка новыхъ путей и подъѣздныхъ вѣтокъ. Французское и бельгійское золото дождемъ пролилось надъ «горнопромышленнымъ югомъ Россіи», пролилось, а затѣмъ куда-то исчезло, оставивъ послѣ себя въ сундукахъ многихъ неосторожныхъ людей груды никому не нужныхъ «акцій и облигацій». И когда оно исчезло, въ верховьяхъ Десны «старожилы» къ ужасу своему стали замѣчать, что жидъ, замѣнившій пропавшаго хохла, въ свою очередь, сталъ пропадать. Послѣ громаднаго пожара лѣсныхъ пристаней въ Екатеринославѣ (1901 г.) верховье Десны на нѣсколько недѣль воспрянуло было духомъ: вотъ, молъ, когда, наконецъ, жидъ снова появится, вотъ когда жидъ дастъ настоящую цѣну... Но—увы!—изъ «Катеринслава», вмѣсто чаемыхъ заказовъ было получено диковинное слово: «кризисъ».

Что значило это слово въ 1901 г. на «горнопромышленномъ югѣ Россіи»,—вспомнить страшно. Въ Екатеринславской губ. во время засухи люди выходили на выжженное дотла поле, ложились ничкомъ на землю и выли,—въ буквальномъ смыслѣ выли — какъ волки. Къ зимѣ подъ самымъ Екатеринославомъ поселились какія-то семьи съ дѣтьми въ шалашахъ. На вопросъ сотрудника «Приднѣпровскаго Края»: «зачѣмъ вы тутъ живете?»—послѣдовалъ отвѣтъ:

— Ушли изъ дому, «бо хліба нема».

— Да вѣдь и тутъ хліба нема...

— Тутъ городъ. Есть у кого милостыню попросить. А въ селѣ у кого попросишь?

— Да вѣдь холодно въ шалашахъ. Вѣдь зима. Не то, что дѣтишки ваши, но и сами замерзнете...

— Можетъ, и замерзнемъ... Но и въ хатѣ замерзнешь—топить нечѣмъ. Соломы нема. Ничего не уродилось.

Для екатеринославскаго хохла кризисъ значилъ: голыя поля, нечего ѣсть, нечѣмъ топить и голодный тифъ, который отъ начальства было приказано именовать «гастрическими заболѣваніями». Но въ верховьяхъ Десны слово «кризисъ» въ первое время казалось совершенно непонятнымъ и даже глупымъ. Со времени 1901 г. много воды утекло. И мнѣ кажется, теперь я могу разсказать одинъ характерный эпизодъ. Въ началѣ августа 1901 г. я жилъ въ Брянскѣ. И ко мнѣ обратились мои знакомые чернорабочіе изъ такъ называемой Привокзальной слободы за совѣтомъ:

— Не слѣдуетъ ли бить жидовъ?

— Бить? За что?

— Житья не стало... Теперь вотъ крызисъ выдумали... Это значитъ они между собою стачку сдѣлали... Чтобъ цѣны сбивать. Ну, вотъ и нѣтъ нашему брату нигдѣ работы. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, съ голоду, что ли, умирать?.. Вотъ мы, значитъ, и сговариваемся...

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ излагался планъ организаціи, во главѣ которой стояли нѣсколько мелкихъ лавочниковъ и ремесленниковъ, также сильно обозленныхъ «по случаю крызиса». Къ счастью, инициаторы этого дѣла во время одумались. Но всѣ мои старанія объяснить, что такое кризисъ, и почему нельзя въ немъ обвинять «жидовъ», не привели ни къ чему. На мои резоны былъ одинъ отвѣтъ:

— Ни съ чѣмъ это несообразно... Ежели у меня, къ примѣру, нужнаго товару нѣту, то я его должонъ купить...

— Да поймите, что купецъ бы и радъ купить, но кому онъ продастъ?

— Кому... Извѣстно, кому... Нельзя жъ такъ, чтобъ и покупать было некому. Диви бы шелкъ или тамъ шампанское... А то вотъ, къ примѣру, лѣсъ. Всякому человѣку онъ нуженъ... Нынче у тебя деньги,—ты купилъ, завтра у меня деньги—я купилъ. Такъ вѣдь не бываетъ, чтобъ вдругъ ни у кого денегъ нѣтъ... Да если бы и вышла какая заминка, разъ ты купецъ—значитъ, должонъ рабочаго человѣка поддержать. Запасъ сдѣлай. А ежели своихъ денегъ нѣту,—въ банкѣ займи. Для чего-жъ ихнему брату царь банки строилъ?

Теперь сущность кризиса верховьями Десны превосходно усвоена. Кризисъ—это значитъ, что въ одномъ лишь Брянскѣ изъ семи лѣсныхъ пристаней осталось только двѣ, изъ семи лѣсопилокъ работаютъ только двѣ, изъ семи канатныхъ фабрикъ уцѣ-

цѣла лишь одна; «бывало, братецъ ты мой, сколько народу около канатной пряжи кормились; двѣ слободы—Ямская да Новая—скрозь пряжей жили, а теперь въ обѣихъ слободахъ только одинъ дворъ пряжей занимается, да и тотъ не богатѣетъ»: вотъ что такое «крызисъ»!.. «Бывало, тысячами байдачники изъ Калуцкой и Смоленской губ. приходили барки строить; тутъ всякому человѣку былъ доходъ: и сапожнику, и портному, и кузнецу, и торговцу; можетъ, около байдачниковъ-то еще тысячи двѣ народа кормилось. А теперь вотъ уже который годъ ни одной барки въ Брянскѣ не строится. Нѣту больше байдачника. Совсѣмъ пропалъ байдачникъ». Вотъ каковъ «крызисъ».

«Одначе», до послѣдняго времени «люди всетаки жили и на милость Божію уповали». Еще лѣтомъ 1906 г. Григорій Андреичъ говорилъ:

— Господь Богъ... вѣдь что ты думаешь, братецъ ты мой? — Вѣдь Онъ печется о насъ грѣшныхъ. Ты вотъ замѣть: сталъ хохолъ пропадать,—которые люди малодушные пріуныли было; анъ, глядь,—генералъ Мальцевъ свои заводы развернулъ. Вышла нашему брату поддержка. Генералъ Мальцевъ поизничтожился, Губонинъ пошелъ въ ходъ. Губонинъ на нѣтъ сошелъ — Брянское товарищество открылось. Тутъ и жидъ съ Катеринослава покупать сталъ. Вотъ мы и поправились. Съ жидомъ заминка вышла—казна стала винную монополію строить, сухарный заводъ строить, а тамъ смотришь желѣзныя дороги пошли—то на Гомель, то на Москву, то на Льговъ... Такъ вотъ Господь и посылаетъ намъ невидимо— то одно, то другое, то третье. Теперешнее время совсѣмъ скудно стало. Всѣ старые наши промыслы пропали. Тутъ, кажись бы, лягъ и умри. Одначе, не умираемъ, слава Богу. Возлѣ Брянскаго завода помаленьку кормимся...

— Ну, а если Брянскій заводъ станетъ?

— Божья воля... Заводъ станетъ—еще что нибудь явится. Съ голоду не умремъ.

— Да что-жъ явится-то?

— А ты не малодушествуй... Должно что-нибудь явиться, потому что... куда-жъ иначе-то народъ дѣнется? Шутишь ты, что ль? Чѣмъ же мы промышлять будемъ?

Полгода назадъ возможность «закрытія Брянскихъ заводовъ» возникала въ видѣ слуховъ, догадокъ, предположеній. Запечные люди хорошо понимали, что для нихъ эти заводы—послѣднее убѣжище и послѣдняя надежда. Они волновались, неодобрительно качали головами. Вздыхали, но, утѣшая себя словами, что «Господь не допуститъ», что «у Бога милости много», лѣзли спать на печку:

— Э-э-э, братецъ ты мой,—какъ-нибудь съ краюшку проживемъ: авось, на нашъ вѣкъ хватитъ.

Но вотъ 30 сентября гдѣ-то далеко отъ Григорія Андреича

министръ финансовъ Коковцевъ вынужденъ былъ заявить: «Мы живемъ въ такое время, когда вопросъ о выбрасываніи на улицу 150.000 человѣкъ... съ точки зрѣнія государственной экономіи не имѣетъ никакого значенія... Рабочихъ въ Россіи не менѣе 3—5 милліоновъ, и, слѣдовательно, отъ 17 до 25 милліоновъ кормится отъ фабрично-заводскаго труда. И если бы шелъ вопросъ объ ассигнованіяхъ для поддержки всѣхъ этихъ рабочихъ, я бы все же сказалъ: «нѣтъ». Я бы сказалъ такъ потому, повторяю, что мы живемъ въ такое время, какое не переживало ни одно государство, и когда по отношенію финансовъ страны надо считать всѣ жертвы не важными» *)... Для верховьевъ Десны это значитъ, что заводы Брянскаго товарищества стали пропадать,—такъ же, какъ пропалъ генералъ Мальцевъ, какъ пропалъ Губонинъ, какъ пропалъ въ свое время хохолъ. Разница лишь въ томъ, что хохолъ пропадалъ въ такое время, когда предшественники г-на Коковцева считали «по отношенію сохраненія существующаго государственнаго строя всѣ финансовыя жертвы не важными». И потому на смѣну хохлу могъ явиться Мальцевъ, могъ явиться Губонинъ, «жидъ съ Катеринслава», могли явиться заводы Брянскаго товарищества. Благодаря финансовымъ жертвамъ, была возможность жить и уповать. Теперь онѣ до такой степени исчерпаны до дна, что ради спасенія «финансовъ страны» приходится «считать всѣ жертвы неважными». Спрашивается, однако, чѣмъ жертвовать?

По логикѣ событій, дѣло стоитъ ясно. Если прежде ради спасенія «существующаго строя» принесены неисчислимыя финансовыя жертвы, то теперь ради спасенія финансовъ надо жертвовать «существующимъ строемъ», — прекратить войну съ народомъ и сложить оружіе. Но судя по всему, г. Коковцевъ разумѣетъ вовсе не эту «жертву», неизбѣжность которой диктуется исторіей и логикой. Смыслъ его словъ сводится къ тому, что жертвовать должны, прежде всего «17 — 25 милліоновъ людей, которые кормятся отъ фабрично-заводскаго труда». Жертвовать должны торговцы, которые кормились за счетъ покупной способности фабрично-заводскихъ рабочихъ; жертвовать должны крестьяне, которые въ фабрично-заводскомъ трудѣ имѣли подспорье; жертвовать должны сапожники, часовщики, портные,—все населеніе Россіи. Вся Россія должна жертвовать, ибо иначе г-да Коковцевы не спасутъ «существующаго строя», не сведутъ баланса и не получатъ «аренды».

Въ качествѣ мелкой иллюстраціи, что это значитъ на практикѣ, рѣшаюсь привести небольшое сообщеніе изъ жизни того же Десненскаго верховья. Оказалась у одного мужика кадка грибовъ. «Грибы на рѣдкость»,—молоденькіе, рыжики... Одно слово—такіе хорошіе грибы, что не только самому ѣсть, но и дѣтишкамъ своимъ дать жалко»: потому—ежели на базарѣ этотъ товаръ продать, то

*) „Новая Мысль", № 2, стр. 102—103.

посуди, какую цѣну дадутъ!..» И вотъ сталъ мужикъ продавать рыжики. Куда ни толкнется, вездѣ одинъ отвѣтъ: «Гдѣ ужъ, до рыжиковъ ли... Хлѣба, родимый, нѣту». Въ серединѣ декабря, недѣли за полторы до Рождества, т. е. какъ разъ во время поста, привезъ, наконецъ, мужикъ свои грибы «въ городъ». «До самой вечерни» простоялъ на базарѣ—не продалъ. Потомъ повезъ по улицамъ, заходилъ въ лавки, въ дома, кричалъ, убѣждалъ купить... Да такъ и уѣхалъ домой съ своей кадкой.

— Вотъ оно, братецъ ты мой, какъ мы для г-на Коковцева стараемся,—могъ бы сказать Григорій Андреичъ,—пустая штука грибы, а и тѣхъ некому купить.

Недавно мнѣ пришлось говорить съ пріѣзжими изъ Брянска. Оказывается, мужику съ непроданными рыжиками до нѣкоторой степени, «повезло»: его замѣтили, какъ мелочное, случайное, но красноречивое свидѣтельство, въ какой мѣрѣ все оскудѣло.

— Въ родѣ какъ видѣніе какое этотъ мужикъ... Право...

— Отчего-жъ—спрашиваю—никто не купилъ у него?

— Да кабы онъ въ другое время пріѣхалъ... А то всетаки передъ Рождествомъ. Каждому деньги нужны..

— Много-ль денегъ-то за кадку грибовъ!..

— Денегъ-то, положимъ, не много. Отъ силы 5 рублей. Да гдѣ ты ихъ возьмешь? Торговцы, говоришь, могли бы купить... А вотъ какъ теперь наши торговцы... Къ примѣру, NN (мой собесѣдникъ назвалъ одну изъ крупныхъ по уѣзднымъ масштабамъ фирму). У него расходовъ по торговлѣ до 40 цѣлковыхъ въ день. А выручаетъ онъ—даже вотъ теперь, предъ праздниками—70—80 рублей въ день. Что ему отъ 70 рублей останется прибыли? Самое большое—7 рублей. Вотъ и подводи балансъ, какъ знаешь... Кабы по прежнимъ временамъ, нешто былъ бы разговоръ о грибахъ. Далъ мужику пятишницу, а грибы пусть стоятъ. Грибъ—дѣло вѣрное, завсегда себя оправдаетъ А теперь—не только 5 рублей, а и 5 копѣекъ бережешь, какъ зѣницу ока. Среди торговцевъ только и разговора: товара нечѣмъ выкупить, въ банкъ нечѣмъ платить... Въ конецъ насъ раззорили... У котораго человѣка осталось нажитое отъ прежнихъ временъ, такъ теперь по ниточкѣ растаскиваютъ...

— Кто?

— Да мало-ль народу. Живешь много лѣтъ на одномъ мѣстѣ... Ну, и обростаешь родней,—тамъ у тебя племянникъ, тамъ свояченица, тамъ крестница, тамъ крестникъ, тамъ кума, тамъ племянница... Прежде-то все незамѣтно было. А теперь оно и полѣзло. Чуть проснешься утромъ,—ужъ начинается: — «Здравствуйте, тятенька»...—Здравствуй, молодка... Ты изъ какихъ будешь?..—«Да, я, тятенька ваша крестница»... Разсказываетъ, кто она. Припоминаешь,—дѣйствительно, крестница.—Что-жъ тебѣ, крестница нужно? «Да я, тятенька, такъ зашла... Иду себѣ мимо,—дай, думаю, зайду. Мужа-то моего, тятенька, съ завода разсчитали... Трое дѣтей у насъ,

тятенька»... А у самой слезы изъ глазъ. Чего плачешь, крестница?.. «Тятенька, видитъ Богъ,—трое сутокъ у насъ хлѣба нѣтъ»... Ну, и самъ, глядя на нее, заплачешь: жалко вѣдь... На, крестница, бери, кормись, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Только она за дверь—явленіе новое.—«Здравствуй, дядя»...—Здравствуй, племянникъ...—«Дядя, помоги Бога ради,—какъ только начнется работа,—отдамъ»...—Да когда-жъ твоя, племянникъ, работа начнется?—«А что-жъ, дядя, пропадать теперь, что ли»?.. И вотъ такъ каждый день, съ утра до вечера. Спервоначалу родичи плакали. И я, глядя на нихъ, плакалъ. А теперь я на нихъ волкомъ смотрю, и они на меня волкомъ смотрятъ. Звѣрѣть мы начали. Не нынче—завтра ножами станемъ другъ друга рѣзать. Намедни я принялся племянника бранить: Мошенники вы, говорю... Вы, говорю, хоть бы просили помногу: всетаки можно-бъ вамъ отказать. А теперь какъ я тебѣ откажу, когда ты просишь только чаю на заварку.. — «Дядя, говоритъ, надо жъ мнѣ ради Николина дня дѣтей чаемъ напоить. Праздникъ вѣдь»... — Безъ тебя знаю, что праздникъ... Да меня-то вы, окаянные, скоро растащите...—«А что-жъ, говоритъ, дядя, ты хотѣлъ одинъ сытый среди голодныхъ жить?.. Нешто, говоритъ, я самъ не чувствую, что ты не отъ заработка, а изъ запаса даешь... Да ужъ видно, говоритъ, всѣмъ сразу погибать»... Вотъ и разговаривай тутъ съ ними!.. По осени-то всетаки малость легче дышалось. А вотъ какъ поѣхали наши назадъ,—на свѣтъ глядѣть тошно.

— Какіе наши поѣхали?

— А наши... Уроженцы, значитъ, нашихъ мѣстъ. Многіе вѣдь въ отъѣздѣ были, который въ Екатеринославѣ, который въ Москвѣ, который въ Нижнемъ. Работы, стало быть, искали. Пока работа была, жили по чужимъ краямъ. А теперь работы нѣтъ. Повсемѣстно раззоръ пошелъ. Вотъ и стали люди назадъ возвращаться. Кто черезъ полицію. А кто и по своей волѣ: на родной, вишь, сторонѣ не такъ ему жутко. Иного спросишь: «Чего ты, молъ, притащился? и безъ тебя, хоть живымъ въ гробъ ложись; работы совсѣмъ нѣтъ».—«Да что-жъ, говоритъ, дѣлать? Работы скрозь нѣтъ. Однако, надо-жъ куда-нибудь себя дѣвать»...

IV.

«Работы скрозь нѣтъ»... Я остановился на маленькомъ уголкѣ Россіи, который, по сравненію съ другими мѣстностями, еще и теперь можетъ сказать про себя:

— У насъ еще ничего, слава Богу... У другихъ хуже бываетъ.

Здѣсь всетаки еще скрипятъ остатки знаменитыхъ нѣкогда Мальцевскихъ заводовъ. Здѣсь еще коптитъ небо «казенный пушечный заводъ», на которомъ, впрочемъ, нѣтъ даже приспособленій

для отливки пушекъ. Здѣсь еще работаетъ казенный сухарный заводъ; здѣсь узелъ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ; здѣсь сохранились кой-какіе другіе «остатки былого величія»... Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ карательныхъ отрядовъ, присланныхъ для правежа податей, ничего не осталось. «Работы скрозь нѣтъ», количество «свободныхъ» рабочихъ рукъ съ каждымъ днемъ неимовѣрно возрастаетъ. Это не временная заминка, не «кризисъ» въ смыслѣ перепроизводства продуктовъ. Это—истощеніе покупныхъ средствъ страны, полная дезорганизація ея производительныхъ силъ. Требуя отъ страны дальнѣйшихъ жертвъ», вводя при помощи генералъ-губернаторскихъ постановленій повсемѣстныя экспропріаціи, прибѣгая къ умышленно-раззорительной системѣ штрафовъ, практикуя такіе способы взысканія податей, которые невольно напоминаютъ Мамая и Бирона, опустошая цѣлые уѣзды, подобно тому, какъ Думбадзе нынѣ опустошаетъ Ялту, правительство, въ сущности, лишь обостряетъ до послѣдней крайности процессъ экономическаго разложенія, и безъ того обостренный страшнымъ неурожаемъ 1906 г. Народъ мечется изъ деревни въ городъ, изъ города въ деревню, «наши» то «ѣдутъ назадъ», то устремляются куда-то «впередъ», въ пространство, устремляются безъ плана, безъ надежды, подгоняемые единственнымъ соображеніемъ отчаянія: «надо искать работы, не то смерть». Сейчасъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, тысячи народа ѣдутъ «на Дальнюю Сибирь»,—«на Амуръ», во Владивостокъ. Стараніями начальства пріѣзжіе транспортируются обратно. И это судорожное метаніе изъ стороны въ сторону, эта самоубійственная трата энергіи и запасныхъ средствъ дѣйствуетъ, какъ ядъ, на расшатанный экономическій организмъ. Окрыленные чрезмѣрнымъ избыткомъ безработицы, капиталисты открыли правильный походъ противъ рабочихъ. Громадный лодзинскій раіонъ, напримѣръ, охваченъ локаутомъ. Это опять-таки значитъ, что въ расшатанномъ организмѣ вырабатываются убивающіе его яды.

Какъ же при такихъ условіяхъ долженъ себя чувствовать «запечный человѣкъ Григорій Андреичъ»? Что онъ по случаю нынѣшнихъ обстоятельствъ думаетъ?

Упомяну, между прочимъ, что о брянскомъ «Григоріѣ Андреичѣ» я справлялся. И, по словамъ тѣхъ людей, у которыхъ я спрашивалъ о немъ, оказалось, что «онъ теперь въ отчаянность впалъ»:

— Начальниковъ ругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Такъ выражается, что даже сказать нельзя...

— Гдѣ жъ онъ «выражается»?... На печи шепотомъ?

— Зачѣмъ на печи... При народѣ выражается... Намедни даже при городовомъ—такъ напрямки и лупитъ...

— Что-жъ городовой?...

— А что жъ городовой подѣлаетъ,—смѣется. «Ты бы, говоритъ, хоть при мнѣ не такъ громко кричалъ»... А Григорій Андреичъ

знай себѣ кричитъ: «Мошенники, говоритъ... Раззорили, говоритъ, Россію... Христопродавцы»...

Такого рода метаморфозы—въ смыслѣ перехода отъ полнаго и сознательнаго политическаго индифферентизма къ рѣзкой оппозиціи—печатью отмѣчались много разъ. И врядъ ли перемѣну въ настроеніи Григорія Андреича можно разсматривать, какъ единичный случай. Григорій Андреичъ, подобно многимъ другимъ представителямъ опредѣленной человѣческой породы, всячески старался «не вмѣшиваться». Когда на его глазахъ били студентовъ, онъ философически разсуждалъ:

— На себя пеняй... Зачѣмъ лѣзешь, куда не слѣдуетъ? Вотъ я, къ примѣру, никуда не лѣзу,—оттого меня никто и не трогаетъ.

Когда повсюду разнеслась вѣсть о гекатомбахъ 9 января, запечный человѣкъ съ тѣмъ же философическимъ спокойствіемъ говорилъ:

— А не лѣзь... Вотъ я, къ примѣру... Сколько лѣтъ на свѣтѣ живу—никто меня не разстрѣливаетъ...

Когда на его глазахъ ссылали, арестовывали, вели въ тюрьму, полосовали нагайками, онъ еще болѣе утверждался въ мысли:

— Вотъ я, къ примѣру... Отчего въ спокоѣ живу? Оттого, что ни къ чему не причиненъ.

Правда, за послѣдніе два года, даже Григоріямъ Андреичамъ, несмотря на ихъ дѣйствительную «непричинность», порою жестоко «доставалось на орѣхи». Въ видѣ примѣра, могу передать хотя бы такой случай, о которомъ мнѣ пишутъ знакомые изъ Черниговской губерніи: «На третій день Рождества (т. е. 27 декабря 1906 г.) неизвѣстно, по какой причинѣ, были вызваны въ Ичню казаки и послѣ изрядной выпивки, часовъ въ $5^1/_2$ вечера, выпущены на базарную площадь, гдѣ гуляло много народа. Казаки начали однихъ обыскивать, избивая нагайками, а другихъ просто бить, не обыскивая. Досталось тутъ и старому протоіерею, и богатому купцу Воробьеву, и другимъ многимъ,—а больше всего мѣстнымъ богачамъ, шедшимъ съ засѣданія сельско-хозяйственнаго общества, и базарному купечеству. Нѣкоторые (богачи и купцы) прятались въ дома, но и тутъ ихъ находили, вытаскивали на дворъ, волокли по улицѣ и били безъ конца... Домовладѣльцевъ, у которыхъ избиваемые пытались спрятаться, казаки такимъ же порядкомъ наказывали... Послѣ маневровъ на базарной площади, казаки отправились на вокзалъ, и здѣсь разогнали публику и пассажировъ... Пострадавшихъ во время этихъ маневровъ масса. И пострадали, главнымъ образомъ, «правые», такъ какъ «лѣвые», не ожидая добра по случаю появленія казаковъ, во время позаботились о своей безопасности»...

Какъ извѣстно, такого рода экзерциціи бывали не только въ Ичнѣ. И не только въ Ичнѣ «правые» оказывались всего больнѣе высѣченными. Но и будучи выпоротымъ, запечный человѣкъ далеко не всегда принимаетъ воинственный видъ и переходитъ въ разрядъ

оппозиціи. Насколько я знаю запечнаго человѣка, онъ, почесывая ушибленныя мѣста, способенъ изругать свою жену:

— Ты, молъ, виновата. Говорилъ я тебѣ: «будемъ дома сидѣть»... Нѣтъ, вишь, нынче праздникъ, пойдемъ на улицу... Ну, вотъ тебѣ и праздникъ!...

Если жена явно не виновата, онъ можетъ выругать «люцинеровъ»:

— Бунтовщики, молъ, проклятые!... Это черезъ нихъ, окаянныхъ, намъ попало.

Если и «люцинеровъ» почему-либо нельзя выругать, онъ просто спрячется и разсудитъ:

— Еще слава Богу, что разъ высѣкли. А станешь прекословить — опять достанется. А то и совсѣмъ убьютъ... Нешто долго человѣка убить...

Словомъ, на мой взглядъ, побитому начальствомъ Григорію Андреичу наиболѣе свойственно имѣть видъ мокрой курицы и спрятаться на печь... если, конечно, она вытоплена, и если, конечно, въ ней сварены щи и каша. Ради теплой печи и гарантированнаго обѣда Григорій Андреичъ готовъ многое претерпѣть и отъ многаго отказаться. Я знаю, что ядъ въ душѣ его копится уже много лѣтъ и совокупностью многихъ обстоятельствъ. Ужъ много лѣтъ углубляется противорѣчіе между потребностями и взглядами даже Григорія Андреича, съ одной стороны, и государственнымъ строемъ,—съ другой. Нынѣшнее раззореніе—собственно лишь одно изъ звеньевъ въ сложной системѣ причинъ, привезшихъ запечнаго человѣка въ запальчивость и раздраженіе. Но это звено ужъ очень больно бьетъ.

Разъ печь топить нечѣмъ, разъ не изъ чего сварить щи и кашу, жизнь въ глазахъ Григорія Андреича теряетъ всякій смыслъ; онъ вдругъ обидно начинаетъ чувствовать всю безплодность своихъ жертвъ. И, какъ человѣкъ, у котораго ограбили послѣднее имущество, кричитъ:

— Караулъ! Мошенники!.. Христопродавцы!.. Погубили Россію...

Я лично весьма не вѣрю въ патріотизмъ Григорія Андреича и скептически внимаю его крику: «Россію погубили». Мнѣ кажется, что это своего рода ораторскій пріемъ, поэтическая вольность, въ которую маскируется весьма прозаическое: «барышей нѣтъ, печка не топлена, каша не варена»... Но дѣло, по существу, не въ томъ, какой смыслъ влагается въ слова: «Погубили Россію». Для насъ важно лишь установить, что властнымъ ходомъ событій пассивная часть населенія выведена изъ состоянія безразличнаго равновѣсія; что правительству, по безумію котораго кризисъ такъ страшно затянулся, нынѣ приходится имѣть дѣло не только съ «безпокойными элементами», но и съ «элементами», самою природою обреченными на спокойствіе. Мы дошли до такого отчаянія, что даже запечные люди стали кричать, должны кричать, и не могутъ умолкнуть, если бы даже хотѣли это сдѣлать.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, этотъ крикъ, повторяю, даетъ себя чувствовать въ верховьяхъ Десны. Нѣкоторые характерные признаки его мнѣ лично удалось наблюдать, между прочимъ, на одномъ пріѣзжемъ изъ Брянска. Это—человѣкъ «спокойный» свыше всякой мѣры. Ему теперь 60 лѣтъ. Онъ ухитрился дожить до столь почтеннаго возраста, ни разу не участвуя ни въ одномъ общественномъ дѣлѣ. И вотъ, въ присутствіи такого несокрушимаго доселѣ столпа самодержавія, стали читать новогодніе оффиціальные документы. Старикъ слушалъ неодобрительно, но молчалъ, пока дѣло не дошло до словъ: «проявленая» совѣтомъ министровъ «умѣлая рѣшительность... содѣйствовала замѣтному укрѣпленію общественнаго порядка внутри страны»... Тутъ старикъ не вытерпѣлъ, плюнулъ и негодующе произнесъ:

— «Па-а-рядокъ».. Хорошъ порядокъ!... Подумали бы, что такое Россія... Вѣдь она, матушка, надъ всѣми царствами царство. Богаче Россіи, можетъ, во всемъ мірѣ державы нѣтъ.. Кабы у хорошаго хозяина, такъ мы всѣ въ шелкахъ да въ золотѣ ходили... А нынѣшніе хозяева во до чего довели насъ: сумку одѣвай да милостыни проси... Въ лоскъ раззорили, и пишутъ: «па-а-рядокъ»... Креста, видно, на васъ нѣту...

Приходилось мнѣ сталкиваться съ «коренными петербуржцами», такого же запечнаго склада, какъ и пріѣзжій старикъ. Еще недавно далекіе отъ крамолы и политики, они также, кто иронически, кто злобно, норовили упомянуть про новогодній «па-а-рядокъ», порою даже повторяя стариковъ аргументъ:

— Нешто она бѣдная, наша Россія. Можно бы жить да Бога благодарить... Да вѣдь у плохихъ хозяевъ всегда такъ-то: уродилъ Богъ хлѣбъ, а въ закромахъ вышелъ навозъ...

Приходилось мнѣ разговаривать о «теперешнемъ настроеніи» съ провинціальными людьми. И изъ того, что слышалъ, рѣшаюсь передать слова одного чиновника Т—ой губерніи, какъ наиболѣе по моему мнѣнію, характерныя:

— Знаете ли,—говорилъ этотъ чиновникъ,—очень это не хорошо, что государь согласился распустить Думу...

— Почему?

— А вотъ почему... Дума вѣдь не святой духъ. При ней такъ же, какъ и теперь, и голодъ былъ бы, и безработица... Ну, вотъ люди, которые политикой не занимаются, и разсуждали бы: «Безъ Думы-то мы, дескать, хоть скверно, да кормились; а созвали Думу, совсѣмъ ѣсть нечего»... Всетакя какая-нибудь поддержка въ народѣ была-бы... А теперь всю свою злость на одну голову валятъ... Послушаешь людскихъ разговоровъ—оторопь беретъ. А какъ вставитъ кто-нибудь словечко, что вотъ, молъ, если бы Думу не разогнали, то и бѣды бы такой на было... Страсть какъ разъяряется народъ!.. Ругаютъ начальствующихъ лицъ такъ, что лучше, знаете ли, не повторять. И не думайте, что это рево-

люціонеры, или тамъ соціалисты, либо кадеты. Наоборотъ, кадеты наши, по нынѣшнимъ временамъ, самый почтительный по отношенію къ власти предержащей народъ. У нихъ все вѣжливо, деликатно, все какъ бы полегче, да посмирнѣе. А послушайте, какъ выражаются самые что ни на есть солидные люди,—торговцы, мѣщане... Ужасъ!.. Да что мѣщане. Солдаты, знаете ли, въ казармахъ... Насчетъ такъ называемаго политическаго самосознанія не скажу, чтобъ очень густо тамъ было. Сѣрый, знаете ли, у насъ солдатъ. Прикажи ему кадета или соціалиста заколоть,—заколетъ. Подати выколотить,—выколотитъ... Но ежели рѣчь зайдетъ о томъ, чтобы начальство въ отставку, о перемѣнѣ, такъ сказать личнаго состава, то при нынѣшнемъ настроеніи я ни за что не поручусь. Всяко можетъ быть...

V.

Отдѣльныя черты этого «нынѣшняго настроенія» уже не разъ отмѣчались печатью. И отмѣчались чаще всего побѣдоносно. На сколько я могу уловить, многіе склонны объяснять и учитывать теперешнее поведеніе запечныхъ людей приблизительно слѣдующимъ образомъ:

— Такъ и надо было ожидать, что даже самые пассивные элементы проявятъ, наконецъ, нѣкоторую активность. Революція всегда и вездѣ начинается столкновеніемъ наиболѣе активныхъ элементовъ націи. Если это первоначальное столкновеніе не даетъ исторически необходимыхъ результатовъ, въ борьбу вовлекаются элементы, такъ сказать, второстепенной активности. Если и новое столкновеніе оказывается безрезультатнымъ, борьба втягиваетъ элементы третьестепенной активности. Постепенно возростая какъ бы концентрическими кругами, революціонная армія втягиваетъ, наконецъ, въ свои ряды и пассивные элементы. Это естественно и неизбѣжно; въ этомъ и залогъ побѣды.

Конечно, это естественно и неизбѣжно. Но насчетъ «залога побѣды», мнѣ кажется, не слѣдовало бы очень торопиться. Если позволено схематизировать революцію, какъ наростаніе силъ концетрическими кругами, то всетаки не нужно забывать, что эта схема изображаетъ лишь внѣшнюю сторону процесса. А вѣдь исходъ революціи предрѣшается не только количествомъ борющихся силъ, но ихъ самоопредѣленіемъ въ ту или другую сторону. Вѣдь каждый запечный человѣкъ, вливаясь въ революціонный потокъ, не просто ариѳметическая величина; онъ приноситъ свои идеалы, свои надежды и свой образъ поведенія.

Постараюсь объяснить свою мысль на примѣрѣ. Возьму хотя бы Рязанскій уѣздъ. До недавняго времени онъ слылъ отсталымъ, «малосознательнымъ» и даже «черносотеннымъ». Теперь тамъ, не

отзывамъ лицъ, близко знающихъ мѣстныя настроенія, «мужикъ обозлился» и «шибко начальниковъ ругаетъ», и чѣмъ выше «начальникъ», тѣмъ злѣе его бранятъ. Безъ сомнѣнія, въ Рязанскомъ уѣздѣ есть люди активнаго темперамента, но, разумѣется, есть и свои Григоріи Андреичи. Каждый Григорій Андреичъ изъ крестьянъ Рязанскаго у., вступивъ на «антиправительственный путь», несомнѣнно, стоитъ на нѣкоторой программной позиціи. Но не трудно понять, сколь несложна эта программа. Насколько я понимаю, ея экономическая часть опредѣляется словомъ: «земельки бы». И, повидимому, насчетъ земельки рязанскій мужикъ Григорій Андреичъ будетъ настаивать твердо. Рѣчь вѣдь идетъ о теплой печкѣ, о щахъ и кашѣ. Но, кромѣ общаго вопроса о земелькѣ, есть рядъ существенно важныхъ деталей. Одно дѣло національзація, другое—частная собственность; одно—дополнительный надѣлъ «отрѣзками», другое—«вся земля всему народу», etc., etc. И если вы спросите у Григорія Андреича, что онъ объ этихъ деталяхъ думаетъ,—боюсь, у него окажется органическая неспособность думать о нихъ въ серьезъ. То есть онъ, пожалуй, подумаетъ и даже скажетъ, вотъ такъ-то лучше, а такъ-то хуже, пусть даже подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій, дастъ торжественное обѣщаніе стоять за національзацію и воевать противъ «частной собственности на землю». Но не будемъ обманывать себя: Григорій Андреичъ потому вѣдь и Григорій Андреичъ, что, при первой возможности обезпечить себя топливомъ, щами и кашей, онъ неминуемо скажетъ:

— Ну, я, слава Богу, свое взялъ. Какой ни на есть, а все кусокъ хлѣба... Не до жиру, быть бы живу...

Если позволено употреблять историческія сравненія,—онъ, желая получить полный обѣдъ, быть можетъ, продѣлаетъ исторію Людовика, но это не помѣшаетъ ему поцѣловать руку Наполеона, презрительно бросившую кусокъ черстваго хлѣба. И не только руку поцѣловать, но, буде прикажутъ, и разстрѣливать своихъ нынѣшнихъ союзниковъ и друзей по несчастью:

— Потому, молъ, что жить уже можно, значитъ, и бунтоваться нечего.

Этими словами я вовсе не хочу обижать Григорія Андреича. Мнѣ просто кажется необходимымъ брать дѣйствительность въ ея натуральномъ видѣ, оцѣнивать человѣческій матеріалъ революціи по его настоящей стоимости.

Такъ, на мой взглядъ, обстоитъ дѣло съ экономической программой Григорія Андреича. Столь же по существу несложна и его политическая программа. Видимо, онъ очень «золъ на начальство», точнѣе говоря, враждебно настроенъ противъ опредѣленныхъ лицъ. Я совершенно не склоненъ преуменьшить смыслъ массовыхъ настроеній по адресу того или иного лица. Изъ педагогическихъ наблюденій мнѣ хорошо извѣстно, что значитъ, если только де-

сятая часть учениковъ враждебно настроена противъ учителя. Въ такихъ случаяхъ добра не жди. Если же учитель имѣлъ несчастье возбудить противъ себя половину учениковъ, то ничто не поможетъ,— ни призывы къ благоразумію, ни наказанія; единственный выходъ для такого учителя—это скрыться отъ учениковъ, прежде чѣмъ личное раздраженіе противъ него успѣло углубиться и оформиться. То же, повидимому, происходитъ и въ государственной жизни.

Повторяю, я лично придаю этому своеобразному моральному бойкоту со стороны массъ громадное значеніе. По моему мнѣнію, будущее лицъ, имѣвшихъ несчастье подвергнуться такого рода бойкоту, безнадежно проиграно. Для меня несомнѣнно, что русская революція, поскольку рѣчь идетъ о личномъ составѣ начальствующихъ, направляется къ весьма радикальнымъ рѣшеніямъ. Тѣмъ, кому даже Григорій Андреичъ сталъ кричать: «вонъ», неминуемо придется «идти вонъ». «А добровольно не пойдетъ, честью попросятъ». Но представьте, что бойкотируемые ушли, запечный человѣкъ удовлетворенъ, раздраженіе его улеглось. А дальше что? «Выборный царь», какъ выражаются теперь мѣстами въ деревняхъ, или «наслѣдственный монархъ»? Одна палата или двѣ палаты? Учредительное собраніе, народовластіе, или «первый консулъ», «генералъ на бѣломъ конѣ»? Насколько я знаю запечнаго человѣка, онъ, браня нынѣшнее начальство, весьма твердо стоитъ на томъ, чтобы новому начальству жалованье назначить поменьше. Однако, боюсь, что вопросы политическаго устройства, гораздо болѣе существенные, но менѣе конкретные, чѣмъ вопросъ о «жалованьи», для Григорія Андреича имѣютъ чисто академическій интересъ. И не знаю я, куда онъ, отрѣшившись отъ личнаго раздраженія, направитъ свой бѣгъ: къ тому ли, что прочнѣе и правильнѣе, что вѣрнѣе обезпечиваетъ общенародныя нужды и права, или туда, гдѣ ближе къ печкѣ? Ближе лично для него, для Григорія Андреича... Я не сомнѣваюсь, что каждый Григорій Андреичъ, разъ онъ примкнулъ къ революціонной арміи, неминуемо переживетъ нѣкоторый героическій подъемъ, который заставитъ его на нѣсколько мгновеній отрѣшиться отъ шкурныхъ соображеній, забыть о шкурныхъ соображеніяхъ. Но надолго ли и въ какой мѣрѣ?

— Но вѣдь это,—возразятъ мнѣ, пожалуй,—«Улита ѣдетъ— когда-то будетъ». Важно, что запечные люди стали медвѣдя ловить. Дайте сначала поймать, а ужъ шкуру-то мы какъ-нибудь потомъ раздѣлимъ. Объ этомъ еще будетъ время подумать... Зачѣмъ гадать о будущемъ?..

Дѣйствительно, о будущемъ можно бы и не гадать, если бы специфическія черты запечнаго человѣка имѣли значеніе только для будущаго, если бы запечный человѣкъ уже теперь однимъ появленіемъ своимъ на общественную арену не пере-

двигалъ опредѣленнымъ образомъ центра тяжести. Возвращаюсь, для примѣра, къ тому же Рязанскому у. По отзыву мѣстныхъ наблюдателей, тамошніе крестьяне весьма твердо настроены требовать «земли». Но на вопросъ: національизація или личная собственность, отвѣчаютъ довольно равнодушно: «а это, какъ придется». Отсюда, повторяю, не слѣдуетъ, будто въ Рязанскомъ уѣздѣ нѣтъ людей активныхъ, чувствующихъ потребность вмѣшаться въ жизнь, строить ее по обдуманному, сознательно избранному плану. Насколько я знаю, такіе люди есть. Но вѣдь извѣстная метафора о полевомъ цвѣткѣ, который въ букетѣ сталъ пахнуть гвоздикой, недаромъ изстари примѣняется къ человѣческому обществу. Въ моменты, когда приходитъ въ движеніе людская масса, политической мысли каждаго человѣка всего легче не выходить изъ сферы тѣхъ возможностей, на какія дѣеспособны наличныя силы. Среда—увы!—умѣетъ окрашивать самыя выпуклыя индивидуальности. И чувствуя потребность не отрываться отъ толпы, поневолѣ начинаешь идти въ ногу.

Рязанскій у., конечно, лишь одна изъ деталей картины. Но вотъ явленіе болѣе общаго свойства. Еще недавно для всѣхъ было ясно, какое рѣшающее значеніе имѣютъ программныя разногласія. Мы знали, положимъ, что Халтуринъ взрывалъ Зимній дворецъ, что революціонерами, руководимыми Софьей Перовской, убитъ Александръ II, а Николаемъ Зубовымъ, княземъ Яшвилемъ и Беннигсеномъ задушенъ Павелъ I; но никто до послѣдняго времени не смѣшивалъ Халтурина съ Николаемъ Зубовымъ или Софью Перовскую съ княземъ Яшвили. Всѣ хорошо понимали, что это—совершенно различные люди, и различные именно потому, что стоятъ на непримиримо различныхъ программныхъ позиціяхъ. Для насъ не было секретомъ, что любой запечный человѣкъ Григорій Андреичъ въ минуты отчаянія можетъ приступить къ такимъ дѣйствіямъ, на которыя не всегда рѣшится самый непримиримый «максималистъ». Но даже въ мысляхъ не было смѣшивать въ одну кучу разныхъ людей на основаніи чисто внѣшняго сходства ихъ поступковъ. Повторяю, рѣшающее значеніе програмныхъ вопросовъ до послѣдняго времени понималось вполнѣ. А вотъ въ послѣднее время приходится не только слышать, но даже читать, что программа въ сущности штука второстепенная, а главная штука—тактика, ибо люди различаются именно по тактикѣ. И при томъ по тактикѣ даже не въ смыслѣ намѣчанія ближайшихъ цѣлей, а въ смыслѣ рѣшимости дѣйствовать тѣмъ или инымъ оружіемъ... Само собою понятно, такія вещи можно говорить вслухъ лишь въ соотвѣтствующей аудиторіи. И это добрый знакъ, что появилась соотвѣтствующая аудиторія,—аудиторія съ крайне пониженнымъ интересомъ къ программнымъ вопросамъ, съ младенческою неспособностью учесть ихъ значеніе. Это значитъ, что на политическую арену, дѣйствительно, выступилъ запечный человѣкъ. Но это зна-

читъ также, что онъ не только выступилъ, но и успѣлъ наложить свойственный ему отпечатокъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ косвенныя доказательства, что «пассивный элементъ», несомнѣнно, вливается въ революціонный потокъ; и уже влился въ такомъ количествѣ, что ясно различаешь привнесенную имъ окраску. И въ то же время—особенная это окраска. И, вглядываясь въ нее, невольно чувствуешь нѣкоторую тревогу.

VI.

Говорю: «тревогу», ибо мнѣ хотѣлось бы отмѣтить, сколь обоюдоостръ запечный человѣкъ, ибо не совсѣмъ безопасно видѣть только десницу его и не замѣчать шуйцы.

Нужно быть слѣпымъ, чтобы не учитывать, какую колоссальную цѣнность имѣютъ Григоріи Андреичи всей Россійской имперіи, разъ они принуждены выступить на политическую арену. Даже примитивность ихъ мышленія, даже чрезвычайная конкретность ихъ лозунговъ имѣетъ необыкновенную силу. Пусть рязанскій Григорій Андреичъ произноситъ только три слова: «земля, начальство новое». Въ томъ и сила этихъ словъ, что они до-нельзя просты, каждому понятны и въ то же время выражаютъ очередную жизненную потребность всей страны. На что Левъ Тихомировъ далекъ нынѣ отъ сочувствія революціи, но и онъ писалъ еще 22 сентября 1906 г. въ «Новомъ Времени»:

«Скажу прямо: если у насъ уже нѣтъ прежней верховной власти, или если она, по какимъ-либо причинамъ, невозможна къ реальному существованію, то» надо «быстро... создать новую».

— Чего тамъ «если нѣтъ!»—могъ бы отвѣтить на это Григорій Андреичъ. — Сказано: «безъ хозяина домъ сирота». Такъ вотъ и наша Россія—совсѣмъ осиротѣла.

Послѣ 6 августа 1905 г. общее негодованіе, вызванное предательскою игрою правительства на терминѣ: «народное представительство», мѣстами заставило даже мирнѣйшихъ чиновниковъ и робкихъ канцелярскихъ чиновниковъ примкнуть къ октябрьской забастовкѣ. Въ ту пору власть, относительно которой нынѣ самъ г. Левъ Тихомировъ не увѣренъ, — возможна она къ реальному существованію, или не возможна, имѣла дѣло лишь съ передовыми отрядами революціи. Достаточно напомнить, что деревенская Россія осталась въ сущности внѣ забастовки, вырвавшей манифестъ 17 октября. А мѣстами даже не понимала, «изъ-за чего бунтъ идетъ». Нынѣ власть, въ реальномъ существованіи которой, какъ власти, а не какъ военно-полевого механизма, сомнѣвается даже «Новое Время», вынуждена сводить счеты во всякомъ случаѣ не только съ авангардомъ. Передъ нею огромная армія, спаянная негодованіемъ противъ тѣхъ, кто ведетъ страну къ гибели. Въ такія

минуты громадную роль можетъ сыграть лозунгъ, равно понятный и Л. Тихомирову, и с.-д. Ленину, и гвардейскому солдату, и рязанскому мужику, и мелочному городскому торговцу. «Земля и новая власть», — этому кличу, быть можетъ, суждено людей, спаянныхъ единствомъ настроенія, спаять также и единствомъ цѣли. Въ такомъ всеобщемъ, если такъ можно выразиться, лозунгѣ великая сила, разъ онъ формулированъ совершенно конкретно. Самое назрѣваніе такихъ лозунговъ въ массѣ даетъ право каждому, кто измученъ и утомленъ долгимъ плаваніемъ по бурному океану революціи, радостно восклицать:

— Берегъ!.. Берегъ!..

Но радуясь несомнѣннымъ признакамъ, что берегъ близко, нельзя забывать, что, значитъ, близки и прибрежныя скалы... Да, лозунгъ «земля и новая власть», въ его конкретной формулировкѣ, имѣетъ всѣ данныя, чтобы объединить волю массы. Да, онъ, вѣроятно, кому-то поможетъ первымъ «сломать ледъ», какъ говорятъ французы», и сдѣлать «рѣшительный шагъ», «трепетно ожидаемый толпою», которая пока «жмется, колеблется, отступаетъ», но «разомъ, мгновенно переступитъ... таинственный и страшный порогъ, какъ только вожакъ сдѣлаетъ первый шагъ» *). Но кто первый, съ крикомъ: «земля и новая власть», «разломаетъ ледъ?» Гвардейскій солдатъ? Армейскій офицеръ? Рязанскій мужикъ? По какой дорогѣ пойдетъ «толпа», перешагнувъ черезъ «таинственный и страшный порогъ», и будетъ идти по инерціи, доколѣ не разсыплется?

Необходимо, однако, сдѣлать и еще одну оговорку. Боюсь, что мои слова могутъ быть поняты въ такомъ, примѣрно, родѣ:

— Вотъ, молъ, завтра мы кликнемъ лозунгъ и устроимъ опять всеобщую забастовку. Или: вотъ, молъ, мы подъ звуки сочиненнаго запечными людьми марша: «новая власть и земля», построимъ баррикады въ Петербургѣ, гвардія, увлеченная тѣмъ же маршемъ, присоединится къ намъ, а тамъ побѣда, временное правительство и дѣлу конецъ. Или: вотъ, молъ, гвардейскіе солдаты скажутъ: «а что, братцы, дѣйствительно, надо того», и какъ это скажутъ, такъ и сдѣлаютъ. Или: вотъ, молъ, появится въ Курской либо въ Рязанской губерніи «генералъ на бѣломъ конѣ», присоединитъ къ курянамъ орловцевъ, къ орловцамъ москвичей, etc. etc...

Я нѣсколько далекъ отъ столь упрощенныхъ взглядовъ на революцію. И если считаю Григорія Андреича цѣннымъ пріобрѣтеніемъ революціи, то не только потому, что онъ сочинилъ весьма общедоступный маршъ, и не только потому, что онъ самъ по себѣ «боевая единица». У Григорія Андреича есть другія качества, порою незамѣнимыя. Онъ не теоретикъ. Въ немъ слишкомъ велика жажда облагоустроить прежде всего свою жизнь и жизнь своей семьи.

*) Н. К. Михайловскій. Сочин., т. II. „Герои и толпа“, стр. 100.

для него прямо-таки невозможно ждать, пока дѣло разрѣшится въ центрѣ и терпѣливо готовиться къ всеобщему выступленію. Это безнадежно практическій человѣкъ. И, какъ таковой, онъ «пока что» все время будетъ заниматься изысканіемъ мѣстныхъ «способовъ и средствій». Да уже и началъ заниматься. А какъ началъ, рѣшаюсь пояснить небольшой иллюстраціей.

— Мы, между прочимъ,—говорилъ мнѣ недавно одинъ пріѣзжій,—порѣшили винополію упразднить...

— Какъ упразднить?

— А очень просто... Обществомъ водку закупаемъ и продаемъ. Извѣстно, съ надбавкою. А прибыль наша... Подати-то съ чего-нибудь надо платить...

— Позвольте, а какъ же земскій?

— А что-жъ земскій... Теперь мы его во-какъ прищучили!.. На сходахъ чуть не плачетъ... Братцы, говоритъ, вѣдь я не самъ по себѣ. Съ меня начальство требуетъ. Кабы моя, говоритъ, воля,— развѣ жъ бы я препятствовалъ. А то вѣдь, въ случаѣ чего, со службы меня прогонятъ,—а у меня, говоритъ, семья... Ну, а мы, извѣстно, свое кричимъ: «семья-то семьей, одначе, и мы пропадать черезъ вашу семью не намѣрены»... На томъ и порѣшили.

— То есть на чемъ?..

— Да на томъ, что земскій пишетъ, будто ничего такого нѣту, а мы свое дѣлаемъ. Пріѣхалъ было акцизный. Земскаго письмоводитель за два дня оповѣстилъ стариковъ, что вотъ, молъ, пріѣдетъ. Ну, акцизный пріѣхалъ, да ни съ чѣмъ и уѣхалъ...

Я отмѣчаю это «упраздненіе винополіи», какъ характерную «выдумку» запечнаго человѣка, какъ фактъ, быть можетъ, и потѣшный самъ по себѣ, но имѣющій серьезное симптоматическое значеніе. Имѣетъ серьезное симптоматическое значеніе и плачущій передъ сходомъ земскій начальникъ. Кстати—теперь часто приходится слышать о земскихъ начальникахъ, которые выучились не только плакать, но и читать на сходахъ губернаторскія бумаги:

— Братцы, дескать, я человѣкъ добрый. И кабы моя воля была, такъ нешто бы я противъ васъ шелъ. Нешто я самъ не понимаю. Да, вишь, какое начальство у насъ. Вотъ чего оно требуетъ. А у меня жена, дѣти... Разсудите сами, братцы, какъ намъ быть-то...

Другими словами, даже «близкая къ народу» и облеченная чрезвычайными полномочіями «власть» начинаетъ приноровляться къ языку людей, твердо рѣшившихъ, что старое начальство надо выгнать вонъ и замѣнить новымъ. Было бы чрезвычайно трудно не видѣть въ этой диверсіи прямого вліянія со стороны запечныхъ людей. Въ лицѣ Григорія Андреича «старое начальство» не только потеряло свою естественную опору, но и пріобрѣло страшнаго врага, страшнаго своею непосредственностью, своимъ узкимъ прктицизмомъ, страшнаго тѣмъ, что онъ «безъ зазрѣнія совѣсти» разберетъ

оставшіяся у «стараго начальства» немногія подпорки по кирпичику и растащитъ по избамъ... Я не знаю, какое матеріальное участіе приметъ Григорій Андреичъ въ центральныхъ атакахъ. Но его выступленіе неминуемо ускоряетъ сложную и полную неожиданностей работу на мѣстахъ. И я лично представляю себѣ революціонный процессъ именно, какъ страшно сложную комбинацію мѣстныхъ и центральныхъ дѣйствій. Именно для такой комбинаціи особенно важно имѣть общепріемлемый лозунгъ, общепринятую мысль, всѣми одинаково понятую цѣль. Иначе вѣдь можно получить дѣйствія хоть и въ безчисленномъ множествѣ, но взаимно другъ друга уничтожающія, и отъ нихъ, быть можетъ, ничего, кромѣ праздной траты силъ, въ итогѣ не останется. Именно въ комбинаціи мѣстныхъ и центральныхъ дѣйствій Григорій Андреичъ можетъ сыграть видную роль. Но именно потому. что это — комбинація, сложный и дѣятельный процессъ, а не моментальное дѣйствіе, пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе поставленный мною выше вопросъ:

— Куда, въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ «толпа», спаянная конкретнымъ лозунгомъ: «новая власть и земля» и уже теперь замѣтно окрашенная подъ цвѣтъ запечныхъ людей?

«Новая власть и земля»—говоритъ, положимъ, подольскій Григорій Андреичъ, искоса поглядывая на земли сахарныхъ заводовъ и помѣщиковъ-поляковъ. Для него возможно, перешагнувъ черезъ «порогъ», пойти и въ сторону соціальныхъ реформъ, и въ сторону юдофобства и полонофобства, ибо врядъ ли онъ ясно представляетъ себѣ, почему одинъ путь ведетъ къ величайшему благодѣянію, и почему на второмъ пути русская революція попадетъ въ порочный кругъ и возвратится къ собственной противоположности.

«Новая власть и земля» — говоритъ, положимъ, орловскій Григорій Андреичъ. Но развѣ это помѣшаетъ ему предпринять «ближайшее тактическое дѣйствіе»:

— «Братцы, по сосѣдству крестьянскій банкъ землю продаетъ... Запишемъ за собою,—наша будетъ»...

А когда Григоріи Андреичи двухъ сосѣднихъ селъ, желающіе «записать за собою» одну и ту же землю, выйдутъ другъ противъ друга съ кольями, немного останется смысла въ ихъ кличѣ: «новая власть».

Я напоминаю лишь двѣ возможности, которыя уже не разъ отмѣчены печатью. Но, конечно, такихъ убійственныхъ возможностей великое множество. Вотъ почему такъ естественно тревожное чувство, возбуждаемое окраской, какую привносятъ «запечные люди». И вотъ почему, думается мнѣ, непоправимую ошибку могутъ совершить тѣ люди, отъ которыхъ въ послѣднее время приходится слышать:

— Теперь нечего теоретизировать. Нечего разбираться въ программахъ. Безразличный обыватель въ дѣйственное состояніе при-

шелъ. Онъ разговоры разговаривать не умѣетъ. Ему лишь бы поскорѣй къ дѣлу: намѣтилъ цѣль—и бацъ!..

Не наоборотъ ли? Нѣтъ ли настоятельной необходимости «разбираться въ программахъ», собрать всѣ, какіе есть, активные элементы страны для отстаиванія опредѣленныхъ соціально-политическихъ позицій именно теперь, когда началъ приходить «въ дѣйственное состояніе безразличный обыватель?»

«Безразличный обыватель» можетъ обрости вокругъ скелета, но можетъ оказаться и безформенной массой; страна можетъ получить отъ него все то положительное, что онъ принесъ съ собою; и странѣ можетъ быть нанесенъ весь тотъ вредъ, какой способно причинить «запечное человѣчество». А что въ дѣйствительности дастъ Григорій Андреичъ,—пусть думаютъ и заботятся тѣ, въ комъ бьется «общественная жилка», въ кого вложена природою потребность служить мірскому дѣлу. И благо имъ, если они объ этомъ будутъ думать и заботиться.

А. Петрищевъ.

Толстой и Ибсенъ по автобіографическимъ даннымъ.

Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Томъ I. По неизданнымъ матеріаламъ составилъ *П. Бирюковъ.* Изданіе книгоизд. „Посредникъ“.

Г. Бирюковъ въ предисловіи говоритъ, что къ составленію своей книги онъ приступилъ «съ робостью и благоговѣніемъ», какъ къ «священному дѣлу», такъ какъ предметомъ этой книги является «жизнь моего учителя, великаго старца Льва Николаевича Толстого». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ пору знаменитаго «отлученія» Льва Толстого) извѣстной приподнятостью характеризовалась бы, вѣроятно, и общее читательское отношеніе къ труду г. Бирюкова. Пора этой тѣснѣйшей связи между читателемъ и «Львомъ Толстымъ» прошла, и, повидимому, безвозвратно. Читателю, который *теперь* наталкивается на восторженную молитвенность составителя біографіи, не только трудно, но и не возможно реагировать на это совпадающимъ настроеніемъ. Чтобы удѣлить книгѣ г. Бирюкова то вниманіе, котораго она по справедливости заслуживаетъ, читателю приходится скорѣе, наоборотъ, бороться съ импульсивнымъ чувствомъ отчужденія отъ великаго художника, слишкомъ часто, среди живыхъ событій, впадавшаго въ грѣхъ противъ чувства мѣры

при оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ событій послѣдняго періода, съ спокойнымъ сердцемъ нанося удары какъ разъ тѣмъ, кому и безъ того больнѣе другихъ отъ дикостей современной русской жизни. Но Левъ Толстой всетаки Левъ Толстой, а книга г. Бирюкова всетаки книга о Львѣ Толстомъ, и это, въ концѣ концовъ, надежно застраховываетъ ее отъ читательскаго невниманія.

Особенную цѣнность книги г. Бирюкова представляютъ многочисленныя автобіографическія подробности. Нерѣдко это не простыя свѣдѣнія о себѣ, а великолѣпные художественные документы, освѣщающіе то то, то иное произведеніе Л. Н. Какъ увидитъ читатель, сочиненнаго въ сочиненіяхъ Л. Н. весьма немного: все это факты изъ собственнаго пережитаго и изъ событій жизни болѣе или менѣе близкихъ ему людей. Литературная выдумка въ точномъ значеніи этого слова касается только общей концепціи произведеній, но не отдѣльныхъ моментовъ. Часто—безъ указаній біографа или самого Л. Н. — читатель находитъ нить, которая приводитъ его къ той или иной подробности, въ свое время остановившей его при чтеніи художественныхъ произведеній Льва Николаевича.

По словамъ г. Бирюкова, Л. Н. сильно колебался писать или не писать свою автобіографію (по просьбѣ г. Бирюкова), такъ какъ опасался, избѣгнувъ опасности «самовосхваленія — посредствомъ умалчиванія всего дурного», впасть въ другую опасность: написать нѣчто соблазнительное по моральному вліянію на другихъ. Оговорившись въ письмѣ къ г. Бирюкову, что онъ руководится соображеніями совсѣмъ не о красномъ словѣ, Л. Н. опредѣляетъ себя въ прошломъ, только какъ «глупую гадину».

„...Боюсь, что я напрасно обнадежилъ васъ обѣщаніемъ писать свои воспоминанія. Я попробовалъ думать объ этомъ и увидалъ, какая страшная трудность избѣжать Харибды—самовосхваленія (посредствомъ умалчиванія всего дурного) и Сциллы—цинической откровенности о всей мерзости своей жизни. Написать всю свою гадость, глупость, порочность, подлость—совсѣмъ правдиво, правдивѣе даже, чѣмъ Руссо, — это будетъ соблазнительная книга или статья. Люди скажутъ: вотъ человѣкъ, котораго многіе высоко ставятъ, а онъ вонъ какой былъ негодяй, такъ ужъ намъ-то, простымъ людямъ, и Богъ велѣлъ.

Серьезно, когда я сталъ хорошенько вспоминать всю свою жизнь и увидалъ всю глупость (именно глупость) и мерзость ея, я подумалъ, что же другіе люди, если я, хваленый многими, такая глупая гадина? А между тѣмъ, вѣдь это объясняется еще тѣмъ, что я хитрѣе другихъ. Это все я вамъ говорю не для красоты слога, а совсѣмъ искренно. Я все это пережилъ".

Но затѣмъ онъ нашелъ, что *можетъ* написать свою автобіографію, такъ какъ за періодомъ «глупой гадины» у него наступилъ періодъ свѣтлаго «пробужденія», за который ему не стыдно, хотя не все—какъ замѣчаетъ самъ Л. Н.—къ чему обязывало его это свѣтлое пробужденіе, выразилось въ живыхъ фактахъ поведенія и многое осталось въ «намѣреніяхъ, не всегда по слабости выполненныхъ».

„...Про свою біографію скажу, что очень хочется помочь вамъ и написать хоть самое главное. Рѣшилъ я, что могу написать, потому что понялъ, что интересно бы было и полезно, можетъ быть, людямъ показать всю мерзость моей жизни до моего пробужденія и, безъ ложной скромности говоря, всю доброту (хотя бы въ намѣреніяхъ, не всегда по слабости выполненныхъ) послѣ пробужденія. Въ этомъ смыслѣ мнѣ и хотѣлось бы написать вамъ... Постараюсь заняться этимъ при первомъ окончаніи начатой работы".

Автобіографическія данныя пополнены г. Бирюковымъ изъ литературныхъ произведеній Л. Н., имѣвшихъ, по мнѣнію г. Бирюкова, тоже автобіографическое значеніе. Такъ какъ «Біографія» въ рукописи прочтена Львомъ Николаевичемъ, прочтены и эти извлеченія, при чемъ нѣкоторыя пополнены новыми вставками, то эти извлеченія получаютъ, очевидно, характеръ безспорныхъ біографическихъ данныхъ... Много, между прочимъ, сдѣлано извлеченій изъ «Дѣтства, Отрочества и Юности», по поводу которыхъ Л. Н., при чтеніи въ рукописи «Біографіи», высказываетъ сожалѣніе, что написалъ такую книгу: «такъ нехорошо, литературно неискренно написано». Главное же, конечно, что въ этой книгѣ не все подлинная правда: въ ней соединены въ одно художественное цѣлое событія изъ собственнаго, Льва Николаевича, дѣтства и изъ жизни пріятелей его дѣтства: «вышло нескладное смѣшеніе», какъ оцѣниваетъ Л. Н. одно изъ первыхъ проявленій его «художественной болтовни» (выраженіе изъ дневника—1903 г.). Новыя подробности, сообщаемыя Л. Н. о своемъ дѣтствѣ, характеризуются тѣми же специфическими подробностями дѣтской психологіи, какъ и «Д. О. и Ю.»,— подробностями, источникомъ которыхъ можетъ быть (даже допуская извѣстное привнесеніе) только исключительная свѣжесть и яркость памяти: самъ Л. Н. утверждаетъ, что онъ помнитъ себя, начиная съ годичнаго возраста.

Другимъ цѣннымъ матеріаломъ въ «Біографіи» являются выдержки изъ дневника Льва Николаевича. Интересенъ, между прочимъ, анализъ Л. Н. своего собственнаго характера, записанный въ дневникѣ подъ датой 7 іюля 1854 года:

„Скромности у меня нѣтъ. Вотъ мой большой недостатокъ... Я дуренъ собой, неловокъ, нечистоплотенъ и свѣтски необразованъ. Я раздражителенъ, скученъ для другихъ, нескроменъ, нетерпимъ (intolérent) и стыдливъ, какъ ребенокъ...

Я честенъ, то есть я люблю добро, сдѣлалъ привычку любить его; и когда отклоняюсь отъ него, бываю недоволенъ собой и возвращаюсь къ нему съ удовольствіемъ, но есть вещи, которыя я люблю больше добра— славу. Я такъ честолюбивъ и такъ мало чувство это было удовлетворено, что часто боюсь, я могу выбрать между славой и добродѣтелью—первую, ежели бы мнѣ пришлось выбирать изъ нихъ.

Да, я не скроменъ, оттого-то я гордъ въ самомъ себѣ, а стыдливъ и робокъ въ свѣтѣ.

Любопытна слѣдующая подробность. Мы уже приводили выраженіе Л. Н. о себѣ въ прошломъ, какъ о «глупой гадинѣ». Объ

этомъ говорится, конечно, не одинъ разъ: «...работа мысли, особенно во время болѣзни, ясно показала мнѣ, что моя біографія, какъ пишутъ обыкновенно біографіи, съ умолчаніемъ о всей гадости и преступности моей жизни, была бы ложь, и что если писать біографію, то надо писать всю настоящую правду. Только такая біографія, какъ ни стыдно мнѣ будетъ писать ее, можетъ имѣть настоящій и плодотворный интересъ для читателей. Вспоминая такъ свою жизнь, т. е. разсматривая ее съ точки зрѣнія добра и зла», Л. Н. подчеркиваетъ въ ней второй періодъ, съ 14 лѣтняго возраста (род. въ 1828 г.) до женитьбы: «*ужасныя* 20 лѣтъ или періодъ *грубой распущенности* *), служенія честолюбію, тщеславію и, главное, похоти» и затѣмъ четвертый періодъ, въ которомъ онъ «живетъ теперь», въ которомъ «надѣется умереть» и котораго «ни въ чемъ не желалъ бы измѣнить, кромѣ какъ въ тѣхъ привычкахъ зла, которыя усвоены... въ предыдущіе періоды».

Однако, право на подобную отрицательную оцѣнку своего прошлаго во «второмъ періодѣ» Л. Н. оставляетъ исключительно за собой. Стоило, напр., проф. Загоскину въ своихъ воспоминаніяхъ замѣтить, что въ казанскій — университетскій — періодъ жизни (1844—1847 г.г.) Льва Николаевича окружали неблагопріятныя съ моральной стороны условія, заставляющія его, Загоскина, удивляться нравственной силѣ Льва Николаевича, и послѣдній рѣшительно протестуетъ даже противъ этого скромнаго замѣчанія. По сообщенію г. Бирюкова, Л. Н. сдѣлалъ въ рукописи по поводу замѣчанія проф. Загоскина слѣдующее контръ-замѣчаніе:

„Напротивъ, очень благодаренъ судьбѣ за то, что первую молодость провелъ въ средѣ, гдѣ можно было смолоду быть молодымъ, не затрагивая непосильныхъ вопросовъ и живя хоть и праздной, роскошной, но не злой жизнью".

Интересно, что біографъ ограничивается тѣмъ, что приводитъ это замѣчаніе Л. Н. и не ставитъ для себя задачей сопоставить такое замѣчаніе съ вышецитированнымъ самоосужденіемъ Льва Николаевича за тотъ же самый періодъ его жизни и, при томъ, въ такой рѣшительной формѣ, о которой проф. Загоскину и въ голову бы не пришло. Хотя, казалось бы, задача «Біографіи» въ томъ и заключается, чтобы ясно и опредѣленно освѣтить общій строй воззрѣній и личность Л. Н.

Общее отношеніе г. Бирюкова къ своей литературной задачѣ опредѣляется вышецитированнымъ его выраженіемъ, что составленіе біографіи для него «священное дѣло». Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего непонятнаго, хотя всетаки было бы лучше, если бы г. Бирюковъ избѣгнулъ слишкомъ подчеркнутой экзальтаціи, заставляющей его говорить о «низменности интересовъ» литературнаго кружка Некрасова, Герцена, Огарева, Тургенева и друг. (рѣчь идетъ о

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

времени около 1856 г.), въ противовѣсъ моральной требовательности къ самому себѣ со стороны Л. Н. Напомнивъ «Некрасовскіе обѣды, попойки Герцена, Кетчера и Огарева, Тургеневскую утонченную ѣду; всѣ эти дружескія бесѣды, немыслимыя тогда безъ большого количества шампанскаго, охоты, картъ и т. д.», г. Бирюковъ замѣчаетъ:

„Среди всего этого безстыдства, продолжающагося, быть можетъ, въ иной формѣ и до сего дня, раздался лишь одинъ голосъ обличенія и самобичеванія человѣка, душа котораго не могла вынести этого самообмана. Это голосъ былъ Л. Н—ча Толстого".

Все это, конечно, слѣды экзальтаціи и преувеличенія, возможнаго только при забывчивости хотя бы о Некрасовскихъ самоупрекахъ за разладъ между жизнью и вѣрой. И если можетъ быть рѣчь о томъ, чьи покаянныя слова были безотраднѣе, кому ихъ было труднѣе сказать: Некрасову, не имѣвшему для себя никакихъ оправданій и не доводившему самообличенія до *смягчающихъ* преувеличеній (въ родѣ «глупой гадины»), или Льву Николаевичу, у котораго терзанія совѣсти сопровождались всегда вѣрою, что за «мерзкимъ прошлымъ» у него будетъ радостное въ моральномъ отношеніи будущее,—то, конечно, тяжесть скорѣе будетъ на сторонѣ Некрасова, который, какъ извѣстно, способенъ былъ признать и выслушать самую горькую изъ укоризнъ—укоризну изъ чужихъ устъ. Само собой разумѣется, что, говоря это, мы отнюдь не имѣемъ въ виду возвеличивать или уничижать: это не наша задача: наша задача внести поправки къ тому освѣщенію «Біографіи», которое, на нашъ взглядъ, неправильно. Тѣмъ болѣе, что самый вопросъ о терзаніяхъ совѣсти, поскольку рѣчь идетъ о Львѣ Николаевичѣ, имѣетъ — какъ мы увидимъ ниже — гораздо болѣе сложный и загадочный характеръ, чѣмъ это кажется на первый взглядъ... Наконецъ—замѣтимъ это, чтобы покончить съ «безстыдствомъ»—преувеличенныя выходки автора «Біографіи» совсѣмъ не выгодны для общаго впечатлѣнія отъ книги г. Бирюкова, черезъ 170 страницъ послѣ «безстыдства» разсказывающаго (безъ комментаріевъ) о томъ, что Л. Н. оставилъ неконченной повѣсть «Казаки», потому что былъ очень огорченъ тѣмъ, что начало «Казаковъ» принужденъ былъ отдать въ уплату карточнаго долга Каткову—въ 1862 году!

Вообще, конечно, книга г. Бирюкова не біографія, предполагающая критику біографическаго матеріала. Такъ г. Бирюковъ, безъ комментаріевъ же, приводитъ и замѣчаніе Л. Н. изъ «Исповѣди». «Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ—до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему». Но біографъ, очевидно, не имѣетъ права пройти мимо факта, что *такая* оцѣнка положенія вещей находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основными чертами характера Льва Николаевича, отмѣченными

имъ самимъ (въ вышеприведенномъ извлеченіи изъ дневника за 1854 г.) и представляющими нѣчто *основное*, потому что тѣми же самыми особенностями характеризуетъ себя и Николай Иртеньевъ въ «Юности», за которымъ мы должны, по свидѣтельству г. Бирюкова, видѣть не кого иного, какъ Л. Н. въ юношескую пору его жизни. Основою юношескихъ мечтаній Иртеньева были «четыре чувства», изъ которыхъ одно—«любовь любви... Мнѣ хотѣлось сказать свое имя... и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили бы за что-нибудь». Другимъ характернымъ для него чувствомъ была «надежда на необыкновенное тщеславное счастіе,—такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе» (даже слова одни съ «Исповѣдью»: тамъ «сумасшедшая» увѣренность).

Но при *такихъ* особенностяхъ душевнаго склада у литератора-дебютанта, Льва Толстого, жизнь въ кружкѣ »Современника», среди лучшихъ писателей того времени, охотно призвавшихъ въ немъ крупнаго писателя съ крупнымъ будущимъ, конечно, можетъ быть виновата только въ томъ, что дала естественный выходъ жгучимъ желаніямъ Л. Н., но ничуть не повинна въ прививкѣ ему «новаго порока».

Только что упомянутая выдержка изъ «Юности», которую цѣликомъ приводитъ г. Бирюковъ, на нашъ взглядъ, представляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ деталей его книги, при условіи, конечно, что обстоятельствамъ, приводимымъ въ ней, можно придавать автобіографическій характеръ, какъ это дѣлаетъ г. Бирюковъ (напомнимъ, что «Біографія» въ рукописи просмотрѣна Л. Н. и возраженій имъ, по данному поводу, не сдѣлано). Вотъ это мѣсто—такъ же, какъ и у г. Бирюкова—полностью:

„Я сказалъ, что дружба моя съ Дмитріемъ открыла мнѣ новый взглядъ на жизнь, ея цѣль и отношенія. Сущность этого взгляда состояла въ убѣжденіи, что назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному совершенствованію, и что усовершенствованіе это легко, возможно и вѣчно...

Пришло время, когда эти мысли съ такой свѣжею силой моральнаго открытія пришли мнѣ въ голову, что я испугался, подумавъ о томъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и тотчасъ же, ту же секунду, захотѣлъ прилагать эти мысли къ жизни, съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже не измѣнять имъ. И съ этого времени я считаю начало юности.

Мнѣ былъ въ то время шестнадцатый годъ въ исходѣ. Учителя продолжали ходить ко мнѣ, и я поневолѣ и нехотно готовился къ университету.

Въ этотъ періодъ времени, который я считаю предѣломъ отрочества и началомъ юности, основой моихъ мечтаній были четыре чувства: любовь къ „ней", къ воображаемой женщинѣ, о которой я всегда мечталъ въ одномъ и томъ же смыслѣ и которую всякую минуту ожидалъ гдѣ-нибудь встрѣтить. Второе чувство было любовь любви. Мнѣ хотѣлось, чтобы меня знали и любили. Мнѣ хотѣлось сказать свое имя... и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили бы за что-нибудь.

Третье чувство была надежда на необыкновенно тщеславное

счастье,—такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе. Четвертое и главное чувство было отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе, но *раскаяніе до такой степени слитое съ надеждой на счастіе, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было.* Чѣмъ чернѣе было кругомъ воспоминаніе прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалось изъ него свѣтлая, чистая точка настоящаго и разливались радужные цвѣты будущаго. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій.

Но вѣдь если это автобіографическія подробности, то въ этомъ ключъ къ многому, а въ томъ числѣ и къ «Исповѣди». Сопоставьте, напримѣръ, эти сладостныя муки покаянія у юноши въ 16 лѣтъ, заставляющія его «стараться» видѣть прошедшее «мрачнѣе, чѣмъ оно было»,—съ произведеніями второй половины литературной дѣятельности Л. Толстого, и въ вашихъ рукахъ почти ключъ къ волнообразной эволюціи въ коренныхъ вопросахъ жизнеотношенія у великаго художника, приблизить котораго къ читателю взялъ на себя г. Бирюковъ!.. Правда, между 16 и 50—77 годами много времени, и не невозможна гипотеза, что не измѣнившись во всемъ остальномъ: въ рѣзкости, похожей на безстрашіе, съ которой онъ способенъ оцѣнивать самого себя; въ увѣренности, что необходимое человѣку исчерпывается моральнымъ усовершенствованіемъ; въ увѣренности, что это «моральное усовершенствованіе легко, возможно и вѣчно»; въ способности съ исключительной силой реагировать на свои мысли объ этомъ, приходящія ему въ голову «съ свѣжей силой моральнаго открытія; къ способности «пугаться» при представленіи о томъ, «сколько времени уже потеряно даромъ»; въ способности, въ силу этого, приходить къ рѣшенію «тотчасъ же», въ ту же «секунду», приложить новыя мысли къ жизни, — Левъ Толстой измѣнился только въ отношеніи «четвертаго чувства».

Возможно. Въ этомъ отношеніи, очевидно, представляютъ огромный интересъ остальные два тома біографіи, если они будутъ такъ же богаты документальными данными, какъ богатъ ими первый томъ... Но, не подчеркивая излишне, мы, однако, укажемъ на одинъ цѣнный документъ изъ самаго послѣдняго времени, о которомъ намъ уже приходилось упоминать. Это—письма Л. Н. по поводу его колебаній: писать или не писать свою автобіографію. «Третье чувство» Николая Иртеньева изжито сполна: въ памяти живетъ только «мерзость» прошлаго. Очередь — за «четвертымъ чувствомъ». Формы, въ которую оно вылилось въ періодъ передъ «пробужденіемъ», мы въ точности не знаемъ (пока), но старыя черты его, въ письмахъ по поводу автобіографіи, — живы, несомнѣнны и очевидны: несомнѣнны и очевидны—и чувство жажды терзать себя покаяніемъ, изображая себя чернѣе чернаго вплоть

до «негодяя» и «мерзкой гадины»; и чувство удовлетворенія свѣтлой точкой настоящаго въ противность сладострастно-мучительски оцѣненному прошлому.

Какъ видитъ читатель, трудъ г. Бирюкова, неожиданно устанавливающій какую-то общность душевныхъ тайниковъ между «тайновидцемъ плоти» Толстымъ — по неудачному опредѣленію г. Мережковскаго—и «жестокимъ талантомъ» — «тайновидцемъ духа» Достоевскимъ, несмотря на неразработанность г. Бирюковымъ собранныхъ имъ матеріаловъ, представляетъ крупную литературную цѣнность. Въ интересахъ всѣхъ, кого привлекаетъ, огромный, цѣльный и стройный въ своихъ противорѣчіяхъ образъ Льва Толстого, остается пожелать скорѣйшаго появленія остальныхъ двухъ томовъ «Біографіи».

Генрихъ Ибсенъ. Статьи, рѣчи, письма. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1906.

Почти одновременно съ біографіей Л. Н. Толстого вышло въ русскомъ изданіи собраніе статей, писемъ и рѣчей другого огромнаго человѣка второй половины XIX столѣтія—Ибсена. Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ не признаетъ Ибсена, какъ художника. Этого нельзя взаимно сказать объ Ибсенѣ, и въ выпущенномъ сборникѣ писемъ Ибсена есть одно, адресованное Э. Ганзену, переводчику Льва Толстого, со слѣдующей болѣе чѣмъ сочувственной оцѣнкой Толстого, какъ драматурга:

„Позвольте мнѣ при семъ выразить вамъ мою особенную признательность за присланный экземпляръ вашего перевода Льва Толстого. — Драму „Власть тьмы" я прочелъ съ большимъ интересомъ. Не сомнѣваюсь, что она въ надлежащемъ, вѣрномъ и безпощадномъ исполненіи должна произвести сильное впечатлѣніе со сцены. Мнѣ кажется, однако, что авторъ не вполнѣ владѣетъ драматической техникой. Въ пьесѣ больше разговоровъ, чѣмъ драматическихъ явленій, и діалогъ во многихъ мѣстахъ кажется мнѣ скорѣе эпическимъ, нежели драматическимъ; вообще вся вещь является не столько драмой, сколько разсказомъ въ діалогахъ. Но главное вѣдь на лицо. Духъ геніальнаго поэта живетъ и проявляется здѣсь во всемъ".

Это письмо любопытно еще и какъ иллюстрація стараго правила, что никто самъ себѣ не судья: Ибсенъ въ роли читателя немедленно отмѣчаетъ въ качествѣ недостатка «Власти тьмы» обиліе «разговоровъ» взамѣнъ «драматическихъ явленій», но въ роли драматурга самъ далеко не всегда справляется съ подобнымъ препятствіемъ, когда нужно быть одновременно и яркимъ въ изображеніи, и опредѣленнымъ въ заявленіи того, что нужно сказать читателю-зрителю.

Къ сожалѣнію, переписка Ибсена не даетъ возможности такъ близко подойти къ великому норвежскому писателю, какъ это позволяютъ матеріалы, собранные г. Бирюковымъ относительно

Льва Николаевича. Въ сборникъ писемъ вошла только часть писемъ Ибсена: все, что имѣло личный характеръ, изъ сборника исключено, и помѣщено только то, что имѣетъ общій характеръ. Поэтому внѣшнія условія жизни Ибсена нашли себѣ очень мало мѣста въ сборникѣ писемъ, составляющемъ, вмѣстѣ съ рѣчами и статьями Ибсена, восьмой томъ полнаго собранія сочиненій въ изданіи г. Скирмунта, и только случайно проскальзываютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какую суровую школу прошелъ геніальный писатель, благодарящій въ одномъ изъ писемъ пріятеля за то, что тотъ прислалъ сукна на брюки, что оказалось, какъ выражается Ибсенъ, очень кстати.

За то внутренній обликъ Ибсена, какъ человѣка и мыслителя, освѣщается въ письмахъ во многихъ случаяхъ и неожиданно, и интересно. Самого Ибсена издавна привлекала мысль объединить творчество и свою жизнь въ «одно понятное цѣлое» посредствомъ автобіографіи. Но эта мысль въ теченіе 20 лѣтъ осталась невыполненною: этому мѣшали разныя обстоятельства, главнымъ образомъ, очередныя литературныя работы, а затѣмъ окончательно помѣшала болѣзнь. Взамѣнъ этой автобіографіи и было выпущено нынѣ переведенное на русскій языкъ собраніе писемъ Ибсена. Написанныя—по указанію издателей писемъ въ подлинникѣ — безъ всякихъ слѣдовъ литературной обработки, эти письма свидѣтельствуютъ, между прочимъ, что Ибсенъ не обладалъ даромъ легко и просто писать, при всякихъ условіяхъ. По отзыву издателей, письма въ оригиналѣ зачастую написаны «тяжелымъ неуклюжимъ слогомъ, дѣлающимъ ихъ похожими на канцелярскія донесенія», и только въ минуты вспыхнувшаго почему-либо настроенія написаны обычнымъ живымъ и страстнымъ языкомъ Ибсена-драматурга.

Какъ на интересную подробность сборника писемъ Ибсена, укажемъ, что они существенно измѣняютъ представленіе о легендарной замкнутости Ибсена, какъ человѣка.

Въ одномъ изъ писемъ къ Бьёрнсону Ибсенъ самъ объясняетъ свою внѣшнюю нелюдимость тѣмъ, что обыкновенно отъ близкихъ людей требуется, чтобы они были нараспашку. Но именно этого-то онъ и не въ состояніи сдѣлать.

„Я знаю, —говорится въ этомъ письмѣ,—свой недостатокъ — неспособность тѣсно, душевно сходиться съ людьми, которые требуютъ, чтобы съ ними были нараспашку. У меня есть что то общее со скальдомъ, Яттейромъ въ „Борьбѣ за престолъ". Я не могу раздѣться до нага. И я чувствую, что въ сношеніяхъ съ людьми я вообще не въ состояніи вполнѣ выразить то, что ношу въ глубинѣ души и что составляетъ мое настоящее „я"; поэтому я предпочитаю совсѣмъ замкнуться въ себѣ, и вотъ почему мы съ тобою порой держимся на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга, словно занимая наблюдательное положеніе".

И, дѣйствительно, «раздѣтаго» Ибсена въ письмахъ нѣтъ, хотя онъ просто—и не подчеркивая — замѣчаетъ, напр., о себѣ, что

черты Пера Гюнта и Стенсгора онъ нашелъ путемъ «самоанатомированія», такъ же точно, какъ находитъ въ себѣ, въ лучшія минуты. черты Бранда: («Брандъ - я самъ въ лучшія минуты»). Въ отношеніи своихъ корреспондентовъ Ибсенъ не только внимателенъ, но и участливъ. О знакахъ вниманія по отношенію къ нему, уже прославленному и имѣющему основанія быть избалованнымъ писателю, онъ долго помнитъ и хотя, по своему отвращенію вообще къ писанію писемъ, способенъ не отвѣтить на нихъ въ теченіе 2 лѣтъ (это не опечатка!), но когда отвѣчаетъ, то отвѣчаетъ съ обезоруживающей привѣтливостью и искренностью. Очень хороши нѣкоторыя письма, въ которыхъ Ибсенъ проситъ за кого-нибудь. Требовательный во всемъ, что касается правды, онъ не способенъ покривить душой и скрыть, что онъ пишетъ свое письмо по просьбѣ того, за кого онъ хлопочетъ. Съ этого онъ и начинаетъ, но въ общемъ письмо ничего не проигрываетъ въ смыслѣ своей убѣдительности (письмо къ г. Гальворсенъ. 1895 г.).

Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ измѣненій въ своемъ жизнеотношеніи Ибсенъ считаетъ, между прочимъ, отказъ отъ права предъявлять ко всѣмъ людямъ *одинаковыя* требованія: «Я давно,—замѣчаетъ онъ въ письмѣ (1884 г.)—пересталъ ставить общія для всѣхъ требованія, такъ какъ больше не вѣрю во внутреннее право человѣка ставить такія требованія. Я думаю, что у всѣхъ у насъ нѣтъ иной и высшей задачи, какъ въ духѣ и истинѣ осуществить самихъ себя». Это письмо въ частности интересно и потому, что оно устраняетъ будто-бы противорѣчіе между «Дикой утки» и другими пьесами Ибсена (по вопросу о роли «правды» въ жизни). По отношенію къ основнымъ взглядамъ своимъ на жизнь и творчество Ибсенъ энергично возстаетъ противъ мнѣнія, будто эти взгляды мѣнялись имъ. По словамъ Ибсена, его міросозерцаніе развивалось совсѣмъ послѣдовательно, и онъ самъ могъ бы указать линію этого развитія (въ виду этого онъ и думалъ о своей автобіографіи). Онъ утверждаетъ, что остался такимъ же, какъ былъ, когда «впервые нашелъ самъ себя», по его излюбленному выраженію. Неизмѣнно подчеркивая, что онъ поэтъ, а не философъ и не политикъ (онъ называетъ себя «язычникомъ» въ молитвѣ), Ибсенъ, тѣмъ не менѣе, даетъ интересныя указанія о своихъ общихъ взглядахъ на коренные вопросы жизни. Онъ прежде всего не «патріотъ» — въ обычномъ смыслѣ этого слова (это не помѣшало, конечно, шведско-норвежскому королю принять личное участіе въ торжественномъ чествованіи Ибсена по поводу 70-лѣтней годовщины дня его рожденія). Быть національнымъ для него кажется слишкомъ узкимъ и мѣшающимъ умственному и нравственному росту.

Мнѣ кажется—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ (1888 г.)—что національное воззрѣніе начинаетъ вымирать и смѣняться племеннымъ. Во вся-

комъ случаѣ я лично прошелъ черезъ такую эволюцію. Вначалѣ я чувствовалъ себя норвежцемъ, затѣмъ развился до сознанія себя скандинавомъ, а теперь причалилъ къ общегерманской пристани».

Интересно—въ связи съ этимъ—замѣчаніе Ибсена, что національное чувство долго мѣшало ему *сродниться* со средой, въ которой должна была развернуться его «міровая драма»: «Кесарь и Галилеянинъ»:

„Въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ Римѣ—пишетъ Ибсенъ—я собралъ также значительный историческій матеріалъ для „Кесаря и Галилеянина", но не успѣлъ еще составить себѣ сколько-нибудь яснаго плана драмы, не говоря уже о томъ, чтобы приступить къ его разработкѣ. Мое міросозерцаніе было въ то время еще чисто національно-скандинавскимъ, вслѣдствіе чего я не могъ справиться съ новымъ, чуждымъ мнѣ матеріаломъ".

Совѣтуя Бьернсону на время уѣхать за границу, Ибсенъ замѣчаетъ: «разстояніе между тобой и родиной расширитъ твой кругозоръ».

Еще рѣзче, чѣмъ о націонализмѣ, Ибсенъ—поэтъ стремленій къ невозможному, если моральныя побужденія заставляютъ хотѣть этого невозможнаго (вспомните его пренебрежительныя фразы о людяхъ, которые не хотятъ ничего невозможнаго)—высказывается о современной и будущей *государственной* формѣ жизни.

„Государство—проклятіе для индивида,—замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Брандесу (1871 г.). Чѣмъ куплена государственная мощь Пруссіи? Поглощеніемъ индивида, претвореніемъ его въ политическое и географическое понятіе. Кельнеръ наилучшій солдатъ. Взять, съ другой стороны, іудейскій народъ, аристократовъ человѣчества. Брагодаря чему онъ сохранилъ свою индивидуальность, свою поэзію, вопреки всякому насилію? Благодаря тому, что ему не приходилось возиться съ государственностью. Оставайся онъ въ Палестинѣ, онъ давно бы погибъ подъ тяжестью своего государственнаго строя, какъ и всѣ другіе народы. Долой государственное иго! Вотъ революція, въ которой я готовъ принять участіе. Подрывайте самое понятіе „государство", ставьте условіями общественности лишь добрую волю и духовное единеніе—это и будетъ началомъ достиженія той единой свободы, которая чего-нибудь стоитъ. Перемѣна формъ правленія не что иное, какъ игра въ бирюльки,—немножко лучше, немножко хуже, а все въ общемъ ни къ чему".

Какъ отнесется къ этому желанному «невозможному» практикъ-политикъ, для Ибсена безразлично («въ качествѣ политика-практика, вѣрно, и приходится такъ говорить»,—говоритъ онъ по сходному поводу о Бьернсонѣ). Для него остается непреложнымъ фактъ, что государственныя формы жизни — наслѣдіе стараго періода культуры, которое должно быть претворено въ нѣчто иное и новое жаждой безпредѣльной свободы и самоопредѣленія личности, составляющихъ задачу Ибсена, какъ поэта. Пусть эта жажда проснется,—дорогу къ здоровому воплощенію въ жизни она найдетъ. «Я думаю, что у всѣхъ у насъ—опредѣляетъ Ибсенъ,

черезъ 13 лѣтъ послѣ приведеннаго письма, свою литературную платформу,—нѣтъ иной и лучшей задачи, какъ стараться въ духѣ и истинѣ осуществить самихъ себя. Это по моему настоящее свободомысліе, и потому такъ называемые либералы мнѣ во многихъ отношеніяхъ столь глубоко противны» (1884 г.).

Нѣсколько уклоняясь отъ нашей непосредственной темы—общаго облика Ибсена, какимъ онъ является въ своихъ письмахъ, замѣтимъ, что, по признанію одного изъ датскихъ критиковъ Ибсена, Торупа, его отношеніе къ Ибсену было неопредѣленно-равнодушнымъ «вплоть до того времени, какъ его лѣтомъ 1898 г. ударило по сердцу четверостишіе Ибсена:

> Что значитъ жить? Въ борьбѣ съ судьбою,
> съ страстями темными сгорать.
> Творить? То значить надъ собою
> нелицемѣрный судъ свершать.

«Прочитавъ впервые это ясное признаніе честнаго и свѣтлаго ума,—говоритъ дальше Торупъ,—я принялся вновь перечитывать всѣ сочиненія Ибсена съ полнымъ довѣріемъ къ писателю и великимъ недовѣріемъ ко всѣмъ его критикамъ». Почти въ такомъ же родѣ, какъ припомнитъ читатель, состоялось ближайшее знакомство съ Ибсеномъ, какъ художникомъ,—въ Россіи у Н. К. Михайловскаго: послѣдній тоже самъ признавался, что онъ въ родѣ какъ случайно открылъ для себя Ибсена, остановленный той остротой, съ которой Ибсенъ реагируетъ въ своемъ творчествѣ (рѣчь идетъ о «Росмергольмѣ») на колючіе вопросы жизни.—Такимъ же является Ибсенъ и въ письмахъ. Къ эстетизму, къ исканію въ жизни интересно щекочущихъ впечатлѣній, Ибсенъ относится съ страстнымъ презрѣніемъ цѣльнаго человѣка и бунтаря, къ которому очень хорошо идетъ чье-то выраженіе о Спинозѣ, какъ о человѣкѣ, который былъ «пропитанъ» Богомъ. Ибсенъ тоже человѣкъ, пропитанный своимъ Богомъ, и возможность относиться къ огромнымъ вопросамъ въ жизни человѣчества съ точки зрѣнія только интереснаго зрѣлища приводитъ его въ негодованіе, выраженное въ крайне рѣзкой формѣ въ письмѣ къ Бьернсону (1865 г.):

„Если бы меня въ данную минуту попросили опредѣлить—въ чемъ существенный результатъ моей поѣздки (въ Римъ), то я сказалъ бы: въ томъ, что я отдѣлался отъ власти надо мной эстетики, какъ чего-то изолированнаго, самодовлѣющаго. Эстетика въ этомъ смыслѣ представляется мнѣ теперь такимъ же великимъ проклятіемъ для поэзіи, какъ богословіе для религіи. Тебѣ никогда не приходилось возиться съ такого рода эстетикой, ты никогда не смотрѣлъ на жизнь, какъ разсматриваютъ картину, приставивъ къ глазу сложенную трубкой руку“.

Говоря далѣе о писательскомъ дарованіи, какъ «чудномъ дарѣ», Ибсенъ замѣчаетъ:

„Оно, однако, возлагаетъ и большую отвѣтственность; и я теперь достаточно созрѣлъ, чтобы чувствовать ее и относиться построже къ себѣ

самому. Одинъ копенгагенскій эстетъ сказалъ при мнѣ: „Христосъ всетаки поистинѣ интереснѣйшее явленіе во всемірной исторіи". Эстетъ любовался Христомъ, какъ обжора любуется устрицей! Такимъ слизнякомъ я, по правдѣ сказать, не могъ бы стать никогда: всегда былъ слишкомъ здоровъ для этого; но какъ знать, что могли бы сдѣлать изъ меня разные умствующіе ослы, подвергайся я ихъ вліянію безпрепятственно. Воспрепятствовалъ же этому не кто другой, какъ ты, дорогой Бьернсонъ!"

Это письмо относится къ 1865 году, когда Ибсену уже не приходилось сѣтовать на невнимательность неба къ тѣмъ горячимъ мольбамъ о «содержаніи жизни», о которыхъ ему «смѣшно вспомнить» въ 1858 году *):

«Содержаніе жизни» пришло своею чередой, и авторъ письма, ставившій обязательнымъ условіемъ для художника изображать не то, что онъ физически *прожилъ*, а только то, что онъ нравственно *пережилъ*,—могъ написать и «Бранда», и «Строителя Сольнеса», и «Дикую утку», и «Когда мы, мертвые, пробуждаемся».

Не менѣе рѣзко, чѣмъ объ эстетахъ, Ибсенъ выражается о либералахъ и «сплоченномъ большинствѣ». Письма Ибсена въ этомъ отношеніи представляютъ много разъясняющихъ подробностей.

„Для меня—пишетъ онъ Брандесу въ 1882 г.—высшее и первѣйшее жизненное условіе—свобода. У насъ не особенно заботятся о *свободѣ*, а только все о *вольностяхъ* **),—въ большомъ или меньшемъ количествѣ, согласно партійной точкѣ зрѣнія... Ни при какихъ обстоятельствахъ, никогда не примкнулъ бы я къ партіи, имѣющей за собой большинство. Бьернсонъ говоритъ: „большинство всегда право". И въ качествѣ политика-практика, вѣрно, и приходится такъ говорить. Я, напротивъ, вынужденъ сказать: „меньшинство всегда право". Само собой разумѣется, я при этомъ не имѣю въ виду меньшинства, состоящаго изъ людей застоя, отсталыхъ членовъ огромной срединной партіи, называемой у насъ либеральною; я говорю о меньшинствѣ, которое идетъ впереди и котораго большинство еще не догнало. По моему правы тѣ, которые ближе всего къ союзу съ будущимъ".

Для враждебнаго чувства къ «либераламъ» Ибсенъ имѣлъ основанія не только общаго характера, но и личнаго. Не только сатирическія произведенія, но и «Нора», и «Привидѣнія» доставили автору много тяжелыхъ минутъ.

По поводу «Норы» Ибсенъ сообщаетъ, что, предупрежденный

*) Ибсенъ родился въ томъ же 1828 г., что и Л. Н. Толстой.
„...въ васъ... столько (пишетъ Ибсенъ своему корреспонденту) душевной молодости, жизнерадостности и столько рыцарскаго благородства во взглядахъ, отъ чего у меня становилось такъ хорошо на душѣ. Сохраните все это въ себѣ! Повѣрьте, мнѣ вовсе не весело смотрѣть на міръ сквозь октябрьскій туманъ, — и всетаки смѣшно сказать — было время, когда я ничего лучшаго не желалъ. Я сгоралъ желаніемъ испытать большое горе, почти молилъ небо послать мнѣ такое горе, которое наполнило бы все мое существо, дало бы содержаніе жизни".

**) Курсивъ принадлежитъ намъ.

о возможности постановокъ на нѣмецкихъ сценахъ вмѣсто «Норы» такихъ передѣлокъ, которыя не возмущали бы quasi-моральное чувство зрителей уходомъ Норы отъ дѣтей и мужа, онъ рѣшился, во избѣжаніе худшаго: чужого «варварскаго насилія надъ пьесой», произвести это насиліе надъ собою самъ, съ оговоркой для театральныхъ руководителей, что подобный варіантъ можетъ ставиться не по желанію автора, а вопреки ему. По этому варіанту, Гельмеръ увлекалъ Нору къ дверямъ дѣтской спальни: происходилъ обмѣнъ репликъ; Нора безсильно опускалась у дверей на стулъ, и на этомъ падалъ занавѣсъ. По поводу «Привидѣній». въ которыхъ онъ проповѣдуетъ, какъ утверждали обвинители, нигилизмъ, Ибсену пришлось доказывать, что онъ «ничего не проповѣдуетъ», а лишь обнаруживаетъ, въ качествѣ художника, фактъ, что и въ Норвегіи «подъ наружной оболочкой спокойствія бродитъ нигилистическая закваска, такъ какъ «иначе и быть не можетъ. Любой пасторъ Мандерсъ всегда вызоветъ къ жизни ту или иную фру Альвингъ».— Особенно возмутили Ибсена открещиванія отъ него и его пьесы въ «либеральномъ лагерѣ».

„Разумѣется, я былъ—пишетъ Ибсенъ въ 1882 г.—готовъ къ тому, что моя драма вызоветъ вопли въ лагерѣ застоя, и вопли эти тревожатъ меня не болѣе, чѣмъ лай цѣпныхъ собакъ. Но меня заставила призадуматься трусливость, которую я замѣтилъ въ такъ называемомъ либеральномъ лагерѣ.

Всего день спустя послѣ поступленія моей книги въ продажу, „Dagbladet“ поспѣшилъ помѣстить статью, которою какъ будто хотѣлъ предупредить возможность всякаго подозрѣнія въ сочувствіи или одобреніи моей пьесы. Это было совсѣмъ излишнее. Я самъ отвѣчаю за то, что пишу,—я и болѣе никто. Я никоимъ образомъ не могу скомпрометтировать какую-либо партію, такъ какъ не принадлежу ни къ какой. Я хочу оставаться одинокимъ застрѣльщикомъ на форпостахъ и дѣйствовать вполнѣ на свой страхъ.

Единственнымъ человѣкомъ въ Норвегіи, свободно, смѣло и мужественно выступившимъ на мою защиту, оказался Бьернсонъ...

А всѣ эти заячьи души—борцы за свободу? Да развѣ только въ политической области должно бороться у насъ за свободу? Не требуется ли прежде всего освободить умы и души? Такія рабскія души, какъ мы, не могутъ даже воспользоваться тѣми свободами, которыя уже предоставлены намъ. Норвегія - свободная страна, населенная несвободными людьми.

Отъ души желалъ бы, чтобы наблюденія, сдѣланныя мною за послѣднее время надъ роднымъ либерализмомъ, не подтвердились“.

Конечно, очень существенный интересъ въ письмахъ Ибсена представляетъ все, что касается его пьесъ, въ которыхъ онъ, какъ извѣстно, не любитъ ставить точекъ надъ і, создавая возможность многоразличнаго толкованія ихъ. О своихъ пьесахъ Ибсенъ говоритъ сравнительно часто въ письмахъ къ Брандесу (котораго необыкновенно высоко цѣнитъ, какъ критика), переводчикамъ и другимъ авторамъ, писавшимъ объ его произведеніяхъ въ Германіи, Финляндіи, Франціи, Англіи. Въ письмахъ Ибсенъ нерѣдко про-

тестуетъ противъ оцѣнки его, прежде всего, съ точки зрѣнія того, что онъ *хотѣлъ* сказать. Онъ заявляетъ по этому поводу, что всякій пишетъ подъ вліяніемъ какой-нибудь идеи, и не въ этомъ главный вопросъ. Прежде всего важно—что онъ *сказалъ*: удалось ли ему, Ибсену, создать «хорошую пьесу и живыхъ людей». «Вотъ въ чемъ важнѣйшій вопросъ»—заключаетъ онъ.

Въ драматической техникѣ — онъ рѣшительный противникъ всего, что уклоняется отъ образа и отзывается сценической декламаціей: «Прологи, эпилоги и все подобное,—пишетъ Ибсенъ въ 1883 году г-жѣ Вольфъ, исполнительницѣ его пьесъ,—должно быть безусловно изгнано со сцены. Тамъ мѣсто одному драматическому искусству, а декламація—не драматическое искусство». Даже по поводу символическаго «Пера Гюнта» Ибсенъ энергично возстаетъ противъ попытки истолковать его живые, хотя и сказочно-сумбурные образы, какъ простыя аллегоріи. Попытка подобнаго истолкованія со стороны одного критика приводитъ его въ такую ярость, что онъ пишетъ Бьернсону (1867 г.): «Будь я въ Копенгагенѣ и имѣй тамъ человѣка, столь же близкаго мнѣ, какъ тебѣ Клеменсъ Петерсенъ (вышеупомянутый критикъ), я избилъ бы его до полусмерти, прежде чѣмъ позволить ему совершить такое тенденціозное преступленіе противъ правды и справедливости».

По поводу реалистическихъ пьесъ («Привидѣнія») Ибсенъ пишетъ: «Моимъ намѣреніемъ было вызвать въ читателѣ впечатлѣніе что онъ во время чтенія переживаетъ отрывокъ *изъ дѣйствительной жизни*».—Начавъ съ произведеній въ стихахъ, Ибсенъ въ концѣ рѣшительно выступаетъ противъ этой формы, считая ее искусственной; какъ драматургъ онъ, по его словамъ, «посвятилъ себя исключительно несравненно болѣе трудному искусству писать простымъ, правдивымъ, вѣрнымъ дѣйствительности языкомъ».

Кромѣ тѣхъ пьесъ, о которыхъ уже упоминалось выше, въ письмахъ есть интересныя указанія Ибсена по поводу «Бранда», по поводу «Союза молодежи», въ главномъ героѣ котораго Бьернсонъ—это было въ пору взаимнаго отчужденія между Ибсеномъ и Бьернсономъ—усмотрѣлъ сатирическое изображеніе себя (Ибсенъ противъ этого протестуетъ): по поводу сатирической «Комедіи любви», которая кажется чудаческой вещью, если не имѣть въ виду, что авторъ заставилъ Свангильдъ и Фалька поступить малоправдоподобно съ психологической стороны, именно потому, что—по мнѣнію (1872 г.) Ибсена — при данныхъ соціальныхъ условіяхъ, бракъ всегда немножко нелѣпость, и потому—если хочешь сберечь то лучшее, что даетъ человѣку любовь, то не остается ничего иного, какъ поступить нелѣпо.

Въ «Комедіи любви»—какъ выражается самъ Ибсенъ — онъ «обрисовалъ свойственное нашимъ *соціальнымъ условіямъ* противорѣчіе между дѣйствительностью и идеальными требованіями въ области любви и брака».

Еще интереснѣе опредѣленныя указанія Ибсена по поводу одной изъ самыхъ спорныхъ пьесъ: «Гедды Габлеръ». Намъ приходилось уже говорить о причинахъ этой спорности, и теперь мы можемъ ограничиться категорическимъ утвержденіемъ Ибсена, что его пьеса не имѣетъ никакого сокровеннаго смысла. Вотъ его подлинныя слова (графу Прозоръ, его переводчику во Франціи, въ 1890 г.):

Названіе пьесы,—„Гедда Габлеръ". Я хотѣлъ этимъ намекнуть, что героиня, какъ личность, является больше дочерью своего отца, нежели женой своего мужа.

Въ этой пьесѣ я собственно не задавался такъ называемыми проблемами. Главною моею задачею было изображеніе людей, человѣческихъ настроеній и судебъ *на фонѣ извѣстныхъ общепринятыхъ общественныхъ условій и понятій*".

Едва ли нужно прибавлять, что при такихъ условіяхъ всякія попытки придавать Геддѣ Габлеръ характеръ условности и символическаго протеста противъ ограниченности жизни, внѣ условій реальной дѣйствительности,—представляютъ искаженіе творческаго замысла Ибсена, а не попытки освѣтить его. Если задачею Ибсена было изображеніе людей, настроеній и человѣческой судьбы на фонѣ извѣстныхъ общепринятыхъ условій и понятій,—не можетъ подлежать сомнѣнію, что его молчаливую и замкнутую Гедду нельзя уносить въ область чисто-фантастической выдумки, окружая «внѣреальными условіями», какъ болѣе цѣлесообразными для сценическаго освѣщенія злополучной дочери генерала Габлера. «Гедда Габлеръ», какъ видитъ читатель, столько же психологическая, сколько и соціальная драма, и намъ остается только съ особымъ удовольствіемъ подчеркнуть, что замѣчаніе Ибсена совершенно совпадаетъ съ той точкой зрѣнія, съ которой мы въ свое время пытались объяснить его замѣчательную драму о сугубо лишнемъ человѣкѣ, жаждавшемъ красоты въ жизни и нашедшемъ условную красоту только въ своей смерти.

А. Е. Рѣдько.

Политика.

Годъ огромныхъ событій и нерѣшенныхъ вопросовъ.—Прежнія и новыя группировки державъ.—Международные конфликты.—Угрозы будущему.—Внутреннія дѣла важнѣйшихъ націй.

I.

Очень тягостно, очень тревожно прошелъ 1906 годъ. Повсемѣстно были поставлены огромные вопросы и произошли громадныя событія. Нигдѣ, однако, эти громадныя событія не завершились и эти огромные вопросы не получили разрѣшенія. Новый 1907 годъ человѣчество встрѣчаетъ въ самомъ разгарѣ всяческой борьбы и всяческихъ конфликтовъ. Кипитъ давно, казалось, остывшая религіозная борьба (Франція, Испанія, Англія). Разгораются съ новою силою расовые и національные конфликты (прусская Польша, западъ Америки, Кавказъ, Македонія). Классовая борьба тоже всюду обострилась: стачки, забастовки, порою кровавыя столкновенія на этой почвѣ волновали весь цивилизованный міръ; безработица его удручала... Тлѣла, все разогрѣваясь, и глухая международная вражда. Первый годъ мира послѣ кровопролитной войны не внесъ успокоенія. Народы не могутъ быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ и, заваленные по горло своими внутренними дѣлами самаго остраго характера, съ безпокойствомъ глядятъ и на свою внѣшнюю безопасность.

Нѣкоторую увѣренность въ мирѣ народы опирали на прочную группировку державъ, взаимно уравновѣшивавшую силы и тѣмъ умѣрявшую аппетиты. Соображая опасность возможнаго пораженія, правительства самыхъ воинственныхъ и самыхъ вѣроломныхъ державъ не рѣшались ввязываться въ серьезныя осложненія и, вооружаясь съ ногъ до головы, задыхаясь подъ этими злыми доспѣхами, они не рисковали вызывать провѣрку силы. Русское правительство рискнуло на эту провѣрку. Извѣстно, чѣмъ это кончилось. Русское могущество оказалось миѳомъ, а съ этимъ нарушилось и равновѣсіе силъ въ Европѣ. Еще въ 1905 году этимъ воспользовалась Германія и потѣснила Францію въ Марокко, заставивъ ее смѣнить враждебнаго Германіи министра иностранныхъ дѣлъ. Французы уступили, но тѣмъ дѣятельнѣе начали искать новыхъ союзниковъ. Повидимому, они нашли добраго друга въ Англіи, а также и въ Испаніи. Съ Россіей, повидимому, наступила холодность. Союзный договоръ существуетъ, имъ дорожатъ, за него щедро платятъ, но имъ тяготятся и на него не очень полагаются.

Такая перегруппировка международныхъ силъ выгодна только Германіи. Конечно, до тѣхъ лишь поръ, покуда существуетъ тройственный союзъ, эта комбинація, нѣкогда возникшая съ широкими наступательными цѣлями, теперь же дарующая безопасность ея членамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, развязывающая руки германской агрессивности. Эта первая и очень серьезная опасность миру. Внезапно и совершенно неожиданно обнаружившаяся слабость Россіи создала эту опасность. Та же слабость Россіи, въ которую, кажется, еще не всѣ увѣровали, создала и другую опасность. Она поощряетъ и японскую агрессивность, угрожая всеобщему миру и съ этой стороны. Эта наступательная политика Германіи и Японіи пробуждаетъ разныя надежды и вызываетъ приготовленія и въ другихъ странахъ, въ послѣднее время обиженныхъ исторіей. Такъ, Турція, поощряемая японскими успѣхами и разсчитывая на покровительство Германіи, дважды въ теченіе 1906 года пробовала удержать позиціи, на которыя у Акабахскаго залива притязала Англія, а во внутренней Сахарѣ—Франція. Въ обоихъ случаяхъ ей пришлось уступить: Германія не оказала поддержки, Японія же еще не вошла въ сферу этихъ западныхъ интересовъ. Миролюбіе престарѣлаго Франца-Іосифа и симпатіи Италіи по отношенію къ Англіи и Франціи въ обоихъ этихъ случаяхъ связывали Германію и лишали Турцію необходимой международной опоры. Если бы австрійскій императоръ былъ моложе и предпріимчивѣе, а на итальянскомъ престолѣ продолжалъ царствовать Гумбертъ, Вильгельмъ II имѣлъ бы достаточную опору въ союзникахъ, и споры за Акабахъ и за Джанетъ легко могли бы зажечь всемірный пожаръ. Слабость Россіи образовала огромную международную пустоту и уже давно повела бы къ перераспредѣленію территоріи и вліянія, если бы не этотъ удивительный ростъ у большей части европейскихъ народовъ отвращенія къ войнѣ (давно ли война прославлялась и воспѣвалась на всѣ лады) и сознанія международной солидарности. И вышеупомянутыя временныя причины (смѣна царствованія въ Италіи и старость правителя Австріи), и эти общія, все больше и больше объединяющія европейскія націи на почвѣ международной взаимности и миролюбія, поддерживаютъ въ настоящее время миръ, но такъ какъ временныя причины суть временныя и преходящія, а общія не охватили всего цивилизованнаго міра и недостаточно укоренились въ чувствахъ и сознаніи и наиболѣе передовыхъ націй, то и нельзя ручаться за мирное теченіе исторической жизни въ 1907 году.

Громадная пустота, какъ послѣдствіе обнаружившейся слабости Россіи, является въ настоящее время главною угрозою миру и на Ближнемъ, и на Дальнемъ Востокѣ. Предвидимая въ скоромъ времени смѣна правленія въ Турціи и только-что совершившаяся въ Персіи и переходъ власти въ молодыя и энергичныя руки могутъ имѣть самыя неожиданныя послѣдствія. Слабость Россіи теперь до

того велика и до того очевидна, что Турція можетъ рисковать войною одинъ на одинъ и при этомъ разсчитывать на успѣхъ. Храбрыя войска османовъ въ 1877—78 гг. уступили только огромному превосходству численности русскихъ войскъ, тогда еще не дезорганизованныхъ продолжительною реакціей, порядочно вооруженныхъ и умѣло командуемыхъ... А теперь? Молодой султанъ можетъ имѣть свои виды и питать надежды, а состояніе Кавказа и жалобы мусульманъ этого края всегда могутъ дать поводъ къ конфликту.

Это на Ближнемъ Востокѣ. Еще хуже дѣло на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ побѣдоносная и могущественная Японія желаетъ путемъ торговаго договора извлечь новыя и громадныя выгоды изъ своихъ побѣдъ. Ея огромный россійскій сосѣдъ, разбитый, слабый и вполнѣ безпомощный, представляетъ отличное поприще для всякаго рода воздѣйствій, а россійскія владѣнія въ тѣхъ далекихъ краяхъ являются легкою добычею для сильной, хорошо организованной и патріотической арміи, какою располагаютъ японцы. Правда, если бы совершилось такое чудо и русское правительство захотѣло и сумѣло примириться и объединиться съ русскимъ народомъ, то, конечно, слабость очень скоро превратилась бы въ могущество, и японцы удовлетворились бы уже пріобрѣтеннымъ по Портсмутскому мирному трактату. Однако государственные люди Японіи очень хорошо понимаютъ, что въ наше время чудесъ не бываетъ, а слѣдовательно, невозможна и метаморфоза современныхъ русскихъ бюрократовъ въ дѣйствительныхъ государственныхъ дѣятелей, понимающихъ интересы родины и преданно имъ служащихъ.

Уже полтора года протекло со времени возстановленія мира на Дальнемъ Востокѣ. Передъ тѣмъ было полтора года войны, съ самаго начала показавшей недостатки вооруженія, недостатки снабженія и совершенное несоотвѣтствіе сибирскаго пути возложенной на него задачѣ. Итого, три года времени. Однако, ничего не сдѣлано, ничего даже не начато, и если опять Россія окажется безсильна противостоять японскому нашествію, то виною тому будетъ все та же неспособность бюрократіи, властолюбивой, честолюбивой, корыстолюбивой, жестокой, но непредусмотрительной, безпечной, равнодушной ко всему, кромѣ собственнаго положенія. Россія раздирается самою горестною борьбой, изнемогаетъ подъ самымъ тягостнымъ, невыносимымъ режимомъ произвола. Японцы это знаютъ. Они знаютъ и полное безсиліе, и неспособность правящей бюрократіи. Отсюда ихъ смѣлость...

II.

Переговоры между Россіей и Японіей ведутся по двумъ направленіямъ. Во первыхъ, въ направленіи разъясненія нѣкоторыхъ статей портсмутскаго трактата и, во вторыхъ, о заключеніи торговаго договора. Переговоры ведутся строго секретно, и въ публику проникаютъ отрывочные слухи, порою успокоительнаго, порою очень тревожнаго характера.

Вотъ, напр., какіе слухи сообщала «Русь» (2 дек.):

«Въ общемъ японцы выставили столько новыхъ требованій, не предусмотрѣнныхъ, конечно, портсмутскимъ договоромъ, что если даже половина ихъ будетъ удовлетворена, то большая часть Сибири, не говоря уже о Манчжуріи, окажется въ ихъ фактическомъ владѣніи.

Въ самомъ дѣлѣ. Они требуютъ для себя права гражданства по всей Сибири.

Права покупки земель и колонизаціи ихъ.

Преимущества торговыхъ интересовъ передъ другими иностранными государствами.

Свободнаго плаванія по Сунгари и Амуру.

Преимущества передъ другими иностранцами въ арендѣ золотоносныхъ земель въ Восточно-Азіатскомъ раіонѣ и въ нѣкоторой части Пріамурья.

Преимущества въ охотѣ за пушнымъ звѣремъ.

Безпошлиннаго провоза многихъ своихъ товаровъ черезъ Манчжурію.

И богатѣйшихъ рыбныхъ промысловъ не только у южной части Сахалина, но и во многихъ другихъ рыбныхъ пунктахъ по нашему побережью и рѣкамъ.

Здѣсь упомянуты лишь главнѣйшія (далеко не всѣ) требованія японцевъ, которыя исключительны по своимъ размѣрамъ и важности».

Такія требованія невозможны въ переговорахъ съ независимымъ государствомъ. Ихъ предъявленіе уже является унизительнымъ для державы, къ которой адресуются съ подобными предположеніями. Какъ ни плохо написанъ портсмутскій мирный трактатъ, вызывающій массу недоумѣній и противорѣчивыхъ толкованій, однако и этотъ несчастный документъ (такъ называемая «дипломатическая побѣда» графа Витте) не даетъ основаній для многихъ изъ этихъ требованій.

Очень тревожна и слѣдующая корреспонденція изъ Петербурга въ лондонской Daily Telegraph:

«Россія приступила къ переговорамъ съ сознаніемъ необходимости считаться съ фактомъ пораженія или, другими словами, и

возможности уступать. Въ такомъ смыслѣ улаженъ вопросъ о Коpeѣ. Это стремленіе русскаго правительства не оцѣнено по достоинству Японіей, дальнѣйшія требованія которой должны быть выяснены всѣмъ друзьямъ мира, такъ какъ непринятіе ихъ Россіей можетъ показаться нарушеніемъ портсмутскаго договора, тогда какъ принятіе ихъ превратило бы миръ между Россіей и Японіей въ простое перемиріе. Японцы требуютъ свободы судоходства по Амуру и по Сунгари, ссылаясь, во-первыхъ, на портсмутскій договоръ, уничтожающій въ ихъ представленіи Айгунскій трактатъ 1858 г., и, во-вторыхъ, на японо-китайскій договоръ 1905 года, по которому Китай открылъ для торговли всѣ города въ бассейнѣ рѣкъ Амура и Сунгари. Хотя въ Портсмутѣ рѣчь шла о томъ, что Россія отказывается отъ какихъ бы то ни было привилегій и концессій, умаляющихъ суверенныя права Китая въ Манчжуріи, но право судоходства по Амуру и Сунгари странно было бы подводить подъ поднятіе подобной «привилегіи». Что касается свободы торговли въ Манчжуріи, то русское правительство съ самаго начала переговоровъ не представляло возраженій по этому предмету. Далѣе жалобы японцевъ на медленность эвакуаціи русскими войсками Манчжуріи и на образъ дѣйствій Россіи въ вопросѣ о рыбныхъ промыслахъ точно такъ же не основательны, такъ какъ русскихъ войскъ въ названной провинціи уже теперь вдвое меньше чѣмъ японскихъ, а относительно Сахалина сами японцы заслуживаютъ упрека въ неисполненіи до сихъ поръ постановленій портсмутскаго договора по вопросу объ устройствѣ матеріальнаго положенія русскихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, Россія вполнѣ въ правѣ не соглашаться съ доводами Японіи и въ то же время не можетъ не сознавать, что ей предстоитъ разрѣшить дилемму: либо уступить, въ явный ущербъ національному самолюбію требованіямъ японскаго правительства и ждать наступленія момента реванша, либо отказать и этимъ дать вновь поводъ къ серьезнымъ осложненіямъ и даже къ нарушенію мира на Дальнемъ Востокѣ».

Эта корреспонденція, повидимому, отражаетъ взгляды русской дипломатіи. Если да, то положеніе очень серьезно и русской дипломатіи давно пора обстоятельно ознакомить русское общество съ этою надвигающеюся опасностью.

Но есть и болѣе успокоительные слухи. Та же «Русь», тревожное сообщеніе которой мы выше цитировали, потомъ привела болѣе успокоительные слухи. Газета эта обыкновенно бываетъ освѣдомлена, по скольку это у насъ возможно. Стремленіе нашей бюрократіи все сохранять въ секретѣ ведетъ къ отрывочности всякихъ освѣдомленій, а подчасъ и къ противорѣчіямъ между этими отрывками. Цитируемъ и болѣе успокоительное сообщеніе «Руси»:

«12 декабря въ коммиссіи по заключенію торговаго договора съ Японіей оффиціально подтвердились сдѣланныя нами ранѣе сообщенія о положеніи дѣла.

Переговоры не происходили въ теченіе мѣсяца потому, что японскій уполномоченный лишь 7—8 ноября отослалъ почтой наши предложенія въ Японію.

Отвѣтъ, по географическому положенію послѣдней, не могъ еще придти обратно.

Пользоваться телеграфомъ для выясненія различныхъ затрудненій и взаимныхъ несогласій, по нѣкоторымъ соображеніямъ, представлялось неудобнымъ.

Слухи о возможномъ разрывѣ дипломатическихъ сношеній, появлявшіеся въ иностранной прессѣ, преувеличены. Японскій представитель уполномоченъ заявить, что правительство его не собиралось создавать международный инцидентъ изъ-за торговаго договора. Наоборотъ, оно всѣми силами стремится достичь соглашенія съ русскимъ правительствомъ.

Выяснилось далѣе, что въ настоящее время удалось добиться благополучнаго разрѣшенія по всѣмъ пунктамъ за исключеніемъ двухъ. Это, во-первыхъ, вопросы о правѣ плаванія по Сунгари и ввоза мѣстнаго манчжурскаго издѣлія и товаровъ (съ Квантунскаго полуострова) въ Россію или безпошлинно, или по пониженнымъ ставкамъ.

Такъ какъ нѣтъ физической возможности устанавливать каждый разъ съ точностью, чьи это товары, японскіе ли, или манчжурскіе (мѣстнаго издѣлія, какъ сказано въ проектѣ договора), то, очевидно, что въ случаѣ принятія нами японскихъ условій Сибирь въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ наводнена японскимъ товаромъ, который естественно вытѣснитъ русскій, какъ стоющій дороже изъ-за дальности перевозокъ.

Такъ приблизительно отвѣтили наши уполномоченные по заключенію торговаго трактата. Однако, объясненія эти, надо полагать, не удовлетворили японцевъ, такъ какъ именно по этимъ причинамъ они и добиваются этой уступки.

Правда, они предлагаютъ намъ въ обмѣнъ такой же безпошлинный (или по пониженному тарифу) ввозъ нашихъ издѣлій на Квантунскій полуостровъ. Но слишкомъ очевидно, что они получатъ больше выгодъ, чѣмъ предоставляютъ намъ, такъ какъ нашъ ввозъ въ Манчжурію и Сибирь немедленно сократился бы до минимальныхъ размѣровъ.

Точно такъ же наши уполномоченные отстаиваютъ неразрѣшеніе японцамъ свободнаго плаванія по Сунгари, ибо въ противномъ случаѣ нашъ рѣчной дальне-восточный флотъ, находящійся въ зародышевомъ состояніи, обреченъ на безвременную гибель, и теперь уже навсегда.

Несмотря на столь крупныя несогласія договаривающихся сторонъ, пока нѣтъ основанія опасаться обостренія отношеній. Обѣ стороны надѣются даже обойтись безъ посредниковъ.

Что касается «рыбнаго» вопроса, то онъ разбирается отдѣль-

ной коммиссіей. Въ немъ также есть нѣсколько пунктовъ, на толкованіи которыхъ стороны расходятся.

Однако въ данное время переговоры ведутся еще. Съ нашей стороны еще разъ начатъ пересмотръ предложеній и уступокъ, которыя мы можемъ сдѣлать японцамъ».

Въ этомъ изложеніи, кромѣ ничего не стоющихъ увѣреній японскихъ дипломатовъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ японскаго правительства, бросаются въ глаза два успокоительныхъ пункта: 1) не о заселеніи и эксплуатаціи Сибири идетъ уже рѣчь, а только о таможенныхъ льготахъ; и 2) обсуждается вопросъ о навигаціи по Сунгари, а не по Амуру и Сунгари.

Въ портсмутскомъ трактатѣ статья 12-я предусматриваетъ заключеніе торговаго договора. Она гласитъ слѣдующее:

«Такъ какъ дѣйствіе договора о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Японіей упразднено было войною, императорскія правительства россійское и японское обязуются принять въ основаніе своихъ коммерческихъ сношеній, впредь до заключенія новаго договора о торговлѣ и мореплаваніи на началахъ договора, дѣйствовавшаго передъ настоящей войной, систему взаимности на началахъ наибольшаго благопріятствованія, включая сюда тарифы по ввозу и вывозу, таможенныя обрядности, транзитные и тоннажные сборы, а также условія допущенія и пребыванія агентовъ, подданныхъ и судовъ одного государства въ предѣлахъ другого».

Эту то статью японцы и стараются теперь использовать «въ свою выгоду». Если только «въ свою выгоду», то ничего тревожнаго не рисуется на нашемъ горизонтѣ, но кто знаетъ, насколько правды во всѣхъ этихъ слухахъ! Такъ естественно, если японцы пожелали бы воспользоваться возможно шире слабостью Россіи..

Статья 11-я портсмутскаго мирнаго трактата, касающаяся вопроса о рыбныхъ ловляхъ у русскихъ береговъ, гласитъ слѣдующее:

«Россія обязуется войти съ Японіей въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ моряхъ: Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ.

Условлено, что таковое обязательство не затронетъ правъ, уже принадлежащихъ русскимъ или иностраннымъ подданнымъ въ этихъ краяхъ».

Уже годъ тому назадъ мы указывали, что эта очень неудовлетворительно изложенная статья портсмутскаго трактата можетъ вести къ недоразумѣніямъ и осложненіямъ. Въ рукахъ Японіи она можетъ быть постоянною угрозою миру.

III.

Наконецъ, 17 (30) дек. появилось оффиціальное сообщеніе Спб. телеграфнаго агентства о русско-японскихъ переговорахъ. Оно заключаетъ слѣдующее изложеніе фактовъ:

«Разнорѣчивые преувеличенные слухи распространялись въ послѣднее время по поводу перегоровъ между Россіей и Японіей о торговомъ трактатѣ и рыболовной конвенціи.

Такъ, между прочимъ, сообщалось, что переговоры эти прерваны и ожидается посредничество третьей державы или обращеніе къ третейскому разбирательству. Причиной разногласія являются, по газетнымъ свѣдѣніямъ, требованія Японіи, которая будто бы домогается: допущенія ея судовъ, въ отмѣну Айгунскаго договора, на Амуръ; открытія японской торговлѣ свободнаго транзита отъ Владивостока до Балтійскаго моря; разрѣшенія японцамъ пріобрѣтать земельную собственность въ Сибири и уравненія правъ японцевъ въ нашихъ водахъ на Дальнемъ Востокѣ съ правами русскихъ подданныхъ.

Въ дѣйствительности дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Согласно портсмутскому договору (ст. XII) Россія и Японія обязались принять за основаніе новаго торговаго трактата прежній русско-японскій договоръ 1895 г., который, не будь войны, продолжалъ бы дѣйствовать еще пять лѣтъ, т. е. до 1911 года. Такъ какъ новое торговое соглашеніе, по желанію японскаго правительства, должно ограничиваться тѣмъ же срокомъ 1911 года, когда прекращаются прочіе торговые договоры Японіи съ иностранными державами, то Россія, согласно упомянутой XII статьи портсмутскаго трактата, не предъявляла Японіи съ своей стороны никакихъ новыхъ требованій. Россія настаивала исключительно на простомъ сохраненіи за ней преимуществъ, выговоренныхъ въ нашу пользу по торговому трактату, дѣйствовавшему до войны.

Напротивъ того, Японія не только желаетъ включенія въ новый договоръ всѣхъ тѣхъ не упомянутыхъ въ трактатѣ 1895 г. правъ, которыя обезпечены иностранцамъ въ Россіи по новѣйшимъ нашимъ торговымъ конвенціямъ (1904—1906 г.), но предъявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько новыхъ требованій, обусловливая ихъ измѣнившимися въ послѣднее время обстоятельствами на Дальнемъ Востокѣ.

Такъ какъ новый трактатъ, по соглашенію обоихъ правительствъ въ Портсмутѣ, долженъ основываться, подобно прежнему договору 1895 года, на «принципѣ наибольшаго благопріятствованія», то, очевидно, не встрѣчалось бы препятствій обезпечить за Японіей, при условіи полнаго взаимства, тѣ общія льготы, которыя

Россія предоставляетъ другимъ странамъ. Выработкѣ этихъ именно постановленій договора и посвящены были происходившія въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ засѣданія русско-японской торговой конференціи. Нынѣ обѣ стороны пришли къ соглашенію, какъ о возобновленіи прежнихъ, взаимно предоставленныхъ другъ другу въ 1895 году льготъ, такъ и о примѣненіи къ обоюднымъ подданнымъ, въ томъ и другомъ государствѣ, правъ наибольшаго благопріятствованія по торговлѣ и мореплаванію, по владѣнію и пріобрѣтенію недвижимаго имущества, гдѣ это дозволено вообще иностранцамъ, и по занятіямъ ремеслами и промыслами, въ соотвѣтствіи съ мѣстными законами.

Но предстоитъ еще обсудить новыя заявленныя Японіей требованія, которыя касаются: свободнаго судоходства по Сунгари (а не по Амуру, о чемъ Японія требованій вовсе не заявляла), учрежденія консульствъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, паспортныхъ облегченій для японцевъ въ Азіатской Россіи, а также установленія на манчжурской границѣ особо льготныхъ условій по таможенной части для торговыхъ сношеній Россіи съ Японіей.

Этими вопросами, затрагивающими не только экономическіе, но отчасти и политическіе интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ, конференція еще не занималась. По нимъ состоялся лишь предварительный обмѣнъ мнѣній; рѣшеніе ихъ зависитъ отъ правильнаго толкованія мирнаго трактата и протоколовъ портсмутской конференціи.

Что касается вопроса о рыболовствѣ, то, какъ извѣстно, по статьѣ XI портсмутскаго договора Россія обязалась войти съ Японіею въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ моряхъ: Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ.

«Русское правительство, въ полной мѣрѣ сознавая всю важность этого вопроса, существенно затрагивающаго экономическое развитіе нашего тихоокеанскаго побережья и будущность русской колонизаціи въ этихъ краяхъ, не сочло возможнымъ принять сдѣланныя Японіею при началѣ переговоровъ предложенія, каковыми, по его убѣжденію, японскимъ подданнымъ предоставлялись гораздо болѣе широкія права, нежели тѣ, которыя имѣлись въ виду въ портсмутскомъ трактатѣ и протоколахъ портсмутской конференціи. Главныя затрудненія касались того, какъ надо понимать термины «бухты и рѣки» (anses et fleuves), которыя, согласно сказаннымъ протоколамъ, должны быть изъяты изъ дѣйствій рыболовныхъ конвенцій,—уравненія правъ японскихъ рыбопромышленниковъ съ правами русскихъ, наконецъ, опредѣленія самыхъ предметовъ промысла (рыбы, беззвоночныя, водоросли, млекопитающія). Образована спеціальная русско-японская коммиссія съ цѣлью установленія по обоюдному согласію точнаго смысла словъ «anse» и «intet», употребленныхъ во французскомъ и ан-

глійскомъ текстахъ протоколовъ портсмутской конференціи. Соглашеніе по вышесказаннымъ вопросамъ еще не достигнуто, но переговоры продолжаются и теченіе ихъ можетъ быть названо вполнѣ нормальнымъ».

Это успокоительное сообщеніе совпало съ успокоительнымъ заявленіемъ японскаго дипломата Мотоно, о которомъ телеграфировали изъ Парижа отъ 20 дек. (2 янв.), что «въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Temps»» японскій посланникъ въ Петербургѣ Мотоно подтвердилъ полную неосновательность слуховъ о серьезныхъ затрудненіяхъ въ связи съ толкованіемъ портсмутскаго трактата. Переговоры, по его словамъ, ведутся вполнѣ корректно».

Успокоительныя извѣстія продолжали поступать и послѣ. Изъ Токіо отъ 9 янв. телеграфировали, что «въ состоявшемся первомъ засѣданіи парламента министръ-президентъ заявилъ, что благопріятное разрѣшеніе школьнаго вопроса между японскимъ и американскимъ правительствами не подлежитъ сомнѣнію. Переговоры по поводу заключенія торговаго договора съ Россіей идутъ также вполнѣ удовлетворительно. Далѣе министръ-президентъ сообщилъ о законопроектѣ относительно введенія двухлѣтняго срока службы въ войскахъ.

Въ дальнѣйшей части своей рѣчи въ палатѣ перовъ министръ-президентъ маркизъ Сейоньи заявилъ, что правительство рѣшило облегчить всѣмъ державамъ торговыя операціи въ Манчжуріи».

Все это очень хорошо и на первый взглядъ кажется, что болѣе нѣтъ никакихъ основаній для безпокойства и тревоги. Однако, имѣются извѣстія и другого сорта. Такъ, отъ 12 (25 янв.) телеграфировали изъ С.-Франциско, «что, по извѣстіямъ изъ Инкоу, японская армія въ Манчжуріи быстро усиливается, каковое обстоятельство вызываетъ безпокойство въ Пекинѣ».

«Говоря объ обнаруживаемомъ Китаемъ желаніи выяснить и возстановить свои права и интересы въ Манчжуріи, японская печать начинаетъ указывать на опасность подобнаго рода дѣйствій, называя ихъ старымъ антиевропейскимъ направленіемъ въ новомъ платьѣ, маніей, опасной для международныхъ отношеній Китая, и доказательствомъ усиленія консервативной партіи. Попутно отмѣчается, что пребываніе Японіи въ Манчжуріи должно быть вѣчнымъ, и что китайцы поступаютъ дерзко, называя отношенія Японіи къ Манчжуріи захватомъ или появленіемъ непрошенныхъ гостей. Тонъ газетъ повышенный».

Увеличеніе численности японскихъ войскъ въ Манчжуріи совпадаетъ съ такимъ же усиленіемъ ихъ вооруженныхъ силъ въ Кореѣ, на русской границѣ, о чемъ телеграфировали изъ Владивостока, при чемъ сообщалось, что новые транспорты войскъ и оружія постоянно прибываютъ къ сѣв.-вост. берегамъ Кореи (русская граница).

Не изъ успокоительныхъ и слѣдующая телеграмма изъ Токіо отъ 12 (25 янв.).:

«Въ 1907 г. предположены къ спуску слѣдующія суда:

Въ Докъ-Ярдѣ Куре—броненосецъ «Оки» въ 15,000 тоннъ, бронированный крейсеръ «Ибуки» въ 14,600 тоннъ, крейсеръ 2-го класса «Могами» въ 3,400 тоннъ; въ Іокосука—бронированный крейсеръ «Курама» въ 1,400 тоннъ; въ Сасебо и Кобе—два крейсера 2-го класса «Тоне» и «Одо» по 3,400 тоннъ каждый; въ Урага—контръ-миноносецъ «Кирузуки» въ 380 тоннъ».

О поспѣшныхъ вооруженіяхъ Японіи сообщаетъ и нью-іоркская газета «Sun», напечатавшая объ этомъ статью инженера, только что вернувшагося изъ Японіи. Между прочимъ, онъ сообщаетъ, что «не менѣе 60 тысячъ мастеровыхъ работаютъ въ настоящее время въ двухъ военныхъ арсеналахъ Японіи и не менѣе 85—90 тысячъ въ морскихъ арсеналахъ и адмиралтействахъ одного острова Куре, пятнадцать лѣтъ назадъ жалкая деревушка бѣдныхъ рыболововъ. Адмиралъ Ямагучисъ руководитъ этими спѣшными работами». Статью свою цитируемый авторъ заключаетъ (заимствую изъ «Matin») такъ: «Я сомнѣваюсь, чтобы иностранные правительства и народы имѣли дѣйствительное представленіе о той спѣшной (даже «trépidante»), дѣятельности, съ которою имперія микадо вооружается въ настоящее время».

Для чего бы это?

Вооружаются и спѣшать вооружаться для мира или для войны? Для мира въ такомъ только случаѣ, если ожидаютъ нападенія, а спѣшатъ, если опасаются нападенія въ близкомъ будущемъ... Собирается ли кто-либо напасть на Японію? И при томъ въ близкомъ будущемъ?

Очевидно, одно изъ двухъ: или всѣ эти извѣстія ложны отъ начала до конца и не заключаютъ въ себѣ ни зерна правды, или нападеніе готовитъ сама Японія. На кого, однако? Японія ведетъ въ настоящее время деликатные переговоры по двумъ направленіямъ, въ Вашингтонѣ и въ С.-Петербургѣ. Въ обоихъ случаяхъ эта «деликатность» находится на самомъ порогѣ того, что называется уже конфликтомъ. Японскіе дипломаты и японскіе министры высказываютъ увѣренность, что въ обоихъ случаяхъ все устроится къ общему и взаимному удовольствію, но такія заявленія японскіе государственные люди должны были бы дѣлать и въ томъ случаѣ, когда сами предвидѣли бы другой исходъ. Тѣмъ болѣе, что они нѣмы относительно существа дѣла и содержанія переговоровъ... Русское вышеприведенное оффиціозное сообщеніе кое-что даетъ въ этомъ направленіи, но, къ сожалѣнію, есть много недомолвокъ.

17 дек. по главнымъ вопросамъ соглашеніе еще не было достигнуто (какъ то прямо заявляетъ «сообщеніе»), а теперь черезъ мѣсяцъ достигнуто ли? Досрочное очищеніе русскими войсками

Манчжуріи, внезапно заявленное русскимъ правительствомъ 13 (26 янв.), не означаетъ ли, что переговоры идутъ успѣшно? Или, напротивъ, желаютъ положить большое пространство иностранной территоріи между русскою и японскою арміями? Такимъ образомъ, заявленное очищеніе Манчжуріи можетъ быть истолковано въ обоихъ смыслахъ, и русское общество, хотя и поглощенное своими внутренними дѣлами, имѣетъ право быть лучше и полнѣе освѣдомлено о ходѣ этихъ деликатныхъ переговоровъ.

Что касается японско-американскаго конфликта, то и онъ еще далеко не выяснился. Вашингтонское правительство во всемъ идетъ на уступки. Оно настаиваетъ на рѣшеніи школьнаго вопроса въ Калифорніи въ пользу японцевъ (т. е. желаетъ принудить Калифорнію къ совмѣстному обученію японскихъ и бѣлыхъ дѣтей въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ). Равнымъ образомъ вашингтонское правительство всячески противится мѣрамъ, принимаемымъ западными штатами для ограниченія иммиграціи японцевъ. Въ обоихъ случаяхъ оно встрѣчаетъ рѣшительную оппозицію западныхъ штатовъ, опирающихся на автономію, гарантированную каждому штату конституціей Союза. По школьному вопросу дѣло уже перешло въ верховный судъ союза. Только этотъ судъ можетъ истолковать спорныя статьи конституціи и указать предѣлы компетенціи центральнаго правительства и отдѣльныхъ штатовъ. Рѣшеніе его обязательно и безапелляціонно. Если это рѣшеніе окажется въ пользу штатовъ, вашингтонское правительство будетъ поставлено въ очень щекотливое положеніе, потому что оно поспѣшило признать, что японско-американскій договоръ 1895 года оправдываетъ притязазанія японцевъ и по школьному, и по иммигрантскому вопросамъ.

Если же верховный судъ высказался бы противъ штатовъ, то въ настоящую минуту конфликтъ будетъ легко улаженъ, но за будущее ручаться трудно, потому что вражда къ японцамъ въ западныхъ штатахъ и виды японцевъ на Филиппины и Гаваи еще долго могутъ служить угрозою будущему.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что выступленіе Японіи, какъ новой великой державы, на авансцену всемірной исторіи внесло огромный переворотъ въ историческое движеніе человѣчества. Это выступленіе далеко не сказало своего окончательнаго слова, и можно ожидать всего неожиданнаго и предвидѣть все непредвидѣнное.

Что касается нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ, то оно вполнѣ въ рукахъ Японіи. Несоотвѣтствіе нашихъ силъ японскимъ совершенно ясно, какъ совершенно ясна, при теперешнемъ состояніи сибирской дороги, невозможность туда доставить и тамъ содержать необходимыя для борьбы, хотя бы только на сушѣ, вооруженныя силы. Да еще вопросъ, какъ вооружены и снабжены эти вооруженныя силы?

Прибавлю, что изъ спорныхъ вопросовъ, какъ они перечислены

въ цитированномъ выше сообщеніи, въ будущемъ значеніе можетъ имѣть вопросъ о рыбныхъ ловляхъ, ограничивающій суверенитетъ Россіи въ ея собственныхъ водахъ и стѣсняющій развитіе побережной колонизаціи. Ни сунгарійское пароходство, ни таможенныя льготы, ни учрежденіе новыхъ консульствъ, ни паспортныя облегченія не имѣютъ большого значенія. И при томъ все это въ торговомъ договорѣ, документѣ срочномъ и подлежащемъ періодическому пересмотру. Таможенныя льготы принесутъ пользу азіатской Россіи; паспорта, надо думать, будутъ скоро отмѣнены повсемѣстно: консулы, конечно, будутъ собирать свѣдѣнія, но эти открытыя функціи желательнѣе и удобнѣе тайныхъ агентовъ, которые замѣнили бы консуловъ; наконецъ, болѣе оживленная навигація по Сунгари явится подспорьемъ манчжурской и даже сибирской желѣзнымъ дорогамъ. Остается рыболовный вопросъ, но и онъ можетъ пріобрѣсти значеніе преимущественно въ будущемъ, *если* заселятся наши угрюмые и непривѣтливые берега. Ограниченіе суверенитета—вещь очень обидная и унизительная, но на это дано согласіе еще въ Портсмутѣ въ августѣ 1905 года, и теперь надо только регулировать осуществленіе этой уступки. Словомъ, не видно ничего такого изъ-за чего стоило бы русской дипломатіи рисковать новою войною. Полагаю, что она и не желаетъ новой войны. Вспоминаю, однако, что и въ 1903—1904 годахъ русская дипломатія не желала войны... Вотъ почему успокоительныя извѣстія нельзя считать окончательно устраняющими всякую тревогу и всякія опасенія Обычная неумѣлая рутина и волокита русской дипломатіи и поспѣшныя вооруженія японцевъ—вотъ черныя точки на горизонтѣ новаго 1907 года.

Побольше дѣятельности и поменьше таинственности можетъ пожелать русская нація отъ русскихъ дипломатовъ.

IV.

Огромной важности событія совершились во внутренней жизни большей части цивилизованныхъ націй.

Въ Россіи были первые законодательные выборы, въ результатѣ которыхъ явился парламентъ буржуазно-либеральный, но бюрократія находила и такое направленіе парламента недопустимымъ. Послѣ ряда пораженій при конфликтахъ съ парламентомъ, бюрократія его распустила и, покрывъ всю страну сплошнымъ и толстымъ пластомъ разныхъ исключительныхъ положеній (осадное, военное, усиленныя охраны, чрезвычайныя охраны), объявила о новыхъ выборахъ, которые и происходятъ теперь подъ гнетомъ всякихъ исключительностей и сверхъ-исключительностей, изобрѣтаемыхъ тысячами мелкихъ тирановъ, почувствовавшихъ, подъ защитой винтовокъ, силу и власть. Цивилизованный міръ съ грустнымъ недоумѣніемъ слѣдилъ за этимъ новымъ фазисомъ русской

конституціи, но слѣдилъ съ меньшимъ напряженіемъ, нежели въ 1905 году, когда пріобрѣтали свободу. Теперь, въ 1906 году ее теряли. Году наступившему предстоитъ обнаружить, на чьей сторонѣ приговоръ исторіи.

Послѣ Россіи, наиболѣе крупныя событія совершились въ отчетномъ году во Франціи Въ самомъ концѣ 1905 года французскій парламентъ вотировалъ законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Въ отчетномъ году и въ наступившемъ надлежитъ привести его въ исполненіе съ постепенностью и въ порядкѣ, указанномъ въ самомъ законѣ. Французская церковь желала подчиниться новому закону, но получила приказаніе римскаго папы отнюдь не подчиняться. Началась ожесточенная борьба католическаго духовенства и католическаго меньшинства населенія съ правительствомъ и съ огромнымъ свободомыслящимъ большинствомъ націи. Тактика католической партіи выставлять себя угнетенною, для чего всячески провоцировать разныя репрессіи. Тактика правительства избѣгать всякихъ репрессій. До сихъ поръ правительственная тактика была успѣшна и совершенно лишила почвы «угнетенныхъ» католиковъ. Послѣдній съѣздъ французскихъ прелатовъ (уже въ январѣ 1907 года) разошелся, ни въ чемъ не согласившись. Непримиримое меньшинство высказалось за прекращеніе публичнаго богослуженія (прежде они надѣялись, что, не исполняя закона, они побудятъ правительство къ этому шагу). Однако, большинство нашло, что если никто не мѣшаетъ публичному отправленію богослуженія, то было бы странно его прекращать самимъ, чѣмъ они ни коимъ образомъ не увлекли бы за собою своихъ пасомыхъ. Затѣмъ въ самомъ большинствѣ образовалось нѣсколько мнѣній, не согласныхъ между собою о способахъ осуществленія этого незаконнаго, но терпимаго публичнаго богослуженія. Не столковавшись, прелаты всѣ свои мнѣнія препроводили въ Ватиканъ на рѣшеніе святого отца, какой изъ предложенныхъ способовъ онъ выберетъ и укажетъ къ исполненію. Теперь слово за Римомъ, съ его упрямымъ старикомъ, окруженнымъ монахами и аристократами-роялистами. Получивъ инструкціи, прелаты опять собрались и выработали проектъ контрактовъ, которые должны быть заключены священниками и мэрами о пользованіи зданіями храмовъ. Правительство нашло этотъ проектъ непріемлемымъ.

Въ маѣ 1906 года происходили во Франціи законодательные выборы, давшіе такую блистательную побѣду лѣвыхъ, что естественно и власть передвинулась значительно влѣво. Радикальное министерство Сарріена замѣнено радикально-соціальнымъ министерствомъ Клемансо. Обширная программа соціальныхъ реформъ, объявленная министерской деклараціей, ждетъ осуществленія въ 1907 году.

И въ Англіи въ 1906 году происходили генеральные выборы. И здѣсь блистательную побѣду одержали лѣвые, а либеральный

кабинетъ Баннермекъ-Кемпбеля впервые принялъ въ свой составъ соціалиста Джона Бернса. Широкая программа реформъ въ Англіи натолкнулась на сопротивленіе палаты лордовъ, и въ настоящее время этотъ конфликтъ между двумя палатами составляетъ злобу англійскаго дня.

Въ Германіи истекшій годъ былъ годомъ разныхъ изобличеній, направленныхъ противъ прусской бюрократіи. На этой почвѣ произошелъ конфликтъ правительства съ парламентомъ, который и былъ распущенъ въ самомъ концѣ года. Выборы производятся въ январѣ 1907 года. Первое голосованіе происходило 25 (13) января и оказалось въ пользу правительства. Рѣшающимъ будетъ второе голосованіе, но и теперь уже видно, что большія пораженія понесли соціалъ-демократы.

Въ Австро-Венгріи корона примирилась съ венгерской націей, и образовалось коалиціонное министерство, положивъ конецъ тяжелому нелегальному состоянію страны. Оно занялось залѣчиваніемъ ранъ, нанесенныхъ народу деспотизмомъ министерства Фейервари, и проектировало рядъ давно назрѣвшихъ реформъ. На порогѣ 1907 года его положеніе пошатнулось, благодаря разоблаченіямъ, аправленымъ противъ министра юстиціи Полоньи и депутата Угрона, ноба видные представители партіи независимости (кошутіанцы).

Въ самой Австріи сначала продолжалась та же игра въ обструкцію, которая много лѣтъ парализовала дѣятельность австрійскаго парламента. Однако, дѣловому министерству фонъ-Бека удалось къ концу года объединить враждующія національности на избирательной реформѣ. Въ декабрѣ 1906 года эта реформа, принятая обѣими палатами и утвержденная короною, стала совершившимся фактомъ. Вмѣсто пяти сословныхъ и классовыхъ курій введено всеобщее, прямое и тайное голосованіе, но не совсѣмъ равное. Во всякомъ случаѣ, съ этою реформою конституціонная жизнь Австріи вступаетъ на новый путь, гдѣ не будетъ мѣста тому мелкому соперничеству мелкихъ фракцій, которое составляло язву стараго австрійскаго парламента.

Въ Испаніи смѣнилось въ теченіе года нѣсколько либеральныхъ кабинетовъ, падавшихъ одинъ за другихъ на почвѣ личнаго соперничества и по интригамъ ихъ Ватикана, гдѣ очень не нравился антиклерикализмъ либеральной палаты депутатовъ. Вся эта безславная борьба закончилась тѣмъ, что король передалъ власть консервативному кабинету Маура. Это уже въ январѣ 1907 года.

Въ Италіи министерство Соннно пало, и его замѣнило министерство Титтони, немного лѣвѣе.

Въ Соединенныхъ Штатахъ происходили выборы въ палату депутатовъ. Республиканское большинство ослабѣло, демократическое меньшинство усилилось, но палата всетаки осталась во власти реепубликанцевъ.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Избирательная кампанія въ С. Петербургѣ.

I.

Не въ качествѣ наблюдателя только приходится писать мнѣ объ избирательной кампаніи. Силою вещей я долженъ принимать въ ней непосредственное участіе,—и въ томъ, что происходитъ на открытой сценѣ, и въ томъ, что совершается за кулисами, въ видѣ переговоровъ между партіями. Мнѣ трудно, поэтому, сохранить достаточную объективность въ своемъ изложеніи; больше того, мнѣ трудно охватить своимъ взоромъ всю кампанію. Ближайшіе предметы нерѣдко заслоняютъ дальніе,—и въ данномъ случаѣ то, въ чемъ приходится принимать непосредственное участіе, естественно, производитъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ то, о чемъ приходится узнавать при бѣгломъ просмотрѣ газетныхъ извѣстій. Если бы я сталъ говорить объ избирательной кампаніи въ ея цѣломъ, то боюсь, что совершенно невольно извратилъ бы картину. Уже это одно, не говоря о другихъ соображеніяхъ, заставляетъ меня ограничить тему: вмѣсто того, чтобы писать объ общемъ ходѣ избирательной кампаніи, я подѣлюсь лишь нѣкоторыми впечатлѣніями, вынесенными мною изъ избирательной борьбы здѣсь, въ Петербургѣ.

Думаю, что въ интересахъ задачи, которую я себѣ въ настоящій разъ ставлю, это будетъ даже полезнѣе. Говорить о внѣшнихъ результатахъ избирательной кампаніи,—о томъ, кому именно и сколько достанется депутатскихъ полномочій, - еще рано. Да и не въ этомъ,—не въ этомъ одномъ только, — заключается суть дѣла. Несравненно важнѣе, быть можетъ, внутренніе результаты избирательной борьбы,—тѣ измѣненія, какія подъ ея вліяніемъ произошли и происходятъ въ пониманіи и настроеніи населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ положеніи и взаимномъ соотношеніи борющихся силъ. Съ этой именно точки зрѣнія хотѣлось бы мнѣ взглянуть на избирательную кампанію, и для этого Петербургъ представляется наиболѣе подходящимъ, быть можетъ, объектомъ для наблюденія.

Предвыборную агитацію здѣсь можно назвать сравнительно свободной. Я говорю: сравнительно... хотя бы съ Керчью, напримѣръ, гдѣ - по словамъ газетъ — «всѣмъ партіямъ, стоящимъ лѣвѣе октябристовъ, приходится вести предвыборную кампанію конспиративно». Въ положеніи, аналогичномъ керченскому, находится громадная часть Россіи. Размѣры агитаціи въ такихъ мѣстностяхъ до нельзя ограничены, ея результаты до послѣдняго момента не

извѣстны. Какіе процессы происходятъ тамъ въ головахъ и сердцахъ гражданъ, мы не знаемъ; не извѣстны и тѣ позиціи, которыя тамъ заняли въ началѣ и занимаютъ въ концѣ избирательной борьбы отдѣльныя партіи. Въ Петербургѣ это виднѣе.

Это не значитъ, конечно, что вся агитація ведется здѣсь открыто. Достаточно сказать, что предвыборныя воззванія партій, стоящихъ лѣвѣе партіи мирнаго обновленія, печатаются конспиративно,—«часто, какъ говорится въ одномъ изъ оффиціальныхъ документовъ, даже безъ обозначенія на нихъ типографій, въ которыхъ были напечатаны», т. е., говоря другими словами, печатаются подпольнымъ путемъ. Распространеніе предвыборныхъ воззваній нелегализированныхъ партій уже въ силу этого сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. На проф. Ломшакова за распространеніе воззваній к.-д. партіи градоначальникомъ наложенъ штрафъ въ 1000 руб. Два лица, у которыхъ при обыскѣ были найдены воззванія н.-с. партіи, подверглись аресту и привлечены теперь къ дознанію по обвиненію въ храненіи нелегальной литературы, а заодно ужъ и въ принадлежности къ преступному сообществу. Разсылаемыя нелегализированными партіями воззванія,—независимо отъ содержанія послѣднихъ,—конфискуются. Вообще, агитація путемъ печати, въ особенности для соціалистическихъ партій, стѣснена до крайности. Газетъ лѣвѣе к.-д. нѣтъ, если не считать за таковую «Товарищъ», который стремится «обслуживать» своими наставленіями и к.-д. и с.-д., а въ дѣйствительности, какъ я думаю, просто-на-просто мѣшаетъ тѣмъ и другимъ. Соціалистическая партійная литература можетъ появляться въ свѣтъ лишь въ видѣ сборниковъ «болѣе 5 печатныхъ листовъ», которые конфискуются немедленно по выходѣ ихъ въ свѣтъ, или въ видѣ періодическихъ изданій, закрываемыхъ и отбираемыхъ съ перваго номера. Для храненія этой литературы приходится имѣть тайные склады, для распространенія и въ особенности для отправки въ провинцію — тайные пути... Если и можно говорить о свободѣ агитаціи, то лишь устной, на собраніяхъ. Но и эта свобода, конечно, относительная. О ней можно говорить лишь по сравненію съ тѣмъ, какъ обстоятъ на этотъ счетъ дѣла въ другихъ мѣстностяхъ и какъ еще недавно они обстояли въ самомъ Петербургѣ.

Съ введеніемъ здѣсь чрезвычайной охраны,—а она была введена одновременно съ роспускомъ Думы,—всякія собранія даже легализированныхъ обществъ, безъ особаго на то каждый разъ разрѣшенія полиціи, были воспрещены. И собраній, за самыми рѣдкими исключеніями, дѣйствительно не было. Если и удавалось какія устраивать, то только въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, подъ видомъ студенческихъ. Но и это дѣлать съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе. Администрація подтягивала одно учебное заведеніе за другимъ. Ко времени роспуска на рождественскія вакаціи собранія почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ

сдѣлались невозможными. Высшая Вольная Школа, въ которой доступъ сторонней публики на рефераты былъ наиболѣе свободенъ, распущена была по требованію администраціи, даже раньше, обычнаго.

Возжи окончательно были натянуты. И—что любопытнѣе всего—какихъ-либо усилій со стороны общества высвободиться замѣтно не было. Даже среди молодежи царило удивительно уступчивое настроеніе,—все время приходилось наблюдать съ ея стороны желаніе избѣгнуть, или, по крайней мѣрѣ, не обострять конфликтовъ. Какъ будто молодежь сознательно удерживалась отъ растраты энергіи, запасъ которой, несомнѣнно, имѣется въ ея средѣ. Больше того: приходилось констатировать отсутствіе достаточно сильной тяги съ ея стороны въ сторону общественности. Извѣстно нѣсколько случаевъ, когда назначенные отъ партій рефераты не могли состояться за отсутствіемъ достаточнаго числа слушателей. Не менѣе характерный случай имѣлъ мѣсто въ началѣ декабря въ Горномъ Институтѣ: собравшаяся на рефератъ одного изъ с.-д. писателей публика, при выходѣ съ собранія, была окружена и переписана полиціей; на слѣдующій день было назначено продолженіе преній, но никто почти въ собраніе не явился... Въ общемъ среди молодежи всю осень царило настроеніе, прямо противоположное тому, какое было осенью 1905 года,—въ эпоху митинговъ. Объ осуществленіи явочнымъ порядкомъ свободы собраній не могло быть и рѣчи. Пользуясь затишьемъ, молодежь ухватилась за книжки: явилась надежда сдать переходные экзамены прежде, чѣмъ поднимется новый вихрь событій.

Рабочая среда находилась всю осень также въ бездѣятельномъ состояніи. Не только не было какихъ-либо массовыхъ выступленій, но и въ кружкахъ работа шла вяло. «Совсѣмъ сознательные рабочіе, а боятся дать свою квартиру подъ собраніе въ 6 — 7 человѣкъ» — жаловались подчасъ пропагандисты. Здѣсь чувствовалось то же желаніе избѣгать конфликтовъ. И тутъ же рядомъ отдѣльныя лица и кружки, «вполнѣ развитые—какъ выражается одинъ изъ знакомыхъ мнѣ рабочихъ—въ боевомъ отношеніи», т. е. готовые идти на все,—на экспропріацію и на висѣлицу. Да и въ массѣ, несомнѣнно, не было ни примиренія, ни покорности. Сознаніе было ясно, чувства были опредѣленны, не было лишь дѣйственнаго настроенія. Новая волна даже въ эту пору полнаго затишья казалась неизбѣжной: революція не побѣждена, силы ея еще не исчерпаны, и вопросъ могъ быть только въ томъ, чѣмъ и когда онѣ будутъ приведены въ дѣятельное состояніе.

Мысль невольно обращалась къ выборамъ. Избирательная агитація, казалось, должна будетъ хоть нѣсколько расшевелить массу. Но возможность самой агитаціи оставалась подъ сомнѣніемъ. Возжи, какъ я уже сказалъ, были натянуты, что есть силы, и ку-

черъ не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности ихъ ослабить; съ другой стороны, не было основанія надѣяться, что кони понесутъ съ мѣста. Необходимо было такъ или иначе сдвинуться...

Движеніе неожиданно началось справа. Октябристы признали, очевидно, благовременнымъ перейти въ наступленіе и вызвали на бой к.-д. Сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ состоялись извѣстные «турниры». Повидимому, октябристы расчитывали на поддержку мирнообновленцевъ, но послѣдніе неожиданно оказались въ числѣ ихъ противниковъ и нанесли имъ, быть можетъ, наиболѣе чувствительные удары. Такъ или иначе, но «турниры» кончились для октябристовъ довольно плачевно, и хотя они протрубили о своихъ побѣдахъ, однако отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ съ представителями болѣе лѣвыхъ партій съ тѣхъ поръ всячески уклоняются.

За то к.-д. сдѣлали попытку тогда же перейти въ наступленіе. Г. Кедрину удалось получить разрѣшеніе на собраніе для обсужденія программъ союза 17 октября и партіи мирнаго обновленія. Администрація, какъ оказалось потомъ, была введена въ заблужденіе, полагая, что собраніе устраиваетъ кто-нибудь изъ октябристовъ или мирнообновленцевъ. Когда же вскрылось, что собраніе устроено однимъ изъ к.-д. районныхъ комитетовъ, то оно было запрещено, и г. Кединъ за то, что ввелъ въ заблужденіе начальство, поплатился штрафомъ въ 1000 руб. Такимъ образомъ выяснилось, что к.-д. собранія не входятъ въ планъ избирательной кампаніи, какъ ее представляло себѣ въ то время правительство. Попытки «прогрессивныхъ избирателей» устроить собранія также оказались напрасными.

У правительства имѣлась еще въ резервѣ партія мирнаго обновленія. Послѣдняя, слѣдуя по стопамъ октябристовъ, тоже устроила «турниры», сначала въ Москвѣ и затѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь, кромѣ приглашенныхъ партій (17 октября, к.-д. и демократическихъ реформъ), явились на турниръ совсѣмъ непрошенные гости: народные соціалисты. Рѣчь В. А. Мякотина, несомнѣнно, оказалась наиболѣе яркой изъ всѣхъ другихъ, сказанныхъ на собраніи мирнообновленцевъ. Объ этомъ можно судить уже по тому впечатлѣнію, которое она произвела на правительство, поспѣшившее немедленно опубликовать законъ объ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ восхваленіи преступленій. «На нѣкоторыхъ послѣднихъ общественныхъ собраніяхъ—говорится въ опубликованномъ одновременно съ этимъ закономъ циркулярѣ Столыпина на имя губернаторовъ—ораторы крайнихъ партій позволили себѣ, упоминая о террористическихъ покушеніяхъ и убійствахъ, не только приравнивать ихъ къ казнямъ преступниковъ, являющимся послѣдствіемъ судебнаго приговора, постановленнаго на основаніи существующихъ законовъ, но и доказывать законность и справедливость подобныхъ преступленій... Прошу ваше превосходитель-

ство не допускать въ этомъ отношеніи никакихъ послабленій... Законъ ограждаетъ населеніе отъ подобнаго соблазна и обязанность блюстителей закона немедленно и безъ колебаній ставить предѣлъ злоупотребленію свободою собраній, угрожающему общественной безопасности...» Не Мякотинъ, однако, а лидеръ октябристовъ, г. Милютинъ, зарѣзалъ въ этотъ вечеръ мирнообновленцевъ. Онъ публично простеръ къ нимъ свои объятія и заявилъ: «да вѣдь и мы говоримъ то же самое»... Взрывъ хохота и аплодисментовъ встрѣтилъ это заявленіе. Мирнообновленцы, которымъ пришлось признать, что ихъ лидеры говорили «то же самое» въ союзѣ 17 октября, а теперь говорятъ въ партіи мирнаго обновленія, поспѣшили прервать собраніе, обѣщавъ записавшимся ораторамъ дать возможность высказаться другой разъ. Но послѣдніе и до сихъ поръ ждутъ своей очереди...

Фіаско мирнообновленцевъ, а можетъ быть, и другія соображенія заставили правительство открыть дорогу к.-д. Нужно сказать, что еще послѣ инцидента съ г. Кедринымъ между к.-д. и оффиціозными газетами возгорѣлась полемика, во время которой г. Столыпинъ изъ «Новаго Времени» (братъ г. Столыпина изъ зимняго дворца) сдѣлалъ «вызовъ» «кадетамъ». Доказывая, что правительство отнюдь не желаетъ стѣснять свободу собраній, и что собраніе, разрѣшенное г. Кедрину, было запрещено потому только, что оно было устроено «революціонною», т. е. к.-д. партіей, онъ предложилъ, чтобы кто нибудь изъ завѣдомыхъ, т. е. всѣмъ извѣстныхъ «кадетовъ» сдѣлалъ отъ своего имени, какъ отъ частнаго лица, заявку на собраніе. Онъ ручался, что такое собраніе не только будетъ разрѣшено, но и пройдетъ благополучно, разъ только не будутъ нарушены законы. Едва ли нужно говорить, что этотъ вызовъ былъ сдѣланъ не случайно: слишкомъ искусственной уже тогда представлялась аргументація, которою онъ былъ обставленъ. Очевидно, что правительство признало почему-то необходимымъ дать, хотя бы въ Петербургѣ только, свободу к-д.

Такъ или иначе, но 27 декабря въ Соляномъ Городкѣ состоялось и, дѣйствительно, прошло благополучно первое к.-д. собраніе, устроенное г Ѳедоровымъ и посвященное вопросамъ, связаннымъ съ выборами въ Государственную Думу. Съ этого дня можно считать начало публичной предвыборной агитаціи въ Петербургѣ. Ни октябристы, ни мирнообновленцы на это собраніе не явились; за то, кромѣ народныхъ соціалистовъ, выступили еще трудовики и соціалъ-демократы. Послѣ этого собранія слѣдуютъ одно за другимъ. Въ иные дни бываетъ теперь 5—6 собраній; въ общемъ ихъ состоялось уже нѣсколько десятковъ.

Нужно сказать, что правительство въ началѣ января, несомнѣнно, имѣло намѣреніе ограничить «злоупотребленіе свободою собраній» и не допускать устройства ихъ болѣе лѣвыми органи-

заціями, чѣмъ к.-д. партія. Такъ, заявленное на 3 января собраніе при докладчикѣ В. А. Мякотинѣ было, безъ указанія какихъ-либо мотивовъ, запрещено. 5 января въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго общества состоялось собраніе, разрѣшенное А. А. Исаеву для обсужденія программы и дѣятельности партіи мирнаго обновленія. Введенная опять въ заблужденіе, но, очевидно, прознавшая, что предстоитъ соціалъ-демократическое собраніе, администрація приготовилась. По количеству и составу явившихся чиновъ полиціи сразу было видно, что собраніе будетъ сорвано. И дѣйствительно, только что одинъ изъ ораторовъ упомянулъ о смертныхъ казняхъ, немедленно послѣдовало первое предупрежденіе отъ оказавшагося въ залѣ чиновника градоначальства. Второе предупрежденіе было сдѣлано за то, что ораторъ сталъ говорить о дѣятельности нынѣшнихъ лидеровъ партіи мирнаго обновленія въ первой Государственной Думѣ: «ни о прежней, ни о новой Думѣ—заявилъ чиновникъ—собраніе разсуждать не въ правѣ». Заявленіе оратора, что онъ при такихъ условіяхъ говорить не можетъ и сопровождавшіе уходъ его съ трибуны апплодисменты послужили сигналомъ къ закрытію собранія. Прежде, чѣмъ публика опомнилась, въ залу уже былъ введенъ нарядъ полиціи. На улицѣ тоже оказались пѣшій и конный отряды,—даже странно было видѣть такую силу, заготовленную противъ собранія въ 300—400 человѣкъ. Въ тотъ же вечеръ собраніе, устроенное въ Соляномъ Городкѣ группою «прогрессивныхъ избирателей» было сорвано неожиданною провѣркою избирательныхъ правъ, какую устроила при входѣ полиція. Изъ 1000 человѣкъ, явившихся съ повѣстками, въ залу были пропущены человѣкъ 40—50, при чемъ за порогомъ остались докладчикъ и почти всѣ ораторы. На слѣдующій день собраніе въ театрѣ Неметти, устроенное прогрессивными избирателями, было также сорвано, и при томъ самымъ грубымъ и безцеремоннымъ образомъ. Первое предупрежденіе было сдѣлано за то, что въ залѣ оказались женщины, хотя полиція впускала ихъ безпрепятственно, да и самое собраніе было заявлено въ общемъ порядкѣ, а не въ качествѣ предвыборнаго, куда допускаются только избиратели. Женщины удалились. Второе предупрежденіе послѣдовало за то, что въ числѣ желающихъ говорить записался В. В. Водовозовъ, не состоящій избирателемъ даннаго участка. Заявленіе г. Водовозова, обращенное имъ къ публикѣ, что онъ подчиняется требованію полиціи и уходитъ изъ собранія,—послужило поводомъ для закрытія собранія...

Но удержать собранія въ предѣлахъ, какіе намѣтило для нихъ правительство, было не возможно. «Свобода» въ такомъ случаѣ имѣла бы слишкомъ скандальный характеръ. Да и безцѣльно было бы разрѣшать и воспрещать собранія въ зависимости отъ того, кто ихъ устраиваетъ: ораторы лѣвыхъ партій неизмѣнно появлялись на каждомъ к.-д. собраніи. Оставить ихъ въ подпольѣ все

равно было не мыслимо. Въ распоряженіи администраціи оставалось, такимъ образомъ, одно средство ограничить свободу,—это закрывать собранія въ зависимости отъ содержанія произносимыхъ рѣчей. Она имъ и пользуется.

Но это средство слишкомъ тонко, чтобы оно могло дать желательные для правительства результаты въ рукахъ полицейскаго. Въ инструкціонномъ порядкѣ можно указать запретныя слова, но трудно предусмотрѣть всѣ запретныя мысли. Еще труднѣе своевременно уловить эти мысли, въ особенности если публика понимаетъ и схватываетъ ихъ быстрѣе, чѣмъ полиція. Слова же, повидимому, указаны. Нельзя, напримѣръ, употреблять словъ: «учредительное собраніе» ни съ положительнымъ, ни даже съ отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ. Ораторы это, конечно, знаютъ.

— Нужна—говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ—не нынѣшняя безправная Дума, а такое представительное собраніе... которое я не могу назвать въ присутствіи полицейскаго пристава.

Публика неистово апплодируетъ, а приставъ недоумѣваетъ, что ему дѣлать, и пропускаетъ моментъ объявить предупрежденіе. Между тѣмъ запретная мысль можетъ быть облечена въ еще болѣе безобидную, въ еще болѣе замысловатую форму. Прежде, чѣмъ полицейскій ее раскуситъ, ораторъ успѣетъ поставить его въ тупикъ новымъ сюрпризомъ. Да и какъ приставъ запишетъ эту мысль въ протоколъ, когда для послѣдняго нужна опредѣленная фраза *).

— Что мы можемъ подѣлать,—жаловался одинъ изъ приставовъ,—если говоритъ умный человѣкъ. Вотъ если ораторъ начнетъ громкія слова выкрикивать, для насъ легче...

Агитація неизбѣжно такимъ образомъ вышла за предѣлы, въ какихъ надѣялось удержать ее правительство. Но это, конечно, не свобода... Желая предупредить разгонъ собранія, ораторы вынуждены обходить опасные пункты и обо многихъ предметахъ говорить обиняками. Не всегда, однако, такая осторожность достигаетъ цѣли. Совершенно невинная подчасъ рѣчь вызываетъ неожиданное предупрежденіе и даже роспускъ собранія. Очевидно, сидитъ-сидитъ приставъ, а затѣмъ соскучится или чувствуетъ, что пора прекратить... Начинаютъ быстро сыпаться пре-

*) Съ протоколами получается подчасъ полная нелѣпица. Критикуя аграрную политику нынѣшняго правительства, я сказалъ какъ то, что указъ 9 ноября можетъ быть воспринятъ крестьянами, какъ призывъ къ расхищенію общественныхъ земель. Приставъ сдѣлалъ предупрежденіе и затѣмъ занесъ въ протоколъ, что я сказалъ: „грабьте, братцы!“ Выходитъ, такимъ образомъ, что я призывалъ присутствующихъ къ грабежу... Едва ли нужно говорить даже, въ какомъ нелѣпомъ положеніи окажется полиція, если такіе протоколы будутъ подвергнуты провѣркѣ путемъ публичнаго судебнаго разбирательства...

дупрежденія и затѣмъ очень скоро наступаетъ развязка. 23 января въ собраніи за Невской заставой первое предупрежденіе было сдѣлано за то, что г. Гурьевъ сталъ говорить о бюджетныхъ правахъ Думы. «Собраніе—заявилъ приставъ—разрѣшено для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ выборами, и касаться правъ и дѣйствій Думы я не позволю». Слѣдующаго оратора приставъ остановилъ за то, что онъ упомянулъ о приснопамятной «прачешной»... Какъ только г. Бернштейнъ произнесъ слово «военно-полевые», приставъ объявилъ собраніе закрытымъ...

Такая судьба чаще всего постигаетъ собранія, которыя устроены лѣвыми или на которыхъ они преобладаютъ. Но и к.-д. собранія не застрахованы отъ подобныхъ случайностей. Ѳ. И. Родичевъ «сорвалъ» какъ-то одно изъ к.-д. собраній тѣмъ, что сталъ говорить объ отвѣтномъ адресѣ первой Думы. На другомъ к.-д. собраніи предупрежденіе было сдѣлано во время рѣчи В. А. Мякотина, употребившаго слово «смыкаться». Предсѣдатель и публика въ полномъ недоумѣніи...

— Я знаю, — заявилъ приставъ,—что намѣревается сказать ораторъ...

Если это и свобода, то лишь въ рамкахъ произвола. Публика такъ и понимаетъ это. Послѣ разгона того или иного собранія въ толпѣ нерѣдко можно слышать такого рода реплики:

— Приставъ завсегда въ этотъ часъ обѣдаетъ...

Или:

— Онъ у такого-то сегодня въ винтъ играетъ... Опоздать, должно быть, не хочетъ.

Неприкосновенность выступающихъ на собраніи лицъ также нельзя считать обезпеченной. Извѣстны попытки задержать или, по крайней мѣрѣ, выслѣдить представителей крайнихъ партій, выступающихъ подъ псевдонимами. 21 января въ залѣ Тенишевскаго училища арестованъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ предвыборной компаніи—г. Гольденбергъ...

Можно, однако, думать, что и эта свобода—свобода въ рамкахъ произвола—не проходитъ безслѣдно. Своей предвыборной агитаціей партіи успѣли уже затронуть значительную массу. Въ бездѣятельной дотолѣ средѣ замѣчается уже нѣкоторое движеніе. Правда, оно до крайности слабо. Однако, и за всѣмъ тѣмъ присмотрѣться къ происходящимъ въ населеніи процессамъ стоитъ. Всякая волна наростаетъ постепенно, и та, которую мы ждемъ съ такимъ нетерпѣніемъ, нахлынетъ на насъ,—конечно, не сразу. И—кто знаетъ!—это слабое и еле замѣтное движеніе не является ли началомъ новаго большого подъема?..

II.

Предвыборныя собранія начались при довольно равнодушномъ отношеніи къ нимъ широкой публики. Про собранія знали и ими интересовались лишь люди, близкіе къ партіямъ. Постепенно, однако, они заинтересовывали все болѣе и болѣе широкіе круги населенія. Это замѣтно на самомъ ходѣ собраній: въ началѣ они открывались иногда съ опозданіемъ на полъ-часа и даже цѣлый часъ,—приходилось поджидать публику; теперь не рѣдко бываетъ, что опоздавшіе на 10—15 минутъ уже не находятъ себѣ мѣста въ залѣ, какъ бы ни была послѣдняя обширна. Собраній стало гораздо больше, но и за всѣмъ тѣмъ не всѣ желающіе попадаютъ на нихъ.

Повѣстки прямо рвутъ изъ рукъ. Въ дни собраній народно-соціалистической партіи я чувствую себя прямо несчастнымъ: звонокъ съ парадной лѣстницы, звонокъ—съ черной, звонокъ телефона... И отовсюду одно: нѣтъ ли повѣстокъ? И въ другіе дни нѣтъ отбою отъ желающихъ попасть на собранія. Готовы идти на одинъ край города, лишь бы получить повѣстки, и потомъ — на другой, гдѣ будетъ самое собраніе. Публика, ищущая повѣстокъ, становится все разнообразнѣе. Преобладаютъ наиболѣе подвижные элементы петербургскаго населенія: молодежь и рабочіе. Но много приказчиковъ, конторщиковъ и лицъ всякаго другого званія. Подаютъ карточку: «Торговля овсомъ и сѣномъ»... Я недоумѣваю, но оказывается это лавочникъ прислалъ мальчика съ просьбой, нельзя ли получить повѣстку...

Вначалѣ у меня оставались не использованными нѣкоторыя повѣстки изъ числа присылаемыхъ, какъ представителю одной изъ партій. Предложилъ какъ-то одну изъ такихъ повѣстокъ своему швейцару,—не взялъ, сославшись на то, что ему трудно отлучиться изъ дому. Спустя нѣсколько дней самъ проситъ: разсказываютъ-де, что очень интересно.

— Ну, что? -спрашиваю потомъ.—Были?

— Былъ.. Сначала вышелъ одинъ... Долго говорилъ. Не было, говоритъ, восьмичасового дня и не будетъ... А потомъ съ нашей, съ лѣвой, стало быть, руки вышли... Какъ начали чистить, какъ начали...

До этого я и не предполагалъ, что нашъ швейцаръ считаетъ «лѣвую руку» своею... Теперь у меня уже не остается неиспользованныхъ повѣстокъ: всѣ свободныя напередъ абонированы... Читателю покажется, быть можетъ, страннымъ, что я останавливаюсь на этихъ мелочахъ. Но послѣ того, какъ окружающая среда такъ долго угнетала своимъ бездѣятельнымъ и апатичнымъ состояніемъ, я радъ—признаюсь по совѣсти—даже этимъ признакамъ жизни,

даже этому движенію. Пусть даже это будетъ движеніе... за повѣстками. Напомню роль, какую сыграли въ 1905 году митинги: въ массѣ люди ходили тогда на нихъ тоже послушать, какъ «ихъ чистятъ»... Переходъ массъ въ дѣятельное состояніе—таково одно изъ первыхъ и самыхъ необходимыхъ условій дальнѣйшихъ успѣховъ революціи. Но массы начнутъ двигаться не прежде, какъ придутъ въ движеніе и общеніе между собою ихъ частички. И я съ интересомъ присматриваюсь къ этой ряби на поверхности народнаго океана.

Остановлюсь еще на одной изъ такихъ мелочей. Въ началѣ предвыборнаго оживленія достаточно было приставу объявить собраніе закрытымъ, какъ публика тотчасъ же бросалась къ выходу. Но чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе охотно подчиняется она такого рода распоряженіямъ. Все рѣзче и рѣзче она выражаетъ свое неудовольствіе по поводу полицейскаго произвола, все медленнѣе и медленнѣе расходится она изъ залы. «Устроителямъ—читаемъ мы въ одномъ изъ послѣднихъ газетныхъ отчетовъ—съ трудомъ удалось уговорить публику разойтись». Нѣтъ ничего мудренаго, что въ томъ или другомъ мѣстѣ она, наконецъ, и не разойдется... Само собой понятно, что ее разгонятъ, и не въ томъ, конечно, дѣло, что собраніе продлится лишнихъ 10 минутъ. Важно настроеніе, безъ котораго нельзя сплотить и вдвинуть въ борьбу массы. Настроеніе же это можетъ создаться лишь постепенно, въ извѣстномъ процессѣ, разъ нѣтъ и не предвидится яркихъ фактовъ, которые могли бы сразу всколыхнуть всю толщу.

Съ этой точки зрѣнія представляется крайне важной и еще одна сторона предвыборныхъ собраній. Въ общеніи самыхъ разнообразныхъ элементовъ постепенно создается и крѣпнетъ сознаніе если не силы, то численности,—сознаніе, что насъ много, а ихъ—ничтожная кучка. Еще недавно это сознаніе, несомнѣнно, было затемнено у обывательской массы. Впрочемъ, не только обыватели, но и партіи склонны были преувеличивать значеніе «черносотенной опасности», какъ принято теперь называть, беря за общія скобки, всѣхъ явныхъ и тайныхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ сторонниковъ и пособниковъ ненавистнаго режима. Всю осень шумѣли истинно-русскіе люди, шумѣли октябристы, пытались шумѣть мирнообновленцы. Невольно создавалось впечатлѣніе, что ихъ много. Почти всѣ лѣвыя партіи готовились къ борьбѣ вправо отъ к.-д. Даже соціалъ-демократы, въ виду «черносотенной опасности», изъявили готовность затемнить сознаніе пролетаріевъ соглашеніями съ «буржуазными» партіями... И вдругъ оказалось, что бороться не съ кѣмъ.

Мирнообновленцы совсѣмъ исчезли съ избирательной сцены. Вскорѣ послѣ вышеупомянутаго «турнира», а именно 29 декабря, они устроили собраніе на Выборгской сторонѣ, — въ одномъ изъ наиболѣе демократическихъ участковъ. Собраніе должно было быть

«народнымъ», но даже собрать «народъ» они не сумѣли. Въ залѣ, вмѣщающей до 1000 человѣкъ, собралось человѣкъ 200—300, но и тѣ разошлись послѣ рѣчей соціалистическихъ ораторовъ. Докладчикъ отъ партіи долженъ былъ говорить свою заключительную рѣчь передъ пустой залой,—оставалось въ ней, по словамъ газетъ, 10—15 человѣкъ, очевидно, «своей публики». Въ срединѣ января мирнообновленцы устроили еще одно собраніе—спеціально для приказчиковъ, надѣясь переманить ихъ на свою сторону обѣщаніемъ депутатскаго мѣста. Но и изъ этой затѣи ничего не вышло. Послѣ того партія мирнаго обновленія сочла за лучшее, какъ сообщили газеты, вовсе выйти изъ петербургской избирательной кампаніи.

Октябристы—тѣ сильнѣе и ведутъ избирательную кампанію упорнѣе. По числу устраиваемыхъ ими собраній они занимаютъ второе, если не первое мѣсто, послѣ к.-д. Но рѣдкія изъ этихъ собраній кончаются для нихъ сколько-нибудь благополучно—развѣ тѣ только, на которыя не удается проникнуть никому изъ лѣвыхъ. На чужія собранія октябристы не являются, и на свои—другимъ партіямъ повѣстокъ не присылаютъ. Послѣднія можно получать только черезъ обывателей, которые, надо сказать, очень охотно снабжаютъ ими лѣвыхъ ораторовъ. Проникнуть лѣвому къ октябристамъ всегда «занятно»: свистъ и шиканье заглушаются апплодисментами, которые иногда переходятъ въ овацію. Для характеристики, какъ заканчиваются при этомъ собранія, беру выдержку изъ газетнаго отчета объ октябристскомъ собраніи въ одной изъ среднихъ по настроенію аудиторій — въ помѣщеніи общества «Пальма». Впрочемъ, въ данномъ случаѣ собраніе нужно считать скорѣе правымъ, такъ какъ были собраны избиратели Адмиралтейскаго, т. е. центральнаго участка, гдѣ, какъ предполагается, октябристы наиболѣе сильны. Отчетъ беру изъ «Слова», т. е. изъ газеты правѣе партіи мирнаго обновленія.

Октябристамъ пытался возражать г. Знаменскій. Онъ спрашивалъ ихъ, на кого они разсчитываютъ, на кого опираются въ своей дѣятельности, чьи интересы они собираются защищать. Пока извѣстно только, что они собираются поддерживать и фактически уже поддерживаютъ министерство Столыпина. Нѣтъ, союзу 17 октяря не мѣсто въ Государственной Думѣ, и русскіе граждане не подадутъ за него голосовъ.

Оратору часть усиленно апплодировала, часть шикала.

Г. Чистяковъ пытался возразить оратору, но публика стала расходиться; ему пришлось спѣшить закончить свою рѣчь, послѣ чего предсѣдатель объявилъ перерывъ. Но это не спасло собранія, и когда раздался звонокъ предсѣдателя, приглашавшій занять мѣста, въ залѣ оказалось человѣкъ 30...

Въ болѣе лѣво настроенныхъ аудиторіяхъ, какъ, напримѣръ, въ театрѣ Неметти на Петербургской сторонѣ, октябристскія собранія проходятъ еще болѣе плачевно. Аудиторія или требуетъ лѣвыхъ ораторовъ, или вступаетъ въ пререканія съ октябристами, настаивая подчасъ, чтобы ораторъ вовсе прекратилъ свою рѣчь. Даже

въ такой, казалось бы, совсѣмъ ужъ октябристской аудиторіи, какъ зала Дворянства, устроенное союзомъ собраніе 22 января прошло для него не особенно благопріятно. Изъ лѣвыхъ проникъ сюда одинъ г. Невѣдомскій. Его рѣчь все время прерывалась усиленнымъ шиканьемъ со стороны одной части собранія и бурными рукоплесканіями со стороны другой, пока предсѣдатель не лишилъ оратора слова за то, что онъ назвалъ «уважаемаго основателя Союза 17 октября» А. И. Гучкова каширскимъ мельникомъ. За тѣмъ послѣдовалъ финалъ, сдѣлавшійся уже типичнымъ для октябристскихъ собраній съ участіемъ лѣвыхъ: «послѣ рѣчи г. Невѣдомскаго— прочитали мы въ газетномъ отчетѣ — публика стала расходиться, и остальные ораторы выступали передъ опустѣвшей аудиторіей».

Надо сказать, что у октябристовъ, кромѣ лѣвыхъ, оказался еще свой домашній врагъ—бывшій октябристъ, а теперь безпартійный г. Пиленко, неуклонно являющійся почти на всѣ ихъ собранія. Онъ громитъ ихъ съ неослабѣвающей энергіей, и октябристы готовы, повидимому, даже на обструкцію, лишь бы не пустить его на трибуну. Такой случай имѣлъ мѣсто, напримѣръ, въ собраніи 22 января у Неметти.

Вопреки двукратному предложенію одного изъ присутствовавшихъ ограничить въ концѣ собранія время ораторовъ пятью минутами, чтобы дать возможность всѣмъ ораторамъ и не октябристамъ высказаться, предсѣдатель отказался поставить это предложеніе на баллотировку, ссылаясь на то что „въ союзѣ подобный порядокъ не принятъ". Такимъ образомъ, записавшійся въ самомъ началѣ собранія ораторъ, А. А. Пиленко, такъ и не получилъ возможности высказаться. Не разрѣшилъ также предсѣдатель одному изъ ораторовъ помѣняться мѣстами въ спискѣ съ А. А. Пиленко..

Но и обструкція не обезпечила, конечно, побѣды октябристамъ: «на этомъ собраніи—отмѣчаетъ репортеръ — октябристы не имѣли никакого успѣха. Рѣчамъ ихъ ораторовъ аплодировало всего 20—30 человѣкъ»...

Что касается истинно-русскихъ людей въ различныхъ ихъ комбинаціяхъ, то они ведутъ предвыборную кампанію—если только ведутъ—«конспиративно». Положеніе въ этомъ отношеніи создалось такимъ образомъ почти прямо противоположное керченскому. Сколько-нибудь серьезнаго значенія въ здѣшней избирательной кампаніи «русскіе люди», во всякомъ случаѣ, не имѣютъ и имѣть не могутъ. Вѣроятнѣе всего, что они и списковъ своихъ не поставятъ, а просто-на-просто отдадутъ свои голоса октябристамъ,— и при томъ опять-таки «конспиративно». Открытое соглашеніе въ данномъ случаѣ едва ли возможно: трудно себѣ представить, чтобы г. Милютинъ рѣшился публично обняться съ гг. Дубровинымъ и Булацелемъ. Здѣшніе октябристы желали, какъ я уже упомянулъ, подчеркнуть свою близость, наоборотъ,—къ мирнообновленцамъ.

Такимъ образомъ, выяснилось, что черносотенная опасность, поскольку рѣчь идетъ объ умахъ и сердцахъ гражданъ, не велика.

Опасность, конечно, есть, но скорѣе техническая, въ виду того, что избирательный аппаратъ и весь правительственный механизмъ находятся въ распоряженіи правыхъ. Въ крайнемъ случаѣ правительство можетъ въ послѣднюю минуту просто-на-просто смять «лѣвыхъ»: напримѣръ, поарестовать и лишить избирательныхъ правъ наиболѣе популярныхъ изъ кандидатовъ и, такимъ образомъ, внести разстройство въ ряды избирателей. Съ этой опасностью приходится, конечно, считаться, но она является въ сущности непредотвратимой.

Что касается населенія, то по отношенію къ нему въ средѣ партійныхъ дѣятелей создалась и все время крѣпла увѣренность, что съ этой стороны сколько-нибудь серьезной опасности нѣтъ, — и это сознаніе, какъ я думаю, представляетъ одно изъ цѣнныхъ пріобрѣтеній избирательной кампаніи. Еще большую цѣнность имѣетъ эта увѣренность, поскольку предвыборныя собранія успѣли привить ее массамъ. И я думаю, что бодрящее значеніе избирательной кампаніи уже теперь несомнѣнно.

Нужно, однако, сказать, что опасенія насчетъ «черной опасности» и въ средѣ партійныхъ дѣятелей и тѣмъ болѣе въ средѣ населенія далеко не вполнѣ разсѣяны. Предполагается, что предвыборной агитаціей захвачена далеко не вся обывательская масса, что имѣются избиратели, которые не ходятъ на собранія и не интересуются ими, но которые имѣютъ свое—быть можетъ, очень опредѣленное—мнѣніе и которые, въ концѣ концовъ, рѣшатъ своими голосами исходъ выборовъ. Что внѣ предвыборной борьбы остается еще значительная часть населенія,—это, конечно, несомнѣнно. Труднѣе судить о томъ, какъ настроена эта болѣе инертная часть обывательской массы, а также и о томъ, сколько активности и единодушія проявитъ она въ моментъ подачи бюллетеней. Узнаемъ мы объ этомъ только по результатамъ выборовъ. Въ настоящее же время достаточно лишь отмѣтить наличность такого рода опасеній. Они сказываются, между прочимъ, въ тѣхъ требованіяхъ «соглашенія»—соглашенія всей оппозиціи—какія продолжаютъ до самаго послѣдняго времени слышаться на нѣкоторыхъ предвыборныхъ собраніяхъ. Скажутся они, можетъ быть, и въ моментъ самыхъ выборовъ, заставивъ избирательскую массу, независимо отъ ея симпатій, предпочесть тотъ списокъ, который представляется ей болѣе вѣрнымъ для борьбы съ «черносотенной опасностью». Мысль о послѣдней—повторяю—продолжаетъ еще угнетать обывательскую психику, ходя далеко и не въ той степени, какъ въ началѣ избирательной кампаніи. Многое на этотъ счетъ уже прояснилось: предвыборныя собранія наглядно показали, какъ широка оппозиція. «Насъ много»—не только увидѣлъ, но и почувствовалъ обыватель. Можно надѣяться, что самые выборы еще больше укрѣпятъ это чувство.

Отсутствіе сколько-нибудь серьезныхъ противниковъ у оппози-

ція имѣло и еще одно очень важное послѣдствіе. Главная боевая линія въ избирательной кампаніи оказалась совсѣмъ не тамъ, гдѣ ее предполагали. Это ясно стало уже на первомъ предвыборномъ собраніи. К.-д. выступили на немъ, чтобы вести борьбу на два фронта: и съ правыми, и съ лѣвыми. Но ударъ, нанесенный ими вправо, пришелся по пустому мѣсту: сражаться было не съ кѣмъ, октябристы, какъ я уже сказалъ, не явились. За то ударъ, нанесенный влѣво, былъ немедленно отпарированъ. На слѣдующихъ собраніяхъ свои главныя силы к.-д. направили уже въ сторону борьбы съ лѣвыми, почти не упоминая о правыхъ. Лѣвые не только отвѣчали, но и немедленно перешли въ наступленіе. Такимъ образомъ, и опредѣлилась главная боевая линія.

Избирательная борьба получила характеръ борьбы соціалистическихъ партій, съ одной стороны, и к.-д. партіи — съ другой. Ведя общими силами наступательную борьбу противъ к.-д., соціалистическія партіи различались тѣмъ не менѣе своею тактикою. Однѣ—это можно сказать о народнической группѣ (с.-р., н.-с. и трудовики), которая до самаго послѣдняго момента выступала въ переговорахъ, какъ одно цѣлое,—считали необходимымъ лишь оттѣснить к.-д., признавая цѣлесообразнымъ соглашеніе съ ними ради большаго эффекта въ борьбѣ съ правыми, но не иначе, какъ при условіи предоставленія соціалистамъ такого числа депутатскихъ полномочій, при которомъ могли бы быть представлены хотя бы главныя соціалистическія направленія. Въ основѣ этой тактики лежала мысль о необходимости концентраціи оппозиціонныхъ силъ вокругъ Думы, желаніе объединить вокругъ нея всѣ элементы, недовольные существующимъ строемъ. Другіе—с.-д. большевики, въ рукахъ которыхъ находится петербургская организація с.-д. партіи,—считали необходимымъ и возможнымъ совершенно выбить к.-д. изъ ихъ позиціи и потому признавали совершенно недопустимымъ какое бы то ни было соглашеніе съ ними. Сначала они разсчитывали побѣдить к.-д. собственными силами, но потомъ признали необходимымъ соглашеніе для этого съ другими партіями, а для того, чтобы оправдать такое соглашеніе, недопустимое при послѣдовательномъ проведеніи классовой точки зрѣнія, провозгласили наличность «кадетской», «бѣлосотенной» опасности. Позиція меньшевиковъ — была самая неудобная для борьбы и тѣмъ болѣе для наступательной: если сказать коротко, то они считали необходимымъ соглашеніе съ к.-д., въ противномъ же случаѣ допускали лишь самостоятельное выступленіе с.-д. партіи. И надо сказать, что въ предвыборной борьбѣ меньшевики принимали очень слабое участіе.

Борьба велась, главнымъ образомъ, большевиками и народниками,—нѣсколько разными пріемами, что объясняется отчасти вышеуказанною разницею въ тактическихъ задачахъ, а отчасти и неодинаковою разборчивостью въ средствахъ,—но въ общемъ это

была борьба соціалистовъ съ к.-д. Различія между соціалистическими партіями въ ихъ тактикѣ и программахъ, если и затрагивались, то лишь эпизодически,—и это нужно считать однимъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ кампаніи. Чтобы пояснить, какое значеніе можетъ имѣть этотъ пробѣлъ, достаточно сказать, что взгляды соціалистическихъ партій даже на задачи и тактику Думы—а эти взгляды, несомнѣнно, различны,—для массы избирателей остались невыясненными. Выяснялась лишь общая разница въ этомъ отношеніи между к.-д. и соціалистами.

Въ общемъ борьба для соціалистическихъ партій, несомнѣнно, была успѣшна. Собранія все болѣе и болѣе «лѣвѣли». Нѣкоторыя аудиторіи (театръ Неметти на Петербургской сторонѣ, Народный домъ Нобеля на Выборгской и зала Калашниковской биржи въ Рождественской части), можно сказать, уже отбиты у к.-д. На собранія, устраиваемыя въ этихъ мѣстахъ болѣе лѣвыми организаціями, к.-д. перестали даже являться. Устраиваемыя ими самими собранія въ этихъ аудиторіяхъ имъ теперь нерѣдко съ трудомъ лишь удается доводить до конца. За послѣдніе дни былъ уже случай, что имъ пришлось прервать созванное ими же собраніе, въ виду невозможности справиться съ аудиторіей...

Борьба внутри оппозиціи, несомнѣнно, огорчаетъ и удручаетъ извѣстную часть обывателей. Больше того, она имъ кажется даже опасной: какъ бы не прошли—боятся они—черносотенцы! Но эта борьба, какъ мы видимъ, была при данномъ состояніи силъ неизбѣжна. Я думаю, что она была и полезна.

Полезна даже съ точки зрѣнія борьбы съ «черносотенною опасностью». Въ самомъ дѣлѣ: побѣдить ее—это не значитъ провести только выборы. Дума можетъ быть сплошь оппозиціонной и въ то же время совершенно безсильной. Главная суть заключается вѣдь въ томъ, чтобы привести страну въ дѣятельное и по возможности организованное состояніе, а для этого необходимо прежде всего расшевелить массу. Можно было бы, конечно, всѣ вопросы, связанные съ выборами, рѣшить тихо и мирно, за чаемъ въ небольшой комнатѣ—какъ мы собирались для переговоровъ,—и преподнести избирателямъ готовые списки: голосуйте! Едва ли, однако, это было бы полезно даже съ точки зрѣнія успѣха самыхъ выборовъ. Борьба внутры оппозиціи даже въ интересахъ отвлеченія силъ справа, несомнѣнно, дала гораздо больше, чѣмъ могло бы дать полное согласіе. Ведя борьбу между собою, оппозиціонныя партіи все время наносили и не могли не наносить ударовъ правительству. Еще большее значеніе эта борьба имѣла для того, чтобы преодолѣть инертность обывателя, заинтересовать его выборами и въ возможно большемъ числѣ двинуть къ урнамъ.

Можно, конечно, сказать: зачѣмъ эти удары черезъ своихъ же лѣвыхъ? отчего всѣ оппозиціонныя партіи не ограничили своей борьбы прямыми ударами вправо? Но прежде всего это психоло-

гически не возможно. Мнѣ пришлось какъ-то въ собраніи, устроенномъ «прогрессивными избирателями», слышать рѣчь, направленную противъ октябристовъ. Ее просто-на-просто не слушали... Ту же судьбу имѣли и выпады соціалъ-демократовъ, собравшихся обсуждать программу партіи мирнаго обновленія. Кому, въ самомъ дѣлѣ, охота смотрѣть, какъ вы бьете по пустому мѣсту? Расшевелить обывателя, заставить его думать и чувствовать такимъ зрѣлищемъ не мыслимо. Это—съ одной стороны.

Съ другой, нельзя же весь смыслъ избирательной кампаніи видѣть только въ подачѣ опредѣленныхъ избирательныхъ записокъ. Самую цѣнную сторону предвыборной борьбы вообще, а у насъ въ особенности, несомнѣнно, представляетъ возможность поставить и продвинуть въ сознаніи массы тѣ или иные вопросы, раздѣляющіе между собою борющіяся силы. Съ этой точки зрѣнія, напротивъ, приходится сожалѣть, что нашъ избирательный законъ и условія данной избирательной кампаніи не позволили каждой партіи идти самостоятельно и до конца выяснить свои позиціи. Но и общая борьба соціалистовъ съ к.-д., несомнѣнно, свою службу сослужила: она прояснила для гражданъ нѣкоторые вопросы, и это обстоятельство, несомнѣнно, сыграетъ еще свою роль въ дальнѣйшемъ и въ частности, быть можетъ, въ исторіи самой Думы.

На существѣ вопросовъ, около которыхъ шла борьба, я сейчасъ останавливаться не буду. Мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить общій ходъ кампаніи, который объединилъ соціалистовъ и противопоставилъ ихъ «кадетамъ». Конечно, соглашеніе всей оппозиціи и въ этомъ случаѣ было возможно, какъ результатъ предвыборной борьбы. Долженъ сказать, что я лично предпочелъ бы такой исходъ. Прохожденіе въ С.-Петербургѣ черносотенцевъ было бы слишкомъ тяжелымъ моральнымъ ударомъ по всему движенію, и хотѣлось бы избѣжать въ этомъ случаѣ даже малѣйшаго риска. Съ другой стороны, побѣда к.-д. надъ соціалистами въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ,—а такая побѣда при данныхъ условіяхъ, крайне неблагопріятныхъ для соціалистическихъ партій, конечно, вполнѣ возможна—была бы тяжелымъ ударомъ для соціализма.

Былъ моментъ, когда тактика народническаго блока, основанная, какъ я уже сказалъ, на томъ, чтобы только оттѣснить к.-д., казалось, достигнетъ цѣли. Складывалась такая комбинація: с.-р., н.-с., трудовики, меньшевики и к.-д., но она не осуществилась, благодаря к. д., которые соглашались уступить, кромѣ мѣста рабочимъ, лишь одно мѣсто соціалистическимъ партіямъ. Такія условія были абсолютно непріемлемы и съ точки зрѣнія народническаго блока, въ виду невозможности совмѣстить въ одномъ лицѣ соціалъ-демократа и соціалъ-народника, и съ точки зрѣнія меньшевиковъ, не считавшихъ возможнымъ a priori признать гегемонію к.-д. въ Петербургѣ. 18 января переговоры съ к.-д. были окончательно порваны. 25 января подписано соглашеніе между с.-р., н.-с., трудовиками и

большевиками; меньшевики сохранили за собою свободу дѣйствій. Обстоятельства сложились такъ, что въ Петербургѣ будутъ конкурировать два прогрессивныхъ списка,—кадетскій съ соціалистическимъ.

Избѣжать этого возможно было бы въ одномъ только случаѣ, если бы соціалистическія партіи вовсе устранились отъ выборовъ. Но это совершенно не возможно въ виду общаго хода избирательной кампаніи. Какъ я уже сказалъ, она имѣла характеръ общесоціалистической борьбы съ к.-д. партіей. Въ эту борьбу уже вовлечена масса, въ ней создано соотвѣтствующее настроеніе, она приведена до извѣстной степени въ дѣйственное состояніе. Выше я упоминалъ о движеніи за повѣстками. Это движеніе уже перешло въ движеніе за списками. Отовсюду только и слышно: дайте вашъ списокъ. При такихъ условіяхъ выйти изъ кампаніи совершенно не мыслимо. Это значило бы сказать: мы отказываемся отъ борьбы, къ которой васъ все время звали. Это значило бы извѣстнымъ образомъ уже настроенную и тяготѣющую къ опредѣленнымъ центрамъ массу обратить опять въ безразличное и киселеобразное состояніе. Это значило бы аннулировать уже добытые въ избирательной кампаніи результаты...

При такихъ условіяхъ отказаться отъ борьбы нельзя,—даже въ томъ случаѣ, если бы соціалистовъ ждало завѣдомое пораженіе.

А. Пѣшехоновъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крест. въ разныхъ губ: отъ Ю. Ф., Г. Ф., М. М.—1 р.; отъ Е. Т., черезъ свящ. Терленкаго, изъ Царь-Надежды—2 р.; отъ N. N., черезъ П. Захарьянца—25 р.; отъ д-ра И. В. С. — 10 р.; отъ Надпорожскихъ — 5 р.; отъ К. Грачева, изъ г. Бѣжина, Ср. губ.—2 р. 70 к.; отъ инж. Склярова, изъ Нахичевани—3 р. 65 к.; отъ разныхъ лицъ изъ «Енакіево», Екатеринославск. губ.—5 р.; отъ Е. Львовой—5 р.; отъ м стер. и рабоч. депо Бѣлгородъ-Сумской дор.—2 р. 56 к.; отъ служащ. Управл. Бѣлгородъ-Сумской ж. д.—10 р. 45 к.; отъ В. Ч. и товарищей — 21 р.; отъ школы и села Большое-Окулово—10 р. 80 к.; отъ «Прудковской компаніи» 75 р.; отъ А. Л., изъ Серпухова—3 р.; отъ П. Успенскаго, изъ Краснаго Холма—3 р., отъ О. Весельевой, изъ Ананы—2 р.; отъ жителей Слободы Ольшанки, Кур к губ.—20 р.; отъ Лены, В. Н., Е. П., С. Т., черезъ в-ча А. Артемова, изъ Алушты—7 р.; отъ служащихъ Счетоводства службы Пути К. В. ж. д.—38 р. 50 к.; отъ А. Борисовой—4 р.; черезъ студен. I. Шлюмкаса—3 р.; отъ повѣрен. Э. Головачевскаго—93 р. 93 к.; отъ Г. Соколовскаго—3 р.; отъ служащ. Матеріальной службы управленія К. В. ж. д., черезъ редакцію газеты «Харбинъ»—321 р. 10 к.

Итого . . . . 677 р. 09 к.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ д-ра И. В. С.—15 р.; отъ М. Б.—6 р.; «изъ Калиша»—9 р.; отъ К. Пѣсновисцева, изъ Нижн.-Новгорода—9 р.; отъ А. С. Суворина, изъ Боброва—5 р.; отъ разныхъ лицъ изъ «Енакіево», Екатерин. губ.—35 р. 50 к.; отъ в-ча Киріакова, изъ Одессы—6 р.; отъ П. Григорьева со ст. Златоустъ—10 р.; В. Ш. и С. Р.—8 р.; отъ N.—8 р.; отъ пастора Шепетиса—2 р.; отъ «Прудковской компаніи»—51 р.; отъ А. Кржевицкаго, изъ Ломжи—5 р.; отъ жителей Слободы Ольшанки, Курск. губ.—14 р.; отъ Н. Поповой, изъ Стараго Оскола—2 р.; отъ С. Малиновскаго, изъ Минска—11 р.; отъ А. Е. о, исовой—3 р. 50 к.; отъ неизвѣстныхъ—6 р.; отъ М. Ефремова, изъ Ялты—9 р. 50 к.; отъ старушки, черезъ свящ. И. Поливанова—30 к.

Итого . . . . 204 р. 80 к.

Въ пользу жены машиниста **Ухтомскаго:** отъ разныхъ лицъ изъ «Енакіево», Екатеринослав. губ.—5 р.

На школу Г. И. Успенскаго: отъ С. Чмутова, изъ Осташкова—5 р.; отъ П. Ф. Костюкова — 10 р.; отъ П. Захарьянца — 5 р.; отъ З. Волина, изъ Иркутска—5 р.

Итого . . . . 25 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ разныхъ лицъ изъ «Енакіево», Екатеринослав. губ.—5 р.; отъ И. Шипко, изъ Александровска—5 р.; отъ Мирошникова, изъ Срѣтенска—5 р.

Итого . . . . 15 р.

Въ отчетѣ пожертвованій въ пользу ссыльныхъ, полученныхъ **въ декабрѣ, имѣется опечатка:** 20 рублей получены отъ **Е. Б., а не отъ П.**

Контора «Русскаго Богатства», при подпискѣ и доплатахъ, проситъ руководствоваться прилагаемыми образцами. Это избавитъ отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Подписка.

Прилагая р. к., прошу высылать „Рус. Бог." въ теченіе 1907 г.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ или станція:

Губернія:

Уѣзда (или ул. и домъ)

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Доплата:

№ бандероли.

Прилагаю:

2-й взнос р. к.

3-й взнос р. к.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ

Губернія:

Уѣздъ:

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Ред.-изд. *В. Г. Короленко.*

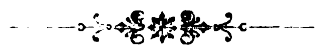
ФЕВРАЛЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ* — контора редакціи журнала „Русское Богатство", Баскова ул., 9; *Москва* — отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше одного рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ—уступка 25% при условіи пересылки книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к. Расплата.—Ночныя тѣни.—Любочкино горе.—По уставу.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о войнѣ). 1906 г. Цѣна 75 коп.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к. Смѣна теченія.—Новый фазисъ.—Политическая жизнь и общественные дѣятели.—Литература и печать.—Народъ.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англійская полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „Ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.—Гербертъ Спенсеръ.—Въ русскомъ кварталѣ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Седьмое* изд. 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое* изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.— Общественные классы.— Наука, литература и печать.— Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастеръ.— Додэ.— Золя.— Клемансо.— Вальдекъ Руссо.— Комбъ.— Рошфоръ.— Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни. Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г.—380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р. Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.—Борьба за индивидуальность. — Вольница и подвижники. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. — Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. —Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г. —296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. — Изд. 1905 г. —287 стр. Цѣна 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 коп.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савенкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (**Л. Мельшинъ**). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Избранныя, оригинальныя и переводныя, стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ, съ краткими ихъ характеристиками. Компактный томъ въ два столбца; больше 30.000 стиховъ. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ **«РУССКАГО БОГАТСТВА»** также продаются изданія **„Библіотеки освободительной борьбы"** и др.

Л. Мельшинъ (**П. Ф. Якубовичъ**). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

В. Н. Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 390 стр. Ц. 75 к. за томъ.

Послѣднее свиданіе.

(Разсказъ).

Рѣка была не въ духѣ... Ея бѣленькіе гребешки, поминутно появлявшіеся на поверхности, быстро уходили вглубь, какъ бы стыдясь того, что видѣли на земной поверхности...

А стыдиться было чего: среди бурыхъ водъ поднималась гранитная, сѣрая масса—краснорѣчиво-молчаливая.

Давно стояла здѣсь эта крѣпость, и ея покрытыя плѣсенью стѣны говорили безъ словъ. Каждому прохожему, каждому проѣзжему,—баркѣ, лодкѣ, пароходу—они говорили такъ много, какъ никогда бы не сказалъ человѣческій голосъ. И не было существа, у котораго при видѣ этой сѣрой, со стройнымъ шпицемъ, громады, такъ прочно засѣвшей среди воднаго пространства, не замерло бы сердце и не зашевелился бы нѣмой вопросъ.

Особенно выразительна была угрюмая масса по вечерамъ, когда въ ея квадратныхъ окошечкахъ свѣтились огоньки.. Тогда прохожіе останавливались на противоположномъ берегу и съ стѣсненнымъ сердцемъ шептали: „всѣ камеры набиты!" и съ проклятіями шли далѣе.

Не тревожилось только стоявшее на этомъ противоположномъ берегу громадное, темное зданіе, давно уже олицетворявшее собою ту же тюрьму... Оно съ сердитой неутомимостью наблюдало сѣрое vis-à vis и какъ бы предлагало: „поборемся—кто кого?"

А рѣка сегодня злилась... Яростно, съ неизмѣнной точностью, бросалась она на сѣрую стѣну:

„Бу-у-бухъ! Слышишь-ли?"

И, не получая отвѣта, волны со злостью отскакивали назадъ, чтобы снова ринуться на гранитную массу: „Бу-у-бухъ! Слышишь ли?"

Тотъ, кого спрашивали волны и кто былъ за этой стѣной, не зналъ уже ни времени, ни пространства; для него угасъ

уже смыслъ жизни, но онъ слышалъ! Слышалъ съ тѣмъ безысходнымъ равнодушіемъ, когда надъ жизнью поставлена точка, и когда завтрашній день оказывается лишнимъ...

Онъ не только слышалъ—онъ зналъ! Зналъ, что черезъ два, три часа подъѣдетъ баржа и увезетъ его туда, откуда онъ болѣе не вернется...

И, неподвижно сидя на табуретѣ, облокотившись спиной о сырую стѣну, заложивъ руку за голову, онъ прислушивался къ доносившимся съ рѣки звукамъ и думалъ... Онъ зналъ, что ждало его, и въ его душѣ не было страха. Но голова работала... Рядъ картинъ вставалъ въ его воображеніи и рой воспоминаній... Вспомнилъ онъ и о томъ, что завтра день его рожденія: завтра ему двадцать лѣтъ... Такъ мало и такъ страшно много!.. Такъ много пережито, что хватило бы на столѣтіе... Кругомъ—ложь, неправда, произволъ, насилія... Для однихъ: счастье, благосостояніе, наслажденіе жизнью, и рядомъ—нищета, голодъ, побои и рабство!..

Ему, юному, пылкому, можно ли было терпѣть молча? Развѣ могъ онъ проходить спокойно мимо, если кровь кипѣла, духъ захватывало отъ негодованія? Если хотѣлось общаго счастья? И не послѣ когда-нибудь, а теперь, сейчасъ-же! Зачѣмъ же тогда и двадцать лѣтъ? Развѣ онъ самъ далъ ихъ себѣ? И тѣ, кто зналъ, что въ его годы кровь переливается въ жилахъ потокомъ, развѣ сами они не были молоды? Никогда? И не было у нихъ порывовъ? Не было страстей? Не было самоотреченія? О, фарисеи! Горе вамъ!

И мысль его мало по малу вся ушла въ прошлое.

И, шагъ за шагомъ, все вспоминалось... Вся короткая жизнь... и что-то теплое прилило къ сердцу: домъ, садъ, школа, гимназія, друзья-мальчики, сестра Катя, котенокъ Варъ, слѣпенькая бабушка, кладовая съ вареньемъ, пряникъ за каждую четверку, учитель словесности, какъ лучъ солнца среди педагогическаго мрака, выпускъ, околышъ студента, первые тридцать рублей на руки, товарищи, бѣленькая Наташа, гитара и задорное пѣніе... а далѣе—уже какой-то галопъ, опьяненіе жизнью, безумное исканіе правды, „вставай, подымайся, рабочій народъ“, „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, митинги, собранія, первый револьверъ въ рукахъ, товарищеская сходка, полиція, городовые, сопротивленіе, роковой выстрѣлъ и... всему, всему конецъ!

Кончено! Двадцать лѣтъ и... кончено!

„Бѣдные мои старики!“ неожиданно для самого себя закончилъ онъ вихрь своихъ недолгихъ воспоминаній и вытеръ горячую, непрошенную слезу, медленно катившуюся по его пылавшей щекѣ.

— „Кислятина!“ сердито выругался онъ и всталъ, чтобы

размять свое уставшее отъ неподвижнаго сидѣнія тѣло, —и тотчасъ же отпрянуло отъ круглаго отверстія въ двери недремлющее око, давно съ безпокойствомъ наблюдавшее за неподвижной фигурой.

„Ужъ не померъ ли чего добраго? То-то бы начальству непріятность: передъ самымъ концомъ—да своей смертью! Охъ! и досталось бы мнѣ!“ съ облегченіемъ прошептало око, видя вставшаго арестанта.

Въ это самое время по крѣпостному мосту, на неторопливомъ извозчикѣ, ѣхало двое сѣдоковъ: старикъ былъ угрюмъ и сосредоточенно молчаливъ, старуха же говорила безъ умолку. Онъ не прерывалъ ее... Чутьемъ угадывалъ онъ, что тò наболѣвшая материнская душа не можетъ совладать съ собой, что ей нужны эти звуки, это немолчное стрекотанье, какъ отводъ отъ нестерпимой боли, какъ средство хоть на мгновеніе обмануть себя словами, которымъ оба не вѣрили, и надеждой, которой въ душѣ не было.

— Дивное дѣло,—лепетала старуха:—сколько бѣгали, просили повидать Володеньку—такъ нѣтъ тебѣ! А теперь вотъ, середь ночи, какъ спать полегли—вдругъ: „пожалуйте“. И почему спѣхъ такой? Почему днемъ не позвали, а въ ночи, когда люди отдыхъ имѣютъ? Какъ полагаешь, отецъ?..

— Не знаю!—былъ угрюмый отвѣтъ.

— Ну вотъ! И я не знаю. А такъ-то на сердцѣ непокойно, такъ непокойно! Такъ вотъ и бьется, какъ птица! Сегодня я молилась за Володеньку, охъ! какъ Царицѣ Небесной молилась! И вдругъ звонокъ! Ужъ не Царица ли Небесная, Заступница всѣхъ скорбящихъ за насъ передъ Престоломъ вымолила? Ужъ не отпустятъ ли его намъ на поруки, голубчика, какъ думаешь?

Старикъ потупился.

— Ничего я не знаю! Не приставай!

— Какъ не приставать, родимый? Кого-жъ и спросить, коль не тебя? Развѣ не вмѣстѣ ростили? Не вмѣстѣ на солнышко наше радовались? Не вмѣстѣ теперь горемъ исходили, какъ его въ эту проклятущую тюрьму заперли? А сколько по начальству толкались? Сколько, ожидаючи, на ногахъ выстояли? И никакого проку... Не пускаютъ плоть-кровь свою къ сердцу прижать! Ужели-жъ они больше правъ надъ ребенкомъ нашимъ имѣютъ? Ужели-жъ мы перестали быть отцомъ-матерью? Гдѣ это видано? Захватили мальчика, за что—не говорятъ, видѣть не даютъ и просьбъ даже не слушаютъ. Вѣдь, поди, тяжко ему...

Старикъ все молчалъ... Онъ весь ушелъ въ думу о томъ,

кого сейчасъ увидитъ... Его сынъ!! Для того ли ростилъ онъ его, кормилъ, воспитывалъ, чтобы дождаться... Онъ не додумывалъ... Онъ гналъ отъ себя страшную мысль и возвращался къ прошлому: не говорилъ ли онъ ему? Не предупреждалъ ли? Онъ силился разобраться въ этомъ хаосѣ и не могъ... не умѣлъ... Вѣдь онъ боролся съ сыномъ... но въ этой борьбѣ молодость, самоувѣренная, безстрашная, оказалась сильнѣе. Шагъ за шагомъ терялъ онъ свою отцовскую позицію и сознавалъ, что побѣжденъ... На всѣ доводы— мимолетная усмѣшка, пожатіе плечъ, беззаботный жестъ, и старикъ чувствовалъ себя разбитымъ по всѣмъ пунктамъ. А между тѣмъ, страстная, затаенная любовь къ единому отпрыску не угасала, а росла. И, несмотря на разбитую надежду повторить въ сынѣ самого себя, старикъ любилъ его такимъ, какимъ онъ былъ. И вотъ теперь... Холодный ужасъ сдавилъ сердце при мысли: что теперь? Онъ вытеръ платкомъ горячій лобъ и подавилъ стонъ.

— Пріѣхали,—сказалъ онъ угрюмо женѣ, и въ то же время ѣхавшій сзади жандармскій офицеръ ловко выскочилъ съ своего извозчика и подбѣжалъ къ нимъ. „Слѣдуйте за мной!" съ изысканной вѣжливостью въ голосѣ сказалъ онъ.

Старикъ крѣпко подхватилъ подъ руку вздыхавшую старуху, и всѣ молча пошли подъ своды...

Онъ чувствовалъ, какъ дрожалъ локоть его спутницы, и эта дрожь передавалась и ему... Но страшнымъ усиліемъ воли онъ заставилъ себя придти въ порядокъ.

Они шли, и передъ ними изъ мрака ночи то здѣсь, то тамъ неожиданно выступали какія-то зданія, черные кусты и неподвижные силуэты часовыхъ. Желтый огонь газовыхъ фонарей освѣщалъ короткое пространство, и они вступали то въ свѣтлую, то въ темную полосу, и на всемъ лежала печать унынія, и казалось, они шли по громадному, мрачному склепу, и не было на чемъ отдохнуть взору; лишь высоко въ небѣ блестѣла одинокая, то скрывавшаяся, то выступавшая изъ-за тучи, кротко мигавшая звѣздочка. И когда откуда-то съ вышины внезапно раздались красивые, печальные и торжественные звуки, то ихъ переливчатая музыка была такъ неожиданна и такъ страшна своей таинственностью, что оба спутника невольно пріостановились: казалось, какія-то злыя силы воспѣваютъ свою побѣду надъ порабощенной мощью... И бѣдные старики тоскливо прижались другъ къ другу.

Но ни остановиться, ни вернуться—нельзя было. Неизбѣжное влекло ихъ впередъ, и не было силы на землѣ, могущей измѣнить совершавшееся... И они шли за своимъ провожатымъ, притихшіе и пугливо настороженные: что-то

висѣло въ воздухѣ, надъ ихъ головами, что-то невыразимое словами, но чувствуемое всѣмъ существомъ. И это что-то было сильнѣе ихъ, и они были рабами его... И когда, наконецъ, они вошли въ нѣчто, напоминавшее жилье, имъ стало легче, такъ какъ здѣсь былъ огонь, и обстановка напоминала обыденную жизнь, и не было мрака и таинственности...

Комната, въ которую ихъ ввелъ синій мундиръ, была невелика и обставлена болѣе чѣмъ просто: столъ, нѣсколько стульевъ и конторка, но на всемъ этомъ лежала печать того же унынія и запущенности. Видно было, что мѣсто это не для обыденной, свободно текущей жизни, и что ничья рука не прилагаетъ здѣсь старанья, чтобы придать жилью болѣе уютный видъ.

Молча показавъ имъ на стулья, жандармскій офицеръ вышелъ Едва замкнулась за нимъ дверь, какъ старуха пугливо оглянулась во всѣ стороны и, поднявшись со стула, на цыпочкахъ подошла къ своему мужу. Безшумно, стараясь не дышать, обхватила она его сѣдую голову и, крѣпко прижавъ къ себѣ, шепнула:

— Бѣдные мы съ тобой, злосчастные! Надо терпѣть, что дѣлать! Его Святая Воля!

Отъ этой неожиданной ласки старикъ, изо всѣхъ силъ крѣпившійся, дрогнулъ, и хриплый звукъ вырвался изъ его горла. Но тотчасъ же, совладавъ съ собой, онъ неловкимъ жестомъ погладилъ по плечу свою старую подругу и хрипло произнесъ:

— Только ты вытерпи, а я вынесу!

И затѣмъ оба, какъ будто совершившіе преступленіе, быстро, какъ по командѣ, усѣлись на свои стулья.

Дверь скрипнула, и на порогѣ показался тотъ же синій мундиръ.

— Сейчасъ придетъ сынъ вашъ!—сказалъ онъ мягко.

Оба старика поднялись и стали рядомъ. Рука старухи инстинктивно схватилась за рукавъ мужа. Послышался отдаленный, глухой шумъ шаговъ, какое-то шуршанье, какіе-то звуки, и вдругъ половинка двери съ силой раскрылась и, позади показавшагося солдата съ ружьемъ, вошелъ легкой, молодой походкой тотъ, котораго они ждали съ замираніемъ сердца, кто былъ единымъ смысломъ ихъ существованія, ихъ первенецъ, ихъ единственный мальчикъ, опора и надежда ихъ старости, ихъ... сынъ! Да, это былъ онъ, давно жданный, давно желанный...

И съ воплемъ кинулась ему на шею мать, и съ тихимъ стономъ, дрожащими руками, старался обнять его просвѣтлѣвшій старикъ.

Синій мундиръ смутился: онъ отвелъ глаза и сталъ

смотрѣть въ окно, въ безнадежную темноту: сейчасъ они узнаютъ... сейчасъ упадетъ Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ ихъ головами...

И, обернувшись къ солдатамъ, онъ махнулъ имъ рукой, чтобы они вышли: не все ли теперь равно—черезъ нѣсколько часовъ отъ этого красавца останется лишь воспоминаніе...

— Володенька! Сыночекъ! Ненаглядный мой! Дорогой, золотой! Утѣха моя неописанная!—бормотала, вся дрожащая, мать, обхвативъ его руками и крѣпко вцѣпившись въ него.

— Володиміръ! Сынъ!—говорилъ и отецъ, не выпуская его руки. А сынъ переходилъ отъ одного къ другому и, ласково гладя то того, то другого своими руками, клалъ имъ на грудь свою красивую, юную голову. И не было еще въ его жизни тяжелѣе минуты! Передъ ней блѣднѣло все пережитое и все, что нужно было пережить: имъ надо было сказать!.. Отъ этой мысли сердце поворачивалось въ груди...

Мгновенія текли... Мѣшкать было нельзя... Ужъ синій мундиръ нервно сталъ ходить по комнатѣ, а старуха все говорила. Она спѣшила выложить передъ сыномъ наболѣвшую душу:

— Ну, слава тебѣ Господи, что допустили, наконецъ, до тебя, красавчикъ ты мой! Истомились мы... Какъ получили извѣстіе о твоемъ арестѣ, все мы со старикомъ бросили на руки деверя, и что тамъ дома—ровно и думать перестали... Пріѣхали... Туда-сюда... Гдѣ сынъ? Никакъ не могли узнать—молчатъ, не говорятъ... Ходили мы, ходили! Наконецъ, въ охранѣ вышелъ одинъ, такой лощеный, холёный—да и сказалъ, что въ крѣпости. Мать Пресвятая Богородица! То-то я наплакалась, даже старикъ ругаться началъ: „Не время, говоритъ, плакать — дѣйствовать, говоритъ, надо". Пошли... У кого только ни были! Пустите, молъ, сына на поруки... Рѣшили мы со старикомъ всѣ наши денежки на это предложить... Гдѣ тамъ! И не слушаютъ... Еле, еле тебѣ денегъ передать взяли. Получилъ ли, родной?

— Получилъ!—былъ короткій отвѣтъ.

— Ну, вотъ. Только стали мы добиваться: какъ же такъ, если на поруки нельзя, такъ хоть повидать бы? А они говорятъ: „Судъ будетъ, когда кончится—тогда!" А гдѣ и когда будетъ—не сказали... Вчера вечеромъ одна сосѣдка пришла. „Вашего,—говоритъ, сынка, уже, будто, и присудили... Въ крѣпости, говоритъ, и судъ былъ... А къ чему присудили?—не знаю», говоритъ. Испугались мы... Старикъ пошелъ было узнавать, да вернулся ни съ чѣмъ. Только вдругъ ночью—звонокъ! Что такое? Видимъ—входитъ господинъ офицеръ. Вотъ ихъ благородіе (указала она на неустанно ходившаго жандарма)... «Пожалуйте, говоритъ, сейчасъ къ сыну—видѣт

васъ желаетъ». Ну, тутъ ужъ мы не разсуждали... Поѣхали— и вотъ... Голубчикъ ты мой!—внезапно всхлипнула старуха.

Офицеръ тихонько вынулъ часы. Сынъ замѣтилъ это движеніе.

— Отецъ! Мать! — сказалъ онъ и замолкъ. Его голосъ звучалъ глухо: старики насторожились.

— Мама! - Онъ опять замолчалъ... и, взявъ руку матери, медленно поднесъ ее къ губамъ.

Эта необычная отъ него ласка совершенно всполошила старуху.

— Да Боже ты мой, Володенька! Да что же ты все умолкаешь? Что у тебя на душѣ? Говори, не мучь... Говори... Чуетъ сердце, что есть у тебя что-то... Володенька, сынокъ!.. Что такое? О чемъ рѣчь?

— Отецъ!—сказалъ молодой человѣкъ и посмотрѣлъ старику прямо въ глаза.—На тебя—вся моя надежда... Перенеси самъ и помоги матери перенести... Отецъ!

Старикъ отвѣтилъ глубокимъ, бездоннымъ взглядомъ, и рука его судорожно схватила руку сына.

— Не говори. Понимаю. Ей самъ скажу, послѣ... дома...

— Что? Что такое?—закричала старуха.

— Мать!—съ небывалой нѣжностью въ голосѣ сказалъ старикъ: — Если любила его когда-нибудь, если любишь теперь, если есть у тебя къ нему жалость — молчи, не спрашивай. Ни о чемъ не спрашивай. Повидала... и будетъ. Вѣришь ли мнѣ?

— Какъ Богу, вѣрю! - пробормотала старуха.

— Ну, вотъ—и вѣрь. Такъ лучше. Для него лучше... Побудемъ съ нимъ и пойдемъ. Тамъ послѣ—видно будетъ. А теперь... Сынъ мой, другъ мой! Ты-то какъ?

— Отецъ! Будь спокоенъ... за меня — будь вполнѣ спокоенъ... Я сумѣю... Главное—въ васъ. Это самое страшное! И я благодарю тебя... Земной поклонъ тебѣ... Поддержалъ ты меня... Я такъ и думалъ. Разно мы съ тобой жили, разно понимали... Но вѣрилъ я въ тебя — крѣпко... Я зналъ, что придетъ часъ, и мы встрѣтимся душами. И станемъ, какъ братья!.. Скажи: ты уже зналъ, когда шелъ сюда?

— Зналъ,—твердо сказалъ старикъ.

— Что, что зналъ?—вскричала опять мать.—Если зналъ, зачѣмъ мнѣ не сказалъ? И зачѣмъ теперь оба говорите загадками?

— Родная моя! Такъ лучше. Пойми—для всѣхъ лучше. Пожалѣй меня, не спрашивай.

Мундиръ еще разъ посмотрѣлъ на часы.

— Время кончать!—почти съ нѣжностью сказалъ онъ, ни на кого, однако, не глядя.

— Отецъ!—заторопился Владиміръ. — Помни одно: я поступалъ, какъ считалъ лучше, и не для себя, а для всѣхъ. Для родины, для народа! Имъ отдалъ я душу, волю—жизнь свою. Не руководило мною ничто, кромѣ страстнаго желанія помочь, измѣнить и достать всѣмъ свободу. Если что было не такъ, какъ бы я хотѣлъ,—такъ сложилось... И вѣрьте мнѣ, дорогіе, вы можете думать обо мнѣ съ сознаніемъ, что я хотѣлъ блага... И за него отдалъ себя..

— Свиданіе кончено,—раздался голосъ.

— Прощайте, родные мои! Дорогіе, любимые...

— Когда увидимся? — закричала мать, обхватывая руками дорогую голову.

— Скоро!—твердо сказалъ старикъ.—А теперь пойдемъ!.. Отпусти его.. Не станемъ его мучить...

Онъ торжественно поднялъ руки надъ головой сына.

— Сынъ мой! Любимый сынъ! Благословляю тебя! Благословляю и вѣкъ буду благословлять имя твое! Будь же твердъ!—И онъ такъ крѣпко прижалъ его къ своей груди, какъ будто хотѣлъ съ нимъ слиться. — А теперь, мать, идемъ! скорѣе!

Еще нѣсколько поцѣлуевъ... рыданій, звонъ шпоръ, послѣдній привѣтъ рукой при выходѣ, и... фигура Владиміра исчезла...

Въ ненастный туманный день, на одну изъ уединенныхъ дачъ отдаленной мѣстности, постучался старикъ. Ему отперли не сразу: онъ не могъ видѣть, что, прежде чѣмъ впустить его, на него долго смотрѣли въ невидимую скважину. На порогѣ онъ кратко спросилъ:

— Иванъ Ивановичъ?

— Да,—былъ такой же краткій отвѣтъ.

— Отецъ Владиміра,—сказалъ старикъ. Двѣ горячія руки схватили его руку, и долгое, безмолвное пожатіе было отвѣтомъ.

— Входите,—сказалъ Иванъ Ивановичъ почтительно и быстро подвинулъ старику единственное кресло.

Долго царило молчаніе, какъ нѣмое выраженіе глубокаго уваженія къ имени почившаго.

— Вотъ я по какому дѣлу—сказалъ старикъ.—Не знаю, извѣстно ли вамъ было, что я человѣкъ не больно образованный; въ дѣлахъ этихъ вашихъ мало понималъ я. И скрывать не стану: Володиміра не одобрялъ. Къ чему ему была революція эта самая, когда могъ онъ жить безбѣдно и выйти въ люди, потому что средствъ для его образованія я не жалѣлъ, давалъ все, что могъ? Не понималъ я... Не могъ понять... Какъ? Почему? Зачѣмъ? Зачѣмъ буйствовать, когда

можно жить спокойно? Однако же, нынче уразумѣлъ... понялъ. И вотъ тутъ...—онъ вынулъ простой, широкій бумажникъ.—Тутъ все, что копили мы со старухой всю жизнь... для Володиміра. Намъ теперь ничего не нужно: старуха моя умерла въ параличѣ, а мнѣ и подавно—что есть, чего нѣтъ—совсѣмъ все равно. И принесъ я вамъ эти деньги: примите на эту самую революцію... во имя сына.

— Но...—попытался возразить Иванъ Ивановичъ...

— Не возражайте!—величаво сказалъ старикъ, и выраженіе безграничной скорби исказило его лицо.—Не можетъ быть имъ лучшаго употребленія. Ничего вы мнѣ не скажете, чего бы я не зналъ... Возьмите ихъ просто, какъ просто я принесъ... И если у васъ не забудутъ моего Володиміра—вотъ это мнѣ и будетъ дорого. А теперь прощайте! И давай вамъ Богъ успѣха!

Онъ крѣпко пожалъ руку Ивана Ивановича и, неторопливо сойдя съ крыльца, исчезъ въ туманѣ.

И долго еще стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ ему вслѣдъ Иванъ Ивановичъ...

С. А. Савинкова.

«Воскресенье» марксизма.

I.

Въ своемъ извѣстномъ предисловіи къ марксовскимъ «Klassenkämpfen in Frankreich» Фридрихъ Энгельсъ, между прочими интересными объясненіями, сдѣлалъ и слѣдующее замѣчательное признаніе, много разъ цитировавшееся, но, какъ намъ кажется, до сихъ поръ не оцѣненное въ полную мѣру его значенія. Рѣчь въ этомъ мѣстѣ идетъ у Энгельса о томъ пикантномъ qui pro quo, какое всемірная исторія, любящая по старой гегеліанской привычкѣ ставить вещи на голову, дозволила себѣ по отношенію къ соціалъ-демократической партіи, съ одной стороны, и такъ называющей себя партіи порядка—съ другой.

«Иронія всемірной исторіи выкидываетъ злыя шутки. Мы, «революціонеры», «потрясатели основъ», вѣрнѣе—говорилъ Энгельсъ—идемъ къ своей цѣли болѣе законными путями, нежели незаконными. А партію порядка, какъ называютъ себя наши враги, губитъ ея же дѣтище, законная почва. Въ отчаяніи она повторяетъ за Одиллономъ Барро: la legalité nous tue, законность—наша смерть, а мы—мы наживаемъ на этой законности крѣпкіе мускулы и румяныя щеки и выглядываемъ, какъ сама жизнь. И если *мы*—заканчиваетъ Энгельсъ — въ угоду врагу не позволимъ безумно увлечь себя на путь уличной борьбы, то, въ концѣ концовъ, реакціи не останется ничего другого, какъ самой нарушить эту роковую для нея законность».

Замѣчательное, по нашему, мѣсто, но самое замѣчательное здѣсь, можетъ быть — авторская позиція самого Энгельса. Расписываясь столь краснорѣчиво и патетически въ полномъ паденіи революціоннаго темпа германской соціалъ-демократіи, онъ передаетъ обо всемъ этомъ въ такомъ тонѣ, какъ будто бы оно заключало въ себѣ нѣчто необычайно лестное и побѣдоносное для этой послѣдней, а вся оборотная сторона медали относилась только и всецѣло къ «партіи порядка», будто бы, въ отчаяніи повторяющей: «законность—наша смерть»... Все это до послѣдней степени неправдоподобно, и вещи, перевернутыя всемірно-исторической ироніей на голову, необходимо поставить обратно на ноги.

Уже со времени лассалевской «Сущности конституціи» въ повседневный обиходъ политической мысли вошло положеніе, что въ классовомъ строѣ, какъ нашъ, законность вездѣ и во всѣхъ случаяхъ оказывается къ услугамъ сильнѣйшаго, всегда и вездѣ является орудіемъ и методомъ дѣйствія господствующаго класса, именно въ его качествѣ господствующаго и именно въ его функціи господства. Другой вопросъ—какое содержаніе вкладывается въ эту законность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но этого-то вопроса предпочелъ не касаться и Энгельсъ, которому, между тѣмъ, значеніе законности въ капиталистическомъ строѣ извѣстно, конечно, не хуже всякаго другого. Въ этомъ смыслѣ такъ называемый «порядокъ» господствующихъ классовъ можно сравнивать развѣ только съ высшей универсальной гармоніей въ космологіи метафизиковъ и натурфилософовъ: первый, какъ и послѣдняя, уживается прекрасно со всякимъ безпорядкомъ и дисгармоніей, со всѣми вопіющими несправедливостями и эксплуатаціей, съ океанами крови и слезъ, и соотвѣтственно тому самое явное и безпардонное нарушеніе законовъ является по существу только истиннымъ служеніемъ буржуазной законности, только отправленіемъ высшей буржуазной справедливости, средствомъ къ охраненію священныхъ институтовъ семьи, собственности и государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ шумокъ, и *своего* классового господства. «Не эти ли сегодняшніе фанатическіе противники «разрушительныхъ тенденцій» вчера сами были разрушителями»?—спрашиваетъ Энгельсъ. Вотъ именно. Но они не только были ими вчера, они будутъ таковыми и завтра, не перестаютъ ими быть и сегодня, и тѣмъ не менѣе вовсе не находятъ законность сколько-нибудь неудобной и того менѣе убійственной для себя; эти фанатическіе противники разрушенія являются таковыми только, когда дѣло идетъ о противоправительственныхъ партіяхъ,—себѣ же самимъ, своей истинной любви къ порядку они безусловно довѣряютъ и сквозь всѣ эксцессы разрушенія, не останавливающагося абсолютно ни предъ чѣмъ, даже предъ разрушеніемъ вселенной (pereat mundus!), если-бъ только съ этимъ совмѣстимо было торжество «священныхъ» институтовъ; у нихъ, стало быть, два мѣрила нравственности: одно — для такъ называемыхъ разрушительныхъ партій, другое—для партіи порядка. Какъ анекдотическій дикарь, они на вопросъ о добрѣ и злѣ отвѣчаютъ: зло—это когда ближній отнимаетъ у меня жену, добро—когда я отнимаю у ближняго.

Но—могли бы они сказать—зачѣмъ эти ужасы, къ чему столь убійственныя и разрушительныя предположенія, когда гораздо болѣе простыми и мирными средствами можно такъ же чисто обдѣлывать свои классовыя дѣла? И, дѣйствительно, все та же «иронія всемірной исторіи» захотѣла, чтобы вслѣдъ за энгельсовскимъ расписываніемъ соціалъ-демократической лояльности и миѳическихъ страховъ консерваторовъ предъ смертоносной для нихъ законностью—не гдѣ-

нибудь въ другомъ мѣстѣ, но именно въ Саксоніи, этомъ «красномъ королевствѣ», гдѣ соціалъ-демократія чувствуетъ себя, особенно какъ дома—произведенъ былъ преступнѣйшій и позорнѣйшій актъ нарушенія конституціи со стороны «партіи порядка», чтобъ, какъ громъ среди яснаго неба, здѣсь разразилась настоящая «революція сверху», какъ ее тогда же окрестили на мѣстѣ. Въ Саксоніи соціалъ-демократы давно добивалась всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права въ мѣстный ландтагъ, и въ сознаніи своей силы обнаруживали особенную требовательность и настойчивость. И вотъ, въ отвѣтъ на это, объединившиеся консерваторы и націоналъ-либералы проводятъ въ началѣ 1896 г. новый избирательный законъ, коимъ для выборовъ въ ландтагъ вводилась пресловутая трехклассная система, и однимъ ударомъ цѣлыхъ 80% населенія лишались своего избирательнаго права. Въ видѣ же мотивировки къ этому coup d'état, одна правительственная газета въ декабрѣ 1895 г., не обинуясь, писала: «цѣль измѣненія избирательнаго закона—удаленіе соціалъ-демократическихъ депутатовъ изъ ландтага»... И это стало fait accompli, съ послѣдствіями котораго считаются до настоящаго дня.

Отсюда вытекаетъ маленькая мораль: что если «партія порядка» когда-нибудь и повторяетъ за Одиллономъ Барро: законность—наша смерть, то она дѣлаетъ это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она собирается нарушить эту законность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отсрочить свою смерть. Если бы Энгельсъ дожилъ до этого случая (а онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ), то, можетъ быть, и самъ не преминулъ бы сдѣлать именно это примѣненіе изъ знаменитой фразы французскаго дѣятеля, а тамъ, быть можетъ, придти къ кой-какимъ добавочнымъ заключеніямъ относительно тактики законности, какъ орудія революціонной партіи...

Ибо насколько можетъ звучать только каламбуромъ жалоба партіи порядка, т. е. господствующихъ классовъ, на «роковой» для нихъ характеръ ими же сочиняемыхъ законовъ, настолько въ своемъ родѣ абсурдна, съ другой стороны, радость революціонной партіи по поводу своего преуспѣянія именно на почвѣ буржуазнаго общественнаго порядка и въ рамкахъ буржуазнаго государственнаго закона. Поскольку это на самомъ дѣлѣ такъ, именно такая партія имѣла бы всѣ основанія восклицать: законность наша смерть!—«смерть» въ буквальномъ смыслѣ для существенно-революціонной міропреобразующей партіи, поставленной между тѣмъ въ такое положеніе, что она преуспѣваетъ болѣе законными средствами, чѣмъ назаконными, и изъ этой нужды—по нѣмецкой поговоркѣ—пытается сдѣлать для себя добродѣтель. Наконецъ, акта самаго несомнѣннаго моральнаго самоубійства нельзя не усматривать уже въ томъ маленькомъ, но характеристичномъ обстоятельствѣ, что «революціонерами», «потрясателями основъ» соціалъ-демократы оказываются у Энгельса лишь въ кавычкахъ, т. е., такъ понимать нужно

по клеветническимъ навѣтамъ «нашихъ враговъ», кстати, «самихъ себя называющихъ партіей порядка», тогда какъ на дѣлѣ именно мы, не они — «наживаемъ на этой законности крѣпкіе мускулы и румяныя щеки и выглядываемъ, какъ сама жизнь»...

Великій сердцевѣдъ Шекспиръ изобразилъ это положеніе съ завидной простотой устами своего Юлія Цезаря, когда онъ, напуганный зловѣщимъ видомъ своего будущаго убійцы Кассія, говоритъ Антонію:

Я бы желалъ имѣть
Вокругъ себя людей безпечныхъ, тучныхъ,
Которые бы спали ночью. Кассій
Такъ худощавъ и голоденъ на видъ:
Онъ слишкомъ много думаетъ: опасны
Такіе люди...

Да, Кассій не обладаетъ «упругими мускулами и красными щеками», онъ—прямая противоположность тому: «худощавъ и голоденъ на видъ», и тѣмъ-то представляется особенно опаснымъ Цезарямъ и есть таковъ въ дѣйствительности:

Когда бъ онъ былъ
Потолще... Впрочемъ, я-то не боюсь.
Но если бъ я способенъ былъ бояться,
То никого бы такъ не избѣгалъ,
Какъ Кассія...

Если бы мы хотѣли эпиграфически изобразить главную мысль предлагаемой статьи, то взяли бы для этого вышеразобранную цитату Энгельса, а къ ней, въ качествѣ безмолвнаго, но краснорѣчиваго комментарія—приведенныя нѣсколько строкъ шекспировскаго «Юлія Цезаря» *).

Послѣднему недаромъ хочется имѣть вокругъ себя людей, «выглядывающихъ, какъ сама жизнь»: Кассіи настороже, Кассіи бродятъ, какъ тѣни, а эти спятъ спокойно ночи и никому въ угоду не дадутъ «безумно увлечь себя» на путь «нарушенія законности», предоставляя это занятіе охотникамъ-любителямъ, тѣмъ же Юліямъ Цезарямъ, или, говоря безличнымъ языкомъ современности—*реакціи*... И реакція не заставляетъ себя просить, пышно справляя свои вакханаліи самаго безцеремоннаго, самаго наглаго нарушенія на каждомъ шагу своихъ собственныхъ законовъ, а соціалъ-демократія...

---

*) Эту мысль Шекспира на свой ладъ воспроизводитъ у Жюля Валлэса (въ „Инсургентахъ") Теперь, когда, отказываясь отъ участія въ массовой демонстраціи, по поводу правительственнаго декрета объ отсрочкѣ открытія палаты, онъ говоритъ пришедшимъ къ нему депутатамъ крайней лѣвой (частью будущимъ коммунарамъ): „Честное слово, можно подумать, что у васъ всѣхъ только и заботы, какъ бы поскорѣй отправиться на тотъ свѣтъ! А я держусь за жизнь обѣими руками: такой ужъ у меня испорченный вкусъ! *Чортъ возьми, это и понятно: вотъ вы всѣ какіе катцы безсмертные, а у меня сколько жиру!*"

Въ борьбѣ, напр., за избирательную реформу въ Пруссіи, германская соціалъ-демократія молча проглатываетъ такія оскорбленія, оставляетъ безъ отвѣта такія вопіюще-циничныя провокаціи, какъ, хотя бы, правительственное сообщеніе въ такомъ родѣ, что «въ виду-де не прекращающихся манифестацій въ пользу всеобщаго избирательнаго права со стороны соціалъ-демократіи, оно (прусское правительство) не находитъ возможнымъ приступать къ коренной избирательной реформѣ, независимо отъ того, нуждается ли законъ 1849 г. въ исправленіи, или нѣтъ»... Этотъ поразительный, этотъ единственный въ своемъ родѣ правительственный документъ былъ опубликованъ весной 1906 г. А мы знаемъ уже, что ровно за 10 лѣтъ передъ тѣмъ саксонское правительство, въ пику тѣмъ же соціалъ-демократамъ, на этотъ разъ требовавшимъ замѣны мѣстной, сравнительно сносной избирательной системы всеобщимъ избирательнымъ правомъ по четырехъ-членной формулѣ, безъ всякихъ околичностей распорядилось водворить на мѣсто дѣйствовавшей системы этотъ же самый прусскій избирательный анахронизмъ 1849 г. Чтобы оцѣнить всю соль этой убійственной—но только не для господствующихъ классовъ—тактики нарушенія законности, нужно еще знать, что это за штука прусскій законъ 1849 г., именуемый Dreiklassensystem. Достаточно сказать, что еще Бисмаркъ, въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, призналъ трехклассную прусскую избирательную систему—буквально—«подлой и нелѣпой», а Лассаль около этого же времени съ цифрами въ рукахъ доказывалъ, что, по упомянутому закону, одинъ богатый гражданинъ имѣетъ столько же политической власти, сколько *семнадцать* менѣе или мало состоятельныхъ гражданъ. И вотъ еще нынѣ, полстолѣтія спустя, одно нѣмецкое правительство внезапно вводитъ у себя этотъ законъ, а другое не находитъ возможнымъ приступить къ реформѣ его, «независимо отъ того, нуждается ли онъ въ исправленіи или нѣтъ», на томъ единственномъ основаніи, что соціалъ-демократы позволяютъ себѣ «манифестировать», т. е. безпрестанно напоминать о необходимости покончить съ «подлымъ и нелѣпымъ», даже въ глазахъ Бисмарка, анахронизмомъ!.. Такимъ образомъ, въ своемъ «вѣрномъ», въ теченіе десятковъ лѣтъ, шествіи къ цѣли законными путями, своей аффектированной игрой въ лояльность, соціалъ-демократія доигралась до того, что ее, въ революціонномъ смыслѣ, теперь третируютъ, чуть ли не какъ quantité négligeable!.. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу нѣкоторыхъ нетактичныхъ дѣйствій Вильгельма II (его извѣстная депеша баварскому принцу-регенту, обращеніе къ рабочимъ съ инсинуаціями на соціалъ-демократію), Фольмаръ въ рейхстагѣ, по обыкновенію, назвавъ это литьемъ воды на ихъ колеса, иронизировалъ насчетъ «высшихъ сферъ»: «вы для насъ очень стараетесь», и намекнулъ, что тамъ, по видимому, только ждутъ повода, чтобъ совершить «если не государственный переворотъ, то покушеніе на

коренныя гарантіи конституціоннаго порядка»,—Бюловъ высокомѣрно отвѣтилъ: «Отклоненіе отъ правового порядка я могъ бы себѣ представить только въ томъ случаѣ, если бы у насъ мыслимо было насильственное ниспроверженіе существующаго строя: абсолютизмъ послѣдовалъ бы за революціей. Это—*азбука всемірной исторіи*, но кто же въ Германіи вѣритъ въ возможность революціонныхъ попытокъ?» И самый тонъ, и характеръ этой отповѣди какъ будто внушали, что соціалъ-демократы дѣйствительно подпали вліянію этой фонъ-бюловской «азбуки всемірной исторіи». По азбукѣ общепринятой, абсолютизмъ ведетъ къ революціи; по азбукѣ фонъ-Бюлова, онъ слѣдуетъ по пятамъ за революціей; отклоненіе правительствъ отъ правового порядка онъ, канцлеръ Вильгельма II, можетъ себѣ представить не иначе, какъ въ видѣ реакціи на попытки къ ниспроверженію существующаго строя. И эту-то провокаторскую «*азбуку* всемірной исторіи» беретъ подъ свою защиту Энгельсъ, подъ видомъ «*ироніи* всемірной исторіи», любящей «выкидывать злыя шутки» и ставить вещи на голову...

Въ вопросѣ объ агитаціи за избирательную реформу даже Бернштейнъ остался недоволенъ тактикой своей партіи, которую онъ характеризуетъ, какъ «политическій фатализмъ»; онъ рѣзко обвиняетъ нѣмецкую соціалъ-демократію въ «беззубости», въ полномъ отсутствіи революціоннаго духа, а нѣмецкаго пролетарія называетъ воплощенной флегмой, совершенно не способной на какой бы то ни было революціонный актъ... И отецъ нѣмецкаго ревизіонизма не прочь поэксплуатировать этотъ выводъ въ своихъ «притупительныхъ» видахъ, усердно приглашая свою партію, по столь дѣйствительно экстраординарному случаю, къ соединенію съ буржуазной демократіей и къ отказу отъ «заскорузлой доктрины классовой борьбы», отъ «фразы о единой реакціонной массѣ»... Но до этого, впрочемъ, намъ пока дѣла нѣтъ.

Мы и то боимся быть неправильно понятыми читателемъ. Мы вовсе не думали, съ нашей точки зрѣнія, посылать подобнаго рода упреки нѣмецкой рабочей партіи, вовсе не считаемъ, напр., что молчаніе на провокацію является всегда признакомъ безсилія и никогда, напротивъ, показателемъ силы и хорошей партійной дисциплины, равно какъ не игнорируемъ противорѣчащихъ этой общей картинѣ фактовъ, доказывающихъ, что вышеприведенныя обвиненія Бернштейна, по меньшей мѣрѣ, преувеличены, а его расписыванія нѣмецки-пролетарской «флегмы» и вовсе не состоятельны. Саксонскій пролетаріатъ, такъ подло обманутый въ 1896 г., не задумался, напр., выйти прошлой осенью на улицу съ протестомъ противъ избирательной системы, въ Гамбургѣ по такому же поводу дѣло дошло даже до баррикадъ, а въ Берлинѣ, во время массовыхъ собраній по поводу годовщины русскаго 9 января, реакція готовилась потопить въ крови демонстрантовъ, если-бъ они, поддавшись на провокацію, отправились на Дворцовую площадь;

съ такими же массовыми демонстраціями тамъ же, въ мартѣ и маѣ, связывался протестъ противъ политическаго безправія рабочаго класса въ Пруссіи, стонущей подъ игомъ старой треклассной избирательной системы...

Равнымъ образомъ и энгельсовскому введенію къ «Klassenkämpfen», какъ будетъ представлено въ своемъ мѣстѣ, мы далеко не склонны придавать безусловно-отрицательнаго въ отношеніи революціи значенія, какъ дѣлаютъ нѣкоторые близорукіе или предубѣжденные послѣдователи изъ ревизіонистовъ. Мы знаемъ, что частныя обстоятельства появленія этого введенія на свѣтъ заставили Энгельса до извѣстной степени подчеркивать политическую благонамѣренность соціалъ-демократіи, и, однако, это не помѣшало ему тутъ же «право на революцію» признать единственнымъ историческимъ правомъ народовъ. И вообще, читая этотъ небольшой и замѣчательный документъ, вы чувствуете, что гнѣвъ и возмущеніе такъ и клокочутъ подъ перомъ Энгельса, что львиное рычаніе такъ и стремится моментами вырваться наружу среди корректныхъ «увѣреній въ своей почтительности и лойяльности», а подъ мирной овечьей шкурой автора вовсе не такъ ужъ трудно нащупать его острые революціонные когти... Однимъ словомъ, мы совершенно не склонны заблуждаться насчетъ истинной (а не показной только) цѣнности этой монеты, представляемой разбираемымъ якобы антиреволюціоннымъ манифестомъ. И въ то же время все, что говорилъ Энгельсъ выше о красныхъ щекахъ и упругихъ мускулахъ своей партіи—отнюдь тоже не пустыя рѣчи, а, напротивъ, самая сущая правда, точно такъ же, какъ все, что напрашивается по этому поводу и въ связи съ тѣмъ по адресу соціалъ-демократіи, сохраняетъ свою полную логическую силу, отъ дѣйствія которой не только не укрылся марксизмъ, но, наоборотъ, подпалъ ему въ такомъ объемѣ, что трудно это сразу и объять... Спрашивается, какимъ образомъ это возможно и какъ совмѣстить и примирить для пониманія столь зіяющія, столь вопіющія противорѣчія? Отвѣтить на этотъ вопросъ, значитъ—освѣтить полную несостоятельность и безпочвенность теоретической основы соціалъ-демократіи, значитъ, раскрыть настоящій діалектическій circulus vitiosus этой основы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неминуемо проистекающій изъ нея, какъ слѣдствіе, практическій оппортунизмъ партіи, въ сущности, не покидающій ея даже въ самомъ разгарѣ революціоннаго дѣйствія.

«Мы вѣрнѣе идемъ къ цѣли законными путями, чѣмъ незаконными», сказалъ Энгельсъ. Но какимъ образомъ, спрашивается, возможно законными путями придти къ революціонной цѣли, да къ такой еще революціоннѣйшей изъ всѣхъ революціонныхъ цѣлей, какъ соціалистическій переворотъ, который долженъ уничтожить раздѣленіе общества на классы и изгнать классовое господство изъ его послѣднихъ убѣжищъ,—какъ величайшая міровая революція, которая, по подлинному выраженію того же Энгельса о

грядущемъ соціальномъ переворотѣ, представитъ прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы? Если же это правда, а не самообольщеніе, что къ цѣли мы идемъ исключительно законными путями, то нельзя не задаться опять вопросомъ: не случилось ли чего-нибудь съ самою нашей «цѣлью», не произошло ли въ этой области какого-то рокового, но незамѣтнаго для насъ самихъ подмѣна, и въ результатѣ, вмѣсто той «нашей цѣли», какую долженъ былъ бы имѣть въ виду истинный «научный соціалистъ», не преслѣдуемъ ли мы только какую-то блѣдную тѣнь этой цѣли, фактически достижимую на почвѣ капиталистической дѣйствительности и въ рамкахъ буржуазной законности, но за то и не имѣющую никакой реальности въ виду дѣйствительныхъ конечныхъ цѣлей соціализма?.. Вотъ на какіе вопросы наводятъ объясненія Энгельса, и пытается дать отвѣтъ предлагаемая работа.

Изъ сказаннаго отчасти уясняется и характеръ нѣсколько страннаго заглавія этой статьи: «Воскресенье марксизма». Прежде всего «воскресенье» понимается здѣсь въ томъ самомъ смыслѣ вѣчнаго и непрерывнаго обновленія, возрожденія, въ какомъ говорится, напр., о воскресеніи природы; оно и само по себѣ уже вполнѣ умѣстно было бы въ примѣненіи къ «революціонерамъ», «потрясателямъ основъ», «выглядывающимъ, какъ сама жизнь», къ этому новоявленному фениксу, все вновь возрождающемуся изъ своего пепла... Любопытно, однако, что «воскресенье марксизма» одно время явилось у насъ въ Россіи боевымъ лозунгомъ для жаркой литературной полемики, поднятой нѣкоторыми марксистскими журналами («Образованіе», «Міръ Божій») противъ нашихъ семидесятниковъ, которые имѣли наивность счесть марксизмъ идейно поконченнымъ ученіемъ, свершившимъ въ предѣлахъ земного все, что было ему положено. Съ свойственнымъ имъ неизмѣннымъ видомъ превосходства г.г. марксисты приняли по отношенію къ своимъ противникамъ такой же тонъ въ какомъ авторъ романа «Что дѣлать?» обычно ведетъ свои бесѣды съ «проницательнымъ читателемъ». Марксизмъ только исчезъ съ поля зрѣнія, а ужъ «проницательные» критики поспѣшили пропѣть ему отходную и засыпать землею, при чемъ «оффиціальная обстановка похоронъ, производимыхъ въ ускоренномъ порядкѣ, не давала погребаемому никакой возможности опротестовать свою смерть». Но Лопуховъ лишь исчезъ, а не умеръ — такъ и марксизмъ: онъ умеръ, какъ легальное направленіе въ русской періодической печати, но за то возродился къ иной, болѣе полной и глубокой жизни въ массахъ, примкнувшихъ къ партіи («М. Б.» 1904. XI). И множество самыхъ недвусмысленныхъ, самыхъ выразительныхъ симптомовъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности такого заключенія. Когда русскій книжный рынокъ получилъ воз-

можность удовлетворить возросшій спросъ на популярную соціологическую литературу, кто моментально же явился на сцену и водворился на ней полновластнымъ хозяиномъ? Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ милліоны брошюръ, подписанныхъ завѣтными именами Маркса, Энгельса, Каутскаго, Гэда и пр., и пр. «На этомъ полѣ, на этомъ рынкѣ, насыщающемъ духовный голодъ милліоновъ, съ этими людьми никто не отваживается спорить. И это смерть? это — «полная побѣда идей 70-хъ годовъ надъ скороспѣлой догматикой экономическаго матеріализма?» Изволите шутить, господа!» («Обр.» 1905. IX).

Но всѣ эти ликующіе, грозящіе и захлебывающіеся восторгомъ голоса дозволительно, однако, спросить: съ какихъ это поръ внѣшній успѣхъ и распространеніе какого-нибудь ученія, живучесть и гипнотизирующія свойства какого нибудь предразсудка являются внѣшнимъ критеріемъ правильности того и другого? Не напротивъ ли? Для осторожно мыслящаго ума не долженъ ли именно этотъ огромный количественный ростъ доктрины, самая необычайность и экстенсивность ея распространенія въ массахъ явиться скорѣе отрицательнымъ показателемъ, наводя на мысль объ оппортунистическомъ приниженіи ученія—мысль, какъ мы увидимъ, вполнѣ оправдываемую фактами. Впрочемъ, оправдываемую, можно прибавить, и теоріею: намъ откроется еще въ своемъ мѣстѣ найденный современнымъ теоретическимъ главой марксизма спеціальный законъ распространенія идей, почему-нибудь особенно потрафившихъ вкусамъ современниковъ и принимаемыхъ на вѣру, безъ критики, но за то съ величайшимъ энтузіазмомъ...

Вообще всѣмъ, внушающимъ себѣ и другимъ мысль о какой-то необычайной живучести или жизнеспособности, обнаруженной марксизмомъ, толкующимъ, вслѣдъ за Энгельсомъ, о «красныхъ щекахъ и сильныхъ мускулахъ» партіи, признающей марксизмъ своимъ вѣроученіемъ, всѣмъ соблазняющимся необыкновенными внѣшними успѣхами и огромнымъ распространеніемъ ученія въ массахъ и охотно вспоминающимъ при этомъ примѣръ христіанства, слѣдовало бы со всею отчетливостью уяснить себѣ одну важную и чреватую послѣдствіями истину.—Заключается она въ томъ, что идея можетъ погибнуть, а ея носители—продолжать свое видимое духовное существованіе, хотя и исповѣдывать въ полномъ смыслѣ слова трупъ. Фактически и исторически положеніе это — несмотря на всю его кажущуюся парадоксальность—до такой степени вѣрно, что Томасъ Карлейль могъ какъ-то въ своей книгѣ «Past and Present» выразить лишь надежду на наступленіе въ будущемъ такого дня, когда въ поискахъ высшихъ идеальныхъ цѣнностей, намъ не нужно будетъ цѣпляться за ту или другую «мертвую голову» (dead-head), но мы будемъ имѣть вполнѣ достаточный для этого матеріалъ кругомъ себя, въ прекрасныхъ и трепещущихъ жизнью формахъ... Поле исторіи вообще сплошь усѣяно такими

мертвыми костями, обломками старыхъ вѣрованій, сохраненныхъ для настоящаго только въ видѣ «гальванизированныхъ труповъ». И, въ самомъ дѣлѣ, много ли идей, успѣвшихъ захватить большія массы, до конца сохранили свою первоначальную чистоту? Наоборотъ, скорѣе является своего рода закономъ исторіи, что идея, облекшись въ опредѣленныя конкретныя формы религіознаго, государственнаго или общественнаго института, въ самомъ скоромъ времени извращается до неузнаваемости и въ такомъ видѣ представляетъ собственно прямую противоположность своему первоначальному и дѣйствительному значенію. И величайшій какъ разъ міровой примѣръ это—христіанство съ его зіяющимъ и не переваримымъ контрастомъ между языческой и даже каннибальской практикой исповѣдывающихъ его и чистымъ ученіемъ Христа...

Что касается соціалъ-демократіи, то здѣсь, правда, нѣтъ и какъ будто не можетъ и быть пока рѣчи о трупахъ, о смерти, потому что нѣтъ покуда оффиціальнаго воплощенія ея идей въ учрежденія, нѣтъ еще соціалъ-демократическаго общества, этого давно обѣщаннаго и желаннаго Zukunftsstaat'а (государства будущаго), которое остается пока всецѣло въ области однихъ платоническихъ благожелателей... Однако, для всякаго ученія на этой ступени развитія есть другой, не менѣе опасный соблазнъ - въ видѣ необходимости предварительно найти еще прозелитовъ, создать церковь, собрать паству. Доктрина для своего воплощенія должна обработать сырой человѣческій матеріалъ и такъ или иначе возвести составляющіе его разношерстные элементы въ свою собственную плоскость мышленія—задача, въ высшей степени неблагодарная, для выполненія которой само ученіе будетъ вынуждено спуститься съ своихъ идейныхъ высотъ, войти въ среду людей и приспособиться къ ихъ пониманію. Отъ этого аккомодаціоннаго или приспособительнаго процесса не ушло первоначально и христіанство въ лицѣ величайшаго изъ своихъ апостоловъ, выступавшаго, какъ «апостолъ язычниковъ». «Какъ ни свободенъ онъ былъ— такъ характеризуетъ ап. Павла его біографъ Фарраръ («Жизнь ап. Павла», русск. пер. стр. 458)—онъ сдѣлалъ себя рабомъ ради другихъ, *рабомъ для всѣхъ, чтобъ можно было пріобрѣсть больше.* Ставя себя въ ихъ положеніе, отвѣчая на ихъ предразсудки, дѣлаясь іудеемъ для іудеевъ, законникомъ для законниковъ, человѣкомъ безъ закона для людей безъ закона, слабымъ для слабыхъ, всѣмъ для всѣхъ, чтобъ спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ»...

Таковъ этотъ процессъ идейнаго завоеванія міра съ его внутренней, психологической стороны: такимъ путемъ агитація во всѣ времена прокладываетъ себѣ дорогу къ сердцу и пониманію массъ, индивидуализируя и видоизмѣняя свои пріемы сообразно требованіямъ случая, но неизмѣнно неся имъ, какъ христіанство, благовѣстъ освобожденія отъ рабства и идеалы высшаго человѣческаго суще-

ствованія подъ сѣнью всеобщаго братства. Въ прежніе вѣка, согласно умственному развитію и состоянію сознанія человѣчества, коммунистическая идея облекалась по большей части въ религіозныя мистическія формы, старалась реализировать мечты о тысячелѣтнемъ царствѣ Божіемъ на землѣ. И лишь во время великой французской революціи, послѣ того, какъ реформація и эпоха просвѣщенія значительно ослабили религіозное чувство, народныя массы воспрянули къ новой жизни, полной исключительно земныхъ интересовъ и надеждъ.

Глупцы и святые пусть тѣшатся тѣмъ,
Что счастье за гробомъ ихъ ждетъ,

—вотъ что заявляютъ эти массы нынѣ въ извѣстномъ стихотвореніи Гейне *).

Нынѣшняя соціалъ-демократія, такимъ образомъ, застала уже основательно эманципировавшуюся въ интеллектуальномъ отношеніи массу, которой несла, взамѣнъ древняго, новый благовѣстъ соціальнаго освобожденія. Ея пути, безъ сомнѣнія, были другіе, однако и она не убереглась отъ своего рода мучительнаго аккомодаціоннаго процесса, по направленію своему до извѣстной степени противоположнаго тому перелому, который пришлось на первыхъ же порахъ испытать въ свое время христіанскому ученію: не имѣя мужества бороться противъ разлитаго по землѣ океана несправедливости и не отваживаясь, стало быть, на осуществленіе правъ «труждающихся и обремененныхъ» уже въ этомъ, земномъ, существованіи, приверженцы его довольно скоро перенесли желанное царство Божіе въ потустороннюю, загробную жизнь, гдѣ люди должны были найти для себя справедливое возмездіе. У соціалъ-демократовъ было наоборотъ: у нихъ съ самаго начала для массъ готово было нѣчто такое, что практически равнялось тому же тысячелѣтнему христіанскому царству: было уготовано именно такъ называемое «государство будущаго» (или «народное государство»), планъ котораго долженъ былъ быть въ мельчайшихъ деталяхъ разработанъ до наступленія момента рѣшительнаго революціоннаго дѣйствія. Наступленіе же это, а съ нимъ радикальнѣйшій соціальный переворотъ лежалъ, такъ сказать, въ проспектахъ самаго ближайшаго, непосредственнаго будущаго—и, чтобъ взять его, стоило, казалось, протянуть лишь руку. Партія бралась даже чуть ли не съ математи-

*) Въ высшей степени характеренъ въ этомъ отношеніи отзывъ Маркса въ его „Критикѣ гегелевской философіи права"—если не ошибаемся, самомъ раннемъ изъ его извѣстныхъ произведеній — отзывъ, начинающійся часто цитируемой фразой: „Религія это — опіумъ народовъ". Поэтому- продолжаетъ Марксъ— уничтоженіе религіи, какъ мнимаго блага народовъ, равносильно возстановленію ихъ блага реальнаго. Приглашеніе отбросить иллюзію о своемъ положеніи это—приглашеніе покончить съ положеніемъ, нуждающимся въ иллюзіяхъ и пр.

ческой точностью опредѣлить этотъ моментъ наступленія «великаго кладдерадача...» Конечно, это обстоятельство имѣло и свою оборотную сторону. Дѣло въ томъ, что ни малѣйшаго улучшенія своего положенія современные пролетаріи, по ученіямъ соціалъ-демократіи, не могли ожидать до тѣхъ поръ, пока не рухнетъ окончательно капиталистическій строй и на его развалинахъ не водворится долгожданное царство соціализма. Понятно, что такая позиція имѣла хоть нѣкоторый смыслъ, покуда паденія капитализма можно было ожидать не сегодня – завтра. Но по мѣрѣ того, какъ катастрофа оттягивалась, и буржуазія вмѣсто того, чтобы умирать, обнаруживала, напротивъ, присутствіе все новыхъ и непредусмотрѣнныхъ жизненныхъ силъ, по мѣрѣ того, какъ экономическая основа, на которой происходило процвѣтаніе буржуазіи, оказывалась безгранично растяжимой и эластичной, по сознанію самихъ учителей и вожаковъ соціалъ-демократіи,—пришлось мало по малу спуститься съ ригористическихъ высотъ и, вступивъ на путь компромиссовъ съ этимъ самымъ отвергнутымъ буржуазнымъ строемъ, направить туда же всѣ обѣтованія и надежды рабочихъ...

Уже самое выступленіе соціалъ-демократіи, какъ особой политической партіи, на парламентской аренѣ и участіе, на ряду съ другими политическими партіями, въ имперскомъ законодательствѣ, въ принципѣ, являлось, желала ли она или не желала того, актомъ самого несомнѣннаго компромисса съ существующимъ строемъ... Помимо внутренняго смысла этого явленія, относительно котораго, кажется, довольно трудно ошибиться, множество разновременно сдѣланныхъ, вполнѣ ясныхъ публичныхъ заявленій и невольныхъ обмолвокъ, брошенныхъ въ минуту откровенности и потомъ закрѣпленныхъ бумагой, заставляетъ придти къ тому же заключенію.

Взять хотя бы такое характерное обстоятельство.

На партійномъ съѣздѣ 1887 г. Бебель громко выражаетъ свою *радость* по тому поводу, что, несмотря на ростъ с.-демократической партіи въ странѣ, число ея представителей въ рейхстагѣ значительно уменьшилось, ибо, благодаря этому, она *избѣгаетъ соблазна играть въ государственную дѣятельность въ парламентѣ*. Послѣ отмѣны закона о соціалистахъ эта точка зрѣнія была немедленно же сдана въ архивъ, и ростъ соціалъ-демократическаго представительства въ парламентѣ пошелъ усиленнымъ темпомъ. Минуло около полутора десятка лѣтъ. И что же? Въ виду этого самаго роста, уже не Бебель, а человѣкъ, самъ стоящій въ сторонѣ отъ парламентской дѣятельности, Каутскій, вынужденъ констатировать, правда, не для одной Германіи, весьма важный и поучительный фактъ, чреватый, по нашему мнѣнію, самыми грозными послѣдствіями для будущаго, что *въ то самое время, какъ въ парламентахъ увеличивается вліяніе соціалъ демократіи, уменьшается* въ современныхъ государствахъ *вліяніе самихъ парламентовъ* на ходъ ихъ политической жизни,—и объясняется это очень просто: правительства становятся

все изобрѣтательнѣе по части средствъ и способовъ обходиться вовсе безъ тормазящей парламентской машины («Соц. реформа и на другой день послѣ соц. революціи», с.с. 68—70). Такимъ образомъ, «радость» Бебеля, за 15 лѣтъ до того, являлась невольной, хотя и парадоксальной данью болѣе или менѣе смутно сознаваемой будущности,—парадоксальной потому, что временное уменьшеніе, подъ вліяніемъ закона противъ соціалистовъ, числа соціалъ-демократическихъ депутатовъ рейхстага застлало великому оратору глаза на грядущіе завидные успѣхи партіи въ этомъ направленіи; затѣмъ, парадоксальный еще, главнымъ образомъ, потому, что это была радость совершенно, казалось бы, въ духѣ тѣхъ «молодыхъ» или тѣхъ «анархо-соціалистовъ» въ средѣ партіи, которыхъ тотъ же самый Бебель такъ побѣдоносно разилъ на старомъ эрфуртскомъ и на недавномъ іенскомъ партейтагѣ...

Въ частныхъ бесѣдахъ съ Либкнехтомъ Бебель какъ-то сравнивалъ парламентъ съ придворнымъ паркетомъ на томъ основаніи, что и на парламентскомъ паркетѣ многіе уже поскользнулись... Но развѣ не то же выражаютъ представители крайняго лѣваго крыла соціалъ-демократіи, когда они говорятъ о «жалкой суетѣ парламентаризма», объ «узкой точкѣ зрѣнія парламентскаго болота», когда они заявляютъ, что «всѣ наши разсчеты, покоящіеся на парламентаризмѣ, построены на пескѣ» и т. д., и т. д... И какъ же не на пескѣ, въ самомъ дѣлѣ, когда, чѣмъ сильнѣе мы налегаемъ на парламентскій рычагъ, самъ этотъ рычагъ, лишенный прочной опоры, увязаетъ въ какой-то трясинѣ, увлекая и насъ за собою, когда, по мѣрѣ увеличенія въ парламентахъ вліянія соціалъ-демократіи, уменьшается вліяніе самихъ парламентовъ. Архимедъ требовалъ только точки опоры, чтобы своими единоличными усиліями, съ помощью изобрѣтеннаго имъ рычага, перевернуть земной шаръ; но что могутъ значить, въ сравненіи съ силами одного Архимеда, мощныя усилія всего многомилліоннаго пролетаріата, лишенныя единой только прочной точки приложенія силы? Если же такой оцѣнкѣ парламентской дѣятельности с.-демократіи—оцѣнкѣ, столь полно совпадающей со многими приватными объясненіями самихъ Каутскаго и Бебеля—противорѣчатъ оффиціальныя резолюціи, принимаемыя почти на всѣхъ конгрессахъ партіи, то что же это доказываетъ, въ концѣ концовъ, какъ не то, что вся она, какъ оффиціальная политическая партія, лишь испытала на собственномъ психологическомъ опытѣ всю дѣйствительную скользкость парламентскаго паркета... Почему мы съ сугубымъ убѣжденіемъ можемъ лишь повторить, что самое выступленіе ея на законодательномъ поприщѣ, на ряду съ другими политическими партіями, представляло уже компромиссъ съ существующимъ общественнымъ строемъ.

Правда, рѣзкость этого компромисса на самыхъ первыхъ порахъ смягчалась рѣшительнымъ заявленіемъ Либкнехта въ 1869 г.,

сдѣланнымъ тотчасъ же, какъ говорится, съ перваго абцуга, въ рейхстагѣ, что вступилъ онъ въ это буржуазное собраніе лишь затѣмъ, чтобы свободнѣе заниматься революціонной пропагандой съ высоты парламентской трибуны. «Соціализмъ—вскричалъ онъ въ первой же своей рѣчи,—это только вопросъ силы, который, какъ и всѣ вопросы силы, можетъ быть рѣшенъ лишь на полѣ сраженья, и пр.». Однако, очень скоро уже, въ силу «стальной» логики положенія, главнымъ полемъ сраженія для Либкнехта и его друзей сдѣлалось это самое буржуазное собраніе съ его словесными турнирами и побѣдами, соціализмъ же отошелъ совсѣмъ на задній и далекій планъ, удалился въ область «эсхатологической мечты» (пользуясь удачнымъ выраженіемъ г. Бердяева)...

Правда, что и выступивъ на парламентскомъ поприщѣ, соціалъ-демократы еще долго задумывались надъ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ шагомъ подтверждавшимъ этотъ миролюбивый переломъ въ ихъ настроеніи. Они голосовали, напр., первоначально противъ страхованія отъ болѣзней, инвалидности, несчастныхъ случаевъ, даже противъ законодательной охраны труда. И все поведеніе ихъ при этомъ имѣло такой видъ, точно бы они боялись, что рабочій съ обезпеченнымъ существованіемъ отшатнется отъ нихъ, и только отчаявшійся нищій-пролетарій пойдетъ за ними до конца, до той точки, когда будутъ сметены со сцены исторіи послѣдніе остатки капиталистическаго строя, а съ ними—и господство ненавистной буржуазіи. Этотъ страхъ не лишенъ былъ отчасти и резонныхъ, съ ихъ точки зрѣнія, мотивовъ: это была, въ сущности, боязнь, какъ бы свое право соціалистическаго первородства не продешевить за чечевичную похлебку вполнѣ скромнаго буржуазнаго благосостоянія... Неполная основательность этихъ опасеній заключалась развѣ въ томъ, что и чечевичная похлебка давалась не такъ-то легко, и пролетаріату пришлось и приходится еще слишкомъ упорно бороться съ господствующимъ классомъ за каждую крупицу своего благополучія, которую ему удается урвать у буржуазіи. Съ боя достается ему каждый малѣйшій успѣхъ, но за то, съ другой стороны, по мѣрѣ завоеванія и укрѣпленія своихъ позицій на почвѣ существующаго капиталистическаго порядка, пролетаріатъ, дѣйствительно, терялъ всякіе иные побудительные мотивы—кромѣ идеологическихъ—жаждать ниспроверженія этого порядка для замѣны его соціалъ-демократическимъ. И въ этомъ—трагизмъ соціалъ-демократіи, какъ революціонной рабочей партіи...

Впрочемъ, одно только можно сказать тутъ: что не дѣйствующая соціалъ-демократія это положеніе выдумала, а она брала его, такъ сказать, въ готовомъ видѣ изъ рукъ теоретическаго родоначальника партіи. Внимательный читатель «Капитала», этой священной книги соціалъ-демократіи, откроетъ намѣченную выше коллизію въ видѣ трагическаго contradictio in adjecto въ нѣдрахъ того удивительнаго параграфа этой книги, который трактуетъ объ «исторической тен-

денціи капиталистическаго накопленія». Здѣсь мы узнаемъ, что, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, увеличивается масса нищеты, угнетенія, эксплуатаціи и вырожденія, но одновременно и параллельно съ этимъ растетъ, съ другой стороны, и «сопротивленіе рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самаго капиталистическаго производства»... «Противорѣчіемъ въ опредѣленіи» (contradictio in adjecto) мы назвали эту логическую позицію въ томъ отношеніи, что представляется положительно немыслимой, крайне неправдоподобной психологической комбинаціей, чтобы отчаявшаяся раса какихъ-то вырожденцевъ, которую предполагало въ изображеніи Маркса все ухудшающееся положеніе пролетаріата (это—пресловутая Verelendigungstheorie марксизма), способна была не на возстаніе рабовъ, которое бы напоминало античный міръ, а на сознательное завоеваніе новаго и прекраснаго міра, на открытіе новой невиданной эры соціальнаго благополучія... Все это еще имѣло бы свой raison d'être, если бы на всѣ приманки буржуазнаго строя, которыми онъ думаетъ соблазнить рабочихъ, они смотрѣли исключительно, какъ на дары данайцевъ; оно имѣло бы смыслъ, другими словами, только при сознательномъ и принципіальномъ—не говоримъ уже уклоненіи рабочаго класса отъ всякаго компромисса съ существующимъ—но даже, больше того, при чисто-аскетическомъ *воздержаніи* отъ всякихъ доступныхъ ему радостей жизни, при упорномъ съ его стороны нежеланіи улучшать свое матеріальное и моральное положеніе въ предѣлахъ современнаго общества. Ради чего?—вы спросите.—Единственно ради вящаго торжества своихъ экспропріаціонныхъ замысловъ при подготовляемомъ крушеніи (Zusammenbruch) послѣдняго,—въ интересахъ, стало быть, сохраненія въ лучшемъ видѣ и въ полной неприкосновенности потребной для такого дѣла высоты и остроты революціоннаго настроенія... Но объ этомъ что-то ничего не слыхать. Между тѣмъ, разсужденіе Маркса какъ бы является отрицательной инстанціей для доказательства защищаемаго здѣсь положенія: Марксъ послѣ того, какъ почти все предшествующее изложеніе его книги говорило о другомъ, о компромиссахъ, о легальной борьбѣ, о мирномъ развитіи пролетаріата подъ сѣнью капитала, подъ конецъ всетаки выражаетъ свою затаенную мысль, что только нищета, эксплуатація и угнетеніе, ничѣмъ не смягчаемыя и не прикрываемыя, только классовыя противорѣчія, ничѣмъ не притупляемыя и доведенныя до своихъ послѣднихъ предѣловъ, могли бы явиться достаточнымъ побудительнымъ мотивомъ для объявленія вышколеннымъ, объединеннымъ и организованнымъ пролетаріатомъ (предполагая, что для него мыслимо было бы изъ всѣхъ предшествующихъ испытаній выйти таковымъ) безпощадной войны своимъ экспропріаторамъ во имя новаго соціальнаго строя...

Если бы—замѣтили мы въ скобкахъ—для пролетаріата еще

возможно было выйти изъ предпосланныхъ для него Марксомъ испытаній закаленнымъ бойцомъ. А раньше мы прямо усомнились въ таковой психологической возможности для рабочаго класса, доведеннаго до крайней степени нищеты и физическаго вырожденія—на какой нынѣ уже въ дѣйствительности стоятъ отбросы его, называемые Lumpenproletariat'омъ—выступить на арену всемірной исторіи въ роли не просто революціоннаго класса (и это ужъ было бы много!), но еще и класса, имѣющаго открыть для всего человѣчества новую эру соціализма. Съ этой точки зрѣнія для насъ пріобрѣтаетъ особый интересъ статья американскаго писателя В. Гента (въ журналѣ «Jndependent»), который, исходя изъ ряда посылокъ и положеній, даже въ деталяхъ совпадающихъ съ законами капиталистическаго накопленія, начертанными Марксомъ, приходитъ къ выводу—по крайней мѣрѣ, для Америки—что «слѣдующей стадіей въ ея соціально-экономическомъ развитіи явится нѣчто въ родѣ феодализма» (правда, умѣряемаго для автора добродѣтелью и милостью будущихъ феодальныхъ бароновъ). Въ быстромъ ростѣ численности зависимыхъ классовъ, въ феноменальномъ увеличеніи состава этихъ классовъ и въ соотвѣтствующемъ ростѣ могущества, сосредоточеннаго въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ магнатовъ, мы имѣемъ, разсуждаетъ Гентъ, соціально-экономическій строй, содержащій всѣ насущные элементы возрождающагося феодализма: существующія силы влекутъ насъ къ этому режиму съ все возрастающей быстротой («естественно-историч. необходимостью»!). «Такова—говорятъ намъ—нѣсколько видоизмѣненная форма Verelendigungstheorie (теоріи обнищанія), къ которой приходитъ американскій писатель чисто эмпирическимъ путемъ соціологическаго наблюденія,—безъ помощи діалектики и экономическаго анализа создателя этой теоріи» (ст. г. Рубинова: «Промыш. феодализмъ» въ № 2 «Науч. Обозр.» за 1903 г.). И намъ кажется, что выводы американца Гента—даже примѣнительно къ Европѣ—гораздо болѣе оправдываются именно «діалектикой и экономическимъ анализомъ» «Капитала», чѣмъ соціально-революціонные выводы самого Маркса, сопряженные у него, какъ мы показали выше, съ весьма замѣтными нарушеніями логики и послѣдовательности мысли.

Не забѣгая, впрочемъ, впередъ, подчеркнемъ лишь принципъ, что все поведеніе пролетаріата на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ можетъ быть охарактеризовано только, какъ переломъ теоріи въ сторону практики, какъ измѣна чистотѣ первоначальной догмы въ пользу непосредственныхъ интересовъ рабочихъ массъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и непосредственнаго интереса самой доктрины, которая пріобрѣгала такимъ путемъ, цѣной этого рода самоотреченія, новые и многочисленные кадры послѣдователей и прозелитовъ...

Считаемъ нужнымъ оговориться, что о какомъ-либо переломѣ въ настроеніи самихъ рабочихъ массъ, о разрывѣ съ тѣмъ прош-

лымъ, которое олицетворялось для нихъ въ «Коммунистич. Манифестѣ» (и отчасти еще, въ видѣ несогласованнаго съ цѣлымъ и волочащагося за нимъ революціоннаго придатка, въ «Капиталѣ»)— не можетъ быть и рѣчи. Пролетаріатъ остается всегда вѣренъ себѣ, хочетъ всегда одного и того же: уменьшенія своихъ нескончаемыхъ страданій. Иначе онъ не былъ бы страждущей массой. Немыслимо, чтобы пролетаріатъ представлялъ собой армію львовъ. Вышколенный капиталомъ, пролетаріатъ не есть только пролетаріатъ объединенный и организованный классовой дисциплиной, какъ требуется теоріей «Капитала», но и классъ, подвергшійся своеобразной разслойкѣ на представителей квалифицированнаго труда съ ихъ дальнѣйшими подраздѣленіями и дифференцировками; далѣе, классъ, въ среду котораго внесено въ извѣстномъ смыслѣ дезорганизующее начало разновременными и частичными битвами за улучшеніе условій труда. Можно бы сказать, такимъ образомъ, что какъ не существуетъ цѣльнаго и единаго крестьянства, такъ нѣтъ цѣльнаго и единаго пролетаріата, даже съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ; что же касается степени сознательности вообще и классового самосознанія въ частности, то можно въ средѣ того же рабочаго класса найти всевозможные переходы отъ полной интеллигентности, сливающейся незамѣтными ступенями съ собственно руководящими интеллигентскими элементами партіи, до той стихійной массы, которая мало чѣмъ возвышается надъ уровнемъ аналогичныхъ слоевъ народа въ предшествующіе періоды исторіи. Положенія эти находятъ себѣ до извѣстной степени подтвержденіе и у Каутскаго. «Самъ пролетаріатъ—пишетъ онъ въ 1902 г.—не отличается достаточной сплоченностью, не представляетъ изъ себя въ достаточной степени однородной массы. Пролетаріатъ распадается, какъ извѣстно (т. е. какъ извѣстно и Каутскому), на различные слои,—различные по ходу ихъ развитія, по ихъ традиціямъ, по степени ихъ духовнаго и экономическаго развитія» («Соц. реформа и пр.», с. 97)...

Со времени выборовъ въ рейхстагъ 1903 г., германскіе соціалисты любятъ хвалиться 3 милліонами поданныхъ за нихъ голосовъ, но, въ сущности, они и сами не обманываются насчетъ внутренней, идейной цѣнности этого количественнаго роста ихъ приверженцевъ *). Не думаемъ и мы, чтобы положеніе дѣлъ въ этомъ

*) Здѣсь дѣло идетъ еще о выборахъ 1903 г. Статья эта была написана до того, какъ стали извѣстны результаты выборовъ 25 января 1907 г. Жестокое пораженіе, понесенное на нихъ соціалъ-демократіей, только подтвердило, какъ въ сущности не прочны еще корни ея въ народныхъ массахъ и, въ частности, какъ непомѣрно вздута была цифра въ 3 мил. голосовъ, поданныхъ за нее въ 1903 г. Наибольшее опустошеніе партія испытала въ главномъ своемъ очагѣ, въ Саксоніи, откуда въ 1903 г. она послала въ рейхстагъ 21 депутата, и изъ нихъ потеряла сейчасъ 13. Но не столько уменьшеніе числа мандатовъ, сколько потеря нѣсколькихъ десятковъ тысячъ

отношеніи существенно измѣнилось, хотя бы съ начала 90-хъ гг. прошлаго столѣтія, когда на одномъ изъ партейтаговъ (кажется, берлинскомъ) Бебель какъ-то обмолвился, что въ сущности вовсе нѣтъ необходимости каждому соціалъ-демократу понимать программу: ее достаточно только признавать...

Много останавливаться на оцѣнкѣ такой формулы не прихо-

голосовъ является для нея особенно чувствительной и симптоматичной. По этому поводу мѣстный партійный органъ—„Leipziger Volkszeitung"—меланхолически замѣчаетъ, что „именно въ *красномъ королевствѣ* не должно было бы имѣть мѣсто даже ничтожнѣйшее уменьшеніе (Abbröckelung) с.-д. голосовъ". Крайне наивное замѣчаніе, если принять во вниманіе окончательно выяснившійся теперь фактъ, что добрая часть этихъ голосовъ уже на выборахъ 1893, 1898 и 1903 г.г. принадлежала такъ называемымъ въ Германіи случайнымъ „попутчикамъ" (Mitläufer), вотировавшимъ за соціалъ-демократію по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главною и основною можно считать отсутствіе въ Германіи, по историческимъ ея условіямъ, какой-либо другой ярко-оппозиціонной политической партіи. Викторъ Адлеръ, въ вѣнской „Arbeiterzeitung", сознается, напр., что колоссальный успѣхъ соціалъ-демократіи въ 1903 г. явился выраженіемъ не только ея собственной силы, но и безсилія буржуазныхъ партій. „Люди со стороны и не подозрѣваютъ—пишетъ онъ,—что въ этомъ успѣхѣ крылись уже задатки нынѣшняго неуспѣха; отъ внимательныхъ глазъ и тогда уже не могли ускользнуть слабыя мѣста этого тріумфа. Были побѣды, которыя смахивали на пораженія, были и такія, которыя для посвященныхъ въ дѣло явились непостижимымъ сюрпризомъ и т. д." И, дѣйствительно, кто только не голосовалъ въ 1903 г. за соціалъ-демократовъ: профессора и студенты, врачи и художники, даже купцы и чиновники, занимавшіе довольно видныя мѣста на служебной лѣстницѣ... Все это теперь отхлынуло отъ партіи въ припадкѣ какого-то „соціалистическаго испуга" („Socialistenschreckens", по выраженію Каутскаго), на который надо полагать, не безъ вліянія остались и революціонныя событія въ Россіи. Въ связи съ этимъ находится и та интересная особенность выборовъ 1903 г., что трехмилліонная побѣда соціалъ-демократической партіи была, въ сущности, политической побѣдой ея самой умѣренной части—ревизіонистовъ, на что повидимому, и намекалъ выше Адлеръ, говоря о „побѣдахъ, смахивавшихъ на пораженія". Ортодоксы хорошо понимали это съ самаго начала, и имъ оставалось только придраться къ первому случаю, чтобы свести свои счеты съ ревизіонизмомъ. Бернштейнъ далъ этотъ желанный поводъ своимъ безтактнымъ предложеніемъ парламентской фракціи принять участіе въ президіумѣ. На дрезденскомъ партейтагѣ бернштейніанцы были побѣждены и должны были смиренно голосовать за вынесенныя противъ нихъ же резолюціи; но они уже заранѣе взяли свой реваншъ отъ партіи, такъ какъ духъ ревизіонизма успѣлъ давно проникнуть всю ея практику и всѣ программные проспекты партіи...

Теперь стараются найти утѣшеніе въ несчастіи и даже выражаютъ „глубокую благодарность за спасительный урокъ". Но если партія имѣетъ дѣйствительныя основанія быть *благодарной* нынѣшному своему пораженію, то въ такомъ же развѣ смыслѣ, въ какомъ Бебель за 20 лѣтъ до того—послѣ несчастныхъ выборовъ 1887 г., которые одни могутъ идти въ сравненіе съ испытаннымъ только что проваломъ—*радовался* факту уменьшенія числа соціалъ-демократическихъ представителей въ рейхстагѣ, какъ избавлявшему партію отъ „соблазна играть въ государственную дѣятельность".

дится. И пусть намъ не говорятъ, что это лишь случайная обмолвка и что не всякое лыко нужно ставить въ строку. Нѣтъ, это афорическое замѣчаніе имѣетъ за собою цѣлую теорію, которую коротко резюмировалъ, по обыкновенію, «ангелъ школы» Каутскій, главный изъ живущихъ теоретиковъ марксизма, въ объясненіе такого рода необычайнаго распространенія идей, служащихъ интересамъ возвышающихся классовъ общества. «Оттого и происходитъ,—замѣчаетъ онъ въ своемъ «Thomas More», въ объясненіе того восторженнаго пріема, какой былъ оказанъ «Утопіи» послѣдняго при самомъ ея появленіи—что опредѣленныя идеи оказываютъ дѣйствіе только при извѣстныхъ условіяхъ, а разъ эти условія даны, идеи принимаются съ энтузіазмомъ, часто безъ болѣе глубокой провѣрки, какъ сами собой разумѣющіяся» (217). И это относится, замѣтьте, столько же къ соціализму Томаса Мора, какъ и нашего времени. По крайней мѣрѣ, въ своемъ предисловіи къ книгѣ Атлантикуса: «Взглядъ на государство будущаго» тотъ же Каутскій отмѣчаетъ, какъ обстоятельство совсѣмъ «не случайное», что изъ двухъ произведеній соціалистической литературы XIX в., получившихъ самое широкое распространеніе—авторъ имѣетъ въ виду извѣстное произведеніе Беллами: «Looking backward» и «Die Frau» Бебеля – первое представляетъ романъ изъ жизни будущаго общества, а второе отличается особеннымъ обиліемъ и наглядностью содержащихся въ немъ изображеній будущаго. Откуда мы совершенно, кажется, вправѣ заключить, что за тѣ безъ малаго четыре столѣтія, которыя протекли съ момента выхода въ свѣтъ «Утопіи» Томаса Мора (1518 г.) до нашихъ дней, въ отношеніи рабочихъ массъ къ соціализму по существу ничего не измѣнилось: такъ же мало въ немъ (въ этомъ отношеніи) теперь, какъ и тогда, ясной, истинной сознательности, столь же много, наоборотъ, безотчетности инстинктивнаго тяготѣнія. Словомъ, теперь, какъ и тогда, отношеніе массъ къ соціализму почти вполнѣ исчерпывается этими двумя характеристичными чертами: *безъ критики*, но *съ энтузіазмомъ*, иначе сказать: съ энтузіазмомъ въ кредитъ...

Какъ бы то ни было, для насъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что выраженіе *героическій пролетаріатъ*, которое вы встрѣтите нерѣдко въ агитаціонныхъ соціалъ-демократическихъ листкахъ и которое выражаетъ едва ли не широко распространенное теоретическое убѣжденіе въ средѣ партіи, заключаетъ въ себѣ слишкомъ большой элементъ лести и самообмана: онъ создаетъ фикцію массовой и неразрывно сплоченной героической силы, устремленной на сознанныя и опредѣленныя конечныя цѣли, а затѣмъ другую фикцію—возможности непосредственнаго перехода къ этимъ идеальнымъ цѣлямъ. Но все вышеприведенное въ самомъ корнѣ подрываетъ подобное допущеніе, обнаруживая именно всю фиктивность, мало того, всю вопіющую фантастичность его. Да и a priori, если бы мы имѣли тотъ рабочій классъ, о которомъ говорятъ упомяну-

тые листки, то никакого собственно рабочаго вопроса не должно было бы возникать, никакая революція въ пользу пролетаріата не была бы необходима, потому что это ужъ само по себѣ было бы величайшей моральной и вмѣстѣ соціальной революціей, какую когда-либо видѣло человѣчество. Если же соціальный вопросъ есть, если онъ возникъ теперь такъ же, какъ онъ возникалъ и развивался во всѣ предшествующія критическія эпохи исторіи, то это значитъ, что ничего и до сихъ поръ не измѣнилось въ основномъ построеніи исторіи и въ положеніи, такъ называемыхъ, низшихъ слоевъ населенія, какъ жертвъ эксплуатаціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *объектовъ* рабочаго вопроса. Понятіе о такой соціальной революціи, которая лишена была бы существеннаго элемента «массовидности», т. е. въ коей не было бы объективныхъ массъ, во имя которыхъ революція совершается, представляется намъ прямо таки самопротиворѣчивымъ... Энгельсъ выразилъ и болѣе глубокую, и болѣе фатальную мысль, чѣмъ онъ самъ предполагалъ, когда онъ бруно-бауэровской «критической критикѣ» съ ея культомъ горсточки избранниковъ противопоставилъ понятіе «массовидной» исторіи... Но если понятіе это исключаетъ горсть избранныхъ въ смыслѣ умственной и противополагающейся массѣ аристократіи, то оно тѣмъ самымъ укрѣпляетъ иного рода избранничество, именно — выдающихся «критически-мыслящихъ» или правдоискательствующихъ личностей, несущихъ впереди массъ ярко-пылающій факелъ соціальнаго идеала...

Если мы обратимся къ современному рабочему движенію, то впереди его идутъ организованные кадры пролетаріата, которые образуютъ какъ бы почетную гвардію и авангардъ рабочаго класса, въ свою очередь предводительствуемые и направляемые, какъ бы своей головой, собственно интеллигенціей, интеллигентнымъ или мыслящимъ пролетаріатомъ, который самъ по себѣ, въ классовомъ смыслѣ, составляютъ лишь разночинную общественную группу, но не классъ. Замѣчаніе это мы дѣлаемъ въ особенности потому, что у господъ, прошедшихъ умственную школу Маркса, все еще наблюдается какая-то застарѣлая теоретическая злопамятность противъ интеллигенціи и интеллигентовъ, заставляющая говорить какъ бы съ ироническимъ подчеркиваніемъ не только объ интеллигентскихъ партіяхъ вообще, но даже спеціально объ интеллигентскихъ марксистахъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что и независимо отъ теоретическихъ предразсудковъ имѣются, по видимому, довольно основательныя практическія причины для жалобъ въ этомъ направленіи. Вотъ и г. Плехановъ, оплакивая безотрадное внутреннее состояніе русской соціалъ-демократической партіи, разрываемой на части самыми серьезными тактическими и даже программными разногласіями, настаиваетъ на томъ, что внутрипартійный миръ останется несбыточной мечтой, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока судьба россійской с.-д. *рабочей* партіи останется въ рукахъ «*интеллигентовъ*»... Все это, однако, не можетъ

заслонить отъ насъ значенія того вполнѣ реальнаго факта, ни для кого, впрочемъ, секрета не составляющаго, что именно «интеллигенты» задаютъ настоящій тонъ марксизма даже на Западѣ, гдѣ программы и тактическіе пріемы вырабатываются теоретиками-вожаками, разсматриваются, дебатируются и исправляются на собраніяхъ и партейтагахъ, въ которыхъ руководящая роль, въ сущности, выпадаетъ опять же таки интеллигентамъ-теоретикамъ по преимуществу. «Интеллигенты» это истинные теоретическіе вдохновители массъ: отъ этого положенія вы какъ ни вертитесь, не уйдете никуда *). Въ Германіи въ особенности, при раздѣленіи партійныхъ функцій и происшедшемъ обособленіи теоретическаго мышленія отъ партійной агитаціи и пропаганды собственно, интеллигенты состоятъ въ этой роли какъ бы по оффиціально признанному праву: здѣсь умственные работники спеціально вознаграждаются партіей, что, какъ извѣстно, породило даже въ нѣдрахъ послѣдней тяжелые споры и дрязги по вопросу о размѣрахъ партійнаго жалованья...

Вопросъ этотъ касается не только нѣкоторыхъ «академиковъ», но и—говоритъ Каутскій,—довольно большого круга товарищей, почти всѣхъ, кто занимаетъ въ партіи выдающееся положеніе въ качествѣ редакторовъ, издателей, сотрудниковъ газетъ и журналовъ, членовъ парламента и т. д. Гдѣ не хватаетъ необходимыхъ средствъ, тамъ—поясняетъ Каутскій—прежде всего дѣлаютъ экономію на содержаніи редакторовъ, издателей и др., по этому поводу врядъ ли существуютъ различныя мнѣнія. Но съ другой стороны—и въ этомъ для насъ заключается главный интересъ вопроса—всѣ разумные люди партіи согласны, что тамъ, гдѣ необходимыя средства имѣются, интересы самой партіи требуютъ, чтобы и «работающимъ головой» дана была возможность вести скромно-буржуазный образъ жизни, а не пролетарскій. Только въ этомъ случаѣ «работающіе головой» могутъ вполнѣ развить свою дѣятельность и дать лучшее, на что способны» (Интеллигенція и пролетаріатъ» с. 8—9)...

Нельзя, думаемъ, рельефнѣе, чѣмъ это сдѣлано невзначай въ приведенныхъ немногихъ строкахъ, подчеркнуть, чѣмъ является соціалъ-демократическая интеллигенція для рабочей партіи, даже

---

*) Мы не говоримъ уже о тѣхъ далекихъ фазахъ въ исторіи европейскаго рабочаго движенія, какъ Интернаціоналъ съ диктатурой въ немъ Карла Маркса. Правда, на этой почвѣ и произошло распаденіе Интернаціонала. Г. Луначарскій, посвятившій этой страничкѣ изъ исторіи рабочаго движенія на Западѣ статью въ „Образованіи" (11—12 кн. 1905 г.),—коротко говоритъ о роли Маркса въ Интернаціоналѣ: „къ несчастью, диктатура эта (Маркса) основывалась на глубокой учености и геніальной проницательности Маркса; бунтъ противъ Маркса означалъ бунтъ противъ дѣйствительности, противъ логики движенія"... (с. 28). Такимъ образомъ, логика рабочаго движенія, по крайней мѣрѣ въ періодъ существованія Интернаціонала, отождествляется съ диктатурой „глубокой учености и геніальной проницательности" отдѣльной великой личности!

на Западѣ... А если такъ обстоитъ на Западѣ, то у насъ и подавно. Зачатокъ германской соціалъ-демократіи — лассальянскій союзъ — родился, какъ ни какъ, на рабочемъ съѣздѣ, принявшемъ лассальянскую программу. Французская соціалъ-демократія также родилась на съѣздѣ французскихъ рабочихъ синдикатовъ: съѣздъ попросту санкціонировалъ программу Гэда—и массовая рабочая партія была готова. Въ Бельгіи, при самомъ своемъ образованіи, которое состоялось опять таки на конгрессѣ всѣхъ соціалистическихъ рабочихъ союзовъ въ апрѣлѣ 1885 г., она прямо была окрещена названіемъ Parti Ouvrier, на томъ, формулированномъ коллективистомъ де-Пепомъ основаніи, что «когда рабочій классъ организуется въ партію, ему вовсе не нужно называть ее соціалистической или республиканской»... Въ большей или меньшей степени, въ томъ или другомъ видѣ, то же самое происходило во всѣхъ государствахъ Европы, въ которыхъ только складывались соціалистическія партіи—вездѣ, кромѣ Россіи. Условія же абсолютистски-полицейскаго государства въ нашемъ отечествѣ, подавляя въ корнѣ или извращая до уродливости всѣ рабочія организаціи, не дали развиться у насъ соціалъ-демократической партіи, хотя бы по примѣру Запада. Въ этомъ—какъ съ грустью констатируютъ сами наши соціалъ-демократы—причина слабости этой партіи, источникъ всѣхъ партійныхъ золъ и бѣдствій, вплоть до пресловутаго раскола «большинства» и «меньшинства», который временами такъ сильно напоминаетъ знаменитый расколъ въ Интернаціоналѣ, въ концѣ концовъ приведшій къ полному крушенію его *). «Разъ партія — писала газета «Начало» (№ 6) — состоитъ

*) Прочтите въ „Дневникѣ В. Г. Плеханова" (№ 8) его доводы противъ чрезвычайнаго партійнаго съѣзда, котораго добиваются „большевики" въ видахъ заполученія въ свои руки „дирижерской палочки" и упраздненія результатовъ послѣдняго партійнаго съѣзда, на которомъ они оказались въ меньшинствѣ,—и сравните все это, хотя бы, у Г. Іекка („Интернаціоналъ") со страницами, посвященными событіямъ, послѣдовавшимъ за гаагскимъ конгрессомъ и перенесеніемъ генеральнаго совѣта изъ Лондона въ Нью-Іоркъ (с. с. 215 и слѣд.), когда представители „большинства" (такъ назыв. сецессіонисты Интернаціонала) настаивали на созывѣ въ Лондонѣ новаго конгресса для отмѣны резолюцій, только что принятыхъ въ Гаагѣ, а мнимое „меньшинство" прислало протестъ противъ предполагавшагося конгресса,—и вы не сможете не поразиться фактомъ повторяемости исторіи... Когда Ленинъ увѣряетъ въ своей полной „душевной" готовности къ объединенію съ „меньшевиками", а Плехановъ смѣется, что Ленинъ „стремится къ этому объединенію, какъ голодный человѣкъ стремится къ объединенію съ кускомъ хлѣба, т. е. хочетъ съѣсть его", и вообще когда мы слышимъ другія препирательства въ томъ же личномъ родѣ, мы вспоминаемъ опять, какъ по поводу вышеупомянутаго гаагскаго конгресса Интернаціонала, „сецессіонисты" жаловались, что Гаага была избрана единственно затѣмъ, чтобы облегчить прибытіе изъ Лондона возможно большему числу делегатовъ, преданныхъ политикѣ генеральнаго совѣта (т. е. Маркса), и, напротивъ, затруднить пріѣздъ на конгрессъ делегатовъ отдаленныхъ федерацій, для Бакунина же сдѣлать его и со-

изъ небольшихъ сравнительно группъ организованныхъ рабочихъ и интеллигентовъ, а рабочая масса—лишь матеріалъ для воздѣйствія партіи, всегда есть возможность несогласно мыслящему меньшинству выйти изъ подчиненія партійному большинству и т. д.» Такъ писало «Начало», призывая къ объединенію партіи на основѣ ея широкой демократизаціи при едва народившейся на Руси «свободѣ»; но мы знаемъ, что отмѣченное газетой зло, усугубленное и сконденсированное у насъ въ Россіи при дореволюціонныхъ условіяхъ ея существованія—это зло мѣтко охарактеризованное одной фразой: «рабочая масса—лишь матеріалъ для воздѣйствія партій»—зависитъ не отъ внѣшнихъ условій развитія партійной жизни, а отъ самаго существа соціалъ-демократіи, какъ партіи, заступницы интересовъ широкихъ рабочихъ слоевъ *)...

Предшествующія слишкомъ схематическія замѣчанія, которыми мы пытались опредѣлить отношеніе партіи къ рабочимъ массамъ, равно какъ и тѣ причины, которыя обусловливаютъ собой непреодолимое тяготѣніе послѣднихъ къ соціалъ-демократической партіи, требуютъ болѣе абсолютнаго развитія, которому умѣстно будетъ предпослать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о значеніи крайняго соціальнаго момента въ исторіи вообще.

Во всѣ эпохи исторіи рабочій классъ, какъ таковой, всегд устремлялся подъ знамя коммунизма, которое сулило ему осуществленіе его завѣтныхъ желаній. Трудящіяся массы оказываются соціалистичными въ силу всѣхъ условій своего матеріальнаго существованія, въ силу всѣхъ потребностей своего нравственнаго существа; оттого онѣ такъ легко и склоняются къ соціализму, оттого такъ доступны соціалистической проповѣди, что онѣ носятъ ком-

---

вершенно невозможнымъ и т. п. (См. въ № 8 „Былого" за 1906 г. біографическій очеркъ Жемса Гильома о Бакунинѣ, с. 249). Это не просто внѣшнія или поверхностныя совпаденія, и если отбросить личные счеты и честолюбіе (напр., въ Интернаціоналѣ элементъ „диктатуры" К. Маркса или конфликта двухъ диктатуръ: его и Мих. Бакунина), то окажется, что въ основаніи борьбы двухъ фракцій въ обоихъ случаяхъ лежатъ, несомнѣнно, однородныя идейныя пружины: борьба анархіи или аполитизма (бакунисты, наши современные „большевики") противъ государственности (марксисты Интернаціонала, „меньшевики").

*) При всемъ своемъ высокомъ уровнѣ самосознанія нигдѣ—ни у насъ, ни на Западѣ—пролетаріи не могутъ похвалиться еще тѣмъ, что такъ просто, наивно-естественно выходитъ теперь у нашихъ „темныхъ" деревенскихъ мужичковъ.—„У насъ въ 11 уѣздахъ организаціи—гольные крестьяне. Только теперь стали интеллигенцію привлекать, да она идетъ туго—говорилъ одинъ изъ ораторовъ на первомъ (тайномъ) московскомъ съѣздѣ крестьянъ.- Если намъ соединиться съ нашими учеными братьями изъ интеллигентовъ, то едва ли найдется сила, которая передъ нами не уступитъ"—говорилъ другой делегатъ, безрукій, деревенскій самородный теоретикъ... (Танъ „Изъ крестьянскихъ настроеній", Р. Б., октябрь 1905 г.).

мунизмъ въ себѣ, въ глубинѣ своихъ инстинктовъ, хотя въ то же самое время эта инстинктивность потребностей и заставляла ихъ льнуть ко всякому политическому знамени, которое сулило имъ избавленіе отъ бѣдствій или хоть нѣкоторое облегченіе въ ихъ нищетѣ, въ ихъ вѣковомъ рабствѣ. Это до того справедливо, до такой степени разумѣется само собою, что одна наличность бѣдствующихъ народныхъ массъ въ самыя разнообразныя эпохи исторіи приводила къ возникновенію коммунистическихъ теченій. Примѣръ другой—изъ источника, вполнѣ для насъ въ данномъ случаѣ компетентнаго. Въ городахъ Италіи и южной Франціи пролетаріатъ никогда не переводился; здѣсь прежде всего онъ «сдѣлался соціальнымъ факторомъ и потому, *вполнѣ естественно*, что въ средніе вѣка именно здѣсь проявились первыя коммунистическія стремленія». Или взять первые вѣка христіанства съ ихъ неудачными попытками осуществить коммунизмъ: «...но тѣ самыя условія, которыя исключили возможность сдѣлать коммунизмъ постояннымъ состояніемъ общества, создавали все большее число пролетаріевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно поддерживали потребность въ коммунистическомъ строѣ» и т. д. (К. Каутскій: «Изъ исторіи общественныхъ теченій», Спб. 1905, с. с. 117, 118). Потребность эта и сказывалась впослѣдствіи при каждомъ значительномъ народномъ движеніи, при каждой крупной политической революціи, какія бы скромныя задачи ни ставила себѣ послѣдняя; однимъ словомъ, эта потребность и питаемые ею идеалы неотступно сопутствовали каждому критическому моменту исторіи въ полной независимости отъ реальнаго смысла его. Во всѣхъ такихъ случаяхъ трудовыя массы, вдохновляемыя своими вожаками, людьми крайняго соціальнаго направленія, являлись опредѣляющимъ моментомъ всѣхъ реальныхъ успѣховъ, достигнутыхъ каждый разъ человѣчествомъ. Соціальные идеалы, разработанные до наивысшей степени осязательности отдѣльными мыслящими и правдоискательствующими личностями изъ среды ли самого народа или господствующихъ классовъ и зароненными ими въ среду народную, являлись могучимъ ферментомъ, приводившимъ массы въ чрезвычайное броженіе; благодаря послѣднему обстоятельству, только и удавалось приступомъ брать у исторіи даже то, что она вообще могла и готова была дать въ тотъ или иной моментъ, хотя бы окончательные результаты, достигнутые мучительной и большей частью кровавой борьбой, были очень далеки отъ того, во имя чего ратовали, бились, отдавали себя на закланіе массы. Пусть идеалы были поруганы, осмѣяны, пусть жизнь, даже въ ея новыхъ формахъ, не представляла и намека на осуществленіе хотя бы отдаленнымъ образомъ того, что выставлялось на народномъ знамени, пусть побѣдили «реальныя общественныя отношенія», реальные классовые интересы, но они *могли* побѣдить, только благодаря наличности и активному воздѣйствію крайнихъ соціальныхъ иде-

аловъ въ той борьбѣ, изъ которой вышли всѣ пріобрѣтенія исторіи. «Если оставить въ сторонѣ конкретное содержаніе всѣхъ этихъ революцій, ихъ общей формой останется то, что онѣ всѣ были революціями меньшинства... Участіе въ нихъ большинства или одна уже пассивность его какъ бы дѣлали меньшинство представителемъ всего народа. Послѣ перваго крупнаго успѣха среди побѣдоноснаго меньшинства обыкновенно происходилъ расколъ; одна часть довольствовалась достигнутымъ, другая хотѣла идти дальше, ставила новыя требованія, которыя, по крайней мѣрѣ отчасти, соотвѣтствовали дѣйствительнымъ или мнимымъ интересамъ народной массы... Въ дѣйствительности дѣло обстояло въ большинствѣ случаевъ такъ: результаты первой побѣды упрочивались только второй побѣдой, побѣдой болѣе радикальной партіи, а послѣ этого радикалы и ихъ успѣхи снова исчезали со сцены (Изъ введенія къ «Классовой борьбѣ, с. 7). И каждая волна народнаго движенія—движенія «большинства»—поднималась и падала, въ зависимости отъ надеждъ, которыми въ началѣ его питалась рабочая масса, и дальнѣйшихъ разочарованій, которыя постигали эти вѣчныя надежды и ожиданія.

Въ этомъ лежитъ, между прочимъ, и тайна первоначальнаго успѣха и послѣдующаго распада Интернаціонала. Въ глазахъ пробуждающагося пролетаріата онъ являлся на первыхъ порахъ геніемъ предстоящей революціи, которая приведетъ къ конечному соціальному перевороту; отъ него ожидали въ ближайшее время потрясающихъ революціонныхъ чудесъ. Въ пылающей Коммунѣ Парижа, на сторону которой открыто сталъ генеральный совѣтъ Интернаціонала, рушилась эта вѣра въ чудеса, и когда исчезъ окружавшій его ореолъ, дезорганизующія тенденціи внутри Интернаціонала стали брать вверхъ (Іеккъ: «Интернаціоналъ»). Миссія Международнаго общества потомъ возродилась въ видѣ ряда національныхъ организацій пролетаріата, съ германской соціалъ-демократіей въ центрѣ,—организацій, которыя вновь прошли чрезъ ту же чреду преувеличенныхъ ожиданій и послѣдовательныхъ разочарованій. Либкнехтъ образно охарактеризовалъ эту преемственность на первомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, открывшемъ собою серію конгрессовъ новаго Интернаціонала (1889 г.): «Мученическая кровь Коммуны была революціоннымъ сѣменемъ. Мощно усилилось повсюду, особенно въ Германіи, рабочее движеніе, хотя буржуазія была увѣрена, что навѣки потопила его въ потокахъ крови и клеветъ». И когда неумолчно вновь зазвучалъ набатъ, призывавшій рабочій классъ къ освобожденію себя и всего человѣчества изъ цѣпей капиталистическаго рабства, когда ему съ непререкаемой «научностью» было доказано, что въ грядущемъ переворотѣ терять ему рѣшительно нечего, а выиграть можно, наоборотъ, все,—то какъ же было рабочему классу не откликнуться на этотъ зовъ, точно подслушанный въ глубинѣ его собственной

изстрадавшейся души. И онъ откликнулся, и этотъ откликъ составилъ великую силу международной соціалъ-демократіи...

Такими посулами,—«потери цѣпей и завоеванія цѣлаго міра»—соціалъ демократія привлекла къ себѣ пролетаріатъ въ свои первые лучшіе годы радостной юности и свойственной ей горячей вѣры. Когда же дѣйствительность принесла вновь жесточайшій разгромъ этихъ мечтаній о тысячелѣтнемъ царствѣ соціализма, то вернуть себѣ обманутое (конечно, невольно обманутое) довѣріе рабочихъ массъ можно было только совершенной перемѣной тактики, фактическимъ (на зло оффиціальнымъ завѣреніямъ) отказомъ отъ того, что обыкновенно называютъ конечной цѣлью соціализма, и водвореніемъ, хотя бы и оффиціально не санкціонированнымъ, на ея мѣсто такъ называемаго «соціалъ-демократическаго метода борьбы съ неизбѣжностями капиталистическаго развитія», или иначе еще—«ближайшихъ задачъ соціалъ-демократіи». Служеніе ближайшимъ и непосредственнымъ нуждамъ рабочихъ сдѣлалось отнынѣ дѣйствительнымъ лозунгомъ соціалъ-демократіи, необыкновенно высоко поднявшимъ ореолъ партіи и, главнымъ образомъ, на этой стадіи и привлекшимъ къ ней сердца рабочихъ.

Самое интересное при этомъ, что партія вовсе и не думаетъ скрывать отъ себя или другихъ истинныхъ, да и для всякаго видимыхъ пружинъ своего успѣха въ средѣ рабочихъ массъ на почвѣ спекулированія ближайшими нуждами или бѣдственнымъ положеніемъ огромныхъ массъ населенія. Объ этомъ она свидѣтельствовала неоднократно и по всякимъ поводамъ, какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ различнаго рода рабочихъ собраніяхъ, устами своего главнаго толмача, Августа Бебеля—по преимуществу.

Въ одной изъ своихъ старыхъ парламентскихъ рѣчей *), напр., перечисливъ ближайшія заслуги соціалъ-демократіи передъ нѣмецкимъ рабочимъ, Бебель заканчиваетъ эту часть своего изложенія такого рода характернымъ и глубоко знаменательнымъ признаніемъ: «И именно то обстоятельство, что во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ мы выступали практически, что мы, *безъ всякаго ущерба для нашего прежняго принципіальнаго штандпункта* въ отношеніи къ существующему государственному и общественному порядку, старались также и на почвѣ этого самаго общественнаго порядка выступать за улучшеніе положенія рабочихъ классовъ, главнымъ образомъ и повело за собой, что соціалъ-демократія пріобрѣла ту огромную массу приверженцевъ (Anhängerschaft) среди германскаго рабочаго населенія, какую она имѣетъ теперь»...

Точно ли это выйдетъ—«безъ всякаго ущерба для нашего прежняго принципіальнаго штандпункта»—объ этомъ, какъ говорится, исторія умалчиваетъ, хотя, правда, чрезмѣрная предупреди-

*) Вышла недавно въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «О соціалъ-демократическомъ государствѣ будущаго».

тельность этой оговорки наводитъ на скептическія размышленія... Напротивъ, все заставляло бы думать, что практически подвизаться «на почвѣ существующаго общественнаго порядка» возможно только и именно съ *полнымъ ущербомъ для* такого «принципіальнаго штантпункта», который и логически, и исторически исключалъ всякіе такіе практическіе сдѣлки и компромиссы—der heutigen Staats-und Gesellschaftsordnung gegenüber, и что противное должно было бы оказываться невозможнымъ даже для великаго оратора.

Правду сказать, тутъ нѣтъ опять-таки никакой вины лично Бебеля, который лишь въ этой замысловатой и неперевариной формулѣ сконцентрировалъ въ нѣкоторомъ родѣ всю квинтъ-эссенцію «Капитала». Фактъ замѣчательный и неоспоримый, что на протяженіи всей этой фундаментальной книги марксизма читатель, къ удивленію своему, попеременно находитъ у ея автора, наподобіе древняго Януса, два различныхъ и даже во многомъ противоположныхъ лика. Изъ нихъ одинъ все еще, какъ въ 1848—49 гг., грозитъ буржуазіи кровавымъ призракомъ коммунистической революціи, восклицая: «мы безпощадны и не желаемъ никакой пощады отъ васъ», а другой старается внушить господствующимъ классамъ (какъ говорится въ предисловіи), что, «отвлекаясь отъ высшихъ мотивовъ, ихъ же существеннѣйшіе интересы требуютъ устраненія всѣхъ легальныхъ препятствій, мѣшающихъ развитію пролетаріата», т. е. другими словами, косвенно и обѣщаетъ, и проситъ *пощады*. Одними устами Марксъ сметаетъ съ лица земли самую буржуазію, а другими старается смести лишь тѣ «неизбѣжности развитія», которыя являются препятствіемъ къ мирному развитію пролетаріата совмѣстно съ промышленнымъ и общественнымъ процвѣтаніемъ буржуазіи. Впрочемъ, въ «Капиталѣ» діалектика эта происходитъ скорѣе въ обратномъ порядкѣ: ибо перво-на-перво тотъ ликъ, который смотритъ въ прошедшее, вступаетъ въ компромиссъ съ старымъ, или, вѣрнѣе, ветхимъ и «разрушающимся» міромъ для мирнаго отвоеванія у него скромныхъ Magnae Chartae всевозможныхъ законодательныхъ ограниченій капитала, другой же, обращенный въ сторону будущаго и соотвѣтственно этому идеально вырисовывающійся въ концѣ книги, настойчиво продолжаетъ твердить старые, выдохшіеся, потерявшіе свой реальный, жизненный смыслъ и сохранившіе одно лишь декоративное значеніе Zusammenbruchs-лозунги и пророчить по прежнему неизбѣжную гибель буржуазіи и побѣду пролетаріата... Съ другой точки зрѣнія, мы уже указывали выше на какой-то порочный кругъ, въ которомъ все время движется читатель Маркса вмѣстѣ съ его «Капиталомъ», гдѣ увеличивающійся вмѣстѣ съ ростомъ нищеты, угнетенія и пр. ростъ сопротивленія рабочаго класса долженъ неминуемо привести къ экспропріаціи, и тотъ же ростъ сопротивленія во имя избавленія по мѣрѣ возможности отъ нищеты, угнетенія и пр., а значитъ и во имя смягченія и притупленія классовыхъ противорѣчій уже въ

предѣлахъ современнаго капиталистическаго общества, отнимаетъ у перваго сопротивленія, направленнаго на экспропріацію экспропріаторовъ, всякій мало-мальски законный предлогъ и raison d'être...

Глава объ историческихъ тенденціяхъ капиталистическаго накопленія въ «Капиталѣ» заканчивается слѣдующими вѣщими словами изъ «Манифеста»: «Прогрессъ промышленности... замѣняетъ изолированность рабочихъ, порождаемую ихъ конкурренціей, революціоннымъ объединеніемъ посредствомъ ассоціаціи. Съ развитіемъ крупной промышленности, изъ-подъ ногъ буржуазіи ускользаетъ, такимъ образомъ, самое основаніе ея производства и присвоенія продуктовъ. Она производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея паденіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны» и пр.. Можетъ ли быть что-нибудь выразительнѣе и недвусмысленнѣе этихъ строкъ, въ которыхъ красный призракъ соціальной революціи, казалось, явственно промелькнулъ предъ глазами затрепетавшей на мѣстѣ буржуазіи... Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Красный призракъ былъ вызванъ къ концу «Капитала» по явному недоразумѣнію, вѣрнѣе, по застарѣлой привычкѣ его автора, унаслѣдованной еще отъ 40-хъ годовъ съ упрямыми ожиданіями въ то время немедленной соціальной катастрофы... Однако, разъ вызванный заклинаніемъ, по ошибкѣ, мнимый могильщикъ буржуазіи приглашается теперь выполнить совершенно иную, мирную органическую работу, между прочимъ, на пользу той же буржуазіи, какъ въ извѣстной сказочкѣ о дровосѣкѣ, который въ отчаяніи призывалъ на себя смерть, а когда она явилась, просилъ ее всего только пособить ему донести до хаты вязанку нарубленныхъ дровъ... Это довольно близко къ нашему случаю съ Марксомъ, съ тою развѣ разницей, что здѣсь смерть,—или могильщикъ буржуазіи вмѣсто нея,—сама позволяетъ себѣ сыграть маленькую и добродушную шуточку надъ авторомъ «Капитала»...

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какими не менѣе въ своемъ родѣ характерными словами, задолго до этого революціоннаго конца «Капитала», Марксъ заканчивалъ особо рекомендованную въ его предисловіи (ко 2-му изданію) главу о рабочемъ днѣ и вліяніи въ этомъ смыслѣ англійскаго фабричнаго законодательства на другія страны («Одна нація можетъ и должна учиться у другой!»). Здѣсь, въ этой главѣ, тоже говорится о перемѣнѣ, происшедшей съ рабочимъ въ процессѣ капиталистическаго производства: «Нужно сознаться,—начинаетъ Марксъ—что нашъ рабочій выходитъ инымъ изъ процесса производства, чѣмъ онъ вступилъ въ него»... Мы еще не освободились отъ впечатлѣнія одинаково «неизбѣжныхъ паденія буржуазіи и побѣды пролетаріата», о которыхъ только что вычитали въ предыдущей цитатѣ, и восклицаемъ: ну да, конечно, рабочій выходитъ инымъ изъ процесса производства, чѣмъ онъ вступилъ въ него! Ну да, онъ выходитъ изъ него революціонно-

вышколеннымъ, организованнымъ и объединеннымъ самимъ механизмомъ капиталистическаго производства «могильщикомъ» буржуазіи, отъ которой ускользаетъ самая почва изъ-подъ ногъ, самое основаніе ея производства и присвоенія продуктовъ... Но нѣтъ, мы горько ошиблись: оказывается, что на этотъ разъ рабочій надѣлъ только ливрею могильщика, или что красный призракъ пошутилъ, и, вмѣсто революціоннаго пролетаріата, предъ нами въ настоящемъ случаѣ всего только пролетаріатъ, выступившій на борьбу за законодательную защиту своего труда отъ «змѣя-мучителя», въ образѣ капитала. «Для защиты противъ своего змѣя-мучителя,—говоритъ Марксъ,—рабочіе должны сплотиться и, какъ классъ, вынудить законъ, который являлся бы могущественнымъ общественнымъ препятствіемъ, не дающимъ имъ самимъ продавать себя и свое потомство по свободному договору съ капиталомъ на смерть и рабство. На мѣсто пышнаго каталога «неотъемлемыхъ правъ человѣка» здѣсь является скромная Magna Charta законодательнаго ограниченія рабочаго дня» и пр.. «Quantum mutatus ab illo!»—торжествующе заканчиваетъ Марксъ отрывкомъ извѣстнаго стиха изъ Виргиліевой «Энеиды». И это торжествующее восклицаніе встрѣчаетъ въ данномъ случаѣ только грустный, элегическій отголосокъ въ душѣ читателя... Да, quantum mutatus ab illo,—насколько этотъ измѣнившійся во второмъ смыслѣ и пошедшій на сдѣлки съ буржуазіей марксовскій рабочій еще несравненно болѣе измѣнился противъ того «революціонно-объединеннаго» пролетаріата, который въ «Манифестѣ» шелъ уже, а въ концѣ «Капитала» пойдетъ еще на послѣдній рѣшительный приступъ капиталистической крѣпости и вынималъ, и еще разъ будетъ вынимать, изъ-подъ ногъ буржуазіи, «самое основаніе ея производства и присвоенія продуктовъ».

Habent sua fata libelli,—говоритъ старинная латинская поговорка, но здѣсь такую же оригинальную судьбу подъ руками Маркса испыталъ обрывокъ стиха изъ старинной латинской поэмы...

Въ одной изъ пѣсенъ Виргиліевой «Энеиды» Андромаха, изливая свою скорбь объ убитомъ супругѣ, восклицаетъ: «Горе мнѣ, какимъ онъ былъ и *какъ измѣнился противъ прежняго* Гектора («quantum mutatus ab illo Hectore»), который металъ фригійскіе огни въ корабли данайцевъ». И эту смертельную перемѣну съ Гекторомъ Марксъ, по убійственной ироніи судьбы, избралъ для символическаго изображенія того измѣненія, которое произошло съ пролетаріатомъ, прошедшимъ чрезъ выучку капитала затѣмъ, чтобы послѣ этого только отправиться въ Каноссу буржуазнаго фабричнаго законодательства... Далеко же ушло то время, когда еще Марксъ металъ свой фригійскій огонь въ корабли данайцевъ, отъ позднѣйшей эпохи, когда онъ взамѣнъ того самъ соблазнялъ пролетаріатъ дарами этихъ коварныхъ данайцевъ, и когда какая-нибудь скромная мѣра законодательнаго ограниченія рабочаго времени представляется ему Великой Хартіей труда. Увы! На окончатель-

ную повѣрку эта хартія явилась на смѣну не только пышнаго каталога неотъемлемыхъ правъ человѣка, но и еще болѣе пышныхъ и неотъемлемыхъ правъ коммунистической революціи, имѣвшей быть произведенной объединеннымъ и организованнымъ пролетаріатомъ... Да, совсѣмъ другое лицо и—quantum mutatus ab illo Hectore...

Отъ проницательныхъ парламентскихъ противниковъ не могли укрыться указанныя особенности въ дѣятельности соціалъ-демократической фракціи рейхстага, лишь наглядно, видимо для всѣхъ воплощавшей самоубійственныя противорѣчія «Капитала» и какъ бы переводившей печатный текстъ книги на языкъ поступковъ и фактовъ...

Бебель, по обыкновенію, заявлялъ въ своей рѣчи, какъ настойчиво подчеркивалъ вообще въ своихъ рѣчахъ, что все, что ни дѣлаетъ его партія въ интересахъ нѣмецкаго рабочаго на почвѣ нынѣшняго общественнаго строя, является на ея же взглядъ, исключительно палліативами. Одинъ изъ депутатовъ центра (д-ръ Бахемъ) не безъ ѣдкости замѣтилъ по этому поводу, что безцѣльно было бы въ такомъ случаѣ препираться съ господами соціалъ-демократами объ упомянутыхъ палліативахъ: они вѣдь не ждутъ отъ послѣднихъ никакихъ результатовъ, да и не могутъ желать себѣ серьезнаго успѣха въ этомъ направленіи: имѣй эти средства дѣйствительный успѣхъ, тогда разъ навсегда было бы покончено съ будущностью и надеждами соціалъ-демократіи,—прибавимъ, какъ соціалистической партіи, извлекающей пользу для своихъ «конечныхъ» видовъ отъ временныхъ успѣховъ въ настоящемъ... Но не можетъ же дѣйствительное пріобрѣтеніе на почвѣ существующаго терять что-нибудь въ своемъ значеніи цемента для этой самой почвы только оттого, что мы его объявили палліативомъ, съ точки зрѣнія зрѣющаго въ нашей головѣ идеала будущаго... Конечно, здравый смыслъ долженъ современемъ одержать верхъ надъ простительными увлеченіями идеолога, и вотъ дѣйствительно чуть ли не на-дняхъ еще (на іенскомъ партейтагѣ въ сентябрѣ 1905 г.) тотъ же Бебель уже прямо и безъ обиняковъ говорилъ: «Мы боремся не ради утопій, не во имя требованій будущаго... но за совершенно реальныя права, за необходимыя жизненныя условія для рабочаго класса, если только онъ еще хочетъ политически жить и дышать».

Тутъ мы не слышимъ больше ни о какихъ палліативныхъ средствахъ: какой ужъ это, въ самомъ дѣлѣ, палліативъ—«политически жить», но вмѣстѣ съ тѣмъ это выходитъ уже несомнѣннымъ ущербомъ для знакомаго намъ принципіальнаго штандпункта, превращеннымъ, замѣтимъ попутно, единымъ почеркомъ пера въ *утопію*: «не ради утопій, не во имя требованій будущаго государства»...

Заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія, что когда тотъ же Бебель попытался какъ-то объяснить сравнительную слабость со-

ціалистическаго движенія въ Англіи необъяснено, будто бы, тонкой практикой англійской буржуазіи, прекрасно-де понявшей, что маленькими реформами можно отвести рабочихъ отъ организаціи собственной рабочей партіи, то Жоресъ не преминулъ указать ему истинныхъ виновниковъ этого явленія не въ англійской буржуазіи, а въ англійскихъ соціалистахъ: загипнотизированные теоріей катастрофы, скораго паденія всего буржуазнаго строя, послѣдніе не сумѣли, молъ, придти въ тѣсное соприкосновеніе съ рабочимъ классомъ на почвѣ практической, повседневной работы...

Если же все это такъ, то остается, слѣдовательно, голый фактъ, что главный контингентъ своихъ приверженцевъ, по свидѣтельству Бебеля и Жореса, соціалъ-демократія пріобрѣтаетъ, выступая за улучшеніе положенія рабочихъ классовъ лишь на почвѣ существующаго капиталистическаго строя, при полной практической беззаботности относительно какихъ-то архаическихъ «принципіальныхъ штандпунктовъ»...

Или Бебель, можетъ быть, хотѣлъ вышеприведенной несуразной конструкціей подчеркнуть наличность извѣстнаго рода психологическаго момента у самихъ рабочихъ, примкнувшихъ къ соціалъ-демократіи, для которыхъ, молъ, особенно цѣнно и важно было именно это сознаніе безвредности первоначальныхъ принципіальныхъ позицій, при полной готовности со стороны соціалъ-демократіи къ непрерывному созданію въ ихъ интересахъ новыхъ методовъ практической дѣятельности?.. Но это лишь значило бы свои безпомощныя метанія идеолога безсознательно переносить на неповинныя въ нихъ рабочія массы,— во всякомъ же случаѣ, объективно соціалъ-демократіи нисколько не прибавилось бы лавровъ отъ того обстоятельства, что не Каутскій или Бебель, или хотя бы св. Тертулліанъ, а цѣлыя полчища увѣровавшихъ соціалъ-демократическихъ католиковъ прониклись бы, вслѣдъ за вожаками, вѣрой въ абсурдъ, въ дѣйствительность невозможнаго, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, утверждали бы, что, подвизаясь на почвѣ существующаго порядка, всѣми силами способствуя реформированію наиболѣе плачевныхъ сторонъ послѣдняго, а значитъ и укрѣпленію его, они тѣмъ самымъ укрѣпляютъ свои позиціи будущаго, прокладывая и выравнивая такимъ способомъ пути къ своему соціалистическому идеалу... И даже въ такомъ случаѣ, при наличности такого credo quia absurdum со стороны массъ, реальнымъ психологическимъ факторомъ ихъ приверженности къ соціалъ-демократіи — принявъ во вниманіе всѣ наличныя предпосылки и всю ситуацію въ ея цѣломъ - все же пришлось бы признать не ожиданіе тысячелѣтняго царства, наступленіе котораго самою партіей въ сущности отложено ad calendas graecas, не разсчеты на какого-то идеальнаго, а постольку и миоическаго журавля въ небѣ, а вполнѣ конкретное осязаніе обыкновеннѣйшей синицы въ рукахъ. Дѣло не измѣняется равнымъ образомъ отъ того, что эти реформистскіе лозунги на

почвѣ существующаго мы объявимъ, какъ и дѣлаютъ соціалъ-демократы, скорѣе агитаціоннымъ средствомъ, чѣмъ практически-серьезнымъ дѣломъ. Для партіи, какъ таковой, оно, можетъ быть, и такъ, но за то рабочіе—тотъ народъ, къ которому, по выраженію Либкнехта, соціалъ-демократическіе депутаты говорятъ «чрезъ голову рейхстага»—принимаютъ это вполнѣ серьезно и очень близко къ сердцу. Бѣда партіи, стало быть, въ томъ, что простое агитаціонное *средство* не могло не обратиться для нея въ *самоцѣль*, такъ какъ и для агитаціи ближайшія нужды являются пригоднымъ средствомъ лишь постольку, поскольку онѣ становятся въ то же время и практически-серьезнымъ дѣломъ, чѣмъ-то вполнѣ самодовлѣющимъ. Въ концѣ концовъ, сущность—практическая реформа на почвѣ существующаго строя—остается, агитаціонное средство въ противовѣсъ настоящему отпадаетъ само собой, а принципіальный штандпунктъ соціализма откладывается ad calendas graecas.

Самъ Бебель, впрочемъ, настолько увѣренно чувствуетъ себя между этихъ двухъ стульевъ: «практической дѣятельностью» на почвѣ существующаго строя, въ качествѣ «агитаціоннаго средства», и «принципіальнымъ штандпунктомъ», таковую дѣятельность исключающимъ (и въ историческомъ смыслѣ первоначально на самомъ дѣлѣ исключавшимъ)—что онъ тутъ же съ парламентской трибуны даетъ торжественный обѣтъ воспротивиться всякимъ незаконнымъ попыткамъ со стороны нѣкоторой части своихъ Parteigenossen заставить его сойти съ этой на рѣдкость удобной позиціи. Онъ дѣлаетъ безспорно корректный и парламентскій съ виду, но потому-то, принимая во вниманіе характеръ и особенности данной аудиторіи, довольно-таки въ сущности неумѣстный выпадъ противъ своихъ же товарищей изъ фракціи такъ называемыхъ «молодыхъ». Слѣдуетъ замѣтить предварительно, что въ этихъ «Jungen», отдѣлившихся отъ ядра партіи, воплотилась какъ бы старая соціалистическая совѣсть самого оратора, тотъ самый его «sonstiger prinzipieller Standpunkt», на который онъ сейчасъ такъ же тщетно, какъ и непринужденно ссылается... А даже наиболѣе самоувѣренный человѣкъ всегда чувствуетъ себя до извѣстной степени неловко, имѣя предъ собой съ укоромъ обращенную противъ себя свою собственную совѣсть. Это доставляетъ неудовольствіе, и люди сердятся. Сердились, такимъ образомъ, неоднократно и Марксъ съ Энгельсомъ, сердились по большей части очень зло и еще болѣе несправедливо, сердится сейчасъ и Бебель, несмотря на то, что еще немного лѣтъ тому назадъ самъ же «радовался» незначительнымъ парламентскимъ успѣхамъ соціалъ-демократіи, благодаря которымъ она «избѣгаетъ соблазна играть въ государственную дѣятельность». Послѣ отмѣны въ 1890 г. закона противъ соціалистовъ Бебель однимъ изъ первыхъ былъ именно *соблазненъ* этой игрой въ парламентаризмъ и уже чрезъ самое короткое время въ Эрфуртѣ выступалъ противъ «молодыхъ», съ ихъ нападками на «парламентское

болото». Бебелю, однако, это показалось мало, и вотъ сейчасъ (дѣло было въ 1893 г.) онъ не удержался, чтобы этотъ щекотливый для него пунктъ, затрагивавшій къ тому же спорный вопросъ партійной жизни и дисциплины, не сдѣлать предметомъ парламентскихъ дебатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, онъ не можетъ не чувствовать себя стѣсненнымъ обстановкой и вообще характеромъ настоящей аудиторіи, передъ которой, пожалуй, всего приличнѣе было бы не дѣлать такого рода декларацій, вообще не касаться столь рискованныхъ темъ...

Бебель и выражается на этотъ разъ сравнительно умѣренно и сдержанно. Изложивъ, какъ было приведено, со всею откровенностью истинные мотивы новѣйшихъ успѣховъ партіи среди рабочихъ, онъ продолжаетъ: «Мы поэтому будемъ также противодѣйствовать (entgegentreten) всему тому, чего отъ насъ требовали до сихъ поръ такъ называемые «молодые». Они отдѣлились отъ нашей партіи, и вотъ уже 2—3 года, какъ они дѣлаютъ тщетныя попытки отклонить насъ отъ избраннаго нами пути, говоря: вся эта парламентарная дѣятельность ровно ничему не поможетъ, вамъ слѣдуетъ выступить по иному, вы должны подготовить массы въ революціи и ниспроверженію существующаго порядка. И вотъ между тѣмъ, какъ мы до сихъ поръ сопротивлялись стремленіямъ этихъ людей, а съ другой стороны, уже отдали себѣ отчетъ въ томъ, чего мы при данныхъ условіяхъ требуемъ отъ нынѣшняго общества и чего въ состояніи отъ него фактически добиться, *наша позиція успѣла неискоренимымъ образомъ укрѣпиться въ головахъ рабочихъ»...* И въ гордомъ сознаніи таковой неискоренимой крѣпости своей позиціи въ головахъ рабочихъ, а стало быть, и ея абсолютной крѣпости вообще, ораторъ можетъ себѣ разрѣшить, наконецъ, такого рода ироническое заключительное обращеніе къ политическимъ противникамъ, что поэтому всѣ надежды, выраженныя однимъ изъ нихъ и клонящіяся къ тому, что «въ одинъ прекрасный день рабочіе потребуютъ ихъ, соціалистовъ, къ отвѣту, придя къ сознанію, что тѣ не сдержали того, что обѣщали имъ—что надежды эти будутъ посрамлены».

Нужно, однако, сознаться, что это былъ довольно не умный противникъ,—тотъ, кто выразилъ такое невѣроятное предположеніе и питалъ столь неосновательныя надежды! Ибо слѣдовало бы еще напередъ условиться, о какихъ собственно надеждахъ шла все время рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ Бебель твердо обѣщаетъ, его партія будетъ продолжать идти по разъ намѣченному «практическому» пути, не давая отклонять себя отъ него ни провокаціями принципіальныхъ противниковъ, ни обличеніями принципіальныхъ друзей,—то рабочимъ, пожалуй, и не придется требовать отъ нихъ отчетъ за обманутое довѣріе; соціалъ-демократія знаетъ, что непосредственно нужно рабочимъ, и она хочетъ дать имъ то, чего рабочимъ нужно... Она «пробуетъ выступить за улучшеніе положенія

рабочихъ классовъ на почвѣ существующаго общественнаго порядка»—положимъ, что «безъ ущерба для ихъ прежняго принципіальнаго штандпункта», но за то, правда, и безъ особенной для послѣдняго пользы... Быть можетъ, впрочемъ,—это обстоятельство и не играетъ большой роли собственно для *рабочей* партіи, выступающей на ряду съ другими не-рабочими парламентскими партіями; потому что можно вѣдь утверждать и такъ, что страдающей массѣ, въ концѣ концовъ, все равно, во имя ли принципа или человѣколюбія, либо даже обыкновеннѣйшаго политическаго разсчета ей будетъ принесено избавленіе отъ страданія или хотя бы уменьшеніе ея непосильнаго жизненнаго бремени. Но тогда нужно имѣть мужество напрямикъ заявить объ этомъ, но тогда слѣдуетъ поторопиться оформить таковую свою, не лишенную во всякомъ случаѣ оригинальности, позицію рабочей, но не соціалистической партіи; но тогда нужно отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что главнымъ образомъ влечетъ въ настоящее время трудящихся подъ знамена соціалъ-демократіи? И тогда окажется, что тутъ собственно дѣло не въ соціализмѣ, какъ таковомъ — *этотъ* моментъ, конечно, не отсутствуетъ, но онъ отступилъ, какъ въ самой партіи, на задній планъ, и ужъ отсюда примѣшивается къ борьбѣ, какъ неизмѣнное сопутствующее или какъ постоянный нерастворимый осадокъ всякаго народнаго движенія, какъ послѣднее логическое и психологическое звено истинно-рабочихъ требованій — и только. Но это не тѣ ясно сознанныя «конечныя цѣли» коммунизма, которыя были съ такой помпой возвѣщены «Манифестомъ», призывавшимъ пролетаріевъ всѣхъ странъ къ объединенію, это лишь вполнѣ реальныя задачи соціалъ-демократіи на почвѣ существующаго, а именно «бѣдственнаго положенія значительныхъ массъ населенія». За то, правда, на этомъ поприщѣ она можетъ вліять существенно, и, какъ мы покажемъ, такое именно вліяніе на господствующіе классы оказываетъ... Въ конечномъ итогѣ, соціалъ-демократія опрощалась, какъ опрощалось въ свое время христіанство, въ лицѣ «простеца»-апостола, который, «ставя себя въ положеніе пасомыхъ, отвѣчая на ихъ сочувствіе и даже на ихъ предразсудки, былъ всѣмъ для всѣхъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ»...

Можно сказать съ увѣренностью, что если бы кто нибудь задался цѣлью тщательно прослѣдить *всю* теоретическую эволюцію, продѣланную марксизмомъ во всѣхъ направленіяхъ, захваченныхъ совокупностью составляющихъ его ученій и идей, то онъ убѣдился бы, что отъ первоначальнаго марксизма не осталось и камня на камнѣ. Такой изслѣдователь былъ бы даже въ искушеніи сравнить испытуемый объектъ съ живымъ организмомъ, въ которомъ происходитъ непрерывная смѣна и замѣна клѣтокъ, такъ что по истеченіи даже короткаго времени тѣло животнаго обновляется цѣликомъ до основанія. Для иныхъ остроумныхъ марксистовъ такой эволюціонный характеръ исповѣдуемой доктины даже не разъ слу-

жилъ къ вящему возвеличенію ея: помилуйте, эта измѣнчивость только доказываетъ, что марксизмъ не мертвое, застывшее ученіе, а вполнѣ живая доктрина, эволюціонирующая и видоизмѣняющаяся, какъ сама жизнь, доктрина, питающаяся ея лучшими соками и перерабатывающая получаемые матеріалы въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ... Но такъ, въ сущности, разсуждать могутъ шутники, слишкомъ падкіе на слова и ихъ игру... Ибо изъ того, что марксизмъ непрерывно видоизмѣнялся, «бродилъ», какъ вино, или «линялъ», какъ змѣя (выраженія самого Бебеля о своей доктринѣ), проще же мѣнялъ свою окраску, какъ хамелеонъ, изъ всего этого логически вытекало бы только, что онъ до чрезвычайности оппортунистиченъ, весь исполненъ доктринерства и все готовъ объять своей широчайшей терпимости программой... Съ соціалъ-демократической доктриной въ этомъ случаѣ обстоитъ какъ съ извѣстнаго типа государственными людьми. Вспомните тотъ идеалъ оппортунистическаго дѣятеля, который начерталъ намъ Гизо, въ качествѣ не ученаго историка, а перваго министра Людовика-Филиппа. Онъ преклонялся предъ своимъ современникомъ Робертомъ Пилемъ за его великое умѣніе проводить своевременно («si opportunément») необходимыя экономическія и соціальныя реформы. Гизо очень удачно примѣняетъ къ своему идолу слѣдующія слова Цицерона, которыя самъ Пиль разъ цитировалъ съ парламентской трибуны, а Гизо дѣлаетъ девизомъ всей жизни современнаго ему «славнаго англійскаго государственнаго мужа»...

«Все, что я узналъ,—говорилъ Цицеронъ — все, что я видѣлъ, что вычиталъ въ знаменитыхъ сочиненіяхъ, все, чему меня учили самые мудрые и самые блестящіе мужи какъ нашей республики, такъ и другихъ государствъ,—все это приводитъ меня къ выводу, что не годится, чтобы тѣ же лица держались постоянно однихъ и тѣхъ же взглядовъ, а не взглядовъ, которые диктуетъ имъ положеніе дѣлъ, духъ времени и интересы общественнаго спокойствія»...

Это удивительное изліяніе сразу трехъ «великихъ» государственныхъ умовъ и вмѣстѣ родственныхъ душъ (Цицеронъ-Пиль-Гизо) удивительнымъ же образомъ встрѣчается съ бебелевскимъ опредѣленіемъ (см. вышеупомянутую его рѣчь: «О соціалъ-демократическомъ государствѣ будущаго»), какъ «партіи, вѣчно стремящейся впередъ, партіи, которая постоянно учится и состоитъ въ постоянномъ духовномъ броженіи, партіи, которая не льститъ себя тѣмъ, будто бы нынѣ высказанное положеніе или исповѣдываемое въ настоящее время, какъ правильное, убѣжденіе остается незыблемымъ и непогрѣшимымъ на вѣки вѣчные». Согласно съ этимъ Бебель признавалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Германіи существуетъ соціалъ-демократія, т. е. въ теченіе 30 лѣтъ (считая съ момента выступленія Лассаля до знаменитыхъ «Zukunftsstaatsdebatten» въ имперскомъ рейхстагѣ),—они продѣлали цѣлый рядъ духовныхъ линяній, памятникомъ которыхъ остался рядъ программъ, въ разное

время принимавшихся и отвергавшихся партіей... Что можно было отвѣтить на такія удивительныя рѣчи, на радости такого вѣчнаго стремленія впередъ, такого исключительнаго процесса развитія,— равносильныя только самодовольству, которое испытывалъ бы сосудъ съ бродящимъ виномъ отъ самаго процесса его броженія, сосудъ, гордый вѣчнымъ обновленіемъ его содержимаго.

Нынѣ покойный вождь свободомыслящихъ, Евгеній Рихтеръ, вполнѣ резонно и отвѣтилъ тогда Бебелю: «Броженіе само по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что можно было бы сдѣлать предметомъ упрека. Да, только тотъ, кто находится постоянно въ броженіи, не долженъ говорить такимъ гордымъ языкомъ». И далѣе оппонентъ сворачиваетъ на ту самую сторону вопроса, которую намъ пришлось уже затронуть выше по поводу полемики Бебеля съ «молодыми».

«И почему бы вашъ процессъ броженія долженъ былъ продолжаться далѣе непремѣнно въ революціонномъ направленіи?» — задаетъ онъ вопросъ. «Откровенно говоря, въ одномъ пунктѣ ваши «молодые» правы: я вѣдь васъ отчасти лично знаю въ теченіе 20—30 лѣтъ. Въ этомъ броженіи вы, собственно, сдѣлались не революціонными, а довольно таки ручными. Это я признаю. Вы разсуждаете по многимъ вопросамъ гораздо дѣловитѣе (sachlicher), чѣмъ раньше,—по вопросамъ нынѣшняго общественнаго порядка на почвѣ этого самаго порядка, и это мы очень даже признаемъ. Броженіе можетъ, стало быть, повести также къ тому, что съ постепеннымъ отклоненіемъ отъ вашей собственной соціалъ-демократической программы вы разовьетесь въ радикальную народную партію, которая будетъ радикальнѣе насъ (свободомыслящихъ), но которая въ основаніи стоитъ на почвѣ нынѣшняго общественнаго порядка...»

И, въ самомъ дѣлѣ, цѣлая пропасть отдѣляетъ настроеніе партіи 40—50 хъ годовъ отъ общаго тона, господствующаго въ ней полстолѣтія спустя. Нынѣ, напримѣръ, устами Каутскаго, германская соціалистическая партія заявляетъ открыто (при томъ по такому щекотливому вопросу реальной политики, какъ пресловутый флотскій законопроектъ), что пролетаріатъ не долженъ руководствоваться, во чтобы то ни стало, сознаніемъ противорѣчія между своими интересами и интересами правительства, сирѣчь буржуазіи,— между тѣмъ въ «Манифестѣ Коммунистической партіи» отъ 1848 г. послѣдняя объявляла открыто, что ея цѣли могутъ быть достигнуты только путемъ насильственнаго ниспроверженія всякаго донынѣ существовавшаго общественнаго порядка, и что пусть поэтому господствующіе классы дрожатъ передъ коммунистической революціей: пролетаріи могутъ потерять только свои цѣпи, а выиграть міръ... Спустя еще годъ, въ 1849 г., говоря о революціонной диктатурѣ пролетаріата, представлявшейся ему дѣломъ самаго ближайшаго будущаго, Марксъ писалъ въ «Neue Rhein. Zeitung» (№ 301): «Есть только одно средство сократить, упростить, концентрировать

убійственную агонію (Todesweheе) стараго общества, какъ и кровавыя родовыя муки новаго: это средство революціонный терроизмъ».

Но вотъ ровно 50 лѣтъ спустя два въ нѣкоторомъ родѣ антипода партіи: одинъ, рисующійся urbi et orbi глашатаемъ и блюстителемъ якобы первобытной чистоты доктрины (Каутскій), другой, будто бы непризванный нарушитель этой первоначальной доктрины (Бернштейнъ), пишутъ—*Каутскій* (во 2-й части «Agrarfrage»): «Диктатуру пролетаріата не слѣдуетъ себѣ представлять въ такомъ видѣ, будто бы въ одинъ прекрасный день столичная чернь однимъ насильственнымъ натискомъ завоюетъ министерства и используетъ принудительныя средства государственной власти къ ограбленію богатыхъ. Пролетаріатъ не можетъ бороться за обладаніе государственной властью, не поднявъ въ этой борьбѣ и себя самого, и государство на высшую ступень» и т. д. *Бернштейнъ*: (въ своихъ «Voraussetzungen», вышедшихъ въ томъ же 1899 году): «Либеральныя учрежденія современнаго общества какъ разъ тѣмъ отличаются отъ неподвижныхъ, сословныхъ учрежденій феодализма, что они гибки, способны къ превращенію и развитію. Ихъ не требуется взрывать, но только развивать дальше. Для этого нужны организація и энергичное дѣйствіе, но во все не обязательна революціонная диктатура» и т. д.

Но особенно пикантно контрастируютъ съ Марксомъ и въ то же время сближаются съ Каутскимъ - Бернштейномъ слова испанскаго соціалиста Пабло Иглезіаса, напечатанныя въ «Vorwärts'ѣ» и съ одобреніемъ цитируемыя Бернштейномъ: «Буржуазія всѣхъ оттѣнковъ должна убѣдиться въ томъ, что мы вовсе не намѣрены добиваться господства тѣми самыми средствами, которыя нѣкогда примѣняла она, насиліемъ и кровопролитіемъ, а только законными средствами, которыя одни приличествуютъ цивилизаціи»...

Какъ извѣстно, излюбленнымъ полемическимъ пріемомъ Маркса и Энгельса было — всякое принципіальное обвиненіе, предъявленное соціалъ-демократіи отъ лица буржуазіи, отражать тѣмъ доводомъ, что именно буржуазія является истиннымъ виновникомъ вмѣняемаго соціалистамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ преступленія противъ человѣчества. Временами оно выходило мѣтко и остроумно, — напримѣръ, когда мнимая общность женъ коммунистическаго строя язвительно оборачивалась противъ наличныхъ матримоніальныхъ отношеній въ нынѣшнемъ буржуазномъ обществѣ, или когда въ заключеніи воззванія генеральнаго совѣта Интернаціонала по поводу гражданской войны во Франціи, Марксъ гнѣвно отражаетъ подлыя клеветы версальцевъ противъ парижской Коммуны достодолжной оцѣнкой «порядка, справедливости и цивилизаціи» буржуазнаго строя,—однако, нерѣдко этотъ самый пріемъ звучалъ натянуто и фальшиво, съ тѣхъ поръ въ особенности, какъ та же манера стала эксплуатироваться въ подражаніе неумѣлыми руками «учениковъ». И таковъ именно настоящій случай, гдѣ этотъ

маневръ примѣненъ Иглезіасомъ изъ рукъ вонъ неуклюже. Ибо ясно кажется, что тотъ самый насильственный образъ дѣйствія, который, по вполнѣ справедливому замѣчанію испанскаго соціалиста, характеризуетъ историческое поведеніе буржуазіи, въ свое время алкали всей душой пустить непосредственно въ ходъ и сами Марксъ съ Энгельсомъ, ни мало не смущаясь вопросомъ, приличествуетъ ли это или не приличествуетъ цивилизаціи, а то даже скорѣе увѣренные, что приличествуетъ («wir sind rücksichtslos und verlangen keine Rücksicht von euch,—писалъ Марксъ.—Wenn die Reihe an uns kommt, wir werden den Terrorismus nicht abschönigen») *)...

Такимъ образомъ, если сравнить медоточивыя рѣчи теперешнихъ соціалистовъ съ «кровожадными» тирадами отца «научнаго соціализма», то мы должны будемъ придти къ печальному выводу, что не возвышенное настроеніе или природная кротость новѣйшаго поколѣнія соціалистовъ произвели эту отрадную перемѣну въ тонѣ, а единственно лишь пришедшее къ самосознанію *безсиліе*. Сознаніе этого безсилія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и корень иглезіасовской кротости, особенно откровенно, до наивности, сказались въ разновременныхъ признаніяхъ опять-таки Бебеля. На эрфуртскомъ, напр., конгрессѣ онъ напоминаетъ: «Что произошло бы, если бы при современномъ вооруженіи арміи мы задумали устроить революцію,—это я уже высказалъ въ Дрезденѣ: насъ перестрѣляютъ, какъ воробьевъ. Кто полагаетъ, что мы, соціалъ-демократы, въ настоящее время могли бы достигнуть цѣли баррикадами, тотъ сильно заблуждается и совершенно не знакомъ съ положеніемъ вещей» **)...

Итакъ, чуть ли не что-то въ родѣ толстовскаго непротивленія злу насиліемъ оказывается финальнымъ аккордомъ соціалъ-демократической эволюціонной симфоніи...

Возвращаемся на мигъ къ вышецитированной сентенціи Цицерона (объ обязательной измѣнчивости взглядовъ для всякаго приличнаго государственнаго мужа) единственно, чтобы противопоставить ей ея психологическую антитезу. Сентенція эта вызвала въ видѣ реплики у малоизвѣстнаго французскаго писателя Бодрильяра (автора серіи «Essays philosophiques et politiques» и, между прочимъ,

*) „Мы безпощадны и не требуемъ пощады отъ васъ. Когда очередь будетъ за нами, мы не станемъ прикрашивать терроризма“.

**) Этотъ мотивъ повторяется въ рѣчахъ Бебеля все чаще и настойчивѣе, становится, такъ сказать, доминирующимъ. Въ февралѣ 1906 г. въ рейхстагѣ, говоря о чрезвычайныхъ мѣрахъ предосторожности, принятыхъ берлинской полиціей въ ожиданіи соціалъ-демократическихъ демонстрацій въ годовщину 9 января, и доказывая, насколько преувеличены эти опасенія насильственныхъ дѣйствій со стороны рабочихъ, онъ опять заявляетъ: „Реакціонеры въ родѣ Штеккера не должны насъ считать такими глупцами, чтобы мы съ револьверами въ рукахъ пошли на войско, вооруженными малокалиберными ружьями“.

одного «essay» о Робертѣ Пилѣ),—осторожное, но не глупое замѣчаніе: нѣтъ ничего дальше такой измѣнчивости отъ знаменитаго изреченія Тюрго о Христофорѣ Колумбѣ, чему онъ всего больше изумляется въ послѣднемъ, это—не столько факту открытія имъ Америки, какъ тому, что Колумбъ пустился въ путь, подъ вліяніемъ исключительной вѣры въ свою идею... Таковъ, дѣйствительно—въ болѣе или менѣе символической формулѣ—тотъ полюсъ человѣческой мысли, который діаметрально противоположенъ ея склонности къ безграничной аккомодаціи, слывущей въ обыкновенной рѣчи по просту, какъ оппортунизмъ.

И вотъ чего по совѣсти не скажешь о марксизмѣ, который всегда, за исключеніемъ лишь своей кратковременной первой и лучшей поры, всего болѣе далекъ былъ какъ разъ отъ такой *практической* вѣры въ одну единственную свою идею—вѣры двигательной, а не той, которая считаетъ себя удовлетворенной уже тогда, когда имѣетъ случай выдвинуть, или, точнѣе, *вдвинуть*, ввернуть свой конечный идеалъ въ видѣ вводной фразы въ строй рѣчи, по своему прямому смыслу самымъ рѣшительнымъ образомъ расходящейся съ такого рода «конечными задачами»... Марксизмъ никогда не страдалъ этимъ завиднымъ колумбовскимъ постоянствомъ, а слишкомъ готовно, какъ мы видѣли, по-цицероновски приспособлялъ свои взгляды и настроенія къ «внѣшнему положенію дѣлъ, духу времени, интересамъ общественнаго спокойствія»...

Впрочемъ, къ послѣднему—т. е. къ «интересамъ общественнаго спокойствія»—не всегда. Ибо, именно въ силу только что изложеннаго, мы сдѣлали бы важное упущеніе, если бы не отмѣтили тутъ же другой, въ нѣкоторомъ родѣ оборотной стороны этого теоретическаго объективизма (или «историзма») и соотвѣтственно практическаго оппортунизма соціалъ-демократіи: мы говоримъ о ея не менѣе рѣзко выраженномъ революціонизмѣ, готовомъ вспыхнуть и прорваться наружу въ соотвѣтственные, т. е. революціонные моменты исторіи, и, слѣдовательно, приводящемъ ее опять-таки въ полное и оппортунистическое согласіе «съ внѣшнимъ положеніемъ и духомъ времени»; это будетъ именно оппортунизмъ революціонной эпохи, стремящійся использовать все, что такая эпоха можетъ дать и даже извлечь изъ нея такое, чего они дать безусловно не въ состояніи, какъ было, напр., во время парижской Коммуны въ 1871 г. (получившей высшую санкцію и апробацію Маркса) и въ недавніе освободительные дни 1905 г. въ Россіи, когда революціонное выступленіе русскаго пролетаріата было съ энтузіазмомъ привѣтствовано всѣми соціалъ-демократическими партіями въ мірѣ, и среди нихъ германской соціалъ-демократіей на первомъ мѣстѣ... Съ точки зрѣнія эволюціи, продѣланной послѣднею и вообще марксизмомъ на протяженіи десятковъ лѣтъ, протекшихъ съ 1848 г., такого рода революціонное кипѣніе или вскипаніе, почти сразу взвинчивающее и доводящее себя до высшей точки, можетъ быть рас-

сматриваемо, какъ своего рода возвратъ или рецидивъ къ старому, давно покинутому штандпункту 40-хъ годовъ. Логическая допустимость (если здѣсь можно говорить о таковой) этого «воскресенья» первоначальнаго марксизма какъ бы заложена въ тѣхъ самыхъ особенностяхъ главнаго произведенія марксизма, въ той безысходно-противорѣчивой діалектикѣ «Капитала», о которой мы достаточно говорили; мало того, такой рецидивъ, если угодно, неминуемо предрѣшается самой наличностью въ этой библіи марксизма двухъ противоположныхъ полюсовъ, между которыми вращается все изложеніе и изъ которыхъ нѣтъ возможности отдать логическаго или философскаго предпочтенія ни одному. Здѣсь-то и сказывается основное діалектическое свойство марксизма съ его дополненіемъ къ гегелевскому: «все существующее разумно» энгельсовскаго (въ «Ludwig Feuerbach'ѣ»): «все существующее достойно гибели»—Alles, was besteht, ist werth, dass es zu Grunde geht,—всплывающаго наверхъ въ революціонные моменты и эпохи и заставляющаго поворачиваться къ зрителю второй ликъ Януса-Маркса, возвѣщающій близкую уже экспропріацію экспропріаторовъ. И древній богъ Янусъ, при всей своей двуликости, былъ все же богъ Агонъ, борецъ и богъ борьбы, въ честь котораго въ древнемъ Римѣ учреждены были спеціальныя Агоналіи...

Не слѣдуетъ забывать, что историческая роль соціалъ-демократіи не исчерпывается одной ея парламентской исторіей, ея дѣятельностью какъ оффиціально-признанной политической партіи на ряду съ другими легальными партіями, что во всѣхъ странахъ съ развитыми соціалистическими партіями у послѣднихъ имѣется, кромѣ парламентской фракціи и дѣятельности, еще и нѣкій, большій или меньшій, внѣпарламентскій остатокъ, направленный на печатную и устную агитацію среди массъ, на устройство профессіональныхъ и иныхъ рабочихъ организацій и пр.—остатокъ, который въ иные моменты можетъ получить рѣшительно перевѣшивающее значеніе въ партіи и своею дѣятельностью дать толчекъ къ неминуемому революціонному выступленію, а въ обыкновенное «мирное» время тонетъ въ ея строго-легальныхъ и корректныхъ конституціонныхъ рамкахъ. Такова, напр., въ настоящее время истинная сущность такъ называемаго синдикальнаго движенія во Франціи и Италіи съ его стремленіемъ къ action directe. Но и въ Германіи не абсолютно исключена возможность того же. Въ самомъ дѣлѣ, если *только* устарѣлость традиціонной баррикадной борьбы, только нераціональность старыхъ революціонно-боевыхъ пріемовъ, только опасеніе «быть перестрѣлянными, какъ воробьи», удерживаютъ насъ отъ того, чтобъ выйти на улицу, какъ во время оно, то тѣмъ самымъ косвенно, хотя и вполнѣ выразительно допущено, что какая нибудь новая и неизвѣданная соціально-политическая конъюнктура, которая гарантируетъ побѣду или же, по крайней мѣрѣ, въ силу подъема революціоннаго момента, *покажется* намъ благо-

пріятствующей счастливому исходу, можетъ и даже должна насъ вызвать на попытку разомъ, однимъ ударомъ покончить со всѣмъ существующимъ порядкомъ вещей... Итакъ, во всякомъ случаѣ, если парламентская и иная государственная дѣятельность соціалъ-демократіи (напр., министеріальная) является завѣдомымъ и, такъ сказать, организованнымъ компромиссомъ съ существующимъ государствомъ и обществомъ, то того ужъ не скажешь безъ оговорокъ о ея внѣпарламентскихъ организаціяхъ и дѣятельности, чутко реагирующихъ на всю совокупность условій жизни данной страны и въ особенности на первые, еще неясные симптомы начинающагося въ ней остраго революціоннаго броженія. Совершенно понятно, стало быть, что въ такой странѣ, какъ Россія, которая еще совсѣмъ не жила парламентской жизнью и въ которой все мало-мальски оппозиціонное принуждено было вести нелегальное и подпольное существованіе, дѣятельность соціалистическихъ партій въ разныя эпохи могла носить только ярко-выраженный революціонный характеръ, и, слѣдовательно, къ россійской соціалъ-демократической партіи нельзя покуда относить того, что было развито выше на примѣрѣ, главнымъ образомъ, соціалъ-демократіи германской съ ея политической эволюціей и процессомъ повседневной аккомодаціи къ существующему парламентско-буржуазному строю.

И аккомодаціей какъ въ крупномъ, такъ и въ маломъ, какъ въ отношеніи содержанія исповѣдываемыхъ взглядовъ, такъ и приспособительно даже къ обстановкѣ, при которой взгляды эти съ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ апломбомъ (единственнымъ неизмѣннымъ въ ихъ дѣлахъ и рѣчахъ!) преподносились. Въ имперскомъ рейхстагѣ они изъ всѣхъ силъ стараются, какъ мы уже слышали, подчеркнуть мирный, эволюціонный характеръ своихъ партійныхъ стремленій и дѣлаютъ это по всяческимъ поводамъ, не стѣсняясь формой, не щадя ни своихъ коренныхъ «революціонныхъ методовъ», ни ихъ кровныхъ носителей изъ «молодыхъ», наконецъ, прибѣгая ко всевозможнымъ логическимъ изворотамъ и софизмамъ. Все въ этихъ случаяхъ хорошо, все пускается въ ходъ, чтобы доказать свое якобы эволюціонное благонравіе.

Вотъ какъ, напр., все тотъ же Бебель говорилъ во время такъ называемыхъ Septemberkursdebatten въ засѣданіи 11 декабря 1895 г., обращаясь къ «милостивымъ государямъ» буржуазныхъ партій въ рейхстагѣ: «Если осуществленіе того, къ чему мы стремимся, является необходимымъ слѣдствіемъ развитія, если то, чего мы хотимъ, можетъ наступить не ранѣе, чѣмъ это развитіе достигнетъ своей полной зрѣлости, то какъ же вы, мм. гг., можете думать, что мы будемъ такъ глупы, чтобы насильственно прервать процессъ развитія, при перерывѣ котораго только мы же и пострадаемъ?»

Это мотивъ, тоже очень часто, съ разными варіаціями, повторяющійся въ его парламентскихъ рѣчахъ. Какова же его внутрен-

няя цѣнность?—Увы! Она очень невысокой пробы, и временами становится положительно жалко великаго оратора, такъ безоглядочно компрометтирующаго себя передъ враждебной и насмѣшливой аудиторіей, не лишенной живыхъ и сильныхъ критическихъ умовъ, которые и камня на камнѣ не оставятъ отъ его легкомысленной аргументаціи...

Въ самомъ дѣлѣ, милостивые государи, которыхъ просвѣщалъ Бебель, могли только, слушая его, хитро усмѣхаться въ свои бороды: они то, во всякомъ случаѣ, не такъ глупы, чтобы не видѣть, что краснорѣчивый адвокатъ соціалъ-демократіи запутался въ тенетахъ своей діалектики до такой степени, что въ этой путаницѣ терялась дѣйствительно всякая грань между пролетарской и буржуазными партіями... Если при насильственномъ перерывѣ процесса развитія вы же первые, и только вы и пострадаете, то—руку, товарищи: буржуазіи того вѣдь и нужно, чтобы ей не мѣшали совершать отъ вѣка предначертанный ей путь развитія, а къ чему этотъ путь приведетъ, куда онъ ее выведетъ—о томъ буржуазія заботится такъ же мало, какъ мало, въ сущности, могутъ сказать намъ объ этомъ ихъ антагонисты-соціалисты (предполагая, что они станутъ исходить при этомъ не изъ предвзятой вѣры въ свои конечныя цѣли, а будутъ разсуждать дѣловито, практически, сообразно программамъ сегодняшняго дня)... Буржуазія, при такомъ способѣ представленія современныхъ соціалъ-демократовъ—на зло ихъ пресловутой и оффиціально давно отброшенной теоріи катастрофы (Zusammenbruchstheorie)—является силой, далеко не достигшей еще зенита своей славы и процвѣтанія, силой, которой даже и задумываться не приходится на тему: aprés nous le déluge: помилуйте, какой ужъ тутъ потопъ, какая катастрофа, когда руками смертельнаго врага напередъ исключена всякая возможность стихійнаго, насильственнаго перерыва.

И вотъ, дѣйствительно, парламентскіе реакціонеры всѣхъ мастей—разные Штеккеры, Гитце и пр.—подхватываютъ подобныя заявленія и торопятся довести ихъ до ихъ логическаго конца: если вы хотите только этого, стоите единственно за органическое развитіе, то вамъ вообще не къ чему заводить какую-то отдѣльную политическую партію; достаточно, самое большее... ну, основать школу соціальнаго знанія—замѣчаніе, тѣмъ болѣе злое, что попадаетъ оно, какъ увидимъ, не въ бровь, а въ глазъ соціалъ-демократіи... Если, какъ Бебель думаетъ, современное общество чревато обществомъ будущимъ и должно неминуемо само разрѣшиться имъ отъ бремени, то, по здравому разсужденію, надо будущую роженицу оставить въ покоѣ, памятуя, что покушаться на жизнь и здоровье матери значило бы посягнуть и на покоющійся въ ея лонѣ плодъ, значило бы рисковать вызвать, уже въ хорошемъ случаѣ, искусственные и преждевременные роды... И соціалисты наши, дѣйствительно, моментами до того какъ будто проникаются такимъ именно здравымъ разсу-

жденіемъ, что они не прочь даже отречься за соціалъ-демократію отъ самаго наименованія революціонной партіи, напр., когда Бебель—какъ гласитъ начало одной цитированной уже фразы его—заявляетъ, что мы, молъ, «не только, какъ вы (т. е. противники) о насъ говорите, революціонная партія, но и партія, вѣчно стремящаяся впередъ» и пр.

«Мы не только, *какъ вы говорите*, революціонная партія»—выходитъ, стало быть, что Евгеній Рихтеръ былъ правъ, и революціонной-то партіей мы оказываемся вообще лишь съ вашего неблагосклоннаго попустительства, оказываемся, стало быть, по явному недоразумѣнію,—революціонной партіей обзываете насъ «вы, наши противники», тогда какъ по существу мы только «партія, неизмѣнно стремящаяся впередъ, партія, находящаяся въ состояніи непрерывнаго духовнаго броженія»,—однимъ словомъ, самая безобидная, оппортунистическая партія въ мірѣ, которой даже троица Цицеронъ-Гизо-Пиль не могла бы отказать въ своемъ уваженіи. «Мы, революціонеры», «потрясатели основъ» (то и другое въ кавычкахъ), вѣрнѣе идемъ къ своей цѣли законными путями, нежели незаконными... Мы наживаемъ на этой законности крѣпкіе мускулы и румяныя щеки и выглядываемъ, какъ сама жизнь»... Но...

Такъ заявляютъ они для общаго свѣдѣнія передъ цѣлымъ не соціалистическимъ міромъ, за то изъ рѣчей, которыя произносятся соціалистическими ораторами на партійныхъ и международныхъ конгрессахъ, особенно въ тѣсномъ и располагающемъ кругу единомышленниковъ, наконецъ, изъ частной переписки дѣятелей соціалъ-демократіи выясняется другая картина: тутъ мы оказываемся, наоборотъ, не только или даже не столько партіей, вѣчно стремящейся впередъ, какъ тою самой какъ разъ революціонной партіей, кличкой которой такъ донимаютъ насъ наши противники. На этихъ внѣпарламентскихъ собраніяхъ мы выступаемъ, какъ революціонеры, агитирующіе въ широкихъ рабочихъ массахъ, организующіе ихъ въ одну великую армію пролетаріата, съ ясно выраженной цѣлью: въ подходящій моментъ захватить въ свои руки власть и провозгласить революціонную диктатуру пролетаріата. Здѣсь, словомъ, мы являемъ собою то интересное и единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, о которомъ реакціонная «Kreuzzeitung» писала въ 1862 г., невпопадъ по адресу смиреннѣйшихъ нѣмецкихъ либераловъ, именно зрѣлище, «когда партія переворота отъ увѣреній въ своей почтительности и лояльности переходитъ къ прямому выступленію противъ короны». И точно. «Право на революцію» устами Энгельса было вѣдь признано (всего только въ 1895 г.) единственнымъ *дѣйствительнымъ* историческимъ правомъ народовъ...

Конечно, германскіе соціалъ-демократы принуждены съ осторожностью говорить о насильственной революціи, въ противномъ случаѣ они всегда рискуютъ вызвать противъ себя гнѣвъ прави-

тельства,—что въ полу абсолютистской Германіи далеко не безопасно, постоянно рискуютъ навлечь на свою голову какой-нибудь новый исключительный законъ. Попытки такихъ ограничительныхъ полицейскихъ законовъ, направленныхъ противъ «разрушительныхъ стремленій» соціалъ-демократіи, дѣлались не одинъ разъ правительствомъ Вильгельма II послѣ того, какъ оно потерпѣло неудачу въ своихъ плоскихъ заигрываніяхъ съ рабочими. Памятенъ въ особенности знаменитый Umsturzvorlage отъ 1894 года, устанавливавшій очень строгія наказанія за подстрекательство военныхъ къ неповиновенію и «за нападки въ оскорбительныхъ выраженіяхъ на религію, имперію, бракъ, семью и собственность». Своимъ явнымъ посягательствомъ на свободу слова и печати законопроектъ этотъ задѣвалъ не одну соціалъ-демократію, но попутно и лучшихъ представителей либеральныхъ профессій, почему совокупными усиліями всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ законъ и провалился (въ маѣ 1895 г.).

Эпизодъ этотъ интересенъ для насъ вотъ въ какомъ отношеніи.

Около того самаго времени Энгельсъ въ Лондонѣ писалъ свое, извѣстное намъ, предисловіе къ марксовскимъ «Klassenkämpfen in Frankreich 1848—1850», въ которомъ онъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ доказывалъ, что пріемы уличныхъ войнъ и баррикадной борьбы, до 1848 г. всюду рѣшавшіе исходъ революціи, теперь если не безповоротно отошли въ область исторіи, то, по крайней мѣрѣ, въ очень значительной мѣрѣ устарѣли. Извѣстно вмѣстѣ съ тѣмъ, что какъ разъ на это введеніе Энгельса стали ссылаться охотно противники революціоннаго образа дѣйствій и прежде всѣхъ Бернштейнъ, именно какъ на ясно выраженный отказъ отъ старыхъ взглядовъ Маркса и Энгельса на значеніе насилія въ соціальной революціи. И вотъ, въ отвѣтъ Бернштейну, Каутскій, въ «Neue Zeit» (1898—99 г.) выступилъ съ интереснымъ разъясненіемъ. Введеніе Энгельса заканчивается иносказаніемъ объ «опасной разрушительной партіи», дѣйствовавшей въ римской имперіи 1600 лѣтъ тому назадъ и «извѣстной тогда подъ именемъ христіанъ»; подъ этой аллегоріей, говорившей о распространеніи христіанства среди римскихъ легіоновъ, Энгельсъ прозрачно, но все-же такъ, что нельзя было придраться, проводилъ ту мысль, что однимъ изъ неизбѣжныхъ условій революціи пролетаріата является распространеніе соціалистическихъ идей въ арміи, усиливающееся вмѣстѣ съ общимъ вліяніемъ соціалистической пропаганды на тѣ слои населенія, изъ которыхъ вербуется армія. Оказалось, что Энгельсъ первоначально написалъ болѣе ясное революціонное заключеніе. Но такъ какъ правительство какъ разъ въ это время готовило свой исключительный законъ «противъ переворота», и малѣйшая неосторожность только давала-бы ему лишнее оружіе въ руки, то, по настоянію своихъ германскихъ друзей, Энгельсъ и передѣлалъ конецъ. Впрочемъ, самъ-же онъ вслѣдъ за

тѣмъ частнымъ образомъ протестовалъ противъ бернштейновскаго толкованія его введенія и вообще противъ всякой попытки основать на немъ защиту «исключительно мирной и противонасильственной тактики»...

На ганноверскомъ партейтагѣ (1899 г.), при обсужденіи бернштейніанской ереси съ ея попыткой буржуазно-оппортунистическаго «смягченія» классовыхъ противорѣчій, Бебель поэтому опять сугубо подчеркнулъ коренной революціонный характеръ партіи. При этомъ, какъ нѣчто даже «само собой разумѣющееся», оказывалось, что всему классовому движенію придется на извѣстной точкѣ развитія вести съ капиталистическимъ общественнымъ порядкомъ борьбу «не на животъ, а на смерть». Это было вполнѣ согласно съ энгельсовскими приватными объясненіями отъ 1895 г., подчеркивавшими необходимость исключительно легальной тактики *лишь для ближайшаго будущаго*. «Я—писалъ онъ Лафаргу—проповѣдую эту (мирную) тактику только для Германіи настоящаго времени, да и то съ существенными оговорками... такъ какъ и здѣсь она можетъ стать непримѣнимой уже завтра»... Выходило, стало быть, что при всей «глупости» такого образа дѣйствія придется таки, какъ ни какъ, «насильственно прервать процессъ капиталистическаго развитія»: въ своемъ судорожномъ круговомъ метаніи соціалъ-демократія опять кусала свой собственный хвостъ... Правда, сказанный перерывъ произойдетъ, какъ говорилъ Бебель, на извѣстной точкѣ развитія, на той, надо полагать, когда *плодъ* достигнетъ своей полной эмбріологической зрѣлости, но почему же этотъ перерывъ всетаки долженъ быть насильственнымъ? Остается непонятнымъ, кому собственно тогда и объявить войну, гдѣ врагъ и почему или въ какомъ смыслѣ можно считать таковымъ тотъ самый буржуазно-капиталистическій строй, который бережно выносилъ этотъ соціалистическій плодъ въ своихъ нѣдрахъ?.. Какъ бы то ни было, но до этой знаменательной и желанной поры нашъ соціально-революціонный «принципіальный штандпунктъ», въ силу все той-же хорошо знакомой намъ логики, не то что не исключаетъ, но, напротивъ, даже какимъ-то образомъ категорически включаетъ положеніе: мы не отказываемся отъ реформъ, гдѣ только въ состояніи ихъ добиться, т. е. мы готовы проводить на дѣлѣ всю оппортунистическую постепеновщину бернштейніанства, не заглядывая подобно родоначальнику этого направленія въ будущее, но только остерегаясь провозгласить вмѣстѣ съ нимъ во всеуслышаніе: реформа—все...

Для пущей убѣдительности Бебель ссылается при этой оказіи на партійную программу, которая недаромъ, дескать, распадается на принципіальную и практическую части (по новѣйшей терминологіи: програма - максимумъ и программа - минимумъ). Это, по зрѣломъ размышленіи, нужно понимать, очевидно, такъ, что принципіальная часть, обнимающая «конечныя цѣли», останется своего

рода партійной святыней, которая піетистически оберегается отъ взоровъ профановъ и выносится для публичнаго оказательства лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ; въ дѣйствительной же *практикѣ*, въ нашихъ партійныхъ будняхъ мы будемъ реальными политиками, подлежащими непрерывнымъ духовнымъ метаморфозамъ въ зависимости отъ злобъ настоящаго дня, которыя мы призваны добросовѣстно улавливать и заносить въ нашу «программу-минимумъ» съ тѣмъ, чтобы своевременно (opportunément) переводить на языкъ соотвѣтственнаго соціальнаго реформаторства.

Въ дѣйствительности, иные марксисты (конечно, изъ болѣе трезвыхъ) смотрятъ на упомянутую святыню еще проще и, такъ сказать, прозаичнѣе,—судя по тому, что на эрфуртскомъ партейтагѣ Зингеръ укорялъ, напр., Фольмара, что для него настоящее зерно соціалъ-демократической партіи, собственно соціалистическія задачи какъ бы сохранили лишь значеніе какой-то старой фамильной реликвіи, которая свято хранится, какъ домашнее сокровище, въ шкафу съ фамильнымъ серебромъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ вынимается и созерцается по большимъ праздникамъ... Хотя за такую ересь Фольмаръ и былъ осужденъ, но характерно, что одновременно съ нимъ на томъ же партейтагѣ подверглись осужденію и даже исключенію изъ партіи нѣкоторые изъ революціонно настроенныхъ «молодыхъ». Такимъ образомъ, на этомъ конгрессѣ, гдѣ соціалъ-демократическая программа, послѣ долгихъ и невольныхъ шатаній, впервые приняла вполнѣ опредѣленную физіономію, предопредѣлявшую всю дальнѣйшую партійную дѣятельность, демонстрировалась вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода наглядная грань, провозглашалось своего рода: ни шагу вправо или влѣво! Послѣ чего въ наступившіе для партіи продолжительныя рабочіе будни, объ «истиномъ зернѣ» соціалъ-демократіи, о ея «собственныхъ соціалистическихъ задачахъ» мелькало лишь изрѣдка пріятное и трогательное воспоминаніе, именно какъ о нѣкоей «старой фамильной реликвіи»...

Что политическая осторожность, страхъ правительственныхъ бичей и скорпіоновъ, въ видѣ исключитетьныхъ законопроектовъ, играли въ этой ея уклончивости свою отрицательную роль, объ этомъ едва ли приходится спорить. Однако, мы бы ужъ слишкомъ упростили задачу, если бы успокоились на такомъ элементарномъ рѣшеніи. Въ дѣйствительности, соціалъ-демократія въ своихъ судорожныхъ шатаніяхъ какъ мысли, такъ и дѣйствія является въ несравненно большей степени жертвой своихъ собственныхъ теоретическихъ злоключеній, чѣмъ внѣшнихъ «независящихъ обстоятельствъ», или, если угодно, жертвой одновременно того и другого, а именно, коллизіи головныхъ ученій съ внѣшней реальной дѣйствительностью, «не зависящей» отъ ея воли и желаній въ гораздо болѣе глубокомъ и фатальномъ смыслѣ, чѣмъ вооруженная исключительнымъ закономъ государственная власть... Увы! Въ этомъ

случаѣ на самомъ марксизмѣ оправдалось его основное теоретическое положеніе, что не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе опредѣляетъ сознаніе...

Но не рискуя раздражать правительства въ своей внѣпарламентской дѣятельности, соціалъ-демократія умѣетъ за то въ рейхстагѣ, гдѣ она чувствуетъ подъ собой вполнѣ прочную почву и цѣлыхъ три милліона голосовъ за своей спиной, говорить съ правительствомъ удивительно мужественнымъ языкомъ, полнымъ паѳоса и самаго убійственнаго сарказма. И это вы называете соціальной политикой?—горячо обращается къ нему Бебель по поводу такъ называемаго маргариноваго законопроекта. «Это вы называете соціальной политикой? Это должно помочь вамъ въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей? Да вы, милостивые государи, знаете ли, что вы дѣйствительно дѣлаете? Вы сами цѣлыми грудами подбрасываете намъ оружіе къ самому нашему порогу... Говорю, цѣлыми грудами»...

Но какъ вы, въ свою очередь, думаете, читатель: должна же соціалъ-демократія, чтобы расписаться въ полученіи, сойти на эту самую почву «соціальной политики» съ ея маргариновыми законопроектами, сахарными и другими косвенными налогами,—дабы не обмануть ожиданій рабочихъ, привлеченныхъ или, точнѣе, «подброшенныхъ» имъ неразумной политикой правительства?...

И она, дѣйствительно, сходитъ на эту почву по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Не только въ рейхстагѣ, но и на многочисленныхъ собраніяхъ безработныхъ представители партіи вносятъ рядъ предложеній, которыя, будь они осуществлены имперскимъ и союзными правительствами или общинными властями, въ очень значительной степени, по ихъ собственному, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, способствовали бы смягченію наличнаго бѣдственнаго положенія большихъ массъ населенія... Въ разное время партія проектировала для той же цѣли устройство общинныхъ работъ, проведеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, — на которыя, какъ она объ этомъ своевременно освѣдомлялась въ надлежащихъ «сферахъ», у соотвѣтственнаго министерства имѣлись и отпущенныя средства, рекомендовала постройку госпиталей, школъ и другихъ публичныхъ зданій, проведеніе дорогъ, каналовъ и всякаго рода улучшеній... «Мы, стало быть—съ правомъ могъ говорить Бебель—на почвѣ бѣдственнаго состоянія дѣлали все, что только могли».

Въ цѣляхъ реформированія существующаго законодательства и въ интересахъ улучшенія положенія рабочаго класса они, какъ только оказывались въ парламентѣ въ достаточномъ числѣ, выступали въ особенности съ требованіемъ регулированія рабочаго времени сначала 10-ю, потомъ 9-ю и, наконецъ, 8-ю часами, стояли за запрещеніе ночной работы во всѣхъ отрасляхъ промышленности и ремесла, гдѣ это только осуществимо съ технической точки

зрѣнія и не противорѣчитъ очевиднымъ интересамъ капиталистическаго развитія; требовали запрещенія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія женскаго труда, поскольку онъ является опаснымъ или вреднымъ для здоровья, вообще выступали при каждомъ удобномъ случаѣ за расширеніе и охрану правъ рабочихъ, призывая самихъ рабочихъ во всѣхъ отросляхъ труда организоваться въ союзы для отстаиванія своей доли въ этомъ мірѣ... И примѣняя всѣ эти «соціалъ-демократическіе методы борьбы съ неизбѣжностями капиталистическаго развитія», они питаютъ нешуточную увѣренность, что производятъ въ существующемъ строѣ брешь за брешью во славу своего прежняго соціально-революціоннаго штандпункта въ отношеніи къ этому существующему государственному и общественному порядку... Но—спросимъ, наконецъ—что же общаго у всѣхъ перечисленныхъ и у множества другихъ такихъ же «маргариновыхъ» мѣропріятій съ соціализмомъ, если только не стоять, вмѣстѣ съ Мильраномъ или Жорэсомъ, на той точкѣ зрѣнія, что уже, скажемъ, введеніе подоходнаго налога—мало того, даже простой ростъ государственныхъ налоговъ—составляютъ добрый кусокъ соціализма *), а весь онъ подлежитъ вообще осуществленію

---

*) Жорэсъ, дѣйствительно, въ ростѣ налоговъ, и при томъ въ такой классической странѣ косвенныхъ налоговъ, какой является Францiя, умудрился найти „кусокъ соціализма". Налоги отнимаютъ ежегодно 1/6, а то и 1/5 часть общаго дохода французскихъ гражданъ. „Такимъ образомъ—разсуждаетъ онъ въ своемъ „La propriété individuelle et l'impôt", (1901)—1/5 часть доходовъ націи отнята у индивидуальнаго права, изъята изъ подъ вѣдѣнія индивидуальной воли. Это еще въ громадной своей части классовая собственность, но эта собственность класса, вмѣсто того, чтобы принять форму индивидуальной собственности, принимаетъ государственную форму. *Демократическое государство не исключительно классовое государство, и становится имъ все менѣе и менѣе*", —комментируетъ Жорэсъ свою мысль. Самый этотъ комментарій получитъ свое надлежащее освѣщеніе нѣсколько ниже. Что же касается этого классическаго разсужденія о налогахъ, то, по тому же рецепту, въ Россіи, напр., гдѣ изъ 6—7 милліарднаго хозяйственнаго оборота страны (и въ добывающей, и въ обрабатывающей промышленности) около 2 милліардовъ извлекается въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и тратится уже въ видѣ государственныхъ расходовъ, въ Россіи, говоримъ мы, по рецепту Жорэса, осуществленъ фактически чуть ли не вдвое даже большій „кусокъ соціализма" чѣмъ во Франціи.—Одно развѣ: Россія еще не „демократическое государство", какъ Францiя...—Не знаемъ ужъ, въ силу какой такой странной ассоціаціи идей, приведенное разсужденіе Жорэса заставило насъ вспомнить, что, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ тотъ же Жорэсъ былъ избранъ однимъ изъ четырехъ вице-президентовъ палаты, другъ его, Жеро Ришаръ писалъ въ „La petite République": „...Вчерашній день послужилъ важной датой для соціализма всѣхъ странъ и не останется безъ вліянія даже тамъ, гдѣ соціализмъ далъ лишь первые слабые ростки"... Не оттого ли эти факты ассоціировались въ нашемъ умѣ, что въ нихъ обоихъ—и въ ростѣ налоговъ въ данной странѣ, и въ выборѣ соціалиста въ вице-президенты ея парламента—заключается одинаковаго въ сущности достоинства и важности „дата для соціализма всѣхъ странъ"...

по частямъ?.. Ибо мы позволяемъ себѣ думать, что у соціализма съ этими мѣропріятіями гораздо меньше общаго, чѣмъ даже у масла съ маргариномъ, и что многіе искренніе соціалисты изъ соціалъ-демократовъ со вздохомъ согласятся съ нами въ данномъ случаѣ...

М. Н. Лежневъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОТЪѢЗДЪ.

Съ поля дуетъ рѣзкій, злобный вѣтеръ...
Поднимаютъ верхъ кривой кибитки..
Подошелъ проститься старый сетеръ,
Съ хмурымъ видомъ трется у калитки.

Говорю ему: „Къ веснѣ пріѣду"...
Рядомъ въ домѣ звякнули тарелкой:
Соблазнился старый - и къ сосѣду
Побѣжалъ на дворъ рысцею мелкой...

„Береги себя,—мнѣ шепчетъ мама,—
Напиши, когда найдешь уроки"...
Отъ заботъ я сторонюсь упрямо,—
Торопливо подставляю щеки...

„Ты у насъ такой неосторожный..."
Досказать боится,—молча, проситъ.
Неувѣренъ взглядъ ея тревожный...
Саквояжъ сестра большой выноситъ.

Бормочу я что-то имъ сквозь зубы...
Помѣстился на сидѣньи жесткомъ...
Дернулъ кучеръ... Слышу окрикъ грубый...
Развернулась даль за перекресткомъ.

Смутно вижу мирный сонъ погоста
И унылый остовъ церкви древней;

Заскрипѣли грузно скрѣпы моста...
Проѣзжаемъ маленькой деревней.

Открываютъ отводъ намъ мальчишки,
Мѣдяки сбираютъ хлопотливо...
Въ край, который знаю по наслышкѣ,
Уношусь мечтой нетерпѣливой!

В. Башкинъ.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

I

Старые счеты.

I.

Когда Лева получилъ телеграмму изъ Монтрё: „Варя при смерти. Пріѣзжайте. Куманинъ“, — разнообразныя чувства, уже много лѣтъ спавшія въ глубинѣ его души, вдругъ проснулись и овладѣли имъ съ прежней силой.

Сначала онъ твердо рѣшилъ не ѣхать. Но среди массы воспоминаній и фигуръ прошлаго образъ Вари выплылъ впередъ, ясный и отчетливый, и неотвязно стоялъ передъ нимъ. Онъ видѣлъ передъ собою ея тонкую фигуру, блѣдное, нѣжное личико съ прозрачными свѣтлыми глазами,—и жалость къ ней понемногу взяла верхъ надъ другими чувствами.

Теперь онъ мчится на курьерскомъ поѣздѣ въ Монтрё— и подъ однообразный стукъ колесъ думаетъ о себѣ, о Варѣ, объ ея братѣ. Послѣднихъ пяти лѣтъ его жизни, какъ будто, не было, и онъ снова живетъ и мучается тѣмъ, чѣмъ жилъ когда-то, снова переживаетъ ту бурю, которая оторвала отъ него Варю и такъ исковеркала его существованіе. Его грудь снова наполняется жгучей ненавистью къ Куманину и чувствомъ горькой обиды, нанесенной ему Варей. Онъ съ отвращеніемъ вспоминаетъ атлетическую фигуру ея брата, его широкія плечи, его могучую короткую шею, и думаетъ, что даже теперь онъ съ наслажденіемъ всадилъ бы пулю въ его „тупой, прямолинейный лобъ“.

Онъ машинально смотритъ въ окно: быстро мелькаютъ мимо вспаханныя поля и среди нихъ кое-гдѣ полосы молодыхъ озимей,—точно ярко-зеленыя лоскутья, нашитыя на бурую свитку; мелькаютъ дороги, сѣрою лентою уходящія въ даль, среди двойного ряда стройныхъ тополей; медленно плывутъ мимо холмы и лѣса, синѣющіе на горизонтѣ... Но Лева ничего этого не замѣчаетъ: передъ его глазами проходятъ другія картины.

Онъ вспоминаетъ страстные кружковые споры, свой рефератъ, прерванный свистомъ и криками товарищей, свою рѣзкую брошюру, направленную противъ всѣми признаннаго вождя партіи, Добросердова. Вспоминаетъ онъ слезы Вареньки, которая умоляла его не печатать этой брошюры и мирно выйти изъ партіи,—и какъ онъ, упрямый и убѣжденный въ своей правотѣ, не послушался ее и выпустилъ въ свѣтъ брошюру... Вспоминаетъ упреки товарищей, раздраженные споры и,—какъ финалъ—бурное объясненіе съ Куманинымъ, въ собраніи. Несмотря на присутствіе постороннихъ, это объясненіе перешло въ ссору, и Куманинъ, который не могъ простить Левѣ его нападокъ на личность своего друга Добросердова,—Куманинъ, здоровый и сильный, какъ быкъ, ударилъ Леву,—тогда еще слабаго, тонкаго юношу—по лицу, на глазахъ у всѣхъ... Эта пощечина постоянно жгла невыносимымъ стыдомъ душу Левы, и даже теперь, въ вагонѣ, это воспоминаніе заставляетъ его стонать отъ боли...

Тутъ же, на собраніи, онъ вызвалъ Куманина на дуэль, и тотъ, пожимая плечами, небрежно отвѣтилъ ему, что завтра же пришлетъ секундантовъ. Но на другой день кружокъ потребовалъ ихъ обоихъ къ объясненію. Собраніе подъ предсѣдательствомъ самого Добросердова было, какъ всегда, шумное и безтолковое. Всѣ волновались, кричали и жестикулировали, какъ помѣшанные, разбирали прошлое Левы и грубо копались у него въ душѣ. Страсти разгорѣлись, и, наконецъ, дошло до того, что товарищъ Блювштейнъ, котораго Лева считалъ своимъ близкимъ другомъ, вскочилъ на стулъ—высокій, въ потертомъ сюртукѣ, съ развѣвающимися волосами и глазами, горѣвшими ненавистью, и, вытянувъ впередъ худую руку безъ манжетъ, закричалъ, что Лева—шпіонъ и предатель. И тогда поднялся невѣроятный шумъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать и надъ которымъ подымался только рѣзкій, дребезжащій звонъ предсѣдательскаго колокольчика. Въ концѣ концовъ, собраніе приняло резолюцію, что дуэли не будетъ, и что тотъ изъ противниковъ, кто отъ нея не откажется, будетъ „извергнутъ изъ партіи“.

Куманинъ сейчасъ же заявилъ, что подчиняется собранію, такъ какъ выше всего ставитъ партійную дисциплину. А Лева попросилъ слова и въ горячей рѣчи объяснилъ, почему онъ не признаетъ за кружкомъ права вмѣшиваться въ его личныя дѣла. И тутъ же онъ воспользовался случаемъ сказать этимъ „узколобымъ сектантамъ“ все, что онъ думалъ о нихъ. Говоря свою рѣчь, онъ съ какимъ-то непонятнымъ для самого себя спокойствіемъ разсматривалъ толпу

своихъ бывшихъ товарищей, которые съ искаженными злобою лицами кричали, топали ногами и протягивали къ нему кулаки... И, не смотря на ихъ крики „довольно“, „долой его“, „предатель“,—онъ сказалъ имъ все, что имѣлъ сказать, и только тогда вышелъ изъ комнаты, провожаемый угрозами и оскорбленіями.

На улицѣ, у выхода, онъ долго ждалъ Варю. Когда, наконецъ, она показалась вмѣстѣ съ братомъ, Лева подошелъ къ ней и сказалъ:

— Варя, выбирай: съ кѣмъ ты, со мной или съ *ними*?

Онъ никогда не забудетъ лица Вареньки въ эту минуту. Оно было мертвенно-блѣдное, и на немъ отражались и усталость долгой борьбы съ собой, и какое-то твердо принятое рѣшеніе. Она ничего не отвѣтила, только опустила голову и взяла брата подъ руку.

Для Левы этотъ ударъ былъ самый тяжелый, самый неожиданный... Разумѣется, Варя не раздѣляла всѣхъ его взглядовъ, но онъ зналъ, какъ любитъ она его—и вотъ въ *такую* минуту она бросила его, одинокаго, несправедливо обиженнаго, и уходитъ съ его врагомъ и оскорбителемъ...

Лева прижался къ стѣнѣ и долго смотрѣлъ, какъ Варя и Куманинъ уходили по длинной, узкой улицѣ. Было темно, сѣялъ мелкій осенній дождь, и только уличные фонари прорѣзывали туманъ свѣтлыми, красноватыми полосами. И Лева слѣдилъ, какъ двѣ темныя фигуры, крупная мужская и прильнувшая къ ней граціозная женская фигурка, появлялись на секунду въ свѣтѣ фонаря на блестящемъ, мокромъ тротуарѣ, ныряли во мглу и снова выплывали изъ тумана при свѣтѣ слѣдующаго фонаря, пока окончательно не потонули въ темнотѣ...

Послѣ этого начался самый тяжелый періодъ его жизни. Первое время онъ еще жилъ своимъ протестомъ. Теперь, ужъ изъ одной мести, онъ выпустилъ другую брошюру, въ которой подвергъ жестокій критикѣ программу и тактику своихъ бывшихъ товарищей. Онъ ждалъ новаго взрыва негодованія, но этой брошюры какъ-то никто не замѣтилъ, и она точно упала безшумно въ бездонный колодецъ. И когда этотъ подъемъ протеста прошелъ у Левы,—началось безпросвѣтное существованіе отверженнаго, у котораго отняли все, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ. Въ сотый и въ тысячный разъ вспоминалъ онъ пережитое, разбиралъ поведеніе своихъ противниковъ и свое собственное,—и горечь несправедливыхъ обидъ накоплялось у него на душѣ...

А между тѣмъ, скоро произошли событія, блестяще доказавшія, насколько Лева былъ правъ и въ своихъ нападкахъ на Добросердова, и въ своей критикѣ программы пар-

тіи. Добросердовъ сталъ ренегатомъ. Онъ измѣнилъ революціи, перешелъ на сторону правительства и уѣхалъ въ Россію. Правда, онъ не предалъ никого изъ своихъ бывшихъ товарищей, но моральный ударъ, нанесенный этой измѣной, былъ такъ великъ, что черезъ два-три года партія распалась, сначала на двѣ враждующія половины, а потомъ на множество мелкихъ безформенныхъ группъ.

Къ тому времени всѣ уже забыли Леву, никто не вспомнилъ, что все это было давно имъ предсказано, и никто не пришелъ къ нему повиниться въ несправедливомъ къ нему отношеніи въ моментъ, когда „извергали" его изъ партіи,— никто, не исключая даже Вари...

За эти пять лѣтъ Лева всего одинъ разъ видѣлъ Варю и Куманина. Это было уже послѣ измѣны Добросердова. Лева обѣдалъ въ ресторанѣ и видѣлъ ихъ изъ окна, когда они проходили по улицѣ. Куманинъ казался сильно постарѣвшимъ: глубокія горькія морщины появились вокругъ его рта, и въ черной курчавой бородѣ мѣстами уже сѣрѣла сѣдина. А Варя шла рядомъ съ нимъ, похудѣвшая, блѣдная, съ осунувшимся грустнымъ личикомъ и строго сжатыми губами... И, при видѣ ея, у Левы что-то острое шевельнулось въ сердцѣ. Его наполнило сложное чувство: какая-то нехорошая радость и какой-то непонятный упрекъ самому себѣ, хотѣлось броситься передъ нею на колѣни, въ чемъ-то просить прощенія и въ то же время помучить ее злораднымъ напоминаніемъ объ измѣнѣ Добросердова...

II.

Между тѣмъ, холмы по обѣимъ сторонамъ пути все растутъ и постепенно переходятъ въ горы, покрытыя темными елями. Поѣздъ зигзагами подымается по склонамъ горъ и мчится въ глубинѣ мрачныхъ ущелій Юры. Мелькаютъ сѣрыя скалы, пѣнящіяся горныя рѣчки, дома съ крышами, укрѣпленными камнями, пріютившіеся подъ самыми облаками въ разсѣлинахъ горъ. Поѣздъ ежеминутно ныряетъ въ черные туннели, съ грохотомъ проносится по нимъ и мчится дальше между страшныхъ отвѣсныхъ скалъ, до половины закрытыхъ туманомъ. Появляется прелестная долина Орбы съ рѣчкой, которая бѣлой лентой вьется внизу, на страшной глубинѣ; вдали на минуту показывается, какъ сизое облако, Невшательское озеро и сейчасъ же исчезаетъ за горами, и поѣздъ осторожными зигзагами начинаетъ спускаться къ Лозаннѣ. Вотъ на самомъ горизонтѣ появляется свѣтлое пятно, похожее на серебряный щитъ. Очертанія этого

пятна все опредѣляются, на его поверхности уже можно различить какія-то матовыя полосы и легкую зыбь, его цвѣтъ становится все синѣе и синѣе. Вотъ по краямъ его уже вырисовались горы, похожія на неподвижныя лиловыя тучи; само пятно быстро растетъ и уже кажется какою-то голубой пропастью, занимающей полъ-горизонта. Еще нѣсколько минутъ—и предъ глазами разстилается Женевское озеро, синее, какъ мѣдный купоросъ, прозрачное, окаймленное поясомъ зеленыхъ садовъ и бѣлѣющихъ виллъ...

Поѣздъ на минуту останавливается у станціи: здѣсь суетня, шумъ, движеніе. Платформа полна туристовъ; мужчины и женщины въ горныхъ клѣтчатыхъ костюмахъ, въ зеленыхъ тирольскихъ шляпахъ, въ башмакахъ, подкованныхъ гвоздями, съ альпійскими палками въ рукахъ и съ пледами, въ которые завернуты зонтики и красные бедекеры.

Поѣздъ идетъ дальше по берегу лазурной воды, которая тихо плещется о камни. По ту сторону озера, въ лиловомъ туманѣ, видны горы и у подножія ихъ города — точно пригоршня разбросанныхъ игральныхъ костей. Въ глубинѣ долины, тамъ, гдѣ Рона вливается въ озеро, подымается Dent du Midi, сіяя на солнцѣ зубчатой вершиной и морщинами, заполненными бѣлымъ искрящимся снѣгомъ.

Но вотъ, наконецъ, и Монтрё. Лева выходитъ изъ вагона и подымается къ деревнѣ Тэритэ, которая лежитъ въ полугорѣ надъ станціей. Онъ идетъ по горбатымъ уличкамъ, между заросшихъ розами стѣнъ, къ знакомому дому, гдѣ Куманины всегда проводятъ лѣто, и гдѣ самъ онъ прожилъ два счастливыхъ мѣсяца. Все здѣсь по старому, какъ въ тѣ дни, когда они гуляли вмѣстѣ съ Варей; и эта прозрачная лазурная вода, и гора Граммонъ съ вершиной, окутанной облаками, и Dent du Midi, уже розовѣющій при свѣтѣ заходящаго солнца, и эта желтая полоса Роны, которая течетъ чрезъ озеро среди ярко-синей, искрящейся воды. Въ природѣ все то же, измѣнились они одни: она умираетъ, а онъ давно ужъ, какъ будто, пересталъ жить...

Вотъ стѣна, вся заросшая темно-зеленымъ плющемъ. Съ нея на деревянную рѣзную калитку свѣшиваются густыя кисти лиловыхъ глициній; и Лева долго, съ сильно забившимся сердцемъ, стоитъ передъ нею, не рѣшаясь войти. Наконецъ, онъ отворяетъ ее и проходитъ садъ, гдѣ въ тѣни деревьевъ, между кустами фіолетовыхъ и пунцовыхъ рододендроновъ, бурля и пѣнясь, бѣжитъ ручей. Онъ еще на секунду останавливается передъ крыльцомъ, гдѣ въ большихъ кадкахъ стоятъ олеандры—видъ ихъ темно-розовыхъ цвѣтовъ и узкихъ глянцовитыхъ листьевъ опять будитъ въ немъ много воспоминаній—и, наконецъ, входитъ въ домъ.

Здѣсь все тихо—какъ будто, нѣтъ никого. Онъ отворяетъ дверь въ гостиную, и въ первую минуту она кажется ему пустою, но вдругъ въ углу на креслахъ онъ видитъ мужскую фигуру, которая сидитъ, подперевъ голову рукою. При видѣ Левы мужчина подымаетъ свое лицо съ крупными чертами и густою черной бородой и, узнавъ его, вскакиваетъ и краснѣетъ.

— Она жива?—почти кричитъ Лева.

— Да... она наверху, —говоритъ Куманинъ, дѣлая неловкое движеніе навстрѣчу Левѣ и вдругъ, въ смущеніи, останавливаясь.

Лева, задыхаясь отъ волненія, идетъ наверхъ по скрипучей деревянной лѣстницѣ. Знакомъ и дорогъ ему скрипъ этой лѣстницы: какъ часто, возвращаясь съ прогулки въ 2—3 часа ночи, они въ темнотѣ подымались по ней, осторожно, ступенька за ступенькой, чтобы не разбудить ниникого въ домѣ! И передъ Левой встаетъ *та ночь*, когда они шли къ дому по пыльной Шильонской дорогѣ. Все кругомъ было тихо и при лунномъ свѣтѣ казалось такимъ загадочнымъ и прекраснымъ; на озерѣ дрожала и искрилась широкая блестящая полоса; горы стояли молчаливыя, черныя и страшныя, деревья въ садахъ по обѣ стороны дороги, казалось, были полны какой-то тайны... Въ лицѣ Вари, освѣщенномъ зеленоватыми лучами луны, и въ ея фигурѣ, одѣтой въ бѣлое, было что-то новое, русалочное и чудно-красивое... Они шли молча, обнявшись, измученные своимъ счастьемъ. Потомъ они вошли въ домъ и медленно подымались по этой лѣстницѣ—и вдругъ сухое дерево звонко щелкнуло... Они замерли и долго стояли въ темнотѣ, боясь пошевелиться... А потомъ, въ ея комнатѣ—весь этотъ чадъ и опьяненіе теплой, пахучей ночи, первой ночи, проведенной вмѣстѣ!

Лева робко входитъ въ ея комнату, и ему кажется, что онъ прежній, и его ждетъ прежняя Варя: такъ все здѣсь по старому: то же окно съ кружевной занавѣскою, тѣ же портреты на стѣнахъ, та же бѣлая постель и букеты сухихъ цвѣтовъ на каминѣ. Только возлѣ кровати теперь стоитъ столикъ, уставленный пузырьками, да въ воздухѣ носится тяжелый аптечный запахъ.

Уже смеркалось, и въ комнатѣ было полу-темно. Лева на цыпочкахъ подошелъ къ постели—и вдругъ изъ подушекъ послышался слабый, почти незнакомый ему голосъ:

— Это ты, Лева? Я узнала твои шаги на лѣстницѣ...

Лева бросается на колѣни передъ кроватью и цѣлуетъ горячія руки, ея дорогія руки, теперь худыя, прозрачныя, съ лиловыми ногтями... Подъ бѣлымъ одѣяломъ тѣло Вари по-

чти не занимаетъ мѣста: такъ оно худо... Ея блѣдное лицо съ тонкими, изящными, точно вылѣпленными изъ воска, чертами окаймлено двойной волной густыхъ каштановыхъ волосъ. Зеленовато-сѣрые прозрачные глаза кажутся еще больше и горятъ сухимъ лихорадочнымъ огнемъ, и скулы чуть-чуть рдѣютъ нѣжнымъ румянцемъ. У нея нѣтъ силъ подняться съ подушекъ, и Лева жадно прильнулъ губами къ ея горячимъ щекамъ, безкровнымъ губамъ и гладкому бѣлому лбу.

Они долго молчали. Наконецъ, она съ усиліемъ проговорила, разглядывая Леву:

— Бѣдный... какъ ты измѣнился... Какой нездоровый, измученный видъ у тебя! Неужели я виновата во всемъ этомъ?

— Ахъ, Варя, какъ могла ты бросить меня тогда, въ ту минуту?—воскликнулъ Лева, и острая жалость къ самому себѣ наполнила его. И онъ прибавилъ съ ненавистью, указывая внизъ:

—...И уйти съ нимъ! Варя, ты не любила меня!

Ея лицо вдругъ стало строгимъ. Она покачала головой и сказала почти шепотомъ:

— Слишкомъ сильно любила... и люблю до сихъ поръ... Даже въ тотъ моментъ... въ собраніи... Когда ты стоялъ одинъ противъ всѣхъ... Я любила тебя и любовалась тобою, несмотря на то, что ты оскорблялъ насъ всѣхъ... И трудно мнѣ было уйти отъ тебя...

— Но ты ушла! — въ отчаяніи закричалъ Лева, почти испуганный мыслью, что все могло бы быть иначе.

— Потому, что ты былъ неправъ...

— Какъ, неужели измѣна Добросердова не показала тебѣ, *кто* былъ правъ? А распаденіе партіи, которое я предсказалъ, неужели и это тебя не убѣдило?

— Нѣтъ... нѣтъ... настоящая правда была не на твоей сторонѣ... внутренняя правда...

Она прижала ко рту свою прозрачную руку, и кашель долго трясъ ея грудь. Потомъ продолжала, задыхаясь, слабымъ, надорваннымъ голосомъ:

— Я не могу много говорить... но хочу, чтобы ты подумалъ о моихъ словахъ... когда-нибудь потомъ... когда я умру... Возможно, что ты былъ умнѣе всѣхъ насъ, въ кружкѣ... Но въ революціи самое важное—не умъ, а вѣра... энтузіазмъ... а этого у тебя было мало... Ты читалъ намъ рефератъ... писалъ брошюру... и никакъ не могъ понять, что нельзя у людей, которые должны идти на вѣрную смерть... въ лучшемъ случаѣ на вѣчную каторгу... нельзя отнимать у нихъ вѣру... въ самихъ себя и въ близкое торжество ихъ идеа-

ловъ... Они возненавидѣли тебя, потому что ты отнималъ у нихъ главное, чѣмъ они жили...

Она съ усиліемъ приподнялась на локоть и хотѣла продолжать, но закашлялась и, утомленная, снова упала на подушки. Она шумно дышала, и въ груди ея что-то скрипѣло и хлюпало. Отдохнувъ немного, Варя положила руку на его голову и сказала нѣжно, лаская его волосы:

— Не за тѣмъ я позвала тебя, чтобы упрекать... Мы съ съ братомъ сами во многомъ предъ тобою виноваты... Та пощечина—у него до сихъ поръ самое мучительное воспоминаніе въ жизни... И если бы ты зналъ, что вынесъ онъ послѣ измѣны Добросердова.

И она снова закашлялась, но на этотъ разъ глубоко и захлебываясь. Она вынула платокъ изъ-подъ подушки и прижала его ко рту, стараясь остановить свой кашель. И вдругъ этотъ бѣлый платокъ у ея рта сталъ ярко-краснымъ... Лева вскочилъ на ноги и съ ужасомъ смотрѣлъ на нее. Она махнула свободной рукой по направленію къ двери и проговорила сквозь душившій ее кашель:

— Уйди... пока... Потомъ поговоримъ...

И когда Лева затворилъ за собой дверь и спускался по лѣстницѣ, его долго еще преслѣдовалъ этотъ ужасный, надрывающійся кашель.

III.

Лева медленно вышелъ изъ виллы и пошелъ по направленію къ Шильонскому замку. Новое, непонятное чувство тѣснило его грудь. Всѣ предметы передъ нимъ вдругъ какъ-то задрожали и искривились, и по носу и щекамъ что-то защекотало. Онъ поднесъ руку къ глазамъ: они были влажны.

Уже стемнѣло, и на западѣ надъ озеромъ догорала послѣдняя пурпурная полоса; надъ нею небо было блѣдно-желтое, и высоко надъ головою въ прозрачной голубизнѣ теплилась первая, блѣдная звѣздочка. Стѣны и крыша замка и его толстыя, круглыя башни казались уже совершенно черными, и ихъ отраженія рѣзко вырисовывались на свѣтлой водѣ озера. У подножія высокой башни, которая обращена теперь въ тюрьму, у самой воды лежала куча огромныхъ камней, и Лева перепрыгнулъ съ берега на одинъ изъ нихъ, на *ихъ* камень, на которомъ они часто сидѣли до поздней ночи.

Лева ѣхалъ сюда съ мыслью, что онъ долженъ простить Варю,—и теперь вдругъ оказалось, что самъ онъ нуждается

въ прощеніи. Обстановка начала ихъ любви, въ которую онъ снова такъ внезапно попалъ, и свиданіе съ Варей, послѣ долгой разлуки—все это какъ то сразу смягчило его и разбило все ожесточеніе, накопившееся въ его сердцѣ. Немногія слова, которыя она проговорила сквозь кашель, слова, имѣвшія особенную силу и значеніе въ виду ея близкой смерти,—глубоко взволновали его. Въ первый разъ въ жизни онъ сталъ смотрѣть на себя со стороны. Онъ стоялъ теперь передъ своею совѣстью,—и только самолюбіе и эгоизмъ онъ видѣлъ въ своей душѣ.

— Любилъ ли ты ее?—спрашивалъ онъ себя.

И, подумавъ, отвѣтилъ съ убѣжденіемъ: „Да, любилъ!"

Но жалѣлъ ли ты ее когда-нибудь? Думалъ ли о томъ, *что* она должна была чувствовать, когда ты такъ жестоко заставилъ ее выбирать между тобою и тѣми, кого она считала правыми? Вотъ и теперь: ты плачешь—по кашлю ея ты понялъ, что она не можетъ жить... но развѣ тебѣ *ее* жаль? Неправда, ты жалѣешь самого себя: ты льешь слезы надъ собой, одинокимъ, потерявшимъ единственное любимое и любящее тебя существо.

Всегда у него самолюбіе стояло выше всего. Въ тотъ моментъ, когда онъ сказалъ ей: „выбирай между *ими* и мною"—развѣ нужна была ему она сама? Онъ зналъ, какъ любили ее всѣ товарищи, зналъ, что въ кружокъ со своей красотой и обаяніемъ она вносила то неуловимое, что окружаетъ поэзіей и романтизмомъ самую заурядную революціонную работу... Какая сладкая месть это была бы, если бы она ушла изъ кружка за нимъ!

Онъ коротко и злобно разсмѣялся какимъ-то чужимъ смѣхомъ, и самъ удивился этому смѣху, страшно прозвучавшему подъ стѣнами замка и надъ спокойной водою. Кругомъ все было тихо, волны неслышно плескались о камни, и съ берега не доносилось ни звука. Уже совсѣмъ стемнѣло. Горы черными силуэтами вырѣзывались на темно-синемъ, звѣздномъ небѣ, и города у ихъ подножія теперь казались горстью раскаленныхъ углей, разсыпанныхъ по берегу озера. Въ небѣ и внизу, въ водѣ, горѣли, вздрагивая, тысячи яркихъ и холодныхъ звѣздъ, и невозможно было сказать, гдѣ небо и гдѣ—вода. И Левѣ казалось, что онъ виситъ въ безконечномъ между-планетномъ пространствѣ и такъ будетъ висѣть до конца дней, одинъ въ цѣломъ мірѣ.

Онъ продолжалъ безпощадно разбирать свои поступки, доискиваясь самыхъ сокровенныхъ побужденій, и теперь все его поведеніе, которое онъ привыкъ считать безупречнымъ, представлялось ему въ совершенно иномъ свѣтѣ.

— Ты думаешь, что *тогда* ты боролся за истину? Това-

рищи были люди узкіе и наивные, и ты считалъ, что долженъ объяснить имъ настоящее положеніе вещей и предостеречь ихъ отъ личностей, которыя могли погубить ихъ дѣло... Но такъ ли это? Просто, ты не могъ помириться съ затертой ролью, которую игралъ въ кружкѣ, а твое огромное самолюбіе требовало, чтобы въ тебѣ, какъ въ центрѣ, все сосредоточилось...

Вѣдь, въ сущности, онъ немного презиралъ товарищей: они возбуждали въ немъ какое-то брезгливое чувство своею односторонностью и полнымъ отсутствіемъ научной критики. Но въ нихъ былъ тотъ инстинктъ правды, то чутье, которое сразу подсказываетъ вѣрную дорогу и позволяетъ человѣку идти, не колеблясь, по разъ выбранному пути... А онъ самъ? Былъ ли у него этотъ инстинктъ?

Онъ съ ясностью галлюцинаціи увидѣлъ предъ собою самаго типичнаго члена кружка, товарища Блювштейна. Лева когда-то жилъ съ нимъ на одной квартирѣ, зналъ его хорошо и всегда считалъ недалекимъ, необразованнымъ и немного смѣшнымъ человѣкомъ. Вотъ онъ, высокій, худой, съ впалой грудью; истасканный сюртукъ свободно болтается на немъ, глаза красные и воспаленные, волосы и борода — лохматые и нечесанные... Но теперь Левѣ кажется, что онъ узнаетъ въ немъ какую-то сильную библейскую фигуру, изступленнаго пророка или одного изъ братьевъ Маккавеевъ.— „Узкій сектантъ"... Да! Но сила его именно въ этой узости: онъ носитъ въ себѣ одну мысль, одно неотступное желаніе... Гдѣ онъ теперь? Кажется, въ ссылкѣ, въ Якутской области, куда попалъ за устройство тайныхъ типографій въ нѣсколькихъ городахъ. Но и тамъ не погаснетъ его страстный сектантскій духъ, и если онъ живъ, если ему удастся послѣ многихъ лѣтъ тяжелой ссыльной жизни вернуться въ Россію, онъ снова съ прежнимъ упорствомъ примется за старую работу. Вотъ за такими-то маньяками и идетъ толпа, а не за умными, холодными резонерами...

Товарищи всѣ были сильны такою вѣрою. Лева первый внесъ въ ихъ среду критику программы и мелочный анализъ поступковъ и словъ другъ друга. И, въ сущности, не столько Добросердовъ своею измѣной, сколько онъ, Лева, своими брошюрами и рефератомъ забросилъ въ ихъ умы тотъ бродильный грибокъ, который впослѣдствіи разложилъ партію...

Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Зачѣмъ разбилъ свою и Варину жизнь?

Вѣдь такъ просто было бы мирно выйти изъ кружка, уѣхать въ другой городъ, заняться наукой, къ которой

всегда такъ тяготѣлъ онъ. Оттого, что онъ дрянной, самолюбивый человѣкъ...

И Лева, сжавъ голову руками, сидѣлъ на камнѣ и думалъ о томъ, какъ хороша могла бы быть ихъ жизнь, — и позднее раскаянье, ѣдкое, какъ сѣрная кислота, жгло его душу...

IV.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Наконецъ, рѣзкій холодъ заставилъ его очнуться. Его зубы стучали, ноги окоченѣли, все тѣло было точно изломано... Звѣзды уже поблѣднѣли, надъ озеромъ носились клочья легкаго тумана, съ неба падалъ синеватый свѣтъ. На вершинахъ горъ мѣстами появились красноватые облики, которые разгорались все ярче и ярче. Скоро весь горный кряжъ очертился золотой полосою. Эта полоса расширялась и все ниже спускалась по склонамъ горъ въ долину, и скоро мягкій оранжевый свѣтъ залилъ все вокругъ. Поверхность воды, вначалѣ сѣро-стальная, постепенно синѣла, пока не стала чуднаго ярко-голубаго цвѣта съ фіолетовыми отливами. Въ утренней зыби запрыгали милліоны ослѣпительныхъ блестокъ, изъ тумана на берегахъ выплывала свѣжая, точно вымытая росою, зелень садовъ и бѣлые дома съ розовыми черепичными крышами— и яркій, счастливый день поднялся надъ озеромъ. Пронзительно свистнулъ локомотивъ, поѣздъ понесся по берегу, скрытый за деревьями, и длинное облачко пара, какъ огромная бѣлая змѣя, клубясь и извиваясь, бѣжало за трубою. Вдали, изъ порта на французскомъ берегу, задернутомъ лиловой дымкой, вышла флотилія парусныхъ рыбачьихъ лодокъ и разсыпалась по озеру, какъ стая бѣлыхъ водяныхъ птицъ. Мимо Левы проплылъ большой баркасъ съ косымъ латинскимъ парусомъ; бѣлая грудь паруса была надута вѣтромъ, вода бурлила и пѣнилась подъ килемъ, и двѣ голубыя морщины бѣжали отъ бортовъ и нѣжно плескались о прибрежные мшистые камни.

По мѣрѣ того, какъ вокругъ свѣтлѣло, прояснялось и на душѣ у Левы. Онъ уже не думалъ о прошедшемъ, и одинъ только вопросъ занималъ его: проститъ ли его Варя?

Лева перепрыгнулъ съ камня на берегъ и быстро пошелъ по направленію къ виллѣ. Онъ разскажетъ ей все, что выстрадалъ за эти пять лѣтъ... и она проститъ его. Въ глубинѣ его души появилась даже мысль, что, можетъ быть, онъ и не такой уже дурной человѣкъ, какимъ считалъ себя ночью. Варя—человѣкъ чуткій, какъ могла бы она любить его, если бы онъ былъ такимъ?

— — — —

Въ деревнѣ всѣ еще спали. Входная дверь виллы оказалась открытою—очевидно, для него. Онъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и у двери въ Варину комнату услыхалъ какой-то тихій, странный звукъ. Онъ долго прислушивался, силясь понять, что это за звукъ, потомъ открылъ дверь и увидѣлъ Куманина, который лежалъ поперекъ Вариной кровати, и его широкія плечи вздрагивали отъ тихихъ рыданій. Варя лежала неподвижно на подушкахъ, и утренній розоватый свѣтъ освѣщалъ ея блѣдное лицо. Оно казалось моложе и красивѣе: ясное спокойствіе проникало всѣ черты, губы были сжаты серьезно и немного строго, тонкія брови чуть-чуть сдвинуты, и на красивомъ гладкомъ лбу была видна какая-то сосредоточенная мысль...

Въ этомъ задумчивомъ, спокойномъ лицѣ и въ полупрозрачныхъ вѣкахъ съ длинными рѣсницами, закрывшихъ навсегда ея милые, умные глаза, Лева прочелъ себѣ прощеніе... Куманинъ поднялъ къ нему лицо, съ опухшими отъ слезъ глазами, и протянулъ руку. При видѣ этого суроваго мужского лица, съ заплаканнымъ и какимъ-то дѣтскимъ выраженіемъ, Леву наполнила безконечная жалость и нѣжность къ нему. И оба они, обнимая другъ друга, вдругъ поняли, какъ близки и дороги стали они одинъ для другого.

II

Въ подпольи.

I.

Въ то время я служилъ „молодцомъ“ у 3-ей гильдіи купца Ивана Өедоровича Папкова. У насъ была овсяная и сѣнная торговля въ глухомъ переулкѣ близь Смоленскаго вокзала, въ Грузинахъ. Лавка помѣщалась въ деревянномъ особнякѣ, выходившемъ одной стороной на капустный огородъ, а другой на пустырь. Кромѣ лавки въ домѣ была еще кухня и двѣ жилыя комнаты съ окнами, глядѣвшими во дворъ. Самая лавка представляла большую пустую комнату съ бѣлеными голыми стѣнами, вдоль которыхъ стояли мѣшки съ овсомъ, кубы прессованнаго сѣна и большіе десятичные вѣсы. На дверяхъ висѣли кнуты, ямскіе разноцвѣтные кушаки и рукавицы изъ желтой кожи. У окна

стояла конторка и передъ нею высокій клеенчатый табуретъ, на которомъ сидѣлъ хозяинъ,—человѣкъ лѣтъ 37, въ круглыхъ очкахъ и длиннополомъ черномъ сюртукѣ. Онъ всегда читалъ какую-нибудь книгу и, когда въ лавку заходилъ покупатель, быстро пряталъ ее въ конторку и начиналъ щелкать на счетахъ. Казался онъ человѣкомъ страннымъ, растеряннымъ и суетливымъ. — „Какой-то онъ у васъ дурашный, прости его Господи!" — говорили о немъ наши постоянные покупатели. Онъ возбуждалъ въ нихъ недоумѣніе, его не любили и, пожалуй, даже боялись. То вдругъ уступитъ здорово-живешь 10 коп. съ пуда, то выскочитъ помогать взваливать мѣшки на телѣгу и разсыпетъ зерно на мостовую, то начнетъ убѣждать извозчика, заѣхавшаго за сѣномъ, чтобы тотъ лучше купилъ рукавицы, то ни съ того ни съ сего заведетъ длинную рѣчь, такую непонятную, что въ концѣ ея покупатель непремѣнно спроситъ: „это вы, собственно, о чемъ же-съ?"

На наше счастье покупателей у насъ было мало — въ среднемъ человѣка три въ день, — и мы на досугѣ могли заниматься своимъ главнымъ дѣломъ. Главное же наше дѣло совершалось не въ лавкѣ, а въ небольшой проходной комнатѣ безъ оконъ. Здѣсь стоялъ кивотъ, при свѣтѣ лампадки горѣли яркіе блики на золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, таинственно чернѣли лики святыхъ, и на потолкѣ дрожалъ и метался бѣлый кругъ свѣта. Въ углу стояло что-то вродѣ налоя, покрытое чернымъ коленкоромъ, а у стѣны—большой комодъ. Въ извѣстные часы дня съ налоя снимали покровъ, и подъ нимъ оказывался ящикъ со множествомъ отдѣленій для шрифта, а комодъ раздвигали такимъ образомъ, что изъ него получался печатный станокъ. И тогда, при свѣтѣ яркой керосиновой лампы, я набиралъ и печаталъ съ рукописей, которыя давалъ мнѣ Иванъ Ѳедоровичъ.

Жизнь при лавкѣ заключала для меня много прелести. За два года до этого я бѣжалъ изъ кіевской тюрьмы,—и для меня началась жизнь травимаго со всѣхъ сторонъ звѣря: приходилось внезапно переѣзжать изъ города въ городъ, перекочевывать съ квартиры на квартиру, въ теченіе мѣсяцевъ ночевать чуть ли не каждую ночь у новыхъ людей. Годъ такой жизни окончательно истрепалъ мои нервы, — но, на мое счастье, товарищи достали мнѣ, наконецъ, „настоящій" паспортъ (т. е. принадлежащій дѣйствительно существующему лицу) и устроили при типографіи. Физическая работа: топка печей, колка дровъ, мятеніе двора и лавки — укрѣпила мое здоровье, а однообразныя типографскія занятія укрѣпили мои нервы. Было сладко отдать себя въ полное распоряженіе другихъ, не волноваться внезапными стра-

хами и думать только о простыхъ, незатѣйныхъ вещахъ... Здѣсь я впервые сталъ крѣпко спать, ѣсть съ аппетитомъ и испытывать ощущеніе такого спокойствія, точно міръ былъ отдаленъ отъ меня толстой, ватной стѣною.

Мы жили при лавкѣ, почти не выходя изъ дому, и сношенія съ внѣшнимъ міромъ поддерживали только чрезъ Силантія и Софью Ивановну.

Силантій былъ нашимъ возчикомъ. Раза два или три въ недѣлю онъ привозилъ намъ сѣно, овесъ и, спрятанную въ сѣнѣ, бумагу, а у насъ забиралъ отпечатанные экземпляры нашего изданія и доставлялъ ихъ по назначенію. Онъ былъ красивый брюнетъ, лѣтъ 28, здоровый, веселый и любящій жизнь. Мы учились вмѣстѣ съ нимъ въ университетѣ; тогда онъ считался человѣкомъ способнымъ и талантливымъ; всегда и всюду онъ былъ центромъ: въ кружкахъ, землячествахъ, на вечеринкахъ, гдѣ пѣлъ баритономъ „Дубинушку", плясалъ казачка и смѣшилъ всѣхъ, — на сходкахъ и во время студенческихъ волненій. Онъ былъ любимцемъ товарищей и баловнемъ женщинъ, но многіе тогда его не любили за самолюбіе и слишкомъ высокое мнѣніе о самомъ себѣ.

Софья Ивановна была дѣвица лѣтъ 35—40, некрасивая, сухая и блѣдная, но необыкновенно работящая. Она доставляла намъ рукописи и матеріалъ для статей, ходила на свиданія, ѣздила въ провинцію и поддерживала связи съ членами партіи въ Петербургѣ и за границей. Одѣта она была чистенько и просто, какъ мѣщанка или мелкая чиновница; въ совершенствѣ изучила мѣщанскую рѣчь, такъ что даже звукъ голоса у нея былъ простой и пѣвучій, какой бываетъ у замоскворѣцкихъ купчихъ и просвирень, и, благодаря этому, ей удавалась всюду пройти, не возбуждая подозрѣній. Отъ нея такъ и вѣяло искренностью, бодростью и энергіей, и когда она возвращалась изъ поѣздки и разсказывала намъ свои впечатлѣнія, для насъ, отшельниковъ, это бывалъ настоящій праздникъ.

Среди насъ жило еще одно существо, жена Ивана Ѳедоровича, Васса. У нея не было опредѣленныхъ функцій, и она ходила изъ комнаты въ комнату, кутаясь въ свой неизмѣнный темный платокъ, ложилась на минуту на диванъ, подходила къ окну и задумчиво смотрѣла на огороды, входила въ наборную и, становясь позади станка, смотрѣла на насъ своими прозрачными глазами, улыбалась грустною, ласковой улыбкой и снова уходила бродить по комнатамъ. И если бы каждаго изъ насъ спросили, кто изъ насъ дѣлаетъ самое важное, самое необходимое дѣло, мы, не колеблясь, отвѣтили бы: Васса!

Одѣта она была въ простое платье изъ чернаго съ крапинками ситца, и голову и плечи ея покрывалъ темный платокъ, который она придерживала на груди своею худою узкой рукою. Изъ темной рамы этого платка выступали свѣтлые волосы, раздѣленные на двѣ пряди надъ красивымъ бѣлымъ лбомъ, и нѣжно-блѣдный овалъ лица. Глаза большіе, прозрачные и зеленые, какъ лѣсное озеро, смотрѣли исподлобья, строго и задумчиво. Губы, ярко-красные на блѣдномъ фонѣ лица, были мягко и красиво изогнуты, и во влажномъ разрѣзѣ ихъ таилось что-то доброе и сдержанно-страстное. И вся она, стройная и молодая, но окруженная темными тканями, падавшими простыми и суровыми складками, напоминала мнѣ старинную, закопченную раскольничью икону, которую я гдѣ-то видѣлъ въ дѣтствѣ, Богоматерь или святую мученицу, трогательно-ясную, грустную и задумчивую...

Она была дочь богатаго сибирскаго купца-старообрядца; когда Иванъ Ѳедоровичъ жилъ въ ссылкѣ, она случайно познакомилась съ нимъ, угадала его и, бросивъ семью, ушла съ нимъ въ революцію. И хотя она никогда ничему не училась, но у нея, какъ ни у кого изъ насъ, было развито тонкое чутье правды. Загнанные въ подполье, топчущіеся среди небольшого числа единомышленниковъ, вѣчно въ одномъ и томъ же кругѣ идей, мы жили въ атмосферѣ, гдѣ трудно было отличить призраки отъ дѣйствительности, и гдѣ мысли овладѣвали головою съ неотступностью горячечнаго бреда... И Васса потому была такъ дорога и необходима намъ всѣмъ, что представляла *совѣсть* нашей организаціи, какъ Иванъ Ѳедоровичъ—мысль ея...

II.

Въ эпоху, когда начинается мой разсказъ, Силантій потерялъ свою обычную веселость и сталъ задумываться. Въ такомъ беззаботномъ человѣкѣ, какъ онъ, это несомнѣнно указывало на на тяжелый внутренній разладъ. Перемѣнилось и его отношеніе къ намъ и, особенно,—къ Ивану Ѳедоровичу. Въ дѣлахъ партіи Иванъ Ѳедоровичъ проявлялъ большую прозорливость и пониманіе событій, но въ обыденной жизни отличался полной непрактичностью. Онъ не умѣлъ говорить, мямлилъ, не находилъ словъ, останавливался среди фразы и конецъ ея додумывалъ про себя. Онъ былъ страшно разсѣянъ и способенъ выйти на улицу въ одномъ сапогѣ и не ѣсть цѣлый день, если ему не напоминали. Мы всѣ потѣшались надъ нимъ, разсказы-

вали про него много забавныхъ анекдотовъ,—но въ душѣ мы очень цѣнили и любили его. Силантій, какъ человѣкъ веселый и остроумный, шутилъ надъ нимъ больше другихъ, но это были безобидныя шутки, надъ которыми самъ Иванъ Ѳедоровичъ смѣялся не меньше насъ всѣхъ Но въ послѣднее время эти шутки стали злыми; Силантій началъ даже высмѣивать статьи Ивана Ѳедоровича и называлъ его не иначе, какъ „нашъ Гераклитъ Темный“.

Однажды я вертѣлъ ручку станка и складывалъ одинъ на другой свѣжіе, еще влажные номера, а Силантій сидѣлъ возлѣ меня въ грустной позѣ, подперевъ голову руками.

— Знаешь, братъ, о чемъ я думаю? -сказалъ онъ, наконецъ.—Вотъ ты здѣсь работаешь и рискуешь, что того и гляди нагрянутъ „синіе мундиры“. А я увожу отпечатанные экземпляры и тоже постоянно рискую, что какому-нибудь любопытному околодочному или шпику придетъ въ голову порыться у меня въ телѣгѣ... Отъ этого, братъ, не отвертишься: попадешь рано или поздно къ нимъ въ лапы! А тамъ Кресты, пересыльная тюрьма, Якутка... Я понимаю: пожертвовать собою, сгорѣть этакимъ яркимъ фейерверкомъ за геройское, славное дѣло. Но погибать за печатанье и распространеніе писаній нашего Гераклита Темнаго — ей-Богу, это не укладывается въ моей головѣ. Да неужели для этого только мы и родились на свѣтъ?

— Напрасно ты такъ говоришь,—отвѣтилъ я, обиженный за своего друга и учителя.—Мы должны гордиться, что помогаемъ ему: въ немъ будущее нашей партіи. Онъ пчеламатка, которая не собираетъ меду, не выдѣлываетъ воску. Но ежечасно онъ кладетъ яички—это его мысли—и изъ яичекъ вырастутъ будущіе члены партіи. Каждая свѣтлая мысль принесетъ намъ новыя силы; и теперь уже есть люди въ Кіевѣ, Уфѣ, на Чухотскомъ Носу,—которыхъ его мысль разбудила и скоро приведетъ къ намъ. Вотъ, что онъ дѣлаетъ!

— Ахъ, оставь, пожалуйста!—съ раздраженіемъ перебилъ меня Силантій.—Народъ все равно ни аза не пойметъ въ его метафизикѣ, а если его поймутъ и оцѣнятъ нѣсколько интеллигентовъ, такіе же тяжкодумы и начетчики, какъ онъ самъ,—то какая польза отъ нихъ движенію?

— Что-жъ дѣлать? Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ возможности обращаться прямо къ массамъ... Ты, значитъ, вообще не признаешь важнымъ дѣломъ типографію... Не понимаю, почему, въ такомъ случаѣ, ты не попросишься на какое-нибудь другое дѣло?

Силантій задумался и потомъ сказалъ:

— Да вездѣ, въ сущности, не то дѣлаютъ, что надо. Нѣтъ

у насъ человѣка, который вдохнулъ бы душу въ дѣло. Богатыри старшіе сошли въ могилу, и осталась одна мелюзга. Ты посмотри хоть на это бездарное пользованіе человѣческимъ матеріаломъ... Гдѣ у насъ этотъ режиссеръ, который угадалъ бы всякаго и далъ бы ему дѣло по таланту? Неужели, напримѣръ, мнѣ не нашлось бы дѣла важнѣе возчика? Или, вотъ, ты...

— Я своимъ положеніемъ доволенъ,—перебилъ я его.

— Дѣло не въ томъ, доволенъ ли ты, а въ томъ, на какомъ посту ты былъ бы полезнѣе. Сидишь ты денно и нощно въ этой комнатушкѣ, огромный, съ твоими здоровенными плечами, точно громадный, добрый Санъ-Бернаръ въ конурѣ дворняжки, и когда ты берешь крошечныя буквы шрифта этими неуклюжими лапищами, которыми могъ бы задушить медвѣдя—ей Богу, мнѣ просто жалко тебя! Ну, а Васса?— Васса...

Онъ вскочилъ и, въ волненіи, зашагалъ по комнатѣ.

— Васса... ты понимаешь, что это такое? Святая Урсула или Біанка Кастильская, а она должна слѣдить, чтобы Иванъ Ѳедоровичъ во время обѣдалъ, и пришивать пуговицы къ его штанамъ!

— Послушай,—сказалъ я,—ты говоришь такъ, какъ будто самъ сумѣлъ иначе организовать насъ всѣхъ. Критиковать легко, но не забудь, что всѣ мы объединены идеями Ивана Ѳедоровича, которыхъ ты не признаешь. Гдѣ твоя собственная объединяющая идея, гдѣ твоя программа?

Вопросъ этотъ немного смутилъ его.

— Въ сущности,—отвѣтилъ онъ уклончиво,—до сихъ поръ мы группировались не вокругъ программы, а вокругъ какой-нибудь центральной личности. И я вѣрю въ личность! Была бы сильная центральная фигура—образуется вокругъ нея группа, а потомъ ужъ какую угодно программу можно выработать...

При послѣднихъ словахъ въ комнату вошла Софья Ивановна.

Она присѣла было къ намъ, чтобы править корректуру, но слова Силантія заинтересовали ее, и она вмѣшалась въ разговоръ.

— Охъ,—сказала она,—какъ вы ошибаетесь... Мальчикъ вы, мальчикъ! Вотъ я, какъ премудрая крыса Онуфрій, разскажу вамъ, что случилось у насъ лѣтъ десять тому назадъ,— когда вы съ Егоромъ еще въ бабки играли... Тяжелое было время, страшно даже вспомнить. Партія наша была разгромлена въ конецъ, всѣ мало-мальски выдающіеся люди были переловлены, перевѣшаны, заточены въ Шлиссельбургъ... Но хуже всего то, что и у насъ самихъ начались споры, разно-

гласія—и каждому порознь стали лѣзть въ душу сомнѣнія: а что, если мы увлеклись и приняли средства за цѣль, а что если наша программа не выполнима? Такія сомнѣнія хуже всего для нашего брата,—тутъ ужъ и руки опускаются. Въ такіе моменты всѣ разбредаются въ разныя стороны, одни уходятъ въ обывательскую жизнь, другіе ищутъ собственныхъ путей и дичаютъ, какъ быки, что отбились отъ стада и пасутся въ одиночку. Что тутъ дѣлать? Потолковали наши старики и рѣшили устроить съѣздъ...

— Это не тотъ ли, въ Алешкахъ? - спросилъ Силантій.

— Вотъ именно... Собрались мы тамъ во время ярмарки; тогда одинъ изъ нашихъ служилъ тамъ учителемъ; такъ вотъ собрались у него, подъ предлогомъ именинъ. Была и я. Тяжелое впечатлѣніе производило это собраніе. Только тутъ мы увидѣли, кого мы потеряли,—и все время мы думали объ отсутствовавшихъ... А тѣ, что остались, были все больше разрѣзанные пополамъ...

— Какъ это „разрѣзанные пополамъ"?—спросилъ я.

— Знаете, въ нашемъ ремеслѣ живешь такою напряженною жизнью, окруженной со всѣхъ сторонъ опасностями,— и научаешься страшно цѣнить какого-нибудь человѣка и бояться за него больше, чѣмъ за себя. Создаются сильныя, исключительныя привязанности... И вдругъ этого человѣка хватаютъ, вѣшаютъ или сажаютъ пожизненно въ каменный мѣшокъ... Остаешься одинъ—и чувствуешь себя, какъ будто, разрѣзаннымъ пополамъ...

Я съ участіемъ посмотрѣлъ на Софью Ивановну, потому что зналъ, что она говорила о себѣ: она любила человѣка, который сошелъ съ ума въ Шлиссельбургской крѣпости, и съ тѣхъ поръ она стала тѣмъ, чѣмъ была теперь—безполой пчелой-работницей.

— Собрались мы,—продолжала она,—стали обмѣниваться идеями. и началась такая разноголосица, что не приведи Богъ! Всѣ мы чувствовали, что наша программа устарѣла, что необходимо подновить ее и положить въ основаніе ея то, что на Западѣ было выработано наукой... но какъ? Тутъ пошла такая путаница, такая отсебятина, что одинъ старикъ, Чайковецъ, въ смазныхъ сапогахъ и бурой свиткѣ, кинувъ о-земь свою баранью шапку, сказалъ: „была яма глубока, а теперь ужъ и дна не видать!" - и уѣхалъ домой. Но вотъ, встаетъ молодой человѣкъ въ пенснэ, конфузливый такой и серьезный на видъ, и проситъ слова. Заговорилъ, да смѣшно такъ, все мямлитъ, ищетъ словъ—ну, просто такъ и хочется дать ему подзатыльника... Это и былъ нашъ Иванъ Өедоровичъ, только тогда онъ былъ извѣстенъ подъ другимъ именемъ. Однако, какъ скверно онъ ни говорилъ, а заставилъ себя

слушать, и подъ конецъ мы каждое слово его такъ въ себя и впитывали!

А по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ—у насъ въ головѣ точно солнце всходило, такъ ясно все становилось. И что-жъ вы думаете, вѣдь сплотилъ онъ насъ всѣхъ вокругъ своей программы! Всѣ, даже „разрѣзанные“, которые такъ невкусно и нехотя доживали свой вѣкъ,—и тѣ ожили и съ энергіей принялись за дѣло. Вотъ что значитъ трезвая идея въ нашемъ дѣлѣ!

Но слова Софьи Ивановны совсѣмъ не убѣдили Силантія. Онъ только недовѣрчиво улыбнулся и сталъ складывать въ мѣшокъ отпечатанные номера.

III.

Прошло около мѣсяца, и Силантій сталъ мрачнѣе тучи. Съ нами онъ совсѣмъ пересталъ разговаривать, но на работу являлся аккуратно и подолгу сидѣлъ у насъ. Я понималъ, что у него на душѣ происходитъ тяжелый процессъ, и мнѣ жалко было его, но я не хотѣлъ разспрашивать или убѣждать въ чемъ-либо: я того мнѣнія, что каждый долженъ самостоятельно выбраться изъ своихъ сомнѣній.

Однажды вечеромъ я закрылъ лавку и пошелъ прогуляться; потомъ вернулся и сталъ работать у наборнаго ящика. Иванъ Ѳедоровичъ въ то время уѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ партіи, и я былъ очень удивленъ, когда услыхалъ разговоръ въ комнатѣ Вассы. Прислушавшись, я узналъ ея мягкій контральто и голосъ Силантія, шагавшаго по комнатѣ. Говорилъ, главнымъ образомъ, онъ, и когда онъ приближался къ двери, до меня доносились обрывки фразъ. Васса отвѣчала изрѣдка, и словъ ея нельзя было разобрать.

— ... далѣе въ интересахъ партіи и то...—слышалъ я...—нельзя такъ понапрасну расточать силы... ты увидишь тогда, что я могу сдѣлать...—Васса что-то отвѣтила и голосъ Силантія продолжалъ:

— ... если бы ты только хотѣла... вы не знаете моихъ силъ... охъ, если бы ты относилась ко мнѣ не такъ...

Васса опять что-то отвѣтила. Тогда Силантій сталъ еще быстрѣе шагать по комнатѣ, очевидно, въ сильномъ волненіи, и до меня снова донеслись обрывки его фразъ:

— ... ты одна, понимаешь? Одна можешь спасти меня... Неужели же ты такъ безповоротно...

Потомъ наступило молчаніе и, черезъ минуту что-то тяжелое и мягкое рухнуло на полъ, и до меня донесся

странный звукъ, похожій на сдержанное рыданіе. Васса пробѣжала чрезъ комнату и распахнула дверь.

— А, ты здѣсь, Егоръ!—закричала она.—Какъ я рада! Я буду помогать тебѣ. Скажи, что дѣлать.

Я далъ ей тряпку и попросилъ вычистить станокъ. Она начала вытирать красочные валы, и лицо у нея было блѣднѣе обыкновеннаго, грудь учащенно подымалась, и она казалась очень взволнованной.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ ея комнаты вышелъ Силантій; онъ прошелъ мимо меня, отвернувшись и не здороваясь, и вышелъ изъ дома черезъ кухню.

Послѣ этого онъ недѣли двѣ не приходилъ къ намъ, и вмѣсто него пріѣзжалъ другой товарищъ. Потомъ онъ явился и началъ работать по прежнему, — даже сталъ веселѣе, снова началъ шутить, хотя мнѣ казалось, что веселость его напускная. Я замѣтилъ также, что въ мои отношенія съ нимъ проникла какая-то натянутость, и, когда мы разговаривали, мы избѣгали смотрѣть въ глаза другъ другу.

Прошло еще полтора мѣсяца, и въ декабрѣ, передъ праздниками, въ нашей партіи вдругъ начались аресты. Начались они съ провинціи: каждый день приходили страшныя вѣсти изъ Харькова, Казани, Симферополя... Мы думали сначала, что это были случайные аресты, но скоро пришлось убѣдиться, что въ нихъ была опредѣленная система: страдали почти исключительно кружки, такъ или иначе связанные съ нашимъ. Наконецъ, аресты начались въ столицахъ: то здѣсь, то тамъ выхватывали товарища изъ нашихъ рядовъ, находили важную квартиру, натыкались на слѣдъ, который могъ-бы далеко завести... Сталовилось жутко, и мы съ тревогой ждали будущаго. Въ Петербургѣ арестовали Б.,—крупную силу, члена центральной группы. Было очевидно что кто-то выдаетъ. Но кто? Сначала подозрѣнія упали на Шелковникова, арестованнаго въ самомъ началѣ; это былъ мягкій, симпатичный юноша, еще неопытный и слишкомъ впечатлительный,—и мы боялись, что его нервы не выдержали одиночнаго заключенія, и онъ попался въ ловушку, разставленную прокуроромъ, который велъ слѣдствіе. Но скоро стало ясно, что измѣна исходила отъ кого-то, кто ближе стоялъ къ центру и зналъ больше Шелковникова. Это открытіе произвело среди насъ настоящую панику,—и центральный кружокъ рѣшилъ на время пріостановить типографію. Станокъ и шрифтъ вмѣстѣ съ кучей мебели свезли на храненіе въ Кокоревку, сами же мы остались до поры до времени въ лавкѣ. И такъ мы ждали чего-то безъ дѣла,—и это бездѣлье еще болѣе усиливало нашу тревогу. Нервы были напряжены, мы плохо спали ночью, прислушивались

ко всякому шуму на улицѣ и ждали съ минуты на минуту, что нагрянетъ полиція.

Силантій и Софья Ивановна не могли ужъ заходить къ намъ, если не видѣли въ домѣ условленнаго сигнала: вечеромъ лампы въ кухнѣ, а днемъ зеленаго и краснаго кушака, висѣвшихъ рядомъ у входа въ лавку. Чепуринъ, самый старый и дѣятельный членъ организаціи, котораго безъ сомнѣнія больше всего разыскивали жандармы,—тоже принялъ чрезвычайныя мѣры предосторожности, и его „явку“ изъ нашей компаніи знала только одна Софья Ивановна.

Однажды вечеромъ она пришла къ намъ вмѣстѣ съ Чепуринымъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, съ волнистыми съ просѣдью волосами, пухлымъ лицомъ и бородою, доходившей до самыхъ глазъ. Говорилъ онъ мало, больше слушалъ, смотря на насъ своими узкими черными и блестящими глазами, и потомъ резюмировалъ все сказанное въ нѣсколькихъ словахъ, какъ будто для того, чтобы уложить его въ памяти въ самой компактной формѣ. Съ перваго взгляда въ немъ угадывалась огромная воля; она выражалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ никогда никого не убѣждалъ, ему достаточно было выразить свое мнѣніе,— и вы невольно примыкали къ нему.

Мы усѣлись въ комнатѣ Вассы,—и я сейчасъ же замѣтилъ, что Софья Ивановна казалась чрезвычайно взволнованной, такъ что даже ея нижняя челюсть немного дрожала.

— Господа,—сказала она возбужденнымъ голосомъ,—мы знаемъ, что среди насъ есть предатель... Я высказала свои подозрѣнія Чепурину, и онъ со мной согласился... Я думаю, что предателемъ не можетъ быть никто другой...—она остановилась, потому что спазма сдавила ей горло,—никто другой, какъ Силантій.

Странное дѣло,—догадка Софьи Ивановны была для насъ неожиданностью, но всетаки она какъ-то сразу, безъ борьбы, вошла въ наше сознаніе, точно въ ней ничего новаго для насъ не заключалось, какъ будто Софья Ивановна только выразила словами тѣ безсознательныя подозрѣнія, которыя успѣли зародиться въ насъ самихъ.

Мы еще разъ всѣ вмѣстѣ стали подбирать, кто въ организаціи поставленъ въ такое положеніе, чтобы знать всѣхъ арестованныхъ и всѣ открытыя квартиры, — и пришли къ заключенію, что одинъ Силантій. Непонятно было одно: если выдаетъ онъ, то почему полиція не потревожила типографію? Правда, это могло быть хитростью съ его стороны, для того, чтобы, въ случаѣ подозрѣнія на него, фактъ, что мы не арестованы, говорилъ въ его пользу. Возможно так-

же, что по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ соображеніямъ ему выгодно было щадить насъ до поры до времени.

Мы говорили всѣ наперерывъ, каждый находилъ новые аргументы, и понемногу въ насъ крѣпла увѣренность, что Силантій—предатель. Одна только Васса молчала и сидѣла блѣдная, со строго сжатыми губами.

Чепуринъ резюмировалъ всѣ положительныя данныя, которыя выяснились въ разговорѣ, и сказалъ въ заключеніе:

— Намъ необходимо знать навѣрняка: предатель онъ, или нѣтъ. Пока это только догадка, а намъ нужны улики. Только тогда мы будемъ знать, какъ *поступить* съ Силантіемъ.

— Надо разставить ловушку вродѣ той, въ которую, помните, попался Зильберштейнъ,—сказала Софья Ивановна.— Онъ молодъ, самоувѣренъ и, навѣрное, зарвется. На дняхъ онъ навелъ меня на разговоръ о Чепуринѣ, — и я видѣла, что ему хотѣлось знать его адресъ. Нельзя ли какъ-нибудь воспользоваться этимъ?

Мы долго соображали и перебирали разные планы, пока не остановились на слѣдующемъ. Софья Ивановна знала меблированную квартиру на Арбатѣ. Она найметъ ее, какъ будто для своего родственника, который на дняхъ долженъ пріѣхать въ Москву. Затѣмъ черезъ Силантія она пришлетъ мнѣ *запечатанную* записку такого содержанія:

„Ч. пріѣдетъ въ Москву на дняхъ. Заходите къ нему во вторникъ, четвергъ или субботу туда-то (адресъ арбатской квартиры) и спросите, пріѣхалъ ли такой-то (фамилія родственника). Вѣроятно, у него же встрѣтитесь съ Б., Т. и еще двумя-тремя нужными людьми“.

Съ понедѣльника нѣсколько членовъ организаціи начнутъ наблюдать за арбатской квартирой. Если вокругъ нея произойдетъ что-нибудь подозрительное, указывающее на то, что полиція слѣдитъ за квартирой, — это будетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что Силантій — предатель.

IV.

Силантій привезъ мнѣ записку только во вторникъ утромъ, извиняясь, что запоздалъ: ему показалось, что за нимъ слѣдятъ, и онъ боялся зайти къ намъ. Я распечаталъ записку на его глазахъ, прочелъ и сжегъ на свѣчкѣ. Чувствуя на себѣ его взглядъ, который внимательно слѣдилъ за мною, я быстро и неловко продѣлалъ все это и сейчасъ же заговорилъ съ Силантіемъ, чтобы скрыть свое смущеніе.

Его видъ поразилъ меня,—казалось, что у него начиналась тяжелая болѣзнь: лицо было желтое, подъ глазами черно, носъ заострился и похудѣлъ. Очевидно, онъ переживалъ какой-то мучительный моральный кризисъ. Мы разговорились, и въ его тонѣ было столько грусти, что мнѣ стало жалко его, и моя увѣренность, что онъ предатель, сильно поколебалась.

Онъ сидѣлъ на кубѣ сѣна, согнувшись и охвативъ колѣни руками, и говорилъ однотоннымъ, усталымъ и больнымъ голосомъ. Какъ это часто бываетъ у людей съ подавленной психикой, говорилъ онъ неопредѣленныя вещи, жаловался на себя, на недостатокъ вѣры въ свое дѣло, на то, что ему трудно жить—и все это, казалось, не имѣло логической связи, а соединялось только общимъ настроеніемъ.

— Хуже всего, братъ, когда переоцѣнишь себя... Каждому положенъ предѣлъ и въ хорошемъ, и въ дурномъ. А у мелкаго человѣка, кромѣ того, что онъ мелокъ, нѣтъ еще правильной оцѣнки своихъ силъ. Не понимаетъ онъ, что даже злодѣемъ ему не дано быть: не хватитъ у него для этого ни нервовъ, ни характера,—сдѣлаетъ первую гадость—и размякнетъ... Помнишь нашъ разговоръ мѣсяца два тому назадъ? Какъ я тогда хорохорился! А теперь мнѣ даже стыдно вспомнить, какъ я, человѣкъ безъидейный, надѣялся тогда образовать свой собственный кружокъ... Воображалъ, что и Васса пойдетъ за мною... Вѣдь этакая дерзость! Только теперь я себя вижу: мелкій я, обыденный человѣкъ. Горько признаться, но что-жъ дѣлать—это такъ! И пришелъ я сказать тебѣ, а черезъ тебя всѣмъ нашимъ, что я отъ васъ ухожу... Стану простымъ обывателемъ, какъ мнѣ съ самаго начала и подобало...

— Что-жъ,—сказалъ я,—это самое лучшее... Къ чему себя насиловать? Я еще тогда почувствовалъ, что ты отъ насъ уйдешь.

Онъ всталъ и проговорилъ:

— Ну, значитъ, прощай... Никогда ужъ не увидимся больше... А Васса здѣсь?

— Да, здѣсь. Ты можешь войти къ ней, она теперь свободна.

Онъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, Богъ ужъ съ ней! Что я ей скажу? Прощай, Егоръ.

Онъ сдѣлалъ движеніе ко мнѣ и разставилъ руки, чтобы обнять меня.

Но я притворился, что не замѣчаю его движенія. Силантій взялся за ручку двери и нѣсколько секундъ стоялъ въ

нерѣшительности, собираясь что-то сказать. Наконецъ, рѣшился и проговорилъ:

— Знаешь, Егоръ, я тебя, въ сущности, люблю. Такъ вотъ что я тебѣ скажу: ты самъ видишь, какое теперь время: аресты, вся полиція на ногахъ... Все равно вы теперь, подъ грозой, ничего путнаго не сдѣлаете. Отчего бы тебѣ не уѣхать за границу до поры до времени? Самъ бы уѣхалъ и другихъ увезъ бы... Вассу, напримѣръ... Если денегъ нѣтъ, я достану: вѣдь не чужіе мы. Только не теряй времени, ни одного дня: у меня чувство такое, что на дняхъ произойдетъ что-то ужасное, полный разгромъ партіи...

Въ его голосѣ слышалась искренность, и его заботы обо мнѣ тронули меня.

Мнѣ даже стыдно стало за свои подозрѣнія.

— Благодарю тебя,—сказалъ я,—денегъ намъ не надо, а что касается отъѣзда, то какъ кружокъ рѣшитъ, такъ и будетъ. Но за участіе спасибо.

Я обнялъ его и взглянулъ ему въ глаза открыто и глубоко, какъ глядятъ въ глаза другу. Онъ, видимо, сдѣлалъ усиліе, чтобы не отвести ихъ въ сторону — и вдругъ въ этихъ большихъ, красивыхъ глазахъ дрогнуло что-то неуловимое, не то страхъ, не то замѣшательство... Его губы поблѣднѣли, и ихъ искривила виноватая, растерянная улыбка. Онъ неловко и безпомощно завозился на мѣстѣ, потомъ рванулъ дверь и быстро вышелъ на улицу.

V.

Въ тотъ же день мы заперли лавку, и я сообщилъ сосѣдямъ и хозяину дома, что у Ивана Ѳедоровича умеръ дядя, и мы уѣзжаемъ недѣли на двѣ въ Серпуховъ. Послѣ этого мы разъѣхались по разнымъ квартирамъ: я поселился въ меблированныхъ комнатахъ на Лубянкѣ, а Панкóвы—у знакомыхъ въ Замоскворѣчьи. Вечеромъ мы всѣ сошлись въ одномъ трактирѣ на Пятницкой, куда должны были придти Софья Ивановна и Чепуринъ.

Когда я вошелъ въ трактиръ,—длинная низкая зала съ колоннами была уже полна народу. Стоялъ сплошной гулъ голосовъ, надъ которымъ доминировала рѣзко-гнусавая музыка органа. За столами, при свѣтѣ керосиновыхъ лампъ, висѣвшихъ съ потолка, видны были группы купцовъ и извозчиковъ, которые пили чай, распоясавшись, потные и красные. Было душно и жарко. Наши сидѣли подъ самымъ органомъ, и я съ перваго взгляда на нихъ замѣтилъ, что они были сильно взволнованы. Съ ними сидѣлъ также Бон-

даревъ, очень дѣятельный членъ кружка, человѣкъ сухой, холодный и чрезвычайно исполнительный. Когда я подошелъ къ нимъ, Софья Ивановна налила мнѣ чаю, а Чепуринъ попросилъ Бондарева разсказать еще разъ, нарочно для меня, о результатахъ его наблюденій за арбатской квартирой. Мы сидѣли отдѣльно отъ другихъ столовъ, органъ гремѣлъ, и не было опасности, чтобы кто-нибудь насъ подслушалъ. Бондаревъ обстоятельно, не опуская подробностей, разсказалъ, какъ сегодня съ утра какія-то подозрительныя личности совѣщались съ дворникомъ, потомъ вошли въ домъ и скоро вышли, а черезъ часъ начали приходить разные люди, которые входили въ домъ и изъ него ужъ не выходили; на углахъ тоже помѣстились на постоянномъ посту какіе то субъекты, которые внимательно осматривали всѣхъ входившихъ въ домъ... Всѣ эти признаки точно устанавливали, что на арбатской квартирѣ устроена засада агентовъ сыскной полиціи.

По мѣрѣ того, какъ онъ разсказывалъ, мое сердце билось все сильнѣе, и волненіе все больше охватывало меня. Волненіе происходило отъ того, что улика противъ Силантія была на лицо, и *необходимость убить* его вставала предо мною и мучительно давила меня. Его измѣна открылась такъ быстро, что вошла только въ сознаніе, но не успѣла проникнуть въ чувство. Я еще не ненавидѣлъ его,—и потому убійство представлялось мнѣ, какъ дѣло палача, который казнитъ холодно, безъ ненависти къ своей жертвѣ. Тѣмъ не менѣе оставить его въ живыхъ не было возможности: онъ зналъ слишкомъ многое и могъ погубить и насъ всѣхъ, и наше дѣло. И потому, когда Чепуринъ заговорилъ о томъ, что необходимо какъ можно скорѣе „устранить“ Силантія, я первый вызвался на это.

Мы стали обсуждать, какъ заманить Силантія въ засаду. Бондаревъ, бывшій петровецъ, предложилъ воспользоваться дачей въ Петровско-Разумовскомъ, которую онъ отлично зналъ, такъ какъ два лѣта прожилъ на ней. Дача стояла отдѣльно отъ другихъ; на ней не было дворника, и ближайшее жилье зимою было такъ далеко, что никто не услышалъ бы криковъ. Если бы Силантій пришелъ туда, я и Бондаревъ легко справились бы съ нимъ. Вопросъ состоялъ только въ томъ: какъ заманить его?

Когда же я разсказалъ сцену, происшедшую между нами утромъ, всѣ рѣшили, что теперь онъ, навѣрное, боится, не выдалъ ли себя, и ни за что не пойдетъ на свиданіе съ нами, а тѣмъ болѣе на пустую дачу. Мы пришли было уже въ отчаяніе, когда Васса, до тѣхъ поръ молчавшая, сказала голосомъ, дрожавшимъ отъ гнѣва и волненія:

— Дайте мнѣ подробный адресъ дачи... Я ему назначу свиданіе на завтра... Онъ придетъ.

VI.

На другой день мы втроемъ поѣхали на „паровой конкѣ“ въ Петровскую академію: Софья Ивановна, Бондаревъ и я. Изъ академіи мы пѣшкомъ отправились къ дачѣ, которая находилась на полъ-пути въ Петровскій паркъ, недалеко отъ Смоленской сторожки. Дачка была маленькая, грустная, вся бѣлая и полу-занесенная снѣгомъ. Къ ней отъ шоссе шла узкая дорога, которая переваливала черезъ пустынный бугоръ и упиралась въ садикъ передъ дачей. Въ садикѣ торчало нѣсколько тонкихъ, молодыхъ деревьевъ, которыя жалостно подымали вверхъ свои голыя, иззябшія вѣтви. Сзади дачи былъ дворъ, примыкавшій къ сосновому академическому лѣсу. Мы съ Бондаревымъ забрались на дачу черезъ дворъ, отыскали въ сарайчикѣ ключи и вошли въ домъ черезъ заднее крыльцо. Софья Ивановна ждала насъ на дорогѣ. Когда мы открыли дверь на террасу, она прошла по садику, оставляя на снѣгу слѣды маленькихъ женскихъ ногъ. Затѣмъ она вышла изъ дому черезъ заборъ и, сдѣлавъ большой обходъ, чтобы попасть на дорогу, вернулась въ Москву. Оставить эти слѣды было единственною цѣлью ея пріѣзда: видя одни только женскіе слѣды, Силантій долженъ былъ рѣшить, что на дачѣ нѣтъ никого, кромѣ Вассы.

Мы оставили дверь на террасу открытой и стали ждать Силантія. Было рѣшено, что мы станемъ по обѣ стороны двери, и, когда онъ войдетъ, мы бросимся на него, повалимъ на полъ и свяжемъ веревками. Такъ какъ стрѣлять на дачѣ было опасно, то мы перенесемъ связаннаго Силантія на кухню; здѣсь мы намочимъ кусокъ ваты въ хлороформъ, который мы привезли съ собою въ широкой банкѣ, положимъ вату на его ротъ и носъ и поверхъ ея натянемъ ему на голову каучуковый мѣшокъ. При такихъ условіяхъ— смерть неизбѣжна. Послѣ этого приведемъ все въ порядокъ, закроемъ двери и уйдемъ по лѣсу въ Петровскій паркъ. Трупъ останется на дачѣ и врядъ ли будетъ открытъ раньше весны.

Мы сѣли въ пустой комнатѣ на полу, такъ что глаза наши приходились на уровнѣ оконъ, и стали ждать. Кругомъ все было бѣло отъ снѣга, пустынно и тихо. Откуда-то издалека доносился звонъ къ вечернѣ, печальный, протяжный и сдавленный: буммъ... буммъ... буммъ... И эти звуки, казалось, висѣли надъ снѣжной равниной и медленно таяли

въ холодномъ воздухѣ. Уже темнѣло,—и все вокругъ, и этотъ звонъ, все было грустно и тоскливо, и сердце сжималось до боли. Я не спалъ наканунѣ всю ночь, и теперь чувствовалъ себя усталымъ, больнымъ и полнымъ гнетущей тревоги. Я уже пересталъ мучиться и представлять въ своемъ воображеніи всю сцену убійства, и теперь, ожидая прихода Силантія, старался только ни о чемъ не думать. Въ груди у меня была какая-то безпокойная пустота, и въ головѣ ползали сонныя, вялыя и отрывочныя мысли. „Какой снѣгъ—бѣлый, пушистый и рыхлый, и сверху твердая корочка... что-жъ *онъ* не идетъ? Должно быть, въ полдень солнце растопило верхній слой, а потомъ его прихватило морозомъ... а вдругъ онъ не придетъ? По такому снѣгу можно скоро бѣжать на лыжахъ... хорошо бы, если бы онъ не пришелъ... Ахъ, теперь бы быть свободнымъ, идти на лыжахъ по полю, ни о чемъ не думать, быть не революціонеромъ, а „просто себѣ человѣкомъ“, и чтобы не висѣла надо мною эта обязанность убить кого-то“...

Такъ прошелъ цѣлый часъ, а онъ все не шелъ.

— Не придетъ,—сказалъ Бондаревъ.—Не такой дуракъ. чтобы придти!

Но въ этотъ самый моментъ на дорогѣ показалась черная фигура. Это былъ Силантій въ черномъ полушубкѣ и высокихъ сапогахъ. Онъ бодро шелъ и помахивалъ толстой суковатой палкою. Когда онъ подошелъ къ садику, я могъ разсмотрѣть его лицо: оно было блѣдно и рѣшительно. Онъ остановился, прочелъ на доскѣ фамилію владѣльца дачи. потомъ внимательно посмотрѣлъ на слѣды и, открывъ калитку, рѣшительно направился къ дому.

Мы медленно встали и приготовились. И въ этотъ моментъ во всемъ моемъ существѣ поднялся протестъ, потому что въ этомъ красивомъ и стройномъ человѣкѣ, который шелъ къ дому, не было ничего ненавистнаго мнѣ, и мысль, что я сейчасъ долженъ броситься на него и убить его, казалась нелѣпою. Но разсуждать было некогда. Силантій съ юношеской легкостью прыгнулъ на террасу, половицы подъ нимъ заскрипѣли,—и чрезъ секунду онъ появился въ дверяхъ. Мы бросились на него и повалили на-земь. Нападеніе было для него такъ неожиданно, что въ первый моментъ онъ не сопротивлялся. Но потомъ сталъ извиваться по полу, сбрасывалъ насъ съ себя и билъ насъ руками и ногами. Мы тоже, не помня себя, съ остервенѣніемъ били его и старались овладѣть его руками. Помню, какъ я схватилъ его за лицо и какъ мои пальцы попали во что-то мягкое—ноздрю или вѣко: онъ вскрикнулъ, вцѣпился зубами въ мою руку и укусилъ ее до крови... Но я. не замѣчая

боли, уперся въ его грудь колѣномъ, а другой рукой схватилъ его за горло; я почувствовалъ подъ своими пальцами его кадыкъ, хрящеватый и подвижной, и изо всѣхъ силъ сдавилъ его такъ, что Силантій вдругъ захрипѣлъ и пересталъ сопротивляться. Тогда оба мы сѣли на него, связали ему ноги и крѣпко прикрутили руки къ груди. Потомъ мы усѣлись, тяжело дыша, около него на полу. Онъ лежалъ неподвижно, по его расцарапанному лицу текла кровь, грудь подымалась порывисто, и дыханіе вылетало изъ нея со свистомъ и хрипѣніемъ. Отдышавшись, онъ посмотрѣлъ на насъ (его вѣки были такъ широко раскрыты, что бѣлки казались огромными, и глаза были дикіе и возбужденные) и прохрипѣлъ:

— Только Егоръ и Бондаревъ. . А гдѣ же она?

Тогда Бондаревъ вынулъ носовой платокъ и наклонился, чтобы заткнуть ему ротъ.

— Кричать не буду... не бойтесь, — прохрипѣлъ Силантій.

— Оставьте его,—сказалъ я Бондареву.

Отдохнувъ, мы подняли Силантія и отнесли его на кухню.

— Слушай, Егоръ,—сказалъ онъ, когда мы опустили его на полъ,—отпусти меня!

— Іуда!—закричалъ я, взвинчивая себя и стараясь ненавидѣть его.

— Да, Іуда... А всетаки отпусти меня... Даю тебѣ слово: я уѣду за границу и никогда не буду вредить вамъ.

— Какъ же, такъ мы тебѣ и повѣримъ!—сказалъ Бондаревъ, обшаривая карманы Силантія для того, чтобы въ нихъ не оставалось ничего, что могло бы установить его личность или скомпрометтировать кого-нибудь изъ насъ.

Силантій замолчалъ и задумался. Потомъ сказалъ:

— Да, правда... такимъ, какъ я, не вѣрятъ... И не можете вы оставить меня въ живыхъ.

Онъ повернулъ ко мнѣ свое лицо, все исцарапанное и въ крови, съ широкой багровой ссадиной, которая шла по щекѣ отъ глаза, и заговорилъ быстро, лихорадочно, какъ будто боясь, что его убьютъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ высказать то, что было у него на душѣ:

— Егоръ, ты знаешь, я—не трусъ и смерти не боюсь. Свою жизнь я все равно безповоротно изгадилъ, и въ послѣднее время она ничего мнѣ не давала, кромѣ мученій... Но неужто вы меня раздавите здѣсь, какъ клопа въ углу?.. Вотъ что страшнѣе всего...

Въ это время Бондаревъ, покончивъ съ бумагами Силантія, поднялся на ноги и сталъ раскупоривать банку съ хло-

роформомъ. Въ кухнѣ распространился приторный и сладкій запахъ.

— А,—сказалъ Силантій, узнавая запахъ,—вы меня задушите хлороформомъ! Я знаю: будетъ даже пріятно... Тѣло станетъ легкимъ, начнетъ распалзываться и исчезать... міръ понемногу будетъ уходить... я начну падать, медленно и мягко такъ, въ какую-то пропасть... а потомъ вдругъ— мракъ, тишина... ничто... Самой смерти я не боюсь...

Бондаревъ нагнулся къ нему съ ватой.

— Постойте, пусть онъ договоритъ,—сказалъ я, отводя руку Бондарева.—Вѣдь всетаки были товарищами...

— Благодарю, Егоръ,—продолжалъ Силантій.—Что я хотѣлъ сказать? У меня въ головѣ все закружилось... Я пришелъ сюда одинъ. Вѣдь могъ бы привести кого-нибудь съ собою и заставить ждать у калитки... Но я не принялъ никакихъ предосторожностей, потому что она позвала. Я самъ негодяй, и въ Бога я никогда не вѣрилъ, а въ нее вѣрилъ... И вдругъ оказывается, что она обманула меня, да еще такъ коварно... Послала смерть вмѣсто себя... Такъ вотъ что, Егоръ,—я знаю, *ты* меня поймешь: дай мнѣ четверть часа, только четверть часа жизни! Дай сообразить, отчего я такъ въ ней ошибся... Былъ всюду со мной ея образъ—и не вяжется съ нимъ, что она обманщица... И, какъ знать? Можетъ быть, за это время она всетаки придетъ...

Пока онъ говорилъ, я смотрѣлъ на багровую ссадину на его лицѣ и на отекшія, совершенно пунцовыя руки съ фіолетовыми ногтями; онѣ вспухли, жилы на нихъ страшно раздулись и веревки глубоко врѣзались въ тѣло... И я чувствовалъ самъ боль этихъ рукъ. Я подумалъ: „никогда въ жизни я не забуду ихъ и эту ссадину на лицѣ“. А параллельно съ этой мыслью, ни съ того, ни съ сего, гдѣ-то въ глубинѣ мозга мелькнула вдругъ другая мысль: „а вѣдь я не въ силахъ ужъ буду оставаться въ партіи“.

— Хорошо,—сказалъ я.—Даемъ тебѣ четверть часа.

— Но вѣдь это безуміе!—закричалъ Бондаревъ.—Вы— тряпка... Неужели вы не понимаете, что это простая хитрость съ его стороны: кто-то долженъ за нимъ зайти, если онъ не вернется къ опредѣленному сроку!

Я посмотрѣлъ въ глаза Силантію и сказалъ твердо:

— Нѣтъ, онъ говоритъ правду.

Мы вышли изъ кухни и оставили его одного.

VII.

— Что вы, право, миндальничаете съ нимъ!—съ раздраженіемъ сказалъ Бондаревъ.—Нечего было вызываться, если вы такая нервная барышня. Вы посмотрѣли бы на себя: на васъ лица нѣтъ!

Я ничего не отвѣтилъ, вышелъ на террасу и сѣлъ на перила. Бондаревъ сѣлъ рядомъ со мною, вынулъ часы и съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Ему останется еще 5 минутъ,—наконецъ, сказалъ онъ.

На западѣ, за лѣсомъ, догорала красная полоса. Надъ нею нѣсколько сизыхъ тучъ съ мохнатымъ, озареннымъ пурпурнымъ отблескомъ, низомъ растянулись длинной вереницей и медленно уплывали за горизонтъ. Уже темнѣло. И вдругъ въ лиловомъ вечернемъ туманѣ мы увидѣли далеко на дорогѣ фигуру, бѣжавшую къ дачѣ.

— Вотъ видите, что я говорилъ вамъ?—сказалъ Бондаревъ.

Но фигура оказалась женскою. Она бѣжала, спотыкаясь; шуба на ней распахнулась, платокъ развѣвался по вѣтру, и я видѣлъ, какъ съ ноги слетѣла въ снѣгъ калоша. Скоро мы узнали Вассу, которая бѣжала, задыхаясь и прижимая руки къ груди. Я вышелъ къ ней навстрѣчу, когда она подбѣгала къ калиткѣ. Увидѣвъ меня, она еще издали закричала:

— Онъ живъ?

— Да,—отвѣтилъ я, подходя къ ней.

Она остановилась и, какъ подкошенная, упала на колѣни въ глубокій снѣгъ возлѣ дороги. Я подошелъ къ ней, чтобы помочь ей встать, но она жестомъ отстранила меня, и продолжала сидѣть на снѣгу, тяжело дыша, съ открытымъ ртомъ, прижимая руку къ сильно бьющемуся сердцу. Потомъ взяла пригоршню снѣгу и съ жадностью стала ѣсть его. Тогда я поднялъ ее и привелъ въ комнаты. Только здѣсь къ ней вернулись силы, чтобы говорить.

— Слава Богу!—сказала она.—Какъ я боялась опоздать! Я пришла умолять васъ не убивать его.

— Послушайте,—сказалъ сильно разсерженный Бондаревъ,—вы всѣ здѣсь какіе-то психопаты... Одинъ даетъ ему отсрочку на четверть часа, другая хочетъ совсѣмъ отпустить!

— Ради Бога! Я подлая, подлая...—закричала Васса, ломая руки.—Чѣмъ я лучше его? Я такой же предатель, какъ и онъ... Я обманомъ заманила его сюда!

— Вы подумайте,—сказалъ Бондаревъ.—Мы вѣдь не

можемъ держать его пожизненно въ заключеніи, у насъ нѣтъ тюремъ, какъ у правительства. Не убить его—значить отпустить на всѣ четыре стороны... И ужъ повѣрьте, насъ-то онъ не пощадитъ!

— Все это такъ... Но, Боже мой, вѣдь это мерзость: заманить обманомъ въ засаду, связать и задушить связаннаго! Неужели мы, *мы* будемъ дѣлать такъ? Гдѣ онъ? Пустите меня къ нему!

— Не пущу!—сказалъ Бондаревъ, загораживая ей дорогу.—Вы не въ своемъ умѣ. Мы не имѣемъ права губить нашъ кружокъ.

Тогда Васса выпрямилась, выхватила изъ кармана маленькій револьверъ съ перламутровой ручкой и прижала дуло къ своему виску.

— Я застрѣлюсь раньше, чѣмъ вы его убьете! Развѣ могу я жить послѣ этого? Вы говорите: „губитъ кружокъ"... Но онъ и мѣсяца не просуществуетъ послѣ убійства! Чрезъ нѣсколько дней вы начнете ненавидѣть другъ друга. Онъ былъ нашимъ товарищемъ, жилъ съ нами... Мы знаемъ его насквозь, чувствуемъ его... Убивая, вы почуете его ужасъ передъ смертью, какъ если бы убивали васъ самихъ. Вы не забудете его лица, его голоса... и другіе, тѣ, что поручили вамъ казнь, въ душѣ будутъ гнушаться вами... Вамъ всѣмъ противно будетъ смотрѣть въ глаза другъ другу,—и все распадется, потому что вамъ нельзя будетъ оставаться вмѣстѣ... Нѣтъ, лучше ужъ отпустимъ его и разъѣдемся...

Я слушалъ ее,—и мнѣ казалось, что она говоритъ то, что я давно уже смутно чувствовалъ. Бондаревъ тоже задумался, потомъ, смущенный, медленно отошелъ отъ двери. Васса открыла дверь въ кухню, и тогда Бондаревъ вынулъ изъ кармана ножъ и подалъ ей.

— Веревки надо разрѣзать,—сказалъ онъ мрачно, стараясь не смотрѣть на меня и Вассу.

Она пробыла въ кухнѣ съ десять минутъ. Потомъ вернулась къ намъ, и я никогда не видѣлъ ее такой красивой. Она скинула платокъ, волосы разсыпались и падали на плечи блестящими свѣтлыми волнами, щеки разгорѣлись, глаза сіяли—и, казалось, вся она свѣтилась радостью.

Мы втроемъ разсѣлись на подоконникахъ и стали ждать ухода Силантія. Уже совсѣмъ стемнѣло, и изъ-за снѣжнаго бугра выползла огромная кроваво-красная луна. На свѣтло-голубомъ небѣ слабо мерцало нѣсколько блѣдныхъ, холодныхъ звѣздъ, и млечный путь чуть бѣлѣлъ, какъ полоса тумана.

— Что-жъ, однако, онъ не идетъ?—сказалъ Бондаревъ.— Надо уходить и запереть за собой дачу.

Изъ кухни донесся шумъ шаговъ, и чиркнула спичка. Чиркнула другая, потомъ еще и еще. Потомъ хлопнула дверь, и послышалось хрустѣніе снѣга подъ сапогами. Потомъ скрипнулъ заборъ, и мы услышали прыжокъ на землю.

Мы посидѣли еще съ минуту, и у всѣхъ троихъ были радостныя лица. Грудь дышала легко и свободно, хотѣлось смѣяться безъ причины, и въ то же время слезы легкой спазмой подступали къ горлу. Я наклонился къ Вассѣ, взялъ ея руку, тонкую, съ мягкой и влажной кожей, и поцѣловалъ ее. Васса, полная счастья, быстро охватила мою голову и порывисто поцѣловала меня, и въ полу-тьмѣ я видѣлъ, какъ блестѣли ея глаза.

Потомъ мы встали и начали собираться. Луна уже высоко поднялась и стала золотою. Вдругъ Васса вся встрепенулась.

— Вы ничего не слышали?—крикнула она.

Черезъ кухню она бросилась во дворъ; мы пошли за нею. У забора Васса поставила свою узкую ногу на мое колѣно и легко перепрыгнула по ту сторону. Отъ забора въ лѣсъ велъ рядъ глубокихъ слѣдовъ, и Васса побѣжала по нимъ такъ скоро, что мы едва поспѣвали за нею. Луна ярко освѣщала бѣлый снѣгъ, который сіялъ и искрился передъ нами широкой скатертью, кое-гдѣ перерѣзанной черными тѣнями деревьевъ. Мы съ трудомъ шли по этому рыхлому глубокому снѣгу и ежеминутно проваливались. Чтобы легче бѣжать, Васса сбросила съ себя шубку и, несмотря на морозъ, шла въ одномъ платьѣ и тонкихъ ботинкахъ. Шагахъ въ трехстахъ отъ дачи она вдругъ вскрикнула и остановилась. Передъ нами на землѣ лежало что-то черное; мы приняли было его за тѣнь отъ дерева, но, разсмотрѣвъ, увидѣли, что это была человѣческая фигура,—и отъ головы ея шла въ сторону безформенная черная полоса. Я наклонился и приподнялъ голову. Къ моимъ пальцамъ пристало что-то влажное, липкое и темное... Голова была уже холодна,—и при свѣтѣ луны мы узнали Силантія. Его глаза были широко и неподвижно открыты, на вискѣ чернѣла рана, и въ согнутой рукѣ онъ держалъ револьверъ...

Мы медленно вернулись на дачу. По дорогѣ я поднялъ шубку Вассы и почти насильно одѣлъ ее. Шли мы молча, погруженные каждый въ свои мысли. На дачѣ мы собрали свои вещи и бумаги, и, когда мы уходили изъ кухни, Бондаревъ замѣтилъ при свѣтѣ спички бумажку, приколотую булавкой къ стѣнѣ. На ней стояло нѣсколько строчекъ, торопливо и неразборчиво написанныхъ карандашомъ:

„Полчаса тому назадъ, Васса, я еще хотѣлъ жить. Теперь, когда ты освободила меня,—я не могу и не хочу жить. Всегда я думалъ о тебѣ, даже тогда, когда сталъ предателемъ. Я ждалъ момента, когда буду въ состояніи со злорадствомъ показать тебѣ, какою силой ты пренебрегла,—и эта сила разрушила все, что ты любила и чѣмъ жила. Но и эта роль оказалась мнѣ не по плечу. А теперь я такъ жалко попался въ ловушку и остался живъ только потому, что вамъ противно было раздавить меня... Какъ пережить этотъ позоръ? И какъ жить безъ тебя, Васса?“

А. К. Вернеръ.

КАЧУКЪ.

I.

Въ околицѣ, на задворкахъ поповой усадьбы, подъ соломенной крышей съ глинянымъ опрокинутымъ горшкомъ безъ дна, вмѣсто трубы, ютилась избушка; она была такъ низка и мала и такъ неплотно прижата къ землѣ, что представлялась стоящей какъ бы „на курьихъ ножкахъ". Тамъ на лавкѣ неподвижно сидѣла, за небольшимъ столомъ передъ только-что вынутыми изъ печи отдыхавшими просфорами, худая, преждевременно состарѣвшаяся отъ горя и лишеній, женщина лѣтъ сорока, просвирня Анна Петровна.

Подпирая рукой клонившуюся на бокъ голову, повязанную темнымъ кубовымъ платкомъ, концы котораго спускались на кубовую же кофту, она скорбно смотрѣла передъ собой до такой степени усталымъ взглядомъ, что, казалось, не имѣла силы перевести глаза дальше и выше дыряваго пола, гдѣ на самой серединѣ свѣтилась широкая шляпка толстаго гвоздя, вбитаго въ заплату. Противъ хозяйки на кровати, около большой, не по размѣру съ жильемъ, печки—въ полуоборотъ—лежалъ, спустивъ длинныя босыя ноги на полъ, сынъ ея Павелъ, рослый, неуклюжій и лохматый юноша лѣтъ девятнадцати. Онъ вяло жевалъ недопеченую теплую просфору и изрѣдка бросалъ мягкіе шарики хлѣба въ подпечку, откуда изъ щели чуть-чуть показывала свою живую острую мордочку сѣренькая мышь, которую онъ пріучилъ на свое легкое мелодичное посвистываніе выходить изъ норы и бѣгать на виду безъ боязни. И теперь Павелъ выманивалъ ее оттуда несложнымъ церковнымъ мотивомъ; мышка, однако, не сразу сдавалась, что̀ заставило его на разные лады перемѣнять свистъ, и только черезъ полчаса. когда, наконецъ, мышь пробѣжала за мякишемъ по полу, онъ восхищенно сказалъ, обращаясь къ матери:

— Какая шельма... только на седьмой гласъ выходитъ!..

Въ отвѣтъ на это изъ груди просвирни вырвался тяжелый вздохъ и замеръ, а сынъ съ недовольствомъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ, и наступила въ избѣ мертвая тишина,— тотъ высшій моментъ общаго угнетенія въ жалкой хибаркѣ, когда всѣмъ: и просвирнѣ, и ея сыну, и мышамъ казалось, что иного обихода жизни нѣтъ и быть не можетъ. Тишина все чаще и чаще водворялась за послѣднее время, нестерпимо давила и явственно обнаруживала, что въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ поселился кто-то лишній...

Павелъ окончилъ духовное училище въ началѣ весны, но въ семинарію не попалъ. Дѣваться ему некуда было, онъ жилъ дома всю весну, лѣто; началась осень.

На материнскихъ хлѣбахъ онъ какъ-то сразу поправился и выросъ, у него стали пробиваться усы, пушокъ на бородѣ и щекахъ, изъ гортани вырывался вибрировавшій и ломавшійся сочный басокъ... Но противъ юноши все протестовало: и узкія стѣны жилья, вдоль которыхъ нельзя было подмостить ему во всю длину его роста кровать безъ того, чтобы ему не приходилось задирать ноги на стѣну; протестовала матица, о которую онъ стукался головой, вставая на ноги; протестовали половицы, которыя подгибались подъ его тяжелыми шагами и скрипѣли, а подъ ними протестовали мыши, которыя глубже забирались въ норы. Но всѣхъ больше роптала мать...

— Ужъ, кажется, воды не замутитъ,—печаловалась Анна Петровна приходскому батюшкѣ о. Георгію,—такой скромный, ужъ такой скромница, а вотъ, поди-жъ ты, не дозволили въ семинарію... За что? Чего имъ надо?

Батюшка, изъ деликатности, не объяснялъ, что требуется для поступленія въ семинарію, но Анна Петровна сама скоро начала догадываться:

„Неужто нѣтъ? А-яй, вотъ бѣда,—безъ ума-то..."

И это она подмѣтила, главнымъ образомъ, изъ того, что Павелъ пріобрѣлъ въ школѣ изумительную привычку обходиться безъ свѣжаго воздуха: тамъ онъ ухитрился за все время ученья ни разу не выйти изъ каменнаго большого корпуса, пахнувшаго капустой, развѣ только въ баню, да и то по приказанію, а по своей волѣ не ходилъ ни въ городъ, ни въ садъ, ни на дворъ. И теперь, живя у матери, онъ тоже почти не отходилъ отъ дому, ничѣмъ кругомъ не интересовался, ничѣмъ не возмущался, ничему не радовался и ничего, какъ будто, не желалъ, какъ только сидѣть, лежать и спать. На первыхъ порахъ это даже утѣшало мать: „такой смирный, ни съ кѣмъ не знается,—небось, не избалуется", но подъ конецъ и ей надоѣло видѣть великаго скромника постоянно у себя на глазахъ:

— Сходилъ бы куда... Сидень!—говорила она.

— А куда?

— На народъ... къ парнямъ, въ хороводъ... на посидѣлки... Мало-ли куда? Чай, есть знакомые.

Но и парни и дѣвки были для него безынтересны. Онъ и въ компаніи съ ними молчалъ и насвистывалъ „гласы“.

— Павлуша! — заговорила съ нимъ однажды мать: — А что бы тебѣ попытаться къ архіерею на счетъ должности?.. Хотя бы на первое время въ монастырь послушникомъ? Для начала гдѣ ни приткнуться. А поправишься, оттуда—ходъ... въ село, въ псаломщики... на хорошую ваканцію.

— Не хочется, мамаша,—отозвался Павелъ.

— Почему?

— Всетаки папаша былъ попъ...

— Да вѣдь то—папаша! Онъ курсъ въ семинаріи кончилъ, студентъ былъ, а—ты? Тебѣ грѣхъ и думать о томъ... съ твоимъ-то образованіемъ.

— Всетаки въ псалмы не пойду,—упрямился сынъ.

— А куда?

— Въ учителя.

— И то дѣло. Нечего на матерней шеѣ виснуть.

Павелъ сталъ насвистывать что-то воинственное; это обидѣло мать, и она рѣзко замѣтила:

— А ты нечего свистать... свистунъ. Мнѣ со стороны всѣ уши прожужжали: что-де сынокъ-то вашъ до кѣхъ же поръ будетъ тѣсто мѣсить?

Павелъ вскочилъ, какъ отъ прикосновенія горячей кочерги.

— Развѣ я мѣшу?—и присадилъ себѣ шишку, ударившись объ матицу. Мать отвѣтила:

— То-то, что нѣтъ... И этого нѣтъ... Всего-то и не говорю другимъ... Добро бы—тѣсто, а ты вотъ како рукомесло—мыши...

Павелъ засопѣлъ носомъ, а Анна Петровна продолжала пилить:

— Ужъ не маленькій... Женихъ,—люди-то говорятъ.

— Да ужъ ладно!.. По мнѣ хошь сейчасъ.

Неожиданная рѣшительность сына заставила вдову сбавить тону:

— Такъ ужъ тебѣ—сейчасъ! Больно прыткій... Собрать надо тебя, чай не скотина... человѣкъ! Да и всякое доброе дѣло начинаютъ, благословясь, съ воскресенья.

— Ну, въ воскресенье, такъ въ воскресенье...—рѣшилъ Павелъ, растянулся на кровати и съ такой силой уперся въ стѣну ногами, что кроватъ подъ нимъ затрещала, а мать испугалась за судьбу самой хатенки:

— Легче, песъ... стѣну не выпри, царь Гвидонъ! Углы-то не каменные...

— Новую выстроимъ!..

— Охъ, ужъ строитель!.. Чья бы корова мычала...

Въ воскресенье батюшка отслужилъ Павлу молебенъ въ церкви и потомъ похвалилъ:

— Это ты хорошо надумалъ, право, хорошо! Давно бы такъ. Хошь, я те помогу?

— Коли милость ваша будетъ,—отвѣтила Анна Петровна за Павла.

— Я письмо напишу наблюдателю, это помогаетъ.

— Какое спасибо-то! Спасибушко-то какое!

— Ну, чего тутъ... Вижу, Петровна, твои слезы... Зайдите.

Послѣ обѣда мать и сынъ пришли къ о. Георгію. Батюшка тщательно сталъ осматривать кандидата на учительскую должность, повертывая за плечи въ разныя стороны, и выражалъ свои впечатлѣнія, качая головой направо и налѣво:

— Экъ тя росперло... и съ чего только? Одежа-то, одежа, смотри, вся по швамъ... такъ весь и лѣзешь, какъ изъ квашни опара... Ну, братъ...

— Давно шита, батюшка,—объясняла Анна Петровна.— Съ училища, казенная.

— То-то что казенная, а вы бы свою.

— Гдѣ ужъ, до того ли?.. Хошь бы хлѣба-то насущнаго...

— А это развѣ не насущное? Безъ одежи помереть можно, развѣ не правда?

— Какъ не правда, знамо, правда...

Но брызжущая здоровьемъ рослая фигура Павла такъ била въ глаза, оставляя въ тѣни все остальное, что даже и самъ о. Георгій поколебался въ убѣжденіи по части насущности одежды и не преминулъ тутъ же ввести поправку:

— Впрочемъ, это пустяки... главное — обращеніе. Ты знаешь обращеніе?

У Павла, самостоятельно сообразившаго, что о. Георгій подготовляетъ его къ предстоящему у наблюдателя экзамену, мелькнулъ въ головѣ одинъ параграфъ изъ грамматики; онъ по школьному сморщилъ лобъ, потеръ его ладонью, натужился разумомъ и, вспомнивъ, твердо отвѣтилъ:

— Знаю... Звательный падежъ!

— Фу, какой ты...—нетерпѣливо отвернулся о. Георгій, невертывая свое чрево, надутое, какъ барабанъ.—Да развѣ я о томъ? Когда явишься къ наблюдателю, то перво-на-перво надо выразить ему почтеніе при помощи поклона. Не забылъ, какъ васъ учили?

Павелъ моментально склонилъ голову и спину подъ прямымъ угломъ и застылъ въ этой позѣ, какъ бы предоставляя о. Георгію полюбоваться чистотою отдѣлки.

— Ну, такъ... Здòрово же васъ выучилъ смотритель... Это—на вѣкъ!.. Хорошо! Строгій онъ, Элпидифоръ-то Антонычъ, и-и, какой молодчина!

— Ну, ужъ!..—распрямился тогда Павелъ.—Мы звали его „Чехардой"...

О. Георгій осадилъ его:

— Глупости... Судить всѣ горазды. Приличіе первая вещь на землѣ... Отъ всей науки что у тебя въ лохматой твоей башкѣ осталось? Только звательный падежъ, да и тотъ ни къ чему. А это (о. Георгій указалъ перстомъ въ то пустое пространство, гдѣ за минуту передъ тѣмъ человѣкъ изображалъ изъ себя прямой уголъ)... Это—твой главный козырь! Безъ него куда ты годишься? Развѣ не правда?.. А ты—съ критикой!.. Неблагодарная свинья... О, Господи! И что это за постылое время, чистая напасть—даже въ дуракахъ либерализмъ... Держи письмо-то! Не потеряй.

— Я его въ коробочку.

— Въ какую коробочку?

— Въ клееную... у меня ихъ много... отъ училища... тамъ клеилъ.

— Клеилъ, клеилъ...—передразнилъ о. Георгій.—Клееная ты голова... Ну, съ Богомъ, не задерживаю.—И о. Георгій высоко и широко взмахнулъ пухлой дланью надъ головой Павла, осѣнивъ его непомѣрно большимъ крестомъ, основательно полагая, что при напутствіи въ большое дѣло необходимъ и большой символъ благодати.

Павелъ сложилъ, какъ подобаетъ, руки и звонко облобызалъ теплую десницу о. Георгія, который при этомъ все-таки замѣтилъ:

— А вотъ руки-то у тебя грязныя... Цаца... Нѣтъ, вѣрно, этому и Элпидифоръ Антонычъ не обучитъ вашего брата. Смотри, не явись такъ къ о. Иліодору.

— Я спервоначалу тамъ... у фантала...

— У фантала?.. Эхъ ты—фанталъ! *Фонтанъ*—вотъ какъ надо, помни!.. О. Иліодоръ живетъ насупротивъ фонтана, и ты, дѣйствительно, того... руки-то... спервоначалу... А какъ до города доберешься?

— Подвезутъ,—объяснила Анна Петровна.

— Вѣрно,—заключилъ о. Георгій,—нынѣ день базарный... Ну, съ Господомъ!..

II.

Обмывъ руки въ фонтанѣ и отеревъ ихъ объ свои волосы, которые отъ того пригладились, Павелъ началъ внимательно всматриваться во второй этажъ большого каменнаго дома съ золотой вывѣской, протянутой по всему фасаду: „Уѣздное отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта“. На него напалъ страхъ:

„Такой домъ... такая вывѣска... и начальство, чай, ой какое... Эхъ, кабы кто за меня туда сходилъ!“—думалъ онъ съ грустью, сознавая въ то же время, что мечта эта несбыточна.

Павелъ зналъ наблюдателя, видѣлъ его надутое лицо, гордую осанку однажды зимой, когда о. Иліодоръ, въ высокой бобровой шапкѣ надъ широчайшими енотами, спускавшимися ниже плечъ почти до таліи, приходилъ въ духовное училище съ рождественскимъ визитомъ; тогда онъ обратился къ бродившему безъ пути по корридору Павлу съ вопросомъ: „дома ли смотритель“? Павелъ провелъ о. Иліодора разными закоулками въ смотрительскую квартиру и теперь съ грустью думалъ: „Забылъ, чай?..“

Зналъ онъ еще и то, что у о. Иліодора—супруга бѣдовая, не разъ гонявшая изъ квартиры учителей и кричавшая на нихъ: „оборванцы, голоштанники, шутъ васъ носитъ, времени не знаете, полъ топчете, смрадъ отъ васъ на всю прихожую...“ И теперь Павелъ ничего такъ сильно не желалъ, какъ того, чтобы злая попадья отлучилась изъ дому хоть на полчаса, и выжидалъ, не случится ли это на его глазахъ. И только онъ это подумалъ, какъ съ подъѣзда выплыла полная, высокая, разодѣтая, важная дама, властно посмотрѣла направо, потомъ налѣво, шагнула два шага, оглянулась и поплыла впередъ.

— Она!—воскликнулъ Павелъ съ занявшимся отъ радости духомъ; далъ время дамѣ загнуть за уголъ слѣдующаго квартала и опрометью пустился къ дому: въ три шага миновалъ двадцать приступковъ крутой лѣстницы и съ такой силой дернулъ за звонокъ, что передъ нимъ тотчасъ же раскрылись двери: носомъ къ носу стоялъ передъ нимъ самъ о. Иліодоръ, въ нѣмой тревогѣ. Радость Павла по поводу избѣжанія опасности была такъ велика, что затмила всѣ другія чувства,—боязнь начальства въ томъ числѣ,—

и онъ, свободно продѣлавъ всю церемонію, которой училъ его о. Георгій, заговорилъ прямо и поспѣшно, словно опасаясь, что вотъ-вотъ вернется толстая барыня и отниметъ у него то, за чѣмъ онъ явился.

— Ваше высокоблагословеніе!.. Я къ вамъ насчетъ мѣстишка...

— А я не зналъ, на что подумать... такъ звонишь бѣшено... фамилія?

— Мегистовъ.

— Не изъ Большой ли Шеи?

— А то...

— Сынъ покойнаго о. Дмитрія?

— Ну.

— Знаю. Въ семинаріи вмѣстѣ учились. И съ чего это онъ вдругъ? Былъ такой силачъ... и годовъ совсѣмъ немного, жить бы да жить, а скопытился.

Павелъ неопредѣленно молчалъ, а школьный товарищъ покойнаго соображалъ вслухъ:

— Пилъ, видно... въ семинаріи этимъ отличался... А ты почему не въ семинаріи?

— Не пустили.

— Почему?

— Лѣта вышли.

— Уросъ, значитъ? Часто оставался въ классахъ?

— Только раза два.

— Ничего себѣ... А что не похлопоталъ передъ синодомъ о разрѣшеніи? Нынѣ на это законъ есть, разрѣшаютъ.

— Секретарь не захотѣлъ сочинять бумагу и поставилъ на экзаменѣ двойку по-гречески.

— Та-къ... Это бываетъ, одной цыфрой за разъ два дѣла дѣлаютъ... Ну, въ чемъ же дѣло?

— Насчетъ мѣстишка...

— Получше, что-ль, тебѣ?

— Пожалуйста, о. наблюдатель!—И проситель улыбнулся широкой наивной улыбкой до самыхъ ушей, словно передъ Павломъ стояла мать и подавала ему большую превкусную просфору.

— Губа-то у тебя не дура,—промолвилъ съ безобидной усмѣшкой о. Иліодоръ.—Только вотъ горе: хорошія мѣста всѣ вышли, замѣщены, опоздалъ. Вакансіи только въ вотскихъ деревняхъ,—пойдешь?

— А жалованье какое?

— Шестьдесятъ рублей. Въ годъ.

— А этого не мало?—Въ вопросѣ Мегистова было больше любопытства, чѣмъ недовольства.

— Ну?! А самъ ты — великъ? Свидѣтельство на званіе учителя имѣешь?

— Нѣтъ.

— Такъ чего задаешься? Поди-ка вонъ въ земскихъ школахъ кандидатки даромъ по цѣлому году трубятъ, пока мѣсто не опростается... У насъ лучше... Ты вотъ ни уха, ни рыла, можно сказать, не смыслишь, тебя самого надо года два дубить, а ты ужъ сразу права получаешь, и жалованье съ перваго мѣсяца пойдетъ тебѣ. А ты: „мало! мало!" Вотъ выдержи экзаменъ на званіе учителя, тогда—сто двадцать получишь, въ церковную школу переведу, а пока—въ школу грамоты,—согласенъ?

— Вотяки-то больно того... живутъ грязно... Жертвоприношенія у нихъ, кумышка *)...—Мегистовъ почесывалъ въ затылкѣ.

— Это что—пустяки, въ сущности... А главное вотъ—добрачныя сожительства. Вотъ язва! — оживился наблюдатель.—Ты смотрѣлъ послѣдній номеръ епархіальныхъ вѣдомостей?

— Никогда не видалъ.

— А ты погляди. Тамъ есть форма одной вѣдомости о блудно живущихъ прихожанахъ, недаромъ она... Пойдемъ, однако, въ залу, чего здѣсь стоять... Только не наслѣди... вотъ тутъ въ уголочкѣ сядь... Кажется, попадьи дома нѣтъ, — прошепталъ о. Иліодоръ конфиденціально, бросивъ взглядъ въ дальнія комнаты.

— Ушла!—радостно отозвался Мегистовъ, занявъ мѣсто у двери.—Далеко пошла!

— А ты чему обрадовался? Смотри, вернулась...

Мегистовъ вскочилъ съ мѣста.

— Ну-ну, успокойся, это я такъ... Сиди. . Побачимъ. На чемъ мы остановились?

— На вѣдомостяхъ...

— Да, бишь, на вотскомъ распутствѣ... Да! Боремся, боремся съ этимъ зломъ мы, духовенство, а толку нѣтъ, какъ было такъ и есть. У нихъ та дѣвка хороша, которая гулящая, и если мальчишку при этомъ родила, то—первая невѣста... съ дипломомъ, такъ сказать; у такой отбою нѣтъ отъ жениховъ, безъ всякаго приданаго берутъ, даже большой выкупъ получаетъ та семья, гдѣ такая дѣвка... Ты подумай-ка, гдѣ это видано? Такіе нравы... До чего развратъ внѣдрился!.. Ей бы, паскудѣ, камень на шею да въ воду, а она ликуетъ, и всѣ ликуютъ... И это христіане?

Замѣтивъ, что наблюдатель охотно бесѣдуетъ съ нимъ

*) Водка домашняго приготовленія.

не какъ со школьникомъ, а какъ съ человѣкомъ взрослымъ, Мегистовъ, пощипывая ногтями начинавшіе рости усы, вставилъ свое словечко:

— Это я знаю—отчего, о. наблюдатель! Отъ язычества! Остатки язычества.

— Нѣтъ!—воодушевился о. Иліодоръ. — Такъ всѣ смотрятъ на дѣло, но я имѣю другой взглядъ. Оно, можетъ, и язычество было сначала, но почему такъ крѣпко держится обычай? Отвѣть-ка.

Мегистовъ молчалъ и благоговѣйно внималъ мудрости, которая не замедлила излиться изъ устъ о. Иліодора:

— Не въ язычествѣ тутъ сила, а въ вырожденіи — вотъ что! И этого въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ никогда не напечатаютъ... Про себя берегу... И знаешь, кто открылъ мнѣ эту истину?.. Твой отецъ!—Мегистовъ пріободрился отъ этой мысли, перемѣщая часть достоинствъ изъ отцовской могилы на себя, а о. Иліодоръ продолжалъ:—И какъ только твой отецъ позналъ сію истину, такъ сталъ пить и пить, сдѣлался мрачнымъ и все кричалъ: „Ничего не подѣлаешь, законъ на законъ наскочилъ, и который изъ нихъ ко благу—бабушка на двое сказала". Вотъ оно что! Да-съ, вырожденіе... Поголовный сифилисъ... племя вымираетъ, вотъ и стараются всячески пособить своей бѣдѣ... чтобы парнишекъ побольше... чтобы корень потомства не изсякъ.—И, вздохнувъ, о. Иліодоръ прибавилъ: — А между тѣмъ, нравственность гибнетъ въ самомъ корнѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ, о. наблюдатель, въ нравственную деревню попасть,—захлопоталъ о себѣ Мегистовъ.

— Но гдѣ я тебѣ такую найду?... Развѣ черемисскую...

— Я черемисскій языкъ знаю,—вставилъ Мегистовъ.

— О? Такъ ты для меня кладъ. Слушай — поѣзжай въ Чумой. Школа заново открывается... И ты будешь тамъ піонеромъ святаго дѣла просвѣщенія. Піо-неръ... слово-то какое... звучитъ какъ!—И, приставивъ указательный палецъ къ кончику носа, о. Иліодоръ повторилъ, декламируя:—Піонеръ... Понимаешь?

— Нѣтъ, не понимаю,—отвѣтилъ Мегистовъ.

— Ага, „мы это не учили"... новость. Ну, слушай: піонеръ—это, братъ, очень почтенно... Тамъ, въ Чумоѣ, почти сплошь язычники, есть и православные, но они недалеко ушли отъ язычества, двоевѣры, и сердцемъ своимъ прилежатъ больше языческой сторонѣ... Деревня большая, дворовъ полтораста, кругомъ лѣсъ... Ну-съ, такъ вотъ тебѣ какая честь: ты будешь имѣть счастье класть во главу угла первый камень.

— Школа развѣ не выстроена?

— Э, все не то... Опять ты меня не понялъ... Я тебѣ говорю, что... что... Да ты житіе Стефана Пермскаго читалъ?

— Читалъ.

— Ну, вотъ—до него никто къ зырянамъ не приходилъ, онъ первый ихъ просвѣтилъ, и онъ, значитъ,—піонеръ... И ты тоже—во-первыхъ будешь насаждать просвѣщеніе въ Чумоѣ... Сравнительно, конечно... То есть, я не хочу тебя сравнивать со Стефаномъ Пермскимъ—куда же?.. Даръ божій съ рѣдькой!.. Но примѣнительно къ грамотѣ — нѣкоторое сходство обозначается... Да что я съ тобой толкую? Примѣръ ближе—твой отецъ. Онъ, знаешь, что сдѣлалъ, какъ окончилъ курсъ?

— Нѣтъ.

— Пришелъ къ архіерею и говоритъ: „Ваше преосвященство! Дайте мнѣ самый, что есть, темный приходъ". Архіерей даже удивился: первый такой проситель выискался за все время. И назначили его въ Большую Шею, которая дотолѣ пребывала во тьмѣ язычества, вотъ какъ теперь Чумой... Когда потомъ отецъ твой сталъ сбиваться съ пути истиннаго, и на него полетѣли жалобы, владыка вниманія не обращалъ: „знаю, говоритъ, я больше шейскаго попа лучше всѣхъ, что ни говорите", и всѣ доносы клалъ подъ сукно. Вотъ какъ было!.. Будь онъ на твоемъ мѣстѣ, онъ бы обѣими руками уцѣпился за Чумой...

— Что же, я согласенъ.

— Иди, иди въ Чумой... Какіе тамъ лѣса, дебри непроходимыя! Все такъ первобытно: и природа, и люди, и обычаи. Почва невоздѣланная, дѣвственная—сѣй да сѣй доброе, вѣчное! Иди же по стопамъ твоего отца! Но смотри,— прибавилъ строго о. Иліодоръ,—не закончи такъ, какъ онъ. Остерегайся! На водочку имѣй взглядъ, а не такъ себѣ... Помни, это—ядъ, онъ пріятный и для тѣла, и для души, соблазнительный: разъ выпилъ, вдругорядь захочется, а потомъ и пойдетъ, и пойдетъ, счетъ потеряешь. Мозги-то надо беречь, пригодятся... И по этой причинѣ... ты какъ насчетъ водочки — вкушаешь? — тихо исповѣдывалъ о. Иліодоръ.

— Нѣтъ. Никогда,—отвѣтилъ Павелъ.

— И отлично! Такъ и напредки блюди себя. Да не будетъ у тебя никогда первой рюмки!.. А по табашной части?— допрашивалъ наблюдатель тише.

— Балуюсь иногда.. махоркой.

— Скверно! Брось! И въ махоркѣ тоже ядъ... никотиномъ называемый. Хотя онъ слабѣе алкоголя, но тоже въ своемъ родѣ пакость порядочная. Хошь, я тебѣ наглядно по-

кажу? Вынь платокъ... разверни... вотъ такъ...—Павелъ держалъ платокъ, а о. Иліодоръ, затянувшись папироской, пропустилъ дымъ изо рта сквозь платокъ и, показавъ на темное пятно въ платкѣ, сказалъ наставительно: — Видишь... Вотъ такъ у тебя все внутри прокоптится; какъ окорокъ, станешь... Итакъ, вотъ что: водки не пей, ниже кумышки, табаку не кури, на посидѣлки къ дѣвкамъ не бѣгай, и знай одно—учить ребятъ. Учи и себя—приготовляйся къ учительскому экзамену,— и благо ти будетъ: годамъ къ 30-ти дьякономъ будешь, къ 40-ка—попомъ и сравняешься съ товарищами, право! Такъ-то! Главное, не унывай... А пока...— Отецъ наблюдатель сдѣлалъ было движеніе благословить просителя, но тотъ о чемъ-то думалъ, опустивъ голову.— Еще что?

— Сколько верстъ до Чумоя?

— Семьдесятъ пять.

— Пѣшкомъ придется... осень... грязь.

— У насъ, братъ, прогоновъ не полагается. Да вѣдь подвезутъ?

— Кто знаетъ...

— Ну, рубля за полтора съ попутчикомъ.

— Полтина у меня,—съ сокрушеніемъ отозвался Мегистовъ.

— Мм... этого, пожалуй, мало.

— Впередъ за мѣсяцъ нельзя ли?

— Не полагается.

Мегистовъ сдѣлалъ глубокій вздохъ, осторожно выпуская изъ груди воздухъ. Наблюдатель прислушался къ этой горестной музыкѣ и не выдержалъ:

— А, пожалуй, придется сдѣлать исключеніе изъ общаго правила... Дѣлать нечего, дамъ трешну изъ своихъ. Пиши расписку на всѣ пять, остальныя дошлю. Но смотри, не транжирь! Знай разъ навсегда свое богачество—пять цѣлковыхъ. Другихъ источниковъ, чай, не имѣется? Поди, привычку къ чаю имѣешь?

— Въ духовномъ чай у насъ всегда былъ утромъ и вечеромъ—съ булкой.

— Набаловали васъ... „Ханскій букетъ“ въ рубль двадцать. Теперь и кирпичному будешь радъ... — Но вдругъ о. Иліодоръ просіялъ отъ неожиданно блеснувшей мысли:

— А впрочемъ, какъ повезетъ... Богатые есть тамъ мужики въ Чумоѣ-то, пчельники у нихъ, меду много, имѣй это въ виду, поладь съ ними... И если характеръ у тебя ладный, то и чайку попьешь... съ липовымъ медомъ, съ сотовымъ... Ухитряются иные изъ вашего брата... и самоварчикъ, и крендели... На стѣнѣ портретъ Горькаго, а рядомъ на гвоз-

дикѣ сюртучокъ праздничный да гитара, а на окошкѣ газетченка, а въ ней табачокъ асмоловскій... Живутъ! Издали кажется—бѣднота, а пріѣдешь—глядѣть пріятно. Угощать начнетъ, яичницу соорудитъ да бутылочку винца поставитъ. Право! Откуда? Да, братъ, бѣдность, видно, отъ самого себя, отъ неумѣнья... И ты, если принесутъ тебѣ тамъ чего—поросенка, утку,—не гнушайся. Что дѣлать—яичекъ тамъ, картошки, горошку — годится бѣдному человѣку... Можно и попросить, безъ этого не обойдешься.

Мы-то, духовенство, не такъ-ли живемъ? А тебѣ и Богъ велѣлъ... Вотъ, хорошій обычай по инымъ мѣстамъ водится: если учитель друженъ съ попомъ, то попъ беретъ его съ собой во время руги, вмѣстѣ съ дьячкомъ и просвирней, и онъ, учитель-то, позади просвирни свою долю имѣетъ... свой мѣшокъ подставляетъ... Я очень одобряю это, потому что я всегда стоялъ и стою за народное просвѣщеніе. Тамъ какъ хотите, господа,—воодушевлялся все больше наблюдатель, размахивая руками и смотря въ потолокъ,—а учитель долженъ быть обезпеченъ! Да-съ, это мой принципъ! Если у казны средствъ на это нѣтъ, то надо на мѣстѣ изыскать ихъ, и если при этомъ можно извлечь оныя на почвѣ исконныхъ русскихъ обычаевъ, то—чего же лучше? Это—мое убѣжденіе! Ну, самъ посуди: псаломщикъ собираетъ, просвирня собираетъ, чѣмъ же хуже народный учитель? Твоя миссія—гораздо важнѣе. Псаломщикъ прислужникъ, просвирня—это ужъ сбоку припека къ нашему сословію, а ты—просвѣтитель, почему же ты обязанъ хуже ихъ ѣсть? Это несправедливо. Правильно я разсуждаю?

— Конечно. У псаломщиковъ земля, къ тому же.

— Вотъ! вотъ! Тамъ у тебя завѣдующимъ школой будетъ о. Аркадій, приходскій священникъ, живетъ въ селѣ Собакинѣ, верстахъ въ десяти отъ Чумоя. Поладь съ нимъ, онъ тебя не обидитъ. Конечно, меньше будутъ давать, чѣмъ псаломщику, но все же не съ пустыми руками вернешься съ ружнаго промысла.

— Такъ и по Собакину собирать?

— Зачѣмъ? Въ одномъ Чумоѣ—только. Другія мѣста какое же отношеніе могутъ имѣть къ тебѣ, тамъ свои учителя... Ты не путай мои наставленія, а то этакъ въ чужой приходъ заѣдешь за ругой. Не искажай моей идеи. Ну, получи трешну... Да смотри, бѣгай долговъ, какъ чумы. Горазды вы должать-то, а послѣ мнѣ одна непріятность, разсчитывайся потомъ за васъ передъ кредиторами, кому рубль, кому пятерку, а иной учитель всего себя за весь годъ проѣстъ, и вычитать не изъ чего. Ты подумай-ка! Очень я этого

———

не люблю, помни и эту мою заповѣдь—не должай. Кажется, все... Ахъ, вотъ еще что! Тамъ благочинный свинья... и тоже, значитъ, ухо востро держи. Главное—надо слушаться... Между попомъ и благочиннымъ издавна раздряга. Одинъ тебѣ скажетъ одно, другой—другое.

— Какъ тогда быть?

— Такъ и быть—обоихъ слушайся.

— Да ежели...

— Ничего не ежели... Если о. Аркадій будетъ требовать звукового метода въ ученьѣ, ты учи по звуковому; ежели благочинный по старинѣ, то и ты „буки-азъ-ба".

— Такъ какъ же это?

— Приноравливайся. Придетъ къ тебѣ на урокъ Аркадій, жарь по звуковому, а благочинный—по другой дудкѣ.

— А если оба? Вдругъ?

— Этого быть не можетъ... Допекаютъ они другъ друга врозь, издали... А твое дѣло сторона. Ты—одному честь, и другому—славу...

— А вамъ что, о. наблюдатель?

— Мнѣ все равно, по какому хочешь методу, я за этимъ не гонюсь; мнѣ бы только ребята учились. И такъ, по-апостольски, другъ, будь всѣмъ вся... И потомъ, вотъ главное: они каждый будутъ тянуть тебя на свою сторону, одинъ на другого будутъ плести не вѣсть что, а ты не сдавайся... Они и на меня будутъ позывать, срамить всячески, тоже пренебреги, но въ наружности не показывай, улыбайся, дѣлай видъ глазами, что-де такъ, мотай головой, а на умѣ свое держи... Улыбка—это... какъ тебѣ сказать... Она, братъ, какъ солнце, свѣтитъ и на злыя, и на благія...

О. Иліодоръ, наконецъ, замѣтилъ, что языкъ привелъ его на скользкую почву, и вздумалъ поправиться:

— Однимъ словомъ, Павелъ Мегистовъ, не будь подлецомъ, а... а... всѣхъ слушайся. Послушаніе великая вещь и первая христіанская добродѣтель. Знаешь пословицу: ласковое теля...

Видя, что и пословицы измѣняютъ, о. Иліодоръ громко откашлялся и сказалъ:

— Тьфу... Довольно... Поѣзжай... Ахъ, вотъ еще: хуже всѣхъ тамъ писарь подлецъ, да старшина—прохвостъ, оба взяточники и пьянчужки... И много зла могутъ надѣлать и тебѣ, и школѣ... Такъ и имъ потрафляй... не перечь... а съ почтеньемъ, — тоже вѣдь начальство... Захвати съ собой отсюда буквари, псалтыри, обиходы, бумагу, перья, карандаши, грифельныя доски, грифеля, ручки... Вотъ по этой запискѣ.

О. Иліодоръ быстро начерталъ и подалъ Мегистову реестръ вещей.

— И съ Богомъ! Во имя памяти твоего отца благословляю тебя... хорошій былъ человѣкъ!.. А кабы не это, я бы не такъ съ тобою обошелся.

Мегистовъ разинулъ ротъ и полюбопытствовалъ:

— А какъ же?

— Какъ? Да вотъ какъ!—И о. наблюдатель, повернувъ Мегистова за плечи къ двери, шутливо далъ ему рукой пинка въ шею и киселя колѣнкой по соотвѣтственному мѣсту. Послѣ того они оба захохотали: подчиненный оттого, что начальникъ съ нимъ такъ ласково шутитъ, а начальникъ оттого, что шутка надлежаще понята...

— Экъ заболтался я съ тобой... Того и гляди попадья придетъ, а ты наслѣдилъ...—Взявъ изъ прихожей щетку, о. Иліодоръ проворно сталъ притирать, говоря:—Чистоплюй она... Такую трепку задастъ обоимъ намъ, если...

Спускаясь съ лѣстницы, Мегистовъ повстрѣчался-таки съ важной барыней, но поглядѣлъ на нее не только безъ боязни, а даже съ усмѣшкой. За спиной своей онъ слышалъ грозный вопросъ, обращенный къ о. Иліодору:

— Это что за нахалъ?—Но Мегистовъ скользнулъ по ступенькамъ, какъ по ледяной горѣ, и не интересовался дальнѣйшимъ.

III.

Подъ школу въ Чумоѣ отведена была сельскимъ сходомъ изба, поступившая въ распоряженіе общества послѣ одной вымороченной семьи. И какъ ни тихо работала мысль новаго учителя, однако и онъ подумалъ, что въ основѣ просвѣщенія чумойцевъ лежитъ вырожденіе, потому что не будь вымороченной избы,—пожалуй бы, не было и школы. Изба была старая, вся прокопченная дымомъ, съ разбитыми стеклами, по мѣстамъ заклеенными бумагой, отчего помѣщеніе выглядывало тусклымъ, убогимъ, заплатнымъ; чувствовался запахъ подполья. Никакого обзаведенія въ школѣ не было, и о немъ первому пришлось думать самому учителю. Каждый изъ учениковъ долженъ былъ что-нибудь принести—доску или брусъ. Оборудованіе школы партами заняло Мегистова, и онъ цѣлую недѣлю стругалъ, пилилъ, долбилъ, наполняясь радостью. Работа такъ увлекла его, что онъ истратилъ послѣдній свой рубль на гвозди, которые вколачивалъ въ доски съ какою-то страстью, сжавъ губы, и звукъ молотка по желѣзу былъ для него настоящей музыкой. Конечно, парты лишены были и тѣни какого бы

то ни было вкуса, едва ли были даже удобны, но онѣ нравились ему лучше всякихъ орѣховыхъ, полированныхъ. Онъ стучалъ кулакомъ по своему издѣлью и говорилъ воодушевленно:

— Ничего! Сботано здорово, на вѣкъ.

Особенно приводила его въ восторгъ классная доска, которую удалось сдѣлать по подобію доски того училища, гдѣ онъ учился.

— Вертится, шельма, на обѣ стороны... Какъ настоящая! Хорошо! Ей-Богу, хорошо!

Ученье открылось молебномъ. Батюшка о. Аркадій произнесъ отличную рѣчь о просвѣщеніи въ духѣ христіанскаго ученія, благодарилъ и превозносилъ черемисъ за то, что они пожелали имѣть у себя не какую другую, а именно церковную школу; хвалилъ и ревность „дѣятеля просвѣщенія“, высказывая благую увѣренность, что самоотверженность учителя отзовется и въ душахъ прихожанъ, для блага коихъ все сіе совершается. О. Аркадій къ своей рѣчи заблаговременно готовился, предполагая ее по произнесеніи отпечатать въ „Епархіальныхъ вѣдомостяхъ“,—и оттого она отличалась такой мудреностью, что едва ли не одинъ только авторъ и понялъ ее, какъ слѣдуетъ. Даже Мегистовъ, наиболѣе подготовленный изъ всѣхъ слушателей, не уразумѣлъ въ рѣчи о. Аркадія многаго, главнымъ же образомъ—почему церковно-приходскія школы ведутъ въ рай, а земскія—въ адъ. Ему, однако, было пріятно сознавать, что онъ является до извѣстной степени путеводителемъ въ царство небесное. Но въ общемъ онъ ощущалъ въ душѣ какое-то особое чувство, которое едва ли могъ передать. Онъ росъ до сихъ поръ, какъ дерево въ лѣсу, не сознающее своего роста... Мегистовъ не понималъ, за что его хвалитъ батюшка, за что такъ крѣпко жметъ ему руку, проситъ пріѣзжать къ нему въ Собакино запросто. Еще менѣе понятно было ему, почему писарь, пріѣхавшій изъ Собакина вмѣстѣ съ о. Аркадіемъ, треплетъ его по плечу и говоритъ:

— Молодчага ты... Какъ тебя звать?

Припомнивъ отзывы наблюдателя о начальствѣ, Мегистовъ нѣсколько оторопѣлъ. Мало понятныя похвалы не возбуждали въ немъ гордости, не вызывали и краски на лицѣ. Павелъ покраснѣлъ только послѣ того, какъ писарь замѣтилъ:

— Все хорошо, а только вспрыснуть-то и нечѣмъ.

Дѣйствительно, неопытный учитель не позаботился объ этомъ, не догадался, да если бы и догадался, все равно въ карманѣ не было ни копѣйки. Его кормили въ кредитъ за три рубля въ мѣсяцъ за общимъ столомъ у старосты Мокея,

гдѣ въ семьѣ, между прочимъ, была одна безносая старуха, которая ѣла, правда, въ особицу, но была главной стряпухой.

Послѣ открытія школы, въ нее стали приходить ребятишки—человѣкъ двадцать. Мегистову доставляло большое удовольствіе сознаніе, что онъ знаетъ всетаки больше ихъ,—чувство, дотолѣ неизвѣданное. Теперь онъ нѣсколько свысока посматривалъ на ребятъ. Всѣ эти *азы* ему были извѣстны,—въ нихъ онъ не могъ ошибиться и сбиться. Оказалось, нашлись люди, которые ниже Мегистова... И онъ, засунувъ руки въ карманъ, принималъ свободную позу и, не глядя въ книгу, безъ запинки и безъ всякаго раздраженія, снисходительно поправлялъ ошибки:

— Врешь, Митька! „А ще бо“, а не „аце бя“... И не Мрія, а Марія. Титло стоитъ, дуракъ. Развѣ не видишь? Единица, помноженная на единицу, даетъ въ произведеніи тоже единицу.

Ребята учились охотно.

IV.

Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ къ Мегистову учитель церковно-приходской школы изъ сосѣдняго села, Яковъ Кручининъ, во время самаго урока. Мегистовъ не зналъ, какъ поступить: продолжать ли заниматься, или прекратить.

Гость, состоявшій на службѣ уже третій годъ,—„тертый калачъ“,—сразу рѣшилъ раздумье хозяина, сказавъ громко:

— Пошли домой! Мы чай будемъ пить.

Ребята мигомъ убѣжали, и за самоваромъ гость развязно повелъ рѣчь:

— Вотъ скоро пріѣдетъ наблюдатель.

Мегистовъ молчалъ.

— Школы обозрѣват . У тебя готово?

— Да гдѣ же такъ скоро? — отвѣтилъ Мегистовъ. — Кой какъ мало-мало разбираютъ...

— Ну, понесъ!.. Я развѣ о томъ?.. Наблюдатель водки не пьетъ.

Мегистовъ уставился глазами на товарища и ровно ничего не понималъ, а тотъ продолжалъ:

— Портвейнъ уважаетъ и мадеру. Заготовилъ?

— Да гдѣ же? — печально произнесъ Мегистовъ. — Самъ знаешь, какое наше жалованье.

— А надо. — Мегистовъ вздохнулъ, а Кручининъ утѣшилъ:

— Не печалься. Конечно, гдѣ же одному выдержать такой

расходъ, — земскому учителю и то не подъ силу, хотя они по двадцати пяти гладятъ. Но у насъ это славно устроено. Мы, значитъ, въ складчину... Сговоримся человѣкъ пять и заведемъ... Наблюдатель всегда начинаетъ съ краю, съ моей школы... Я, значитъ, угощу и бутылку къ тебѣ, а ты къ третьему, третій къ четвертому...

Мегистовъ засмѣялся, недоумѣвая:

— Съ крыльями, что ли, бутылка ваша? Летаетъ изъ деревни въ деревню?

— Да, братъ, она препровождается одновременно съ наблюдателемъ, — конечно, безъ его вѣдома, — въ особой шкатулкѣ, которая кладется подъ сидѣнье ямщика... Вотъ какъ!

— А надолго хватаетъ бутылки?

Кручининъ объяснилъ:

— Онъ у насъ скромный, зря не пьетъ, не больше рюмки, примѣръ показываетъ, какъ съ напитками обращаться... Дескать, и не фарисей, и пьянству тоже не преданъ, во всемъ мѣра — ну вотъ! Да мы, признаться, больно-то и не угощаемъ, соображаемъ, чтобы на весь годъ одной бутылкой обойтись... Ну и закуски...

— И закуски?

— А какъ же иначе? Все чинъ чиномъ — фунтъ сыру, фунтъ московской колбасы, а для поста — копчушки. По одинъ годъ заготовили было балыку, да такъ усохъ, держи его горой, какъ гужи, никакимъ зубомъ не возьмешь; такъ и отступились, не знай кто и съѣлъ... А полтора года ѣздилъ этотъ балыкъ... прочная закуска... Ну, теперь копчушекъ запасаемъ.

— А сами-то пьете при о. наблюдателѣ?—спрашивалъ Мегистовъ.

— Для прилику... пригубимъ, а потомъ въ тоё же бутылку. Да что толку въ мадерѣ? Водка — это такъ, а мадера—тьфу!..

— Хорошо это у васъ устроено! —восхищался Мегистовъ.

— Да у насъ не одно это, а и, напримѣръ, газеты. Ихъ мы тоже сообща... за три рубля. Хочешь въ часть?

— Съ удовольствіемъ. Сколько надо?

— За газету полтину, на угощеніе рубль.

Мегистовъ подумалъ и загрустилъ:

— А можно безъ угощенія обойтись?

— Можно-то можно, — отвѣтилъ товарищъ, — но какъ-то неловко. Пріѣдетъ къ тебѣ начальникъ, усталый или въ пыли, или съ мороза, а у тебя ничего! Вѣдь стыдно будетъ! А нашъ о. наблюдатель такой, какихъ трудно найти. Онъ за насъ горой. Если бы отъ него зависѣло, онъ бы все сдѣ-

залъ. Награды выхлопатываетъ, пособія... и въ совѣтѣ изъ-за насъ враговъ себѣ нажилъ.

— Ну, ладно, берите полтора цѣлковыхъ и считайте меня въ части съ вами,—согласился Мегистовъ.

V.

Вскорѣ вышло такъ, какъ говорилъ Кручининъ. Пріѣхалъ о. Иліодоръ, оживилъ школу, похвалилъ учителя и учениковъ, скушалъ яичницу, выпилъ рюмку „общественнаго портвейна“ и съѣлъ одну копчушку. Но затѣмъ произошло то, о чемъ Кручининъ не предупреждалъ. О. Иліодоръ, улыбнувшись на бутылку, вдругъ сказалъ:

— Стой, братъ, и я тебя попотчую.—И о. Иліодоръ вынулъ изъ дорожнаго саквояжа свои припасы: коробку сардинъ, окорокъ, ветчину, лепешки.

— Ѣшь, Павелъ!

И они ѣли молча, каждый углубившись въ свои мысли. О. Иліодоръ вспоминалъ отца Мегистова. Мегистовъ былъ растроганъ, куски вкусной ветчины застрявали въ горлѣ, а въ мозгъ впивалось изреченіе: „Алчущаго напитай“.

— А ты съ горчицей... лучше,—говорилъ о. Иліодоръ и равнодушно похваливалъ:—Хорошая ветчина.

Мегистову вспомнилось, что такъ именно однажды угощалъ его отецъ, когда былъ живъ и пріѣзжалъ въ училище. И невольно навернулись у него слезы: онъ опять почувствовалъ себя маленькимъ и любимымъ, и обиженнымъ, и до того забылся, что, чуть не рыдая, потянулся къ о. Иліодору, который мягко успокаивалъ его:

— Ну-ну... А ты ѣшь. Чего не ѣшь? Э-эхъ...—И, взявъ ножъ, о. Иліодоръ отрѣзалъ отъ окорока два большихъ куска и сказалъ:—Это тебѣ на завтра, это на послѣзавтра, а дальше что Богъ дастъ...

Въ послѣднюю минуту, когда о. Иліодоръ вышелъ изъ избы, Мегистовъ вспомнилъ о своей обязанности предъ товарищами, поспѣшилъ влить обратно въ бутылку свою недопитую рюмку и, торопливо уложивъ закуски съ виномъ въ шкатулку, понесъ ее къ ямщику.

— Павелъ!—окрикнулъ о. Иліодоръ, и въ тонѣ голоса почувствовалось открытіе учительской тайны. Павелъ остановился и не зналъ, куда идти со шкатулкой.

— Ну ужъ, неси,—махнулъ рукой о. Иліодоръ.—Богъ съ вами, обманщики! Хватитъ у меня на всѣхъ... два окорока везу... всѣхъ угощу... Тайкомъ, братъ, отъ своей попадьи въ колбасной купилъ... Ну, будь здоровъ.—И онъ ве-

село блеснулъ своими сѣрыми глазами, которые оттого стали большими и привѣтливыми.

Мегистовъ долго смотрѣлъ вслѣдъ о. Иліодору. Недолгое пребываніе гостя сообщило его душѣ какую-то духовную полноту, но съ каждой минутой удаленія о. Иліодора все сильнѣе выростало въ душѣ одиночество. Мегистовъ не имѣлъ силы сѣсть за учебники, по которымъ готовился на званіе учителя и которые ввели его въ долгъ на три рубля. Такимъ образомъ, онъ не исполнилъ одной изъ заповѣдей наблюдателя. Относительно другихъ добродѣтелей дѣло обстояло лучше. На вечеринки онъ не ходилъ, потому что на это нужны были деньги, хотя бы пятиалтынный,—а онъ, какъ получалъ, такъ и отдавалъ все жалованье полностью за ѣду. Водку пить не приходилось по той же причинѣ. Оставались въ распоряженіи однѣ мечты. Вотъ онъ одолѣетъ экзаменную мудрость, получитъ „дипломъ" на званіе учителя, потомъ поступитъ на сто двадцать рублей жалованья, или удеретъ въ земскую школу, гдѣ учитель получаетъ триста рублей:— тутъ-то заживетъ! Купитъ пиджакъ, пальто на ватѣ, даже тросточку въ четвертакъ! А надоѣстъ учительство, уйдетъ въ дьяконы, возьметъ невѣсту съ приданымъ, выберетъ хорошій приходъ и, послуживъ года три-четыре въ дьяконахъ и школѣ, выкарабкается въ попы, какъ разъ къ тому времени, когда его товарищи, теперь семинаристы, окончатъ курсъ.

VI.

Между тѣмъ, наступали холода, выпалъ первый снѣжокъ, чумойцы отправились охотиться на зайцевъ, разставляли капканы на лисицъ. По утрамъ было знобко. Но вскорѣ собирались ребятишки и согрѣвали избу своимъ тепломъ. Впрочемъ, пришлось сдѣлать распоряженіе, чтобы они по очереди приносили вязанку дровъ. Комната съ уходомъ ребятъ быстро остывала.

Мегистову приходилось одѣваться во всѣ свои одежды, но это не помогало противъ зимы, и онъ лѣзъ на печку, тщательно разыскивая животомъ по ея каменной поверхности остатки тепла, и тамъ спалъ до полнаго одуренія. Къ утру и на печкѣ было не теплѣе хлѣва. Спасибо о. Аркадію, который догадался прислать желѣзную печку на подержаніе, но она еще быстрѣе остывала. Очевидно, упрямый холодъ не хотѣлъ разставаться съ мѣстомъ просвѣщенія. И это заставляло учителя искать теплой черемисской избы, принося въ жертву органъ обоняніе. Вонь и грязь, распространяемая животными и людьми, не менѣе откровенными, чѣмъ живот-

ные, въ своихъ привычкахъ, сырыми шкурами, тутъ же обдираемыми съ убитыхъ зайцевъ и лисицъ, отвратительный запахъ кумышки, ѣдкій дымъ изъ топившихся по черному избъ—все это первое время вызывало въ непривычномъ Мегистовѣ головокруженіе, тошноту и разъ даже обморокъ. Но.. къ чему человѣкъ не привыкаетъ! Привыкъ и Павелъ... Обогрѣвъ тѣло, онъ чувствовалъ, что не можетъ долѣе оставаться, и уходилъ въ школу.

Такъ и бродилъ онъ—изъ училища въ черемисскія избы и обратно, приспособляя носъ къ черемисской атмосферѣ, а кожу—къ холоду. За это время у него не было ни одной радости, и онъ уже утратилъ въ душѣ свѣтлое впечатлѣніе, оставленное наблюдателемъ; полуголодный, иззябшій, стараясь убить время спаньемъ, онъ опухъ, сдѣлался вялымъ, разслабленнымъ, апатичнымъ. Ему не хотѣлось даже ни о чемъ думать. Понемногу вытѣснялась и мечта быть дьякономъ. Въ немъ все замирало.

Но однажды онъ пробудился и оживился. Кручининъ прислалъ стопку газетъ, нѣсколько книжекъ толстаго журнала за прошлый годъ и потрепанный томъ иллюстраціи. Вся душа Мегистова поднялась. Вѣдь ни газетъ, ни журналовъ онъ никогда въ жизни не читалъ!

Огромный новый міръ какъ бы свалился на него прямо съ луны! Кажется, онъ испыталъ то же, что испыталъ бы Стэнли въ пустыняхъ Африки, если бы нашелъ у дикаря свѣжій номеръ „Таймса“ или „Соціологію“ Спенсера. Мегистовъ даже задрожалъ надъ книгами и газетными листами,—все это такъ хотѣлось прочесть, и узнать, чтобы забыть холодъ, голодъ, грязь и тоску одиночества, поскорѣе связать свою душу съ душами тѣхъ, другихъ, которые отрывокъ своего внутренняго міра, свои мысли и чувства, пустили въ невѣдомое пространство и принесли въ занесенный снѣгами Чумой.

Часъ и два читалъ Мегистовъ безъ передышки, и только когда и руки, и ноги стали коченѣть,—понялъ, до чего было холодно.

— Истопить бы печку... Но гдѣ дровъ взять? Не осталось ли на дворѣ?

Но тамъ не было ни полѣна. Только за заборомъ, у сосѣда Шамея, возвышалась большая полѣнница; свѣжая колка манила взоръ къ себѣ бѣлизною... Мегистовъ подошелъ ближе и глазъ не могъ оторвать: до того очаровательны были эти липовыя полѣнья внутреннею расколотою стороною,—такъ гладка, бѣла и изящна была поверхность раскола, какъ только-что вынутая изъ печи булка, какъ пирожное, видѣнное имъ однажды въ булочной. Онъ испытывалъ чувство

голоднаго звѣря и не могъ устоять противъ искушенія... Взялъ одно полѣно, другое, третье, цѣлую охапку и такъ прижалъ къ груди, точно сжималъ въ своихъ объятіяхъ предметъ первой страстной любви.

И тихо, и плавно загорѣлись дрова въ желѣзной печкѣ, вспыхнули яркой горячей лаской всей въ нихъ заложенной солнцемъ силы; черная желѣзная печка окрасилась въ одинъ цвѣтъ съ красными угольями; тѣни сумерекъ убѣжали и попрятались въ углы. И тепло стало въ школѣ, и учитель, освѣщая страницы книги свѣтомъ топившейся печки, читалъ и уходилъ въ иной міръ, гдѣ есть и свѣтъ, и радость, и счастье...

Въ ту ночь онъ уснулъ съ сладкой улыбкой на губахъ. Всю ночь ему снились: то длинныя вереницы блиставшихъ бѣлизною полѣнницъ, уставленныхъ сплошнымъ рядомъ отъ Чумоя до Большой Шеи, то дорога, устланная бѣлыми газетными листами, на которыхъ написано золотыми буквами: „Сѣйте разумное, доброе, вѣчное“.

VII.

Три дня потомъ Павелъ чувствовалъ себя человѣкомъ. Ему казалось, что до полученія книгъ его глаза были залѣплены какою-то грязью, что въ немъ была не душа, а паръ; что вокругъ стояла до сихъ поръ непроглядная ночь, а теперь забрезжила заря, и въ головѣ его уже бродятъ какія-то не вполнѣ еще сознанныя мысли. И хотѣлось ему больше знать и яснѣе понимать.

Внутренній отдѣлъ и судебная хроника дали ему матеріалъ о русскихъ людяхъ. Повѣсти и разсказы шевелили сердце; стихи ласкали ухо... Пробовалъ онъ читать и серьезныя статьи, но долженъ былъ сознаться, что это для него китайская грамота. Впрочемъ, одну, поразившую его воображеніе, фразу онъ даже выписалъ въ особую тетрадку:

„Жизнь безъ труда воровство, трудъ безъ искусства—скотство“.

Трудъ безъ искусства! — какъ ярко подтверждалъ это Чумой, гдѣ даже дома обращены были окнами не на улицу, а во дворъ, и гдѣ самая улица — сплошной задній дворъ, общій хлѣвъ всей деревни. Трудъ безъ искусства свалилъ и людей, и животныхъ въ одну общую кучу, гдѣ все отличіе однихъ отъ другихъ въ томъ, что одни ржутъ, мычатъ, лаютъ, визжатъ, а другіе могутъ, въ придачу къ этому, изъясняться членораздѣльною рѣчью. Но неужели это правда?

Неужели нѣтъ никакого искусства у этихъ людей? Мегистовъ сталъ сравнивать черемисскій бытъ съ русскимъ и нашелъ кое-что. Почему у черемисъ на воротахъ подъ высокой крышей рѣзьба напоминаетъ церковную? Почему черемисскіе черпачки и ковши украшены на ручкахъ рѣзными фигурами утокъ, лошадей, медвѣдей и сдѣланы, словно, по рисунку изъ иллюстраціи, изображающей древнерусскій бытъ? Какъ будто, вся утварь взята изъ музея. Да и названіе нѣкоторыхъ вещей говоритъ о давнихъ временахъ, напримѣръ: „братина". Почему въ каждомъ почти домѣ среди избы обрубокъ съ корнями, замѣняющій стулъ? Почему столъ только изъ двухъ длинныхъ досокъ, а то изъ одной широкой? Почему стрѣла, которою бьютъ бѣлокъ, съ костянымъ наконечникомъ? Почему лѣтомъ переходятъ жить въ шалашъ на дворѣ, съ вырытой среди него ямой для огнища? Откуда этотъ обычай, сходный съ переѣздомъ на дачу? А эти разноцвѣтные богатые и искусные узоры рубахъ на рукавахъ и, особенно, на груди и подолѣ, эти головные причудливые уборы на головахъ женщинъ и это стремленіе смуглыхъ, черныхъ людей къ бѣлому цвѣту одежды? Наконецъ, эта своего рода фамильная геральдика,—напримѣръ, вилы у сосѣда Шамея, выставленныя подъ воротами... значитъ, у нихъ есть тоже свое искусство, не одно скотство, виденъ человѣкъ и стремленіе его души. Только... какъ все это жалко въ общемъ! Точно лютая зима еще триста-четыреста лѣтъ назадъ заморозила этотъ дикій народецъ, со всѣмъ его бытомъ, сковала на вѣки движеніе его мысли и воображенія. А былъ онъ когда-то смѣлымъ народомъ. Въ пѣсняхъ и легендахъ черемисскихъ сохранились зачатки былой исторіи: у нихъ были богатыри, которые воевали съ вотяками и русскими,—но исторія эта была очень грустная: изъ нея видно, какъ гнали черемисъ съ Оки на Волгу, съ Волги на Каму, Вятку, и они постепенно отодвигались въ глушь лѣсовъ, болотъ, трясинъ, ограждаясь отъ всякихъ воздѣйствій. И что же выработала исторія изъ этого народа? Неужели только ту особенность, что черемисянинъ можетъ быть отличнымъ егеремъ въ господскихъ охотахъ на медвѣдей, потому что сохранилъ вѣковое чутье отъ временъ дикаго звѣроловства? А исчезнутъ лѣсные пейзажи, исчезнутъ медвѣди и бѣлки—сотрется съ лица земли и лѣсной маленькій народецъ... Зачѣмъ? Кому это надо?

И въ то время, какъ Мегистовъ думалъ обо всемъ этомъ, вошелъ къ нему сосѣдъ Шамей и сказалъ:

— Не корошо, Палъ Мимитричъ.

— Что не хорошо?

— Не корошо... Дрова откуль возишь?

Учитель молчалъ.

— Мой дрова-те, — замѣтилъ Шамей. — Самъ видѣлъ... слѣды... Не корошо! — и Шамей замолкъ.

Теплая комната стыла; наступила тяжелая тишина. Шамей вздохнулъ и спросилъ:

— Больше не станешь?

— Нѣтъ, — едва слышно прошепталъ Мегистовъ, и опять изба точно, казалось, вымерла. Черезъ минуту Шамей сказалъ:

— Ты бы лучше попросилъ, чѣмъ такъ-то... Я дамъ. Сколько тебѣ надо? Я дамъ.

Мегистовъ черезъ силу выговорилъ:

— Только бы не зябнуть...—И дрожь при воспоминаніи о холодѣ пробѣжала по его тѣлу.

Шамей всталъ и, подавая руку учителю, сказалъ ободряюще:

— Дамъ, Палъ Мимитричъ, дамъ!

И Мегистовъ крѣпко пожалъ руку язычнику, невольно представляя, что было бы, если бы на мѣстѣ Шамея стоялъ богатый православный русскій мужикъ: сколько бы брани, словъ злыхъ и гнилыхъ онъ выслушалъ, а потомъ потянулъ бы учителя-вора на судъ къ земскому начальнику. А этотъ Шамей самъ подалъ руку и, выходя, весело повторялъ одно: „дамъ, дамъ!“

— Спасибо, Шамей... Благодарю!—и еще крѣпче пожалъ руку Шамею Мегистовъ, такъ что Шамей невольно высказалъ:

— А ты здоровый, Палъ Мимитричъ... Ухъ, здоровый!.. Медвѣдь...

Шамей откровенно щупалъ мускулы рукъ учителя и улыбался свѣтлой улыбкой.

На слѣдующій вечеръ въ школу пришла, съ вязанкой дровъ, дѣвушка лѣтъ семнадцати, бросила ихъ на полъ и остановилась среди избы, какъ вкопанная. Павелъ посмотрѣлъ на нее, покраснѣлъ и отвернулся.

— Эсень-ли (прощай)!—робко сказала дѣвушка и ушла.

— Прощай.

Такъ повторилось и на другой, и на третій день, и всякій разъ она говорила или „эсень-ли“, или по-русски: „Проштяй, Мимитричъ“.

Мегистовъ такъ привыкъ къ посѣщеніямъ этой дѣвушки, что однажды, когда вмѣсто нея пришла ея уже не молодая сестра, онъ спросилъ:

— А Качукъ здорова?

— Здорова. На базаръ увезли. Пріѣдетъ, опять будетъ топить у тебя.

Мегистовъ, когда начинало холодѣть, не могъ рѣшить, кого онъ больше желаетъ видѣть: липовыя ли свѣже наколотыя плашки, или Качукъ съ черными, какъ уголь, глазами, миндалевиднаго разрѣза. Дѣвушка становилась смѣлѣе, даже улыбалась, такъ что однажды Павелъ, когда она повернулась къ двери, чтобы идти, сказалъ:

— Ты бы затопила сама...

— Затоплю... Какъ велишь...—и Качукъ свободными ловкими движеніями разжигала дрова, дула на пламя, которое освѣщало ея смуглое лицо съ тонкими меланхолическими чертами, густыми, сросшимися дугообразно, бровями и коричневыми родинками. Сдѣлавъ свое дѣло, она сказала обычное: „Прощтяй, Мимитричъ!“ и, затворяя дверь, бросила привѣтливый взглядъ на учителя.

На слѣдующій день она, уже не дожидаясь приказанія, сама затопила печь, а Мегистовъ, замѣтивъ ея движеніе къ выходу, пригласилъ:

— Куда торопишься, Качукъ? Посиди.

— Посижу, — отвѣтила она и, усѣвшись около печки, стала глядѣть на огонь. Павелъ издали смотрѣлъ на ея тонкій профиль и читалъ въ ея лицѣ не то грусть, не то мечту. И что-то знакомое вспомнилось ему.

— А вѣдь я тебя гдѣ-то видѣлъ, Качукъ.

— Въ рощѣ, — отвѣтила она. — Развѣ забылъ? Ты меня разбудилъ тогда.

Мегистовъ, дѣйствительно, припомнилъ, что, въ началѣ пріѣзда въ Чумой, онъ гулялъ въ заповѣдной черемисской рощѣ, въ одинъ теплый день. Онъ обошелъ тогда все мольбище—открытую поляну, съ кучами золы, разбросанными кольями, постоялъ вблизи дерева, на стволѣ котораго висѣло на лычкѣ странное ожерелье изъ оловяшекъ разнообразнаго вида. Мегистовъ зналъ, что передъ началомъ общественныхъ моленій черемисскій картъ (жрецъ, шаманъ) выливалъ въ чашку съ холодной водой растопленное олово, гадая, какую жертву надо принести, и, въ соотвѣтствіи съ очертаніями оловяшки, черемиссы „молятъ“ то или иное животное: жеребенка, корову, овцу—для удовлетворенія боговъ высшаго ранга, или птицу: гуся, утку, курицу, — для умилостивленія маленькихъ духовъ: докладчиковъ и толмачей, посредниковъ между людьми и „Юмо-Серлягомъ“. Тогда съ мѣста мольбища Мегистовъ прошелъ вглубь рощи тропой и тамъ увидѣлъ какой-то силуэтъ. Подойдя ближе, онъ слышалъ слова черемисской молитвы: „Боже, дай помощь въ жизни народу, дай скота, послѣ того дай хлѣба,

послѣ хлѣба дай пчелъ, послѣ пчелъ просимъ денегъ на оплачиваніе подати государю, послѣ денегъ просимъ лѣсной ловли, послѣ ловли просимъ водяной ловли на выручку денегъ". Учитель пріостановился, наблюдая. Молясь, дѣвушка поднимала руки къ небу и опускалась на колѣни. Вѣроятно, и до его прихода она долго молилась, потому что вскорѣ сѣла на землю, и, немного погодя, послышалось легкое всхрапываніе. На сѣдомъ мху спящая свернулась калачикомъ. Лучъ солнца игралъ по ея рукамъ, которыми она закрыла глаза отъ свѣта; изъ-подъ бѣлой паневы виднѣлась босая нога. Шорохъ сухихъ листьевъ пробудилъ ее, она вскочила, вскрикнула и убѣжала.

— Какъ я испугалась тогда,—вспоминала она теперь.— Я видѣла сонъ... хорошій такой... будто Кереметь поднялъ меня высоко-высоко, и я бѣгаю на облакахъ и прыгаю съ елки на елку, какъ бѣлка. И вдругъ Кереметь отпустилъ меня, и я лечу внизъ, какъ въ пропасть... И, только бы мнѣ расшибиться объ камень, какъ раскрываю глаза и вижу—ты... Испугалась — думала: вотъ самый Кереметь и есть!

Мегистовъ улыбнулся и спросилъ:

— Почему вздумалось тебѣ тогда спать?

— И сама не знаю, какъ уснула... Устала, должно быть... Я была подъ нашимъ Кереметемъ... Молилась ..

— О чемъ?

— Горе у насъ въ семьѣ. Мужиковъ только отецъ одинъ. Онъ хоть и здоровъ и силенъ, а все равно состарится и умретъ.

— И всѣ такъ, Качукъ...

— Но у нихъ дѣти, а у насъ...

— А ты? А Натукъ, сестра твоя?

— Мы—что! Мы не въ счетъ. Отцу нуженъ мальчишка, чтобы послѣ него правилъ домомъ.

— А мать старая?

— Давно дѣтей нѣтъ... Возили ее къ муллѣ—на сорокъ ночей оставляли отмаливать, толку не было. Вотъ и горюемъ: кому домъ? кому земля? кому кереметъ? Все прахомъ пойдетъ. Вотъ и теперь—твое училище—чей домъ думаешь? Нашего роду... Отцовъ братъ умеръ вдовый, тетка еще раньше его умерла, и домъ остался пустой. И много такъ-то у насъ, Мимитричъ, жили-жили—умерли, некому оставить дома. Въ лѣсу много такихъ кереметовъ, хозяева которыхъ померли, и ходятъ эти突 керемети голодные, злые. Ачай (отецъ) мой какъ раздумается объ этомъ,—тоскуетъ: пропадетъ, говоритъ, вся наша Черемисія ни за грошъ; всѣ пропадемъ, духу нашего на землѣ не останется. Жаль ему

и себя, и насъ, и всѣхъ... Думали, Натукъ поможетъ, но она мертвенькаго выкинула, и съ тѣхъ поръ толку нѣтъ. И картъ лѣчилъ, и мулла лѣчилъ, и русскій попъ лѣчилъ— ничего, все равно... Лихорадкой будетъ, когда умретъ.

— Почему?

— Такъ. Всѣ старыя дѣвки обращаются въ лихорадку.

— А прочіе?

— Смотря, какъ умрутъ. Если убьешь или кого убьютъ, то будешь „арынтышъ", „водышъ", злой духъ, тоже кереметь.

— А пріемыша нельзя взять въ домъ?

— Мальчишку-то черемисянина? Что ты, Мимитричъ, да такого ни за какія деньги не купишь, такой всякому нуженъ. Мало парней родится... Отчего это, Мимитричъ?

— Не знаю, Качукъ.

— Никто не знаетъ.—И она вздохнула и печально глядѣла на огонь, вслушиваясь въ легкій трескъ дровъ, откликавшійся на завываніе мятели, на шумъ въ трубѣ и далекій вой собакъ и волковъ, искала отвѣта на свой вопросъ и не находила.

— О чемъ задумалась?—спросилъ Павелъ.

— Клѣба меньше стало родиться... Ачай говоритъ, прежде столько было клѣба, столько—и-и! кладей по тридцать у каждаго черемисина, иную кладь лѣтъ сорокъ не трогали, а теперь весь клѣбъ къ веснѣ съѣдаютъ... Потому дождей мало... оттого... А дождей меньше потому, что одна баба испортила все дѣло. Прежде и небо было ниже, и облака ниже, близко-близко ходили къ землѣ, такъ что зацѣплялись за вершины кереметовъ, а то баба вздумала повѣсить просушить на облако ребячью грязную пеленку, небо-то обидѣлось да и поднялось, а за небомъ и облака... Такъ съ тѣхъ поръ и тучи все мимо, мимо...

— Откуда ты это узнала?

— Говорятъ... Всѣ такъ говорятъ.

— Враки это, Качукъ. Не вѣрь.

— Можетъ быть. А по твоему, отчего дождя меньше?

— Отъ другой причины. Только не отъ пеленокъ.

Мегистовъ сталъ объяснять, что главная причина неурожая заключается въ беззаконіяхъ человѣческихъ. Качукъ зѣвнула; ея мысли шли въ своемъ направленіи.

— Вотъ тоже сказываютъ, ржаной колосъ прежде росъ не такой...

— А какой?

— Прямо отъ земли начинался, стебля не было, все сплошь зерна и зерна, и крупныя такія. И на людей, и на

звѣрей хватало, а теперь, вишь, какой маленькій, только для кошки да собаки.

— Отчего же такъ стало?—вывѣдывалъ Павелъ.

— Не знаю, — отвѣтила печально Качукъ и перешла на болѣе интересовавшіе ее вопросы.

— Сколько въ нынѣшнемъ году дней?

— Триста шестьдесятъ пять.

— А скоро ли будетъ такой годъ, гдѣ однимъ днемъ больше?

— Черезъ два года... А что?

— Двойни будутъ тогда родиться.

— Почему?

— Говорятъ.

— Болтаютъ, Качукъ. Все зря.

— Кто знаетъ... Эсень-ли, Мимитричъ!

— Прощай, Качукъ. Приходи опять покалякать.

— Приду.

— А тебя дома не ругають?

— За что?

— Да вотъ ты одна ко мнѣ ходишь.

— Ну, такъ что?

— Да вѣдь я—„рвэзе" (парень).

— Ну!—она почесала кончикъ носа и вышла, потомъ отворила немного дверь и, просунувъ голову, прибавила весело:—То и хорошо!..—Бѣлые зубы надъ улыбающимися губами блеснули свѣтомъ.

VIII.

Разъ Качукъ развела огонь въ печкѣ и, усѣвшись, сказала Павлу:

— Шичь воктень, тушто волгдоракъ (садись возлѣ, тутъ свѣтлѣе читать).

Павелъ не безъ волненія повиновался и развернулъ иллюстрацію. Она тоже смотрѣла и сказала:

— Сай (хорошо)!

— Нравится?

— Да.

Картина изображала свѣтскую мечтательную женщину. Потомъ Павелъ сталъ читать вслухъ рождественскую сказку. Качукъ глядѣла на него, силилась понять, но глаза ея слипались.

— Понимаешь, Качукъ?

— Укэ (нѣтъ)!

— Да вѣдь просто же...

— Укэ! Проштяй, Мимитричъ.—И она поднялась.

— Да куда же ты? Ну, бросимъ читать, такъ поговоримъ.—Качукъ опять сѣла противъ огня, подперла руками голову и, не мигая, глядѣла въ пламя; зрачки расширились, лицо раскраснѣлось.

— О чемъ думаешь?

— Такъ,—уклонилась Качукъ. Въ тонѣ голоса слышалась печаль.

— Скажи.

— Рвэзе шюшке...—отвѣтила она по-черемисски, что значило: „парни плохіе".—И ея лицо ярче вспыхнуло отъ какой-то мысли, она скрипнула зубами, грудь поднялась, съ шеи упала толстая коса въ монистахъ, задѣвъ руку Павла; тотъ вздрогнулъ.

— Шюшке, говоришь? Мозгляки?—И Павелъ протянулъ руку по направленію къ стану дѣвушки. Но его движеніе замерло въ воздухѣ, и рука упала на полъ, какъ плеть. Качукъ замѣтила эту нерѣшительность и придвинулась своимъ плечемъ къ его плечу. Тогда и его рука обвила ее, она ближе наклонилась къ нему, и онъ сначала боязливо коснулся своимъ лицомъ ея пылавшей щеки, губы ихъ встрѣтились и слились въ общемъ поцѣлуѣ.

Огонь пылалъ, полѣнья трещали... было тепло... Павелъ не отнималъ своихъ губъ отъ лица дѣвушки, крѣпкими руками, какъ обручами, сжималъ ея тонкую фигуру. Потомъ вдругъ она вырвалась и, переводя духъ, сказала:

— Завтра я къ тебѣ приду... послѣ бани... чистая...— И убѣжала.

По уходѣ Качукъ, Павла охватила дрожь. Онъ не могъ точно назвать то, что только что произошло; онъ смущался произнести слово, которое повергало его въ краску. И не то, что онъ не зналъ этого слова,—нѣтъ, онъ часто произносилъ его раньше, и не про себя только, а вслухъ... Вѣра, надежда и... еще одно слово—всѣ эти слова такъ были знакомы и такъ понятны. А теперь одно изъ этихъ самыхъ понятныхъ словъ получило особую окраску и смыслъ, и въ этомъ видѣ оно было для него теперь ново. То же слово, тѣ же звуки, но отъ нихъ—и сладко, и стыдно. И Павелъ гналъ это слово отъ себя, но оно ворвалось и билось—и въ вискахъ, и въ груди...

— Что такое происходитъ? Неужели я?...—Онъ не договаривалъ даже и въ мысляхъ и спѣшилъ вслухъ высказать:

— Надо жениться. Но хорошо ли на черемискѣ? Согласится ли мать?.. Что скажетъ о. наблюдатель? Э, да все равно!

Качукъ сдержала обѣщаніе и пришла, вся разряженная.

На вышитой узорами груди звенѣло монисто, на головѣ былъ сорбонъ, лицо сіяло радостью.

— Играть будемъ,—рѣшила она, приближаясь къ Павлу. Тотъ обнялъ ее и сказалъ:

— Ну, такъ пойдешь, значитъ, за меня замужъ?

— Укэ!

— Почему же?

— За крещенаго мнѣ нельзя. Я не крещеная.

— Крестись.

— Огешлы (нельзя).

— Почему?

— Ачай огэшь кюштэ. Кереметь-ланъ кумалы-на (Отецъ не позволитъ. Мы Кереметю молимся).—Передъ Павломъ сразу выросла преграда, но онъ считалъ ее устранимою.

— Можно отца и не послушаться.

— Зачѣмъ?

— Я тогда на тебѣ женюсь.

Она улыбнулась и сказала:

— Я за своего черемисина выйду.

У Павла опустились руки, и онъ вскрикнулъ почти злобно:

— Тогда зачѣмъ же сюда пришла?

Она опустила голову и тихо произнесла:

— Такъ...—и потомъ прибавила:—Ачай кюштэ.

— Отецъ велитъ!—повторилъ онъ за ней, вставая, и, схвативъ себя за волосы, быстро, какъ ужаленный, заходилъ изъ угла въ уголъ. А она стояла, смущенная и растерянная. И тогда въ мозгу Мегистова отчетливо пробѣжали напутственныя слова наблюдателя о вырожденіи инородцевъ, обрисовалась во всей отчетливости устарѣвшая сестра этой дѣвушки, Натукъ, которой не помогли молитвы муллы. Мегистовъ понялъ, какъ на него смотритъ Качукъ, ея отецъ Шамей и вся ихъ семья, и ужаснулся той роли, какую ему отводили эти люди, стремящіеся такъ просто рѣшить жизненныя задачи несчастнаго племени.

— Такъ ты за черемисина пойдешь?—еще переспросилъ Мегистовъ.

— Да,—твердо отвѣтила Качукъ.

— Такъ иди, иди отсюда! — И Павелъ повернулъ ее за плечо къ выходу.

Она, въ полуоборотъ, взглядомъ умоляла, чтобы онъ не выгонялъ ее; ея глаза говорили о дѣтенышѣ, который былъ нуженъ дому Шамея.

— Ачай будетъ сердиться... бить станетъ.

— Иди же!—разсвирѣпѣлъ Мегистовъ.—Или я тебя побью...

И больше никогда сюда не приходи! Слышишь: ни-когда! Никогда!

На ея глазахъ были уже слезы; она смахнула ихъ и, рѣшительно мотнувъ головой, вышла. А въ комнатѣ было даже жарко. Окна оттаяли, и можно было видѣть, какъ Качукъ шла твердымъ шагомъ къ противоположному дому, гдѣ было свѣжо и куда направлялись парни на дѣвичью вечорку. Павелъ не могъ владѣть собою, онъ тоже вышелъ на улицу и подошелъ къ окну избы, но запотѣвшее стекло не позволяло разсмотрѣть, что тамъ происходило. Тогда онъ рванулъ дверь и въ клубахъ ворвавшагося свѣжаго воздуха разсмотрѣлъ, что Качукъ уже сидѣла на колѣняхъ у одного подслѣповатаго парня съ прыщами на землистомъ лицѣ. Всѣ парни и дѣвки просіяли при видѣ учителя:

— А, Мимитричъ, сай, сай! Шичь, шичь. Пожалуй!

И, глядя на Качукъ, нѣкоторые парни потребовали отъ Павла выкупъ.

Тогда Павелъ хлопнувъ дверью, побѣжалъ домой. Въ школѣ преслѣдовалъ его все время запахъ, оставленный Кучукъ... У него яростно сжимались кулаки, онъ билъ ими по столу, по желѣзной печкѣ, и, наконецъ, опять выбѣжалъ на улицу. Тамъ онъ замѣтилъ, что двѣ тѣни отдѣлились отъ освѣщеннаго дома и, близко прижавшись другъ къ другу, спѣшатъ по улицѣ. Однимъ мигомъ онъ очутился возлѣ и узналъ Качукъ и Петрована. Приподнявъ послѣдняго на воздухъ, онъ далеко отшвырнулъ его въ сугробъ, а Качукъ взялъ на руки и понесъ обратно, какъ снопъ.

— Палъ Мимитричъ! Мимитричъ! Что ты? Что ты? Не бей... не души...—жалобно стонала Качукъ.

— Да не бить я тебя... Мнѣ жаль тебя... Неужели не видишь, что Петрованъ гнилой? Вѣдь и ты сгніешь.

— А что дѣлать, Мимитричъ? Всѣ они такіе...

— О!—И Павелъ крѣпко, до боли сжалъ опять дѣвушку. Онъ удивлялся, до чего легка Качукъ. Или сила въ немъ выросла такая, что онъ уже не замѣчалъ ноши и несъ ее, какъ перышко? Онъ пнулъ ногой ворота Шамея и поставилъ Качукъ на крыльцо.

— Зачѣмъ пускаешь дочь на вечорки?—почти кричалъ Павелъ.

— Какъ? Онъ къ тебѣ кодилъ, — спокойно отвѣтилъ Шамей.

— Онъ меня прогналъ, ачай...

— Домой бы тогда,—все также спокойно говорилъ Шамей.

— Скучно, ачай...

— Ай дѣвка, ай дѣвка! Не коди... Не приказалъ.

— Не пускай, Шамей, вѣдь сгибнетъ она. Петрованъ тамъ...

— Петрованъ гніетъ, знаю. Вся семья у нихъ такая.

— Такъ долго ли? Вѣдь Качукъ заразится отъ него! — воскликнулъ Павелъ съ ужасомъ.

Въ избѣ послышались всхлипыванья, — плакала Качукъ, жалуясь:

— Я со зла къ Петровану... Мимитричу нужна поповна, а я ему не гожусь. Онъ и смотрѣть на меня не хочетъ. — Она закрыла лицо руками и рыдала.

— Полно, полно, Качукъ,—утѣшалъ Павелъ, слегка касаясь ея плеча.—Не сердись... Право, не сердись...

— Э, Палъ Мимитричъ... того, — заговорилъ, запинаясь Шамей. — Не корошо... Зачѣмъ дѣвку обижать? Она корошая дѣвка...

— Да я знаю это, только... какъ это вы живете, словно скоты!..

— Зачѣмъ скоты? Лошадь, корова—скоты, а мы—люди. Мы корошо живемъ, никого не обижаемъ... Мирно живемъ, не воруемъ, не обманываемъ.

— Знаю, знаю, Шамей, но...

— А ты мирись съ дѣвка. Качукъ, и ты мирись. Не будь сердита. Ну? Дай рука, ну, молъ, по-старому. Такъ, что-ль, Мимитричъ?

— Ну, да. Пусть ходитъ по прежнему, я радъ.

— Вотъ, вотъ!—подтвердилъ Шамей.

— А если, Шамей, я буду учить ее грамотѣ, ты — ничего?

— А чего же? Учи, учи. Корошо будетъ.

— Я съ учениками не буду, — возразила Качукъ, протирая глаза.—Они смѣяться станутъ.

— Мы съ тобой особо... По вечерамъ учиться будемъ.

— Вотъ, вотъ!—говорилъ Шамей.—Когда печку топить, тогда и грамоту. Больно корошо будетъ.

Уходя отъ Шамея, Павелъ обратилъ вниманіе на подвѣшенный къ потолку на веревкѣ большой чугунный котелъ.

— Это зачѣмъ?—спросилъ Павелъ.

— Такъ,—хмуро и неохотно отвѣтилъ хозяинъ. Послѣ Качукъ объяснила Павлу, что котелъ десять лѣтъ уже такъ виситъ: ачай обѣщался принести жертву Кереметю, если Кереметь исполнитъ какое-то его желаніе, но желаніе не исполняется.

IX.

Качукъ оказалась очень толковой ученицей и скоро втянулась въ грамоту. Черезъ мѣсяцъ она читала и выводила каракули. Пріучилась она понемногу понимать и то, что читалъ Мегистовъ,—разсказы, повѣсти. Но ее всего больше интересовали религіозные вопросы.

— Ты мнѣ про Бога-то говори больше, какой Онъ. Про Криста... Люблю вашего Криста... Нашему Кереметю если не угодишь, бѣда заломаетъ, болѣзнь, смерть напуститъ. А Кристосъ всѣхъ любитъ, кто и зло ему сдѣлалъ, прощаетъ.

Мысль Качукъ занята была сравненіемъ вѣрованій:

— Мимитричъ! Сколько вѣръ на землѣ?

— А ты какъ думаешь?

— По-моему, четыре: татарская, русская, вотская-абрамская и наша.

— Мало, Качукъ, насчитала. Гораздо больше! Насъ учили... Я только забылъ теперь, сколько...

— Которая же лучше?

— Наша, конечно.

— А про черемисскую вѣру ты какъ думаешь?

— Ну, что тутъ! пустяки...

— А вотъ и не такъ. И Кристосъ Богъ, и Кереметь богъ, только маленькій...

— Какой вашъ Кереметь богъ! Его совсѣмъ нѣтъ и не было никогда.

— А вотъ и врешь! Хочешь, покажу Кереметя? Ты не смѣйся... Вотъ придетъ весна, своими глазами увидишь, своими ушами услышишь Кереметя.

Въ ожиданіи весны, занятія шли успѣшно. Качукъ постепенно привыкала къ русской рѣчи. Подъ вліяніемъ постояннаго чтенія и языкъ Мегистова пріучался къ правильнымъ оборотамъ. Они читали Гоголя, Пушкина, Тургенева, Толстого и другихъ въ дешевыхъ изданіяхъ; доставали книги то у о. Аркадія, то у Кручинина и земскихъ учителей, пользовавшихся земской библіотекой. Передъ ними прошли цѣлыя галлереи портретовъ, которые были живѣе живыхъ лицъ. И Качукъ, и самъ Мегистовъ сразу очутились въ невѣдомой дотолѣ жизни. То, чего не давала жизнь, сдѣлала книга. Пробудившіяся мысли росли, цѣпляясь другъ за друга, вызывая новыя представленія и волненія, слагая смыслъ жизни. Все это до того ихъ заняло, что то взаимное влеченіе, которое сначала едва не охватило обоихъ, теперь отошло на задній планъ. Въ чтеніи и разговорахъ они забы-

вали на время, кто они; влюбленность исчезла, остался одинъ интересъ къ знанію. Качукъ незамѣтно для самой себя развивалась, когда настала весна и Павелъ предложилъ ей доказать реальное бытіе Кереметя, она нѣсколько сконфузилась.

Выбравъ теплую, но немного вѣтреную ночь, они, однако, пошли въ священную рощу. Луна освѣщала путь. Дорогой Качукъ говорила:

— Павелъ Дмитричъ, мнѣ боязно.

— Всегда такъ боялась?

— Нѣтъ, прежде этого не было. А теперь все припоминается дядя, который былъ въ солдатахъ. Со службы онъ вернулся домой уже крещеный и сталъ говорить, что никакого Кереметя нѣтъ, и хвалился, что срубитъ свое кереметное дерево. Его предупреждали, что Кереметь его „заломаетъ“, но онъ не послушался и пошелъ съ топоромъ. И вотъ, когда пришелъ, то кереметн и поднялись, и поднялись... Шумъ, стонъ, ревъ пошелъ по всему лѣсу, и глаза, глаза, страшные глаза чуть не съ каждаго дерева смотрятъ на него. Оторопь его взяла, но всетаки онъ срубилъ. А послѣ, дѣйствительно, захворалъ, „заломалъ“ его Кереметь.

— Отъ испугу это. А ты не бойся.

— Ой, Митричъ!.. Дай я возьму тебя за руку.

Качукъ дрожала, Павелъ чувствовалъ это и крѣпче прижималъ ея руку. Они миновали прясло, ограждавшее рощу и мольбище. Вѣтеръ дулъ порывами, но было замѣтно, что въ одномъ мѣстѣ рощи происходитъ непрерывающійся шумъ, даже при полной тишинѣ кругомъ.

— Пойдемъ туда,—сказала Качукъ и провела Павла на мольбище.—Вотъ здѣсь живетъ Кереметь всей нашей деревни,—она указала на старую, высокую и развѣсистую ель, обвѣшанную оловяшками.

— Ты слушай... Вѣтру нѣтъ, а дерево гудитъ. Послушалъ бы ты въ бурю, какъ оно шумитъ!

Павелъ прислушался, сравнилъ шумъ этого дерева съ шумомъ другихъ, прикладывая ухо, и долженъ былъ признать, что дерево, на которое указывала Качукъ, обладаетъ большею, чѣмъ другія, звучностью.

— Вѣдь правда?—спросила она, но Павелъ медленно произнесъ:

— Тутъ что-нибудь подстроено. Нѣтъ ли сквозной дыры на ели? Или еще что... Постой, я залѣзу.

— Что ты! Что ты!—останавливала Качукъ, — заломаетъ! Повѣрь, что ничего нѣтъ, рѣшительно ничего, днемъ это ясно. А потомъ, кто же осмѣлится портить эту ель? Она какъ росла, такъ и растетъ, во всю жизнь никто вѣтки съ нея не срубалъ и не срубитъ.

Мегистовъ обошелъ кругомъ звучавшее дерево, ища разгадки. Онъ обратилъ вниманіе на то положеніе, которое оно занимало въ ряду другихъ. Было видно, что къ тому мѣсту, гдѣ оно стояло, шла длинная узкая просѣка отъ края рощи, круто спускавшагося въ сырой болотистый обрывъ. Священная ель играла роль заставы во входѣ на широкую круглую поляну мольбища, а дальше тоже шла по прямой линіи просѣка въ глубину рощи въ противоположную сторону. Такъ какъ лѣсъ былъ дѣвственнымъ, и никто никогда въ сотни лѣтъ не вырубалъ въ немъ ни одного дерева и даже прута, то роща представляла собою невѣроятную глушь, гдѣ молодые побѣги сплетались съ хворостомъ и пнями. И вотъ, сквозь эту непроницаемую чащу устроена была постоянная тяга воздуха изъ болота по просѣкѣ, какъ по длинной узкой трубѣ: холодный воздухъ шелъ изъ сырого болота непрерывающейся волной, ударявшейся о священное дерево; при вѣтрѣ съ поля, со стороны болота, эти волны ударялись съ особой силой о священную преграду, которая тогда пѣла каждой своей вѣткой при полномъ молчаніи окружающихъ елей.

— Такъ вотъ въ чемъ штука!—воскликнулъ Мегистовъ.— У насъ въ духовномъ училищѣ было въ родѣ этого съ одной дверью въ длинномъ корридорѣ, когда мы въ ней провертѣли дырочку и прилѣпили бумажку.

Качукъ вдругъ вздрогнула, прижимаясь къ Павлу, который спросилъ:

— Ты что?

— Глаза... глаза .. Смотрятъ! Страшно!

— Но гдѣ? Я не вижу,

— Да вездѣ, вездѣ, куда ни посмотри вверхъ.

Павелъ обвелъ глазами верхушки березъ. Просвѣты, освѣщаемые луной, и ему на мгновеніе показались дико блуждавшими и перебѣгавшими глазами невѣдомаго существа Но мгновеніе—и миражъ исчезъ. Между тѣмъ, Качукъ видимо была во власти своего видѣнія; она вздрагивала и не могла оторвать взоръ отъ верхушекъ деревьевъ.

— Этакая трусиха!—уговаривалъ ее Павелъ.—Сядемъ и давай слушать, какъ поетъ ель.

— Стонетъ она, Павелъ, стонетъ...

— Ну, и пусть стонетъ. Весь вѣкъ она стонетъ со дня рожденія и будетъ стонать, пока не срубятъ... Мнѣ даже надоѣло. Пойдемъ въ вашу кереметь, не лучше ли тамъ.—

Они пошли туда знакомой тропой и сѣли подъ старую ель...

— Не здѣсь ли ты молилась и уснула тогда—помнишь?

— Да,—отозвалась Качукъ, и вынырнувшій изъ за облаковъ мѣсяцъ освѣтилъ ея улыбавшееся лицо.

— Что же, помолись и сейчасъ.

— Не могу,—и Качукъ потупилась. — Какъ давно это было! Будто нѣсколько лѣтъ прошло... Отчего это, Павелъ?

Не успѣлъ отвѣтить Павелъ, какъ поблизости замахала крыльями какая-то птица, и Качукъ плотнѣе прижалась къ Павлу, говоря съ тревогой: — Пугачъ... — Оправившись немного, она продолжала:

— Что это, правда, какая я стала... Я ночью, бывало, хаживала и ничего, а теперь... Перестала въ нихъ вѣрить, вотъ и боюсь... Прежде я знала, гдѣ духъ моего дѣда, бабки, духъ дяди, духи другихъ покойниковъ. Много камней, много кустовъ—хватитъ на всѣхъ мѣста. Каждый умершій долженъ что-нибудь ѣсть, мертвые очень любятъ курицу... И живые, и мертвые жили всѣ рядомъ, а Богъ тамъ далеко—на небѣ... Онъ вѣдь одинъ, какъ небо. Онъ Юмо-Кюдюрцъ—Богъ грома и послалъ на землю пророка Піамбара. Піамбаръ спустился на камень Чембулатъ. Камень этотъ четыре сажени вышины и двѣнадцать саженей въ длину. Мой прадѣдъ видѣлъ этотъ камень, на немъ былъ слѣдъ отъ ноги Піамбара. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ камень этотъ русскіе взорвали порохомъ... Ну, да что объ этомъ говорить! Прежде все было такъ просто, а теперь такъ мудрено, что я чѣмъ дальше, все меньше и меньше понимаю.—Она глубоко вздохнула.

— Поймемъ, Качукъ, все поймемъ!—воскликнулъ Павелъ и привлекъ ее къ себѣ.

Лѣсъ смолкъ, и до слуха Качукъ болѣе не доносились угрожающіе звуки главнаго священнаго дерева чумойцевъ. Она крѣпче и уже безъ боязни прильнула къ Павлу, который осыпалъ ее ласками. И шамеевское дерево чутко прислушивалось къ тайнѣ человѣческой жизни, совершавшейся у его подножья, подъ покровомъ темнаго густого лѣса.

X.

Черезъ два мѣсяца послѣ того Павелъ узналъ, что Шамей спустилъ привязанный къ потолку котелъ на полъ: значитъ, онъ собирался принести жертву Кереметю, который, видимо, исполнилъ какую-то важную его просьбу. Передъ жертвоприношеніемъ Шамей собрался на базаръ въ Кидалъ-Солы. Качукъ хотѣлось дома остаться, но отецъ строго приказалъ ей ѣхать съ нимъ, и она, забѣжавъ на минуту въ школу, уѣхала. Вернувшись въ Чумой вечеромъ, она выбрала время зайти къ Павлу, чтобы подѣлиться дорожными впечатлѣніями.

— Павелъ!—торопливо она спрашивала.—Что это такое? Правда ли это?

— Да что?

— Чудо вышло.

— Какое?

— Развѣ ты ничего не знаешь? Не доѣзжая двухъ верстъ до Увоя, мы увидѣли народъ около родника, гдѣ всегда конопли мочили. Подъѣхали и что же видимъ? Кругомъ родника человѣкъ тридцать лежатъ, и всѣ смотрятъ туда, въ родникъ, смотрятъ и молчатъ. Ачай спросилъ: „Что вы тутъ?"—Чудо, говорятъ.—„Какое? гдѣ?"—Тамъ, въ водѣ, образъ показался, самого образа нѣтъ, но видно. Одни полежатъ, уйдутъ, — другіе на ихъ мѣсто, такъ и не отходятъ. Иные въ бутылку наливаютъ воду изъ родника и тоже, будто, видятъ.

— А ты видѣла?—спросилъ Павелъ.

— Я только на днѣ увидѣла стеклышки да жилу родниковую: чрезъ нихъ вода бьетъ, и видно, какъ что-то шевелится.

— Напрасно не пролежала сутки... Уставилась бы глазами въ одну точку, то же бы и съ тобой было,—улыбнулся Павелъ. — Вѣдь видѣла же ты на соснахъ глаза Кереметя.

— Неужто это одно и то же?.. А зачѣмъ кружка тамъ около колодца прибита? Деньги туда кладутъ... Холсты несутъ къ часовенкѣ возлѣ того мѣста.

— А кто первый заговорилъ о чудѣ?

— Попова теща потомъ поповъ работникъ, мальчишка... Родникъ-то на поповой землѣ...

Долго за полночь затянулась бесѣда Качукъ и Павла. Качукъ, между прочимъ, сообщила, что скоро черемисянки будутъ опахивать поле съ зажженными свѣчами и съ пѣніемъ „Святый Боже". А потомъ будетъ общее моленіе, потому что ея отецъ видѣлъ сонъ, и этотъ сонъ сошелся со сномъ „карта". Черемисское племя соберется изъ разныхъ уѣздовъ и губерній,—тысячи соберутся, зажгутъ сотни костровъ... Вся толпа совершитъ торжественное шествіе вокругъ рощи съ пѣніемъ молитвъ подъ игру на гусляхъ. Сколько жертвъ принесено будетъ! Сколько выпито будетъ „шорбы".

— Ты пойдешь на это мольбище?—спросилъ Павелъ.

— Пойду. Но ужъ вѣрить во все это я не могу,—отозвалась Качукъ съ легкимъ вздохомъ.

— Тогда зачѣмъ пойдешь?

— Да вѣдь любопытно... Всю ночь костры горятъ, такъ красиво... пѣсни, пляски... радость какая!

— Что же, радуйся...

Качукъ взглянула на Павла и съ грустью промолвила:

— Какая радость безъ тебя!—И потомъ, бросившись къ нему на шею и цѣлуя, умоляла:—Пойдемъ и ты, милый...

Павелъ согласился.

XI.

Вскорѣ о. Иліодору пришлось произвести слѣдствіе относительно увойскаго чуда. По этому поводу онъ заѣхалъ въ Чумой повидать школу, попросить крестьянъ сдѣлать поправки въ школьномъ зданіи, да кстати распечь Мегистова за то, что онъ былъ на мольбищѣ, о чемъ о. Иліодоръ получилъ обстоятельное донесеніе.

Былъ вечеръ воскресенья. Войдя въ школу, о. Иліодоръ замѣтилъ, что за столомъ сидитъ дѣвушка и пишетъ подъ диктовку Мегистова, ходившаго по комнатѣ. О. Иліодоръ сталъ хвалить учителя:

— Хорошо, это хорошо, Павелъ. Я всегда стоялъ за женское образованіе. Если въ крестьянской семьѣ будетъ образованная хозяйка, то...

Но голосъ его вдругъ осѣкся: онъ замѣтилъ, что станъ дѣвушки пополнѣлъ не въ мѣру... Онъ перевелъ взоры на учителя. Молодые люди покраснѣли и потупили глаза. Странно, что до тѣхъ поръ они совершенно не испытывали подобнаго чувства стѣсненія. Качукъ обыкновенно ходила по деревнѣ свободно, не конфузясь своей беременности; Павелъ тоже вездѣ бывалъ, гдѣ хотѣлъ и гдѣ надо было, и всѣ чумойцы не высказывали на ихъ счетъ никакихъ замѣчаній, даже если видѣли ихъ вмѣстѣ. Шамей и вся его семья были веселы и оживлены и съ восторгомъ говорили о будущемъ „рвэзе“ (парнишкѣ), который долженъ появиться у Качукъ. Качукъ ходила на работы въ поле; приходилъ тогда въ поле Шамея и Павелъ, жалъ, косилъ, убиралъ снопы по доброй волѣ, какъ будто отъ нечего дѣлать. Онъ обѣдалъ и ужиналъ въ семьѣ Шамея и считался ея членомъ. И всѣ жили безъ тревоги, въ счастьи. Но теперь молодые люди въ лицѣ о. Иліодора впервые встрѣтили укоръ своему счастью...

— О, Господи! — мучительно воззвалъ о. Иліодоръ и взволнованно прошелся по комнатѣ. Понявъ, что между наблюдателемъ и учителемъ долженъ произойти разговоръ съ глазу на глазъ, Качукъ торопливо вышла за дверь.

— О, Господи!—повторилъ о. Иліодоръ, и было видно, что онъ ужасно страдаетъ.

— Да вѣдь я женюсь на ней!—воскликнулъ Мегистовъ рѣшительно.

— На крестьянкѣ-то?

— А что?

— А что мать твоя скажетъ?... Ну, да другого выхода изъ этого положенія нѣтъ и быть не можетъ. Ахъ, вы, глупые, что натворили!—покачивалъ о. Иліодоръ головой.

— Только вотъ что, о. наблюдатель: она язычница...

— Язычница?..—вдругъ привскочилъ на мѣстѣ о. Иліодоръ, словно стоялъ на раскаленной плитѣ.—Этого еще не доставало! Какой позоръ... позоръ... позоръ... Охъ!

— Но она думаетъ креститься,—успокаивалъ Павелъ.

— „Думаетъ"... Чего тутъ думать, скорѣй надо... Сегодня же... сейчасъ... завтра... Ни минуты нельзя медлить... Я сейчасъ поѣду къ о. Аркадію, предупрежу его, мы все подготовимъ, а вы завтра пріѣзжайте. Мы тамъ и повѣнчаемъ васъ, тотчасъ послѣ крещенія... Ну, братъ, удружилъ, нечего сказать... Вотъ такъ піонеръ... Да хоть бы меня-то побоялся...

Но, садясь въ тарантасъ, о. Иліодоръ уже взвѣсилъ всѣ обстоятельства и болѣе спокойно, даже не безъ шутки, отозвался:

— Однако, дурь-то у васъ по наслѣдству... Въ папеньку своего ты... Чудакъ тоже былъ, едва ли не похлеще тебя... Впрочемъ, горевать не стоитъ, разъ дѣло рѣшеное. Можетъ быть, все къ лучшему устроится. Судьбы Божіи неисповѣдимы...

XII.

Отъ Шамея не укрылась особая нервность Качукъ, когда она торопливо и съ опаскою возилась около своей коробки съ бѣльемъ, что-то пряча и увязывая. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, и когда ночью она тихо поднялась, разсчитывая незамѣтно ускользнуть, крикнулъ:

— Куда?... Спи!

— Мнѣ надо...

— Не смѣй.

Она уступила. Однако, утромъ Шамей, проснувшись, замѣтилъ исчезновеніе дочери и тотчасъ побѣжалъ въ училище, гдѣ тоже не оказалось ни ея, ни учителя.

Сосѣдъ Актышъ сказалъ ему, что видѣлъ ихъ по дорогѣ къ Собакину пѣшими.

— Ты спросилъ, зачѣмъ они туда?

— Такъ, будто...

— Не такъ, Актышъ! Крестить ее хотятъ! Отъ нашей вѣры хочетъ она отступить.

— О?!—изумился Актышъ.

— То-то... Айда за ними!

— Айда!

И Шамей съ Актышемъ сѣли верхами на лошадей и помчались въ погоню.

Павелъ и Качукъ, завидя скачущихъ всадниковъ, догадались и, сцѣпившись рукой за руку, побѣжали изо всѣхъ силъ впередъ. Но горячій жеребецъ Шамея быстро настигъ ихъ, завязалась борьба. Павелъ смялъ Шамея подъ себя, но вскорѣ подоспѣлъ Актышъ, Павла избили въ кровь и бросили полумертвымъ въ канаву. А Качукъ связали по рукамъ и по ногамъ, усадили на лошадь рядомъ съ отцомъ и повезли въ сторону отъ Чумоя въ дальнюю черемисскую деревню Таранъ-Кюберъ, къ Эшману, не крещеному черемисину, который, убѣдившись въ способности Качукъ къ материнству, уже сваталъ ее за своего сына Шумата и соглашался отдать перваго ребенка въ семью Шамея, если у Качукъ будутъ еще „рвэзе". Качукъ рвалась, билась, умоляла отпустить ее, но ничто не помогало. Шуматъ былъ подростокъ, года на два моложе самой Качукъ; всѣмъ дѣломъ руководилъ отецъ Эшманъ, который заперъ невѣсту въ баню и морилъ ее три дня голодомъ, чтобы она смирилась. Качукъ не сдавалась.

И вотъ, недѣлю спустя въ Чумой пришла страшная вѣсть, что у Эшмана сгорѣла баня, сгорѣла и Качукъ...

Шамей былъ въ отчаяніи. Теперь у него исчезла всякая надежда на продолженіе своего рода. Онъ видѣлъ, что его Кереметь совсѣмъ обозлился на него. Качукъ хотѣла измѣнить Кереметю, но онъ взялъ свое: пусть лучше дѣвка умретъ, чѣмъ быть ей „Кристовой". Въ довершеніе всего, къ Шамею пришелъ „картъ" и сталъ укорять его, зачѣмъ онъ позволилъ въ свой родъ пустить русскую кровь. Между Шамеемъ и картомъ и раньше были насчетъ этого споры. Теперь было ясно, какъ на ладони, чья правда. Шамей былъ окончательно посрамленъ и уничтоженъ въ своемъ вольнодумствѣ, и картъ потребовалъ „молить жеребца, бычка, селезня и гуся". Скоро въ священной рощѣ запылали костры, и чумойцы-язычники вмѣстѣ съ полуязычниками отправились на тризну по Качукъ.

Зажгли огонь и подвели животныхъ. Картъ прочиталъ молитву, которую всѣ выслушали съ открытыми головами, стоя на колѣняхъ, только картъ стоялъ въ шапкѣ съ рогами. Онъ взялъ изъ огня большую горящую головню, помахалъ ею кругомъ, и когда она затухла,—онъ, окуривъ жертвы, гладилъ

ихъ головнею отъ шеи вдоль по всему хребту, а затѣмъ облилъ имъ спины водой изъ ковша. Жертвы стряхнули съ себя брызги; — тогда всѣ люди встали съ земли съ радостнымъ крикомъ, что жертва угодна Кереметю. Затѣмъ картъ взялъ лутошку и сталъ ее стружить, слѣдя, какъ ложатся стружки на землю; стружки ложились по срѣзу, и это значило опять, что жертвы угодны. Лутошки съ еловыми вѣтвями и стружками картъ обмакнулъ въ „шорбу" и привязалъ къ кереметному дереву, которое затѣмъ обмазали кровью жертвенныхъ животныхъ, а другую часть крови картъ вылилъ въ огонь, произнеся при этомъ: „Огненный духъ, у тебя длинныя ноги и острый языкъ, очисти наши жертвы и неси ихъ къ богамъ!" Послѣ того начали рѣзать мясо на куски и варить въ котлѣ, при чемъ сердце и печень бросали въ огонь, поливая предварительно пивомъ и медомъ. Въ огонь бросали и перья птицъ и кости, а кожами животныхъ обвернули стволъ священной ели. Неподалеку, на особомъ низенькомъ столикѣ, разставлены были лепешки, и между ними горѣла одна большая желтаго воску свѣча, „кугу-сорта"...

Всѣ сочувствовали Шамею и оплакивали его великое горе, насыщаясь до отвала и упиваясь кумышкой, шорбой и водкой. Мрачно пилъ и самъ Шамей... Цѣлую недѣлю умилостивляли грознаго Кереметя на томъ мѣстѣ, гдѣ подъ фамильнымъ деревомъ Шамея его дочь за полгода передъ тѣмъ отдалась своей первой любви.

Но картъ и Шамей ошиблись: на самомъ дѣлѣ произошло вотъ что. Избитый Мегистовъ вернулся домой. Всѣ члены стонали отъ боли, а сердце ныло отъ тоски. Онъ любилъ Качукъ и не зналъ, къ кому обратиться за помощью, за совѣтомъ. Наблюдатель, узнавъ о происшествіи, написалъ ему записку, что поднимаетъ на ноги все начальство противъ изувѣровъ-язычниковъ, что Качукъ найдутъ, что она въ своемъ правѣ перемѣнить вѣру, и никакія силы не запретятъ ей быть христіанкой, разъ она этого хочетъ. И хотя письмо о. Иліодора вливало нѣкоторую надежду въ сердце Мегистова, тѣмъ не менѣе, Павелъ рисовалъ въ своемъ воображеніи всѣ тѣ ужасы и гадости, которымъ теперь подвергаютъ Качукъ въ плѣну, и онъ въ отчаяніи метался и плакалъ. Главное, онъ не зналъ, гдѣ, въ какой деревнѣ ее держатъ: черемисы строго берегли это въ тайнѣ. Затѣмъ пришла вѣсть о гибели Качукъ и о томъ, что Шамей уже справляетъ по ней поминки; Мегистовъ катался по полу въ судорожныхъ рыданіяхъ...

Но вотъ — чудо, — вдругъ ночью дверь скрипнула, и на порогѣ появилась тѣнь.

— Павелъ!—тихо прошепталъ знакомый голосъ.—Дома?

— Качукъ—ты?!

— Да.

И она радостно обняла его.

— Да вѣдь ты... ты... Нѣтъ, это не ты!

— Да я же, я! — И рыдая, и смѣясь, Качукъ разсказала:—Думала, смерть моя пришла. Что они со мной дѣлали! Что дѣлали! Сначала шаманъ повѣнчалъ меня съ Шуматомъ, сыномъ Эшмана. Въ ту же ночь я откусила ухо Шумату, и за это билъ меня Эшманъ... Господи! Чѣмъ только онъ не билъ! И возжами, и кнутомъ, а потомъ раскалилъ кочергу... Ой, какъ вспомню, жуть беретъ... — И Качукъ вздрагивала всѣмъ тѣломъ...—Но я не поддалась. Убей, говорю, но женой Шумата никогда не буду. „Врешь, будешь!“ бросилъ кочергу и заперъ меня въ баню на замокъ, ѣсть подавали въ окошко—хлѣбъ съ водой. Такъ день прошелъ, наступила ночь. Ну, думаю, все равно пропадать... сдѣлала петлю и ищу, гдѣ бы ее прицѣпить... И вдругъ вижу спички... Тогда въ головѣ повернулось по другому... Сожгу, молъ, себя... Собрала соломы, моху изъ угловъ понадергала, щепокъ, ведро было деревянное, доски, все это собрала въ кучу и подпалила... И ужъ стала задыхаться... И тогда вдругъ захотѣлось жить, рванулась, вытолкнула доску въ потолкѣ—и въ конопли... Слышу, кричатъ: „Пожаръ! Пожаръ! Качукъ горитъ!“ Вся до тла сгорѣла баня. Когда всѣ разошлись, я вышла изъ засады и побѣжала... Всю ночь не присѣла отдохнуть, ноги отнялись... Уснула въ лѣсу, день прождала и потомъ опять ночью... Вѣдь семьдесятъ верстъ отсюда...

— Поѣшь, отдохни... Ахъ, Качукъ, Качукъ...

— Спѣшить надо... Пойдемъ сейчасъ же къ о. Аркадію: окрещусь, обвѣнчаемся, а потомъ ужъ отдыхать... Ночь... Никто не замѣтитъ. А если узнаютъ опять, тогда...

XIII.

Кончилась свадьба, кончилась и тризна. Когда Шамей съ картомъ и прочими собутыльниками возвращался, заканчивая поминки, изъ священной рощи, ихъ догналъ верховой, а за верховымъ ѣхала подвода, гдѣ сидѣли двое.

— Здравствуй, ачай!—радостно крикнула Качукъ.

Шамей въ испугѣ отпрянулъ, а за нимъ и вся толпа.

— Проклятіе! — зарычалъ картъ, наставляя священные рога на свой лобъ, и, безумно вращая глазами, сталъ дико

изгибаться и кружиться около лошади, которая попятилась назадъ.

— О, Кереметь! Кереметь! Нѣтъ, ты не простилъ меня!— вскрикнулъ Шамей и, мертвый, упалъ на землю.

Качукъ горько плакала надъ покойникомъ. Многіе жалѣли Шамея, припоминая, что онъ ни съ кѣмъ не ссорился, не судился, никого не обманывалъ, помогалъ многимъ, всегда работалъ, пьянымъ не бывалъ, домъ и амбаръ не запиралъ. Качукъ подавала просвиры за раба Божія Семена, скрывая подъ этимъ именемъ своего отца язычника. О. Аркадій дѣлалъ видъ, что не догадывается.

— Какъ же теперь съ домомъ быть?—черезъ недѣлю спрашивала Качукъ мужа.

— Очень просто,—рѣшилъ Павелъ:—по зимамъ будемъ учить ребятишекъ книжки читать, а лѣтомъ землю копать.

— Сай!—воскликнула Качукъ, бросившись къ нему на шею. Мегистовъ не могъ не замѣтить, что ласки Качукъ пріобрѣли новыя черты, что для нея не прошло даромъ чтеніе: она безъ всякихъ усилій надъ собой, однимъ чутьемъ, усвоила свѣтлыя стороны невиданной, а только воображаемой жизни, которая была гдѣ-то далеко-далеко за горами, за лѣсами; между тою Качукъ, которая годъ тому назадъ говорила: „Проштяй, Мимитричъ!“, и тою, которая теперь свѣтилась передъ нимъ счастьемъ матери, съ трепетомъ ждавшей перваго „рвэзе“, была огромная разница.

— А въ дьяконы когда?—спросила Качукъ.

— Въ дьяконы?.. Должно быть, никогда, потому что ни у одного дьякона не родятся дѣти такъ скоро послѣ свадьбы...

Имъ было весело.

Разъ Павелъ отыскалъ на чердакѣ Шамеевскаго дома буракъ, а въ немъ—скатертку.

— Это что такое, Качукъ?—спросилъ онъ.

— Тоже священное, тоже Кереметь.

— Куда его?

— Дай я сохраню. У меня силы нѣтъ сжечь это... Все же, когда-то, я признавала это святыней.

— Хорошая ты у меня, Качукъ!—сказалъ Павелъ, нѣжно касаясь ея стана.

— А почему ты ни разу не назвалъ меня Катей, Катериной или.. Китти?—съ лукавой, но милой улыбкой заглядывала она въ лицо мужа, ерошила ему волосы.

— Качукъ лучше.

— Ну, ну... Будь по твоему, Мимитричъ...

С. Елеонскій.

Крестьяне и интеллигенція.

Къ характеристикѣ освободительнаго движенія въ Малороссіи).

III.

«Мы живемъ на вулканѣ, намъ нужна, какъ можно скорѣе, конституція»—вотъ что при первыхъ симптомахъ освободительнаго движенія все чаще и чаще приходилось слышать отъ лицъ, близко соприкасавшихся съ деревенскимъ бытомъ и способныхъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ вокругъ нихъ. Не думайте, что такъ говорили либералы изъ «третьяго элемента», напротивъ, такой взглядъ имѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ среди землевладѣльцевъ, представителей провинціальнаго оффиціальнаго міра и проч., которые впослѣдствіи стали въ явно враждебное отношеніе къ сознательнымъ проявленіямъ крестьянскаго движенія. Въ этихъ конституціонныхъ тенденціяхъ былъ свой осмысленный политическій разсчетъ. Сторонники ихъ сознавали наличность у крестьянъ извѣстной суммы весьма радикальныхъ соціальныхъ требованій; для нихъ ясно было, что всякое активное вмѣшательство крестьянства въ политическую борьбу неизбѣжно внесетъ такую струю демократизма, которая въ конечномъ результатѣ можетъ подорвать политическое вліяніе дирижирующихъ классовъ. Были и такіе элементы среди конституціалистовъ того времени, которые видѣли въ крестьянствѣ грубую, некультурную и недисциплинированную силу, способную при серьезныхъ уступкахъ бюрократіи въ области соціальныхъ реформъ быть ея послушнымъ орудіемъ и тѣмъ на долгое время заглушить конституціонное движеніе. Всѣ эти люди съ тревогой относились къ симптомамъ активности въ народной средѣ и искренно желали, чтобы начавшійся споръ за власть былъ рѣшенъ къ обоюдному удовольствію спорящихъ сторонъ безъ вмѣшательства крестьянъ. Здѣсь нужно искать ключъ къ появленію земскихъ конституціонныхъ адресовъ въ такихъ консервативныхъ земствахъ, какъ, напр., полтавское. Теперь трудно судить, что произошло бы, если бы бюрократія въ вопросѣ о конституціонализмѣ вздумала начать торгъ съ земцами

и вмѣсто указа 12 декабря созвало свѣдущихъ людей отъ дворянства и земствъ. Быть можетъ, сошлись бы на конституціи въ родѣ Булыгинской, ибо на мѣстахъ оппозиціонный духъ земцевъ поддерживался игнорированіемъ ихъ заявленій и демократическія требованія московскихъ земскихъ съѣздовъ не имѣли поборниковъ среди уѣздныхъ земскихъ гласныхъ. Во всякомъ случаѣ, была возможность поладить съ вопросомъ о конституціи безъ участія крестьянъ, такъ сказать, по семейному *), но бюрократія, въ силу обычной своей политической близорукости, пренебрегла этой возможностью, о чемъ, должно быть, многіе теперь горько жалѣютъ. Чѣмъ руководилась бюрократія въ данномъ случаѣ, не берусь угадывать, но во всякомъ случаѣ всѣ разсчеты на антиконституціонный черепъ малорусскаго крестьянина, на его готовность безконечно жить упованіями на милость начальства и удовлетвориться тѣми нищенскими крохами, которыми собиралось его облагодѣтельствовать особое совѣщаніе г. Витте, лишены были всякой реальной почвы. Наличность политико-соціальныхъ требованій крестьянъ, удовлетворенія которыхъ они извѣрились ожидать сверху, и отрицательное отношеніе къ господствующему произволу въ связи съ неумолимо тяжелымъ экономическимъ гнетомъ, заставившимъ все болѣе и болѣе прибѣгать къ «собственнымъ средствамъ», давно уже подготовили почву къ массовому вмѣшательству крестьянства въ политическую борьбу; для выступленія не хватало организаціи силъ и достаточно яснаго плана дѣйствій. Подоспѣвшая японская война облегчила крестьянству выбраться изъ лабиринта политическихъ предразсудковъ и разглядѣть общаго врага въ лицѣ бюрократіи. Крестьяне съ жаромъ слѣдили за ходомъ военныхъ событій. Несомнѣнно, они жаждали побѣды русскаго оружія и слѣпо вѣрили всѣмъ увѣреніямъ лже-патріотическихъ листковъ, но когда пораженіе стало слѣдовать за пораженіемъ, одно разоблаченіе появлялось за другимъ и передъ крестьянами раскрылись язвы бюрократіи, началась безпощадная критика всего правительственнаго механизма. Такимъ образомъ, тотъ самый восхваляемый бюрократіей безотчетный народный патріотизмъ, который такъ усердно ставился на видъ интеллигенціи, оказался роковымъ для бюрократіи: онъ сдвинулъ народную критическую мысль съ мертвой точки и первой жертвой ея палъ авторитетъ правительства, какъ политической силы. Политическій горизонтъ значительно расширился и расчистился, народъ освободился отъ того обаянія, которое держало его въ покорности бюрократическому режиму, и въ головѣ крестьянина мѣсто для идеи конституціонализма было приготовлено. Изъ обильнаго фактическаго матеріала, могущаго иллюстрировать ска-

*) Фактъ рѣшенія въ опредѣленной формѣ вопроса о конституціи въ концѣ 1904 г., конечно, не остановилъ бы возникновенія крестьянскаго движенія, но тогда ходъ событій былъ бы иной.

занное, я отмѣчу измѣненіе отношенія къ патріотическимъ листкамъ. Въ началѣ войны крестьяне читали ихъ съ большимъ благоговѣніемъ и вѣрили во всѣ увѣренія о военномъ могуществѣ Россіи и проч.; въ силу сложившихся у крестьянина патріотическихъ тенденцій, возможности неблагопріятнаго исхода войны онъ не допускалъ. Въ то время спорить съ крестьяниномъ и доказывать противоположное было не только напрасно, но и довольно рисковано. Но прошли Тюренченъ, Вафангау, Ляоянъ, палъ Портъ Артуръ, уничтоженъ русскій флотъ — крестьянинъ по прежнему съ огромнымъ интересомъ читалъ патріотическіе листки, быть можетъ, въ тайникахъ души еще мерцала слабая надежда, но прежняя вѣра въ заявленія газетки уже безслѣдно исчезла, и ее замѣнилъ малорусскій скептицизмъ. Были такіе интересные факты, что читаютъ крестьяне, напримѣръ, «Русское Чтеніе» и, критикуя его заявленія, чуть ли не на каждомъ шагу самостоятельно доходятъ до идей конституціонализма, особенно въ области финансовъ и контроля. Очевидно, умственная встряска подготовила почву для широкаго развитія освободительнаго движенія среди крестьянъ. Но деревня живетъ всегда заднимъ числомъ, и всякія новыя теченія проникаютъ въ нее съ замѣтнымъ опозданіемъ. Поэтому первыя проявленія общественнаго оживленія, начавшагося съ осени 1904 года, не вызвали сколько нибудь замѣтнаго движенія со стороны крестьянъ, хотя, благодаря усиленію общенія съ внѣшнимъ міромъ при помощи газеты, въ деревню постепенно проникали извѣстія о начавшемся въ городахъ броженіи и естественно вызывали толки. Но самый характеръ банкетныхъ резолюцій, въ которыхъ вещей собственными именами не называли и земельный вопросъ нерѣдко обходился молчаніемъ, не могъ вызвать большого интереса къ нимъ въ деревнѣ. Бывали, однако, и такіе случаи: въ одномъ изъ крестьянскихъ мелкихъ обществъ Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ., общее собраніе членовъ примкнуло къ резолюціямъ земцевъ 6 ноября и послало соотвѣтственное заявленіе, кажется, предсѣдателю комитета министровъ. Столь экстраординарное событіе вызвало присылку для ревизіи губернаторскаго чиновника, который вздумалъ проэкзаменовать крестьянъ, чтобы обнаружить вліяніе злонамѣренныхъ агитаторовъ. Но каково было его удивленіе, когда допрашиваемые крестьяне обнаружили полную сознательность въ вопросахъ конституціонализма. Бывшій Полтавскій губернаторъ кн. Урусовъ и впослѣдствіи неоднократно прибѣгалъ къ такимъ слѣдствіямъ, которыя, однако, никогда къ желательнымъ результатамъ не приводили.

Указъ 12 декабря прошелъ въ деревнѣ почти не замѣченнымъ; эффектъ его можно признать микроскопическимъ. Въ то время правительство пропагандой еще не занималось, интеллигенцію этотъ указъ совершенно не удовлетворилъ, а для крестьянъ онъ заключалъ въ себѣ туманныя обѣщанія — вотъ причины неуспѣха

этого шага бюрократіи, прошедшаго въ деревнѣ почти незамѣченнымъ. Совершенно иное впечатлѣніе произвели на крестьянъ событія 9 января въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ удалось надлежащимъ образомъ въ нихъ разобраться. Бывали случаи, когда при объясненіи истиннаго характера и задачъ этой рабочей демонстраціи крестьяне до слезъ были тронуты. Впослѣдствіи, въ дни свободы, когда передъ крестьянами приходилось излагать ходъ развитія освободительной борьбы, ознакомленіе съ событіями 9 января производило глубокое впечатлѣніе, и чувствовались колебанія «краеугольнаго камня»...

Указъ 18-го февраля 1905 г. правительствующему сенату о правѣ петицій имѣлъ въ общемъ не маловажное значеніе въ процессѣ привлеченія крестьянъ къ освободительному движенію, хотя о существованіи его крестьяне узнали съ большимъ запозданіемъ; я увѣренъ, что во многихъ мѣстахъ и до сего дня не знаютъ о немъ. Администрація не только не заботилась освѣдомить объ этомъ указѣ населеніе, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полтавской губерніи какая-то таинственная рука похитила изъ народныхъ читаленъ тѣ номера газетъ, гдѣ были напечатаны упомянутый указъ и рескриптъ на имя Булыгина.

Представлялся, несомнѣнно, удобный случай «на законномъ основаніи» оказать политическое вліяніе на крестьянство, пропагандировать въ его средѣ идеи конституціонализма,—но на дѣлѣ оказалось, въ первое время, что дѣйствовать и пропагандировать некому. Тутъ какъ нельзя лучше иллюстрировалась неподготовленность мѣстной интеллигенціи къ политической дѣятельности и малочисленность революціонныхъ элементовъ въ деревнѣ. Даже тѣ элементы изъ интеллигенціи, которые сознавали всю необходимость энергичныхъ дѣйствій, проявили полную нерѣшительность: бывало сойдутся, наговорятъ много, а толку никакого. Было бы неосторожно посылать упреки деревенской интеллигенціи, такъ какъ того «попустительства», которое наблюдалось въ городахъ, въ деревнѣ и помину не было. Деревенскій интеллигентъ по прежнему чувствовалъ на каждомъ шагу силу полицейскаго гнета и свое безсиліе бороться противъ него. Чтобы при такихъ условіяхъ проявить какую-либо иниціативу, нужна была смѣлость, которая не у всякаго могла найтись. Дезорганизація самой интеллигенціи имѣла тоже не малое вліяніе на ея политическую бездѣятельность. Только къ лѣту эта инертность стала исчезать; однако, и въ этомъ періодѣ движеніе не имѣло массового характера. Въ Полтавской губерніи въ это время не малую роль сыграли вышеупомянутыя мелкія общества, которыя имѣли то существенное преимущество передъ сельскими сходами, что тутъ «на законномъ основаніи» возможно было свободное общеніе между крестьянами и интеллигенціей. Вообще въ этомъ періодѣ «законное основаніе» при всей своей проблематичности имѣло на практикѣ извѣстное значеніе. Безъ санкціо-

нированнаго указомъ 18-го февраля права петицій и признанія въ рескриптѣ на имя Булыгина конституціонныхъ требованій нельзя было ожидать со стороны интеллигенціи въ значительныхъ размѣрахъ пропаганды конституціонализма. И отношеніе крестьянъ къ заявленіямъ интеллигенціи, несомнѣнно, было бы совершенно иное, если бы не было ссылокъ на вышеупомянутые акты; проявившееся довольно широко петиціонное движеніе «безъ законнаго основанія» было бы большой случайностью. Такимъ образомъ сознаніе предоставленнаго права заявить о своихъ нуждахъ возымѣло свое дѣйствіе на крестьянъ и дало имъ надлежащую устойчивость, которая рѣзко обнаружилась въ столкновеніяхъ на почвѣ петицій съ мѣстной администраціей. Крестьяне не признавали за послѣдней права вмѣшательства въ осуществленіе ими права петицій. Всѣ эти обстоятельства благопріятствовали тому, что мелкія с.-х. общества, какъ закономъ признанныя сообщества, оказались удобнымъ мѣстомъ для совмѣстнаго осуществленія права петицій интеллигенціей и крестьянами. Хотя вопросъ объ использованіи права, предоставленнаго указомъ 18-го февраля, исходилъ тутъ большей частью отъ интеллигентныхъ членовъ, но изъ этого нельзя заключить о какомъ-либо давленіи интеллигенціи на крестьянъ. Роль интеллигенціи скорѣе можетъ быть признана служебной, такъ какъ она сводилась, главнымъ образомъ, во-первыхъ, къ ознакомленію крестьянъ съ предоставленнымъ правомъ петицій и содержаніемъ совершенно непонятно изложеннаго для малоросса-крестьянина конституціоннаго рескрипта на имя Булыгина и, во-вторыхъ, къ разъясненію сущности конституціонализма и связи мѣстныхъ нуждъ съ общегосударственными нуждами. Вполнѣ сознательное отношеніе крестьянъ къ подаваемымъ петиціямъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; нерѣдко обсужденію ихъ посвящался цѣлый рядъ общихъ собраній, на которыхъ крестьяне вполнѣ откровенно высказывали всѣ свои сомнѣнія. Крестьяне сами просили устраивать побольше такихъ собраній, чтобы основательнѣе потолковать обо всемъ. На практикѣ наблюдались интересные факты. Мелкіе с.-х. общества Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи раньше всѣхъ и дружнѣе выступили на этотъ путь. Извѣстное распоряженіе о закрытыхъ дверяхъ при обсужденіи «видовъ и предположеній» породило много осложненій, но вотъ въ Мачехскомъ с.-х. обществѣ, по иниціативѣ мѣстнаго землевладѣльца Б. К. Лукьяновича, рѣшено было игнорировать это распоряженіе. Въ виду наплыва крестьянъ собраніе было перенесено на площадь, и тутъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней горячо обсуждались нужды крестьянскія, сгруппированныя такъ: бѣднота, темнота и безправіе. Вынесенная резолюція заключала въ себѣ требованія демократической конституціи и земельной реформы на принципѣ принудительнаго отчужденія. Шумная и бурная овація, устроенная по окончаніи собранія фактическому руководителю его, г. Лукьяновичу, свидѣтельствовала объ огромномъ впечатлѣніи про-

изведенномъ на крестьянъ этимъ собраніемъ. Насколько заинтересованы были крестьяне подобными собраніями, показываетъ инцидентъ въ м. Рѣшетиловкѣ Полтавскаго уѣзда. Передъ открытіемъ собранія въ мѣстное с.-х. общество явилась большая толпа крестьянъ не членовъ и заявила требованіе допустить всѣхъ въ собраніе, въ противномъ случаѣ она угрожала не допустить его осуществленія. Предсѣдатель не хотѣлъ нарушить «циркуляра» и отложилъ собраніе. Надо замѣтить, что с.-х. общества объединяли главнымъ образомъ хозяйственныхъ крестьянъ, въ нихъ было не мало зажиточныхъ казаковъ, и въ этой средѣ политическія, въ томъ числѣ конституціонныя, требованія не только не встрѣчали какой-либо оппозиціи, но, напротивъ, нашли, быть можетъ, даже болѣе энергичное отстаиваніе, чѣмъ среди пролетаріата. Нѣсколько иное отношеніе наблюдалось къ земельной реформѣ, но и тутъ весь вопросъ сводился къ платности или безплатности отчужденія. На этой почвѣ возникъ конфликтъ въ песковскомъ с.-х. обществѣ Лохвицкаго уѣзда. Это общество поплатилось за свой радикализмъ (въ резолюціи было требованіе національзаціи земли на основѣ экспропріаціи): оно было закрыто и предсѣдатель его, агрономъ И. П. Бедро высланъ за предѣлы Полтавской губ. Приговоры сельскихъ сходовъ на тѣ же темы были еще болѣе самобытнаго происхожденія, что сказывалось и въ технической сторонѣ изложенія, и въ большемъ выдвиганіи узкомѣстныхъ нуждъ, но по степени радикализма въ земельномъ вопросѣ они, пожалуй, оставили за собою резолюціи с.-х. обществъ; напримѣръ, тутъ чаще можно было встрѣтить заявленія о переходѣ всей земли крестьянамъ, въ то время, какъ въ резолюціяхъ нѣкоторыхъ с.-х. обществъ о земельномъ вопросѣ ничего опредѣленнаго не говорилось. Въ общемъ, однако, въ большинствѣ этихъ заявленій красной нитью проходило требованіе удовлетворенія земельной нужды. Но рѣдкая петиція исчерпывалась только этимъ завѣтнымъ стремленіемъ крестьянства, обыкновенно на ряду съ нимъ стояли правовыя требованія, которыя большей частью заканчивались требованіемъ установленія народнаго представительства на демократическихъ началахъ. Я уже указалъ выше, что одной изъ задачъ интеллигенціи было выясненіе крестьянамъ сущности и формы конституціонаго образа правленія; много приходилось толковать и уяснять, но это вытекало изъ слабаго знакомства крестьянъ съ выгодными сторонами выборнаго начала и общей осторожности къ новымъ неизвѣстнымъ вещамъ; о какомъ-либо специфическомъ крестьянскомъ анти-конституціонализмѣ рѣчи быть не можетъ. Малорусскій крестьянинъ достаточно уменъ для того, чтобы разбирать, что хорошо, а что плохо. Поэтому стоило только выяснить крестьянину, что въ дѣйствительности страной правятъ чиновники и что бюрократія является виновницей бѣдственнаго положенія крестьянъ и несчастій страны въ японской войнѣ, какъ ему становилось

очевиднымъ, что единственный выходъ въ конституціи. Помнится мнѣ такая сцена. Въ одномъ собраніи предварительно были установлены экономическія требованія довольно радикальнаго характера, при чемъ крестьяне принимали горячее участіе въ дебатахъ, а затѣмъ крестьянамъ былъ предложенъ вопросъ: какимъ путемъ нужно добиться удовлетворенія этихъ требованій? Произошла небольшая пауза. Затѣмъ послышались два-три слабыхъ голоса: нужно просить царя. Но вотъ выступаетъ толстопузый, состоятельный казакъ, обрываетъ эти голоса громкимъ заявленіемъ, что время просьбъ прошло и нужно положиться на свои собственныя силы, и затѣмъ произноситъ цѣлую рѣчь о необходимости демократическаго народнаго представительства; остальные ораторы изъ крестьянъ поддержали его, и рѣшительно не было ни одного возраженія. Присутствующимъ интеллигентамъ пришлось только выяснить нѣкоторыя детали, при чемъ вопросъ о женскомъ избирательномъ правѣ былъ разрѣшенъ положительно. Въ послѣднемъ вопросѣ приводился такой мотивъ: «развѣ женщина не человѣкъ, она работаетъ какъ и мы».

Вообще никакой народной оппозиціи идеи конституціонализма не встрѣчалось, и, близко соприкасаясь съ крестьянами, мнѣ не приходилось сталкиваться среди нихъ со стойкими поборниками самодержавія. Крестьянство усвоило и обмозговало идею народнаго представительства и превосходно сообразило, что только этимъ путемъ можно наложить узду на чиновничій произволъ и завоевать себѣ матеріальное благополучіе и подобающее мѣсто въ жизни государства.

Суммируя всѣ свои впечатлѣнія, я прихожу къ тому заключенію, что съ 18 февраля началась подготовка главныхъ силъ освободительной арміи—крестьянства—для массоваго участія въ политической борьбѣ. Но параллельно съ наростаніемъ новыхъ силъ внизу, началось и разслоеніе вверху: обнаружились первые признаки разлада между демократической интеллигенціей и либералами земцами.

Въ томъ періодѣ отыскать въ дѣятельности интеллигенціи какія-либо революціонныя тенденціи, въ смыслѣ призыва къ тѣмъ или инымъ формамъ активнаго сопротивленія крестьянъ или къ насильственнымъ дѣйствіямъ, было бы чрезвычайно трудно. Напротивъ, интеллигенція была черезчуръ осторожна при выполненіи своей исторической миссіи, и если несомнѣнный успѣхъ первыхъ шаговъ на политическомъ поприщѣ нѣсколько и приподнялъ ея энергію, то все же она оставалась въ умѣренномъ крылѣ демократической части русскаго общества. Нуженъ былъ политическій закалъ, котораго не было еще, чтобы сдѣлать изъ деревенскаго интеллигента революціонера. Однако, все это не спасало интеллигенцію отъ преслѣдованій аграріевъ и администраціи. Хотя здравый смыслъ долженъ былъ подсказать, что указаніе законнаго пути для заявленія о своихъ нуждахъ и разъясненіе законодательныхъ актовъ, изло-

женныхъ на недоступномъ для народа языкѣ, не составляютъ преступленія, но въ дѣйствіяхъ помѣстной администраціи и аграріевъ искать элементовъ здраваго смысла составило бы напрасный трудъ. Отъ постоянныхъ столкновеній съ крестьянами на экономической почвѣ, подъ вліяніемъ постояннаго чувства, что окружающая среда враждебно настроена и съ жадностью относится къ основѣ ихъ благосостоянія—землѣ, въ головахъ мѣстныхъ аграріевъ чувство личнаго раздраженія и безотчетное стремленіе сохранить свое матеріальное благополучіе затемнили политическіе перспективы и создали теченіе безсмысленнаго консерватизма, не считающагося ни съ требованіями времени, ни съ дѣйствительнымъ соотношеніемъ политическихъ силъ. Это теченіе охватило реакціонное большинство въ дворянскихъ собраніяхъ и консервативныхъ или, правильнѣе, антикультурныхъ земцевъ, которые во имя личнаго и классоваго эгоистическаго интереса стояли противъ всякихъ попытокъ въ дѣлѣ поднятія народной культуры. Тѣ же изъ землевладѣльцевъ, у которыхъ хватало силы ума, чтобы отрѣшиться отъ одностороннихъ эгоистическихъ вожделеній, и которые пытались въ въ своей общественной дѣятельности найти путь для примиренія своихъ интересовъ съ общими, не имѣли, за рѣдкими исключеніями, достаточной внутренней устойчивости, чтобы при развитіи освободительнаго движенія сохранить свою позицію и по намѣченной дорогѣ идти до конца. Вслѣдствіе этого мы видимъ, какъ либеральные земцы постепенно прерываютъ свою связь съ демократической интеллигенціей и тонутъ въ массѣ реакціонныхъ землевладѣльцевъ. А эти реакціонные помѣщики, подобно бюрократіи, совершенно не отдавали себѣ отчета въ дѣйствительномъ настроеніи крестьянъ и слѣпо стремились охранить во что бы то ни стало политическую невинность послѣднихъ; всякое самое невинное вмѣшательство интеллигенціи въ общественно-политическую жизнь деревни вызывало съ ихъ стороны бурю протеста и породило обильную литературу доносовъ, а въ результатѣ—репрессіи, какъ среди крестьянъ, такъ и среди интеллигенціи. Мѣстная администрація, которой приходилось устанавливать нити злонамѣренной пропаганды, по степени своего политическаго невѣжества представляла нѣчто трудно вообразимое: для нея не существовало границы между умѣреннѣйшимъ конституціоналистомъ и крайнимъ революціонеромъ, а болѣе просвѣщенные въ этой средѣ представители жандармеріи изъ силъ выбивались, чтобы создавать «дѣла».

Но въ этомъ періодѣ интереснѣе всего поведеніе тѣхъ либераловъ-помѣщиковъ, о которыхъ была рѣчь въ началѣ главы. Правда, они не переставали твердить о необходимости скорѣйшаго созыва народныхъ представителей, но среди нихъ нашлось очень не много такихъ лицъ, какъ вышеупомянутый г. Лукьяновичъ, которыя лично участвовали въ крестьянскомъ движеніи и использовали въ этомъ дѣлѣ свою большую, по сравненію съ интеллиген-

ціей, независимость и находящуюся въ ихъ рукахъ власть для торжества политической свободы; болѣе того, самое ихъ отношеніе къ дѣятельности интеллигенціи, по меньшей мѣрѣ, нельзя признать корректнымъ. Они не могли не понимать, что, въ сущности, вся эта дѣятельность сводилась къ тому, чтобы недовольство крестьянъ, вмѣсто поджоговъ и погромовъ, направить въ русло закономѣрной правовой борьбы, но какъ только при этомъ обнаружились стремленія крестьянъ въ области земельной реформы, такъ душевное равновѣсіе гг. конституціоналистовъ было нарушено. Само собою понятно, что конфликты между интеллигенціей и либеральными земцами тутъ были неизбѣжны.

Въ этомъ отношеніи прекрасной иллюстраціей является судьба упомянутой уже аграрной комиссіи при Лохвицкомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ*) Надо замѣтить, что въ Лохвицкомъ уѣздѣ, и въ особенности въ мѣстномъ с. х. обществѣ, долгое время существовалъ самый трогательный союзъ между либеральными земцами и интеллигенціей, при чемъ послѣдняя вела себя скромно и корректно, но неуклонно стремилась развивать свою дѣятельность среди крестьянъ. Такъ какъ всѣ возжи по управленію уѣздомъ фактически находились въ рукахъ либераловъ, то житье лохвицкихъ интеллигентовъ вызывало къ себѣ зависть со стороны интеллигентовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ всякое проявленіе иниціативы душилось гг. Катериничами, Новицкими, Павроцкими и проч. ультра-реакціонерами. Но вотъ повѣяли «освободительные» вѣтры, и сразу обнаружилась вся искуственность этой чисто внѣшной гармоніи. Въ началѣ 1905 г., еще до указа 18 февраля, на уѣздномъ земскомъ собраніи, гдѣ принята была политическая резолюція, произошелъ инцидентъ, положившій начало разладу. Принятая собраніемъ резолюція, выработанная въ частномъ закрытомъ совѣщаніи гласныхъ, была признана интеллигенціей безцвѣтной и не соотвѣтствующей требованіямъ времени, а такъ какъ интеллигенція была «разбалована» либералами и съ ея мнѣніемъ все же считались, то она не только устроила демонстрацію своимъ коллективнымъ уходомъ изъ собранія, но и подала предсѣдателю собранія письменный протестъ, который, однако, не былъ даже заслушанъ. Критика резолюціи въ этомъ протестѣ была признана земцами настолько «дерзкой», что было усмотрѣно въ этомъ

---

*) Въ дѣлѣ развитія освободительнаго движенія Лохвицкій уѣздъ въ Малороссіи представляетъ наиболѣе яркій примѣръ массоваго вмѣшательства деревенской интеллигенціи въ крестьянское движеніе, и потому въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду приводить характерные факты о крестьянскомъ движеніи тамъ, почерпнутые какъ изъ литературныхъ матеріаловъ (см., напр., статьи М. В Бернацкаго въ „Сынѣ Отечества“, корреспонденціи изъ Лохвицы въ „Кіевскихъ Откликахъ“ и „Полтавщинѣ“), такъ и изъ сообщеній лицъ, близко знакомыхъ съ крестьянскимъ и общественнымъ движеніемъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ.

поступкѣ покушеніе посягнуть на славу дохврцаго земства и популярность его среди населенія. Послѣднее обстоятельство авторы протеста наврядъ ли могли имѣть въ виду, такъ какъ «либеральные» земцы своей крайне несправедливой для крестьянъ системой обложенія такъ возбудили противъ земства послѣднихъ, что на этой почвѣ не мало затрудненій создалось при просвѣтительной дѣятельности интеллигенціи, и вмѣсто популярности самое слово «земство» произносилось чуть ли не съ проклятіями. Само собою разумѣется, что этотъ инцидентъ при всей своей характерности не можетъ быть отнесенъ къ явленіямъ крупнаго общественнаго значенія, но онъ важенъ, какъ пунктъ, гдѣ дороги третьяго элемента и гг. земцевъ разошлись и больше ужъ не сходились. Земцы при этомъ случаѣ проявили излишнюю нервность и въ своихъ требованіяхъ дошли до вещей, ничего общаго съ либерализмомъ не имѣющихъ, представители же интеллигенціи не сумѣли съ надлежащимъ спокойствіемъ отнестись къ нервничанію гг. земцевъ, и потому всѣ попытки примиренія были безуспѣшны. Съ развитіемъ политическаго движенія пропасть между вчерашними друзьями росла, при чемъ земцы двинулись вправо и стали пріобрѣтать поддержку среди прежнихъ противниковъ изъ лагеря консервативныхъ землевладѣльцевъ, а интеллигенція двинулась влѣво и начала свою политическую дѣятельность среди крестьянства. Въ мѣстномъ с.-х. обществѣ произошла первая открытая стычка между образовавшимися, двумя теченіями. Хотя среди членовъ общества преобладали землевладѣльцы, но послѣдніе неаккуратно посѣщали собранія, чѣмъ воспользовалась интеллигенція, и при выборахъ коммиссіи для разработки проекта представленія общества «о видахъ и предположеніяхъ» провела въ члены ея исключительно своихъ кандидатовъ. Коммиссія эта подъ предсѣдательствомъ доцента петерб. политехн. института М. В. Бернацкаго поставила своей задачей произвести возможно широкій опросъ крестьянъ и съ этой цѣлью постановила пригласить на свои засѣданія послѣднихъ. Объ интересныхъ сторонахъ работы этой коммиссіи выше было сообщено; теперь я остановлюсь на томъ общественномъ эффектѣ, который ею былъ произведенъ.

Прежде всего, крестьяне охотно откликнулись, являлись на собранія, откровенно излагали свои взгляды и вступали въ полемику какъ между собою, такъ и членами коммиссіи. Извѣстія о коммиссіи и ея постановленіяхъ съ поразительной быстротой распространялись между крестьянами и сдѣлали коммиссію чрезвычайно популярною среди нихъ. Естественно, что такая дѣятельность долго не могла продолжаться, и передъ третьимъ засѣданіемъ явился полицейскій чинъ и предъявилъ предсѣдателю бумагу съ требованіемъ не пускать на засѣданіе никого, кромѣ членовъ коммиссіи. Явившіеся крестьяне, однако, настойчиво хотѣли принять участіе, и членамъ коммиссіи стоило не мало усилій уго-

ворить ихъ вернуться домой. Оказалось, что поднятый самими крестьянами на послѣднемъ засѣданіи коммиссіи вопросъ о необходимости экспропріаціи частновладѣльческихъ земель перепугалъ помѣщиковъ, полетѣли куда слѣдуетъ доносы, при чемъ, конечно, во всемъ винили коммиссію. На самомъ же дѣлѣ, коммиссія высказалась противъ экспропріаціи, и нѣкоторые члены ея старались въ этомъ направленіи вліять и на крестьянъ, доказывая неосуществимость ихъ требованія; такимъ образомъ, стоило только прозвучать откровенному голосу изъ народной массы, какъ либерализмъ земцевъ быстро вывѣтрился. Яркую картину въ этомъ отношеніи представляло общее собраніе общества, на которое явилось небывалое количество членовъ, и при томъ такихъ членовъ, которые съ незапамятныхъ временъ не посѣщали собраній; когда председателемъ собранія, М. И. Туганъ-Барановскимъ, было предложено заслушать заявленіе коммиссіи о дѣйствіяхъ полиціи, то собраніе запротестовало, и заявленіе это не было заслушано. Вся эта толпа членовъ съ явнымъ черносотеннымъ оттѣнкомъ явилась въ собраніе съ цѣлью наказать крамольную интеллигенцію и въ отвѣтъ на аргументацію представителей коммиссіи способна была только издавать нечленораздѣльные звуки. Поразительно быстро сплотились всѣ землевладѣльцы безъ различія званія, пола, возраста и номинальныхъ политическихъ убѣжденій подъ лозунгомъ «не пущать интеллигенцію развращать крестьянъ». Не вдаваясь въ детали постановленій этого собранія, исключительно направленныхъ противъ интеллигенціи, я отмѣчу интересную черту, обнаружившуюся при выборахъ членовъ правленія: черносотенцы были хозяевами положенія, но, однако, они ограничились тѣмъ, что забаллотировали представителя интеллигенціи дѣятельнаго члена правленія И. И. Бедра, а либераловъ оставили возсѣдать на своихъ мѣстахъ; видные представители либераловъ на собраніи избрали себѣ роль молчанія. Впрочемъ, правленіе оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ видамъ большинства собранія, и когда общія собранія были запрещены, то оно не только не заявило никакого протеста, но, пренебрегая всѣми способами общенія съ членами, стало самодержавно хозяйничать,—быть можетъ, не безъ чувства облегченія. Насколько во всей этой исторіи дѣйствительно были виновны интеллигенты, свидѣтельствуетъ то, что обыски и слѣдствіе, при усердномъ участіи жандармеріи, ничего не дали, и все дѣло было прокурорскимъ надзоромъ прекращено производствомъ. По остроумному замѣчанію корреспондента «Нашей Жизни», въ Лохвицкомъ уѣздѣ была создана обстановка аграрнаго движенія и не было только самаго движенія.

Но какъ бы то ни было, дѣятельность интеллигенціи была парализована, нѣкоторые представители ея были «собственными средствами» землевладѣльцевъ выдворены изъ предѣловъ уѣзда, а

оставшіеся временно вынуждены были значительно сократиться. Все это произошло тамъ, гдѣ интеллигенція находилась въ сравнительно удовлетворительныхъ условіяхъ, и въ ея средѣ была нѣкоторая организованность: не трудно себѣ представить, въ какомъ положеніи оказывался единичный интеллигентъ среди стаи воронъ въ деревенской глуши? Тутъ для успѣшности дѣйствій нужна была мудрость змѣя. Такимъ образомъ, «Булыгинская конституція» 6-го августа застала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціи оппозиціонныя нереволюціонныя силы уже разслоеными. Состоявшееся одновременно съ этимъ распоряженіе объ отмѣнѣ петицій, хотя и лишило, какъ оказалось временно, интеллигенцію «законнаго» пути, но существеннаго вліянія на дальнѣйшее развитіе крестьянскаго освободительнаго движенія не имѣло: движеніе это съ неудержимою силой развивалось и захватывало все болѣе и болѣе широкіе слои крестьянства. Тутъ, пожалуй, извѣстное охлаждающее значеніе имѣли отписки канцеляріи совѣта министровъ. Происходило это потому, что крестьяне относились къ своимъ ходатайствамъ не съ точки зрѣнія общественнаго эффекта, какъ земцы и интеллигенція, а требовали дѣйствительнаго разбора своихъ заявленій, тѣмъ болѣе, что среди нихъ были указанія на спорные споры съ землевладѣльцами и на прочія нужды узко-мѣстнаго характера. Очевидно, что при такомъ условіи отписки канцеляріи совѣта министровъ никого не удовлетворяли, а отсутствіе данныхъ о болѣе реальномъ вниманіи къ крестьянскимъ нуждамъ усиливало общее недовольство.

Государственная Дума по закону 6-го августа крестьянъ не могла удовлетворить; если они охотно становились въ ряды конституціоналистовъ, то лишь потому, что народное представительство представляли себѣ на демократическихъ началахъ: ни цензовыхъ началъ, ни второй палаты крестьяне не признавали. Иначе и быть не могло: народъ, который имѣетъ въ своемъ конечномъ идеалѣ осуществленіе права каждаго трудящагося на землю, не можетъ не стоять за демократическое народное представительство. Затѣмъ отрицательное впечатлѣніе крестьянъ усилилось еще тѣмъ, что Государственная Дума 6-го августа явилась въ нѣкоторомъ родѣ копией съ земства, гдѣ безсиліе представителей крестьянъ влiять на направленіе дѣятельности было такъ наглядно. Поэтому «Булыгинская конституція» была встрѣчена деревней равнодушно, безъ малѣйшаго чувства удовлетворенія. Однако изъ этого нельзя заключить, что идея бойкота могла имѣть сколько-нибудь серьезный успѣхъ среди крестьянъ; для осуществленія ея не имѣлось надлежащихъ путей и средствъ. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя удалось отмѣтить въ періодъ отъ 6-го августа по 17-е октября, масса деревенской интеллигенціи, которая послѣ 18-го февраля стала на путь политической пропаганды, благодаря своей общей умѣренности и соображеніямъ тактическаго характера, была противъ «бойкота», и,

слѣдовательно, все свое вліяніе употребила бы на болѣе разумное использованіе крестьянами избирательныхъ правъ. Въ Малороссіи при этомъ имѣло извѣстное вліяніе и то обстоятельство, что даже по избирательному закону 6-го августа съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ оказались въ рукахъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ-казаковъ, и на этомъ строили нѣкоторые разсчеты прогрессивные элементы. Въ силу всего этого директивы, исходившія изъ центральныхъ организацій, какъ партійныхъ, такъ и профессіонально-политическихъ союзовъ, хотя иногда номинально принимались мѣстными организаціями, но серьезнаго практическаго значенія не имѣли, и въ лучшемъ случаѣ дѣло свелось бы къ воздержанію отъ участія въ выборахъ самихъ интеллигентовъ. Этимъ же не было бы достигнуто ни непосредственной пользы, ни демонстративнаго эффекта.

IV.

Не стану останавливаться на крайне сложномъ вопросѣ о томъ, имѣло ли начавшееся массовое политическое движеніе среди крестьянъ какое-нибудь вліяніе на появленіе манифеста 17 октября; фактическаго участія въ октябрьской забастовкѣ крестьянство во всякомъ случаѣ не принимало и не могло принимать, такъ какъ для такой борьбы въ деревнѣ не было ни руководителей, ни организаціи. Поэтому манифестъ 17-го октября явился въ деревнѣ неожиданностью; ни энтузіазма, ни какихъ-либо манифестацій здѣсь не наблюдалось. На это повліяли два обстоятельства. Во-первыхъ, въ манифестѣ ничего не говорилось о земельной реформѣ, т. е. онъ лишенъ былъ главной притягательной силы для крестьянъ. Манифестъ 3 ноября, очевидно, долженъ былъ внести соотвѣтственную поправку, но обѣщанія и льготы, имъ данныя, были настолько скромны, что манифестомъ этимъ агитаторы пользовались, даже какъ доказательствомъ нежеланія бюрократическаго правительства помочь крестьянамъ. Во-вторыхъ, и здѣсь сказалась обычная медленность проникновенія въ крестьянскую среду всего того, что дѣлается въ центрахъ. Такъ, мнѣ приходилось сталкиваться съ крестьянами, живущими около 20 верстъ отъ двухъ уѣздныхъ городовъ, и оказалось, что спустя почти 2 мѣсяца въ ихъ селѣ ничего не знали о манифестѣ 17 октября.

Если періодъ отъ 18-го февраля до 6-го августа мы можемъ считать временемъ первыхъ попытокъ интеллигенціи вмѣшаться въ политическую жизнь деревни, то 17 октября является началомъ широкой и сравнительно массовой дѣятельности интеллигенціи на политическомъ поприщѣ. Не берусь нарисовать общей картины настроенія деревенской интеллигенціи послѣ 17 октября, но несомнѣнно она вздохнула облегченно и повѣрила, какъ и всѣ

умѣренные слои русскаго общества, что Рубиконъ перейденъ, и возврата прошлому уже нѣтъ. Не сразу, однако, она могла освободиться отъ чувства «стараго» гнета и освоиться съ новымъ положеніемъ и съ новыми задачами, опять поэтому мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми колебаніями и нерѣшительностью. Но та часть интеллигенціи, которая уже при осуществленіи указа 18 февраля получила боевое политическое крещеніе, энергично взялась за работу. Выступленіяᵇ интеллигенціи въ политико-просвѣтительной роли не рѣдко содѣйствовали и чисто мѣстныя причины. Такъ, въ Полтавской губ. предсѣдателемъ лохвицкаго уѣзднаго училищнаго совѣта А. Ф. Русиновымъ было разослано циркулярное письмо всѣмъ народнымъ учителямъ, въ которомъ рекомендовалось устроить въ школахъ собесѣдованія съ народомъ о манифестѣ 17 октября; и, дѣйствительно, почти во всѣхъ земскихъ школахъ Лохвицкаго уѣзда подобныя собесѣдованія состоялись. Правда, въ своей дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи учителя не удовлетворили училищнаго совѣта и его предсѣдателя, но объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Робко, съ оглядкой приступали рядовые интеллигенты къ выполненію новой задачи, но затѣмъ общая волна захватила ихъ, а то сочувствіе и пониманіе, которыя они встрѣтили среди крестьянства, ободрили и осмѣлили.

Успѣхъ первыхъ шаговъ дѣятельности интеллигенціи по «преступной пропагандѣ» среди крестьянъ настолько поразилъ мѣстную администрацію, что представители ея ничего лучшаго не нашли, какъ просить въ критическіе моменты покровительства у авторитетныхъ среди населенія интеллигентовъ и тѣмъ самымъ еще болѣе усиливали этотъ авторитетъ. Въ успѣхѣ пропаганды ничего удивительнаго и непонятнаго не было. Крестьянамъ были неизвѣстны, конечно, конституціонныя формулы; такіе голые лозунги, какъ: «свобода печати», «свобода собраній» и проч., не вызывали надлежащаго реагированія съ ихъ стороны. Но самая идея о волѣ, хотя и не облеченная въ точныя формулы, являлась существеннымъ элементомъ народнаго міросозерцанія. Поэтому при ознакомленіи съ сущностью «свободъ» крестьяне быстро осваивались съ ними, а первые шаги практическаго осуществленія «свободъ» наглядно показали всю ихъ цѣнность для борьбы за землю.

Характерно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на основаніи указа 18 февраля были хоть въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ бесѣды на политическія темы, крестьяне сознательно, какъ должное, принимали права, признанныя за русскимъ народомъ манифестомъ 17 октября—это показывало, какъ мало нужно было въ сущности для освобожденія отъ кажущейся политической инертности крестьянъ. Но такія мѣстности были счастливыми оазисами, и потому интеллигенціи предстояла огромная по своему значенію и размѣрамъ работа, и отъ нея требовалось много иниціативы.

Если мы нѣсколько подробнѣе остановимся на первыхъ фази-

сахъ дѣятельности деревенской интеллигенціи послѣ 17 октября, то прежде всего нужно отмѣтить, что свободное дуновеніе жизни разрушило всѣ искуственныя перегородки, которыми бюрократія стремилась изолировать крестьянство отъ культурнаго русскаго общества, и тѣ откровенныя рѣчи, которыя полились рѣкой на деревенскихъ митингахъ, собесѣдованіяхъ и проч., сразу укрѣпили нравственную связь между интеллигенціею и народомъ. Такъ какъ въ то время еще партійная дифференціація не коснулась деревенской интеллигенціи и сама обстановка дѣйствій не благопріятствовала немедленной массовой партійной пропагандѣ, то интеллигенція отдалась безпартійной политически-просвѣтительной дѣятельности, т. е. продолжала путь, начатый еще въ періодѣ отъ 18 февраля до 6 августа. Самую существенную часть этой пропаганды составляло всестороннее выясненіе организаціи и сущности демократическаго народнаго представительства и его значенія, какъ пути для широкихъ экономическихъ и правовыхъ реформъ. Попутно, конечно, критиковалась Государственная Дума 6-го августа и особенно оттѣнялась необходимость всеобщаго избирательнаго права по четырехчленной формулѣ. Интеллигенція переживала тогда періодъ политическаго романтизма, т. е. безотчетно вѣрила, что всѣ положенія манифеста 17 октября получатъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, какъ законодательныя нормы, практическое осуществленіе. Наивное, но хорошее это было время! Кому приходилось участвовать на деревенскихъ митингахъ, у того не могли не остаться самыя свѣтлыя воспоминанія объ этой зарѣ народной политической жизни, когда счастье народное казалось такъ близко... Бывало, въ народной школѣ или сельской сборнѣ чуть ли не ежедневно собирались крестьяне, и интеллигентъ-«ораторъ» былъ среди нихъ желанный гость; толки шли тутъ откровенные, задушевные. Движеніе быстро развивалось, и вскорѣ мы видимъ, что интеллигенція переходитъ къ уже болѣе опредѣленной формѣ политической дѣятельности, а именно, къ организаціи крестьянства въ крестьянскіе союзы. Этотъ переходъ произошелъ незамѣтно, и установить рѣзкую грань между двумя періодами дѣятельности интеллигенціи въ большинствѣ случаевъ затруднительно, такъ какъ политическое просвѣщеніе и во второмъ періодѣ, до начала репрессій, сохранило господствующее положеніе. Возникновеніе «союзнаго движенія» и участіе въ немъ интеллигенціи нельзя объяснять шаблонными фразами: пропаганда, агитація и проч. Конечно, союзныя организаціи и печать оказывали извѣстное вліяніе на дѣйствія интеллигенціи, но оно было скорѣе содѣйствіемъ, чѣмъ давленіемъ. Въ дѣйствительности же цвѣтъ деревенской интеллигенціи выступилъ въ роли организаторовъ союза подъ непосредственнымъ напоромъ жизни. Какъ очередная тактическая задача, интеллигенціей было выдвинуто стремленіе во что бы то ни стало парализовать стихійные порывы и убѣдить крестьянина въ цѣлесообразности

правовой борьбы. Но всѣ эти толкованія манифеста въ смыслѣ возможности добиться удовлетворенія своихъ требованій при посредствѣ народнаго представительства носили нѣсколько теоретическій характеръ. У малорусскаго же крестьянина много реализма и сильна тенденція къ немедленному осуществленію принятыхъ рѣшеній, а потому одной проповѣдью правовой борьбы нельзя было достигнуть многаго. Для массы нужны были реальныя гарантіи успѣшнаго исхода новой формы борьбы, чтобы окончательно сдать въ архивъ «свои средства». Поэтому та часть интеллигенціи, которая искренно отдавала свои силы политическому просвѣщенію народа, была поставлена въ необходимость сдѣлать еще шагъ впередъ: указать пути, облечь эту борьбу въ реальныя формы. Въ этомъ направленіи имѣлся единственный исходъ въ образованіи политическихъ организацій, и, дѣйствительно, интеллигенція видѣла въ нихъ первый реальный базисъ борьбы и будущей созидательной работы. Это создало теченіе въ пользу присоединенія къ Всероссійскому крестьянскому союзу. Помимо принципіальнаго соотвѣтствія платформы союза требованіямъ крестьянъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже, и общій ходъ событій этому благопріятствовалъ. Въ критическій моментъ Всероссійскій крестьянскій союзъ публично заявилъ о своемъ существованіи и произвелъ внушительную демонстрацію своихъ силъ: при помощи печати въ крестьянскую среду проникали свѣдѣнія о немъ, возбуждая къ себѣ огромный интересъ.

Такимъ образомъ передъ интеллигенціей всталъ вопросъ: «участвовать или нѣтъ въ крестьянскомъ союзѣ?» Для многихъ этотъ вопросъ при быстро развивавшемся крестьянскомъ политическомъ движеніи сказался въ болѣе рѣзкой формѣ: «противодѣйствовать или содѣйствовать крестьянскому союзу?» Активной частью интеллигенціи въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ эти вопросы были разрѣшены положительно. Иначе и быть не могло. Съ одной стороны, программа союза охватывала всѣ насущныя нужды деревни и соотвѣтствовала глубоко народнымъ требованіямъ, а съ другой стороны тактика союза не заключала въ себѣ ничего рѣзко революціоннаго и вполнѣ гармонировала съ мирными и умѣренными побужденіями интеллигенціи. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется крайне неоднородный составъ руководителей мѣстныхъ организацій крестьянскихъ союзовъ, какъ въ отношеніи общественно-профессіональнаго положенія, такъ и въ смыслѣ политическихъ симпатій: тутъ были землевладѣльцы, учителя, священники, врачи, кадеты, с.-д., с.-р., а больше всего безпартійныхъ. Всѣ искренніе друзья народа поспѣшили на помощь союзу, чтобы облегчить своимъ посильнымъ участіемъ тяжелые экономическіе и политическіе роды деревни. Одухотворенные самыми гуманными побужденіями, они искренно стремились къ мирному разрѣшенію кризиса. Но ихъ не поняли или, правильнѣе, не захотѣли понять.

V.

Не настало еще время для всесторонней оцѣнки крестьянскаго союза, но та поразительная быстрота, съ которой развивается эта форма движенія, и то мѣсто, которое крестьянскій союзъ занимаетъ въ общемъ развитіи освободительной борьбы, носятъ оригинальныя черты, которыя слѣдуетъ отмѣтить намъ, современникамъ. Собственно возникновеніе крестьянскихъ союзовъ происходило уже въ періодѣ до 17 октября, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ относятся нижеизложенныя наблюденія, въ то время подобныя организаціи составляли большую рѣдкость и ихъ дѣйствительное значеніе было довольно скромное. Только послѣ 17 октября это союзное движеніе пріобрѣло массовой характеръ и можетъ считаться шагомъ впередъ въ дѣлѣ активнаго участія крестьянъ въ политической борьбѣ. Я уже выше останавливался нѣсколько на причинахъ возникновенія крестьянскихъ союзовъ и теперь подчеркну, что если организаторы ноябрьскаго съѣзда имѣли въ виду демонстрацію силъ, то въ этомъ отношеніи они свою задачу выполнили и тѣмъ принесли существенную пользу для развитія движенія, такъ какъ эта демонстрація произвела сильное впечатлѣніе на крестьянъ и на рядовую крестьянскую интеллигенцію. Затѣмъ установленіе программы и тактики союза дало необходимую руководящую нить для дѣятелей союза. Характерно, что послѣдовавшій за съѣздомъ арестъ членовъ центральнаго бюро союза не только не ослабилъ организаторской работы, а, напротивъ, усилилъ: всѣми близко стоящими къ движенію сознавалась необходимость возможно скорѣе сплотить силы крестьянъ для борьбы съ начавшейся реакціей. Однако, главной причиной выдающагося успѣха, выпавшаго на долю крестьянскаго союза въ деревнѣ, должно признать соотвѣтствіе платформы союза народному міросозерцанію. Эта, такъ сказать, народность союза выразилась въ основныхъ положеніяхъ аграрной программы и въ нѣкоторой умѣренности въ требованіяхъ коренныхъ политическихъ реформъ, отличавшей крестьянскій союзъ отъ крайнихъ партійныхъ организацій. Идея націонализаціи земли, на которой зиждется аграрная программа союза, не только чрезвычайно близка народному міросозерцанію, но, можно сказать, народъ своимъ умомъ дошелъ до нея, такъ какъ всѣ народные планы и мечтанія о справедливомъ разрѣшеніи земельнаго вопроса обнимаются идеей націонализаціи. Не малое значеніе имѣло и то обстоятельство, что политическая платформа не заключала въ себѣ тѣхъ положеній, которыя въ то время сдѣлали непріемлемыми для массы крестьянъ программы крайнихъ партій. Я выше уже приводилъ примѣры того, къ какимъ нежелательнымъ явленіямъ могло привести поднятіе вопроса о демократической республикѣ и проч. Въ виду циркулированія самыхъ

разнообразныхъ слуховъ о крестьянскомъ союзѣ, въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне въ приговорахъ о присоединеніи къ союзу прямо указывали на то, чтобы «царь остался», и надо замѣтить, что иногда руководители движенія, во избѣжаніе сомнѣній среди крестьянъ, сами рекомендовали составлять приговоры съ такими оговорками. Все это въ совокупности создало такую волну политическаго движенія среди крестьянъ, которая совершенно не соотвѣтствовала прежнимъ масштабамъ. Положительно деревня преобразовалась: недовѣріе, косность куда-то исчезли и заявленія интеллигента принимались съ большимъ сочувствіемъ. Но интереснѣе всего то, что крестьянскіе союзы возникали не столько по инииціативѣ интеллигенціи, сколько по инициіативѣ самихъ крестьянъ. Нуженъ былъ только интеллигентный почнинъ движенія, а именно, стоило интеллигенту, а иногда и передовому крестьянину, устроить въ данной округѣ одинъ или два союза, какъ молва объ этомъ быстро разносилась и къ инициіатору начинали массами являться представители изъ всѣхъ окрестныхъ селъ и иногда даже изъ другого уѣзда съ просьбами пріѣхать къ нимъ и устроить союзъ. Въ Лохвицкомъ уѣздѣ одинъ мѣстный помѣщикъ задумалъ организовать крестьянскій союзъ «правового порядка», созвалъ митингъ, произнесъ подобающую рѣчь и предложилъ подписать приговоръ. Однако крестьяне не только отказались подписать предложенный приговоръ, но сами, безъ интеллигентнаго вмѣшательства, составили и подписали приговоръ о присоединеніи ко Всероссійскому крестьянскому союзу.

Аналогичные факты были не единичны. Нерѣдко на собраніи, гдѣ шло ознакомленіе крестьянъ съ платформой союза, являлись мѣстные вліятельные кулаки, священники-черносотенцы и проч., ихъ присутствіе, однако, не останавливало крестьянъ подписывать приговоры о присоединеніи къ союзу. Еще меньше дѣйствовали угрозы, запугиваніе, явно вздорныя внушенія со стороны властей, духовенства, землевладѣльцевъ и проч. Что касается богатаго казачества, то, хотя въ этой средѣ и проявлялись опасенія относительно экспропріаціи частновладѣльческихъ земель, но это явленіе массовымъ нельзя признать: многіе представители земельнаго казачества принимали весьма активное участіе въ движеніи. Вообще въ дѣлѣ развитія движенія огромное значеніе имѣли тѣ кадры дѣятелей, которые выдвигались изъ среды самихъ крестьянъ. Если бы не было такой большой активности со стороны крестьянъ къ дѣятельности крестьянскаго союза, то само движеніе не могло принять такіе размѣры, что нѣкоторыя мѣстности фактически оказались цѣликомъ во власти союза; мѣстами установилось даже презрительное отношеніе къ тѣмъ, которые, какъ выражались крестьяне, не хотѣли «союзиться». Само слово «союзъ» пріобрѣло такую популярность, что даже нѣкоторые ортодоксальные украинцы считали неумѣстнымъ стремленіе замѣнить его украин-

скимъ словомъ «спилка». Руководители движенія пользовались такимъ довѣріемъ, что всѣ ихъ указанія выполнялись безпрекословно. Прекраснымъ доказательствомъ того, какъ глубоко и широко захватила крестьянство эта форма движенія, служатъ тѣ безпорядки, которые возникали во многихъ мѣстахъ Малороссіи при арестѣ организаторовъ крестьянскихъ союзовъ. Искать въ этихъ протестахъ какой-либо предварительной организаціи или уговора было бы напраснымъ трудомъ. Они возникали въ крестьянствѣ стихійно. Какъ только тѣмъ или инымъ путемъ доходила до крестьянъ вѣсть объ арестѣ организатора, они бросали работу и шли выручать, не отдавая себѣ отчета, какъ это голыми руками противостать вооруженной силѣ. Впрочемъ, крестьяне въ этомъ отношеніи проявили нѣкоторую изобрѣтательность: такъ, въ Миргородскомъ уѣздѣ, помимо вилъ и косъ, крестьяне вооружались еще длинными шестами съ крючками на концѣ, чтобы стягивать съ лошадей казаковъ. Бывали такія интересныя сцены, когда бабы обходили село и гнали въ городъ всѣхъ мужчинъ для выручки организатора.

Администрація знала возможность активнаго сопротивленія крестьянъ и съ своей стороны тоже прибѣгала къ хитростямъ. Какъ описываетъ корр. «Кіевск. Откл.», организаторъ крестьянскихъ союзовъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ И. П. Бедро былъ арестованъ ночью и тотчасъ же подъ усиленнымъ конвоемъ отправленъ въ Полтаву. Однако, на слѣдующее утро собралась огромная толпа, требующая его освобожденія и, несмотря на наличность эскадрона драгунъ, исправникъ вынужденъ былъ ходатайствовать передъ губернаторомъ о возвращеніи Бедра; крестьяне до тѣхъ поръ не разъѣхались, пока не явился обратно г. Бедро. Все это движеніе носило чисто стихійный характеръ, и только вмѣшательство мѣстной земской управы предотвратило возможность крупныхъ осложненій. Нѣсколько иной характеръ носили безпорядки въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Тамъ былъ арестованъ агитаторъ, крестьянинъ Шевченко, и крестьяне, спустя недѣли двѣ, неожиданно явились въ Звенигородку и, осадивъ тюрьму, добились его освобожденія. Если уже въ періодъ общихъ политическихъ бесѣдъ послѣ 17-го октября создалась извѣстная близость между интеллигенціей и крестьянами, то въ крестьянскихъ союзахъ по отношенію къ представителямъ помѣстной интеллигенціи, принявшимъ активное участіе въ союзѣ, окончательно разсѣялось всякое предубѣжденіе. Тутъ, можетъ быть, впервые крестьяне начинаютъ проводить границу между интеллигенціей и привилегированными классами. Такъ, на одной политической манифестаціи, на которой участвовало нѣсколько тысячъ организованныхъ крестьянъ, произошелъ слѣдующій характерный діалогъ между интеллигентомъ и крестьяниномъ. Послѣдній замѣчаетъ идущему съ нимъ рядомъ интеллигенту: «Все наши. пановъ нѣтъ!» Интеллигентъ указываетъ на рядъ лицъ изъ интеллигенціи, занимающихъ довольно видные оффиціальные посты, но

несомнѣнно сочувствующихъ и содѣйствующихъ крестьянскому союзу. Крестьянинъ на это отвѣтилъ: «Это не паны». Рѣзкое измѣненіе во взаимоотношеніяхъ между интеллигенціей и народомъ становится яснымъ, если сравнить пріемъ, оказывавшійся крестьянами представителямъ интеллигенціи раньше въ деревенскихъ общественныхъ и кооперативныхъ организаціяхъ, а затѣмъ въ крестьянскомъ союзѣ. Отношеніе къ призывамъ интеллигенціи о необходимости соорганизоваться для самодѣятельности и самопомощи было въ общемъ внимательное, но проникнутое въ то же время добродушнымъ скептицизмомъ. Требовалось много усиленнаго и кропотливаго труда, чтобы установить къ той или иной общественной организаціи благопріятное отношеніе массы крестьянъ. Совершенно иная картина наблюдалась при возникновеніи крестьянскихъ союзовъ. Крестьяне усиленно добивались пріѣзда организатора, къ его рѣчамъ относились съ довѣріемъ, его встрѣча и проводы были проникнуты своеобразнымъ крестьянскимъ энтузіазмомъ. Такая перемѣна легко объяснима. Раньше интеллигентъ въ своихъ рѣчахъ ходилъ вокругъ да около крестьянскихъ нуждъ и не договаривалъ самаго существеннаго, что только и могло привлечь на его сторону всю аудиторію. Теперь же въ откровенныхъ и искреннихъ рѣчахъ интеллигентовъ массы крестьянъ услышали то, что составляетъ ихъ завѣтную думу, услышали призывы къ борьбѣ для осуществленія этихъ народныхъ идеаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне воочію убѣдились въ готовности интеллигенціи защищать ихъ интересы и помочь выбраться имъ изъ тяжелаго положенія. Поэтому крестьяне не только откликнулись, а положительно ухватились за интеллигенцію, такъ какъ они превосходно понимали свои недостатки — дезорганизованность, некультурность и видѣли въ новыхъ союзникахъ полезную для себя силу, которая можетъ направить ихъ борьбу по правильному пути.

Измѣнилось и отношеніе представителей революціонныхъ партій, какъ къ крестьянскому союзу, такъ и къ деревенской внѣпартійной интеллигенціи. Послѣ 17 октября всѣ революціонныя силы, какія были на мѣстахъ, кинулись въ деревню, при чемъ форма дѣятельности была разнообразная: мѣстами велась пропаганда, мѣстами шла и организаціонная работа, но отношеніе къ крестьянскому союзу далеко не одинаковое. Какъ извѣстно, еще на московскомъ ноябрьскомъ съѣздѣ делегатовъ крестьянскаго союза соціалъ-демократы демонстративно бросили упрекъ о захватѣ союза либералами,—въ чемъ до извѣстной степени были правы; естественно, что и на мѣстахъ ихъ товарищи не благоволили къ крестьянскому союзу. Между прочимъ, наблюдалось также явленіе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пропаганда велась исключительно соціалъ-демократами, организацій крестьянскаго союза не возникало. Совершенно иное положеніе создавалось тамъ, гдѣ соціалъ-демократамъ приходилось сталкиваться съ движеніемъ въ пользу крестьянскаго союза

руководимымъ внѣпартійной интеллигенціи. Мнѣ извѣстны случаи въ Полтавской губерніи, когда партійнымъ работникамъ не только пришлось заниматься агитаціей въ пользу крестьянскаго союза, но при этомъ еще руководствоваться директивами, данными интеллигентами-руководителями. Возникло это подъ непосредственнымъ напоромъ требованій жизни и условій работы. Прежде всего въ фактическомъ отношеніи задача создать легальную организацію была гораздо легче выполнима въ смыслѣ привлеченія массы крестьянъ, чѣмъ организовать революціонные комитеты съ значительнымъ участіемъ крестьянъ. Затѣмъ сама платформа союза могла объединить гораздо большее количество крестьянъ, чѣмъ программы революціонныхъ партій. Но, можетъ быть, еще большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣли личныя отношенія. Разъ деревенскій интеллигентъ сумѣлъ раньше установить къ себѣ довѣрчивое отношеніе и крестьяне составили о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ, освѣдомленномъ объ ихъ нуждахъ, противъ его авторитета трудно было бороться. Я ужъ не говорю о томъ, что мѣстный интеллигентъ, знающій политическое настроеніе и развитіе крестьянъ и самыя больныя стороны мѣстной жизни, обладалъ большимъ умѣніемъ заговорить съ крестьяниномъ, чѣмъ пришлый агитаторъ.

Все это въ совокупности создало нѣсколько привелигированное положеніе деревенской интеллигенціи, при которомъ широкіе слои крестьянъ охотнѣе примыкали къ болѣе умѣренной платформѣ интеллигенціи, чѣмъ къ радикальной программѣ партійныхъ агитаторовъ. При соприкосновеніи съ дѣйствительностью эти стороны легко обнаруживались и, во избѣжаніе междоусобицы, волей-неволей партійные работники должны были примкнуть къ интеллигенціи. Надо замѣтить еще, что въ «дни свободы» наблюдалась изрядная путаница и среди революціонеровъ. Мнѣ въ это время приходилось жить въ небольшомъ городѣ, Полтавской губ., гдѣ по «оффиціальной» статистикѣ числился 1 с.-р., а всѣ остальные с.-д. и с.-с. (сіон. соц.), но на митингахъ и собраніяхъ всѣ говорили, какъ соціалисты-революціонеры.

Тамъ, гдѣ интеллигенція оказалась во главѣ крестьянскаго движенія, она придала дѣятельности мѣстныхъ организацій характеръ политико-просвѣтительный, т. е. въ сущности тотъ же, какой носили и первые шаги интеллигенціи послѣ 17 октября, но съ той разницей, что крестьянамъ не говорилось только о возможности правовой борьбы, а предлагалось и реальное средство для такой борьбы въ формѣ союза съ опредѣленной платформой политическихъ и экономическихъ требованій, соотвѣтствующихъ насущнымъ нуждамъ деревни. Между прочимъ, много вниманія обращалось на освѣщеніе вопроса объ еврейскихъ погромахъ, который имѣлъ тогда злободневный интересъ. Послѣдняя задача, въ общемъ, оказалась довольно благодарной, и хотя мои наблюденія относятся къ

чертѣ еврейской осѣдлости, но и тутъ въ массѣ крестьянъ не приходилось встрѣчать проявленій антисемитизма.

Однако, было бы вредной иллюзіей думать о безмятежномъ сожительствѣ крестьянъ съ евреями: дѣловые интересы купца и приходящихъ въ столкновеніе съ нимъ покупателей или продавцовъ противоположны, и на этой почвѣ создается извѣстная борьба, отражающаяся на характерѣ ихъ отношеній. При узкомъ политическомъ кругозорѣ крестьяне иногда, при наличности острыхъ столкновеній съ мѣстными воротилами евреями, склонны къ распространенію своихъ антипатій на евреевъ вообще; но этотъ антисемитизмъ мѣстнаго происхожденія очень не проченъи въ немъ трудно уловить строго націоналистическую основу. Я ужъ не говорю, что озлобленность противъ помѣщиковъ, по своей интенсивности и распространенности, во много разъ превосходитъ недовольство противъ евреевъ, но мнѣ приходилось наблюдать такіе случаи, когда товарищей по эксплуатаціи крестьянъ, арендатора-еврея и арендатора-русскаго кулака, по меньшей мѣрѣ совершенно одинаково ненавидѣло мѣстное населеніе. Очевидно, суть не въ національизмѣ, а въ экономическихъ отношеніяхъ. Во всякомъ, случаѣ призывы въ активнымъ дѣйствіямъ противъ евреевъ изъ среды крестьянъ не исходили, и для того, чтобы склонить ихъ на этотъ путь, требовалось со стороны черносотенныхъ элементовъ продолжительная и энергичная агитація; парализовать ее для интеллигенціи, при условіяхъ общенія съ народомъ въ «дни свободы», не нужно было большихъ усилій. Среди крестьянъ и мѣщанъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ своевременно были организованы публичныя собранія для всесторонняго выясненія истиннаго значенія погромовъ, устанавливались активно враждебныя отношенія къ погромамъ, какъ это наблюдалось, напримѣръ, въ Звенигородкѣ. Трогательную картину исчезновенія всякихъ слѣдовъ антисемитизма даетъ описаніе въ «Кіевск. Откл.» общественныхъ похоронъ, устроенныхъ жертвамъ безпорядковъ, возникшихъ въ Лохвицѣ, Полтавск. губ., при требованіи освобожденія г. Бедро, руководителя мѣстнаго крестьянскаго союза: убитаго драгунами еврея провожали на кладбище крестьяне въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и, въ свою очередь, мѣстное еврейство провожало убитыхъ крестьянъ. Эта картина совмѣстной борьбы и общихъ жертвъ не могла не наложить неизгладимой печати на міросозерцаніе тамошняго крестьянства. Но успѣхи демократической пропаганды шли дальше. Напримѣръ, въ Кіевской губ. передъ первыми выборами среди крестьянъ во многихъ мѣстахъ циркулировали разговоры о необходимости блока между крестьянами и евреями. Мотивировалось это тѣмъ, что евреи также безправны, какъ и крестьяне, и что они ничего не имѣютъ противъ перехода помѣщичьихъ земель крестьянамъ. Въ какой мѣрѣ освободительная борьба уничтожила искусственныя національныя перегородки, указываютъ и

———

такіе факты, когда крестьяне мѣсяцами укрывали отъ усиленныхъ преслѣдованій полиціи евреевъ-агитаторовъ. Я остановился на этой интересной чертѣ дѣятельности интеллигенціи, какъ въ крестьянскихъ союзахъ, такъ и внѣ ихъ, потому, что успѣхи тутъ получились наиболѣе быстро и имѣли серьезное практическое значеніе. Однако, господствующее теченіе въ крестьянскомъ союзѣ было организаціонное — всѣ усилія направлялись къ тому, чтобы объединить крестьянство, облечь его стремленія къ улучшенію своего положенія въ форму политическаго движенія, причемъ, вслѣдствіе разнообразія въ составѣ руководителей, создавалось неодинаковое отношеніе къ конечнымъ задачамъ союза. Напримѣръ, имѣлись такіе дѣятели, которые искренно вѣрили, что задача союза создать организованность народнаго мнѣнія, но большинство къ этому присоединило организацію народныхъ силъ. Какъ тѣ, такъ и другіе не проявляли особой приверженности къ программнымъ и тактическимъ требованіямъ, установленнымъ ноябрьскимъ съѣздомъ.

Изъ попытокъ внести поправки мѣстнаго характера въ программу крестьянскаго союза отмѣчу предложеніе группы полтавскихъ украинскихъ интеллигентовъ о включеніи требованія автономіи Украйны. Но, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, успѣхъ этого предложенія былъ довольно сомнителенъ. Такъ, на совѣщаніи крестьянъ-делегатовъ, посланныхъ въ Полтаву для участія въ аграрномъ совѣщаніи экономическаго совѣта губернскаго земства, раздавались голоса противъ этого требованія. Затѣмъ на мѣстахъ нужны были весьма подробныя объясненія, и все же на крестьянъ это требованіе особаго впечатлѣнія не произвело и ихъ готовность отстаивать его не могла внушать увѣренности. Что касается самой платформы союза, то все, что сказано было выше о характерѣ и методахъ дѣйствія интеллигенціи въ дѣлѣ политической пропаганды, относится и къ ея дѣятельности въ крестьянскомъ союзѣ. Выше уже было отмѣчено полное соотвѣтствіе платформы союза въ аграрномъ вопросѣ основамъ народнаго міросозерцанія; совершенно понятно поэтому, что никакихъ усилій для пропаганды земельной реформы не требовалось. Когда ораторъ излагалъ передъ крестьянской аудиторіей аграрную платформу, всѣ съ наэлектризованнымъ вниманіемъ слушали, но не потому чтобы онъ имъ сообщалъ что-нибудь новое, а потому, что всѣ заявленія о необходимости перехода всей земли трудящимся, объ уничтоженіи частной земельной собственности и проч. составляли завѣтную мечту самихъ крестьянъ. Въ нѣсколько иномъ положеніи былъ ораторъ, когда излагалъ политическую платформу союза. Тѣ положенія, которыя касались коренной реформы правовой жизни деревни и водворенія въ ней началъ гражданственности, тоже не требовали сложной аргументаціи: у крестьянъ былъ свой горькій опытъ и готовая критика существующихъ условій, — но на вопросѣ о народномъ представи-

тельствѣ приходилось детально останавливаться и всесторонне выяснять не только важность для народа участвовать въ управленіи страной, но и цѣлесообразныя начала организаціи этого управленія и неудовлетворительность Булыгинской Государственной Думы. Самой серьезной задачей было выясненіе власти и функцій учредительнаго собранія. И не мало согрѣшили нѣкоторые организаторы, не обращая должнаго вниманія на послѣдній вопросъ: этимъ они способствовали возникновенію мнѣнія, что крестьяне не понимаютъ сущности учредительнаго собранія и въ массѣ противъ него. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно, не всегда крестьяне проводили границу между нормальнымъ, законодательнымъ и собственно учредительнымъ собраніемъ. Но въ то же время въ представленіи крестьянина учредительныя функціи само собой присваивались народному представительству. Онъ разсуждалъ такъ: съѣдутся выборные, порѣшатъ какъ нужно, такъ и будетъ. Поэтому выясненіе, что только учредительное собраніе можетъ дать демократическое народное представительство, правильно разрѣшить земельный вопросъ и проч., быстро располагало стоять за учредительное собраніе. Но когда крестьянину не было уяснено значеніе и сущность учредительнаго собранія, то его легко можно было запугать фразами: учредительное собраніе устроитъ республику. Такъ поступилъ, напримѣръ, предсѣдатель полтавской уѣздной земской управы Е. Ганько. Передъ голосованіемъ вопроса объ учредительномъ собраніи въ совѣщаніи крестьянъ при управѣ онъ вдругъ заявилъ: знайте, что учредительное собраніе можетъ устроить республику. Это замѣчаніе подѣйствовало такъ, что необходимость созыва учредительнаго собранія была отвергнута. Несомнѣнно, при ознакомленіи крестьянъ съ платформой союза было допущено много вольныхъ толкованій, но каждому приходилось дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, дѣло было спѣшное и часто неоткуда было получать директивы.

Печать спѣшности лежитъ на пропагандѣ тактики крестьянскаго союза. Наиболѣе общей тактической задачей было выдвинуто — и объ этомъ много говорилось на крестьянскихъ митингахъ,—воздержаніе крестьянъ отъ какихъ-либо актовъ насилія и аграрнаго террора. Крестьянамъ указывалось на безполезность и нераціональность самовольныхъ захватовъ, погромовъ и проч. и на тотъ вредъ, который ими можетъ быть принесенъ правильному развитію политическаго движенія крестьянъ. Противники крестьянскаго союза распускали самые нелѣпые слухи о подстрекательствѣ крестьянъ къ безпорядкамъ, для дискредитированія всего движенія имъ нужны были въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣлись союзныя организаціи, аграрныя волненія. Это обстоятельство заставляло интеллигенцію принимать всѣ мѣры для предотвращенія какихъ-либо осложненій. Дѣло доходило до того, что когда въ Кролевецкомъ уѣздѣ Черниговской губ. былъ произведенъ погромъ въ одномъ имѣніи, то по настоя-

нію мѣстнаго крестьянскаго союза все разграбленное было возвращено.

Что касается тактическихъ пріемовъ, установленныхъ московскимъ ноябрьскимъ съѣздомъ, то по отношенію къ нимъ было проявлено еще больше отступленій, чѣмъ по отношенію къ политической платформѣ. Дѣло доходило до того, что представители того теченія, которое видѣло задачу союза въ организаціи народнаго мнѣнія, склонны были отвергать всѣ тактическіе пріемы союза и замалчивали ихъ. При оцѣнкѣ съ точки зрѣнія осуществимости въ деревенской дѣйствительности тактики крестьянскаго союза, изъ всѣхъ мѣръ, предложенныхъ ноябрьскимъ съѣздомъ, первое мѣсто надо признать за всеобщей земледѣльческой забастовкой. Съ одной стороны, крестьяне охотно и сознательно признавали цѣлесообразность этой мѣры борьбы. Симпатіи крестьянъ были тутъ прочны, такъ какъ они весьма реально представляли себѣ ходъ борьбы. Съ другой стороны, ничѣмъ крестьянство не можетъ выразить болѣе внушительнаго пассивнаго протеста, какъ всеобщей забастовкой, и осуществленіе ея сопряжено съ гораздо меньшими трудностями, чѣмъ, напримѣръ, бойкотъ администраціи. Какъ извѣстно, послѣдняя мѣра борьбы тоже рекомендовалась московскимъ съѣздомъ, и съ точки зрѣнія политическаго эффекта, какъ форма протеста, направленная непосредственно противъ бюрократіи, заслуживала серьезнаго вниманія, но въ то же время осуществленіе ея для начинающейся организаціи являлось большей частью непосильной задачей. Тутъ для осуществленія съ надлежащимъ политическимъ эффектомъ бойкота нужна была болѣе продолжительная массовая подготовка населенія, прочная связь между отдѣльными организаціями, а главное—крестьянскому союзу, чтобы осуществить бойкотъ, нужно было создать свои организаціи для исполненія судебно - административныхъ функцій въ немъ. Только противопоставленіемъ достаточно стройной и урегулированной въ своихъ дѣйствіяхъ самочинной организаціи можно было парализовать дѣйствія оффиціальныхъ учрежденій. Насколько мѣстныя организаціи крестьянскаго союза были не подготовлены къ такимъ задачамъ, указываетъ слѣдующій фактъ. На одномъ съѣздѣ делегатовъ крестьянскихъ союзовъ въ уѣздѣ принимается резолюція о бойкотѣ администраціи. Но вдругъ подымается крестьянинъ и спрашиваетъ: «а какъ быть, если кого-нибудь убьютъ — обратиться къ слѣдователю или нѣтъ?» Характерно, что на этотъ вопросъ онъ никакого отвѣта не получилъ, его попросту замяли. Несмотря на все это, бойкотъ въ селахъ осуществлялся, нерѣдко по мѣстной иниціативѣ, но безъ особеннаго эффекта. Прежде всего населеніе обрушилось на сельскую полицію (стражники и урядники), на которую крестьяне привыкли смотрѣть, какъ на безполезную и противонародную организацію. Форма бойкота зависѣла отъ мѣстныхъ условій и личныхъ качествъ низшихъ агентовъ полиціи. Затѣмъ, напримѣръ, въ

нѣкоторыхъ селахъ Миргородскаго уѣзда, были произведены на основаніи всеобщей подачи голосовъ выборы новыхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія, навлекшіе на крестьянъ тяжелыя кары. Тамъ, гдѣ крестьянскій союзъ составлялъ внушительную организацію и имѣлъ во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ населенныхъ пунктахъ свои организаціи, какъ это было въ Лохвицкомъ уѣздѣ, за нимъ стали признавать силу и считались съ этимъ при всякихъ осложненіяхъ. Такъ, подъ вліяніемъ развитія крестьянскаго движенія, лохвицкой земской управой былъ внесенъ докладъ въ земское собраніе, гдѣ она предлагала оказать содѣйствіе союзному движенію и пополнить составъ земскаго собранія представителями отъ крестьянъ по два человѣка отъ волости, такъ какъ только при этомъ условіи она считала возможнымъ дальнѣйшее нормальное функціонированіе земскаго хозяйства въ уѣздѣ. Мѣстные либералы такъ испугались этого доклада, что въ первый разъ подъ благовиднымъ предлогомъ детальнаго ознакомленія отложили его разсмотрѣніе, а на второе собраніе умудрились явиться въ незаконномъ составѣ. Понятно, что все это только усилило авторитетъ крестьянскаго союза въ глазахъ населенія.

Изъ мѣръ финансоваго бойкота большой интересъ представляло проведеніе въ жизнь постановленія ноябрьскаго съѣзда о прекращеніи потребленія водки, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ ничто не могло ударить такъ по карману правительства, какъ пріостановленіе функціонированія казенныхъ винныхъ лавокъ, при помощи которыхъ правительство успѣшно перекачиваетъ огромныя суммы изъ мужицкаго кармана въ казенный сундукъ. Крестьяне это прекрасно понимаютъ, и не мало составлено было въ одной Полтавской губерніи приговоровъ съ ходатайствами о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ, но особый комитетъ въ Полтавѣ, по разсмотрѣніи этихъ ходатайствъ, обыкновенно всѣ ихъ отклонялъ. Какъ показалъ опытъ крестьянскаго союза, личное воздержаніе не только не имѣло успѣха, но мѣстами даже наблюдалось, въ періодъ крестьянскаго движенія, усиленное потребленіе водки. Поэтому въ рукахъ крестьянъ оставалось единственное радикальное средство,— собственными средствами закрыть винную лавку, что и было осуществлено въ нѣкоторыхъ селахъ Миргородскаго уѣзда. Что же касается другихъ мѣръ, рекомендованныхъ крестьянскимъ союзомъ, то предъявленныя декабрскимъ манифестомъ революціонныхъ организацій требованія, до начала репрессій, къ каковому періоду относятся всѣ мои замѣчанія, не были достаточно популяризованы среди крестьянъ, и, въ сущности, даже удовлетворительное исполненіе ихъ деревней не дало бы ожидаемаго эффекта.

Въ общемъ можно сказать, что тактика крестьянскихъ союзовъ на мѣстахъ въ первомъ періодѣ мало соотвѣтствовала директивамъ изъ центра. Самая революціонная мѣра -бойкотъ администраціи, давшая поводъ нѣкоторымъ мудрецамъ изъ либераловъ обвинять

союзъ въ анархизмѣ, при примѣненіи въ жизни была значительно смягчена и въ своей наиболѣе рѣзкой формѣ,—смѣна сельскихъ и волостныхъ властей,—получила распространеніе главнымъ образомъ по отношенію къ ставленникамъ администраціи, помѣщиковъ и проч. Я не берусь разрѣшать вопросъ, во что вылились бы тактическія дѣйствія при нормальномъ развитіи крестьянскаго союза, но участіе въ немъ деревенской внѣпартійной интеллигенціи обѣщало гг. помѣщикамъ гораздо меньше непріятныхъ сюрпризовъ, чѣмъ они въ дѣйствительности уже получили и получатъ еще отъ крестьянскаго движенія.

VI.

Несмотря на кратковременное существованіе крестьянскихъ союзовъ, какъ легальныхъ организацій, съ достаточною очевидностью могло обнаружиться сдерживающее ихъ вліяніе по отношенію къ формамъ аграрныхъ волненій. Умѣренное настроеніе руководителей крестьянскаго движенія на мѣстахъ открывало возможность установленія тѣхъ или иныхъ соглашеній. Правда, становясь открыто въ ряды защитниковъ экономическихъ интересовъ крестьянъ, представители интеллигенціи тѣмъ самымъ становились на почву классовой борьбы; въ той или иной формѣ они не могли не касаться вопроса о противорѣчіи интересовъ крестьянъ и помѣщиковъ, но усмотрѣть въ этомъ разжиганіе страстей и подстрекательство крестьянъ противъ помѣщиковъ было совсѣмъ нелѣпо: деревенская дѣйствительность въ достаточной мѣрѣ воспитала въ крестьянинѣ пониманіе противорѣчія его интересовъ съ помѣщичьими интересами, и интеллигенціи приходилось не усиливать, а смягчать рѣзкія формы недовольства и раздвигать предѣлы пониманія въ этомъ направленія крестьянина. При узости кругозора крестьянина всѣ выводы изъ сознанія этого противорѣчія отражались, главнымъ образомъ, на формахъ личныхъ сношеній съ тѣмъ или инымъ помѣщикомъ, съ выясненіемъ же крестьянину сущности классовой борьбы вліяніе этого личнаго элемента неизбѣжно ослаблялось. Даже въ томъ обстоятельствѣ, что иногда пропаганда такихъ тактическихъ пріемовъ борьбы, какъ всеобщая земледѣльческая забастовка, отодвигалась на второй планъ, выступала тенденція не вносить лишняго обостренія. То же сказалось и въ вопросѣ о способѣ отчужденія частновладѣльческой земли. Перспектива безплатнаго отчужденія для массы крестьянъ была болѣе привлекательна; эту тенденцію нужно считать среди нихъ господствующей. Масса интеллигенціи, напротивъ, считала безмездное отчужденіе частныхъ земель неосуществимымъ. Такъ какъ въ платформѣ крестьянскаго союза по этому вопросу не было опредѣленнаго рѣшенія, то большинство интеллигентовъ агитировали за необходимость выкупа частновладѣльческихъ земель, и не далеко

всегда безуспѣшно. При дальнѣйшемъ нормальномъ развитіи крестьянскаго союза, положеніе интеллигенціи несомнѣнно упрочилось бы и вліяніе ея еще усилилось; въ связи съ настроеніемъ, господствовавшимъ въ массѣ рядового крестьянства того времени, это дѣлало возможнымъ мирное соглашеніе по аграрному вопросу. Поэтому сколько-нибудь сознательныхъ помѣщиковъ должна была бы гораздо меньше смущать возможность «диктатуры крестьянства» при активномъ участіи въ ней интеллигенціи, чѣмъ «диктатура бюрократіи», которая усложняла окончательное рѣшеніе аграрнаго вопроса и исключала возможность компромиссовъ. Къ сожалѣнію, такое отношеніе къ крестьянскому союзу способны были проявить единицы, а для десятковъ и сотенъ все это было за предѣлами пониманія. Масса землевладѣльцевъ, къ собственному несчастью, не доросла до пониманія переживаемаго историческаго момента и сущности народнаго движенія.

Въ общемъ, помѣщиковъ охватилъ паническій страхъ, когда они увидѣли, съ какой поразительной быстротой шла организація политической мощи крестьянъ для борьбы за свои экономическіе интересы. Они растерялись, когда увидѣли, что имъ придется бороться уже не съ Иваномъ или Степаномъ въ отдѣльности и даже не Семеновкой или Петровкой, а съ цѣлымъ уѣздомъ, губерніей и т. д. Въ сознаніи своего безсилія они сжались въ первое время въ своихъ уголкахъ и на основаніи сплетенъ дворни составляли представленіе о ходѣ событій. Оправившись отъ перваго испуга, помѣщики сдѣлали попытку оказать противодѣйствіе развитію крестьянскаго союза, проявляя при этомъ большую неразборчивость въ средствахъ борьбы. Страхъ за свои шкурные интересы доводилъ иного либеральнаго помѣщика до абсурдовъ. Суть, конечно, была въ радикализмѣ аграрной программы, но не на нее ссылались, а указывали на тактику союза, при чемъ вниманіе обращалось, главнымъ образомъ, не на самыя резолюціи съѣзда, а на фразы отдѣльныхъ ораторовъ. Такъ, напримѣръ, постоянно приводились слова одного делегата: «возьмемъ дубину и пойдемъ на своего врага», и въ этой фразѣ видѣли суть всей тактики союза. Когда же въ мѣстной агитаціи нельзя было уловить чего-либо преступнаго, то увѣряли, что агитаторъ одно, молъ, говоритъ открыто, а другое въ тѣсномъ кругу хорошо извѣстныхъ ему крестьянъ. Однимъ словомъ, не хватало искренности прямо заявлять о дѣйствительныхъ причинахъ, и всѣ обвиненія строились на дутыхъ поводахъ. Положеніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ ухудшилось еще тѣмъ, что представители мѣстной администраціи подъ впечатлѣніемъ манифеста 17 октября растерялись и вплоть до полученія циркуляра Дурново объ арестѣ агитаторовъ не знали, что дѣлать. Эта нерѣшительность усилилась еще тѣмъ, что крестьянскій союзъ въ провинціи по умѣренности политической программы и тактики занималъ неуязвимую позицію: на собраніяхъ союзныхъ организацій въ то время не

раздавались революціонные призывы къ ниспроверженію монархіи, къ вооруженному возстанію и проч., а вмѣсто этого велась самая горячая проповѣдь «мирной борьбы». Дѣло доходило до такого курьеза, что въ Парятинскомъ уѣздѣ со всѣми мѣрами строгости преслѣдовался крестьянскій союзъ въ то время, когда въ сосѣднемъ, Лохвицкомъ уѣздѣ, организаціонная работа дѣятелей союза шла безпрепятственно.

Для характеристики отношенія администраціи къ крестьянскому союзу укажу слѣдующій интересный фактъ. Можно сказать, что какъ только помѣщики оправились, стала процвѣтать литература доносовъ, и, между прочимъ, въ изобиліи они были посвящены дѣятельности главнаго руководителя крестьянскаго движенія въ Лохвицкомъ уѣздѣ, И. П. Бедро. Однако его долго не тревожили. Администраторъ, отъ котораго зависѣло принять мѣры укрощенія, откровенно признался своему пріятелю сановнику, что онъ въ большомъ недоумѣніи, такъ какъ при всемъ желаніи не находитъ достаточныхъ данныхъ для возбужденія противъ Б. судебнаго преслѣдованія. Такое недоумѣніе продолжалось до полученія упомянутаго циркуляра Дурново.

Пока бездѣйствовала администрація, землевладѣльцы дѣлали попытки собственными средствами парализовать движеніе. Среди этихъ попытокъ слѣдуетъ отмѣтить постановленіе лохвицкаго училищнаго совѣта о запрещеніи народнымъ учителямъ участвовать въ крестьянскомъ союзѣ,—постановленіе,состоявшееся по предложенію того же самаго предводителя дворянства, А. Ф. Русинова, который тотчасъ послѣ 17 октября предложилъ собесѣдованія съ крестьянами въ народныхъ школахъ о содержаніи манифеста. Мѣстный учительскій союзъ постановилъ игнорировать это запрещеніе и публично выразилъ протестъ противъ насилія со стороны училищнаго совѣта, т. е. эффектъ получился обратный. Затѣмъ была сдѣлана попытка внести рознь въ среду крестьянъ и казаковъ. Въ Полтавскомъ и другихъ южныхъ уѣздахъ проявилось стремленіе въ противовѣсъ крестьянскому союзу организовать зажиточныхъ хозяевъ изъ поселянъ. Подобныя организаціи при возбужденномъ состояніи деревни не могли развить свою дѣятельность. Поводъ тревожиться за свою судьбу зажиточнымъ элементамъ дали тѣ многочисленные слухи и толки, которые циркулировали среди крестьянъ. Подъ вліяніемъ ихъ происходили такія уродливыя явленія, какъ, напримѣръ, въ деревнѣ стали настолько враждебно относиться къ крестьянамъ, пріобрѣвшимъ землю при помощи крестьянскаго банка, что тѣ явились въ городъ съ просьбой отобрать отъ нихъ земли («Кіевск. Откл.»). Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Хорольскомъ уѣздѣ, эти черносотенныя теченія иной разъ проявлялись настолько сильно, что возбуждали въ интеллигентныхъ дѣятеляхъ сомнѣніе относительно возможности дальнѣйшей культурно-просвѣтительной работы въ деревнѣ, но въ общемъ зна-

ченіе ихъ, какъ противовѣса крестьянскому союзу, было ничтожное. Точно такъ же безуспѣшны были методы запугиванія крестьянъ, о чемъ особенно старалось сельское духовенство. О руководителяхъ движенія распускали резныя небылицы, говорили о ихъ продажности и проч., не останавливались и передъ такими утвержденіями, что подписи подъ приговоры о присоединеніи къ крестьянскому союзу собираются для антихриста, противъ царя и проч. Конечно, все это вызывало иногда колебанія среди крестьянъ, но движеніе было настолько жизненно, что на развитіе его сколько-нибудь существеннаго вліянія эти колебанія не имѣли. Что съ такими средствами далеко не уѣдешь, понимали умные и неумные землевладѣльцы и ихъ друзья бюрократы: жажда репрессій, самыхъ жестокихъ, охватила всѣхъ ихъ. Боевымъ кличемъ сдѣлался лозунгъ: «давайте войскъ». Дѣло доходило до того, что, какъ сообщали «Кіевскіе Отклики», предсѣдатель одной изъ уѣздныхъ управъ, бывшій освобожденецъ, умолялъ генералъ-адъютанта Пантелѣева прислать въ его уѣздъ казаковъ, хотя тамъ аграрныхъ волненій не было.

Наконецъ, когда арестами организаторовъ и ораторовъ были вызваны массовые протесты, начались давно желанныя для аграріевъ репрессіи, сначала въ Черниговской губ., а затѣмъ и въ Полтавской. Репрессіи эти приняли самыя жестокія формы и захватили очень широкіе круги. Каково было при этомъ настроеніе даже среди лучшей части помѣщиковъ, можетъ свидѣтельствовать такой фактъ. Какъ уже выше было отмѣчено, въ Лохвицкомъ уѣздѣ движеніе, выразившееся въ организаціи крестьянскихъ союзовъ, получило весьма внушительные размѣры и пріобрѣло даже нѣкоторую внутреннюю стройность. Но спустя нѣкоторое время послѣ возвращенія въ уѣздъ руководителя движенія Бедра, начались тутъ репрессіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Все, что перепало при этомъ крестьянамъ и представителямъ третьяго элемента, не представляетъ чего либо выдающагося, но вотъ въ числѣ арестованныхъ оказались заступающій мѣсто предсѣдателя управы В. А. Слюзъ (дворянинъ-землевладѣлецъ), членъ управы Г. А. Пріймакъ (землевладѣлецъ) и членъ управы изъ казаковъ, Ворушило. Послѣднее обстоятельство меня заинтересовало, и я попытался собрать кое-какія свѣдѣнія о «революціонной» дѣятельности лохвицкой земской управы. Оказалось слѣдующее. Послѣ 17 октября лохвицкая земская управа, подобно всей «благоразумной Россіи», увѣровала въ «свободы» и сообразно съ этимъ и дѣйствовала, не нарушая, однако, существующихъ законоположеній. Когда въ уѣздѣ начало широко развиваться движеніе по организаціи крестьянскихъ союзовъ, члены управы пошли навстрѣчу новому явленію; въ этихъ видахъ былъ составленъ упомянутый уже выше докладъ для земскаго собранія о пополненіи состава его новыми представителями отъ крестьянъ. Землевладѣльцы метали громы и мол-

нія на крамольную управу, и, само собой разумѣется, что обо всемъ доносилось куда слѣдуеть. Когда по случаю ареста руководителя крестьянскаго союза Бедра возникли безпорядки, грозившіе крупными осложненіями, управа сочла необходимымъ обратиться къ губернатору съ ходатайствомъ объ освобожденіи Бедра, а затѣмъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ старалась собравшихся въ городѣ со всѣхъ концовъ уѣзда крестьянъ удержать отъ эксцессовъ, могущихъ вызвать кровопролитія. Задача была не легкая, но ее удалось выполнить, и лица, бывшія въ то время въ Лохвицѣ, удостовѣряютъ, что только благодаря энергичнымъ усиліямъ управы было предотвращено вмѣшательство администраціи, и все это дѣло ограничилось жертвами, пострадавшими при самомъ началѣ безпорядковъ. За свои дѣйствія, проникнутыя дѣйствительнымъ пониманіемъ интересовъ населенія, управа жестоко поплатилась: упомянутые члены ея были арестованы, уволены отъ должностей; предполагалось ихъ сослать, но затѣмъ они были преданы суду. У читателя естественно возникаетъ вопросъ: какъ на такія дѣйствія администраціи реагировали земцы? Очень просто: собрались и избрали новыхъ членовъ управы, безъ всякихъ запросовъ о судьбѣ своихъ избранниковъ. Между тѣмъ, всего только мѣсяцъ передъ тѣмъ лохвицкіе земцы высказались противъ усиленной охраны, административныхъ каръ и проч. Въ этой протестующей противъ введенія въ уѣздѣ усиленной охраны резолюціи особенно подчеркивалась необходимость судебнаго слѣдствія и разбирательства, а теперь членовъ управы собирались ссылать, и земцы молчали...

Я положительно затрудняюсь найти этому поступку эпитетъ, который не былъ бы оскорбителенъ для лохвицкихъ земцевъ, такъ какъ среди нихъ очень много либеральныхъ, умныхъ людей, которые не могли не понять, что своимъ молчаніемъ выражали сочувствіе «усмирителю уѣзда» г. Шипину. Но оставимъ въ покоѣ лохвицкихъ земцевъ—весь этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ, до какого умопомраченія могли дойти культурные люди подъ вліяніемъ односторонняго и узкаго пониманія классовыхъ интересовъ. Спрашивается: чего они добились? Во время нормальнаго функціонированія организаціи крестьянскаго союза въ Лохвицкомъ уѣздѣ актовъ аграрнаго террора тамъ не было, а впослѣдствіи они стали заурядными явленіями. Крестьянскія организаціи на началахъ «мирной борьбы» были замѣнены организаціями революціонными.

VII.

По отношенію къ крестьянскому союзу было принято твердое рѣшеніе во что бы то ни стало уничтожить до основанія эту крамольную организацію. Безпримѣрными жестокостями и злостными издѣвательствами имѣлось въ виду нагнать такой страхъ на кре-

стьянъ, чтобы они дѣтямъ и внукамъ заказали ничего общаго не имѣть съ подобной крамольной организаціей. Мѣстами весь центръ репрессій былъ направленъ именно на крестьянскій союзъ: мнѣ извѣстны два сосѣднихъ уѣзда Полтавской губ.: въ одномъ демократическая интеллигенція организовала крестьянскіе союзы, пропагандировала конституціонализмъ и выкупъ частновладѣльческихъ земель, а въ другомъ господствовали революціонныя партіи, пропагандировали экспропріацію частновладѣльческихъ земель, образовали конспиративныя партійныя организаціи и проч. Впослѣдствіи при репрессіяхъ первый уѣздъ пострадалъ гораздо больше, чѣмъ второй.

Въ чемъ же выразились положительные успѣхи всѣхъ этихъ репрессій? Главный успѣхъ былъ въ изъятіи изъ деревни дѣятельныхъ представителей демократической интеллигенціи и сознательнаго крестьянства, при чемъ арестовывали и ссылали безъ всякаго разбора. Такимъ образомъ, съ арены политической борьбы въ деревнѣ былъ удаленъ тотъ умѣренный элементъ, который своимъ девизомъ пропаганды среди крестьянъ избралъ «мирную парламентарную борьбу», и само собой разумѣется, что этимъ была не только прекращена пропаганда, но дискредитирована до нѣкоторой степени и самая идея «мирной борьбы». Акты насилія и произвола вызывали чувство мести, которое не замедлило проявиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Но вѣдь обезвреживаніе интеллигенціи было въ глазахъ бюрократіи не самоцѣлью, а лишь средствомъ для того, чтобы прекратить развитіе политическаго движенія среди крестьянъ. Былъ ли достигнутъ этотъ результатъ? Обращаясь къ дѣйствительности, намъ не трудно найти отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Для этого даже нѣтъ надобности останавливаться на томъ фактѣ, что силой репрессіи всероссійскій крестьянскій союзъ уничтоженъ не былъ и въ настоящее время имѣетъ свои организаціи во всей Россіи, а нужно установить только то безспорное положеніе, что основы крестьянскаго движенія не были созданы интеллигенціей, и вся ея роль въ немъ была служебная, направленная на установленіе формъ движенія и способовъ борьбы. Отсюда, съ ослабленіемъ участія демократической интеллигенціи, формы крестьянскаго движенія измѣнились и, прежде всего, были пущены въ ходъ старыя формы протеста. Что же касается интенсивности движенія, то она не только не ослабилась, но, напротивъ, усилилась, такъ какъ міросозерцаніе крестьянства обогатилось новымъ весьма эффектнымъ доказательствомъ того, что нужно полагаться на свои собственныя силы, и всѣ надежды на содѣйствіе настоящаго государственнаго механизма должны быть оставлены. Чувство отчаянія, которое охватило крестьянъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ карательныхъ подвиговъ искоренителей крамолы, обыкновенно смѣнялось новымъ подъемомъ политическаго возбужденія.

Главнымъ результатомъ репрессій явилось то, что крестьянское политическое движеніе изъ легальнаго положенія, перешло въ нелегальное, ушло въ народное подполье и облеклось въ формы революціонныя. Соотвѣтственно этому и организаціи крестьянства пріобрѣли революціонный характеръ. Сохранившимъ работоспособность интеллигентамъ и сознательнымъ крестьянамъ предстояли двѣ перспективы: отказаться отъ активной политической дѣятельности въ деревнѣ или перейти къ революціоннымъ методамъ дѣйствій. Въ связи съ этимъ замѣтно возрасло вліяніе революціонныхъ партійныхъ организацій на деревнѣ: на мѣсто разрушенныхъ крестьянскихъ союзовъ стали организаціи, принадлежащія къ революціоннымъ партіямъ *). Для вывода, что репрессіи вызвали сокращеніе размѣровъ политическаго движенія, среди крестьянъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что нелегальное движеніе не можетъ быть учтено такъ, какъ движеніе по организаціи крестьянскихъ союзовъ. Несомнѣнно одно: политическое движеніе въ деревнѣ, пріобрѣвшее въ первыхъ стадіяхъ крестьянскаго союза народный характеръ, все болѣе проникало въ крестьянскую массу и требованіе широкихъ политическихъ правъ сдѣлалось основнымъ фономъ ея правосознанія.

Остается еще оцѣнить вліяніе репрессій на распространеніе тактическихъ пріемовъ борьбы крестьянскаго союза, въ которыхъ землевладѣльцы видѣли столько политическаго и экономическаго анархизма. Какъ показали событія прошлаго лѣта, земледѣльческія забастовки получили гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ въ предыдущіе годы, и можно быть увѣреннымъ, что, въ силу народнаго характера этого орудія борьбы, въ будущемъ возможны, особенно въ юго-западномъ краѣ, новыя стихійныя волны забастовочнаго движенія; въ распоряженіи помѣщиковъ нѣтъ средствъ избавиться отъ этой непріятности. Къ тому же съ каждымъ годомъ забастовочное движеніе среди с.-х. рабочихъ получаетъ все болѣе и болѣе правильную организацію: образуются забастовочные комитеты и проч.

Выше мы указывали на трудности осуществленія бойкота администраціи. Революціонное движеніе среди крестьянъ пошло по иному пути: оно чувствовало себя безсильнымъ смести существующія учрежденія, а потому на ряду съ ними или даже надъ ними создало новыя организаціи, которыя имѣли мѣстами руководящую роль въ жизни деревни. Въ финансовомъ же бойкотѣ произошелъ переворотъ: вмѣсто бойкота стали все чаще и чаще экспропріировать казенныя суммы въ винныхъ лавкахъ.

Ко всему этому прибавился терроръ въ самыхъ разнообразныхъ

*) Замѣчу тутъ, что, характеризуя освободительное движеніе въ деревнѣ, я совершенно не задавался выясненіемъ вліянія на него революціонныхъ организацій; поэтому объ ихъ работѣ и не говорится въ статьѣ.

формахъ, чего не знали помѣщики въ періодѣ функціонированія крестьянскаго союза. По удачному опредѣленію кн. П. Д. Долгорукова на московскомъ аграрномъ съѣздѣ, помѣщикамъ предстояло избрать двѣ дороги: сидѣть въ осажденной крѣпости или пріѣзжать лѣтомъ въ деревню на дачу. Масса помѣщиковъ предпочло первое рѣшеніе, но уже теперь дѣятельность Крестьянскаго банка свидѣтельствуетъ о начавшемся отступленіи въ «порядкѣ». Однако этотъ путь отступленія ненадеженъ, и на немъ легко можно завязнуть со всѣмъ своимъ добромъ...

Всѣмъ изложеннымъ не исчерпывается еще, однако, вліяніе на крестьянство репрессіи. Ужъ если что породило крупную ломку народнаго міросозерцанія, такъ это репрессіи. Жизнь есть лучшій учитель: ничто не могло такъ революціонировать крестьянъ, какъ водворившійся въ деревнѣ бѣлый терроръ. Собственно дѣятельность интеллигенціи послѣ 17 октября по пропагандѣ «свободъ», конституціонализма, крестьянскихъ союзовъ и проч. не только не заключала въ себѣ чего-либо антимонархическаго, но, можетъ быть, даже до нѣкоторой степени укрѣпляла монархизмъ. Съ какою бы отчетливостью ни выяснялось передъ крестьянами происхожденіе этого акта, все таки среди малоразвитой массы представленіе о «милости» трудно было искоренить. Къ тому же интеллигенція очень ужъ упирала на манифестъ 17 октября въ своей пропагандѣ, такъ какъ имѣла неосторожность поддаться увлеченіямъ политическаго романтизма и считала, что условія нормальной политической борьбы обезпечены въ Россіи этимъ актомъ. Ошибочность такого взгляда доказана суровой дѣйствительностью, но кто знаетъ, не будь этой волны политическаго романтизма, можетъ быть, не отдалась бы интеллигенція съ такимъ жаромъ политико-просвѣтительной дѣятельности, и не примкнули бы такія широкія массы къ организованному политическому движенію. При нѣкоторыхъ условіяхъ политическій романтизмъ могъ сдѣлаться господствующей тенденціей, напримѣръ, въ крестьянскомъ союзѣ, и поборники конституціоннаго монархизма могли найти въ немъ извѣстную поддержку. Послѣ періода репрессій всѣ эти иллюзіи политическаго романтизма отошли безвозвратно въ область прошлаго...

Въ настоящемъ очеркѣ я останавливался исключительно на томъ періодѣ политико-соціальнаго движенія въ малорусской деревнѣ, который закончился разгромомъ крестьянскаго союза и прекращеніемъ открытой агитаціи радикальныхъ и революціонныхъ элементовъ. Хотя я и пытался оттѣнить вліяніе репрессіи на дальнѣйшее развитіе движенія, но характеристика новаго періода движенія и участія въ немъ тѣхъ или иныхъ элементовъ не входитъ въ мою задачу. Время для этого еще не настало: движеніе съ колеблющимся темпомъ развивается и на своемъ пути находитъ новыя

формы проявленія. Такое явленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ психологіи крестьянской массы. Вся репрессивная политика построена на пескѣ и вдохновляется кажущимся успѣхомъ, когда населеніе вынуждено изъявить покорность карательнымъ отрядамъ и выдавать «ораторовъ». Но администраторы всѣхъ ранговъ упустили изъ виду одно существенное обстоятельство, это—то, что страхъ по отношенію къ крестьянству является наименѣе дѣйствительнымъ средствомъ воздѣйствія. Масса крестьянства дошла до такого нищенскаго положенія, когда цѣнность жизни, какъ высшаго блага, утеряна. Передъ вѣчно полуголоднымъ крестьяниномъ промелькнули было перспективы лучшаго будущаго, а теперь силой нагаекъ и штыковъ его желаютъ опять вогнать въ старое ярмо рабства. Какъ человѣкъ, которому нечего терять, какъ человѣкъ, приговоренный къ смертной казни, крестьянство ни передъ чѣмъ не остановится въ порывахъ отчаянія. Развѣ можно говорить тутъ о страхѣ? «Штыками и нагайками нельзя накормить голоднаго»,—эту фразу можно встрѣтить во многихъ резолюціяхъ и приговорахъ на Украйнѣ, и въ ней заключается та истина, которую не желаютъ признать гг. землевладѣльцы и правительство. Правительственныя репрессіи безсильны были поэтому остановить народное движеніе: наоборотъ, онѣ скорѣе укрѣпили сознаніе необходимости радикальной ломки существующаго строя. Крестьянство еще далеко отъ той сплоченности и организованности, которыя необходимы, чтобы обезпечить побѣду его стремленіямъ. Быть можетъ, насъ ожидаетъ рядъ горькихъ разочарованій и неудачъ: возможны еще неоднократные разгоны Думы, государственные перевороты, волны общественной реакціи и проч. Нельзя, однако, терять вѣры въ окончательное торжество справедливости. Русское крестьянство дало небывалый въ исторіи примѣръ долготерпѣнія, нужно ожидать, что оно проявитъ и невѣдомое до сего времени упорство въ борьбѣ за «землю и волю».

Р. Оленинъ.

Господинъ и госпожа Молохъ.

Романъ *Марселя Прево.*

Переводъ съ французскаго С. Б.

V.

Господинъ Граусъ съ гордостью показывалъ раскрашенный рисунокъ будущей столовой въ предполагаемомъ отелѣ, по плану берлинскаго архитектора. Она будетъ вся бѣлая, съ колоннами и съ бѣлыми орнаментами въ видѣ струекъ дыма по стѣнамъ. Стулья и столы въ англо-бельгійскомъ вкусѣ... Къ счастью, реализація этого пышнаго плана была отложена на неопредѣленный срокъ, и мы, супруги Молохъ, Грита и я, могли пока завтракать въ старинной столовой старой гостиницы, вокругъ прочнаго стола изъ тюрингенской сосны, на соломенныхъ стульяхъ, сплетенныхъ крестьянами съ Ренштига въ длинные зимніе вечера.

Возлѣ насъ расположились богатыя, любяшія покушать нѣмецкія семьи; передъ каждой изъ нихъ стояли во льду зеленыя бутылки гохгеймера или душистаго мозельвейна.

Стремленіе къ насыщенію царило вокругъ маленькихъ отдѣльныхъ столиковъ и за общимъ большимъ столомъ. Съ каждой супружеской парой, состоящей изъ грудастой и пузатой матери, въ корсетѣ, лопавшемся, казалось, отъ избытка здоровья, и молодого папаши, жирнаго и лысаго, съ розовыми щеками съ свѣтлорусымъ пушкомъ и съ тяжелой цѣпью на животѣ, сидѣло по четыре или пяти свѣжихъ отпрысковъ; дѣвочки, съ глазами цвѣта васильковъ, стрекотали и съ жадностью поглощали жаркое, компотъ и вино. И мнѣ казалось, будто я очутился среди могучаго человѣческаго питомника, съ густо разросшимися вѣтвями.

Г. Молохъ ѣлъ дѣловито, степенно жестикулируя и не переставая вести бесѣду. Онъ говорилъ по-нѣмецки, громко, не боясь быть услышаннымъ, тогда какъ его жена бесѣдо-

вала съ Гритой по-французски, все время не теряя изъ виду своего большого ученаго младенца. Разсѣянный, какъ Амперъ, онъ хватался то за вилку, то за ножъ, то опускалъ ложечку изъ солонки въ горчичницу или наливалъ себѣ уксусу, вмѣсто воды. Онъ, какъ всегда, былъ въ черномъ разстегнутомъ сюртукѣ, въ маленькомъ черномъ галстухѣ на манишкѣ безукоризненной бѣлизны. Его тонкіе бѣлоснѣжные волосы развѣвались по обѣимъ сторонамъ лба. Все его лицо, лицо сверхъ-человѣка-обезьяны, подергивалось гримасами подъ двойными усиліями жевать пищу и не прекращать разговора, а зрачки глазъ съ желтоватыми рѣсницами вращались въ орбитахъ, точно колеса курьерскаго поѣзда.

— А, вы изъ дворца!—говорилъ онъ. Ну, не завидую вамъ, сударь. Нѣтъ ничего смѣшнѣе вообще всякаго двора, а маленькаго нѣмецкаго въ особенности. Я, бесѣдующій съ вами, знаю этотъ ротберговскій дворъ... Я, сударь, „имѣлъ пріѣздъ ко двору“. Въ шелковыхъ чулкахъ и панталонахъ, въ жабо и во фракѣ съ серебряными пуговицами я проходилъ по портретной, охотничьей залѣ, по залѣ оленьихъ роговъ, и еще по какимъ-то, не помню. И я гордился! Я низко склонялся передъ человѣкомъ, въ соціальномъ отношеніи безконечно болѣе ничтожнымъ, чѣмъ какой-нибудь вестфальскій промышленникъ или даже умѣлый лаборантъ. Я такъ низко пригибался, что видѣлъ отраженіе своего лица-царедворца въ натертомъ воскомъ блестящемъ паркетѣ. Между тѣмъ, я не былъ тогда ни дуракомъ, ни подлецомъ... Но я былъ молодъ, и мысль, что сынъ сапожника изъ Ротбэргдорфа имѣетъ доступъ во дворецъ, опьяняла мои мозги... Знаете ли вы, что излѣчило меня отъ этой глупости?

Слова: „Знаете ли вы“ онъ прокричалъ, угрожающе поднявъ въ воздухѣ вилку... Длинная рука г-жи Молохъ тихонько коснулась поднятой руки мужа и нѣжно опустила ее на столъ.

— Излѣчила меня, сударь, война съ Франціей, кампанія, предпринятая противъ вашей страны!.. Начальникомъ моимъ былъ истинный герой, къ несчастью для всей Германіи, процарствовавшій слишкомъ короткое время. Онъ подружился со мной, благодаря тому, что, нуждаясь въ химикѣ для изслѣдованія какой-то подозрительной воды, меня прикомандировали къ его штабу. Ему я обязанъ тѣмъ, что понялъ, какъ можно храбро исполнять своей солдатскій долгъ и въ то же время ненавидѣть войну. Я видѣлъ передъ собой воина-философа, принца-мудреца. Изъ-за того, что онъ обнажилъ мечъ въ защиту своего отечества, онъ не считалъ себя обязаннымъ отринуть наслѣдіе нѣмецкой мысли и нѣмецкой

доброты. Его примѣръ и нѣсколько словъ, сорвавшихся съ его устъ, освѣтили мой умъ... Подымаю бокалъ въ память единственнаго великаго императора новой Германіи: Фридриха III!..

Съ этими словами ученый поднялъ свой бокалъ, сразу выпилъ налитый гохгеймеръ и широкимъ, быстрымъ движеніемъ опустилъ стаканъ на перечницу, разбивъ его на тысячу зеленыхъ кусковъ.

— Эйтель!—прошептала г-жа Молохъ тономъ кроткаго упрека.

Быстро, ловко и молча, съ помощью Гриты и дѣловитаго кельнера, она возстановила порядокъ. Между тѣмъ, г-нъ Молохъ обвелъ вызывающимъ взглядомъ поочередно всѣхъ завтракавшихъ съ нами и отвлеченныхъ этимъ приключеніемъ отъ ѣды.

— Дураки! Ротозѣи!—глухо проворчалъ профессоръ,— точно они никогда не видѣли разбитаго стакана!

Когда все было убрано, онъ, съ необыкновенной живостью поглощая жареное мясо съ компотомъ изъ сливъ, продолжалъ:

— Подъ Орлеаномъ я былъ раненъ, г. докторъ. Пуля, пущенная однимъ изъ вашихъ соотечественниковъ, попала мнѣ въ шестое ребро справа и оставалась тамъ лѣтъ десять. Когда ее извлекли, я повѣсилъ ее на серебряной проволокѣ въ моей лабораторіи въ Іенѣ. А подъ ней сдѣлалъ надпись: „Даръ неизвѣстнаго француза благодарному доктору Циммерману“... Да, сударь, я многимъ обязанъ этой маленькой пулѣ-шаспо! Я вернулся изъ Франціи совершенно преображеннымъ. Война ужасна, она безчеловѣчна. Что цивилизованные люди, какъ мы съ вами, могутъ драться другъ съ другомъ изъ-за того, что дураки-дипломаты сѣяли раздоры, это прямо чудовищно! Такіе люди, какъ вы и я, люди знанія, недавно понимали это. Теперь я не знаю, что дѣлается у васъ; но въ Германіи даже работники въ лабораторіяхъ стали завоевателями. Скоро во всей странѣ я останусь единственнымъ химикомъ, не оттачивающимъ своего меча между двумя взвѣшиваніями элементовъ.

— Сударь,—обратилась къ нему Грита, когда г-жа Молохъ перевела ей послѣднія слова своего мужа, — вамъ извѣстно, какъ я люблю своего брата; я была бы въ отчаяніи, если бы ему пришлось уѣхать на войну. Но, тѣмъ не менѣе, если Францію доведутъ до крайности, — повѣрьте мнѣ,—всѣ мы, мужчины и женщины, рѣшимся на войну.

— Слышите, что она говоритъ? — вскричалъ Молохъ. — Вотъ вамъ состояніе умовъ, въ какое наши воители привели людей обѣихъ странъ! Это прямо удручаетъ. И это въ

XX вѣкѣ! Если бы вы знали, что приходится мнѣ выслушивать отъ моихъ собственныхъ учениковъ въ Іенѣ. А они любятъ и довѣряютъ мнѣ. Имперіализмъ, пангерманизмъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе! Надо забрать Шампань, Франшъ-Контэ, Данію, Швейцарію, Австрію, Марокко, Востокъ... самъ не знаю, что еще! О, какъ они тщеславны! Какъ плохо знаютъ исторію народовъ! Они воображаютъ, что увеличить свое благополучіе за счетъ войны значитъ обезпечить прочность человѣческихъ законовъ и учрежденій. И ни паденіе имперіи Александра Великаго и Рима, ни крушеніе Австріи и Испаніи, ни Наполеонъ, ничто не могло вывести ихъ изъ заблужденія. Они вѣрятъ въ могущество грубой силы! Они не видятъ, что мечъ разрушаетъ то, что создается мечомъ!

Молохъ замолчалъ. Лакеи мѣняли тарелки. Въ большой, накуренной залѣ воцарилось молчаніе.

— Взгляните сюда,—сказала г-жа Молохъ съ улыбкой. Она указала на дверь изъ столовой въ буфетную. Въ эту минуту дверь, скрывъ за собой кельнеровъ, была закрыта. Противъ нея, въ серьезномъ и тревожномъ ожиданіи, какъ боевой генералъ, готовящійся приказать: „резервы впередъ!" стоялъ Граусъ.

Вдругъ звонокъ—и короткимъ, сухимъ жестомъ Граусъ распахнулъ таинственную дверь. По одному, всѣ кельнеры, наконецъ, солдатскимъ шагомъ, выпятивъ грудь, выступили изъ темноты и внесли на металлическихъ блюдахъ жареныхъ рябчиковъ и тѣмъ же военнымъ шагомъ направились каждый къ назначенному для нихъ столу, поднося блюдо такъ, какъ будто отдавали честь оружіемъ.

— Видѣли? — вскричалъ Молохъ. — Эти болваны воображаютъ, что завоевываютъ прибалтійскія провинціи, Тріестъ, или Бургундію, а этотъ Граусъ, по моему, простой прусскій шпіонъ въ мѣстечкѣ, думаетъ, что онъ—Густавъ-Адольфъ или Бонапартъ, потому что выдрессировалъ кельнеровъ, какъ автоматовъ... О, чудныя времена моей юности! Вмѣсто бритыхъ физій и засаленныхъ фраковъ, какія хорошенькія болтуньи радовали нашъ взоръ!..

Такъ разглагольствовалъ профессоръ. Я же думалъ: „Человѣкъ, громко высказывающій такія вещи, не можетъ быть на хорошемъ счету при дворѣ. Конечно, Грита поступила неосторожно, заставивъ меня публично завтракать съ нимъ за однимъ столомъ. Принцъ узнаетъ, благодаря шпіонству Грауса, и все еще болѣе осложнится моей утренней ссорой съ графомъ".

— Такъ вы вышли замужъ, не зная, чѣмъ будете существовать?—спросила Грита, продолжая, параллельно съ нами, вести свой разговоръ съ г-жей Молохъ.

— Да, дѣточка,—отвѣчала старая дама, едва прикасаясь по манерѣ прошлаго вѣка къ бланманже, обильно сдобренному желатиномъ.—Докторъ вынужденъ былъ покинуть Ротбергъ послѣ своей рѣчи противъ захвата французской территоріи. Его объявили врагомъ общественной безопасности... это его-то, поборника порядка, гармоніи, согласія! Его лишили мѣста учителя въ штейнахской школѣ. Это случилось какъ разъ наканунѣ нашей свадьбы: мы встрѣтились съ нимъ въ Штейнахѣ, гдѣ я жила съ матерью и теткой въ старомъ домѣ на площади Ратуши.

— Это, гдѣ стоитъ бронзовый толстякъ верхомъ на конѣ?

— Да... На площади маркграфа Людвига-Ульриха. Моя мать и тетка тогда противились моему замужеству, потому что они тоже повѣрили, что Эйтель хочетъ сжечь Штейнахъ и убить стараго принца... Но я была совершеннолѣтняя,— уѣхала съ ночнымъ поѣздомъ и соединилась со своимъ женихомъ въ Гамбургѣ; тамъ онъ поступилъ на службу къ одному аптекарю... Мы и поженились,—закончила она просто, поднимаясь изъ-за стола, такъ какъ завтракъ кончился.

Мы послѣдовали ея примѣру. Легкимъ движеніемъ сняла она салфетку съ груди мужа: онъ, было, унесъ ее съ собой, заткнувъ въ петлицу, и стряхнула крошки съ отворотовъ его сюртука. Грита, повиснувъ на моей рукѣ, смотрѣла на нихъ съ шаловливымъ любопытствомъ.

— Хотите зайти ко мнѣ, пока мужчины будутъ пить кофе?—спросила старая дама мою сестру. — У меня есть снимки красивыхъ видовъ Германіи, а также портретъ доктора, когда ему было двадцать пять лѣтъ.

Грита съ радостью согласилась. Мы съ профессоромъ усѣлись въ вестибюлѣ, устроенномъ наподобіе площадки; было свѣжо и пріятно. Кромѣ нашего столика, было занято еще два: за однимъ сидѣла цвѣтущая семья: отецъ, мать, три мальчика и дѣвочка; за другимъ, сосѣднимъ съ нашимъ,—два господина, судя по акценту, изъ Ганновера; они спорили и курили. Слышались отрывки фразъ: „промышленный ростъ Германіи... дерзость Англіи... крейсеры... подводныя лодки... Франція была бы заложницей...“

Молохъ долженъ былъ также слышать все это, и я удивился было, что его живая натура не отвѣтила немедленно потокомъ краснорѣчія... Причиной его равнодушія въ этотъ моментъ послужила маленькая зеленая гусеница, занесенная сюда, вѣроятно, на платьѣ одного изъ посѣтителей и теперь ползавшая по краю стола. Молохъ забылъ свой кофе, надѣлъ очки съ выпуклыми стеклами на свой плоскій носъ и погрузился въ созерцаніе маленькаго животнаго: оно то съеживалось, то вытягивалось, то, какъ бы подавая порою

таинственный сигналъ, поднимало свою головку... Наконецъ, онъ осторожно взялъ гусеницу и, посадивъ ее на свою сморщенную руку, показалъ мнѣ, бросая на меня быстрые взгляды изъ-за черепаховой оправы своихъ очковъ.

— Взгляните, докторъ,—сказалъ онъ,—взгляните на это удивительное, маленькое существо. Оно въ недоумѣніи сейчасъ передъ новымъ для себя мѣстомъ, представляемымъ моей открытой ладонью: можетъ быть, никогда еще во всю свою короткую жизнь оно не сидѣло на человѣческой рукѣ. Его зачаточные органы чувствъ пытаются преодолѣть гнетущую ихъ тайну внѣшняго міра. У насъ бываютъ иногда неопредѣленные кошмары, похожіе, вѣроятно, на бодрствованіе этой *canicula virens*... И сейчасъ я открою вамъ такіе горизонты, какіе традиціонная поэзія древности и новѣйшихъ временъ и въ глаза не видала...

Онъ осторожно усадилъ *canicula virens* на кончикъ своего указательнаго пальца. Маленькое зеленое существо обвилось кольцомъ вокругъ его ногтя.

— Посмотрите на это насѣкомое, г. докторъ. Извѣстно ли вамъ, что случай, безконечно болѣе рѣдкій, чѣмъ тотъ, что свелъ насъ съ вами за этимъ столомъ, сдѣлалъ то, что первоначальная протоплазма эволюціей годовъ обратилась въ васъ въ молодого интеллигентнаго француза, а въ этомъ маленькомъ существѣ въ *canicula virens*? Тысячной доли миллиметра разницы между главными элементами, милліонной доли градуса большаго или меньшаго колебанія температуры—и ваша первичная протоплазма измѣнила бы васъ въ созданіе *canicula virens*, а протоплазма *canicula virens*, эволюціонируя по скалѣ организмовъ, обратилась бы или въ юнаго наставника, въ родѣ васъ, или въ меня, демонстрирующаго ее передъ вами.

Онъ всталъ и, подойдя къ обвитой зеленью двери, усадилъ червячка на вѣтку. Потомъ вернулся, но по дорогѣ успѣлъ опрокинуть стулъ со шляпами цвѣтущаго семейства. Пруссаки прекратили свой политическій разговоръ и стали прислушиваться къ намъ.

Молохъ не сѣлъ на мѣсто, а всталъ противъ меня и, размахивая руками, возбужденный и растрепанный, пророчески продолжалъ:

— Волнуетъ ли васъ такъ же, какъ меня, это представленіе чудной лѣстницы твореній, это величіе эволюціи явленій?.. Полагаете ли вы, что какое бы то ни было воображеніе греческихъ поэтовъ съ ихъ смѣшными богами и безпутными богинями, съ хрустальными небесами, весь этотъ ребяческій бредъ можетъ выдержать сравненіе съ могущественнымъ реализмомъ новѣйшей науки, резюмированномъ въ

монистической доктринѣ? Вы этого не думаете, иначе вы были бы умственно убоги... Сударь! Я видѣлъ женщинъ, обыкновенныхъ женщинъ, полныхъ радости и восторга, на моихъ бесѣдахъ о монизмѣ, устроенныхъ мною въ Іенѣ частнымъ образомъ. Гармонія сферъ, очаровывавшая Сципіона,—варварскій скрипъ въ сравненіи съ гармоніей міровыхъ клѣтокъ, находящихся въ постоянной интеграціи и размноженіи, и звучащей въ изощренномъ слухѣ ученаго.

Сюртукъ, бѣлые волосы и руки Молоха двигались въ тактъ его рѣчи, среди глубокаго изумленія цвѣтущей семьи и двухъ гановерцевъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ другому:

— Мнѣ кажется, что это помѣшаный. Дуракъ какой-то.

— И дуракъ опасный,—отвѣтилъ собесѣдникъ.

Ученый ничего не слышалъ, и онъ, безъ сомнѣнія, продолжалъ бы еще передъ нами свою монистическую проповѣдь, если бы г-жа Молохъ и Грита не появились во время на лѣстницѣ, а затѣмъ и въ вестибюлѣ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—вскричалъ Молохъ, когда его старая и кроткая подруга положила руку на его плечо.— Зачѣмъ ты мнѣ вѣчно мѣшаешь?.. Ахъ, г. докторъ! Женщины ужасный impedimentum!.. Ты говоришь, уже три часа? Хорошо... хорошо... знаю... Иду сейчасъ въ лабораторію... Да, да, я самъ просилъ тебя напоминать мнѣ о времени. Ты — добрая и вѣрная подруга... Вотъ и часъ работы, г. докторъ. *Nulla dies otiosa*! Держитесь этого девиза, обдумайте его; онъ обезпечитъ вамъ счастье.

— Твоя чашка кофе,Эйтель,—тихо напомнила старая дама.

— Ахъ, да!

Онъ проглотилъ ее сразу, проливъ половину на свою манишку и жилетъ. Затѣмъ круглымъ жестомъ простился съ присутствовавшими, надѣлъ на разлетавшіеся бѣлые волосы свою высокую шляпу и взялъ руку улыбавшейся г-жи Молохъ. Оба вышли въ освѣщенную солнцемъ дверь: она—тонкая, высокая, спокойная, въ своемъ темно-красномъ платьѣ; онъ,—повиснувъ на ея рукѣ, горбатый, подпрыгивающій, съ растрепанными волосами подъ плоскими полями шляпы, съ разлетающимися полами сюртука и крича во все горло.

Многочисленная семья не находила словъ для выраженія своего изумленія. Оба гановерца подозвали проходившаго Грауса и стали разспрашивать; Граусъ что-то объяснялъ имъ вполголоса. Между тѣмъ, Грита, какъ зябликъ, вылетѣвшій изъ клѣтки, чувствовала себя неспокойно подъ крышей.

— Теперь,—заявила она рѣшительно,—ты долженъ показать мнѣ Ротбергъ.

И, какъ Молохъ своей женѣ, я повиновался Гритѣ. Мы всегда сдаемся нашему женскому *impedimentum*, какого бы цвѣта ни была его голова: свѣтлорусая или сѣдая.

Рядомъ со мной, въ бѣлой кисейной блузѣ, въ сѣрой короткой юбкѣ и въ сѣрой же соломенной шляпкѣ, моя сестренка прошла черезъ курортъ; не безъ гордости замѣтилъ я завистливые взгляды, брошенные на нее женщинами и молодыми дѣвушками. Многія изъ нихъ также были красивы, но, какъ лака картинѣ, чего-то не доставало ихъ красотѣ: элегантности. Обаятельныя четырнадцать лѣтъ моей маленькой парижанки смутили не одинъ женскій покой въ этотъ день.

Прежде всего мы купили два открытыхъ письма съ видами: одно отправили: „m-me Говернэ, учительницѣ въ школѣ Почетнаго легіона въ Вернонѣ"; другое: „m-lle Гранжэ, замокъ де-Салэнъ, въ Лизонѣ, Индра-и-Луара". Исполнивъ эту обязанность, сестренка увлекла меня по извилистой дорожкѣ изъ курорта въ деревню Ротбергъ, расположенную вдоль Роты. Перепрыгивая черезъ камни дорожки, показывая мнѣ то массу своихъ волосъ, то свою свѣженькую, оживленную мордочку, Грита болтала:

— Знаешь, Волкъ, ужасно жалко, что Молохъ такъ похожъ на обезьяну, тѣмъ болѣе, что его исторія съ m-me Молохъ прелестна... Хоть она и старуха, но такая нѣжная, милая, почти безъ морщинъ, и отъ нея пахнетъ такъ хорошо, какъ отъ старинныхъ коробокъ съ духами. Она мнѣ только что показывала своей портретъ, когда она была молоденькой дѣвушкой: на немъ она плохо одѣта, но очаровательна. Я живо представляю себѣ, какъ она ночью выходитъ изъ маленькаго домика съ аспидной крышей и, простившись съ бронзовымъ толстякомъ, уѣзжаетъ соединиться со своимъ женихомъ. Это очень трогательно, мнѣ хочется плакать и расцѣловать ее... Но когда я представляю встрѣчу ея въ Гамбургѣ съ маленькимъ Молохомъ, ожидающимъ ее на вокзалѣ, съ своими растрепанными волосами, въ длинномъ, черномъ сюртукѣ и въ цилиндрѣ (я видѣла и его портретъ въ молодости. Ну, знаешь, тогда онъ былъ еще безобразнѣе, чѣмъ теперь), мнѣ хочется смѣяться. При мысли, что они цѣловались, мнѣ становится почти противно. Это дурно, не правда-ли?

И, повиснувъ на моей рукѣ, она прибавила, сверкнувъ глазами, отразившими ея юную душу:

— Надѣюсь, я не полюблю такого урода, какъ Молохъ...

Правда, Волкъ?.. Впрочемъ, и понятно: я никого не хочу больше любить, кромѣ тебя.

И я чуть не потерялъ равновѣсія отъ стремительнаго поцѣлуя, полученнаго неожиданно въ самое ухо. Онъ оглушилъ меня на добрыхъ пять минутъ, пока мы дошли до первыхъ домовъ Ротбергъ-Дорфа.

Это старинное тюрингенское мѣстечко, разбросанное какъ попало по правому и по лѣвому берегу рѣки. Неожиданные и видимо ненужные закоулки и улочки между домами какъ то никуда не выводятъ. Деревянныя стѣны домовъ, изъ вѣка въ вѣкъ ремонтируемыя заплатами, то промазаны красноватой глиной, то сверху до низу выложены аспидными пластинками. Изъ за невѣроятно крошечныхъ, почти кукольныхъ оконцевъ виднѣются горшки съ цвѣтущей фуксіей, сплошь закрывающей все стекло. Вокругъ каждаго дома садики съ изломанной деревянной рѣшеткой. Растительность садиковъ въ это время года—богато разросшіеся красные цвѣты фасоли.

— Хорошенькая деревушка, — сказала Грита, вдыхая своими розовыми ноздрями запахъ цвѣтущей фасоли.—Немного грязно, но это дѣлаетъ ее живописнѣй. Но гдѣ здѣсь люди? Намъ навстрѣчу попадаются только гуси.

Дѣйствительно, деревня казалась пустынной. Жатва выгнала все населеніе въ поля. Гуси, и въ обычное время составляющіе главную часть населенія, царили теперь на улицахъ и въ садахъ. Они бродили отдѣльными группами, то серьезно шагали рядомъ, не желая знать другъ друга, то останавливались для короткаго общаго разговора.

Нѣкоторые, особенно храбрые, двинулись къ намъ навстрѣчу. Но мы хорошо знали, что они насъ не тронутъ. Ихъ гнѣвъ былъ не настоящій. Они дѣлали только видъ, что сердятся, какъ бы повинуясь чьему-то приказанію. Слушая ихъ, я невольно вспомнилъ о газетахъ „Strasburger Post“ и „Koelnische Zeitung“, и счелъ себя вправѣ обратиться къ нимъ съ увѣщаніемъ.

— Гуси Германіи!—сказалъ я,- неужели и вы получили приказъ и узнаете въ насъ французовъ? Успокойтесь, гуси Германіи, а главное, замолчите. Васъ обманываютъ насчетъ нашихъ намѣреній. Мы не хотимъ отнимать у васъ вашей пищи, ѣсть вашихъ бобовъ и картофеля, ни мѣшать вамъ нести яйца на новой территоріи. Закройте ваши желтые носы, ибо, открытые, они безобразны и издаютъ невыносимое карканье... Вернитесь къ своимъ трудамъ и играмъ! Эти два прохожихъ француза не замышляютъ противъ васъ ничего дурного.

Тяжелыя, длинныя дроги, нагруженныя пирамидой пив-

ныхъ бочекъ, перерѣзали вдругъ площадь, и лязгъ ихъ цѣпей въ одну минуту обратилъ въ бѣгство бѣлую гогочущую стаю. Распустивъ крылья, съ оглушительнымъ шумомъ, гуси бросились въ безпорядкѣ къ Ротѣ.

Мы мирно продолжали нашу прогулку по деревнѣ. Я показалъ сестрѣ нѣсколько домиковъ государственныхъ чиновниковъ, едва отличающіеся отъ прочихъ, а также „дачи" для пріѣзжихъ, сдаваемыя лѣтомъ нѣкоторыми изъ ремесленниковъ. Въ этомъ мѣстѣ Рота становится шире, и въ это жаркое время года со дна ея выступаютъ большіе плоскіе камни. Стаи гусей мирно отдыхали на этихъ сырыхъ камняхъ. Среди нихъ копошились маленькіе деревенскіе ребятишки, розовые и грязные, съ волосами, похожими на паклю, и собирали въ мѣшки и въ корзинки бѣлыя перья и пухъ, выпавшіе изъ гусей на камни Роты. Изъ этихъ перьевъ и пуха на зиму будутъ сшиты теплыя одѣяла, „перины", какъ ихъ называютъ, надѣнутъ на нихъ пикейныя покрышки, и они будутъ защищать отъ холода узкія тюрингенскія постели, постели съ одной простыней, не уютныя, не понятныя для человѣка романской расы.

Въ концѣ деревни дорога уходитъ въ лѣсную чащу, медленно поднимаясь среди березъ и буковъ. Мы пошли по ней. Вскорѣ насъ окружила тайна лѣса, и мы замедлили шаги и умолкли. Грита взяла мою руку и переплела свои пальцы съ моими.

„Никогда я не смогу разстаться съ этой маленькой ручкой, думалъ я. Никогда я не захочу свое благополучіе получить цѣною спокойствія этого ребенка и испытывать радость внѣ ея радости..."

Она какъ бы подслушала мои мысли и, точно желая поблагодарить меня, сильнѣе сжала мою руку. „Въ такомъ случаѣ, что же я дѣлаю?—спросилъ я себя.—Куда я иду, допуская свое сердце испытывать здѣсь нѣчто, похожее на любовь?"

Маленькая ручка, заключенная въ моей, казалось, просила: „Не уходи! Не оставляй меня одну! И для себя самого бойся одиночества, если меня не будетъ возлѣ".

Черезъ полчаса подъемъ привелъ насъ къ открытой дорогѣ. Она поворачивала на лѣво и образовывала высокій карнизъ, вродѣ великолѣпнаго балкона надъ долиной Роты. Отсюда видна была долина, деревня, виллы Грауса и внутренній фасадъ дворца. Виденъ былъ парадный дворъ съ портикомъ въ стилѣ Имперіи, и садъ, гдѣ Грита и принцъ сорвали розы. Нѣсколько минутъ мы любовались чудной декораціей. Потомъ, продолжая молчать, спустились къ Ротбергъ-Дорфу по козьей дорожкѣ, среди буковъ. Проходя по ста-

рому мосту, мы увидѣли, что гуси теперь были уже не единственными обитателями мѣстечка. Люди возвращались съ полей. Солидные тюрингенцы курили трубки на порогѣ своихъ домовъ. Женщины болтали, неся на плечахъ корзинки, тѣ характерныя плетушки, что какъ будто выростаютъ вмѣстѣ съ ихъ обладательницей. Есть совсѣмъ маленькія, прицѣпленныя къ плечамъ подростковъ. Молодыя дѣвушки привѣтливо намъ улыбались и кланялись. Большинство были съ свѣтлыми волосами, не блѣдныя, какъ дѣти, собиравшія гусиныя перья, а съ здоровыми розовыми лицами, лучше всего доказывавшими, что Ротбергъ—климатическая станція.

Когда мы дошли до виллы Эльзы вмѣстѣ съ другими гуляющими изъ курорта, Грита сказала:

— Волкъ, я счастлива. Ты долженъ обѣщать мнѣ, что никогда не покинешь меня.

— Это ты, малютка, бросишь меня,—отвѣтилъ я лукаво.— Развѣ твой мужъ захочетъ дѣлить тебя со мной.

Грита опустила голову и молчала, пока мы не вошли въ наши комнаты.

На моемъ письменномъ столѣ лежало письмо. Я узналъ придворный конвертъ и печать. Письмо было отъ графа, слѣдующаго содержанія:

„Господинъ докторъ,

Благоволите пожаловать сегодня вечеромъ въ девять часовъ въ кабинетъ Его Высочества, желающаго принять Васъ въ частной аудіенціи.

Вашъ покорнѣйшій слуга
Графъ Люціусъ фонъ-Марбахъ“.

„Отлично, думалъ я! Придется получить нагоняй прежде всего за ссору съ графомъ, а потомъ за трапезу съ Молохомъ. Сегодня я не въ миролюбивомъ настроеніи. У меня три тысячи марокъ сбереженій. Если принцъ разозлитъ меня, я уѣду съ Гритой“.

Но при мысли объ этомъ, въ уединеніи въ моей комнатѣ, сердце мое сжалось смутной грустью. На губахъ я почувствовалъ ощущеніе поцѣлуя.

„Неужели же я менѣе свободенъ, чѣмъ думаю?“ спросилъ я себя.

И не зналъ, что отвѣтить.

VI.

Мы ужинали съ Гритой въ общей залѣ. Граусъ, какъ большинство нѣмецкихъ содержателей отелей, не имѣлъ общаго стола по вечерамъ. Всякій, по желанію, могъ полу-

чить ѣду между шестью съ половиной и десятью часами вечера. Грита замѣтила, что каждый членъ семьи заказывалъ себѣ кушанья по своему вкусу, не заботясь объ остальныхъ. Отецъ ѣлъ шництель, мать—яичницу, дѣвочка—холодную ветчину, мальчикъ варенье, и никто не дѣлился другъ съ другомъ. Мы, въ свою очередь, возбуждали любопытство сосѣдей, братски дѣлясь съ Гритой поданными намъ порціями.

Когда я уходилъ на аудіенцію къ принцу, Грита сказала:

— Я иду спать. Воздухъ совсѣмъ опьянилъ меня, и до смерти спать хочется. Когда ты вернешься, обѣщай, что пройдешь черезъ мою комнату и поцѣлуешь меня... даже, если я буду спать.

Я обѣщалъ. Когда я выходилъ изъ двери, Грита издали повторила:

— Даже, если я буду спать!

От „виллы Эльза“ до дворца около трехъ четвертей километра. Я прошелъ это разстояніе пѣшкомъ: ночь была мягкая, свѣжая, почти холодная. Поднявъ глаза, я погрузился въ созерцаніе блестящей карты небесъ, гдѣ разбросанныя звѣзды сверкали золотыми пятнами на темной лазури. Передъ мной, какъ разъ надъ дворцомъ, горѣли Гіады, воспѣтыя еще Гомеромъ. Высоко, высоко между двумя лѣсными вершинами Арктуръ мигалъ своимъ краснымъ окомъ. Мною овладѣло чарующее сознаніе, что я ничтожнѣйшая частица необъятной вселенной, и, дѣйствительно, моя первичная протоплазма превратилась въ зеленую гусеницу Молоха. Мнѣ казалось, что я иду къ другой, такой же гусеницѣ, такой же ничтожной, какъ и я. Учитель французскаго языка очень похожъ на мелкаго нѣмецкаго властелина, когда ихъ обоихъ наблюдаешь съ высоты Арктура. Благодаря этимъ въ высшей степени ободряющимъ размышленіямъ о космосѣ, я, твердымъ шагомъ свободнаго и рѣшительнаго человѣка, вступилъ подъ арку дворца, прошелъ вестибюль и лѣстницу, ведущую къ покоямъ принца.

— Господинъ докторъ Луи Дюберъ!

Провозгласивъ такъ мой титулъ и имя, камердинеръ отворилъ дверь и ввелъ меня въ кабинетъ.

Принцъ сидѣлъ у рабочаго стола, заваленнаго книгами и бумагами, и писалъ. Онъ жестомъ пригласилъ меня подождать. Массивный столъ изъ свѣтлаго дуба, такъ же, какъ и кресло, обитое красной кожей, претендовали на простоту и копировали кабинетъ Вильгельма I въ Потсдамѣ. По стѣнамъ развѣшаны были портреты Фридриха II и послѣднихъ

германскихъ императоровъ. На каминѣ бронзовая статуя въ каскѣ и кольчугѣ должна была изображать императора Гунтера I (ротбергскаго). Принцъ писалъ сосредоточенно. Я стоялъ и ждалъ, развлекая себя ироническимъ разсчетомъ, во что обойдется европейской политикѣ настоящая работа его высочества.

— Садитесь, пожалуйста, г. докторъ,—сказалъ милостиво мой повелитель на прекрасномъ французскомъ языкѣ.

Онъ указалъ мнѣ кресло у своего стола. Я сѣлъ, онъ продолжалъ писать. Это дало мнѣ возможность разглядѣть его очень близко при свѣтѣ лампы подъ абажуромъ, какъ подъ микроскопомъ. Это былъ толстый человѣкъ, съ розоватой кожей, покрытой свѣтлымъ, неопредѣленнаго цвѣта пушкомъ. Синій гусарскій вицъ-мундиръ съ бѣлыми нашивками стягивалъ его съ трудомъ. Волосы, подстриженные щеткой и порѣдѣвшіе на лбу, открывали кожу на черепѣ, покрытую кое-гдѣ прыщиками. Свѣтло-голубые глаза закрыты были въ эту минуту вѣками съ морщинками по угламъ, какъ это бываетъ у близорукихъ отъ привычки щуриться. Охота и скачки на вѣтру и подъ палящими лучами солнца опалили полное лицо, съ сильно развитыми скулами. Надъ воротникомъ рубашки наклоненная шея дѣлилась на двѣ части: на верхнюю—темную и нижнюю ослѣпительно-бѣлую. Темная рука также у кисти рѣзко отдѣлялась отъ остальной своей части.

Во время работы принцъ сильно дышалъ. Его довольно красиво очерченный и благородный ротъ двигался, точно по мѣрѣ писанія онъ произносилъ выводимыя имъ слова, и поднятые кончики его свѣтлыхъ, густыхъ и сильно нафабренныхъ усовъ мѣрно поднимались и опускались, отбрасывая по щекамъ подвижную, нѣсколько комическую тѣнь. Я смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ любопытствомъ сочувствія. Я забылъ его положеніе принца: это былъ человѣкъ, какъ и я, со слѣдами пережитыхъ годовъ, человѣкъ съ семьей и съ привязанностями. И я замышлялъ отнять у него кое-что изъ его достоянія и покоя!..

— Простите меня, г. докторъ,—сказалъ онъ.—Я кончалъ телеграмму къ американскому изобрѣтателю Сильверсмиту, придумавшему очень остроумный способъ приводить автомобиль въ движеніе. Эта телеграмма появится завтра въ „Ротбергской Газетѣ“.

Я поклонился, не воспользовавшись возможностью узнать раньше Европы содержаніе этого интернаціональнаго документа. Принцъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и произнесъ рѣзкимъ тономъ:

— Сегодня утромъ, г. докторъ, у васъ было что-то въ

родѣ... ссоры, или, вѣрнѣе, столкновенія съ гофмаршаломъ, графомъ Марбахомъ?

— Слово столкновеніе слишкомъ сильно, ваше высочество,—возразилъ я.—Графъ приказалъ его высочеству, наслѣдному принцу, отправиться во дворецъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, по своимъ обязанностямъ, я одинъ имѣлъ право давать приказанія моему ученику.

— Да, да! Такія мелкія... распри... возможны при всѣхъ дворахъ... и я предупреждаю васъ, не жалуюсь на это... Онѣ показываютъ, что всякій хорошій слуга ревниво относится къ своимъ обязанностямъ и правамъ... Я не обвиняю васъ... Я не скрылъ этого и отъ графа Люціуса... Надѣюсь...—прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ смущенія: — ваша сестра не сердится больше на него за нѣсколько строгій выговоръ... Хотя по долгу службы онъ былъ въ правѣ пожурить лицо, явившееся въ паркъ безъ позволенія, но я не желалъ бы... чтобы эта молодая особа обвиняла насъ... въ недостаткѣ вѣжливости... любезности. Вы насъ знаете... скажите ей, пожалуйста, что, хотя нѣмецкіе запреты строги, но мы вовсе не варвары.

Все это онъ выговорилъ сразу, тономъ напускной веселости. „Мы не варвары!“ Сколько разъ мнѣ, французу, живущему уже десять мѣсяцевъ въ изгнаніи, приходилось слышать эту фразу отъ мѣщанъ, отъ дворянъ, даже отъ самой принцессы!..

— Разумѣется... эта молодая особа будетъ пользоваться правомъ гулять въ паркѣ все время своего пребыванія здѣсь. Я даже не вижу ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы она разговаривала съ наслѣднымъ принцемъ—вѣдь онъ приблизительно однихъ лѣтъ съ нею? Для него такое общеніе съ француженкой будетъ прекраснымъ упражненіемъ въ языкѣ... Ну, а съ Марбахомъ все улажено. Онъ подастъ вамъ руку при встрѣчѣ. И я желаю... я надѣюсь, что вы окажете ему дружескій пріемъ, не такъ ли?

— Смѣю завѣрить ваше высочество,—отвѣтилъ я съ улыбкой,—что нисколько ни сержусь на графа.

— Прекрасно, прекрасно,—сказалъ принцъ.

Онъ кашлянулъ, провелъ рукою по рѣдкой щеткѣ своихъ волосъ, отодвинулъ и поправилъ лампу. Я догадался, что самое главное впереди. Откинувшись въ креслѣ и устремивъ взглядъ своихъ голубыхъ глазъ прямо на меня, принцъ произнесъ рѣзко, почти строго:

— Говорилъ вамъ профессоръ Циммерманъ, во время вашего общаго завтрака, о своемъ недовольствѣ мною?

— Ваше высочество,—отвѣтилъ я,—прежде всего, долженъ сказать, что только случайность, простая случайная

встрѣча между моей сестрой и г-жей Циммерманъ была причиной нашего совмѣстнаго завтрака. Отказаться отъ приглашенія послѣ того, какъ оно было принято сестрой безъ всякой задней мысли, казалось мнѣ не деликатнымъ по отношенію къ пожилой и симпатичной женщинѣ. Прибавлю еще, что имя вашего высочества не было произнесено ни разу, и я не позволилъ бы, чтобы оно послужило предметомъ какой бы то ни было критики. Профессоръ знакомилъ меня съ своими политическими идеями, разсказывалъ о своей молодости, о женитьбѣ, развивалъ научныя теоріи. Вотъ и все.

— Его молодость! Его теоріи!—повторилъ принцъ съ ироніей, откидываясь на спинку кресла.—Безумецъ этотъ Циммерманъ!

Онъ всталъ и заходилъ взадъ и впередъ по большой комнатѣ. Я также поднялся.

— Какой безумецъ! Онъ могъ сдѣлаться славой Ротберга! Онъ нашелъ бы покровителей въ моемъ отцѣ и во мнѣ. Но онъ предпочелъ поносить имперію, германское объединеніе, великія дѣла незабвеннаго года... О! враги нѣмецкой мощи встрѣчаютъ въ немъ искренняго союзника, и я понимаю, почему онъ остановился на васъ. Но я не потерплю, если онъ снова начнетъ здѣсь свои подвиги, какъ тридцать пять лѣтъ назадъ... Какъ! расцвѣтъ нашей силы и нашего благосостоянія въ теченіе цѣлой трети столѣтія не убѣдилъ его въ мудрости нашихъ отцовъ? Тридцать пять лѣтъ тому назадъ можно было сомнѣваться и говорить: берегитесь, бойтесь чрезмѣрныхъ захватовъ, не слишкомъ зарывайтесь! Но теперь скажите, г. Дюберъ, будьте искренни: развѣ Германія страдаетъ отъ подчиненія прусской гегемоніи? Военный подъемъ развѣ помѣшалъ развитію нашей промышленности и торговли? Развѣ онъ затормазилъ развитіе нашего поколѣнія? Мы по прежнему наиболѣе сильно вооруженная нація въ мірѣ; нашъ торговый флотъ покрываетъ моря. Вся вселенная платитъ дань нѣмецкой промышленности, нѣмецкой торговлѣ, нѣмецкой наукѣ... И вотъ, ученый, Богомъ одаренный наивысшимъ геніемъ, осмѣливается поносить систему, доказавшую, можно сказать, свои превосходныя качества! Во имя не знаю какой соціальной утопіи, онъ возстаетъ противъ солдатчины, противъ деспотизма, противъ прусскаго имперіализма! Онъ проповѣдуетъ международное разоруженіе... Онъ становится апостоломъ какой-то новой религіи, монизма, и мечтаетъ водрузить ее вмѣсто оффиціальной церкви!.. Пусть онъ разглагольствуетъ объ этомъ въ Гамбургѣ или въ Іенѣ, тамъ не отъ меня зависитъ мѣшать ему; но въ Ротбергѣ, у меня, на моей территоріи я рекомендую ему держать свой языкъ на

привязи. Я былъ полонъ снисхожденія къ нему, когда онъ пріѣхалъ сюда во время вашего пребыванія въ Карлсбадѣ. Я смотрѣлъ на него, какъ на согражданина, дѣлающаго намъ честь, и предполагалъ, что годы смирили его. Мнѣ нечего скрывать отъ васъ, что я поручилъ графу привѣтствовать его и пригласить во дворецъ. И представьте, что онъ отвѣтилъ?

Принцъ остановился прямо передо мной.

— Онъ отвѣтилъ, что тронутъ моимъ вниманіемъ и привѣтствуетъ меня въ свою очередь, но что его занятія запрещаютъ ему всякія развлеченія... Вотъ каковъ былъ отвѣтъ его государю Ротберга, г. Дюберъ! Развѣ это называется вѣжливостью? Какъ по вашему, вы живете въ странѣ, кичащейся своей деликатностью?

Когда государи не спрашиваютъ, говорить съ ними воспрещается; когда они задаютъ вопросъ, часто удобнѣе вовсе не отвѣчать. Миніатюрный дворъ, гдѣ я жилъ уже десять мѣсяцевъ, научилъ меня этой осторожности. Но на этотъ разъ увернуться отъ отвѣта мнѣ казалось трусостью, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя замѣчанія принца до извѣстной степени подняли во мнѣ желчь.

— Ваше высочество!—началъ я,—если мое мнѣніе дѣйствительно имѣетъ значеніе...

— Конечно, конечно, имѣетъ значеніе!

— Въ такомъ случаѣ, мое мнѣніе: Циммерманъ просто доктринеръ и упрямецъ. У него не сохранилось ни злобы противъ покойнаго принца, ни ненависти противъ васъ. Онъ думаетъ, что его визитъ во дворецъ можетъ быть истолкованъ, какъ раскаяніе въ прошломъ, какъ отреченіе, и предпочитаетъ уклониться. Это независимость, если угодно вашему высочеству, но къ ней приводитъ съ теченіемъ времени всякое искреннее убѣжденіе!

Принцъ пожалъ плечами. Онъ подошелъ къ книжнымъ полкамъ и съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, какое выказывается, когда думаютъ о совершенно другихъ вещахъ, сталъ разглядывать переплеты. Потомъ онъ сдѣлалъ военный полуоборотъ, какъ на парадѣ, оперся спиною о полки и взглянулъ на меня.

— Въ сущности, вы о нѣмецкой политикѣ думаете то же, что и Циммерманъ.

Я промолчалъ.

— Кромѣ того,—продолжалъ принцъ,—вы (въ области политики, конечно) наслѣдственный врагъ Германіи. Я считаю доктрины Циммермана опасными и вредными именно потому, что онѣ одобряются нашими врагами.

— Ваше высочество, этотъ аргументъ я часто слышалъ

изъ устъ моихъ соотечественниковъ, только въ обратномъ смыслѣ.

— Тѣмъ не менѣе, онъ неопровержимъ.

— Я другого мнѣнія. Спокойные умы и внѣ нашей территоріи находили проекты Наполеона въ 1812 году вредными для Франціи. Они были правы, и рѣдкіе французы-патріоты, думавшіе подобно имъ, такъ же не ошибались.

— Такимъ образомъ теперь, — спросилъ иронически принцъ,—вы совѣтуете Германіи быть сговорчивой и мирной, сдѣлаться маленькой?

— У меня нѣтъ никакихъ правъ давать совѣты Германіи. Но именно потому, что я посторонній человѣкъ, я, быть можетъ, яснѣе вижу положеніе Германіи среди другихъ государствъ. И Германія мнѣ представляется въ условіяхъ, менѣе благопріятныхъ для мира сегодня, чѣмъ была вчера, потому что стала внушать большія опасенія.

— Въ чемъ можно упрекнуть Германію?

— Ваше высочество!

— Говорите, говорите! Нѣмецкій собесѣдникъ умѣетъ относиться объективно къ чужому мнѣнію.

„Какъ могъ бы нѣмецъ поддерживать споръ,—подумалъ я,— если бы изъ его лексикона вычеркнуть слово „объективность".

— Ваше высочество, — произнесъ я громко, — Германію упрекаютъ въ томъ, что своему счастью она придала вызывающій характеръ, надѣлавшій столько вреда Франціи до 1870 года. Читайте независимыя газеты всего міра, онѣ выражаютъ этотъ упрекъ. Нѣмецкая имперія стала пангерманской, выражаясь моднымъ жаргономъ. Между тѣмъ, что такое пангерманизмъ?

— Очень просто: объединеніе въ одно государство всѣхъ народовъ нѣмецкой національности и нѣмецкаго языка.

— Гораздо больше, ваше высочество! Въ мечтахъ пангерманистовъ кроется стремленіе навязать нѣмецкій духъ, нѣмецкую иниціативу всей Европѣ, или, по меньшей мѣрѣ наивозможно большему числу европейцевъ. Эта мечта ясно выражается у болѣе смѣлыхъ вашихъ публицистовъ. По ихъ мнѣнію, только одна нѣмецкая нація имѣетъ право распространенія. Нѣмецкая мораль выше всѣхъ моралей. Нѣмецкая сила должна устрашать всякую другую силу.

— Браво, браво!—воскликнулъ принцъ съ знакомымъ мнѣ смѣхомъ радости. Я наблюдалъ его у него и у другихъ нѣмцевъ; и всякій разъ этотъ смѣхъ оскорблялъ и огорчалъ меня: въ немъ есть что-то животное, что-то *неразумное*.

— Вотъ видите, ваше высочество!—вскричалъ я.—Таково и ваше мнѣніе. Это грозитъ страшнымъ недоразумѣніемъ съ

другими народами. Ибо, увѣряю васъ, что лично я, далеко не воинственный человѣкъ, готовъ скорѣе перенести всѣ случайности, чѣмъ покориться нѣмецкой культурѣ, нѣмецкой морали, нѣмецкой силѣ. Чѣмъ сдѣлаться гражданиномъ нѣмецкой Европы, я предпочитаю совсѣмъ перестать быть европейцемъ!

Неужели я перешелъ границы? Одну минуту у меня мелькнула было эта мысль, потому что принцъ вдругъ сильно покраснѣлъ, точно ему грозилъ ударъ. Я замѣтилъ, что кончики его усовъ надъ верхней губой стали подергиваться. Сильнымъ напряженіемъ воли, напружившимъ жилы на его вискахъ, онъ сдержался. Ему хотѣлось показать жалкому латинцу, какимъ я былъ, силу своей германской души.

Его гнѣвъ разрѣшился методическимъ перестанавливаніемъ предметовъ на письменномъ столѣ. Затѣмъ, очень тихо и какъ бы отрывисто онъ сказалъ:

— Повторяю вамъ, г. Дюберъ, что такой взглямъ на Германію у иностранца, и въ особенности у француза, извѣдавшаго тяжесть германскаго меча, меня не удивляетъ. Признайте кстати, что то, что вы сказали, оправдываетъ недовѣрчивость Германіи къ ея сосѣдямъ... Но духъ критики и недовѣрія, естественный у иностранца, мнѣ кажется нетерпимымъ у нѣмца. Видайтесь, сколько вамъ угодно, съ *вашимъ другомъ* докторомъ Циммерманомъ... но посовѣтуйте ему быть осторожнымъ въ поступкахъ и въ словахъ. Когда исповѣдуешь такія идеи, то опасно имѣть дѣло со взрывчатыми веществами.

При послѣднихъ словахъ онъ засмѣялся и овладѣлъ собой.

— Я шучу, вы меня понимаете, конечно. Я не считаю Циммермана анархистомъ. Его идеи, по моему, гораздо опаснѣе его динамита. Пусть онъ воздержится отъ демонстрацій во время пребыванія въ Ротбергѣ, и я избавлю его, съ своей стороны, отъ всякой симпатіи, даже отъ проявленія простой вѣжливости. Вы передадите ему это, не правда ли?

Произнося эти слова, онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза твердымъ, повелительнымъ и властнымъ взоромъ. Я поклонился.

— Я на это разсчитываю и потому не вижу никакого неудобства въ вашихъ сношеніяхъ съ нимъ. До свиданія, г. Дюберъ, возвращаю вамъ свободу; передайте вашей сестрѣ мое сожалѣніе и извиненіе по поводу утренняго инцидента.

Возвращаясь на виллу „Эльза“, я не любовался больше небесной звѣздной картой, которая поблѣднѣла передъ восходомъ луны, не показавшейся еще изъ-за черныхъ горъ, но поглощавшей уже мало-по-малу мерцаніе звѣздъ. Я шелъ, низко склонивъ голову.

„Годъ тому назадъ, думалъ я, когда мы разглагольствовали въ небольшомъ собраніи на улицѣ Грезъ у моего друга Лесперо съ Эрбелэномъ, свѣтлорусымъ Жанкуромъ, Марини и другими молодыми, богатыми и культурными буржуа, если бы кто-нибудь изъ насъ произнесъ слова, слышанныя мною только что отъ принца Отто, то на него посыпались бы сарказмы и шиканье всѣхъ остальныхъ. „Слово патріотизмъ,—сказалъ тогда Эрбелэнъ, точно такъ же, какъ слова добродѣтель и совѣсть, позоритъ того, кто его произноситъ, воображая выразить имъ что-нибудь.“ И я со всѣми остальными членами кружка одобрялъ это мнѣніе. Что сказали бы мои друзья теперь? Что сказалъ бы самъ Эрбелэнъ послѣ оскорбительнаго поведенія нѣмцевъ въ марокскихъ событіяхъ?.. Эволюціонировали ли они такъ же, какъ и я, только издали слыша „рычаніе чудовища“?

Размышляя въ такомъ духѣ, я дошелъ до виллы, гдѣ наружная дверь никогда не запиралась на ключъ: курортъ сохранилъ еще простоту старой Германіи. При свѣтѣ зажженной свѣчи я поднялся на лѣстницу и прошелъ въ переднюю. Комната Гриты была прямо, моя налѣво. Согласно обѣщанію, я зашелъ къ ней, поцѣловалъ ея разбросанные по подушкѣ темные волосы, и направился въ свою комнату.

Она была такъ ярко освѣщена взошедшей, наконецъ, луной, что я погасилъ свой жалкій свѣтильникъ. Все облито было бѣлымъ свѣтомъ: я легко двигался и все различалъ въ комнатѣ вокругъ себя.

Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось спать. Я вышелъ на террасу и сѣлъ возлѣ перегородки, отдѣлявшей насъ отъ сосѣдей: мнѣ казалось, что мирный ночной пейзажъ успокоитъ мои еще нѣсколько взбудораженные нервы. И, дѣйствительно, глядя на эту волшебную декорацію, освѣщенную мечтательнымъ свѣтомъ, глухое возбужденіе, оставшееся во мнѣ отъ разговора съ принцемъ, мало-по-малу улеглось... Мысли опять направились въ сторону ироніи. Во мнѣ вспыхнуло желаніе хорошенько отомстить этому феодалу-нѣмцу.

„Онъ не скрываетъ, что смотритъ на меня, какъ на врага... ха, какъ на врага!.. Большимъ же дуракомъ я буду, если еще стану обременять себя упреками совѣсти!“

Вдругъ я услышалъ, что за перегородкой у моихъ сосѣдей открылась балконная дверь и донесся шелестъ платья

профессорши. Затѣмъ послышалось: *„Komm Schatz“*, произнесенное вполголоса.

Трогательный призывъ *Schatz* — сокровище — обращенъ былъ къ Молоху. Подвижной старичокъ, дѣйствительно, вышелъ къ женѣ.

— *Wunderschön!* -- сказалъ онъ, всматриваясь въ живописный пейзажъ.

— *Wunderschön!*—повторила она.

Изъ своего убѣжища я слышалъ, такимъ образомъ, разговоръ старой четы. Сознаюсь, одну минуту меня это смущало... Но какъ уйти незамѣченнымъ? Боязнь показаться нескромнымъ принуждала къ еще большей нескромности. Къ тому же, скажу правду: разговоръ моихъ сосѣдей вскорѣ заполонилъ меня. Они бесѣдовали вполголоса, какъ подобаетъ въ ночной тиши. Они говорили прекраснымъ, чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, съ нѣсколько устарѣвшими оборотами въ устахъ г-жи Молохъ, и точными и образными выраженіями ея мужа. Перегородка, раздѣлявшая насъ, скрывала отъ меня печальный видъ старости; и порою мнѣ казалось, что я слышу возлюбленную Вертера, бесѣдующую съ Заратустрой.

Вотъ что говорили они:

-- Дай мнѣ твою руку, мое сокровище, — начала она,— я люблю тебя. Я счастлива, что вмѣстѣ съ тобой и какъ бы твоими глазами смотрю на эти окрестности, гдѣ пробудилось мое сердце... Благодарю тебя за это счастье... А ты доволенъ, что явился сюда?

— Я счастливъ, дорогая моя,—отвѣтилъ онъ.

— Любовь, родившаяся среди этихъ вѣчно зеленыхъ лѣсовъ, подобно имъ, не боится времени. О! чудный край!..

— Да, очень красиво,—замѣтилъ онъ.—Эти линіи уступовъ, игра свѣта и тѣней очаровываютъ человѣческій взоръ, и наше удовольствіе заключается именно въ гармоническомъ упражненіи нашихъ внѣшнихъ органовъ чувствъ. Глазъ человѣка при всякомъ движеніи встрѣчаетъ здѣсь удовлетвореніе, хотя дворецъ, самъ по себѣ, необыкновенно безобразенъ. Это—казарма и госпиталь. Все претенціозно, полно стремленія господствовать, быть виднымъ издалека, заставить подчиняться себѣ.

— Перестань, мое сокровище!.. Не говори дурно о дворцѣ! Онъ мнѣ нравился, когда я была маленькой дѣвочкой, и еще не знала тебя. Если у меня теперь болѣе изысканный вкусъ, благодаря твоимъ урокамъ, и я вижу недостатковъ стиля и гармоніи, то все же настаиваю, что дворецъ служитъ дополненіемъ къ природной красотѣ этого мѣста. Безъ него оно много бы потеряло.

— Правда, уродливыя вещи, удачно расположенныя, помогаютъ иногда красотѣ ансамбля, какъ ложныя доктрины могутъ быть иногда благодѣтельны въ примѣненіи. Тѣмъ не менѣе, обитатели этого дворца подвергаются его дурному вліянію. Въ сердцѣ Ротбергъ-Штейнаха съ тѣхъ поръ, какъ это уродливое зданіе пріютило ихъ, завелся солдафонъ и шарлатанъ. Какую иллюминацію можно было бы устроить на вершинѣ этого холма изъ этой дряни! Толстый, начиненный, какъ франкфуртская колбаса моимъ „цецилитомъ"— и вдругъ: пафъ!.. Чудный фейерверкъ!

Молохъ расхохотался, и мнѣ показалось, что онъ подскочилъ на балконѣ.

— Умоляю тебя, моя любовь!—вскричала жена,—не говори ничего подобнаго. Такой сострадательный, лучшій изъ людей, ты не можешь желать разрушенія, смерти, раззоренія чего-нибудь... Представь себѣ пустоту, оставшуюся на мѣстѣ замка, куда направляются теперь наши любящіе взоры!

— Ты права. Во мнѣ, дорогая, сохранилось что-то такое, что любитъ еще эту массу песчанника и графита: несомнѣнно, его образъ составляетъ часть моихъ воспоминаній, т. е. часть меня самого... Ну, не будемъ его разрушать!.. Пусть населеніе Ротберга заклеймитъ его равнодушіемъ. Пусть оно выгонитъ оттуда его смѣшныхъ жильцовъ, эту ничтожную принцессу, этого балаганнаго принца, бутафорскаго маршала, этихъ дамъ, лакеевъ, горничныхъ и охрану.

— Что же станется съ жителями Ротберга, мой другъ, если дворецъ опустѣетъ?—замѣтила г-жа Молохъ.

— Пусть они обратятъ его въ храмъ. Почему же нѣтъ? Въ храмъ науки, въ храмъ во славу эволюціи. Мы создали въ Іенѣ нѣчто въ родѣ скромной монистической капеллы, благодаря содѣйствію моихъ вѣрныхъ друзей и учениковъ: Гертѣ Эфенгофъ, Францу Капиту, Альберту и Михелю. Вообрази, дорогая, наподобіе нашему, огромное народное собраніе въ этомъ обширномъ зданіи!.. Въ этомъ храмѣ, вмѣсто изображеній святыхъ, будутъ художественныя произведенія красотъ природы. Между высокими колоннами, окруженными ліанами, гибкія пальмы и древовидные папоротники будутъ напоминать творческую силу тропиковъ. Въ огромныхъ акваріумахъ у оконъ, изящныя медузы и сифонофоры, кораллы и морскія звѣзды будутъ представлять чудныя формы жизни моря. На мѣстѣ алтаря будетъ стоять Уранія, позволяющая по движенію небесныхъ тѣлъ судить о всемогуществѣ закона субстанціи. Пастыри новаго философскаго культа будутъ демонстрировать его передъ вѣрующими. Монистическая мораль будетъ преподаваться дѣтямъ и укрѣпляться въ умахъ взрослыхъ. Союзы съ соблю-

деніемъ особой торжественности будутъ праздновать здѣсь свое единеніе на почвѣ вѣчнаго культа. Ибо этой нѣмецкой расѣ необходима вѣра и обряды, дабы она исповѣдывала религію, соотвѣтствующую даннымъ науки и законамъ разума!..

Г-жа Молохъ молчала. Нѣкоторое время чудная ночная тишина одна только сосредоточивала въ себѣ жизнь вселенной... И въ этой тишинѣ, мнѣ казалось, *я слышу* раздумье старой дамы: ея мысли, естественно подчиняясь умственной дисциплинѣ мужа, все же съ умиленіемъ обращаются къ прошлому, къ религіи ея дѣтства. И слова, высказанныя ею послѣ долгаго молчанія, подтвердили мою догадку.

— Вспомни, мое сокровище, нашу первую встрѣчу на порогѣ церкви св. Іоганна въ Штейнахѣ! Я выходила изъ церкви съ своей старой, набожной теткой въ день Троицы, какъ Маргарита Фауста.

— А я съ веселыми, далеко ненабожными однокурсниками разглядывалъ хорошенькихъ, какъ ты, молоденькихъ дѣвушекъ, выходившихъ изъ церкви св. Іоганна?

— Въ этотъ день, Эйтель, я въ первый разъ увидѣла взглядъ твоихъ глазъ,—единственный, не похожій на другіе... И подумать, что мнѣ дано счастье одной только обладать этими глазами и глядѣть въ нихъ всю жизнь!.. Есть ли у кого лучшая доля, мой другъ?

— Да, въ тотъ день когда я увидѣлъ племянницу фрау Таубе спускающеюся со ступенекъ св. Іоганна, я также почувствовалъ велѣніе судьбы, какъ ты говоришь, т. е. геній продолженія рода властно приказалъ мнѣ соединиться съ тобой. Я съ наслажденіемъ поддался иллюзіи вѣчной обольстительной Майи... Я извѣдалъ увлекательныя игры въ ея земномъ раю, сентиментальныя прогулки, тайныя свиданія, тревожную безсонницу въ разлукѣ и безумныя желанія!.. О! сладостное обольщеніе!.. И какъ милосердна природа, ниспославъ его бѣдному человѣчеству!

— Не называй этого обольщеніемъ, Эйтель! Есть ли что-нибудь реальнѣе любви? Это единственная дѣйствительность въ мірѣ. Кто не знаетъ ея или пренебрегаетъ ею, едва ли живетъ полной жизнью... Видъ св. Іоганна, статуи Спасителя и стараго моста черезъ Роту заставляетъ биться мое сердце.

— А переулокъ, соединяющій площадь Ратуши съ улицей Людвига, гдѣ я въ первый разъ заговорилъ съ тобой наединѣ...

— А эта дорога въ Ротбергъ, гдѣ мы совершали наши прогулки...

— А кабачекъ подъ ратушей, гдѣ я поссорился со сту-

дентомъ изъ Іены, легкомысленно отозвавшимся о твоей красотѣ...

— Любовь моя! Ты тогда дрался изъ-за меня! И я одна пришла въ твою студенческую квартиру, когда узнала, что ты раненъ въ голову...

— Не слишкомъ опасно, если тебѣ пришлось спасаться отъ меня, оставивъ въ моихъ рукахъ обрывокъ твоей косынки!

— Какъ я на тебя разсердилась тогда, Эйтель!..

— И съ какимъ трудомъ мнѣ удалось добиться вторичнаго свиданія!.. Для этого понадобились преслѣдованія принца... О! маленькая поклонница традицій! Какъ глубоко вбили тебѣ въ голову предразсудокъ стыдливости!

— Ты сожалѣешь объ этомъ? Развѣ счастье твое не было полнѣе въ Гамбургѣ послѣ свадьбы, когда ты прижалъ къ сердцу непорочную молодую дѣвушку, сохранившуюся для тебя?

— Конечно, потому что, если умъ мой свободенъ отъ предразсудковъ, то мои чувства и инстинкты все еще хранятъ завѣты предковъ. И долго еще, пока не совершится освобожденіе природы, предсказанное нашимъ Гете, мы будемъ чувствовать въ себѣ броженіе инстинктовъ, предразсудковъ предковъ, какъ бродятъ привидѣнія въ домѣ.

Супруги умолкли, и нѣсколько времени я слышалъ только журчаніе Роты въ глубинѣ долины и немного учащенное дыханіе ученаго. Полная луна плыла теперь надъ долиной по блѣдному небосклону. Ясно выступили очертанія горъ, волшебная зелень луга, блестящія струи Роты и деревья съ неподвижной листвой... Вокругъ яркаго свѣтила звѣзды казались только серебряными каплями... И снова легкій, какъ дыханіе, раздался голосъ г-жи Молохъ:

— Эйтель!.. любовь моя! какъ очаровательна природа вокругъ насъ... и какъ я чувствую себя частицей ея красоты! Можетъ быть, и есть гдѣ-нибудь болѣе красивые виды, что мнѣ до нихъ? Этотъ пейзажъ *нашъ*, часть насъ самихъ, и она умретъ съ нами. Чудный, родной уголокъ! Дорогая Германія!

— Да, дорогая Германія! Мое сердце, какъ и твое, Цецилія, при видѣ этой природы, вибрируетъ въ унисонъ съ таинственной гармоніей, именуемой въ цѣломъ: Германія... Германія, это—великія мысли, благородныя чувства, добродѣтельные и героическіе поступки нѣмецкой расы. Германія велика. Мы, нѣмцы, несравненные мыслители. Мы боролись одинъ на одинъ съ чернымъ Фафнеромъ метафизики. Мы его разсѣкли и выпотрошили. Мы были также выносливы и трудолюбивы: мы сдѣлали плодоносной безплодную почву,

обильно оросивъ ее нашимъ потомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы были и солдатами, стойкими борцами: прежде—на жалованьи у принцовъ, а потомъ и для защиты своей родины... И теперь мы всегда готовы защищать дорогую родину. Но тѣ, кто дѣйствительно любятъ Германію, не мечтаютъ сдѣлать изъ нея воинственный народъ на жалованьи у Гогенцолерновъ. Германія, твое истинное царское величіе не въ оружіи! Т ои воины терпѣливы, дисциплинированы: свою честь они полагаютъ въ ненависти къ войнѣ. Мы не хотимъ промѣнять скипетръ поэзіи и мысли на тщеславный скипетръ, какой носили варвары, въ родѣ Чингисъ Хана.

— Продолжай, Эйтель, говори! Мнѣ кажется, что твой голосъ—голосъ самой Германіи, и что эта долина говоритъ вмѣстѣ съ тобой.

— Вглядись хорошенько въ эту долину, Сесиль! Она чисто-нѣмецкая и символизируетъ новѣйшую Германію. Уланъ горделиво воздвигъ здѣсь свой вертепъ. Онъ—пруссакъ, представитель разбойничьей силы. А я, я простой гражданинъ, стою передъ нимъ, и онъ смотритъ на меня, какъ на ничтожную букашку. Но когда имя этого Отто будетъ погребено въ общей могилѣ, гдѣ тлѣютъ его забытые уже имъ самимъ знаменитые предки, мое имя останется на устахъ потомства, ибо его имя—олицетвореніе силы, а мое — символъ мысли. Да, здѣсь стоятъ лицомъ къ лицу двѣ Германіи. Оставимъ филистерамъ прославленіе торжества нѣмецкой силы: я хочу вѣрить въ торжество нѣмецкой мысли. Германія грёзъ, поэзіи, анализа, о, истинная, святая Германія, я остаюсь твоимъ рыцаремъ!

Такъ говорилъ Молохъ. Г-жа Молохъ молчала, но нѣжный шелестъ шелковой ткани обнаружилъ, что она подошла къ мужу, и до меня донесся звукъ поцѣлуя... Было ли то вліяніе романтическаго часа и мѣста, или мое воображеніе возбуждено было возвышенными рѣчами супруговъ, но за деревянной перегородкой, раздѣлявшей балконъ, мнѣ представилось, что слили свои уста молодые люди: юный студентъ и граціозная дѣвушка изъ Штейнаха; онъ съ своими свѣтлыми волосами подъ беретомъ, со шрамомъ на щекѣ, съ живыми движеніями талантливаго юноши, она, съ блѣдностью восторженной дѣвственницы, съ повязкой мадоны и въ бѣлой косынкѣ, цѣломудренно покрывающей ея стыдливо трепещущую грудь.

Они ушли въ свою комнату, не произнеся болѣе ни слова, и затворили ставни и окна. Тогда я всталъ съ своего мѣста, откуда слышалъ ихъ разговоръ, и, въ свою очередь, облокотился на баллюстраду балкона. И вотъ, въ абсолютной тишинѣ, гдѣ едва слышно было журчаніе рѣки, въ этомъ загадочномъ свѣтѣ, проникавшемъ еще въ долину отъ луны, готовой уже скрыться за лѣсистую вершину, до меня до

неслись начальные аккорды прелюдіи. Звуки лились изъ открытыхъ оконъ темной комнаты дворца...

Нѣжная Эльза! Она посылала мнѣ призывъ, хотѣла сказать, что думаетъ обо мнѣ, любитъ меня...

Послѣ трогательнаго разговора старыхъ супруговъ, нѣмецкая кротость вновь овладѣла мною въ эту памятную ночь. Какъ расплату за жестокость Отто, Германія даетъ мнѣ романтическую грацію живописной ночи, горячность мысли, трогательное пониманіе любви и дивное могущество науки.

Молохъ правъ, думалъ я. Что значитъ надменно надутый маленькій принцъ, даже самъ императоръ-феодалъ, съ зачесанными кверху усами,—что значитъ все это въ сравненіи съ соединенными силами природы, науки, любви?.. Молохъ правъ. Воинственная Германія—фальшивая и преходящая Германія. Настоящая Германія, это—вѣчная Германія Канта и Шопенгауэра, Германія Шарлотты и Вертера, Германія *Интермеццо*. Это Германія безсмертнаго волшебника звуковъ, сумѣвшаго въ самомъ трогательномъ искусствѣ слить всѣ остальныя. Да сгинетъ воинственная Германія! И пусть всѣ народы міра привѣтствуютъ эту привилегированную родину мысли и гармоніи и вмѣстѣ съ Молохомъ воскликнутъ:

— Дорогая Германія!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Испытывали ли вы когда-нибудь, проснувшись утромъ въ обычный часъ, ощущеніе, что, для удовлетворенія физической потребности, выспались вполнѣ достаточно и все же не хотите освободиться отъ сна, хотите, напротивъ, уйти въ него, скрыть въ немъ смутную тревогу наступающаго дня, пробуждающейся жизни?

На своей узкой, довольно неудобной тюрингенской кровати я проспалъ, однако, добрыхъ семь часовъ. Уже давно, въ полузабытьи, я слышалъ звуки голосовъ на балконахъ сосѣднихъ виллъ, шаги на лѣстницахъ, крики дѣтей, доносившіеся до меня съ улицы. Было шумнѣе обыкновеннаго. Несмотря на навѣсъ надъ террасой, комната вся залита была солнечнымъ свѣтомъ: сквозь закрытыя нарочно вѣки, я видѣлъ внутри себя розовый свѣтъ... Вдругъ я почувствовалъ прикосновеніе къ своимъ волосамъ свѣжихъ губъ Гриты, внезапно подбѣжавшей къ моей кровати.

— Лѣнтяй!—воскликнула она,—уже десять часовъ, а ты еще въ постели! Ужъ не потому ли, что сегодня праздникъ?..

И тебѣ не стыдно?.. Я сейчасъ тороплюсь пить кофе и потомъ съ г-жей Молохъ пойду смотрѣть приготовленія. Прощай!

Пробормотавъ что-то въ видѣ протеста, я повернулся къ стѣнѣ... Слова Гриты: „праздникъ"... „приготовленія"... сдѣлали то, что мнѣ еще сильнѣе захотѣлось уснуть. „Блаженный сонъ, думалъ я, ангелъ-покровитель противъ грядущихъ неизвѣстныхъ, можетъ быть, недобрыхъ часовъ, обойми меня, дай мнѣ въ наступающемъ днѣ чувствовать только его прозрачность, проникающую сквозь мои сомкнутыя вѣки, его свѣжесть конца лѣта, проскальзывающую черезъ полуоткрытое окно. Сонъ, не покидай меня!.. Я не могу припомнить, что тревожитъ, пугаетъ меня въ моемъ пробужденіи. Это не физическая немощь, ибо кровь живо и свободно струится по моимъ здоровымъ членамъ. Это не предчувствіе личнаго несчастья: я ничего не боюсь со стороны мужчинъ, а улыбки женщинъ сулятъ мнѣ ласки, даже любовь. Причина моей безсознательной тревоги какая-то неопредѣленная и глубокая, я не знаю, что это такое, я забылъ о ней въ теченіе ночи, ибо я не могъ бы уснуть, если бы помнилъ... Окутай меня, блаженный сонъ, продли мое забвеніе..."

Вдругъ я вздрогнулъ на своей постели и совершенно очнулся... Со стороны дворца грянулъ пушечный выстрѣлъ, и радостные клики отвѣтили ему съ виллъ, съ площади, со всего курорта. Глаза мои были широко открыты: солнце заливало мою комнату; на террасѣ, колеблемый утреннимъ вѣтромъ, развѣвался флагъ и отбрасывалъ тѣнь въ глубину комнаты. И сразу я понялъ, почему не хотѣлъ просыпаться, несмотря на очаровательно ясный день, на веселую улицу, несмотря на призывъ Гриты и на мое обѣщаніе присоединиться къ принцессѣ Эльзѣ въ фазаньемъ домикѣ...

Сегодня 2 сентября, день Седана.

Если сегодня грянулъ пушечный выстрѣлъ со дворца; если дѣвченки и мальчишки Ротбергъ-Дорфа разодѣлись по праздничному, хотя сегодня только среда; если голубое знамя Ротбергъ-Штейнаха развѣвается между моимъ балкономъ и балкономъ Молоха; если сѣрые и бѣлые гуси гогочатъ въ Ротѣ шумнѣе и нахальнѣе; если, наконецъ, сегодня въ полдень, въ присутствіи двора и народа въ Тиргартенѣ, при барабанномъ боѣ и при звукѣ рѣчей откроютъ гипсовую статую Бисмарка, въ ожиданіи бронзовой, отливаемой въ Канштатѣ,—то все это потому, что тридцать пять лѣтъ тому назадъ въ такой же ясный солнечный день пало 17.000 французовъ, а 117.000 не имѣли другого выбора, какъ только или безцѣльно умереть, или сдаться. Ихъ генералъ подписалъ капитуляцію, сдавшую Вильгельму I всѣхъ этихъ побѣжденныхъ страдальцевъ съ ихъ орломъ, со знаменемъ, съ оружіемъ и со шпагой и судьбой императора.

Сегодня во всей Германской имперіи празднують эту побѣду.

Вмѣстѣ съ готической азбукой школьники и едва начинающія болтать дѣти научаются чтить это событіе прошлаго. Въ этотъ день, разсказываютъ имъ, Германія возродилась изъ своего пепла. Старая Германія уступила. Передъ удивленнымъ міромъ молодая Германія подняла свой мечъ.

Это *Sedanstag*.

Какъ встревожено мое сердце! Пока я вставалъ и одѣвался, счастливый тѣмъ, что былъ одинъ и могъ разобраться въ своихъ смутныхъ ощущеніяхъ, довольный, что возлѣ меня нѣтъ даже Гриты, склонной задавать вопросы и вглядываться въ мое лицо, я старался объяснить себѣ причину своей тревоги.

Сколько разъ 2 сентября повторялось уже въ моей жизни, не измѣняя моей беззаботности и веселья среди веселья и безучастья остальныхъ французовъ. Понималъ ли я даже смыслъ этой даты? Понимали ли ее окружавшіе меня? Это число искренно забыто, намѣренно отброшено и никогда въ прежніе годы не мѣшало ни моей прогулкѣ въ Булонскомъ лѣсу, ни тонкому завтраку съ пріятелями, ни дневнымъ свиданіямъ, ни вечернимъ развлеченіямъ. Чтобы къ словамъ: „2 сентября“ присоединилось слово „Седанъ“, я долженъ былъ пріѣхать сюда къ побѣдителю, чтобы его вызывающее довольство, послѣ столькихъ лѣтъ, оскорбило меня, причинило физическую боль. Развѣ я виноватъ, что Макъ-Магонъ не догадался о фланговомъ обходѣ Фридриха-Карла? что онъ необдуманно стѣснилъ себя желѣзной дорогой и повернулъ къ Седану, къ страшно неудобному мѣсту для военныхъ дѣйствій, что 31 августа, въ ту минуту, какъ непріятель уже окружалъ его, онъ подписалъ приказъ: „Завтра отдыхъ для всей арміи!“ А на завтра была битва при Седанѣ, превысившая значеніе Павіи и Ватерлоо...

Моя ли это вина, что въ семь часовъ вечера генералъ Вимпфенъ неблагоразумно лишилъ командованія Дюкро, сумѣвшаго, тѣмъ не менѣе, спасти остатки арміи? Моя ли вина, что ослѣпленіе въ тотъ день охватило всѣхъ, кто управлялъ судьбою Франціи? Виноватъ ли я, наконецъ, въ томъ, что императоръ еще съ середины августа страдалъ почечнымъ кровотеченіемъ?

Я родился въ то время, когда все это кануло уже въ безвозвратное прошлое. Запоздавшая скорбь ничего уже измѣнить не можетъ. Скорбитъ ли моя душа въ годовщину Азинкура, Трафальгара? Ликуетъ ли она въ дни празднованія Бувиня, Пате, Аустерлица?.. Жизнь превратилась бы въ кошмаръ, если бы прошлое вѣчно выдвигало свою тѣнь. Я отвѣчаю только за себя самого: исторія только моей жизни, исторія моей родины только въ теченіе моей жизни

со своими печалями и радостями достаточна для удовлетворенія моей способности къ душевнымъ волненіямъ. Назадъ, призраки исторіи! Я хочу оставить мертвыхъ погребать мертвыхъ".

Такъ разсуждалъ я, стараясь въ то же время, съ напускнымъ хладнокровіемъ и методичностью, застегивать пуговицы своей сорочки, выбирать платье въ шкафу и завязывать и закалывать галстухъ... И чтобы доказать самому себѣ, что призраки не одолѣваютъ меня, я принялся насвистывать новѣйшую пѣсенку нѣмецкихъ уличныхъ мальчишекъ: *Habt Ihr nicht den kleinen Kohn gesehen?..* Но вдругъ рука моя дрогнула: я накололся на золотую булавку въ галстухѣ. Со стороны замка раздался новый пушечный выстрѣлъ и громомъ раскатился по долинѣ Роты.

Сегодня 2 сентября, день Седана!

Напрасно разумъ мой приводилъ всѣ доводы, воля побѣдителя властно запрещала мнѣ смѣшивать этотъ день съ другими печальными днями. Пушки, побѣдныя знамена, процессіи ветерановъ, громкіе крики дѣтей,—все говорило мнѣ о реальности моего пораженія, не только какъ объ историческомъ воспоминаніи, но какъ о жестокомъ фактѣ настоящаго. Забыть? Какъ могу я забыть?.. Побѣдитель ежегодно кричитъ мнѣ: „въ этотъ день я разбилъ тебя, я тебя сокрушилъ." И если онъ кричитъ такъ грубо, то я отлично понимаю, что при этомъ онъ и думаетъ: „я разбилъ тебя, и съ тѣхъ поръ ты не можешь подняться, и я не допущу тебя встать."

Пусть! не будемъ разсуждать болѣе. Будемъ такъ же назойливы, какъ и побѣдитель. И такъ какъ это напоминаніе о наслѣдственной враждѣ вывело изъ оцѣпенѣнія меня, побѣжденнаго, то на сегодня, по крайней мѣрѣ, я снова стану врагомъ. И одинокій въ станѣ побѣдителя, я буду представителемъ побѣжденныхъ. Я не скроюсь за стѣнами своей комнаты изъ опасенія, чтобы не сказали: „этотъ французъ даже показаться не смѣетъ"... Всѣ увидятъ меня. Я отвѣчу тому, кто заговоритъ со мной, и сумѣю указать мѣсто дерзкому, если онъ осмѣлится перейти границы.

Звуки трубъ съ площади заставили меня подойти къ окну въ комнатѣ Гриты.

Сѣдой трубачъ, веселый и еще сильный, выводилъ кричащія рулады на своемъ инструментѣ. Позади этого Тиртея, по направленію къ замку, шагала группа обывателей, при чемъ нѣкоторые, съ искривленными ревматизмомъ ногами, едва поспѣвали за веселыми прыжками музыканта. Ихъ было человѣкъ двѣнадцать горцевъ, въ праздничныхъ одеждахъ, съ лавровыми вѣтвями на шляпахъ и съ желѣзными крестами на груди. Нѣкоторые, для большей торжественности, облеклись въ перевязи изъ лавровъ. Длинный, безбородый юноша,

очевидно сынъ одного изъ героевъ, несъ впереди знамя. Толпа ротберговскихъ ребятишекъ провожала ихъ своими криками и возгласами „ура“. Изъ оконъ виллъ женщины махали платками; мужчины безъ сюртуковъ, съ намыленными подбородками и съ бритвами въ рукахъ высовывались на улицу и кричали „Hoch!..“

Защищенный рѣшетками ставень, я видѣлъ, какъ грузныя спины воиновъ удалялись по направленію къ замку... Я думалъ и о ихъ соотечественникахъ, рожденныхъ на французскомъ берегу Рейна и поднявшихъ оружіе противъ нихъ. Многихъ теперь уже нѣтъ въ живыхъ. Тѣ же, что пережили ихъ, страдали подъ жгучимъ солнцемъ 1870 г. и леденящимъ холодомъ 1871 г. Они такъ же шли, какъ автоматы, по приказу своихъ начальниковъ; шли километры за километрами, съ пустыми желудками, съ тяжелой ношей на плечахъ, полусонные, лихорадочно-возбужденные, галлюцинирующіе... Они стрѣляли, еле скрытые за стволами деревьевъ, за выступомъ почвы, въ туманную, мелькающую вдали массу, указанную имъ, какъ на врага. Многіе изъ нихъ, раненые, пережили часы отчаянія на полѣ битвы, ужасы военныхъ госпиталей, дизентерію, тифъ. Все, что вынесли эти ветераны Германіи, одинаково выстрадали и ветераны Франціи, до такой степени, что въ теченіе шести мѣсяцевъ войны Михель и Жакъ Бономъ безъ ущерба могли бы помѣняться своей судьбой.

Тѣмъ не менѣе, сегодня 2 сентября состарившійся Жакъ тащитъ телѣжку или ковыряетъ своимъ инструментомъ, какъ и каждый день, тогда какъ Михель, одѣтый въ сукно и лавры, Михель, украшенный крестомъ и медалями, идетъ въ охотничій залъ чокаться съ принцемъ Отто и вернется домой съ лишнимъ талеромъ въ карманѣ.

Ветераны Франціи, не надо было дать побѣдить себя!

Воины скрылись, я полуоткрылъ окно и выглянулъ на улицу. Весь курортъ ликовалъ: желтыя знамена съ черными орлами, голубыя—съ бѣлыми развѣвались легкимъ вѣтеркомъ, пропитаннымъ ароматомъ сосенъ. Люди были въ праздничныхъ одеждахъ: суконные сюртуки и свѣжее бѣлье. На небѣ ни облачка, погода такая, какую Граусъ называетъ императорской погодой. На башенкѣ дворца пробило половина десятаго.

Только половина десятаго! О, Боже, какой будетъ длинный день! Я вспоминаю распредѣленіе его... Мое свиданіе съ принцессой назначено въ четверть одиннадцатаго въ фазаньемъ павильонѣ, въ Тиргартенѣ. Прогулка будетъ продолжаться до завтрака. Памятникъ Бисмарку откроется въ три часа дня. Принцъ съ иронической улыбкой предупредилъ меня,

что не разсчитываетъ на мое присутствіе при церемоніи. На его раздражительно-насмѣшливый тонъ я отвѣтилъ, что, наоборотъ, буду на торжествѣ, потому что интересуюсь нравами враговъ. Но съ принцессой у насъ было рѣшено, что я просижу въ павильонѣ, пока дворъ и чиновничество будутъ парадировать на эстрадѣ. Вечеромъ, послѣ ужина, я вернусь къ себѣ, чтобы избѣжать иллюминаціи, фейерверковъ, попоекъ и шума.

Въ теченіе этого долгаго дня предвидѣлась одна любопытная интермедія. На противоположной стѣнѣ была наклеена красная рукописная афиша, гласившая, что послѣ церемоніи докторъ Циммерманъ, профессоръ іенскаго университета, сдѣлаетъ сообщеніе въ кафѣ Руммера „о днѣ Седана и о задачѣ Эльзасъ-Лотарингіи". Бѣдный Молохъ! У него не будетъ ни одного слушателя! Пожалуй, не болѣе пяти членовъ соціалъ-демократическаго союза Ротберга, если только не явится къ нимъ подкрѣпленіе изъ Литцендорфа. Но дадутъ-ли ему говорить? Съ какимъ видомъ читаютъ эту афишу ротберговцы и обитатели виллъ! Какъ они пожимаютъ плечами! Господа въ редингготахъ и высокихъ шляпахъ, появившіеся уже на площади, обмѣниваются негодующими замѣчаніями... Но что это?.. Вотъ идетъ полевой сторожъ, исполняющій также обязанности полицейскаго. Въ сопровожденіи любопытныхъ повѣсъ, онъ несетъ въ рукахъ горшокъ съ клеемъ и съ кистью, а на рукѣ — нѣсколько длинныхъ полосъ печатной бумаги. Вотъ онъ остановился передъ красной афишей; гуляющіе на приличной дистанціи, подобающей представителю власти, собрались вокругъ него. Сторожъ, безстрастный и методичный, смазалъ клейстеромъ бумажную полосу желтаго цвѣта и съ помощью кисти наклеилъ ее по діагонали на красную афишу. Когда онъ удалился, то любопытные, и я въ томъ числѣ, прочитали отпечатанную крупными буквами надпись: *Behördlich untersagt*—воспрещено начальствомъ.

„Бѣдный Молохъ, думалъ я, проходя, нѣсколько минутъ спустя, мимо перечеркнутой афиши по направленію къ парку въ фазаній павильонъ... Право, для ученаго и философа онъ слишкомъ наивенъ! Вообразить, что принцъ, въ день открытія памятника, составляющаго его гордость, потерпитъ лекцію объ уничтоженіи празднованія дня Седана и нейтрализаціи Эльзасъ-Лотарингіи!.. Бѣдный Молохъ!"...

Сердце мое симпатизировало честному, пылкому старцу въ его борьбѣ съ уланомъ, какъ онъ называлъ принца. Мой разумъ также говорилъ мнѣ, что война ужасна, что безсмысленно рѣзать другъ друга изъ за того, что здѣсь *ch* произносится иначе, и что случайно родился на другомъ берегу рѣки...

Но, увы! сколь слабыми казались мнѣ всѣ доводы логики передъ бурной радостью на нѣмецкой землѣ по случаю празднованія годовщины побѣды. И съ сознательнымъ отвращеніемъ къ самому себѣ, я долженъ былъ признать, что, родись я нѣмцемъ, то сегодня также былъ бы за принца и грубо одобрялъ эту ужасную желтую полосу на красной афишѣ: *Behördlich untersagt!*

Отъ курорта до Тиргартена минутъ двадцать ходьбы, сначала по дорогѣ въ Альтендорфъ, а потомъ по тропинкѣ черезъ зеленый лугъ, видный съ моей террасы. Пройдя каменный мостъ черезъ быструю Роту, тотчасъ же вступаешь въ величественную рощу, окружающую фазаній павильонъ.

Эта почти исключительно буковая роща покрываетъ отдѣльный горный уступъ. Болѣе полтораста лѣтъ тому назадъ принцъ Эрнстъ собственноручно насадилъ ее; поэтому она не имѣетъ безпорядочнаго вида окружающихъ лѣсовъ. Экипажи въѣзжаютъ сюда по широкимъ аллеямъ; тропинки вьются въ чащѣ правильными изгибами. Каменныя скамейки располагаютъ къ размышленію, чтенію и отдыху. На поворотѣ одной изъ дорогъ павильонъ, сложенный изъ бревенъ и вѣтвей, украшаетъ искусственно устроенную лужайку. Порою, сквозь просвѣты вѣтвей мелькаетъ старинная статуя во вкусѣ XVIII вѣка, зеленая, почернѣвшая, источенная сыростью, отъ недостатка солнечнаго свѣта... Душа единственнаго философа изъ суроваго рода Ротберговъ витаетъ еще въ этомъ уголкѣ княжескихъ владѣній. Съ благоговѣніемъ сохраняется и поддерживается скамья, гдѣ онъ сидѣлъ и читалъ Руссо, Вольтера, энциклопедистовъ; незатѣйливая часовня въ честь Творца, высшаго Начала вещей, гдѣ мѣсто алтаря занимаетъ окно съ видомъ на широкій пейзажъ. Самый фазаній павильонъ былъ однимъ изъ его „безумій“. Онъ выстроилъ въ немъ театръ на подобіе Тріанона. Маленькія комнатки верхняго этажа служили для ужиновъ и любви, потому что актрисы иногда засиживались въ фазаньемъ павильонѣ, и имя Гомбо, балерины, родомъ изъ деревни Шальо близъ Парижа, до сихъ поръ извѣстно въ маленькомъ княжествѣ. Гомбо три года жила въ павильонѣ, ни разу, однако, не попавъ во дворецъ.

Оригинальная физіономія покойнаго принца Эрнста прельстила меня сразу, и мало по малу онъ сталъ моимъ близкимъ знакомымъ, почти другомъ. Всѣ его портреты были мнѣ извѣстны, я читалъ всю его переписку; я мечталъ даже заняться ближайшей зимой небольшой работой объ этомъ симпатичномъ властителѣ, съ покатымъ лбомъ, съ длиннымъ и умнымъ носомъ, съ насмѣшливыми глазами и съ чувственнымъ ртомъ.

„Благодарю, дорогой принцъ, говорилъ я ему, поднимаясь по небольшой покатости къ фазаньему павильону благодарю за мирное убѣжище, уготованное вашему будущему историку въ этотъ мрачный день, среди воинственнаго шума... Въ ваше время происходили славныя битвы, но никто не считалъ обязательнымъ продолжать борьбу путемъ грубостей послѣ заключенія мира. Напротивъ, старались любезно забыть о пораженіяхъ врага, а о своихъ собственныхъ неудачахъ слагали пѣсенки. О, мыслитель, столь храбро сражавшійся у Росбаха и Гохкирха, что однажды, какъ говорятъ, когда французская бомба разорвалась у вашего бивуака, гдѣ вы писали письмо къ Гомбо, вы, стряхивая съ него пыль, воскликнули: „Чортъ побери! вотъ ужъ догадливые французы: мнѣ совсѣмъ не нужно песку"... дорогой принцъ-философъ, благодарю васъ за это убѣжище, благодарю за эту тѣнь, теперь болѣе густую и могущественную, нежели въ ваше время: она хоть отчасти укроетъ меня отъ побѣдоноснаго нахальства вашихъ потомковъ... Принцъ Эрнстъ, мой наперсникъ и другъ, признаюсь, многое въ современной Германіи мнѣ непріятно и сердитъ меня, внушая сильное желаніе переправиться по ту сторону Вогезовъ и снова жить на моей родинѣ, дорогой Франціи. Я бы не дожилъ здѣсь даже до дня Седана, если бы одна милая особа изъ вашей семьи не привязала меня къ Тюрингіи до такой степени, что заставила забыть мою злобу"...

Размышляя такимъ образомъ, я дошелъ до полдороги къ фазаньему павильону. Въ этомъ мѣстѣ, густо затѣненномъ буками и огороженномъ олеандровыми деревьями въ цвѣту, зимою сохраняющимися въ оранжереѣ, стояла „скамья философа", вся источенная червями, много разъ исправленная, и защищенная отъ непогодъ довольно уродливымъ навѣсомъ. Несмотря на лѣсную тѣнь, ходьба разгорячила меня. Я осмѣлился присѣсть на достопамятную скамейку. Я вытеръ потъ съ лица и, опустивъ голову на руки, закрылъ глаза, наслаждаясь шелестящей прохладой этого утра въ лѣсу. Я на самомъ дѣлѣ чувствовалъ, что воздухъ проникаетъ въ мои жилы, какъ нѣчто нѣжное, усыпляющее, и, вливая въ нихъ избытокъ силы и жизни, заставляетъ цѣпенѣть... Покатость, устланная опавшими листьями, съ убѣгавшею колоннадою буковъ, стала тихо кружиться, буки смѣшиваться и сливаться передъ моими закрытыми глазами... Вдругъ—вижу: рядомъ со мной сидитъ принцъ-философъ, въ башмакахъ съ серебряными пряжками и въ красныхъ чулкахъ; на немъ лиловыя панталоны, сюртукъ съ огненно-желтымъ плюшевымъ жилетомъ, высокій галстухъ и парикъ съ небольшой косичкой. Въ рукахъ онъ держитъ желтую трость съ золотымъ набалдашникомъ и саксонскую табакерку. Насъ раздѣляетъ только его треуголка, положен-

вая на скамейку. Принцъ нисколько не изумленъ моимъ сосѣдствомъ... Онъ даже фамильярно заговорилъ со мною, точно угадывая мои мысли.

— Мой юный другъ,—послышался его голосъ,—я согласенъ, что интрижка съ женой моего внука очень пріятное развлеченіе въ вашемъ изгнаніи. Я не буду читать вамъ нравоученій. Мои взгляды на отношенія половъ очень снисходительны. Къ тому же, я не прочь, чтобы этотъ солдафонъ Отто былъ немножко... (тутъ принцъ произнесъ очень правильно одно чисто французское выраженіе). Во всякомъ случаѣ, мой опытъ долженъ предостеречь вашу молодость отъ послѣдствій этой интриги. Моя внучка романтична и, сверхъ того, хранитъ старые завѣты нѣмецкой честности: ей претитъ измѣна мужу подъ кровлей и даже на территоріи супруга, и она начинаетъ придумывать разныя увертки... Вы улыбаетесь? Вамъ, молодому двадцати-шести-лѣтнему французу, льститъ проектъ бѣжать на край свѣта съ влюбленной принцессой? Но подумали ли вы о положеніи бѣднаго учителя, похитившаго принцессу, а съ принцессой—ея брилліанты и ея ренту?

— Ваше высочество,—отвѣтилъ я,—если принцесса соблаговолитъ допустить похищеніе, то неизбѣжно покинетъ во дворцѣ свою ренту и свои брилліанты. Я здоровъ и энергиченъ. Прокормить жену у меня хватитъ силъ.

Принцъ, поднесшій къ носу понюшку табаку, такъ сильно расхохотался, что разбрызгалъ табакъ по своему плюшевому жилету.

— Мой юный другъ,—сказалъ онъ,—вы, конечно, не будете утверждать, что принцесса Эльза удовольствуется на всю жизнь вашимъ ничтожнымъ заработкомъ разорившагося буржуа, достаточнымъ для ея пропитанія въ обрѣзъ, и одной прислугой для домашняго обихода.

— Но развѣ она не любитъ меня?

— Гм!

— По крайней мѣрѣ, она ведетъ себя такъ... Каждую минуту нѣжныя записочки, свиданія, тайныя объятія... Правда, нѣтъ ничего еще рѣшительнаго...

— Знаю, знаю,—замѣтилъ принцъ.

— Будетъ излишнимъ признаться вашему высочеству, что все это, льстившее раньше одному моему тщеславію, въ концѣ концовъ тронуло мое сердце. И теперь, если бы не дни Седана и если бы вашъ внукъ Отто не раздражалъ меня своимъ нѣмецкимъ патріотизмомъ, я чувствовалъ бы съ Эльзой нѣчто похожее на счастье.

Принцъ покачалъ своимъ парикомъ.

— Молодой человѣкъ! Молодой человѣкъ! Плохая ваша затѣя. Вы готовы забыть, что принцесса и учитель не могутъ быть долговременными любовниками, въ особенности

когда принцесса нѣмка, а учитель—французъ... Я былъ хитрѣе и могущественнѣе васъ и испробовалъ нѣчто гораздо болѣе легкое: я пытался обладать француженкой... Цѣлыхъ три года ваша землячка m-lle Гомбо упорно старалась любить меня, и я, въ свою очередь, старался заставить ее любить себя... Замѣтьте, что физически мы нравились другъ другу, и я, по нравамъ и культурѣ, былъ французъ, насколько имъ можетъ быть человѣкъ, родившійся среди этихъ мрачныхъ горъ. Все шло хорошо, пока восторги чувствъ держали насъ въ опьяненіи. Но послѣ проведенныхъ здѣсь шести мѣсяцевъ обнаружилась наша полная противоположность. Все раздражало насъ другъ противъ друга. У насъ возникали частыя ссоры по самому ничтожному поводу. Для мѣста жительства своей возлюбленной я отвелъ фазаній павильонъ и весь паркъ, гдѣ мы теперь сидимъ. Она же была одержима однимъ честолюбивымъ стремленіемъ: жить непремѣнно во дворцѣ... Тщетно я объяснялъ ей, что мои предки съ незапамятныхъ временъ относились съ уваженіемъ къ этому почтенному жилищу, что жители Штейнаха соединятся съ жителями Ротберга и прогонятъ меня, если я обезчещу этотъ пріютъ любовными похожденіями. Она не покидала своей мысли. „Нѣтъ, мой дорогой Робертъ (такъ упростила она имя Ротбергъ) или я буду спать подъ пологомъ императора Гунтера, или возвращусь въ Шальо“. И никакъ я не могъ втолковать этой дѣвушкѣ, не глупой, между прочимъ, что постель нѣмецкаго императора не мѣсто для любовницы, хотя бы она была изъ Шальо... Она упрекала меня въ грубости, въ привычкѣ, непреодолимой для меня по натурѣ: въ минуты самыхъ горячихъ объятій давать ей всякія клички на моемъ родномъ языкѣ. „Называй меня по-французски, какъ хочешь, говорила она, я понимаю всякія выраженія страсти у мужчинъ; но твой лошадиный діалектъ... отнимаетъ у меня всякое удовольствіе“... Милостивый государь, вы образованный человѣкъ, скажите, можно ли владѣть собой въ такія минуты?.. Легко представить себѣ, чѣмъ все это кончилось: Гомбо добилась таки того, что не выдержалъ мой мирный характеръ; но на вспышки моего гнѣва она стала отвѣчать насмѣшкой... я такъ и не узналъ, что она думала въ тѣ минуты, но мы, нѣмцы, болѣе всего на свѣтѣ ненавидимъ иронію. Въ Парижѣ, среди вашихъ ученыхъ, я еще переносилъ ее, мнѣ казалось, я понималъ ее. У себя же, въ Тюрингіи, на ея насмѣшки я сталъ отвѣчать по-прусски: кулаками. Наконецъ, Гомбо надоѣлъ мой арапникъ, и она бѣжала изъ моихъ владѣній съ однимъ изъ моихъ псарей. Они уѣхали въ Баварію, гдѣ, я увѣренъ, дуралей былъ повѣшенъ, а она попала въ любовницы къ банкиру... Я же впослѣдствіи написалъ французскіе стихи объ этой измѣнѣ, и мои размышленія привели къ пониманію, что иначе и быть не могло: нѣ-

мецкій наслѣдственный принцъ не можетъ сойтись съ молодой потаскушкой изъ Шальо безъ того, чтобъ изъ этого не вышло тысячи столкновеній, какихъ можно было бы избѣжать, родись принцъ въ Версали, или потаскушка въ Рудольштатѣ.

И принцъ, довольный собою, взглянулъ на меня своими сѣрыми глазами.

— Ваше высочество,—отвѣтилъ я, нѣсколько задѣтый,—но разстояніе между учителемъ и принцессой гораздо меньше, чѣмъ между принцемъ и потаскушкой?

— Оно меньше съ французской точки зрѣнія. Вы произвели революцію во всемъ. Мы же сохранили свои взгляды. Впрочемъ, вы не такъ поняли меня, если думаете, что главное препятствіе я вижу въ различіи положеній. Главное—въ различіи расъ или, какъ вы говорите, кажется, на новѣйшемъ жаргонѣ: въ чуждой душѣ.

— Пусть такъ... Но еще одно замѣчаніе. Ваше высочество и m-elle Гомбо чувствовали другъ къ другу одно только грубое физическое влеченіе; принцесса же любитъ меня.

— Хе!—возразилъ принцъ, играя крышкой своей табакерки.—А вы?

— Я, монсиньоръ... Я тоже люблю ее!

Человѣкъ въ лиловомъ камзолѣ такъ расхохотался, что я привскочилъ на скамейкѣ и, забывъ соціальное различіе, далъ бы оплеуху дерзкому философу, если бы вдругъ двѣ руки не опрокинули меня назадъ и, закрывъ мнѣ глаза, не задержали мой порывъ... Я сталъ отбиваться и этимъ разогналъ свой сонъ, навѣянный на меня мирнымъ уголкомъ. Сдѣлавъ энергическое усиліе, я вскочилъ, обернулся... и очутился лицомъ къ лицу съ Гритой: она стояла по другую сторону скамейки и хохотала во все горло, а мой юный ученикъ Максъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея весело наблюдалъ меня.

— Вотъ такъ славно! Г. докторъ заснулъ на скамейкѣ, едва поднявшись съ постели! Уже цѣлый часъ, какъ En-herbe и я занимаемся литературой.

Максъ пожалъ мнѣ руку. Фамильярность Гриты по отношенію къ своему царственному другу быстро перешла всякія границы.

Изъ слова Erbprinz: наслѣдный принцъ, она сначала сдѣлала prince-en-herbe, а потомъ и вовсе: en-herbe. Правда, она звала его такъ только наединѣ или при мнѣ. Максъ не протестовалъ: я не замѣчалъ даже знакомыхъ мнѣ внезапныхъ вспышекъ дикаго нрава его предковъ, время отъ времени появлявшихся подъ врожденной кротостью. Максъ былъ плѣненъ Гритой. Въ своемъ переходномъ четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ моя хорошенькая сестра, я догадывался, представлялась ему первымъ очаровательнымъ воплощеніемъ женщины.

— Представьте, г. докторъ,—сказалъ онъ,—мнѣ самому нѣсколько разъ случалось засыпать на этой скамьѣ философа! По моему, въ этомъ виноваты эти кусты олеандровъ... И каждый разъ я видѣлъ во снѣ своего прадѣда принца Эрнста въ его лиловомъ камзолѣ... Простите, что мы разбудили васъ. Моя мать уже въ фазаньемъ павильонѣ и ждетъ васъ.

Мы всѣ вмѣстѣ направились по песчаной дорогѣ. Максъ слегка опирался на мою лѣвую руку. Грита держала меня за правую. Они тащили меня впередъ съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, и ихъ перекрестная болтовня окружала меня, какъ кольцо грацій.

— Принцъ Максъ, скажите моему брату, что я начинаю хорошо произносить *ch*.

— Да... когда вы говорите, выходитъ очень красиво... красиво и трогательно, какъ говоръ маленькихъ дѣтей... А я дѣлаю успѣхи во французскомъ языкѣ?

— Вы говорите немного лучше, и это благодаря мнѣ.

— И господину доктору.

— Нѣтъ, только мнѣ; мой братъ не достаточно васъ муштруетъ... Знаешь, Волкъ, — перемѣнила она предметъ разговора,—въ фазаньемъ павильонѣ куча флаговъ и эстрада, покрытая краснымъ бархатомъ съ золотой бахромой. Статуя, закутанная въ бѣлый коленкоръ, похожа на огромный пряникъ. Все это удивительно не красиво. Не правда ли, enherbe?

Максъ надулся. Его огорчила критика Гриты, направленная противъ роскоши и вкуса его владѣній.

— Мѣсто красиво... Красивыя деревья и домикъ очень граціозенъ!.. Слышите: верховой!—вдругъ воскликнулъ онъ.

Мы насторожились. Въ глубокой лѣсной тиши послышался топотъ быстро спускавшейся по косогору лошади, фыркавшей и кусавшей мундштукъ. На первомъ же поворотѣ мы узнали маіора на его кобылѣ Доротеѣ.

Максъ бросилъ мою руку и зашагалъ по военному. Лицо его приняло выраженіе враждебной скрытности, знакомой мнѣ съ первыхъ дней моего учительства. Графъ Марбахъ круто остановилъ свою лошадь въ десяти шагахъ отъ насъ.

— Ваше высочество!—позвалъ онъ.

Максъ приблизился къ нему прусскимъ шагомъ, съ рукою, въ видѣ раковины, у козырька.

— Вы потрудитесь, ваше высочество,—сказалъ графъ,—принять на себя командованіе отрядомъ, назначеннымъ для отданія воинскихъ почестей передъ памятникомъ. Приказъ его высочества!

Я замѣтилъ, какъ на лицѣ Макса дрогнули мускулы. Маіоръ поклонился и тѣмъ освободилъ его. Онъ тронулъ свою лошадь и, проѣзжая мимо Гриты и меня, поклонился намъ съ напускной вѣжливостью.

Вернувшись ко мнѣ, Максъ нѣсколько времени молчалъ.

— Онъ знаетъ, что я не хотѣлъ командовать на этомъ парадѣ,—сказалъ онъ, спустя нѣкоторое время,—и отецъ мой позволилъ мнѣ остаться на эстрадѣ... Но онъ хочетъ сдѣлать мнѣ непріятность, а васъ огорчить, потому что сегодня день Седана... Когда я стану управлять Ротбергомъ, этотъ праздникъ исчезнетъ, а Марбаха я заключу въ тюрьму и уморю медленной смертью...

Глаза Макса сверкали огнемъ; иногда тотъ же огонь пылалъ въ глазахъ его отца, а еще дальше, подъ пылью годовъ, горѣлъ въ глазахъ на нѣкоторыхъ портретахъ его предковъ. „Мой чувствительный и миролюбивый воспитанникъ, думалъ я, несомнѣнно, происходитъ изъ рода Гунтера.“

Мы дошли до фазаньей площадки. Она обсажена липами, расположенными косыми рядами и замыкается въ глубинѣ зданіемъ на подобіе Малаго Тріанона. Поддѣльный мраморъ стѣнъ тщательно отшлифовался временемъ; перпендикулярно къ главной постройкѣ идутъ зданія службъ.

Съ давнихъ поръ, уже, быть можетъ, со времени Гомбо, на этой фазаньей площадкѣ не красовалось ни одного фазана, и нынѣ сторожъ прозаически разводитъ здѣсь домашнюю птицу для дворцоваго стола. Но мѣсто по прежнему очаровательно, полно изысканной старинной граціи. Грита справедливо замѣтила, что жалко смотрѣть, какъ это мѣстечко изуродовали сегодня пестрыми флагами, красной эстрадой, монументомъ, запакованнымъ въ бѣлый коленкоръ, и походными лавочками, устроенными по распоряженію Грауса. Домикъ былъ также декорированъ лаврами, покрывшими гипсовыя украшенія подъ окнами.

У одного изъ этихъ оконъ показалась фигура, вся въ бѣломъ, съ свѣтлорусыми волосами. Мое сердце сжалось. „Принцъ - философъ ничего въ этомъ не понимаетъ, думалъ я, я люблю и любимъ... это восхитительно!“ Оставивъ дѣтей бѣгать между деревьями, я ускорилъ шаги къ дому. Круглый вестибюль велъ на узкую круглую лѣстницу: на верху, склонившись на перила, меня ждала принцесса.

У насъ съ принцессой была пора любви, когда еще ни одно слово, никакое движеніе не смущаетъ радостной тревоги чувствъ, но когда потребность присутствія другъ друга, одиночества вдвоемъ принимаетъ характеръ маніи... Сегодняшнее утреннее свиданіе въ старинномъ жилищѣ Гомбо именно и имѣло цѣлью доставить намъ обоимъ нѣсколько минутъ этого очаровательнаго одиночества. И такъ какъ мы еще стыдились нашихъ частыхъ свиданій, то мы инстинктивно искали наиболѣе темныхъ угловъ, даже когда бывали одни, чтобы не видѣть глазъ другъ друга въ то время, когда губы ищутъ встрѣчи. Едва я приблизился къ

принцессѣ, какъ рука ея, холодная отъ волненія, потянула меня въ ближайшій пустой и темный корридоръ: мы сразу избавили себя отъ труда говорить. Только въ такія минуты, казалось намъ, исполняется истинное назначеніе нашей жизни. Но почти тотчасъ же какое-то возмущеніе соціальнаго инстинкта, условной стыдливости заставило насъ измѣнить наше положеніе. Разъединившись, мы обмѣнялись нѣсколькими фразами, сознавая ихъ ничтожность и дѣланность, но, тѣмъ не менѣе, заставившими дрожать наши голоса.

— Мы осмотримъ театръ, если хотите,—тихо прошептала Эльза, отодвигаясь отъ меня.—Вы, вѣрно, его не видѣли. Домъ такъ рѣдко открываютъ.

— Да,—отвѣтилъ я.—Говорятъ, онъ очень интересенъ. Благодарю васъ.

И хотя вслѣдъ за этими словами естественно было направиться къ театру, мы снова скрылись въ самый темный уголъ, пока звуки голосовъ Макса и Гриты, бѣгавшихъ вокругъ дома, не привели насъ въ себя.

— Идемъ,—сказала принцесса.—Вотъ сюда.

На сцену вела узкая галлерея, тянувшаяся вдоль фасада дома. Я слѣдовалъ за бѣлымъ силуэтомъ Эльзы. На принцессѣ было бѣлое полотняное платье изъ Парижа и бѣлая изъ тонкой соломы шляпка-бержеръ. „Я прекрасно знаю, думалъ я, какихъ большихъ глупостей я надѣлаю изъ-за этого бѣлаго платья и шляпки... О, дорогая принцесса, какъ краснорѣчивы ваши уста, когда вы пользуетесь ими не для разговора!"

И я торопился добраться до сцены въ надеждѣ, что и тамъ найдутся укромные уголки. Я не ошибся. Крошечная сцена имѣла два чудныхъ темныхъ угла: одинъ за подвижной кулисой, гдѣ полотняныя лохмотья изображали мертвый кустъ, другой у входа въ складъ, гдѣ нѣкогда хранились лампы. Когда эти два тайника были утилизированы надлежащимъ образомъ, мы посѣтили ложи артистовъ, поразившія меня своею наготой, и залу, убранную довольно красиво. Противоположнымъ корридоромъ мы прошли въ помѣщеніе Гомбо. Здѣсь было свѣтло. Я хорошо запомнилъ это помѣщеніе. Оно состояло изъ ея комнаты, будуара и нѣсколькихъ неудобныхъ кабинетовъ. Полъ во всѣхъ комнатахъ былъ изъ простыхъ красныхъ плитъ, за то стѣны были украшены картинами и довольно красивыми коврами. Въ ея комнатѣ шла панель изъ бѣлаго дерева съ красными полосками; стѣны обиты бѣлымъ и краснымъ ситцемъ съ разводами. Высокая, узкая кровать съ треугольными спинками походила нѣсколько на гробъ, поставленный на четыре большихъ колеса. Лакированная бѣлая съ красными полосками мебель была обита ситцемъ. Нѣсколько посред-

ственныхъ картинъ изображали амуровъ во вкусѣ Буше. сдѣланныхъ еще хуже, чѣмъ самимъ художникомъ. Сѣрые нарисованные баральефы украшали верхніе карнизы дверей. Потолки такъ низки, что мы легко касались ихъ руками.

Будуаръ Гомбо представлялъ изысканность, болѣе достойную фаворитки принца. Нѣсколько красивыхъ креселъ со стершейся позолотой, съ плотной полотняной обивкой, сквозившей изъ подъ вытертаго голубого шелка, разрисованнаго вазами и гирляндами съ цѣлующимися голубками среди нихъ. Стѣны сверху до низу украшены зеркалами; рамки изъ рубчатаго багета, вмѣсто золота, экономно окрашены желтой краской, и обманывали взоръ. Надъ каминомъ изъ сѣраго мрамора висѣлъ недурной портретъ актрисы, въ маскарадномъ домино съ маской въ рукѣ. Съ круглымъ, розовымъ лицомъ, темными маленькими глазами и великолѣпными каштановыми волосами, подъ развѣвающимся домино огненнаго цвѣта, она казалась полной. Я съ симпатіей смотрѣлъ на свою компатріотку, подобно мнѣ, извѣдавшую въ этихъ мѣстахъ изгнаніе и любовь... И вдругъ, сбоку у камина, я замѣтилъ хлыстъ съ рѣзной золотой рукояткой въ видѣ яблока. Принцесса, слѣдившая за моимъ взглядомъ, замѣтила:

— Хлыстъ принца Эрнста? Зачѣмъ онъ здѣсь? Меня это удивляетъ...

Изъ прочитанной богатой литературы и разговора со мной принца-философа на скамьѣ, я зналъ его мнѣніе о „чуждой душѣ“ и, въ свою очередь, удивился наивности моей повелительницы.

— Вотъ здѣсь,—сказала Эльза, указывая мнѣ на одно изъ мягкихъ креселъ у окна,—здѣсь вы укроетесь на время церемоніи.

Я не слушалъ ее, я только глядѣлъ на нее, и не могъ удержаться, чтобы не высказать ей, въ какой восторгъ приводитъ она меня сегодня, въ это ясное солнечное утро, въ своемъ бѣломъ полотняномъ платьѣ и въ бѣлой соломенной шляпкѣ!

— Дорогая принцесса,—сказалъ я,—примите это признаніе отъ своего безвѣстнаго подданнаго: никогда вы не являлись ему прекраснѣе... Мнѣ легко будетъ отвлечься сегодня отъ несносной оффиціальной церемоніи: я буду любоваться вами.

Она вспыхнула отъ удовольствія и въ то же время сконфузилась, какъ дѣвочка-подростокъ при первомъ комплиментѣ. Тщетно стараясь найти отвѣтъ на мои слова, она могла только предложить:

— Пойдемте посмотримъ платья актрисы.

Она увлекла меня за собой и рядомъ съ корридоромъ отворила дверь въ большую комнату, какъ разъ на столько

высокую, чтобы можно было стоять во весь ростъ. Закрытыя ставни единственнаго окна пропускали блѣдный полусвѣтъ. Воздухъ былъ пропитанъ страннымъ ароматомъ; пахло какой-то смѣсью увядшаго человѣческаго тѣла и аниса, какъ пахнутъ потерявшіе запахъ духи.

Я растворилъ окно и ставни. Съ этой стороны почти голый склонъ круто спускается къ Ротѣ, а по краю обрыва идетъ зигзагами удобная проѣзжая дорога до Литцендорфа.

Между тѣмъ, принцесса отворила вдѣланные въ стѣну шкафы. Запахъ увядшаго тѣла и старыхъ духовъ распространился по комнатѣ еще сильнѣе.

Платья и костюмы Гомбо висѣли на огромныхъ изъѣденныхъ ржавчиной крюкахъ,—и все это она должна была бросить, не безъ сожалѣнія, вѣроятно, въ ночь своего бѣгства съ псаремъ! Юбочки коломбины, пеплумы, придворныя мантіи и безчисленное множество корсажей, шелковыя юбки въ полоскахъ и въ цвѣточкахъ, изъ парчи и полупарчи, нѣсколько мѣховыхъ шубъ, изъѣденныхъ молью,—все это облекало хрупкое и страстное тѣло француженки, и промчавшіеся годы до сихъ поръ еще не могли уничтожить аромата этой женщины, рѣзко выдѣлявшагося изъ всѣхъ запаховъ этихъ источенныхъ и заплѣсневѣвшихъ вещей.

— Посмотрите, какая грубая подкладка подъ этимъ прекраснымъ шелкомъ,—замѣтила Эльза, взявъ брезгливо двумя пальцами одинъ изъ корсажей.—Повидимому, кожа женщинъ въ то время не была чувствительна.

Я молчалъ, представляя себѣ, не безъ волненія, цвѣтущую дѣвушку изъ Шальо выбирающей на этомъ самомъ мѣстѣ костюмъ на текущій день и подставляющей губы своему царственному любовнику. О, легкомысленная Гомбо! Какія чары отравляли воздухъ этой комнаты, гдѣ царствовала полуобнаженная грація твоего порочнаго тѣла?

Эльза повѣсила корсажъ на мѣсто и обернулась ко мнѣ. И хотя на этотъ разъ солнце ярко свѣтило въ открытое окно комнаты, оно не остановило моего поцѣлуя, столь страстнаго, что маленькая шляпка упала вдругъ съ головы принцессы и увлекла за собой роскошную свѣтлую шевелюру; свѣжій ароматъ волосъ, разсыпавшихся по моей рукѣ, обнимавшей перегнувшуюся назадъ талію, побѣдилъ запахъ умершей любви и мертвой красоты.

— Вы любите меня, не правда ли, любите?—шептала Эльза лихорадочными губами.

— Я люблю васъ,—отвѣтилъ я.

Въ первый разъ я искренно произнесъ эти три слова.

Мои нервныя и неловкія руки старались привести въ порядокъ копну ея волосъ. Но Эльзу вдругъ обуяла стыдливость.

— Отойдите къ окну,—сказала она,—и дайте мнѣ самой причесаться.

Я повиновался, отошелъ и облокотился на окно... Воздухъ не только не отрезвилъ меня, но, напротивъ, еще болѣе возбудилъ: было тихо и свѣтло. „Вотъ рѣшительный моментъ въ моей жизни, думалъ я. Въ эту минуту завязывается узелъ моей судьбы. А!.. Что мнѣ до будущаго!.. Я хочу своей доли счастья—и я счастливъ.“

Вдали, на поворотѣ просторной долины, разстилавшейся передъ моими глазами, деревушка Митцендорфъ блестѣла своими аспидными крышами и шпилями громоотводовъ на фабричныхъ трубахъ. Жизнь, какъ и цвѣтъ небесъ и прозрачность воздуха, казалась мнѣ очаровательной... Вдругъ на воздухъ взлетѣло бѣловатое облачко дыма у въѣзда въ Митцендорфъ, и черезъ нѣсколько мгновеній раздался пушечный выстрѣлъ. И въ памяти моей мелькнули евангельскія слова: „Прежде нежели пропоетъ пѣтухъ, трижды отречешься отъ меня!“ Понетинѣ, легкомысленный французъ! Только что я чувствовалъ въ себѣ трепетъ души своей расы; глубокая наслѣдственная ненависть жгла мое сердце... И только потому, что женщина, одѣтая въ бѣлое, дала мнѣ прильнуть къ своимъ устамъ, я готовъ уже весь отдаться чарамъ любви. *Они*-то вѣдь не забываютъ... Въ самой ничтожной горной деревушкѣ даже этой отдаленной Тюрингіи раздаются пушечные выстрѣлы...“

Принцесса прикоснулась къ моему плечу и прервала мои размышленія. Когда я обернулся, она сразу по моему лицу догадалась о моемъ душевномъ настроеніи.

— Вы опять стали врагомъ, вспомнили, что сегодня день Седана,—прошептала она.—Ни васъ, ни меня не было на свѣтѣ, когда была эта битва, а вы изъ-за нея мой врагъ, даже теперь, когда только что сказали, что любите меня... Нѣтъ, вы не любите меня!

— Нѣтъ, я люблю васъ.

— Неправда,—горячо воскликнула она, сверкнувъ глазами и покраснѣвъ, отчего стала еще красивѣе,—нѣтъ, вы меня не любите. Если бы вы любили, ваша родина не имѣла бы для васъ значенія. Когда въ юности я послѣдовала сюда за любимымъ мною въ то время принцемъ Отто, я забыла Эрленбургъ, и вспыхни тогда война между Эрленбургомъ и Ротбергомъ, я стояла бы за Ротбергъ.

Я не зналъ, что отвѣтить, но она и сама не требовала отвѣта.

Мы спустились по витой лѣстницѣ и черезъ полукруглый вестибюль вышли на площадь, обсаженную липами. Любовное очарованіе, окутывавшее насъ въ старомъ жилищѣ Гомбо, разсѣялось. Напротивъ, все на этой площади, превращенной въ мѣсто для празднества, теперь оскорбляло

мой взоръ. Кругомъ протянули веревки, чтобы сдерживать натискъ публики во время церемоніи. Цѣлыми телѣгами подвозились стаканы и чашки и устраивались походныя лавочки. Безобразная внѣшность оффиціальнаго праздника подавила очаровательную декорацію, созданную принцемъ-философомъ для своей фаворитки.

— Гдѣ ваша сестра и принцъ, я ихъ нигдѣ не вижу? спросила Эльза.

Дѣйствительно, они исчезли. Я обратился съ вопросомъ о нихъ къ одному изъ слугъ Грауса, разставлявшему бутылки въ одномъ изъ балагановъ.

— Его высочество и молодая барышня вошли только что туда,—отвѣтилъ онъ, указавъ на дальнія постройки.—Тамъ скоро будутъ размѣщать придворные экипажи. Они, должно быть, еще тамъ съ маленькимъ Гансомъ, пріѣхавшимъ сюда со мной.

Какъ разъ въ эту минуту мы увидѣли это тріо выходящимъ изъ конюшни. Максъ фамильярно держалъ Ганса за плечо и, казалось, давалъ ему приказанія; Гансъ слушалъ съ нерѣшительнымъ видомъ. Грита шла нѣсколько поодаль и первая замѣтила насъ. Максъ отпустилъ Ганса и вмѣстѣ съ Гритой подошелъ къ намъ. Лицо его было оживлено, но въ глазахъ было что-то почти непріятное, точно онъ скрывалъ тайну, время отъ времени омрачавшую его взоръ. Принцесса нѣжно поцѣловала Гриту.

— Что вы дѣлали въ конюшнѣ съ Гансомъ?—спросилъ я принца.

Максъ, не глядя на меня, пробурчалъ:

— Гансъ показывалъ намъ сараи, приготовленные для придворныхъ экипажей, и конюшни. Очень удобно.

— Принцесса,—замѣтилъ я,—вотъ ѣдетъ коляска, чтобы отвезти васъ во дворецъ.

— Желаете, я завезу васъ на вашу виллу?—спросила она, взглянувъ на меня съ оттѣнкомъ приказанія и мольбы. На этотъ случай я велѣла заложить коляску вмѣсто викторіи. Мы отлично разсядемся вчетверомъ.

— Благодарю васъ. Мы съ Гритой дойдемъ и пѣшкомъ болѣе сокращеннымъ путемъ,—отвѣтилъ я.

Эльза безмолвно и быстро отошла, уводя за собой принца. Когда мы остались одни и стали спускаться по лѣсной дорожкѣ, Грита спросила:

— Волкъ, что тебѣ сдѣлала принцесса? Почему ты не захотѣлъ, чтобы мы вчетверомъ вернулись въ ея коляскѣ?

Я остановилъ легкіе шаги моей сестренки и отвѣтилъ:

— Прислушайся!

Среди шелеста буковъ и шума безчисленныхъ лѣсныхъ голосовъ до насъ доносились крики съ долины, со стороны Ротберга и Линцендорфа. Низкіе звуки трубы выводили

Wacht am Rhein. Къ полудню пушечные выстрѣлы изъ замка стали раздаваться чаще: каждую минуту. И съ деревень вдоль Роты, какъ и съ горъ, другіе залпы отвѣчали имъ тысячью отраженныхъ звуковъ изъ ущелій и лѣсистыхъ скалъ Тюрингенскихъ высотъ.

Глаза Гриты сосредоточились.

— Вслушайся во все это,—сказалъ я ей.—Ты родилась четырнадцать лѣтъ назадъ, и о войнѣ между Германіей и Франціей слышала только, какъ объ историческомъ фактѣ, какъ о семилѣтней войнѣ или войнахъ Наполеона. Я хотя и старше тебя, но знаю о ней также только изъ исторіи. Я никогда не видѣлъ и тѣни остроконечной каски на французской территоріи. Такъ какъ наше *я* служитъ центромъ нашего вниманія, то ни ты, ни я нисколько не страдали отъ того, что отъ нашей матери-отчизны отрѣзали двѣ провинціи; мы и не знали ихъ никогда французскими. Мы не чувствуемъ себя ни оскорбленными, ни виноватыми въ этомъ пораженіи, и наше поколѣніе все болѣе и болѣе склоняется къ индефферентизму и мирному забвенію... Но слушай... и запомни... Побѣдитель не хочетъ, чтобы мы забыли. Каждый годъ, съ хвастовствомъ и шумомъ, празднуетъ онъ наше пораженіе. Молодые нѣмцы, родившіеся, какъ и мы съ тобой, долго спустя послѣ Седана, хотятъ получить свою долю прошлой славы, чтобы мы испытали долю нашего униженія. Грита, тебѣ четырнадцать лѣтъ, для тебя все это безразлично... Но ты выйдешь замужъ, у тебя будутъ дѣти... И тогда ты вспомнишь. Запомни хорошенько этотъ праздникъ; вслушайся въ эти *Hoch!* и трубные звуки; трепещи при пушечныхъ салютахъ. Мы все должны усвоить, закрѣпить, чтобы потомъ, вернувшись на родину, мы по своему, какъ побѣжденные, могли праздновать 2-е сентября и помнить, что, несмотря на столько протекшихъ лѣтъ, въ Германіи, даже въ глуши Тюрингіи, этотъ день конца лѣта—все же день Седана... А теперь, идемъ завтракать!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

— Но вѣдь приходится же вамъ иногда нанимать помѣщеніе?

Затѣя Мери была такъ заманчива, что Пруденсъ, боясь сдаться слишкомъ скоро, рѣшилась попробовать, не найдется ли въ ней слабаго мѣста.

— Вы думаете какой-нибудь амбаръ или зданіе школы? Намъ всегда даютъ ихъ безплатно. Вы не можете себѣ представить, какъ охотно эти люди оказываютъ услуги, когда видятъ, что вы хотите сдѣлать что-нибудь для нихъ.

— А костюмы? Про нихъ-то вы забыли?

— О, нѣтъ. Посмотрѣли бы вы на нашъ гардеробъ. Мы его мастеримъ во время пути.

— А декораціи? Вѣдь не всегда же вы играете на воздухѣ?

— Всѣ наши декораціи—простыя ширмы, чтобы публика не видѣла тѣхъ актеровъ, которые внѣ сцены.

— Но развѣ не пропадаетъ впечатлѣніе у зрителей?

— Не думаю. Недостающее въ обстановкѣ они дополняютъ воображеніемъ. Мы летаемъ на крыльяхъ, которыя они намъ даютъ. Зачѣмъ имъ аксесуары? Посмотрите на играющихъ дѣтей: какой-нибудь лоскутокъ или, щепка нравятся имъ гораздо больше всѣхъ восковыхъ издѣлій игрушечныхъ лавокъ. Никогда Макбетъ не вызывалъ такого фурора, какъ въ тѣ времена, когда его давали на голыхъ подмосткахъ. И въ наше время Comédie Française находитъ, что для постановки одной изъ лучшихъ сценъ Мольера достаточно кресла да груды подушекъ.

Пруденсъ молчала. Замолчала и Мери. Каждая думала о своемъ. Обѣ обладали драгоцѣннымъ даромъ—даромъ грезъ. Мери унеслась въ свою область мечтаній. Наконецъ, она прошептала:

— Если непремѣнно нуженъ реализмъ, то что же можетъ быть реальнѣе природы. Въ Шервудѣ мы ставили сцену Рождества Господня на опушкѣ лѣса. Была чудная, свѣтлая лунная ночь. Одна только яркая звѣзда горѣла въ безоблачномъ небѣ. Дѣва Марія шла подъ звуки деревенскаго хора. О, какая это была дивная сцена, какая красота! Какъ шепотъ, раздавались великія поэтическія слова, легко и радостно было на душѣ.

У Пруденсъ сильно билось сердце. Не нашла ли она, наконецъ, то, чего искала. Что можетъ быть лучше этой стези—стези искуства, на какомъ другомъ жизненномъ пути можно испытать такіе высокіе порывы, такія глубокія чувства. Среди этихъ холодныхъ, равнодушныхъ до отвращенія самоувѣренныхъ людей она нашла друга.

Пришла Гертруда—и чары распались.

— Бѣдненькія, вы, навѣрное, умираете съ голоду. Идемъ пить чай.

Она привела ихъ въ большую комнату, обстановка которой совершенно не походила на клубную. Прислуживали здѣсь не горничныя, а лакеи, съ манерами царедворцевъ. Столъ былъ роскошно сервированъ. Игралъ оркестръ, составленный изъ членовъ клуба. Все это были красивые малые, которые, видимо, сами знали это. Нѣжный ароматъ надушенныхъ носовыхъ платковъ освѣжалъ воздухъ, нога тонула въ мягкихъ коврахъ, покрывавшихъ полъ.

Чувство одиночества и полной своей никчемности, давившее Пруденсъ, подъ вліяніемъ всего пережитаго за этотъ день, заставило ее сдѣлать рѣшительный шагъ. При разставаніи она поцѣловала Мери Ленъ и шепнула ей: „Не могу ли я занять мѣсто миссъ Голрайдъ?“

Получивъ согласіе Мери Ленъ, она поспѣшила домой, сообщить объ этомъ Спэгу. Спэгъ не одобрилъ ея рѣшенія.

— Это чортъ знаетъ, что такое,—сказалъ онъ.—Прежде, чѣмъ ты успѣешь уѣхать, твой портретъ попадетъ на страницы „Понча“, помяни мое слово.

Она ждала возраженія и потому ограничилась тѣмъ, что развернула купленные по дорогѣ бисквиты и угостила своего друга, чтобы утѣшить его.

XIII.

Большая комната деревенской школы была биткомъ набита зрителями: мужчинами, женщинами и дѣтьми. Красный шнурокъ, протянутый отъ стѣны къ стѣнѣ, отдѣлялъ мѣста для зрителей отъ сцены. Тутъ же стояло піанино, принадлежавшее школѣ. Занавѣсъ былъ прикрѣпленъ къ одной изъ балокъ потолка и закрывалъ только среднюю часть сцены. Оставшіеся съ боковъ проходы скрывались отъ любопытныхъ взоровъ зрителей двумя ширмами: однѣ принадлежали труппѣ, другія одолжилъ школьный учитель.

Зрители расположились отнюдь не по богатству или общественному положенію, а по росту. Впереди сидѣли дѣти, ихъ матери помѣщались во второмъ ряду, затѣмъ стояли подростки, а взрослые мужчины занимали тылъ. Параффиновыя лампы ярко горѣли. Вышла Мери Ленъ, одѣтая старикомъ, и уменьшила огонь при помощи оловянной трубки, спеціально сдѣланной для этой цѣли. Тотчасъ же разговоръ въ комнатѣ упалъ до шепота, а затѣмъ, когда Мери,

на обязанности которой лежало изображать оркестръ, сѣла за піанино для увертюры, наступила полная тишина.

Это была божественная партитура „Орфея“ Глюка, тончайшее воспроизведеніе всѣхъ оттѣнковъ любви и печали, въ ихъ различныхъ сочетаніяхъ. Во всей музыкальной литературѣ нѣтъ другой такой дивной передачи радости и горя. Выше этой вещи нельзя создать ничего. Слушая эту увертюру, невольно чувствуешь, что музыка—одно изъ тѣхъ искусствъ, которыя только снисходятъ до грѣшной земли, что настоящая ея сфера—небо.

Звуки смолкли. Колокольчикъ прозвонилъ среди полной тишины. Поднялся занавѣсъ.

Гулъ одобренія пронесся по комнатѣ и тотчасъ же стихъ, повинуясь вторичному звону колокольчика.

Въ комнатѣ была полутьма. Только три лампы внизу и столько же на потолкѣ освѣщали сцену. Изъ-за ширмы высовывались крылья ангела. Задняя стѣна закрывалась большой географической картой и рисунками птицъ, звѣрей и рыбъ, перевернутыми лицомъ къ стѣнѣ.

На авансценѣ былъ устроенъ маленькій холмикъ, поросшій муравой. Крестьянинъ въ средневѣковомъ костюмѣ—Пруденсъ, впервые выступавшая на подмосткахъ — лежалъ на травѣ. Онъ засыпалъ. Была видна только его фигура, лицо скрывалось подъ капюшономъ длиннаго плаща. Широкая полоса изъ серебристаго холста была протянута по полу, наискось черезъ сцену.

Появился крылатый ангелъ—Мери Фрэнсисъ—молоденькая дѣвушка, какъ будто соскочившая съ картины Боттичели изъ Національной Галлереи. Костюмъ ея представлялъ сочетаніе блѣдно-голубого и золотого цвѣтовъ, на груди горѣла звѣзда, а за плечами были привязаны крылья изъ черныхъ и малиновыхъ перьевъ.

Она вышла на авансцену, остановилась неподвижно и распустила широкую ленту съ вышитой на ней надписью: „Жемчужина“.

Ангелъ, речитативомъ: „Добрые люди! Содержаніе пьесы, которую мы будемъ играть,—скорбь отца, потерявшаго свою малютку дочь. Первоначально она была написана въ формѣ поэмы, языкомъ, которымъ говорили наши отцы въ Западномъ Мидлэндѣ, около пятисотъ лѣтъ тому назадъ. Авторъ ея умеръ, не оставивъ потомству своего великаго имени. Поэма его была бы предана забвенію, если бы одинъ ученый, по имени Ричардъ Моррисъ, не спасъ ее отъ этой печальной участи и не напечаталъ для многихъ милліоновъ людей, говорящихъ по англійски. Мери Ленъ передѣлала ее

для сцены, въ надеждѣ доставить удовольствіе англійскому деревенскому люду.

„Въ чудный августовскій день отецъ приходитъ на могилу своей „драгоцѣнной жемчужины“. Въ страшномъ горѣ онъ ломаетъ руки, падаетъ на ложе, усыпанное цвѣтами, и въ изнеможеніи засыпаетъ. Теперь вы увидите, что произошло съ нимъ во снѣ“.

Занавѣсъ падаетъ.

Когда онъ поднимается опять, сцена имѣетъ тотъ же самый видъ. Убитый горемъ отецъ (т. е., вѣрнѣе, только плащъ, въ который онъ былъ закутанъ) лежитъ на могилѣ. Появляется его двойникъ—Пруденсъ, въ темно сѣромъ костюмѣ, — который будетъ изображать то, что онъ дѣлаетъ во снѣ.

Ангелъ.

— Его тѣло покоится здѣсь, но душа его, по волѣ Божіей, витаетъ въ селеніяхъ райскихъ:

Гдѣ камни и скалы, какъ солнце, сверкаютъ,
Хрустальныя стѣны—прозрачный экранъ;
Деревьевъ листва серебромъ отливаетъ,
Песокъ—точно жемчугъ полуденныхъ странъ.
Красивыя птички въ деревьяхъ порхаютъ,
Онъ слышетъ ихъ пѣсенокъ дивный мотивъ,
При немъ онѣ гнѣзда изъ листьевъ свиваютъ,
При немъ укрѣпляютъ ихъ вѣтками ивъ.
На берегъ рѣки онъ выходитъ потомъ,
И съ шумомъ несется вода золотая,
И камни уноситъ въ потокѣ своемъ;
За нею сейчасъ же—преддверіе рая“.

Какъ бы въ экстазѣ, отецъ медленно выступаетъ впередъ. Онъ останавливается у полосы серебристаго холста; теперь это уже не издѣлье рукъ человѣческихъ, а небесная рѣка, такъ же, какъ конецъ школьной залы по другую ея сторону, уже не комната, а рай.

Но онъ не можетъ перейти черезъ рѣку. Онъ пробуетъ глубину своей палкой. Брода нѣтъ.

Занавѣсъ падаетъ.

При поднятіи занавѣса на сценѣ полутьма. Въ заднемъ концѣ ея выступаютъ хрустальныя скалы (полотно, натянутое на стулья), у подножья которыхъ сидитъ дѣвушка—Эмма Маршъ. Костюмъ ея, насколько возможно, выполненъ по образцу, данному въ поэмѣ: легкое кисейное платье, усыпанное блестками, сверкающими отъ лучей, которые испускаютъ ея крылья. Какъ это устроено — остается тайной для зрителей; это извѣстно только антрепренеру.

Музыка начинаетъ опять. Теперь она играетъ балетъ изъ

той же божественной увертюры, то мѣсто, гдѣ появляется Эвридика, какъ видѣніе славы въ Элизіумѣ.

Ангелъ.

„Ему и раньше видѣть дочь случалось,
Но каждый разъ боялся онъ ее позвать;
И блѣдное лицо ея ему являлось.
Онъ долженъ былъ лишь молчаливо ждать
На берегу, но на другомъ она стояла
Онъ видѣлъ жемчуги, что такъ къ ней шли,
И въ волосахъ корона у нея сіяла,
И косы длинныя висѣли до земли.
Она его привѣтствуетъ, онъ слышитъ голосъ милый,
Не хочетъ самъ заговорить, боясь ее спугнуть...
Да, это дочь его, она что ангелъ сизокрылый.
Жемчужная звѣзда ей украшаетъ грудь.

Отецъ оборачивается къ видѣнію. Онъ весь дрожитъ и боится, что его голосъ заставитъ видѣніе исчезнуть.

— О жемчужина, драгоцѣннѣйшая изъ всѣхъ жемчужинъ! Ты ли моя дочь, которую я оплакиваю? Какая счастливая судьба привела мое сокровище сюда, чтобы утолить мое горе, чтобы разсѣять мою печаль.

XIV.

На слѣдующее утро явился мистеръ Трюби. Онъ принесъ подарокъ отъ жены—маленькую корзину цвѣтовъ, прикрытую сверху листьями. Такъ какъ отца играла Пруденсъ, то онъ ей и передалъ цвѣты. Посмотрѣвъ на нее, онъ улыбнулся и сказалъ, что она выросла за ночь. На его языкѣ это значило, что въ мужскомъ костюмѣ она казалась меньше ростомъ. Онъ простился и ушелъ, не намекнувъ ни словомъ, почему пьеса произвела на него такое глубокое впечатлѣніе. Недавно онъ потерялъ единственнаго ребенка—дѣвочку почти такого же возраста, какъ и та, которая изображалась на сценѣ.

Вскорѣ маленькая труппа была уже на обратномъ пути въ городъ. Мери Ленъ кончала свое tournée въ октябрѣ. Она предполагала заѣхать въ колонію толстовцевъ, въ южной Англіи, гдѣ горсточка женщинъ, изъ которыхъ одна или двѣ еще недавно были свѣтскими львицами, пробовала осуществить на дѣлѣ простоту жизни, собственноручно исполняя всю домашнюю работу и стараясь, по мѣрѣ силъ, приходить на помощь своимъ ближнимъ. Ихъ путь лежалъ прямо черезъ этотъ поселокъ. По дорогѣ онѣ продолжали давать представленія передъ многолюдной толпой.

Иногда участвовалъ и Спэгъ, въ роли собаки пастуха. Обыкновенно онъ появлялся въ серединѣ представленія, по особому зову, и велъ себя примѣрно, къ полному удовольствію и своей хозяйки, и всѣхъ остальныхъ участниковъ спектакля. Одинъ разъ, впрочемъ, онъ изобразилъ, такъ сказать, внѣпрограмный номеръ, появившись на сценѣ въ самый торжественный моментъ, съ чулкомъ въ зубахъ, который онъ гдѣ-то подобралъ.

Дѣвушки проѣхали всю Англію съ сѣвера на югъ. Картины природы мѣнялись каждый день. Живописныя дороги, разбросанныя тамъ и сямъ старинныя деревушки, изрѣдка смѣнявшіяся небольшими городами, патріархальные нравы жителей—все это было такъ ново для нихъ, родившихся въ городѣ. Воздухъ пестрѣлъ парящими жаворонками, а дороги—пришлыми рабочими. Жаворонки, какъ и полагается жаворонкамъ, перелетали съ мѣста на мѣсто; такъ и любой изъ этихъ рабочихъ можно сказать исполнялъ свое назначеніе „безработнаго", странствуя въ поискахъ работы. Можетъ быть это плотникъ изъ какого-нибудь провинціальнаго города, который держитъ путь въ столицу, въ надеждѣ найти заработокъ. Чтобы было теплѣе, онъ обмоталъ грудь своимъ рабочимъ фартукомъ, мѣшокъ съ инструментомъ несетъ за плечами. Отгоняя невеселыя мысли, онъ идетъ бодрымъ шагомъ впередъ, чтобы смѣшаться съ своими товарищами по ремеслу, такими же безработными, которыхъ въ Лондонѣ насчитывается четырнадцать тысячъ, по той простой причинѣ, что желѣзо постепенно вытѣсняетъ дерево во всѣхъ отрасляхъ архитектуры.

По дорогѣ Мери заѣхала на извѣстную ферму, послѣднюю въ Англіи, гдѣ еще занимались сушкой лавенды на продажу. Она хотѣла купить для себя маленькій запасъ ея на зиму. Въ семьѣ владѣльцевъ фермы эта отрасль труда переходила по наслѣдству.

Осень была на дворѣ и осень въ сердцѣ Пруденсъ, когда она, вернувшись въ Лондонъ послѣ своего путешествія, въ одинъ октябрьскій вечеръ вошла въ свою одинокую квартирку. Спэгъ шелъ за ней по пятамъ. Свои двѣ комнаты она нашла такими же чистенькими, какъ и оставила, ибо Сара отъ времени до времени навѣдывалась туда для уборки и послѣдній разъ была здѣсь не дальше, какъ въ то утро, получивъ отъ хозяйки увѣдомленіе о днѣ ея пріѣзда. Эти привычные чистота и порядокъ только напомнили дѣвушкѣ все пережитое здѣсь и нисколько не развеселили ее. Восторженныя мечты, которыми она еще недавно

жила, смѣнились чувствомъ отвращенія и апатіи. Мрачная осенняя погода и видъ ея зимняго платья, завернутаго въ старыя афиши и газеты, еще усиливали ея тоску. Опять вокругъ нея презрѣнный міръ, пошлый и низкій, опять будущее темно и безъ луча надежды.

Въ поискахъ за какимъ-нибудь внѣшнимъ импульсомъ, который могъ бы разсѣять ея мрачныя мысли, она принялась возиться со Спэгомъ, тормошила его, цѣловала и просила у него прощенья за свои бурныя ласки. Вдругъ она вскрикнула отъ радости, замѣтивъ письмо, подвѣшенное на ниткѣ на отдушникѣ камина, очевидно затѣмъ, чтобы на него скорѣе обратили вниманіе. Оно было написано на хорошей почтовой бумагѣ, съ вензелемъ и съ напечатаннымъ адресомъ, совершенно незнакомымъ Пруденсъ. Гласило оно слѣдующее:

„Миссъ Сара Рескилъ будетъ рада, если миссъ Меріонъ соблаговолитъ пожаловать къ ней на чашку чаю сегодня въ пять съ половиной часовъ вечера. Отвѣта не требуется, но просятъ быть непремѣнно. Доѣхать можно за два пенса. Нужно сѣсть въ трамвай у Грезинъ-Рода и сойти у Бюль-эндъ-Гета. Оттуда двѣ минуты ходьбы.

P. S. Приходите съ собакой, если она еще у васъ“.

Это письмо объясняло много темныхъ намековъ Сары относительно предстоящаго важнаго событія въ ея жизни. Поэтому Пруденсъ, въ сопровожденіи своего четвероногаго пріятеля, бѣжавшаго сзади, скоро уже ѣхала къ Бюль-эндъ-Гету.

Гости Сары собрались не столько для разговоровъ, сколько для торжественнаго обряда. Въ теченіе долгихъ лѣтъ тяжелой работы Сара строила себѣ своего рода храмъ. Теперь онъ былъ готовъ, и она пригласила своихъ немногочисленныхъ знакомыхъ придти посмотрѣть ея святилище.

Она занимала маленькую каморку въ глухой улицѣ, но всѣ свои сбереженія и все свободное время посвящала устройству другой своей квартиры, въ болѣе аристократическомъ кварталѣ. Она свивала себѣ гнѣздышко на будущее время, для отдыха, и сюда-то и были приглашены ея друзья. Каждая свободная копѣйка Сары шла на украшеніе этого жилья. Ковры, частью купленные, частью взятые на прокатъ, были самыхъ яркихъ цвѣтовъ, по стѣнамъ висѣли картины въ неизбѣжныхъ плюшевыхъ рамкахъ. Вообще обстановка была роскошная. Одна комната была превращена въ двѣ при помощи піанино, поставленнаго посерединѣ. И теперь квартира представляла изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ совершенство, не то дворецъ, не то ковчегъ, гдѣ каждый былъ обязанъ

чувствовать себя счастливымъ и гдѣ все располагало къ задушевнымъ изліяніямъ на тему о блаженствѣ бытія.

Сара была чужда всякихъ идей насчетъ женскихъ правъ, а тѣмъ болѣе правъ политическихъ. Она просто хотѣла личной независимости, и эта квартирка служила показателемъ ея. Здѣсь она никогда не обѣдала и не ночевала. Когда осуществились ея мечты собственника, она входила въ эту квартиру, запиралась на ключъ и проводила тамъ въ грезахъ блаженные часы. Потомъ уходила, чтобы при первой возможности вернуться опять. Она спѣшила сюда, какъ любовникъ спѣшитъ къ своей милой, какъ мать къ ребенку. „Это мое!“ думала она.

Для этого она трудилась шесть долгихъ лѣтъ, трудилась упорно, какъ полипы возводятъ свои постройки, и, наконецъ, добилась своего, несмотря на всѣ препятствія. Всѣ фантастическіе разсказы о борьбѣ за независимость ничто въ сравненіи съ реальной борьбой, которою зачастую бываетъ наполнена жизнь какого-нибудь безвѣстнаго труженника.

Сара встрѣчала своихъ гостей радушно, но немного натянуто. Роль хозяйки очевидно была не по ней. Это видно было уже изъ того, что она рѣшительно отказывалась сѣсть. Всѣ гости были ея кліентами, теперешними или прежними. Пруденсъ узнала многихъ изъ нихъ по обстоятельнымъ описаніямъ Сары, которыя остались у нея въ памяти. На диванѣ сидѣла пожилая дама, небольшого роста, всей своей фигурой представлявшая воплощеніе аккуратности. Несомнѣнно, эта была та самая служащая на почтѣ, которая „побила рекордъ“ не пропустивъ ни одного дня за цѣлую четверть столѣтія. Казалось, она больше всего заботится о своемъ здоровьи, въ пріятномъ ожиданіи предстоящей ей въ будущемъ долгой болѣзни, которая начнется въ тотъ самый день, когда она выйдетъ въ отставку.

Сара чувствовала, что есть какая-то неловкость въ ея упорномъ отказѣ сѣсть и была въ затрудненіи, какъ ей быть. Но чутье гостепріимной хозяйки подсказало ей путь. Какъ только входилъ новый гость, она первымъ дѣломъ показывала ему на тарелку съ апельсинами и говорила просто: „возьмите“. Когда тотъ отказывался отъ угощенья, она поворачивалась къ открытому піанино, сверкавшему чистотой, и говорила: „сыграйте что-нибудь“. У нея была небольшая музыкальная библіотека, полученная отъ одного изъ кліентовъ, вмѣсто платы. На случайно раскрытой нотной тетрадкѣ красовалось заглавіе: „Розовыя щечки“, мазурка—яркій образчикъ качества остальныхъ.

Никто, конечно, не рѣшился проявить свой музыкаль-

ный талантъ въ отвѣтъ на такое своеобразное приглашеніе, какъ никто не рѣшился отвѣдать апельсиновъ. Бѣдная Сара совсѣмъ растерялась, и Пруденсъ, видя это, сѣла за піанино и заиграла одинъ изъ ноктюрновъ Шопена. Когда замерли послѣдніе звуки, Сара проговорила: „Анкоръ! Пожалуйста, еще, миссъ“ и положила передъ ней другую пьесу изъ собственной коллекціи подъ названіемъ: „Моя свѣтлоокая красавица Элленъ“.

Она теперь была счастлива. Піанино испробовано, гости слушаютъ музыку, любуются коврами и остальной роскошной обстановкой. Одинъ гость разсматривалъ висѣвшую на стѣнѣ гравюру, изображавшую моментъ скрѣпленія великой хартіи, другой избралъ область фантазіи, созерцая картину въ красной съ золотомъ рамѣ, подъ названіемъ: „Елизавета, или ссылка въ Сибирь“. Ея мечта сбылась; воздушный замокъ сталъ реальнымъ домомъ.

Когда Пруденсъ кончила играть, всѣ приглашенные были уже въ сборѣ. Она подсѣла къ молодой дамѣ, просматривавшей какую то книгу и, сдѣлавъ это, пожалѣла, что не избрала другого мѣста, подальше. Молодая дама не внушала довѣрія. Ея откровенный костюмъ былъ, казалось, надѣтъ не столько для прикрытія грѣшнаго тѣла, сколько на показъ. Въ немъ совмѣщались двѣ идеи: не отступить, по возможности, отъ образцовъ, принятыхъ въ высшемъ обществѣ бульварныхъ газетъ, и въ то же время видоизмѣнить его, по своему вкусу, настолько, чтобы имѣть успѣхъ въ пригородныхъ кабакахъ. Шляпа ея смахивала больше на шатеръ, чѣмъ на шляпу. Она съ успѣхомъ могла бы служить убѣжищемъ цѣлому выводку цыплятъ въ дождливый день. Рядомъ съ этой шляпой, ярко краснаго цвѣта, щеки дамы казались блѣднѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ.

Сара представила ее. „Миссъ Ева Сентъ-Гольміеръ, артистка“,—проговорила она, излишне оттѣняя гласныя буквы.

Пруденсъ и ее узнала, опять таки по описанію Сары. Она состояла пѣвицей въ музыкальномъ залѣ какого-то маленькаго рабочаго клуба, совершенно неизвѣстнаго широкой публикѣ, но представлявшаго свой обособленный мірокъ въ сердцѣ огромнаго Лондона.

Несмотря на ея иностранное происхожденіе, ее нельзя было упрекнуть въ незнаніи англійскаго языка. Говорила она бойко, рѣзкимъ металлическимъ тембромъ, такъ что рѣчь ея можно было сравнить со звономъ денегъ въ банкѣ, когда ихъ сгребаютъ лопаткой. При этомъ каждая ея фраза походила болѣе на упражненіе въ жаргонѣ, чѣмъ на правильную англійскую рѣчь. Въ первыя же пять минутъ она успѣла разсказать своей собесѣдницѣ, что ея „папа изъ благород-

ныхъ", а братъ (оба они, впрочемъ, отсутствовали) „просто шалопай", посѣщающій всѣ увеселительныя мѣста, преимущественно въ Кентишъ-Таунѣ.

— Я такъ рада видѣть васъ, миссъ, и вашу миленькую собачку. Мнѣ кажется, я встрѣтила старыхъ друзей,—сказала Сара.

Пруденсъ нахмурилась и сердито посмотрѣла на нее. Очевидно, всякая „приходящая прислуга", какъ бы ни была она молчалива, могла иногда сболтнуть лишнее.

Пробормотавъ что-то въ отвѣтъ, Пруденсъ взяла другую книгу, на этотъ разъ голубую съ золотомъ, и уставилась въ нее.

Но миссъ Еву не такъ то легко было оттолкнуть. Она прицѣпилась крѣпко. Особы такого пошиба, съ такимъ архитектурнымъ сооруженіемъ на головѣ и такимъ румянцемъ ланитъ, всегда навязчивы, въ особенности, когда имъ подвернется другая особа женскаго пола, но приличнаго вида, за которую онѣ могутъ ухватиться въ трудную минуту, какъ за якорь спасенія. Самыя фривольныя женщины любятъ драпироваться въ тогу строгой нравственности. Онѣ тоже желаютъ казаться, и миссъ Ева, недурной тактикъ въ своемъ родѣ, умѣла, при случаѣ, разыграть изъ себя воплощенную невинность.

— Вотъ если бы вы увидѣли собаку брата Реджинальда,—говорила она.—Мой папа всегда...

Тутъ Пруденсъ удалось, наконецъ, ускользнуть, благодаря тому, что подошла Сара съ другой молодой дамой, въ которой не трудно было признать ея кліентку, американку.

Но только не по костюму. Лаура Бельтонъ достаточно долго жила въ Англіи, чтобы успѣли сгладиться всѣ внѣшніе признаки ея національности. Но зоркій взглядъ Пруденсъ подмѣтилъ кое-какія детали, чуждыя нашей части свѣта. Безукоризненныя перчатки, шелковая накидка, брошка, браслеты—все это, пожалуй, было довольно изящно, но каждая вещь была сама по себѣ, не составляла вмѣстѣ съ другими стройнаго цѣлаго. Въ общемъ она производила хорошее впечатлѣніе. Въ ней чувствовалась спокойная увѣренность въ себѣ, но безъ всякаго чванства. Черты лица были довольно красивы, но лучше всего было выраженіе, умное и серьезное, выраженіе человѣка, который не думаетъ о томъ, какое онъ производитъ впечатлѣніе.

— Это та самая, которая шлифуетъ драгоцѣнные камни. Помните, я вамъ говорила?—сказала Сара и отошла, оставивъ ихъ вдвоемъ.

— Сама то она не меньше занята своей драгоцѣнностью,—проговорила Лаура, смѣясь.

— Да, какъ видно эта комнатка для нея все.

— Впрочемъ, сама она тоже своего рода жемчужина. Я ей многимъ обязана, мнѣ приходилось учиться у нея долготерпѣнію. Только не нужно ей говорить: она можетъ избаловаться.

— Жемчужина, у которой столько хозяевъ,—замѣтила Пруденсъ.

— И я бы прибавила: тиранъ, у котораго столько рабовъ.

— Это правда, она готова все сдѣлать на одномъ лишь условіи, чтобы ей повиновались.

— Простите, но, помнится, она буквально то же самое говорила о васъ,—сказала Лаура.—Я никогда съ ней не спорю и живу, припѣваючи. У нея вообще много добродѣтелей и снисходительность не послѣдняя изъ нихъ. Она позволяетъ мнѣ даже самой чистить свои инструменты.

— Какъ трудно, должно быть, обращаться съ такими тонкими инструментами,—сказала Пруденсъ, въ надеждѣ, что Лаура разскажетъ что-нибудь о себѣ и о своей работѣ.

Можетъ быть, ея надежда и оправдалась бы, но какъ разъ въ этотъ моментъ Сара ввела новаго гостя.

— Кто бы это могъ быть?—сказала Пруденсъ.—Я думаю...

— Любимецъ женщинъ?—подсказала Лаура.

— Пожалуй.

— Неужели не догадываетесь? Это издатель „Желѣзнаго Клейма“.

XV.

— Не можетъ быть!—воскликнула Пруденсъ.

— Почему?

— Тотъ долженъ быть... совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— Ну, отчего же. По моему онъ какъ разъ того самаго типа, какой и полагается для издателя газеты.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю.

— Онъ изъ тѣхъ, которые хотятъ добиться цѣли и не признаютъ преградъ.

Вошедшему было на видъ лѣтъ двадцать пять; онъ производилъ впечатлѣніе человѣка въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Лицо его дышало умомъ и отвагой, и Пруденсъ должна была признать это, несмотря на предубѣжденіе, которое она питала къ нему за его литературный стиль. Онъ былъ средняго роста, съ темными, слегка вьющимися волосами, гладко выбритъ и хорошо одѣтъ. Все это значительно мѣняло въ лучшую сторону первое впечатлѣніе. Въ общемъ онъ имѣлъ видъ человѣка цѣльнаго, съ опредѣленными запросами, направлявшими всю его жизнь.

— Раньше я его не встрѣчала,—проговорила Пруденсъ, скорѣе про себя, чѣмъ отвѣчая Лаурѣ.

— Я тоже,—отвѣчала Лаура,—но я читала „Желѣзное клеймо“.

— На мой вкусъ тамъ слишкомъ много грязи. Кому нужно знать все это?

— Я думаю, всѣмъ нужно,—сказала Лаура и отошла.

Сара подвела новаго гостя къ Пруденсъ.

— Мой первый подписчикъ,—сказалъ онъ, и поклонился съ улыбкой.

Пруденсъ подумала о его своеобразномъ способѣ зарабатывать деньги и въ глубинѣ души послала его къ чорту. Но при всемъ своемъ желаніи она не могла уже больше вернуться къ тому чувству отвращенія, которое питала къ нему раньше. Его рѣчь и манеры только усиливали хорошее впечатлѣніе, которое сложилось у нея, какъ только онъ вошелъ Онъ, несомнѣнно, учился въ Оксфордѣ, но, къ удивленію, не пріобрѣлъ тамъ непріятной привычки растягивать слова.

Нужно было отвѣтить учтиво.—Ваша газета очень... оригинальна,—сказала она.

— Такъ и зналъ!—быстро проговорилъ онъ, отвѣчая больше себѣ, чѣмъ ей.

Неужели онъ, въ концѣ концовъ, окажется невѣжей? А вѣдь она уже была готова смягчиться.

— Что же, каждый долженъ кричать высшему обществу: „стой!“, чтобы заставить выслушать себя. Вѣдь вы знаете, что я далъ торжественное обѣщаніе говорить только правду,

— Газета, которую составляетъ одинъ человѣкъ... должно быть это очень трудная работа?

— Напротивъ, очень легкая. Вѣдь главную часть всего дѣла дѣлаетъ Сара, она моя правая рука. Откуда я взялъ бы подписчиковъ безъ нея?

— Кстати, кто у васъ описываетъ сцены на улицахъ и мостахъ?—спросила Пруденсъ и приняла суровый видъ.

— Все я же,—былъ краткій отвѣтъ.

Зарядъ пропалъ даромъ. Очевидно, онъ забылъ про случай на мосту и не узналъ ея. Ей стало досадно, и она рѣшила подойти съ другого конца.

— Очень любезно съ вашей стороны удѣлять намъ такъ много времени.

— Я жалѣю, что не могу удѣлять больше. Но у меня есть другія дѣла, въ другихъ, менѣе счастливыхъ кварталахъ.

Какія дѣла? Какъ жаль, что она такъ мало знаетъ его, что не имѣетъ права разспрашивать.

Разговоръ оборвался. Минутъ пять оба молчали. Пруденсъ задумалась, а ея собесѣдникъ разсматривалъ общество. Она обманулась въ ожиданіяхъ и была рада этому. Она не нашла въ немъ ни одной черты изъ тѣхъ, какія ждала найти въ издателѣ „Желѣзнаго Клейма“,—ни развязныхъ манеръ, ни грубаго, самоувѣреннаго голоса. Онъ говорилъ негромко и безъ всякой аффектаціи. Онъ былъ во всемъ простъ и нисколько не старался производить впечатлѣніе—признакъ недюжиннаго ума.

— Я думаю, изданіе газеты—дорогое предпріятіе?

— Да. Мнѣ это стоитъ пять фунтовъ въ недѣлю.

Это была явная насмѣшка, а кто же любитъ, чтобы надъ нимъ смѣялись. Пруденсъ рѣшила, что пора его осадить, и сдѣлала строгое лицо.

Онъ не замѣтилъ ея неудовольствія, можетъ быть, потому, что не заслужилъ его.

— Впрочемъ, это только благодаря моей неопытности. И я надѣюсь современемъ доказать, что издавать газету стоитъ не дороже, чѣмъ поставить мелочную торговлю.

— А не проще ли другой путь?

— Какой же?

— Поискать человѣка съ капиталомъ.

— Я думаю, нѣтъ. Мы должны глядѣть въ оба, иначе капиталистъ завладѣетъ литературой, какъ уже почти завладѣлъ журналистикой. Даже поэмы будутъ писаться на фабрикахъ, гдѣ будетъ особый департаментъ элегій, особый департаментъ одъ, и гдѣ въ каждомъ будетъ свой отвѣтственный директоръ.

— А техника, эта... копировальная машина, какъ вы ее тамъ называете, она необходима? Не говоря уже о сотрудникахъ, не бездарныхъ, конечно. Гдѣ же все это взять?

Это былъ второй выстрѣлъ, но онъ даже не сморгнулъ.

— „Не бездарные сотрудники“, какъ вы выразились, совсѣмъ уже не такая рѣдкость. Возьмите перо, пузырекъ чернилъ, да листъ бумаги и, если у васъ есть матеріалъ, вы станете писателемъ не хуже всякаго другого. Вѣдь точно такъ же и оратору достаточно пня дерева и актеру—задка телѣги, чтобы проявить свой талантъ.

— Да, да,—подхватила съ увлеченіемъ Пруденсъ.—Ахъ, если бы вы знали Мери Ленъ.

— Я слышалъ о ней, хоть это и не совсѣмъ одно и то же. Нѣтъ такой преграды, которая могла бы встать между тѣмъ, кто хочетъ говорить, и тѣмъ, кто хочетъ слушать. Отстаивайте ваше право, и капиталъ вашъ будетъ расти вмѣстѣ съ вашимъ успѣхомъ.

— Однако вы недалеко ушли въ этомъ направленіи съ вашимъ „Желѣзнымъ Клеймомъ".

— Позвольте; не забывайте, что я еще только начинаю. Я пишу свою газету собственноручно. Что мнѣ въ типографскихъ станкахъ, пока я не могу купить ихъ. И всетаки я разсылаю ее при помощи дешевой почты, да нашей несравненной Сары. Что мнѣ въ издателѣ: пусть онъ самъ придетъ и поклонится мнѣ. Моя контора, редакція, типографія и все остальное занимаютъ одну маленькую комнатку. Въ одномъ углу стоитъ простой сосновый столъ, въ другомъ, прямо на полу, свалено нѣсколько стопъ бумаги. Я началъ съ однимъ подписчиковъ (тутъ онъ опять поклонился), а теперь у меня ихъ триста пятьдесятъ семь. Въ первую недѣлю я потерялъ сотню шиллинговъ, теперь я теряю столько же трехпенсовиковъ, и есть надежда, что дѣло пойдетъ.

Сара подала чай. Она немножко стѣснялась, не зная, насколько ей удается совмѣстить свою привычную молчаливость съ обязанностями радушной хозяйки. Ея неловкія попытки въ этомъ направленіи заставили гостей обратиться къ собственнымъ рессурсамъ.

— Разскажите ту забавную исторію, что вы мнѣ разсказывали про вашу собачку и про попугая,—сказала она Пруденсъ.

Пруденсъ чуть не умерла на мѣстѣ отъ этого неожиданнаго предложенія и дала понять Сарѣ выразительной мимикой, насколько оно было некстати.

Болѣе успѣшно окончилась попытка хозяйки извлечь на свѣтъ Божій „исторію стараго холостяка", настолько мало завидную, что мы не рѣшаемся утомлять ею вниманіе читателя.

Потомъ наступила очередь Спэга. Сара приказа ему „запереть дверь"—номеръ, который онъ, говоря вообще, выполнялъ блистательно, стараясь сбросить лакомый кусочекъ, положенный на ручку. Но теперь и онъ не пожелалъ показать свое искусство и съ глухимъ ворчаніемъ забился подъ стулъ своей хозяйки.

Скоро гости распрощались, при чемъ неумолимая Сара навязала таки каждому по апельсину, на дорогу. Когда всѣ разошлись, она, наконецъ, сѣла и до глубокой ночи просидѣла въ восторженномъ созерцаніи, чувствуя, что жила и работала не даромъ. Потомъ она вернулась къ дѣйствительности, тщательно прибрала комнатку, заперла ее на ключъ и ушла въ свою каморку.

XVI.

Пруденсъ вышла вмѣстѣ съ Лаурой и сдѣлала это не безъ задней мысли. Она вернулась въ городъ въ унылую осеннюю пору и на нее опять напало удручающее чувство одиночества. Ей хотѣлось имѣть друга.

Еще нужнѣе, пожалуй, была руководительница. Она была готова преклоняться передъ этой царицей женщинъ труженицъ, которая, по словамъ Сары, могла зарабатывать до четырехъ фунтовъ въ недѣлю. Она жаждала узнать, какъ этого достигаютъ.

Счастье ей улыбнулось.

— Не зайдете ли вы взглянуть на мою берлогу,— былъ первый вопросъ Лауры, когда онѣ вышли на улицу.—Я не берусь, конечно, превзойти въ хлѣбосольствѣ Сару, но, можетъ быть, подъ конецъ прогулки, вы соблазнитесь и маленькой чашкой чернаго кофе.

„Берлога" Лауры помѣщалась въ одной изъ улицъ средняго Блюмсбери, около церкви, которая видѣла уже много поколѣній богомольцевъ. Лаура отперла наружную дверь своимъ ключемъ, и онѣ вошли въ маленькую прихожую. Эхо повторяло шумъ шаговъ, когда онѣ поднимались по лѣстницѣ и читали, при тускломъ свѣтѣ газовыхъ рожковъ, на дверяхъ карточки ходатаевъ по дѣламъ, торговыхъ агентовъ и коммиссіонеровъ, которые давно уже заперли свои комнаты и ушли изъ дому на весь вечеръ. Наконецъ, онѣ дошли до двери, на которой была прибита мѣдная дощечка, съ надписью: „Шлифовальщица драгоцѣнныхъ камней, Бельтонъ".

Уличный шумъ, доносясь сюда, казался одной непрерывной нотой оркестроваго контрабаса, постепенно замирающей вдали. Это было одно изъ тихихъ пристанищъ могучаго города—убѣжище совершеннаго покоя и уединенія, куда не долетали звуки моря, моря человѣческой жизни.

Войдя въ корридоръ, Лаура зажгла лампу и пригласила гостью слѣдовать за ней. По одну сторону корридора была крошечная спальня и, рядомъ съ ней, кухня, еще меньшихъ размѣровъ. Другую половину занимала совсѣмъ уже микроскопическая комнатка, убранная просто, но со вкусомъ.

— Моя гостиная, она же и рабочій кабинетъ,—отрекомендовала хозяйка и просила садиться.

— Гдѣ же вы работаете?

— А вотъ! — и Лаура показала на оконную нишу, гдѣ дѣйствительно стояло что то прикрытое чернымъ коленкоромъ.

Она отдернула чехолъ, и подъ нимъ оказался инструментъ вродѣ швейной машины, съ педалью и колесомъ.

Пруденсъ почтительно дотронулась до машины, точно дикарь, ощупывающій какой-нибудь продуктъ европейской цивилизаціи. Лаура зажгла другую лампу, бросавшую сильный лучъ сквозь увеличительное стекло и сняла другой чехолъ, прикрывавшій цѣлый рядъ маленькихъ инструментовъ, аккуратно разложенныхъ по футлярамъ.

— Точь, въ точь какъ у зубного врача,—замѣтила Пруденсъ.

— О нѣтъ, это инструменты одного изъ самыхъ старыхъ ремеслъ въ мірѣ.

— Пожалуйста, разскажите мнѣ, какъ вы работаете.

— Это не такъ то легко разсказать. Хотите, лучше я вамъ покажу, какъ вырѣзывать печать на драгоцѣнномъ камнѣ. У меня какъ разъ есть такой заказъ.

— Да, да, покажите, хоть недолго, хоть одну секунду, пожалуйста.

Лаура взяла сердоликъ, укрѣпленный въ вязкой смолѣ, и вставила въ станокъ маленькій металическій рѣзецъ. Затѣмъ, омакнувъ его кончикъ въ какую-то жидкость, она зажгла фитель спиртовой машинки, вставила въ глазъ лупу и, какъ только колесо станка пришло въ движеніе, подъ давленіемъ педали, принялась за работу, прикасаясь къ камню осторожной, но твердой рукой.

— Вотъ вамъ и все искусство,—сказала она и, остановивъ станокъ, вытерла камень сухой тряпкой и подала его Пруденсъ.

— Я ничего не вижу,—сказала та.

— Возьмите лупу.

— Я вижу только какія то тонкія черточки, похожія на паутину.

— Ну, конечно, рисунокъ не такъ рельефенъ, какъ, напримѣръ, трещина въ камняхъ мостовой. Но если я поработаю еще полъ минуты, то вы сможете нащупать рисунокъ кончикомъ ногтя. Теперь хотите знать составъ раствора? Онъ состоитъ изъ алмаза въ порошкѣ и масла. Вы вѣдь знаете, что „алмазъ рѣжетъ алмазъ". Никакое остріе не беретъ драгоцѣнныхъ камней. Рѣзцы состоятъ изъ дисковъ разной величины и покрываются этимъ растворомъ алмазной пыли, которая, при ихъ вращеніи, и вырѣзываетъ рисунокъ. Вотъ и все.—Первый урокъ конченъ, и она закрыла станокъ футляромъ и указала Пруденсъ на стулъ. Та посмотрѣла на нее съ восторженнымъ благоговѣніемъ.

— Одно изъ самыхъ старыхъ ремеслъ въ мірѣ!—прошептала Пруденсъ.

— Да, хотя я думаю, что колесо изобрѣтено не такъ давно, не больше тысячи лѣтъ тому назадъ. Прежде работали просто руками, и, вѣроятно, приходилось тратить чуть-ли не цѣлую жизнь на отдѣлку одного камня. Но всего интереснѣй то, что даже самые тончайшіе инструменты были изобрѣтены въ глубокой древности. Если вы хотите увидѣть ихъ во всемъ блескѣ, то стоитъ только зайти какъ нибудь въ Британскій музей.

Она открыла шкафчикъ съ выдвижными ящичками, гдѣ у нея лежали слѣпки съ драгоцѣнныхъ камей древности, такъ артистически сдѣланные, что казались настоящимъ шедевромъ искусства. Нѣкоторые по діаметру равнялись монетѣ въ одинъ шиллингъ, другіе были меньше шестипенсовика. На нихъ были вырѣзаны разныя сцены изъ миѳологіи: танцы нимфъ, фавновъ и сатировъ, герои, отправляющіеся на битву, божественная голова Александра въ шлемѣ, идеально совершенный профиль Геры и олимпійскій Зевсъ. Все было прелестно: сказки, басни, религіозныя сцены, миѳы—все воплощено въ идеальныя формы. Казалось, зрителю открывался весь міръ, внѣ времени и пространства.

— Сколько надо времени, чтобы научиться? — спросила Пруденсъ, съ жаднымъ любопытствомъ.

— Пять лѣтъ; сначала въ училищѣ, потомъ въ мастерской. Но и тогда вы будете только начинающей, въ полномъ смыслѣ этого слова, вотъ какъ я теперь. Серьезную работу могла бы исполнять не раньше, какъ лѣтъ черезъ двадцать непрерывнаго труда. Но мнѣ никогда не дойти до этого. Это дѣло требуетъ терпѣнія, а у меня его нѣтъ. Я вѣдь американка, хоть и воспитывалась въ Англіи, и во мнѣ есть наша національная черта — склонность дѣлать все при помощи пара. Мой милый учитель, старичекъ французъ, жившій въ Нью-Іоркѣ, умѣлъ просиживать цѣлыя недѣли за отдѣлкой одного камня. Мирно протекали долгіе годы за кропотливой работой, поглощавшей всю его жизнь. Онъ жилъ, какъ въ монастырѣ. У него была дочь, которая помогала ему. Я училась у нихъ, пока не уѣхала сюда искать лучшей доли. Знаете, иной разъ, когда я гляжу на эти старинные камни, я чувствую какую-то тоску одиночества, стараясь представить себѣ то, что было пять тысячъ лѣтъ тому назадъ.

Возвращаясь домой, Пруденсъ встрѣтила толпу безработныхъ, которыхъ перехватили за день и теперь вели въ участокъ. Зловѣщая картина! Она напоминала толпу, идущую къ „берегамъ Плутона“. Фигуры, одна за другой, пропадали въ вечернемъ сумракѣ, и ихъ неопредѣленной формы лохмотья и слабая, колеблющаяся походка мѣшали

даже разглядѣть ихъ очертанія. Процессія охранялась полисмэнами и съ фронта, и съ фланга, и съ тыла. Всѣ молчали; былъ слышенъ только унылый стукъ каблуковъ о мостовую, напоминавшій барабанную дробь. Ужаснѣе всего было то, что всѣ эти люди шли такъ чинно, въ полномъ порядкѣ, какъ будто примирились съ неизбѣжнымъ, сказали себѣ: „оставь надежду навсегда“. Широкія, великолѣпныя улицы были ярко освѣщены; довольство и роскошь сверкали изъ оконъ магазиновъ, пресыщенныхъ данью, сбираемой ими со всего міра. Жестокая картина цивилизаціи: поверженные въ прахъ знамена, жалкое безсиліе начертанныхъ на нихъ гордыхъ девизовъ, обреченные на гибель люди, и вездѣ, куда не посмотри—публичныя женщины, эти подонки общества, уже запачканные грязью той самой земли, куда ихъ скоро положатъ.

Съ болью въ сердцѣ и чувствомъ какого то смутнаго страха, Пруденсъ вернулась домой. Въ коррвдорѣ она замѣтила на полу что то бѣлое. Это было „Желѣзное клеймо“, которое кто то засунулъ подъ дверь ея квартиры.

Она зажгла лампу, сѣла и принялась за чтенье.

„Богатство, средній достатокъ и нищета—вотъ наше положеніе“.

„Доходомъ въ 700 фунтовъ стерлинговъ и болѣе пользуется одинъ съ четвертью милліонъ людей, собственниковъ, считая въ томъ числѣ и членовъ ихъ семействъ“.

„Доходомъ отъ 160 до 700 фунтовъ стерлинговъ пользуется три и три четверти милліона людей, собственниковъ, считая въ томъ числѣ и членовъ ихъ семействъ“.

„Доходомъ въ 160 фунтовъ стерлинговъ и менѣе, до нуля, пользуются тридцать восемь милліовъ людей, работниковъ, считая въ томъ числѣ и членовъ ихъ семействъ. Расточай, или гибни! Ищи новой жизни!“

„Всякое общество, особенно наше, можно классифицировать соотвѣтственно тому, насколько каждый изъ его членовъ имѣетъ возможность удовлетворять свои насущныя потребности. Меньшинство ѣстъ разъ въ день и ночуетъ въ ночлежныхъ домахъ. Нѣсколько лучше положеніе тѣхъ, кто можетъ быть увѣренъ, что не умретъ съ голоду до конца недѣли. Еще счастливѣе тѣ, кто можетъ прожить безъ заботы о хлѣбѣ насущномъ цѣлый годъ. Тѣ, кто обезпеченъ на всю жизнь, даже при условіи достиженія Мафусаилова возраста, могутъ откинуть всѣ страхи и бросить вызовъ судьбѣ. Въ наши дни жестокаго соперничества только „милліардеръ“ да баловень счастья могутъ не бояться гибели, но, какъ общественные классы, они крайне немногочисленны. Приближаются дни, когда человѣкъ, дожившій до 60 лѣтъ

и имѣющій возможность представить письменное удостовѣреніе въ томъ, что за всю свою жизнь онъ ѣлъ каждый день по три раза и каждый день имѣлъ кровъ, будетъ считаться достойнымъ медали. И медаль будетъ выдаваться при торжественной обстановкѣ съ лавровыми вѣнками, подъ звуки трубъ".

Пруденсъ бросила газету. Вдругъ на глаза ей попалась счетная книжка. Скромный, безобидный видъ ея напоминалъ тѣмъ не менѣе, о неоплаченныхъ счетахъ.

Дѣвушка почувствовала, что сейчасъ придется сѣсть за длинную, скучную работу повѣрки счетовъ, и что результаты этой работы будутъ печальны.

На время своей поѣздки она отбросила въ сторону всѣ денежные разсчеты, опасаясь, что ей придется придти къ такимъ безотраднымъ выводамъ, которые только отравятъ ей всю прелесть путешествія. Кое-что она, впрочемъ, заработала, какъ участница предпріятія, но заработокъ и издержки не слишкомъ хорошо согласовались между собой. Перевѣсъ оказался въ худшую сторону, и за нѣсколько недѣль отсутствія она поплатилась значительной частью своего капитала.

Со вздохомъ она присѣла къ столу, просмотрѣла чековую книжку, обшарила свои карманы, исписала вычисленіями листъ бумаги и, дойдя до итога, замерла отъ ужаса: она оказалась въ положеніи туриста, который, поднявшись на крутизну, на поворотѣ горной тропинки увидѣлъ у себя подъ ногами разверстую пропасть.

Послѣдній разъ, когда она производила свои вычисленія, у нея въ банкѣ оставалось немного меньше девяти фунтовъ. Теперь же, если уплатить по всѣмъ счетамъ, едва останется девять шиллинговъ. А у нея по прежнему нѣтъ заработка и никакой надежды впереди.

Въ отчаяніи она бросилась на диванъ и долго пролежала, уткнувшись лицомъ въ подушку.

Какъ долго—она сама не знала. Потомъ она быстро поднялась, умылась холодной водой, написала Сарѣ, чтобы та не приходила больше, пока не получитъ увѣдомленіе, отнесла письмо въ почтовый ящикъ и, вернувшись домой, опять легла на диванъ.

Эта ночь была ужасна. Гнетущій страхъ передъ тѣмъ, что будетъ, безплодныя сожалѣнія о томъ, что было—все это могло сравниться развѣ только съ муками ада. И все это въ темнотѣ, которая была хуже мрака могилы, ибо въ могилѣ не остается ни сознанія, ни страданія. Одинъ часъ такихъ мукъ понятнѣе всѣхъ проповѣдей о суетѣ мір-

...ной, читаемыхъ разными благочинными въ промежуткахъ между развлеченіями.

XVII.

Оставалось только одно: взяться опять за стенографію, изучить ее въ совершенствѣ и вновь идти на рынокъ труда, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Для этого нужно было только время и даже не слишкомъ много времени. Прежніе уроки что-нибудь да значили, упорный трудъ сдѣлаетъ остальное.

Но до тѣхъ поръ нужно было просуществовать. Вѣчная, неразрѣшимая задача: какъ вскипятить воду, не имѣя ничего, кромѣ желанія добыть кипятокъ.

На слѣдующее утро она переговорила объ отсрочкѣ платы съ домовладѣльцемъ или, вѣрнѣе, съ управляющимъ домомъ, существомъ женскаго пола, въ войлочныхъ туфляхъ, проживавшимъ въ томъ же домѣ, по той же лѣстницѣ. Свиданье было не изъ пріятныхъ. Получивъ въ отвѣтъ: „пожалуйте деньги“, она вернулась къ себѣ.

Необъятныхъ размѣровъ шляпа и сверхъестественно яркая накидка—вотъ что встрѣтило ее на площадкѣ. Неизбѣжно сопровождавшее эти аттрибуты человѣческое существо врядъ ли можно было не узнать съ перваго же взгляда. Голосъ, привыкшій раздаваться въ музыкальныхъ залахъ, взглядъ, привыкшій блестѣть особеннымъ блескомъ,—могли принадлежать только миссъ Евѣ Сентъ-Гольміеръ. Молодая дѣва, очевидно, успѣла соскучиться, оказавшись въ обществѣ только дверного колокольчика.

— Здравствуйте, дорогая.

По мнѣнію Пруденсъ, можно было бы и обойтись безъ такихъ нѣжностей, отложивъ ихъ до болѣе близкаго знакомства. Но миссъ Ева была, очевидно, другихъ взглядовъ на этотъ предметъ. — Можетъ быть, вы возьмете билетъ на мой бенефисъ? Будетъ великолѣпно! Въ восемь часовъ вечера, клубъ Фанданго, по Уайтчапельской дорогѣ. Я знаю, что слѣдовало бы предложить его безплатно товарищу-артисткѣ, но вы извините меня, я увѣрена...

„Товарищъ-артистка!“ Это подѣйствовало на Пруденсъ, какъ ударъ хлыста.

— Къ сожалѣнію, я не могу претендовать на званіе артистки,—сказала она, вынимая кошелекъ.

Девять маленькихъ шиллинговъ отдѣляло ее отъ бездны нищеты. Теперь ихъ было только восемь!

— Какъ же такъ? Я слышала, что вы пошли по этой дорогѣ. Развѣ вы не дѣлали tournée по провинціи?

Дѣйствительно, какъ легко было провести параллель между Мери Ленъ съ ея идеализмомъ и этой особой, подвизающеійся въ клубѣ Фанданго. Пруденсъ не подумала объ этомъ раньше.

— Правда, но во всякомъ случаѣ я теперь безъ ангажемента,—сказала она, съ невеселой улыбкой.

— Не надо кричать объ этомъ во всеуслышаніе, моя дорогая. Это вамъ повредитъ. Не ваше дѣло заявлять публикѣ, что вы нуждаетесь въ работѣ. Сообщайте это подъ другимъ соусомъ Вотъ посмотрите:

Она вынула изъ кошелька газетную вырѣзку и прочла:

„Несравненная Ева Сентъ-Гольміеръ, единственная интересная женщина въ мірѣ. Танцы: легкіе, пластическіе, эксцентричные. Пѣніе: концертное, сентиментальное, патріотическое, комическое, куплетное. Не безъ ангажемента, но не безъ отдыха. Лучшіе аттестаты и рекомендаціи. Е. Сентъ-Гольміеръ“.

Пруденсъ не нашлась, что отвѣтить, но у нея мелкнула мысль, неужели и она когда-нибудь дойдетъ до этого?

— Теперь не оберешься работы въ нашемъ жанрѣ,—продолжала „несравненная“.—Пантомима вышла изъ моды, но у насъ красивая дѣвушка никогда не пропадетъ. Мѣста освобождаются безпрестанно. Можетъ быть, хотите попробовать? Я могу научить васъ пластикѣ.

Пруденсъ хотѣла было уничтожить ее негодующимъ взглядомъ, но звенѣвшее еще у нея въ ушахъ: „пожалуйте деньги“ и полная безнадежность ея положенія заставили ее быть снисходительнѣе и не прерывать потока краснорѣчія миссъ Евы.

— Пожалуй, вы слишкомъ малы ростомъ, чтобы занять мѣсто въ первой шестеркѣ,—продолжала та хладнокровно.—Вѣдь самыя крупныя фигуры—это центръ балета. Но для тѣхъ амплуа, гдѣ нужна легкость, васъ, я увѣрена, охотно возьмутъ.

— О нѣтъ, я ненавижу этотъ жанръ.

— Какъ и я. Но, несмотря на это, я уже „звѣзда“.

— Я бы хотѣла лучше на разговорныя роли.

— И это можно. Есть и такая робота, но она не такъ благодарна, какъ балетъ. Бываетъ, конечно, и хуже. Я испытала, что значитъ быть „живой рекламой“. Работа чистая, но на ней далеко не уѣдешь. Разъ ты попалъ въ витрину, такъ и проторчишь тамъ до тридцати лѣтъ, а затѣмъ—маршъ на всѣ четыре стороны *).

*) Въ Англіи, въ модныхъ магазинахъ, существуютъ „живыя рекламы“

„Живая реклама!“ Неужели это неизбѣжно?

— Я сама прошла черезъ все это,—продолжала миссъ Ева.—Вы, можетъ быть, не повѣрите, но мнѣ приходилось стоять въ витринѣ моднаго магазина—вотъ тутъ, недалеко отъ васъ—по восьми часовъ въ сутки.

Пруденсъ въ смущеніи смотрѣла на нее.

— Торчишь тамъ съ утра до ночи, изображая какую-нибудь grande dame или фею, и вся, съ головы до ногъ, на виду. Буквально некуда спрятаться, да еще причесывайся по три раза въ день. Я была такъ счастлива, когда избавилась отъ этого удовольствія.

Пруденсъ содрогнулась. Опять, какъ будто изъ мрачной пропасти, выплылъ крикъ: „пожалуйте деньги“. Но она взяла себя въ руки и продолжала слушать.

— Молодая особа, которая заняла мое мѣсто, въ прошлую субботу вышла замужъ. Первый разъ она увидѣла его изъ витрины, и судьба ея была рѣшена.

Миссъ Ева, вѣрная себѣ, долго бы еще болтала въ томъ же духѣ, если бы нашла поддержку въ собесѣдницѣ. Но Пруденсъ молчала, и ей оставалось только откланяться и уйти.

Тогда Пруденсъ вышла изъ дому, украдкой проскользнула въ указанный модный магазинъ, предложила тамъ свои услуги, получила мѣсто и съ легкимъ сердцемъ поспѣшила на курсы стенографіи, чѣмъ и закончила свой циклъ дневныхъ трудовъ.

Миссъ Еву Сентъ-Гольміеръ, какъ артистку, отдѣляла отъ Мэри Ленъ глубокая пропасть. Миссъ Ева подвизалась на открытой сценѣ музыкальныхъ залъ самаго низкаго разбора изъ извѣстныхъ широкой публикѣ. Наиболѣе популярные клубы восточныхъ окраинъ города это тѣ, гдѣ можно отбросить всякія условности и смѣло наслаждаться жизнью по своему усмотрѣнію. Здѣсь всегда своя открытая сцена, свой буфетъ, столовая, свои любимыя шансонетки. Артистки, выступающія въ этихъ своеобразныхъ храмахъ искусства, составляютъ особый классъ. Онѣ искусились на разнаго рода паясничаніи и нисколько не стремятся въ музыкальные клубы Вестъ-Энда.

Пруденсъ рѣшилась воспользоваться купленнымъ билетомъ. Придя въ клубъ передъ началомъ представленія, она очутилась въ самомъ разгарѣ торжества. Жизнь кипѣла ключемъ. „Дѣти земли трудовой“ всегда дѣятельны, особенно, когда приходятъ въ свой собственный клубъ, суще-

---

красивыя дѣвушки, демонстрирующія въ витринѣ на себѣ готовые туалеты. *Прим. переводчика.*

ствующій на ихъ деньги и подъ ихъ распорядительствомъ. Казалось, стѣны тряслись отъ ихъ шумнаго веселья; сознавая себя членами, все равно, почетными или нѣтъ, они наслаждались во всю. Зала представляла изъ себя арену грубаго обжорства и пьянства, клубы табачнаго дыма сплошной пеленой стояли между зрительной залой и сценой.

Веселье было скотское, оно напоминало Калибана въ часы отдыха. Пѣсни, которыя Пруденсъ слышала здѣсь или могла прочесть на афишѣ, купленной у входа за пенни, грозили гибелью народу. Грубое веселье —развѣ это не тотъ же развратъ?

Солистка и хоръ на сценѣ пѣли:

Соло: „Какъ въ замкѣ Занзибарскомъ, въ чертогѣ своемъ царскомъ
„Царь обезьянъ Газу задумалъ пиръ горой
„Невѣсту онъ ласкаетъ, ей пѣсни напѣваетъ
„Владыку поздравляетъ
„Вассаловъ цѣлый рой“.

Хоръ: „Мой милый шимпанзе, ужасно я влюбленъ,
„Достойную подругу ввожу къ себѣ на тронъ.
„Всѣхъ обезьянъ бѣгу, одну тебя люблю,
„Весь обезьяній міръ тобою удивлю“

Остальныя пѣсни были въ этомъ же родѣ, отзываясь поэзіей помойныхъ ямъ, поэзіей кабаковъ, поэзіей обытателей задворокъ. Названія были одно вульгарнѣе другого: „Мудрецъ и луковица“, „Новая шляпа Перджама“, „Красотка въ темнотѣ“ и т. п.

Милосердый Боже! Какая крайность можетъ извинить тѣхъ, кто допускаетъ насъ идти по этой дорогѣ? Вѣрьте, эта опасность такъ же велика, какъ опасность присутствія въ Дуврѣ германскаго флота, который, при побѣдныхъ крикахъ, принесетъ съ собою покореніе всѣхъ падшихъ нравственно націй.

На сценѣ появилась миссъ Ева Сентъ-Гольміеръ. Ее встрѣтили горячимъ одобреніемъ, выразившимся стукомъ стакановъ о столы, что служило нагляднымъ примѣромъ того, какъ убить двухъ воробьевъ однимъ камнемъ, обозначая одновременно и поощреніе артисткѣ, и требованіе наполнить опустѣвшіе стаканы.

Она спѣла пѣсенку подъ названіемъ: „Человѣкъ по моему выбору“. Смыслъ ея былъ таковъ: двое, а именно военный безъ гроша въ карманѣ и престарѣлый милліонеръ, оспариваютъ другъ у друга ея руку и сердце, а она затрудняется, кому отдать предпочтеніе. Она спросила совѣта у зрителей и большинство отвѣтило такъ же, какъ отвѣтили друзья старику, владѣльцу осла, въ баснѣ. Кто-то посовѣ-

товалъ „попользоваться у обоихъ, но не выходить ни за одного“, но публика рѣшила, что совѣтчикъ зашелъ слишкомъ далеко. Поклонники миссъ Евы сдѣлали даже попытку изгнать его изъ залы, но отступили передъ его гнѣвнымъ взглядомъ. Онъ служилъ кочегаромъ на океанскомъ пароходѣ, и теперь глаза его метали молніи не хуже молній тропическихъ грозъ.

Потомъ Миссъ Ева, при одобрительномъ смѣхѣ публики, исполнила модный танецъ. Движенія ея были такъ энергичны, что давали возможность убѣдиться въ красотѣ не только верхней ея одежды.

Были исполнены еще номера, послѣ которыхъ бенефиціантку засыпали букетами, по своей величинѣ и изяществу сильно смахивавшими на бараньи котлетки, какъ ихъ приготовляютъ во Франціи. Самый большой букетъ былъ брошенъ нѣкіимъ молодымъ человѣкомъ, по виду чрезвычайно напоминавшимъ барана, одѣтаго въ человѣческій костюмъ. Прежде, чѣмъ бросить букетъ, онъ укрѣпилъ одинъ цвѣтокъ у себя въ петлицѣ.

Миссъ Ева замѣтила Пруденсъ и послала ей воздушный поцѣлуй. Затѣмъ, окончивъ свой номеръ, она подбѣжала къ ней.

Бѣдная дѣвушка сидѣла въ своемъ углу, краснѣя отъ жгучаго стыда. Она никогда не видѣла ничего подобнаго, и то, что происходило на сценѣ, казалось ей величайшимъ грѣхомъ изъ всѣхъ, стоящихъ въ кодексѣ грѣховъ женскаго пола—продажи своего тѣла.

— Ну что? Какъ вамъ нравится?—спросила миссъ Ева.

У всѣхъ членовъ театральной профессіи, все равно высшей или низшей, благородной или простой, есть эта манера припирать васъ къ стѣнѣ такимъ вопросомъ.

И въ отвѣтъ на него Пруденсъ сказала невинную, неизбѣжную ложь.

— Я въ восторгѣ, что вы пришли,—сказала миссъ Ева, цѣлуя ее, и въ то же время мысленно рѣшила, что „эта лисичка“ завидуетъ ей.

Миссъ Ева явилась въ сопровожденіи того самаго молодого человѣка, который бросилъ ей самый большой букетъ.

— Мой братъ Реджинальдъ Сентъ Гольміеръ, авторъ и композиторъ шансонетокъ,—отрекомендовала она.

Молодой человѣкъ проявилъ величайшую деликатность. Первымъ его побужденіемъ было предложить Пруденсъ стаканъ... онъ хотѣлъ сказать: „чего-нибудь горячительнаго“, но, во время спохватившись, сказалъ—лимонаду.

Пруденсъ могла только отрицательно покачать головой.

Послѣ краткаго разговора, посвященнаго, главнымъ образомъ, восхваленію талантовъ ея брата, миссъ Ева оставила ихъ однихъ и не безъ задней мысли. Пруденсъ не замѣтила этой уловки, какъ не замѣтила бы птица кусочка сахару въ комнатѣ, объятой пламенемъ пожара.

Скоро, впрочемъ, она успокоилась. Молодой человѣкъ во всякомъ случаѣ держалъ себя почтительно. Ей начинало даже казаться, что онъ совсѣмъ приличный малый, только несчастливъ въ сестрахъ. Знай она больше, она, вѣроятно, пожалѣла бы всю ихъ родню. Реджинальдъ былъ лучшій изъ всѣхъ, но чѣмъ же онъ занимался? Мелкое газетное сотрудничество въ отдѣлѣ спорта—и только.

— Извините, миссъ, но вы сидите какъ разъ противъ двери, на сквозномъ вѣтру. Неужели вы не боитесь...

Пруденсъ вопросительно смотрѣла на него.

Онъ хотѣлъ было закончить... „схватить насморкъ“, но. вспомнивъ, съ кѣмъ говоритъ, выразился болѣе изысканно, сказавъ... „получить опасную болѣзнь“.

— Нѣтъ, мнѣ отлично и здѣсь.

— Вы еще упорствуете въ своемъ отказѣ принять мое угощеніе?

— Благодарю васъ, я ничего не хочу.

— Можетъ быть, откушаете сандвичей?

Слово „откушать“ Реджинальдъ употребилъ, желая быть изысканно вѣжливымъ. Обыкновенно онъ говорилъ просто „ѣсть“, особенно когда бывалъ голоденъ, но вѣдь теперешній случай былъ не изъ обыкновенныхъ. Преступникъ передъ казнью выражается о своемъ послѣднемъ завтракѣ всегда съ помощью этого глагола.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Вы совершенно, какъ я, смѣю сказать. Я тоже...

— Я этого не нахожу.

— То есть въ томъ отношеніи, что я тоже иногда не могу проглотить куска, особенно когда пишу что-нибудь.

— Однако пора уходить.

— Вы позволите мнѣ проводить васъ?

— О нѣтъ, я знаю дорогу.

Невозможно было отпустить ее такъ. Его сердце, сердце писателя, жаждало похвалъ своему таланту. При всей своей вульгарности, онъ былъ все же поэтъ, а люди этой породы при сношеніяхъ какъ съ издателями, такъ и съ публикой, скорѣе пожертвуютъ своимъ заработкомъ, чѣмъ откажутся слушать панегрики себѣ.

Онъ рѣшилъ забѣжать зайцемъ впередъ.—А вѣдь ловко я состряпалъ „Человѣка по моему выбору“? Вѣдь въ одинъ присѣстъ! До двѣнадцати часовъ прошлой ночи не было

еще ни одной строки. Не понадобилось ничего, кромѣ рампы.

„И вино!“ чуть чуть не сорвалось съ языка Пруденсъ. Теперь она была смѣлѣе, ибо чувствовала, что онъ не позволитъ себѣ ничего лишняго.

— Пожалуйста, извинитесь за меня передъ вашей сестрой, — сказала она, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться — и вышла.

Тогда Реджинальдъ прошелъ прямо въ буфетъ, гдѣ его ждалъ пріятель, вынулъ изъ кармана монету, бросилъ ее передъ нимъ на столъ и съ необыкновенной ловкостью, еще на лету, прикрылъ двумя пальцами.

— Орелъ или рѣшетка? — спросилъ онъ.

— Орелъ.

Реджинальдъ поднялъ руку и пріятель проигралъ. Онъ никогда не приступалъ къ выпивкѣ, не продѣлавъ предварительно этой церемоніи, и былъ твердо увѣренъ, что это высшій шикъ аристократическихъ клубовъ Вестъ-Энда.

— А ничего себѣ штучка, - сказалъ пріятель, глядя вслѣдъ Пруденсъ.

— Ничего особеннаго, бывали и лучше, — отвѣчалъ Реджинальдъ, желая подчеркнуть свое равнодушіе къ женской красотѣ.

— Твоя сестра сегодня необыкновенно авантажна.

— Да, могу сказать, сегодня она одѣта хорошо, — отозвался Реджинальдъ, весьма польщенный похвалой туалету миссъ Евы.

XVIII.

Новая работа Пруденсъ началась на другой же день. Она сидѣла въ витринѣ магазина, у всѣхъ на виду, служа живой выставкой и демонстрируя свой нарядъ въ этой стеклянной клѣткѣ, съ безконечными повтореніями, передъ проходившей толпой.

„Живая реклама“ — таково было теперь ея имя — была до такой степени на виду у толпы, что, въ сравненіи съ ней, какой-нибудь знаменитый актеръ или король на тронѣ могли считаться отшельниками. Каждый уличный зѣвака могъ бы дотронуться до нея, если бы не стекло витрины. Каждый могъ совершенно свободно смотрѣть ей въ глаза, какъ только она поднимала ихъ. Зрители мѣнялись поминутно, но это была все та же толпа. Ни у кого не отражалось на лицѣ ничего, кромѣ празднаго любопытства, большей или меньшей степени напряженія. Всякое ея движеніе подстерегалось, вставала ли она, садилась или поднимала

руку. Иногда передъ витриной появлялись группы по два, по три человѣка, и въ этихъ случаяхъ, по движенію губъ и сопровождавшему его смѣху, она догадывалась, что критикуется вся ея фигура съ ногъ до головы. Взглядъ неумолимыхъ соглядатаевъ сверкалъ насмѣшкой; они, казалось, наслаждаются жестокимъ чувствомъ собственника, забавляясь живой рекламой — этимъ достояніемъ общественнаго любопытства.

Сначала это непрерывное шпіонство, грубое и безжалостное, о которомъ она ни на секунду не могла забыть, сводило ее съ ума. Она ежеминутно волновалась по поводу своей прически и костюма и безпрестанно оправляла то волосы, то платье. Она надѣялась, что это выходитъ у нея незамѣтно, но, тѣмъ не менѣе, каждое ея движеніе встрѣчалось наглыми улыбками или взрывомъ смѣха.

Это была толпа, въ самыхъ возмутительныхъ ея проявленіяхъ. Отвратительны были пошлыя лица, глядѣвшія на нее, отвратительны грязныя руки, державшіяся за барьеръ витрины.

Такъ прошелъ безъ передышки весь ея первый рабочій день. Ни разу въ жизни она не испытывала ничего подобнаго. Она даже пропустила свой вечерній урокъ на курсахъ стенографіи, боясь встрѣтиться съ людьми своего круга. Она бѣжала домой съ тѣмъ же самымъ чувствомъ стыда, какое охватило ее, когда она увидѣла на сценѣ миссъ Еву Сентъ-Гольміеръ. Ей казалось, что и она тоже показываетъ свое тѣло за кусокъ хлѣба.

На второй день она успокоилась на чемъ-то въ родѣ компромисса, рѣшившись сидѣть, не поднимая глазъ. Прошло еще нѣсколько дней—и она привыкла владѣть собой и казаться равнодушной А тамъ явились и развлеченія: сначала въ лицѣ мистера Сентъ-Гольміеръ, великолѣпно изобразившаго, при видѣ ея, изумленіе актера на сценѣ и продѣлавшаго жестъ, который можно было принять за поклонъ, а скорѣе, за желаніе поправить шляпу, а потомъ и въ лицѣ вѣрнаго Снэга. Послѣдній ознаменовалъ свой успѣхъ въ поискахъ за хозяйкой восторженнымъ лаемъ и попыткой ворваться въ магазинъ. Когда ему дали понять знаками, что это не годится, онъ убѣжалъ, но продолжалъ являться въ теченіе всего дня, съ единственной цѣлью доставить себѣ удовольствіе постоять передъ витриной и посмотрѣть на свою госпожу. Съ этихъ поръ онъ каждый день провожалъ ее до магазина, потомъ забѣгалъ къ ней около полудня, садился передъ окномъ, смотрѣлъ на нее и, наконецъ, прибѣгалъ вечеромъ, чтобы проводить ее на курсы.

Вечерній урокъ на курсахъ начинался въ шесть, и она

могла только выпить чашку чаю съ бисквитомъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, чтобы не опоздать. Урокъ продолжался безъ перерыва три часа, такъ что подъ конецъ у дѣвушки разбаливалась голова. Аккуратно къ девяти часамъ являлся Спэгъ. Опустивъ хвостъ и насторожнвъ уши, онъ садился у лѣстницы, напряженно ожидая звука знакомыхъ шаговъ, который онъ различалъ безошибочно, чтобы со всѣхъ ногъ броситься ей навстрѣчу. Они шли домой ужинать, а послѣ ужина опять выходили на прогулку. Только эти прогулки и поддерживали ея силы. Иногда они гуляли почти что до полуночи, не переставая разговаривать и особенно сильно чувствуя свою близость въ такія минуты. Въ безлюдныхъ мѣстахъ Пруденсъ брала собаку на руки и горячо обнимала и цѣловала ее. Спэгъ иногда отвѣчалъ на ея ласки, но большей частью лишь покорялся имъ. „Нѣжности не въ моемъ вкусѣ, хозяйка, но если это тебѣ нравится, то продолжай", вотъ что онъ могъ бы сказать. Если бы не собака, то у нея не хватило бы силъ выдержать этотъ искусъ.

Бѣдняки сближаются въ школахъ. Мало по малу Пруденсъ начала сходиться съ тѣми, кто былъ въ такомъ же положеніи, какъ и она. Ея новыя товарки были изъ тѣхъ, кто тратитъ на ѣду отъ двухъ до четырехъ пенсовъ въ день, но тщательно заботится о поддержаніи приличной внѣшности, хотя бы съ помощью поношенныхъ дорогихъ вещей съ чужого плеча. Лишь немногія позволяли себѣ ѣздить на трамваяхъ и въ омнибусахъ весь путь до своихъ квартиръ на окраинахъ туда и обратно. Одна изъ учащихся, часто позволявшая себѣ чрезмѣрную роскошь проѣхать въ оба конца, дѣлала это потому, что была больна, но всетаки считала необходимымъ каждый разъ оправдываться передъ общественнымъ мнѣніемъ. Ходить пѣшкомъ она не могла, но всетаки нашла способъ, какъ свести на нѣтъ этотъ лишній пенсъ на трамвай, не урѣзывая себя въ ѣдѣ. Ей посчастливилось отыскать гдѣ то въ углу цѣлую груду пустыхъ бутылокъ изъ подъ портера, и каждая такая бутылка, будучи обращена въ деньги, вполнѣ покрывала стоимость проѣздного билета. Другая ученица была четвертой дочерью пастора и не самой младшей въ его семейномъ цвѣтникѣ. Ея папаша былъ преисполненъ самыхъ нѣжныхъ родительскихъ чувствъ. Регулярно каждый день онъ приходилъ пить чай съ дочерью и приносилъ все необходимое для этого съ собой. Дочка—можетъ быть, за недостаткомъ болѣе питательной пищи—пожирала систему Питмана такъ же быстро, какъ курьерскій поѣздъ пожираетъ пространство, отхватывая милю за милей, и несомнѣнно была въ числѣ кандидатокъ на золотую медаль.

———

Разговоры вертѣлись на такихъ интересныхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, сколько времени можно носить платье, своевременно отдавая его въ чистку и окраску, прежде чѣмъ оно превратится въ лохмотья. Была тамъ и такая, которая добывала деньги на плату за лекціи тѣмъ, что служила у своихъ сестеръ за горничную. Сестры платили деньги не даромъ: „Долли, гдѣ мои ботинки!“, „Долли, принеси кипятокъ!“ — слышалось утромъ изъ всѣхъ угловъ. Еще одна, маленькая сѣдая старушка, лѣтъ 60-ти, жила въ одномъ изъ тѣхъ общежитій, которыя напоминаютъ пассажирскія комнаты на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и стоятъ каждому жильцу 10 шиллинговъ въ недѣлю. Спальни тамъ отдѣлены одна отъ другой только занавѣсками. Каждая занавѣска принадлежала владѣлицамъ двухъ сосѣднихъ кроватей, между которыми она была протянута, поэтому происходили постоянные споры о томъ, можно ли задернуть ее, или нѣтъ. Эта старушка особенно дорожила курсами и обществомъ товарокъ; съ ними она чувствовала себя какъ будто моложе.

Стоическій героизмъ, съ которымъ эти женщины тянули свою лямку, могъ бы подкупить въ ихъ пользу всякаго просвѣщеннаго зрителя. Онѣ покорно переносили свое положеніе, не видя въ этомъ заслуги. Жестокая нужда — вотъ ихъ удѣлъ, отъ колыбели до могилы. Но, въ сущности, развѣ счастливѣе тѣ, кто занимается фланированіемъ по улицѣ изо дня въ день? И они находятся подъ Дамокловымъ мечемъ, или, выражаясь языкомъ теологіи, на краю могилы. Каждую минуту съ ними можетъ случиться все, что угодно. Корка отъ апельсина, попавшая подъ ноги, шальной моторъ, котораго они не замѣтили во время, можетъ прервать ихъ жизнь, или, что, пожалуй, еще важнѣе, отразиться на ихъ скромномъ бюджетѣ, заставивъ ихъ сдѣлать новое платье.

Между тѣмъ, Пруденсъ готовился новый ударъ судьбы. Постепенно „живая реклама“ начала пріѣдаться публикѣ. Было несомнѣнно, что она не привлекаетъ покупателей. Даже праздные зѣваки останавливались передъ витриной не такъ часто, несмотря на краснорѣчивыя печатныя рекламы, разсылавшіяся въ большомъ количествѣ и употреблявшіяся получателями для закуриванія трубокъ. Владѣлецъ магазина началъ безпокоиться. Онъ былъ достаточно честенъ, чтобы признать свою помощницу внѣ всякаго порицанія, тѣмъ болѣе, что онъ часто наблюдалъ за ней украдкой и не могъ ни въ чемъ ее упрекнуть. Если иногда у него и мелькала мысль, что какая-нибудь развязная дѣвица изъ ресторана была бы еще лучше, то онъ великодушно отгонялъ ее прочь. Какъ бы то ни было, но въ

одинъ прекрасный день онъ объявилъ Пруденсъ, что ближайшая суббота будетъ послѣднимъ днемъ ея службы.

Дѣвушка совсѣмъ растерялась. Въ минуты слабости она даже почти рѣшалась написать Гертрудѣ Голль, но тотчасъ же отгоняла эту мысль, именно потому, что, какъ она знала, это вызвало бы тѣ послѣдствія, какихъ она больше желала. Гертруда была ея старая школьная подруга, и гордость мѣшала Пруденсъ обратиться именно къ ней, такъ какъ школьницы всегда старались показать другъ другу, что онѣ ни въ чемъ не нуждаются и могутъ пользоваться всѣми благами жизни.

Она продолжала переписываться съ Мери Ленъ, и та нациняхъ прислала ей письмо, еще не зная о ея бѣдственномъ положеніи. Визитъ Мери въ колонію толстовцевъ окончился тѣмъ, что она вступила въ члены ея. И теперь она въ была въ восторгѣ и отъ самой фермы, и отъ ея обитателей.

„Старая ферма—мѣсто абсолютнаго покоя. Старинные камины, низкіе потолки, чисто выбѣленныя стѣны, хорошенькія лѣстнички изъ одного этажа въ другой, маленькія бѣлыя кроватки для дѣтей и въ каждой комнаткѣ копіи устава общины“.

„Члены должны носить простыя, короткія платья, съ такими рукавами, чтобы ихъ можно было бы засучивать до локтей“.

„Члены должны въ разговорахъ между собой быть учтивыми и повиноваться во всемъ сестрѣ-распорядительницѣ. Если же онѣ чѣмъ нибудь недовольны, то могутъ заявлять объ этомъ на общемъ собраніи“.

„Одинъ часъ въ день каждый обязанъ проводить въ молчаніи: въ размышленіяхъ или за чтеніемъ серьезныхъ книгъ“.

„Мы должны работать для добыванія хлѣба насущнаго, насколько позволяютъ намъ наши силы“.

„Мы обѣщаемъ, по мѣрѣ возможности бороться противъ свѣтскихъ условностей, противъ общественныхъ предразсудковъ и не поддаваться слабости и страху“.

„Мы обѣщаемъ не убивать безъ нужды ни одно живое существо. Мы обѣщаемъ беречь и хранить все прекрасное“.

„Мы изгоняемъ изъ своей жизни всякіе слѣды роскоши и излишествъ. Мы считаемъ, что, какъ братскій союзъ, мы должны дѣлить жизнь народа“.

„Пруденсъ, неужели вы не пріѣдете? Право стоитъ, хотя бы только для того, чтобы посмотрѣть комнату сестры-распорядительницы. По стѣнамъ — цитаты изъ Библіи, изъ Св. Франциска, изъ Новаго Завѣта, написанныя ея собственной рукой. Надъ письменнымъ столомъ большая фотографія:

бракосочетаніе Св. Франциска съ Нищетой. А дѣти? Если бы вы видѣли дѣвочку, спасенную изъ грязнаго вертепа, одного изъ самыхъ ужасныхъ въ Лондонѣ! Если бы вы видѣли какъ она мила въ своемъ бѣломъ вышитомъ передничкѣ, съ красной ленточкой въ волосахъ. А какая прелесть всѣ эти обѣды и ужины! Опрятно накрытый столъ (накрытый исключительно тѣми, кто сидитъ за нимъ), непринужденная, дружеская бесѣда, а тамъ мытье посуды и уборка общими силами, безъ всякой помощи прислуги. Садъ у насъ — сущій рай. Тамъ хорошо даже теперь, въ зимнее время. Одна изъ нашихъ дѣвочекъ скоро ослѣпнетъ, и на той недѣлѣ я повезу ее къ морю, чтобы она могла запечатлѣть въ душѣ своей этотъ образъ прежде, чѣмъ глаза ея закроются навсегда".

Какая чудная жизнь, но увы! Ей не на что было ѣхать туда.

Вѣрная Сара всетаки разыскала ее. Она сразу увидѣла положеніе дѣлъ и, ни слова не говоря, достала изъ кармана совереиъ.

— Это очень великодушно съ вашей стороны, Сара, сказала Пруденсъ, смотря на ея протянутую руку.

— Ну, чего ужъ тутъ,—возразила Сара запальчиво.

— Право я не могу...

— Кажется, вы не понимаете меня, миссъ... Я вовсе не дарю вамъ.

— Такъ какъ же?

— Я просто даю вамъ взаймы, по шести процентовъ въ годъ. Это больше, чѣмъ мнѣ дали бы въ банкѣ.

Пруденсъ смиренно приняла помощь и, не стараясь притвориться, что она не понимаетъ, какое чувство руководило Сарой, нѣжно поцѣловала ее. Но соверенъ не пригодился ей. Черезъ часъ ее начали мучить угрызенія совѣсти, и, боясь, что она никогда не сможетъ вернуть долга, она отослала деньги обратно по почтѣ, съ увѣдомленіемъ, что ея дѣла внезапно измѣнились къ лучшему.

Кажется, что человѣкъ изъ притчи, зарывшій въ землю талантъ, былъ однимъ изъ великихъ, но, увы! не понятыхъ людей.

XIX.

Въ отчаяніи Пруденсъ рѣшилась на крайнее средство: просматривать объявленія мелкихъ бульварныхъ листковъ, въ надеждѣ хоть тамъ найти что-нибудь подходящее. Каждый столбецъ этихъ объявленій представляетъ своего рода западню и является причиной многихъ трагедій, хотя и не

совсѣмъ подходящихъ подъ наше понятіе трагическаго, но не менѣе ужасныхъ по послѣдствіямъ. Здѣсь плуты вытягиваютъ у своихъ жертвъ послѣдніе шиллинги, обѣщая взамѣнъ легкій и вѣрный способъ разбогатѣть. Получивъ деньги, они присылаютъ вамъ рецептъ: купить машинку для печенія картофеля и въ тотъ же день перепродать ее. Многіе въ этомъ направленіи доходятъ до виртуозности.

До глубокой ночи дѣвушка просиживала надъ головоломными ребусами, помѣщаемыми въ тѣхъ же газетахъ, за что тоже сулилось вознагражденіе. Вдругъ, въ одинъ глубоко несчастный для нея день, она прочла, что можно заработать цѣлую тысячу фунтовъ, безъ всякаго напряженія ума. Для этого нужно было только поѣхать въ Нью-Іоркъ тому, кто согласился бы пожертвовать однимъ изъ своихъ ушей въ пользу нѣкоего американскаго милліонера, лишившагося этого органа. Требовалось только одно: согласиться на операцію. Дѣвушкѣ страстно захотѣлось — не операціи, конечно, а обѣщаннаго вознагражденія. Черезъ минуту, забывъ обо всѣмъ, кромѣ того, что даже тысячная часть этой платы составляетъ для нея капиталъ, она стояла передъ зеркаломъ, изобрѣтая новую прическу, которая прикрывала бы это маленькое уродство. Но мысль, что ея ухо никоимъ образомъ не подойдетъ мужчинѣ, охладила ея пылъ. По всей вѣроятности то ухо, которое ищетъ себѣ товарища, гораздо длиннѣе и обрасло волосами: вѣдь это ухо янки.

Ей стало стыдно. Вѣдь такая сдѣлка — та же торговля своимъ тѣломъ. Она рѣшила, что не пожертвуетъ даже половиной своего уха въ отвѣтъ на такое позорное предложеніе.

Несмотря на всѣ свои невзгоды, она не забывала каждый день просматривать „Желѣзное клеймо". Издатель зналъ свое дѣло. Въ его газетѣ были только подлинныя объявленія, ибо ихъ авторамъ было незачѣмъ лгать. Банкротъ изъявлялъ свою готовность на всякія соглашенія, не теряя надежды снова стать на ноги. Нѣкая вдова, несомнѣнно, спартанка по происхожденію, предлагала больницамъ свою кожу для залѣчиванія ранъ, чтобы на вырученныя деньги поддержать своихъ сыновей въ жизненной борьбѣ. Старый Ньюгэтъ врядъ ли могъ пойти дальше въ тѣ дни, когда приговоренный къ смерти преступникъ продавалъ свой скелетъ за вечернюю попойку.

По поводу другого рода объявленій, какія помѣщались въ газетахъ его конкуррентовъ, „Желѣзное клеймо", со скрежетомъ зубовнымъ, говорило:

„Это только новая форма человѣческой подлости, подлости болтать о хорошихъ вещахъ и брать за это деньги съ

тѣхъ, кого эти хорошія вещи соблазняютъ. Говорите бѣдняку о достаткѣ — и останетесь въ барышахъ. Вы можете вытянуть у нихъ послѣдніе гроши, показывая имъ то, чего нѣтъ, рисуя обитателямъ задворковъ картины роскоши, суля умирающимъ съ голоду парадные банкеты. Вы дадите имъ иллюзію. Найдете только четыреста счастливчиковъ, имѣющихъ шансы побѣдить въ борьбѣ за двѣсти мѣстъ на рынкѣ труда — и всѣ они будутъ жадно читать ваши объявленія. Это не что иное, какъ искусство показывать лакомый кусокъ такъ, чтобы только облизывались, глядя на него. Можно ли сомнѣваться, что когда будутъ исчерпаны всѣ способы вытягивать деньги у бѣдняковъ, придумаютъ какой-нибудь новый способъ говорить о водѣ людямъ, томящимся въ аду".

Пруденсъ ясно сознавала всю пошлость жизни высшаго общества, которую бичевалъ издатель „Желѣзнаго Клейма", но всетаки эта жизнь соблазняла ее. Она и ненавидѣла богачей, и завидовала имъ. Она раскаивалась въ этомъ чувствѣ и рѣшалась быть терпѣливой, твердой, и не поддаваться искушенію, тянувшему ее въ другую сторону. Она забывала, что принимала уже нѣсколько разъ эти благоразумныя рѣшенія, безъ всякаго результата. Она искала радостей жизни, а онѣ не давались ей въ руки. Она была женщиной: и удары судьбы ложились на нее еще тяжелѣе. Она чувствовала себя совершенно безпомощной передъ лицомъ жизни. Бывали минуты, когда въ душѣ ея не оставалось ничего, кромѣ глубокаго отчаянія. Она съ тоской спрашивала Творца, отчего онъ такъ немилостивъ къ женщинамъ и скоро ли, наконецъ, ея голова склонится подъ послѣднимъ ударомъ.

Слѣдующимъ этапомъ былъ ломбардъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ ломбардовъ, гдѣ каждый посѣтитель оказывается въ своего рода обманчивомъ уединеніи, въ узкомъ корридорчикѣ, настолько узкомъ, что стѣны его напоминаютъ чудовищной величины лошадиные наглазники и такъ же грязны. Оцѣнщикъ помѣщается въ глубинѣ корридорчика, величественный, какъ судья, и взвѣшиваетъ каждую вещь и объявляетъ цѣну съ такимъ холоднымъ презрѣніемъ, какъ будто операція заклада относится къ числу смертныхъ грѣховъ. Торговаться съ нимъ безполезно; всякій разговоръ можетъ повести лишь къ тому, что васъ заподозрятъ въ тождествѣ съ темными личностями, занимающими сосѣдніе корридорчики. Заклады одинъ за другимъ проваливались въ окошечко оцѣнщика съ такой быстротой, точно онъ ихъ глоталъ.

При первомъ своемъ посѣщеніи этого пріятнаго мѣста

Пруденсъ чуть не упала въ обморокъ отъ грубаго приказанія написать свое имя на квитанціи. Растерявшись, она стояла неподвижно, пока второй, еще болѣе рѣзкій окрикъ не повторилъ приказанія написать имя на листкѣ бумаги, который она уронила на полъ. И все это подъ стукъ хлопавшей двери, то и дѣло пропускавшей новыхъ посѣтителей. Въ первый разъ она инстинктивно обернулась взглянуть, кто вошелъ, и увидѣла такое отталкивающее лицо, что поскорѣе отвернулась. Это было утромъ, въ праздничный день, когда дѣла ломбарда идутъ особенно бойко. Но тутъ она почувствовала у себя за спиной чье-то горячее дыханіе, напоминавшее ей, что она не одна. Это нагнало на нее такой ужасъ, что, захвативъ квитанцію, она опрометью выбѣжала на улицу.

Казалось, ломбардъ былъ ея послѣднимъ рессурсомъ, послѣдней надеждой. Но она ошиблась: случайно прочитавъ бульварный листокъ, она открыла новый источникъ доходовъ, источникъ, правда, далеко не чистый. На этотъ разъ издатель придумалъ поистинѣ дьявольскую уловку. Предлагалось ни больше, ни меньше, какъ отыскивать зарытые клады. Листокъ объявлялъ, что каждую недѣлю одинъ извѣстный ему вѣрный человѣкъ зарываетъ въ землю большую сумму денегъ (обыкновенно пятьдесятъ фунтовъ) на одной изъ главныхъ улицъ, такимъ образомъ, что ее можетъ найти всякій, кто только знаетъ, какъ искать. Вѣрный человѣкъ зарываетъ деньги украдкой, какъ прячутъ плоды преступленія, но газета будетъ наводить читателей на слѣды отдаленными, но достаточно понятными намеками.

Разсчетъ на людскую жадность всегда удается и приноситъ хорошіе барыши. Изъ всѣхъ городовъ тянулись въ столицу „охотники за зарытыми кладами". Съ ранняго утра тысячныя толпы осаждали помѣщеніе редакціи, съ нетерпѣніемъ ожидая выхода номера, который дастъ имъ новыя указанія. Каждый, по мѣрѣ силъ, готовился къ охотѣ. Номера газеты расходились въ тысячахъ экземпляровъ; каждому хотѣлось заполучить обѣщанный кладъ. Цѣлыя полчища нищей братіи жили надеждой на него и искали, тщательно скрывая свои планы отъ сосѣдей. Мастеровые брали съ собой на поиски инструменты, остальные, и старъ, и младъ, вооружались чѣмъ попало: ножами, ножницами, вилками, шпильками, пробочниками. Все лучше, чѣмъ ничего. Соединялись въ артели по нѣскольку человѣкъ, пытаясь хоть общими усиліями разгадать секретъ и найти вѣрный путь къ кладу. Всѣмъ страстно хотѣлось хоть разъ въ жизни увидѣть, ощупать своими руками настоящіе пятьдесятъ фунтовъ.

Они искали и днемъ, и ночью, подгоняемые новыми ука-

заніями, новыми догадками, послѣ каждаго номера газеты. Полиція была усилена въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ поиски были особенно усердны. Въ Вульвичѣ охотниковъ разгонялъ отрядъ солдатъ. Но не проходило и часа, какъ они опять скребли рѣшетки парка, портили аллеи копаніемъ и лихорадочно воспаленными глазами заглядывали въ каждую щелочку ограды. Это было какое-то повальное сумасшествіе

Но сумасшествіе заразительно. Въ концѣ концовъ Пруденсъ присоединилась къ искателямъ. Въ одинъ мрачный вечеръ она вышла попробовать счастья. Жалкая толпа! Несчастная, безконечно жалкая толпа! Изнуренные отцы семействъ, слабыя рахитичныя дѣти несли мѣшки съ инструментами. Бродяги прерывали свой обычный путь на ночлегъ гдѣ-нибудь подъ мостомъ, чтобы попытать счастье въ поискахъ. Женщины, молодыя и старыя, шли обыкновенно по двое, или даже цѣлыми группами, ободряя другъ друга. Влюбленныя парочки, въ надеждѣ ускорить свой бракъ спѣшили туда же. Жалкая, жалкая толпа! Даже Пруденсъ была не совсѣмъ одна, съ ней былъ Спэгъ, вѣроятно, единственное въ этой толпѣ существо съ свободной душой.

На этотъ разъ центромъ поисковъ былъ Пентонвиль: одно изъ его старыхъ заброшенныхъ кладбищъ. Ворота кладбища были заперты, но съ улицы можно было проникнуть туда.

Полусгнившая рѣшетка не представляла препятствія, точно такъ же, какъ и развалины старой стѣны. Чтобы проникнуть на кладбище, не надо было даже знать таинственныхъ словъ „Сезамъ, отворись!", какъ въ „1001 ночи". Между рѣшеткой и стѣной могло быть углубленіе или пещера, гдѣ, можетъ быть, и было спрятано сокровище.

Оно должно быть на кладбищѣ и нигдѣ больше, насколько можно было понять изъ объявленія. Всѣ алчущіе пробрались прямо за ограду и бродили взадъ и впередъ, бросая украдкой злые взгляды на своихъ конкуррентовъ и мысленно желая имъ провалиться сквозь землю. Нѣкоторые становились на колѣни и копали землю просто ногтями. Другіе пускали въ ходъ при этомъ уловки опытныхъ воровъ, и не удивительно: въ охотѣ участвовали и профессіональные воры.

Пруденсъ искала вмѣстѣ со всѣми и сначала только ходила по кладбищу, не предпринимая ничего больше. Во-первыхъ, ей нечѣмъ было копать, если не считать зонтика, а во-вторыхъ, она просто боялась. Но, наконецъ, дойдя до угла кладбища, она остановилась и неувѣренно ткнула зонтикомъ въ мягкую землю, уже разрыхленную предыдущими охотниками. Дюймовъ на шесть остріе проникло свободно, но какъ только шелкъ запачкался грязью, зонтикъ остановился.

Дѣвушкѣ стало страшно. Что значитъ эта необыкновенная мягкость земли? И эта внезапная остановка? Что, если остріе уперлось въ человѣческую кость? Сердце у нея замерло, а потомъ забилось частыми внятными ударами.

Нѣтъ, дальше копать невозможно. Вдругъ она найдетъ совсѣмъ не то, чего ищетъ... Однако, призвавъ на помощь все свое мужество, она повторила попытку.

Она непремѣнно должна найти кладъ. Это единственный выходъ изъ всѣхъ ея бѣдъ и самой ужасной изъ нихъ— требованія старой вѣдьмой денегъ за квартиру. Безъ этого клада она окажется въ положеніи планеты безъ атмосферы. Нечѣмъ дышать,—и всѣ ея хорошія качества: благородство, скромность, самоуваженіе, разсѣются въ пустотѣ безъ слѣда.

Остріе зонтика опять во что-то уперлось. Это было не такое препятствіе, какъ первый разъ. Она ясно разслышала: тукъ! тукъ! тукъ!

Ткнула еще разъ—опять: тукъ! тукъ! тукъ!

— Хочешь пополамъ, красотка, а я за то достану.

Она обернулась и увидѣла за собой страшное лицо, истомленное голодомъ или непосильной работой (а можетъ быть, и тѣмъ, и другимъ вмѣстѣ, ибо эти двѣ вещи всегда идутъ рука объ руку), и лихорадочно блестѣвшіе глаза.

— Сама вы все равно не достанете. Развѣ вы умѣете копать, да еще этакимъ инструментомъ. Давайте я. Такъ пополамъ, ладно?

Взглядъ дѣвушки загорѣлся тѣмъ же самымъ огнемъ, что и у него. Это было возбужденіе охотника, первая кровь въ первомъ бою. Всѣ унаслѣдованныя и всѣ выработанныя воспитаніемъ сдерживающія начала растаяли въ блескѣ этого огня. Этотъ оборванецъ превратился въ животное, какимъ былъ первобытный человѣкъ. Передъ нимъ нѣтъ ничего, кромѣ страстнаго желанія и его объекта.

Пятьдесятъ фунтовъ вѣдь!

— Ну, хорошо,—сказала Пруденсъ.

Онъ растянулся во весь ростъ на землѣ, протянулъ руку, какъ пловецъ въ водѣ, и началъ разрывать землю, прямо ногтями.

Комья земли цѣлымъ каскадомъ летѣли направо и налѣво. Наконецъ, послѣднее движеніе—и съ грубымъ смѣхомъ онъ схватилъ что-то.

Это былъ большой круглый камень... и ничего больше!

— Спасибо!—сказалъ онъ.—Будь она проклята эта мысль. Девять недѣль безъ работы, ухватился за вашъ способъ—и вотъ. Спасибо еще разъ!

Онъ держалъ камень въ вытянутой рукѣ, какъ бы угрожая имъ. Дѣвушка не на шутку перепугалась.

Темная фигура, стоявшая въ сторонѣ, перешла черезъ аллею и стала между ними.

Это былъ Джорджъ Леонардъ, но онъ и не смотрѣлъ на нее. Его гнѣвный взглядъ былъ прикованъ къ бродягѣ, который, пустивъ послѣднее ругательство, пошелъ прочь. Быстрымъ, конвульсивнымъ движеніемъ дѣвушка опустила вуаль.

— Ступайте домой и ложитесь спать. Здѣсь нечего дѣлать такому ребенку, какъ вы.

Она страшно смутилась. Леонардъ узналъ ее—и теперь ея глупое предпріятіе станетъ предметомъ общихъ разговоровъ. Какой стыдъ! И Сара осудитъ ее, и Лаура, и самъ Леонардъ, наконецъ. Она едва ли отдавала себѣ отчетъ, почему послѣдняго она стыдилась еще больше, чѣмъ другихъ. Она страстно желала убѣдиться, дѣйствительно ли онъ ее узналъ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ любопытствомъ и, по видимому, остался удовлетворенъ, хоть она и не поднимала вуали.

— Я не имѣю права спрашивать, кто вы и гдѣ вы живете. Но вы позволите мнѣ проводить васъ до такого мѣста, гдѣ вы будете въ безопасности.

У нея отлегло отъ сердца. Всетаки онъ ея не узналъ.

— Пожалуйста. Я буду вамъ очень благодарна,—сказала она.

Они пошли вмѣстѣ. Спэгъ вертѣлся сзади, съ любопытствомъ обнюхивая новаго спутника. Еще лишній рискъ, что ея инкогнито будетъ открыто. Но ей оставалось только положиться на судьбу.

— А, да вы и такъ не безъ провожатаго,—сказалъ онъ, замѣтивъ собаку и улыбаясь.—Но все же пока и я не буду лишнимъ. Увѣряю васъ, любой изъ этихъ жалкихъ людей, можетъ быть очень опасенъ, когда онъ уходитъ съ пустыми руками.

— Я думаю, онъ еще опаснѣе, когда въ рукѣ у него камень.

— Кто знаетъ; можетъ быть, и нѣтъ.

— Какъ? Бродяга негодяй можетъ быть не опасенъ?

— Да. Но я сказалъ бы не негодяй, а „несчастный".

— Который швыряется камнями?

— Именно. Но который швыряетъ въ того, кого слѣдуетъ бить.

— Въ кого же?

— Въ другихъ негодяевъ, которые посылаютъ этихъ сюда, въ одного изъ тѣхъ, кто завѣдомо обманываетъ ихъ, внушая имъ эти глупыя мысли.

— Почему же не дать намъ попробовать счастья?

— Какъ почему? Вѣдь это мошенническая продѣлка. Пробуйте счастье гдѣ хотите, только не здѣсь.

Разговоръ упалъ. Дѣвушка едва передвигала ноги, чувствуя странную слабость во всемъ тѣлѣ и какую-то пустоту въ душѣ—результатъ нелѣпаго ночного путешествія и тупого ужаса передъ тѣмъ, что будетъ утромъ, передъ ожидающей ее нищетой и униженіемъ. И, можетъ быть, она почувствуетъ это униженіе еще сильнѣе, когда всѣ узнаютъ о ея ночномъ похожденіи. Страхъ, что онъ узналъ ее, страхъ, который ей удалось было подавить, овладѣлъ ею съ новою силой. А вдругъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, узналъ? Иначе какъ бы онъ могъ встрѣтить ее въ этотъ часъ въ этомъ мѣстѣ?

Въ обоихъ случаяхъ она готова была возненавидѣть его.

— Обманщики! Но всетаки они бросаютъ хоть немного денегъ бѣднякамъ. А многіе ли изъ тѣхъ, кто называетъ себя друзьями ихъ, дѣлаютъ это?

Она сказала это подъ вліяніемъ зависти и отчаянія, смѣнившихъ въ ея душѣ недавнюю увѣренность въ своемъ правѣ дѣлать, что ей хочется. Она создана для счастья и блеска. Отчего же они не даются ей? Проклятый міръ, сулящій гибель слабымъ!

— Пожалуй, въ этомъ есть доля правды,—сказалъ онъ.

Она ожидала не этого. Его хладнокровіе отпарировало ударъ, но это была лишь новая обида: какъ онъ смѣетъ быть такимъ разсудительнымъ.

— Вы утомились борьбой. Да и чему же удивляться. Вы еще такъ молоды, что жизнь, съ ея невзгодами, должна казаться вамъ непосильнымъ бременемъ.

Пруденсъ ничего не отвѣтила. Она едва справилась съ желаніемъ разрыдаться.

Она остановилась на углу, гдѣ ей нужно было поворачивать.

— Спокойной ночи и большое спасибо. Если будете думать обо мнѣ, то, пожалуйста, не думайте дурно.

Черезъ минуту она уже затерялась въ темнотѣ. Также темно было ея будущее.

Узналъ или нѣтъ?—звучало у нея въ ушахъ всю ночь, съ каждымъ ударомъ сердца.

XX.

На слѣдующее утро Пруденсъ, даже не позавтракавъ, поспѣшила къ Лаурѣ Бельтонъ. Зачѣмъ—она сама едва ли знала. Просто она нуждалась въ поддержкѣ и цѣплялась за все.

Она застала Лауру въ ея обычномъ утреннемъ расположеніи духа, т. е. съ головы до ногъ вооруженной твердыми рѣшеніями, которыя, къ счастью для нея, всегда ослабѣвали по мѣрѣ того, какъ солнце приближалось къ закату.

У Пруденсъ все еще былъ такой плохой видъ, что не трудно было разгадать тайну ея ночного похожденія. Она сама это чувствовала и рѣшила объяснить все Лаурѣ, не входя, разумѣется, въ подробности.

— Я такъ несчастна! — начала она, едва успѣвъ сѣсть.

— Я вижу.

Глаза Пруденсъ сверкнули обидой, и она хотѣла уйти, но Лаура загородила ей дорогу и спокойно продекламировала: „О, падшій херувимъ, быть слабымъ значитъ быть несчастнымъ“.

— О, пожалуйста, безъ поэзіи.

— Ну, не будемъ больше говорить объ этомъ. Возьмемъ болѣе веселую тему. Можетъ быть, вы хотите чего-нибудь: кофе можно приготовить въ одну минуту, а горячій чай есть и сейчасъ.

— Я не хочу ѣсть,—отвѣтила Пруденсъ, все еще сердясь, но всетаки протянула руку за чашкой.

— Вотъ не знаю, открыла ли Сара коробку консервовъ. Это рыба превкусная. Хотите?

— Я вѣдь сказала вамъ...

Лаура посмотрѣла на нее съ удвоеннымъ вниманіемъ, но все же съ раздражающей манерой доктора, который наблюдаетъ начинающійся припадокъ истерики.

— Бѣдная, маленькая Пруденсъ... вы позволите мнѣ называть васъ такъ. Это удобнѣе и для васъ, и для меня.

— Спасибо, Лаура.

— Я думаю, что я права. Я увѣрена, что вы сами догадываетесь, въ чемъ дѣло. Вы просто больны.

Ударъ былъ хорошо направленъ и возымѣлъ дѣйствіе.

— Вовсе я не догадываюсь, — огрызнулась Пруденсъ, уязвленная этимъ выговоромъ въ американскомъ стилѣ.

— Вы будете поправляться съ каждой минутой. Въ концѣ концевъ даже такъ объѣдите меня, что ничего не останется. Но всетаки *теперь* вы больны.

— Къ чему все это клонится? — спросила окончательно взбѣшенная Пруденсъ.

— Вы больны, — говорю вамъ. Не разсказывайте мнѣ больше ничего, чего не хочется. Прежде, чѣмъ вы успѣете съѣсть вашъ завтракъ, я объясню вамъ, въ чемъ дѣло. Вы больны страхомъ. Вы напуганы.

Пруденсъ принялась за завтракъ.

— Всего можно добиться, стоитъ только захотѣть,—проговорила хозяйка послѣ минутной паузы.

— Чего добиться?

— Всего, чего хотите.

— Я хочу слишкомъ многаго. Я хочу больше того, на что дерзаетъ разсчитывать любой человѣкъ въ наши дни.

— Вотъ какъ?

— Я хочу сама зарабатывать свой хлѣбъ. Не правда ли, какое дерзкое желаніе?—Слезы дрожжали въ ея голосѣ.

— Такъ позаботьтесь объ этомъ, или я сдѣлаю это за васъ. Неотступно думайте о томъ, чего хотите добиться—оно придетъ къ вамъ.

— Я уже просила... и Бога, и людей.

— Просили неотступно?

— На колѣняхъ я просила Бога и съ такимъ же почти униженіемъ просила людей,—вырвалось изъ ея наболѣвшей души.

— Ну, вотъ видите. Нельзя слишкомъ надоѣдать ни Творцу, ни вашимъ ближнимъ. Просите спокойно—и дастся вамъ.

— Неправда! Я знаю, какъ это бываетъ... бываетъ такъ, какъ со мной.

— Если вы думаете такъ, то такъ всегда и будетъ.

— Утѣшительно, могу сказать!

— Однако совершенно вѣрно. Цѣлыми недѣлями вы думали только о своей незадачѣ. Это видно по вашему лицу. Конечно, думая такъ, вы никогда ничего не достигнете.

— Но какъ же мнѣ думать иначе, какъ мнѣ думать иначе?—вскричала Пруденсъ внѣ себя.

Лаура подошла и нѣжно положила руку ей на плечо, пытаясь утѣшить ее, какъ утѣшаютъ капризныхъ дѣтей.

— Дорогая, отчего же вы не попробуете думать, что счастіе вамъ улыбнется?

— Что пользы думать о томъ, чего не будетъ? „О, кто можетъ удержать въ рукахъ огонь?“ Какъ видите, и я могу отвѣтить словами поэта, въ особенности примѣнительно къ своему положенію.

— „Никто не можетъ, но думать объ огнѣ и держать его почти одно и то же“ — вотъ вамъ и отвѣтъ. — Въ нашемъ жестокомъ Лондонѣ сотни тысячъ такихъ неудачниковъ, которымъ не дается этотъ фокусъ—заработать себѣ на хлѣбъ. Инымъ по глупости — а кто виноватъ въ этой глупости, развѣ они не имѣютъ такого же права жить, какъ и всѣ?—а другимъ потому, что они слишкомъ горды, слишкомъ щепетильны, чтобы умѣть нагнуться, когда это нужно. Но кто далъ право счастливцамъ попирать ногами этихъ

людей. Васъ удивляютъ мои слова; пойдите въ любой день на любую улицу и увидите цѣлыя толпы безработныхъ. Ихъ много, но еще больше—и это всего хуже—жестокаго равнодушія къ нимъ со стороны тѣхъ, кто выбился на верхъ, равнодушія къ ихъ способностямъ, къ ихъ запросамъ. Ихъ сотни тысячъ, увѣряю васъ, и не только въ Лондонѣ, но въ любой цивилизованной странѣ міра. А о другихъ и не думайте. Скорѣе вы сдѣлаете что-нибудь для нихъ, чѣмъ они для васъ. Думайте только о томъ, что вамъ нужно, старайтесь повѣрить въ свою счастливую звѣзду... Однако вы не завтракаете, возьмите еще ломтикъ.

Пруденсъ покачала головой.

— Ищите и обрящете — вотъ вамъ въ двухъ словахъ тайна бытія. Идите домой, сядьте у себя въ комнатѣ, въ уютномъ уголку, и солнце само взглянетъ на васъ. Если же нѣтъ—идите и ищите его. Идите въ какой-нибудь изъ посадовъ Кенсингтона, сядьте подъ древомъ, забудьте обо всемъ, что васъ волнуетъ—вы *можете* сдѣлать это, стоитъ только попробовать—читайте что-нибудь, напримѣръ, романъ, если вы ихъ любите. А потомъ приходите опять ко мнѣ, вѣдь я вашъ докторъ.

— Романы? Въ нихъ говорится только объ аристократахъ, и говоритъ тотъ, кто никогда ихъ въ глаза не видалъ?

— Не нападайте такъ на нихъ. Вспомните, что бранить легко, а оцѣнить труднѣе.

— Какое имъ дѣло до человѣческой натуры? Все, что имъ нужно—это десять тысячъ въ годъ. Нѣтъ, нѣтъ, я терпѣть ихъ не могу.

— Ну, тогда попробуйте взяться за серьезное чтеніе, если только осилите.—Лаура сбѣгала въ спальню и принесла оттуда книгу.

Книга была страннаго вида. Ея переплетъ былъ украшенъ золотымъ крестомъ, а подъ нимъ изъ сургуча было вылѣплено изображеніе пирамиды. Оба украшенія совершенно не гармонировали между собой.

— Вотъ возьмите, и—счастливый путь. Если же хотите повидать Сару, то останьтесь, она скоро должна придти. Я пошла бы съ вами, но мнѣ надо докончить заказъ.

Напоминаніе о Сарѣ заставило Пруденсъ поскорѣе распрощаться.

Держа книгу подъ мышкой, она вышла на улицу и направилась прямо домой. О Кенсингтонскомъ паркѣ нечего было и думать. Для удовольствія побывать тамъ пришлось бы размѣнять послѣдній шиллингъ.

Принявшись за книгу, она не отрывалась въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Это была одна изъ новѣйшихъ религій, мало-по-малу захватывающая цѣлыя страны, расходясь во всѣ стороны отъ своего первоисточника—Америки. Этотъ удивительный народъ вступилъ на эту дорогу со всей отличающей его изобрѣтательностью и энергіей и постепенно становится образцомъ, которому всѣ подражаютъ. Одни берутъ себѣ за принципъ отрицаніе матеріи (когда дверь не бываетъ дверью?—Всегда), а большинство—отрицаніе всѣхъ вообще непріятныхъ вещей: грѣха, болѣзни, нищеты, смерти, какъ результата глупости людской.

Въ этой книгѣ было все міросозерцаніе американцевъ, съ ихъ обоготвореніемъ человѣческой воли, постепенно проникающее всюду и захватывающее милліоны людей. Выводъ изъ этого: предусмотрительность, не знающая пораженій, воля, ставящая законъ: „я такъ хочу!“ во главу угла жизни. Верховная власть рисуется имъ не въ видѣ грознаго Іеговы, разсыпающаго громы и молніи, а только въ видѣ президента народа, который самъ строитъ свою жизнь въ твердомъ убѣжденіи, что все это ведетъ къ лучшему. Въ этомъ царствѣ независимости даже все новое—идеи, религіи — носило все тотъ же практическій американскій отпечатокъ. Отношенія къ Богу были совершенно товарищескія. Онъ былъ только хранитель и исполнительная власть по распредѣленію разныхъ благъ жизни: мудрости, счастья, денегъ, земель, роскоши. Онъ помогаетъ въ коммерческихъ сдѣлкахъ такъ же охотно, какъ участвуетъ въ наиболѣе высокихъ проявленіяхъ жизни вселенной. Онъ — деньги, онъ и любовь. Эта книга—ихъ послѣднее изданіе Евангелія, продавалась по очень высокой цѣнѣ и каждой главой своей наводила на мысль о наказаніи въ будущемъ, но не за нарушеніе его завѣтовъ, а за нарушеніе авторскаго права. Ихъ служители алтаря умѣютъ сколачивать капиталы и всегда готовы объяснить свой секретъ. Они помнятъ, что уже ближайшіе пріемники апостоловъ брали деньги, и большія, за изгнаніе бѣсовъ.

И самый ужасный изъ бѣсовъ, — говорили они, это—страхъ. Онъ долженъ уступить мѣсто душевному равновѣсію, невозмутимому спокойствію, твердости въ рѣшеніяхъ и желанію добра, прежде для себя, потомъ для другихъ. Страхъ—худшая изъ всѣхъ глупостей. Страшнаго нѣтъ ничего ни на небеси—горѣ, ни на землѣ—внизу, ни въ водахъ подъ землею. Если вы будете хотѣть достаточно рѣшительно—вы достигнете всего. Желаемое придетъ къ вамъ, если вы будете неустанно призывать его. Все непріятное

можно отбросить отъ себя однимъ лишь спокойнымъ отрицаніемъ его существованія.

Сначала Пруденсъ захотѣла бросить книгу, но, тѣмъ не менѣе, она продолжала читать. Во всякомъ случаѣ, такое чтеніе было полезно, хотя бы какъ изученіе типическихъ чертъ расы. Да, это были американцы, во всемъ полагающіеся на себя, на свои силы, на свою изобрѣтательность, люди, которые, желая дождя, стрѣляютъ въ небо изъ пушки, вмѣсто того, чтобы молиться, которые хотятъ взять силой всѣ блага жизни.

XXI.

Это было какое-то волшебство—попытка установить полновластное господство разума. Всемогущая воля человѣка, для котораго міръ сосредоточивается въ немъ одномъ, который все можетъ обратить на пользу себѣ Вы несчастны? Неправда, это лишь ваше воображеніе. Нѣтъ ни васъ, ни вашихъ несчастій, ни судьбы, ни Бога.

Она была самой несчастной женщиной въ Лондонѣ – такъ она думала, ибо опытъ еще не научилъ ее, что бываютъ положенія и хуже—и вотъ, ей предлагаютъ научиться не чувствовать боли, не страдать. Это будетъ первая стадія излѣченія, а во второй – она преисполнится радостью и весельемѣ. Не нужно ни священника, ни молитвъ, не нужно никого просить, ни о чемъ взывать. Нужно только постоянно твердить: „я хочу“ или „я не хочу“—что можетъ быть пріятнѣе такого лозунга для всѣхъ насъ?

Все это по опредѣленному правилу. Вы погружаетесь въ размышленія, стараясь привести себя въ общеніе съ міровой душой, которая не знаетъ страданій.

Это былъ трудный искусъ, но ея силы расли съ каждымъ днемъ. Она начинала гордиться своими испытаніями, ибо они давали ей возможность побѣдить. Ея отчаяніе растворилось въ ощущеніи какого-то неизъяснимаго блаженства. Ея послѣдній шиллингъ пойдетъ на пищу; надо, чтобъ его хватило на возможно долгое время. Она сядетъ на половинный паекъ и постарается не чувствовать лишеній. Что значитъ безплодная гордость и боязнь униженія, въ сравненіи съ ея теперешнимъ экстазомъ восторга? У нея за обѣдомъ была лишь корка хлѣба, да сыръ, но она ѣла съ такимъ аппетитомъ, какъ будто это былъ роскошный завтракъ. Она была полна мужества и надеждъ и прихлебывала чай безъ сахару съ такимъ удовольствіемъ, точно это было хорошее вино. Прежняго унынія какъ не бывало.

„Я не живу впроголодь. Квартирная хозяйка не выгонитъ меня изъ дому въ концѣ этой недѣли". Это была ея отрицательная формула. А вотъ и положительная: „Я ѣмъ такъ же, какъ слѣдовало бы ѣсть королю, если бы онъ зналъ, что ему полезно. Я останусь здѣсь въ моей милой квартиркѣ, потому, что это единственное мое, что у меня есть. Я достану работу, достану даже больше, чѣмъ мнѣ нужно. Аминь!"

Когда послѣдній пенни послѣдняго шиллинга былъ истраченъ на послѣднюю булку, она всетаки не упала духомъ. Это просто судьба хочетъ попугать ее, но она нисколько не боится, счастье почему-то медлитъ придти къ ней; вотъ и все. У нея еще есть что заложить въ ломбардѣ. Подъ вліяніемъ инстинктивнаго страха передъ этой операціей, лицо ея приняло немного страдальческій видъ, но, немедленно констатировавъ это при помощи зеркала, она постаралась передѣлать эту гримасу въ улыбку.

Если хотите, это та же истерика, но истерика счастья, восторга, истерика положительная, вызывающая судьбу на бой. Жизнь, со всѣми ея противорѣчіями, казалась ей игрой, на которую смотрятъ ангелы, преддверіе великой удачи. Чѣмъ тяжелѣе искусъ, тѣмъ славнѣй побѣда. Всѣ тяготы дня, во всей ихъ неприглядности, были облечены въ сіяющія одежды тріумфа и славы. Бѣдная тетушка Идомъ, сидящая за окопами своихъ трехъ процентовъ! Пруденсъ жалѣла ее и готова была предложить ей тяжелую работу, какъ даръ жизни.

Она ходила всюду, надѣясь, наконецъ, побѣдить, заставить счастье обернуться къ ней. Она не хотѣла встрѣчаться даже съ Лаурой, несмотря на нѣсколько письменныхъ приглашеній зайти и на визитъ самой Лауры, которая, впрочемъ, не застала ее и оставила подъ дверью визитную карточку. Пруденсъ боялась, что именно теперь встрѣча съ кѣмъ-нибудь изъ знавшихъ ее могла омрачить торжество ея побѣды надъ судьбой. Вмѣсто того, чтобы бояться площадки лѣстницы, гдѣ жила старуха, управлявшая домомъ, вмѣсто того, чтобы украдкой проходить мимо, она сама искала съ ней встрѣчъ, подъ разными вымышленными предлогами, и добилась того, что та, испугавшись, прекратила на время свои приставанія. Она смотрѣла своей кредиторшѣ прямо въ глаза, и та, въ первый разъ за все время, назвала ее „миссъ". Затѣмъ она возвращалась къ себѣ и снова погружалась въ размышленія о ничтожествѣ ничтожнаго въ мірѣ семъ. Она усаживалась въ самомъ уютномъ уголкѣ своей комнаты, приспособленномъ спеціально для созерцанія и обставленномъ такъ, что ни одна вещь не нарушала ея мирнаго настроенія.

Изъ цѣлой путанницы понятій она заботливо выбирала

то, что могло послужить ей на пользу. Для нея существовала только одна эта книга; другія не имѣли никакой цѣны въ ея глазахъ. Кромѣ того, ей было не на что покупать книги. Правда, она могла смотрѣть на нихъ, проходя мимо кіосковъ и книжныхъ магазиновъ, но онѣ не соблазняли ее.

У нея было свое чтеніе и другого она не желала. Оно давало ей новое міросозерцаніе, ничего подобнаго она раньше не знала. Книга особенно привлекала ее еще потому, что была созданіемъ женщины. Сивиллы господствовали въ алтаряхъ новой религіи, мужчины же довольствовались скромной ролью стражей, охранявшихъ входы. Сивиллы выносили очень запутанныя прорицанія, стараясь открыть законы жизни. Если вы умирали, несмотря на ихъ благопріятное предсказаніе, вы за-то умирали безъ страха смерти. Очарованіе было въ томъ, что онѣ сулили безпредѣльное счастье, до котораго такъ жадна человѣческая душа. Дочь Евы, такъ же легко, какъ и ея прародительница, готова повѣрить, что въ одинъ прекрасный день мы станемъ богами. Это былъ оптимизмъ въ своей высшей степени напряженія. Зло было уничтожено во всѣхъ его формахъ. Сказали просто: „грѣха, печали, страданій – нѣтъ". Обѣщаніе было чистѣйшей формальностью, но Пруденсъ была слишкомъ неопытна въ діалектическихъ тонкостяхъ и не могла замѣтить, что вся система построена на обманѣ. Страхъ—чувство, больше всего угнетавшее ея женскую душу, исчезъ.

Новая вѣра: вѣра радости и борьбы! Религія, въ которой воспитывалась дѣвушка, религія, какъ ее понимала тетушка Идомъ, въ лучшемъ случаѣ была лишь немногимъ выше простой церемоніи воспоминаній о героическомъ вѣкѣ, давно уже отошедшемъ въ область преданій. Тамъ просто уходили съ головой въ этику хорошаго тона. То или другое можно было сдѣлать или не сдѣлать, соображаясь не съ волей творца, а съ желаніемъ мистрисъ Грюнди. Пруденсъ страстно желала чего-нибудь болѣе подкрѣпляющаго въ ужасныхъ условіяхъ ея борьбы. Въ этомъ кризисѣ даже идеализмъ Мери Ленъ казался не подходящимъ.

Въ книгѣ было кое-что, наводившее ее на сомнѣніе и казавшееся ей даже смѣшнымъ. Но она успокаивалась на мысли, что всѣ такія шероховатости были, вѣроятно, уступкой духу времени. Во всякомъ случаѣ то, что было ей всего нужнѣе—поддержка въ борьбѣ, было здѣсь въ полной мѣрѣ. Эта была литература силы, литература людей, которые заставляютъ работать даже Ніагарскій водопадъ. Ихъ умѣніе хотѣть страннымъ образомъ соединялось со спокойной увѣренностью въ успѣхѣ. Это была не грубая воинственная сила, а скорѣе естественная связь между желаніемъ и не

обходимостью добиваться достиженія его. На нее сошла какая-то покорность тому, что должно случиться. Это былъ фатализмъ. На краю бездны, позора, униженія, она была такъ же спокойна, какъ какой-нибудь акціонеръ, съ удовольствіемъ ожидающій дня получки дивиденда. Она наслаждалась больше смиреніемъ и спокойнымъ ожиданіемъ, не думая о томъ, могутъ ли они принести плоды, и не задавалась вопросомъ, къ чему это приведетъ.

И вотъ въ одинъ прекрасный день результатъ сказался. Она получила письмо:

„Имѣніе Деррингтонъ—Бетфордширъ.

„Мистрисъ Бебингтонъ Дартъ желаетъ имѣть помощницу, знающую стенографію, конторское дѣло и вообще способную исполнять обязанности секретаря. Ей рекомендовало миссъ Меріонъ, какъ особу вполнѣ подходящую для этой должности, одно лицо, которому она вполнѣ довѣряетъ и которое желаетъ сохранить въ тайнѣ свое имя. Если миссъ Меріонъ свободна, то ее просятъ зайти къ мистрисъ Дартъ завтра утромъ, между 10 и 11. Чарльсъ Стритъ, Берклей Скверъ, № 25, или написать по этому адресу въ томъ случаѣ, если она не можетъ взять мѣсто".

Бумага выпала у нея изъ рукъ: до такой степени все это было неожиданно. Комната поплыла передъ ея глазами, и она потеряла сознаніе. Сколько времени продолжался обморокъ—она могла узнать по часамъ. Они били, когда она, сидя въ креслѣ, распечатала письмо. Когда же она открыла глаза и увидала письмо на полу, часы показывали 20 минутъ слѣдующаго часа.

Остатокъ дня прошелъ въ безплодныхъ догадкахъ о томъ, кто такой ея таинственный благодѣтель. Имена Гертруды Голль и Лауры Бельтонъ напрашивались сами собой, но она не знала, которой отдать предпочтеніе.

XXII.

На слѣдующее утро Пруденсъ отправилась въ Берклей Скверъ и была тамъ ровно въ половинѣ одиннадцатаго. Ей пришлось нѣсколько времени подождать. Наконецъ, предъ ней предстала важная горничная, очевидно съ цѣлью освѣдомиться о причинѣ ея появленія.

— Вы та самая молодая особа, о которой мнѣ только что доложилъ швейцаръ?

— Да, это я.

— Мистрисъ Дартъ писала вамъ?

— Иначе я не была бы здѣсь, — сказала бы Пруденсъ мѣсяцъ назадъ, но съ тѣхъ поръ утекло много воды.

— Да.

— Мистрисъ Дартъ еще не встала. Вы, значитъ, по поводу мѣста?

— Да,—сказала Пруденсъ. Обращеніе прислуги напоминало ей ея положеніе—положеніе такой же подневольной труженицы—и нельзя сказать, чтобы это было ей пріятно.

Роскошная комната въ бель-этажѣ, выходившая окнами на площадь, была, казалось, мѣстомъ абсолютнаго ничего недѣланія какъ теперь, такъ и въ любой часъ дня. „Здѣсь хорошо играть въ работу", подумала Пруденсъ, осматривая стоявшій посерединѣ большой столъ, уставленный изящными письменными принадлежностями.

Горничная вышла въ сосѣднюю комнату и почти тотчасъ же вернулась. Теперь она была гораздо любезнѣе.

— Мистрисъ Дартъ приметъ васъ теперь же, если вы немного подождете. Мы опоздали на вечерній поѣздъ и пріѣхали съ ночнымъ. Поэтому она такъ и устала.

Горничная указала рукой на два или три сундука, стоявшіе въ углу съ открытыми крышками.

— Можетъ быть, хотите посмотрѣть газету? — Съ этими словами она взяла съ кресла газетный листъ, гдѣ онъ просыхалъ у огня. Затѣмъ, со стукомъ захлопнувъ крышку раскрытаго сундука, она скрылась вмѣстѣ съ нимъ въ сосѣдней комнатѣ.

Газета была „Morning Post". Пруденсъ машинально перевернула листъ, пробѣжала нѣсколько столбцовъ и невольно прониклась благоговѣніемъ. Какое разнообразіе. На первомъ листѣ свѣдѣнія о сраженіяхъ, убійствахъ, насильственныхъ смертяхъ, а на послѣднемъ—митинги безработныхъ.

Она осмотрѣла комнату. Комната была замѣчательна обиліемъ украшавшихъ ее изображеній одного и того же лица. Акварельный портретъ, кисти Шенона, изображавшій красивое молодое лицо, выглядывавшее изъ цѣлаго облака тюля, висѣлъ надъ каминомъ. Фотографія того же самаго лица стояла на серебряной подставкѣ. Надъ тѣмъ же сюжетомъ поработала и скульптура: въ углу на пьедесталѣ стоялъ мраморный бюстъ. Но это не все. На столѣ лежала алебастровая рука, въ натуральную величину. Казалось ея назначеніе—служить прессъ-папье, но и она, очевидно, была вылѣплена съ натуры. Дѣвушка чувствовала, что послѣ всего этого она уже получила нѣкоторое представленіе о хозяйкѣ дома. Былъ, впрочемъ, и другой портретъ, какой-то духовной особы, въ большомъ чинѣ и благодушнаго вида.

Комната, очевидно, служила пріемной для всѣхъ приходящихъ по дѣламъ къ хозяйкѣ дома. Пруденсъ скоро очутились въ обществѣ дѣвушки-цвѣточницы, явившейся съ корзиной живыхъ цвѣтовъ, которые она тутъ же начала разставлять по вазамъ.

Затѣмъ явилась еще третья—очевидно, портниха.

Пруденсъ сидѣла въ уголку, какъ притаившаяся мышь, и думала свои думы. Ей никогда еще не приходилось видѣть такъ близко жизнь высшаго общества. Въ сравненіи съ этимъ, тетушку Идомъ, несмотря на весь ея тренъ, можно было назвать если не мѣщанкой, то ужъ во всякомъ случаѣ провинціалкой. Здѣсь все было устроено, какъ въ кукольномъ домикѣ, у счастливыхъ, балованныхъ дѣтей, и продолжалось такъ, очевидно, всю жизнь.

Сама атмосфера комнаты, казалось, располагала къ отдыху тѣла и спокойствію души, но не прежде, чѣмъ всякое воспоминаніе объ обязательной работѣ будетъ отброшено въ сторону.

Портниха принялась пересматривать платья, которыми были набиты чемоданы, отмѣчая каждое на листѣ бумаги.

— По моему ихъ только четырнадцать,—прошептала она,—куда же дѣлось еще одно? Въ счетѣ стоитъ пятнадцать.

— Пятнадцать платьевъ на одну поѣздку!—вскричала цвѣточница.—Ого!

— А почему бы и нѣтъ?—отозвалась другая.—Денегъ у нея хватитъ и на пятьдесятъ.

— Должно быть, она цѣлый день только и дѣлаетъ, что раздѣвается и одѣвается.

— Что же ей больше дѣлать? Всякій веселится по своему.

Портниха обрадовалась разговору на любимую тему. Она, какъ европеецъ, демонстрирующій передъ дикарями плоды цивилизаціи, спѣшила блеснуть своими познаніями.

— Вотъ это обѣденный туалетъ, а это утренній,—показывала она.—А вотъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ: это для игры въ мячъ...

— Пока только три.

— Подождите смѣяться, это еще не все. Вотъ четвертый—для катанья въ лодкѣ или въ экипажѣ. А вотъ еще одинъ, этотъ годится и для домашняго вечера съ танцами, и для большого бала.

— Всетаки только пять.

— Это только на одинъ день. Есть и еще три.

Пруденсъ слышала весь разговоръ, совсѣмъ не желая того. Стараясь не подслушивать, она перебирала въ рукахъ изящный костяной ножъ и кончила тѣмъ, что конвульсивнымъ движеніемъ пальцевъ сломала его.

Исторія.

(Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).

I.

Есть старинная украинская дума, полная мрачнаго трагизма. Описывается въ ней полонянка, которую татаринъ влечетъ на арканѣ въ орду на продажу. Скованная, привязанная ремнемъ, исполосанная бичемъ, плѣнница бѣжитъ за конемъ; колючій тернъ терзаетъ ей ноги; черный воронъ летитъ по ея слѣдамъ и пьетъ ея кровь.

«Терня ноги пробивая,
Кривця сліды заливае,
Черный крукъ залитае
То-ту кривцю испивае».

Вотъ уже много лѣтъ, какъ «татаринъ» уводитъ не въ орду, а въ Сибирь, не ясырь, а молодежь. Въ иные годы «ясырь», сравнительно, не великъ. Въ другое время, какъ теперь, это—угонъ чуть ли не десятой части всей молодежи. Иногда «уводъ» совершается сравнительно легко, иногда—сопровождается поразительной жестокостью, совершенно безпричинной, обусловливающейся мстительностью и свирѣпостью «татарина». Какъ въ украинской думѣ, за ясыремъ теперь носятся «черные круки» (т. е. вороны), каркающіе: «кары! мало кары!» Иногда на мѣстѣ, уже въ Сибири, «татаринъ» проявляетъ, вслѣдствіе приказа изъ «Орды», добавочную жестокость по отношенію къ «ясырю». Тогда возникаютъ «исторіи», отголоски которыхъ разносятся до Ледовитаго и Великаго океановъ. Такъ было и съ тѣмъ острожнымъ «бунтомъ», который я хочу описать. Случился онъ въ Иркутскѣ, когда тамъ генералъ-губернаторомъ былъ графъ А. П. Игнатьевъ, убитый недавно въ Твери. Гр. Игнатьевъ, при которомъ Сибирь увидала одно изъ наиболѣе жестокихъ гоненій на политическихъ ссыльныхъ, въ то время числился еще «либераломъ». «Ордынцы», прогрессисты и консерваторы имѣютъ одно общее: глубокое презрѣніе къ чужой человѣческой личности. Никакая конституція старыхъ

ордынцевъ уваженію къ личности не научитъ. Припертый къ стѣнѣ, волкъ въ баснѣ говоритъ:

«Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ»

и «волчьей клятвой утверждаетъ» свое обѣщаніе. Единственно разумный отвѣтъ ловчаго мы хорошо помнимъ еще со школьной скамьи...

Въ серединѣ мая 1887 г. изъ Москвы была отправлена въ Сибирь партія политическихъ ссыльныхъ въ шестьдесятъ человѣкъ. Часть ея осталась въ Тюмени, а сорокъ человѣкъ 2 іюня добрались до Томска, откуда имъ предстояло отправиться въ Восточную Сибирь. Въ Томскѣ хотѣли разбить большую партію на отдѣльныя группы по 10 человѣкъ; но она телеграфировала въ Петербургъ, ходатайствуя о разрѣшеніи слѣдовать всѣмъ вмѣстѣ. Покуда прибылъ утвердительный отвѣтъ, отправили уже первую группу, въ которой находился и авторъ этихъ строкъ. Нашу группу выдѣлили въ первую голову, потому что состояла она, главнымъ образомъ, изъ «холерныхъ», какъ шутя называли насъ въ партіи. Все это были, большею частью, люди совершенно развинтившіеся въ одиночномъ заключеніи. Достаточно сказать, что изъ десяти человѣкъ два были душевно-больные, которыхъ все-таки отправляли въ ссылку, два—«чудили», т. е. находились на границѣ помѣшательства, а два—нажили въ одиночкѣ форменную истерію съ «подкатываніемъ комка» и пр. Трехъ товарищей мы оставили въ Канскѣ, а семь человѣкъ въ серединѣ сентября (тогда отъ Томска до Иркутска шли еще этапомъ три мѣсяца) добрались до Иркутска. Пять человѣкъ должны были выйти на волю черезъ нѣсколько дней. Мнѣ и еще одному товарищу предстоялъ дальнѣйшій путь въ Киренскъ, на Лену. За три мѣсяца этапнаго пути «холерный отрядъ» сильно поправился. Я не говорю, конечно, о двухъ душевно-больныхъ, причинившихъ намъ въ пути много огорченій и хлопотъ. У остальной публики нервы укрѣпились настолько, что заключеніе въ Иркутскѣ въ ожиданіи дальнѣйшей отправки переносилось «холерными» легко. Да и заключеніе на первыхъ порахъ было не суровое. Скажу нѣсколько словъ объ иркутской тюрьмѣ.

Квадратный тюремный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ острожными зданіями, былъ разбитъ на правильныя аллеи, обсаженныя березками, осинами и лиственницами. На березкахъ и осинахъ листья облетѣли уже, а на лиственницахъ—мягкія нѣжныя хвои пожелтѣли и опадали при малѣйшемъ прикосновеніи. Напротивъ главнаго входа, въ противоположной стѣнѣ двора, были другія ворота во второй дворъ, гдѣ находились мастерскія, цейхгаузы, анатомическій театръ, кухня. Отъ «воли» этотъ дворъ отдѣлялся высокимъ палисадомъ изъ поставленныхъ торчкомъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзными болтами. Прямо надъ заборомъ,

возвышалась высокая гора съ могильными крестами на самомъ гребнѣ ея. Изъ второго двора особая калитка вела еще въ «секретный» дворикъ съ нѣсколькими одиночными камерами, который будетъ играть извѣстную роль въ дальнѣйшемъ разсказѣ.

На «главный» дворъ въ хорошую погоду выползала вся острожная публика, въ куцыхъ халатикахъ, съ разноцвѣтными, по качеству преступленій, суконными петличками на воротникахъ. Петлички эти, говорятъ, были изобрѣтены сибирскимъ администраторомъ ген. Синельниковымъ, придерживавшимся того взгляда, что все человѣчество должно быть облечено въ мундиры, дабы начальство сразу видѣло, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Отдѣльными группами бродили сибирскіе татары, съ обкусанными усами, въ шапкахъ, похожихъ на два широкихъ конуса, сложенныхъ основаніями, затѣмъ плосколицые, косогласые буряты и еще какіе-то инородцы. Среди «мундирныхъ» арестантовъ, т. е. тѣхъ, которые носили куцые халатики съ петличками, сразу бросался въ глаза чернобородый мужчина, въ котелкѣ, кожанной курткѣ и ярко вычищенныхъ высокихъ сапогахъ,—бѣжавшій каторжникъ, проживиній подъ чужимъ именемъ двѣнадцать лѣтъ въ Иркутскѣ. Онъ занимался торговлей и нажилъ даже состояніе, но потомъ по доносу попалъ въ тюрьму. Среди арестантовъ съ будничными лицами были страшные, патологическіе типы. Какъ теперь помню бродягу Соболева, профессіональнаго убійцу. По собственному сознанію, онъ убилъ сто человѣкъ. Въ тайгѣ подъ Иркутскомъ онъ рѣзалъ богомолокъ, пробиравшихся въ Жилкинскій монастырь къ мощамъ сибирскаго патрона Иннокентія. Убійство совершалъ онъ иногда изъ-за калача, который видѣлъ въ рукахъ богомолки, сволакивалъ тѣло въ кусты и ругался надъ нимъ. Соболевъ нѣсколько мѣсяцевъ промышлялъ съ винтовкой въ тайгѣ, но только не бѣлокъ, а «бритыхъ бродягъ», какъ онъ говорилъ. Ихъ почему-то онъ особенно ненавидѣлъ.

Въ погожіе дни на «главномъ дворѣ» можно было наблюдать настоящія идилліи. Вотъ, напримѣръ, острожная Лота,—корявый татаринъ въ высокой бобровой шапкѣ съ облѣзлымъ рысьимъ верхомъ,—кормитъ голубей. Они окружили татарина со всѣхъ сторонъ; нѣкоторые сидятъ у него на плечахъ и даже тычутъ свои клювы татарину въ широкій ротъ. Острожная Лота блаженствуетъ, а по плоскому лицу съ пучечками волосъ въ углахъ рта ползетъ дѣтская улыбка. Между взрослыми шныряли дѣти пересыльныхъ арестантовъ и надзирателей.

— Митька,—зоветъ арестантъ Павло, полтавецъ родомъ, благодушествующій на разостланномъ халатѣ у забора. Подбѣгаетъ маленькій хорошенькій, какъ античная статуэтка, цыганенокъ, въ плисовой поддевкѣ и въ красной фескѣ безъ кисточки.

— Митька! А де твій тятька?

— Тутечки!—бойко отвѣчаетъ мальчикъ.

— Вонъ за що сидить?

— За кони!—отрѣзываетъ цыганенокъ такимъ голосомъ, какъ будто изумляется, за что еще можно сидѣть.

— А мамка де?

— Тутъ.

— Вона жъ за що?

— Та й щось украла!... Хлопці,—обращается Митька къ двумъ мальчикамъ надзирателей,—нехай ви буцімъ коні, а я васъ покраду, та й побіжимо хутко, хутко, щобъ не догналы. — Предложеніе принято, и дворъ оглашается ржаніемъ и дѣтскимъ визгомъ. Митька съ необыкновеннымъ реализмомъ продѣлываетъ процессъ кражи лошадей.—А вотъ другой землякъ Павла и Митьки, но только другого характера,—Остапченко. Онъ съ гордостью заявилъ мнѣ, что «занимался по торговой части» въ Крюковѣ подъ Кременчугомъ. Фигура у него широкая, лицо жирное, липкое, круглое, въ веснушкахъ и обросло ярко-рыжей бородой. Глазныя щели узенькія, такъ что кажется, что Остапченко смотритъ презрительно и свысока на весь міръ. Онъ большой фантазеръ; не мало надеждъ у него построено на прошеніи на высочайшее имя, которое кто-то написалъ ему. Остапченко носитъ прошеніе на груди.

— Что же вы, Остапченко, думаете дѣлать, — спросилъ я, — если прошеніе ваше не примутъ?

— Простятъ ли или нѣтъ, а я уйду въ Россію. Мнѣ тутъ мѣшокъ червонцевъ высыпь; явись ко мнѣ первая что ни на есть красавица и скажи: «останься здѣсь въ Сибири!» Я бы не остался. Что я здѣсь не видалъ? Чтобы я тутъ жилъ? Никогда. Я «окопируюсь», соберу малость денегъ и—за границу *). У меня уже припасенъ паспортный бланкъ. Пригодится. Я зналъ каторжанина, который пришелъ въ Россію съ деньгами. За деньги его приписали въ мѣщанское общество. Онъ купилъ триста десятинъ земли и живетъ теперь дворяниномъ. Вотъ тебѣ и каторжанинъ! А то *звонари* уходятъ все!—презрительно покосился онъ на ругавшихся бродягъ.—Нужно только жить съ умомъ».—У Остапченка—одинъ талантъ: онъ удивительно хорошо звонитъ въ колокола. Узнавъ про это, смотритель назначилъ его звонаремъ тюремной церкви. Исполнялъ онъ эту обязанность на славу. Всѣ говорили, что такого звона нѣтъ во всемъ Иркутскѣ; но избытокъ таланта довелъ Остапченка до бѣды. Несмотря на твердое рѣшеніе «жить съ умомъ», онъ напился разъ въ субботу вечеромъ и сталъ вызванивать «Чоботы, чоботы вы мoi». За что онъ получилъ двѣ зарещины и былъ отправленъ на недѣлю въ темный карцеръ.

Среди «мундирныхъ» арестантовъ степенно гулялъ толстый, хорошо одѣтый, осанистый господинъ, лѣтъ 45. Я принялъ его сперва за какого-нибудь начальника,—тѣмъ болѣе, что при встрѣчѣ съ

---

*) Т. е. въ Европейскую Россію.

нимъ арестанты и надзиратели почтительно снимали шапки. То былъ балаганскій исправникъ Шипицынъ. Гр. Игнатьевъ прибылъ въ Сибирь «либераломъ» и потому сперва обратилъ вниманіе на мелкую администрацію. Результатомъ явилось раскрытіе невѣроятныхъ преступленій (о которыхъ, впрочемъ, знала вся Сибирь) и отдача подъ судъ двухъ или трехъ чиновниковъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ арестованъ исправникъ Шипицынъ за лихоимство, избіеніе крестьянъ и за растрату 18 тысячъ казенныхъ денегъ. Шипицынъ считалъ себя жертвой («Я, что ли, одинъ? Вонъ другіе еще почище меня дѣлали, а теперь—правой рукой у графа состоятъ»). Прокуроръ и смотритель тоже, по видимому, также смотрѣли на Шипицына. И онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ на совершенно исключительномъ положеніи. Занималъ онъ не камеру, а комнату при квартирѣ смотрителя, у котораго гостилъ цѣлыми днями. По вечерамъ Шипицынъ отправлялся безъ надзирателя даже къ городъ, въ гости, посѣщалъ рестораны и веселыя мѣста. И это на положеніи подслѣдственнаго! Шипицыну прислуживалъ особый деньщикъ.

Помощникъ смотрителя съ чувствомъ благоговѣнія сообщилъ намъ, что у Шипицына 150 тысячъ денегъ, отписанныхъ на жену. При насъ Шипицынъ получилъ приговоръ: на два года и четыре мѣсяца въ Якутскую область.

— Съ такими деньгами можно и въ Якутку пойти! - сказалъ намъ приставъ Пикаръ, тоже содержавшійся въ тюрьмѣ по распоряженію Игнатьева.—Эхъ, глупъ я былъ, когда состоялъ на службѣ!

— А что?

— Везъ я разъ восемь съ половиной тысячъ казенныхъ денегъ. Слѣдовало ихъ забрать. Все равно въ Якутку пошлютъ.

Въ Иркутской тюрьмѣ содержался тогда еще одинъ исправникъ, Кузнецовъ. Этотъ несъ свое плѣненіе не такъ, какъ Шипицынъ. Онъ все время не выходилъ изъ больницы. Слѣдуетъ прибавить, что либеральный періодъ продолжался очень не долго. Гр. Игнатьевъ съѣздилъ въ Петербургъ и, когда вернулся оттуда, привезъ съ собою новый курсъ. Казнокрады, исправники, вымогатели, зубодробители и укрыватели воровъ—были оставлены въ покоѣ, чтобы не «дискредитировать власть» въ глазахъ населенія. Громадный разбойничій притонъ, какимъ въ то время являлась сибирская администрація, опять возликовалъ. За то гр. Игнатьевъ принялъ мѣры къ тому, чтобы сломить гордыню политическихъ ссыльныхъ. И наша партія первая должна была подвергнуться опыту.

Въ одиночныхъ камерахъ сидѣли не менѣе любопытные типы, чѣмъ тѣ, которые бродили по двору. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести, прежде всего, пристава Пикара, молодого человѣка съ злыми, какъ у рыси, глазами. Онъ служилъ въ сыскной полиціи и считался самымъ ловкимъ агентомъ. Часто онъ самъ подготовлялъ преступленія, чтобы раскрыть ихъ. Вѣроятно, онъ далеко пошелъ

бы въ гору, если бы не вздумалъ мстить полицеймейстеру за отбитую любовницу. Пикаръ подалъ доносъ на соперника, обвиняя его въ изнасилованіи двѣнадцатилѣтней дѣвочки. За это полицеймейстеръ, знавшій всѣ «ходы» Пикара, подвелъ его. Приставъ узналъ, что одинъ изъ обывателей занимается отливкой звонкой монеты, т. е. профессіей, процвѣтавшей когда-то въ Сибири. Сейчасъ же Пикаръ переодѣлся, явился къ мастеру и предложилъ ему заказъ на 500 руб. серебряными деньгами. «Фабрикантъ», проницательный сибирскій мѣщанинъ, понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, наотрѣзъ отказался и заявилъ, что онъ этими дѣлами не занимается. Сыщикъ употребилъ всю силу своего провокаторскаго краснорѣчія, но мастеръ повторялъ, что въ жизни ничего подобнаго не дѣлалъ.

— Но вѣдь ты что-нибудь отливаешь? — спросилъ, наконецъ, Пикаръ.

— Да, стремена.

— Покажи формы!

Мастеръ показалъ. Пикаръ всунулъ туда, какъ ему казалось, незамѣтно два фальшивыхъ двугривенныхъ.

— Ладно! Ужо зайду вечеромъ; быть можетъ, тогда скорѣе сговоримся, — сказалъ Пикаръ. Когда онъ ушелъ, мастеръ сейчасъ же отправился въ полицію. Полицеймейстеръ увидалъ отличный поводъ отомстить за доносъ Пикару, который, между тѣмъ, заявилъ, что открылъ цѣлую фабрику фальшивой монеты. Вечеромъ къ мастеру нагрянулъ обыскъ. Въ формѣ для отливки стременъ нашли два фальшивыхъ двугривенныхъ; но вмѣсто мастера арестовали Пикара. Помѣстили его въ «секретный» корридоръ, т. е. въ одиночную камеру, такъ какъ боялись, что въ общей камерѣ арестанты убьютъ сыщика. Полицеймейстеръ имѣлъ жестокость придти посмотрѣть на сраженнаго врага. Изъ моей камеры я слышалъ весь разговоръ. Пикаръ трусливо и робко жаловался на несправедливость и молилъ о прощеніи.

— Нѣтъ, Пикаръ, теперь поздно каяться,—грубо отвѣтилъ полицеймейстеръ.—Сидите тутъ и скажите спасибо, что съ вами поступили еще такъ мягко!

Едва ли не самымъ любопытнымъ типомъ въ «секретномъ» корридорѣ былъ бродяга, именовавшій себя маркизомъ Труверсэ. Онъ явился знакомиться. Я увидалъ высокаго, стройнаго, смуглолицаго молодого человѣка, съ лихо закрученными вверхъ усами. Въ фигурѣ его сказывалась военная выправка. Если бы не халатикъ съ петличками, его можно было бы принять за отставного кавалерійскаго офицера. «Маркизъ» былъ арестованъ, какъ бродяга. Свое присутствіе въ Сибири онъ объяснилъ слѣдователю тѣмъ, что поѣхалъ путешествовать, но во Владивостокѣ проигрался до тла и, кромѣ того, его обобрали до нитки. «Маркизъ» протестовалъ по поводу ареста, ссылался то на французскаго консула

въ Петербургѣ, то на сербскаго митрополита, знающихъ его лично.

— Что вы врете! оборвалъ приставъ, производившій дознаніе.—Какой вы французъ! Вы—карійскій маркизъ!

— Ахъ ты, нахалъ!—крикнулъ маркизъ.—Attends. Je vais te servir moi! У меня лакеи такіе были, да и тѣхъ я прогналъ Вотъ выйду на свободу, такъ тебя не пущу даже сапоги мои чистить. Омулятникъ! Te voilà donc muet? Je t'ai peut-être mordu la langue?

Приставъ, старая сибирская полицейская крыса, дѣйствительно, онѣмѣлъ. Краснорѣчіе бродяги и французскій языкъ ошеломили омулятника. Допросъ кончился. Когда «маркиза» уводили, приставъ всетаки оставилъ послѣднее слово за собою:

— Хоть ты и маркизъ, а адамова лыка (т. е. плетей) все же вкусишь!

Труверсэ посадили въ «секретный» корридоръ, до тѣхъ поръ покуда выяснится, кто онъ. Когда прибыла наша партія, маркизъ прислалъ одному изъ насъ записку, въ которой просилъ денегъ и называлъ себя политическимъ, осужденнымъ «по дѣлу Росиковой въ Херсонѣ». Товарищъ отвѣтилъ, что процессъ онъ хорошо помнитъ, но только никакой маркизъ де-Труверсэ въ немъ не участвовалъ. Немного денегъ товарищъ все же прислалъ. Черезъ часъ Труверсэ зашелъ знакомиться.

— Vous êtes gentil, monsieur!—началъ онъ.—На это я отвѣчу откровенностью. Я—бродяга, а не государственный преступникъ.

— Знаю,—спокойно отвѣтилъ товарищъ.

«Маркизъ» оказался очень добродушнымъ малымъ, бывшимъ корнетомъ, осужденнымъ на поселеніе за растрату казенныхъ денегъ.—Настоящая фамилія его была Р—чъ. По видимому, на поселеніи онъ сдѣлалъ еще что-то и былъ отправленъ по суду въ Олекминскій округъ, откуда ушелъ по бродяжеству и былъ арестованъ, «какъ маркизъ». Какъ пойманному въ Иркутской губерніи, ему за побѣгъ грозила каторга, да за ложныя справки — плети. Впереди не было ничего хорошаго, поэтому маркизъ, какъ умѣлъ, жилъ настоящимъ. Отрекомендовалъ онъ, напримѣръ, себя смотрителю хорошимъ портретистомъ и выразилъ желаніе взять заказы. На другой день въ контору явились заказчики, и маркиза вызвали. Такъ какъ предстояло обмануть «вольнаго», то вся острожная уголовщина принялась помогать маркизу. Достали ему штаны, пиджакъ, бѣлую рубаху. Труверсэ явился въ контору щеголемъ. Тамъ предъ нимъ предсталъ заказчикъ, толстый господинъ въ золотыхъ очкахъ, съ котораго предстояло рисовать портретъ.

— Помилуйте, moniseur,—началъ маркизъ,—какъ же я буду рисовать, не лучинкой же!—У меня нѣтъ ни кистей, ни красокъ. Заказчикъ далъ на матеріалы пять рублей.

Въ секретный корридоръ маркизъ влетѣлъ, какъ бомба.

— En v'la un imbécile!—слышалъ я его восторженный разсказъ. C'est trop rigolo! пять рублей!—Пр-р-ропьемъ ихъ!

— Маркизъ, а что вы сдѣлаете съ заказчикомъ? — спросилъ Пикаръ.

— Очень просто, mon petit mouchard: пошлю его къ чортовой бабушкѣ.

— Да вы рисовать умѣете?

— Va donc, mufle!—я и крышу не умѣю красить.

Въ чиновничьихъ семьяхъ, такъ или иначе соприкосновенныхъ съ тюрьмой, скоро стало извѣстно, что въ острогѣ сидитъ таинственный «маркизъ», отлично говорящій по-французски. Для полицейскихъ дамъ то была настоящая находка. Предъ ними былъ живой герой изъ романовъ Понсонъ-дю-Терайля или Габоріо, «воскресшій Рокамболь» или, во всякомъ случаѣ, «каторжникъ полковникъ». Маркиза стали приглашать на вечера. Разрѣшеніе выходить изъ тюрьмы давалось будто бы для пріема заказовъ. Тюрьма обряжала Труверсэ на вечера. Даже Пикаръ и тотъ принесъ шубу и жилетку. Изъ города маркизъ возвратился какъ-то совсѣмъ пьяный.

— C'est ce grand salop de Бережныхъ, который налимонилъ меня!—усышалъ я въ корридорѣ.

— Вы обманули мое довѣріе, Труверсэ,—укорялъ тюремный письмоводитель.

— Я обманулъ его довѣріе!—голосомъ пьянаго трагика крикнулъ маркизъ.—Да знаете, кто я такой? Я свѣтлѣйшій князь. Въ жилахъ моихъ течетъ королевская кровь. Sacrée bête! Онъ смѣетъ говорить, что я обманулъ его. Позвать сюда смотрителя!

— Ну, полно, полно, Труверсэ, ступайте спать!—примирительно сказалъ «sacrée bête».

Затѣмъ начался какой-то діалогъ между Пикаромъ и Труверсэ, жившими въ одной камерѣ.

— Laisse-moi tranquille, coquin! — досадливо отвѣтилъ маркизъ.—Je ne suis point d'humeur à batifoler!

— Не понимаю!—раздражительно и злобно сказалъ Пикаръ.—Жилетку отдайте.

— Tiens! les v'là, tes saletés!—крикнулъ Труверсэ на весь корридоръ. Возьми свое барахло: ça pue fort!

II.

Жили мы въ ожиданіи товарищей въ одиночныхъ камерахъ. Моя камера, по типу которой были всѣ остальныя, представляла высокую, очень грязную узкую комнату, съ окошечкомъ вершковъ въ шесть подъ самымъ потолкомъ. Грязныя, бѣлыя стѣны съ желтыми ободами внизу были покрыты рисунками карандашемъ. Въ одномъ мѣстѣ картинно изображенъ былъ бородатый кучеръ съ но-

гами, начинавшимися непосредственно за шеей. Кучеръ держалъ громадную лошадь, а рядомъ съ ней художникъ изобразилъ верхового казака, съ пикой въ рукахъ. Подъ этимъ рисункомъ я нашелъ гербъ, состоящій изъ лавроваго вѣнка и лядунки съ надписью: «здесъ хорошо товарищъ только волюшки нѣтъ». Въ вѣнкѣ стояла фамилія, тщательно выписанная узорными буквами Н. И. Гнилорыбовъ и увѣнчанная двуглавымъ орломъ. Дальше былъ рисунокъ, доказывавшій, что художникъ не былъ согласенъ съ Гнилорыбовымъ на счетъ прелести острожной жизни. Въ клѣткѣ сидѣлъ волкъ, и подъ рисункомъ значилось: «сижу въ секрете одинокъ какъ зверъ». Извѣстно, что уголовные арестанты и вообще не-интеллигентные люди боятся одиночнаго заключенія, или «секрета», больше чѣмъ каторги.

Въ первую ночь заключенія въ Иркутскѣ я выдержалъ отчаянный бой съ клопами и былъ побѣжденъ. Я ходилъ по камерѣ, потерявъ надежду заснуть. Въ сосѣдней камерѣ вѣчный каторжникъ Соколовъ, необыкновенно благообразный, красивый старикъ съ длинной бородой, какъ у Моисея Микель-Анджело, бесѣдовалъ по душамъ съ дежурнымъ надзирателемъ Худыхъ.

— Жилъ я тогда въ Красноярскѣ, — солидно и степенно разсказывалъ Соколовъ.—У меня домъ былъ собственный, хотя и нельзя сказать, чтобы очень роскошный, но и не плохой: тысячи въ двѣ. Было хозяйство, скотина, словомъ, все, какъ слѣдуетъ. Дай Богъ всякому. Было дѣло передъ операціями *). Купецъ Даниловъ, у него первѣйшій домъ въ Красноярскѣ на площади близь собора, отправлялъ партію съ товарами на пріиски въ тайгу. Управляющій его разсказалъ намъ объ этомъ. Ночью мы подъѣхали къ магазину на трехъ кошевахъ, на улицѣ поставили стрему, а сами въ задней стѣнкѣ коловоротомъ сдѣлали такую дверь, что хоть тройкой заѣзжай. Забрали мы семнадцать мѣстъ фамильнаго чая, нѣсколько концовъ «трика», да маршъ въ Заледѣево, а оттуда въ Сухую, къ содержателю дворянской квартиры блатному **) крестьянину Артемію Жуликову. Ему я всегда сбывалъ товаръ. Жуликовъ чай въ ту же ночь спустилъ въ хорошее мѣсто, такъ что концы въ воду. Въ Красноярскъ я вернулся черезъ день вечеромъ. А въ городѣ ужъ вездѣ трубятъ о покражѣ въ магазинѣ Данилова. Шутка ли? Товаровъ тысячъ на восемь выволокли. На другое утро я сижу въ горницѣ и говорю служанкѣ, дѣвка такая стряпуха была:

— Аннушка, возьми бутылку, да пойди за виномъ.

Только что успѣла дѣвка выйти, какъ сейчасъ же бѣжитъ народъ.

---

*) Передъ началомъ работъ на пріискахъ.

**) Промышляющій ворованными дѣлами.

— Ефимъ Трофимычъ,—говоритъ,—это меня-то тогда такъ звали.—Бѣда! полиція.

— Что-жъ? Полиція такъ полиція! Пущай приходитъ.—Зашли квартальный, городовые, мѣщане, понятые.

— Ну,—говоритъ квартальный,— я у тебя, Соколовъ, обыскъ сдѣлаю. Обыщи понятыхъ.

— Что-жъ,—говорю я,—ищите.

— А зачѣмъ это понятыхъ обыскивать? — полюбопытствовалъ Худыхъ.

— Какъ зачѣмъ? Ахъ ты голова омулевая! Чтобы не подбросили чего.—Искали, искали у меня въ домѣ, нашли только полъящика свѣчей, да три фунта фамильнаго чая.

— Почему такъ много свѣчей?--спрашиваетъ полиція.

— Я, говорю, покупалъ и не зналъ, что полицію спрашивать нужно. Хорошо, буду знать: впередъ, какъ буду посылать дѣвку за свѣчами въ лавку, къ вамъ прежде за разрѣшающимъ свидѣтельствомъ безпремѣнно зашлю.

Квартальный закрутилъ носомъ.

— А фамильный чай, гдѣ ты взялъ?

Я назвалъ магазинъ. У меня были такіе приказчики, которые, хоть и не покупалъ, всетаки признаютъ, коли спросятъ. Они ко мнѣ въ домъ съ любовницами гулять пріѣзжали. Знали, что все будетъ сохранно.

— Ладно,—говоритъ квартальный,—а что у тебя во дворѣ?

— Что во дворѣ? Извѣстно, какъ у хозяина: погребъ, а въ погребѣ грузди, огурцы, ягода. Хотите поподчую.- Спустились въ погребъ, пошарили—ничего не нашли.

— Теперь пойдемъ полозья кошевы мѣрить, — говоритъ квартальный.

— Хорошо,—думаю, мѣряй. Вишь, на чемъ меня поддѣть хочетъ! Какъ же! Буду я такъ глупъ, что поѣду на грандъ въ собственныхъ саняхъ!

Смѣряли полозья,—не приходятся по слѣду. Квартальный окончилъ обыскъ и говоритъ потомъ:

— Ну, Соколовъ, мы тебя семь лѣтъ ловили, наконецъ, поймали. Пойдемъ, ты арестованъ.

Полиція меня дѣйствительно ловила, но поймать не могла. Я всѣхъ сыщиковъ зналъ. Они у меня всѣ на жалованьи были. Сыщикъ, чай, тоже не дуракъ: ему какой разсчетъ большихъ воровъ ловить? Полицеймейстеръ, бывало, закричитъ на него: «Что ты мнѣ все шпанку ловишь? Ты представь мнѣ Соколова!»

— Что жъ, ваше высокородіе,—отвѣчаетъ сыщикъ,—я вамъ его хоть сію моменту представлю.

— Чорта мнѣ въ немъ, что ли? Зачѣмъ представлять! Я его и такъ знаю. Ты представь его мнѣ съ дѣломъ,—кричитъ полицеймейстеръ.

Вотъ квартальный и передаетъ мнѣ, что велѣно меня *съ дѣломъ* представить, а самъ смѣется.

— Пойдемъ сейчасъ, —говоритъ.

— Чего сейчасъ? — отвѣчаю.—Каланча не горитъ, а какъ загоритъ, прибѣгутъ сказать. Дай ужо пообѣдаю.—Пообѣдалъ, потомъ отправился въ часть. Заарестовали, а потомъ допросъ.

— Гдѣ ты былъ въ ночь покражи и на другой день?

Я только присвистнулъ. «Собакъ вѣшать вамъ, а не допрашивать! Стараго воробья захотѣли на такомъ пустякѣ поймать». Я заранѣе уже предупредилъ нѣсколько парней въ округѣ, что, коли спросятъ, пусть скажутъ, что ѣздилъ къ нимъ за получкой денегъ. Выходитъ, что меня нужно на волю выпущать; но тутъ случилась такая напасть. Былъ въ Красноярскѣ цѣловальникъ, нѣмецъ Гутманъ. Жена его была гулящая. Онъ ревновалъ ее ко мнѣ. Разъ заѣхали къ нему извозчики. «Что слышно въ округѣ?»—спрашиваетъ Гутманъ. Они разсказали, что къ Артему Жуликову пріѣзжали ночью три кошевы, и на одной былъ Соколовъ. Съ ихъ словъ Гутманъ написалъ записку безъ подписи на имя губернатора, да въ почтовый ящикъ. Я сижу и дожидаюсь освобожденія. Вдругъ ночью заходитъ каморщикъ, тоже знакомый парень, и смотритъ на меня испуганно.

— Что хорошаго?—спрашиваю.

— Бѣда, Ефимъ Трофимовичъ! Жуликова арестовали. Его къ губернатору вызвали. Очная ставка будетъ.

— Ну, думаю, бѣда! Забахтали, ироды!—Повели меня на очную ставку.

— Знаешь ты Жуликова?—спрашиваютъ меня.

— Кого? Цыгана этого? Богъ его знаетъ. Много ихняго брата надъ Качью шляется.—А Жуликовъ изъ лица смуглый, волосы курчавые, буркалы, какъ угли. Цыганъ и есть. Спрашиваютъ тогда Жуликова:

— Ты Соколова знаешь?

— Въ первый разъ въ глаза вижу, - говоритъ.

— Какъ въ первый разъ, коли онъ у тебя нѣсколько дней тому назадъ останавливался?

Туда-сюда! Не знаемъ, да и конецъ. У Жуликова при обыскѣ три конца трика нашли съ пломбами. Даниловъ говоритъ, его товаръ. А Жуликовъ выставилъ семь свидѣтелей, которые подъ присягой показали, что онъ купилъ трико у извозчиковъ. Обозы, когда идутъ изъ Россіи, всегда, вмѣсто денегъ, товарами расплачиваются. Насъ подержали шесть мѣсяцевъ, а потомъ освободили. Даниловъ волосы рвалъ: «Какъ!—кричалъ онъ.—Соколовъ укралъ чай, а его на свободу! Да я къ царю жаловаться поѣду!» Изъ этого вотъ что вылупилось. Прогулялъ я дня два на свободѣ, а тутъ присылаютъ меня звать въ полицію. Захожу и прямо говорю квартальному:

— Что, баринъ, али калоши худы, что меня позвалъ: новыя хочешь? Говори скорѣе.

— Нѣтъ, братъ,—отвѣчаетъ квартальный,—тутъ не калошами пахнетъ. Тебя, какъ подозрительное лицо, высылаютъ изъ города въ Канскій округъ, въ самое глухое мѣсто на Ану, гдѣ лишь одна бродяжня ходитъ.—Черезъ недѣлю меня выслали. А на новомъ мѣстѣ я на соболяхъ засыпался и угодилъ въ Александровскій централъ на три года. И скажу тебѣ, здѣсь, въ Иркутской губерніи, народъ варварскій. Я такого и въ Россіи не видалъ, ей-Богу. Украдешь что-нибудь,—не покупаютъ, боятся. Если же купятъ, бери, что даютъ. Не захотѣлъ,—донесутъ на тебя. Вотъ какіе варвары здѣсь!—съ негодованіемъ закончилъ Соколовъ.

III.

Четыре товарища вышли «на волю», т. е. ихъ увезли въ назначенныя имъ мѣста: двухъ—въ Балаганскъ, а двухъ—въ Тунку. Въ тюрьмѣ остались только двое: я и еще одинъ товарищъ, которымъ предстояло дождаться зимняго пути, чтобы тронуться дальше на сѣверъ, на берегъ Лены. Мы съ нетерпѣніемъ дожидались, пока подойдетъ большая партія съ остальными товарищами. До насъ достигали только крайне преувеличенные слухи, что партія идетъ «шумно», съ протестами на каждомъ этапѣ. Говорили о попыткахъ къ побѣгу, о взломанныхъ потолкахъ и подкопанныхъ стѣнахъ. Всѣ эти вѣсти, сообщенныя уголовными, оказались потомъ чистымъ вымысломъ.

Наконецъ, намъ сообщили, что политическая партія прибыла и находится въ конторѣ. Мы поспѣшили туда и черезъ нѣсколько минутъ обнимались уже съ поправившимися за дорогу, веселыми, какъ зяблики, товарищами. Съ смотрителемъ объяснялся староста нашей партіи В. А. Даниловъ, о которомъ не разъ упоминалось уже въ литературѣ. Онъ выведенъ также въ одномъ изъ очерковъ Тана («Ожилъ»). Въ партіи Данилова называли «дѣдомъ». Въ сравненіи съ нами, средній возрастъ которыхъ былъ 22—24 г., Даниловъ казался, конечно, старикомъ. Въ дѣйствительности, ему было только 35 лѣтъ. Половину этого времени Даниловъ провелъ въ тюрьмахъ, на каторгѣ и на поселеніи. Онъ ушелъ отъ казаковъ, которые везли его въ Якутскую область и прямикомъ, черезъ тайгу, бродяжескими тропами, пробрался черезъ всю Сибирь и попалъ въ Москву, гдѣ и былъ арестованъ. Его вмѣстѣ съ нашей партіей отправляли на каторгу за побѣгъ. По темпераменту, по глубокому презрѣнію къ бренному тѣлу своему, по сильному воинственному духу, наконецъ, по трогательной любви къ единомышленникамъ, Даниловъ напоминалъ средневѣковаго аскета. Родись онъ нѣсколькими вѣками раньше, изъ него вышелъ бы вѣрный товарищъ Савана-

роллы и неумолимый обличитель «римской блудницы». Даниловъ и по наружности напоминалъ средневѣковаго іересіарха-обличителя: высокій, тощій, съ длинной, жидкой бородкой, ввалившимися щеками и поразительно живыми глазами. Не было, кажется, такого ремесла, которому Даниловъ не выучился бы во время своего скитанія по тюрьмамъ и въ ссылкѣ. Онъ умѣлъ и сапоги шить, и портняжничать, и стряпать. За какое бы дѣло Даниловъ ни принимался, онъ вносилъ туда личный элементъ въ видѣ какого-нибудь простого, но остроумнаго приспособленія. Ходилъ онъ всегда въ особомъ костюмѣ, который самъ сшилъ: въ длинной татарской рубахѣ, напоминавшей подрясникъ. Въ очень холодную погоду, поверхъ подрясника надѣвалъ онъ собственной же работы однорядку, перешитую изъ арестантскаго халата, которую молодежь называла «фракомъ». Какъ ссыльно-каторжному, каждое начальство могло приказать ему снять шапку. Не желая изъ-за себя втягивать всю партію въ исторію, Даниловъ, въ дождь и въ солнце, всегда ходилъ безъ шапки. Съ начальствомъ, впрочемъ, онъ воевалъ постоянно, донимая его заявленіями, подъ которыми подписывался всегда «соціалистъ Даниловъ». Иногда передъ «соціалистомъ» ставилось опредѣленіе «плѣненный». Онъ доказывалъ намъ, что каждое малѣйшее посягательство со стороны начальства на нашу личность немедленно слѣдуетъ встрѣчать протестомъ.

Къ товарищамъ онъ былъ сильно привязанъ, хотя слѣдуетъ сказать, что семейные всетаки теряли въ его глазахъ нѣсколько процентовъ. Въ этомъ сказывался средневѣковой аскетъ. Въ нашей партіи были два «вольнослѣдующихъ» мужа. Даниловъ называлъ ихъ не иначе, какъ по дѣвичьей фамиліи ихъ женъ. Одинъ вольнослѣдующій мужъ спокойно отзывался на имя своей жены; но другой—сильно обижался. Какъ человѣкъ, въ сущности, очень добрый, Даниловъ бралъ на себя страшно много непріятныхъ всѣмъ «кухонныхъ дѣлъ». Во время пути, напримѣръ, онъ стряпалъ, кипятилъ молоко для дѣтей (за двумя товарищами слѣдовали семьи); но день у него на этапахъ непремѣнно начинался такой прибауткой:

— Кто не женился,—не женись. Кто женился,—разводись. Отцы, обремененные многочисленными семействами, ступайте за бутылками. Бутылки, бутылки, бутылки (т. е., чтобы кормить грудныхъ дѣтей)!

Даниловъ былъ единственный въ своемъ родѣ идеальный товарищъ; но только въ теоретическіе споры съ нимъ нельзя было пускаться. Онъ былъ нетерпимъ, какъ фанатикъ. Оппоненту онъ не давалъ говорить: «Я знаю, что вы скажете!—перерывалъ Даниловъ съ перваго же слова.—Не только знаю, что сейчасъ скажете но и что будете говорить черезъ десять лѣтъ». Рядомъ съ Даниловымъ стоялъ красавецъ А. Я. Энгель, первый силачъ и лучшій пѣвецъ партіи, одна изъ наиболѣе мощныхъ и благородныхъ натуръ, съ которыми мнѣ пришлось когда либо встрѣчаться.

— Послушайте, что это за фигура?—отозвалъ меня Б—въ, разсѣянный, вѣчно занятый обсужденіемъ програмныхъ вопросовъ и составленіемъ своихъ лѣтописей революціоннаго движенія. Теперь имя В. Л. Б—ва хорошо извѣстно въ связи съ молодымъ журналомъ, имѣющимъ громадный успѣхъ. Я замѣтилъ прежде всего, что карманъ у полушубка Б—ва оторванъ и болтается точно такъ же, какъ семь мѣсяцевъ тому назадъ, когда я прибылъ въ Москву. «Фигура», на которую В. Л. Б указалъ, была дѣйствительно любопытна. Нужно представить себѣ Гамлета съ длинными кудрями до плечъ, въ развѣвающемся плащѣ, но только въ ботфортахъ и въ мундирѣ тюремнаго вѣдомства. Таковъ былъ смотритель иркутскаго тюремнаго замка Ведерниковъ. Я прибавилъ бы еще къ слову Гамлетъ—«плохой, провинціальный». Ведерниковъ не говорилъ, а декламировалъ. У него было нѣсколько жестовъ плохихъ драматическихъ актеровъ: онъ стучалъ себѣ въ грудь бѣлымъ, тонкимъ кулакомъ, картинно-откидывалъ кудри и драпировался въ какой-то необыкновенный плащъ. Безъ всякаго приглашенія онъ принялся мнѣ жаловаться на свою судьбу, сдѣлавшую его тюремнымъ смотрителемъ, и сталъ обличать себя. Человѣкъ долженъ уважать себя. Вотъ почему за свои ошибки онъ долженъ каяться передъ собой, а не театральничать. Въ себѣ самомъ уважающій себя человѣкъ найдетъ самаго строгаго и безпощаднаго судью, не знающаго снисхожденія. Опытъ показалъ мнѣ, что люди, охотно бичующіе себя предъ другими за грѣхи, мелки и никогда не бываютъ искренни. Двадцать лѣтъ тому назадъ я не рѣшился бы такъ рѣзко формулировать эту мысль; вотъ почему хотя покаянныя рѣчи Ведерникова мнѣ не нравились, но я стыдился отвѣтить на нихъ рѣзкостью. Впослѣдствіи оказалось, что тюремный Гамлетъ умѣетъ не только произносить драматическіе монологи, но отлично беретъ взятки и еще лучше пишетъ доносы на политическихъ заключенныхъ.

— Представьте же меня дамамъ,—суетился между тѣмъ Гамлетъ въ мундирѣ тюремнаго вѣдомства. Съ глубокой ненавистью глядѣлъ на Ведерникова первый помощникъ его Путята. У него въ прошломъ тоже была какая то исторія, не особенно лестная, судя потому, что онъ изъ гвардейскихъ офицеровъ очутился въ Иркутскѣ помощникомъ тюремнаго смотрителя.

— Ѣсть, ѣсть, мы голодны, какъ волки!—шумѣли между тѣмъ вокругъ насъ, старожиловъ, такъ сказать, иркутской тюрьмы, вновь прибывшіе товарищи.

— Двѣсти пироговъ готово!—утѣшилъ мой товарищъ. Эти пироги мы, въ ожиданіи партіи, готовили уже три дня.

Вновь прибывшихъ помѣстили въ большой камерѣ, выходившей на главный дворъ, а женщинъ—въ «секретномъ дворѣ». Нѣсколько дней прошло совершенно спокойно. Даниловъ хлопоталъ по хозяйству, договаривался съ Гамлетомъ относительно пользова-

нія кухней; подобрались товарищи, предложившіе стряпать поочередно. Тѣ, которые не выучились во время хожденія по этапамъ этому нетрудному дѣлу,—мыли по дежурству котлы и посуду. Черезъ нѣсколько дней наша партія сильно уменьшилась, такъ какъ многихъ увезли на волю въ Балаганскъ и въ Тунку. Увезли также В. Л. Б—ва, который въ ту же зиму бѣжалъ изъ Балаганска и девятнадцать лѣтъ тянулъ тяжелую лямку эмигранта въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ, покуда, послѣ революціи въ октябрѣ 1905 г., не попалъ въ Россію. Остались въ Иркутскѣ только 11 человѣкъ, которымъ предстояло путешествіе на Лену.

Я говорилъ уже, что въ иркутской тюрьмѣ уголовные арестанты, въ томъ числѣ даже убійцы, были отперты цѣлый день и до вечера гуляли по двору. Подслѣдственные арестанты, какъ исправникъ Шипицынъ, Труверсэ и др. пользовались еще большими льготами и отправлялись въ городъ, при чемъ первый—безъ провожатыхъ. Мы были административные: черезъ нѣсколько недѣль намъ предстояло выйти на волю, поэтому, естественно, что льготы, которыми пользовались уголовные, должны были распространяться и на политическихъ. Насъ тоже запирали въ камеры только на ночь. Мы тоже могли цѣлый день гулять по двору. Но «либеральный» гр. Игнатьевъ только что возвратился изъ Петербурга, гдѣ ему сообщили новый курсъ. Правительство побѣдило тогда революцію. Всѣ вожди ея сидѣли уже въ равелинахъ или были казнены. Но въ Сибири находились еще плѣнники. Имъ нужно было показать «торжество побѣдителя». Необходимъ былъ только какой-нибудь предлогъ, хотя бы самый ничтожный. И при добромъ желаніи предлогъ этотъ нашелся очень скоро.

IV.

Двадцатаго октября Ц. находился въ конторѣ на свиданіи со своею невѣстой Л., слѣдовавшей съ нашей же партіей. Зашелъ полицеймейстеръ, посмотрѣлъ на Ц. и Л., затѣмъ обратился къ «старшему».

— Почему они здѣсь?—строго спросилъ онъ.

Старшій отвѣтилъ, что свиданіе разрѣшено губернаторомъ. Полицеймейстеръ, по видимому, удовлетворился и направился было къ дверямъ, но повернулъ назадъ и подошелъ къ Ц. и Л.

— Послушайте,— рѣзко сказалъ онъ,— вы должны встать, когда заходитъ начальство.

Въ такомъ же рѣзкомъ тонѣ Ц. отвѣтилъ, что вставать предъ полицеймейстеромъ не намѣренъ.

— Старшій!—крикнулъ полицеймейстеръ,—позвать конвой. Вывести его отсюда!

Ц. взялъ шапку и ушелъ изъ конторы.

— Послушайте, что это за фигура?—отозвалъ меня Б—въ, разсѣянный, вѣчно занятый обсужденіемъ програмныхъ вопросовъ и составленіемъ своихъ лѣтописей революціоннаго движенія. Теперь имя В. Л. Б—ва хорошо извѣстно въ связи съ молодымъ журналомъ, имѣющимъ громадный успѣхъ. Я замѣтилъ прежде всего, что карманъ у полушубка Б—ва оторванъ и болтается точно такъ же, какъ семь мѣсяцевъ тому назадъ, когда я прибылъ въ Москву. «Фигура», на которую В. Л. Б указалъ, была дѣйствительно любопытна. Нужно представить себѣ Гамлета съ длинными кудрями до плечъ, въ развѣвающемся плащѣ, но только въ ботфортахъ и въ мундирѣ тюремнаго вѣдомства. Таковъ былъ смотритель иркутскаго тюремнаго замка Ведерниковъ. Я прибавилъ бы еще къ слову Гамлетъ—«плохой, провинціальный». Ведерниковъ не говорилъ, а декламировалъ. У него было нѣсколько жестовъ плохихъ драматическихъ актеровъ: онъ стучалъ себѣ въ грудь бѣлымъ, тонкимъ кулакомъ, картинно-откидывалъ кудри и драпировался въ какой-то необыкновенный плащъ. Безъ всякаго приглашенія онъ принялся мнѣ жаловаться на свою судьбу, сдѣлавшую его тюремнымъ смотрителемъ, и сталъ обличать себя. Человѣкъ долженъ уважать себя. Вотъ почему за свои ошибки онъ долженъ каяться передъ собой, а не театральничать. Въ себѣ самомъ уважающій себя человѣкъ найдетъ самаго строгаго и безпощаднаго судью, не знающаго снисхожденія. Опытъ показалъ мнѣ, что люди, охотно бичующіе себя предъ другими за грѣхи, мелки и никогда не бываютъ искренни. Двадцать лѣтъ тому назадъ я не рѣшился бы такъ рѣзко формулировать эту мысль; вотъ почему хотя покаянныя рѣчи Ведерникова мнѣ не нравились, но я стыдился отвѣтить на нихъ рѣзкостью. Впослѣдствіи оказалось, что тюремный Гамлетъ умѣетъ не только произносить драматическіе монологи, но отлично беретъ взятки и еще лучше пишетъ доносы на политическихъ заключенныхъ.

— Представьте же меня дамамъ,—суетился между тѣмъ Гамлетъ въ мундирѣ тюремнаго вѣдомства. Съ глубокой ненавистью глядѣлъ на Ведерникова первый помощникъ его Путята. У него въ прошломъ тоже была какая то исторія, не особенно лестная, судя потому, что онъ изъ гвардейскихъ офицеровъ очутился въ Иркутскѣ помощникомъ тюремнаго смотрителя.

— Ѣсть, ѣсть, мы голодны, какъ волки!—шумѣли между тѣмъ вокругъ насъ, старожиловъ, такъ сказать, иркутской тюрьмы, вновь прибывшіе товарищи.

— Двѣсти пироговъ готово!—утѣшилъ мой товарищъ. Эти пироги мы, въ ожиданіи партіи, готовили уже три дня.

Вновь прибывшихъ помѣстили въ большой камерѣ, выходившей на главный дворъ, а женщинъ—въ «секретномъ дворѣ». Нѣсколько дней прошло совершенно спокойно. Даниловъ хлопоталъ по хозяйству, договаривался съ Гамлетомъ относительно пользова-

нія кухней; подобрались товарищи, предложившіе стряпать поочередно. Тѣ, которые не выучились во время хожденія по этапамъ этому нетрудному дѣлу,—мыли по дежурству котлы и посуду. Черезъ нѣсколько дней наша партія сильно уменьшилась, такъ какъ многихъ увезли на волю въ Балаганскъ и въ Тунку. Увезли также В. Л. Б—ва, который въ ту же зиму бѣжалъ изъ Балаганска и девятнадцать лѣтъ тянулъ тяжелую лямку эмигранта въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ, покуда, послѣ революціи въ октябрѣ 1905 г., не попалъ въ Россію. Остались въ Иркутскѣ только 11 человѣкъ, которымъ предстояло путешествіе на Лену.

Я говорилъ уже, что въ иркутской тюрьмѣ уголовные арестанты, въ томъ числѣ даже убійцы, были отперты цѣлый день и до вечера гуляли по двору. Подслѣдственные арестанты, какъ исправникъ Шиницынъ, Труверсэ и др. пользовались еще большими льготами и отправлялись въ городъ, при чемъ первый—безъ провожатыхъ. Мы были административные: черезъ нѣсколько недѣль намъ предстояло выйти на волю, поэтому, естественно, что льготы которыми пользовались уголовные, должны были распространяться и на политическихъ. Насъ тоже запирали въ камеры только на ночь. Мы тоже могли цѣлый день гулять по двору. Но «либеральный» гр. Игнатьевъ только что возвратился изъ Петербурга, гдѣ ему сообщили новый курсъ. Правительство побѣдило тогда революцію. Всѣ вожди ея сидѣли уже въ равелинахъ или были казнены. Но въ Сибири находились еще плѣнники. Имъ нужно было показать «торжество побѣдителя». Необходимъ былъ только какой-нибудь предлогъ, хотя бы самый ничтожный. И при добромъ желаніи предлогъ этотъ нашелся очень скоро.

IV.

Двадцатаго октября Ц. находился въ конторѣ на свиданіи со своею невѣстой Л., слѣдовавшей съ нашей же партіей. Зашелъ полицеймейстеръ, посмотрѣлъ на Ц. и Л., затѣмъ обратился къ «старшему».

— Почему они здѣсь?—строго спросилъ онъ.

Старшій отвѣтилъ, что свиданіе разрѣшено губернаторомъ. Полицеймейстеръ, по видимому, удовлетворился и направился было къ дверямъ, но повернулъ назадъ и подошелъ къ Ц. и Л.

— Послушайте,—рѣзко сказалъ онъ,—вы должны встать, когда заходитъ начальство.

Въ такомъ же рѣзкомъ тонѣ Ц. отвѣтилъ, что вставать предъ полицеймейстеромъ не намѣренъ.

— Старшій!—крикнулъ полицеймейстеръ,—позвать конвой. Вывести его отсюда!

Ц. взялъ шапку и ушелъ изъ конторы.

— Ваше высокородіе, — спросилъ старшій, — взять его подъ руку или чтобы самъ ушелъ?—Полицеймейстеръ махнулъ рукой.

Ц. зашелъ въ большую камеру, гдѣ въ то время собрались всѣ, и разсказалъ намъ происшествіе. Вслѣдъ за Ц. пришелъ надзиратель.

— Полицеймейстеръ требуютъ г. Ц—на въ контору,—сказалъ онъ.

— Пойдите и скажите полицеймейстеру,—объявилъ Даниловъ,—что Ц. не пойдетъ. Если же г. Озерскому надобно, пусть придетъ сюда.

Надзиратель ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ двумя конвойными.

— Гдѣ тутъ Ц.? — спросилъ одинъ изъ нихъ. — Требуютъ въ контору.

— Не пойду!—крикнулъ Ц. своимъ бархатнымъ басомъ.

— Не дадимъ!

Конвой ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришли офицеръ, унтеръ и двѣнадцать солдатъ.

Они стали въ корридорѣ, а къ намъ вошелъ смотритель въ своемъ развѣвающемся плащѣ и съ длинными русыми кудрями, составлявшими такое курьезное сочетаніе съ тюремнымъ мундиромъ. Ведерниковъ былъ взволнованъ и театрально ломалъ руки.

— Пусть г. Ц. пойдетъ въ контору!—началъ онъ дрожащимъ шепотомъ.

— Ц. не пойдетъ!—спокойно отвѣтилъ Даниловъ.

— Въ такомъ случаѣ,—картинно потрясъ кудрями Ведерниковъ,—извините, господа. Я человѣкъ военный. Конвой!

Камера наполнилась солдатами.

— Кого взять?—спросилъ офицеръ.

— Того! Въ черной бородѣ!—указалъ смотритель.

Мы оттѣснили Ц. въ уголъ и стали плотнымъ рядомъ впереди. Даниловъ для торжественнаго случая надѣлъ даже свой «фракъ», перешитый имъ самимъ изъ арестантскаго халата.

— Если будутъ тащить,—объяснилъ дѣдъ,—то чтобы рубаху не разорвали.

Рубаху онъ тоже самъ себѣ сшилъ изъ пестраго ситца. Она была на выпускъ, ниже колѣнъ, съ широкими рукавами и напоминала подрясникъ.

— Взять его!—скомандовалъ офицеръ. Солдаты набросились. Они хотѣли сперва оттащить насъ, чтобы потомъ овладѣть Ц.; но такъ какъ они держали ружья, то таскать было неловко. По видимому, офицеръ не желалъ прибѣгать къ крайности. Когда одинъ изъ солдатъ замахнулся прикладомъ на товарища, офицеръ крикнулъ: «осторожно!» Такъ продолжалось минуты три. Офицеръ пошептался со смотрителемъ.

— Ну, что же? Составьте протоколъ,—сказалъ онъ. Конвой

увели. Явился письмоводитель съ бумагой и деревянной чернильницей.

— Господа,—драматически началъ Ведерниковъ,—полицеймейстеръ велѣлъ предложить вамъ оставить камеру. Вы не пойдете?—обратился онъ къ дѣду.

— Нѣтъ.

— А вы?

— Нѣтъ.

— Ну, составьте протоколъ.

Одного изъ товарищей мы послали за остальными, которые были въ камерахъ или на кухнѣ и ничего не знали. Они явились, недоумѣвая, что означаютъ солдаты. Протоколъ былъ составленъ въ такой формѣ: «Такого-то числа потребовали въ контору административно-ссыльнаго Ц., но находившіеся въ камерѣ государственные преступники, кромѣ Лядова, оказали *полное сопротивленіе*». Потомъ начальство удалилось и все, по видимому, успокоилось. Но опытный глазъ могъ замѣтить, что въ тюрьмѣ къ чему-то готовятся. Съ таинственнымъ видомъ шмыгали надзиратели. Уголовныхъ загоняли въ камеры. Въ корридорахъ поспѣшно подметали, какъ будто ждали важное начальство. Даниловъ, повидавшій на своемъ вѣку десятки тюремъ и пережившій въ нихъ не одну «исторію», когда стемнѣло, посовѣтовалъ всѣмъ не расходиться, а ждать въ большой камерѣ. Наступила ночь, лунная и холодная. Кто-то вышелъ изъ камеры и сообщилъ потомъ, что во дворѣ слышенъ стукъ колесъ многихъ экипажей, подъѣхавшихъ къ конторѣ, затѣмъ голоса, звонъ шпоръ и бряцанье. Всѣ были въ возбужденномъ состояніи. Застучали запоры, загремѣли ключи. Какая-то невидимая рука заперла наружныя двери изъ сѣней во дворъ. Нервы еще больше были напряжены. По двору раздались торопливые шаги, и опять все смолкло. Минутъ черезъ пять—тотъ же торопливый топотъ. Вдругъ раздался громкій, взволнованный женскій голосъ:

— Товарищи! Насъ силой пере...—Крикъ сразу прекратился. Шаги замолкли. Даниловъ былъ въ критическомъ настроеніи и, несмотря на то, что крикъ слышали восемь человѣкъ, увѣрялъ, что это—продѣлка пьянаго Остапченко, любящаго иногда выть по-бабьи.

Черезъ нѣсколько дней мы узнали подробности. Въ камеры, гдѣ содержались политическія заключенныя, явился смотритель и предложилъ перейти въ контору, такъ какъ одиночныя камеры женскаго корридора нужны «для лучшаго размѣщенія арестантовъ». Настоятельное требованіе, нервность смотрителя, спѣшность—все это породило у Е. Л. Улановской, пережившей уже острожную исторію въ Харьковѣ, подозрѣніе, что одиночныя камеры понадобились для расправы съ нами. Она сообщила про свою догадку подругамъ, и всѣ рѣшили не переходить въ контору. Явился по-

лицеймейстеръ и велѣлъ солдатамъ силой взять политическихъ. Солдаты схватили женщинъ и поволокли ихъ изъ камеры. Во дворѣ у Улановской мелькнула мысль предупредить товарищей, но ей не дали договорить.

— Зажми ей ротъ!—крикнулъ полицеймейстеръ. Солдатъ тотчасъ же исполнилъ приказаніе.

Между тѣмъ, мы сидѣли въ камерѣ. Опять загремѣли ключи. Отпирали наружную дверь. Идутъ. Въ камерѣ всѣ сѣли на койки. Открылась дверь, и въ камеру вошелъ, размахивая полами плаща, смотритель.

— Господа!—началъ онъ театрально,—я предлагаю вамъ отъ имени г. полицеймейстера перебраться въ одиночныя камеры, гдѣ сидѣли женщины.

— А гдѣ же барыни?

— Ихъ только что перевели въ комнату близь конторы.

— Почему же онѣ кричали? Мы слышали голосъ Улановской.

Смотритель замялся нѣсколько, но потомъ нашелся:

— Да, онѣ, дѣйствительно, не хотѣли было сперва переходить, но когда призвали солдатъ, онѣ пошли. Не начать же имъ драться съ солдатами? Это противно женской стыдливости. Даю вамъ честное слово, господа,—драматически ударилъ Ведерниковъ ладонью по груди,—что все обошлось благополучно.

Даниловъ отвѣтилъ смотрителю, что мы перейдемъ добровольно и даже сами перенесемъ вещи, если мы и въ новомъ помѣщеніи будемъ пользоваться тѣми же правами, какъ и въ старомъ: будемъ гулять на большомъ дворѣ цѣлый день. Смотритель сказалъ, что передастъ наши условія полицеймейстеру и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ отвѣтомъ, что «полицеймейстеръ считаетъ ниже своего достоинства входить въ объясненія съ арестантами», предлагаетъ намъ перейти добровольно, обѣщая въ такомъ случаѣ, что мы можемъ надѣяться на «снисхожденіе начальства». «Въ случаѣ же сопротивленія,—продолжалъ смотритель —мнѣ дали показать вамъ это». Онъ вытащилъ изъ-подъ полы плаща раскрытый томикъ уложенія о наказаніяхъ и прочелъ съ чувствомъ статью, кажется, 256. Дѣло шло тамъ о лишеніи всѣхъ правъ состоянія и о многолѣтней каторгѣ. Даниловъ далъ смотрителю кончить.

— Еще вопросъ, кто кому дѣлаетъ снисхожденіе, вступая съ нимъ въ переговоры: полицеймейстеръ намъ или мы полицеймейстеру,—спокойно началъ дѣдъ.—Мы—«арестанты», потому что боремся за идею. Г. полицеймейстеръ завтра же можетъ быть тоже арестантомъ, но только причиной его заключенія будутъ не убѣжденія *). Что же касается уложенія о наказаніяхъ, то мы всѣ

---

*) В. А. Даниловъ оказался пророкомъ. Черезъ годъ иркутскій полицеймейстеръ, прикомандированный „къ золоту", исчезъ безслѣдно съ

знаемъ, что тамъ трактуется не только о каторгѣ, но и о висѣлицѣ.— Въ заключеніе Даниловъ прибавилъ, что проситъ довести до свѣдѣнія полицеймейстера наше рѣшеніе не переходить въ новое помѣщеніе, покуда намъ не обѣщаютъ исполнить всѣ наши требованія. Пусть начальство назоветъ свое соизволеніе, какъ хочетъ: *снисхожденіемъ* или уступкой; но только пусть намъ обѣщаніе будетъ дано теперь же.

Смотритель ушелъ и возвратился черезъ нѣсколько минутъ въ сопровожденіи полицеймейстера и солдатъ. Полицеймейстеръ повторилъ требованія, а Даниловъ—свое заявленіе.

— Теперь не время говорить спичи,—отвѣтилъ полицеймейстеръ.—Я повторяю вопросъ: «вы перейдете?»

— Нѣтъ, покуда намъ не обѣщаютъ, что тюремное status quo будетъ сохранено и дальше.

— Ну, хорошо.—Начальство вышло. Мы отступили въ промежутокъ между кроватями, такъ какъ разсчитывали, что насъ сейчасъ же поволокутъ силой. Черезъ нѣсколько секундъ двери широко распахнулись. Вбѣжало нѣсколько десятковъ рослыхъ солдатъ (потомъ мы узнали, что изъ первой роты); за ними вошли три офицера.

— Бейте ихъ такъ, чтобы долго помнили. Въ особенности того, въ сѣромъ пальто, который говорилъ!—скомандовалъ молоденькій офицеръ, почти мальчикъ, лѣтъ двадцати, въ синихъ очкахъ. Солдаты накинулись на насъ, обернувъ ружья прикладами. Такъ какъ я стоялъ въ первомъ ряду, то немедленно получилъ ударъ въ голову, отъ котораго свалился. Помню смутно двухъ товарищей, спѣшно выворачивавшихъ доску изъ наръ, чтобы отбиваться ею. Еще помню другого товарища, который, видя избіеніе, схватилъ горящую лампу и бросилъ ее на полъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать пожаръ, чтобы въ огнѣ погибли всѣ. Но лампа потухла, и въ камерѣ наступила тьма.

Уже на полу я получилъ еще нѣсколько ударовъ прикладомъ, отъ которыхъ потерялъ сознаніе. Очнулся я отъ холода на дворѣ. Меня держали два солдата. Правая рука сильно болѣла, и я не могъ пошевельнуть ею. Ушиблено было плечо и разбита кисть. Потомъ я много лѣтъ чувствовалъ послѣдствія. Увидѣлъ я и другихъ товарищей. Ихъ тоже держали солдаты. Вотъ къ «дѣду» подошелъ солдатъ и, по видимому, по офицерскому приказу ударилъ прикладомъ въ спину. Даниловъ свалился, какъ пластъ. Возлѣ меня четыре солдата держали страшно сильнаго Энгеля. Его мужественное, красивое лицо все было залито кровью.

— Экіе, сукины сыны! Ихъ просить еще надо!—сказалъ кто-то, кажется, офицеръ.

значительной суммой. Его долго разыскивали потомъ и, кажется, безслѣдно.

— Что-жъ вы, господа, задумали бунтовать!—сочувственно шепнулъ мнѣ одинъ изъ солдатъ.—Здѣсь цѣлая рота.

Потомъ насъ поволокли въ новое помѣщеніе. Въ головѣ стоялъ туманъ. Мысли мѣшались отъ ударовъ, полученныхъ въ голову. Мерзкое ощущеніе беззащитнаго человѣка, связаннаго по рукамъ и ожидающаго, что сзади ежеминутно можетъ послѣдовать ударъ! Избіеніе продолжалось и во дворѣ. Относительно товарища Орловскаго офицеръ отдалъ приказъ: «Бейте его всю дорогу!» И солдаты исполнили это. Впереди меня вели того самаго товарища, который швырнулъ лампу. Одинъ изъ солдатъ размахнулся и ударилъ его прикладомъ въ спину. Товарищъ застоналъ. Молоденькій офицеръ захохоталъ. У самыхъ воротъ «секретнаго» двора кто-то сзади ударилъ меня по головѣ кулакомъ, и опять на нѣкоторое время все покрылось для меня туманомъ. Я смутно помню возню съ ключами, которые никакъ не находились, ругательства, затѣмъ какъ былъ втолкнутъ въ совершенно пустую камеру. Кромѣ меня, въ ней заперли еще другого товарища. Постели убрали, такъ что присѣсть можно было только на полу. Мы стали перекликаться съ другими камерами.

— Не будемъ говорить теперь!—сказалъ кто-то.—Голова сильно болитъ.

У моего товарища на головѣ оказалась рана, изъ которой лилась кровь. Покоя намъ не дали. Опять отперли дверь, и въ камеру вошли докторъ, приставъ, смотритель и три офицера, участвовавшіе въ побоищѣ. Въ корридорѣ стояли еще солдаты и какой-то толстый господинъ, какъ мы узнали впослѣдствіи—судебный слѣдователь. Офицерамъ, по видимому, было весело. Они пересмѣивались и можно было даже уловить слова: «ничего, заживетъ!»

— Убирайтесь вонъ!—крикнулъ мой товарищъ. Когда докторъ предложилъ осмотрѣть насъ, товарищъ рѣзко сказалъ: «Неужели вамъ любопытно знать, хорошо ли насъ избили?» Мы, какъ и всѣ товарищи, отказались отъ помощи, но намъ всетаки прислали одоформъ, бинты, гигроскопическую вату, лубки и пр.

— Убирайтесь немедленно изъ камеры! Наемники! Палачи!—крикнулъ еще разъ товарищъ. Публика ушла. Одинъ изъ офицеровъ попрощался.

— Къ чорту вашу вѣжливость!—крикнулъ товарищъ.—Вѣдь вы находились среди тѣхъ, которые били.

Когда начальство ушло, мой товарищъ, медицинскій студентъ, сдѣлалъ мнѣ перевязки. Уснуть на холодномъ полу не было возможности, даже если бы мы не перенесли побоища. То же самое чувствовали всѣ товарищи.

— Не войте, пожалуйста!—раздражительно крикнулъ товарищъ въ лунку дверей, когда въ сосѣдней камерѣ Орловскій затянулъ почему-то: «Отдаетъ меня батюшка замужъ, онъ далеко, далеко за Волгу».

Такъ прошла вся ночь. Наконецъ, наступило утро. Насъ отперли для чая. Мы обнялись всѣ. Прежде всего мы узнали, что трехъ товарищей, въ числѣ ихъ Данилова, и Ц.,—нѣтъ съ нами: ихъ отвезли въ участокъ. Мы узнали подробности побоища. Одинъ товарищъ видѣлъ, какъ офицеръ билъ солдата и обвинялъ его въ нарушеніи присяги за то, что тотъ во время побоища стоялъ въ сторонѣ. Сильнѣе всѣхъ пострадалъ Энгель, такъ какъ пытался сопротивляться. У него на лицѣ были шрамы отъ штыковъ; ногу онъ волочилъ. Пилсудскій получилъ въ камерѣ нѣсколько ударовъ прикладомъ по головѣ и потерялъ сознаніе. Его выволокли во дворъ и оставили здѣсь «отлежаться». Придя въ сознаніе, Пилсудскій видѣлъ, какъ повели Ц. въ контору, и пошелъ самъ вслѣдъ, не зная для чего. Ворота были отперты. Тамъ стояли солдаты и помощникъ смотрителя, отставной гвардейскій офицеръ Путята. Онъ, захлебываясь отъ восторга, наблюдалъ побоище и все кричалъ:

— Ихъ повѣсить мало!

Подъ воротами два унтера схватили Пилсудскаго.

— Ты куда! Бѣжать!... Пойдемъ!—Товарища повели. Какой-то солдатъ во дворѣ подошелъ и изо всѣхъ силъ ударилъ его кулакомъ по носу. Полилась кровь и залила грудь.

— Вотъ тебѣ!—крикнулъ солдатъ и ударилъ еще разъ прикладомъ.

— Что ты дѣлаешь?—спокойно сказалъ Энгель.—Убить, что ли, хочешь? Поймалъ, чего же еще бьешь?—Солдатъ опустилъ ружье. Къ окруженному кольцомъ солдатъ Энгелю подошелъ молоденькій офицеръ.

— Вотъ каковы *внутренніе враги* или поборники идеи, какъ вы себя называете!—насмѣшливо началъ онъ.—Мы сдержали слово, что васъ выведемъ, а вотъ вы не сдержали слова, что не выйдете. Если бы вы были людьми идеи, то должны были бы умереть подъ прикладами, но не выйти.

По видимому, офицеръ былъ пьянъ.

Товарища Аренкова избили такъ, что онъ нѣсколько дней не могъ придти въ себя. Уголовный арестантъ, убиравшій камеру, сообщилъ намъ, что барынь перевели теперь въ комнату близь конторы, а потомъ въ сырую камеру у выгребной ямы. Здѣсь у ребенка одной изъ барынь, у трехлѣтняго мальчика, отъ испуга началась какая-то нервная болѣзнь.

V.

Какъ только мы напились чаю, насъ опять заперли по камерамъ. Гулять выпускали по-двое. Кроватей такъ и не дали, но принесли наши одѣяла и подушки, а вмѣсто тюфяковъ—арестантскіе

халаты. Черезъ день конспиративнымъ путемъ намъ доставили записку «съ воли». Мы узнали, что проектъ избіенія исходилъ не отъ полицеймейстера, а отъ генералъ-губернатора. Къ побоищу готовились еще съ утра и тогда же привели въ тюрьму рослыхъ солдатъ первой роты. Въ разсчеты устроившихъ побоище не входило, чтобы мы добровольно перешли изъ камеры въ секретный дворъ. Вотъ почему полицеймейстеръ старался вызвать отказъ, а смотритель, показывая намъ статью въ Уложеніи о наказаніяхъ, не заикнулся даже о солдатахъ, стоявшихъ у дверей. Въ Иркутскѣ узнали объ избіеніи въ ту же ночь, такъ какъ подвыпившій молоденькій офицеръ отправился въ клубъ хвастаться побѣдой надъ внутреннимъ врагомъ. Иркутяне, вымазавшіе когда-то кровью ворота генералъ-губернатору Анучину, приговорившему къ смертной казни изъ личной мести учителя гимназіи Неустроева *),—приняли разсказъ молодого офицера не такъ, какъ онъ ожидалъ. Политическіе заключенные пріобрѣли въ городѣ многочисленныхъ друзей, выражавшихъ намъ сочувствіе и трогательно предлагавшихъ помощь. Когда «либеральный» генералъ-губернаторъ распорядился потомъ послать всю нашу партію «въ наиболѣе отдаленныя и наименѣе населенныя» мѣста Якутской области,—горожане прислали намъ вороха теплаго платья, валенокъ, дохъ, мѣховыхъ шапокъ, кошмъ и очень обидѣлись, когда нашъ староста отказался принять собранныя деньги.

Насъ держали «на карцерномъ положеніи». Чьи-то головы неустанно работали надъ причиненіемъ намъ возможно большей суммы непріятностей. На слѣдующій день пришелъ помощникъ смотрителя и сладкимъ голоскомъ предложилъ намъ «дать себя немножко пощупать, потому такова воля начальства». При томъ способѣ, какъ мы попали въ карцеръ, запретнаго у насъ не могло быть. Въ обыскѣ надобности не было. Административно-ссыльныхъ вообще не обыскивали по всему пути, начиная отъ Москвы. «Щупанье», какъ выражался помощникъ смотрителя, было въ данномъ случаѣ просто желаніемъ начальства показать намъ свою силу. У насъ, конечно, ничего не нашли; но помощникъ смотрителя всетаки забралъ ремни отъ штановъ, такъ какъ ихъ можно «закинуть за пали», т. е. при помощи ихъ подняться на заборъ и бѣжать. Ремни были вершковъ въ 18, а «пали»—саженей въ 5—6.

— Быть можетъ, господа, у кого-нибудь есть *лишнія* письма,—предложилъ помощникъ,—отдайте ихъ намъ.

О помощникахъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Насколько Ведерниковъ былъ драматиченъ, а Путята величественъ, настолько второй помощникъ плюгавъ. Нужно представить себѣ маленькаго, лысенькаго человѣчка, съ хвостикомъ грязной ваты, торчащимъ изъ уха, въ куцомъ сѣромъ пальто со жгутами, изъ-подъ котораго видна

*) Неустроевъ на ругательство Анучина отвѣтилъ пощечиной

засаленная фланелевая кацавейка. Помощникъ весь былъ проникнутъ благоговѣніемъ къ «начальству», и это чувство, радѣя о нашей пользѣ, онъ старался передать намъ. Вечеромъ на повѣркѣ онъ доказывалъ намъ, что мы нарушили чуть ли не міровую гармонію, ослушавшись «начальства».

— Что была бы наша жизнь, не будь надъ нами начальства? — философствовалъ помощникъ. Выражался онъ всегда афоризмами, которые заканчивалъ глубокимъ поклономъ въ поясъ.—Когда мы дѣти,—мы должны подчиняться родителямъ. Они наше начальство. Въ школѣ мы должны слушаться начальства. Въ жизни начальство заботится о насъ. Въ тюрьмѣ—то же самое, а вы, господа, вздумали ослушаться его (Поклонъ въ поясъ и изчезновеніе)! Черезъ день—другой афоризмъ, представлявшій развитіе той же темы.

— Смиреніемъ, господа, достигается у начальства довѣріе, а довѣріемъ достигаютъ льготы! (Поклонъ въ поясъ и изчезновеніе). Для насъ не было сомнѣнія, что чудакъ, по своему, тепло относился къ намъ, насколько чувство было доступно ему, подавленному благоговѣніемъ къ начальству.

Черезъ два дня послѣ побоища мы узнали, что насъ отдали подъ судъ за *сопротивленіе* военному караулу. Гдѣ-то работали силы, желавшія насъ «проучить». И эти силы настаивали на примѣненіи возможно болѣе «серьезной» статьи. Сперва остановились было на 272 ст., гдѣ говорится объ ослушаніи, но потомъ рѣшили подвести дѣло подъ статью о *вооруженномъ* сопротивленіи военному караулу. Это давленіе извнѣ мы могли наблюдать по тому, какъ производились допросы судебнымъ слѣдователемъ. Сперва вызвали въ контору для допроса шесть человѣкъ. Пять изъ нихъ отказались отъ показаній. Шестой заявилъ, что ни виновнымъ, ни не виновнымъ онъ себя не признаетъ; но въ виду возстановленія истины считаетъ необходимымъ изложить событіе, свидѣтелемъ котораго былъ.

Допросы внезапно прекратились. Еще черезъ нѣсколько дней, 26 октября, насъ всѣхъ вызвали въ больничный пріемъ... для «освидѣтельствованія», насколько сильно пострадали мы недѣлю тому назадъ. Въ больницѣ насъ ждали судебный слѣдователь и два врача Мы заявили, что освидѣтельствовать себя не дозволимъ; но начальство можетъ быть довольно: ни одинъ прикладъ не пропалъ даромъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать лица, руководившія побоищемъ. Надъ нами учинено возмутительное насиліе, и теперь люди, устроившіе побоище, присылаютъ экспертовъ удостовѣриться хорошо ли работали ихъ подчиненные.

Согласно съ нашимъ заявленіемъ составленъ былъ протоколъ.

Когда мы замѣтили исчезновеніе трехъ товарищей, намъ сказали, что ихъ переведутъ къ намъ черезъ шесть дней. Двадцать седьмого октября этотъ срокъ наступилъ, а товарищей не было. Между тѣмъ, конспиративнымъ путемъ до насъ дошли страшныя

вѣсти. Ц. сошелъ съ ума въ участкѣ, а Даниловъ послѣ какого-то инцидента объявилъ голодовку. Необходимо было предпринять что нибудь. И вотъ, какъ къ послѣднему средству, мы прибѣгли къ голодному бунту. Народъ у насъ былъ серьезный. Мы остановились на голодовкѣ, потому что активно протестовать было уже не возможно. Всѣ рѣшили, что важно не сдаваться до послѣдняго. Вотъ почему необходимо предвидѣть даже смерть. И, въ виду этого, всѣмъ предложено было поставить себѣ вопросъ: «могу ли я отвѣчать за себя? могу ли я сказать съ увѣренностью, что муки голода не заставятъ меня упасть духомъ и уступить?» Слабымъ предложено было лучше съ самаго начала не присоединяться къ голодовкѣ, чтобы потомъ не внести деморализацію. Указано было, что въ фактѣ честнаго признанія своей слабости въ самомъ началѣ—нѣтъ ничего позорнаго; наоборотъ, слабый человѣкъ окажетъ, такимъ образомъ, важную услугу своимъ товарищамъ. Не присоединился къ голодовкѣ одинъ товарищъ, болѣзненный, слабый мальчикъ, попавшій въ тюрьму шестнадцати лѣтъ. Сдѣлалъ онъ это не потому, что сильнѣе былъ привязанъ къ жизни, чѣмъ остальные, а вслѣдстіе того, что слишкомъ мучился самоанализомъ. Онъ все страшился, что черезъ два или три дня голодовки упадетъ духомъ и, такимъ образомъ, «предастъ всѣхъ». Этотъ мальчикъ былъ одинъ изъ нашихъ самыхъ чуткихъ, благородныхъ товарищей, къ которому всѣ сильно привязались. И вотъ, 27 октября мы послали начальству заявленіе, что всѣ, кромѣ N, рѣшили «умереть голодной смертью, если къ намъ не переведутъ обратно трехъ товарищей, отведенныхъ въ участокъ». Въ тотъ день въ Иркутскъ прибыла политическая партія, состоявшая изъ пяти человѣкъ и, не смотря на наши отговариванія, всѣ они присоединились къ голодовкѣ *). Въ вечеръ объявленія голодовки всѣ были въ необыкновенно приподнятомъ настроеніи. Такого настроенія уже давно не испытывали мы. Энгель даже пѣлъ. Обыкновенно человѣку, дѣйствующему сознательно и умѣющему взвѣшивать свои поступки, гораздо труднѣе рѣшиться на какое-нибудь серьезное дѣло, чѣмъ выполнить его. «Все думаю о готовящейся голодовкѣ,—писалъ одинъ изъ участниковъ ея.—Стараюсь вызвать реальный образъ человѣка, доголодавшагося до смерти, чтобы убѣдиться, страшусь ли я. И мнѣ представился голый трупъ арестанта, который я видѣлъ въ тюремной мертвецкой за мѣсяцъ передъ этимъ. Предо мной съ поразительной отчетливостью вырисовался этотъ трупъ, лежащій на столѣ, съ полѣномъ вмѣсто изголовья. Руки мертвеца

*) Каторжане: Ананьина (по дѣлу 1 марта 1887) и Пашковскій (по тому же дѣлу): административно-ссыльные: Левандовская, Вельярскій и Гейманъ. Пашковскій застрѣлился потомъ въ вольной командѣ; Гейманъ, послѣ долголѣтнихъ скитаній по Сибири, попалъ, наконецъ, въ Парижъ, гдѣ заболѣлъ и умеръ.

были растопырены. Высокій арестантъ Щербатый, засучивъ рукава красной рубахи, зашивалъ длинный синеватый разрѣзъ на впавшемъ животѣ трупа. И я старался пріучить себя къ мысли, что на столѣ, съ полѣномъ подъ головой, лежитъ мой трупъ, и что Щербатый такъ же работаетъ иглой надъ разрѣзомъ въ моемъ животѣ». Когда голодовка началась, она уже не представляла ничего страшнаго ея участникамъ. Приведу нѣсколько выдержекъ изъ старой записной книжки. «Голодовка началась. Предложили помощнику произвести осмотръ въ нашихъ камерахъ, нѣтъ ли съѣстныхъ продуктовъ. Помощникъ осмотрѣлъ одну камеру и заявилъ, что голодовка это наше частное дѣло, его не касающееся. Въ виду соображенія, что помощникъ могъ не довести до свѣдѣнія начальства о голодовкѣ, мы написали заявленіе прокурору *). Мы писали, что, принимая во вниманіе происшествіе двадцатаго октября, мы имѣемъ основаніе предполагать, что съ товарищами, отвезенными въ участокъ, обращаются плохо. Намъ обѣщали, что ихъ привезутъ обратно черезъ шесть дней. Прошло уже семь дней, а товарищей нѣтъ. Поэтому мы доводимъ до свѣдѣнія прокурора, что мы рѣшились уморить себя голодомъ, если увезенныхъ не переведутъ обратно. Принесли обѣдъ. Мы его не приняли. Онъ остался въ корридорѣ. Весь день не чувствовалъ никакихъ особыхъ признаковъ голода. Къ вечеру проявилась только слабость. Иные товарищи проспали почти весь день. Въ первый день голодовка чувствовалась, кажется, единственно потому, что нарушилась рутина тюремной жизни. Время, заполняемое обыкновенно чаемъ, обѣдомъ, ужиномъ — представляло теперь пустопорожнее, зіяющее пространство. А такъ какъ книгъ не было, то появился переизбытокъ свободнаго времени, которое мы не знали, куда дѣвать. Мы бродили по діагонали въ камерахъ, какъ звѣри въ клѣткахъ... Спалъ крѣпко до 1 часа ночи, потомъ лежалъ до утра съ открытыми глазами. Безсонница — одно изъ наиболѣе непріятныхъ послѣдствій продолжительной голодовки. Утромъ — слабость; но ощущенія голода — почти никакого. Лежалъ на полу до самаго вечера, такъ какъ кружилась голова, какъ только поднимался. Любопытная черта. Нервные и слабые физически товарищи неизмѣримо легче переносятъ голодъ, чѣмъ такіе атлеты, какъ Энгель, который жестоко страдаетъ, хотя, какъ человѣкъ необыкновенно мужественный, терпитъ муки, какъ спартанецъ... Третій день голодовки. Всю ночь не спалъ. Пробовалъ читать, но буквы сливаются. Передъ глазами, какъ черная, волнующаяся кисея. Кромѣ жестокой слабости, не ощущаю мученій голода».

«Къ вечеру четвертаго дня пришли звать меня въ контору на допросъ. Было нѣсколько трудно подняться и пойти, но потомъ силы нашлись. Въ конторѣ сидѣлъ рыхлый, сырой, толстый, бѣло-

*) Михайловъ.

курый слѣдователь. Дѣло шло о томъ же побоищѣ; но только лица, направлявшія слѣдствіе, сидя за кулисами, нашли другую, болѣе серьезную статью. Первыхъ шестерыхъ товарищей привлекли къ отвѣту по 272 ст., грозящей зачинщикамъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и арестантскими ротами до двухъ лѣтъ, а участникамъ—тюремнымъ заключеніемъ отъ 4 мѣсяцевъ до одного года. Затѣмъ допросы прекратились на нѣсколько дней, и вотъ теперь рыхлый слѣдователь предъявлялъ уже мнѣ 264 ст., грозившую каторгой отъ 10—15 лѣтъ. И это только мнѣ, какъ соучастнику. «Защинщиками» были выставлены В. А. Даниловъ и, почему-то, Э. Л. Улановская. Имъ грозило еще болѣе суровое наказаніе. Обвиненіе сводилось къ тому, что мы оказали «полное, вооруженное сопротивленіе военному конвою, желавшему вывести насъ; сопротивленіе выразилось бросаніемъ лампъ, подушекъ, котелковъ и пр». Выходило, что не мы избиты конвоемъ, а пятьдесятъ вооруженныхъ солдатъ избиты 11 ссыльными, въ рукахъ которыхъ ничего не было. Какъ и всѣ товарищи, я отказался отъ показаній».

Еще выписки изъ старой записной книжки.

«Пятый день голодовки. Все время лежимъ на полу. Энгельсъ жестоко страдаетъ, но терпитъ, какъ стоикъ. Ощущаю только невѣроятную слабость. Память почти отказывается служить. Забываю обыкновенныя слова. Не сразу могу припомнить фамиліи товарищей, сидящихъ въ сосѣдней камерѣ. Черная кисея предъ глазами волнуется и переливается сильнѣе. Неужели это и есть завѣса, скрывающая неизвѣстное?» Къ вечеру намъ прочли бумагу, присланную смотрителю прокуроромъ. Онъ требуетъ извѣстить, какъ себя ведутъ административные политическіе ссыльные. «Если они продолжаютъ долговременный, ненормальный постъ, — продолжалъ прокуроръ,—то объявить имъ, что ни одно изъ ихъ незаконныхъ требованій не будетъ исполнено, а будетъ созванъ медицинскій совѣтъ, который найдетъ способъ искусственнаго ихъ прокормленія, даже помимо ихъ воли». «Вообще же,—заканчиваетъ прокуроръ,—всякое неповиновеніе, на что приняты мѣры, будетъ караться со всею строгостью законовъ». Мы отвѣтили, вѣроятно, очень рѣзкимъ заявленіемъ, что угрозъ не боимся и что шаги наши мы взвѣсили. Если начальство непреклонно, то непреклонны будемъ и мы. Отправляя заявленіе, мы были увѣрены, что голодовка должна кончиться трагически, во всякомъ случаѣ, для нѣкоторыхъ. Но объ отступленіи никто не думалъ. Мы отстаивали, какъ могли, свободу личности и достоинство политическихъ заключенныхъ. Необходимо идти до конца, хотя бы цѣною жизни. Я доподлинно знаю, что не одинъ изъ товарищей въ то время сожалѣлъ, что лампа, брошенная на полъ во время побоища, не вспыхнула и не произвела пожара, который истребилъ бы насъ всѣхъ.

«Шестой день голодовки. Слабость увеличивается. Каждый разъ, когда пробую поднять голову, въ глазахъ темнѣетъ. Не могу

вспомнить, кто сидитъ рядомъ въ камерѣ. Конспиративнымъ путемъ съ воли доходятъ разные слухи. Въ городѣ общественное мнѣніе рѣзко выразилось противъ начальства; но «на верхахъ» рѣшили примѣрно наказать насъ и отправить на каторгу, по крайней мѣрѣ, на 10 лѣтъ. Рядомъ съ этимъ намъ сообщаютъ, что наше дѣло, будто бы, прекратятъ; но за то всю партію черезъ нѣсколько дней отправятъ въ Колымскій округъ. Явился помощникъ смотрителя. Убѣждаетъ «сдѣлать пріятное начальству» и принять пищу. «Хотите,—соблазняетъ онъ,—сейчасъ распоряжусь поставить самоварчикъ. Изъ больницы принесенъ бѣлый хлѣбъ. Вкусно такъ и начальству отрадно.

— Привезите товарищей, и голодовка прекратится сейчасъ же,— угрюмо отвѣтилъ Энгельсъ.

Седьмой день. Въ часъ дня пришелъ смотритель. Мы всѣ лежали на полу.

— Господа, хорошія вѣсти,—театрально началъ онъ.—Двухъ вашихъ товарищей привезли въ контору. Они сейчасъ будутъ здѣсь. Данилова же давно увезли изъ участка въ Александровскій централъ, гдѣ онъ долженъ отбыть шестимѣсячное заключеніе за побѣгъ. Можете принять пищу.

Мы не повѣрили, покуда товарищи не явились къ намъ. Голодовка прекратилась. Насъ отперли и выпустили въ корридоръ. Арестантъ приволокъ громадный жестяной самоваръ и доску съ нарѣзанными больничными порціями бѣлаго хлѣба. Первые глотки чая причинили боль. Нёбо какъ бы опухло, а пищеводъ забылъ привычную работу. Къ великому удивленію, я не ощущалъ «волчьяго аппетита», являющагося послѣдствіемъ голода, и удовлетворился нѣсколькими глотками.

VI.

Судьба Данилова выяснилась для насъ только черезъ четыре года. Мы жили уже много лѣтъ въ Средне-Колымскѣ, такъ что нѣкоторые считали остававшійся срокъ ссылки мѣсяцами. Былъ самый тяжелый для колымчанъ періодъ времени—весна. Въ мартѣ мѣсяцѣ у всѣхъ обывателей кончаются уже запасы рыбы. Жители начинаютъ ѣсть собачій кормъ: рыбьи кости, потроха и прочую полусгнившую мерзость. Чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ положеніе дѣлъ становится все хуже и хуже. Въ маѣ обыватели съѣдаютъ кожаные обутки, ремни, налимьи кожи, которыми лѣтомъ, вмѣсто стеколъ, затянуты рамы... Тощія, едва живыя ѣздовыя собаки, шатаясь, бродятъ по городу, разыскиваютъ трупы своихъ околѣвшихъ товарищей и жадно пожираютъ. Въ эту пору на собакъ нападаетъ особенная болѣзнь, которая выражается въ параличѣ заднихъ ногъ и распуханіи головы. Отъ этой болѣзни собаки околѣваютъ

черезъ 3—4 дня. Голодные колымчане каждый день выходятъ на берегъ, чтобы посмотрѣть, не тронулась ли кормилица Колыма. Рѣка почернѣла. Зеленыя наледи разлились на ней всюду. Наконецъ, съ оглушительнымъ трескомъ ломается ледъ, и рѣка трогается.

— Пошья, пошья (т. е. пошла, пошла), матушка Коима!—говорятъ обыватели. Такъ какъ за городомъ рѣчка дѣлаетъ крутой поворотъ, то огромныя $1^1/_2$-саженной толщины льдины спираются тамъ и образуютъ громадную запруду версты въ полторы въ длину. На рѣку тогда страшно взглянуть. Льдины напираютъ другъ на друга, становятся торцемъ, трещатъ; въ воздухѣ стоитъ глухой гулъ, заглушающій голоса. Выше ледяной плотины вода подымается и заливаетъ городъ. Но обывателей нисколько не тревожитъ вода, залившая ихъ избы до самыхъ оконъ: это пустяки, *вольная вода*, которая только рыбу принесетъ.

— Мучится, Колыма-матушка!—тоскливо говорятъ обыватели, какъ о женщинѣ, которая мечется въ потугахъ. Но вотъ съ оглушительнымъ трескомъ рухнулъ ледяной барьеръ. Льдины быстро несутся внизъ по рѣкѣ уже не сплошнымъ полемъ. Видны уже «талыя мѣста». Обыватели пляшутъ на берегу и кричатъ:

— Пошла! пошла!—Въ избахъ усиленно готовятся къ неводьбѣ. Насъ всѣхъ весна тоже выбивала изъ колеи. Товарищи, усиленно занимавшіеся зимой, и такіе, которыя находились въ острыхъ контрахъ съ книгами,—всѣ проводили круглыя сутки въ нашей общей столовой, въ воспѣтомъ много разъ «Павловскомъ домѣ». Тутъ можно было встрѣтить Г—а, всю зиму изучавшаго Канта, и лучшаго нашего «каюра», т. е. собачьяго погонщика, штейгера Б—ва, у котораго, по увѣренію злыхъ языковъ, четыре года пролежалъ подъ подушкой нумеръ *Русской Мысли*, развернутый на той же страницѣ. Поэтъ и беллетристъ, имя котораго извѣстно всей Россіи, а научныя работы—всему ученому міру, состязался въ остроуміи съ безшабашнымъ бурсакомъ М—чемъ, представлявшимъ живую энциклопедію своеобразныхъ семинарскихъ анекдотовъ. Тутъ же засѣдалъ «клубъ тарасконцевъ», т. е. нашихъ охотниковъ. Они держали въ самомъ неудобномъ мѣстѣ заряженныя ружья, при чемъ разъ чуть не убили товарища. Одинъ изъ тарасконцевъ повѣсилъ полотенце на курокъ заряженнаго ружья съ надѣтымъ пистономъ. Кто-то вытиралъ руки, и ружье выстрѣлило. Зарядъ угодилъ въ стѣну, но одна дробинка все же оцарапала товарищу голову. Скудость провизіи въ городѣ отражалась и на насъ. Обладавшіе хорошимъ аппетитомъ становились изобрѣтателями. Одинъ изъ нихъ открылъ «декоктъ», какъ назвала публика новое блюдо. Оно состояло изъ громаднаго количества дикаго щавеля, свареннаго въ водѣ съ солью. Для «вкуса», на громадный котелъ клались еще ложки двѣ-три *соры*, т. е. родъ кислаго молока, если она оставалась отъ зимнихъ запасовъ. Изобрѣтатель питалъ слабость къ своему дѣтищу и великодушно жертвовалъ сво-

имъ временемъ. Съ ранняго утра онъ отправлялся съ большимъ мѣшкомъ за «городъ» собирать щавель, приводя въ немалое изумленіе обывателей. Они ломали головы и никакъ не могли придумать, зачѣмъ намъ понадобилась *трава*. Къ обѣду мѣшокъ былъ наполненъ. Изобрѣтатель набивалъ щавелемъ котелъ и варилъ «декоктъ». Къ великому огорченію товарища, среди насъ было мало охотниковъ пробовать варево, несмотря даже на такіе сильные аргументы, какъ: «ѣшьте господа, вѣдь это не по бюджету». Гораздо удачнѣе принялась выдумка другого товарища—стряпать лепешки изъ заплѣсневѣлыхъ комьевъ перепрѣвшей ржаной муки, которые мы беремъ для клейстера. Комки дробились молотомъ, потомъ просѣивались, муку замѣшивали на водѣ и жарили на свѣчахъ, оставшихся отъ зимнихъ запасовъ. Свѣчи отливались нами же изъ совершенно свѣжаго оленьяго жира. Изобрѣтателямъ приходилось вести упорную войну со старостой, который стоялъ горой за артельное добро и не давалъ свѣчей «на пустяки», т. е. на съѣденіе.

Періодъ этотъ кончался, когда отходили тони; тогда товарищи разбивались на партіи: одни уѣзжали неводить, другіе — лѣпили кирпичи, чтобы изъ нихъ ставить печки и пр. И вотъ весной 1891 г., когда голодъ особенно изнурилъ изобрѣтательность публики, кто-то вбѣжалъ въ «Павловскій домъ» съ сообщеніемъ, что казаки изъ Якутска подвезли къ дверямъ «хайлака» т. е. уголовнаго поселенца. Публика высыпала во дворъ. Съ нартъ, дѣйствительно, слѣзалъ человѣкъ, одѣтый, поверхъ казеннаго полушубка, въ арестантскій халатъ. И великая была радость, когда въ «хайлакѣ» мы узнали В. А. Данилова. Его доставили на поселеніе изъ каторжной тюрьмы въ Забайкальѣ.

Колымчане присмотрѣлись уже къ одному типу политическихъ ссыльныхъ. Даниловъ для нихъ былъ новинкой. Онъ ѣлъ очень мало, ходилъ всегда безъ шапки [1]), съ длинной палкой въ рукахъ; носилъ своеобразный костюмъ, нѣчто среднее между татарской рубахой и подрясникомъ. Онъ не курилъ и не пилъ. Лицо его поражало худобой. И вотъ колымчане опредѣлили, что Даниловъ — «святой» и пришелъ «за вѣру». Даниловъ не долго пробылъ въ Средне-Колымскѣ и уѣхалъ въ Верхне-Колымскъ. Дальнѣйшую жизнь его разсказали другіе въ «Быломъ».

Возвращусь къ нашей «исторіи». Прошло болѣе двухъ недѣль. Послѣ меня, никого больше на допросъ не вызывали. Мы считали, что съ судомъ дѣло покончено; но 13 ноября утромъ намъ принесли бумагу съ извѣщеніемъ, что мы перечислены за прокуроромъ, а черезъ часъ изъ другой бумаги узнали, что судъ надъ нами состоится черезъ шесть дней. Намъ предлагали найти за-

---

[1]) „Держи голову въ холодѣ, брюхо въ голодѣ, ноги въ теплѣ и долголѣтенъ ты будешь на землѣ",—говорилъ Даниловъ.

щитниковъ. Изъ бумаги мы узнали, что обвиняютъ насъ по статьямъ 273 и 264, а барынь по 286 и 273. Дня за два до суда намъ присланъ былъ запросъ отъ предсѣдателя суда, явимся ли мы на судъ? Передъ этимъ Э. Л. Улановская, не сообщивъ намъ ничего, отказалась явиться на судъ. У насъ по этому поводу мнѣнія раздѣлились. Одни доказывали, что въ судъ ходить не для чего. Другіе стояли за то, что необходимо явиться хотя для демонстраціи. Мы обсуждали вопросъ, когда прибыла бумага отъ предсѣдателя. Она сама наталкивала на отвѣтъ. Мы написали, что явиться на судъ не желаемъ, такъ какъ признаемъ только судъ общественныхъ представителей, а не казенный, назначенный людьми, которые учинили надъ нами насиліе. Мы доводили до свѣдѣнія суда, что среди насъ нѣтъ зачинщиковъ, такъ какъ мы дѣйствовали съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Наканунѣ суда къ намъ явился назначенный судомъ защитникъ, Р. И. Любавскій. Это насъ удивило, такъ какъ мы отказались уже отъ защиты. Любавскій намъ сказалъ, что защищаетъ также Данилова, находящагося въ Александровской центральной тюрьмѣ. Его запросили по телеграфу, желаетъ ли онъ защитника. Даниловъ отвѣтилъ, что ему рѣшительно все равно. Мы поблагодарили Любавскаго, но отказались отъ защиты. Просили мы только, если возможно, сообщить результатъ суда. Любавскій обѣщалъ. Защитникъ сказалъ намъ, что прокуроръ «погорячился», выставивъ 264 ст.

По видимому, власти пожелали намъ отплатить за демонстративный отказъ отъ суда и защиты. Съ этой цѣлью намъ долго не сообщали приговора. Собственно говоря, оффиціальное объявленіе его было сдѣлано намъ только черезъ $2^1/_2$ года, въ Средне-Колымскѣ. Намъ пришлось довольствоваться неоффиціальными, умышленно противорѣчивыми свѣдѣніями. Двадцатаго ноября «плѣненный» исправникъ Шипицынъ сказалъ намъ, что наибольшее наказаніе, вынесенное судомъ—двухгодичное тюремное заключеніе. Мы готовились къ каторгѣ, поэтому два года тюрьмы показались намъ пустяками. Черезъ день мы узнали, что maximum наказанія — не два года, а восемь мѣсяцевъ тюремнаго заключенія; по въ тотъ же вечеръ смотритель Ведерниковъ съ горестнымъ видомъ шепнулъ намъ, что, «по слухамъ», пять человѣкъ осуждены въ каторжныя работы. Это была сознательная ложь, потому что приговоръ еще наканунѣ появился въ мѣстной газетѣ и былъ извѣстенъ всему городу. Еще черезъ день помощникъ смотрителя, «подъ величайшимъ секретомъ», сообщилъ намъ, что въ каторжныя работы присуждены семь человѣкъ, но кто именно—неизвѣстно. Двадцать четвертаго ноября (черезъ пять дней послѣ суда), Ведерниковъ намъ «положительно» сказалъ, что семь человѣкъ пойдутъ на каторгу, а остальные на поселеніе. Вечеромъ того же дня мы получили изъ города конспиративнымъ путемъ самыя точныя свѣдѣнія относительно суда и приговора. Публика допускалась въ судъ по биле-

тамъ; но когда она узнала, что подсудимыхъ не будетъ, также какъ и защиты, то многіе ушли, чтобы «не портить себѣ кровь». Прокуроръ настаивалъ на томъ, чтобы всѣхъ отправить въ каторгу; но судъ не призналъ наличности «вооруженнаго сопротивленія» конвою, а только «ослушаніе». Приговоръ былъ такой: Данилова, какъ лишеннаго всѣхъ правъ состоянія,—на годъ заводскихъ работъ; Ц—на—на 8 мѣсяцевъ, барынь—на пять мѣсяцевъ, несовершеннолѣтнихъ—на три мѣсяца, а остальныхъ—на шесть мѣсяцевъ высидки въ тюрьмѣ. Въ тотъ день, когда мы узнали приговоръ, прибыла въ Иркутскъ партія политическихъ, осужденныхъ по Лопатинскому дѣлу (Якубовичъ, Сухомлинъ, Бѣлоусовъ, Поповъ и Р. Ѳ. Франкъ). Вечеромъ намъ удалось всѣмъ свидѣться. Вѣроятно, въ Иркутской тюрьмѣ въ первый разъ раздавались такія веселыя пѣсни, какъ тогда: въ тактъ имъ звучали кандалы на ногахъ Якубовича и Сухомлина.

Начальство было разъярено «снисходительнымъ» приговоромъ. Любавскаго не допустили въ тюрьму, чтобы онъ намъ сказалъ результатъ. Прокуроръ опротестовалъ приговоръ, а генералъ-губернаторъ распорядился немедленно отправить всю нашу партію въ «наиболѣе отдаленныя и наименѣе населенныя мѣста Якутской области». Насъ отправили 6 декабря 1887 г. въ Якутскъ, а оттуда—въ Средне-Колымскъ. Черезъ $2^1/_2$ года мы узнали, что въ Петербургѣ административнымъ порядкомъ удвоили наказаніе, наложенное иркутскимъ судомъ. Но Средне-Колымскъ до такой степени находится внѣ сферы культуры, что тамъ даже нѣтъ тюрьмы. Вотъ почему приспособили подъ нее нашъ же «Павловскій домъ» Оффиціально мы числились въ заключеніи, и въ кухнѣ караулилъ даже казакъ; но, въ дѣйствительности, одни неводили рыбу въ 50 верстахъ отъ города, другіе косили сѣно, третьи клали печки и пр. Нашъ стражникъ усердно помогалъ по хозяйству тѣмъ, которые дежурили поочередно въ «артельной» столовой. Такъ закончилась наша «исторія».

По поводу нея «всѣ государственные ссыльные г. Верхоленска, кромѣ Телье» *), подали генералъ-губернатору «протестъ». Любопытно то, что въ этомъ документѣ ссыльные считали гр. Игнатьева еще либераломъ. «По возвращеніи вашемъ изъ Петербурга,—читаемъ мы въ этомъ документѣ,—вы, очевидно, рѣшили въ отношеніи къ намъ, государственнымъ ссыльнымъ, перемѣнить тактику, довольно сдержанную и терпимую въ началѣ вашей дѣятельности въ Сибири, и рѣзко измѣнить ее на противоположную, не останавливаясь ни передъ какими мѣропріятіями». Для иллюстраціи приводится наша исторія. «Можемъ васъ увѣрить, ваше сіятельство,—

*) Михаилъ Сабунаевъ, Анастасія Нохитонова, Софья Хлобощина, Василій Георгіевскій, Элеонора Георгіевская, урожденная Свитычъ, Филатъ Егоровъ и жена его Марія Егорова.

заканчивается «протестъ», что никакая Якутская область, никакія Колымски не могутъ заставить насъ отказаться отстаивать по мѣрѣ силъ нашихъ свое человѣческое достоинство, которое, во всякомъ случаѣ, дороже намъ тѣхъ жалкихъ удобствъ, которыми мы пользуемся сравнительно съ нашими товарищами, разосланными по всѣмъ крайнимъ пунктамъ окраины, находящейся въ вашемъ вѣдѣніи. Мы, графъ, потеряли, не колеблясь, слишкомъ много, во всякомъ случаѣ болѣе того, чѣмъ намъ остается терять теперь. Оставьте же, графъ, надежду запугать насъ. Пока еще есть время, перемѣните вашу теперешнюю тактику по отношенію къ государственнымъ ссыльнымъ на болѣе человѣчную и, если не ошибочны были слухи, циркулировавшіе въ началѣ вашей дѣятельности здѣсь, болѣе приличествующую вамъ.»

Подписавшіе протестъ не знали еще, что иркутское побоище только начало новой системы, намѣченной въ Петербургѣ. Въ восемьдесятъ восьмомъ году произошелъ цѣлый рядъ избіеній политическихъ партій въ Сибири, при чемъ пострадавшіе предавались суду за сопротивленіе военному караулу *). Избіенія приводили къ скоротечной чахоткѣ **). Но это было все еще только приступъ. Въ мартѣ 1889 г. произошла Якутская катастрофа съ шестью убитыми и тремя повѣшенными, затѣмъ—наказаніе розгами политическихъ на Сахалинѣ, сѣченіе до смерти Сигиды на Карѣ и, какъ послѣдствіе, самоубійства политическихъ заключенныхъ Смирницкой, Ковалевской, Бобохова и Калюжнаго. Вѣсти эти проникли за границу и вызвали тамъ такой взрывъ негодованія, что правительство, которое сперва пыталось отолгаться (англійскую публику хотѣли увѣрить, что въ Якутскую область политическихъ не отправляютъ), отступило. Система избіеній была оставлена на нѣсколько лѣтъ...

Діонео.

*) Дѣло, разбиравшееся 22—23 ноября 1888 г. въ Тобольскомъ губернскомъ судѣ. Обвинялись политическіе административно-ссыльные: студентъ Теселкинъ, ст. А. Гедеоновскій, врачъ А. Кузнецовъ, дѣйствит. ст. Чумаевскій, Григоровъ, студ. Коншинъ, ст. Емельянцевъ, гимназ. Ромасъ, рабочій Дробашенко, раб. Худыковскій, Россовъ, ст. Тихоміровъ, Буссвъ, ст. Харитоновъ, Яковлевъ, Булгаковъ, дѣйст. ст. Петровскій и рабочій Презовъ.

**) Студентъ Петровской Академіи Русъ, скончавшійся въ Олекминс кѣ

Перспективы русской общественной медицины.

Глубокій политическій и соціальный кризисъ, переживаемый нашей страной, рѣзко отразился во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Область мѣстнаго самоуправленія, чуткій барометръ общественной эволюціи, въ полной мѣрѣ должна была испытать происходящее въ народныхъ массахъ внутреннее броженіе. Земскія учрежденія, наслѣдіе отходящей въ вѣчность эпохи, по своей нынѣшней дѣятельности рельефно отражаютъ все свое несоотвѣтствіе съ выясняющимися запросами жизни. Выраженіе этого несоотвѣтствія мы видимъ, съ одной стороны, во все растущемъ недовѣріи населенія, въ неплатежѣ на ряду съ государственными также и земскихъ повинностей, съ другой—въ характерныхъ явленіяхъ земской жизни послѣдняго времени, въ сокращеніи и даже полномъ упраздненіи тѣхъ или иныхъ отраслей земскаго хозяйства, въ конфликтахъ между земцами-хозяевами и земскими наемниками, отстаивающими какъ интересы дѣла, такъ и свои общегражданскія права передъ лицомъ господствующаго сословія.

Этотъ кризисъ естественно затронулъ и земскую медицину, испытывающую на себѣ въ настоящее время рѣзкое потрясеніе и пріостановку въ своемъ развитіи,—и вопросъ о ея дальнѣйшихъ судьбахъ, о направленіи, какое она должна будетъ принять, когда жизнь страны придетъ въ состояніе равновѣсія, долженъ занимать всѣхъ, кому близки интересы и задачи общественной организаціи врачебнаго дѣла. Врядъ ли нужно доказывать, что это вопросъ не академическій, что онъ выдвинутъ на очередь властнымъ голосомъ жизни.

Въ мою задачу, конечно, не входитъ характеристика нынѣшняго земства, какъ сословно-классоваго представительства, послѣдовательно проведеннаго еще Положеніемъ 1864 года, а затѣмъ въ 1890 году всецѣло отданнаго въ руки ограниченнаго круга дворянъ-землевладѣльцевъ (за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ помѣстнаго дворянства не оказалось). Въ данномъ случаѣ важно лишь отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ сферахъ дѣятельности, предоставленныхъ по закону компетенціи земства, уже по самому ихъ существу не могли съ полною откровенностью проявиться сословно-классовыя стремленія землевладѣльцевъ.

Въ области народнаго образованія и медицины всѣ земскія мѣропріятія, носили ли они случайный или планомѣрный харак-

теръ, въ той или иной степени должны были удовлетворять нуждамъ болѣе широкихъ слоевъ опекаемаго населенія. И большинство земствъ повело въ этихъ двухъ областяхъ сравнительно энергичное и самостоятельное строительство, сообщившее довольно яркій по общепринятому представленію отпечатокъ народолюбія всей сорокалѣтней дѣятельности земскихъ учрежденій.

Въ частности по отношенію къ медицинѣ нужно еще имѣть въ виду, что всѣ мало-мальски сознательные земцы изъ помѣщичьяго класса отлично понимали опасность, грозящую со стороны безпрепятственно распространявшихся эпидемій всему обществу, и, конечно, единственными средствами борьбы съ этими эпидеміями была организація общедоступной медицинской помощи. Кромѣ того, очень существенную роль въ развитіи земской медицины, какъ извѣстно, игралъ такъ называемый, третій элементъ, иниціативѣ и настойчивости котораго многія земства въ значительной степени обязаны образцовой постановкой своего медицинскаго дѣла. И врядъ ли будетъ съ моей стороны смѣлымъ утвержденіе, что исторія развитія земской медицины всюду характеризуется непрерывнымъ боевымъ участіемъ врачей въ отстаиваніи санитарныхъ нуждъ населенія передъ лицомъ представителей привилигированнаго класса, по закону призванныхъ вершать общественныя дѣла. Эта борьба всюду носила сходный характеръ: съ одной стороны, интересы земской экономіи, въ угоду которой упорно отстаивается и самостоятельный фельдшеризмъ, и разъѣздная система, иногда платное лѣченіе, съ другой—принципы раціональной врачебной помощи, необходимой для крестьянскаго населенія не менѣе, чѣмъ для людей бѣлой кости. Наемникамъ въ ихъ защитѣ болѣющаго населенія вмѣстѣ надо было шагъ за шагомъ отвоевывать для деревни право на общедоступное лѣченіе, надо было исподволь добиваться увеличенія расходовъ на медицину. Въ этой по внѣшнему виду дружной, совмѣстной работѣ одна сторона всегда состояла въ нѣкоторомъ подозрѣніи. Для земцевъ врачи были почти всюду и почти всегда, прежде всего, спеціалистами своего дѣла, лично заинтересованными въ лучшей его постановкѣ и потому слишкомъ односторонними. И сколько требовалось настойчивости и политическаго такта со стороны этихъ спеціалистовъ, чтобы земцы понемногу уяснили себѣ начала настоящей народной медицины, чтобы стали ихъ проводить въ жизнь, осуществлять ихъ подчасъ съ оглядкой да опаской, какъ бы мужики не разбаловались даровой и общедоступной медицинской помощью.

Такъ или иначе сорокалѣтняя дѣятельность земства, принявшаго при своемъ введеніи отъ дореформенной эпохи только пародію на медицину въ видѣ учрежденій приказа общественнаго призрѣнія, оставляетъ крупное наслѣдство новымъ хозяевамъ мѣстной жизни. Это наслѣдство, правда, не вездѣ представляетъ одинаковую цѣнность, развитіе земской медицины шло далеко не

равномѣрно въ разныхъ земствахъ; но значительные размѣры врачебныхъ округовъ, рѣдкая сѣть больницъ, широкое развитіе самостоятельнаго фельдшеризма въ бѣдныхъ, либо отсталыхъ земствахъ, и 8—10 верстные больничные участки, напримѣръ, въ энергичныхъ и богатыхъ земствахъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Московской губерніи,—это только свѣтъ и тѣни одной общей картины, основныя характерныя черты которой обрисовываются достаточно однородно.

И новому всенародному и безсословному земству предстоитъ разобраться въ качественной и количественной цѣнности переходящаго въ его распоряженіе наслѣдства, предстоитъ рѣшить, должно ли оно цѣликомъ или частью быть вовсе ликвидировано, какъ не отвѣчающее общественной конъюнктурѣ, или же для нарождающагося, овладѣвшаго всѣми своими гражданскими правами, общества будетъ болѣе выгодно пустить въ оборотъ полученное достояніе, примѣняя и расширяя вглубь и вширь выработанные сорокалѣтней практикой земства принципы.

Для правильной оцѣнки этихъ принциповъ должно предварительно установить исходную точку зрѣнія. Демократическимъ органамъ мѣстнаго самоуправленія предстоитъ рѣшить основной вопросъ, въ интересахъ ли населенія широкое развитіе общественной медицины, или же частная практика, основанная на принципѣ свободной конкурренціи, скорѣе въ состояніи будетъ справиться съ растущими запросами на раціональную медицинскую помощь. Вопросъ этотъ не можетъ считаться празднымъ. Его постановка, съ одной стороны, неизбѣжна въ обществѣ, строй котораго покоится на устояхъ частной предпріимчивости и личнаго потребленія, съ другой же—естественнымъ является соображеніе, что, быть можетъ, тѣневыя стороны общественной организаціи медицины въ унаслѣдованныхъ отъ стараго земства формахъ неизбѣжны и при самоуправленіи демократизированномъ.

Основной упрекъ, на который предстоитъ дать отвѣтъ общественной медицинѣ, это регламентація врачебной помощи, отправленіе которой затрагиваетъ самыя интимныя, самыя жизненныя стороны личнаго существованія.

Городской зажиточный обыватель для лѣченія себя и своей семьи приглашаетъ любого врача изъ наличной медицинской корпораціи. Врачъ и паціентъ связаны условіями неписаннаго личнаго договора. Степень внимательности, опытности, случайной удачливости, наличность извѣстныхъ преимуществъ личнаго обращенія и внѣшней внушительности—все это котируется на рынкѣ спроса. Съ другой стороны, зажиточность паціента, его интеллигентность, наконецъ, его требовательность устанавливаютъ равнодѣйствующую, опредѣляющую его взаимоотношенія съ тѣмъ или

инымъ врачомъ. Обѣ стороны, взаимной выгодой связанныя въ молчаливомъ договорѣ, всегда вольны его нарушить по своему усмотрѣнію, — и условія свободной купли-продажи даютъ возможность больному перемѣнить врача, врачу—тѣмъ или инымъ способомъ избавиться отъ непріятнаго или невыгоднаго паціента.

При этомъ, конечно, дѣйствительная свобода выбора доступна только богатымъ людямъ. Имъ же доступно и пользованіе всѣми спеціалистами и средствами спеціальнаго лѣченія. А чѣмъ ниже ступень соціальной лѣстницы, тѣмъ фиктивнѣе становится это право свободнаго выбора,—и нижніе слои общественной пирамиды такъ же мало могутъ располагать по своему усмотрѣнію медицинской помощью, какъ и прочими благами культурнаго общежитія.

Относясь по самому своему существу къ предметамъ первой необходимости, потребность въ медицинской помощи должна была вызвать къ жизни учрежденія, вѣдающія подачу врачебной помощи неимущей части населенія. Въ этомъ отношеніи есть, конечно, извѣстная аналогія съ удовлетвореніемъ остальныхъ потребностей человѣческой натуры. Современный капиталистическій строй, характеризующійся господствомъ личнаго права, основаннаго на индивидуалистическомъ владѣніи средствами производства, не могъ все-же послѣдовательно до конца отстоять и провести въ общественныхъ учрежденіяхъ идею частной конкурренціи и эксплуатаціи неимущаго имущимъ. Въ интересахъ самосохраненія нынѣшнее общество вынуждается шагъ за шагомъ къ организаціи планомѣрной помощи неимущей части населенія въ удовлетвореніи его наиболѣе насущныхъ нуждъ.

Изъ рамокъ моей задачи, конечно, далеко выходитъ сколько-нибудь подробная характеристика общественныхъ начинаній этого разряда. Для меня будетъ достаточно указать, что такія основныя потребности человѣческаго организма, какъ питаніе и жилище, путемъ неизбѣжной исторической эволюціи, понемногу отвоевываютъ себѣ мѣсто въ общественномъ правосознаніи. Оставаясь значительной своей частью пока въ предѣлахъ компетенціи разнаго рода филантропіи, частной и общественной, случайной или организованной, обезпеченіе нуждающагося населенія отъ голода и безпріютности мало-по-малу обращается въ обязанность общества. Случайная милостыня на улицѣ, дешевыя и безплатныя столовыя, ночлежные пріюты; сборъ пожертвованій по подпискѣ, путемъ концертовъ, и всякая иная частная благотворительность въ борьбѣ съ деревенскимъ голодомъ — всѣ эти и другія проявленія великодушія буржуазнаго общества постепенно теряютъ свое преобладающее значеніе, и въ неустанной междуклассовой борьбѣ необезпеченные частной собственностью элементы общества отвоевываютъ шагъ за шагомъ у господствующихъ классовъ признаніе своихъ основныхъ правъ человѣческаго бытія.

И, конечно, въ ближайшемъ будущемъ такія формы органи-

зованной общественной помощи трудовымъ классамъ, какъ устройство гигіеническихъ, доступныхъ по цѣнѣ квартиръ, организація общественныхъ работъ, страхованіе рабочихъ и страхованіе отъ безработицы и отъ потери трудоспособности, государственное страхованіе отъ неурожаевъ, должны будутъ вытѣснить еще въ нѣдрахъ капиталистическаго строя всевозможныя старыя формы благотворительнаго воспособленія.

Нѣкоторой иллюстраціей совершающагося процесса можетъ быть хотя бы измѣненіе въ русской правительственной политикѣ по отношенію къ борьбѣ съ деревенскими голодовками. Даже наша закоснѣлая государственная власть, еще недавно систематически замалчивавшая прежніе неурожаи и предоставлявшая частной благотворительности спасать населеніе отъ голодной смерти,— сегодня, подъ давленіемъ могучаго движенія въ крестьянствѣ, поднявшемся въ защиту сознаннаго права на землю и волю, вынуждается къ огромнымъ, небывалымъ раньше ассигнованіямъ, для поддержанія крестьянскихъ жизней и хозяйствъ.

Въ ряду другихъ естественныхъ правъ, *право на здравоохраненіе* является наиболѣе очевиднымъ и неоспоримымъ. Общество, изъ какихъ-бы разнородныхъ элементовъ оно ни состояло, въ борьбѣ съ эпидеміями всегда должно было считаться съ неразборчивостью этихъ враговъ человѣчества и сколько-нибудь успѣшно могло проводить мѣры самозащиты только при условіи ихъ распространенія на всѣ слои населенія.

Съ другой стороны, непосредственная жизненная опасность, связанная со множествомъ случайныхъ заболѣваній, уже давно внѣдрила въ сознаніе общества такое же право каждаго на защиту отъ этой опасности, какъ и отъ всякой другой, напримѣръ, отъ разнаго рода покушеній, противъ которыхъ общество уже давно организовало все совершенствуемую систему полицейскихъ и иныхъ мѣръ охраны. Это правосознаніе, по мѣрѣ развитія раціональной медицины, вызывало къ жизни общественныя учрежденія, вѣдающія подачей врачебной помощи неимущимъ; организація этихъ учрежденій, очень примитивная въ началѣ, всюду постепенно совершенствовалась. Помимо пандемій и эпидемій, текущая болѣзненность становилась предметомъ особеннаго вниманія органовъ мѣстнаго и государственнаго управленія.

Въ связи съ постепенно крѣпнувшимъ указаннымъ правосознаніемъ частно-правовой характеръ взаимоотношеній между отдѣльнымъ врачомъ и отдѣльнымъ паціентомъ мало-по-малу подвергается все болѣе существеннымъ ограниченіямъ. Принципы купли-продажи и свободнаго договора, эти твердые устои буржуазнаго общества, въ дѣлѣ пользованія врачебной помощью превращаются въ значительной степени въ фикцію. Съ этими принципами становится въ непримиримое противорѣчіе идея о такъ называемомъ высокомъ призваніи врача, о его святой обязанности безкорыстно

помогать болѣющему ближнему. Такъ же рѣзко противорѣчатъ имъ и нѣкоторыя юридическія нормы, выработанныя современнымъ обществомъ, напримѣръ: обязанность являться по первому зову къ умирающимъ и труднобольнымъ. Пристальный контроль общества за дѣятельностью врачей, неустанная разработка принциповъ профессіональной врачебной этики, сплошь и рядомъ теряющей подъ собой почву въ согласованіи несогласуемаго, уже эти особенности достаточно опредѣленно говорятъ, что частный характеръ врачебной помощи не можетъ быть полностью выдержанъ и проведенъ въ жизнь.

Съ другой стороны, благодаря вышеуказанному, все болѣе укрѣпляющемуся правосознанію, общественная медицина въ ея болѣе развитыхъ формахъ совершенно утрачиваетъ характеръ благотворительности, и вмѣстѣ съ количественнымъ ростомъ, въ качественномъ отношеніи пріобрѣтаетъ все болѣе раціональныя, болѣе совершенныя, стоящія на уровнѣ науки формы.

Начерченная, конечно, слишкомъ краткая схема, характеризующая тенденцію въ развитіи формъ врачебной помощи, въ разныхъ странахъ, въ зависимости отъ ряда историческихъ условій и общественной эволюціи, принимала очень разнообразное выраженіе. Тамъ, гдѣ общественный строй раньше организовался на началахъ капиталистическаго хозяйства, гдѣ индивидуалистическій укладъ жизни раньше выкристаллизовался въ формы, типичныя для неограниченной конкурренціи частныхъ интересовъ, тамъ частная врачебная практика приняла болѣе рѣзкія и опредѣленныя черты свободнаго личнаго договора, всѣ отличительныя свойства товарнаго обмѣна. Въ этомъ отношеніи хорошую иллюстрацію мы находимъ въ положеніи врачебнаго дѣла во Франціи, городской съ ея развитой крупной промышленностью, и деревенской, представляющей въ настоящее время классическую страну мелкихъ земельныхъ собственниковъ, психологія которыхъ, построенная на вѣковомъ личномъ владѣніи, имѣетъ яркую индивидуалистическую окраску. Случай изъ тѣхъ, какіе теперь такъ часты у насъ въ Россіи, заставилъ меня прожить нѣкоторое время во французской деревнѣ и близко наблюдать отношенія между публикой и врачами, и болѣе интересныя въ смыслѣ освѣщенія положенія черты я постараюсь изобразить, быть можетъ, рискуя не вполнѣ сохранить пропорціональность въ отдѣльныхъ частяхъ своего очерка.

Во Франціи врачебная практика развила всѣ основныя черты торговаго или промышленнаго предпріятія. Предпринимательскій доходъ врача учитывается по капитализаціи, какъ извѣстная цѣнность, какъ движимая собственность, подлежащая законамъ товарнаго обмѣна, условіямъ спроса и предложенія. Практика поку-

пается и продается, при чемъ надо отмѣтить, что продажная цѣна обычно опредѣляется ниже, чѣмъ среднiй годовой доходъ, который, кстати сказать, можетъ быть точно опредѣленъ по торговой книгѣ. Подобныя книги ведетъ большинство врачей, такъ какъ, въ случаѣ недоразумѣнiя съ пацiентами, ссылка на эту книгу даетъ врачу въ руки документальныя основанiя для вчинанiя иска. Сравнительно низкая оцѣнка врачебнаго мѣста объясняется тѣмъ, что продаются не орудiя производства, не трудъ—единственный источникъ цѣнности. Продается фирма, располагающая опредѣленнымъ рынкомъ сбыта, продается кругъ клiентовъ этой фирмы. Продажей до извѣстной степени гарантируется отсутствiе конкурренцiи, сбытъ труда, обезпечивающiй предпрiятiю извѣстную доходность.

Передача рынка выражается различнымъ образомъ: въ рекомендательныхъ письмахъ, въ совмѣстныхъ визитахъ къ пацiентамъ, которымъ продавецъ представляетъ своего замѣстителя, въ объявленiяхъ о передачѣ, расклеиваемыхъ на заборахъ или возвѣщаемыхъ на деревенскихъ улицахъ и торжкахъ нанятымъ для того барабанщикомъ.

Обычное право состоитъ здѣсь въ томъ, что полученный кругъ пацiентовъ въ извѣстныхъ границахъ соотвѣтствуетъ сдѣлкѣ, при чемъ, конечно, отъ способностей покупателя зависитъ его уменьшенiе или увеличенiе на счетъ конкуррентовъ.

Гдѣ нѣтъ частныхъ аптекъ, тамъ врачъ имѣетъ свой запасъ медикаментовъ, изъ котораго онъ по своему назначенiю продаетъ лѣкарства больнымъ.

Отношенiя между больнымъ и врачомъ складываются обнаженно коммерческiя. Всюду, какъ правило, установлена точно плата за визитъ къ врачу и за посѣщенiе на дому, оцѣниваемое соотвѣтственно разстоянiю. Каждое впрыскиванiе, вырыванiе зуба, мелкая операцiя, акушерская помощь—все подвергнуто точной расцѣнкѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ цѣна устанавливается по взаимному соглашенiю. Плата за лѣченiе обыкновенно вносится по полученiи пацiентомъ счета; счета свыше 10 франковъ подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ.

За лѣченiе неимущихъ врачъ получаетъ отъ коммуны особое вознагражденiе, обычно очень низкое, напримѣръ, по 1 франку въ годъ за каждаго бѣдняка, сколько бы разъ его ни пришлось навѣстить. Въ городахъ обычно есть особые врачи для бѣдныхъ, получающiе, въ общемъ, ничтожное вознагражденiе, напримѣръ, по 2000 фр. въ Парижѣ или Лiонѣ.

Спецiальной помощью бѣдняки пользуются въ городскихъ госпиталяхъ также безплатно (деревенскiя больницы, гдѣ онѣ есть, служатъ всюду, больше какъ богадѣльни для безпрiютныхъ и безпризорныхъ больныхъ). Несостоящiе въ спискѣ бѣдныхъ больные, желающiе имѣть помощь спецiалиста въ городскомъ госпиталѣ,

платятъ за время, проведенное на госпитальной койкѣ, обычно довольно дорого на нашъ русскій масштабъ (2—5 фр. въ сутки).

Такимъ образомъ, общественная организація медицины носитъ ясно-благотворительный характеръ и состоитъ частью въ распоряженіи администраціи (префектуры), частью въ вѣдѣніи общинъ. Вся же масса населенія, не причисленная къ категоріи неимущихъ, пользуется всѣми выгодами и невыгодами лѣченія у вольнопрактикующихъ врачей.

Благодаря сравнительно высокому уровню зажиточности крестьянскаго населенія, раіоны дѣятельности врачей не велики, смотря по мѣстности, верстъ отъ 3 до 10 радіусомъ. Въ знакомыхъ мнѣ мѣстахъ 3 тысячи населенія даютъ врачу (безъ аптеки) около 9—10 тысячъ франковъ годового дохода.

Въ такихъ условіяхъ, имѣя въ среднемъ отъ 10 до 15 больныхъ въ день, врачъ вполнѣ способенъ отдать имъ maximum своего вниманія и своихъ знаній,—и въ этомъ отношеніи, конечно, цѣлая бездна отдѣляетъ французскаго крестьянина отъ нашего россійскаго. Къ услугамъ перваго, когда, напримѣръ, его ребенокъ заболѣетъ поносомъ, врачъ предлагаетъ весь арсеналъ знакомыхъ ему средствъ и все свое усердіе, только бы родители не скупились на расходы: ежедневныя и по нѣсколько разъ въ день посѣщенія, подкожныя вливанія физіологическаго раствора, всевозможные искусственные молочные препараты,—все врачомъ пускается въ ходъ, ибо трудъ его будетъ вознагражденъ не только спасеніемъ жизни ребенка, но и оплатой каждаго визита, каждой манипуляціи по точной расцѣнкѣ. Какъ это далеко отъ нашего деревенскаго лѣтняго горя-злосчастья, когда врачъ на пріемѣ десятками отпускаетъ больныхъ ребятишекъ своего участка, руководясь выработаннымъ шаблономъ при назначеніи лѣкарствъ и безъ возможности провести сколько-нибудь правильный діэтетическій режимъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужна помощь спеціалиста,—напримѣръ, хирурга,—врачъ, по соглашенію съ паціентомъ, желающимъ получить помощь, не отлучаясь въ городской госпиталь, вызываетъ соотвѣтствующаго товарища на операцію, при чемъ роль постояннаго врача принимаетъ характеръ выгоднаго коммерческаго посредничества,—и обычай здѣсь выработалъ такъ называемую дихотомію, т. е. дѣлежъ гонорара пополамъ между двумя коллегами.

Нарисованная картина благополучія, основаннаго на высокомъ уровнѣ зажиточности, разумѣется, можетъ показаться почти идиллической развѣ для того, кто весь современный буржуазный строй представляетъ себѣ, какъ наиболѣе совершенный, основанный на гармоніи интересовъ и сотрудничествѣ классовъ. Но такъ какъ подобное представленіе уже стало достояніемъ исторіи, и характеризующая этотъ строй анархія производства и потребленія стала уже общимъ мѣстомъ, то для мало мальски внимательнаго наблюдателя оборотная сторона медали безъ труда выясняетъ основныя

черты внутренняго противорѣчія, скрытаго въ частно-предпринимательской постановкѣ врачебнаго дѣла.

Съ одной стороны, имущественное неравенство и въ зажиточной средѣ французскаго населенія создаетъ очень неровное удовлетвореніе врачебной помощью, далеко не соотвѣтствующее дѣйствительной или предполагаемой въ ней потребности,—и здѣсь основное естественное *право* личности на здравоохраненіе терпитъ сплошь очень существенныя ограниченія, изображеніе коихъ я здѣсь опускаю, какъ ненужное и общепонятное.

Съ другой же, вытекающій изъ этого права общественный *долгъ* врача, становясь объектомъ купли-продажи, вырождается въ свою полную противоположность. Въ торговлѣ врачебнымъ знаніемъ и трудомъ выступаютъ особенно ярко всѣ отрицательныя стороны рыночнаго оборота. Товарный обмѣнъ въ своемъ чистомъ видѣ требуетъ наличности нормъ, дающихъ возможность объективно учесть рыночную цѣнность сбываемаго продукта. Для свободныхъ профессій эти нормы менѣе точны, но все-же для нихъ имѣется критерій, напримѣръ, въ господствующихъ эстетическихъ началахъ, наконецъ, въ самыхъ потребностяхъ, въ количествѣ затрачиваемаго труда, которыя могутъ быть учитываемы сколько нибудь объективно; но гдѣ, съ одной стороны, для врачебной помощи критеріи положеннаго труда, затраченной нервной энергіи, гдѣ, съ другой,—для паціента возможность опредѣлить количественную потребность въ медицинскомъ пособіи, гдѣ для него, наконецъ, возможность учесть качество полученной помощи? И самая сущность врачебнаго искусства, искусства во многихъ отношеніяхъ несовершеннаго и гадательнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдующаго высшія цѣли сохраненія человѣческой жизни, привела къ тому, что до сихъ поръ роль врачей и ихъ образъ дѣйствій въ представленіи публики иногда принимаютъ характеръ авгурскихъ рукодѣйствій. И я думаю, что эта авгурская сторона врачебной дѣятельности нигдѣ болѣе рельефно не выступаетъ, какъ въ странахъ съ преобладаніемъ частнаго врачеванія, какъ, напримѣръ, во Франціи. Сколько-нибудь подробная иллюстрація этой стороны могла бы составить предметъ бойкаго фельетона; но здѣсь достаточно будетъ указать на то, что вульгарный и правильный принципъ рыночнаго обмѣна—продать товаръ лицомъ—для врачебной профессіи очень мало примѣнимъ и нерѣдко вырождается въ другое правило—sit venia verbo: не обманешь, не продашь.

И безъ желанія сколько-нибудь задѣть французскихъ товарищей, я все же долженъ указать, что силой вещей этимъ принципомъ имъ особенно часто приходится руководиться въ борьбѣ за существованіе. Одна торговля лѣкарствами связана съ какимъ соблазномъ переоцѣнивать продукты своей латинской кухни: сдѣлки съ аптекарями, фабрикующими патентованныя средства, тоже не являются исключеніемъ.

Для психологіи же нравовъ среды, воспитанной на условіяхъ и пріемахъ частнаго врачеванія, пожалуй, не лишне будетъ привести любопытный фактъ, что иные врачи скрываютъ свой университетскій дипломъ и находятъ болѣе выгоднымъ подвизаться подъ флагомъ знахарей (charlatans). Къ этой же категоріи фактовъ относится и широкое развитіе гомеопатіи, какъ у насъ, такъ и на Западѣ.

Подходя съ другой стороны къ вопросу, разсматривая врачебную профессію съ точки зрѣнія ея *производительности*, мы видимъ, что прогрессъ медицины связанъ съ дѣятельностью учрежденій, организованныхъ по типу крупныхъ предпріятій, построенныхъ на началахъ концентраціи труда и средствъ производства, если эти термины позволено будетъ примѣнить къ клиникамъ и больницамъ, въ своемъ теперешнемъ видѣ представляющимъ аналогію съ экономической категоріей, извѣстной подъ именемъ мануфактуры. Кабинеты и лабораторіи, все усложняющіеся медицинскіе приборы и приспособленія, вмѣстѣ со все далѣе идущей спеціализаціей и раздѣленіемъ труда, съ экономіей времени,—сообщаютъ клиникамъ и больницамъ черты обобществленнаго производства, средства коего, какъ правило, почти всюду еще составляютъ общественное достояніе и только въ относительно немногихъ случаяхъ принимаютъ характеръ частнаго владѣнія. Не пускаясь въ область натянутыхъ аналогій и предположеній и, во всякомъ случаѣ, не считая возможнымъ говорить о какомъ-либо поглощеніи врачебной профессіи учрежденіями госпитальнаго типа, мы все же должны признать, что почти всѣ успѣхи практической медицины въ прошломъ и ея развитіе въ будущемъ основаны на коллективной работѣ въ клиникахъ и больницахъ, преимущества которыхъ недоступны самымъ талантливымъ и усерднымъ вольнопрактикующимъ представителямъ врачебнаго ремесла.

Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что жизнь поставила передъ многими французскими врачами вопросъ о томъ, какъ бы ограничить «злоупотребленія» платежеспособныхъ паціентовъ, слишкомъ часто начавшихъ ложиться въ госпитали, гдѣ имъ раціональное лѣченіе и спеціальная помощь обходится все же дешевле, чѣмъ по «свободному» договору съ вольнопрактикующимъ спеціалистомъ.

Было бы очень интересно и важно прослѣдить въ разныхъ мѣстностяхъ развитіе формъ общественной организаціи медицинской помощи, филантропическій типъ которой является наиболѣе отсталымъ. Но такъ какъ эта обширная задача требуетъ особаго изученія и историческаго изслѣдованія, я, оставаясь въ рамкахъ своего очерка, ограничусь лишь констатированіемъ того неоспоримаго факта, что жизнь при самыхъ многоразличныхъ условіяхъ

среды выдвигаетъ на очередь необходимость общественной медицины.

Къ этому силой вещей вынуждаются, напримѣръ, и русскіе нѣмцы-колонисты, въ общемъ очень зажиточные частные собственники; такая же тенденція рѣшительно и быстро проводится въ жизнь германскимъ пролетаріатомъ черезъ посредство своихъ страховыхъ кассъ, приглашающихъ особыхъ врачей для рабочихъ и заводящихъ всевозможныя лѣчебныя заведенія до милліонныхъ антитуберкулезныхъ санаторіевъ включительно.

Корни выдающагося развитія общественной и, въ частности, земской медицины въ Россіи надо искать, разумѣется, въ особенностяхъ, характеризующихъ историко-экономическій процессъ страны. Дореформенный строй, основанный на закрѣпощеніи трудового крестьянства и на господствѣ натуральнаго хозяйства, подъ напоромъ жизни долженъ былъ рухнуть и дать выходъ производительнымъ силамъ страны, освободивъ личность отъ вѣковыхъ путъ, на мѣсто коихъ, правда, скоро явились «новыя цѣпи, иныя»; но все же общественное строительство, получивъ опорную точку въ добытыхъ реформахъ, взялось за работу бодро и энергично.

Эта работа съ самаго же начала была поставлена въ крайне тяжелыя условія. Съ одной стороны, быстрый процессъ обнищанія крестьянства, чему выкупная операція только положила начало, низкій уровень культуры общей и земледѣльческой; съ другой— самый характеръ пореформенныхъ учрежденій, на каждомъ шагу стѣснявшій просторъ, какъ личной, такъ и общественной иниціативы.

«Великія реформы» не пошатнули ни одного изъ устоевъ самодержавно-бюрократическаго режима, не ликвидировали системы административнаго усмотрѣнія и опеки. Новые органы мѣстнаго самоуправленія, призванные по закону къ попеченію о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, по самой своей организаціи, какъ уже указано, не могли, въ дѣйствительности, отражать потребностей населенія. То, что должно было быть дѣломъ свободно избранныхъ представителей всего населенія, передано было въ распоряженіе лицъ, главнымъ образомъ, изъ привилегированнаго сословія. Живая самодѣятельность, отражающая борьбу интересовъ, отзывающаяся на всѣ мѣстныя нужды, не могла быть свойственна учрежденіямъ узко-сословнаго строенія,—она въ нихъ проявлялась лишь полосами, главнымъ образомъ, какъ выраженіе общественныхъ идейныхъ теченій.

Основной же ея характеръ, проистекавшій изъ привилегированнаго и независимаго положенія земцевъ, не подчиненныхъ активному контролю населенія, сводился къ осторожному и неторопливому накладыванію заплатъ на нищенское рубище, полученное земствомъ въ наслѣдство отъ крѣпостной эпохи. И для количественной оцѣнки земскаго народолюбія надо принимать во вни-

маніе не только тѣ уѣзды, гдѣ болѣе напряженное біеніе пульса общественности, подборъ идейно-настроенныхъ земцевъ, вліяніе энергическаго третьяго элемента создали земской работѣ условія болѣе быстраго темпа: надо также учесть дѣятельность тѣхъ многихъ далеко не захолустныхъ земствъ, которыя сумѣли свести задачи мѣстнаго самоуправленія къ мелочному крохоборству за земскую копѣйку. Само собой понятно, что все же и въ этихъ отсталыхъ уѣздахъ сорокалѣтняя земская работа оставила значительный активъ по сравненію съ той картиной запустѣнія, которую представляла собой мѣстная жизнь послѣ ликвидаціи крѣпостного строя.

Однако теперь, на порогѣ новыхъ учрежденій, гарантирующихъ населенію общее и равное участіе въ дѣлахъ государственнаго и мѣстнаго управленія, вопросъ состоитъ не въ томъ, чтобы судить старое земство, выставлять ему баллъ за прилежаніе и успѣхи. Жизнь требуетъ не только учета сдѣланному, его оцѣнки съ качественной и количественной стороны; необходимо въ интересахъ реальной и планомѣрной работы учесть изъяны въ наслѣдствѣ, оставляемомъ старымъ земствомъ, подвергнуть критической оцѣнкѣ самые принципы, выработанные сорокалѣтней работой земства.

Отъ дореформенной эпохи нынѣшнее земство въ дѣлѣ обезпеченія населенія врачебной помощью получило наслѣдство ничтожной цѣнности. Характеризовать съ этой стороны приказы общественнаго призрѣнія нѣтъ надобности, такъ какъ ихъ казенно-показная роль и бездѣятельность общеизвѣстны. Въ самомъ началѣ земству пришлось очутиться лицомъ къ лицу съ страшной безпомощностью деревни въ борьбѣ съ заболѣваемостью. При всѣхъ недостаткахъ земскаго положенія, земцы все же были людьми, выдвинутыми тогдашней общественностью, пришедшей въ движеніе послѣ крѣпостного паралича. Будучи уже въ силу этого свободны отъ преступной безпечности, характерной для самодержавной бюрократіи, эти мѣстные люди должны были понять общегосударственную опасность, связанную съ беззащитностью деревни передъ разнаго рода эпидеміями.

Разсчитывать на самодѣятельность крестьянина, забитаго вѣковымъ рабствомъ и вновь связаннаго по рукамъ и ногамъ системой административной опеки, не было никакихъ основаній. Обижаемая казенными сборщиками, опекаемая на каждомъ шагу полиціей, нищая культурой, сельская община также не представляла условій, благопріятныхъ для самостоятельной общественной иниціативы. Упорное сохраненіе основъ натуральнаго хозяйственнаго строя, только шагъ за шагомъ уступавшаго позиціи товарному хозяйству, совершенно не подавало надежды на развитіе частной врачебной практики въ деревнѣ.

Лежащія въ указанныхъ причинахъ условія неизбѣжной организаціи общественной медицины, конечно, не вездѣ одинаково про-

являли свой императивный характеръ, и нѣкоторыя земства дальше зачаточныхъ формъ въ этой области не пошли; но для насъ въ данномъ случаѣ это не интересно, такъ какъ настоящій очеркъ касается оцѣнки *общихъ принциповъ* въ томъ видѣ, какъ ихъ можно считать опредѣлившимися на основаніи сорокалѣтней коллективной земской практики.

И прежде всего, возвращаясь къ сопоставленію типовъ частнаго врачеванія съ общественной организаціей медицины, мы отмѣтимъ, что сорокъ лѣть пользованія исключительно общественной формой врачебной помощи должны были развить въ широкихъ слояхъ населенія, вмѣстѣ съ укоренившимся навыкомъ, сознаніе своего права на эту помощь. Несомнѣнно также, что это все болѣе укрѣплявшееся *правосознаніе* заключало въ себѣ побудительные мотивы, заставлявшіе земцевъ все болѣе расширять и углублять медицинскую организацію.

И если на Западѣ общественная медицина развивается только исподволь, какъ единственный и естественный выходъ изъ противорѣчій частнаго врачеванія, если она тамъ очень часто еще сохраняетъ черты филантропіи, то у насъ она уже давно вышла изъ области добровольнаго попечительства и приняла всѣ черты неотвратимаго общественнаго долга.

Въ обстановкѣ крѣпнущаго правосознанія земская медицина шагъ за шагомъ совершала свое постепенное развитіе, существенными факторами котораго были, съ одной стороны, растущая требовательность населенія, съ другой—активное участіе наемнаго медицинскаго персонала въ разработкѣ и проведеніи началъ, на которыхъ постепенно выросло зданіе современной земской медицины; къ разсмотрѣнію этихъ началъ я теперь и перехожу.

Основной принципъ, характеризующій обязательную общественную организацію развитаго типа, это *безплатность* и *общедоступность* пользованія ея услугами. Принципъ этотъ мотивируется общностью индивидуальныхъ и общественныхъ интерессовъ, связанныхъ въ дѣятельности того или иного учрежденія. На немъ построена проведенная во многихъ государствахъ идея обязательнаго и потому безплатнаго обученія (покуда еще только первоначальнаго). Умѣть читать и писать на родномъ языкѣ и получить такимъ образомъ начальный доступъ къ пріобрѣтеніямъ отечественной и мировой культуры, въ этомъ стремленіи право личности наглядно совпадаетъ во всѣхъ отношеніяхъ съ интересами государственными, съ матеріальнымъ и духовнымъ прогрессомъ страны.

Принципъ безплатности наши земства, поставленныя въ необходимость организовать для населенія врачебную помощь, усвоили еще на зарѣ своей дѣятельности. Этотъ принципъ, являющійся естественнымъ выходомъ изъ того положенія, при которомъ плата

за лѣченіе составляетъ какъ бы особый налогъ на бѣдствіе, былъ единственнымъ приложимымъ въ русской деревнѣ, краткая характеристика которой уже приведена выше.

Начало безплатности быстро вошло въ плоть и кровь земской медицины и, вызвавъ въ населеніи все болѣе растущій спросъ на раціональную врачебную помощь, рѣшительно и прочно укрѣпляло въ немъ соотвѣтствующее сознаніе своего права. Этотъ ростъ народнаго правосознанія, выражавшійся конкретно въ колоссальномъ увеличеніи обращеній къ врачамъ, требовавшій все новыхъ расходовъ и на медикаменты, и на лишній персоналъ, и на устройство новыхъ участковъ, приводилъ кой-гдѣ земцевъ въ нѣкоторый испугъ, и растерявшіеся хозяева начинали придумывать мѣры къ сокращенію амбулаторій и къ пополненію земской кассы; то тамъ, то здѣсь стали было вводить плату за лѣкарства, дѣлая, правда, изъятія для тѣхъ или иныхъ болѣзней. Но хитроумные барьеры изъ пятачковъ и гривенниковъ всюду скоро разлетались передъ властнымъ натискомъ жизни, передъ явно выраженнымъ нежеланіемъ населенія лѣчиться за деньги.

Стойко сохранившійся и окрѣпшій принципъ безплатности лѣченія, послѣдовательно проводимый на практикѣ медицинскимъ персоналомъ, естественнымъ образомъ долженъ былъ отразиться на общественно-профессіональной психологіи этого персонала. Не желая никого и ничего идеализировать, все же должно считаться съ неоспоримымъ фактомъ, что отсутствіе частной конкурренціи и предпринимательскаго интереса не предрасполагаетъ къ развитію пріобрѣтательнаго инстинкта. Равная для всѣхъ доступность и одинаковое вниманіе ко всѣмъ больнымъ, независимо отъ ихъ общественнаго положенія и состоятельности становятся руководящимъ началомъ въ дѣятельности земскихъ работниковъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ устанавливалось даже обязательство для медицинскаго персонала отказываться отъ гонораровъ за лѣченіе.

Было бы, конечно, слишкомъ смѣло и безцѣльно утверждать, что земскій медицинскій персоналъ въ массѣ является неуклоннымъ носителемъ идеи безкорыстнаго врачебнаго долга. Очень недостаточное въ среднемъ вознагражденіе, зависимость, въ которой кой-гдѣ по условіямъ общественности находятся нерѣдко земскіе наемники отъ сильныхъ міра, очень часто ставятъ персоналъ въ двусмысленное положеніе, заставляютъ принимать предлагаемую мзду, не рѣдко даже быть заинтересованнымъ въ ростѣ добавочнаго дохода. Но какъ ни часты эти явленія, въ общественно-профессіональномъ представленіи среды, они остаются не правиломъ, а вполнѣ устранимой уродливостью.

Въ этомъ отношеніи будущему земству задача будетъ ясной и нетрудной, и земская медицина только тогда будетъ достойна названія народной, когда завоеванное ею довѣріе, основанное на подачѣ помощи не за страхъ и не за мзду, а за совѣсть, упро-

чится на началахъ *равной для всѣхъ безплатности*, при которой не будетъ рѣчи ни о благотвореніи для однихъ, ни для преимуществъ для другихъ.

Сводится эта задача, съ одной стороны, къ назначенію медицинскому персоналу достаточнаго содержанія, избавляющаго отъ необходимости искать посторонняго заработка. Соотвѣтствующія нормы установятъ тѣ или иныя коллегіальныя учрежденія, которыя, конечно, сумѣютъ найти объективный критерій, хотя бы, напримѣръ, въ среднемъ заработкѣ отъ частной практики. Съ другой же стороны, лѣчебное дѣло должно быть поставлено въ такія условія, чтобы вопросы экономіи земскихъ средствъ не шли въ ущербъ интересамъ больныхъ, чтобы паціенту не приходилось на своей спинѣ ощущать недостатокъ въ земской аптекѣ того или иного средства, прибора, инструмента, отсутствіе врача или акушерки. Въ противномъ случаѣ быстро растущіе запросы населенія на раціональную врачебную помощь, вмѣстѣ съ сознательнымъ отношеніемъ къ ея формамъ, неизбѣжно подорвутъ довѣріе къ земской медицинѣ, недочеты коей и сейчасъ неудовлетворенные больные иногда приписываютъ ея безплатности.

Другой принципъ общественной медицины,—ея *общедоступность*, такъ же какъ и безплатность, не требуетъ особой аргументировки. Въ умахъ піонеровъ земской медицины эта общедоступность могла рисоваться только въ видѣ смутнаго идеала. Необъятная территорія страны, малочисленность врачей, матеріальная скудость—всѣ эти условія не давали строить иллюзіи въ смыслѣ скорой организаціи близкой къ народу раціональной врачебной помощи. Исподволь устанавливались практическія начала, опредѣлившія поступательное движеніе медицинскаго дѣла въ земской Россіи. Это движеніе намѣчалось, какъ вѣхами, многообразными нормами, вырабатывавшимися на земско-медицинскихъ съѣздахъ, санитарныхъ совѣтахъ, земскихъ собраніяхъ. Устанавливались радіусы нормальныхъ участковъ, при чемъ первоначальныя нормы теперь намъ представляются, естественно, крайне скромными: такъ, еще въ 80-хъ годахъ 25-верстный радіусъ былъ далекъ отъ осуществленія въ громадной части земскихъ уѣздовъ *); между тѣмъ въ настоящее время въ передовыхъ земствахъ уже и 15-верстный радіусъ признанъ далеко не гарантирующимъ населенію доступной врачебной помощи,— и отдѣльные уѣзды, осуществившіе у себя ужъ 10—12-верстовую сѣть участковъ, считаютъ и ее далеко не рѣшившей задачъ полнаго медицинскаго обезпеченія.

Настойчивая общественно-врачебная мысль постепенно приходитъ къ установленію болѣе точныхъ нормъ, принимая за исходный пунктъ, съ одной стороны, среднюю работоспособность медицинскаго персонала, съ другой—объективныя данныя, опре-

*) Проф. Капустинъ.—Вопросы земской медицины.

дѣляющія дѣйствительную потребность населенія въ медицинской помощи и обезпечивающія ему общедоступность раціональнаго лѣченія, больничнаго и амбулаторнаго. Кромѣ разстоянія, устанавливается, какъ критерій, плотность населенія, его болѣзненность; выводятся статистически соотвѣтствующіе коэффиціенты,—и земская медицина такимъ путемъ вплотную подходить къ объективному рѣшенію задачъ общедоступности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ область исторіи отходятъ многочисленныя паллiативныя формы, выработанныя на первыхъ порахъ земской практикой подъ давленіемъ, либо подъ предлогомъ недостатка средствъ. Нашедшая себѣ по началу сторонниковъ въ лицѣ многихъ земцевъ отвлеченная идея уравнительности въ смыслѣ предоставленія всѣмъ земскимъ плательщикамъ одинаково доступной врачебной помощи вызвала къ жизни такъ называемую разъѣздную систему. Въ свое время около нея не мало было поломано копій, и врачамъ не мало пришлось положить энергіи, чтобы показать ея нераціональность и противорѣчіе со вложенной въ нее идеей. Мнѣ нѣтъ надобности ни характеризовать эту систему, какъ общеизвѣстную, ни повторять противъ нея доводовъ: она осуждена уже давно самой жизнью, хотя въ прошломъ, быть можетъ, она сыграла извѣстную роль въ смыслѣ развитія вкуса къ медицинѣ среди населенія, жившаго до сихъ поръ однимъ знахарствомъ.

Другой институтъ, получившій у насъ въ Россіи чрезвычайное развитіе, это самостоятельные фельдшерскіе пункты. Не только въ средѣ земцевъ, но отчасти даже между врачами еще и въ настоящее время есть защитники этой паллiативной формы медицинской организаціи; доводы ихъ, конечно, цѣликомъ сводятся все къ той же бѣдности населенія, недостатку платежныхъ средствъ. Съ этими доводами въ настоящемъ очеркѣ мнѣ не приходится считаться. Вѣдь основной предпосылкой для меня является предположеніе, что нынѣшнее земство уступитъ мѣсто новому, основанному на дѣйствительномъ участіи населенія въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ Старое, полубарское земство, туго усваивавшее идею о равенствѣ потребностей людей черной и бѣлой кости, естественно, должно было упорно отстаивать всякіе компромиссы, шедшіе къ сбереженію земской копѣйки. Но возьмется ли какой-нибудь защитникъ этихъ компромиссовъ утверждать, что какое-либо свободно-самоуправляющееся сельское общество, состоящее, скажемъ, изъ 500 дворовъ, построившее церковь и содержащее на свой счетъ церковный причтъ, подчасъ съ двумя священниками, никакъ не изыщетъ средствъ на устройство раціональной медицины, которую широкіе слои населенія уже научились всюду отличать отъ всевозможныхъ паллiативовъ *)?

*) Взятая примѣрная цифра, соотвѣтствующая приблизительно 3-мъ тысячамъ населенія, можетъ быть кстати поставлена въ параллель съ

И, несомнѣнно, будущему земскому самоуправленію придется, исчисляя свои нормы, сильно шагнуть впередъ отъ самыхъ смѣлыхъ нынѣшнихъ разсчетовъ. Въ этомъ порукой служатъ растущія потребности и развивающееся народное правосознаніе, осуществленіе же общедоступности будетъ обезпечено, разъ самодѣятельное, свободное и отъ правительственной, и отъ барской опеки населеніе станетъ хозяиномъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ, отличающимъ болѣе важныя свои нужды отъ менѣе важныхъ и отъ навязанныхъ извнѣ.

Въ борьбѣ съ разъѣздной системой земскимъ врачамъ пришлось много силъ потратить, отстаивая передъ земцами *принципъ стаціонарности*, какъ очень важное начало общественной медицины. Борьба эта имѣетъ свою исторію, представляющую не мало интереснаго и характернаго. Не останавливаясь на ея перипетіяхъ, укажемъ только, что позиція земскихъ врачей всегда подкрѣплялась доводами въ пользу большей продуктивности для населенія, представляемой стаціонарной работой по сравненію съ разъѣздной. Борясь съ выѣздными пунктами, какъ системой, врачи, будучи послѣдовательными, вмѣстѣ съ тѣмъ усвоили и проводили въ жизнь тотъ принципъ, что производительность ихъ труда измѣряется, главнымъ образомъ, работой, сконцентрированной въ одномъ мѣстѣ, въ земской амбулаторіи или больницѣ.

Населеніе стало постепенно привыкать къ такому порядку, въ силу котораго разъѣзды врачей стали сокращаться, ограничиваясь посѣщеніемъ болѣе тяжелыхъ больныхъ. Остальные же, для коихъ поѣздка къ врачу не связана съ опасностью для здоровья, стали являться на пріемъ во врачебную амбулаторію. Экономія силъ медицинскаго персонала, сбереженіе времени, болѣе удобная обстановка для осмотра и лѣченія, увѣренность въ томъ, что врачебная помощь въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время гарантирована,—всѣ эти преимущества стаціонарной системы вполнѣ очевидны; населеніе къ ней приспособилось, и она побѣдоносно вошла въ земскій обиходъ.

Возраженія земцевъ противъ нея сводились, съ одной стороны, къ тому, что стремленіе врачей сконцентрировать свою работу въ амбулаторіи, съ одной стороны, преслѣдовало интересы ихъ личнаго удобства и комфорта, съ другой же—нарушало пресловутую идею уравнительности и увеличивало преграду между врачомъ и болѣе отдаленной отъ врачебнаго пункта частью и селенія. И если первое возраженіе не выдерживаетъ даже самой слабой критики и основано на эксплуататорскихъ тенденціяхъ хозяевъ мѣстной жизни,

---

условіями частной практики въ той же французской деревнѣ (въ департаментахъ „Seine et Marne“ и „Sarthe“, гдѣ мнѣ пришлось жить), гдѣ эту цифру можно считать въ среднемъ обезпечивающей больнымъ доступную врачебную помощь, а врачу—достаточный заработокъ.

то за то надо очень считаться съ здравой мыслью, отраженіе которой можно видѣть во второмъ доводѣ противъ стаціонарности.

Дѣло, конечно, не въ томъ, что далеко живущимъ больнымъ неудобно или трудно ѣхать къ больному: изъ этого неудобства есть только одинъ выходъ—уменьшеніе размѣровъ врачебныхъ участковъ. Наиболѣе существенное возраженіе состоитъ въ томъ, что принципъ стаціонарности заключаетъ въ себѣ противорѣчіе между интересами производительности врачебнаго труда и потребностями больныхъ.

Имѣть врача всегда къ своимъ услугамъ дома вмѣсто того, чтобы дожидаться очереди въ его амбулаторіи—это преимущество болѣе высокаго комфорта, по господствующимъ представленіямъ. Для врача же, что также не требуетъ доказательствъ, выѣздная практика всегда будетъ характеризоваться меньшей производительностью труда и большей потерей времени.—Гдѣ же выходъ изъ этого противорѣчія?

Видимое разрѣшеніе оно какъ будто получаетъ въ условіяхъ частной практики. Посѣщеніе на дому дороже оплачивается, и, представляя удобство для больного, оно становится выгоднымъ для врача. Пользованіе же врачебными амбулаторіями въ значительной степени становится удѣломъ неимущихъ и малоимущихъ,—и то подчасъ недоступнымъ.

Такое разрѣшеніе вопроса можетъ считаться удовлетворительнымъ лишь въ глазахъ тѣхъ, кому кажется неустранимой анархія потребленія и распредѣленія, характеризующая начало рыночной купли-продажи. Для французскаго, напримѣръ, зажиточнаго крестьянина представляется вполнѣ естественнымъ, слѣдуя указаніямъ своего домашняго врача, выписать себѣ изъ Парижа или большого города спеціалиста для производства большой или даже маленькой операціи, будь то чревосѣченіе или удаленіе носового полипа. Въ подобныхъ случаяхъ больной не лишается своихъ домашнихъ удобствъ, врачи же, затрачивая массу времени совершенно непроизводительно, находятъ соотвѣтствующую компенсацію въ повышенномъ гонорарѣ. А съ другой стороны, малосостоятельный обыватель французской деревни, которому гордость не позволяетъ записаться въ число благотворимыхъ нищихъ, въ случаѣ болѣзни стоитъ передъ перспективой либо входить въ непосильные расходы, либо обходиться своими средствами безъ врача.

Не завидно также и положеніе средняго, обезпеченнаго заработкомъ, французскаго деревенскаго врача, доходъ котораго наростаетъ отъ количества сдѣланныхъ верстъ и въ интересахъ коего увеличивать не свою амбулаторію, а учащать посѣщенія больныхъ на дому. Вознагражденіе за квалифицированный трудъ не сводится ли, такимъ образомъ, къ заработку лошади, къ доходу отъ автомобиля или отъ ножной гимнастики на велосипедѣ? И вмѣсто разрѣшенія указаннаго противорѣчія, не создается ли, такимъ образомъ, новое,

еще болѣе рѣзкое. И какимъ еще путемъ можно выйти изъ этого заколдованнаго круга?

Силой вещей приходится искать выходъ все въ той же общественной организаціи медицины.

Установивъ принципъ стаціонарности, земская медицина въ его проведеніи, правда, очень часто бываетъ прямолинейна до суровости. Къ этому вынуждаетъ громадная работа, накопляющаяся на врачебныхъ пунктахъ. Приходится, чтобы справиться съ этой работой, трудно больныхъ посѣщать на дому слишкомъ рѣдко. Сами больные, зная обремененность медицинскаго персонала работой, естественно, сокращаютъ вызовы врачей къ себѣ на домъ. Такова жестокая дѣйствительность,—но корни ея, какъ всякому ясно, не въ самой системѣ, а въ недостаточномъ развитіи сѣти врачебныхъ участковъ. Увеличится число врачей, уменьшится работа на пунктахъ—и жизнь заставитъ приспособить къ своимъ требованіямъ приложеніе принципа.

Жизненность же этого принципа стаціонарности подтверждается еще и тѣмъ, что развитіе медицины, усовершенствованіе спеціальностей, усложненіе методовъ изслѣдованія и лѣченія, какъ уже выше упомянуто, все болѣе отнимаетъ у врача-практика его профессіональную подвижность. Съ этимъ уже теперь приходится считаться и состоятельному городскому населенію. Отрѣшаясь отъ привычекъ и запросовъ комфорта, подчиняясь, съ одной стороны, интересамъ болѣе занятыхъ врачей, умѣвшихъ дорого оцѣнить свое время и отстоять его производительное употребленіе, считаясь, съ другой стороны, со сложной обстановкой разныхъ спеціальностей, публика всѣхъ званій и состояній усваиваетъ понемногу привычку къ лѣченію амбулаторному, приспособляясь къ требованіямъ профессіи, сводящимся къ увеличенію производительности труда.

Эта эволюція, черты коей намѣчаются уже въ условіяхъ частной практики, для медицины общественной опредѣляетъ раціональную норму взаимоотношеній между врачомъ и населеніемъ.

Широкая публика, воспитанная на основахъ общественной организаціи медицины, ограждающихъ экономію труда, чуждая соображеній, свойственныхъ обстановкѣ купли-продажи, въ заботахъ о личномъ здравоохраненіи менѣе склонна забывать указанныя основы, въ которыхъ трезвый наблюдатель никогда не усмотритъ признаковъ умаленія интересовъ больныхъ. И съ моей стороны не будетъ произвольнымъ утвержденіе, что земская медицина развивала въ населеніи психологію и навыки именно въ этомъ направленіи, и что принципъ стаціонарности, будучи принципомъ прогрессивнымъ, долженъ быть удержанъ новой народной медициной, общедоступность которой, несомнѣнно, сумѣетъ сгладить шероховатости, неизбѣжныя въ такомъ живомъ, не поддающемся точной и прямолинейной регламентаціи дѣлѣ, какъ забота о здравоохраненіи.

Развивая послѣдовательно принципъ стаціонарности, земская медицина напрягала усилія къ доставленію больнымъ возможности лѣчиться подъ постояннымъ врачебнымъ наблюденіемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ таковое по роду болѣзни необходимо. Не подлежитъ сомнѣнію, что правильно поставленная больница въ этомъ отношеніи лучше всего отвѣчаетъ цѣли. Матеріальная и культурная бѣдность крестьянскаго населенія ставили особенно остро вопросъ о госпитальномъ лѣченіи тѣхъ больныхъ, правильный уходъ за коими невозможенъ въ скудной крестьянской обстановкѣ. Въ силу этого задача *обезпеченія коечнымъ лѣченіемъ* сдѣлалась насущной для земской медицины, во многихъ уѣздахъ давно начавшей вырабатывать соотвѣтственныя нормы въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ общедоступности коечнаго лѣченія, принятъ былъ принципъ *децентрализаціи* больницъ, стали появляться вполнѣ благоустроенныя лѣчебницы въ самыхъ глухихъ, медвѣжьихъ углахъ,—и въ наиболѣе прогрессивныхъ земствахъ увеличеніе числа больницъ, уменьшеніе раіоновъ, ими обслуживаемыхъ, шло параллельно съ усовершенствованіемъ больничнаго типа, отвѣчающаго во многихъ отношеніяхъ клиническимъ требованіямъ.

Было затѣмъ вполнѣ послѣдовательно, приближая все болѣе медицину къ населенію, принять одновременно мѣры къ ея качественному улучшенію. Высокая и разнообразная болѣзненность настоятельно требовала развитія всѣхъ видовъ спеціальной врачебной помощи. Между тѣмъ, еще не такъ давно спеціалистовъ можно было найти только въ университетскихъ да въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. Для громадной части населенія эти спеціалисты, по понятнымъ причинамъ, были почти совершенно недоступны.

Единственный выходъ для общественной медицины состоялъ въ томъ, чтобы создать кадры своихъ земскихъ, близкихъ къ населенію врачей, компетентныхъ въ разныхъ спеціальностяхъ, обстановка же для спеціальной работы достигалась соотвѣтственнымъ оборудованіемъ больницъ. Эти кадры явились—и земскіе хирурги, гинекологи и окулисты быстро завоевали довѣріе населенія и заняли почетное мѣсто въ рядахъ русскихъ врачей спеціалистовъ.

Но воздавая должное прошлому, еще не переставшему быть и настоящимъ, мы должны въ немъ выдѣлить здоровое, способное къ развитію начало отъ тѣхъ элементовъ, которые были продуктомъ особыхъ, преходящихъ условій.

Принципъ больничнаго лѣченія, основанный на довѣріи къ больничному уходу, долженъ быть признанъ вполнѣ жизненнымъ. При правильной постановкѣ госпитальнаго дѣла, домашній уходъ и лѣченіе не будутъ считаться наилучшими даже для среды достаточной и интеллигентной. Для разныхъ видовъ спеціальной помощи этотъ принципъ уже является общепризнаннымъ. Не говоря

уже о развѣтвленіяхъ хирургіи, успѣхъ различнаго рода институтовъ и санаторіевъ, предоставляющихъ даже болѣе богатымъ больнымъ покой и гигіенически діэтетическій режимъ, какой дома не можетъ быть проведенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ограждающихъ здоровое населеніе отъ стѣсненія, а подчасъ и отъ заразы, связанной съ домашнимъ пребываніемъ больного,—заставляетъ признать за лѣчебными заведеніями прогрессирующее общественное значеніе; и врядъ ли можно сомнѣваться, что эволюція практической медицины пойдетъ въ сторону возможной концентраціи больныхъ въ лѣчебныхъ заведеніяхъ разнаго типа, по мѣрѣ роста довѣрія къ нимъ со стороны населенія.

Такимъ образомъ, въ отношеніи больничной помощи земство стало на правильную дорогу, и, расширивъ и углубивъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи, земская медицина пойдетъ навстрѣчу тенденціямъ общественной психологіи, ясно опредѣлившимся именно уже въ мѣстахъ безраздѣльнаго вліянія общественной медицины.

Что касается той формы, въ которую вылилась организація врачебной помощи по спеціальностямъ, то нынѣшнее положеніе, какъ имъ ни гордится земская медицина, должно уступить новому, болѣе отвѣчающему *принципу раціональности*. Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ многихъ или даже всѣхъ спеціальностей противорѣчитъ категорическому указанію науки и практики, все болѣе усложняющихъ свои спеціальные методы. Жизнь идетъ къ дробленію спеціальностей, и быть энциклопедистомъ, стоящимъ на уровнѣ требованій всѣхъ спеціальностей, никому не подъ силу. Нынѣшнее земство, осторожно и экономно подошедшее къ вопросу о спеціальной помощи, главнымъ образомъ, хирургической въ широкомъ смыслѣ слова, вызвавъ готовности врачей взять на себя новыя задачи, перегрузило ихъ непосильными обязанностями. И какъ ни успѣшно справляются многіе земскіе врачи съ хирургической работой, все же надо признать фактъ, что обширная дѣятельность въ амбулаторіи, больницѣ, по участку, при условіи совмѣщенія въ одномъ лицѣ всѣхъ видовъ спеціальной медицины, должна во многомъ сбиваться на шаблонъ, на фельдшеризмъ, на кустарничество.

Изъ этого положенія новое земство сумѣетъ найти правильный выходъ. Предстоитъ прежде всего мелкое дробленіе участковъ. Если взять, напримѣръ, норму французской деревни, то на врача придется около 3-хъ тысячъ человѣкъ населенія,—отъ нашихъ 10—20 и 50-ти тысячныхъ участковъ дистанція солидная, но, надо сказать, преодолимая.

При такомъ дробленіи участковъ врачи избавятся отъ необходимости быть энциклопедистами. Ограниченное число больныхъ не представитъ даже достаточнаго матеріала для практической работы и для усовершенствованія по той или иной спеціальности.

Самъ собой вопросъ сведется къ тому, чтобы всѣ виды спеціальной помощи имѣли своихъ компетентныхъ представителей въ предѣлахъ извѣстнаго раіона, соотвѣтственно выработаннымъ нормамъ, обезпечивающимъ доступность этой помощи.

И въ этомъ пунктѣ принципъ децентрализаціи врачебной и въ частности больничной помощи долженъ будетъ подвергнуться нѣкоторому ограниченію.

Въ болѣе конкретномъ видѣ дѣло можно себѣ представить такимъ образомъ, что кромѣ сѣти участковыхъ больницъ, вполнѣ приспособленныхъ для лѣченія острыхъ и хроническихъ больныхъ и для подачи всѣхъ видовъ первой помощи,—для болѣе обширныхъ раіоновъ, радіусы коихъ будутъ опредѣлены въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, плотности населенія, путей сообщенія, въ извѣстномъ, быть можетъ, соотвѣтствіи съ нормами нынѣшнихъ врачебныхъ участковъ, земство оборудуетъ больницы, гдѣ общественные врачи-спеціалисты получатъ всю необходимую обстановку для работы.

Не желая сбиваться на безпочвенныя гаданія, я не вижу основанія представлять себѣ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ необходимость *крайняго* дробленія спеціальностей въ общественной медицинѣ. Даже у французовъ, въ странѣ изощренной частной конкурренціи, до сихъ поръ не мало клинически-компетентныхъ врачей, совмѣщающихъ въ своемъ лицѣ по нѣскольку спеціальностей, напримѣръ, хирургію съ гинекологіей, и въ предѣлахъ существующаго состоянія практической медицины, въ цѣляхъ экономіи силъ, возможны будутъ побочныя *частныя* совмѣщенія и въ медицинѣ общественной. Для отраслей, имѣющихъ меньшій спросъ, скажемъ, для психіатріи и невропатологіи, число и распредѣленіе спеціалистовъ и учрежденій будетъ, конечно, установлено особо.

Безъ сомнѣнія, черты этой практической схемы могутъ вызвать много возраженій. Но дѣло не въ обрисовкѣ контуровъ предстоящей эволюціи, а только въ выясненіи ея основныхъ тенденцій. Практическое же проведеніе въ жизнь этихъ тенденцій самодѣятельное общество предоставитъ своему мѣстному управленію, гибко приспособляющемуся къ указаніямъ дѣйствительности, — и видная роль при этомъ будетъ отдана медицинскому персоналу, объединенному въ коллегіальный органъ.

Коллегіальное начало, бывшее однимъ изъ главныхъ условій развитія земской медицины, живой силой, вынесшей на своихъ плечахъ идею раціональной общественной организаціи врачебной помощи, должно получить обязательное и расширенное примѣненіе въ реформированномъ земствѣ. Общественное представленіе приписало среднему типу земскаго врача черты особой безкорыстной трудоспособности; но такъ какъ подборъ работниковъ въ земской медицинѣ не могъ быть исключительно удачнымъ, то объясненіе типа здѣсь можно искать только въ естественномъ зараженіи идеями

общественнаго долга. Необходимымъ условіемъ для этого является возможность сознательной иниціативы и дѣятельное участіе въ организаціонной работѣ, при чемъ коллегіальность въ обсужденіи и осуществленіи начинаній обезпечиваетъ работникамъ экономію силъ и стимулъ общественно-полезнаго соревнованія.

Исторія земскихъ учрежденій полна всевозможныхъ конфликтовъ на почвѣ отстаиванія врачами этой коллегіальности, стоявшей всегда на стражѣ общественно-профессіональной самостоятельности персонала и интересовъ врачебнаго дѣла,—тогда какъ забастовки для защиты своихъ матеріальныхъ нуждъ, всегда далекихъ отъ удовлетворенія, земской медицинѣ совершенно незнакомы. Между тѣмъ, подобныя забастовки никого не удивляютъ, напримѣръ, со стороны нѣмецкихъ врачей, состоящихъ при рабочихъ кассахъ страхованія, гдѣ частно-правовой характеръ соглашенія ставитъ нерѣдко врача въ положеніе эксплуатируемаго наемника по отношенію къ учрежденію даже вполнѣ пролетарскаго характера.

Развитіе коллегіальнаго начала въ новомъ демократическомъ земствѣ должно пойти и вглубь, и вширь. Нынѣшняя земская медицина въ этомъ отношеніи даетъ достаточныя указанія.

Санитарные совѣты, существующіе при очень многихъ земскихъ управахъ, не только сохранятъ все свое значеніе, но и расширятъ свою компетенцію; и представительныя учрежденія сумѣютъ организовать изъ врачей и мѣстныхъ дѣятелей на началахъ истинной общественности, достаточно огражденной отъ нынѣшнихъ споровъ о прерогативахъ власти.

Общественная иниціатива и контроль получатъ всѣ преимущества децентрализаціи въ болѣе мелкихъ организаціяхъ, которыя создадутся вокругъ основныхъ лѣчебныхъ ячеекъ, соотвѣтствующихъ участковой медицинѣ. Неудачныя по своему названію, отдающему филантропіей, и безсильныя въ нынѣшнихъ условіяхъ убогой и пришибленной общественности, — *санитарныя попечительства* имѣютъ всѣ шансы сдѣлаться учрежденіями, въ которыхъ профессіональная дѣятельность будетъ направляться соединенной мыслью медицинскаго персонала и общественныхъ представителей. И неизбѣжное треніе, связанное со всякимъ дѣломъ, не доступнымъ для точной регламентаціи, этой мыслью будетъ сглаживаться и устраняться.

Получатъ также естественное развитіе и такъ называемые *больничные совѣты*, обезпечивающіе вспомогательному и низшему персоналу активное участіе въ установленіи порядковъ и распредѣленіи занятій въ лѣчебномъ учрежденіи; благодаря такому участію, болѣе сознательная и потому болѣе продуктивная общая работа замѣнитъ трудъ подневольный, требующій постояннаго контроля.

Въ настоящемъ очеркѣ я ограничилъ свою тему рамками лѣчебной медицины, сознательно устранивъ изъ него много существенныхъ сторонъ санитаріи въ широкомъ смыслѣ слова. Такъ, вопросъ о санитарной организаціи, о способахъ проведенія предупредительныхъ мѣръ мной совершенно не затронутъ. Логическое основаніе этому я вижу въ томъ соображеніи, что санитарное благополучіе цѣликомъ основано на общей матеріальной и духовной культурѣ общества и является отраженіемъ его благосостоянія. Учитывать же возможный ростъ нашей культуры—задача, конечно, безплодная, уравненіе со множествомъ неизвѣстныхъ, и всѣ соображенія въ этой области должны быть отнесены къ области гаданій.

Одно только, конечно, остается безспорнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствующимъ проводимой мной мысли: по самому своему существу и санитарная организація, и оздоровительныя мѣры цѣликомъ и неизбѣжно входятъ въ кругъ обязанностей общества и противорѣчатъ идеѣ личной конкурренціи и частнаго предпринимательства.

Заканчивая свой очеркъ, я предвижу много возраженій, и было бы, конечно, только въ интересахъ дѣла освѣтить вопросъ всесторонне. Возможно также, что кой-кому мои выводы покажутся отзывающимися утопіей. Но весь мой очеркъ исходилъ изъ разбора условій дѣйствительности, изъ анализа неустранимыхъ противорѣчій частной практики и изъ объективной оцѣнки ясно опредѣлившихся тенденцій русской общественной медицины, при чемъ я указалъ особенности русской жизни, вполнѣ благопріятствующія развитію этихъ тенденцій, сводящихся къ постепенному обобществленію медицины.

Надвигающаяся революціонная ломка старыхъ учрежденій вызоветъ къ жизни новые органы мѣстнаго самоуправленія, и для новаго земства, децентрализованнаго по тому типу, который принято у насъ называть мелкой единицей, и близко въ силу этого входящаго во всѣ нужды населенія, будетъ въ высокой степени благодарной задачей продолжить естественное развитіе животворныхъ началъ, прошедшихъ черезъ сорокалѣтній искусъ тяжелаго россійскаго безвременья; дѣятельная же и могучая поддержка общества, уже всѣмъ прошлымъ воспитаннаго въ формахъ общественной организаціи врачебной помощи, будетъ залогомъ успѣшнаго проведенія у насъ въ жизнь идеи *соціализаціи медицины*, идеи, сочетающей въ себѣ право каждаго больного на раціональное лѣченіе, съ обязанностью общества сдѣлать это лѣченіе общедоступнымъ.

Конечно, дѣло могло бы пойти иначе въ томъ невѣроятномъ случаѣ, если бы въ итогѣ революціи мы очутились у того же стараго разбитаго корыта, если бы нынѣшнее умирающее отъ маразма земство продолжало свои функціи попечительства «о пользахъ

и нуждахъ общественныхъ». Въ этомъ случаѣ глубокій кризисъ, уже и сейчасъ парализующій земскую дѣятельность, обострился бы еще болѣе; населеніе, уже безвозвратно утратившее вѣру въ земскія благія начинанія, возьмется само за устройство своихъ дѣлъ, и тогда возможно, что отсутствіе взаимной согласованности между отдѣльными населенными пунктами, недостатокъ опыта заставятъ въ разныхъ мѣстахъ, идя ощупью, искать новыхъ путей.

Возможно, что кой гдѣ вмѣсто ликвидированной за отсутствіемъ денегъ земской медицины процвѣтетъ вольная практика, въ другомъ мѣстѣ—добровольное соглашеніе жителей приведетъ къ найму полуобщественныхъ, полувольнопрактикующихъ врачей на манеръ нашихъ нѣмецкихъ колоній. Тогда, конечно, все начнется съ начала, и тѣ противорѣчія, которыя стѣной стоятъ между больнымъ и врачомъ, совершатъ свой полный циклъ и у насъ, въ деревенской Россіи.

Но такое допущеніе можетъ быть только плодомъ безотраднаго пессимизма, ставить его предпосылкой для своихъ соображеній нѣтъ никакихъ основаній, и, далекій отъ намѣренія создать какое-нибудь произвольное построеніе, я въ этомъ очеркѣ старался не сходить съ почвы реальныхъ соотношеній.

Г. Бердичевскій.

Въ чайной «Союза Русскаго Народа».

Признаюсь, не безъ нѣкотораго волненія поднимался я по широкой каменной лѣстницѣ, ведущей въ чайную-читальню «союза русскаго народа». Въ рукахъ я держалъ только-что купленный номеръ «Русскаго Знамени», который, по моему мнѣнію, долженъ былъ служить для меня чѣмъ-то въ родѣ паспорта. Соотвѣтствующимъ образомъ измѣнилъ я свой костюмъ: на мнѣ красовались высокіе сапоги, цвѣтная рубаха, выпущенная изъ-подъ жилета поверхъ брюкъ, наконецъ, черный картузъ съ «крытымъ» козырькомъ.

Чайная, которую я избралъ для своихъ наблюденій, помѣщалась на Сѣнной площади (Садовая ул., № 42). Такія же чайныя были и въ другихъ частяхъ города: на углу Бронницкой и Богородской, на углу Знаменской и Жуковской и на Дворянской ул. № 14, но, по отзывамъ свѣдущихъ лицъ, въ послѣднихъ трехъ публики или совсѣмъ не было, или же она состояла исключительно изъ хулигановъ, сыщиковъ, пропойцъ-чиновниковъ и т. п., такъ что для наблюденій не представляла собой интереснаго матеріала, на

Садовой же можно было встрѣтить болѣе любопытный составъ, такъ какъ здѣсь преобладаютъ торговцы, приказчики и другой коммерческій людъ.

Каменная лѣстница нѣсколько разъ поворачиваетъ то вправо, то влѣво, и на каждомъ поворотѣ прибита вывѣска, указывающая, въ какую сторону нужно идти. Чайная помѣщалась въ третьемъ этажѣ, и безъ вывѣски найти ее было бы очень не легко.

Вотъ я и у цѣли. Стоитъ только взяться за ручку двери, и я буду въ чайной. «Не забыть бы перекреститься», думаю впопыхахъ. Но въ эту минуту дверь съ шумомъ открывается, и изъ чайной вываливается пьяный-препьяный мужикъ. Стоять на ногахъ онъ почти не можетъ и, сдѣлавши нѣсколько невѣрныхъ шаговъ, облокачивается плечомъ о стѣну.

— Эко, братецъ ты мой, совсѣмъ пьяный!..—говоритъ онъ самому себѣ.

Я пропускаю его мимо и вхожу въ чайную.

Предо мною большая свѣтлая комната, и первое, что бросается въ глаза — это рядъ портретовъ, развѣшанныхъ по стѣнѣ. Среди нихъ Шевченко, Гоголь, Лермонтовъ, Пушкинъ. Потомъ звѣздоносецъ и монахи въ клобукахъ. Немного повыше—большіе стѣнные часы. На другой стѣнѣ портретъ государя, а въ углу икона съ лампадой. Я «сотворилъ» 2—3 крестныхъ знаменія и сѣлъ за столикъ. Столиковъ, сравнительно, немного. Всѣ покрыты довольно чистыми скатертями, такъ что первое впечатлѣніе благопріятное: много свѣта и воздуха и все опрятно.

— А ну-ка, милѣйшій, давай-ка чайку!—говорю я слугѣ, со значкомъ Георгія на груди.

— Для одного?

— Для одного.

Онъ уходитъ. Я раскладываю на столѣ свою газету и начинаю осматриваться.

Посѣтителей въ комнатѣ мало. Всего человѣкъ 6—7. Противъ меня сидятъ двое мужчинъ: одинъ, по видимому, носильщикъ, или торговецъ въ разносъ, съ фартукомъ поверхъ пиджака, другой молодой, симпатичный на видъ парень, лѣтъ 20—22, неопредѣленной профессіи. Они ведутъ между собою тихую бесѣду, изъ которой я не могу уловить ни одного слова. Рядомъ съ ними другая пара. Здѣсь разговариваютъ довольно громко; до меня доносятся нѣкоторыя слова, изъ которыхъ можно заключить, что если не оба собесѣдника, то одинъ, навѣрное, имѣетъ свою слесарную мастерскую: разговоръ все время идетъ о какихъ-то водопроводныхъ трубахъ и о стоимости работы. Слѣдующая пара довольно неопредѣленнаго типа: ни торговцы, ни ремесленники. Пожалуй, это какіе нибудь маклаки или перекупщики изъ Александровскаго рынка. Оба они читаютъ газеты; одинъ — «Русское Знамя», другой — старый истрепанный номеръ «Вѣча».

Но интереснѣе всѣхъ пока мой сосѣдъ. Это маленькій рыжій мужиченко, полу-городского, полу деревенскаго вида. Онъ вдребезги пьянъ. На столѣ передъ нимъ два чайника и стаканъ, наполненный до половины бѣлой прозрачной жидкостью, по цвѣту не имѣющей ничего общаго съ чаемъ. Въ рукахъ какая то книжка. Онъ поминутно раскрываетъ ее и пьянымъ, заплетающимся языкомъ читаетъ на угадъ выхваченныя фразы, переплетая ихъ съ своими собственными мыслями, волнующими его въ данную минуту.

— «Ибо онъ есть о-тецъ оте-чества, царь царства и са-дер-жа... са мо-дер-жавецъ все-рос-сійскій, ве-ликій нашъ пе-чаль-никъ земли русской, единствен-ный без-ко рыстный заступникъ и ра-дѣтель о благѣ на-род номъ!»

— Ну, ну... ладно! Молочка уже теперь шабашь! Нѣту коровы-то... Ну, ладно! Это все хорошо..

За неожиданнымъ примѣчаніемъ опять слѣдуетъ чтеніе.

— «Не вѣрь смутьянамъ, великій и са-мо-держав-нѣйшій государь нашъ. Мы всегда бы-ли вѣр-но-под-дан ные госу-дарю сво-ему и зна-емъ, что нуж-ды крестьянина близки серд цу твоему и что пе-чаль народа—тво-я пе-чаль, какъ рав-но тво-я печаль—наша. Мы всѣ готовы, отъ мала до велика, положить нашу жизнь за те-бя».

— Такъ, правильно. Это все вѣрно... вотъ въ деревнѣ... корову взяли... ну, что-жъ. Тельную корову, да и лошадь тоже возьмутъ... Ну, что-жъ такъ-е. и возьмутъ.

Онъ дерзкимъ вызывающимъ взглядомъ осмотрѣлъ всѣхъ присутствовавшихъ, потомъ опять взялъ книжку и громко, но по прежнему раздѣляя слова по слогамъ, прочиталъ:

— «Государь, мы вѣримъ, что нужды наши близки твоему сердцу и не будутъ оставлены безъ вниманія. Мы знаемъ, что во всѣ дни живота твоего ты неусыпно печешься о насъ и всегда, во вѣки вѣковъ, одѣлялъ и одѣляешь насъ твоею щедрою милостью. Мы жаждали—ты поилъ насъ, мы алкали—ты кормилъ насъ, мы изнемогали отъ непосильнаго бремени — ты, какъ любвеобильный отецъ, снялъ его съ насъ. Нѣтъ конца щедротамъ Господнимъ, нѣтъ конца и твоимъ царскимъ милостямъ!»

Онъ бросилъ книжку на столъ и громко крякнулъ. Сидѣвшіе напротивъ молодой парень и торговецъ переглянулись между собой и засмѣялись. Разсмѣялся и самъ чтецъ, но сейчасъ же обратился къ торговцу.

— Ты чего смѣешься?

— А ты чего смѣешься?

— Я ничего, такъ себѣ.

— Ну и я ничего, такъ себѣ...

Торговецъ отвернулся и заговорилъ о чемъ-то со своимъ сосѣдомъ.

— Вотъ корову у меня взяли, а кто, думаешь, это взялъ? царь?—

Какъ же, царь! Земскій со становымъ пріѣхали и описали... За шесть цѣлковыхъ... Да...

Пьяный обвелъ все собраніе взглядомъ, пробурчалъ крѣпкое ругательство и, уронивши голову на столъ, почти мгновенно захрапѣлъ.

Въ это время въ комнатѣ появилось новое лицо — сборщикъ пожертвованій на построеніе храма. Это былъ высокій, здоровый, но уже съ сильною просѣдью въ бородѣ, старикъ лѣтъ 50 ти. Взойдя на порогъ, онъ широко перекрестился и сталъ обходить всѣхъ присутствовавшихъ съ неизмѣнной фразой: «подайте на построеніе храма во имя святителя Николая».

Я сталъ наблюдать, проявится ли при этомъ случаѣ какое-нибудь отличіе отъ публики обыкновенныхъ чайныхъ, которая вообще не особенно щедра въ своихъ жертвованіяхъ. Но щедрости не проявилось здѣсь. Изъ семи человѣкъ не подалъ никто. Наконецъ, старикъ остановился противъ меня.

— Пожертвуйте, батюшка, на построеніе новаго храма во имя святителя...

— А гдѣ же вашъ старый-то храмъ?—спросилъ я его.

— Сгорѣлъ, батюшка, весь сгорѣлъ. Нонѣшнимъ лѣтомъ...

— Пожаръ, что ли, былъ?

— Пожаръ не пожаръ, а просто подожгли. Да, батюшка, солдаты подожгли.

— Вотъ какъ!? Чего же ради они это вздумали? Да ты сядь, выпей чайку стаканчикъ да и разскажи все, какъ слѣдуетъ.

Я угадалъ желаніе старика, онъ и безъ того поглядывалъ на свободный стулъ возлѣ моего стола, поэтому сейчасъ же согласился. Я потребовалъ другой стаканъ, налилъ ему чаю и приготовился слушать.

— Да, батюшка,—началъ онъ,—всякія на свѣтѣ дѣла бываютъ... Вотъ не думали, не гадали, чтобы такой грѣхъ могъ случиться, а послалъ Богъ, остались, какъ птицы небесныя — безъ кола, безъ двора и даже безъ храма Божія... Вотъ ты послушай-ка, я тебѣ разскажу.

Старикъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ чаю, откашлялся и началъ:

— Дѣло-то у насъ вышло вотъ изъ-за чего. Собрались мужики на озеро рыбу ловить: Васька Рыжій, Егоръ, Тихонъ Перецъ и Мишка Огурецъ. Пришли на берегъ, раскинули бредень. Глядь— земскій идетъ. Ну, сейчасъ къ мужикамъ:

— Вы чего пришли?

— Извѣстно чего, рыбу, говорятъ, ловить.

— Маршъ отсюда! Мое, говоритъ, озеро.

Мужики не тутъ-то было: «Ты, говорять, его копалъ? Споконъ вѣку мы здѣсь ловили!»

Затопалъ ногами земскій: «Въ Сибирь, въ каторгу сошлю!» и

давай ругаться на чемъ свѣтъ стоитъ. А мужики—хоть бы что. Лѣзутъ себѣ въ воду да посмѣиваются. Безъ всякаго вниманія, значитъ.

Проходитъ день, другой... На третій ни оттуда, ни отсюда являются солдаты со своимъ офицеромъ, сыномъ, значитъ, земскаго. Письмо, стало быть, отецъ къ сыну написалъ. Ну, хорошо. Пріѣхали въ деревню и первомъ долгомъ къ старостѣ: «зови мужиковъ»! Позвалъ.

— А гдѣ Егоръ и Тихонъ?—спрашиваетъ земскій.

— Не могимъ знать!—отвѣчаютъ мужики.

— Какъ не могите знать? Сейчасъ чтобы были! Кинулись искать—глядь: а тѣхъ ужъ и слѣдъ простылъ, нѣтъ никого. Приходятъ къ земскому: такъ и такъ, не могли найти, а онъ какъ закричитъ: «Скрыли, сукины сыны!» Тутъ подходитъ евоный сынъ и говоритъ: «Дозволь, папаша, мнѣ съ ними по военному расправиться». И пошло у насъ тутъ представленіе. Какъ кинулись солдаты на мужиковъ, и давай, и давай... по головѣ, по спинѣ, по мордѣ, прямо, кто по чемъ попало. Мужики бѣжать, а солдаты за ними, и одно знай колотятъ прикладами. Такъ и разогнали всѣхъ мужиковъ. Видятъ они, что ужъ больше никого нѣтъ, поѣхали къ земскому. А тамъ для нихъ ужъ все готово, вина ведра три, два теленка зарѣзаны и все такое. Перепились всѣ вдребезги, на утро же, чуть только зорька, пошли опять въ деревню, къ дѣвкамъ, стало быть.

Слушатели усмѣхнулись. Кто-то отпустилъ язвительное замѣчаніе.

— Хорошо, — продолжалъ старикъ:—спустились это они въ Медвѣжью балку, что за косогоромъ. Идутъ, пѣсни горланятъ—бѣда какъ. А парни наши деревенскіе услыхали да къ нимъ, навстрѣчу. Только тѣ стали подходить къ деревнѣ, парни на нихъ, давай, значитъ, солдатъ дубасить. Такъ всыпали, что пыль кругомъ пошла.

— Молодцы, молодцы!..—одобрили слушатели.

— Ну, хорошо, всыпать то они всыпали, да только не успѣли домой вернуться, какъ по дорогѣ опять идутъ солдаты, уже всѣ, сколько ихъ тамъ было, а впереди всѣхъ сынъ земскаго на конѣ скачетъ.

— Ну, бѣда! Пропали наши головушки. Утекай, ребята, въ лѣсъ! И кинулись парни на утекъ. А солдаты все ближе, да ближе. Дошли до кургана и остановились. Смотримъ мы, что-то съ ружьями дѣлаютъ. «Батюшки—крикнула Марья, жена значитъ моя (уже всѣ вставать начали)—да никакъ они стрѣлять собираются»—а я еще говорю: что ты, съ ума сошла, чай, теперь не война! И только сказалъ это, какъ: тр-р-р. . ровно горохъ по полу разсыпали. Потомъ другой разъ: тр-р-р, потомъ третій.. А навстрѣчу какъ разъ стадо выгнали. Эхъ, горюшко наше! Пять коровъ такъ и

легло на землю. Пресвятая Богородица, что тутъ дѣлать?! Прибѣжали мы съ бабой въ избу и не знаемъ, за что взяться: не то ребятъ брать, да въ лѣсъ, не то сидѣть въ избѣ, на улицу не выглядывать. А они одно, знай, палятъ да палятъ.

— Наконецъ, перестали. Слышимъ мы пѣсню завели и идутъ къ намъ. Глянулъ я въ окошечко—совсѣмъ близко. Первая изба, на отлетѣ, Никифора Пѣзуха. Подошли они къ ней, и давай громить. Допрежъ всего солдатъ прикладомъ раму вышибъ, потомъ двери, сѣнцы, потомъ человѣкъ пять вошло въ избу и что ужъ тамъ дѣлали, неизвѣстно. Потомъ къ другой избѣ подошли, и опять такъ же... Смерть наша пришла!—думаю себѣ: убьютъ!.. А Марья сѣла на полатяхъ, забрала на колѣни всѣхъ ребятишекъ и сидитъ, смотритъ, да такъ пристально да долго, ажъ жутко стало. Выбѣжалъ я тутъ изъ избы и побѣжалъ, самъ не знаю куда. Вижу, сосѣдъ Анисимъ тоже изъ избы выходитъ, а въ рукахъ у него икона. — Анисимъ, ты куда? — Къ попу, — говоритъ,—надо съ крестнымъ ходомъ идти. И не успѣлъ это онъ сказать, какъ въ церкви въ набатъ ударили. Мы на площадь. Кругомъ народъ такъ и валитъ. Прибѣжалъ и староста церковный. «Отворяй церковь, давай хоругви, зови попа». А солдаты—что ни дальше, то все больше звѣрѣютъ. «Не успѣемъ мы крестный ходъ собрать!..» Вдругъ, кто-то какъ крикнетъ: «пожаръ»! Глянулъ я и вижу, что правда, одна изба вся въ огнѣ. Что тутъ дѣлать? Одни кричатъ: надо бѣжать тушить, другіе крестный ходъ требуютъ, третьи уже взялись за колья, солдатъ бить хотятъ.

Мой собесѣдникъ остановился. Потомъ налилъ изъ стакана въ блюдечко чаю, откусилъ кусокъ сахару и сталъ, не торопясь, прихлебывать. Любопытство всѣхъ было сильно затронуто, всѣ смотрѣли на моего сосѣда и внимательно прислушивались.

— Ну что же дальше?—громко спросилъ кто-то.

— А дальше, милый человѣкъ, было то, чего, пока живъ—не забуду. Окружили насъ солдаты съ двухъ сторонъ и давай залпами палить. Попадали мы на землю, кто живъ, кто умеръ, не знаемъ. Лежимъ, дохнуть боимся. Точно замерли всѣ. А они одно знай, стрѣляютъ! Потомъ скомандовалъ что-то ихній офицеръ, и кинулись они на насъ, и давай сапогами да прикладами избивать. Такъ, должно быть, часъ цѣлый они насъ били, а потомъ запѣли пѣсню и пошли. Встали мы тутъ, оглянулись—пожаръ совсѣмъ разошелся. Дымъ, пламя бушуютъ во всю. Оторопѣли всѣ. Не то пожитки спасать, не то женъ да дѣтей вытаскивать, а не то самимъ бѣжать, куда глаза глядятъ.

— Вотъ такъ-то, милый человѣкъ, и остались мы, въ чемъ мать родила, да и то еще слава Богу, что живы-то. Иные вѣдь такъ и остались на площади лежать, кто наповалъ убитый, кто пулями да прикладами израненый. Всѣхъ огнемъ попалило, послѣ одни трупы обгорѣлые нашли...

Онъ замолчалъ. Буфетчикъ, слушавшій все время вмѣстѣ съ другими, какимъ то злобнымъ голосомъ проговорилъ:

— Что-жъ, такъ и надо. Не бунтуй.

Водопроводчикъ посмотрѣлъ на него и крѣпко выругался.

— Да какой же здѣсь бунтъ? Что рыбу-то пошли ловить?

— Споконъ вѣку ловили! - вставилъ старикъ.

— Ну, а что же вы съ этимъ земскимъ сдѣлали? — спросилъ перекупщикъ.

— Сгорѣлъ онъ у насъ, батюшка. И усадьба сгорѣла, и самъ тоже... Костей даже не нашли. А почему сгорѣлъ —не знаемъ. можетъ, Богъ покаралъ, а можетъ, подожгли... Господь его вѣдаетъ.

Я взглянулъ на присутствовавшихъ. Изъ нихъ никто даже и удивленія не выразилъ. Молодой парень сказалъ:

— Ну, что-жъ, такъ ему и надо.

Буфетчикъ отвернулся къ окну и смотрѣлъ на улицу.

Мой старикъ допилъ чай, положилъ на блюдечко стаканъ и сталъ креститься.

— Спаси Христосъ, милый человѣкъ. Пойду я уже.

Мы простились. Онъ хотѣлъ уже выйти изъ чайной, какъ вдругъ водопроводчикъ остановилъ его.

— Старикъ, на-ка тебѣ двѣ копѣечки, все пригодятся!

И вслѣдъ за нимъ, точно по сигналу, каждый полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ и подалъ старику какую-нибудь мѣдную монету.

— Спаси Христосъ батюшка, спаси Христосъ! Господь вознаградитъ тебя!—повторялъ онъ, отвѣшивая каждому низкій поклонъ. Наконецъ, обойдя всѣхъ, онъ перекрестился на икону и вышелъ.

Теперь за всѣми столами возобновилась тихая, но оживленная бесѣда, изъ которой, впрочемъ, до меня не долетало почти ни одного слова. Я разслышалъ только послѣднюю фразу перекупщика.

—...Просто безъ разбору,—вотъ стоитъ тебѣ домъ въ нѣсколько этажей, а они подъѣдутъ къ нему да какъ трахнуть внизъ, такъ весь и рухнетъ. Только пыль взовьется.

— А въ деревнѣ, - добавляетъ его собесѣдникъ,—ему тамъ еще хуже. Пріѣдутъ, пальнутъ одинъ разъ—полъ деревни какъ ни бывало, второй разъ пальнутъ, ничего не останется, все точно метелкой сметутъ.

Буфетчикъ, стоявшій у окна, повернулся.

— А если жидъ бомбу броситъ, сколько за разъ невинныхъ людей уложитъ?—проговорилъ онъ, злобно поглядывая на присутствовавшихъ.

— Ну, всетаки меньше,—откликнулся кто-то.

— Хоть и меньше, да за то чаще. Дня не проходитъ, чтобы кого-нибудь не убили.

— Ты постой, послушай-ка,—остановилъ его водопроводчикъ: скажемъ, примѣрно, такъ: жиды убиваютъ русскихъ, хорошо. А

зачѣмъ тогда русскій русскаго будетъ убивать? Ужъ если на то пошло,—бей ты жидовъ, а русскихъ не трогай.

— У насъ, въ Александровскомъ рынкѣ,—добавилъ перекупщикъ:—всякіе есть. Есть и жиды, и русскіе. Вдругъ бы пріѣхалъ Дубасовъ съ пушками и давай громить всѣхъ, не разбирая ни жидовъ, ни русскихъ. Что-жъ ты думаешь, спасибо я ему скажу?

— Такъ, значитъ, вы за жидовъ стоите, Иванъ Максимовичъ?—спросилъ буфетчикъ.

Перекупщикъ даже сплюнулъ.

— Тьфу, окаянная сила! Да что ты, русскаго языка не понимаешь? Я говорю: бей ты жидовъ, да только русскихъ не трогай!

— А чортъ ихъ разберетъ, гдѣ тутъ русскій, а гдѣ жидъ... Иной русскій хуже всякаго жида!

— А ты разбери, на то тебѣ и власть дадена, чтобы могъ разобрать.

— Кабы власть была въ русскихъ рукахъ, а то и тамъ наполовину жиды, а нѣтъ—то подкуплены жидами.

— Такъ что-жъ, по твоему, дѣлать?

Буфетчикъ замялся...

— Ну, говори, что-жъ ты стоишь?

— По моему,—отвѣтилъ онъ:—надо спервоначалу всѣхъ жидовъ изъ Россіи выслать. Чтобъ и духу ихняго здѣсь не было, и тогда сразу хорошо будетъ.

— Ничего хорошаго не будетъ,—сказалъ водопроводчикъ,—самъ же ты говорилъ, что иной русскій хуже всякаго жида. Вышлемъ мы жидовъ, а у насъ такіе же русскіе останутся.

— Ну, такъ что же дѣлать?

— Правительство нужно смѣнить, вотъ что; а на его мѣсто настоящее, истинно-русское. Чтобы ужъ никакой потачки никому не давало.

— Царь-то, почитай, совсѣмъ и не знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается,—замѣтилъ буфетчикъ.

— Да гдѣ-жъ ему и знать,—вступилъ въ разговоръ торговецъ,—когда кругомъ либо жиды, либо нѣмцы сидятъ. Вотъ ту бы публику поочистить надо.

— А на ихъ мѣсто кого?

— Новыхъ, истинно-русскихъ.

— Вотъ чудакъ! Да гдѣ-жъ ты возьмешь ихъ, истинно-русскихъ-то? Не въ союзѣ ли? Такъ и у насъ самъ чортъ голову сломитъ, если начнетъ разбираться, кто русскій, а кто нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, Пуришкевичъ - кто онъ такой? а Грингмутъ, а Крушеванъ, а Булацель?—да мало ли ихъ такихъ?..

— Ну, эти-то хоть за русскихъ стоятъ.

— Знаемъ мы ихъ, за русскихъ потому, что здѣсь жареной телятиной запахло...

Наступила небольшая пауза. Молодой парень, сидѣвшій рядомъ

съ торговцемъ, обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ и сказалъ:

— Эхъ, кабы я былъ бы царемъ! Сейчасъ бы ладъ всему далъ.

— Ну?

— Ей-Богу! Перво-на-перво написалъ бы такой указъ: собрать, молъ, немедленно изо всѣхъ городовъ и деревень всѣхъ наимудрѣйшихъ людей и пусть они соберутся въ Питеръ, а потомъ выбралъ бы изъ нихъ самаго мудраго и сдѣлалъ бы его главнымъ министромъ, а всѣхъ остальныхъ опредѣлилъ къ нему помощниками. Вотъ тебѣ и все. Что мудрѣйшій скажетъ, то и дѣлай.

— Это-то вѣрно,—отозвался буфетчикъ,—да только не дадутъ выбрать, вотъ бѣда...

— Кто не дастъ? Сказано у насъ: «православіе, самодержавіе и народность», а что такое: «народность»? Это значитъ: какъ народъ хочетъ, такъ и дѣлаетъ. Захотѣлъ, небось, Михаила Θедоровича выбрать, и выбралъ... А вѣдь это былъ царь, такъ неужто мы и министра не имѣемъ права выбрать?

— Я не про то,—сказалъ буфетчикъ:—выбирать—это въ прежнее время можно было, а теперь, поди-ка-сь, выбери. Сейчасъ тебѣ жиды своего подсунутъ.

— Такъ ихъ не пускать...

— Все равно... деньгами кого угодно подкупить можно, какъ кадетовъ въ Думѣ.

Бесѣда оборвалась. Но мнѣ было очень интересно затронуть еще дворянскій вопросъ.

— А что, если бы такъ сдѣлать: выбирать въ министры не какихъ-нибудь простыхъ людей, а только дворянъ?

Водопроводчикъ повернулся ко мнѣ.

— Какъ говоришь? Однихъ чтобы дворянъ?.. Да чортъ ихъ возьми, этихъ самыхъ дворянъ,—крикнулъ онъ вдругъ. — Какая въ нихъ польза? Что они дѣлаютъ хорошаго? Съ мужика послѣднюю шкуру сдираютъ? Дворянство! Эко, подумаешь, заслуга какая, если его бабушка коронницей у царя служила. Да я ихъ всѣхъ бы своими руками передушилъ!..

— Ну, что вы, Василь Яковлевичъ,—пришелъ ко мнѣ на помощь буфетчикъ:—что ни говори, а все-жъ таки они защитники престола.

— Дармоѣды, а не защитники престола. Чужими руками жаръ загребать... Можно смѣло сказать, что черезъ нихъ-то и получилось все это. Кто же, какъ не они, загородили царя отъ народа? Обступили его со всѣхъ сторонъ и вотъ теперь народъ страдаетъ... А землю у мужика кто забралъ, какъ не дворяне?

Буфетчикъ полѣзъ въ карманъ и досталъ уставъ Союза.

— Василій Яковлевичъ, это вы неправильно говорите. У насъ въ уставѣ сказано, что не дворяне, а бюрократія заслонила царя отъ народа. Дворяне здѣсь не при чемъ.

Возникъ горячій споръ. Водопроводчикъ доказывалъ, что бюрократія и есть, въ сущности, то же дворянство; буфетчикъ, наоборотъ, говорилъ, что она появилась независимо отъ дворянства, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ упущеній со стороны высшаго правительства и самого царя. Но въ концѣ концовъ и тотъ, и другой сошлись во мнѣніи, что эта стѣна, изъ кого бы она ни состояла, дѣйствительно, сильно мѣшаетъ народу и что ее необходимо уничтожить. Нужно, чтобы между царемъ и народомъ не было никого. Нужно, чтобы Дума могла во всякое время обращаться къ царю, и царь долженъ сноситься съ ней безъ всякихъ посредниковъ,— говорилъ водопроводчикъ.

— А какъ же государственный совѣтъ?—спросилъ я.

— Совѣтъ какъ совѣтъ, онъ такъ и останется,—отвѣтилъ буфетчикъ.

— Да вѣдь это же первая преграда между царемъ и народомъ, которая будетъ тормазить и задерживать всякое обращеніе народа къ царю.

Но о государственномъ совѣтѣ буфетчикъ зналъ, видимо, очень мало. На мой вопросъ онъ отвѣтилъ вопросомъ же:

— А по твоему дворяне не должны и депутатовъ посылать?

— Пусть посылаютъ въ Думу, а не въ совѣтъ.

— Значитъ, дворянина рядомъ съ мужикомъ посадить?

— А почему-жъ бы и не посадить?—вступился опять водопроводчикъ.—Чѣмъ они лучше мужиковъ? Если Дума, такъ одна Дума, а не десять, и чтобы всѣ въ ней были: и дворяне, и крестьяне, и купцы. А еще лучше—уравнять ихъ всѣхъ, чтобы ни дворянъ, ни крестьянъ не было. Русскій—и конецъ.

— Можетъ, Василій Яковлевичъ, скажете, чтобы и богатыхъ съ бѣднымъ уравнять?—съязвилъ буфетчикъ.

Но водопроводчикъ только сплюнулъ.

— Тьфу, нечистая сила!

Въ это время пьяный понемногу сталъ просыпаться. Сначала открылъ глаза, крякнулъ, потянулся и подозвалъ буфетчика, чтобы расплатиться. При этомъ меня удивила крайняя дешевизна цѣнъ. Чай съ яблокомъ (вмѣсто лимона) стоитъ пять копѣекъ. Яйцо—2 коп. Булки—по цѣнѣ всякой кондитерской. Очевидно, здѣсь приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать чайную общедоступной и выгодной для посѣтителей даже съ матеріальной стороны. Расплатившись за все, пьяный, наконецъ, вышелъ. Слѣдомъ за нимъ вышелъ также и водопроводчикъ со своимъ собесѣдникомъ, который, впрочемъ, во время политическихъ дебатовъ не проронилъ ни одного слова. На дворѣ стало смеркаться. Буфетчикъ зажегъ лампы и отправился въ другую комнату. Слышно было, какъ онъ вытаскиваетъ откуда-то скамейки и разставляетъ ихъ.

— Сегодня чтенія съ картинками,—замѣтилъ молодой парень.

— А на счетъ чего?—спросилъ торговецъ.

— Должно быть, опять про смутное время и избраніе Михаила Өедоровича на царство. Раза четыре уже читали.

— Да, я слыхалъ. Важная штука. И народъ-то какой былъ, не чета теперешнему: самого царя выбралъ!—сказалъ торговецъ.

— Да вотъ же я и говорю. Разъ можно царя выбирать, то министровъ и подавно... Собрать наимудрѣйшихъ...

— Ясное дѣло...

Въ это время въ чайную вошелъ новый посѣтитель.

— Гдѣ здѣсь въ Союзъ записываются?—обратился онъ ко мнѣ стараясь говорить какъ можно тише.

— Это не здѣсь, пріятель, а въ 4-й ротѣ, здѣсь только чаекъ попиваютъ да, вотъ, разговоры ведутъ. Садись покуда.

Онъ сѣлъ. Я взглянулъ на него: довольно пожилой человѣкъ, лѣтъ 50-ти, борода съ сильною просѣдью. Видимо, купецъ.

— Сказываютъ, много народу нынче записывается,—началъ онъ послѣ минутной паузы.

— Да, порядочно, только я думаю, больше зря, отъ нечего дѣлать.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—здѣсь, сказываютъ, леворверы даютъ.

— Какъ, даромъ?

— Извѣстно даромъ, въ родѣ какъ для охраны... Времена-то нынче—во какія пошли. «Руки вверхъ» и готово дѣло: сразу обчистятъ, за мое почтеніе.

— Да, ужъ времена — что и говорить, бѣдовыя, а только на счетъ револьверовъ я не знаю.

— Даютъ, даютъ.. вѣрно тебѣ говорю... У меня приказчикъ Митька Васюхиновъ уже получилъ. Хорошій леворверъ и патроновъ 12 штукъ къ нему. Я было хотѣлъ съ нимъ же и придти, да дѣло-то у насъ вышло такое... неладное...

— Съ кѣмъ то есть?

— Да съ ребятами же, съ приказчиками моими. Восемь человѣкъ ихъ у меня. Восемь, можно сказать, кровопійцевъ. Рвутъ, рвутъ, словно на части хотятъ хозяина разорвать. Просто не люди, а звѣри какіе-то... ей-Богу...

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Извѣстно въ чемъ: и то не хорошо, и другое не хорошо, и то подай, и другое подай... а гдѣ я возьму? Мы, небось, когда въ ученьи были, — такъ слова хозяйскаго боялись! Только глазами, бывало, поведетъ, а у тебя ужъ душа въ пятки уходитъ. Теперь же—просто бѣда, не они у тебя служатъ, а ты у нихъ... Теперь вотъ новое дѣло выдумали: кровати имъ подавай... Кро-ва-ти!.. Да я двадцать три года свою лавку имѣю, по 15-ти человѣкъ приказчиковъ было – всѣ на нарахъ спали, а теперь: кро-ва-ти!..—«Можетъ, говорю, и перины вамъ прикажете?»

— Ну, и что же они?

— Что же? Изъ хама развѣ сдѣлаешь пана? «Давай», говорятъ, и конецъ.

— А вы бы какъ-нибудь на нихъ повліяли, ну хотя бы черезъ этого, что въ Союзѣ состоитъ.

— Черезъ Митьку? Ого! Онъ же первый и завелъ всю эту музыку. Онъ, да еще одинъ, тоже «истинно-русскій». Только такъ называются, а «истинно-русскій» на самомъ дѣлѣ хуже всякаго басурманина.

И старикъ погрузился въ размышленія. Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ вновь обратился ко мнѣ:

— Какъ думаешь, вѣдь если этакую штуку разсказать въ Союзѣ, то ихъ, пожалуй, выпрутъ отсюда, или наказаніе какое положатъ?

— Ну, ужъ не знаю, попытайтесь...

Народу въ чайной стало замѣтно прибывать. Прежде всего явилась цѣлая арава дѣтей. Они прямо направились въ ту комнату, гдѣ должны происходить чтенія, и черезъ минуту оттуда послышался отчаянный шумъ, крики и смѣхъ. Я всталъ изъ-за стола и направился къ нимъ. Эти маленькіе шалуны всегда вѣдь въ высшей степени точно передаютъ настроеніе и поступки взрослыхъ. Въ рабочихъ кварталахъ вы, напр., легко можете узнать по дѣтскимъ играмъ и пѣснямъ, что происходитъ въ рабочей средѣ. Въ дни революціи дѣти устраиваютъ всякія шествія, демонстраціи со всѣми ихъ аттрибутами: краснымъ флагомъ, революціонными пѣснями, лозунгами и проч.; въ дни «мирнаго» труда—и игры соотвѣтствующія: въ городки, бабки, въ палочку, а если кто нибудь затянетъ пѣсню, то ужъ не «вставай, подымайся», а что-нибудь въ родѣ: «Ухарь купецъ». Когда же надъ рабочимъ поселкомъ нависнетъ черной тяжелой тучей безработица, а съ нею нищета и голодовка, то ни игръ, ни пѣсенъ вы не услышите. Всѣ ходятъ, точно въ воду опущенные.

Мои наблюденія оправдались и здѣсь.

Двѣнадцати-лѣтній мальчуганъ, украшенный значкомъ Союза русскаго народа, энергично расталкивалъ своихъ товарищей, распредѣляя ихъ на два лагеря. Слышались крики.

— Чего ты меня къ крамольникамъ толкаешь, я буду истинно-русскимъ.

— А я хочу къ крамольникамъ. Сашка, ты кто?

— Я истинно-русскій.

— Эхъ ты, черносотенецъ!

— Я тоже крамольникъ!—говоритъ распорядитель со значкомъ.—Охъ, и насыпемъ мы имъ!

Черезъ нѣсколько времени всѣ присутствующіе разбились на два стола, но тутъ оказалось, что крамольниковъ гораздо больше, чѣмъ истинно-русскихъ. Въ такомъ видѣ игра состояться не могла, пришлось поэтому перетаскивать изъ крамольниковъ въ истинно-

русскіе. Наконецъ, силы уравнялись; началась игра. Ожесточенной атакой нападали истинно-русскіе на крамольниковъ, но послѣдніе точно такъ же ожесточенно отбивали ихъ. Нѣсколько скамеекъ, поставленныхъ одна на одну, служили довольно хорошимъ прикрытіемъ и исполняли роль баррикады для игравшихъ роль крамольниковъ. Выбить ихъ отсюда было главнымъ желаніемъ истинно-русскихъ, что, послѣ нѣсколькихъ схватокъ, оказалось почти невозможнымъ. Тогда истинно-русскіе прибѣгли къ хитрости. Собравъ всѣ силы, они набросились на сидѣвшихъ за баррикадой крамольниковъ, одинъ же изъ нихъ взобрался на самый верхъ баррикады и столкнулъ на головы крамольниковъ одну скамью. Послышался крикъ, плачъ. Всѣ кинулись въ разсыпную. Изъ чайной прибѣжалъ буфетчикъ и съ его помощью пострадавшихъ извлекли на свѣтъ Божій. На этомъ игра и закончилась. Я опять вошелъ въ чайную. Теперь народу немного прибавилось. Пришелъ какой-то толстый купчина, потомъ торговецъ желѣзнымъ товаромъ, увѣшанный замками, клещами, молоточками, которые онъ сложилъ здѣсь же, у своего стола. Потомъ явились двое какихъ-то субъектовъ, весьма подозрительной наружности. Нѣкоторые изъ вновь приходившихъ, входя въ чайную, направлялись сперва въ читальню, брали какую-нибудь книжку или газету, а потомъ усаживались за чай; другіе подсаживались къ уже образовавшимся кружкамъ и принимали участіе въ разговорѣ.

Все мелкія, будничныя темы, самыя обыденныя и самыя неинтересныя: гдѣ почемъ яйца, сколько заработалъ такой-то на поставкѣ сѣна или дровъ, кто какой запасъ рыбы сдѣлалъ и проч., и проч.; только за однимъ столомъ велся разговоръ на болѣе или менѣе «программную» тему; по крайней мѣрѣ, слышалось слово «жидъ». Я сталъ прислушиваться: какой-то купецъ жаловался окружающимъ на нѣкоего еврея за то, что тотъ перебилъ у него работу по продажѣ мѣшковъ. Сущность дѣла, насколько мнѣ удалось уяснить себѣ заключалась въ томъ, что этотъ купецъ хотѣлъ перепродать кому-то нѣсколько тысячъ мѣшковъ. Откуда ни возьмись—еврей. Моментально провѣдалъ фамилію покупателя и заявилъ ему, что мѣшки, которые онъ хочетъ купить, совсѣмъ гнилые, а онъ, еврей, за эту самую цѣну продастъ совсѣмъ почти новые. Покупатель рѣшилъ внимательнѣе осмотрѣть русскіе мѣшки, и послѣ осмотра наотрѣзъ отказался отъ покупки. Тутъ еврей не замедлилъ всунуть свои мѣшки, и было бы ничего, если-бъ они были дѣйствительно хорошими, оказалось же, что и еврейскіе мѣшки тоже гнилые и даже хуже, чѣмъ у него, русскаго. Конечно, разсказчикъ въ своемъ повѣствованіи излилъ всю горечь, всю досаду, осыпалъ еврея массой непечатныхъ эпитетовъ, но, несмотря на это, отношеніе къ нему слушателей было довольно сдержанное. Степенный мужикъ, съ длинной сѣдой бородой, сказалъ:

— Да, дѣло коммерческое; зѣвать ужъ не приходится.

— Что и говорить,—добавилъ другой:—тутъ ужъ если взялся за что, такъ смотри въ оба.

— Да я не про то толкую,—вступился разсказчикъ.—Пускай бы жидъ еще хорошій товаръ далъ—туда-сюда, а ужъ если мазурничать...—Онъ не докончилъ. Собесѣдники засмѣялись.

— Да... дѣла...—опять неопредѣленно замѣтилъ степенный мужикъ.

Въ это время къ нимъ подошелъ средняго роста человѣкъ, плотный, коренастый и съ виду очень угрюмой наружности. На груди у него болталась цѣлая дюжина всевозможныхъ значковъ и между ними неизмѣнный Георгій Побѣдоносецъ.

— А-а... Иванъ Евграфовичъ!—обратились къ нему съ привѣтствіемъ.—Ну, что, много ли жидовъ подстрѣлилъ?

— Съ меня довольно!—уклончиво отвѣтилъ тотъ.

— А все жъ таки?

— Совсѣмъ изъ Союза выйти хочу.

— Да что ты, Иванъ Евграфовичъ! Почему же?

— Извѣстно, почему,—второй мѣсяцъ денегъ не платятъ. Каждый день таскаютъ, а жрать не на что. Развѣ это порядокъ?

— А сами, дьяволъ ихъ возьми, на собственныхъ лошадяхъ катаются, квартиры—какъ у князей какихъ обставлены...

— Мазурики...—угрюмо замѣтилъ дружинникъ.

Въ другомъ углу обсуждался вопросъ о женскомъ равноправіи. Какой-то старичекъ, бѣлый, какъ лунь, съ совершенно лысой головой, покрытой сѣдымъ пухомъ вмѣсто волосъ, говорилъ своимъ слушателямъ:

— Нѣтъ-съ, милостивые государи, тутъ не жиды и не крамольники причиной. Тутъ главное зло—женщины. Да, милостивые государи, женщины. Вспомните, что сказалъ апостолъ Павелъ: «и жена да убоится своего мужа», а развѣ боятся онѣ насъ теперь? Своими бѣсовскими прелестями онѣ вводятъ въ искушеніе мужей праведныхъ и мудрыхъ, онѣ соблазняютъ ихъ, какъ дьяволъ соблазнилъ прародительницу Еву, дабы изгнать первыхъ людей изъ эдема. И теперь женщина послушна своему отцу-дьяволу. Она, а не кто другой, наталкиваетъ мужа на всяческія преступленія и, чтобы ей легче было дѣлать это, требуетъ для себя «равноправія».

Несмотря на энергичные жесты оратора и его взволнованный тонъ, публика относилась къ нему крайне насмѣшливо. Кто-то замѣтилъ:

— Ну, и Филиппычъ же... Удружилъ же, нечего сказать! Это не иначе, какъ ощипала тебя въ молодости какая-нибудь шельма. Признайся-ка, было что-нибудь?

Старикъ разгорячился еще болѣе, замахалъ руками, забрызгалъ слюной, но за общимъ смѣхомъ его словъ почти совсѣмъ не

было слышно. Когда все немного успокоилось, одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ:

— Шутки шутками, а вѣдь бабье въ самомъ дѣлѣ о равноправіи думаетъ.

— Ну, какого имъ равноправія!—отвѣтилъ другой:—Дать бы одной, да другой въ зубы, вотъ и поровнялись бы...

Такой отзывъ очень обидѣлъ сидѣвшую за сосѣднимъ столомъ женщину Она обернулась къ нимъ и сказала:

— Да вы, господа мужья, и такъ, слава Богу, не кладете охулки на руку. Только и умѣете въ зубы, да въ зубы, а наша сестра молчи, терпи да обливайся слезами. Хорошо! Нечего сказать...

— Что-жъ, такъ и нужно!—отвѣтилъ ей кто-то полушутя, полусерьезно.

— Да, именно такъ вотъ и нужно,—продолжала женщина:— А поставить бы васъ кого-нибудь на наше мѣсто, небось, не то бы сказали... Иной разъ, какъ подумаешь про нашу жизнь, ей-Богу, тошно становится. Съ утра до ночи бьешься-бьешься, маешься-маешься, каждую копѣйку, каждый грошикъ высчитываешь, все подешевле да получше хочется сдѣлать, а вашему брату и горюшка мало: иной чортъ прямо съ получки заберется въ кабакъ, да тамъ до послѣдней нитки и спуститъ.

— Казну, значитъ, поддерживаетъ...

— Пропади она пропадомъ, эта самая казна. Выходитъ, черезъ нее намъ опять бейся, какъ рыба объ ледъ, опять ходи да вымаливай въ долгъ то у мясника, то у лавочника... А мужу—ему все ни почемъ, чтобы было на столѣ и конецъ, а въ случаѣ чего такъ и драться начнетъ...

Старичекъ сдѣлалъ вдругъ какой-то необыкновенный жестъ и, подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, спросилъ:

— Такъ, значитъ, вамъ, сударыня, равноправія захотѣлось? Да?

— Не равноправія, а только, чтобы и жена не была на скотину похожа, вѣдь она, чай, не собака, а такой же человѣкъ...

— Вотъ, сударыня, я позволю себѣ сказать, что вы глубоко ошибаетесь. Женщина - она даже не человѣкъ, а хитрость и лукавство въ образѣ человѣческомъ. Да.

— Безстыжіе твои глаза, больше ничего!—отвѣтила женщина и повернулась въ сторону.

Но у нея нашелся вдругъ защитникъ. Это былъ среднихъ лѣтъ мужчина съ небольшой рыжей бородкой. Обратившись къ старику, онъ задалъ ему прямой и грубый вопросъ:

— А ну, какъ по твоему: по закону или не по закону была у насъ царицей Екатерина Великая?

Старикъ смутился.

— Ну, говори же.

Старикъ хотѣлъ было вильнуть въ сторону, заговоривъ о томъ,

что, дескать, царицы въ счетъ не идутъ, но вопрошавшій притянулъ его опять къ прямому отвѣту:

— По закону!—сказалъ, наконецъ, онъ.

— А ежели по закону, то чего тебѣ и глотку драть. Я-бъ на твоемъ мѣстѣ такъ бы сказалъ: женщина, которая очень умная или ученая, то почему бы ей и не дать равноправія, а если это будетъ деревенская лахудра, дура набитая, то ей ничего этого и не нужно. Издать только указъ мужикамъ, чтобы женъ бить не смѣли, вотъ и все.

Старикъ не соглашался, говорилъ, что ученая въ десять разъ хуже неученой, но его почти никто уже не слушалъ.

Теперь въ чайной народу набралось совсѣмъ много. Буфетчикъ не успѣвалъ исполнять требованія посѣтителей, и на помощь къ нему пришли два какихъ-то хулигана. Одного изъ нихъ я, впрочемъ, видѣлъ на улицѣ въ роли продавца «Русскаго Знамени». Очевидно, онъ находился здѣсь на правахъ служащаго. Большинство посѣтителей составляли торговцы, но были также и извозчики, солдаты, двѣ три барышни въ шляпкахъ и еще какіе-то молодые люди, нѣчто въ родѣ мелкихъ канцелярскихъ служащихъ. Они заняли отдѣльный столъ неподалеку отъ меня, и мнѣ былъ слышенъ ихъ разговоръ.

— А почему у насъ въ программѣ сказано, что золото нужно уничтожить, а на его мѣсто ввести бумажныя деньги?

— Знаешь ли ты, чье у насъ золото?

— Чье же?

— Жидовское. Оно находится исключительно въ ихнихъ рукахъ, а черезъ это и мы попадаемъ къ нимъ въ кабалу. Бумажки же печатаются по приказанію царя Мы, какъ вообще за царя стоимъ, такъ для насъ царскій рубль лучше, чѣмъ жидовскій.

— Такъ-то оно такъ,—отвѣтилъ первый,—да только золото или серебро всегда одну цѣну имѣетъ. Хоть въ Америку, хоть въ Англію поѣзжай, вездѣ одно и то же, а бумажки... Что такое бумажки? Грошъ имъ цѣна...

— Ни въ Америку, ни въ Англію намъ ѣздить не нужно,—говорилъ другой,—а чтобы бумажки не падали въ цѣнѣ, то печатать ихъ должны не на обумъ, а подъ контролемъ. Дѣло это царевое, и самъ царь будетъ смотрѣть за этимъ. Онъ, братъ, не глупѣе насъ съ тобой...

— Я не объ этомъ... Конечно, царь... это все хорошо Только на случай, ежели ему некогда будетъ или еще что-нибудь такое, тогда Думу къ этому можно приставить: «смотри, молъ, чтобъ правильно все было».

— Что же, можно и Думу,—согласился второй.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошло человѣкъ 7 рабочихъ, настоящихъ заводскихъ рабочихъ, и, видимо, прямо съ работы, такъ какъ никто изъ нихъ не успѣлъ даже и умыться, какъ слѣдуетъ. Ихъ

появленіе для меня не было неожиданностью. Типъ этихъ рабочихъ извѣстенъ. Въ частности мнѣ пришлось коснуться его въ статьѣ: «Рабочій и политика» («Рус. Бог.», 1906, сентябрь) и добавить къ сказанному въ ней мнѣ нечего, кромѣ развѣ того, что помимо всякаго рода поддержекъ, довольно охотно оказываемыхъ рабочимъ со стороны Союза, помимо протеста противъ забастовокъ, не связанныхъ съ матеріальными выгодами, здѣсь совершенно случайно для меня нашелся еще одинъ программный пунктъ, расположившій темныхъ рабочихъ въ пользу Союза. Именно: «Россія для русскихъ».

Мой короткій разговоръ съ ними привелъ меня къ тому заключенію, что въ будущемъ съ этимъ вопросомъ еще придется считаться, и что много еще предстоитъ труда, чтобы идеи «интернаціонала» проникли въ самую гущу народныхъ массъ.

Впрочемъ, здѣсь я столкнулся только съ частицей этого общаго вопроса: рабочимъ понравилось, что въ программѣ сказано: «Союзъ будетъ настаивать на томъ, чтобы всѣ безъ исключенія казенные заказы исполнялись въ Россіи, а не за границей, и чтобы въ промышленныхъ и мореходныхъ предпріятіяхъ, получающихъ правительственную поддержку, не допускались иностранцы». Разумѣется, я не сталъ объяснять, какія послѣдствія могутъ вытекать изъ такой постановки дѣла, тѣмъ болѣе, что въ памяти слишкомъ ярко стоялъ фактъ изъ жизни Невскаго судостроительнаго завода, когда рабочіе совсѣмъ было собрались отправить депутацію къ морскому министру съ тѣмъ, чтобы просить у него новыхъ заказовъ на постройку судовъ и, такимъ образомъ, избавиться отъ грозившей безработицы и увольненій. Удержало отъ этого ихъ только одно соображеніе: морской министръ—одинъ изъ главныхъ членовъ русскаго правительства, къ которому они, выражаясь мягко, должны относиться отрицательно. А посему просить его о чемъ бы то ни было—рабочимъ не подобаетъ. А Невскій судостроительный заводъ считался до сего времени однимъ изъ самыхъ передовыхъ и революціонныхъ. Что же можно сказать объ отдѣльныхъ единицахъ рабочей массы? Онѣ нерѣдко совсѣмъ не въ состояніи разобраться въ сложныхъ государственныхъ вопросахъ и хватаются за то, что сулитъ «явную» выгоду.

Наконецъ, раздался звонокъ. Всѣ присутствовавшіе поднялись и пошли въ другой залъ, гдѣ передъ тѣмъ мальчуганы строили баррикады, а теперь должно было состояться чтеніе съ туманными картинами. Здѣсь все было готово. Зажженный фонарь бросалъ снопъ бѣлыхъ лучей на экранъ, лекторъ, командированный изъ Союза, стоялъ у каѳедры, ожидая водворенія тишины. Прошло еще нѣсколько минутъ, и чтеніе началось. Я повернулся назадъ и вошелъ въ читальню.

Странное ощущеніе получалось у меня отъ всей видѣнной толпы. На ряду съ безтолковщиной, полнѣйшимъ хаосомъ, бросалось въ глаза то, что здѣсь не было ничего типично черносотеннаго, никакого

особеннаго «истинно русскаго духа», представителями котораго являются гг. Дубровины, Грингмуты, Крушеваны и имъ подобные. Никто изъ присутствовавшихъ здѣсь, по моему мнѣнію, не годился бы для устройства еврейскаго погрома или избіенія учащихся, кромѣ, можетъ быть, самого буфетчика и его помощниковъ трехъ-четырехъ человѣкъ, но вѣдь они считаются «на службѣ», и къ нимъ, слѣдовательно, нужно приложить особую мѣрку, точно такъ же, какъ и ко всѣмъ инымъ «дружинникамъ», получающимъ въ мѣсяцъ отъ 30 до 50 рублей. Но не они въ самомъ дѣлѣ интересны. Интересна вотъ эта масса: что привело ее сюда? для какой цѣли? и что можно ожидать отъ нея въ будущемъ? На эти вопросы я пока не находилъ отвѣтовъ, и рѣшить ихъ представлялось возможнымъ только послѣ, когда получится общее впечатлѣніе отъ всѣхъ, быть можетъ, даже и второстепенныхъ деталей и черточекъ.

Читальня представляла собой смежную съ чайной комнату, съ весьма небольшимъ количествомъ книгъ. Въ единственномъ шкафчикѣ, стоявшемъ у дверей, было всего три небольшихъ полки, заставленныхъ библіей, житіями святыхъ и еще нѣсколькими томами «Исторіи государства Россійскаго», чуть ли не карамзинской. Посреди читальни стоялъ столъ съ разложенными на немъ мелкими брошюрами и книжками. У окна тоже столикъ, но поменьше. Здѣсь сидѣлъ довольно пожилой господинъ въ пенснэ и читалъ «Новое Время».

Должно быть, завѣдующій читальней, подумалъ я.

— Нельзя ли книжечку почитать?—обратился я къ нему.

— Отчего же, можно. Выбирайте сами.

Я сѣлъ у стола и сталъ перелистывать мелкія брошюры.

О, сколько здѣсь интереснаго!

Каждая страничка, каждая строчка такъ и бьютъ въ глаза своею наглостью и откровенною ложью. Не угодно ли, напримѣръ, услышать такую вещь.

«Свобода сходокъ и свобода слова дана (манифестъ 17 октября) горожанамъ. Вы, крестьяне, издревле пользуетесь свободой собираться на сельскіе сходы для рѣшенія мірскихъ дѣлъ и всегда на сходахъ могли разсуждать совершенно свободно». Это пишется по поводу манифеста 17 октября, а вотъ и о Государственной Думѣ.

«Государи русскіе *издревле* правили по общему совѣту и согласію съ выборными изъ народа. Во времена смутныя и тяжелыя они созывали выборныхъ изъ народа очень часто, во времена спокойствія — порѣже». Только Петръ I, да Александръ III составляютъ исключеніе, но и то потому только, что первый и безъ конституціи сумѣлъ положить «прочное начало теперешнему величію Россіи», а второй — изъ опасенія, «что при выборахъ могутъ взять верхъ смутьяны и крамольники, которые принесутъ государству, вмѣсто пользы, неизмѣримое и непоправимое зло». Остальные же государи всѣ наперечетъ только то и дѣлали, что заботились о благѣ на-

рода да о созывѣ народныхъ представителей, и если никто изъ нихъ представителей все же не созвалъ, то лишь потому, что имъ помѣшала въ этомъ смерть, либо другія основательныя причины.

«Императоръ Александръ I... сто лѣтъ тому назадъ предполагалъ образовать высшее законодательное учрежденіе изъ выборныхъ отъ народа, но ему помѣшали войны съ французами... да кромѣ того нельзя было устроить дѣло управленія государствомъ при участіи выборныхъ отъ народа, пока существовало крѣпостное право». «Государь Николай Павловичъ... такъ же не мало потрудился на благо Россіи», собралъ всѣ законы, учредилъ «для улучшенія быта казенныхъ крестьянъ» министерство государственныхъ имуществъ, «неоднократно подумывалъ объ освобожденіи крестьянъ» и даже «не разъ назначалъ особые «комитеты» для разсмотрѣнія положенія крѣпостныхъ крестьянъ», но завязалась крымская война, а затѣмъ послѣдовала и смерть государя.

Объ Александрѣ II и говорить нечего. Освободивши крестьянъ, онъ несомнѣнно «даровалъ бы Россіи представительное собраніе въ родѣ Государственной Думы, но крамольники и насильники, подобно нынѣшнимъ, завели смуту, окончившуюся убійствомъ царя-освободителя».

«Наконецъ, нынѣ царствующій государь Николай Александровичъ... рѣшилъ осуществить давнишнее стремленіе своихъ предковъ» и далъ народу все, что только требовалось».

Сказавши это, авторъ восклицаетъ: «Я думаю — теперь вамъ ясно видно, что государи русскіе раньше смутьяновъ позаботились о благѣ своего отечества!»

Но, позаботившись такимъ образомъ «о благѣ своего отечества», государи отнюдь не отказываются отъ своей самодержавной власти.

«Не вѣрьте тому, говоритъ авторъ, кто станетъ говорить, будто государь нашъ теперь уже не самодержавный царь. Государь нашъ по прежнему самодержецъ и такъ и именуется и послѣ манифеста 17 октября; напримѣръ, манифестъ 3 ноября начинается словами: «Божіею милостью мы, Николай вторый, императоръ и самодержецъ всероссійскій».

Другое доказательство — даже во время работы Думы — «никакой законъ, одобренный Государственной Думой, не можетъ воспріять силы безъ соизволенія государя, въ чемъ и выражается непоколебимость самодержавія».

Такъ поучаетъ народъ профессоръ казанскаго университета В. Ф. Залѣсскій, и книжка его отпечатана не въ охранномъ отдѣленіи, а въ университетской типографіи («Объясненіе высочайшихъ манифестовъ 6 августа и 17 октября 1905 г. Казань 1906 г.) Но оставимъ профессора въ покоѣ. Предо мною другая книжка: Ефремовъ-Мизинъ. «Право и правда» съ подзаголовкомъ: «Что нужно Россіи?» Авторъ ея стоитъ значительно лѣвѣе проф. Залѣсскаго.

Съ первыхъ же строкъ онъ призываетъ русскій народъ «стать на защиту своихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ».

«Какъ тяжкое испытаніе твоихъ нравственныхъ силъ, ты (т. е. народъ) вынесъ на своихъ плечахъ тысячелѣтнее рабство иновѣрныхъ и единоплеменныхъ деспотовъ (!) и не палъ духомъ подъ тяжестью испытаній. Велико было и новое испытаніе, ниспосланное намъ Богомъ—сотни тысячъ сыновъ и братьевъ нашихъ легли на поляхъ далекой Манчжуріи; *но кровь ихъ да будетъ намъ искупленіемъ отъ мрака и рабства и залогомъ желанной свободы и просвѣщенія!*» Какъ послѣ крымской войны, Александръ II потребовалъ освобожденія народа изъ крѣпостной зависимости, — такъ нынѣ, послѣ манчжурскихъ событій, Николай II открылъ народу путь *къ политической свободѣ, гражданскому равенству и духовному и умственному развитію!*»

И ниже:

«Пора провозгласить равенство! Пора сказать—долой привилегіи! *Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ равенство всѣхъ передъ царемъ и закономъ!*»

Признаюсь, я былъ огорошенъ такимъ вступленіемъ, и если бъ только книжка попалась мнѣ не въ читальнѣ союза русскаго народа, то я подумалъ бы, что авторъ ея несомнѣнный кадетъ, да еще и изъ лѣвыхъ. Но, вчитываясь дальше, я понялъ, что тутъ что-то не то. Среди безпорядочно наваленныхъ мыслей, часто совершенно противорѣчащихъ другъ другу, довольно ясно и опредѣленно проглядываетъ одна мысль: зло, приведшее Россію къ ея теперешнему «позору», заключается не только въ революціонерахъ, но еще и въ бюрократіи, съ которою авторъ, не долго думая, отожествляетъ интеллигенцію.

«Продажность, взяточничество и хищничество, говоритъ онъ, у насъ слишкомъ извѣстны. Ихъ нельзя скрыть, нельзя отрицать» (стр. 5).

«Мы не можемъ быть довольны правленіемъ бюрократіи, т. е., говоритъ онъ, тѣмъ чиновническимъ строемъ государственной системы, который привелъ насъ къ тяжелымъ пораженіямъ на войнѣ и полному упадку внутри государства, мы не можемъ оправдывать и защищать бюрократію, не можемъ мириться со всѣми злоупотребленіями и произволомъ» (стр. 9)... Причина же возникновенія всѣхъ этихъ безпорядковъ—тотъ неразрывный запутанный узелъ, которымъ связана наша интеллигенція съ бюрократіей.

«Сегодняшній чиновникъ,—говоритъ авторъ,—вчера былъ студентомъ, а сегодняшній студентъ завтра будетъ чиновникомъ... всѣ эти лжеосвободители—дѣти тѣхъ бюрократовъ, аристократовъ и интеллигентовъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія», и все «освободительное движеніе» есть попытка со стороны аристократовъ, бюрократовъ и интеллигенціи «отнять власть у государя и существующаго правительства, но не затѣмъ, чтобы дать намъ равенство и свободу,

а только затѣмъ, чтобы *ограбить* все государство и, если удастся, самимъ сдѣлаться властителями народа» (стр. 9). Съ этою же цѣлью они требуютъ и «учредительнаго собранія» въ полной увѣренности, что туда попадутъ только они.

«А разъ они стали бы тамъ хозяевами, то, конечно, употребятъ всѣ силы, чтобы свергнуть правительство и провозгласить республику», которая неизбѣжно повлечетъ за собой «всеобщее возстаніе, междоусобіе и затѣмъ раздѣлъ государства».

«Этого-то и хочется имъ, это-то имъ и на руку; имъ было бы и легко, и удобно ловить рыбу въ мутной водѣ» (стр. 8).

Изъ сдѣланныхъ выписокъ очень трудно уловить, кого именно подразумѣваетъ авторъ подъ словомъ: *они*. Но та же неясность господствуетъ и въ книгѣ. Здѣсь все свалено въ одну кучу: с.-д., и с.-р., жиды и поляки, финны и анархисты, студенты, радикалы, дворяне, аристократы, чиновники и даже, во многихъ мѣстахъ, и само правительство, но о немъ авторъ предпочитаетъ говорить вскользь и какъ-то двусмысленно.

«Безспорно —говоритъ авторъ,—правительство не право, что оно не позволяло народу пользоваться свободно его достояніемъ (рѣчь идетъ о землѣ), что оно отдавало въ собственность большія пространства земли», но... дальше слѣдуютъ оправдательные мотивы: дескать, не у насъ однихъ это происходитъ.

Или еще: «можно обвинять правительство въ нерадѣніи и въ невниманіи къ нуждамъ народа, въ неумѣніи управлять народомъ и государствомъ; но.. изъ *мщенія правительству*, не должно разрушать государства (стр. 7).

Или дальше: «Мы можемъ отказаться отъ сведенія старыхъ счетовъ, отъ мести за прошлое; но мы хотимъ получить принадлежащее намъ въ настоящемъ; хотимъ обезпечить наши права отъ произвола въ будущемъ! Мы хотимъ установленія законнаго правопорядка, законнаго равенства, законной свободы, законнаго управленія! *Не самовластіе, не своеволіе нужно народу, а тѣ гражданскія права, которыя обѣщаны намъ манифестомъ 17 октября*».

И народъ имѣетъ полнѣйшее право пользоваться всѣми этими правами, ибо «государь нашъ, манифестомъ 17 октября, возвратилъ народу часть власти, которую народъ вручилъ его предку Михаилу Θеодоровичу» (стр. 12).

Авторъ не допускаетъ даже и мысли о томъ, чтобы эти права могли быть отобраны обратно.

«Мерзавцы и негодяи,—говоритъ онъ на стр. 17—именующіе себя соціалъ-демократами, соціалъ-революціонерами, соціалистами и радикалами, но, въ сущности являющіеся самыми наглыми анархистами,—клевещутъ и лгутъ, увѣряя народъ, что все, обѣщанное манифестомъ 17 октября, можетъ быть взято обратно... Что сказалъ бы весь свѣтъ и что сказалъ бы весь русскій народъ, если бы государь взялъ свое слово обратно? Развѣ это возможно? Поду-

мали ли они, что говорятъ?... Царское слово не должно и не можетъ мѣняться».

Точно такъ же и по вопросу о Государственной Думѣ авторъ высказывается за то, что Дума въ настоящее время безусловно необходима. По его мнѣнію, она дастъ возможность говорить о народныхъ нуждахъ не только съ царскими слугами, но и съ самимъ царемъ, она установитъ контроль надъ дѣйствіями правительства, она прекратитъ хищенія и кражи во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ и, наконецъ, вольетъ новую струю дѣятелей въ штатъ правительственныхъ органовъ и, такимъ образомъ, уничтожитъ протекціи и порядокъ, при которомъ «цѣлыя сословія людей незаслуженно пользовались, только по праву рожденія, разными привилегіями и преимуществами».

Въ остальной своей части книжка, разумѣется, содержитъ массу лжи и инсинуаціи по адресу «жидовъ», революціонеровъ и студентовъ. Встрѣчаются такія обвиненія, которыхъ ни одинъ интеллигентъ и представить себѣ не могъ. «Трудъ земледѣльца—говоритъ,— напримѣръ, авторъ—тяжелый... *Поэтому* такъ наз. образованные классы чуждаются и избѣгаютъ его; а такъ какъ многіе изъ числа земледѣльцевъ такъ же не прочь промѣнять его на болѣе легкій и чистый, *то образованные и интеллигентные классы, чтобы не допустить ихъ къ тому, стараются не дать народу подняться и сравняться въ образованіи съ ними»* (стр. 10).

Другая книжка (Г. Бутьми, «Кабала или свобода») стоитъ опять на иной точкѣ зрѣнія. Посвящена она «Союзу русскаго народа», и это давало бы, казалось, основаніе думать, что книжка будетъ ближе подходить къ направленію и политической платформѣ Союза, но увы! Чѣмъ больше я перелистывалъ ее, тѣмъ больше заходилъ въ дебри невообразимой путаницы и неразберихи.

Всѣ бѣды нынѣшняго времени, всѣ забастовки, смуты и анархія происходятъ у насъ, какъ сообщаетъ г. Бутьми, благодаря жидамъ и англичанамъ. О революціонерахъ въ брошюрѣ г. Бутьми говорится мелькомъ, мимоходомъ, но вмѣсто нихъ выдвинута новая организація: франкъ-масоны. Съ помощью ихъ евреи и англичане надѣются поработить всю вселенную, поставить своего царя изъ дома Давидова и основать, такимъ образомъ, новое царство, гдѣ бы евреи являлись господами и помѣщиками, а всѣ остальные неевреи—ихъ рабами и служащими (стр. 33). Это въ особенности относится къ Россіи. Возникшее у насъ ученіе «*сіонизма*»(!) имѣетъ ту же цѣль и, какъ удалось узнать автору, въ 1900 году состоялось присоединеніе сіонистовъ къ масонамъ, въ составъ которыхъ входитъ такъ же и «Бундъ» (!).

Авторъ брошюры устанавливаетъ живую и крѣпкую связь между масонствомъ и евреями. Существуютъ особыя ложи, называемыя «Мизраимъ», куда входятъ преимущественно евреи, и вотъ онѣ-то и представляютъ наиболѣе вредную для государства организацію.

По словамъ автора, удалось извлечь протоколы одной изъ такихъ ложъ. Ихъ «адскій» замыселъ, такимъ образомъ, раскрытъ и рекомендуемыя ими «сатанинскія» средства совершенно парализуются предложеніями г. Бутьми. Среди нихъ, между прочимъ, имѣются такія:

«Отъ вина и роскоши воздержимся, дабы не впасть въ нищету, которою врагъ (т. е. евреи) воспользуется, чтобы насъ закабалить. *Будемъ составлять приговоры о закрытіи винныхъ лавокъ*, а царя будемъ просить, чтобы доходъ съ вина замѣнилъ инымъ какимъ либо доходомъ отъ народнаго избытка, а не отъ порока, раззоряющаго народъ».

«Торговлю пускай русскіе купцы во всѣхъ городахъ и селахъ открываютъ и крестъ цѣлуютъ на томъ, чтобы честно торговать; русскіе же люди повсюду пускай тоже крестъ цѣлуютъ все у тѣхъ цѣловальниковъ покупать и все имъ продавать и ничего не покупать у іудеевъ и ничего не продавать имъ, хотя бы они и предлагали лучшія условія, себѣ въ убытокъ, чтобы только избавиться отъ русскаго купца и опять захватить торговлю». Съ этою же цѣлью необходимо введеніе «національнаго кредитнаго рубля», дабы не поставить русскаго человѣка въ зависимость отъ іудея, какъ главнаго обладателя золота; при этомъ характерна такая подробность: печатаніе билетовъ, по предложенію г. Бутьми, должно находиться *подъ наблюденіемъ «присяжныхъ повѣрщиковъ»*.

Что касается самодержавія, — то оно должно оставаться по прежнему. «Въ защиту его станемъ грудью и не допустимъ умаленія его никакими іудейскими измышленіями».

Впрочемъ, на этотъ счетъ авторъ приводитъ нѣкоторыя свои мысли, высказанныя имъ «въ Москвѣ среди русскихъ людей». По его мнѣнію, «самодержавіе необходимо сохранить, какъ исконный русскій государственный строй. Но къ порядку послѣднихъ лѣтъ возвращаться нельзя. Это было самодержавіе не царя, а министровъ, или, скорѣе, одного министра. Бюрократическій строй создавалъ стѣну между царемъ и народомъ, и черезъ эту стѣну до царя не доходилъ голосъ народа о народныхъ нуждахъ, и до народа не всегда доходила благая воля царя».

Рядомъ манифестовъ царь объявилъ о созывѣ Государственной Думы но... спрашивается, имѣлъ ли онъ на это какія-нибудь полномочія? По мнѣнію автора, не имѣлъ, и вотъ почему:

«Если Государственная Дума призвана быть представительницей народныхъ нуждъ передъ царемъ, то она должна получить свои полномочія *отъ самого народа*, т. е. отъ Великаго Земскаго собора. Только Земскій Соборъ можетъ разрѣшить вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ толковать манифестъ 17-го октября и какое ему придавать значеніе» (стр. 34). Соборъ же долженъ состоять изъ выборныхъ отъ четырехъ «коренныхъ» русскихъ сословій и представителей казачества. Признавая его за высшую власть, за верховную

волю народа, за «гласъ Божій», авторъ надѣется, что онъ перерѣшитъ волю монарха совсѣмъ въ иную сторону, чѣмъ она выразилась въ манифестѣ 17-го октября, что избранные въ Земскій Соборъ люди возстановятъ крѣпкую царскую власть и установятъ строгій порядокъ и безпощадное примѣненіе законовъ, одинаково грозныхъ для великихъ злодѣевъ, какъ и для мелкихъ преступниковъ. Относительно же всякихъ свободъ... «О какой свободѣ идетъ рѣчь?—недоумѣваетъ авторъ:—если о волѣ, то волю вѣдь далъ русскому народу царь освободитель еще въ 1861 году. Или рѣчь идетъ о «полной» свободѣ?—Полная свобода существовала въ очень древнія времена, когда люди, еще не стѣсняемые никакими законами, бѣгали нагими, не знали огня, пожирали сырую пищу». Впрочемъ, авторъ говоритъ это такъ себѣ, для краснаго словца, на самомъ же дѣлѣ онъ прекрасно знаетъ, о какихъ свободахъ идетъ рѣчь, и манифестъ 17-го октября, видимо, сильно смущаетъ его. Ему хочется во что бы то ни стало доказать его непригодность, ненужность и вредъ, и съ этою цѣлью онъ въ другой своей книжкѣ («Враги рода человѣческаго»), тоже посвященной Союзу русскаго народа, прибѣгаетъ къ особому, кабалистическо-мистическому способу.

Дѣло въ томъ,—говоритъ онъ—что манифестъ о свободахъ былъ изданъ 17-го октября. Октябрь по старинному лѣтосчисленію является мѣсяцемъ восьмымъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ числа 8 и 17 довольно часто связываются съ знаменательными событіями, напр., въ книгѣ Бытія, въ 1-й главѣ очень часто повторяется: «и былъ вечеръ и было утро», со второй же главы вплоть до 7-й о смѣнѣ дня не упоминается, и впечатлѣніе получается такое, что всѣ перечисленныя здѣсь событія: искушеніе Евы зміемъ, изгнаніе изъ эдема, убіеніе Авеля Каиномъ—«происходятъ будто бы въ одинъ день, и именно въ *день осьмый*». Связь между этими числами 1, 7, 8—такова: 1+7=8 или 17 и 8.

Затѣмъ произошелъ всемірный потопъ. Начало его было «*во вторый мѣсяцъ, въ семнадцатый день*» (Бытіе, гл. 7 ст. 11). Но что такое «вторый» мѣсяцъ? Это оказывается вовсе не «вторый», а *осьмый*, такъ какъ онъ, по еврейскому исчисленію, совпадаетъ съ нашимъ октябремъ, а нашъ октябрь мѣсяцъ хотя и десятый, но если считать его по старинному лѣтосчисленію, то выйдетъ восьмой, значитъ, и здѣсь повторяются числа 8 и 17. Затѣмъ—остановка ковчега на горѣ Араратъ, основаніе храма Соломона, окончаніе постройки его, остановка золотыхъ идоловъ въ Веѳилѣ, наконецъ, возобновленіе постройки храма Господня,—всѣ эти событія непремѣнно связываются или съ цифрою 17 или 8, или съ той и съ другой. Только нужно умѣть разбираться, когда считать по-древне еврейски, когда по ново-еврейски, когда по-русски и когда по-древне русски.

Подгоняя и подкраивая даты всевозможныхъ событій авторъ

привязываетъ цифры 8 или 17 и къ основанію массонской ложи, и къ году французской революціи (1789, т. е. 17 и 8+9=17) и къ требованію рабочими 8-ми часового дня, и къ крушенію царскаго поѣзда въ Боркахъ, и къ разрѣшенію продажи акцій Еврейскаго Колоніальнаго Банка и—самое главное, къ манифесту 17-го октября 1905 г., когда создалось «въ Россіи положеніе общаго недоумѣнія, повергшаго нашу родину въ неописуемую смуту, положившаго начало кровопролитіямъ междоусобной войны» (стр. 111).

Я просмотрѣлъ три или четыре брошюры, и въ головѣ моей всталъ вопросъ: что можетъ вынести простой человѣкъ, познакомившись съ этой литературой? Какой невообразимый хаосъ долженъ получиться у него отъ всѣхъ этихъ требованій, гдѣ желаніе гражданскихъ свободъ перемежается съ отчаянными человѣконенавистническими идеями, желаніе «стоять за самодержавіе» съ созывомъ учредительнаго Земскаго Собора, созыва Думы съ толкованіемъ о массонахъ и кабалистическими выкладками и т. д., и т. д. Во всей этой «патріотической» литературѣ имѣется только одинъ общій мотивъ, одно общее желаніе, котораго, отчасти за недостаткомъ мѣста, отчасти потому, что оно всѣмъ давно извѣстно, я почти не касался; это призывъ ненавидѣть евреевъ и революціонеровъ. Но сейчасъ передо мной прошла цѣлая вереница «черносотенниковъ», и ни отъ одного изъ нихъ (кромѣ буфетчика, т. е. лица, близко заинтересованнаго въ дѣлѣ союза) я не слышалъ полнаго подтвержденія этихъ человѣконенавистническихъ взглядовъ.

Во всякомъ случаѣ мои наблюденія показали мнѣ, что между «Русскимъ Знаменемъ» и членами Союза нѣтъ полнаго тождества и, быть можетъ, нѣтъ даже тѣсной связи. Насколько «Русское Знамя» автономно и самостоятельно въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, настолько и члены Союза независимы въ своихъ сужденіяхъ и помыслахъ. Сѣрая темная масса, попавшая въ «Союзъ русскаго народа» по множеству разныхъ причинъ, сама, своимъ собственнымъ умомъ выискиваетъ пути для выхода изъ теперешней анархіи и, какъ мнѣ показалось, нѣкоторыя мысли, почерпнутыя изъ разныхъ брошюръ, дѣйствительно пускаются въ ходъ, но только послѣ того, какъ онѣ пройдутъ черезъ горнило собственной критики и въ сопровожденіи собственныхъ комментаріевъ.

П. Тимофеевъ.

Выборы въ германскій рейхстагъ.

(*Письмо изъ Германіи*)

13-го декабря (по нов. ст.) былъ распущенъ рейхстагъ, а 25-го января состоялись новые выборы. Причиной распущенія, какъ извѣстно, было отклоненіе большинствомъ рейхстага требованія правительства отпустить кредитъ въ размѣрѣ 29 милліоновъ марокъ на подавленіе возстанія герерро въ нѣмецкихъ африканскихъ колоніяхъ. Характерно, что вопросы милитаризма (а въ нѣмецкой колоніальной политикѣ играютъ значительную роль милитаристическія тенденціи германской правящей бюрократіи) не разъ уже являлись рѣшающими участь рейхстага. Такъ, въ 1887 году былъ распущенъ рейхстагъ, потому что большинство его—свободомыслящіе, партія центра и соціалъ-демократія—отклонили предложеніе правительства, требовавшее увеличенія военныхъ расходовъ въ теченіе 7 лѣтъ. Свободомыслящіе и центръ соглашались лишь на трехгодичный періодъ, соціалъ-демократы высказывались противъ всякаго усиленія милитаризма. Въ 1893 году рейхстагъ опять былъ распущенъ, потому что большинство рейхстага не согласилось съ такъ называемой «Militärvorlage». Какъ видимъ, милитаризмъ уже нѣсколько разъ служилъ яблокомъ раздора между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Германскіе правящіе круги придаютъ такое большое значеніе усиленію милитаризма, что на всякое противодѣйствіе въ этомъ отношеніи со стороны рейхстага они немедленно отвѣчаютъ распущеніемъ послѣдняго. Но если въ 1887 и 1893 году дѣло шло о болѣе или менѣе важныхъ сторонахъ германской политики, то на сей разъ при распущеніи рейхстага игралъ роль весьма маловажный факторъ этой политики—нѣмецкія колоніи. Въ отличіе отъ Испаніи, Франціи, Англіи, Нидерландовъ и другихъ государствъ, ведущихъ колоніальную политику съ XVII вѣка, Германія начала вести колоніальную политику только съ середины 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. До 1884 года Германія относилась отрицательно къ колоніальной политикѣ. Она, правда, гарантировала отдѣльнымъ нѣмецкимъ купцамъ и предпринимателямъ, жившимъ за границей, дипломатическую и, когда требовалось, военную охрану, но о расширеніи своихъ владѣній Германія не думала.

Еще въ 1884 году Бисмаркъ выражался: «наша цѣль — не провинціи основывать, а коммерческія предпріятія». Но послѣдующіе годы показали, что германское правительство вступило уже на путь захвата и завоевыванія отдѣльныхъ колоній. Интересно от-

мѣтить, что рейхсканцлеръ Каприви отрицательно относился къ колоніальной политикѣ. Каприви принадлежатъ извѣстныя слова: «чѣмъ меньше колоній, тѣмъ лучше». Гогенлоэ уже стоялъ за расширеніе и развитіе нѣмецкихъ колоніальныхъ владѣній, а Бюловъ является еще болѣе энергичнымъ защитникомъ колоніальной политики, чѣмъ его предшественникъ. Нѣмецкія колоніи за время ихъ существованія явились тяжелымъ бременемъ для нѣмецкаго народа. По вычисленіямъ нѣкоторыхъ газетъ, всѣ расходы на колоніальныя цѣли за время отъ 1885 до 1907 года равнялись колоссальной суммѣ въ 1,475 милліоновъ марокъ. Колоніальный бюджетъ растетъ съ каждымъ годомъ. Такъ, въ 1885 году расходы на колоніи равнялись всего 348,000 марокъ, въ 1904 году уже 1,49¼ милліонамъ. Что же, спрашивается, даютъ нѣмецкія колоніи Германіи? Если мы разсмотримъ торговлю Германіи съ колоніями, то мы увидимъ, что торговля эта весьма и весьма мизерна. Весь торговый оборотъ Германіи съ колоніями за періодъ отъ 1885 до 1904 года равнялся 318 милліонамъ марокъ. Какъ ничтожна эта сумма, показываетъ уже тотъ фактъ, что за одинъ только годъ (1905) изъ Германіи было вывезено въ маленькую Швейцарію на сумму 369,8 милліоновъ марокъ. Какъ видимъ, сумма вывоза изъ Германіи въ Швейцарію въ теченіе одного года выше всей суммы торговыхъ оборотовъ Германіи съ колоніями за 20 лѣтъ. Въ 1905 году обороты всей внѣшней торговли съ колоніями равнялись 64 милліонамъ марокъ; между тѣмъ вся внѣшняя торговля Германіи достигла въ томъ-же году 13,270 милліоновъ марокъ; это значитъ, что торговля Германіи съ колоніями представляетъ собой немногимъ меньше $^1/_{200}$ части общей суммы оборотовъ внѣшней торговли. Всѣ эти данныя ясно говорятъ, какую роль играютъ нѣмецкія колоніи въ общей хозяйственной жизни Германіи. Стоитъ отмѣтить еще «выгодность» арендованной на 99 лѣтъ колоніи Кіачоу. Эта колонія потребовала за время отъ 1899 г. до 1907 года (включая сюда и бюджетный проектъ на 1907 годъ) расхода въ суммѣ 111 милліоновъ марокъ. Вывозъ же изъ Кіачоу въ Германію равенъ за все это время нулю.

Германская промышленность не особенно нуждается въ колоніяхъ. Она выросла, окрѣпла и сдѣлала колоссальные успѣхи на міровомъ рынкѣ безъ всякой связи съ колоніями. Если еще прибавить, что характеръ нѣмецкихъ колоній таковъ, что о расширеніи торговли въ будущемъ тоже нельзя думать, то станетъ ясно, какую язву для страны представляютъ собой колоніи. Нѣмецкія колоніи выгодны только кучкѣ бюрократовъ, желающихъ поживиться въ колоніяхъ, да небольшой горсточкѣ германскихъ предпринимателей, прокладывающихъ въ колоніяхъ желѣзныя дороги и пр. Весь-же народъ и особенно трудящаяся масса разсматриваютъ колоніи, какъ ненужное и убыточное предпріятіе, являющееся къ тому же источникомъ конфликтовъ съ другими колоніальными дер-

жавами. Говоря о нѣмецкой колоніальной политикѣ, нельзя пройти мимо «цивилизаторской» политики нѣмецкихъ «культуртрегеровъ» въ колоніяхъ. Облетѣвшія весь міръ разоблаченія Бебеля, Рэрэна и другихъ депутатовъ рейхстага раскрыли страшную картину жестокостей по отношенію къ туземцамъ, которыя проявляютъ нѣмецкіе колонисты. Достаточно привести имена принца Аренберга, Велана, Петерса и др., чтобы читатель получилъ представленіе о томъ, до какого варварства доходятъ многіе изъ германскихъ «цивилизаторовъ». Гererро разстрѣливаютъ изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ, какъ собакъ, и такія дѣянія большей частью остаются безнаказанными. Нарушенія женской чести, насилія надъ туземками — обычное явленіе. Жестокое обхожденіе съ дѣтьми, самое грубое надувательство туземцевъ, стремленіе уничтожить все племя герерро — вотъ каковы черты «христіанской» политики колоніальной бюрократіи. Приведемъ одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ. Генералъ Трота, усмиритель возставшихъ герерро, издалъ во время подавленія возстанія приказъ, въ которомъ онъ велитъ своимъ солдатамъ безпощадно убивать женъ и дѣтей герерро.

Нѣмецкая колоніальная политика встрѣчаетъ сильную оппозицію со стороны трудящихся слоевъ населенія еще и потому, что она вызываетъ увеличеніе расходовъ на флотъ. Такъ, въ 1880—1881 г. на флотъ было истрачено всего 38 003,800 марокъ, въ 1907 г., согласно проекту бюджета, предполагается истратить 278 милліоновъ марокъ—увеличеніе весьма значительное. Ростъ расходовъ на флотъ является, въ свою очередь, одной изъ причинъ увеличенія налоговъ, ложащихся тяжелымъ бременемъ на широкія массы населенія.

Германская колоніальная политика, со всѣми ея безобразіями и ужасами, вызвала протестъ даже со стороны центра—той самой партіи, которая до послѣдняго времени поддерживала правительство въ его колоніально-политической дѣятельности. Колоніальные скандалы и колоніальныя безобразія приняли такіе размѣры, что партія центра, имѣющая въ составѣ своихъ избирателей значительныя массы крестьянъ и городской мелкой буржуазіи, т. е. такіе соціальные слои населенія, которые страдаютъ отъ авантюристской, дорого стоющей колоніальной политики,—должна была, наконецъ, выступить съ протестомъ и показать своимъ избирателямъ, что она защищаетъ ихъ интересы.

Буржуазная пресса (безъ различія направленій) склонна была видѣть въ распущеніи рейхстага обдуманный и строго взвѣшенный актъ со стороны правительства, которое воспользовалось фактомъ оппозиціи центра въ незначительномъ пунктѣ нѣмецкой политики—колоніальной политикѣ, какъ поводомъ для окончательнаго разрыва съ центромъ, съ тѣмъ самымъ центромъ, съ которымъ оно, правительство, идетъ рука объ руку въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ.

На нашъ взглядъ такое объясненіе распущенія рейхстага абсо-

лютно невѣрно. Германское правительство не хотѣло и не можетъ порвать связь съ центромъ уже по тому одному, что какъ центръ, такъ и правительство тѣсно связаны общими принципами и общей политикой. Изъ за одного отклоненія «Regierungsvorlage» центръ не сдѣлался оппозиціонной партіей. Онъ потерялъ свой оппозиціонный и якобы демократическій характеръ уже давно. Центръ, какъ извѣстно, обязанъ своимъ развитіемъ «культуркампфу» - борьбѣ правительства противъ іезуитовъ и католической церкви. Инсценированіе «культуркампфа» было крупной политической ошибкой со стороны Бисмарка, ибо центръ за время его преслѣдованія, какъ партія преслѣдуемая, пріобрѣлъ огромную силу въ католическихъ мѣстностяхъ Германіи. И въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, когда центръ былъ преслѣдуемой партіей, онъ носилъ болѣе или менѣе демократическій характеръ, призывалъ къ «истинѣ, свободѣ и праву» (лозунгъ центра), представлялъ собой оппозицію правительству и отказывался исполнять требованія послѣдняго объ ассигнованіи рейхстагомъ крупныхъ суммъ на войско и флотъ. Такъ, центръ голосовалъ въ 1874, въ 1880 и въ 1881 гг. противъ милитаристскихъ законопроектовъ правительства. Въ избирательномъ воззваніи центра при выборахъ въ 1884 году мы читаемъ: «Мы стремимся не къ увеличенію налоговъ, а къ ихъ справедливому распредѣленію и скорѣйшему уменьшенію. Сокращенія расходовъ, и прежде всего расходовъ на войско—вотъ чего мы требуемъ». Но съ началомъ 90-хъ годовъ картина мѣняется. «Культуркампфъ» прекратился, и центръ изъ партіи, гонимой и преслѣдуемой, превратился въ партію господствующую. И онъ обнаружилъ при этомъ всю свою реакціонную сущность. Онъ утратилъ свой прежній оппозиціонный характеръ и сдѣлался, какъ говорятъ нѣмцы, «regierungsfähig». Начиная съ начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, центръ дѣйствуетъ солидарно съ правительствомъ, идетъ съ нимъ рука объ руку во всѣхъ важныхъ мѣропріятіяхъ. Онъ сдѣлался правительственной партіей и, воспользовавшись своимъ вліяніемъ въ имперіи и въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ (Баваріи, Пруссіи), началъ обнаруживать свои истинныя стремленія и накладывать свою тяжелую руку на всѣ проявленія общественной жизни. Клерикально-реакціонныя теченія стали господствовать въ Германіи. Во всѣхъ анти-демократическихъ мѣропріятіяхъ послѣдняго времени (таможенный тарифъ, торговые договоры, новые налоги въ размѣрѣ 200 милліоновъ марокъ, усиленіе расходовъ на войско и флотъ, клерикализація школы въ Пруссіи и пр.) самое главнѣйшее и дѣятельное участіе принималъ центръ. Интересно отмѣтить, что уже въ 1890 г. большая часть членовъ фракціи центра голосовала за «Militärvorlage», а въ послѣдующіе годы весь центръ голосовалъ за новое увеличеніе военныхъ расходовъ; такъ, въ 1897 году — за артиллерійскій законопроектъ (14 милліона марокъ); въ 1898 году — за «Militärvorlage»; въ 1899 году — за флотскій законопроектъ

(409 милліоновъ марокъ); въ 1900 году—за второй флотскій законопроектъ; въ 1905 году—за «Militärvorlage» и въ 1906 году—за третій флотскій законопроектъ. Центръ всей своей тактикой въ теченіе последнихъ 15-ти лѣтъ одинъ отвѣтственен за плачевное положеніе нѣмецкихъ финансовъ. Непомѣрное увеличеніе государственнаго долга Германіи (въ 1888 году онъ равнялся 721 милліону марокъ, а 1 октября 1906 года—3.803 милліонамъ марокъ) есть только слѣдствіе политики центра за послѣднее время. Центръ со своими 102 депутатами въ старомъ рейхстагѣ фактически держалъ въ своихъ рукахъ кормило правленія, и никакой законъ не могъ быть принятъ, если того не хотѣлъ всемогущій центръ. Въ виду такого положенія вещей, правительство стало всячески заигрывать съ центромъ. Бюловская политика рѣзко характеризуется желаніемъ дѣлать всякія уступки когда-то преслѣдуемой партіи.

Такимъ образомъ создалась самая тѣсная связь правящихъ круговъ Германіи съ центромъ. Центръ на своихъ католическихъ съѣздахъ, въ прессѣ и въ парламентѣ выражаетъ одобреніе правительству, съ другой же стороны—Вильгельмъ II неоднократно высказывалъ свои симпатіи центру, той самой партіи, которую Бисмаркъ считалъ революціонной, анти-національной, подкапывающейся подъ основы имперіи. Современное германское правительство уже по тому одному могло жить въ дружбѣ съ центромъ, что какъ въ правительствѣ, такъ и въ центрѣ тонъ задаютъ крупные аграріи.

Итакъ, мы видимъ, что о послѣдовательной, серьезной оппозиціи со стороны центра рѣчи быть не можетъ; нельзя также говорить и о желаніи правительства порвать дружбу со своимъ ближайшимъ пособникомъ—центромъ. Если же центръ въ послѣднее время игралъ оппозиціонную роль въ вопросахъ, связанныхъ съ колоніальной политикой германскаго правительства, то это объясняется чисто партійными соображеніями центра, его опасеніями потерять свое вліяніе въ крестьянствѣ и въ расположенной къ нему части католическихъ рабочихъ. Дѣло въ томъ, что центръ не могъ не замѣтить, какъ въ послѣднее время его вліяніе стало колебаться въ нѣкоторыхъ рабочихъ центрахъ рейнско-вестфальской провинціи. Въ рурскомъ округѣ среди горныхъ рабочихъ есть значительная часть католическихъ рабочихъ (приблизительно 200—300 тысячъ), голосующихъ за центръ и слѣдующихъ его политикѣ. Но въ самое послѣднее время среди этой группы возникло недовольство по отношенію къ центру. Рабочіе увидѣли, что центръ, въ которомъ преобладаютъ капиталисты и крупные аграріи, не только ничего не дѣлаетъ въ пользу рабочаго класса, но даже при его содѣйствіи былъ изданъ рядъ мѣропріятій, идущихъ въ ущербъ рабочему классу. Христіанскіе рабочіе союзы были особенно недовольны положеніемъ, занятымъ центромъ въ

вопросахъ, связанныхъ съ насущными интересами трудящихся: въ таможенной политикѣ и въ увеличеніи налоговаго бремени. Центръ, желая умиротворить рабочихъ, ропотъ и протестъ которыхъ все возрасталъ, рѣшилъ выступить въ роли защитника народныхъ интересовъ, и эту роль онъ рѣшилъ сыграть на наиболѣе больномъ мѣстѣ германской правительственной политики—на колоніяхъ. Не искреннее желаніе положить конецъ всѣмъ безобразіямъ, всѣмъ ужасамъ варварскихъ дѣяній германскихъ бюрократовъ въ колоніяхъ, не искреннее желаніе ликвидировать всю пагубную колоніальную политику германскаго правительства руководили центромъ въ послѣднее время, когда онъ будировалъ противъ правительства. Устранить только особенно темныя стороны колоніальной политики—вотъ цѣль, преслѣдовавшаяся центромъ, и на это его толкало оппозиціонное настроеніе извѣстной части его избирателей. Кромѣ того, центръ, вѣроятно, никакъ не ожидалъ наступившихъ послѣдствій своей оппозиціи; онъ полагалъ, что и на сей разъ споръ закончится перемиріемъ, и обѣ стороны пойдутъ на уступки. Но случилось иное. Изъ-за незначительнаго по существу конфликта рейхстагъ былъ распущенъ и распущенъ съ позоромъ: всѣ газеты сообщали изъ весьма надежныхъ источниковъ, что Вильгельмъ II передъ распущеніемъ послалъ Бюлову депешу такого содержанія: «Я разгоняю всю эту банду по домамъ».

Что же, спрашивается, послужило поводомъ для распущенія? Правительство съ центромъ, какъ мы говорили, живутъ въ тѣсной дружбѣ и заинтересованы въ томъ, чтобы поддерживать ее; значитъ, какіе-нибудь другіе факторы играли роль при распущеніи рейхстага. На нашъ взглядъ—актъ распущенія рейхстага есть самоличный актъ Вильгельма II, есть слѣдствіе всей той абсолютистской политики, которая такъ часто проявляется въ Германіи. Въ Германіи правитъ не правительство, а Вильгельмъ II. Всѣ министры—пѣшки въ его рукахъ. Личное управленіе, цезаризмъ окрашиваетъ всю политику Германіи, начиная со вступленія на престолъ Вильгельма II. Сейчасъ же послѣ своего восшествія на престолъ, Вильгельмъ II произнесъ знаменитыя слова: «Я хочу быть своимъ собственнымъ канцлеромъ». Въ дальнѣйшихъ многочисленныхъ рѣчахъ Вильгельма II ясно проглядываютъ его взгляды, его абсолютисткія стремленія—стремленія вершить судьбами своей страны самовольно, самодержавно, не считаясь ни съ народнымъ представительствомъ, ни съ настроеніемъ народа. Черезъ всѣ рѣчи Вильгельма II красной нитью проходитъ самообожаніе. Вильгельмъ II считаетъ себя королемъ не «милостью народа», а «милостью Божьей», единственно отвѣтственнымъ носителемъ всей германской политики; онъ желаетъ быть и своимъ собственнымъ рейхсканцлеромъ, и своимъ собственнымъ фельдмаршаломъ. Вильгельмъ II находитъ нужнымъ вмѣшиваться во всѣ мелочи политической жизни. Его импульсивная натура реагируетъ на всевозможныя проявленія общественной жизни.

Онъ не стоитъ внѣ и выше партій, а откликается и высказываетъ свои подчасъ очень рѣзкія сужденія по различнымъ вопросамъ политики. То онъ нападетъ на «молодцевъ» (Kerli), подразумѣвая въ данномъ случаѣ депутатовъ рейхстага, то онъ рѣзко высказывается «о неимѣющихъ отечества парняхъ» (vaterlandslose Gesellen), и т. д. Просматривая рѣчи Вильгельма II, вы видите всюду, какъ онъ превозноситъ значеніе своего императорства. «Мы, Гогенцоллерны, беремъ нашу корону только у неба и только передъ небомъ отвѣтственны въ возложенныхъ на насъ обязанностяхъ». Въ 1897 году въ Кобленцѣ онъ говоритъ о своемъ дѣдѣ Вильгельмѣ I: «это король Божьей милостью». Всюду вы видите провозглашеніе своего «я». «Мой курсъ самый правильный, и я его буду дальше держать»; въ 1891 г. онъ говоритъ: «существуетъ одинъ только господинъ въ имперіи, и другихъ я не потерплю»; въ 1891 году, во время посѣщенія городской ратуши въ Мюнхенѣ, онъ расписался въ книгѣ посѣтителей и приписалъ слѣдующее изреченіе: Suprema lex Regis Voluntas (воля монарха—верховный законъ).

Вильгельмъ II, какъ видимъ, натура властная, желающая налагать свою волю на всѣ проявленія политической жизни. Все то, что стоитъ на пути его желаній и намѣреній, должно быть сметено. Вильгельмъ II встрѣчаетъ оппозицію парламента, и сейчасъ же выступаетъ импульсивность его натуры, его абсолютистскій характеръ: отдается приказъ о разгонѣ «банды». Если же мы вспомнимъ, что Вильгельмъ II является ревностнымъ сторонникомъ колоніальной и вообще мировой политики, то станетъ понятно, насколько раздражала его оппозиція рейхстага. Извѣстно, что Вильгельмъ II является романтикомъ міровой политики. Міровое господство, господство на морѣ является его завѣтной мечтой. Это видно изъ его многочисленныхъ рѣчей. 18 февраля 1896 г. Вильгельмъ II заявляетъ: «Наша германская имперія сдѣлалась міровымъ государствомъ; тысячи нашихъ земляковъ живутъ во всѣхъ частяхъ земли»; въ 1897 году Вильгельмъ II при освященіи памятника въ Кельнѣ говоритъ: «Богъ моря съ трезубцемъ въ рукѣ—это знакъ того, что съ тѣхъ поръ, какъ наша имперія объединилась, мы имѣемъ другія задачи на свѣтѣ. Трезубецъ долженъ быть въ нашей рукѣ». Въ 1895 году въ одной изъ рѣчей Вильгельмъ II нарисовалъ картину своего государства, которое «простирается до ледяного сѣвернаго полюса и далекаго южнаго полюса». 6-го августа 1900 года въ рѣчи къ солдатамъ онъ удостовѣряетъ, что «рука германскаго императора простирается до самыхъ отдаленныхъ концовъ свѣта». Въ Саарбургѣ Вильгельмъ II выражаетъ пожеланіе, чтобы его государство пріобрѣло значеніе, «какъ нѣкогда римская міровая имперія». 18-го іюня 1901 года въ Гамбургѣ Вильгельмъ II произнесъ рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ: «Наше будущее лежитъ на морѣ. Я могу поэтому

радоваться всякому жителю ганзейскихъ городовъ, который идетъ и ищетъ на широкомъ Божьемъ мірѣ новыхъ пунктовъ, гдѣ мы могли бы вбить гвоздь для того, чтобы на немъ повѣсить наше оружіе».

Всѣ эти рѣчи не двусмысленно указываютъ на то, какимъ ярымъ сторонникомъ мірового захвата является Вильгельмъ II. И вотъ, въ этомъ излюбленномъ пунктѣ ему смѣютъ противорѣчить! Вильгельмъ II по существу своему не можетъ примириться съ существованіемъ учрежденія, тоже имѣющаго полномочія при рѣшеніи судебъ народа.

Абсолютизмъ Вильгельма II никакъ не можетъ согласоваться съ народнымъ представительствомъ. Конфликтъ между личной властью Вильгельма II, между его волей, накладывающей свою печать на всю политику, и волей народа долго назрѣвалъ и, наконецъ, разразился. Актъ распущенія рейхстага вызвалъ наружу находившееся все время въ потенціальномъ состояніи противорѣчіе между двумя принципами германской политической жизни за послѣднее время: принципомъ абсолютизма, самодержавія и принципомъ демократизма, народовластія. Эта борьба между императоромъ и народомъ должна была наступить. Отклоненіе рейхстагомъ правительственнаго предложенія явилось лишь случайнымъ поводомъ конфликта. Въ виду этого, избирательная борьба имѣла особенно важное значеніе. Не о колоніальной политикѣ, не о борьбѣ съ центромъ здѣсь дѣло шло — здѣсь столкнулись два врага, два враждебныхъ принципа: самодержавіе и народовластіе.

Германская соціалъ-демократія, единственная истинно демократическая партія въ странѣ, такъ именно и поняла значеніе политическаго момента, а потому въ избирательной борьбѣ лозунгъ: «защита парламентаризма и уничтоженіе абсолютизма» игралъ для нея главную роль. Какъ мы увидимъ ниже, характерною чертою выборной кампаніи 1905 г. явился сплоченный союзъ всѣхъ буржуазныхъ партій противъ соціалъ демократіи.

II.

Избирательная борьба началась сейчасъ же послѣ распущенія рейхстага, и съ момента своего возникновенія носила ожесточенный характеръ. Всѣ партіи мобилизовали всѣ свои силы, все было пущено въ ходъ, интенсивность германской политической жизни въ теченіе 7 недѣль избирательной кампаніи поднялась до рѣдкой высоты. Все вниманіе политическихъ круговъ Германіи было обращено въ одну сторону—на выборы 25-го января.

Чтобы дать болѣе или менѣе полную картину протекшей избирательной борьбы въ Германіи, намъ, прежде всего, необходимо обрисовать позиціи главныхъ германскихъ политическихъ партій

во время избирательной кампаніи. Начнемъ съ партіи католическаго центра. Эта партія вынуждена была актомъ 13-го декабря занять оппозиціонную позицію, и понятно, что центръ въ этой неподходящей для себя роли обнаружилъ всю свою іезуитски-лицемѣрную тактику.

Центръ поднялъ въ своей прессѣ непривычный для него оппозиціонный тонъ и рисовалъ положеніе дѣлъ такимъ образомъ, будто въ Германіи затѣвается новый «Kulturkampf». Вожаки и публицисты центра въ душѣ прекрасно сознавали, что это невѣрно, что о новомъ культуркампфѣ рѣчи быть не можетъ, что правительство слишкомъ нуждается въ центрѣ, и что послѣдній, въ свою очередь, весьма многимъ обязанъ правительству.

Но практическія соображенія побудили центръ занять положеніе преслѣдуемой и угнетенной партіи: вообще оппозиція имѣетъ въ глазахъ избирателей больше привлекательности, чѣмъ поддержка и преданность оскандалившемуся правительству. Центръ, умѣющій угадывать настроеніе массъ, выступилъ въ избирательной борьбѣ (поскольку это можно было видѣть изъ прессы и изъ рѣчей ораторовъ на собраніяхъ) съ лозунгомъ, весьма популярнымъ въ народѣ: «противъ личнаго управленія!»

Въ краткомъ избирательномъ воззваніи центра мы читаемъ:

«Распущеніе рейхстага есть по нашему убѣжденію покушеніе на его положеніе, какъ самостоятельнаго, дѣйствующаго за своей собственной отвѣтственностью, равноправнаго фактора законодательства. Не командующая власть императора, а бюджетное право рейхстага—вотъ что составляетъ предметъ спора. Каждый изъ насъ обязанъ заступиться за конституціонныя права народнаго представительства».

Но если въ избирательномъ воззваніи говорилось о борьбѣ съ цезаризмомъ, то въ прессѣ и на собраніяхъ центръ провозглашалъ борьбу на два фронта: съ цезаризмомъ и съ «революціей», т. е. съ соціалъ-демократіей. Одинъ изъ вождей центра, Тримборнъ, на большомъ собраніи избирателей въ Кельнѣ объявилъ: «Мы не хотимъ никакого цезаризма, никакого абсолютистскаго управленія, но также и никакой революціи; мы — конституціонная партія. Въ настоящій моментъ мы являемся единственною опорою порядка!»

Для пополненія характеристики положенія центра въ протекшей избирательной кампаніи слѣдуетъ отмѣтить отношеніе къ соціалъ-демократіи со стороны «Kölnische Volkszeitung» (Кельнская народная газета), одной изъ вліятельнѣйшихъ газетъ центра. Эта газета писала: «Теперь, такъ же какъ и до мало значущаго парламентскаго столкновенія, центръ и соціалъ-демократія стоятъ другъ противъ друга въ острѣйшей, неизгладимой противоположности, основанной на діаметрально-противоположномъ міросозерцаніи обѣихъ партій, прежде всего, во всѣхъ касающихся религіи вопросахъ. Какъ и до 13-го декабря 1906 года, пароль партіи центра можетъ

быть только слѣдующій: «ни одного голоса за соціалъ-демократическаго кандидата!»

Центръ во время избирательной кампаніи использовалъ всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи силы и средства. Католическіе священники принимали самое дѣятельное участіе въ избирательной борьбѣ и въ своихъ проповѣдяхъ очень долго останавливались на «земныхъ» вопросахъ, убѣждая свою паству въ томъ, что голосовать необходимо только за членовъ центра. Главный аргументъ противъ соціалъ-демократіи, коимъ пользовался центръ въ своей агитаціи, это — антирелигіозность соціалъ-демократовъ. Необходимо признать, что этотъ аргументъ сильно дѣйствовалъ среди темнаго, суевѣрно-набожнаго католическаго крестьянскаго населенія. Страхъ передъ соціалъ-демократіей и ненависть къ этой партіи были главнымъ лейтмотивомъ всей тактики католическаго центра; это нагляднѣе всего доказали перебаллотировки, когда центръ голосовалъ за націоналъ-либераловъ противъ соціалъ-демократовъ, за тѣхъ самыхъ націоналъ-демократовъ, противъ которыхъ такъ яростно выступала до 25-го января вся пресса центра.

Если въ тактикѣ центра во время выборной кампаніи еще можно было подмѣтить нѣкоторыя черты, правда, фальшивыя, оппозиціоннаго характера, то въ избирательной тактикѣ другихъ буржуазныхъ партій ясно выступала тенденція поддержать во что бы то ни стало правительство и сломить соціалъ-демократію.

Консервативныя партіи и союзъ сельскихъ хозяевъ, эти старые друзья правительства, выступили въ избирательной борьбѣ со старыми своими лозунгами: высокія таможенныя пошлины, мѣры для поддержанія «средняго слоя» (Mittelstand'a), укрѣпленіе милитаризма и, наконецъ, самое главное, безпощадная борьба съ соціалъ-демократіей. Такъ, избирательное воззваніе нѣмецкой консервативной партіи прямо взывало къ имперской власти и ожидало отъ нея «энергичныхъ и сильныхъ мѣропріятій, которыя могли бы въ большей степени, чѣмъ прежде, противодѣйствовать анти-патріотическимъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ христіанской культурой германской имперіи стремленіямъ» соціалъ-демократіи.

Мы видимъ здѣсь прямой призывъ къ изданію исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ. Но этимъ консерваторы не ограничились. Многіе вліятельные консервативные органы печати: «Крестовая газета», «Post» (Почта), «Reichslote» (Имперскій вѣстникъ) ежедневно доказывали необходимость уничтоженія всеобщаго избирательнаго права.

Интересно отмѣтить, что въ нѣкоторой части консервативной прессы встрѣчались брань и угрозы и по адресу центра, той партіи, съ которой консерваторовъ тѣсно связываетъ общность принциповъ и политической дѣятельности.

Избирательное воззваніе консервативной партіи содержало въ себѣ слѣдующее мѣсто: «Мы отвергаемъ всякое недопустимое вмѣ-

шательство въ дѣла, находящіяся подъ отвѣтственностью правительства, а особенно въ дѣла, касающіяся веденія войны и командующей власти, и не потерпимъ никакого *посторонняго правительства*, отъ какой бы партіи оно не исходило». Здѣсь, конечно, подразумѣвается сила и мощь центра, сдѣлавшагося фактически вторымъ правительствомъ.

Консерваторы и юнкера, являвшіеся и являющіеся *главнымъ* правительствомъ, конечно, не довольны были появленіемъ на арену германской политической жизни партіи, сдѣлавшейся по своей силѣ вторымъ правительствомъ. Желаніе отстранить соперника и явиться единственнымъ вершителемъ судебъ германскаго народа—вотъ что руководило консервативными партіями, когда онѣ въ началѣ избирательной кампаніи выступали противъ центра и даже призывали къ борьбѣ съ нимъ. Консерваторы вообще противъ всякаго парламентаризма, они усматриваютъ во всякомъ усиленіи вліянія парламента на правительство ущербъ для своихъ интересовъ, ибо современное германское правительство есть, перефразируя извѣстное выраженіе Энгельса, контора прусскаго юнкерства. Нѣмецкія консервативныя партіи враги конституціонной системы, и ихъ завѣтная мечта состоитъ въ томъ, чтобы Германія управлялась по старой формулѣ:

«Unser König absolut, wenn er unsern Willen thut».

И характерно, что консервативная печать, выступавшая въ первые дни послѣ распущенія рейхстага противъ «антинаціональнаго» центра и громившая его за отсутствіе патріотизма, оскорбленіе національной чести и пр., сейчасъ же перемѣнила фронтъ, какъ только Бюловъ въ одной изъ своихъ рѣчей обѣщалъ уступки либераламъ, если только либералы одержатъ побѣду на выборахъ. Это обѣщаніе Бюлова настолько испугало консерваторовъ, что они сейчасъ-же начали восхвалять центръ и усиленно предостерегать отъ «поворота влѣво». Эта перемѣна фронта вполнѣ понятна: консервативныя партіи и партія центра стоятъ другъ къ другу гораздо ближе, чѣмъ консерваторы и нѣмецкія такъ называемыя либеральныя партіи.

Не далека отъ консерваторовъ націоналъ-либеральная партія. Эта партія утратила уже давно всякую тѣнь либерализма и является одной изъ разновидностей нѣмецкаго консерватизма. Націоналъ-либеральная партія въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ является самой ближайшей помощницей правительства. Націоналъ-либералы во всякое время знаютъ одну только тактику: слѣдовать за правительствомъ. Все, что правительство дѣлаетъ, находитъ у націоналъ-либераловъ одобреніе. Вѣрность императору и правительству—одинъ изъ основныхъ лозунговъ этой партіи. Послѣдній крупный актъ германскаго правительства—распущеніе рейхстага,—встрѣтилъ особенное одобреніе со стороны націоналъ-

либераловъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, правительство этимъ самымъ заявило о своемъ желаніи порвать съ центромъ.

Въ избирательномъ воззваніи націоналъ-либеральной фракціи рейхстага мы читаемъ: «наконецъ, можно вздохнуть свободно послѣ долгаго гнета! Въ теченіе многихъ лѣтъ центръ подавлялъ рейхстагъ, подавлялъ всеобщее представительство нѣмецкаго народа. Наша политика—есть политика національнаго достоинства, политика свободнаго развитія нашего народа, политика, требующая сильнаго, сознательнаго управленія имперскими дѣлами безъ участія *посторонняго* правительства». Кончается воззваніе словами: «Будемъ же всѣ держаться вмѣстѣ въ борьбѣ противъ центра и соціалъ-демократіи!» Какъ видитъ читатель, націоналъ-либералы особенно рѣзко нападаютъ на «гнетъ» центра и, подобно консерваторамъ, желаютъ устраненія посторонняго правительства. Ненависть націоналъ-либеральной партіи къ центру весьма понятна, ибо центръ, собственно, и занялъ то мѣсто, которое прежде принадлежало націоналъ-либераламъ. Было время, когда націоналъ-либеральная партія была самой большой, господствующей партіей въ рейхстагѣ; это было въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда націоналъ-либеральная партія стойко защищала принципы либерализма, когда она представляла собой оппозицію реакціоннымъ стремленіямъ нѣмецкихъ правительствъ и вожделѣніямъ юнкеровъ. Въ то время націоналъ-либералы были самой многочисленной партіей: въ 1874 г. націоналъ-либеральная партія въ рейхстагѣ имѣла 155 депутатовъ; но начиная съ 80-хъ годовъ исторія нѣмецкой націоналъ-либеральной партіи есть, съ одной стороны, исторія сплошной измѣны либеральнымъ завѣтамъ и принципамъ, а съ другой—исторія постепеннаго паденія. При выборахъ въ рейхстагъ въ 1903 году націоналъ-либералы съ большимъ трудомъ, путемъ компромиссовъ съ консервативными партіями, провели въ рейхстагъ только 51 депутата.

Въ то же самое время центръ, главнымъ врагомъ котораго во время культуркампфа была націоналъ-либеральная партія, выросъ и занялъ господствующее положеніе въ имперіи. Націоналъ-либералы, оттѣсненные на задній планъ и сдѣлавшіеся quantité négligeable въ политической жизни Германіи, хватаются, какъ утопающій за соломинку, за всякій поводъ для того, чтобы напомнить господство центра и опять занять старое положеніе. Надежды эти, конечно, напрасны, что и доказали выборы 25-го января. Націоналъ-либеральная партія потеряла всякій кредитъ въ глазахъ народа, и разсчетъ на то, что подъ ея знамя стекутся значительныя массы избирателей, является чистою утопіей. Въ протекшей избирательной кампаніи націоналъ-либералы обнаружили всю реакціонность своихъ тенденцій. Вождь націоналъ-либеральной партіи, Бассерманъ, писалъ по поводу распущенія рейхстага: «Фаланга отъ графа Каница до Блюменталя, отъ консерваторовъ до южно-гер-

манскихъ демократовъ образуется при перебаллотировкахъ; образуется такъ же, какъ она образовалась въ день распущенія рейхстага».

Къ правительственнымъ партіямъ принадлежали въ протекшей избирательной кампаніи и свободомыслящія группы. Въ Германіи существуютъ три фракціи такъ называемаго «буржуазнаго либерализма»: 1) «свободомыслящая народная партія» (Freisinnige Volkspartei); 2) «нѣмецкая народная партія» (Deutsche Volkspartei) и 3) «свободомыслящій союзъ» (Freisinnige Vereinigung). Всѣ эти три фракціи, представляющія собою нѣмецкій либерализмъ, находятся въ состояніи упадка. Нѣмецкій буржуазный либерализмъ уже не играетъ той крупной роли, какую онъ игралъ въ 70 хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Число его депутатовъ настолько малозначительно, что онъ въ рейхстагѣ не можетъ играть замѣтную роль. Нѣмецкій буржуазный либерализмъ получилъ при выборахъ въ рейхстагъ 1890 г. 1.307,480 голосовъ, въ 1903—всего 877 тысячъ голосовъ; число голосовъ, какъ видимъ, сильно уменьшилось, несмотря на то, что за эти 13 лѣтъ населеніе Германіи увеличилось на 11 милліоновъ.

Въ 1890 году въ рейхстагѣ было 76 депутатовъ, принадлежавшихъ къ фракціямъ буржуазнаго либерализма; въ 1903—всего 35. Но либерализмъ въ Германіи палъ не только количественно, а, что еще важнѣе, также и качественно. Это качественное паденіе выражается въ полнѣйшей неспособности нести старое знамя либерализма. Идеи демократизма, господствовавшія въ главной фракціи буржуазнаго либерализма, въ «свободомыслящей народной партіи» въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, одна за другой улетучиваются. Всѣ три вышеупомянутыя фракціи многочисленными фактами доказали, что онѣ утратили всякую связь съ либерализмомъ. Во время современнаго конфликта народнаго представительства съ абсолютной властью императора «свободомыслящіе и демократы» играли позорную роль. Свободомыслящая народная партія выступила даже защитницей правительства въ колоніальной политикѣ и голосовала за правительственное предложеніе. Какая иронія судьбы! Та самая партія, которая въ теченіе всего своего существованія боролась съ милитаристкими тенденціями германскаго правительства, та партія, которая всегда была въ оппозиціи по всѣмъ вопросамъ, касающимся милитаризма, флота и колоніальныхъ авантюръ,—эта самая партія вдругъ дѣлается пособникомъ и помощникомъ правительства въ его пагубной колоніальной политикѣ!

И сейчасъ же послѣ распущенія рейхстага нѣмецкіе «либералы» начали вести такую тактику, которая не двусмысленно указывала на полнѣйшую ихъ измѣну либеральнымъ принципамъ.

Всѣ три упомянутыя фракціи «либерализма» выпустили избирательное воззваніе, въ которомъ *ни слова* нѣтъ о защитѣ парламентскихъ правъ, о необходимости бороться съ абсолютизмомъ.

За то мы находимъ такое мѣсто: «мы защищаемъ всякое отвѣтственное правленіе имперскими дѣлами противъ безотвѣтственнаго посторонняго правительства и недопустимыхъ давленій, съ какой-бы стороны они ни исходили».

Какъ видите, это воззваніе точь въ точь совпадаетъ съ воззваніемъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ. Въ воззваніи «либераловъ» мы не находимъ ни единаго слова о всѣхъ темныхъ явленіяхъ современной германской жизни. «Либералы» вмѣсто того, чтобы пропагандировать необходимость объединенія съ соціалъ-демократами для совмѣстной борьбы съ господствующей и растущей реакціей въ Германіи, предлагаютъ свои услуги и вступаютъ въ сдѣлки съ германскимъ правительствомъ для борьбы съ центромъ и соціалъ-демократіей. «Либеральная» пресса и «либеральные» политическіе дѣятели хотѣли воспользоваться минутной ссорой центра съ правительствомъ и рѣшили объединиться съ послѣднимъ, дабы съ его помощью увеличить количество своихъ мандатовъ.

Не желаніе бороться съ реакціей въ Германіи руководило всей тактикой германскихъ «либераловъ», а единственное желаніе попытаться вернуть цѣною открытой измѣны либерализму свое старое положеніе. Погоня за мандатами привела «либераловъ» къ тому, что они съорганизовали блокъ съ націоналъ-либералами и рѣшили поддерживать консерваторовъ.

Въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ Готѣ и Бреславлѣ, свободомыслящіе уже при первомъ голосованіи голосовали за реакціонеровъ. Но позорная роль свободомыслящихъ особенно рѣзко выступила при перебаллотировкахъ. Казалось, что послѣ первыхъ выборовъ, когда обнаружилось, что лѣвая значительно ослабѣла, либералы поймутъ всю опасность, которая угрожаетъ культурному развитію Германіи, и рѣшатъ помогать самымъ энергичнымъ образомъ соціалъ-демократіи, т. е. совмѣстно съ ней бороться на перебаллотировкахъ противъ консерваторовъ. Но произошло иное; оправдалось то, на что многіе наблюдатели политической жизни Германіи уже давно указывали: либерализма въ Германіи нѣтъ. Нѣмецкіе такъ называемые либералы не дали пароля своимъ членамъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ боролись реакціонеръ и соціалъ-демократъ, голосовать за послѣдняго. Нѣтъ, во всѣхъ почти округахъ, гдѣ соціалъ-демократы боролись съ консерваторами и ультра-аграріями, либералы, какъ одинъ человѣкъ, голосовали за реакціонеровъ. Даже «свободомыслящій союзъ», это лѣвое крыло буржуазнаго «либерализма», тотъ самый союзъ, въ средѣ котораго находятся такіе истинно-либеральные политическіе дѣятели, какъ Науманнъ и Бартъ, не нашелъ нужнымъ выступить передъ перебаллотировками съ опредѣленнымъ и яснымъ лозунгомъ, направленнымъ противъ консерваторовъ. «Союзъ» ограничился лишь тѣмъ, что совѣтовалъ своимъ чле-

намъ «голосовать при перебаллотировкахъ только за тѣхъ кандидатовъ, которые своей программой и своей личностью даютъ увѣренность въ томъ, что они не будутъ служить дѣлу политической и духовной реакціи». Какъ видимъ, этотъ лозунгъ страдаетъ неопредѣленностью и не высказываетъ ясно, что свободомыслящіе должны при всякихъ обстоятельствахъ голосовать противъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ. Что касается праваго крыла—«свободомыслящей народной партіи»,—то эта партія не дала передъ перебаллотировками никакого общаго, обязательнаго для всѣхъ своихъ членовъ лозунга; центральное учрежденіе партіи предоставило свободу дѣйствія своимъ членамъ. Тактика свободомыслящихъ на перебаллотировкахъ 5-го февраля привела къ тому, что 32 избирательныхъ округа, гдѣ шла борьба между соціалъ-демократами и реакціонерами, попали въ руки послѣднихъ. Изъ этихъ 32 избирательныхъ округовъ на долю обѣихъ консервативныхъ партій (нѣмецко-консервативной и имперской) выпало 14 округовъ; на долю антисемитовъ—6 округовъ; на долю націоналъ-либераловъ—11 и на долю «союза сельскихъ хозяевъ»—1. Въ одномъ округѣ, въ Эльбингѣ, всѣ либералы голосовали при перебаллотировкѣ за Ольденбурга-Янушау, одного изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ народа. Ольденбургъ принадлежитъ къ ультра-аграріямъ и самымъ ярымъ противникамъ всеобщаго избирательнаго права.

Вотъ до какой степени сыграли нѣмецкіе «либералы» въ руку реакціи Нѣмецкіе реакціонеры были, конечно, въ восхищеніи отъ такой тактики «либераловъ». «Нѣмецкая аграрная корреспонденція»—органъ самыхъ крупныхъ аграріевъ—писала по поводу тактики «либераловъ» слѣдующее: «Свободомыслящіе почти всюду рѣшили въ округахъ, гдѣ консервативныя группы стоятъ противъ соціалъ-демократіи, голосовать за консерваторовъ. Мы искренне радуемся тому, что въ «свободомыслящей народной партіи» еще такъ живъ духъ честнаго ненавистника соціалистовъ, Евгенія Рихтера». Этотъ отзывъ ультра-аграріевъ о либералахъ есть наилучшая характеристика послѣднихъ. Нѣмецкій буржуазный либерализмъ похороненъ—вотъ одинъ изъ итоговъ протекшихъ германскихъ выборовъ. Даже Теодоръ Бартъ, одинъ изъ членовъ «свободомыслящаго союза», долженъ былъ дать слѣдующій отзывъ о тактикѣ свободомыслящихъ: «Весьма печально, пишетъ Бартъ въ своемъ журналѣ «Nation», то моральное паденіе, которое обнаружилъ нѣмецкій либерализмъ и, прежде всего, свободомыслящіе во время выборовъ. Политическая безпринципность при перебаллотировкахъ превзошла все, что мы когда-либо наблюдали въ Германіи. Какъ намъ это ни тяжело, но мы не можемъ замолчать правду, не можемъ не признать, что свободомыслящіе избиратели способствовали въ многочисленныхъ округахъ побѣдѣ худшихъ реакціонеровъ, шарфмахеровъ, аграріевъ и антисемитовъ, и все это дѣлалось изъ-за безумнаго страха передъ краснымъ призракомъ.

Многія довѣренныя лица свободомыслящей партіи открыто призывали своихъ единомышленниковъ голосовать за архи реакціонеровъ и антисемитовъ. Зрѣлище было полно позора».

Соціалъ-демократическая партія—единственная партія въ Германіи, выступившая съ вполнѣ опредѣленной и ясной программой. Соціалъ-демократы развили во время избирательной кампаніи свою агитацію до крайней интенсивности. Всѣ партійныя силы были употреблены въ дѣло, избирательныя собранія происходили тысячами, прокламаціи издавались милліонами. Во всѣхъ 397 округахъ были выставлены кандидаты. Рабочіе и, главнымъ образомъ, профессіональныя рабочія организаціи жертвовали большія суммы на избирательную кампанію.

Тактика германской соціалъ-демократіи во время перебаллотировокъ была слѣдующая. 27 января центральный комитетъ партіи выпустилъ воззваніе къ членамъ партіи, заключавшее въ себѣ такія указанія: «При борьбѣ между противоположными намъ партіями, мы рекомендуемъ руководиться слѣдующими основными соображеніями: консерваторы, имперская партія, союзъ сельскихъ хозяевъ, антисемиты и національ-либералы не должны получить на перебаллотировкахъ ни одного соціалъ-демократическаго голоса. Что же касается прочихъ партій, то для поддержки ихъ кандидатовъ требуется, чтобы они считали себя обязанными:

1) Вотировать противъ всякаго суженія всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого голосованія.

2) Отвергнуть всякую попытку нарушить право коалиціи.

3) Выступить противъ всякаго исключительнаго закона, въ какой бы формѣ онъ ни былъ предложенъ».

Соціалъ-демократія стояла въ протекшей избирательной кампаніи передъ лицомъ объединеннаго врага, пустившаго въ ходъ всѣ средства для того, чтобы подавить растущее движеніе пролетаріата. Ни одна избирательная кампанія въ Германіи не велась съ такой ожесточенностью противъ соціалъ-демократіи, какъ на сей разъ. Весь бюрократическій аппаратъ работалъ во всю, крупные промышленники и банкиры жертвовали колоссальныя суммы, давленіе на избирателей со стороны правительственныхъ органовъ было пущено въ ходъ во многихъ мѣстахъ, соціалъ-демократамъ ставили всякія препятствія, вліяли на владѣльцевъ ресторановъ въ томъ смыслѣ, чтобы они не отдавали своихъ помѣщеній для соціалъ-демократическихъ собраній. Но главное, противъ соціалъ-демократіи была направлена «идейная» борьба. Вся буржуазная пресса, безъ различія направленій, день за днемъ вела ожесточенную агитацію противъ «крамольныхъ» ученій соціализма. Главную роль въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей игралъ «имперскій союзъ для борьбы съ соціалъ-демократіей». Этотъ «союзъ» пользуется такимъ вліяніемъ въ нѣмецкихъ правительственныхъ кругахъ, что мы считаемъ нужнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Союзъ образовался сейчасъ же послѣ выборовъ 1903 года, окончившихся, какъ извѣстно, колоссальнымъ ростомъ соціалъ-демократическихъ голосовъ. Для того, чтобы парализовать растущее движеніе пролетаріата, многіе буржуазные политическіе дѣятели пришли къ мысли создать организацію, которая задалась бы единственной цѣлью бороться съ соціалъ-демократіей. Во главѣ этой организаціи, получившей названіе «имперскаго союза для борьбы съ соціалъ-демократіей», стали генералъ Либертъ и два національ-либеральныхъ депутата, Гагеманнъ и Леманъ. «Союзъ» имѣетъ во многихъ городахъ свои отдѣленія (въ настоящее время ихъ насчитывается около 150); кромѣ того, къ нему присоединилось около 250 самостоятельныхъ національныхъ ферейновъ—въ большинствѣ случаевъ, такъ называемые, «Kriegervereine», ферейны, членами которыхъ состоятъ солдаты, сражавшіеся въ франко-прусской войнѣ.

Денежныя средства «союза» составляются изъ взносовъ присоединившихся къ нему корпорацій, и частыхъ пожертвованій. «Союзъ» систематически разсылаетъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ циркуляры съ призывомъ дѣлать постоянные періодическіе вклады въ его кассу. Нѣсколько крупныхъ хозяйственныхъ организацій («Центральный союзъ промышленниковъ Германіи» и «Союзъ сельскихъ хозяевъ») являются постоянными вкладчиками въ кассы «союза». Дѣятельность «союза» выражается въ устной и печатной агитаціи. На службѣ у «союза» находится значительное число хорошо оплачиваемыхъ «агитаторовъ», разъѣзжающихъ по всей Германіи и выступающихъ съ рефератами о пагубности соціалъ-демократическихъ ученій. Въ Берлинѣ «союзъ» даже устроилъ школу для агитаторовъ, въ которой преподается, какъ «убить» соціалъ-демократію. «Ученіе» обставлено весьма просто: ученики,—въ большинствѣ своемъ морально и интеллектуально павшіе люди,—начиняются небольшимъ багажемъ неправильно истолкованныхъ и тенденціозно понадерганныхъ цитатъ изъ соціалъ-демократической литературы, и дѣло готово! Печатная дѣятельность «союза» выражается въ томъ, что онъ издаетъ «корреспонденцію»; эта «корреспонденція», вся наполненная вылазками по адресу соціалъ-демократіи, безплатно разсылается въ многочисленныя газеты и, главнымъ образомъ, въ правительственную прессу—такъ называемыя «окружныя вѣдомости» (Kreisblätter,—соотвѣтствуютъ нашимъ оффиціальнымъ губернскимъ вѣдомостямъ). Очень многія буржуазныя газеты съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, печатаютъ все, что имъ преподноситъ «литература» союза. Считаютъ, что больше 1.000 нѣмецкихъ газетъ питаются «духовной пищей» имперскаго союза. Въ числѣ этихъ газетъ имѣются такія, какъ органъ Бюлова: «Norddeutsche allgemeine Zeitung», очень распространенная газета, «Münchner Neueste Nachrichte» и др. Кромѣ «Korrespondenz», «союзъ» регулярно выпускаетъ брошюры и летучіе листки анти-соціалъ-демократическаго направленія. Эта литература въ милліо-

нахъ экземпляровъ распространяется по всей Германіи. Какъ образецъ того уровня, на которомъ стоитъ «литература» имперскаго союза, я приведу нѣсколько «мыслей» изъ лежащаго предо мной памфлета, направленнаго противъ соціалъ-демократіи. Въ этомъ памфлетѣ указывается на слѣдующіе грѣхи соціалъ-демократіи: 1) соціалъ-демократы хотятъ ограбить частную собственность; 2) уничтожить бракъ и семью; 3) вырвать съ корнемъ религію; 4) отнять отечество. Заканчивается памфлетъ слѣдующимъ положеніемъ: «соціалъ-демократы идутъ заодно съ врагами отечества. Дорога къ цѣли соціалъ-демократіи идетъ по трупамъ».

Въ протекшей избирательной кампаніи «имперскій союзъ» особенно развилъ свою агитаціонную дѣятельность. Его агитаторы рыскали по всей странѣ; союзъ предлагалъ свои услуги всѣмъ буржуазнымъ партіямъ; и послѣднія ничуть не стѣснялись пользоваться услугами союза — это служитъ еще одной иллюстраціей того, какъ низко пала нѣмецкая буржуазія. «Имперскій союзъ» наводнилъ своими летучими листками всю Германію; кромѣ того, въ видахъ агитаціи онъ выпустилъ сейчасъ же послѣ распущенія рейхстага «Справочную книгу не-соціалъ-демократическихъ избирателей». Эта «справочная книга» разсылалась всѣмъ членамъ союза.

Мы бы не останавливались бы такъ подробно на дѣятельности «союза», если бы мы не знали, какимъ огромнымъ вліяніемъ пользуется «союзъ» въ правительственныхъ кругахъ и въ рядахъ многихъ буржуазныхъ партій. Уже тотъ фактъ, что имперскій канцлеръ Бюловъ счелъ нужнымъ направить свое извѣстное письмо, такъ называемое «Silvesterbrief», въ которомъ онъ изложилъ избирательную програму правительства, по адресу президента «имперскаго союза», генерала Либерта, — краснорѣчиво говоритъ, въ какой близкой связи стоитъ германское правительство къ «имперскому союзу».

Германское правительство въ послѣдней избирательной кампаніи заняло вполнѣ опредѣленную позицію: оно считало, что необходимо во что бы то ни стало подавить соціалъ-демократію. Для достиженія этой цѣли правительство ни передъ чѣмъ не останавливалось и прибѣгало къ пріемамъ, никогда не практиковавшимся еще въ Германіи. Прежде всего, правительство само занялось агитаціей, и весь свѣтъ могъ наблюдать совершенно новое въ германской политической жизни явленіе: нѣмецкія высшія должностныя лица совершали агитаціонныя поѣздки. Завѣдующій колоніальнымъ вѣдомствомъ Дернбургъ выступалъ въ пяти городахъ съ рефератомъ о колоніальной политикѣ, рефератомъ, имѣвшимъ цѣлью «подогрѣть» національныя чувства нѣмецкаго обывателя. Даже самъ Бюловъ счелъ нужнымъ выступить въ роли политическаго агитатора: на одномъ банкетѣ, такъ называемаго, «колоніально-политическаго комитета» въ Берлинѣ онъ произнесъ политическую рѣчь. Но германское правительство шло еще дальше: оно

оказывало давленіе на чиновниковъ, призывая ихъ голосовать за кандидатовъ «національныхъ» партій. Во многихъ округахъ, по распоряженію изъ Берлина, правительственные органы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы способствовать побѣдѣ буржуазнаго кандидата. Повсюду весь бюрократическій аппаратъ находился на службѣ у «національныхъ» партій. Какъ обнаружилось впослѣдствіи изъ разоблаченій, сдѣланныхъ одной изъ газетъ центра, правительство снабжало «флотскій союзъ» деньгами для веденія агитаціи во время избирательной кампаніи противъ анти-національныхъ партій, т. е. центра и соціалъ-демократіи. Оказалось, что Бюловъ предоставилъ въ распоряженіе «флотскаго союза» 30 тысячъ марокъ для изданія и распространенія агитаціонныхъ брошюръ по вопросу о необходимости широкой колоніальной политики и пр. Германское правительство во время избирательной кампаніи открыто стало на сторону, такъ называемаго, «готентотскаго блока» — такъ прозвала соціалъ-демократическая пресса правительственныя партіи. По отношенію же къ центру правительсто занимало двойственную позицію. Сейчасъ же послѣ распущенія рейхстага правительство, какъ мы видѣли, призывало на борьбу съ центромъ. Еще въ «Sylvesterbrief» Бюловъ писалъ: «Борьба за честь и достояніе партіи противъ соціалъ демократовъ, поляковъ, вельфовъ и центра». Мы видимъ, что здѣсь еще говорится о борьбѣ съ центромъ. Но картина совершенно перемѣнилась къ концу избирательной кампаніи, когда дѣло шло о томъ, чтобы напречь всѣ силы на борьбу съ истиннымъ врагомъ — соціалъ-демократіей. Особенно рѣзко бросалась въ глаза эта перемѣна фронта послѣ первыхъ выборовъ, приведшихъ не къ ослабленію, а къ усиленію центра. Когда правительство убѣдилось, что центръ выходитъ изъ избирательной борьбы укрѣпленнымъ, и что онъ и впредь будетъ занимать господствующее положеніе въ рейхстагѣ, Бюловъ рѣзко мѣняетъ свою тактику, и его органъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» начинаетъ заигрывать съ центромъ, начинаетъ умолять его во имя его «національныхъ» и «религіозныхъ» чувствъ объединиться при перебаллотировкахъ со всѣми буржуазными партіями противъ соціалъ-демократовъ. Тотъ самый центръ, противъ котораго всего нѣсколько недѣль тому назадъ велась такая сильная атака, уже пользуется довѣріемъ въ глазахъ правительства! Эта перемѣна тактики Бюлова подтверждаетъ сдѣланное нами въ началѣ статьи указаніе, что о серьезномъ и продолжительномъ разрывѣ правительства съ центромъ рѣчи быть не можетъ.

Лозунгъ правительства, какъ и всѣхъ буржуазныхъ партій, былъ: борьба съ соціалъ-демократіей. Этотъ лозунгъ задавалъ, можно сказать, тонъ всей агитаціи. Правда, правительственныя партіи выдвигали во время избирательной кампаніи и другіе лозунги; такъ, напримѣръ, сейчасъ же послѣ распущенія рейхстага аппелировали къ національнымъ чувствамъ нѣмецкаго народа и указывали на

то, что соціалъ-демократы хотятъ яко бы оставить на произволъ судьбы воюющихъ съ гереро нѣмецкихъ солдатъ. Когда же получились извѣстія, что гереро сдались, и этотъ лозунгъ потерялъ свой «raison d'être», онъ былъ замѣненъ другимъ, болѣе общимъ: «охраненіе національной чести и расширеніе колоніальной политики». Но и этотъ лозунгъ игралъ въ избирательной кампаніи второстепенную роль. Первенствующую, а во многихъ округахъ и единственную роль игралъ лозунгъ: борьба съ соціалъ-демократіей. И что особенно отмѣчаетъ протекшіе выборы это то, что лозунгъ: «борьба съ краснымъ призракомъ» объединилъ всѣ буржуазныя партіи, безъ различія. Въ избирательной кампаніи противостояли другъ другу двѣ враждебныя силы: пролетаріатъ и объединенная реакціонная масса. Во многихъ избирательныхъ округахъ всѣ буржуазныя партіи, начиная отъ «свободомыслящихъ» и кончая антисемитами, образовали блокъ для борьбы съ соціалъ-демократіей. Органъ «свободомыслящаго союза» «Weser Zeitung» писалъ накануне перебаллотировокъ: «Всѣ партійныя различія стушевались передъ общимъ чувствомъ, что предстоитъ великая задача. Возмущеніе безмѣрно растущимъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, возмущеніе пагубной пропагандой среди рабочихъ—вотъ что заставило либераловъ и консерваторовъ, приверженцевъ свободной торговли и аграріевъ, подать другъ другу руки для избавленія отъ соціалъ-демократическаго гнета!»

III.

Выборы въ германскій рейхстагъ окончились побѣдой реакціи. Вотъ цифры, показывающія число голосовъ, поданныхъ за различныя партіи, и партійный составъ новаго рейхстага. Для большей наглядности мы приведемъ и данныя, относящіяся къ 1903 году. Число поданныхъ за различныя партіи голосовъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1903 годъ.	1907 годъ.	+ приростъ — убыль
Консерваторы	948418	1070658	+ 122240
Имперская партія	333404	447308	+ 113904
Націоналъ либералы	1313651	1654738	+ 341087
Свободомыслящій союзъ	243230	343369	+ 100139
Свободомыслящая народная партія	542556	734582	+ 192026
Южно-германская народная партія	91217	147933	+ 56716
Центръ	1875292	2183681	+ 308389
Поляки	348784	453774	+ 104990
Соціалъ-демократы	3010771	3258968	+ 248197
Нѣмецкая партія реформъ	214543	94850	+ 201266
Хозяйственный союзъ		350959	
Вельфы, эльзасцы, датчане	?	172978	?
Южно-германск. крестьянск. союзъ	111875	78621	— 33254
Другія партіи	?	209518	?
Разбитые голоса	11834	8342	— 3492

Распредѣленіе мандатовъ по отдѣльнымъ политическимъ партіямъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1903 годъ.	1907 годъ.	+ приростъ. — убыль.
Соціалъ-демократы	81	43	— 38
Консерваторы	52	60	+ 8
Имперская партія	22	22	—
Антисемиты	21	27	+ 6
Націоналъ-либералы	51	56	+ 5
Центръ	104	108	+ 4
Свободомыслящій союзъ	10	16	+ 6
Свободомыслящая народная партія	20	27	+ 7
Южно-германская народная партія	6	6	—
Поляки	16	20	+ 4
Различныя партіи	16	12	— 4

Разсмотримъ подробнѣе приведенныя таблицы. Оказывается, что 25 января 1907 г. было подано 11,262,574 голоса, что составляетъ по сравненію съ 1903 годомъ увеличеніе на 1,766,987 голосовъ. Это значительное увеличеніе объясняется не столько ростомъ числа лицъ, имѣющихъ право голоса (въ 1903 году было 12,531,248, а въ 1907—13,103,571), сколько уменьшеніемъ процента абсентеистовъ. Выборы 25 января отличаются небывало высокимъ въ Германіи процентомъ участія избирателей. Политическое возбужденіе страны было настолько сильно, что къ избирательнымъ урнамъ явилось 85,4 проц. избирателей. Всѣ предыдущіе выборы отличались гораздо меньшимъ участіемъ избирателей; такъ, въ 1893 г. насчитывалось 72,2 проц. явившихся избирателей; въ 1898 г.—68 проц.; въ 1903 г.—76,1 проц.; только въ 1887 году, во время такъ называемыхъ «карнавальныхъ выборовъ» (Faschingswahlen), когда политическое возбужденіе было тоже очень сильно, участіе въ выборахъ равнялось 77,5 проц. На сей же разъ масса избирателей проявляла небывалый еще интересъ къ выборамъ; во многихъ отдѣльныхъ провинціяхъ участвовало больше 90 проц. избирателей. Такъ, напримѣръ, въ избирательномъ округѣ Рейссъ къ урнамъ явилось 95 проц. избирателей (въ 1903—68 проц.); въ герцогствѣ Баденъ—88,3. Во всей странѣ къ урнамъ явились такіе избиратели, которые отличаются обыкновенно своимъ политическимъ индифферентизмомъ. Значительная часть такъ называемой «партіи неизбирателей» вышла на сей разъ изъ своего равнодушнаго состоянія и устремилась къ урнамъ: произошло то, что нѣкоторыя соціалъ-демократическія газеты называли «нашествіемъ филистеровъ» Благодаря усердной агитаціи всѣхъ буржуазныхъ партій, нѣмецкій филистеръ былъ поднятъ на ноги. Полуспящій Михель подъ вліяніемъ агитаціи правительственныхъ партій, лозунгомъ которыхъ было: «отечество въ опасности», былъ разбуженъ, и рѣшилъ на сей разъ исполнить гражданскій долгъ, подавая голосъ за партіи, сулящія ему уничтоженіе «враговъ общества и націи». Буржуазія прилагала всѣ усилія къ тому,

чтобы поднять на ноги именно «партію неизбирателей», ибо она хорошо знала, что въ подавляющемъ большинствѣ своемъ эти индифферентные, равнодушные къ судьбамъ страны избиратели прежде всего попадутъ на удочку «національныхъ партій», идущихъ подъ флагомъ защиты національной чести и достоинства. Нѣмецкія буржуазныя партіи знали (и приходится признать, что въ этомъ пунктѣ соціалъ-демократы не дооцѣнивали этого фактора при своихъ разсчетахъ на исходъ выборовъ), что въ массѣ своей нѣмецкій филистеръ проникнутъ національно-шовинистскимъ духомъ. Зная эту психологію нѣмецкаго Михеля, правительственныя партіи напрягли всѣ свои силы для того, чтобы вліять на націоналистическія чувства обывателя. И это удалось: индифферентная масса избирателей явилась къ урнамъ, и именно этимъ нашествіемъ филистеровъ въ значительной степени можно объяснить уменьшеніе числа соціалъ-демократическихъ мандатовъ. Во многихъ округахъ, гдѣ соціалъ-демократія вышла побѣдительницей въ 1903 году, она на сей разъ потерпѣла пораженіе, благодаря тому, что за буржуазныя партіи голосовали массы избирателей, никогда прежде не участвовавшія въ выборахъ.

Эти новые элементы и дали перевѣсъ буржуазнымъ партіямъ, отнявшимъ у соціалъ-демократіи 36 округовъ. При изслѣдованіи результатовъ выборовъ 1907 года необходимо помнить, что соціалъ-демократія, въ отличіе отъ католическаго центра, въ распоряженіи котораго имѣется изрядное число очень прочныхъ округовъ (нѣмцы ихъ называютъ «bombensicher»), обладаетъ очень малымъ числомъ такихъ округовъ. Статистика показываетъ, что изъ 56 округовъ, завоеванныхъ соціалъ-демократіей въ 1903 году при первыхъ выборахъ, только въ 13 округахъ больше половины всѣхъ имѣющихъ право голоса голосовало за соціалъ-демократію (наивысшій процентъ былъ въ Берлинѣ IV, гдѣ за соціалъ-демократію было подано 59,35% всѣхъ голосовъ); въ 43 округахъ соціалъ-демократія получила меньше половины голосовъ всѣхъ избирателей (въ 29 округахъ она получила даже меньше 45%). Отсюда ясно, какъ непрочно было положеніе огромнаго числа соціалъ-демократическихъ мандатовъ. Стоило только буржуазнымъ партіямъ поднять на ноги огромныя массы абсентеистовъ (въ 1903 г. число абсентеистовъ равнялось 3,035,661), и соціалъ-демократія была вытѣснена изъ многихъ округовъ. Соціалъ-демократія потеряла такіе избирательные округа, какъ Магдебургъ, Галле, Брауншвейгъ, Зоннебергъ, Гота, Эльберфельдъ-Barменъ, оба брюссельскихъ округа и оба округа Рейсса—все округа, принадлежавшіе уже давно соціалъ-демократамъ и считавшіеся вполнѣ прочными и надежными. Объединеніе во многихъ избирательныхъ округахъ всѣхъ буржуазныхъ партій въ одинъ блокъ привело къ тому, что уже при первыхъ выборахъ соціалъ-демократія была побѣждена; поэтому на нынѣшнихъ выборахъ соціалъ-демократія имѣла

менѣе перебаллотировокъ, чѣмъ въ 1903 году. Въ то время, какъ въ 1903 году соціалъ-демократія участвовала при перебаллотировкахъ въ 122 избирательныхъ округахъ, въ 1904 г.—только въ 92. Но и во время перебаллотировокъ ситуація была крайне невыгодная для соціалъ-демократіи; какъ мы уже указали выше, при перебаллотировкахъ всѣ буржуазныя партіи дѣйствовали сообща противъ соціалъ-демократіи, это привело къ тому, что на перебаллотировкахъ соціалъ-демократія завоевала всего 14 округовъ (въ 1903 году—25).

Въ общемъ, исходъ выборовъ въ смыслѣ числа пріобрѣтенныхъ мандатовъ оказался весьма печальнымъ для соціалъ-демократіи. Особенно пострадали соціалъ-демократы въ Пруссіи и Саксоніи, т. е. въ государствахъ, съ сильно развитой крупной промышленностью, гдѣ классовыя противорѣчія особенно сильно обострены. Въ Пруссіи соціалъ-демократія завоевала на выборахъ 1903 года 36 округовъ, а 1907—19. Въ Саксоніи изъ всѣхъ 23 избирательныхъ округовъ было завоевано соціалъ-демократіей при выборахъ въ 1903 году 22, а на сей разъ — 8 (въ 1898 году 11 округовъ принадлежали соціалъ-демократіи). Въ южно германскихъ государствахъ соціалъ-демократія завоевала приблизительно столько же мандатовъ, какъ и въ 1903 году.

Къ упомянутымъ причинамъ уменьшенія числа мандатовъ мы должны прибавить еще одну, на которую указываетъ центральный комитетъ (Parteivorstand) соціалъ-демократической партіи въ своемъ воззваніи, выпущенномъ послѣ выборовъ. Это именно — излишній оптимизмъ партіи передъ выборами. «Если оптимизмъ, говорится въ воззваніи, является для всякой борющейся партіи хорошимъ качествомъ, то на него все же не слѣдуетъ особенно полагаться». Въ рядахъ соціалъ-демократовъ была слишкомъ сильна увѣренность въ побѣдѣ, а потому во многихъ округахъ не были употреблены въ дѣло всѣ имѣющіяся средства, точно также соціалъ-демократы не относились съ должнымъ вниманіемъ къ энергичной дѣятельности буржуазныхъ партій. «Многіе изъ насъ, говоритъ центральный комитетъ, увидѣли, какъ работали наши враги только тогда, когда побѣда была уже въ ихъ рукахъ». По мнѣнію центральнаго комитета партіи, рядъ округовъ могъ бы остаться въ обладаніи соціалъ-демократовъ при лучшей организаціи и при болѣе прозорливомъ взглядѣ руководителей.

Вся нѣмецкая буржуазная пресса, и не только нѣмецкая, но и вся европейская буржуазная пресса ликуетъ по поводу значительнаго уменьшенія числа соціалъ-демократическихъ мандатовъ и считаетъ, что 25-го января 1907 года нѣмецкая соціалъ-демократія «разгромлена».

Серьезность созданнаго выборами положенія не отрицаютъ и сами представители нѣмецкой соціалъ-демократіи. Но они далеко не склонны видѣть въ этомъ «разгромъ» партіи. Партія—говоритъ

въ своемъ воззваніи центральный комитетъ (Parteivorstand)—«побита, но не побѣждена». Прежде всего не слѣдуетъ придавать преувеличеннаго значенія факту уменьшенія числа соціалистическихъ мѣстъ въ рейхстагѣ. Нельзя, конечно, отрицать, что для соціалъ-демократіи очень важно число ея мандатовъ въ рейхстагѣ и важно, главнымъ образомъ потому, что сильная соціалъ-демократическая фракція въ рейхстагѣ можетъ оказать успѣшное сопротивленіе извѣстнымъ реакціоннымъ планамъ правительства. Соціалъ-демократическая парламентская фракція не разъ уже съ успѣхомъ выполняла это въ союзѣ съ другой многочисленной фракціей въ рейхстагѣ, и она всегда можетъ провалить реакціонный законопроектъ. Передъ распущеніемъ рейхстага мы видѣли, что только благодаря тому, что соціалъ-демократическая фракція насчитывала 79 членовъ, правительственное предложеніе провалилось. На сколько важно для соціалъ-демократіи количество мандатовъ, покажетъ ближайшее будущее, когда въ рейхстагѣ будетъ обсуждаться правительственный законопроектъ, о профессіональныхъ союзахъ. Этотъ законопроектъ, заключающій въ себѣ рядъ постановленій, угрожающихъ свободѣ коалицій и вообще развитію профессіональнаго движенія, несомнѣнно будетъ принятъ большинствомъ новаго рейхстага. Если бы соціалъ-демократія имѣла прежнюю силу въ рейхстагѣ, то въ союзѣ съ центромъ (центръ будетъ голосовать противъ правительственнаго проекта изъ опасенія потерять всякое довѣріе среди католическихъ рабочихъ), она могла бы провалить этотъ законопроектъ.

Но какъ ни важно для соціалъ-демократіи количество мандатовъ, не здѣсь лежитъ центръ тяжести значенія соціалъ-демократіи въ странѣ. При современныхъ политическихъ условіяхъ Германіи, когда всѣ буржуазныя партіи реакціонны и когда крайне неравномѣрное распредѣленіе избирательныхъ округовъ не даетъ соціалъ-демократіи соотвѣтствующаго ея силѣ представительства въ рейхстагѣ, участіе соціалъ-демократической фракціи въ смыслѣ въ законодательной дѣятельности не приноситъ большихъ результатовъ. Въ рейхстагѣ 1903—1907 года соціалъ-демократія имѣла количественно-сильную фракцію, но это не помѣшало тому, что этотъ рейхстагъ явился однимъ изъ самыхъ реакціонныхъ, какіе знаетъ исторія германской парламентской жизни. И въ силу принципіальныхъ соображеній германская соціалъ-демократія не можетъ придавать чрезмѣрнаго значенія числу парламентскихъ мандатовъ: для соціалъ-демократіи парламентъ не самоцѣль, а средство. Германская соціалъ-демократія далека какъ отъ того взгляда, что парламентская борьба вредна для пролетаріата и что всеобщая забастовка является единственнымъ средствомъ революціонной классовой борьбы, такъ и отъ противоположнаго взгляда, проповѣдуемаго нѣкоторыми «ревизіонистами», что единственное средство, имѣющееся въ рукахъ у соціалъ-демократіи—это законная парламентская борьба. Если же

смотрѣть на парламентъ, какъ на трибуну, съ которой можно проповѣдывать для милліоновъ рабочихъ евангеліе соціализма, то и соціалъ-демократическая фракція изъ 43 депутатовъ можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи столько же, сколько и фракція изъ 80 депутатовъ. Не слѣдуетъ забывать также, что соціалъ-демократія видитъ главное значеніе избирательной борьбы въ томъ, что она даетъ возможность сорганизовать подъ знаменемъ соціализма трудящіяся массы.

При такомъ пониманіи значенія избирательной борьбы, для соціалъ-демократіи наиболѣе важно *количество* поданныхъ за нее *голосовъ*, ибо только оно служитъ показателемъ распространенія соціалистическихъ идей въ народѣ. На основаніи числа поданныхъ за соціалъ-демократію голосовъ можно составить себѣ приблизительное понятіе, какъ велико число проникнутыхъ классовымъ сознаніемъ пролетаріевъ, какъ велика армія приверженцевъ соціалъ-демократіи. Мы говоримъ «приблизительное понятіе», ибо ясно, что германская соціалъ-демократія, какъ единственная демократическая партія въ имперіи, объединяетъ вокругъ себя на выборахъ значительное и число демократическихъ элементовъ—элементовъ, по своему соціальному положенію не принадлежащихъ къ пролетаріату, и голосующихъ за соціалъ-демократію не ради ея соціализма, а ради ея демократизма. Эти элементы, въ общемъ чуждые пролетарскому міросозерцанію и соціалистическимъ убѣжденіямъ, принято называть «Mitläufer» — попутчиками. Какъ велико число этихъ «Mitläufer» у соціалъ-демократіи, изъ какихъ соціальныхъ слоевъ рекрутируются эти попутчики—вотъ вопросъ, который усиленно обсуждается въ настоящее время въ нѣмецкой соціалъ-демократической прессѣ. Отвѣтить съ точностью на оба эти вопроса, конечно, нельзя: вѣдь въ Германіи существуетъ тайное голосованіе. По вопросу о количествѣ «попутчиковъ» можно все же сдѣлать нѣкоторые приблизительные разсчеты. Починъ изслѣдовать соціальный составъ соціалъ-демократическихъ избирателей принадлежитъ нашему соотечественнику г. Бланку, опубликовавшему въ 1905 году въ «Архивѣ» Зомбарта серьезное изслѣдованіе о «соціальномъ составѣ соціалъ-демократическихъ избирателей въ 1903 году. Согласно вычисленію г. Бланка, во многихъ крупныхъ городахъ Германской имперіи число соціалъ-демократическихъ избирателей на выборахъ 1903 года далеко превышало число всѣхъ избиирателей-рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ. Для опредѣленія процентнаго отношенія буржуазнаго и рабочаго элементовъ въ соціалъ-демократической партіи, Бланкъ вычислилъ число рабочихъ голосовъ въ данномъ округѣ и сопоставилъ это число съ числомъ избирательныхъ голосовъ соціалъ-демократической партіи. Производя такой разсчетъ, Бланкъ пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что «во всей имперіи доля буржуазныхъ элементовъ среди соціалъ-демократическихъ избирателей составляетъ въ общей суммѣ около 25%, въ абсолют-

ной цифрѣ при выборахъ 1903 года 700,000—800,000» *). Вычисленія г. Бланка признаются даже критиками его приблизительно вѣрными.

Что касается соціальнаго состава «попутчиковъ», то всѣ знатоки германской политической жизни вообще и нѣмецкой соціалъ-демократіи въ особенности утверждаютъ, что кадры «попутчиковъ» вербуются изъ рядовъ демократической буржуазіи и разночинной интеллигенціи. Мелко-буржуазные слои населенія, ремесленники, мелкіе лавочники, чиновники, представители такъ называемыхъ либеральныхъ профессій—вотъ тѣ элементы, которые составляли главное ядро «попутчиковъ.» При выборахъ въ 1903 г. изъ 900.000 вновь пріобрѣтенныхъ соціалъ-демократіей голосовъ значительная часть принадлежала «попутчикамъ», и причину этого надо было искать въ политическомъ положеніи Германіи того времени. Политическая ситуація тогда была особенно благопріятна для соціалъ-демократіи. Соціалъ-демократія своей энергичной борьбой противъ «ростовщическаго» таможеннаго тарифа» привлекла къ себѣ симпатіи широкихъ слоевъ населенія. Каутскій въ статьѣ своей о результатахъ выборовъ въ рейхстагъ полагаетъ, что блестящая побѣда соціалъ-демократіи на выборахъ 1903 года объясняется въ значительной степени борьбой противъ таможеннаго тарифа, которую съ такимъ мужествомъ вела эта партія. «Это была, говоритъ Каутскій, прежде всего борьба противъ хлѣбныхъ пошлинъ, а отъ вздорожанія хлѣба страдаетъ весь мелкій людъ—не только наемные рабочіе, но и мелкіе лавочники, ремесленники и непрерывно растущій «новый средній слой»—служащіе въ государственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, врачи, учителя, инженеры и др., наконецъ, многіе мелкіе крестьяне, воздѣлывающіе мало хлѣба и покупающіе много, а слѣдовательно, страдающіе отъ его воздорожанія.» Къ этому необходимо еще присовокупить цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ, создавшихъ для соціалъ-демократовъ благопріятную ситуацію. Стойкая борьба соціалъ-демократіи противъ знаменитаго «Der Heinze» привлекла къ ней симпатіи многихъ культурныхъ слоевъ населенія. Поведеніе буржуазныхъ партій зимой 1902 года во время дебатовъ по поводу таможеннаго тарифа, когда эти партіи нарушали основныя начала конституціи, дало понять многимъ демократически-настроеннымъ элементамъ, что единственная партія, защищающая свободу это—соціалъ-демократія.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и объясняетъ, почему на выборахъ 1903 года соціалъ-демократы одержали блестящую побѣду, пріобрѣли 900 тысячъ новыхъ голосовъ. Какъ видно изъ вышесказаннаго, соціалъ-демократическая партія въ 1903 году

*) См. объ этомъ Р. Бланкъ: «Классовая борьба и политическія коалиціи». Спб. 1906, стр. 50—53.

не была чисто-пролетарской, она заключала въ себѣ значительные слои мелко-буржуазныхъ элементовъ. «Ревизіонизмъ» въ рядахъ германской соціалъ-демократіи явился въ извѣстной степени слѣдствіемъ проникновенія въ нее значительнаго числа мелко-буржуазныхъ элементовъ. Выборы 1907 года не обнаружили большого роста поданныхъ за соціалъ-демократію голосовъ. Число голосовъ увеличилось на ¼ милліона—цифра весьма мизерная, если вспомнить, что всѣ буржуазныя партіи пріобрѣли 1½ милліона новыхъ голосовъ. Огромный прирость голосовъ, поданныхъ за буржуазныя партіи, слѣдуетъ приписать, съ одной стороны, тому, что прежніе абсентеисты голосовали за эти партіи, а съ другой стороны - тому, что многіе «попутчики» покинули соціалъ-демократію и подавали свои голоса за буржуазныхъ кандидатовъ.

Приростъ соціалъ-демократическихъ голосовъ всего на ¼ милліона бросается въ глаза особенно при сравненіи съ результатами предыдущихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ. За соціалъ-демократію было подало въ указанные ниже годы слѣдующее число голосовъ:

Годы.	Число поданныхъ за соц.-дем. голосовъ.	% всѣхъ избират. голосовъ.	% избирателей,
1871	113048	1,48	2,91
1874	350861	4,12	6.76
1877	493258	5,62	9.13
1878	437158	4,79	7,59
1881	311961	3,43	6,12
1884	549990	5,86	9,71
1887	763128	7,81	10,12
1890	1427298	14,07	19,75
1893	1780989	16.76	23.21
1898	2113536	18,47	27,[illegible]4
1903	3010756	24,03	31,71
1907	3258968	24,72	29,5

Какъ видимъ, приростъ голосовъ въ 1907 г. остается позади прироста за многіе изъ предыдущихъ годовъ. Слабый приростъ въ 1907 г. необходимо объяснить тѣмъ, что отъ соціалъ-демократіи отпали многіе «попутчики». Въ чемъ же лежатъ причины отпаденія «попутчиковъ»?

Какъ мы уже выше указали, за соціалъ-демократію голосовала въ 1903 году значительная часть представителей «свободныхъ профессій»: художники, врачи, артисты, литераторы, ученые, техники, учителя и др. Эта разночинная интеллигенція въ значительной своей части отошла въ 1907 году къ буржуазнымъ партіямъ. Германская соціалъ-демократія, какъ извѣстно, на своемъ дрезденскомъ партейтагѣ, состоявшемся сейчасъ же послѣ выборовъ 1903 г., рѣшительно высказалась противъ ревизіонистскихъ стремленій и заявила, что партія желаетъ и впредь оставаться партіей

классовой борьбы. Дрезденскій партейтагъ представлялъ собою, несомнѣнно, побѣду чистаго марксизма надъ ревизіонизмомъ. Революціонныя тенденціи въ средѣ германской соціаль-демократіи проявились также на іенскомъ и на маннгеймскомъ партейтагахъ, гдѣ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о политической массовой забастовкѣ. Усиленіе революціоннаго направленія въ германской соціалъ-демократіи и оттолкнуло отъ нея «интеллигенцію», которая возлагала такъ много надеждъ на развитіе ревизіонизма. Пусть не говорятъ намъ, что форма полемики въ Дрезденѣ, рѣзкая и некрасивая, несомнѣнно служила главной причиной отпаденія «попутчиковъ» изъ среды интеллигенціи: результатъ дрезденскихъ дебатовъ—побѣда революціоннаго крыла—имѣлъ здѣсь рѣшающее значеніе.

Не лишеннымъ интереса является мнѣніе, высказанное недавно по этому поводу на страницахъ «Berliner Tageblatt» однимъ изъ интеллигентовъ-попутчиковъ. Вотъ что писалъ послѣдній: «Основная причина пораженія соціалъ-демократовъ лежитъ въ судьбѣ, такъ называемаго, ревизіонизма. Начиная съ конца прошлаго вѣка, соціалъ-демократія все больше и больше завоевываетъ симпатіи образованнаго юношества. Это юношество не раздѣляло вѣры въ коммунистическую конечную цѣль; нѣтъ, оно видѣло въ партіи дѣятельныя силы, которыя и сами не придавали никакого значенія конечной цѣли; оно видѣло даже въ выступленіяхъ Фольмара, Гейне, Шиппеля, Давида пробужденіе національнаго духа, проявленія, хотя еще очень слабыя, милитаристическихъ, маринистическихъ и колоніальныхъ наклонностей. Въ настоящее время кажется невѣроятнымъ, если вспомнить о томъ, кто голосовалъ въ 1903 г. за соціалъ-демократовъ. Профессора высшихъ учебныхъ заведеній и студенты, врачи и художники, даже купцы и чиновники, чиновники самыхъ высшихъ ранговъ... Трехмилліонная побѣда соціалъ-демократіи на выборахъ въ 1903 г. была политической побѣдой ревизіонизма... Дрезденъ явился могилой ревизіонизма; фактически и прежде всего морально... Отрезвленіе среди интеллигенціи наступило. Ревизіонизмъ былъ уничтоженъ». Такъ судитъ человѣкъ, повидимому, хорошо знакомый съ настроеніемъ той среды, о которой онъ говоритъ. Это исповѣдь одного за многихъ...

Но главное ядро «попутчиковъ» соціалъ-демократической партіи состояло изъ мелкаго крестьянства и городскихъ мелко-буржуазныхъ элементовъ. Объясненіе причинъ ихъ отпаденія отъ соціалъ-демократіи мы находимъ въ вышеупомянутомъ воззваніи центральнаго комитета партіи. «Нѣтъ сомнѣнія, говорится въ этомъ воззваніи, что классовыя противорѣчія очень обострились за послѣдніе годы. Борьба, которую вели организованные въ профессіональныхъ союзахъ и проникнутые классовымъ сознаніемъ рабочіе для того, чтобы использовать блестящее состояніе промышленности въ видахъ улучшенія условій заработной платы и труда, оттолкнула отъ

насъ тѣхъ ремесленниковъ-мастеровъ, которые своимъ ограниченнымъ предпринимательскимъ умомъ не могутъ понять справедливости рабочихъ требованій. Массовые локауты въ различныхъ профессіяхъ и мѣстностяхъ вызвали среди рабочихъ большое озлобленіе и еще больше углубили пропасть между рабочими и предпринимательскими кругами. Вторая причина отпаденія избирателей отъ соціалъ-демократіи лежитъ въ томъ, что большая часть торговцевъ относится враждебно къ рабочимъ потребительнымъ союзамъ, обнаружившимъ за послѣдніе годы быстрое развитіе. Въ виду этого десятки тысячъ лавочниковъ и торговцевъ отшатнулись отъ насъ и перешли на сторону нашихъ враговъ. Далѣе, необходимо признать, что тѣ временныя выгоды, которыя доставила аграрная таможенная политика (вздорожаніе мяса и вообще животныхъ продуктовъ) большому кругу мелкихъ крестьянъ, способствовала тому, что послѣдніе устремились въ аграрный лагерь и въ рядѣ округовъ, въ которыхъ эти мелкіе крестьяне прежде неоднократно за насъ голосовали, теперь усилили ряды нашихъ враговъ и способствовали нашему пораженію. Наконецъ, значительная часть низшихъ чиновниковъ поддалась усиленному давленію и голосовала противъ своихъ убѣжденій».

Но чѣмъ бы ни вызывалось это бѣгство «попутчиковъ», можно ли по поводу его говорить о «разгромѣ партіи»? Отъ соціалъ-демократіи отпали лишь ненадежные, неустойчивые элементы. Обостреніе классовыхъ противорѣчій должно было привести къ тому, что извѣстная часть мелко-буржуазныхъ «попутчиковъ» должна была покинуть несвойственный ей красный лагерь. Какъ Каутскій, такъ и «Vorwärts» сходятся въ томъ, что число отпавшихъ «Mitläufer» равняется приблизительно 300 тысячамъ. Въ такомъ случаѣ партія получила на выборахъ 1907 г. 550,000 новыхъ пролетарскихъ голосовъ—результатъ, весьма утѣшительный для соціалъ-демократіи, разсматривающей пролетаріатъ, какъ главное ядро своей арміи. $3^1/_4$ милліона соціалъ-демократическихъ избирателей въ 1907 г. означаютъ по сравненію съ 3 милліонами въ 1903 г. не только приростъ на $^1/_4$ милліона, но, кромѣ того, замѣну нѣсколькихъ сотъ тысячъ ненадежныхъ милиціонеровъ надежными войсками. По мнѣнію Каутскаго, армія соціалъ-демократическихъ избирателей въ 1907 г. приняла почти исключительно пролетарскій характеръ, и хотя незначительно возрасла количественно, но за то стала однороднѣе. Въ этомъ сужденіи сходятся съ Каутскимъ и противники соціалъ-демократіи. Теодоръ Бартъ пишетъ по поводу исхода выборовъ: «соціалъ-демократія, которую считаютъ разгромленной, потому что у нея отняли около половины мандатовъ, въ дѣйствительности, какъ политическая партія, является теперь болѣе сплоченной, чѣмъ прежде. $3^1/_4$ милліона избирателей, которые на сей разъ за ней слѣдовали, образуютъ гораздо болѣе однородную политическую массу, чѣмъ три милліона избирателей въ 1903 году».

Интересно также привести мнѣніе Макса Лоренца, бывшаго соціалъ-демократа, а теперь редактора «Анти-соціалъ-демократической корреспонденціи». Лоренцъ пишетъ: «У соціалъ-демократіи остались и пристали къ ней только рабочіе. Послѣ пораженія соціалъ-демократія больше, чѣмъ когда-либо прежде, рабочая партія, партія пролетаріата. Побѣда Бюлова не означаетъ собою пораженія соціалъ-демократовъ, а является послѣднимъ и окончательнымъ пораженіемъ ревизіонизма».

Новые $^1/_4$ милліона голосовъ, которые соціалъ-демократія получила 25-го января 1907 г., неравномѣрно распредѣлены по отдѣльнымъ мѣстностямъ Германіи. Изъ шести наиболѣе крупныхъ союзныхъ государствъ число соціалъ-демократическихъ голосовъ возрасло въ пяти въ такихъ размѣрахъ:

	1903 г.	1907 г.	Приростъ.
Пруссія	1.649,998	1.813,950	163,952
Баварія	212,505	236,871	24,366
Баденъ	72,300	102,386	30,086
Вюртембергъ	99,743	115,724	15,981
Гессенъ	68,834	76,992	8,158

Интересно отмѣтить, что въ одномъ Берлинѣ съ его предмѣстьями число соціалъ-демократическихъ голосовъ возрасло на 137,359 (въ 1903 г.—330,456, а въ 1907 г.—431,099). Въ Саксоніи соціалъ-демократы потеряли 23,307 голосовъ (въ 1903 г. — 441,674 голосовъ, а въ 1907 г.—418,457). Причины уменьшенія числа соціалъ-демократическихъ голосовъ въ Саксоніи кроятся не только въ условіяхъ общаго характера, о которыхъ мы выше говорили, но и въ чисто-мѣстныхъ, саксонскихъ условіяхъ. «Саксонская рабочая газета» слѣдующимъ образомъ объясняетъ исходъ выборовъ въ Саксоніи. «Выборы въ 1903 г. происходили въ Саксоніи не только подъ знакомъ таможеннаго тарифа, но еще больше подъ знакомъ скандаловъ въ саксонскомъ дворѣ, плачевнаго состоянія саксонскихъ финансовъ, увеличенія подоходнаго налога и пр. Многочисленные избиратели, не являющіеся дѣйствительными соціалъ-демократами, отдали при такой ситуаціи свои голоса соціалъ-демократическимъ кандидатамъ. Теперь же, при разжиганіи шовинистическихъ страстей, этихъ избирателей можно было легко отъ насъ отнять.» Уменьшилось число соціалъ-демократическихъ голосовъ также въ обоихъ Мекленбургахъ, Ангальжѣ, Шварцбургѣ-Рудольшадтѣ, Вальдекѣ и обоихъ Рейссахъ—все мѣстности съ преобладающимъ крестьянскимъ населеніемъ.

Но если, съ одной стороны, исходъ избирательной борьбы въ смыслѣ числа пріобрѣтенныхъ мандатовъ и полученныхъ голосовъ оказался не благопріятнымъ для соціалъ-демократіи, то, съ другой стороны, избирательная кампанія принесла соціалъ-демократіи и нѣкоторые благопріятные результаты въ смыслѣ расширенія партійной организаціи и распространенія соціалистической прессы.

Вся партійная пресса отмѣчаетъ, что число членовъ такъ называемыхъ «соціалъ-демократическихъ ферейновъ» всюду возрасло, что число абонентовъ газетъ растетъ ежедневно. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. За 7 недѣль избирательной кампаніи число абонентовъ центральнаго органа партіи «Vorwärts» возрасло на 11 тысячъ (съ 121,000 на 132,000); «Народнаго голоса» въ Хемницѣ—на 10 тысячъ; «Лейпцигской народной газеты»—на 3 тысячи; «Народной газеты въ Магдебургѣ—на 3 тысячи; «Дортмундской рабочей газеты»—на 3 тысячи; «Саксонской рабочей газеты»—на 5,500; «Мюнхенской почты»—на 3 тысячи; «Народнаго вѣстника въ Штеттинѣ»—на 1,500; «Гамбургскаго эхо»—на 7,000 (съ 52 тысячъ на 59 тыс.); «Альтенбургской народной газеты»—на 1 тысячу и т. д. Такой же ростъ наблюдается и по отношенію къ соціалъ-демократическимъ ферейнамъ. Эти итоги избирательной борьбы имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что партійная организація въ Германіи объединяетъ еще весьма незначительное число рабочихъ. Согласно даннымъ, сообщеннымъ на маннгеймскомъ партейтагѣ, число членовъ соціалъ-демократическихъ ферейновъ равнялось въ концѣ іюля 1906 г. — 384,327; цифра весьма незначительная, если сравнить съ числомъ поданныхъ на выборахъ за партію голосовъ. Усиленіе распространенія соціалистической прессы является одной изъ очередныхъ задачъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Не забудемъ, что въ концѣ іюля 1906 года общее число подписчиковъ всѣхъ соціалъ-демократическихъ газетъ въ Германіи равнялось 837,990. По мнѣнію «Vorwärts'a», «распространеніе соціалъ-демократической прессы, усиленіе соціалъ-демократической организаціи и болѣе систематическое распространеніе соціалъ-демократическихъ брошюръ—важнѣйшія средства, при помощи которыхъ можно привлечь въ ряды партіи индифферентныхъ и враждебно настроенныхъ рабочихъ».

Германская соціалъ-демократія, если судить по числу поданныхъ за нее голосовъ, является первой политической партіей въ странѣ, въ новомъ рейхстагѣ же она занимаетъ четвертое мѣсто. Въ то время, какъ на долю соціалъ-демократіи приходится 29,5% всѣхъ поданныхъ голосовъ, ей принадлежатъ только $^1/_{10}$ всѣхъ мандатовъ. Это поразительное противорѣчіе объясняется неправильнымъ распредѣленіемъ избирательныхъ округовъ и неблагопріятнымъ для соціалъ-демократіи распредѣленіемъ ея сторонниковъ по округамъ. По закону 1869 г. на каждые 100 тысячъ жителей выбирается одинъ депутатъ. Тогда число депутатовъ соотвѣтствовало количеству населенія. Съ тѣхъ поръ населеніе Германіи сильно увеличилось (въ 1906 г. оно составляло 61 милліонъ); число же депутатскихъ мѣстъ осталось то же, что и въ 1869 г., т. е. 397. Но приростъ населенія не вездѣ одинаковъ; больше всего въ городахъ; въ деревенскихъ округахъ населеніе даже уменьшилось. Это привело къ тому, что въ Германіи существуетъ не равное, а

плюральное (множественное) избирательное право. Но пусть цифры говорятъ сами за себя. Партія центра, получившая на выборахъ 25-го января на 1,075 тысячъ голосовъ меньше, чѣмъ соціалъ-демократія, имѣетъ въ рейхстагѣ 108 депутатовъ, т. е. на 65 больше, чѣмъ соціалъ-демократія. Консерваторы, получившіе 25-го января $^1/_3$ всей суммы голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократовъ, имѣютъ въ рейхстагѣ 60 депутатовъ. — Разница между населеніемъ отдѣльныхъ избирательныхъ округовъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо невѣроятныхъ размѣровъ. Населеніе округа Тельтовъ Бесковъ насчитывало 959,165 душъ; по закону 1869 года округъ долженъ былъ бы послать въ рейхстагъ 10 депутатовъ; на самомъ же дѣлѣ онъ посылаетъ одного. Округъ Тельтовъ-Бесковъ насчитывалъ 218 610 имѣющихъ право голоса, а округъ Шаумбургъ-Липпе всего 9,556. Неравномѣрное распредѣленіе округовъ идетъ въ ущербъ только соціалъ-демократіи, вербующей своихъ приверженцевъ въ городскихъ и промышленныхъ центрахъ, т. е. какъ разъ въ тѣхъ округахъ, населеніе которыхъ за послѣднія 35 лѣтъ колоссально возрасло. Если бы составъ рейхстага былъ пропорціоналенъ числу поданныхъ голосовъ, то соціалъ демократія насчитывала бы въ немъ 115 депутатовъ вмѣсто 43.

Разсматривая результаты выборовъ для буржуазныхъ партій, намъ приходится прежде всего отмѣтить то обстоятельство, что какъ центръ, такъ и поляки — партіи, составлявшія 13-го декабря оппозицію правительству, вышли укрѣпленными изъ борьбы: центръ получилъ новыхъ 208,089 голосовъ — больше, чѣмъ какая-либо другая партія. Кромѣ того, центръ увеличилъ число своихъ мандатовъ на 4. Центръ имѣетъ рядъ вполнѣ надежныхъ и прочныхъ округовъ, округовъ съ преобладающимъ католическимъ и крестьянскимъ населеніемъ. Характернымъ для позиціи центра является то обстоятельство, что уже 25-го января, т. е. уже при первыхъ выборахъ, центръ завоевалъ 89 округовъ. Сдвинуть партію центра съ его замѣчательно укрѣпленной позиціи является весьма трудной задачей. Необходимо къ этому еще прибавить, что политическая организація центра является образцовой.

Германизаторская политика прусскаго правительства и дѣятельность гакатистовъ привела къ тому, что польская фракція, оппозиціонно настроенная къ германскимъ правящимъ сферамъ, выиграла новыхъ 106,000 голосовъ и 4 мандата.

Одна изъ задачъ правительственныхъ партій въ протекшей избирательной борьбѣ — ослабить центръ — не удалась. Центръ, какъ и прежде, будетъ занимать въ рейхстагѣ господствующее положеніе. Но въ общемъ можно сказать, что задачи, которыя преслѣдовало правительство при распущеніи рейхстага, разрѣшены въ его пользу. Имперскій канцлеръ Бюловъ въ рѣчи своей на банкетѣ «колоніальнаго комитета» объявилъ, что ближайшей цѣлью

является созданіе большинства изъ консерваторовъ и либераловъ. Эта цѣль теперь достигнута. Новый рейхстагъ даетъ возможность Бюлову имѣть на своей сторонѣ два реакціонныхъ большинства. Въ вопросахъ «національныхъ», т. е. въ вопросахъ колоніальныхъ и военныхъ правительство можетъ опираться на большинство, состоящее изъ консерваторовъ, національ-либераловъ и трехъ свободомыслящихъ фракцій; эти партіи насчитываютъ вмѣстѣ 214 депутатовъ. Если при милитаристическихъ требованіяхъ правительства дюжина свободомыслящихъ даже отпадетъ, то все же у правительства будетъ большинство, состоящее изъ правыхъ и центра. Для всѣхъ хозяйственно реакціонныхъ проектовъ правительство будетъ имѣть подавляющее большинство, такъ какъ однѣ фракціи консервативныхъ группъ и центра насчитываютъ 234 депутата.

Какъ видимъ изъ этого разсчета, новый рейхстагъ будетъ ультра-реакціоннымъ. Германская имперія никогда не имѣла такого реакціоннаго рейхстага, какъ теперь. Аграріи будутъ господствовать въ рейхстагѣ. Реакція будетъ идти полнымъ ходомъ. Побѣда реакціи на выборахъ грозитъ культурному развитію Германіи. Эра имперіализма, эра широкой колоніальной политики только теперь и начнется. Расширеніе колоніальной политики неминуемо повлечетъ за собою новое усиленіе флота, новое усиленіе милитаризма и повышеніе податей. Однимъ изъ послѣдствій болѣе широкой колоніальной политики можетъ также стать опасность международныхъ столкновеній, даже война. Но новый рейхстагъ, кромѣ всего этого, угрожаетъ также и основнымъ правамъ нѣмецкаго народа. Большинство депутатовъ рейхстага враждебно относится къ всеобщему избирательному праву. Реакціонная печать открыто призываетъ правительство издать исключительные законы противъ соціалистовъ. Вліятельная газета «Deutsche Tageszeitung», органъ «союза сельскихъ хозяевъ», писала сейчасъ же послѣ выборовъ: «Необходимо уничтожить и разгромить соціалъ-демократію». Органъ нѣмецкихъ крупныхъ предпринимателей, «Arbeitgeberzeitung» писалъ: «Какъ разъ теперь время исчерпать данное положеніе вещей; какъ разъ теперь время уничтожить обнаружившіеся недостатки въ конституціи и предупредить всѣ послѣдствія все растущей агитаціи партіи переворота». Эти сужденія вліятельныхъ органовъ печати сами говорятъ за себя и недвусмысленно указываютъ на то, какой серьезный, чреватый глубокими и важными послѣдствіями историческій моментъ переживаетъ Германія.

Германская соціалъ-демократія является въ настоящее время единственной нѣмецкой партіей, защищающей основныя права нѣмецкаго народа. Историческій моментъ выдвигаетъ предъ нею въ высокой степени сложныя и отвѣтственныя задачи.

К. Надевъ.

Вторая Дума.

Ложа журналистовъ жужжитъ, какъ пчелиный улей, та же прежняя милая ложа, справа внизу и съ правомъ входа въ кулуары, на зло новому положенію о думской усиленной охранѣ. Всѣ пришли сюда, билетные и безбилетные, лѣвые и правые, и даже черносотенные. Они стоятъ межъ стульями и на стульяхъ, толпятся въ дверяхъ, поминутно приходятъ и уходятъ.

Въ крайнемъ углу направо стоитъ Милюковъ. Онъ перегнулся черезъ барьеръ и смотритъ по направленію къ центру. Тамъ журавлиной походкой расхаживаетъ Петръ Струве, нашъ петербургскій депутатъ. Говоря откровенно, я предпочелъ бы, чтобы они помѣнялись мѣстами. Къ лѣвой стѣнѣ притиснули Булацеля. Онъ маленькій, бритый. Глазки бѣгаютъ по сторонамъ, но рѣчь сдержанная. Говорятъ, что изо всѣхъ черносотенцевъ онъ самый вѣжливый. Поэтому его послали сюда, къ журналистамъ. Ярмонкинъ вошелъ въ Думу и въ ложу журналистовъ безъ всякаго билета, по неизвѣстной протекціи. Онъ сѣдъ и румянъ, малопочтеннаго вида, весь поросъ рѣдкими сѣдыми волосами. Даже на локтяхъ пиджака проступила какая-то сѣрая щетина, какъ будто онъ изнутри мохнатый. Больше всего напоминаетъ Щедринскаго Очищеннаго, того самаго Очищеннаго, у котораго на груди была наколота такса: 1) За оскорбленіе словами 25 к., 2) а ежели съ упоминаніемъ родителей—40 к.

На первомъ собраніи журналистовъ въ Маріинскомъ дворцѣ присутствовалъ и Ярмонкинъ, какъ представитель «Зорьки». Кто-то неожиданно произнесъ слово: черносотенцы. Ярмонкинъ тотчасъ же вскочилъ съ мѣста и заявилъ: «Здѣсь говорятъ о черносотенцахъ. Но если бы кто-нибудь осмѣлился назвать мою «Зорьку» черносотенной, то я напередъ заявляю ему, что онъ воръ и лжецъ».

А вотъ вѣстники лѣвыхъ газетъ, которыя еще не родились, но должны родиться; представители мертвыхъ изданій, невинноубіенныхъ, конфискованныхъ, административно-высланныхъ, припечатанныхъ по суду, мертвыхъ, но желающихъ воскреснуть...

Старообрядецъ изъ Москвы, высокій, худой, проворный; толстый редакторъ изъ большого южнаго города; барышня изъ Туркестана. Ея редакторъ сидитъ въ тюрьмѣ, но въ апрѣлѣ почти навѣрное будетъ избранъ въ Государственную Думу, если до того времени Думу не распустятъ. Его замѣняетъ жена. Она по утрамъ читаетъ статьи, вечеромъ правитъ корректуры, а ночью стираетъ бѣлье для своихъ маленькихъ дѣтей. Грузины, евреи, латыши

8*

Мшакъ, Джаманакъ, Киръ, Гацефира, всѣхъ не перечесть. Кто-то кого-то сгоняетъ съ мѣста. Кого-то выдворяютъ вонъ и называютъ сыщикомъ, но не могутъ выдворить.

Я стою въ заднемъ ряду. Мы всѣхъ выше, и намъ все хорошо видно. Съ своего мѣста я обозрѣваю скамьи думской залы. Онѣ тѣ же, что въ прошломъ году: крайняя лѣвая, центръ, правая и полукруглая «гора». Семь мѣсяцевъ эти скамьи были пусты, но теперь на нихъ сидятъ люди, такіе же люди, что и въ первый разъ. Въ пиджакахъ и косовороткахъ, въ высокихъ сапогахъ, съ гладкими молодыми лицами, съ плохо причесанными волосами, съ всклокоченными бородами. Вонъ вверху кто-то тяжелой походкой пробирается впередъ. Отсюда мнѣ кажется, что это Аникинъ. Гдѣ-то теперь Аникинъ? Его искали, травили, какъ звѣря. Если бы поймали его, то посадили бы въ тюрьму. *Эти* депутаты пока еще неприкосновенны.

Семь мѣсяцевъ!.. Они тянулись такъ долго и прошли такъ быстро. По лужамъ крови, сквозь строй висѣлицъ, по могиламъ казненныхъ и умершихъ съ голоду, они мчались и брели и пробирались впередъ и, наконецъ, добрались во второй разъ ко входу въ этотъ свѣтлый бѣлокаменный дворецъ.

Мы ждали и волновались, особенно въ послѣднюю недѣлю. Каждое утро мы нервно хватались за газеты. А вдругъ отложатъ, не соберутъ. Кто *ихъ* знаетъ? Они на все способны, и на все готовы, ибо они не понимаютъ. Кругомъ нихъ идетъ война, снаряды падаютъ. Они подбираютъ ихъ, какъ упрямыя дѣти, подносятъ къ огню и разсматриваютъ запалъ...

По городу ходили слухи, упорные, зловѣщіе. Говорили, что Думу распустятъ на другой день. Потомъ будетъ баня, красная баня... Она уже была въ Кишиневѣ и Гомелѣ, въ Томскѣ и Твери, въ Тулѣ и Курскѣ, въ Сѣдлецѣ, въ Бѣлостокѣ, въ Александровскѣ, въ Одессѣ, въ сотнѣ другихъ городовъ, въ тысячѣ селъ и деревень. Теперь доходитъ и наша очередь. Мы давно ее ожидаемъ. Называли имена обрекающихъ и обреченныхъ. «Нѣкто съ рѣшающимъ голосомъ» будто бы вспомнилъ Марата и сто тысячъ головъ и рекомендовалъ подражаніе. Ибо наша «революція сверху», «революція наоборотъ», охотно подражаетъ дѣйствіямъ французскихъ якобинцевъ, но только перекрашиваетъ ихъ изъ краснаго цвѣта въ черный. Другой «нѣкто» съ такимъ же вѣсомъ говорилъ о гидрѣ, которую необходимо раздавить, указывалъ, что во время Коммуны погибло пятьдесятъ тысячъ человѣкъ въ одномъ Парижѣ—и стало тихо...

Какъ бы то ни было, всѣ эти слухи оказались неосновательными или, по меньшей мѣрѣ, преждевременными. Двадцатое февраля наступило и прошло благополучно. Когда приблизился полдень, мы всѣ потянулись къ Таврическому дворцу. Мы ожидали увидѣть депутатовъ и также министровъ и, разумѣется, полицію, но уви-

дѣля еще одно неожиданное, о чемъ мы совсѣмъ забыли въ послѣдніе мѣсяцы — уличную толпу,—ибо она пришла раньше насъ и стояла тутъ и тоже ожидала депутатовъ.

Наша уличная толпа родилась два года тому назадъ. Въ первое время она росла, какъ въ сказкѣ, не по днямъ, а по часамъ. Когда же она выросла и стала выходить изъ-подъ опеки, опекуны взялись приводить ее обратно въ первобытное состояніе. И въ послѣдніе мѣсяцы ее раздробили на мелкія частицы, измололи ее въ человѣческую пыль, разрѣдили атаками конныхъ жандармовъ, загнали въ переулки и во всѣ подъѣзды и подворотни. И думали о ней, что она погибла, расточилась и не воскреснетъ. Но вотъ она опять тутъ, и кипитъ, и кричитъ по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало. Милая уличная толпа, смѣлая, живая, простодушная. Признаюсь, я влюбленъ въ нее. Она такая молодая. Ей двадцать лѣтъ и глаза у нея, какъ цвѣты въ полѣ.

А она влюблена въ свободу, но не пользуется взаимностью и каждый разъ получаетъ за свою любовь только побои и проливаетъ свою кровь. Вчера, въ этотъ свѣтлый день, она тоже получила побои и пролила кровь.

И еще мы увидѣли солнце. Оно ярко свѣтило. Каждый день оно восходитъ съ ранняго утра и никакія черносотенныя ухищренія не могутъ не то что погасить, но даже сдвинуть его хотя бы на волосъ съ его тріумфальнаго пути.

Толпа стояла шпалерами вдоль улицы, оставивъ мѣсто для прохода и проѣзда депутатовъ.

— Амнистія,—кричали со всѣхъ сторонъ,—товарищи, амнистія!..

Кое-какъ мы пробрались къ воротамъ на болѣе очищенное мѣсто. Здѣсь были пѣшіе жандармы и отборные городовые, огромные, толстые, какъ тумбы, съ лицами красными, какъ мѣдь, и полупудовыми кулаками. Кажется, ударитъ и сразу духъ вышибетъ. Но сегодня они никого не били и не разгоняли, по крайней мѣрѣ на этой улицѣ. Я слышалъ, какъ одинъ городовой сказалъ другому: «Сегодня пусть покричатъ. Это ихъ день». И даже старый приставъ никого не распекалъ и улыбался снисходительно.

Депутаты подходили со всѣхъ сторонъ: рабочіе и крестьяне, народные учителя и земскіе служащіе. И когда я вошелъ въ Думу вмѣстѣ съ ихъ толпой и поглядѣлъ на эти лица и на эту обстановку, я вдругъ увидѣлъ, что наши опасенія были напрасны. Думу нельзя было не созвать. Несмотря на всѣ военно-полевыя побѣды, воля народа не есть такая вещь, которую можно выдернуть изъ-за пояса, какъ ненужную перчатку, и отбросить въ сторону. И я наглядно ощутилъ всю важность и значительность этого перваго думскаго дня. Власти одерживали побѣды на поляхъ внутренней брани, гдѣ одна сторона была вооружена, а другая безоружна. Народъ сдѣлалъ значительное усиліе и, въ свою оче-

редь, одержалъ побѣду по всей линіи. Результаты этого усилія и этой побѣды должны непремѣнно сказаться въ ближайшемъ будущемъ, несмотря на всѣ разговоры о роспускѣ и погромѣ.

И вотъ теперь я стою на стулѣ и обозрѣваю новую Думу. О ней много писали, когда она еще только рождалась. Называли ее различными именами: темная, обезглавленная дума, и даже выражали удивленіе по этому поводу. Удивляться, однако, нечему. Количество извѣстныхъ людей даже въ такомъ огромномъ народѣ, какъ русскій, болѣе или менѣе ограничено. И если систематически устранять извѣстныхъ, то останутся только неизвѣстные.

Французское учредительное собраніе въ порывѣ страннаго самоотреченія запретило своимъ членамъ баллотироваться вторично. И потому на мѣсто прежнихъ депутатовъ были выбраны другіе, менѣе извѣстные и болѣе молодые возрастомъ.

Въ нашей «революціи наоборотъ» въ роли рѣшающаго судьи выступилъ прокуроръ Камышанскій и сразу устранилъ 180 депутатовъ. Сенатъ разъяснилъ Милюкова, Ковалевскаго. Каждый судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ разъяснилъ не менѣе десятка человѣкъ. Другихъ устранили безъ слѣдствія, кассировали на мѣстахъ, каждаго въ своей губерніи, посадили въ тюрьму, выслали въ Сибирь и за границу.

Взять, напримѣръ, Саратовскую губернію. Когда я прочелъ списокъ избранныхъ депутатовъ, я тоже нѣсколько удивился. Почему нѣтъ Ѳеологова, доктора Ченыкаева, адвоката Чумаевскаго и другихъ столь же извѣстныхъ? Потомъ пришло сообщеніе, что всѣхъ этихъ людей своевременно устранили. Въ Новгородской губерніи устранили Колюбакина, въ Псковской Николаева, въ Самарской Кондурушкина, въ Ярославской Титова, въ Тамбовской Брюхатова. Списокъ этотъ можно было бы продолжить до безконечности.

Иныхъ, конечно, избрали, на зло ссылкѣ и вопреки тюрьмѣ. И какъ разсказывалъ мнѣ депутатъ Емельяновъ изъ Севастополя:—«У насъ крестьяне прежде всего наводятъ справки о политической судимости. Мнѣ, напримѣръ, сейчасъ предъявили отводъ...—«Почему въ тюрьмѣ ни разу не сидѣлъ? Гдѣ былъ въ то время». Но другіе заступились.—«Ну, что-жъ дѣлать? Ежели онъ волку въ зубы лѣзть не хотѣлъ. Мы тоже сами не премъ на рогатину». И дали мнѣ наказъ. «Иди, старый, бери всѣ мѣры, добывай намъ земли и воли...»

Но огромное большинство устраненныхъ такъ и осталось за флагомъ.

И потому результаты получились, какъ на вторыхъ выборахъ во Франціи. Выбрали людей болѣе молодыхъ и пока еще неизвѣстныхъ. Быть можетъ, завтра они станутъ извѣстны, какъ Жилкинъ, Аникинъ, Михайличенко, Аладьинъ.

Ибо и въ этой Думѣ есть замѣтные люди. Вонъ на самомъ верху, прислонясь спиною къ стѣнѣ, сидитъ священникъ Колоколь-

никовъ, с.-р., изъ города Перми. Широкая фигура, похожая на изваяніе, широкое бѣлое лицо, пушистая льняная борода, голубые глаза. И голосъ нутряной, низкій, какъ труба, какъ будто выходящій изъ-подъ земли. Это старая новгородская кровь, чисто славянская, безъ посторонней примѣси.

Я не выдержалъ и спросилъ:—Батюшка, откуда вы взялись?

— Я изъ старой поповской семьи,—отвѣтилъ онъ мнѣ своимъ нетороплимымъ басомъ.—Насъ у родителя было 19 человѣкъ. А у меня нѣтъ никого. Жена была, ее люди взяли. Дѣтей не осталось. Я человѣкъ вольный, потому обрекъ себя на это служеніе. Я такъ считаю: столица дастъ законодателей, провинція пусть дастъ борцовъ. Вскормленъ крестьянствомъ, долженъ отдать народу всю жизнь и всю кровь. Лучшей книгой считаю евангеліе, чистое и простое, безъ примѣсей позднѣйшихъ и лукавствъ современныхъ. Имъ хочу руководиться, а потому сочувствую эсъэрамъ. Ибо они желаютъ безплатной передачи земли всему трудящемуся народу отъ тѣхъ сибаритовъ, которые пьютъ сокъ изъ этого народа.

— Откуда вы взялись?—Я задалъ этотъ вопросъ также черниговскому депутату, Волку-Карачевскому. Крупная фигура, замѣтная въ любой толпѣ. Есть темпераментъ и ораторскій талантъ. И уже прочили его въ товарищи предсѣдателя Думы. Но фракція ч.-с. отсовѣтовала ему связывать себѣ этимъ руки.

— Я не знаю откуда,—отвѣтилъ мнѣ Карачевскій со смѣхомъ. Шесть лѣтъ былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, кормилъ семью отцовскую. Потомъ дай Богъ здоровья начальству нашему: оно меня вышибло изъ корпуса. Съ того я по свѣту жить пошелъ, съ хлѣба на квасъ перебиваться.

Вонъ Захаровъ, бѣдный крестьянскій сынъ, народный учитель: Онъ сказалъ мнѣ вдумчиво, но очень твердо:—Мы опять пришли стучаться въ эту закрытую дверь. Жизнь не можетъ идти по старому. Слишкомъ она безобразна. Она къ гибели идетъ. «Мы гибнуть не хотимъ». Вонъ Кабаковъ изъ Вятки съ Алапаевскаго завода, толстый и какъ будто каменный. И лицо у него, какъ у Васьки Буслаева передъ походомъ въ Іерусалимъ. Объ этомъ человѣкѣ уже ходятъ легенды. Говорятъ, что Алапаевскій заводъ есть въ сущности Алапаевская республика. Эта республика держится до сихъ поръ, и начальство воздерживается отъ въѣзда въ ея предѣлы, во избѣжаніе осложненій.

Кабаковъ стоитъ во главѣ республики. Законы у алапаевцевъ короткіе и для всѣхъ понятные. Водка изгнана изъ употребленія. За каждую провинность штрафъ. Но штрафы взимаются не деньгами, а общественной работой. Еще говорятъ о Кабаковѣ, что онъ имѣетъ «слово» противъ полицейскаго ареста и потому до сихъ поръ гуляетъ на свободѣ. Слово это врѣзано въ твердую ладонь его правой руки.

Вотъ Кимряковъ и Смирновъ изъ московскаго крестьянскаго союза. Они сдолѣли правыхъ и забаллотировали старшину Ильина, извѣстнаго ерогинца. Горбуновъ изъ Пятигорска, Березинъ изъ Саратова, старикъ Долгополовъ съ племянникомъ, оба эс-эры. И много другихъ.

Старые вновь избранные депутаты попадаются тамъ и сямъ, какъ мухи въ молокѣ. Всѣхъ ихъ можно перечесть по пальцамъ. Но всетаки пріятно неожиданно встрѣтить знакомое лицо. Щипинъ трудовикъ, Татариновъ, Черносвитовъ—кадеты, Араканцевъ, Харламовъ—казаки съ Дона, Кузьминъ-Караваевъ и Родичевъ.

Я стою ногами на стулѣ и обозрѣваю Думу, и я долженъ признаться, что эта новая Дума нравится мнѣ больше, чѣмъ та прошлогодняя. Ибо та первая была Дума наивности. Несмотря на всѣ свои гнѣвныя рѣчи, она пришла сюда во дворецъ, говоря словами сказки, не биться, а мириться. Или, какъ заявилъ на одномъ митингѣ профессоръ Гредескулъ, пришла заключить бракъ черезъ головы бюрократіи. Оказалось, однако, что если невѣста согласна, то женихъ не согласенъ. И нашу царевну-замарашку переодѣли обратно въ затрапезное платье и послали восвояси... Эта кадетская Дума, покрытая лакомъ, была мало похожа на настоящую Россію. Ибо Россія любитъ искренность, не знаетъ этикета и не понимаетъ условностей, даже либеральныхъ и кадетскихъ. И когда первая Дума, засѣдая въ участкѣ, подъ игомъ усиленной охраны, все же отворачивала глаза и поднимала голову и устами вождей своихъ восклицала: «Дума выше упрековъ, Дума выше разгона, Дума—иконостасъ, Дума спасетъ Россію»,—Россія пожимала плечами и плохо вѣрила.

Теперь наивность потеряна. Кадетское однообразіе исчезло. Эта новая Дума есть вся Россія, какъ она существуетъ въ дѣйствительности. Она трепещетъ всѣми чувствами, которыя пылаютъ въ нѣдрахъ русской жизни, — гнѣвомъ и жаждой борьбы, сознаніемъ безсилія, исканіемъ новаго выхода.

Всѣ есть въ ней: и крайніе лѣвые и просто лѣвые; крестьяне и рабочіе; кадеты, и октябристы и черносотенцы, полная гамма цвѣтовъ русскаго политическаго спектра. Алексинскій и Струве, Капустинъ и Крушеванъ. И надъ всѣми ними стоитъ бюрократія, въ вицъ мундирѣ съ андреевской лентой и съ палкой въ рукахъ. У ней лысина съ проборомъ и надменное лицо. Она успокоила страну и многихъ успокоила навѣки. Она молчитъ и ждетъ, но на лицѣ ея написано: «вотъ я васъ!»

Лѣвая Дума... Кадетскіе люди уже заходили кругомъ и сокрушенно вздыхаютъ: — «Какъ на нее посмотрятъ? Что съ ней будетъ?» Я не вижу причинъ вздыхать и сокрушаться. Дума есть часть и отраженіе Россіи. Съ ней будетъ то же, что и со всей русской страной, не больше и не меньше. Но я глубоко увѣренъ, что съ русской страной въ конечномъ счетѣ ничего худого не-

случится. У ней широкая спина и упругая шея, твердая въ перенесеніи прикладовъ и прочихъ бѣдствій.

— Сколько ни дерися,—сказалъ мнѣ вчера одинъ крестьянскій депутатъ,—а весь свѣтъ не передерешь...

Всѣ приклады сломятся, а русская шея не сломится во вѣки вѣковъ.

Пестрая Дума. Полная треній, взаимныхъ счетовъ и взаимной ненависти. Что-жъ дѣлать? Эти тренія существуютъ и въ дѣйствительной жизни. Развѣ намъ поможетъ прятать отъ нихъ голову, какъ страусъ? Если мы хотимъ жить рядомъ другъ съ другомъ, какъ добрые союзники или даже только какъ добрые сосѣди, нужно, чтобы наши острые углы обломались и обтерлись.

Легче это сдѣлать здѣсь, чѣмъ на митингѣ или на улицѣ. Тамъ наши споры рождаютъ только раздраженіе. Здѣсь изъ спора долженъ родиться договоръ.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ сидятъ эс-деки и эс-эры. Они пришли сюда биться, а не мириться. Ихъ много въ Думѣ, много и въ дѣйствительной жизни, на зло всѣмъ арестамъ, указамъ о внѣзаконности и судебнымъ приговорамъ. Рядомъ съ ними сидятъ другіе лѣвые, они готовы биться или мириться, смотря по обстоятельствамъ. Но если биться, то всѣмъ народомъ, биться, чтобы добиться, сдѣлать реальное завоеваніе. Дальше сидятъ крестьяне изъ трудовой группы и крестьянскаго союза. Ихъ больше восьмидесяти. Межъ ними есть убѣжденные трудовики и тѣ, кого телеграфное агентство опредѣляло, какъ безпартійныхъ умѣренныхъ, безпартійныхъ монархистовъ, безпартійныхъ православныхъ. Но такихъ безпартійныхъ, какъ въ прошломъ году, которые сидѣли на верхнихъ скамьяхъ и неопредѣленно передвигались вдоль всего нижняго пространства отъ Гейдена до соціалъ-демократовъ,—въ этой Думѣ почти нѣтъ. Сознаніе народа стало глубже и опредѣленнѣе, и большое туманное пятно сократилось до маленькаго пятнышка.

Я разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ этихъ «православныхъ». Напримѣръ, два пензенскіе депутата, Василій Торгашовъ и Григорій Львовъ. Одинъ Нижеломовскаго уѣзда, а другой Городищенскаго уѣзда. Одинъ высокій, лысый, служилъ въ гвардіи, потомъ былъ оффиціантомъ въ княжескомъ домѣ, другой низенькій, съ прямыми волосами, жилъ въ деревнѣ. Обоимъ подъ сорокъ. Оба краснолицые, русобородые, въ суконныхъ поддевкахъ. Оба смуглые, тяжкодумные.—Насъ и выбрали, не знай какъ,—разсказывали они,—только бы дворянъ провалить. Мы по партіямъ ходимъ, ничего этого не можемъ понять...

— Чего же вы хотите добиваться?

— Землицы,—сказали оба въ одинъ голосъ.—Жить негдѣ. Тѣснота одолѣла, а у помѣщиковъ земли большія тысячи десятинъ.

— Что же вы хотите взять всю землю?—испытывалъ я.

— Намъ хоть бы частку,—сказалъ одинъ.—все бы передохнули.

— Нѣ. у насъ тѣсно,—сказалъ другой,—опять же могутъ быть переселенцы изъ другихъ губерній, гдѣ и того тѣснѣе. Намъ надо все.

Мы сами понимаемъ, что и безъ выплаты нельзя, — поспѣшно прибавили оба.—Примѣрно, взять у *нихъ* землю, надо имъ по правдѣ тоже дать что-нибудь въ руки Безъ того куда они пойдутъ? Но не столько, сколько они требуютъ, а скажемъ такъ, чтобы грѣхъ пополамъ. Еще министровъ надо взять подъ отчетъ. Чтобъ все было на виду и чтобъ Гурки не было. Конечно, мы знаемъ—они не согласны Ежели ребенка отъ титьки отлучать, онъ и то по доброй волѣ не отвалится. А тутъ не ребята...

Однимъ словомъ, двѣ основныя идеи освободительнаго движенія: новое надѣленіе землей и отвѣтственное правительство,—и притомъ въ самой умѣренной, почти кадетской формѣ.

— А кадеты баллотировались у васъ?—спросилъ я.

— А какже!—сказалъ высокій.—Мы имъ, кошкиной матери, всѣмъ налѣво валили.

— Отчего же не голосовали за кадетовъ?

Высокій сдѣлалъ удивленные глаза.—А оттого, видится, что они сытые, а мы голодные. Намъ за нихъ голосовыя записки бросать не приходится.

— Мы противъ нихъ стояли,—подтвердилъ низенькій.—А они говорятъ: «не дадимъ земли. А ежели вы коснетесь земли въ Государственной Думѣ, то мы устроимъ противъ васъ вооруженное возстаніе, землю кровью зальемъ»...

— Что такое? Я ничего не понимаю...

— У насъ все тихо, мирно,—продолжалъ низенькій.—Бунтовъ нѣтъ. Были стражники, теперь ихъ всѣхъ уничтожили, въ другое мѣсто увели.

— Что за сумбуръ? А доктора Маркова зачѣмъ выбирали?

— Какъ его не выбрать? Онъ крестьянскаго званія, самъ въ бѣдности выросъ, онъ всякое состояніе можетъ хорошо понимать. А на собраніяхъ такъ онъ ихъ рѣзалъ, такъ крошилъ...

— Да вы знаете, что такое кадеты?

— Какъ не знать?—сказалъ высокій,—знаемъ очень хорошо. Мы къ нимъ не пойдемъ. Мы пойдемъ къ трудовымъ.

Среди деревенскихъ низовъ, пожилыхъ и осторожныхъ, есть несомнѣнно умѣренные элементы. Но между ними и кадетами не протягиваются соединительныя нити. И когда эти низы просыпаются, они проходятъ мимо кадетовъ и попадаютъ лѣвѣе. Въ Россіи это утвердилось, какъ будто законъ природы. Даже въ Польшѣ раскаленной до бѣла, народовцы объединили чуть не половину рабочихъ и заставляютъ ихъ рѣзаться и перестрѣливаться съ соціалистами. У насъ есть рабочіе темные и сознательные. Первые въ политику не мѣшаются и подчиняются вторымъ. Между сознатель-

ними самые умѣренные суть безпартійные лѣвые, безпартійные соціалисты.

Польское коло, то же, что въ прошломъ году. Выражаясь въ соціалъ-демократическихъ терминахъ, это истинная мелко буржуазная партія. Хорошо, что насъ, русскихъ, пока судьба избавила отъ такой политической концентраціи. Лучше имѣть передъ собой націоналиста Крушевана изъ истинно-русскихъ цыганъ, чѣмъ націоналиста Дмовскаго. Ибо Крушеванъ существуетъ только иждивеніемъ начальства и безъ такого иждивенія разсѣется, какъ дымъ, а польская націоналъ-демократія въ состояніи одновременно вести борьбу на два фронта, съ лѣвыми и съ правительствомъ. Однако, въ этой Думѣ польскіе народовцы потребовали мѣста на крайней лѣвой. Ибо на правой сторонѣ сидитъ холмскій епископъ Евлогій. А онъ объявилъ цѣль своей жизни въ томъ, чтобы вырѣзать изъ Польши холмщину, этотъ новый кусокъ живого мяса. Поляки хотятъ сидѣть какъ можно дальше отъ Евлогія. Я понимаю, что новая Холмская губернія — это дѣйствительно заманчиво. Будетъ новый губернаторъ, новые штаты, лишній жандармскій начальникъ... Но если бы не было Евлогія, быть можетъ, поляки сидѣли бы рядомъ съ октябристами. Какъ послѣ этого отрицать пользу начальственныхъ попеченій? Оно принуждаетъ объединяться самыхъ разъединенныхъ и заставляетъ даже правыхъ дѣлать равненіе налѣво.

Кадетовъ въ Думѣ вдвое меньше, чѣмъ въ прошломъ году. Суровая жизнь выщипала имъ перья и стерла краски, и они кажутся теперь меньше и тоньше, чѣмъ прежде. Въ прошломъ году, тотчасъ же послѣ разгона, кадеты попробовали провозгласить лозунгъ: «верните старую Думу». Этого лозунга никто не поддержалъ, ибо жизнь не возвращается назадъ. Во время выборной кампаніи кадеты провозгласили почти тотъ же лозунгъ: «Выбирайте тѣхъ же, что въ прошломъ году». Какъ будто все стояло на мѣстѣ и этихъ семи мѣсяцевъ вовсе не было. Но жизнь не стоитъ на мѣстѣ, она вѣчно движется вправо или влѣво; парламентъ, распущенный и вновь собранный, есть отвѣтъ страны на вопросъ правительства. И почти всегда страна облекаетъ свой отвѣтъ въ рѣшительную форму. Русская жизнь за эти семь мѣсяцевъ вся сдвинулась влѣво. Гдѣ были умѣренные прогрессисты, тамъ стали кадеты, на мѣсто кадетовъ стали трудовики, на мѣсто трудовиковъ эс-эры и эс-деки. И въ довершеніе ансамбля на крайнемъ правомъ флангѣ есть русскіе союзники и даже еврейскіе погромщики. Пусть они остаются здѣсь. Они менѣе опасны въ думскихъ стѣнахъ, чѣмъ на улицахъ Кишинева и на перекресткахъ Одессы. Пусть они поднимутъ свое забрало и отбросятъ привязную бороду, съ которою они ѣздили въ Теріоки. Пусть скажутъ, что предлагаютъ они русскому народу. Межъ ними есть два монаха, два епископа. Быть можетъ, одинъ изъ нихъ повторитъ предъ народными представите-

лями рѣчи пылкаго инока Иліодора о томъ, какъ слѣдуетъ наилучше устраивать казни. Инокъ Иліодоръ въ Думу не попалъ, но пріѣхалъ въ Петербургъ опекуномъ волынскихъ крестьянъ, дважды приведенныхъ къ присягѣ. Сегодня утромъ синодъ открыто осудилъ Иліодора и его рѣчи. Кто повторитъ ихъ явно и всенародно предъ лицомъ Государственной Думы?

О правыхъ вообще говорили слишкомъ много. Увѣряли, что они явятся въ Думу съ національными флагами, подъ конвоемъ вооруженныхъ дружинниковъ. Они пріѣхали на извозчикахъ скромно и незамѣтно и вошли такъ, что никто ихъ не видалъ. Говорили, что они произведутъ въ думскомъ залѣ какой-то необыкновенный дебошъ, активное выступленіе. Они предпочли выступленіе въ думскомъ кулуарѣ, тотчасъ послѣ молебна. Мы стояли сзади нихъ любопытной толпой и разглядывали болѣе живописныя фигуры. Но живописнаго въ этихъ фигурахъ было мало. Крушеванъ съ глазами на выкатѣ, съ большими висячими усами и бакенбардами, очень похожій на турецкаго заптія. Синадино, черный какъ жукъ, съ истинно римскимъ носомъ. Пуришкевичъ съ желтымъ лицомъ и свѣтлорусыми волосами,—я принялъ его за провинціальнаго октябриста. Группа волынскихъ крестьянъ въ бѣдныхъ свиткахъ и немазанныхъ чоботахъ. Не знаю только, долго ли они будутъ оставаться подъ опекой отца Иліодора. Въ прошломъ году волынскіе крестьяне были вмѣстѣ съ трудовиками. Въ этомъ году четверо минскихъ уже записались въ трудовую группу. Крестьянъ тянетъ къ крестьянамъ, и ихъ не удержать на черносотенномъ мѣстѣ даже почаевскою присягою.

Мы стояли и ждали, что они будутъ дѣлать. Какъ только кончился молебенъ, кто-то изъ нихъ, кажется Пуришкевичъ, даже не крикнулъ, а какъ-то квакнулъ: Гимнъ!

— Гимнъ! Гимнъ!

Архіерейскіе пѣвчіе запѣли гимнъ. Крушеванъ округлилъ свои губы воронкой и сталъ подпѣвать хриплымъ баскомъ, какъ будто съ перепою. Министры тоже подпѣвали со всѣмъ усердіемъ. Гимнъ кончился.

— Ура!—крикнулъ Крушеванъ.

— Ура!—поддержали его товарищи, министры и чиновники.

Выступленіе кончилось. Депутаты стали входить въ залъ и разсаживаться по мѣстамъ.

Впрочемъ, во время перерыва мнѣ пришлось разговориться съ двумя депутатами изъ партіи Крушевана и Пуришкевича. Одинъ самъ подошелъ ко мнѣ и отрекомендовался землевладѣльцемъ, аграріемъ, «въ родѣ прусскихъ».

— А вы, кажется, г. Танъ?

— Къ вашимъ услугамъ!

— Скажите, пожалуйста: я читалъ, что вы назвали насъ, бес-

сарабцевъ, черносотенцами. А мы партія центра, вовсе не такіе черносотенные.

— А Крушеванъ?

— Ну, что такое Крушеванъ? Увлекающійся журналистъ.

— А что это такое—аграріи «въ родѣ прусскихъ»?

— Видите ли? Это... Мы стремимся дать по возможности поменьше, а взять побольше. Каждый дѣлаетъ тоже-самое, не правда ли? Это естественно.

— Но мы только не рѣшили, какимъ способомъ лучше всего это достигнуть...

Я выразилъ скромное опасеніе, какъ бы они не достигли чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго.

Другая встрѣча произошла въ буфетѣ. Мы сидѣли за столикомъ вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ депутатомъ и пили чай.

— Можно къ вамъ присѣсть?—спросилъ другой депутатъ, съ виду южанинъ, бритый, съ черными усами, въ шелковой рубашкѣ и глухомъ сѣромъ пиджакѣ.

— Вы отъ какой губерніи?—полюбопытствовалъ я.

Незнакомецъ помолчалъ, потомъ неохотно отвѣтилъ:—Отъ одной изъ южныхъ губерній.

— «Если бы былъ лѣвый,—подумалъ я,—сейчасъ же назвалъ бы и губернію и даже уѣздъ».

— Вы, должно быть, отъ Херсонской губерніи!..

— Ага! сказалъ депутатъ.

— А какой вы партіи?

— У насъ всякія партіи,—отвѣтилъ депутатъ,—отъ октябристовъ до самыхъ что ни на есть правыхъ.

— А что у васъ дѣлается?

— А то у насъ дѣлается, что мы ляжемъ и помремъ, а земли не дадимъ, ни единаго «клаптя». У насъ вѣдь помѣщиковъ нѣту. Можетъ, осталось по одному князю на уѣздъ. А то все крестьяне, землю покупили, сами стали на мѣсто помѣщиковъ. И какіе были помѣщики, тѣхъ всѣхъ согнали сюда. Пускай говорятъ, бо мы говорить не умѣемъ. Но мы, крестьяне, своей земли отдавать не намѣрены. Намъ вѣдь она не въ даръ досталась. Мы заплатили за нее чистыя денежки. И работаемъ на ней мы сами. Посмотрите на мои руки, какіе на нихъ мозоли...

Мозоли, дѣйствительно, были твердые, какъ дерево.

— Еще говорятъ: справедливая оцѣнка. Пусть они къ чорту идутъ съ оцѣнкой вмѣстѣ. Ты заплати настоящую цѣну, чего стоитъ на рынкѣ, триста рублей десятина, черноземъ, пухъ, не земля. Да и на что мнѣ деньги? Что я стану дѣлать съ билетами или процентными бумагами?

— Въ банкъ положить—банкъ обанкрутится. Дома держать—жулики унесутъ. Я ничего не умѣю, кромѣ земли. Докторомъ, инженеромъ меня не учили. Только умѣю пахать, сѣять, скотомъ торговать на

хлѣбную поставку подряды брать. Имѣю четыреста десятинъ и восемь душъ дѣтей. Долженъ я каждому предоставить кусокъ хлѣба. Такъ неужели я отдамъ мужику мое родное, кровное? А пускай бы онъ лучше треснулъ. Пускай вся земля зальется красной юшкой...

Этотъ помѣщикъ изъ крестьянъ съ восемью сыновьями и съ мозолями на ладоняхъ былъ пострашнѣе всѣхъ Пуришкевичей и Крушевановъ вмѣстѣ взятыхъ. Онъ не выпуститъ изъ рукъ и не отдастъ добромъ даже клочка негодной шерсти.

Онъ будетъ драться и зальетъ землю «красной юшкой» за каждую пядь своихъ владѣній.

Четыреста десятинъ. А, должно быть, такихъ не очень много, нѣсколько десятковъ на уѣздъ.

А мужика—сотни тысячъ. Мужикъ перевѣситъ.

На предсѣдательской трибунѣ два престарѣлыхъ сановника. У нихъ шитые мундиры, цвѣтныя ленты черезъ плечо. Издали они похожи на большихъ, ярко оперенныхъ птицъ. Но лица у нихъ старушечьи и руки трясутся отъ ветхости. Они благожелательно улыбаются. Это благожелательная часть бюрократіи. Въ ложѣ государственнаго совѣта всѣ кресла заняты мундирными фигурами. Воротники у нихъ широкіе, шитые золотомъ. И въ своихъ мундирахъ всѣ они кажутся на одно лицо. Они сидятъ въ креслахъ такъ чинно и неподвижно. И когда, въ надлежащихъ случаяхъ, они встаютъ съ мѣста, дружно и всѣ сразу, кажется, что это—рота солдатъ на парадѣ.

Въ правой ложѣ сидятъ министры, маленькій Коковцевъ, тусклый Дѣковъ, осторожный Щегловитовъ. На первомъ планѣ крупная фигура Столыпина въ черномъ сюртукѣ, съ черной аккуратно подстриженной бородой. Это у него надменное лицо. Онъ олицетворяетъ бюрократію, воинственную и побѣдоносную. Онъ сидитъ въ непринужденной позѣ, заложивъ нога на ногу, и играетъ костянымъ ножемъ для разрѣзыванія бумаги. Столыпинъ сидитъ въ Думѣ и Дума молчитъ и черезъ два дня онъ будетъ читать свою декларацію...

Ярко оперенный сановникъ беретъ листъ бумаги и начинаетъ читать. Люди въ пиджакахъ и поддевкахъ молча слушаютъ, а я стою и думаю: Вотъ двѣ враждующія стороны. Межъ ними безнадежная пропасть. У нихъ разныя одежды, разныя лица, разныя мысли, разные жизненные навыки. Одни привыкли приказывать, другіе больше не желаютъ повиноваться. Они говорятъ на разныхъ языкахъ и не понимаютъ другъ друга. Помню на одномъ кадетскомъ митингѣ во время рѣчи Петра Бернгардовича Струве старенькій полицейскій приставъ слушалъ, слушалъ и сказалъ со вздохомъ: «Вотъ подстрекатели!» Навѣрное, и въ эту минуту многіе изъ старыхъ генераловъ въ шитыхъ мундирахъ глядятъ на депутатовъ въ пиджакахъ и поддевкахъ и думаютъ: «Вотъ анархисты!» А что думаютъ анархисты въ поддевкахъ, глядя на шитые мун-

дары? Въ прошломъ году послѣ парадного выхода крестьянскіе депутаты говорили:

— Ежели бы спороть прочь эти золотые галуны и выжечь золото, можно бы накормить не одну голодную деревню.

Могутъ ли эти стороны вступить въ компромиссъ, хотя бы временный? Русская жизнь поляризовалась, разошлась вправо и влѣво, зарядилась электричествомъ, какъ туча, и рождаетъ громъ и молнію. Молнія падаетъ на головы живыхъ людей и убиваетъ на мѣстѣ... Скоро ли это кончится, скоро ли мы увидимъ клочокъ яснаго неба сквозь эти черныя тучи? Кругомъ насъ голодные, неграмотные, злые, безработные. Ихъ надо кормить, учить, дать имъ возможность жить по-человѣчески. Когда же мы сдѣлаемъ хоть первое начало? Всѣхъ насъ и кормятъ, и учатъ одними нагайками. Бездна раскалывается глубже, и новая буря зрѣетъ въ ея темныхъ нѣдрахъ. И я боюсь, что на нашемъ вѣку этому не будетъ конца.

— Ура! Да здравствуетъ его императорское величество!

Это Крушеванъ съ братіей производитъ новое выступленіе. Всѣ они вскочили на ноги и стоятъ въ правомъ углу, столпившись вмѣстѣ. Нѣсколько крестьянъ и ближе сидящихъ кадетовъ тоже встали, посмотрѣли по сторонамъ и сѣли. Вотъ съ правой стороны центра Петръ Струве. Онъ выбралъ себѣ мѣсто между Михаиломъ Стаховичемъ, полуоктябристомъ, и профессоромъ Булгаковымъ, бывшимъ соціалъ-демократомъ, нынѣ христіанскимъ соціалистомъ. Струве тоже поднялся вмѣстѣ съ правыми, секунду постоялъ, оглянулся кругомъ нѣсколько растеряннымъ взглядомъ и медленно усѣлся обратно. Вся остальная огромная Дума спокойно молчитъ и сидитъ на мѣстахъ. Правые кричатъ: «ура!» И эта малая кучка выдѣляется на общемъ фонѣ какимъ то страннымъ, чернымъ и жалкимъ пятномъ.

— Предлагаю вамъ приступить къ выбору предсѣдателя! — объявилъ сановникъ.—Кого изъ членовъ Думы вы желаете назвать для подсчета записокъ.

— Долгорукова, Долгорукова!—Дума какъ будто проснулась.— Ого, какіе басы! Голосистая Дума. Свой первый общій возгласъ она пустила дружно и на всю залу.

— Кого еще вы желаете указать мнѣ?

— Караваева, Караваева!

Кузьминъ-Караваевъ выходитъ впередъ къ эстрадѣ. Но басы упорствуютъ.

— Караваева, Караваева!

Караваевъ тоже выходитъ.

— Крушевана! — раздался справа одинокій голосъ и тотчасъ же смолкъ, какъ будто сконфузился. Кто это крикнулъ, не самъ ли Крушеванъ? Кончился подсчетъ. — Ѳедоръ Александровичъ Головинъ получилъ 331 записку,—возгласилъ сановникъ.

Оглушительные аплодисменты. Справа тоже аплодирують. Крушеванъ вскочилъ съ мѣста и грозитъ перстомъ своимъ невѣрнымъ союзникамъ. Увлекающійся журналистъ...

Выборы шарами тоже окончены. Головинъ окончательно избранъ и произноситъ короткую рѣчь.

— Проведеніе въ жизнь конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября и осуществленіе соціальнаго законодательства. Таковы двѣ великія задачи, поставленныя на очередь первой Государственной Думой. Сдѣлаемъ, чтобы она была осуществлена второй Думой...

Сегодня, однако, мы больше ничего не сдѣлаемъ. Все кончилось. Мы можемъ идти домой, выбраться на улицу изъ этой законодательной залы.

Что же это? На улицѣ толпа, неожиданно огромная, стихійная, какъ въ памятные октябрскіе дни. Она выросла въ послѣдніе два часа и теперь разлилась на двѣ версты, влѣво и вправо отъ Думы. Студенты, курсистки, молодые приказчики, пожилые чисто одѣтые люди, и рабочіе, рабочіе, рабочіе. И многіе, дожно быть, безъ работы. Они тощи, въ лохмотьяхъ. И глаза у нихъ особенные, голодные, ищущіе. Тысячи людей сплелись руками въ безконечныя живыя гирлянды, стали плотно вдоль улицы рядъ за рядомъ, заняли трогуары и уперлись спиною въ стѣны домовъ. Вездѣ, на балконахъ, на рѣшеткѣ ограды, стоятъ, сидятъ и висятъ зрители. Конки не ходятъ, извозчики не ѣздятъ. Только въ серединѣ осталась узкая тропинка для пѣшаго прохода депутатовъ.

— Ура!—кричитъ толпа.—Товарищи, ура!—Это она депутатовъ называетъ товарищами. Поминутно останавливаютъ того или другого, цѣпкія руки обнимаютъ его за шею, незнакомыя губы цѣлуютъ, благословляютъ. Другіе плачутъ и утираютъ слезы кулакомъ.

— Какой губерніи? Лѣвый, да? Лѣвый?..

— Амнистія!—оглушительный крикъ несется надъ улицей и поднимается къ небу. Можетъ, хоть съ неба дадутъ намъ амнистію.

— Амнистія!—Долгій, упорный, немолчный, настойчивый крикъ.

Толпа вся дрожитъ отъ страстной боли и безсильной жалости. У многихъ, быть можетъ, въ тюрьмѣ дѣти, братья, кормильцы всей семьи.

— Амнистія!

Вотъ рядомъ со мной стоитъ молодой рабочій. У него блѣдное лицо, пальто подвязано веревкой, опорки на босу ногу. И мнѣ кажется почему-то, что онъ не ѣлъ сегодня. Но глаза его горятъ и плечи трясутся и ноги переминаются. Онъ какъ будто хочетъ вырваться и куда-то ринуться. Но человѣческая цѣпь заплела его въ свои кольца и не пускаетъ съ мѣста.

— Амнистія!

А что ему амнистія? И если бы его самого сейчасъ же аре-

стовали, можетъ быть, ему было бы лучше въ тюрьмѣ. Тамъ въ Крестахъ его накормили бы и дали бы ему сапоги крѣпче, чѣмъ эти опорки.

— Товарищъ, лѣвый, да?

Цѣпь разрывается. Депутата поднимаютъ на руки и начинаютъ качать.

— Ура!..

Впереди меня идетъ какой-то массивный, грузный мужчина. Его тоже поднимаютъ вверхъ. Онъ поворачивается ко мнѣ лицомъ. Да вѣдь это Кабаковъ, президентъ Алапаевской республики. Господи! какой онъ огромный, «гора-человѣкъ», какъ говорятъ сибирскіе инородцы. Его хотятъ качать и не могутъ. Тощія руки петербургскихъ рабочихъ не могутъ подбросить вверхъ эту вятскую человѣческую гору. Они сконфуженно опускаютъ его на землю.

— Ну все равно!.. Крѣпись, товарищъ! Амнистія!

— Сами крѣпитесь!—гудитъ гора-человѣкъ, кратко и загадочно, какъ оракулъ, и пыхтя проходитъ впередъ.

— Амнистія!..

Здѣсь у Думы не бьютъ и не забираютъ въ участокъ. Кричите громче, товарищи! Сегодня нашъ день.

Танъ.

Политика.

Заграница и русскіе законодательные выборы.—Германскіе законодательные выборы.—Текущія событія.

I.

За границей въ высокой степени интересуются русскими законодательными выборами, и надо признать, что тому есть много причинъ, и очень серьезныхъ. Прежде всего до 8 милліардовъ русскихъ государственныхъ бумагъ обращается на западно европейскихъ рынкахъ, преимущественно во Франціи, Голландіи и Германіи, отчасти въ Англіи и Австріи. Изъ той же области финансово-экономической рисуется фактъ значительной затраты иностранныхъ капиталовъ въ русскія предпріятія всякаго рода, капиталовъ, преимущественно нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ, отчасти и другихъ. Такимъ путемъ, западно-европейская буржуазія кровно заинтересована въ упорядоченіи русскихъ дѣлъ, что повлекло бы и повышеніе курса русскихъ фондовъ, и новыя прибыли на затраченные въ русскія предпріятія капиталы, и широкія перспективы

въ будущемъ, и по выгодному снабженію русскаго правительства средствами «для постепенныхъ реформъ», и по основанію новыхъ предпріятій въ Россіи... Все это было бы очень хорошо и заманчиво для западно-европейской буржуазіи, но для этого необходимо прежде всего установленіе нормальнаго порядка вещей въ русскомъ государствѣ, которое по прежнему велико и могло бы быть по прежнему обильно, если бы необходимаго для того порядка не нарушали постоянные, не прекращающіеся дебоши администраціи и ея «союзниковъ»... Однако, западно-европейскіе буржуа и ихъ газеты объ этомъ мало освѣдомлены и, по своему опыту, косятся налѣво и на низы, не замѣчая или мало замѣчая, что дѣлается направо и на верхахъ.

Всевозможныя международныя политическія комбинаціи, для которыхъ тамъ необходимо участіе Россіи, заставляютъ правящіе классы всѣхъ великихъ державъ чувствовать себя кровно заинтересованными въ ходѣ и въ исходѣ русскаго правительственнаго кризиса. Для однихъ было бы выгодно укрѣпленіе реакціи въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ослабленіемъ Россіи. Для другихъ такой исходъ принесъ бы только опасности и тревоги. Естественно, если не только экономически заинтересованные широкіе слои западной буржуазіи, но и политически заинтересованные правящіе классы Европы чувствуютъ первостепенный интересъ къ русскимъ законодательнымъ выборамъ, отъ исхода которыхъ такъ многое зависитъ.

Живо интересуются русскими выборами и западно-европейскіе пролетаріи, чувствующіе тѣсную солидарность съ русскимъ пролетаріатомъ и не отдѣляющіе его дѣло отъ своего. Живо интересуются этими выборами и всѣ мыслящіе люди Запада, слѣдящіе съ волненіемъ, надеждами и опасеніемъ за перипетіями этой огромной исторической драмы, что нынѣ разыгрывается на огромной сценѣ, по всему лицу русской земли. Законодательные выборы явились новымъ значительнымъ актомъ этой драмы.

Какъ оцѣнятъ мыслящіе люди Запада это событіе, узнаемъ не сейчасъ, но что говоритъ и чего желаетъ буржуазія, а такъ же, что думаетъ и какъ цѣнитъ пролетаріатъ, намъ разсказываютъ ихъ газеты. Многое здѣсь очень характерно. Многое интересно и для насъ. Начнемъ съ буржуазіи. На сужденія нѣмецкихъ буржуазныхъ газетъ имѣютъ огромное вліяніе позиціи, рекомендуемыя берлинскимъ правительствомъ, и польскій вопросъ. Мы не остановимся такъ же на мнѣніяхъ, высказываемыхъ въ министерской прессѣ Англіи и Франціи. Буржуазная пресса правѣе министерствъ Клемансо во Франціи и Кемпбелля-Баннермана въ Англіи представляется наиболѣе авторитетнымъ отголоскомъ истинно-буржуазныхъ мнѣній и пожеланій.

Въ «Temps» (газетѣ, вполнѣ отвѣчающей этимъ условіямъ), въ номерѣ отъ 25 (12) февраля появилась интересная передовица,

озаглавленная «La Nouvelle Douma». Къ удивленію, статистика выборовъ довольно близка къ дѣйствительности. Привожу существенное изъ этой статьи.

«Сегодня мы знаемъ результатъ 419 избраній въ новую Думу изъ 524 всего числа членовъ Думы... Въ процентныхъ отношеніяхъ (которыя чувствительно измѣниться уже не могутъ) мандаты распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) Крайняя лѣвая (соціалисты, революціонеры и другія лѣвыя группы) имѣютъ—39%.

2) Конституціоналисты-демократы—22%.

3) Націоналисты, преимущественно поляки—11%.

4) Октябристы и умѣренно-правые—8%.

5) Монархисты—20%.

Изъ этихъ цифръ совершенно ясно слѣдуетъ, что, не смотря на очень энергичную и, по нашему мнѣнію, достойную сожалѣнія кампанію, которую вело правительство противъ кадетовъ, они возвращаются въ Думу въ значительномъ числѣ и являются самою многочисленною однородною партіей (лѣвыя распадаются на множество мелкихъ фракцій), т. е. самою сильною въ новомъ парламентѣ. Вопреки преслѣдованіямъ за подписаніе выборгскаго воззванія, лишившимъ подписавшихъ права избранія, вопреки запрещенію конгрессовъ кадетовъ, вопреки отказу въ «легализаціи» этой партіи и всяческимъ другимъ препятствіямъ ея пропаганды, они сохранили безъ малаго четверть всего числа депутатскихъ мѣстъ. Въ первой Думѣ ихъ было больше. Однако, въ настоящей Думѣ преимущество ихъ новаго положенія компенсируетъ уменьшеніе ихъ численности. Это преимущество, прежде всего, опирается на тотъ фактъ, что имъ дали свои голоса наиболѣе просвѣщенные и наиболѣе авторитетные центры, которые и имѣлись въ виду главнымъ образомъ извѣстными «разъясненіями»: выборы въ С.-Петербургѣ и Москвѣ представляются въ этомъ смыслѣ въ высшей степени замѣчательными. Другое ихъ преимущество заключается въ ихъ солидарности и дисциплинѣ. Наконецъ, новымъ преимуществомъ является и ихъ положеніе какъ разъ въ центрѣ Думы.

Это положеніе совершенно ясно. Направо отъ конституціоналистовъ-демократовъ остаются и останутся монархисты, націоналисты и даже октябристы. Эти группы, согласіе между которыми будетъ постоянно нарушаться, составятъ 39% противъ 22% у кадетовъ. И повторяемъ, что между этими группами съ конституціоналистами-демократами существуетъ неустранимое соперничество. Налѣво раздѣленіе будетъ не менѣе рѣшительнымъ. Безъ сомнѣнія, не надо забывать, что въ первой Думѣ кадеты, въ значительной степени по собственной ошибкѣ и еще болѣе по ошибкѣ правительства, взяли очень налѣво въ сторону крайней лѣвой. Извѣстно также, что и при настоящихъ выборахъ въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ кадеты заключали соглашенія съ лѣвыми.

Однако, декларацiи, сдѣланныя г. Милюковымъ въ «Рѣчи», обнаруживаютъ рѣшимость избѣгать въ будущемъ подобныхъ комбинацiй. Онъ заявляетъ, что партiя кадетовъ будетъ работать надъ дѣломъ нацiональной реформы на строго конституцiонный почвѣ и что она рѣшила воздерживаться отъ всякихъ революцiонныхъ происковъ, а равно и отъ какихъ бы то ни было соглашенiй съ революцiонными партiями.

По всѣмъ этимъ соображенiямъ, есть полное основанiе думать, что по своей численности и по своей программѣ конституцiонно-демократическая партiя образуетъ думскiй центръ, котораго не доставало первой Думѣ и образованiе котораго желали такiе предусмотрительные дѣятели, какъ г. Муромцевъ и г. Александръ Гучковъ. Въ Думѣ 1906 года существовала, какъ всѣ помнятъ, лѣвая, невоздержанная, прямо чудовищная, не имѣвшая передъ собой ни дѣятельнаго правительства, ни дѣйствительной оппозицiи и очень скоро усвоившая клубныя привычки. На этотъ разъ, напротивъ, существуетъ центръ. Безъ него нельзя управлять. И онъ самъ, чтобы дѣйствовать на законномъ основанiи, долженъ войти въ соглашенiе съ правительствомъ. Такимъ образомъ, вопросъ, отъ котораго зависятъ всѣ остальные вопросы, ставится съ поразительною ясностью, именно: состоится или нѣтъ это соглашенiе? Если состоится, то надо считать уже существующей ту «работоспособную» Думу, о которой такъ часто говорилъ г. Столыпинъ. И съ этою Думою Россiя вступитъ въ новую эру внутренняго мира и методическихъ реформъ. Если же этого соглашенiя не будетъ, то въ скоромъ времени опять роспускъ Думы, послѣдствiй котораго никто не можетъ предвидѣть. Никогда доброй волѣ сторонъ не предстояла проблемма, болѣе важная и болѣе настоятельная.

Чтобы стало возможнымъ это соглашенiе, необходимо, чтобы обѣ стороны сумѣли забыть разныя претензiи недавняго прошлаго. Необходимо, что бы на мѣсто политики чувства и настроенiя была поставлена политика реальной дѣятельности. Что касается законодательной программы, то, собственно говоря, согласiе уже на лицо: тому доказательствомъ недавнiй циркуляръ г. Столыпина. Относительно министерской отвѣтственности уже при министерствѣ Горемыкина были возбуждены переговоры. Ихъ можно возобновить и продолжить. Относительно аграрнаго вопроса существуетъ разногласiе между кадетами и правительствомъ. Однако разногласiе съ лѣвыми у кадетовъ еще глубже. Стало быть, соглашенiе и здѣсь возможно. Пусть обѣ стороны сообразятъ размѣры зла, которое онѣ своими раздорами сдѣлали себѣ и Россiи. Онѣ поймутъ, что исцѣленiе заключается въ единенiи. Правительство имѣло выборы, отнюдь не такiе, какихъ желало. Кадеты же сократились числомъ. Этотъ урокъ долженъ былъ научить тѣхъ и другихъ. Для тѣхъ и другихъ открывается возможность создать положенiе менѣе

и прочное. Лишь-бы сумѣли воспользоваться благопріятнымъ моментомъ».

Такъ совѣтуетъ французскій буржуа своимъ собратьямъ-кадетамъ и своимъ союзникамъ правящимъ русскимъ классамъ. Пожуривъ кадетовъ за былыя связи съ лѣвыми, а правящіе классы за гоненія, воздвигнутыя ими на кадетовъ, газета, являющаяся выразительницей мнѣній западной буржуазіи, надѣется на примиреніе и солидарную работу кадетовъ и правительства и призываетъ къ этому обѣ стороны, любезныя сердцу западнаго буржуа. Въ томъ же приблизительно родѣ и духѣ высказывается и «Times», но лондонская газета строже къ кадетамъ за ихъ лѣвыя увлеченія въ первой Думѣ и еще снисходительнѣе къ правительству, довѣряя искренности его конституціонныхъ намѣреній. Въ этомъ отношеніи существуетъ трогательное единодушіе всей буржуазной прессы Европы. Въ Англіи и Франціи правящіе классы являются представителями той же буржуазіи. Естественно, если и они питаютъ тѣ же желанія и надежды. Они—эти Клемансо и Баннерманы—искренно желаютъ свободы русскому народу, но интересы ихъ буржуазныхъ избирателей всетаки на первомъ планѣ. Это совершенно естественно и можно вполнѣ довѣриться слѣдующей телеграммѣ спеціальнаго вѣнскаго корреспондента «Руси»:

«По слухамъ, циркулирующимъ въ здѣшнихъ политическихъ кругахъ, во французскихъ правительственныхъ сферахъ придерживаются мнѣнія о желательности совмѣстной работы нашего правительства съ Думою, среди партій которой предпочтеніемъ французскихъ вліятельныхъ круговъ пользуются кадеты. Только при такой работѣ наступитъ успокоеніе и станетъ возможнымъ заключеніе новаго займа во Франціи. А что безъ подобнаго займа нашему правительству не обойтись, это по мнѣнію парижскихъ финансовыхъ круговъ не подлежитъ сомнѣнію, и тамъ уже будто бы разрабатываются условія, при коихъ заемъ можно было бы провести».

Русскіе займы, очень убыточные французскому народу, очень выгодны посредникамъ, такъ называемымъ «финансовымъ кругамъ» Франціи. Естественно желаніе создать для нихъ лучше подготовленную почву.

II.

Западно-европейскій буржуазный міръ надѣется на коалицію правительства и кадетовъ. Онъ этого настойчиво желаетъ и настойчиво приглашаетъ къ тому обѣ стороны. Однако, мечты французскихъ, англійскихъ и прочихъ иныхъ буржуа едва ли имѣютъ шансы осуществиться. Мы видѣли выше, что разсчетъ основанъ на центральномъ положеніи кадетовъ въ Думѣ: справа—39 проц.

и слѣва тоже 39 проц. Это даетъ имъ какъ бы право приговора въ ту или другую сторону, возможность держать думское равновѣсіе въ своихъ рукахъ. Затѣмъ собственная малочисленность заставитъ ихъ быть сговорчивыми. Пораженіе на выборахъ и необходимость внѣшняго займа заставитъ быть сговорчивѣе и правительство. Заявленіе лидера кадетовъ г. Милюкова и циркуляры премьеръ-министра г. Столыпина прокладываютъ путь къ соглашенію. Таковы основанія западно-финансовыхъ надеждъ. Не все тутъ, однако, достовѣрно.

Прежде всего, ошибка статистическая. Справа не 39 проц., а только 28 проц., по подсчету, которымъ руководилась редакція «Temps», потому что соединять 11 проц. націоналистовъ съ «правыми» совершенно немыслимо; націоналисты добиваются автономія Польши и равноправія всѣхъ національностей, противъ чего рѣшительно и непримиримо возстаютъ «правые». Ихъ единеніе, стало быть невозможно, и вся красота симметріи является нарушенною. Нарушено и доминирующее положеніе кадетовъ: 22 проц. кадетовъ и 28 проц. правыхъ составляютъ вмѣстѣ 50 проц. Это при полномъ единеніи всѣхъ «правыхъ» и всѣхъ кадетовъ, а возможно ли это? Положимъ, «правымъ» прикажутъ, а лѣвымъ кадетамъ? Это относится къ статистикѣ 419 избраній. Болѣе поздняя статистика 487 избраній даетъ цифры, еще менѣе благопріятныя для надеждъ иностранныхъ финансистовъ. Ведя систематическій подсчетъ по телеграммамъ, я получилъ слѣдующее распредѣленіе мандатовъ по большимъ партійнымъ группамъ (объединяя всѣхъ соціалистовъ, соединяя съ кадетами мирно-обновленцевъ, демократовъ-реформистовъ и «прогрессистовъ» и присоединяя къ правымъ октябристовъ и «умѣренныхъ»):

Соціалистовъ	196	40,25 проц.
Кадетовъ	119	24,43 »
Правые	103	21,15 »
Націоналисты	46	
Безпартійные	23	14,17 »
	487	100,00 проц.

Кадетовъ и правыхъ, вмѣстѣ взятыхъ, уже только 45%! Не говоря о лѣвыхъ кадетахъ, что скажутъ еще «прогрессисты?» Ихъ кадетство вѣдь только гипотеза... Что скажутъ оставшіеся 37 выборовъ? Это преимущественно Сибирь, которая въ 1906 году была лѣвѣе кадетовъ... Значитъ, чтобы опираться на думское большинство, надо присоединить націоналистовъ и привлечь безпартійныхъ, задача, гораздо болѣе сложная и трудная, чѣмъ простая комбинація «Столыпинъ Милюковъ». Эта болѣе поздняя статистика указываетъ, что доминирующее положеніе досталось на долю соціалистовъ, если они сумѣютъ сохранить единство и вести общую парламентскую кампанію.

Вышеприведенная статья «Temps», интересная сама по себѣ, интересна еще и тѣмъ, что вызвала реплику со стороны газеты Жорэса «L'Humanité», главнаго органа французскихъ соціалистовъ. Приведя статистику и разсчеты «Temps», соціалистическая газета такъ продолжаетъ: «Такимъ образомъ, успѣхи оппозиціи обнаруживаются все яснѣе, и даже наши буржуазные собратья, у которыхъ мы заимствовали вышеприведенныя цифры, вынуждены это признать, хотя и не безъ оговорокъ. Они признаютъ, что соціалисты располагаютъ 39% мандатовъ (при чемъ не включаютъ сюда соціалистовъ-націоналистовъ), правые—28% и кадеты—22%, но утѣшаютъ себя, указывая на дробленіе лѣвыхъ, на множество мелкихъ фракцій. Вполнѣ справедливо, что наши товарищи, выбранные въ Думу, принадлежатъ не къ одной организаціи. Однако, добрые пророки желаютъ игнорировать тотъ фактъ, что только соціалистическія партіи были настолько организованы и добросовѣстны, что могли заключать избирательные союзы, строго соблюдая условленныя соглашенія. Есть полное основаніе надѣяться, что и въ Думѣ они будутъ слѣдовать тому же пути, и кадеты, поставленные между правою, съ которою они желали бы сблизиться (чему препятствуетъ крайности недавней полемики), и лѣвою, энергичною, убѣжденною и вопреки всему единою, скоро должны будутъ сдѣлать окончательный выборъ. Тогда положеніе совершенно выяснится» («Humanité», 25—13 февр.).

Черезъ нѣсколько дней газета Жорэса получила новыя свѣдѣнія, болѣе правильныя и болѣе позднія. Сообщая ихъ своимъ читателямъ, нашъ уважаемый парижскій собратъ прибавляетъ слѣдующіе комментаріи («Humanité», 28—15 февр.): «Прежде всего, надо замѣтить, что группа *лѣвыхъ*, насчитывающая уже шестьдесятъ пять членовъ, заключаетъ въ себѣ очень передовые элементы. Именно сюда входятъ представители сильной крестьянской организаціи, такъ называемаго *крестьянскаго союза*, строго соблюдшаго принятыя на себя передъ выборами обязательства. Ихъ собственные избранники составляютъ эту группу. Крестьянскій союзъ, приступая къ выборамъ, принялъ рѣшеніе голосовать за соціалистическихъ кандидатовъ всюду, гдѣ были шансы ихъ избранія, и выставлять въ другихъ мѣстахъ собственныя кандидатуры. Наши читатели достаточно знакомы съ программою 32 членовъ *трудовой группы*, чтобы мы на этомъ не останавливались болѣе. Наконецъ, число избранныхъ обѣихъ соціалистическихъ партій, показанное въ концѣ нашего списка, нельзя не признать замѣчательнымъ. Всѣ помнятъ, какъ оффиціальныя свѣдѣнія особенно мало отводили мѣста нашимъ друзьямъ, соціалистамъ-революціонерамъ. Ихъ численность уже достигала сорока пяти, когда агентство и газеты имъ отводили не болѣе одиннадцати или двѣнадцати. Отъ души радуемся успѣху нашихъ товарищей и увѣрены, что, въ концѣ концовъ, успѣхъ ихъ окажется еще болѣе блестящимъ».

Наконецъ, еще въ одной замѣткѣ «Humanité», констатируя ростъ соціалистическихъ успѣховъ, выражаетъ увѣренность, что и въ Думѣ, подобно тому, какъ было на выборахъ, русскіе товарищи сумѣютъ исполнить свой долгъ.

Покуда существуютъ всѣ основанія надѣяться, что такъ и будетъ. Если состоится единеніе всѣхъ лѣвыхъ (я кадетовъ среди нихъ не считаю), то центру, столь обласканному и облюбованному западнымъ буржуа, останется либо во всемъ подчиниться руководству лѣвой, либо открыто перейти къ правымъ... Что кадеты выберутъ, это ихъ дѣло. Не оставлять націи никакихъ иллюзій на счетъ бывшихъ земскихъ либераловъ, это первая задача, выясняющая политическое положеніе. Вторая задача — не дать повода неудачи второй Думы свалить на лѣвыхъ. Весьма возможно, что програмныхъ вопросовъ Думѣ не придется рѣшать въ тотъ срокъ, быть можетъ, очень короткій, который ей отведетъ исторія. Искусная, твердая и солидарная тактика, вотъ чего историческій моментъ требуетъ отъ представителей русскаго народа...

III.

25 (12) января происходили общіе законодательные выборы и въ Германіи. Затѣмъ слѣдовала черезъ недѣлю, 1 февр. (19 янв.), перебаллотировка, а 2 февраля (20 янв.) Германія уже получила новый рейхстагъ. Прежній (избраніе 1903 года) былъ распущенъ изъ-за конфликта съ короной, на почвѣ колоніальнаго управленія.

Въ теченіе 1906 года въ рейхстагѣ преимущественно членами партіи центра (клерикалами) были неоднократно указываемы многочисленныя злоупотребленія колоніальнаго вѣдомства. Эти злоупотребленія заключались, главнымъ образомъ, въ хищеніяхъ на почвѣ подрядовъ и поставокъ, но такъ же и въ ужасныхъ жестокостяхъ, чинимыхъ администраторами надъ чернымъ населеніемъ африканскихъ колоній. Не говоря объ обыкновенныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, расточающихся съ невѣроятною жестокостью и въ изобильномъ количествѣ; не говоря о смертныхъ казняхъ, часто практикующихся по простому распоряженію какого-нибудь полицейскаго чина; не говоря о всякихъ другихъ квалифицированныхъ казняхъ, гдѣ смерть приходила послѣ долгихъ и мучительныхъ пытокъ, африканскіе властители примѣняли коллективныя наказанія цѣлыхъ селъ и даже цѣлыхъ группъ поселеній за нераскрытое преступленіе, за скрывшагося виновнаго или просто за невзносъ налога скрывшимся плательщикомъ. Поголовное сѣченіе невинныхъ является самымъ мягкимъ наказаніемъ. Для его усиленія придумали такія села и группы селъ лишать женщинъ. Всѣ женщины отбираются и препровождаются въ сосѣднія укрѣпленные пункты. Только выдача преступника или неплательщика можетъ возвратить женщинъ

въ ихъ села, ихъ отцамъ и мужьямъ. Плѣнныя, такимъ образомъ, женщины третируются съ суровостью, какъ будто истинныя преступницы. Ихъ содержатъ грязно и скученно, плохо кормятъ, совсѣмъ не одѣваютъ, бьютъ и наказываютъ по ничтожнымъ причинамъ и совсѣмъ безъ причинъ. Молодыхъ и красивыхъ отбираютъ для утѣхи бѣлыхъ истязателей и развратниковъ. Если эти несчастныя возвращаются въ свои села, то не всѣ. Однѣ не вынесли жестокаго режима и военной дисциплины. Другія удержаны въ услуженіе власть имущихъ. Села и группы селъ, которыя, лишенныя своихъ женщинъ, все же не могутъ удовлетворить поставленныхъ имъ требованій, подвергаются совершенному разгрому, населеніе избивается, деревни сжигаются, скотъ конфискуется. Это безчеловѣчное управленіе африканскими владѣніями, особенно Ангро-Пеквеной (юго-западная Африка), вызвало въ этой послѣдней отчаянное возстаніе населяющихъ эту страну негритянскихъ племенъ Дамара и Герреро. Возстаніе вспыхнуло въ 1905 году, не совсѣмъ подавлено еще и теперь, въ 1907 году.

Весь 1906 годъ шла борьба, и нѣмцы не разъ терпѣли частныя пораженія, хотя, конечно, магазинныя ружья и пулеметы рано или поздно должны одолѣть голыхъ противниковъ съ дротиками и луками. Однако, чтобы туда доставить эти ружья и пулеметы, а также подкрѣпленія солдатами, офицерами, новыми истязателями измученныхъ чернокожихъ племенъ, необходимо имѣть на то средства. Правительство, смѣстившее нѣкоторыхъ администраторовъ, прикосновенныхъ къ хищеніямъ (въ ихъ числѣ министра), обратилось къ парламенту за кредитомъ въ 9 милліоновъ марокъ (около 5 мил. фр.) для окончанія усмиренія ангро-пеквенскихъ мятежниковъ. Тѣ смѣщенія, которыя совершало правительство, не удовлетворили рейхстагъ. Онъ желалъ большаго и отказалъ въ просимомъ кредитѣ. Тогда былъ прочтенъ заранѣе заготовленный императорскій указъ о распущеніи рейхстага и назначеніи новыхъ выборовъ на 25 янв. и 1 февр. 1907 года. Эти выборы и состоялись теперь. Ихъ анализомъ мы и займемся ниже.

Противъ ассигнованія этого кредита возстали прежде всего члены центра. Они изобличали африканскихъ хищниковъ и мучителей, и недостаточное вниманіе правительства къ ихъ требованіямъ заставило ихъ прибѣгнуть къ отказу въ кредитѣ. Къ нимъ присоединили свои голоса соціалисты, вообще противники колоніальныхъ авантюръ, и націоналисты, враждебные вообще нѣмецкому господству, поляки, эльзасцы, датчане. Образовалось такимъ образомъ слабое большинство противъ кредита. За кредитъ голосовали, кромѣ консерваторовъ, и всѣ либеральныя и буржуазно-демократическія партіи. На выборахъ, такимъ образомъ, предстали съ одной стороны сплотившіеся феодалы и буржуазія, съ другой—совершенно не сплоченные (и не имѣющіе возможности сплотиться) клерикалы, соціалисты и націоналисты.

Здѣсь мы лишь въ главныхъ линіяхъ обозначили партійное распредѣленіе въ германскомъ рейхстагѣ, какъ оно представляется въ далекой исторической перспективѣ. На близкомъ разстояніи, вмѣсто этого естественнаго историческаго дѣленія, мы замѣчаемъ цѣлую путаницу мелкихъ партій, почти хаосъ. О нихъ то и приходится говорить, анализируя избирательную кампанію и ея исходъ. Поэтому напомнимъ, прежде всего, именно этотъ пестрый составъ нѣмецкихъ политическихъ учрежденій и нѣмецкаго избирательнаго корпуса. Не однажды уже мнѣ приходилось по поводу германскихъ выборовъ говорить объ этомъ. Остается теперь для памяти повторить вкратцѣ эти данныя.

Нѣмецкій рейхстагъ складывается изъ множества партій, выдѣлившихся изъ двухъ большихъ партій старой до-прусской Германіи. Тогда, какъ и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, существовали двѣ большія партіи, консервативная и либеральная. Первая была враждебна представительному правленію и свѣтскому образованію и стояла за сохраненіе прерогативъ короны (тридцати трехъ государей Германіи), сословныхъ привилегій и духовной власти церкви, при чемъ политической борьбы между католичествомъ и протестантизмомъ не было. Знаменитый въ свое время своимъ обскурантизмомъ, прусскій министръ народнаго просвѣщенія Мюллеръ предоставилъ народную школу во власть католическихъ патеровъ въ той же мѣрѣ, какъ и во власть протестантскихъ пасторовъ, смотря по исповѣданію учащихся. Сильная и сплоченная консервативная партія тогдашней Германіи (1815—1865 гг.) нераздѣльно господствовала въ странѣ, но имѣла и свою ахиллесову пятку. Эта пятка заключалась въ необходимости отстаивать прерогативы не одной національной короны, а цѣлыхъ тридцати трехъ коронъ, интересы которыхъ вовсе не были солидарны. Крупныя и сильныя стремились къ поглощенію малыхъ и слабыхъ, а двѣ самыя крупныя и сильныя, австрійская и прусская, явно враждовали, раздѣляя и остальныхъ нѣмцевъ на два лагеря, великогерманцевъ или австрофиловъ и малогерманцевъ или пруссофиловъ.

Противъ консерваторовъ стояла тогда тоже единая либеральная партія. Она не отличалась особою преданностью тридцати-тремъ государямъ и желала объединенія Германіи, представительнаго демократическаго правленія и реформъ въ духѣ принциповъ 1789 г. Въ ея средѣ тоже были велико-германцы и мало-германцы, хотя послѣдніе преобладали. Въ ея средѣ было еще одно дѣленіе: одни говорили «erst Einheit und dann Freiheit», а другіе предпочитали «erst Freiheit und dann Einheit», но покуда это дѣленіе было чисто академическое, потому что въ тѣ времена нѣмцы принуждены были обходиться и безъ Einheit, и безъ Freiheit. Если консерваторы состояли изъ тридцати трехъ государей Германіи, ихъ министровъ, ихъ вѣрнаго дворянства и духовенства обоихъ

исповѣданій, то въ составъ либераловъ входили, главнымъ образомъ, тѣ элементы, что французы недавно начали называть intellectuels, и болѣе просвѣщенная часть бюргерства. Въ народѣ консерваторы опирались на крестьянъ, экономически зависимыхъ отъ дворянъ и морально подчинявшихся духовенству. Либералы, съ своей стороны, находили нѣкоторое сочувствіе въ рабочихъ классахъ большихъ городскихъ центровъ. Господство историческаго авторитета, свѣтскаго и духовнаго, это - программа большой консервативной партіи. Ограниченіе свѣтскаго авторитета, отмѣна свѣтскаго покровительства духовному авторитету и народное правленіе, такова либеральная программа нѣмецкой оппозиціи во второй трети XIX вѣка. Программа консервативная была фактомъ; либеральная — болѣе надеждою и мечтою.

Вѣроятно, такое положеніе, хотя иногда и колеблемое разными попытками либеральнаго движенія, продолжалось бы еще долго (потому что силы двухъ сторонъ были очень неравны), если бы не вышеупомянутая ахиллесова пятка консервативной партіи. Пруссія пожелала вытѣснить Австрію изъ Германіи, поглотить владѣнія нѣкоторыхъ государей и стать во главѣ Германіи. Ей это удалось вполнѣ, но значительная часть консервативной партіи, всѣ великогерманцы и всѣ сторонники четырехъ низложенныхъ государей, откололись отъ консерваторовъ-пруссаковъ и пруссофиловъ. Пруссія нашла вмѣсто этого поддержку въ части либеральной партіи (именно среди тѣхъ, которые исповѣдовали «erst Einheit und dann Freiheit»), чѣмъ еще усилила отпаденіе консервативныхъ элементовъ, особенно клерикальныхъ католическихъ. Конфликтъ съ римскимъ духовнымъ престоломъ утвердилъ эту эволюцію, и большая единая консервативная партія перестала существовать. Она распалась на четыре фракціи, двѣ пруссофильскія (reichstreüe, какъ ихъ называлъ Бисмаркъ) и двѣ оппозиціонныя. Въ числѣ послѣднихъ главное значеніе имѣла и имѣетъ клерикально-католическая партія, принявшая названіе центра, а затѣмъ вельфы, т. е. сторонники низложеннаго королевскаго Ганноверскаго дома, съ примыкающими сюда и другими нѣмецкими партикуляристами. Оставшаяся reichstreüe часть консервативной партіи частью сохранила вполнѣ всѣ принципы бывшей единой консервативной партіи (эта фракція сохранила названіе консерваторовъ), частью сдѣлала небольшое движеніе влѣво, особенно по вопросу борьбы съ клерикализмомъ (эта часть назвала себя Reichspartei, одно время называлась тоже Freikonservative). Впослѣдствіи изъ консервативныхъ фракцій выдѣлились еще три фракціи аграріевъ и двѣ антисемитовъ.

Параллельно съ распаденіемъ консервативной партіи произошло и распаденіе либеральной. Мы видѣли выше, что прусское правительство за объединеніе Германіи и за борьбу съ католическимъ клерикализмомъ получило поддержку части либераловъ,

пожертвовавшихъ многими пунктами либеральной программы и принявшихъ названіе націоналъ-либераловъ. Либералы, оставшіеся вѣрными всей полнотѣ либеральной программы, сохраняли сначала старое имя всей партіи (Fortschrittpartei, прогрессисты), а потомъ, когда удалось оторвать отъ націоналъ-либераловъ лѣвое крыло и съ нимъ соединиться, приняли имя свободомыслящихъ Freisinnige, недолго продержавшихся въ единеніи и распавшихся по причинѣ соперничества вождей на три фракціи: свободомыслящая народная партія, свободомыслящій союзъ и южно-нѣмецкая народная партія.

Когда совершалось распаденіе двухъ старинныхъ большихъ партій (1866—1871 гг.), только что возникла партія соціалистическая, затѣмъ постепенно выросшая въ серьезную политическую силу. Національныя партіи, французская, польская, датская и литовская, дополняютъ эту пестроту и множественность нѣмецкихъ партій, оспаривающихъ другъ у друга господство въ имперскомъ парламентѣ. Чтобы облегчить читателямъ слѣдить за нижеслѣдующимъ изложеніемъ, мы сначала дадимъ въ систематическомъ порядкѣ перечисленіе всѣхъ партій и фракцій рейхстата:

I. *Партіи консервативныя*:

1) Правительственныя:
   Консерваторы.
   Имперская партія.
   Экономическій союзъ (аграріи).
   Союзъ сельскихъ хозяевъ (тоже аграріи).
   Партія реформы (антисемиты).
2) Оппозиціонныя:
   Католическій центръ.
   Вельфы и нѣмцы партикуляристы.

II. *Партіи либеральныя*:

1) Правительственныя:
   Націоналъ-либералы.
2) Оппозиціонныя:
   Свободомыслящая народная партія.
   Свободомыслящій союзъ.
   Южно-нѣмецкая народная партія.

III. *Соціалисты.*

IV. *Партіи національныя*:

Французская (эльз.-лотар.).
Польская.
Литовская.
Датская.

V. *Дикіе* (Wilde),
т. е. не принадлежащіе ни къ какой партіи.

Итого 14 партій.

Эти всѣ фракціи и предстали теперь въ 1907 году на судъ избирателей, какъ раньше являлись и въ 1898, и въ 1903 г.

IV.

Оппозиція, отвергнувшая кредитъ въ девять милліоновъ марокъ на подавленіе возстанія въ Ангра-Пеквенѣ, представляла собою соединеніе несоединимыхъ элементовъ, клерикаловъ, націоналистовъ и соціалистовъ. Составивъ антиправительственное большинство въ парламентѣ, они не могли идти рука объ руку на выборахъ, будучи коренннымъ образомъ не согласимы по своимъ программамъ, стремленіямъ, симпатіямъ. Они и шли врозь и часто даже подрывая другъ друга. Совсѣмъ иначе сложились отношенія съ другой стороны, съ правительственной. За кредиты на войну съ дамарами и герререрами подали въ парламентѣ голосъ всѣ консерваторы (всѣ пять фракцій) и всѣ либералы (всѣ четыре фракціи). Они остались союзниками и во время выборовъ. Консервативныя фракціи всегда были союзны между собой и на всѣхъ прежнихъ выборахъ. Націоналъ-либералы къ нимъ примыкали въ томъ смыслѣ, что на перебаллотировкѣ поддерживали консервативныхъ кандидатовъ противъ клерикальныхъ, свободомыслящихъ и соціалистическихъ. Консерваторы поддерживали націоналъ-либераловъ противъ кандидатовъ тѣхъ же партій. На выборахъ 1907 года эта тактика осталась неизмѣнною. Радикально измѣнилась тактика остальныхъ трехъ фракцій либеральной партіи, ея лѣваго крыла, состоящаго изъ свободомыслящей народной партіи, свободомыслящаго союза и южно-германской народной партіи. Эти нѣмецкіе радикалы прежде на перебаллотировкѣ поддерживали соціалистовъ противъ кандидатуръ клерикальныхъ и консервативныхъ и въ тѣхъ же случаяхъ пользовались поддержкою соціалистовъ, съ которыми по вопросамъ, чисто политическимъ, вполнѣ солидарны. Нынѣ ихъ разъединила колоніальная авантюра, за которую стоитъ вся буржуазія, до самой радикальной включительно. Окончательный результатъ выборовъ (вмѣстѣ съ перебаллотировкою) представляетъ слѣдующее распредѣленіе мандатовъ по партіямъ и фракціямъ:

Правительственные консерваторы:

1.	Консерваторы	59
2.	Имперская партія	21
3.	Экономическій союзъ	15
4.	Союзъ сел. хозяевъ (аграріи)	8
5.	Антисемиты (партія реформы)	6=109

	Либералы:		
6.	Націоналъ-либералы	55	
7.	Свободомысл. нар. партія	28	
8.	Свободомысл. союзъ	11	
9.	Южно-нѣм. нар. партія	7	=101
	Оппозиціонные консерваторы:		
10.	Центръ (клерикалы)		105
11.	*Соціалисты*		48
	Націоналисты и партикуляристы:		
12.	Поляки	20	
13.	Эльзасцы	7	
14.	Датчане	1	
15.	Вельфы	1	= 29
16.	*Дикіе* (безпартійные)		10
	Всего		397

Въ распущенномъ рейхстагѣ оппозиціонная коалиція располагала 214 голосами (при абсолютномъ большинствѣ—199). Въ избранномъ теперь парламентѣ та же коалиція, если бы образовалась по какому-либо вопросу, могла бы располагать всего 177 голосами и большинства не составила бы. Такимъ образомъ, несомнѣнно правительство кн. Бюлова одержало блестящую побѣду и въ новомъ рейхстагѣ можетъ располагать большинствомъ, и при томъ въ двухъ комбинаціяхъ. Во первыхъ, правительственные консерваторы и либералы, ведшіе общую избирательную кампанію, вмѣстѣ взятые, представляютъ солидное число 210 депутатовъ, т. е. большинство. Однако, если бы либералы стали требовательны, пожелали бы либеральныхъ реформъ, ополчились бы на крайній протекціонизмъ экономической политики правительства, или потребовали ограничить милитаризмъ, правительство можетъ обойтись и безъ нихъ. Сдѣлавъ уступки клерикаламъ и пріобрѣтя ихъ поддержку, оно образуетъ другое солидное большинство, чисто консервативное, изъ 214 голосовъ (109 консерваторовъ правительственныхъ и 105 клерикаловъ). Опираясь на сильную консервативную партію, имѣя возможность составить вмѣстѣ съ этою партіей два большинства, правительство можетъ не идти на серьезныя уступки ни либераламъ, ни клерикаламъ, угрожая соглашеніемъ съ другою стороною. Теперь оно опирается на большинство, образованное изъ консерваторовъ и либераловъ, но ведетъ переговоры и съ центромъ, гдѣ стоятъ на почвѣ совершенной отмѣны такъ называемыхъ майскихъ законовъ, направленныхъ противъ клерикаловъ. Большая часть отмѣнена. Остались кое-какія права контроля и воспрещеніе іезуитамъ пребыванія въ предѣлахъ германской имперіи. Клерикалы въ особенности домогаются отмѣны этого воспрещенія. Если имъ удастся столковаться съ правительствомъ и

консерваторы правительственные объединятся съ клерикалами въ одну господствующую въ парламентѣ великую консервативную партію, нѣмецкой націи придется пережить дни тяжелой реакціи.

Результатъ настоящихъ выборовъ (по партіямъ, а не по фракціямъ) сравнительно съ данными всѣхъ прежнихъ выборовъ, съ 1871 года (первые выборы послѣ образованія имперіи и учрежденія рейхстага) до 1907 г., мы представляемъ въ слѣдующей таблицѣ:

Годы выборовъ.	Консерв.	Имперцы.	Антисемиты.	Центръ.	Нац.-Либер.	Радикалы.	Соціалисты.	Поляки.	Остальные.
1871	50	38	—	57	116	73	2	*13	27
1874	21	31	—	94	150	49	9	13	30
1877	40	38	—	95	126	35	12	14	35
1878	59	56	—	103	97	26	9	14	33
1879	59	54	—	103	85	23	8	14	48
1880	58	48	—	101	85	41	10	14	37
1881	58	49	—	102	62	64	10	14	37
тоже	48	26	—	107	45	115	12	18	24
1884	52	24	—	106	45	109	13	18	27
тоже	76	28	—	108	50	71	24	16	24
1887	78	41	—	101	98	32	11	13	23
1888	75	39	—	99	97	37	10	13	20
1890	71	29	—	113	41	74	35	16	27
1893	63	18	12	109	42	76	36	16	31
1898	52	22	10	106	48	50	56	14	39
1903	50	16	9	100	51	35	83	16	37
1907	82	21	6	105	55	46	43	20	19

Эта таблица поучаетъ насъ многому Прежде всего, она показываетъ, что правительство не очень стѣснялось роспускомъ парламента. За тридцать шесть лѣтъ существованія имперіи и ея рейхстага избиратели составили семнадцать парламентовъ вмѣсто десяти, какъ слѣдовало бы, если бы рейхстаги доживали до своего законнаго срока (сначала трехлѣтняго, потомъ пятилѣтняго). Практика такихъ роспусковъ не всегда была такъ удачна, какъ въ настоящемъ случаѣ. Случалось не однажды, что нація въ отвѣтъ на обращеніе правительства усиливала оппозицію. Такъ, распустивъ рейхстагъ, избранный въ 1880 году, заключавшій въ себѣ правительственныхъ членовъ 191 (конс.—58, имперцевъ—48 и націон.-либ. 86) при 203 оппозиціонныхъ (клерикалы, радикалы, соціалисты и націоналисты), правительство получило новый рейхстагъ, еще болѣе оппозиціонный, именно: правительственныхъ 169 и оппозиціонныхъ 227. Рейхстагъ былъ немедленно опять распущенъ (въ 1881 году такимъ образомъ были законодательные выборы два раза) и вскорѣ опять собрался въ составѣ всего 119 правительственныхъ и 278 оппозиціонныхъ. Даже Бисмаркъ усталъ распускать и далъ этому рейхстагу спокойно просуществовать все трех-

лѣтіе. Сдѣлать это было возможно, благодаря тому, что, угрожая соглашеніемъ съ клерикалами, онъ добивался уступокъ со стороны радикаловъ (ихъ было 115 въ этомъ рейхстагѣ). Выборы 1884 года были тоже неудачны для правительства, сторонниковъ котораго было выбрано только 121. Бисмаркъ опять прибѣгъ къ роспуску, и 1884 годъ видѣлъ тоже двое законодательныхъ выборовъ въ Германіи. Правительственная партія усилилась, но всетаки имѣла только 154 депутата при 242 оппозиціонныхъ. Тогда-то Бисмаркъ пошелъ въ Каноссу и нѣкоторыми уступками купилъ поддержку клерикаловъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящихъ выборовъ эти коммерческія сношенія между министрами и клерикалами устраивали государственныя дѣла. Такъ какъ клерикалы давали свою поддержку только въ обмѣнъ за опредѣленную услугу, то правительство постепенно исчерпало всѣ свои рессурсы въ смыслѣ удовлетворенія клерикальной требовательности, и если желаетъ и теперь на нихъ опереться, то должно будетъ примириться и съ іезуитами. Только совершенная уступчивость радикаловъ избавляетъ правительство отъ этого шага. Радикалы же потеряли своихъ главныхъ вождей, Евгенія Рихтера и Риккерта, и, быть можетъ, поэтому дали на выборахъ свою поддержку консервативнымъ элементамъ, что и создало это по истинѣ опасное положеніе.

Вторымъ крупнымъ фактомъ настоящихъ германскихъ выборовъ явилось относительное пораженіе нѣмецкихъ соціалистовъ, потерявшихъ почти половину мандатовъ. Однако взглядъ на выше приведенную таблицу (столбецъ «соціалисты») показываетъ, что соціалъ-демократія Германіи не первый разъ терпитъ относительное пораженіе, но выходитъ изъ этого испытанія съ новыми силами и съ новыми успѣхами. Такъ, послѣ того, какъ въ 1877 году она завоевала 12 мандатовъ, въ 1879 г. на ея долю выпало только 8 мандатовъ (ослабленіе на одну треть). Равнымъ образомъ, выборы 1884 года дали соціалистамъ 24 мѣста, число которыхъ на выборахъ 1888 года сократилось до 10, т. е. болѣе, чѣмъ на половину.

Такимъ образомъ, сокращеніе числа соціалистическихъ мандатовъ не должно считаться признакомъ упадка партіи. Тѣмъ болѣе, что число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, не только не уменьшилось, но даже возрасло, на двѣсти сорокъ тысячъ. Однако, другія партіи успѣли увеличить число своихъ голосовъ еще въ большей степени, что показываетъ нижеслѣдующая интересная сравнительная табличка:

	1903 г.	1907 г.	Выиграно.
Консерваторы (всѣ фракціи)	1.550,010	1.860,250	310,240
Націоналъ-либералы . .	1.324,855	1.670,836	245,981
Радикалы (всѣ три фракціи)	629,450	950,560	221,110
	3.504,315	4.481,546	977,331

Клерикалы	1.876,092	2.274,097	398,005
Соціалисты	3.010,771	3.251,005	240,234
Поляки	347,784	449,818	102,034

Эти цифры показываютъ не упадокъ соціалистической партіи, а ростъ другихъ партій, особенно буржуазныхъ, которыхъ избиратели (обѣихъ партій) усилились на 457 тыс. Страхъ передъ союзомъ красныхъ и черныхъ, приверженность къ колоніальной Weltpolitik и личная популярность императора Вильгельма въ средѣ именно бюргерства привлекли къ избирательнымъ ящикамъ огромное количество избирателей, прежде пренебрегавшихъ своимъ избирательнымъ правомъ. Эти абсентеисты прежнихъ выборовъ и составили большинство новыхъ избирателей, буржуазныхъ и отчасти консервативныхъ. Увеличеніе числа соціалистическихъ избирателей показываетъ постепенное развитіе партіи, начавшей въ 1871 году съ 113 тыс. голосовъ и достигшей въ 1907 году огромной цифры 3 милл. 251 тыс. избирателей. Ростъ этой силы явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ:

Года.	Число соціалист. избирателей.	% ко всему числу избирателей.
1871	113.048	2,91
1874	350,861	6,76
1877	493,258	9,13
1878	437,158	7,59
1881	311,961	6.12
1884	549,990	9.71
1887	763,123	10.12
1890	1.427,298	19,75
1893	1.780,989	23,21
1898	2.113,536	27,24
1903	3,010,756	31,71
1907	3,251,005	31,09

Абсолютное число соціалистическихъ избирателей увеличилось; относительное уменьшилось на 0,62%, приблизительно на 1/2 процента. Это немного, но все-таки заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Не начинаетъ ли утомляться великая соціалистическая армія Германіи, сражаясь за отдаленное будущее? Не начинаетъ ли ржавѣть механизмъ самой борьбы? Словомъ, не надо ли пересмотрѣть и программу, и тактику?

Законодательные выборы въ Россіи и Германіи не могли не задержать на себѣ нашего преимущественнаго вниманія и отняли необходимое мѣсто и необходимое время отъ другихъ событій отчетнаго мѣсяца, отъ борьбы съ церковью во Франціи и съ палатою

лордовъ въ Англіи. И то, и другое, между тѣмъ, развивается и въ глубину, и въ ширину, становясь поистинѣ всемірно-историческими событіями.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Вторая Дума. I. Ея отличительныя черты сравнительно съ первой.—II. „Строго конституціонный цензъ" и возможная для него роль въ Думѣ.

Государственная Дума только что открылась... Трудно въ настоящее время предусмотрѣть, какъ сложится ея жизнь, еще труднѣе предугадать ея роль и совершенно невозможно предсказать ея судьбу. Но одно можно утверждать съ полною увѣренностью: вторая Дума будетъ иная, чѣмъ первая.

Возьмемъ даже внѣшнюю только сторону,—ту картину, какую представляла и будетъ представлять собою думская зала. Вопросъ о распредѣленіи депутатскихъ мѣстъ между фракціями возникъ въ первой Думѣ не сразу. Выборы въ прошлый разъ происходили въ разные сроки, члены Думы съѣзжались постепенно, и каждый занималъ себѣ то изъ свободныхъ мѣстъ, какое ему больше нравилось. Въ общемъ наблюдалось тяготѣніе къ лѣвымъ мѣстамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—тенденція держаться съ земляками, садиться по губерніямъ. Картина получалась путанная, и долго нельзя было предугадать, какой типъ распредѣленія мѣстъ установится въ русскомъ парламентѣ: общеевропейскій или старо-французскій. По крайней мѣрѣ, одно время можно было ожидать, что въ русской Думѣ, такъ же какъ и во французскомъ конвентѣ, получатся своя Гора и своя Жиронда. Члены к.-д. фракціи довольно плотной массой успѣли занять наиболѣе удобныя мѣста въ залѣ, ближе къ предсѣдательской трибунѣ; членамъ трудовой группы въ общемъ пришлось помѣститься выше. Но отъ этого было, конечно, множество отступленій. Въ результатѣ члены одной и той же фракціи оказывались сидящими въ разныхъ мѣстахъ, и это—само по себѣ чисто внѣшнее обстоятельство—сказывалось тѣмъ не менѣе на общемъ ходѣ думскихъ занятій. Между прочимъ, недружныя голосованія трудовиковъ отчасти объяснялись, быть можетъ, разбросанностью ихъ въ думской залѣ. Неудобства такого размѣщенія депутатовъ были въ концѣ концовъ признаны. Возникъ вопросъ о распредѣленіи мѣстъ между фракціями, но разрѣшить его удалось не сразу: членамъ к.-д. партіи, повидимому, не только было жалко разстаться съ болѣе удобными мѣстами, но и не хотѣлось передвинуться къ центру и вправо, чтобы дать на лѣвомъ флангѣ мѣсто трудовикамъ и соціалъ-демокра-

тамъ. Тогда въ к.-д. средѣ не наблюдалось еще пренебрежительнаго отношенія къ «топографическимъ терминамъ», какое установилось въ междудумскій періодъ. Какъ бы то ни было, лишь въ срединѣ думской сессіи удалось распредѣлить мѣста между фракціями. Коммиссія, которой поручено было это дѣло, результаты своей работы дала тогда въ видѣ раскрашеннаго графика. Красокъ ей пришлось употребить не много...

Теперь графикъ нуженъ новый, красокъ въ немъ будетъ больше и самые цвѣта будутъ ярче. Вторая Дума оказалась гораздо пестрѣе первой. Единогласныхъ постановленій въ новой Думѣ уже не будетъ. Можно еще себѣ представить, что всѣ цвѣта радуги, преломившись подъ опредѣленнымъ угломъ, въ ту или иную минуту сольются. Но на правомъ краю Думы неизмѣнно будетъ оставаться черное пятно, враждебное всякому, даже сумеречному свѣту. Это темное пятно было и въ первой Думѣ,—въ ней были Ерогины, Ильины, Способные, но они могли «щеголять», какъ выражается «Новое Время», «однимъ только краснорѣчивымъ молчаніемъ» *). Теперь правый флангъ, вѣроятно, будетъ самый крикливый: если Крушеванъ и Пуришкевичъ, въ концѣ концовъ, и замолчатъ, то не прежде, конечно, какъ вдосталь наскандаливъ.

Графикъ нуженъ новый, и онъ потребовался теперь сразу. Въ первой Думѣ сначала была лишь одна ясно очерченная партія,— к.-д. Изъ другихъ партій, участвовавшихъ въ выборахъ, нѣкоторыя не дошли до Думы, нѣкоторыя по дорогѣ въ нее растворились. Торгово-промышленная партія умерла — и, повидимому, съ тѣмъ, чтобы никогда уже не воскреснуть,—въ процессѣ первыхъ выборовъ. Исчезли радикалы, свободомыслящіе, дискъ и др. Правопорядцевъ въ первой Думѣ не оказалось. Союзъ 17 октября провелъ туда своихъ лидеровъ—Гейдена и Стаховича, но послѣдніе, придя въ Думу октябристами, вышли изъ нея мирнообновленцами. Соціалъ-демократическая фракція появилась сравнительно поздно... Первые выборы дали чуть не двѣ трети безпартійныхъ. Кристаллизація происходила уже въ самой Думѣ, но она шла медленно и неровно. Трудовая группа, сложившаяся одной изъ первыхъ, до самаго конца не получила вполнѣ опредѣленныхъ очертаній и ея периферія все время сливалась со средой безпартійныхъ. Еще болѣе неопредѣленныя очертанія и еще болѣе измѣнчивый составъ имѣли нѣкоторыя другія думскія группы. Одни и тѣ же депутаты нерѣдко числились въ разныхъ фракціяхъ. Наблюдались также переходы изъ однѣхъ группъ въ другія и при томъ подчасъ очень рѣзкіе: изъ Ерогинскаго общежитія, напримѣръ, въ трудовую группу. Многіе члены Думы—около 20% ея состава—до самаго конца остались дикими. Дума была разогнана прежде, чѣмъ дифференціація завершилась.

---

*) „Новое Время", 9 февраля.

Вторая Дума сразу получила болѣе опредѣленный составъ. Въ выборахъ приняли участіе почти всѣ партіи. Правда, и въ этотъ разъ нѣкоторыя изъ нихъ по дорогѣ въ Думу затерялись. Партія демократическихъ реформъ, имѣвшая въ прошлый разъ четырехъ представителей, теперь представлена однимъ г. Кузьминымъ-Караваевымъ. Партія мирнаго обновленія, вышедшая изъ первой Думы въ числѣ 17-ти членовъ, вернулась въ нее въ составѣ только двоихъ—гг. Стаховича и Искрицкаго, но и тѣ пришли въ Думу мирно-обновленцами, повидимому, затѣмъ лишь, чтобы превратиться въ ней въ октябристовъ. Слабо представленными или вовсе не представленными оказались также нѣкоторыя національныя группы. Но всѣ важнѣйшія партіи,—за исключеніемъ польской соціалистической, которая не участвовала въ выборахъ,—не только провели въ Думу своихъ представителей, но и немедленно образовали въ ней свои фракціи.

Правда, и во второй Думѣ будетъ—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ—свое «болото», но оно будетъ несравненно меньшаго размѣра, чѣмъ въ прошлый разъ. И расположится оно нѣсколько иначе. Въ первой Думѣ—до появленія въ ней соціалъ-демократической фракціи—безпартійные занимали всю периферію, облегая со всѣхъ сторонъ к.-д. партію. На этотъ разъ они расположатся тоже, главнымъ образомъ, вокругъ к.-д., но уже болѣе узкимъ кольцомъ, такъ какъ края Думы заняты будутъ совершенно опредѣленными партійными группами: слѣва помѣстятся три соціалистическихъ фракціи, справа—октябристы и черносотенцы. Попавъ въ дифференцированную среду, безпартійные, вѣроятно, очень скоро распредѣлятся по фракціямъ. Во всякомъ случаѣ, процессъ ихъ кристаллизаціи во второй Думѣ будетъ протекать несравненно быстрѣе, чѣмъ въ первой. Самая группировка будетъ имѣть на этотъ разъ болѣе опредѣленный и болѣе устойчивый характеръ. Нужно, конечно, предвидѣть возможность тѣхъ или иныхъ частичныхъ перестроеній въ теченіе сессіи. Но въ общемъ думскій графикъ, вѣроятно, до конца сохранитъ тѣ черты, какія на немъ будутъ проведены съ самаго начала.

Я остановился на внѣшней сторонѣ думскаго состава. Легко, однако, понять, что съ внѣшней формой въ данномъ случаѣ неразрывно связано внутреннее содержаніе. И по существу своему вторая Дума будетъ иная.

Первая Дума, по общему признанію, была «кадетской». Она не сдѣлала,—съ гордостью указывали потомъ к.-д.,—ни одного постановленія, съ которымъ была бы несогласна к.-д. партія. Это не значитъ, конечно, что вся Россія въ то время была кадетской. Если к.-д. и писали потомъ: «мы—Россія», то они могли это дѣлать лишь въ нѣкоторомъ самозабвеніи. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, даже въ самой Думѣ к.-д. не составляли боль-

шинства: среди депутатовъ перваго созыва ихъ было всего около трети. Ларчикъ «кадетской» Думы открывался иначе.

Фракція к.-д. партіи какъ я уже сказалъ, была единственной сколько-нибудь значительной по своей численности и въ то же время достаточно сплоченной и ясно-очерченной группой въ первой Думѣ. Ея члены пришли въ нее, уже договорившись по основнымъ программнымъ и тактическимъ вопросамъ. Разногласія въ ихъ средѣ не могли быть ни очень многочисленны, ни черезчуръ значительны. Если такія разногласія и возникали, то они разрѣшались внѣ Думы, въ собственной - очень стройной, какъ мы знаемъ, - партійной организаціи; въ Думѣ же всѣ члены к.-д. фракціи дѣйствовали и голосовали, какъ одинъ человѣкъ, слѣдуя строгой партійной дисциплинѣ. Въ совершенно иномъ положеніи находились группы, сложившіяся уже въ самой Думѣ изъ безпартійныхъ и, тѣмъ болѣе, изъ людей разныхъ партій. Программъ у такихъ группъ не было, - ихъ приходилось еще вырабатывать; коллективная жизнь ихъ только начиналась,—и свою тактику онѣ должны были еще нащупывать. Имъ приходилось еще создавать свою организацію и дисциплинировать своихъ членовъ. Послѣдніе, даже договорившись по какому-либо предмету, нерѣдко дѣйствовали потомъ вразбродъ, въ особенности, если вопросъ получалъ въ Думѣ тотъ или иной неожиданный оборотъ. Само собой понятно, что еще меньше было согласованности въ ихъ дѣйствіяхъ, когда имъ приходилось обсуждать и рѣшать вопросы, предварительно не обсужденные въ группахъ. Про дикихъ въ данномъ отношеніи и говорить, конечно, нечего. К.-д. фракція имѣла, такимъ образомъ, за собой громадное преимущество: она оперировала въ слабо организованной, почти аморфной средѣ. Легко понять, что въ силу этого только она могла направлять Государственную Думу, куда хотѣла.

Но у нея было и еще одно крайне важное преимущество, которымъ не располагали другія думскія группы. За нею стояла цѣлая партійная организація. Надъ вопросами, съ которыми приходилось имѣть дѣло Государственной Думѣ, работали не только депутаты, входившіе въ составъ к.-д. парламентской фракціи, но и множество другихъ лицъ, принадлежавшихъ или примыкавшихъ къ к.-д. партіи. К. д ораторы и публицисты любятъ указывать, какъ много сдѣлала ихъ фракція въ первой Думѣ,—сколько однихъ законопроектовъ она подготовила! — а лѣвые де ничѣмъ не проявили своей работоспособности. Нужно, однако, имѣть въ виду, что этотъ упрекъ, если и можетъ быть предъявленъ, то развѣ по адресу только соціалъ-демократической фракціи, но и то не слѣдуетъ забывать, что послѣдняя появилась въ Думѣ экспромтомъ, тогда какъ к.-д. партія подготовлялась къ думской работѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Что касается другихъ думскихъ группъ, то никакихъ организацій, способныхъ принять на себя часть ихъ работы, за ними не стояло.

Той же трудовой группѣ лишь постепенно удалось стянуть къ себѣ кое какія — но и то разровненныя и не спѣвшіяся между собою — силы *). Вполнѣ естественно поэтому, что к.-д. фракція, независимо даже отъ ея личнаго состава, оказывалась сильнѣе и умнѣе всѣхъ другихъ группъ, такъ какъ она пользовалась умомъ и силами не только своихъ членовъ, но и всего партійнаго коллектива.

Во второй Думѣ отношенія сложатся иначе. Правда, и въ ней к.-д. фракція будетъ играть видную роль, и при томъ, вѣроятно, болѣе значительную, чѣмъ на какую она могла бы разсчитывать по своей численности. Нельзя упускать изъ виду, что по своему составу и по своей организаціи к.-д. партія болѣе, чѣмъ какая-либо другая, приспособлена къ парламентской дѣятельности. Кромѣ того, у нея имѣется опытъ, чего нѣтъ у другихъ партій, и къ думской сессіи она опять лучше всѣхъ другихъ подготовлена.. Удѣльный вѣсъ к.-д. фракціи и во второй Думѣ, повторяю, будетъ значителенъ. Но и за всѣмъ тѣмъ эта Дума уже не будетъ «кадетской».

Не съ аморфной средой, а съ цѣлымъ рядомъ другихъ ясно очерченныхъ и достаточно сплоченныхъ группъ придется теперь имѣть дѣло к.-д. фракціи. Члены этихъ группъ въ значительной ихъ части пришли въ Думу съ выработанными уже программами, съ болѣе или менѣе опредѣлившимися уже тактическими лозунгами, имъ легче было съорганизоваться и легче будетъ сохранить согласованность въ своихъ дѣйствіяхъ. Уже первые дни думскаго существованія показали, что съ мнѣніями и желаніями этихъ группъ придется серьезно считаться.

Думская жизнь будетъ на этотъ разъ сложнѣе—и богаче. Она будетъ богаче не только тою общественною мыслью, которая выкристаллизировалась уже въ программахъ и тактикахъ различныхъ партій, но и тою текущею мыслью, которая все время будетъ привноситься въ думскую работу. Партіи, имѣющія въ Думѣ свои фракціи, несомнѣнно, придвинутъ къ ней въ большемъ или меньшемъ количествѣ имѣющіяся въ ихъ распоряженіи силы.

---

*) Не лишне, быть можетъ, будетъ напомнить и тѣ раздражительныя реплики, какія раздавались, да и теперь подчасъ раздаются въ к.-д. печати по адресу третьихъ лицъ, вмѣшивавшихся при посредствѣ трудовой группы въ жизнь первой Думы. Право на такое вмѣшательство к.-д. публицисты склонны, повидимому, признавать только за лидерами своей партіи... Нужно сказать, что и по существу эти реплики едва ли можно считать правильными. Трудно себѣ представить — и въ дѣйствительности этого не бываетъ,—чтобы депутаты изъ себя могли дать все, что требуется отъ парламента. Депутаты не присяжные и нельзя ихъ держать изолированными. Къ этому могутъ прибѣгать лишь волынскіе и виленскіе администраторы, запиравшіе, какъ извѣстно, выборщиковъ въ монастыри чтобы къ нимъ не проникли агитаторы. Съ демократической точки зрѣнія, чѣмъ больше силъ будетъ втянуто въ парламентскую борьбу, тѣмъ она будетъ плодотворнѣе.

Думскіе вопросы будутъ обсуждаться и рѣшаться теперь въ болѣе широкой, болѣе разнообразной и лучше сьорганизованной средѣ. Общественныхъ силъ, которыя непосредственно сосредоточатся около самой Думы, будетъ на этотъ разъ больше.

Но ихъ и вообще за второю Думою будетъ стоять больше, чѣмъ за первою. Отмѣченная мною разница идетъ глубже и по существу своему значительнѣе, чѣмь это можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ прошлый разъ думскія фракціи въ большинствѣ представляли изъ себя, какъ я уже сказалъ, чисто парламентскія группы, не имѣвшія организованныхъ связей со страною. Благодаря этому, значительная часть первой Думы висѣла какъ бы въ воздухѣ. Теперь почти всѣ фракціи—партійныя. За каждою изъ нихъ стоитъ болѣе или менѣе развѣтвленная, болѣе или менѣе вліятельная внѣдумская организація. Такимъ образомъ, связей со страною у второй Думы будетъ гораздо больше. Она въ большей степени является представительствомъ организованныхъ силъ и въ большей мѣрѣ можетъ разсчитывать на поддержку, чѣмъ первая.

Конечно, такихъ силъ въ странѣ имѣется слишкомъ мало. Надѣяться, что онѣ могутъ сразу же обезпечить ровный и неуклонный ходъ думской жизни, нельзя. Въ томъ, чтобы увеличить эти силы, несомнѣнно, заключается главная задача. Но важно и то, что Дума соединена приводнымъ ремнемъ съ народомъ.

II.

Съ завтрашняго дня я буду чувствовать себя... не знаю, какъ сказать... богаче, что ли... Опять въ непроглядной тьмѣ, окутавшей русскую землю, зажжется звѣздочка. Легче станетъ дышать въ тяжелой атмосферѣ насилія, воскреснетъ въ сердцѣ надежда! Дума! Какое слово завѣтное и манящее. Дума! Какой плѣнительный лозунгъ. Потерянные во мракѣ, мы бродимъ въ концѣ нашей 1000-лѣтней исторіи, оторванные отъ всѣхъ устоевъ. Среди насъ есть такіе, которые вѣрятъ въ революцію добраго стараго времени съ санкюлотами, разбивающими въ могучемъ патріотическомъ порывѣ организованныя арміи, съ босоножкой тамбуръ-мажоромъ, красиво умирающимъ съ возгласомъ: „Vive la république!“ на холодѣющихъ устахъ. Я не вѣрю въ такую революцію, но я вѣрю въ Думу. Въ звѣздочку, которая завтра загорится маленькой-маленькой точкой на темномъ, какъ сама ночь, небѣ и разгорится, въ концѣ конповъ, въ яркое разгонящее тьму свѣтило. Завтра зажжется эта звѣздочка, и завтра мы вздохнемъ свободнѣе. Второй разъ въ теченіе этихъ проклятыхъ двухъ лѣтъ...

Такъ пишутъ... Читатели, быть можетъ, думаютъ: институтки... Нѣтъ! такъ пишутъ кадеты *).

Послѣ хорошо поставленнаго парламента знаете, чего Россіи недостаетъ?—Хорошо поставленнаго отхожаго мѣста... Раньше многихъ я мечталъ о созывѣ парламента и громче многихъ воспѣлъ это учрежденіе,

*) „Рѣчь“, 20 февраля.

когда оно нуждалось въ поддержкѣ... Ура!—мы имѣемъ, наконецъ, парламентъ. Но вотъ серьезный вопросъ: чего же недостаетъ Россіи теперь, когда уже мы имѣемъ то учрежденіе, что составляетъ гордость свободнѣйшихъ изъ народовъ? И я еще разъ отвѣчаю, строго взвѣшивая слова: Россіи недостаетъ раціонально поставленнаго ретирада...

Такъ пишутъ... Читатели, быть можетъ, думаютъ: на заборахъ... Нѣтъ! такъ пишутъ въ «Новомъ Времени» *)

Пишутъ наканунѣ открытія Государственной Думы... Если бы мы пошли далѣе—и вправо, и влѣво—по газетному фронту, то встрѣтили бы и другія удивительныя тирады. Нѣкоторыя изъ нихъ не только могли бы сыграть роль qui pro quo, но и способны были бы поставить въ тупикъ проницательнаго читателя. Напримѣръ:

Что произошло на собраніи у кадета?

На собраніи у кадета всѣ лѣвые, всѣ демократы, мелкіе буржуа (народники, трудовики, с р.) и всѣ кадетообразные эс-деки подписали кадетскія предложенія... Итакъ, соціалъ-демократы, какъ вѣрные рабы либераловъ...

Такъ пишутъ... Читатели, конечно, недоумѣваютъ.. Такъ пишутъ соціалъ демократы **).

Но въ мой планъ вовсе не входитъ отыскивать газетные перлы. Если бы дѣло стояло за этимъ, то изъ той же «Рѣчи» и изъ того даже самаго номера я процитировалъ бы статью не наивной, мечтательно настроившейся при взглядѣ на «свою» звѣздочку, институтки, а заправскаго, искусившагося или, по крайней мѣрѣ, считающаго себя вполнѣ искусившимся въ любовныхъ приключеніяхъ кадета.

Говорятъ,—пишетъ онъ,—что въ жизни бываетъ только одна любовь, какъ бываетъ только одна молодость. Нельзя любить, не опьяняясь иллюзіями: тѣмъ нѣжнѣе ароматъ чувства, чѣмъ больше въ немъ душистыхъ самообмановъ, и эта примѣсь поэтической лжи, однажды испарившись изъ сердца, никогда больше не возвращается въ него. Потомъ, когда рѣдѣютъ волосы на вискахъ, возможна страсть, возможна привязанность. Но уже нѣтъ мѣста свѣтлой довѣрчивости, нѣтъ вѣры въ полноту обладанія, въ абсолютность своего чувства и такую же безкрайность отвѣтственнаго, нѣтъ умиленности, нѣтъ мистики, нѣтъ иллюзіи.

Единый разъ вскипаетъ пѣной
И разсыпается волна...

. . . .

Для той первой, молодой Д мы, для парламента весеннихъ самообмановъ не можетъ быть воскресенія Со смертью нашихъ первыхъ иллюзій миновалъ нашъ поэтическій возрастъ. Народная душа возмужала. Она теперь способна къ привязанности, къ трезвой разсудительной дружбѣ и къ порывамъ сотрясающей страсти, но въ ней нѣтъ мѣста для довѣрія и любви. Сосредоточенно, угрюмо и хмуро, почти безрадостно, но трезво и разсудительно, народъ и дума приступаютъ къ работѣ. Нѣтъ вѣры—есть

*) „Новое Время“, 18 февраля.

**) „Новый Лучъ“, 21 февраля.

настойчивая рѣшимость. Нѣтъ влюбленности—есть прочная дружба. Нѣтъ иллюзій—есть сознаніе своего долга.

«Волосы на вискахъ порѣдѣли» и «народная душа возмужала»... Прежде—«душистые самообманы», теперь—«порывы сотрясающей страсти»... Какой глубокій смыслъ! Какая возвышенная лирика! И какой вмѣстѣ съ тѣмъ перлъ словесности! Но оставимъ перлы,—не въ нихъ дѣло...

Намъ необходимо, ближе присмотрѣться къ Государственной Думѣ и, такимъ образомъ, хотя отчасти уяснить себѣ, что могутъ дать въ своей совокупности составляющія ее группы. Кадетская кисейная барышня и грязная октябристская свинья... Одна мечтаетъ о звѣздахъ, другая думаетъ о помойной ямѣ... Что онѣ могутъ дать вмѣстѣ? Ради контраста я и поставилъ эти образы рядомъ.

Долженъ, однако, сказать, что нѣкоторую роль сыграла въ данномъ случаѣ и ассоціація по смежности.

Не я, а сама жизнь все время ставитъ к.-д. бокъ-о-бокъ съ октябристами. Попытки образовать приличную партію правѣе к.-д. предпринимались неоднократно и каждый разъ неудачно. Потерпѣла фіаско и послѣдняя попытка въ этомъ родѣ, предпринятая подъ флагомъ мирнаго обновленія. Какъ было пустое мѣсто, такъ оно и осталось,—ничего кромѣ переодѣваній г. Стаховича не получилось. Можетъ быть, на этомъ мѣстѣ и образуется когда-нибудь партія, но не прежде, конечно, какъ к.-д. выдѣлятъ изъ своей среды всѣ нужные для нея элементы,—не только Н. Н. Львова, но и, напримѣръ, П. Б. Струве. Возможно, однако, что произойдетъ другое: сама к.-д. партія заполнитъ пустоту, какая отъ нея виднѣется вправо. Такъ или иначе, но во второй Государственной Думѣ кадетовъ отъ октябристовъ будетъ отдѣлять лишь узенькая полоска безпартійныхъ. Вполнѣ вѣроятно, особенно при данной конструкціи думскаго организма, что они очень скоро въ немъ разсосутся. По крайней мѣрѣ, сами к.-д. разсчитываютъ осушить эту безпартійную болотину и присоединить ее къ своей зеленой равнинѣ. На этомъ покоятся, между прочимъ, ихъ надежды на образованіе «строго-конституціоннаго» большинства въ новой Думѣ. Если это произойдетъ, то кадеты и октябристы не только въ переносномъ смыслѣ, въ качествѣ имѣющихся въ странѣ политическихъ партій, но и буквально, въ лицѣ имѣющихся у нихъ представителей въ Думѣ, окажутся сидящими рядомъ.

Правда, между ними будутъ сидѣть здѣсь еще народовцы, но только потому вѣдь, что естественныя мѣста послѣднихъ въ русской Думѣ оказались занятыми. По своимъ воззрѣніямъ они должны были бы помѣститься на крайней правой вмѣстѣ съ Крушевано́мъ. — недаромъ вѣдь избирательную кампанію они вели на юдофобской платформѣ. Но націоналисты, какъ и хищники, не могутъ селиться вмѣстѣ. «Поляки, заявилъ представитель польскаго кола, не могутъ согласиться сидѣть рядомъ съ врагами своими,

съ правыми, на которыхъ они и смотрѣть не могутъ». Въ виду этого народовцы предъявили было требованіе, чтобы имъ были даны мѣста на крайней лѣвой, но противъ такого сосѣдства возопили соціалисты. Самое лѣвое изъ возможныхъ для народовцевъ мѣстъ оказалось то, которое находится «правѣе к.-д.».

«Коло, утверждали поляки, будетъ голосовать всегда съ прогрессивными элементами». Въ этомъ можно, однако, усомниться. По аграрному вопросу, а онъ является основнымъ для даннаго историческаго момента, они, несомнѣнно, будутъ голосовать съ правыми. Нужно имѣть въ виду, что народовцы это не только націоналисты и клерикалы, но и аграріи. Съ нововременскимъ діагнозомъ аграрнаго недуга они, въ качествѣ послѣднихъ, конечно, согласятся: «не малоземелье, а многоземелье губитъ крестьянское хозяйство». И нововременскій рецептъ для уврачеванія этого недуга они, конечно, одобрятъ: выгоднѣе всего для крестьянъ работать на помѣщиковъ. Поскольку же мужика нельзя обезземелить, постольку можетъ быть предложено лишь одно, но за то чудодѣйственное средство:

... Крестьяне не знаютъ секрета китайцевъ, не умѣютъ обращаться съ собственными экскрементами. Только и всего. Какъ просто! *)

Октябристы или народовцы— въ конечномъ счетѣ это, я думаю, безразлично. Во всякомъ случаѣ, вышеупомянутая ассоціація по смежности понятна.

Но возможна и ассоціація по сходству. Для меня же она оказалась въ данномъ случаѣ неизбѣжна. Желая выдѣлить опредѣленную часть Государственной Думы, я вынужденъ объ октябристахъ и кадетахъ говорить вмѣстѣ. Пусть цѣли ихъ различны, даже діаметрально противоположны, но арена у нихъ одна и та же. Для обѣихъ партій таковою является исключительно парламентъ.

Я не вѣрю въ революцію,— пишетъ кадетская барышня. Въ ея устахъ это звучитъ наивно, въ родѣ того, что «всѣ мужчины обманщики». Но вѣдь это основа всей кадетской тактики. Невѣріе въ революцію... Было бы, пожалуй, любопытно заглянуть въ кадетскую душу: быть можетъ, рядомъ съ разочарованіемъ мы нашли бы въ ней и не совсѣмъ угасшую надежду,—надежду на то, что «санкюлоты разобьютъ въ могучемъ патріотическомъ порывѣ организованныя арміи». По крайней мѣрѣ, мнѣ не вѣрится какъ то, что к.-д. партія въ цѣломъ ея составѣ окончательно примирилась съ судьбою старой дѣвы,—и при томъ не просто старой дѣвы, въ груди которой, быть можетъ, и не угасли еще нѣкоторыя чувства, а той ея разновидности—«синяго чулка»,—которая убѣдила уже себя и теперь убѣждаетъ другихъ, что «всѣ мужчины обманщики».

«Синіе чулки» въ к.-д. партіи, конечно, есть. Къ нимъ, несо-

*) „Новое Время“, 18 февраля.

мнѣнію, нужно отнести, напримѣръ, П. Б. Струве. Посмотрите, какъ онъ взволновался по поводу «агитаціонныхъ выступленій, организуемыхъ рядомъ съ Думой и во имя Думы». Онъ не знаетъ даже, какъ «съ достаточной силой предостеречь» отъ «этой большой опасности, грозящей второй Думѣ»—«опасности двойной: внѣшней и внутренней». Прислушайтесь къ нотаціямъ, какія онъ читаетъ по этому поводу:

Конечно, народное представительство не можетъ висѣть въ воздухѣ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ того, чтобы оно могло опереться на уличное возбужденіе, на митинги и резолюціи. Для того, чтобы митинги могли сыграть такую роль, страна уже должна имѣть за собой процессъ конституціоннаго воспитанія.

Конечно, каждая женщина должна себѣ имѣть опору въ жизни, но изъ этого не слѣдуетъ того, чтобы барышня могла близко подходить къ мужчинѣ. Для того, чтобы подойти къ мужчинѣ и тѣмъ болѣе начать разговоръ съ нимъ, нужно предварительно съ нимъ обвѣнчаться. Иначе предстоитъ двойная опасность. — Внѣшняя:

Фактъ остается фактомъ: внѣдумская агитація „революціоннаго" характера даетъ всякому противоконституціонному правительству желанный предлогъ для покушенія на Думу...

Говоря коротко, репутацію испортишь и папенька можетъ разсердиться. И внутренняя,—

поскольку она отуманиваетъ политическое сознаніе широкихъ круговъ населенія и создаетъ ложныя перспективы...

Другими словами: мечтательность разовьется и плохо учиться будешь. Въ заключеніе—авторитетная, не допускающая возраженій, сентенція:

Народъ вообще не можетъ „заниматься" революціей; всякая революція есть для народа навязанный ему властью, т. е. извнѣ, и тягостный перерывъ въ обычномъ ходѣ жизни *).

Та же самая, что мы уже слышали: я не вѣрю въ революцію... Разница лишь та, что въ одномъ случаѣ это какъ бы молодой вздохъ, въ другомъ—старая воркотня.

«Синіе чулки» въ к.-д. партіи, повторяю, имѣются, и ихъ нотаціи к.-д. пепиньерки уже усвоили; усвоили мудрыя сентенціи, повидимому, и всѣ институтки, вплоть до приготовительнаго класса. Можно, конечно, сомнѣваться, такъ ли ихъ разочарованіе революціей велико и такъ ли ихъ рѣшимость удалиться отъ міра безповоротна. Можно предполагать, что грѣховныя мечтанія—на счетъ, напримѣръ, учредительнаго собранія—не совсѣмъ изъ к.-д. монастыря изгнаны. Нѣтъ-нѣтъ, да и смутятъ, быть можетъ, неокрѣпшія души мечты о революціонномъ народѣ. Но... копаться въ чужой душѣ мы не въ правѣ. Мы должны считаться съ фактомъ: к.-д.,

*) „Рѣчь", 23 февраля.

какъ партія, поднявъ горѣ очи и сложивъ молитвенно руки, хоромъ возглашаютъ:

«Дума! какой плѣнительный лозунгъ»...

Сопоставьте съ этимъ нововременское: «ура! мы имѣемъ, наконецъ, парламентъ». Тутъ мы, конечно, не только имѣемъ право, но и обязаны усомниться. Больше того: передъ «искренностью» нововременнаго публициста мы можемъ только развести руками.

... Раньше многихъ,—какъ мы видѣли, пишетъ онъ,—я мечталъ о созывѣ парламента и громче многихъ воспѣлъ это учрежденіе, когда оно нуждалось въ поддержкѣ. Я привѣтствовалъ его со всею искренностью, какъ новое сердце, какъ новый разумъ Россіи.

Но подъ болѣе чѣмъ сомнительною влюбленностью въ конституцію въ данномъ случаѣ лежитъ совершенно несомнѣнная вещь: боязнь революціи. У однихъ—невѣріе въ нее, у другихъ—боязнь ея: это и сближаетъ кадетовъ съ октябристами, это и объединяетъ ихъ въ отношеніяхъ къ «улицѣ». По поводу внѣдумскихъ выступленій «Новое Время» встревожилось не меньше «старой дѣвы»:

Г. Дума имѣетъ смыслъ только при одномъ условіи, если она погашаетъ революцію, вводя напоръ общественной энергіи и общественнаго одушевленія въ твердое, неподдающееся русло органической законодательной работы. Если Дума этого не можетъ, не хочетъ или безсильна сдѣлать, то совершенно не для чего и путаться съ нею... Дума—организація, революція—хаосъ. Если организація не можетъ, не хочетъ и д же не ставитъ себѣ задачею бороться съ хаосомъ, то для чего она? Улетучивается ея смыслъ, ея raison d'etre.

Вотъ почему въ настоящее время есть только одинъ политическій вопросъ:

— Быть ли Думѣ?

И онъ сводится къ другому:

Побѣдитъ ли Дума революцію? Да и имѣетъ ли она желаніе, энергію къ этому?..

... Думу, если ее не сдержатъ центръ и кадеты, если она заработаетъ въ противо-государственныхъ цѣляхъ, государству останется только распустить *).

П. Б. Струве пугаетъ разгономъ Думы, «Новое Время» за то же самое—за внѣдумскую агитацію—грозитъ имъ. «Внѣшнюю опасность» они понимаютъ, такимъ образомъ, одинаково. И разница между ними лишь та: г. Струве играетъ роль классной дамы, а «Новое Время» — не то грознаго отца, не то, что, быть можетъ, правильнѣе, семейнаго доносчика. Согласны они и на счетъ внутренней опасности.

Только опьяненіе случайнымъ успѣхомъ на выборахъ могло внушить лѣвому блоку дѣтскую мысль, будто сила Думы въ „улицѣ", т. е. въ поддержкѣ уличной черни, крикливой, но неразумной и ненадежной. Напротивъ, „улица" и ея вмѣшательство въ жизнь Думы можетъ только окончательно лишить Думу всякаго авторитета и всякаго значенія. Силы,

*) „Новое Время", 25 февраля.

на которую Дума могла бы опираться, другой нѣтъ и быть не можетъ, какъ только *уваженіе* страны, которое надо еще заслужить и которое можно заслужить не грубыми выходками или якшаньемъ съ уличною чернью, а только проявленіемъ крупныхъ умственныхъ силъ и дѣлами, достойными великаго народа *).

Каковы должны быть эти дѣла,—мы уже знаемъ: устройство раціонально-поставленныхъ ретирадовъ... Цѣли кадетовъ и октябристовъ, повторяю, совершенно разныя, но ихъ думская тактика будетъ имѣть нѣчто общее: она будетъ направлена къ тому, чтобы изолировать Думу отъ народа. Обѣ эти партіи—конституціонныя; конституціонныя—въ к.-д. пониманіи этого слова.

Я боюсь заслужить упрекъ за то, что называю октябристовъ конституціоналистами. Кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ повѣрить ихъ крикамъ «ура», возглашаемымъ въ честь парламента? Всѣ совершенно явственно вѣдь видятъ, что изъ-за ихъ спины выглядываетъ самодержавная бюрократія... Но это потому только, что мы смотримъ слѣва.

Зайдите на ихъ сторону, посмотрите справа,—и вы съ такимъ же основаніемъ усомнитесь въ конституціонализмѣ кадетовъ. Оттуда не менѣе явственно видно, что изъ-за спины послѣднихъ выглядываетъ революція. И я думаю, что октябристы, съ своей точки зрѣнія, правы, когда не довѣряютъ кадетскому конституціонализму.

Для меня же въ данномъ случаѣ важно было отмѣтить одно. Несомнѣнно, что октябристы опираются на реакцію, но сама по себѣ эта партія приспособлена исключительно для операцій на «конституціонной почвѣ». Для внѣпарламентскихъ дѣйствій въ распоряженіи русскаго правительства имѣется, какъ извѣстно, другая «партія»—черная сотня.

«Отъ правыхъ—читали мы въ «Рѣчи» черезъ день послѣ выборовъ—насъ отдѣляютъ наши цѣли, отъ лѣвыхъ—наши способы дѣйствія» **). Тогда же к.-д., считаясь съ составомъ второй Думы, выработали и планъ своихъ дѣйствій: они заявили, что съ правыми будутъ голосовать противъ лѣвыхъ и съ лѣвыми противъ правыхъ, пока не образуется «строго-конституціонный» центръ, который и сдѣлаетъ вторую Думу кадетской. До тѣхъ же поръ... Съ кѣмъ придется чаще голосовать кадетамъ? Повидимому, на этотъ разъ Государственной Думѣ придется рѣшать не столько программныя, сколько тактическія задачи, и партіямъ придется дѣлиться не столько по своимъ «цѣлямъ», сколько по своимъ «способамъ дѣйствій». Изъ кого же въ такомъ случаѣ можетъ образоваться центръ, достаточный для того, чтобы руководить Думой, удерживая ее на «конституціонной почвѣ».

«Кадеты не будутъ по принципу устраняться отъ совмѣстной работы на конституціонной почвѣ, если это окажется возмож-

*) „Новое Время“, 26 февраля.

**) „Рѣчь“, 8 февраля.

нимъ» *). Это было сказано по поводу совмѣстной работы съ лѣвыми, но, очевидно, что нѣтъ принципіальныхъ препятствій и для совмѣстной работы съ правыми. Крайне характерно, что и съ другой стороны предусматривается та же возможность. Если кадетская барышня уже изъявила готовность въ случаѣ надобности опереться на октябристскую свинью, то и эта послѣдняя не прочь, въ случаѣ чего, потереться о ея кисейную юбку. «Сдержать Думу», по мнѣнію «Новаго Времени», могутъ и должны «центръ и кадеты»... Очевидно, и съ этой стороны принципіальныхъ препятствій для совмѣстной «работы» не имѣется.

Большинство, могущее «сберечь» или «сдержать» Думу—разъ задаться одною изъ этихъ цѣлей—можетъ состоять только изъ «конституціонныхъ» партій. И «было бы преждевременно, какъ говоритъ «Рѣчь», утверждать, что образованіе строго-конституціоннаго центра не возможно въ настоящей Думѣ». Граница этого центра «должна пройти между тѣми, для кого думская работа есть цѣль,—и тѣми, для кого она—только средство» **). Почти тѣми же словами опредѣляетъ эту границу и «Новое Время»: «Намъ кажется, говоритъ оно,—въ самой Думѣ всѣ члены должны разслоиться на два лагеря: людей, пришедшихъ въ Думу для нея самой, и на людей, вошедшихъ въ нее съ замысломъ противъ самой Думы» ***).

Правда, к.-д. газета надѣется, что строго-конституціонный центръ можетъ выдѣлиться изъ числа тѣхъ «356», которые объединились въ первомъ думскомъ голосованіи. Но если въ числѣ ихъ достаточнаго числа «строгихъ конституціоналистовъ» не найдется? Тогда «граница», очевидно, должна будетъ пройти тамъ, гдѣ намѣчаетъ «Новое Время». Петербургское телеграфное агентство съ своей стороны спѣшитъ сообщить, что тамъ же ее намѣчаетъ и Европа.

При нѣкоторой доброй волѣ, политическомъ искусствѣ и благоразумномъ тактѣ — пишутъ, по его передачѣ, въ „Boersen Courier"—правительство могло бы, даже въ томъ случаѣ, если бы не всѣ лѣвыя партіи захотѣли работать, составить надежный блокъ для практической законодательной дѣятельности изъ кадетовъ, октябристовъ и поляковъ ****)...

Первыя думскія голосованія давали совершенно иную группировку: вся оппозиція оказывалась противопоставленной всей реакціи.

Допустимъ, что указанный «блокъ» — конечно, молчаливо, безъ всякаго договора — образуется. Опредѣлится ли въ такомъ случаѣ центръ тяжести второй «Государственной Думы»? Какова, при такомъ большинствѣ, будетъ ея равнодѣйствующая? Легко понять, что никакой «дѣятельности» Государственная Дума силами такого

*) „Рѣчь", 9 февраля.
**) „Рѣчь", 21 февраля.
***) „Новое Время", 25 февраля.
****) „Новое Время", 26 февраля.

центра развить не можетъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть равнодѣйствующая между «яркимъ, разгоняющимъ тьму свѣтиломъ», въ каковое желаютъ обратить Государственную Думу кадеты, и помойной ямой, въ которую надѣются превратить ее октябристы?

Дѣйствующія силы второй Государственной Думы находятся не въ центрѣ, а на ея краяхъ,—даже дальше: за ея стѣнами. На обоихъ флангахъ находятся партіи, «тактика которыхъ не умѣщается въ рамкахъ конституціонной борьбы» *). И лѣвые, и правые употребятъ, конечно, всѣ усилія, чтобы вдвинуть въ эту борьбу внѣпарламентскія силы.

Борьбою этихъ силъ и опредѣлится равнодѣйствующая Думы. Что касается центра—«строго конституціоннаго центра»,—то онъ будетъ, вѣроятнѣе всего, перемѣщать свою тяжесть, въ зависимости отъ того, откуда будетъ сильнѣе давленіе—слѣва или справа.

Что именно такъ будетъ складываться думская жизнь—это показали первыя думскія засѣданія. Въ первый же день правые постарались вмѣшать въ думскую борьбу монарха, лѣвые—поспѣшили смѣшаться съ народомъ. Центръ же...

Я думаю, что лучше всего его роль прообразовалъ собою П. Б. Струве: онъ то вставалъ, то садился...

Давленіе справа оказалось на этотъ разъ, повидимому, сильнѣе. Предсѣдатель счелъ необходимымъ упомянуть въ своей рѣчи о «единеніи съ монархомъ». И «Рѣчь», съ своей стороны, объяснила, что «если оппозиція думы не встала и не кричала «ура» по предложенію бессарабскаго депутата Крупенскаго, то это произошло не потому, чтобы Дума была намѣренно груба и нелояльна, а потому, что предложеніе сдѣлалъ депутатъ Крупенскій» **).

Стало быть, если бы предложеніе внесъ не бессарабскій депутатъ, а кто нибудь другой, то демонстрація въ честь монарха была бы возможна... Но говорить въ этомъ случаѣ отъ имени всей «оппозиціи» едва ли к.-д. газета имѣла право...

А. Пѣшехоновъ.

---

*) „Рѣчь", 21 февраля.

**) „Рѣчь", 21 февраля.

Новыя книги.

А. Купринъ. Томъ III. Книгоиздательство «Міръ Божій». Спб. 1907. Стр. 273. Ц. 1 р.

Разсказы, собранные въ новомъ сборникѣ г. Куприна,—лучшее доказательство, какъ, въ сущности, пусты модные разговоры о томъ, что «бытъ умеръ». Вотъ молодой писатель, не «подающій надеждъ», ибо онъ уже осуществилъ ихъ; никто не скажетъ, что въ его творчествѣ есть нѣчто устарѣлое, ненужное; критики его одобряютъ, читатели всегда ждутъ чего-то своего и интереснаго отъ его разсказа —и что же?—вѣдь онъ писатель насквозь бытовой. Онъ любитъ бытъ просто до жадности къ бытовымъ деталямъ; онъ никогда не изображаетъ «человѣка вообще», но всегда даетъ конкретную жизнь въ ея вещественныхъ проявленіяхъ ярко, наблюдательно, рельефно. Ему нужна бытовая обстановка; онъ не станетъ заниматься ею an und für sich, ибо не умеръ бытъ, но, быть можетъ, умерла только этнографія, которая долго занимала въ искусствѣ не подобающее мѣсто, вытѣсняя художественно сосредоточенную мысль. Модная въ модерничающихъ кружкахъ фраза о смерти быта имѣла, быть можетъ, содержаніе, когда была высказана впервые, но быстро стерлась и стала совершенно безсмысленной. Говорятъ и не знаютъ, что̀ есть бытъ и что̀ можно считать умершимъ для искусства. Въ художественномъ познаніи — какъ и въ познаніи научномъ — мѣняются пріемы, чередуются интересы, но то, что подлежитъ изученію, конечно, никогда не «умретъ» для познанія. Сокровища—художественныя сокровища—быта такъ велики, что онъ никогда не перестанетъ быть неисчерпаемо интереснымъ для художника, не говоря ужъ о его публикѣ.

Въ бытовую обстановку ставитъ Купринъ свои проблеммы, но разсказы его не перегружены изобразительнымъ элементомъ. Лучшіе изъ нихъ лишь пользуются бытовыми красками, чтобы дать надлежащее освѣщеніе и воплощеніе тому, что въ нихъ главное—психологіи. Правда, и психологія эта не рѣзко индивидуальная, а больше коллективная, бытовая; но чувствуется, что въ ней средоточіе художественныхъ интересовъ автора. «О, какъ не понятны для насъ, какъ таинственны, какъ странны самыя простыя жизненныя явленія», — восклицаетъ онъ въ одномъ лирическомъ очеркѣ; онъ видитъ «огромность, сложность, непонятность и стихійную случайность сплетенія жизней»—и его можно назвать поэтомъ этой стихійной случайности.

Онъ чувствуетъ ее во всемъ, но не у нея ищетъ отвѣтовъ на свои запросы. Онъ можетъ изображать ее, но въ это изображеніе

онъ вкладываетъ свои готовыя воззрѣнія, или, вѣрнѣе, свои готовыя оцѣнки. Ибо онъ раціоналистъ — и сплошнымъ недоразумѣніемъ представляется намъ то, что въ характеристикахъ его дарованія, вызванныхъ появленіемъ новаго тома его разсказовъ, настойчиво оттѣняется одна черта: такъ сказать, стихійность таланта автора «Поединка». На самомъ дѣлѣ, если въ произведеніяхъ г. Куприна есть стихійность, то только въ деталяхъ, и то — по волѣ автора — второстепенныхъ. Въ общей же структурѣ разсказовъ, въ отдѣльныхъ образахъ и, разумѣется, въ сюжетахъ есть преднамѣренность, и она чувствуется чаще, чѣмъ хотѣлось бы.

Нерѣдко это выражается въ формѣ тенденціи; ничего не скажемъ не только противъ ея содержанія, но и противъ ея существованія; есть художники, которые должны отправляться отъ опредѣленнаго общественнаго міровоззрѣнія, которые не могутъ не опираться на тенденцію; на этой почвѣ они могутъ создавать непреходящіе образы; это ихъ стиль, стало быть, это ихъ право. Но нельзя характерной особенностью ихъ творчества считать божественную непосредственность, которая мыслитъ образами, которая не отправляется отъ идей, но въ другихъ рождаетъ идею. Разсказъ Куприна всегда интересенъ, всегда хорошо написанъ, всегда имѣетъ движеніе и захватываетъ стороны жизни, съ которыми хочется познакомиться. Но онъ не дѣлаетъ открытій въ ихъ идейной сторонѣ, въ ихъ философіи; онъ подтверждаетъ ярко, сильно и образно то, что мы о нихъ уже могли думать; это не стихійность—это умная и художественная иллюстрація къ тезису, подсказанному разсудкомъ.

Разсказъ «Обида» изображаетъ сцену очень мало вѣроятную: патетическое и полное внутренняго достоинства обращеніе профессіональныхъ воровъ къ группѣ молодыхъ адвокатовъ, съ просьбой очистить ихъ отъ позорнаго обвиненія въ прикосновенности къ еврейскимъ погромамъ. Рѣчь остроумнаго, талантливаго и высокообразованнаго предводителя воровской депутаціи, профессіональные трюки ея почтенныхъ членовъ, продѣлываемые для примѣра тутъ же, еще лучше. Совершенно не важно, въ самомъ ли дѣлѣ это «истинное происшествіе», какъ гласитъ подзаголовокъ, или авторъ прибавилъ его для шутки. Важно то, что происшествіе это, какъ художественное произведеніе, какъ синтезъ, есть выдумка. Выдумка эта не даетъ, да и не обѣщаетъ намъ дать ничего новаго, ничего не открываетъ для насъ въ жизни; она идетъ навстрѣчу той, уже почти традиціонной идеализаціи воровъ, которою литература давно уже отвѣчаетъ на соотвѣтственныя настроенія читателей. Важно не то, что здѣсь не чувствуется наблюденія, но то, что между выдумкой и ея результатами нѣтъ соотвѣтствія. Можно сочинять какихъ угодно воровъ, но надо, чтобы читателю это казалось нужнымъ, чтобы этой выдумкой достигалось то, что недоступно другимъ путямъ художественной мысли.

Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, еще характернѣе «Штабсъ-капи-

танъ Рыбниковъ» – тоже истинное происшествіе, мало вѣроятное. Японскіе шпіоны, переодѣтые русскими офицерами, конечно, были, но японскій шпіонъ, переодѣтый въ штабсъ-капитана Рыбникова, такъ хорошо играетъ свою роль, что у читателя закрадывается подозрѣніе, не ошибся ли авторъ. Японскіе миноносцы шныряли вокругъ Портъ-Артура, но подозрительный взглядъ адмирала Рождественнаго видѣлъ ихъ и тамъ, гдѣ были только мирные рыбацкіе пароходики. И здѣсь, однако, важно не то, что читатель не вѣритъ въ подлинность японца, не то, что штабсъ-капитанъ Рыбниковъ похожъ не столько на японскаго шпіона, переодѣтаго русскимъ офицеромъ, сколько на русскаго офицера, переодѣтаго японскимъ шпіономъ; важно то, что эта фантастическая исторія не даетъ результатовъ. Можно сочинять міръ несуществующій, но надо, чтобы это было нужно, чтобы извлечь изъ него все, недоступное реальному изображенію. Стоило сочинить оригинальную, небывалую трагедію японскаго офицера, чтобы найти въ его необычайномъ положеніи новые психологическіе мотивы, чтобы показать на его душевномъ напряженіи степень человѣческой силы. Не беремся перечислить, что могъ бы извлечь изъ образа штабсъ-капитана Рыбникова авторъ; но знаемъ, что если бы изъ его стилизованной ситуаціи было извлечено возможное, никому въ голову не пришло бы говорить о его правдоподобіи: побѣдителя не судятъ. Мефистофель тоже не существуетъ, тоже сочиненъ, но никто не пытается критиковать его художественный образъ посредствомъ заявленія, что чертей нѣтъ. Это заявленіе является не тогда, когда образы не реальны, но тогда, когда они не убѣдительны.

Для характеристики Куприна эти неудачные, но оттѣняющіе его манеру разсказы такъ же интересны, какъ и удачные. Но цѣнить его надо по послѣднимъ; и ихъ не мало въ новомъ сборникѣ. Съ эпическимъ спокойствіемъ изобразилъ онъ полную достоинства и самоуваженія смрадную душу стараго ябедника, заканчивающаго свое «мірное житіе» въ писаніи доносовъ и зловредныхъ анонимныхъ писемъ. Въ «Конокрадахъ» ярче смѣлаго Бузыги старый нищій Онисимъ Козелъ, а еще ярче общая картина сплетеній народныхъ настроеній, мыслей, интересовъ. Въ «Трусѣ» мы попадаемъ въ новую среду—въ кабачекъ на русско-австрійской границѣ; здѣсь тоже интересна не столько индивидуальная психологія «труса»—захудалаго еврейскаго актера, неудачно принявшаго участіе въ провозѣ контрабанды, сколько среда, ея бытовая атмосфера, которую надо любить и чувствовать, чтобы изобразить съ такимъ увлеченіемъ. Нѣтъ, бытъ не умеръ, пока мы хотимъ его знать, а художники такъ любовно подмѣчаютъ и схватываютъ его интимныя и жизненныя черточки.

Евгеній Тарасовъ. Стихи. Спб. Ц. 30 к.

Трудно судить о начинающемъ писателѣ, о его силахъ и тѣхъ надеждахъ, которыя онъ подаетъ,—особенно трудно сейчасъ, когда жизнь стала такъ мучительно-ярка, что отразить ее сколько-нибудь рельефно безсильно обычное, среднее искусство. Для этого нуженъ художникъ оригинальный и мощный, на палитрѣ котораго блестѣли бы свѣжія, а не давно прискучившія шаблонныя краски... И, точно понимая это, современные художники-декаденты пыжатся изо всѣхъ силъ, какъ нѣкогда въ поискахъ «новой красоты», въ стремленіи уловить эту яркую и мучительную современность, этотъ страшный сонъ-дѣйствительность. Но ничего у нихъ, къ сожалѣнію, не выходитъ, кромѣ подчасъ умныхъ, а чаще всего неумныхъ потугъ, потому что оригинальность и сила въ искусствѣ даются не выдумкой, а талантомъ.

И все больше и больше охладѣваетъ читатель къ нынѣшней беллетристикѣ и поэзіи. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, тратить напрасно время на выдуманныя настроенія, картины и событія, когда безхитростный разсказъ любого газетнаго корреспондента даетъ въ десять разъ болѣе яркую и, главное, жизненную картину дѣйствительности?

Мы любимъ или, вѣрнѣе сказать, недавно еще любили стихи, и, однако, книжечка «Стиховъ» г. Евг. Тарасова, несмотря даже на нѣкоторые толки, вызванные ею въ кружкахъ любителей поэзіи,—пролежала на нашемъ столѣ нѣсколько мѣсяцевъ, не вызвавъ ни малѣйшаго любопытства. И теперь мы начали перелистывать ее съ нѣкоторой скукой... Ахъ, какъ все это, должно быть, не ново, сѣро и блѣдно! Уже добрую сотню лѣтъ фигурируютъ въ русской поэзіи тюрьма и изгнаніе; страданія этого рода сорвали со струнъ лучшихъ нашихъ лириковъ, быть можетъ, ихъ наиболѣе яркіе и сильные аккорды, - и что же оригинальнаго и новаго можетъ дать эта тощенькая книжечка новаго тюремнаго пѣвца,—навѣрно, какъ она же, маленькаго и худосочнаго?..

Оказывается, однако, звуки искренняго страданія—при извѣстномъ, конечно, талантѣ—никогда не покажутся скучными и шаблонными. У г. Тарасова, несомнѣнно, есть на лицо и то, и другое: и дарованіе, и искренность, и многія изъ его стихотвореній (къ сожалѣнію, не всѣ) доходятъ до сердца читателя.

Я изнемогъ. Дрожатъ мои колѣни.
Но съ каждымъ часомъ склепъ мой холоднѣй.
Здѣсь солнца нѣтъ, здѣсь царство вѣчной тѣни,
Здѣсь мнѣ пробыть такъ много, много дней!
Съ трудомъ собравъ слабѣющія силы,
Хочу кричать—мнѣ шепчутъ: „Замолчи!
Пойми, что все живущее застыло,
И міра нѣтъ.. Есть только палачи!
Есть только склепъ. Есть только мракъ могилы,
Передъ тобой зіяющій въ ночи“.

Страшная картина; и всего страшнѣе, что не минуты и дни, а *годы*—лучшіе годы—проводятъ въ этихъ ужасныхъ «склепахъ» сотни и тысячи русскихъ юношей и дѣвушекъ, и что этотъ невѣроятный кошмаръ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ какое-то роковое наслѣдство...

Я отрѣзанъ отъ міра цѣпями заставъ,
Я давно позабылъ очертанія воли.
Я не помню, какъ вечеръ рождается въ полѣ,
Какъ темнѣютъ цвѣты средь нескошенныхъ травъ,
И какъ сердце подъ лаской вечернихъ отравъ
Замираетъ отъ радостной боли.
Я отвыкъ отъ нездѣшней—отъ той тишины,
Что подъ вечеръ царитъ надъ роднымъ перелѣскомъ.
Вся сливаясь съ далекимъ серебрянымъ плескомъ
Задремавшей въ оврагѣ весенней волны...
Я боюсь—я не знаю вотъ этой луны
Съ неподвижнымъ и мертвеннымъ блескомъ.
Я не вижу улыбки веселаго дня.
День и ночь надо мною тяжелые своды.
Здѣсь сильнѣй, чѣмъ на волѣ, ревутъ непогоды,
Въ переплетѣ рѣшетки проклятьемъ звеня...
Даже ночью, во снѣ, избѣгаютъ меня
Мимолетныя грезы свободы...

Судя по распорядку стиховъ, можно думать, что г. Тарасовъ покинулъ, наконецъ, и стѣны тюрьмы, и холодные берега Печоры и снова вернулся въ большой, любимый имъ «городъ», чтобы снова отдаться его кипучей жизни и «борьбѣ за свободу». Дай Богъ, чтобы эта свободная жизнь, подаривъ ему новыя радости и страданія, подарила и новыя столь же искреннія пѣсни... Замѣтимъ одно. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ г. Тарасовъ обмолвился признаніемъ:

Будь я сердцемъ суровѣй—лишь местью святою звучала бы
Пѣсня моя, увлекая впередъ и впередъ...

И онъ, дѣйствительно, старается настраивать свою лиру, главнымъ образомъ, на суровые тона борьбы и мести. Но думается намъ, что тона эти мало соотвѣтствуютъ его далеко не «суровому сердцу», и стихотворенія въ родѣ «Око за око» врядъ ли въ силахъ «увлечь» кого-нибудь «впередъ и впередъ». Онѣ холодны и слабы, эти призывныя пѣсни г. Евг. Тарасова; несравненно лучше удаются ему тихія раздумья, нѣжныя жалобы...

Мигель де-Сервантесъ. Остроумно изобрѣтательный идальго **Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** Полный переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. Изд. Ф. Павленкова. Ч. I. Спб. 1907. XXXII+4 5 стр. Ц. за двѣ части 3 р.

Безъ преувеличенія: изъ сокровищъ всемірной литературы наиболѣе популярнымъ у насъ можно считать романъ Сервантеса.

Съ обработаннаго «Донъ Кихота» мы начинаемъ въ дѣтствѣ, долго смѣемся надъ поучительными злоключеніями рыцаря Печальнаго Образа; въ юности преклоняемся предъ его идеализмомъ, заряжаемся отъ него «безумствомъ храбрыхъ», съ увлеченіемъ соглашаемся съ тѣми великими русскими писателями, которые дали образу Ламанчскаго рыцаря столь возвышенное и глубокое истолкованіе. Ихъ авторитетъ охраняетъ насъ отъ позитивной насмѣшки надъ нелѣпымъ героемъ и въ зрѣломъ возрастѣ, когда скептицизмъ такъ легко забираетъ власть надъ усталымъ и побитымъ жизнью человѣкомъ. И позже, когда приходитъ уравновѣшенное спокойствіе старости, ей близокъ и дорогъ проникновенный юморъ писателя, который въ разсказѣ о печальной судьбѣ и о просвѣтлѣніи смѣшного подвижника сумѣлъ дать глубокое философское изображеніе всей человѣческой жизни въ роковомъ комизмѣ, въ трагизмѣ ея прозаичности. «Бѣдный рыцарь» проходитъ съ нами всю жизнь; наша литература окружаетъ его ореоломъ, и въ этомъ ореолѣ онъ могъ бы быть ея лучшимъ символомъ.

И однако, у насъ до сихъ поръ не было достойнаго «Донъ-Кихота». Старый переводъ Карелина сдѣланъ съ французскаго; появившійся года три тому назадъ четырехтомный переводъ г. Марка Басанина, судя по отзыву авторитетнаго русскаго сервантиста проф. Шепелевича, совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ серьезнымъ требованіямъ, которыя надлежало бы предъявить въ этомъ случаѣ. Годомъ позже вышелъ въ изданіе Сытина полный «переводъ съ испанскаго» подъ редакціей Тулупова. О полнотѣ этого перевода и о языкѣ, съ котораго онъ сдѣланъ, не стоитъ и говорить въ виду прочихъ достоинствъ этого произведенія, представляющаго собою скорѣе фантастическій парафразъ на темы изъ «Донъ-Кихота», чѣмъ настоящій переводъ классическаго творенія.

Отдѣльно отъ этихъ неудавшихся опытовъ будетъ, во всякомъ случаѣ, стоять переводъ г-жи Ватсонъ. Заслуженная переводчица отнеслась къ безсмертному оригиналу съ тѣмъ уваженіемъ, которое предполагалось его положеніемъ во всемірной литературѣ. Текстъ изученъ и переданъ внимательно и точно; переводчикъ, очевидно, даже предпочиталъ дословность тамъ, гдѣ возможны были колебанія между буквальной точностью и легкостью литературнаго языка. Переводъ г-жи Ватсонъ также полнѣе предыдущихъ: въ немъ переданы и многочисленные стихотворные эпизоды романа, и разнообразные документы, сопровождавшіе его первое изданіе. Послѣднія прибавленія — равно какъ біографія Сервантеса, предпосланная переводчикомъ роману, — имѣютъ значеніе не только историко-литературныхъ справокъ, но живо возсоздаютъ ту обстановку, въ которой надо чувствовать романъ, чтобы лучше понять его.

Этой цѣли служатъ также рисунки Рикардо Балака. Они не «украшаютъ» текста, но объясняютъ его, вводя въ тотъ бытовой

міръ, который былъ свидѣтелемъ причудливыхъ похожденій юмористическаго рыцаря Идеала.

О. Мирбо. Дневникъ горничной. Пер. съ франц. Анастасіи Чеботаревской. Изд Скирмунта. Спб. 1907. 448 стр Ц. 1 р.

Романъ Мирбо надѣлалъ не мало шума, и для того, чтобы сдѣлать его доступнымъ русскому читателю, понадобилось уничтоженіе цензуры, которая, какъ извѣстно, охраняла половую благопристойность обывателя такъ же ревностно, какъ его соціально-политическое благомысліе. «Дневникъ горничной» равно непочтителенъ къ обоимъ устоямъ — и за то былъ запрещенъ даже въ оригиналѣ. Жаль только, что онъ способенъ произвести у насъ не то впечатлѣніе, найти не тѣхъ читателей, которые предполагались авторомъ. Онъ даетъ злую картину нравовъ французской буржуазіи, но дѣлаетъ это съ такой чудовищной непристойностью, которая способна сосредоточить на себѣ мысли и чувства читателя, отвлекая его отъ самаго главнаго въ романѣ: отъ художественной силы, воплощенной въ его подчеркнуто-яркихъ, до противоестественности шаржированныхъ образахъ. Романъ Мирбо едва ли найдетъ у насъ надлежащую атмосферу.

Не такъ давно г. В. Свѣтловъ, балетоманъ беллетристики и беллетристъ балетоманіи, выступилъ съ характернымъ, быть можетъ для балетныхъ сферъ, обвиненіемъ русской литературы въ чрезмѣрной, такъ сказать, стыдливости. Ничего не скажемъ объ обвиненіи, но необходимо признать, что въ выборѣ доказательствъ автору не посчастливилось. Онъ полагаетъ, напримѣръ, что въ русской литературѣ немыслимо, невозможно появленіе хотя бы «Аббата Жюля» Мирбо. Въ балетѣ читаютъ по-французски, но не читаютъ по-русски; вѣроятно, поэтому тамъ неизвѣстно, что «Аббатъ Жюль» переведенъ и напечатанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Богатствѣ». Напечатанъ, правда, съ небольшими купюрами. Но пусть обличитель заглянетъ въ эти пропущенныя страницы и скажетъ, считаетъ ли онъ необходимымъ появленіе ихъ на русскомъ языкѣ, считаетъ ли онъ ихъ возможными во всякой аудиторіи.

Невозможно не считаться съ условіями аудиторіи. Разумѣется, художественная правда есть суверенное требованіе, предъ которымъ должны отступить соображенія «благопристойности»; но надо, чтобы это были въ самомъ дѣлѣ повелительныя требованія подлинной правды, а не то, что ими такъ легко и безотвѣтственно прикрывается. Нѣтъ спора, — то, что намъ подчасъ представляется въ литературѣ французской разнузданностью, тамъ, на родинѣ, имѣетъ культурныя традиціи, встрѣчаетъ другой откликъ и можетъ быть понято, какъ художественная правда. У насъ этого нѣтъ; мы грубы, но мы стыдливы; у насъ не только рафинирован-

ная половая психологія французскаго романа, но и наивное безстыдство Боккаччіо никогда не встрѣтятъ простого, художественнаго отношенія, какое они могутъ—тоже не непремѣнно—встрѣтить въ романскихъ странахъ. Это вопросъ народнаго характера, вопросъ типа.

Поэтому мы смотримъ безъ иллюзій на судьбу переведеннаго романа Мирбо. Это безжалостная мрачная карикатура на то почтенное общество, которому прислуживаетъ его героиня. Авторъ не боится отдать свои симпатіи этой женщинѣ, проведшей жизнь въ легкомысленномъ распутствѣ и нашедшей тихое пристанище въ бракѣ съ иностраннымъ чудовищемъ: воромъ, извращеннымъ развратникомъ и убійцей. Не столько наблюдательность, сколько смѣлость шаржирующаго творчества нужна была, чтобы создать тотъ невѣроятный міръ половой, политической, моральной и всякой иной гнусности, въ которомъ держатъ читателя на протяженіи всего романа записки Селестины. Изображеніе этихъ эксцессовъ, конечно, многихъ читателей привлечетъ къ роману, который не ихъ—отхлестанныхъ на его страницахъ—имѣетъ въ виду. Полагаемъ, что будутъ и другіе, но не сомнѣваемся въ томъ, что ихъ будетъ незначительное меньшинство.

Ѳ. Ѳ. Нелидовъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы (Библіотека „Свободная Россія") 1-я часть. Москва. 1906. XXVII+404 стр. Ц 1 р. 50 к.

Книга г. Нелидова имѣетъ цѣлью заполнить пробѣлъ въ образованіи, даваемомъ нашей школой, гдѣ талантливѣйшіе писатели послѣгоголевскаго періода до сихъ поръ не занимаютъ мѣста, соотвѣтствующаго ихъ значенію. Авторъ съ полнымъ правомъ указываетъ, что простымъ чтеніемъ крупнаго писателя не исчерпывается знакомство съ нимъ: должно понять писателя въ его исторической обстановкѣ, въ его общественныхъ задачахъ, въ создавшихъ его вліяніяхъ.

Въ исполненіе этой важной задачи, г. Нелидовъ далъ самообразующемуся читателю очень интересный матеріалъ, живо изложенный и хорошо подобранный. Нельзя, однако, сказать, чтобы его «Очерки» представляли собою настоящую исторію литературы. Это только характеристика общественныхъ мнѣній и настроеній, поскольку таковыя выражались въ литературѣ; это разсказъ о томъ, какъ велась въ литературныхъ формахъ русская борьба за освобожденіе; это отрывокъ изъ культурной исторіи, но не тотъ, который мы назвали бы исторіей литературы.

Одинъ внѣшній фактъ: книга посвящена литературнымъ дѣятелямъ послѣгоголевскаго періода, но о Гоголѣ въ ней нѣтъ рѣчи. Изложеніе начинается задолго до Гоголя; послѣ краткаго обзора во введеніи успѣховъ русскаго просвѣщенія въ московской и петровской Руси, первыя главы «Очерковъ» трактуютъ объ

успѣхахъ нашей общественности и литературы въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, о вліяніи правительственной системы въ царствованіе Николая I на общественную жизнь и литературу. Затѣмъ говорится о кружкахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, о вліяніяхъ нѣмецкаго философскаго идеализма, западно-европейской поэзіи, Шиллера, Гофмана, молодой Германіи, Жоржъ-Зандъ, французскихъ соціалистовъ; слѣдующая глава—внѣ хронологіи—посвящена Чаадаеву. Затѣмъ связь въ изложеніи возстановляется: рѣчь идетъ о непосредственныхъ отношеніяхъ русскихъ учениковъ и нѣмецкихъ философовъ; здѣсь попутно охарактеризованъ молодой Катковъ; отъ него мы переходимъ къ распаденію интеллигенціи на западниковъ и славянофиловъ, къ ихъ разногласіямъ и спорамъ, къ новымъ общественнымъ настроеніямъ сороковыхъ годовъ, поскольку таковыя нашли выраженіе въ кружкѣ Петрашевскаго. Заключительныя главы первой части посвящены Бѣлинскому и Григоровичу.

А о Гоголѣ, если не считать нѣсколькихъ незначительныхъ упоминаній, не говорится совсѣмъ; о Пушкинѣ тоже. Почему же терминъ, принятый и г. Нелидовымъ, называетъ весь періодъ, изучаемый въ «Очеркахъ», «послѣгоголевскимъ»? Неужто только для внѣшняго обозначенія—и Гоголь былъ только верстовымъ столбомъ хронологіи? Въ книгѣ г. Нелидова нашли вниманіе такія «литературныя» произведенія, какъ записка Карамзина о древней и новой Россіи, и такія фигуры, какъ нѣмецкій литераторъ Мюллеръ-Стрюбингъ, но нѣтъ ничего о Лермонтовѣ Захватываетъ ли всю ширь литературнаго развитія такой способъ изученія? Вотъ мы стоимъ предъ обѣщанной второй частью работы г. Нелидова: здѣсь будетъ, между прочимъ, идти рѣчь о Некрасовѣ. Нѣтъ спора, нельзя объяснять Некрасова, не принимая во вниманіе предшествующаго освободительнаго движенія въ литературѣ; но можно ли его объяснить безъ пониманія того, что ему дала предшествующая поэзія?

Авторъ чувствуетъ возможность такого указанія. «Мы вовсе не думаемъ отодвигать поэзію на второй планъ»—заранѣе оправдывается онъ. «Но историкъ литературы... никакъ не можетъ ограничиться изученіемъ и разборомъ только поэтическихъ произведеній». Разумѣется, не можетъ: разумѣется, онъ отдастъ должное прозѣ. Но его творческій тактъ проявится въ должномъ равновѣсіи; онъ долженъ помнить, что если исторія литературы не сводится къ исторіи общественнаго движенія въ литературѣ, то у нея есть своя исторія, и эта исторія—при всѣхъ возможныхъ воздѣйствіяхъ—проходитъ въ области литературы. Въ сущности, авторъ это знаетъ—иначе онъ не говорилъ бы о вліяніи, въ несомнѣнно весьма внѣшнемъ, Гофмана на Достоевскаго,—но онъ вспоминаетъ объ этомъ случайно, въ частностяхъ, развитіе литературы идетъ у него съ какой-то расплывчатой безхарактерностью, и николаевскій режимъ

кажется болѣе важнымъ дѣятелемъ въ созданіи русской литературы, чѣмъ творчество Гоголя. Г. Пелидовъ ставитъ въ упрекъ Бѣлинскому то, что «его вниманіе было обращено исключительно на художественныя произведенія, его историко-литературныя рамки были еще узки, но это объясняется временемъ и состояніемъ самой науки: исторія литературы у насъ тогда только что нарождалась». Можно только удивляться несправедливости перваго указанія; достаточно заглянуть въ любой томъ сочиненій Бѣлинскаго, чтобы видѣть, какъ разнообразны были его литературные интересы какъ охотно расширялъ онъ рамки разсужденій о литературѣ. Не надо большого знакомства съ судьбами исторіи литературы, чтобы знать, что со времени Бѣлинскаго ея рамки сузились, а не расширились; можно, какъ угодно, смотрѣть на это необходимое самоограниченіе, но отрицать его—значитъ вводить читателя въ заблужденіе.

Между тѣмъ, необходимо быть въ высшей степени осторожнымъ съ читателемъ, къ которому обращается книга г. Пелидова. Не годится прямо бросать ему такія явно преувеличенныя утвержденія, какъ, напримѣръ: «не было сколько-нибудь замѣтнаго писателя въ Европѣ, поэта, философа, который бы не пользовался въ нашемъ образованномъ обществѣ большимъ или меньшимъ фаворомъ и не имѣлъ вліянія». Развѣ это можно сказать о такихъ первоклассныхъ писателяхъ, какъ хотя бы Грильпарцеръ или Сентъ-Бевъ, Джонъ Китсъ или Теофиль Готье, Отто Людвигъ или Якобсонъ?

Мы не остановились бы на этихъ частныхъ замѣчаніяхъ, если бы не считали, что «Очеркамъ» суждено широкое и законное распространеніе. Въ рукахъ того массового читателя, ряды котораго растутъ съ каждымъ днемъ, они сослужатъ хорошую службу. Книга г. Пелидова захватываетъ меньше данныхъ, чѣмъ можно было ожидать, но то, что она даетъ, важно, серьезно, очень интересно и хорошо изложено. Будемъ надѣяться, что вторая — болѣе отвѣтственная—часть книги только подкрѣпитъ это сужденіе.

В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. Спб. 1906. 336 стр. Ц. 1 руб.

Почти полтора десятка лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ статей, начинающихъ сборникъ г. Агафонова, была напечатана въ нашемъ журналѣ. Длинный рядъ разнообразныхъ живыхъ вопросовъ занималъ съ тѣхъ поръ автора, и онъ откликался на нихъ съ измѣненнымъ волненіемъ, въ которомъ онъ находилъ лучшій источникъ поученія. «Творитъ будущее не голая логика, а чувство и идея»: этимъ восклицаніемъ, заканчивающимъ статью объ «Индивидуализмѣ и соціализмѣ», характеризуется основное умонастроеніе автора. Логика, столь непріятная ему, могла бы подойти къ этому восклицанію съ разлагающимъ анализомъ, съ требовательными

вопросами о томъ, напримѣръ, что же такое эта творящая идея, противополагаемая голой логикѣ и какъ бы эманципированная отъ нея; что такое *голая* логика и во что претворяетъ ее одѣяніе и т д. Но эти вопросы были бы въ самомъ дѣлѣ несправедливы: нѣтъ нужды въ точныхъ опредѣленіяхъ тамъ, гдѣ въ основу разсужденія сознательно положена «мысль-чувство», гдѣ авторъ не хочетъ скрывать своей субъективности, которую въ другой статьѣ обосновываетъ теоретически—и болѣе убѣдительно. Наиболѣе интересными изъ статей сборника мы считаемъ тѣ, гдѣ авторъ фактами конкректной и близкой ему дѣйствительности подкрѣпляетъ общія начала своего міровоззрѣнія, глубоко демократическаго и боевого. Въ статьѣ «Страна свободы и средняго человѣка» дана интересная характеристика современной Швейцаріи, свободной страны «средняго идеала, средней морали», столь чуждой тѣмъ, кто стремится къ идеалу свободы въ порывахъ высшаго героизма. Рядъ статей объ общественномъ значеніи науки настаиваетъ на выведеніи научной дѣятельности изъ мертвящей тиши кабинетовъ въ ту массовую среду, съ которой собственно и происходитъ могущественная работа научнаго творчества. Авторъ считаетъ науку «въ самой основѣ ея глубоко демократичной» по той причинѣ, что совокупная работа среднихъ людей, среднихъ ученыхъ представляется ему гораздо болѣе могущественной, чѣмъ работа отдѣльныхъ геніевъ. И потому интересы научной истины и требованія общественной совѣсти сходятся для него въ необходимости популяризаціи знанія, въ болѣе правильномъ распредѣленіи научныхъ благъ. О томъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи отвѣчала требованіямъ истинно просвѣтительной политики русская правительственная школа высшая и средняя—свидѣтельствуютъ статьи: «Естественныя науки въ средней школѣ», «Студенческія волненія и русское правительство», «Педагогическія мечтанія и дѣйствительность», гдѣ авторъ даетъ живую оцѣнку новѣйшей публицистической литературѣ объ образовательной реформѣ, опираясь при этомъ на свой содержательный личный опытъ. Можно въ общемъ пожалѣть, что при изданіи книги автору, очевидно, по внѣшнимъ обстоятельствамъ, «пришлось оставить мечты объ основательной переработкѣ статей, о систематическомъ изложеніи своего міросозерцанія». Систематизація, полагаемъ, примирила бы автора съ логикой не только въ отвлеченномъ мышленіи, гдѣ онъ и не былъ ея врагомъ, но и въ политикѣ, гдѣ, впрочемъ, эта вражда имѣла значеніе чисто теоретическое.

Политическіе памфлеты. Серія I. Съ предисловіемъ Н. Е. Кудрина (Библіотека „Общественной Пользы"). Спб. 1906. VIII+345 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Не такъ еще давно переводъ иностраннаго памфлета былъ у насъ способомъ провести подъ чужимъ флагомъ запретное содержаніе. То, что нельзя было прямо сказать о россійской дѣйствительности, говорилось устами европейцевъ—иногда классиковъ европейской литературы—въ примѣненіи къ пережитымъ ими условіямъ политической жизни. Нельзя было открыто говорить о произволѣ русской администраціи: переводили памфлеты Поля-Луи Курье и давали читателю разсказы о свирѣпостяхъ французскихъ жандармовъ двадцатыхъ годовъ. Цензура такъ и смотрѣла на эти вещи, напоминая догадливаго городового въ извѣстномъ анекдотѣ; если произволъ, то, конечно, нашъ—и потому, напримѣръ, изъ статьи о Курье въ «Русскомъ Богатствѣ» цензоръ попытался выбросить всѣ цитаты, взятыя изъ русскаго изданія памфлетовъ. Теперь все это измѣнилось кореннымъ образомъ; старый произволъ—дѣтская игра въ сравненіи съ современнымъ произволомъ, который приспособился къ обличеніямъ, твердо сидитъ на штыкахъ и потому ничего не имѣетъ противъ безрезультатныхъ разговоровъ, какъ бы кусательны они ни были.

Въ этихъ условіяхъ произведенія европейской политической литературы теряютъ прежнее значеніе обличенія sub rosa; тѣмъ, разумѣется, существеннѣе новое значеніе, пріобрѣтаемое ими. Теперь они являются для насъ не только элементарнымъ источникомъ грубаго поученія, но стимуломъ политическаго мышленія. Въ значительной степени европейскій Западъ въ борьбѣ за основныя начала политической свободы прошелъ тѣ самыя ступени, по которымъ теперь съ нечеловѣческимъ усиліемъ поднимается Россія; съ полнымъ правомъ указываетъ авторъ предисловія къ первой серіи «Политическихъ памфлетовъ», что «намъ нечего тратить свои силы на изобрѣтеніе мнимо новыхъ тактическихъ пріемовъ, разъ они практиковались уже въ странахъ, указывающихъ намъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ дорогу, на которую должна встать великая страна, наверстывающая свою историческую отсталость».

Но не только содержаніе—самая форма политическаго памфлета должна быть отмѣчена и оцѣнена по достоинству; памфлетъ вѣдь есть произведеніе не только политической мысли, но и литературнаго творчества. Онъ можетъ быть сколько угодно объективенъ по существу, по научности аргументаціи и по логической необходимости защищаемой истины, но онъ субъективенъ по тону, по личному характеру нападенія, по эмоціональному подъему обличенія. Онъ не мыслимъ безъ художественно-законченной формы, безъ увлекательнаго изложенія, безъ красиваго заключенія: и образцы такого умѣлаго литературнаго боя за общественные интересы даютъ памфлеты, вошедшіе въ лежащій предъ нами сборникъ.

Его содержаніе намѣчено широко и разнообразно, но появленіе дальнѣйшихъ выпусковъ опредѣлится отношеніемъ читателей къ первому. Здѣсь мы находимъ произведенія четырехъ сравнительно мало извѣстныхъ у насъ представителей французской публицистики: де-Коригенэнъ и д'Аржансонъ представляютъ освободительный демократизмъ, Феликсъ-Піа и Верморель различные оттѣнки соціализма. Въ памфлетахъ послѣдняго съ особенной рельефностью выступаютъ очередные и у насъ вопросы сложныхъ отношеній между соціализмомъ и либеральной демократіей. Пока, впрочемъ, предъ лицомъ общаго врага мы ближе къ тому моменту, который великолѣпно охарактеризованъ памфлетистами эпохи «монархіи на основѣ хартіи». И у насъ есть эта бумажная хартія, и у насъ ее попираютъ тѣ, которые обѣщали ее блюсти, и у насъ, однако, она есть реальный факторъ, важный для организаціи силъ, которымъ принадлежитъ будущее.

В. А. Анзиміровъ. — **„Крамольники“** (хроника изъ радикальскихъ кружковъ семидесятыхъ годовъ). М. 1907.

«Семидесятые годы,—пишетъ г. Анзиміровъ въ предисловіи къ своей книжкѣ,—огромная историческая эпоха, которая ждетъ еще своихъ историковъ, философовъ и художниковъ». При этомъ, по справедливому замѣчанію автора,—«необходимы всякія правдивыя лѣтописи уцѣлѣвшихъ современниковъ изъ эпохи 70—80 годовъ». Одну изъ такихъ лѣтописей г. Анзиміровъ и предлагаетъ читателямъ. «Здѣсь нѣтъ вымысла,—увѣряетъ онъ,—воспроизведены по возможности правдиво событія, числа и всѣ фамиліи. Полубеллетристическая форма дана лишь для того, чтобы въ сухую хронику внести біеніе пульса той жизни, въ которой авторъ принималъ непосредственное участіе. Это должно облегчить задачу настоящихъ художниковъ, когда они за нее возьмутся».—Къ сожалѣнію, нужно сказать, что забота о настоящихъ художникахъ заводитъ порой автора слишкомъ далеко... Нѣкоторые, самые драматическіе моменты того дѣйствительно кипучаго времени г. Анзиміровъ излагаетъ до такой степени «беллетристически», что ставитъ читателя въ положительное недоумѣніе. Такъ, весьма памятный и до сихъ поръ остающійся таинственнымъ эпизодъ «убійства шпіона Рейнштейна» г. Анзиміровъ излагаетъ съ такими подробностями психологическаго характера, какъ будто онъ лично провожалъ Рейнштейна въ роковую для него гостиницу и записывалъ по дорогѣ исповѣдь его душевныхъ движеній. По изложенію г. Анзимірова, Рейнштейну послано было приглашеніе на любовное свиданіе нѣкоей Ольгой Сеньковской. — «Ольга такая простая, наивная...—разсуждаетъ Рейнштейнъ...—Она, видимо, увлеклась мною... Наконецъ-то добился...— думалъ онъ, сладко мечтая о свиданіи съ интересной дѣвушкой, которую около трехъ мѣсяцевъ преслѣдовалъ безуспѣшно ухажи-

ваньями» (стр. 53). ...«Я молодъ и хочу имѣть Олечку. Вотъ натяну носъ долговязому Витѣ (Пругавину)... Жена кислая нюня опостылѣла... Вотъ я ей въ отместку: не любезничай съ офицерами»... И при этомъ «глаза его загорѣлись зеленымъ волчьимъ блескомъ». Вся эта сцена, точно выхваченная изъ плохого бульварнаго романа едва ли способна облегчить задачу будущаго художника. а что касается ея правдивости, то прежде всего нужно замѣтить, что въ кружкахъ, которые описываетъ г. Анзимировъ, никакой Ольги Сеньковской никто не помнитъ («всѣ фамиліи» настоящія, по увѣренію предисловія); да и самъ г. Анзимировъ на стр. 52, въ примѣчаніи,— говоритъ: «по другимъ варіантамъ — Сеньковская звала его *на собраніе* своихъ». Но если такъ, то при чемъ тутъ любовное свиданіе, къ чему аляповатая психологія, при чемъ «долговязый Витька», «нюня жена», «офицеры»... Очевидно, г. Анзимировъ, описывающій далѣе сцену убійства опять съ такими подробностями, какъ будто онъ присутствовалъ при ней съ карандашомъ и записной книжкой въ рукахъ,—въ сущности, совершенно не знаетъ фактической стороны описываемаго эпизода, а вмѣсто «біенія пульса той жизни» вноситъ лубочно-беллетристическіе пріемы, только искажающіе тяжелую трагедію... Вся книжка отмѣчена такимъ же характеромъ. Порой, правда, встрѣчаются въ ней интересныя страницы, мелькаютъ лица, событія, отдѣльные эпизоды, которыхъ нѣтъ надобности украшать беллетристикой и которые дѣйствительно цѣнны для характеристики того времени. Но все же будущему историку эпохи мы рекомендуемъ при пользованіи книгой г-на Анзимірова нѣкоторую осторожность, въ виду склонности автора къ «беллетристическимъ» дополненіямъ и къ романическимъ эффектамъ. Достаточно, напримѣръ, сравнить разсказъ г-на Анзимірова о побѣгѣ Дебогорій-Мокріевича съ каторги (стр. 157) съ печатными воспоминаніями самаго Мокріевича, чтобы видѣть, насколько въ дѣйствительности этотъ эпизодъ проще и интереснѣе, чѣмъ въ аффектированной передачѣ г-на Анзимірова. Можно также, безъ особеннаго труда, указать много фактическихъ неточностей. Тотъ же Дебогорій Мокріевичъ, напримѣръ, никогда не занималъ виднаго административнаго поста въ Болгаріи, какъ увѣряетъ г-нъ Анзимировъ на стр. 161. Братья Ивичевичи (стр. 100) не казнены въ Кіевѣ, а умерли отъ ранъ. Лизогубъ (стр. 100) никогда не былъ предводителемъ дворянства ни въ Полтавской, ни въ Черниговской губ. (откуда былъ родомъ). В. Г. Короленко, высланный изъ Петровской академіи въ 1876 г., не могъ читать своихъ первыхъ произведеній въ студенческомъ кружкѣ, который образовался послѣ его ссылки. Сильнымъ преувеличеніемъ, если не беллетристической фантазіей отзывается также разсказъ о подкопѣ у Бутырской тюрьмы для освобожденія Нат. Армфельдъ. И т. д., и т. д.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Эдвинъ Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Перев А. М Өедорова Изд. „Библіотека Свѣточа". Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Эрнестъ Ренанъ. Жизнь Іисуса. Перев. подъ ред А. Веселовскаго. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Торгашевъ. Профессіональное движеніе и соціалъ-демократія. М. 1907. Ц. 10 к.

Ольга Шапиръ. Въ бурные годы. Романъ. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Бой Котъ. На темы дней свободы. Спб. 1907. Ц. 50 к.

В. В Отъ семидесятыхъ годовъ къ девятисотымъ. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 30 к.

В. В. Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Н. Н. Михайловъ Стихотворенія съ 1895—1904 г. М. 1906 Ц. 45 к.

Земскіе общеобразовательные курсы для народныхъ учителей. Сборникъ статей. Спб. 1906 Ц. 75 к.

Г. Давидъ. Соціализмъ и кооперативное движеніе Изд „Задачи соціалистической культуры". Спб. 1907. Ц. 20 к.

Эд. Бернштейнъ. Анархизмъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Проф. ***Еллинекъ.*** Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Спб. 1907. Ц. 30 к.

А. Г. Брикнеръ. Смерть Павла I. Изд. М. В. Пирожкова. Спб 1907. Ц. 1 р 25 к.

Г. Е-в. Шлях а. Драматическі сцени в IV діяхъ. Чернигів. 1906. Ціна 20 к.

Коллоди. Приключенія фисташки. М. 1907 Ц. 1 р.

Мультатули. Повѣсти, сказки, легенды. Книгоизд. „Дѣ о". Спб. 1907. Ц. 1 р.

Полное собраніе сочиненій гр. ***Л. Н. Толстого.*** Т. V. Изд. „Русское свободное слово". Спб 1906. Ц. 65 к.

В. Шегло. Крестьянское хозяйство и сел.-хоз. рабочіе въ Россіи. Изд. Рутенбергъ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

М. Могилянскій. Первая Государственная Дума. Изд. Пирожкова. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Сборникъ статей ***В И. Засуличъ.*** Томъ первый. Изд. Рутенбергъ. Спб. 1907. Ц 1 р. 50 к.

К. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію. Спб. 1907. Ц. 1 р.

В. Львовъ-Рогачевскій. Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1907 Ц 1 р.

А. Никитинъ Разсказы изъ жизни маленькихъ людей Изд. С. Н. Красовскаго. М. 1907. Ц 60 к,

1907 г Грядущій день. Сборникъ I. Изд. Литературнаго студенческ. кружка Спб. 1907. Ц 70 к.

Ник. Поярковъ. Поэты нашихъ дней (крит. этюды). М. 1907. Ц 1 р.

А Розенбергъ Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Изд. журнала „Міръ Божій". Спб. 1906

А. Купринъ. Томъ III. Книгоизд. „Міръ Божій". Спб. 1907. Ц. 1 р.

А. Өедоровъ. Камни. Романъ. Спб. 1907. Ц 1 р.

Л. Н. Толстой. О Шекспирѣ и о драмѣ. Изд. книгоизд. „Посредникъ" М. 1907. Ц. 20 к.

С. М. Устиновъ. Ладинъ. Ром. Спб 1907. Ц. 2 р.

Изданіе С. Скирмунта. Новые вѣянія. Первый еврейскій сборникъ. М. Ц. 1 р. 25 к.

Андрей Нѣмоевскій Заглавіе конфисковано Спб. 1907 Ц. 1 р

А. Мицкевичъ. Панъ Тадеушъ. Поэма. Спб 1907 Ц. 1 р.

Библіотека декабристовъ, выпускъ первый. Полное собраніе сочиненій Кондратія Өедоровича ***Рылѣева.*** 1906 г. М. Ц. 75 к.

Фр. Ничше. Антихристъ. Перев. Половова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. II т. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Ф. Мерингъ Легенда о Лессингѣ Спб. 1907. Ц. 80 к.

Театръ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ

до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объяснительнымъ указателемъ Н. Θ. Анненскаго.

Т. Ганжулевичъ. Достоевскій и Герценъ въ исторіи русскаго самосознанія. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ. Воспоминанія В. Н. Шаганова. Посмертное изданіе Э. К. Пекарскаго. Спб. 1907. Ц. 30 к.

К. Θ. Жаковъ. Принципъ эволюціи въ гносеолологіи, метафизикѣ и морали. Изд. „Парма". Спб. 1907. Ц. 75 к.

Эмма Адлеръ. Знаменитыя женщины французской революціи 1789—1795 гг., подъ ред. К. Богдзевича. М. 1907. Ц. 1 р.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. 2-е изд. „Скорпіонъ". М. 1906.

М. С. Безобразова. Исторія одного воробья. Разсказы для дѣтей. Изд. журн. „Тропинка". Ц. 25 к.

Н. Манасеина. Разсказы для дѣтей. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906.

Анри Пуанкаре. Цѣнность науки. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Richard Dedekind. Непрерывность и ирраціональныя числа. Пер. С. Шатуновскаго. Одесса, 1906. Ц. 40 к.

Гражданскіе мотивы въ русской поэзіи. Сборникъ. Сост. *Н. Лернеръ* и *Н. Ставровичъ*. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Эрнестъ Ренанъ. Апостолы. Изд. Н. Пирожкова. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

В. Онсъ. Среди дикарей. Біографическій разсказъ. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Отто Эрнстъ. Исторія молодой жизни. Романъ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Э. Ренанъ. Калибанъ. Перев. М. Головниковой. М. 1906. Ц. 40 к.

Вл. Шуфъ. Въ край иной. Сонеты. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Ив. Рукавишниковъ. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Книгоиздательство „Свободное воспитаніе и обученіе". *К. Н. Вентцель*. Къ создать свободную школу. Ц. 15 к. — *Его же*. Цѣли невидимаго рабства. Ц. 5 к. — *Его же*. Борьба за свободную школу. Ц. 85 к. — *Э. Кросби*. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель. Ц. 40 к. — *В. Ермиловъ*. Дѣтская страда. Ц. 20 к. — *К. Н. Вентцель*. Освобожденіе ребенка. Ц. 10 к. — *О. Дурылинъ*. Въ школьной тюрьмѣ. Ц. 15 к.

Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія Т. I. Составилъ по неизданнымъ матеріаламъ П. Бирюковъ. Изд. „Посредника". Ц. 2 р.

П. Эль. Соціально-сатирическіе этюды. Спб. 1906. Ц. 80 к.

В. Савихинъ (В. И. Ивановъ). Пробужденіе и другіе разсказы. Изд. „Посредника". Ц. 1 р. 30 к.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крест. въ разныхъ губ: отъ А. Б. — 5 р.; отъ Е. Цыплаковой, изъ Балаклавы — 10 р.; отъ А. Позднякова—5 р.; отъ Н. Тарарухина—5 р.; отъ П. Татарухиной—3 р.; отъ Л. Гурѣева—1 р.; отъ И. Масленкова — 1 р.; отъ А. Горѣлкиной — 2 р.; отъ А. Поздняковой — 30 к.; отъ К. Асмачкина—3 р.; отъ М. Чеботарева, изъ Орла — 5 р.; отъ Н. Никольскаго, изъ г. Бѣлополья—3 р.; черезъ студен. I. Шліомкиса, изъ Керчи — 17 р. 25 к.; отъ служ. щ. 64-ой Алтайской землеустр. партіи, черезъ Н. Овчинникова — 22 р.; отъ П. Л. Маштакова—5 р.; отъ д-ра И. В. С.—10 р.; отъ неизвѣстной—2 р.; отъ Е. Б.—10 р.; отъ служащихъ Кедабекскаго рудника

(Кавказъ)—20 р.; отъ Е. Д.—10 р.; отъ И. Адова, изъ Полоцка—3 р.; отъ В. А. Григоренко—15 р.; отъ П. М. Смирнова—1 р.; отъ М. О. — 1 р.; отъ N. Lazareff, Idar. — 93 к.; черезъ Е. Кагитина, собран. среди гимназистовъ—3 р.; черезъ П. Николаева, собран. между служащ. Томск. Управл. Госуд. Имущ. — 38 р. 60 к.; черезъ Е. Сербиновичъ, учениковъ и учениць Лавскаго народнаго училища—8 р.; черезъ Л. Чучихина, отъ служащ. по Переселенч. управл. въ Сыръ-Дарьинскомъ районѣ—56 р. 45 к.; отъ служащ. матеріальнаго склада ст. Бухеду К. В. ж. д.—60 р.; черезъ протоіерея Я. Батинскаго, собран. въ приходѣ — 21 р. 60 к.; черезъ начальниц. Тифлисск. женск. гимназ. Л. Петрашевскую, собран. среди учащихъ и учащихся — 40 р.; отъ А. Гринберга, въ память покойнаго учителя А. Шевцова—1 р.; отъ X. X. и N. за II и I — 5 р. 40 к.; отъ К. Равича, изъ Судака—10 р.; отъ А. С. Н.—25 р.; отъ служащ. Баскунчакской ж. д. со ст. Ахтуба—51 р. 59 к.; отъ Р. К. и В. С.—4 р. 62 к.; отъ С. А. Вишевскаго, изъ г. Сувалки 6 р.; отъ учащихся В.-Чужбайской школы—1 р. 13 к.; черезъ В. Е. изъ Херсона—81 р.: собран. чинами IV землеустр. партіи, Алтайскаго округа, черезъ А. Борзова—23 р. 17 к.; отъ Моисеенко, изъ Ростова-на-Дону — 4 р.; отъ М. П. Е. изъ Ялты—3 р.; отъ Маріи Алексѣевны Б.—200 р.

Итого . . . . 804 р. 04 к.
А всего съ прежде поступившими . . . . 1481 р. 13 к.
Послано въ Казанскую губ. Н. П. Купріяновой. . . . . 500 р.

Остается въ конторѣ . . . . 981 р. 13 к.
Кромѣ того получено отъ неизвѣстной 10 золотыхъ вещей.

Въ пользу дѣтскихъ столовыхъ въ голодающ. губ.: отъ служащихъ Кедабекскаго рудника (Кавказъ)—20 р.

Въ пользу шлиссельбургцевъ: отъ О. Ваньковичъ, изъ Тамбова—1 р. 50 к.

Въ пользу ссыльныхъ: отъ М. Чеботарева, изъ Орла—10 р.; отъ В. Поздинкова—1 р., отъ П. Масленковой—1 р.; отъ А. Ермолаева—1 р.; отъ Л. Гурѣева—1 р.; отъ А. Рыкова — 20 к.; отъ д-ра И. В. С.—15 р.; отъ Е. Б.—10 р.; отъ С. Левина, изъ Ростова на Дону — 5 р.; отъ служащихъ Кедабекскаго рудника (Кавказъ) 40 р.; отъ Е. Д. 10 р.; отъ О. Егоровой, изъ с. Алтыновки—2 р.; черезъ д-ра Рунича, собран. среди знакомыхъ—35 р.; отъ И. И. Шкевича 25 р.; отъ врача А. Николаева—5 р.; отъ Б. Ш. и С. Р.—8 р.; отъ О. Ваньковичъ, изъ Тамбова — 1 р. 50 к.; отъ Н. М. Г. — 10 р.; черезъ Н. М. Г.—1 р.; отъ М. Ефремова, изъ Ялты — 20 р. 35 к.; отъ проф. А. Алова, изъ Ново-Александріи—30 р.; отъ служащихъ матеріальнаго склада ст. Бухеду К.-В. ж. д. — 21 р.; отъ С. Николаева—5 р.; отъ врача І. Борисова—10 р.; отъ А. С.—5 р.

Итого . . . . 273 р. 05 к.

Въ пользу ссыльныхъ: отъ М. Г. Д. (изъ Харькова) черезъ А. Г. Г.—100 р.

Ред.-изд. ***В. Г. Короленко.***

RUSSKOE BOGATSTVO
Jan.-Feb., 1907

AP
50
.R94

Russkoe bogatstvo.
Jan.-Feb., 1907

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 199